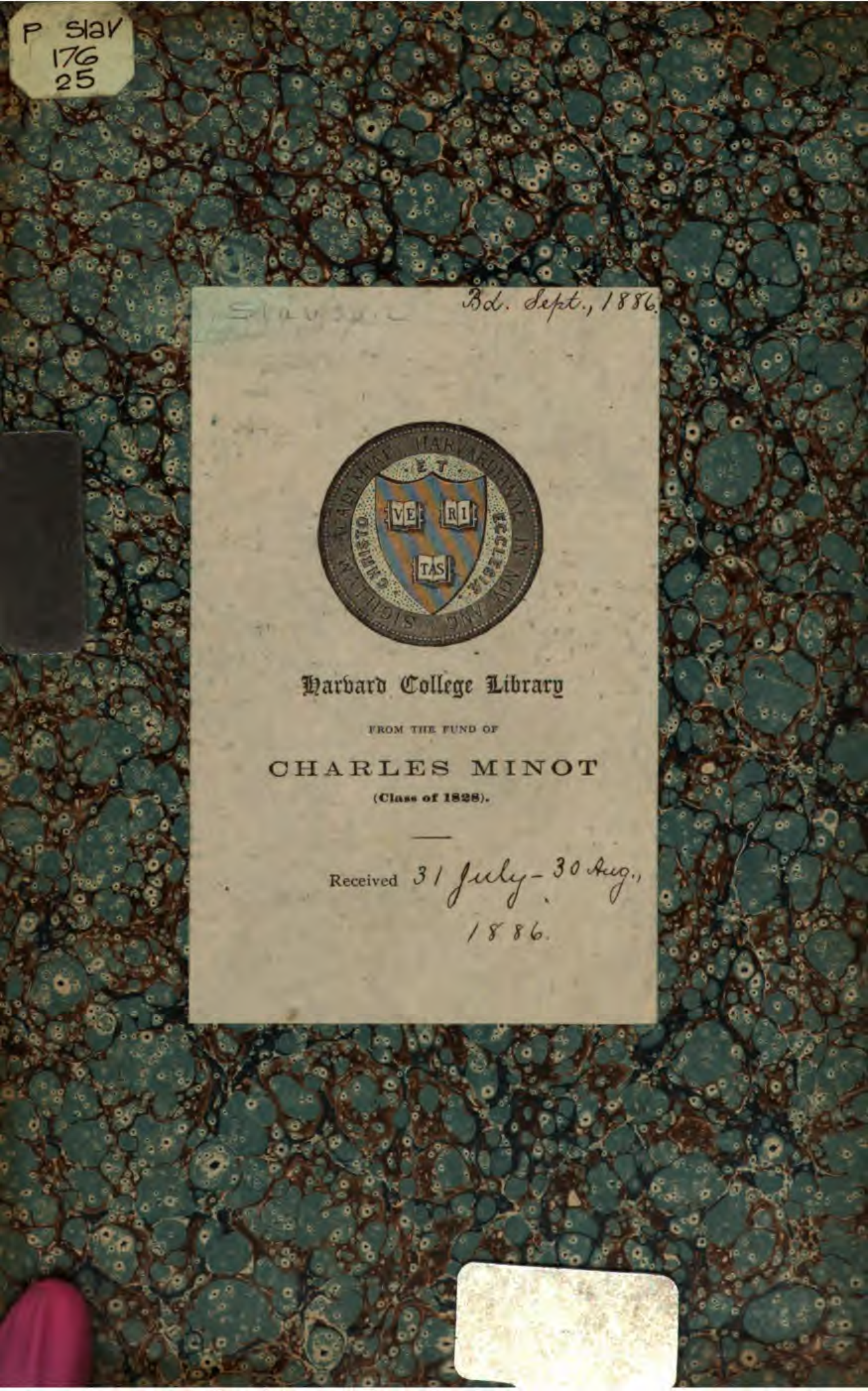

P Slav 176 25
Bd. Sept., 1886.
VE RI TAS
Harvard College Library
FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
(Class of 1828).
Received 31 July - 30 Aug., 1886.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.
ІЮЛЬ, 1886.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1886.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1886 г. см. ниже, на обертке.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

— томъ ccxciv. — 1/13 іюля, 1886.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1886

[1261]

МИМОЛЁТНО

„Le passant“ — комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Ф. Коппе.

Съ французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Занетто.
Сильвія.

Дѣйствіе происходитъ въ эпоху „Возрожденія“.

Лунное освѣщеніе. Направо — изящный загородный домъ, построенный на террасѣ которая отлого спускается къ авансценѣ. У подножія террассы—дерновая скамья. Въ глубинѣ смутно виднѣется Флоренція. Небо усѣяно звѣздами.

Сцена I.

СИЛЬВІЯ — въ бѣломъ пеньоарѣ—стоитъ, облокотясь на рѣзныя перила террассы, и задумчиво смотритъ въ даль.

Проклятіе—любви! Я слезъ не знаю нынѣ!
Толпа вздыхателей проходитъ предо мной,
Мнѣ поклоняются смиренно, какъ богинѣ,
Но я холодностью плачу̀ имъ ледяной...
Мнѣ сердце не согрѣлъ, хоть искрой увлеченья,
Ни разу поцѣлуй почтительный руки.
И—кто бы думать могъ? Порою отъ тоски
Не въ силахъ Сильвія найти себѣ спасенья!

Безоблачныхъ небесъ несносная лазурь
Мнѣ опротивѣла. Два мѣсяца безъ бурь!
Природа, мнѣ на зло, сочувствуетъ поэтамъ,
Пѣвцамъ, любителямъ скучнѣйшихъ серенадъ,
И вдохновляетъ ихъ къ безчисленнымъ сонетамъ,
Гдѣ имя Сильвіи риѳмуетъ невпопадъ
Съ названьями цвѣтовъ. Льстецамъ подобострастнымъ,—
Противнымъ мнѣ своимъ усердіемъ напраснымъ,
Которыхъ я влеку съ презрѣньемъ за собой,—
Толпа завидуетъ. Добычей боевой
Обремененный вождь пиратовъ изъ Тосканы,
Чье имя знаютъ всѣ окрестныя намъ страны,
Сребро и золото несетъ къ моимъ ногамъ.
Извѣстный ювелиръ изъ Генуи уборы
Мнѣ шлетъ богатые, и нашъ подеста самъ,
Соперничая съ нимъ, мои прельщаетъ взоры
Сіяньемъ жемчуга и камней дорогихъ...
Какъ ненавижу я и презираю ихъ —
Въ комъ увлеченіе замѣной служитъ страсти!
Мнѣ тяжко! Жизнь моя безцвѣтна и горька,
Жизнь безъ любви и грёзъ восторженныхъ о счастьи!
Въ моемъ альбомѣ нѣтъ ни блѣднаго цвѣтка,
Ни локона волосъ... Съ волненьемъ непримѣтнымъ
Не вспомню я порой о словѣ томъ завѣтномъ,
Чтó, свято въ глубинѣ души своей храня,
Такъ цѣнитъ женщина... Ни горя, ни отрады,
И даже—даже слезъ нѣтъ больше у меня!
О, какъ мнѣ тяжело!

Показывая на городъ.

Среди ночной прохлады
Чуть дремлетъ вдалекѣ Флоренція, и вотъ,
Быть можетъ, въ этотъ часъ, въ своей коморкѣ тѣсной,
Задумчиво смотря на дальній неба сводъ,
Какой-нибудь бѣднякъ, учитель неизвѣстный
И видѣвшій меня всего одинъ лишь разъ,—
Мечтаетъ обо мнѣ... Увы, я недостойна
Любви, но все-жъ, когда-бъ судьба столкнула насъ,
Я счастіе свое не отдала-бъ спокойно!
И если на пути онъ встрѣтится моемъ —
Наивный юноша, что съ жизнью незнакомъ,
Останусь я глуха къ призывамъ состраданья,
И онъ, подобно мнѣ, извѣдаетъ страданье!

ЗАНЕТТО—поетъ за сценой.

О, милый другъ! Насталъ апрѣль,
Волною въ высь несется трель,
А въ гнѣздахъ—говоръ и движенье;
Вездѣ цвѣты, лазурь ясна,
Идетъ красавица-весна —
Пора любви и возрожденья!

СИЛЬВІЯ.

Сильнѣе и сильнѣй тоска меня гнететъ,
И пѣніе теперь вдвойнѣ невыносимо:
Весна противна мнѣ, а онъ ее поетъ!

ЗАНЕТТО—голосъ котораго все приближается.

Мой другъ, чтобъ видѣться со мной,
Приди дорогою лѣсной,
Гдѣ соловья несутся трели!
Я жду тебя,—приди туда,
Въ зеленый лѣсъ, гдѣ у пруда
Всегда сбѣгаются газели!

СИЛЬВІЯ.

И голосъ, и напѣвъ—полны неуловимой
Гармоніи, но мнѣ смѣшонъ любовный бредъ...
Уйдемъ скорѣе. Здѣсь—несчастнымъ мѣста нѣтъ!

Сильвія медленно поднимается на террассу, разсѣянно смотря въ ту сторону, откуда слышенъ голосъ.—Занетто, съ гитарой черезъ плечо и съ плащемъ на рукѣ, весело входитъ, не замѣчая Сильвіи.

Сцена II.

Сильвія—на террассѣ.—Занетто.

ЗАНЕТТО.

Да здравствуетъ ночей весеннихъ тишина!
Поужинавъ въ селѣ, у хижины убогой,
Подъ сѣнью свѣжихъ лозъ, когда взойдетъ луна —
Пускаюся я въ путь. Случается дорогой,
За пѣсенкой своей я все забыть готовъ —
Усталость и ходьбу:—она даетъ мнѣ силы.
Да здравствуетъ же ночь и чудныя свѣтила,
Чтó улыбаются сквозь кружево листовъ!
Да здравствуютъ сердца, гдѣ мѣсто есть надеждѣ!
Такъ вотъ Флоренція—моихъ стремленій цѣль!

Я завтра буду знать: найдетъ ли здѣсь, какъ прежде,
Радушье и привѣтъ бродячій менестрель?
Однако, отдохнуть немного до разсвѣта
Мнѣ не мѣшало бы... Но если чрезъ плечо
Вы лютню носите и если вы одѣты
Въ поношенный костюмъ—не очень горячо
Хозяинъ приметъ васъ!

Замѣчаетъ скамейку.

А! Вотъ скамья изъ дерна.
И, право, мнѣ заснуть хотѣлось бы пока.
Немного жестко здѣсь... зато, какъ ночь мягка!..
И утромъ солнышко согрѣетъ благотворно
Скитальца, если онъ измокнетъ отъ росы.
И прежде я знавалъ подобные часы,
Когда небесный сводъ одинъ служилъ мнѣ кровомъ!
Я знаю,—не слыветъ хозяиномъ суровымъ
Господь, и у Него всегда найдешь кредитъ!..

Ложится на скамью, закутавшись плащемъ, и закрываетъ глаза.

СИЛЬВІЯ—слѣдя за нимъ съ террассы.

Бѣдняжка! За него душа моя болитъ.
Скитальца пріютить мы всѣ должны охотно;
Сердилась я сейчасъ, что ночи такъ теплы,
О, Боже, какъ порой мы всѣ бываемъ злы!
Поддавшись прихоти пустой и мимолетной,
Готовы мы забыть обиженныхъ судьбой,
Бездомныхъ странниковъ.

Спускается съ террассы.

Позвать его съ собой?

Увидѣвъ спящаго Занетто.

Но онъ уже заснулъ! Какъ странно! Непонятной
Тревогою я вся невольно смущена.
Заснувшій юноша... просторъ... и тишина,
Дыханье вѣтерка и ночи ароматной —
Волнуютъ душу мнѣ сильнѣе и сильнѣй,
И что-то новое теперь проснулось въ ней...

Наклоняясь, чтобы разсмотрѣть Занетто.

Но онъ—мечты моей живое воплощенье!

Взявъ его за руку.

Проснитесь! Сыро здѣсь.

ЗАНЕТТО—просыпаясь, смотритъ на Сильвію съ восторженнымъ изумленіемъ.

А!.. Фея!.. Безъ сомнѣнья,
Въ волшебныхъ грезахъ мнѣ являлася она,
И сонъ мой полонъ былъ сіяющихъ видѣній!

СИЛЬВІЯ.

То свѣтлый лучъ игралъ на зелени растеній.

ЗАНЕТТО.

О, нѣтъ, и голосъ вашъ узналъ я. Въ тихомъ снѣ
Порой нисходитъ даръ предвѣденья чудесный,
И звуки, полные гармоніи небесной,
Сейчасъ я слышалъ здѣсь: они знакомы мнѣ.

СИЛЬВІЯ.

Быть можетъ—то, что вамъ казалося словами,
Былъ легкій вѣтерокъ, играющій листами,
Который улетѣлъ въ заоблачную высь...

ЗАНЕТТО.

Но кто же вы тогда, скажите?

СИЛЬВІЯ.

Я—сюрпризъ.
Пойдемте. У меня васъ ждетъ ночлегъ и ужинъ.
Вамъ, безъ сомнѣнія, хорошій отдыхъ нуженъ?

ЗАНЕТТО—продолжая смотрѣть на нее.

О, нѣтъ. Благодарю. Заснуть не въ силахъ я
И поздно ужиналъ.

СИЛЬВІЯ—въ сторону.

Не будь къ нему жестока!
Ты знаешь, что любовь безжалостна твоя,
А онъ—еще дитя... Останься безъ упрека!..

Громко.

Скажите, кто же вы,—заснувшій мирнымъ сномъ
Такъ скоро подъ моимъ растворённымъ окномъ?

ЗАНЕТТО.

О, въ имени моемъ, конечно, нѣтъ секрета.
Предъ вами—музыкантъ, зовутъ меня—Занетто,

И съ дѣтства ранняго я къ жизни кочевой
Привыкъ. Вся жизнь моя—прогулка, и едва ли
Двѣ ночи я провелъ подъ кровлею одной...
Повсюду проходя безъ горя и печали,
Я знаю даже три, четыре ремесла,
Ненужныхъ никому и все-жъ необходимыхъ:
Я правлю челнокомъ при помощи весла;
Привыкъ я объѣзжать коней неукротимыхъ,
Охотиться въ лѣсу, со сворою собакъ
Борзыхъ; среди аллей развѣсистаго сада
Съумѣю межъ вѣтвей повѣсить я гамакъ
Въ тѣнистомъ уголкѣ, гдѣ царствуетъ прохлада.
Теперь сознаюсь вамъ: отчасти я—поэтъ
И риѳмой звонкою кончаю свой сонетъ;
Не смѣю умолчать еще о скромномъ дарѣ:
Я, сверхъ всего, даю уроки на гитарѣ.

СИЛЬВІЯ—улыбаясь.

Съ профессіей такой обѣдать не всегда
Приходится...

ЗАНЕТТО.

О, нѣтъ. Бываетъ иногда
И выгода. Но я, къ несчастью, непрактиченъ:
Моихъ обѣдовъ часъ весьма... проблематиченъ;
Порою, мнѣ забыть приходится о немъ.
Когда не повезетъ, миряся съ неуспѣхомъ,
Какъ бѣлка, я въ лѣсу обѣдаю орѣхомъ.
Но чаще я встрѣчалъ радушнѣйшій пріемъ
(По правдѣ говоря: немного мнѣ и надо).
Когда спускается вечерняя прохлада,
Вхожу я въ замокъ, гдѣ собралася семья
За полнымъ яствъ столомъ, прося о дозволеньи
Пропѣть имъ что-нибудь;—во время исполненья
Романса нѣжнаго, когда увижу я
Фазановъ и куски поджаренной дичины—
Все слаще и нѣжнѣй польются каватины,
На столъ кидаю я порою пылкій взоръ,—
Меня поймутъ сейчасъ и ставятъ мнѣ приборъ!

СИЛЬВІЯ.

Такъ вы въ Флоренцію идете, безъ сомнѣнья?

ЗАНЕТТО.

Какъ: безъ сомнѣнья? Нѣтъ. Я странствовать привыкъ
По волѣ прихоти, по волѣ вдохновенья!
Одна фантазія—мой вѣрный проводникъ.
Я странствую, какъ листъ, оторванный грозою,
Какъ лѣтнихъ облаковъ туманная гряда,
Не зная самъ, зачѣмъ несусь я, и куда?
И цѣли я нигдѣ не вижу предъ собою.
Я тотъ, кого зовутъ: безумецъ и поэтъ,
Который жаждетъ лишь свободы и простора.
Гдѣ раньше я бывалъ, туда явлюсь не скоро...
Мнѣ кажутся легки мои шестнадцать лѣтъ;
Порой за мотылькомъ иль птицей перелетной
Я слѣдую въ пути, срываю беззаботно
Цвѣтокъ, и вновь иду тропинкою лѣсной,
Гдѣ только свѣтляки мелькаютъ предо мной.
Во время лѣтнихъ грозъ я прячусь подъ листвою,
Но если солнышко блеснетъ надъ головою —
Бѣгу въ ту сторону, гдѣ радуги узоръ
Сіяетъ на небѣ. Съ фортуной горделивой
Знакомства не ищу, и съ нею до сихъ поръ
Не встрѣтился. Я—тотъ бѣднякъ неприхотливый,
Что пьетъ изъ ручейка, проходитъ рѣку вбродъ,
Не знаетъ отдыха и все не устаетъ...

СИЛЬВІЯ.

Скажите мнѣ: ужель, когда, въ чаду мечтаній,
Вы шли, все далѣе и далѣе стремясь,—
Объ отдыхѣ и вы не вспомнили хоть разъ?
Ужели никогда среди своихъ скитаній
Вы не замѣтили уютный бѣлый домъ,
Обвитый розами и сѣтью виноградной,
Гдѣ дремлетъ старый песъ лѣниво подъ окномъ?
Гдѣ счастьемъ дышетъ все и прелестью отрадной?
Ужели у окна, межъ зелени и розъ,
Головку дѣвушки вамъ видѣть не пришлось,
Которая даритъ прохожаго улыбкой?

ЗАНЕТТО.

Случалось. Но, увы, моей гитары звукъ
Отцовъ и матерей повергнулъ бы въ испугъ
(Что было бы весьма плачевною ошибкой)...

Такъ камень, брошенный гурьбою шалуновъ,
Подниметъ невзначай всю стаю воробьевъ...
Съ моей наружностью бродяги и цыгана,
Мнѣ трудно укротить домашняго тирана;
Я имъ не нравлюся, они противны мнѣ —
Такъ лучше мы семью оставимъ въ сторонѣ...

СИЛЬВІЯ.

И вы не увлеклись о счастіи мечтами,
Когда красавицы кидали въ васъ цвѣтами?

ЗАНЕТТО.

Къ чему? Съ улыбкою я мимо проходилъ.
И, право, еслибъ я, къ несчастью, полюбилъ —
Со страхомъ думаю: что́ сталось бы со мною?
Свобода и просторъ мнѣ дороги вдвойнѣ,
Я радъ ихъ сохранить. Подумайте,—вѣдь мнѣ,
Привыкшему бродить съ гитарой за спиною,—
Тяжелой ношею покажется любовь!..

СИЛЬВІЯ—улыбаясь.

Васъ—птичку вольную—не сдѣлаешь ручною?

ЗАНЕТТО.

О, нѣтъ!

СИЛЬВІЯ.

И все-жъ она подъ сѣнію деревъ
Совьетъ себѣ гнѣздо когда-нибудь...

ЗАНЕТТО.

Едва ли.
Любви страшуся я... и если бы вы знали,
Какъ весело идти, рѣзвиться, отдохнуть,
Подобно мотыльку, и вновь пускаться въ путь,
Когда захочется...

СИЛЬВІЯ.

Но счастіе—не въ этомъ.
Итакъ, случайно вы явилися сюда?
Васъ путь лѣсной манилъ? Сіяя мягкимъ свѣтомъ,
Свѣтила вамъ съ небесъ вечерняя звѣзда?
Иль слѣдовали вы за ласточкой залетной,
Такой же рѣзвою, такой же беззаботной,
Которая сюда неслась издалека?

ЗАНЕТТО.

Почти.

СИЛЬВІЯ.

Такъ вашъ приходъ отчасти не случайный.
У васъ есть планы?

ЗАНЕТТО.

Да, лишь смутные пока...

СИЛЬВІЯ.

И все же?..

ЗАНЕТТО.

Будущность моя покрыта тайной.

СИЛЬВІЯ.

Могу я вамъ помочь?

ЗАНЕТТО.

Мнѣ помощь не нужна,
И, можетъ быть, мои кончаются скитанья;
Вы знаете,—мнѣ мысль является одна:
Воспитанный въ семьѣ чужой, изъ состраданья —
Кто былъ моимъ отцомъ? сказать я не могу —
Маркизъ иль дровосѣкъ? Но я порой весенней
Увидѣлъ Божій свѣтъ, и въ этомъ нѣтъ сомнѣній:
Какой-то свѣтлый лучъ живетъ въ моемъ мозгу,
И я забылъ о томъ, что выросъ сиротою.
Но вы, синьора, вы съ сердечной теплотою
Къ скитальцу отнеслись—и съ ласкою сестры,
И я, начавъ мечтать о счастьи отдаленномъ,
Почувствовалъ себя впервые утомленнымъ...
Съ подобной красотой, конечно, вы добры,
И вашимъ я готовъ послѣдовать совѣтамъ.
Оставьте-жъ у себя и сдѣлайте ручнымъ
Лѣснаго соловья: клянусь, я буду имъ!
Ужель, синьора, вы откажете мнѣ въ этомъ?
Все прошлое забывъ—о, если бы я могъ
Съ гитарой проводить часы у вашихъ ногъ,
Когда, внимая струнъ дрожащимъ переливамъ,
Вы отдавались бы мечтаніямъ счастливымъ
И грёзамъ!..

СИЛЬВІЯ—грустно.

Вы—дитя.

Въ сторону.

Зачѣмъ же этотъ страхъ,
Волненье это? Онъ остался бы со мною
И былъ бы счастливъ... Я читала бы въ глазахъ
Его привязанность. Зачѣмъ съ любимою мечтою
Разстаться надо мнѣ?

ЗАНЕТТО.

Такъ вы хотите, да?

СИЛЬВІЯ—въ сторону.

Хочу ли я? О, нѣтъ, несчастный! Никогда!

ЗАНЕТТО.

Я многаго прошу, не правда ли, синьора?

СИЛЬВІЯ—въ сторону.

Прошедшее мое узнаетъ слишкомъ скоро
Несчастный юноша...

ЗАНЕТТО.

Прошу въ послѣдній разъ
Отвѣта вашего.

СИЛЬВІЯ—глухо.

Вы встрѣтите отказъ.

ЗАНЕТТО.

За что же? Почему?

СИЛЬВІЯ.

Отказъ—весьма понятный.
Меня считали вы богатою и знатной
Синьорой, что могла-бъ среди своихъ дворцовъ
Роскошно принимать артистовъ и пѣвцовъ,
Отплачивая имъ богатою наградой?..
Но я—не знатная, къ несчастью, госпожа...

ЗАНЕТТО.

У васъ нѣтъ свиты?

СИЛЬВІЯ.

Нѣтъ.

ЗАНЕТТО.

Какъ? Даже и пажа?

СИЛЬВІЯ.

Его я не держу.

ЗАНЕТТО.

Но мнѣ такъ мало надо:
Я въ креслѣ спать могу, а вѣтка винограда —
Обѣдъ мой...

СИЛЬВІЯ.

Я должна сознаться...

ЗАНЕТТО.

Если вы...

СИЛЬВІЯ.

Я—бѣдная вдова и въ траурѣ.

ЗАНЕТТО.

Увы,
Лишь мѣста скромнаго у вашихъ ногъ, синьора,
Просилъ бы я.

СИЛЬВІЯ.

Нельзя.

ЗАНЕТТО.

О, Боже мой, какъ скоро
Разстаться мнѣ пришлось съ надеждою моей!
Я къ Сильвіи иду, и, можетъ быть, у ней
Счастливѣй буду я...

СИЛЬВІЯ.

Что̀ слышу я? Ужасно!

ЗАНЕТТО.

Хотя мечта моя осталася напрасной,
И въ будущемъ судьба мнѣ кажется мрачна —
Вы не откажете мнѣ въ искреннемъ совѣтѣ?
Здѣсь въ городѣ живетъ красавица одна,
Которой, говорятъ, нѣтъ равной въ цѣломъ свѣтѣ!
Со взоромъ огненнымъ, божественно блѣдна,
Какъ вы, съ движеньями и граціей царицы —
Синьора Сильвія. Вы слышали о ней?
За нею слѣдуютъ повсюду вереницы
Поклонниковъ. Красой и роскошью своей
Необычайною, достойной королевы—
Прославилась она. Ей нравиться должны:

И рокотъ нѣжный струнъ, и чудные напѣвы,
Звучащіе среди вечерней тишины,
Не правда-ль?

СИЛЬВІЯ.

Боже мой!

ЗАНЕТТО.

Въ ея обширной свитѣ
Желалъ и я служить, но, въ сердцѣ ощутивъ
Невольно гордости ребяческой приливъ,—
Колеблюсь я теперь... Синьора, помогите
Сомнѣнью моему. Я слышалъ, что она
Какой-то прелести загадочной полна,
Прекрасна странною и жгучей красотою,
Губящею сердца. Изъ вашихъ устъ сейчасъ
Я слышалъ съ горестью рѣшительный отказъ,
И все же онъ былъ данъ съ невольной добротою.
Не знаю—почему, но вѣрю я вполнѣ,
Что вы съ участіемъ относитесь ко мнѣ,
Что ваше искреннее ласковое слово
Мнѣ счастье принесетъ... Я спрашиваю снова:
Идти мнѣ къ Сильвіи?

СИЛЬВІЯ—въ сторону.

Среди ночной тиши
Ко мнѣ явился гость невѣдомый и чудный—
Любовь. И я люблю всей силою души!
Впервые сонъ ея нарушенъ непробудный.
Мнѣ кажется,—сюда вела его судьба...
Вѣдь это счастіе само проходитъ мимо —
Ужель прогнать его? Съ тоской невыразимой
Я чувствую, что мнѣ становится борьба
Все тягостнѣй...

ЗАНЕТТО.

Я жду рѣшенія покорно.

СИЛЬВІЯ—въ сторону.

Я низость дѣлаю, и роль моя позорна,
Но такъ велитъ судьба и онъ желаетъ самъ...

Громко.

Такъ слушайте... У ней...

ЗАНЕТТО.

У ней?..

СИЛЬВІЯ—послѣ краткаго молчанія, съ страшнымъ усиліемъ.

Не мѣсто вамъ.
Повѣрьте мнѣ, дитя. У женщины безчестной,
Своею роскошью постыдною извѣстной—
Тамъ васъ опасности невѣдомыя ждутъ.
Увы, я не могла доставить вамъ пріютъ,
Въ которомъ путнику нигдѣ-бъ не отказали,
Но васъ могу зато избавить отъ печали
И горькаго стыда.—Какъ? Вы? Дитя лѣсовъ,
Привыкшее слѣдить за бѣгомъ облаковъ,
Внимать лишь ручейкамъ и пташкамъ говорливымъ,—
Наивный юноша, оставшійся правдивымъ,—
Съ челомъ, увлаженнымъ отъ утренней росы,
Войдете въ этотъ домъ роскошный и презрѣнный,
Гдѣ длятся пиршества постыдные часы,
Гдѣ царствуетъ порокъ съ развязностью надменной?
Какъ? Ваши дѣтскія, невинныя уста
Коснутся съ жадностью ужасной чаши оргій,
Вы испытаете нечистые восторги,
И васъ поблекшая заманитъ красота?..
Вамъ—робкій юноша съ кудрями золотыми
И взоромъ дѣвственнымъ—не мѣсто между ними!
Своими пѣснями за ласковый пріемъ
Вы можете платить, но все-жъ необходимо
Разборчивѣе быть... Въ усердіи своемъ
Я вѣрно вамъ кажусь вполнѣ неумолимой,
А въ снисхожденіи нуждаюся сама...
Простите мнѣ, дитя! Правдива и пряма
Моя привязанность. Я васъ люблю, Занетто...
Какъ сына, и навѣкъ отъ гибели спасу.
Останьтесь соловьемъ! Пускай весна и лѣто
Предъ вами развернутъ роскошную красу,
И лютня зазвучитъ въ проснувшемся лѣсу,
Какъ прежде, нотою протяжной и пѣвучей!
Когда же облака сберутся черной тучей—
Спѣшите въ хижинѣ иль замкѣ отдохнуть,
Чтобъ снова на зарѣ пуститься въ дальній путь.
И послѣ, какъ-нибудь, въ селѣ весною ранней,

Головку дѣвушки увидѣвъ у окна—
Поймете вы, что жизнь бродячая—скучна,
И время—отдохнуть на-вѣки отъ скитаній!
Тамъ счастіе васъ ждетъ и длинный рядъ годовъ
Отрадныхъ.

ЗАНЕТТО.

Я во всемъ васъ слушаться готовъ.
Но эта женщина своей недоброй славой,
Быть можетъ, клеветѣ обязана лукавой?
И тѣ, что̀ видѣли ея роскошный домъ—
Всѣ отзывалися безъ ужаса о немъ.
Но если-бы я зналъ...

Замѣтивъ горестное движеніе Сильвіи.

Простите, что некстати
Страданья тайнаго коснуться мнѣ пришлось.
И васъ не оскорбитъ предложенный вопросъ?
Вы трауръ носите по мужѣ или братѣ,
Погибшемъ навсегда по Сильвіи винѣ,
Быть можетъ? И, своей отдавшися печали,
Вы думали о немъ—не только обо мнѣ?
Простите же меня!

СИЛЬВІЯ—мрачно.

Нѣтъ, вы не угадали
Причину тайную волненья моего;
Я не лишилася, повѣрьте, никого.
А Сильвіи мнѣ жаль, и—какъ оно ни странно—
Ее не въ силахъ я спокойно осудить.
Я знаю, что она способна пощадить
Порой, хотя на мигъ, того, кому охраной—
Невинность... Но, въ ея позорѣ убѣдясь,—
Какъ долго устоитъ она отъ искушенья
Втоптать все чистое, возвышенное въ грязь—
Сказать я не могу?.. И вотъ мое рѣшенье:
Бѣгите отъ нея!

Съ сдержанною скорбью.

Не можете вы знать,
Что купленъ вашъ покой ужасною цѣною!
Заставить васъ идти дорогою иною
Мнѣ трудно, тяжело... Дитя, всего понять
Не въ силахъ вы теперь.. Конечно, такъ и надо...
И ваше счастіе—мнѣ лучшая награда.

Въ сторону.

Все кончено, на вѣкъ!.. Но если... понялъ онъ?..

ЗАНЕТТО.

Когда вашъ приговоръ надъ ней произнесенъ,
Я повинуюся, и тотчасъ на разсвѣтѣ
Отсюда ухожу. Теперь на божьемъ свѣтѣ
Грустнѣе будетъ мнѣ... Я понялъ въ первый разъ
Всю прелесть отдыха. Усталостью томимый,
Его желалъ бы я, но мой не пробилъ часъ!
И все-жъ отрадою, почти неуловимой,
Полна душа моя, и самый вашъ отказъ,
Мнѣ кажется, былъ данъ какъ будто съ сожалѣньемъ?

Умоляющимъ тономъ.

Ужели ничего на память я съ собой
Отсюда не возьму? Вѣдь это утѣшеньемъ
Служило-бъ для меня... И если мнѣ судьбой
Изгнанье суждено—съ невольнымъ облегченьемъ
Я зналъ бы, что тому вы нé были виной
И съ тайной горестью простилися со мной?

СИЛЬВІЯ—быстро подавая ему одно изъ своихъ колецъ.

Вотъ перстень... и его храните неизмѣнно
На память обо мнѣ.

ЗАНЕТТО—съ движеніемъ, выражающимъ отказъ.

Синьора, слишкомъ цѣнно
Подобное кольцо. Я вижу тутъ алмазъ
Огромный, въ дорогой, изящнѣйшей оправѣ,
И я принять его тѣмъ болѣе не вправѣ,
Что сами вы бѣдны...

СИЛЬВІЯ—въ сторону.

Поднять не смѣю глазъ...
Ужель онъ знаетъ все?.. И это—испытанье?..

Громко.

Но что же мнѣ вамъ дать?

ЗАНЕТТО—съ удареніемъ.

Прошу воспоминанья.
Не милостыни, нѣтъ... но тó, что я бы могъ
Съ любовью сохранять. Отдайте мнѣ цвѣтокъ—
Изъ вашихъ темныхъ косъ—пурпуровую розу...

СИЛЬВІЯ—подавая ему цвѣтокъ.

Возьмите. Но, увы, она съ зарею дня
Увянетъ навсегда. Тогда забудьте грёзу

Минутную свою... забудьте и меня...
Прощайте...

ЗАНЕТТО—бросаясь къ Сильвіи, которая удаляется.

Я молю: скажите мнѣ хоть слово
Послѣднее... Теперь мнѣ кажется суровой
Судьба моя. Боюсь, что къ счастію пути—
Утрачены, и я не въ силахъ ихъ найти!
Такъ будьте же моей счастливою судьбою:
Въ ту сторону, куда укажете рукою—
Туда направлюсь я: предъ вами цѣлый свѣтъ...

СИЛЬВІЯ—поднявшись уже до половины террассы, указываетъ Занетто направленіе, противоположное городу.

Идите въ сторону, гдѣ искрится разсвѣтъ!

Занетто дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Сильвіи, которая останавливаетъ его движеніемъ руки, и онъ съ жестомъ, полнымъ отчаянія, быстро уходитъ.

Сцена III.

СИЛЬВІЯ—одна.

Она остается съ минуту на террассѣ, слѣдя за удаляющимся Занетто, потомъ внезапно схватывается руками за голову и заливается слезами.

СИЛЬВІЯ.

Благословляю васъ, любви святыя грёзы!
Вы дали мнѣ опять и радости, и слезы!..

Занавѣсъ спускается.

Ольга Чюмина.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
КАВЕЛИНЪ

Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній.

IV *).

Начало общественной дѣятельности.

1844—1856 г.

Съ 1844 года начинается общественная дѣятельность Кавелина, разнообразная и плодотворная, въ теченіе которой онъ высказалъ въ полной силѣ свои блестящія дарованія. Въ пору этой общественной дѣятельности сложились окончательно убѣжденія Кавелина и создалась его ученая и политическая репутація, поставившая его имя, по достоинству, въ число самыхъ талантливыхъ, самыхъ благородныхъ и самыхъ независимыхъ русскихъ людей. Семнадцать лѣтъ длится это служеніе Кавелина на пользу русской науки, русскаго общества, русскаго народа, и прекращается въ самый тотъ годъ, когда исполнились лучшія, завѣтныя мечты Кавелина, въ годъ освобожденія крестьянъ. Эти семнадцать лѣтъ въ жизни Кавелина дѣлятся на три періода: 1) съ 1844 по 1848 годъ—пора блестящаго профессорства въ Москвѣ; 2) 1848—1857 гг.,—время служенія въ разныхъ министерствахъ

---

*) См. выше: іюнь, 445 стр.

въ С.-Петербургѣ, и 3) 1857—1861 гг.—время вторичнаго профессорства въ Петербургѣ и преподаванія покойному цесаревичу Николаю Александровичу. Внѣшніе факты жизни Кавелина всѣхъ этихъ трехъ періодовъ были изложены въ біографическомъ очеркѣ Кавелина, помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1885 г., іюнь, и перепечатанномъ въ послѣднемъ изданіи „Задачъ Этики“. Я не коснусь всѣхъ этихъ фактовъ, потому что біографическій матеріалъ, находящійся въ настоящее время въ моемъ распоряженіи, далеко не охватываетъ всѣхъ указанныхъ мною годовъ общественной дѣятельности Кавелина. Семейная его переписка за эти долгіе годы отличается отрывочностью и случайностью. Это объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1844 по 1847 г. сестра его жила почти безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ находился въ то время и Кавелинъ, а затѣмъ, съ переѣздомъ его въ Петербургъ, а моихъ родителей въ Казань, Кавелинъ былъ оторванъ отъ семейной переписки своей кипучей и многообильной дѣятельностью. Его мысль вся была поглощена общими вопросами, въ особенности же вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ,—и для аккуратной семейной переписки у него не было ни досуга, ни интересовъ. Иные люди привлекали его къ себѣ. То было время его сближенія съ великой княгиней Еленой Павловной и баронессой Э. Ѳ. Раденъ, братьями Милютиными (графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ и Николаемъ Алексѣевичемъ), К. К. Гротомъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ и другими выдающимися дѣятелями государственныхъ реформъ первыхъ годовъ царствованія императора Александра II. Въ письмахъ Кавелина къ этимъ лицамъ и къ его московскимъ и петербургскимъ друзьямъ лежитъ ключъ къ уразумѣнію его духовной жизни за время съ 1848 по 1861 годъ, а равно и многихъ фактовъ изъ послѣдующей его дѣятельности. Въ семейныхъ же письмахъ, начиная съ 1844 года, Кавелинъ касается, въ большинствѣ случаевъ, своихъ частныхъ дѣлъ и обстоятельствъ личной жизни. Въ этомъ направленіи идетъ семейная переписка до 1856 года включительно, а съ 1857 переписка съ моими родителями совершенно прекращается и возобновляется лишь послѣ 1861 года. Но за время профессорства Кавелина въ Москвѣ имѣется нѣсколько автобіографическихъ отрывковъ, восполняющихъ скудость семейной переписки; этими отрывками я и воспользуюсь.

24 февраля 1844 года, Кавелинъ защитилъ въ Москвѣ диссертацію на магистра гражданскаго права (гражданскаго законодательства, по тогдашней ученой терминологіи): „Основныя на-

чала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ". Въ маѣ, онъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ исторіи русскаго законодательства; 5 сентября того же года, читалъ первую, вступительную лекцію по этому предмету, а въ 1845 году, кромѣ того, сталъ преподавать студентамъ всѣхъ факультетовъ (кромѣ юридическаго) русскія государственныя и губернскія учрежденія и законы о состояніяхъ. Въ своей автобіографической запискѣ, въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей московскаго университета", Кавелинъ такъ излагаетъ программу своихъ чтеній: „Въ изложеніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ Кавелинъ слѣдовалъ Своду Законовъ, только сокращая его и дѣлая, гдѣ было нужно, краткія историческія обозрѣнія. Въ исторіи же русскаго законодательства, главномъ предметѣ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета 1-го курса преимущественно родовыя начала русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Первый курсъ (1844—1845 г.) былъ имъ доведенъ до царствованія Петра Великаго; во второмъ (1845—1846 г.) онъ успѣлъ представить и краткій очеркъ законодательства Петра Великаго въ области государственнаго права; послѣдній учебный его курсъ (1847—1848) былъ преимущественно монографическій. Кавелинъ бо̀льшую часть лекцій посвятилъ весьма подробному обозрѣнію первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учрежденій, причемъ пользовался данными изъ теперешняго быта славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи. Въ то же время онъ отдѣлялъ одну лекцію въ недѣлю для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, начиная съ „Русской Правды". Кавелинъ предполагалъ, такимъ образомъ, пройти монографически всю исторію русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни. Планъ этотъ, разсчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина, въ томъ же 1848 г., изъ московскаго университета. Взглядъ, положенный имъ въ основаніе своего курса, представленъ въ сжатомъ очеркѣ, въ статьѣ, напечатанной въ первой книжкѣ „Современника", 1847 года, въ отдѣлѣ наукъ, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" [1]).

---

[1]) Біогр. словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета, т. I, стр. 365—366.

Лекціи Кавелина въ московскомъ университетѣ глубиной и новизной воззрѣнія и талантливостью изложенія выдвинули молодого адъюнкта среди профессоровъ московскаго университета въ такое время, когда занимали тамъ каѳедры столь блестящіе представители науки, какъ Грановскій, Рѣдкинъ, Крыловъ и др. Нѣкоторые изъ слушателей Кавелина заявили уже печатно о глубокомъ впечатлѣніи, какое вынесли они изъ его чтеній, и о его отношеніяхъ, полныхъ искренности и задушевной теплоты. Но крайне было бы желательно имѣть бо̀льшее количество воспоминаній бывшихъ его слушателей и товарищей по университету, чтобы вполнѣ ясно и опредѣленно представить себѣ Кавелина въ первый періодъ его профессорской дѣятельности, въ московскомъ университетѣ.

Время профессорства въ Москвѣ оставило самыя лучшія воспоминанія въ Кавелинѣ. Вступая на каѳедру въ петербургскомъ университетѣ 11 сентября 1857 г., онъ обратился къ студентамъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, вспоминаетъ это время. „Я невольно переношусь мыслями и сердцемъ"—говоритъ Кавелинъ—„въ другой, лучшей эпохѣ моей жизни. Тринадцать лѣтъ тому назадъ, еще молодымъ человѣкомъ, я точно также вступалъ на каѳедру въ старшемъ изъ русскихъ университетовъ. Это была счастливая пора. Жизнь манила впередъ. Наука, лекціи, дружба наполняли существованіе. Въ памяти моей воскресаютъ образы дорогихъ наставниковъ и товарищей, которые словами участія или строгимъ совѣтомъ дружбы руководили первые робкіе мои шаги на ученомъ поприщѣ. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ болѣе въ-живыхъ. Въ теперешнюю, торжественную для меня минуту, сердце сжимается скорбью, при мысли, что я никогда не увижу ихъ больше, никогда уже не услышу ихъ голоса" [1]).

Изъ этихъ наставниковъ и товарищей Кавелинъ всего болѣе былъ привязанъ къ Грановскому. Онъ не былъ слушателемъ Грановскаго въ университетѣ (Грановскій началъ свои лекціи осенью 1839 года, когда Кавелинъ уже кончилъ курсъ), но встрѣчался съ нимъ по окончаніи курса у Свербеева и Хомякова и сошелся близко во время своего профессорства въ Москвѣ. Съ теченіемъ времени эта близость перешла въ тѣсную и искреннюю дружбу, и Кавелинъ всю свою жизнь благоговѣйно чтилъ память Грановскаго. Среди людей, оказавшихъ на Кавелина сильное и прочное вліяніе, Грановскій занимаетъ весьма видное мѣсто, на-ряду съ кружкомъ Елагиной и Бѣлинскимъ; эти три вліянія знаменуютъ три фазы духовнаго развитія Кавелина.

---

[1]) „Сочиненія Кавелина", т. IV. стр. 361—362.

Грановскій и Кавелинъ имѣли много родственнаго въ характерѣ, въ организаціи духовной природы. Отличительнымъ свойствомъ талантливой и мягкой натуры того и другого было гармоническое равновѣсіе душевныхъ силъ, создававшее и развивавшее въ нихъ то міровоззрѣніе, которое принято называть оптимизмомъ, спасавшее ихъ отъ рѣзкости въ собственныхъ воззрѣніяхъ и побуждавшее стремиться къ примиренію крайностей чужихъ взглядовъ на вещи.

Въ 1866 г., въ статьѣ по поводу 2-го изданія „Сочиненій Грановскаго“, Кавелинъ такъ характеризуетъ его личность:

„Въ то время какъ большинство талантливыхъ и мыслящихъ людей легко вдавались въ крайности, Грановскій, въ цвѣтущую пору своей дѣятельности, принадлежалъ къ числу тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными, и слабыми своими сторонами Грановскій полнѣе, лучше всѣхъ другихъ выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались бы мы увидѣть въ немъ развитіе и борьбу уже установившихся мнѣній и взглядовъ; ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой же переломъ въ русской мысли, какой, вслѣдъ затѣмъ, начался и во внутренней жизни Россіи. Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого литературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не приспѣло, и онъ какъ-будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой-либо изъ враждовавшихъ между собою литературныхъ партій“ [1]).

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1866 г., кн. IV-я, Литературная хроника, стр. 41—42.

Сопоставляя приведенную характеристику Грановскаго съ отзывами Кавелина о Бѣлинскомъ, мнѣ кажется, нельзя не придти къ заключенію, что отношенія Кавелина къ Бѣлинскому были иныя, чѣмъ отношенія къ Грановскому. Бѣлинскій вліялъ и умственно, и нравственно на Кавелина въ то время, когда его собственныя воззрѣнія еще не окончательно выяснились, не вполнѣ сложились, и этимъ вліяніемъ весьма много способствовалъ развитію характера и взглядовъ Кавелина. Въ умственномъ отношеніи вліялъ на него Бѣлинскій именно крайностями своихъ воззрѣній, нерѣдко доходившими до парадоксовъ; онъ будилъ мысль Кавелина, указывая на явленія до тѣхъ поръ ему неизвѣстныя, обращая его вниманіе на новыя стороны явленій уже извѣстныхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Бѣлинскій, по своей натурѣ, по складу своего ума, былъ совершенно противоположенъ Кавелину, и между ними никогда не могло установиться той духовной близости, той солидарности, какая существовала между Кавелинымъ и Грановскимъ, основываясь, главнымъ образомъ, на сходствѣ во многомъ ихъ нравственной природы. Подтвержденіемъ всему вышесказанному могутъ служить слѣдующія слава самого Кавелина.

„Между Бѣлинскимъ и Грановскимъ была великая дружба",— говоритъ Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ;— „но я думаю, что непосредственной симпатіи между ними не было, да и не могло быть. Это были двѣ натуры совершенно противоположныя! Грановскій былъ натура въ высшей степени художественная, гармоническая, нѣжная, сосредоточенная. Мысль всегда представлялась ему въ художественномъ образѣ, и въ немъ онъ передавалъ свои мысли и взгляды. Это не была маска, за которой онъ прятался, а свойство его природы. Всякая рѣзкость была ему непріятна, всякая односторонность его шокировала. Многіе считали его за это дипломатомъ, чуть-чуть не двоедушнымъ и хитрымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабымъ, безхарактернымъ. Но такія сужденія не шли въ глубь этой натуры, удивительно изящной и рѣзко отличавшей его отъ диковатой русской и, въ особенности, московской среды. Представьте же себѣ рядомъ съ Грановскимъ—Бѣлинскаго, страстнаго, нервнаго, вѣчно переходившаго изъ одной крайности въ другую, необузданнаго и малообразованнаго. Онъ не могъ не смущать иногда Грановскаго своими выходками, точно также какъ и самъ, вѣроятно, не разъ бѣсился и выходилъ изъ себя отъ гармонической, сосредоточенной умѣренности и идеальности Грановскаго. О Бѣлинскомъ Грановскій говорилъ всегда съ большимъ уваженіемъ, съ большою любовью, но прибавлялъ, что онъ страшно увлекается и впа-

даетъ въ крайности. Еслибъ эти натуры не сплочали въ тѣснѣйшій союзъ внѣшнія обстоятельства, благородство общихъ стремленій, личная безукоризненность—Бѣлинскій и Грановскій навѣрно бы разошлись, какъ Грановскій впослѣдствіи разошелся съ Герценомъ". Много изъ того, что сказано здѣсь о Грановскомъ по отношенію къ Бѣлинскому, можетъ быть примѣнено и къ самому Кавелину.

Кружокъ, во главѣ котораго стоялъ въ Москвѣ Грановскій, точно также, какъ и кружокъ Елагиной,—заставляетъ Кавелина остановиться вообще на значеніи учено-литературныхъ кружковъ въ исторіи русской образованности. „Мы теперь мало цѣнимъ этого рода труды и заслуги",—говоритъ Кавелинъ.—„Когда литературные и ученые кружки пришли въ упадокъ, надъ ними стали подсмѣиваться, объ нихъ начали отзываться съ пренебреженіемъ. По мѣрѣ того какъ они разлагались, значеніе ихъ, разумѣется, утратилось. Но по тому состоянію, въ которое они тогда пришли, было бы крайне ошибочно судить о томъ, чѣ̆мъ они были въ эпоху ихъ процвѣтанія. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ московскихъ литературныхъ кружкахъ зародилось и созрѣло все наше послѣдующее умственное движеніе, какъ нѣкогда изъ средневѣковыхъ цеховъ преподавателей и учащихся выработалась впослѣдствіи нѣмецкая наука. Оттого мы убѣждены, что исторія образованія, развитія и преемства нашихъ литературно-ученыхъ кружковъ составитъ, современемъ, любопытнѣйшій и поучительнѣйшій отдѣлъ въ исторіи нашего просвѣщенія" [1])...

Достигнувъ цѣли своихъ пламенныхъ мечтаній, профессорской каѳедры, Кавелинъ въ радостномъ расположеніи духа отправился, въ маѣ 1844 г., въ Иваново къ своимъ родителямъ, а мои родители уѣхали къ себѣ въ казанскую деревню. Изъ Иванова пишетъ онъ веселое письмо своей сестрѣ, 27 мая:

„Очень радъ, что ваше путешествіе совершилось такъ же счастливо, какъ путешествіе Бахуса изъ Индіи въ Грецію, т.-е. вездѣ готовы квартиры, друзья обнимаютъ и зовутъ къ себѣ, даже всеблагая судьба посылаетъ такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, что и къ обѣднѣ есть время сходить. Это ужъ верхъ удачи и путешественнаго комфорта. Что ты подѣлываешь, и что дѣлаетъ милый братъ? Ждемъ отъ васъ писемъ изъ Арышхазды [2]). Я было подавился, не только произнося, но даже пиша это слово. Перо на немъ два раза чихнуло во все горло. Въ благословен-

[1]) „Вѣстн. Евр.", 1866 г., кн. IV-я, стр. 42.

[2]) Имѣніе моего отца близъ Казани.

ной Италіи сѣверо-восточной Россіи—Ивановѣ—мы проводимъ время, какъ истинные аркадскіе пастушки. Это сравненіе не совсѣмъ точно и близко потому, что ночью я часто вспрыгиваю и трясусь отъ холода (вчера, 26 мая, было въ 11 часовъ ввечеру 5 градусовъ тепла; вотъ итальянскій климатъ!), не ѣмъ молока и ничего молочнаго, потому что Щеколдинъ [1]) запретилъ, и отъ сильныхъ вѣтровъ больше чувствую прохладу, нежели жаръ. Впрочемъ, что и говорить: въ Италіи (особливо южной) и Аркадіи климатъ вѣдь благорастворенный, не слишкомъ теплый, да и не слишкомъ холодный.

„Завтра ѣдемъ изъ Аркадіи въ ѳивскую область, или изъ Италіи южной въ Тоскану, т.-е. въ Козельскъ, повидаться съ тамошними пастушками и пастушками [2]).

„17-го іюня я опять ѣду въ Москву. Надобно готовиться къ лекціямъ, хотя и здѣсь я аккуратно работаю часовъ 8 или 7 въ сутки, встаю въ 6, ложусь въ 12, рѣдко сплю днемъ, и то въ случаѣ крайняго изнеможенія и усталости, словомъ—веду себя, какъ порядочный человѣкъ".

Изъ этого письма уже видно, что деревня не привлекаетъ Кавелина такъ сильно, какъ въ дѣтствѣ. За время своего университетскаго ученія и петербургской жизни, онъ отсталъ отъ деревни. Книжныя занятія, подготовка къ лекціямъ — поглощаютъ его всего въ Ивановѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ къ моей матушкѣ Кавелинъ высказываетъ даже отрицательный взглядъ на русскую деревню. Упомянувъ объ одной своей родственницѣ, встрѣченной имъ тамъ, онъ пишетъ: „Она очень милая, добрая молоденькая дѣвушка; жаль только, что судьба обрекла ее жить въ деревнѣ, съ старикомъ отцомъ и старыми, безвыѣздными деревенскими жителями. Поневолѣ завянешь, а ничего нѣтъ больнѣе, какъ видѣть молодое существо, пропадающее отъ глуши и бездѣйствія. Теперь она мила, но ужъ начинаетъ пахнуть деревней, гнусной, оскототворяющей, безсмысленной русской деревней. 17-го (іюня) ѣду въ Москву, съ убѣжденіемъ, что жить долго въ деревнѣ очень и очень нехорошо, хоть на этотъ разъ я и не испыталъ этого на дѣлѣ".

Изъ Москвы, въ концѣ іюня 1844 г., онъ пишетъ моему отцу: „Городъ такъ теперь пустъ, что рѣшительно никого здѣсь нѣтъ—хоть шаромъ покати. Послѣдніе изъ моихъ знакомыхъ уѣхали—Свербеевы и Валуевъ; послѣдній—больной лихорадкой.

[1]) Уѣздный бѣлевскій врачъ.

[2]) Здѣсь перечисляетъ Кавелинъ разныхъ своихъ родственниковъ.

Для меня это хорошо, потому что нѣтъ соблазновъ, и я занимаюсь очень много. Бываю по временамъ у „генерала“ Чадина [1]), особливо по воскресеньямъ. Онъ дѣлаетъ мнѣ разныя любезности, и между прочимъ записываетъ меня черезъ день въ клубъ, куда я хожу часа на два читать русскіе и иностранные газеты и журналы. У насъ въ Москвѣ такая ужасная жара, что ежедневно на солнцѣ бываетъ отъ 30 до 32 градусовъ тепла. Къ этому третьяго дня и вчера вѣтеръ, заносившій пыль и мелкій песокъ въ комнату, такъ что нельзя было отворить окна. Я принялъ противъ жары свои мѣры, и никуда не выхожу изъ дому, пока жаръ не опадетъ, а до того времени работаю“.

Сблизившись съ Е. Ѳ. Коршемъ, Кавелинъ познакомился съ его семействомъ, и въ 1845 году женился на его сестрѣ, Антонинѣ Ѳедоровнѣ Коршъ. Бракъ этотъ произошелъ противъ желанія родителей Кавелина, въ особенности вопреки воли Шарлотты Ивановны. Извѣщая мою матушку о своей помолвкѣ, Кавелинъ высказываетъ ей, въ письмѣ отъ 1 августа, горькія сѣтованія на отца, а въ особенности на мать. Передавъ подробности помолвки, онъ такъ заканчиваетъ письмо: „Вотъ тебѣ повѣсть очень простая объ вещи очень замысловатой. Черезъ мѣсяцъ я, конечно, буду уже женатъ. Начнется, по обыкновенному понятію, новая жизнь, а по моему—старая и точно такая же прозаическая, только съ прибавкой новыхъ хлопотъ, безпокойствъ и издержекъ и новыхъ минутъ удовольствія и счастія. Такова ужъ жизнь, ея не передѣлаешь“.

Свадьба Кавелина совершилась 20 августа 1845 года въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, безъ всякой пышности и торжественности.

Вскорѣ послѣ женитьбы у Кавелина произошли семейныя недоразумѣнія съ профессоромъ Никит. Ив. Крыловымъ, женатымъ на сестрѣ Антонины Ѳедоровны—Любови Ѳедоровнѣ Коршъ. Эти недоразумѣнія приняли такой характеръ, что для Кавелина являлось немыслимымъ оставаться на службѣ въ одномъ учрежденіи съ Крыловымъ. Сначала Крыловъ хотѣлъ было перейти въ другой университетъ, но затѣмъ обстоятельства сложились такъ, что подать въ отставку долженъ былъ Кавелинъ. Онъ вышелъ изъ профессоровъ московскаго университета въ исходѣ 1847 года, но дочитывалъ начатый имъ студентамъ курсъ до весны 1848 года.

Кавелинъ переселился съ своей семьей въ Петербургъ и поступилъ на службу въ хозяйственный департаментъ министерства

---

[1]) Родственникъ Кавелиныхъ.

внутреннихъ дѣлъ редакторомъ „городского отдѣленія". Въ 1850 г., онъ перешелъ на службу въ другое вѣдомство. 25 іюня этого года, онъ писалъ сестрѣ: „Я перешелъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній, т.-е. подъ команду Ростовцева, начальникомъ учебнаго отдѣленія. На дняхъ долженъ выйти приказъ, потому что всѣ сношенія уже сдѣланы, и Великій Князь Наслѣдникъ изъявилъ согласіе на мое опредѣленіе. Дѣла, повидимому, не очень много, рублей около 400 сер. жалованья больше и виды на награды и повышенія. C'est tout ce qu'il me faut. Ты меня было обрадовала перспективою профессуры; такіе же слухи шли и изъ Москвы, но ни оттуда, ни отсюда я не получилъ ни писемъ, ни приглашеній. Признаюсь тебѣ, впрочемъ, что, еслибъ и пригласили, я бы не поѣхалъ. Въ Питерѣ мнѣ лучше; я здѣсь попривыкъ, составилъ кой-какія связи, и съ ужасомъ подумалъ бы о необходимости продолжать мою кочующую жизнь, какую велъ до сихъ поръ. Съ семьей это неудобно и разорительно. Чувствую, что старѣю, и страсть къ авантюрамъ уходитъ съ лѣтами. Мнѣ скоро 32 года; силъ меньше; меньше и вѣры въ жизнь, въ удачу; теперь, высчитывая шансы, ужъ не бѣжишь за розовой мечтой, а ожидаешь худшаго; такъ-то-съ!

„Теперь я совершенно одинъ—и наслаждаюсь одиночествомъ; много работаю, читаю, много дѣла вообще и по новой должности, къ которой нужно привыкнуть, пока она станетъ легка, и по зачатымъ, но неконченнымъ трудамъ. Выѣзжаю мало, да и какъ-то не хочется выѣзжать. Желаю всѣмъ вамъ всего лучшаго, здоровья и урожая, такъ какъ вы намъ можете пожелать здоровья и хорошаго жалованья. Затѣмъ, прощайте. Поцѣлуй за меня крѣпко дорогого Александра Львовича и твоихъ птенцовъ. Мой чрезвычайно смѣшонъ, страшный болтунъ, и меня нѣжно любитъ, хотя только пока видитъ. Впрочемъ, мнѣ пишетъ жена, что онъ въ претензіи, зачѣмъ я долго не ѣду [1]). Я думаю, наши старички не будутъ имъ недовольны, а ему какая благодать въ деревнѣ! Повѣришь ли, что онъ чуть-чуть не дрожалъ отъ радости при видѣ травы, деревьевъ, цвѣтовъ. Чувство природы въ немъ очень сильно.

„A propos, хоть и совсѣмъ некстати",—заканчиваетъ онъ свое письмо:—„читала ли ты въ 6 № „Москвитянина" за нынѣшній

---

[1]) Сынъ Кавелина Митя, р. 1846 г., † въ февр. 1861 г.—О немъ рѣчь будетъ ниже, въ V-й главѣ. Антонина Θедоровна Кавелина съ Митей гостили въ Ивановѣ у Дмитрія Александровича и Шарлотты Ивановны Кавелиныхъ.

годъ комедію „Свои люди—сочтемся" [1])? Если не читала, сдѣлай милость, прочти. Это—вещь, напоминающая самыя блистательныя произведенія русскаго пера,—вещь, которую можно поставить на-ряду съ Гоголемъ и Грибоѣдовымъ".

Въ маѣ 1853 г., Кавелинъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, вслѣдствіе опасной болѣзни своей матери. Воспаленіе въ легкихъ угрожало ея жизни. Кавелинъ забылъ всѣ огорченія, которыя она ему причиняла, и въ немъ проснулись нѣжныя къ ней чувства, не пробуждавшіяся съ первыхъ годовъ его дѣтства. По поводу безнадежнаго положенія матери, онъ пишетъ трогательныя письма къ женѣ, сестрѣ, брату и другимъ родственникамъ. Представляю нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ къ М. Я. Белли (его двоюродной сестрѣ) и къ Антонинѣ Ѳедоровнѣ.

М. Я. Белли Кавелинъ писалъ 10 іюня 1853 года [2]):

„Дорогая кузина! Съ тѣхъ поръ какъ мы не видались, произошло много новаго. Генералъ Ростовцевъ назначаетъ меня членомъ учебнаго комитета по военно-учебнымъ заведеніямъ [3]). Вотъ что могу сказать хорошаго. Но есть и много нехорошаго и печальнаго, что мѣшаетъ мнѣ радоваться отъ всего сердца. Вы навѣрное знаете, черезъ мою жену, о потерѣ, которая ожидаетъ меня со дня на день: моя мать при послѣднемъ издыханіи. Она умираетъ. Еще нѣсколько дней—и все будетъ кончено. Разсудокъ твердитъ мнѣ многое, чтобы утѣшить меня, или, скорѣе, чтобы сказать, что то, что должно произойти—произойдетъ естественно. Я это прекрасно знаю, и все-таки сердце обливается кровью. Мысль потерять мать пугаетъ меня. Послѣднія шесть или семь лѣтъ мы были съ ней въ искренно-дружескихъ отношеніяхъ и ни въ чемъ не можемъ упрекнуть себя, ни въ дѣйствіяхъ, ни даже въ помыслахъ. Перебирая длинную вереницу годовъ, которые сохранились у меня въ памяти, я нахожу, что она всегда была рѣдкой, примѣрной матерью. Она выстрадала несчастія и заботы всей семьи; и теперь ее уноситъ сердечная привязанность. Воспоминаніе о ея заботахъ и нѣжности ко мнѣ, тысяча мелочныхъ подробностей, которыя характеризовали наши взаимныя отношенія и которыя до того свѣжи въ моей памяти, какъ будто случились вчера,—раздираютъ мнѣ сердце. Я очень страдаю. Когда

---

[1]) Извѣстная комедія А. Н. Островскаго.

[2]) Писано по-французски.

[3]) Въ то же время Константинъ Дмитріевичъ получилъ мѣсто начальника отдѣленія въ канцеляріи комитета министровъ. Упоминаемая должность по военно-учебнымъ заведеніямъ оставлена за нимъ по ходатайству Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, но безъ особаго содержанія.

смерть похититъ ее у меня и я немного отдохну, я думаю, я буду страдать еще сильнѣе.

„Въ то время какъ меня ожидаетъ такое великое несчастіе, мнѣ вдругъ говорятъ, что князь [1]) на меня сердится, зачѣмъ я не являюсь тотчасъ же занять свою должность. Ему кажется очень естественнымъ уѣхать, покинувъ мать, которую любишь, не отдавъ ей даже послѣдняго долга сына и друга. Странное воззрѣніе на вещи, право! Я принимаю мѣры, чтобы предупредить его гнѣвъ. Завтра будетъ консиліумъ, чтобы опредѣлить, сколько времени могутъ продлиться страданія и агонія моей матери. Завтра же я пошлю д. с. с. Суковкину [2]) удостовѣреніе, заключающее результаты консиліума, и при этомъ, если угодно, извинительное письмо. Но ничто въ мірѣ, ни даже страхъ лишиться моего новаго мѣста, не заставитъ меня уѣхать отсюда раньше похоронъ моей матери. Написавъ эти строки, я чувствую, что мною овладѣваетъ негодованіе. Какое ужасное смѣшеніе понятій должно царить въ головѣ, чтобы сердиться на сына за чувство любви къ матери! Это переходитъ всякую границу.

„Павелъ, наконецъ, пріѣхалъ въ Москву. Я серьезно озабоченъ тѣмъ, что ему данъ отпускъ лишь на недѣлю, а болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ пробудетъ здѣсь дольше. Чтобы устроить дѣло, я пишу завтра Небольсину, прося его продлить отпускъ Павла. Жизнь и ея случайность очень странны, какъ вы видите! Просьба, адресованная мною Н.,—кто бы подумалъ это? Я говорилъ съ нимъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя, казалось, навсегда гарантировали его отъ полученія отъ меня просительныхъ писемъ. Пожалуйста, дорогая кузина, не откажите въ вашемъ содѣйствіи въ случаѣ, если это дѣло будетъ предложено на разсмотрѣніе министра. Павелъ необходимъ здѣсь на нѣкоторое время. Онъ возвратится въ Петербургъ со мною или, самое большее, нѣсколько дней спустя.

„Я не совсѣмъ доволенъ Антониной: она, бѣдная, заставляетъ меня тревожиться. Судя по ея письмамъ—она больна и грустна. Кто бы подумалъ, чтобы женщина, которая уже 8 лѣтъ замужемъ, могла захворать вслѣдствіе печали, причиняемой ей отсутствіемъ мужа, стараго, лысаго и чиновника? Это черезъ-чуръ, признаюсь вамъ. И подумайте, что это въ нашъ испорченный вѣкъ! Вотъ гдѣ скрываются семейныя добродѣтели! Сколько могу,

---

[1]) Князь А. И. Чернышевъ, военный министръ и предсѣдатель комитета министровъ.

[2]) Директоръ канцеляріи комитета министровъ.

я утѣшаю ее въ своихъ письмахъ. Но, серьезно говоря, я очень опасаюсь, что ея грусть есть слѣдствіе какой-нибудь болѣзни. Если время вамъ дозволитъ, дорогая кузина, навѣстите ее какъ-нибудь. Она васъ очень любитъ, и вашъ умъ — практическій, справедливый, хотя неумолимый,—дѣйствуетъ на нее особенно благотворно. Прощайте, дорогая и милая Marie. Тысячу разъ цѣлую ваши ручки и остаюсь навсегда любящій васъ".

Женѣ онъ писалъ на другой день:

„Маменькѣ лучше, и я ѣду въ субботу. Еслибъ завтра ей стало гораздо хуже, то въ воскресенье вмѣсто меня придетъ письмо. Все равно. Безъ вѣстей ты не будешь.

„Особенно не имѣю рѣшительно ничего сказать. Вообще собою и своими дѣлами я доволенъ. Если они не испортятся неожиданнымъ образомъ, то можно надѣяться, что нынѣшній годъ будетъ лучше, чѣмъ прошлый. Имѣть бы только довольно средствъ, чтобъ жить, не нуждаясь—вотъ вся цѣль. Кромѣ этого, счастіе я всегда найду въ себѣ самомъ. Вѣрю въ себя очень много. А ты мнѣ помогай не падать духомъ въ тяжелыя минуты, créez moi un intérieur. Затѣмъ чего же больше? Жизнь—вещь очень простая и вовсе не поэтическая, въ романтическомъ смыслѣ. Это не юдоль зла, да и не земной рай. Смѣшно, когда воротишься памятью къ тому, что отъ нея требовалъ. Точно былъ ребенокъ! И ты грѣшишь этимъ до сихъ поръ. Никакъ не хочешь видѣть вещи просто, ohne ihnen etwas anzudichten! Природа, жизнь, люди— все это въ одинаковой степени относится къ натуральной исторіи и живетъ, развивается по ея законамъ. Зло и добро, радость и горе, счастіе и несчастіе переплетаются между собою. И слава Богу, что такъ! Это неизбѣжно и очень хорошо. Поставь центръ въ себя, пусть точка упора не въ чемъ либо постороннемъ, а въ твоей головѣ и въ твоемъ сердцѣ, и все покажется тебѣ правильнымъ и нормальнымъ. Точка равновѣсія, мѣра—вотъ главное въ жизни. Терпѣли мы много, да не пропали же? Отчего? Отъ того, что съ прямого пути не сбились и не пошатнулись ни направо ни налѣво, ни впередъ, ни назадъ".

Но здоровье Шарлотты Ивановны Кавелиной не поправилось. 23 іюня 1853 г. она скончалась.

Въ томъ же 1853 г. начинаются политическія событія величайшей важности въ новѣйшей судьбѣ Россіи: восточная война, кончина императора Николая I, воцареніе императора Александра II и преддверіе великихъ реформъ его царствованія—все это поглощаетъ собою все вниманіе Кавелина.

Весьма интересно письмо его къ Евг. Ѳед. Коршу отъ 28 де-

кабря 1855 г. Оно ясно рисуетъ намъ тотъ подъемъ духа, который ощутили всѣ истинно образованные люди съ воцареніемъ Александра II, и который такъ живо выразился въ душѣ Кавелина, столь чуткой ко всему прогрессивному.

„Не сердись на меня, любезный другъ, что не отвѣчалъ или, правильнѣе, не писалъ тебѣ ничего до сихъ поръ.

„...Великій вопросъ — вопросъ войны или мира. Въ миръ никто не вѣритъ, хотя многіе пламенно его желаютъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыя изъ знакомыхъ мнѣ барынь. Сущность предложеній и переговоровъ, причина пріѣзда Зебаха—совершенная тайна, которая никому рѣшительно неизвѣстна, кромѣ, конечно, трехъ или четырехъ человѣкъ. И тайна эта хранится отлично. Вѣрь, что все, что ты услышишь, не болѣе какъ догадки. Но поставляется вопросъ для насъ очень тяжело. Одинъ господинъ очень справедливо замѣтилъ, что какой-то рокъ неудержимо влечетъ насъ къ войнѣ. Люди стараго покроя, стараго порядка мыслей, понимаютъ, что миръ, невыгодный для насъ (а теперь, при теперешнихъ обстоятельствахъ, другого и ждать нельзя), былъ бы живымъ приговоромъ системѣ, господствовавшей нераздѣльно доселѣ; они не могутъ помириться съ мыслью, что эта система никуда не годится, можетъ быть потому, что имъ такое убѣжденіе было бы очень невыгодно. Оттого они все сваливаютъ на случайныя неудачи войны и надѣются, что если она продолжится, шашки могутъ стать иначе, судьба—повернуться къ намъ лицомъ, и все пойдетъ по старому, заключится сносный миръ, и прежній порядокъ будетъ оправданъ. Люди, желающіе перемѣнъ, понимающіе болѣе или менѣе глубоко ихъ потребность и настоятельность, тоже не желаютъ мира именно потому же, почему и старые, только съ другой точки зрѣнія: они боятся, что миръ заставитъ забыть всѣ горькіе уроки, всѣ тяжелыя утраты; опять все затянется плѣсенью, и старый шлендріанъ длинною канителью продолжится десятки лѣтъ еще. По ихъ мнѣнію, пережитаго еще недостаточно; нужны уроки посерьезнѣе, потяжелѣе. И такъ, обѣ стороны,—можетъ быть, не совсѣмъ ясно понимая, къ чему можетъ повести дальнѣйшее продолженіе войны,—помогаютъ ей и втягиваютъ въ нее все болѣе и болѣе. Говорю—обѣ стороны, потому что обѣ говорятъ, обѣ совѣтуютъ, обѣ выставляютъ свои доводы, хотя и не совершенно искренно.

„Какой исходъ всего этого? Признаюсь, у меня духъ захватываетъ, когда хоть на минуту задумаюсь о ближайшемъ будущемъ. И не я одинъ въ этомъ положеніи, хотя огромное большинство, кажется, и не подозрѣваетъ, что мы играемъ въ слѣпую. Ты

надо мной смѣялся, братъ, а я—вотъ такъ у меня на губахъ фраза и виситъ: rira bien qui rira le dernier. Рѣшительно мы выростаемъ изъ старой кожи; время болѣзненное, опасное линянье подходитъ неудержимо. Умереть намъ, по всѣмъ видимостямъ, не приходится, стало быть надобно начать жить иначе. Станетъ ли у насъ благоразумія произвести Штейновъ по разнымъ отраслямъ государственнаго порядка—на это также трудно отвѣчать: да или нѣтъ, какъ трудно предсказать, какой ходъ приметъ отселѣ народное развитіе Россіи. Слышится много голосовъ, переходитъ черезъ голову много мыслей, ключъ жизни бьетъ во всѣхъ закоулкахъ души, а никакъ пока не разберешь, что̀ истина, что̀ ложь, гдѣ главный нервъ и гдѣ вѣтви. Вѣры такъ много, что не знаешь, куда съ ней дѣваться, а иногда и бьешься, не призракамъ ли вѣришь? Но это со мной бываетъ рѣдко. Больше—безусловная, безоглядная вѣра, безконечная любовь и преданность, исчезаніе въ прахъ передъ величіемъ грядущаго. Только кругомъ мракъ, а впереди—ослѣпляющій свѣтъ. Блаженны, которые достигнутъ земли обѣтованной. Много вѣрныхъ умрутъ на пути, плача, что не удалось хоть день пожить новою жизнью.

„Вашъ журналъ [1]) пользуется здѣсь, еще до выхода, большимъ уваженіемъ. Всѣ предубѣжденія въ вашу пользу, и вы должны поддержать распростертые къ вамъ глаза и кошельки читателей. Милютинъ Д. получилъ разрѣшеніе послать вамъ статью“ [2]).

Далѣе, въ письмѣ Кавелинъ удерживаетъ москвичей отъ излишней довѣрчивости къ новымъ, менѣе стѣснительнымъ, чѣмъ прежде, цензурнымъ условіямъ и горько жалуется на цензуру, подчиненную въ то время министерству народнаго просвѣщенія, на тогдашнее министерство и на министра А. С. Норова, „который воображаетъ..., что въ теперешнее время можетъ существовать литература, не касающаяся ни одного изъ современныхъ вопросовъ, составляющихъ жизнь общества и народа“. Кавелинъ весьма рѣзко характеризуетъ Норова и его министерство... „Все министерство—такая ветошь, что страхъ подумать! Et c'est le ministère du progrés“!—восклицаетъ онъ ...„Вѣкъ

[1]) Предпринимавшійся съ 1856 г. М. Н. Катковымъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“; въ немъ въ первый годъ его изданія участвовали всѣ лучшія русскія ученыя и литературныя силы.

[2]) Д. А. Милютинъ, впослѣдствіи военный министръ и графъ, былъ въ то время въ чинѣ полковника чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ министрѣ графѣ Чернышевѣ. Его статья: „Суворовъ“, глава изъ „Исторіи войны 1799 г.“, приготовлявшейся ко 2-му изданію, помѣщена въ 6-й книгѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1856 г.

меценатовъ русскихъ прошелъ невозвратно; вспомни Шиллера о нѣмецкой музѣ. Такова судьба и нашей, то же и ей предстоитъ"!

Затѣмъ онъ пишетъ Е. Ѳ. Коршу слѣдующее:

..."Пожалуйста, не забывайте меня. Я здѣсь больше и больше становлюсь одинъ. Посылайте ко мнѣ вашихъ, чтобъ никто не побывалъ въ Петербургѣ, не освѣживъ меня. Обратите меня въ московское подворье: только этого и добиваюсь. Очевидно, что свѣтъ горитъ у васъ и все больше и больше. Московскій университетъ становится для умственной жизни Россіи,—чтó Москва для политической въ XVI и XVII вѣкахъ. Это тотъ же великорусскій элементъ въ новой формѣ,—во всемъ грандіозный и богатый будущимъ. Теперь у васъ и два журнала [1]), для выраженія двухъ сторонъ истины, какъ вездѣ и всегда являлась истина, выходя изъ колыбели неопредѣленной, мистической жизни, не имѣющей ни слова для выраженія, ни чувства для опредѣленія. А наши журналы—похожи на Н... и на всю здѣшнюю дѣятельность. Мы умираемъ отъ дряхлости, совершивъ свой циклъ, изъ котораго теперь, какъ ветхій сосудъ, и выйти не можемъ".

Въ іюнѣ 1856 года, Кавелинъ поѣхалъ въ свою самарскую деревню, Кавелинку, чтобы попытаться вступить съ крестьянами въ иныя отношенія, чѣмъ основанныя на крѣпостномъ правѣ. Въ то время его „Записка объ освобожденіи крестьянъ" ходила по рукамъ и въ Петербургѣ, и въ провинціи, и среди немногихъ либеральныхъ помѣщиковъ являлась уже мысль если не предоставить своимъ крестьянамъ нѣкоторыя гражданскія права, то по крайней мѣрѣ уменьшить произволъ крѣпостныхъ порядковъ.

Повидавшись въ Москвѣ съ своими пріятелями—Коршемъ, проф. Соловьевымъ, Галаховымъ и другими, Кавелинъ въ началѣ августа возвращался уже изъ Кавелинки, оставшись очень доволенъ короткимъ временемъ, тамъ проведеннымъ, и на обратномъ пути остановился въ Самарѣ, откуда писалъ женѣ 17 августа:

„Со вторника я у дражайшаго Константина Карловича [2]), поселился въ его домѣ и по его настоянію задержанъ до понедѣльника. Познакомился съ архіереемъ, вице-губернаторомъ, предводителемъ дворянства и вообще со всѣми властями". Упомянувъ затѣмъ о молодыхъ чиновникахъ, служащихъ у К. К. Грота, давнишнихъ знакомыхъ своихъ, Кавелинъ продолжаетъ: „Я бываю у нихъ каждый вечеръ, то у того, то у другого, и передать не могу тебѣ, какъ видъ этой молодежи на меня дѣйствуетъ отлично.

[1]) „Русскій Вѣстникъ" и начавшая выходить одновременно съ нимъ „Русская Бесѣда", органъ славянофиловъ, подъ редакціей А. И. Кошелева и Т. И. Филиппова.

[2]) К. К. Гротъ, въ то время губернаторъ въ Самарѣ.

Они сохранились, работаютъ и тѣсно живутъ между собою. Гротъ все тотъ же—милый, надежный, отличный. Немножко состарѣлся и очень скучаетъ. Живетъ великолѣпно и держитъ себя на высотѣ губернатора.

„Въ понедѣльникъ ѣду въ Казань, гдѣ пробуду не долѣе двухъ дней, а тамъ на Нижній и въ Москву.

„Въ Саратовѣ у меня сжималось сердце. Репутація Е..... нехороша, другого студента М.....—тоже [1]. Ахъ, какъ горько видѣть тѣхъ же людей снаружи, да не тѣхъ же изнутри, изъ тѣхъ, на которыхъ возлагались надежды! За то въ гимназіи есть нѣсколько учителей, которые сдѣлали бы честь любому порядочному обществу. Я съ ними познакомился черезъ Михайловскаго, студента, который къ намъ ходитъ. Я просилъ его зайти къ тебѣ. Прими его поласковѣй. Что̀ значитъ видѣться съ порядочнымъ человѣкомъ въ какомъ нибудь Саратовѣ—этого передать невозможно. Въ тысячу разъ лучше жить въ глуши, не видя никого, какъ я прожилъ въ деревнѣ, чѣмъ жить въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ. Въ деревнѣ, право, по совѣсти, жить даже очень хорошо, и я воздыхаю по томъ времени, когда можно будетъ, выбросивъ службу за окно, жить въ деревнѣ мѣсяцевъ 8 для себя.

„Видѣлъ въ Самарѣ Вернадскаго [2], который отправляется по порученію начальства далѣе въ Саратовъ. Въ октябрѣ онъ воротится въ Петербургъ.

„Прощай. Будь здорова. Поцѣлуй малютокъ [3] и напомни имъ о существованіи отца, который ихъ безъ памяти любитъ. Скажи Митюшкѣ, чтобъ онъ готовился въ 1858 году ѣхать со мною на лѣто въ деревню. Это дѣло рѣшеное, если живы будемъ.

„Сколько нравственнаго наслажденія, счастія, упоенія и сдержанныхъ слезъ, Антонина, когда исполняешь по мѣрѣ возможности обязанности свои передъ младшими своими братьями, которые отъ тебя зависятъ. Надо съ этой средой сближать дѣтей, чтобъ ихъ сердце раскрывалось почаще для любви и сострадания. Прощай! Обнимаю тебя.

„Твой К. Кавелинъ.

---

[1] Рѣчь идетъ о слушателяхъ Кавелина въ московскомъ университетѣ, служившихъ въ то время въ саратовской губ.

[2] Профессоръ политической экономіи и издатель журнала „Экономическій Указатель".

[3] У Кавелина было двое дѣтей: кромѣ сына, Димитрія, была дочь, Софья (род. 16 дек. 1851 г.).

„Само собою разумѣется, что всѣ тебѣ низко и низко кланяются. Право, жизнь имѣетъ еще свои радости, хоть ты этому и не вѣришь“!

Въ 1856 г. Кавелинъ былъ въ первый разъ на Волгѣ. Величавость Волги, этой „многоводной русской рѣки“, оживленное ея судоходство и оригинальность, и разнообразіе населенія Поволжья, и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ пребыванія его въ деревнѣ, —привели его въ восторгъ.

Мнѣ привелось лично познакомиться съ Кавелинымъ лишь въ одну изъ послѣдующихъ его поѣздокъ по Волгѣ, въ 1861 г., когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ деревню.

Д. Корсаковъ.

СТАРИННЫЯ ДѢЛА

IV. Яковъ Хохолъ *).

I.

Было часа три по-полудни. Михайлычъ сидѣлъ на своей завалинкѣ, наблюдая за толпою индюшатъ, которые валялись въ пескѣ, наслаждаясь іюньскимъ солнцемъ. Рядомъ Яковъ Хохолъ налаживалъ удочки для рыбной ловли.

— Дѣда, возьмите меня съ собою!—егозила я около нихъ.

— Нейду я, неможется мнѣ сегодня, Машенька, старъ сталъ! —вздыхая, отвѣчалъ Михайлычъ.

— Эхъ, дѣдусю, что̀ Бога гнѣвить! Дай, Господи, и всякому дожить до такой-то старости!—улыбаясь, замѣтилъ Яковъ. Михайлычъ опять вздохнулъ.

— Да и что̀ за ловля безъ васъ!—продолжалъ Яковъ:—ни одна даже плотичка не клюнетъ; вы же, должно быть, слово такое знаете, что рыба на крючокъ къ вамъ такъ и лѣзетъ.

— Ой, не грѣши, парень, тьфу!—отплюнулся Михайлычъ.— Какое тамъ слово, просто мѣста̀ я знаю, это разъ,—а другое: какъ сяду за это самое дѣло, такъ ужъ ни о чемъ, окромя, значитъ, удочки, и не думаю, по сторонамъ не гляжу: ну, она, рыбка-то, и клюетъ.

— Чтожъ ты, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ не пойдешь?—печально вставила я.—Какъ же теперь? безъ тебя и невесело даже идти однимъ.

Яковъ кончилъ съ удочками и снова обратился къ старику.

---

*) См. выше: 1880, іюль, 1.

— А ну-же, дѣдусю, и въ самомъ дѣлѣ... загнать, что-ли, индюшатъ-то?

Нехотя поднялся Михайлычъ съ завалинки.

— Ну, инъ, ладно! Вотъ и бабка тоже канючитъ... И обѣщалъ вѣдь я было ей окуньковъ наловить,—чтó съ ней дѣлать-то,—а теперь и вы двое пристали не хуже баннаго листа!..

— Идешь, значитъ, дѣда?

— Да ужъ ладно, ладно на этотъ разъ!

Я запрыгала отъ радости.

— Ну егоза, истинно егоза: будешь такъ-то у озера скакать да кричать, въ другой разъ и не возьмемъ, вотъ что!—назидательно замѣтилъ мнѣ старикъ.—Знаешь, чать: рыбка тишину любитъ; тогда и клюетъ. Шумѣть да баловаться будешь—не изъимаемъ ни одной.

Я обѣщаю быть смирной, и послѣ того какъ индюшата водворены въ своемъ помѣщеніи подъ лавкой въ Михайлычевой избѣ, мы отправляемся втроемъ на рогъ, длинную песчаную косу, горбомъ врѣзающуюся въ озеро далеко за середину. Тотчасъ за рогомъ и по тому же направленію, по которому тянулся онъ, зеленѣютъ липнякомъ и ольхой острова Большой и Малый Келейники. Противъ Келейниковъ рогъ спускается къ водѣ зеленой покатостью, которая потомъ сразу обрывается, точно волны тутъ когда-то въ бурю-непогоду разорвали прежнюю связь твердой земли съ островомъ. Съ лужка надъ кручей отлично удить: тамъ рыба охотно клюетъ, да и сидѣть тамъ хорошо—и въ полдень даже нежарко подъ тѣнью нависающихъ надъ водою березъ. Тропинка ведетъ насъ туда по сѣверному берегу рога; весь онъ поросъ здѣсь богородицыной травой, конскимъ щавелемъ и липкой пахучей дремой. Кошачьи лапки бархатистыми узорами опутали между ними почву вокругъ прямыхъ, какъ свѣчи, раскидистыхъ елокъ и блѣдно-сѣрыхъ, широко разросшихся кустовъ бредины. Мы идемъ быстро; пустыя раковины хрустятъ у насъ подъ ногами; шагахъ во ста отъ берега на озерѣ ныряютъ дикія утки, гагары жалостно кричатъ, и съ противоположнаго берега раздается глухой крикъ выпи: угу-угу!

Придя на мѣсто, мы усаживаемся и приготовляемся къ ловлѣ. Дѣдушка насадилъ на мой и на свой крючокъ червей, сначала поплевалъ на нихъ и попенялъ имъ за вертлявость: „Ты теперь чтó юлишь? ты въ водѣ вертись: рыбку приманивай, а теперь что?.. безъ толку-то“!

— Ахъ, дѣдушка, вѣдь ему тоже несладко, больно вѣдь!—укоризненно замѣчаю я.

Но дѣдушка не слушаетъ меня; взмахъ удилища, и безъ шума опускаются лесы съ крючками въ воду. Мы сидимъ молча и чинно... Круги отъ поплавковъ становятся все шире, раздаваясь во всѣ стороны одинъ за другимъ... Вотъ вся поверхность воды опять гладкая, какъ стекло; вотъ словно зарябило, словно дрогнулъ поплавокъ... Дѣдка быстро и ловко выхватываетъ удочку... но на крючкѣ ничего не оказывается, даже нѣтъ червя.

— Ишь наторѣла какъ!—покачивая головой, ворчитъ старый:—червя съѣла, а чтобы попасться... н-ни-ни, умна больно, проучена!..

Удочки снова закинуты, снова вздрагиваютъ поплавки; вотъ одинъ судорожно пляшетъ, вотъ онъ нырнулъ, вотъ вынырнулъ, вотъ повела его рыба подъ водою быстро, по одному направленію, вглубь... Взмахъ—и окунь, на мгновеніе блеснувъ чешуею въ воздухѣ, уже скачетъ и судорожно трепещетъ на зеленой травѣ берега.

— Клюнула, попался!—кричу я, вся волнуясь отъ радости.

— Шш! не распугивай остальной, егоза!—ласково унимаетъ меня дѣдъ, опуская снятаго съ крючка окуня въ берестяный буракъ, принесенный для этой цѣли.

— А ты, Яша, заснулъ, что-ли?—обращается старикъ къ Якову, который даже еще и разу не забросилъ удочки, а, растянувшись во всю длину на травѣ и заложивъ руки за голову, лежалъ молча и неподвижно.

— А? Что?—отзывается Яковъ, словно дѣйствительно просыпаясь.

— Спишь?—улыбаясь, переспрашиваетъ дѣдъ.

— Нѣтъ, дѣдусю, не сплю; такъ, задумался. Свои мѣста вспоминалъ, да и про вашу рыбу забылъ.

— А ты не больно вспоминай, полегче,—замѣчаетъ дѣдъ, —а то и затоскуешь; ну тоской же дѣловъ не перемѣнить.

— Такъ-то такъ, дѣдушка,—задумчиво отвѣчаетъ Яковъ, и опять уходитъ въ свою думу, а мы возвращаемся къ ловлѣ.

Удочки снова заброшены, но долго приходится намъ ждать второго окуня. Мои поплавки даже и не вздрагиваютъ. Мнѣ ужасно надоѣдаетъ ждать безъ толку и молча. Да и дѣду не веселѣе: обѣщалъ онъ бабѣ окуней десятка два на завтра, на уху, и хоть у него иногда и клюетъ рыба, но въ буракѣ не больше пятка наберется.

— Э, ништо вамъ!—наконецъ, проговариваетъ съ досадой старый и собираетъ снасти.

— Идемъ, Машенька, на Глухо озерко; ишь, здѣсь рыба на-

пугана; безъ толку балуются тутъ ребята—ну, и распугали; до Глухого озерка пока, слава те, Господи, еще не добрались.

Я ужасно рада идти на Глухое озеро: тамъ такъ хорошо, такъ хорошо, что я готова цѣлые часы сидѣть тамъ, не говоря ни слова, а только мечтая и любуясь. И дорога туда чудная. Идетъ она по другому, южному берегу рога; едва возможно и пробраться по тропинкѣ—до того тамъ часты березнякъ, и ельникъ, и старыя ольхи, залѣзающія почти въ самое озеро. Тамъ и трава другая, высокая, зеленая; тамъ и кусты калины и смородины. Туда попадешь—словно въ какое-то невѣдомое, волшебное лѣсное царство. Ничего за непроглядной чащей не видно; только вскользь попадають туда солнечные лучи... И страшно, и чудно тамъ... Тамъ и русалка не побоится выйти на зеленый берегъ, и лѣшій тамъ по вечерамъ ухаетъ, и караватица, баба лѣсная, косматая, за кустами прячется...

Но дѣду не до лѣсныхъ чудесъ; онъ сердится за неудачную ловлю на большомъ озерѣ и ворчитъ: „Не такія у насъ были ловли въ старое время; что было тогда, теперь и въ поминѣ нѣтъ. Ловилась и у насъ всякая красная рыба, а особливо лещъ. Лещъ, сама знаешь, рыба вальяжная—жирная. Теперь у насъ леща нѣту-ти; а отчего нѣту, въ томъ сами наши отцы да дѣды передъ Богомъ виноваты. Жилъ у насъ, видишь ли, въ стары годы на острову, на Келейникѣ, монахъ въ кельѣ,—оттого и острову прозванье дадено: Келейникъ. И по-сейчасъ еще видно, что тамъ жилье когда-то было. Ну, и стерегъ тотъ монахъ монастырскія пожни вокругъ озера да и ловли рыбныя. А съ этихъ ловель монастырю пятина шла, потому озеро въ тѣ поры все монастырское было—вонъ на томъ берегу угодья и теперь монастырскія. Ну, мужики бывало рыбушку и батàютъ, и лучатъ, и неводомъ ловятъ, и, какъ надо быть, монаху пяту долю отдаютъ. Страсть, чтò тутъ тогда рыбы было, а особливо лещей,—лакомъ этотъ кусокъ, нечего сказать, и нашему брату любъ, сколь и монахамъ. И обманули разъ какъ-то рыбаки келейника-сторожа: лещей да другу красну рыбу себѣ оставили, а ему плотвы, да уклеи, да щукъ отобрали; ну, окуней десятокъ тоже дали ему; попались какъ-то и налимъ да подлещикъ въ монахову кучу... Свезли ему мужики рыбу, отдаютъ, а онъ, святъ-человѣкъ, и при дѣлежѣ не былъ, а помысломъ таки узналъ, какъ согрѣшили рыбаки, и говоритъ: „Не будь у васъ во вѣкъ лещей въ озерѣ, по моему по слову, а водись, говоритъ, только та рыба, что ко мнѣ въ кучу попала“! Такъ все и исполнилось: и нонче у насъ лещей въ озерѣ нѣту, а какая есть рыба, и ту мальчишки дере-

венски распугали... Ну, чтó я теперь бабкѣ на уху принесу, коли и на Глухомъ озерѣ клевать не станетъ".

Но вотъ мы и къ Глухому озерку подходимъ; только на горку взобраться — оно и видно: круглое, ярко-зеленое, какъ изумрудъ, отъ отражающихся въ немъ, покрытыхъ густыми, невысокими кустами, пригорковъ, опоясывающихъ его со всѣхъ сторонъ. Странное это озеро: то оно гладко — ни зыби, ни ряби на немъ; то вдругъ взволнуется, забурлитъ и ходуномъ заходятъ на немъ волны. По окрестнымъ деревнямъ жители говорятъ, что у него дна нѣтъ, и боятся его; о немъ ходятъ разсказы одинъ другого страшнѣе; вечеромъ мимо озера не рѣшаются проходить даже мужики—о бабахъ и говорить нечего—иныхъ сюда и днемъ ничѣмъ не заманишь. Всей округѣ извѣстно, что на Глухомъ озеркѣ днями что-то показывается, и если въ такой день будетъ кто идти по дорогѣ, извивающейся по лѣсу саженяхъ во ста, то слышенъ бываетъ повторный, протяжный, полный отчаянья зовъ — точно бы кто тонулъ и звалъ на помощь. Бѣда, если прохожій поддастся дьявольскому навожденію и подойдетъ къ озеру: русалки утащатъ его въ глубь, въ омута и защекочутъ до смерти... Ихъ видали: онѣ выходятъ въ лунную ночь изъ воды и сидятъ на берегу или на вѣтвяхъ по деревьямъ. И въ рожь онѣ выходятъ на поле за лѣсомъ, и вѣнки себѣ изъ васильковъ вьютъ... Не одинъ человѣкъ уже и тонулъ на Глухомъ озеркѣ—и мужики, и бабы, и дѣвушки,—и тѣла ихъ никогда не выплывали.

Мы съ дѣдушкой идемъ, продираясь сквозь чащу;—вотъ и изумрудное озерко блеснуло изъ-за кустовъ въ низинѣ; сегодня оно едва рябитъ: крошечныя, золотистыя волны торопливо нагоняютъ одна другую... Тихо въ лѣсу, только сухой мохъ трещитъ подъ ногами, да вдали на опушкѣ гдѣ-то кукушка кукуетъ,—то остановится на минуту, то опять зачаститъ: „ку-ку, ку-ку",—да изъ дальняго, большого лѣса доносятся рѣзкіе сухіе удары дятла, долбящаго сосну.

— Присядемъ-ка тутъ, Машенька, въ холодку,—говоритъ умаявшійся старикъ.

Мы садимся на сухой, теплый мохъ и молчимъ оба: дѣдъ уносится въ пережитое долгое прошлое, а я просто безсознательно наслаждаюсь настоящей минутой. Якова съ нами уже нѣту, —отсталъ онъ гдѣ-то по дорогѣ.

Вдругъ за кустами, прикрывающими дорогу за озеромъ, раздается пѣсня; это не наша тоскливая великорусская,—нѣтъ, отъ этой пѣсни вѣетъ полной силы страстью:

Молодой козаче,
Чи ты вирно любишь?
Чи ты вирно, вирно любишь,
Чи ты зазнаешься?
А коли-бъ я знала,
Що ты покидаешь...
А коли-бъ я знала—
Малярівъ наняла..
Я бы твое личенько
Та намалювала...
Я бы твои кудерьки
Тай позолотила...

Но грустно-страстный напѣвъ сразу обрывается, и раздается бурно-веселый:

За крутыми горамй
Живе мужикъ богатый...

Яковъ показался изъ-за кустовъ.

— Ай да Яша, ай да молодецъ!—даже воскликнулъ Михайлычъ, такъ его развеселилъ залихватски-разгульный напѣвъ этой пѣсни, припѣвъ которой Яковъ продѣлывалъ языкомъ не хуже самой лучшей бандуры.

— Присядь-ка тутъ съ нами. Чего даве отсталъ? Я думалъ, ты домой ушелъ. И откуда ты этихъ пѣсенъ набрался: у васъ, что-ли, въ Харьковщинѣ поютъ?

— Поютъ и у насъ, да этой-то у „чувашей", не въ нашихъ мѣстахъ, я выучился, это бывши на контрабандѣ, на границѣ...

— И, Господи, отцы мои свѣты!—воскликнулъ Михайлычъ: —неужто же и этотъ грѣхъ за тобой былъ?

— Мало ли, дѣдусю, грѣховъ было... Всяко бываетъ, какъ по свѣту маяться приходится, какъ я маялся эти три года въ бѣгахъ...

— И какъ это ты, братецъ, въ бѣги ушелъ?—любопытствовалъ Михайлычъ. Старикъ всегда звалъ его Яшей и особенно любовно относился къ нему. Яковъ величалъ его „дѣдусей", говорилъ ему по малороссійскому обычаю „вы" и очень часто сиживалъ съ нимъ на завалинкѣ, покуривая свою короткую трубочку, которую звалъ „люлькой", что́ очень смѣшило и старика, и меня. Частенько хаживали они вмѣстѣ и на рыбную ловлю. Михайлычъ очень интересовался всѣми подробностями жизни Якова; узнать это было и мнѣ интересно, но Яковъ на вопросы по этому поводу всегда либо отдѣлывался шуткой, либо отмалчивался. И на этотъ разъ онъ перемѣнилъ разговоръ.

Позже я узнала всѣ подробности его бѣгства, и когда-

нибудь разскажу о нихъ, а теперь опять перейду къ тому, что было съ Яковомъ у насъ.

II.

Яковъ не былъ крѣпостнымъ моего отца и попалъ къ намъ, какъ я сказала, совершенно неожиданно. Это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Отецъ мой пріѣхалъ тогда въ отпускъ съ Кавказа, гдѣ командовалъ полкомъ. Въ числѣ прочей челяди, сопровождавшей его, оказался Яковъ. Я опомнилась отъ шумной радости, вызванной пріѣздомъ отца, только когда онъ вышелъ взглянуть на хозяйство. Но такъ какъ успокоиться и взяться за какое-нибудь дѣло я еще не была способна, то выскочила въ лакейскую здороваться съ также пріѣхавшими поваромъ Трофимомъ и лакеемъ Егоромъ, которыхъ отецъ всюду бралъ съ собою. Я очень удивилась, увидѣвъ рядомъ съ ними новое лицо, и тотчасъ обратилась къ нему съ безцеремоннымъ вопросомъ:

— А ты кто?

— Яковъ фершалъ, барышенька!

Отвѣтъ сопровождался самой добродушной улыбкой. За эту улыбку я сейчасъ съ Яковомъ и освоилась. Дѣти—отличные физіономисты: мнѣ достаточно было улыбки Якова, чтобы тотчасъ понять, что зла въ немъ нѣтъ ни „капельки“.

Въ немъ зла и не было, хотя грѣшенъ онъ, можетъ быть, былъ во многомъ; впрочемъ, я тогда объ этомъ вовсе не думала, а просто про себя разсудила, что передо мною стоитъ такой человѣкъ, который не будетъ браниться, какъ Егоръ, за то, что я сунусь въ кухню за убѣжавшей туда кошкой; что онъ не заворчитъ, какъ Трофимъ, если я утащу приготовленный къ столу хлѣбъ и разбросаю его собакамъ и воробьямъ. Нѣтъ, этотъ новый не таковъ; онъ, можетъ быть, и сказки разсказывать умѣетъ новыя, неслыханныя еще, можетъ быть—и невиданныя игрушки умѣетъ дѣлать...

— А ты откуда?—продолжала я допрашивать Якова, усѣвшись на столѣ въ лакейской.

— Откуда? Съ Харьковщины!—отвѣчалъ онъ.

— А сюда зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Съ папашей вашимъ пріѣхалъ, служить вамъ буду; заболѣете, чего не дай Боже, я васъ и вылечу.

— А ты умѣешь?

— Долженъ умѣть: шесть лѣтъ съ лишнимъ учился въ фершальской школѣ у Харьковѣ.

— Вѣдь ты не нашъ... тебя папаша нанялъ тамъ на Кавказѣ или купилъ?

По лицу Якова точно туманомъ прошло, впрочемъ на одну только минуту; онъ тотчасъ опять улыбнулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, барышенька, не купилъ меня папаша вашъ и не нанялъ, а такъ я самъ къ нему пришелъ,—простой онъ баринъ, добрый...

Отвѣтъ этотъ не вполнѣ удовлетворилъ меня, но дальнѣйшаго вопроса у меня въ ту минуту не навернулось, и я молча принялась разглядывать Якова. Одѣтъ онъ былъ, какъ одѣвались деревенскіе барскіе лакеи, въ поношенное и даже грязноватое платье нѣмецкаго покроя. Ему было тогда года двадцать-три, двадцать-четыре, но онъ казался старше. Темнорусые волосы его были обстрижены въ кружокъ и слегка вились; борода была обрита; длинные темные, козацкіе усы спускались низко и отчасти закрывали ротъ, изъ котораго при улыбкѣ мелькалъ рядъ ровныхъ, бѣлыхъ зубовъ. Лицо Якова было смуглое, носъ прямой, брови черныя, глаза каріе,—выражали они какую-то добродушную смышленость.

Я тогда вовсе не останавливалась на всѣхъ этихъ подробностяхъ, хотя все подмѣтила, а про себя вторично рѣшила, что Яковъ „хорошій".

Разговоръ нашъ скоро прекратился, такъ какъ Якова позвали обѣдать, а меня увела Наталья Васильевна, гувернантка моя, и засадила за какое-то дѣло.

Мнѣ очень хотѣлось узнать, какъ именно попалъ Яковъ къ папашѣ, и я получила желанное разъясненіе чуть ли не въ тотъ же день, прислушавшись къ разговору отца съ Натальей Васильевной. Я была такая непосѣда, что рѣдко слышала начало и конецъ какого бы то ни было разговора между взрослыми; и на этотъ разъ я вскочила въ комнату въ то время, когда отецъ говорилъ, вѣроятно, въ отвѣтъ на вопросъ Натальи Васильевны.

— ...А вотъ какъ: иду я по базарной площади въ Тифлисѣ и вдругъ слышу: „Здравствуйте, батюшка, Николай Матвѣевичъ"! Оглядываюсь, смотрю,—стоитъ торговецъ худой, блѣдный, оборванный; чѣмъ уже онъ торговалъ—не помню, кажется—фруктами какими-то. Я удивился, что онъ меня называетъ по имени, спрашиваю: кто ты такой и почему ты меня знаешь?

— А какъ же мнѣ не знать васъ, баринъ: вы еще у насъ въ Ольшанкѣ, года три тому назадъ, гостили у братца двоюроднаго, а моего барина, Алексѣя Ильича... Меня гдѣ же вамъ помнить, конечно; я—Яковъ Хохленковъ, младшимъ фершаломъ былъ у

нихъ въ ихней деревенской больницѣ.—Говоритъ это все съ ихнимъ хохлацкимъ выговоромъ, но, однако, совсѣмъ понятно. —Такъ ты здѣсь съ Алексѣемъ Ильичемъ?—спрашиваю;—давно ли и зачѣмъ вы здѣсь?—На воды пріѣхали? И самъ недоумѣваю, почему это фельдшеръ въ Тифлисѣ фруктами торгуетъ, если онъ съ господиномъ своимъ пріѣхалъ... Чтó за чепуха! думаю...

— Нѣтъ, сударь,—отвѣчаетъ:—не съ бариномъ я тутъ, а самъ по себѣ, въ бѣгахъ третій годъ состою...

— Можете себѣ представить, какъ это меня огорошило... до того, что я сначала ничего ему и сказать не нашелся. Потомъ, однако, сталъ я его допрашивать, какъ и почему онъ бѣжалъ... Только крутилъ онъ что-то крутилъ, про какую-то чертовщину разсказывалъ, ничего я такъ и не понялъ; вижу просто, что ничего не хочетъ сказать о настоящей причинѣ своего бѣгства. Впрочемъ, она мнѣ и безъ этого достаточно понятна: братецъ мой съ крѣпостными своими таки-товò...—Какъ же ты,—говорю,—любезный, не боишься, что я тебя велю забрать и по этапу къ барину отправить?..—А онъ нисколько не смутился даже, а только сказалъ:

— Немного корысти отъ меня барину будетъ... поэтому живой не дойду; я и теперь чуть живъ, всего съ недѣлю какъ и на ногахъ, полгода ломотой съ простуды хворалъ, а теперь отъ горячки вотъ выздоравливаю; кàкъ и вовсе не померъ, не знаю... И хочу я васъ вотъ что попросить, батюшка, Николай Матвѣевичъ: возьмите вы меня съ собой и держите у себя!..

— Да какъ же это,—говорю,—братецъ, можно! Я на это права не имѣю; разъ ты у меня, я обязанъ тебя барину твоему отдать.

— Нѣтъ,—говоритъ,—вы меня барину не отсылайте, а я ужъ вамъ послужу...

— Пренесчастный этакій видъ у него былъ, и мнѣ его очень жаль сдѣлалось; но такъ-таки сразу рѣшиться взять его я не могъ, и арестовать его не хотѣлъ: я вѣдь не полицейскій, не исправникъ какой, чортъ побери... Ну, и говорю ему; ужо тамъ посмотримъ... думаю, можетъ быть, онъ и голоденъ; далъ ему мелочи и велѣлъ зайти вечеромъ. А когда онъ пришелъ, то я уже не рѣшился его прогнать и взялъ съ собой... Алексѣю Ильичу я объ немъ ничего не писалъ; я бы, положимъ, готовъ былъ и заплатить за него,—человѣкъ онъ трезвый и услужливый,—да мой любезный братецъ такой самодуръ, что для удовольствія запороть бѣглаго на конюшнѣ и самъ еще готовъ приплатить... Между

тѣмъ, положеніе не совсѣмъ пріятное: я вѣдь тоже не укрыватель, не пристанодержатель...

Наталья Васильевна какъ-то взволнованно перебила отца.

— А если этотъ человѣкъ воромъ какимъ-нибудь окажется?.. Вдругъ возьметъ обокрадетъ, убьетъ, домъ спалитъ! Ахъ, Николай Матвѣевичъ, вы ужъ слишкомъ добры!.. И сколько у васъ этихъ разныхъ пришлыхъ въ усадьбѣ, просто страшно иногда...

— Вотъ глупости какія!—безцеремонно вмѣшалась въ разговоръ и я, возмущенная предположеніями Натальи Васильевны. —Я вонъ думаю, что Яковъ хорошій, а вы чтó выдумали!..

— Ну, да ты, Машенька, готова со всякимъ мужикомъ дружиться... Не смѣй съ этимъ Яковомъ говорить, слышишь!..

— А я буду! Папа говоритъ, что онъ больной, жалкій, а вы выдумали, что онъ домъ спалитъ...

Отецъ морщился. Онъ и самъ въ сущности не зналъ, чтó думать о Яковѣ, и въ то же время всякія сомнѣнія насчетъ его добропорядочности перевѣшивались чувствомъ состраданія. Теперь онъ всталъ съ мѣста, и, по обычаю, словно отмахнулся отъ немедленнаго рѣшенія вопроса: можетъ ли Яковъ оказаться вреднымъ, или нѣтъ... Выходя изъ комнаты, онъ снова повторилъ:

— Ужо тамъ увидимъ...

Въ этомъ, однако, высказалось, что онъ не вполнѣ серьезно предполагалъ разбойническія наклонности у Якова. Какъ ни было противно характеру отца рѣшать что-нибудь сразу,—не сказалъ бы онъ: „ужо посмотримъ“, еслибы дѣйствительно думалъ, что Яковъ можетъ обокрасть или убить кого-нибудь, или усадьбу спалить.

Чтó тамъ ни думалъ отецъ, но Якова продолжалъ держать у себя и обходился съ нимъ, по своему обычаю, добродушно, свысока, не дѣлая никакого различія между нимъ и остальными людьми. Что касается Якова, то онъ съ перваго же дня прижился на новомъ мѣстѣ, точно бы и вѣкъ тутъ жилъ.

Дня черезъ три по пріѣздѣ, отецъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ послѣ утренняго чаю. Я вертѣлась тутъ же.

— Ну, Яковъ, чтó скажешь? Куда мнѣ тебя опредѣлить? Поваръ есть, лакеевъ мнѣ десяти человѣкъ не нужно, кучеровъ и конюховъ достаточно... а безъ дѣла ты и самъ соскучишься... Фельдшеру, положимъ, дѣло найдется, только вѣдь я не знаю, насколько ты умѣющій человѣкъ... Да ты, поди, въ странствіяхъ своихъ все перезабылъ, а?

— Какъ можно, баринъ,—отвѣчалъ Яковъ:—извѣстно, много фершествовалъ я, въ бѣгахъ будучи,—такъ перебивался, торгов-

лишкой больше, да и мало ли чего не приходилось дѣлать— нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ... Только забыть ничего не забылъ... Ежели милость ваша будетъ выписать мнѣ книжку одну да лекарствъ по реестрику, такъ съ божьей помощью я и за дѣло примусь...

Отецъ приказалъ Якову написать реестрикъ и заглавіе книги, выписалъ все требуемое, и Яковъ принялся лечить окрестныхъ крестьянъ,—и ничего плохого изъ этого не вышло: больныхъ являлось много, а позже даже окрестные помѣщики стали обращаться къ нему за помощью.

Помѣстили Якова на житье въ комнаткѣ возлѣ теплицы въ саду, гдѣ прежде жилъ садовникъ, теперь женившійся и перемѣщенный въ болѣе просторную избу. Теплица выходила фасадомъ на зеленый лужокъ, по которому искрились на солнцѣ стекла расположенныхъ тамъ въ два ряда парниковъ; сзади шумѣла сосновая роща, защищавшая теплицу отъ сѣверныхъ вѣтровъ; за рощей тянулось длинное, извилистое озеро. Стояла теплица совсѣмъ на концѣ сада, и было что-то таинственное во всегдашней тишинѣ этого мѣста и въ мирномъ пѣвучемъ шелестѣ сосновыхъ вершинъ рощи. Якову его помѣщеніе очень нравилось—по крайней мѣрѣ онъ часто отзывался о немъ такъ: не мѣсто—рай!

Итакъ, Яковъ прижился у насъ и пріобрѣлъ всеобщее расположеніе. Ссоръ у него ни съ кѣмъ не было; съ Михайлычемъ же и со мной установилась большая дружба. Отецъ мой имъ былъ доволенъ и даже какъ будто гордился тѣмъ, что у него есть фельдшеръ, приносящій такую пользу всей окрестности. Относительно законности житья Якова у насъ вопросъ такъ и не поднимался: отложивъ его на будущее время, отецъ такъ и не возвращался къ нему. Говоря, что Яковъ пріобрѣлъ всеобщую любовь, я, впрочемъ, ошибалась. Натальѣ Васильевнѣ онъ такъ и не съумѣлъ внушить не только расположенія, но даже и довѣрія. Она больше не возставала противъ него, но вѣчно была на-сторожѣ въ его присутствіи. Я даже подмѣтила, что она не спускаетъ глазъ съ серебряныхъ ложекъ, когда случалось, что Яковъ приходилъ въ домъ во время, напримѣръ, вечерняго чая; это выходило тѣмъ смѣшнѣе, что Яковъ и не подходилъ къ столу, а обыкновенно останавливался въ дверяхъ прихожей и оттуда бесѣдовалъ съ бариномъ. Прихворнули мы какъ-то не то корью, не то гриппомъ. Отецъ испугался и позвалъ Якова, чтобы осмотрѣть насъ. Яковъ смастерилъ какую-то микстуру, которую отецъ приказалъ намъ принимать; однако Наталья Васильевна согласилась на это только съ условіемъ, что она сама сначала выпьетъ

цѣлую стклянку, и если въ теченіе двухъ дней послѣ этого съ ней ничего не случится, то дасть и намъ; она такъ и сдѣлала, прочитавъ сначала молитву.

И еще не пришелся Яковъ по душѣ въ дѣвичьей. Онъ былъ съ женскимъ поломъ необыкновенно вѣжливъ и предупредителенъ, но никогда не заглядывалъ къ дѣвушкамъ, и всѣ сношенія его съ ними ограничивались леченьемъ, если кто заболѣвалъ, а въ остальное время—вѣжливымъ поклономъ. Его прозвали гордецомъ, какъ за это, такъ и за то, что, когда ему нужно было сшить манишки или рубашки, онъ обращался не къ кому иному, какъ къ моей нянѣ Дементьевнѣ, щедро платя ей за работу. Дементьевна, измученная семейными невзгодами, была чуть не со всей дворней зубъ-за-зубъ, едва щадя даже почитаемаго всѣми Михайлыча,— Якова же она очень уважала и никогда не бранилась съ нимъ.

Я въ то время очень интересовалась всею внутреннею жизнью обитателей Березая, знала всѣ ихъ заботы и горести и радовалась ихъ радостямъ, и меня весьма удивило бы, если бы кто нибудь, помимо Натальи Васильевны, вздумалъ мнѣ доказывать, что жизнь эта интереса не заслуживаетъ. Наталья Васильевна же хотя и постоянно пыталась научить меня, что барышнѣ неприлично якшаться съ дворней, но такъ какъ я вскорѣ по пріѣздѣ ея къ намъ рѣшила, что она вообще говоритъ больше „глупости", то и на подобныя наставленія, какъ вообще на все исходящее отъ нея, не обращала никакого вниманія. Я также не имѣла привычки разсказывать ни ей, ни отцу, о томъ, что видѣла и слышала по отношенію къ прислугѣ, и поэтому меня не стѣснялись и, спасибо этимъ добрымъ старымъ друзьямъ, кажется, любили, забывая вполнѣ при видѣ ласковаго ребенка, что изъ него растетъ для нихъ опять госпожа, которая вѣроятно, не стѣсняясь, будетъ владѣть себѣ подобными живыми существами и гнуть ихъ по своему капризу въ ту или другую сторону. Этого впослѣдствіи не случилось; но кто знаетъ, что̀ было бы, если бы я родилась годами пятнадцатью раньше. Вспоминается мнѣ при этомъ единственная моя ссора съ Яковомъ, только закрѣпившая, впрочемъ, нашу послѣдующую дружбу. Это произошло вскорѣ по его водвореніи у насъ. Бѣдная раздражительная моя Дементьевна, случалось, бывала и со мною неласкова, а иногда даже очень рѣзка. Это вызывало отпоръ и съ моей стороны, и мы бранились. — Я говорила:—Ты, няня, злая!—Она отвѣчала мнѣ:—А ты, капризница, стыдилась бы: хороша барышня, нечего сказать! вонъ у Антона Лупанова Машка, такъ и у той разуму больше.—Лупанова Машка была полуидіотка, блаженненькая, трепаная, грязная и косноязычная.

Разъ Дементьевна вздумала приводить въ порядокъ мое помятое и разстегнутое платье въ ту самую минуту, какъ я выскочила на крыльцо, чтобы бѣжать къ Михайлычу на застольную, куда Наталья Васильевна всегда неохотно пускала меня. Я боялась, чтобы она меня не настигла, и нетерпѣливо рвалась изъ рукъ Дементьевны, которая какъ въ тиски зажала меня между своей тучной фигурой и перилами крыльца. И тутъ, вырываясь, я безъ всякаго намѣренія попала ей локтемъ въ щеку, да такъ несчастливо, что какъ разъ противъ больного зуба.—Ой!—вскрикнула она:—ахъ, безстыдница! уже теперь драться вздумала, въ такіе годы...—Она схватилась рукой за щеку и заплакала. Въ это время шелъ на крыльцо Яковъ:—Рано, рано, барышня!—сурово замѣтилъ онъ:—коли теперь драться стали, то, какъ выростете, станете дѣвокъ на горячую плиту сажать, какъ у насъ близъ Ольшанки была барыня одна.

— Неправда, неправда!—отчаянно крикнула я и безъ памяти побѣжала къ Михайлычу. Старикъ не скоро понялъ, въ чемъ дѣло: я такъ всхлипывала и такъ несвязно разсказывала ему свое горе: —Я не нарочно, дѣда, ей-Богу, не нарочно! а Яковъ говоритъ: на плиту!.. При мысли объ этой плитѣ я начинала еще громче плакать: всякое чужое страданіе необыкновенно болѣзненно отзывалось во мнѣ, производя чуть не физическую боль въ груди, а тутъ говорятъ, что я живыхъ людей печь стану! Когда, часа черезъ полтора, Яковъ пришелъ на застольную ужинать, я только-что было утѣшилась, но, увидѣвъ его, опять горько заплакала. Михайлычъ обидчиво обратился къ нему:—Ишь тоже, умная голова, дитё какъ растревожилъ: вѣдь вотъ заливается, утѣшиться не можетъ...

— Чтожъ, потакать имъ, что-ли, съ этихъ годовъ?—замѣтилъ Яковъ такъ же сурово, какъ прежде:—для ихняго добра унимать надо.

— Да она со зла, что-ли!—отвѣчалъ Михайлычъ, гладя меня по головѣ:—она вонъ червяка не давитъ; вонъ того, что на удочкѣ вертится, жалѣетъ—эхъ вы! И ежели, теперича, Дементьевна... она всякаго растравитъ... да и Машенька вѣдь не нарочно ее толкнула. Ну, а что нянюшку слушаться надо, это точно, и вертѣться не надо, а то вонъ како горе нажить можно...—одновременно утѣшалъ и поучалъ меня старикъ.

— Ты только одинъ добрый, Михайлычъ,—говорила я:—ты знаешь, что я нечаянно.

— Ну, нишкни, нишкни, извѣстно знаю. А ты, Яша, напрасно: у ней душка нѣжненькая, и не то ей обидно, что ты ее

постыдилъ, а что подумалъ, будто со зла она Дементьевну толкнула, вотъ оно что! И на счетъ плиты это ты тоже напрасно: испужалъ ты ее этимъ больно и не годится дитё малое такъ пужать.

— Ну, простите, барышня, что я такъ посмѣлъ васъ обидѣть!..—обратился-было ко мнѣ насмѣшливо Яковъ, раздраженный укорами старика; но Михайлычъ не далъ ему договорить.

— Это ты, парень, ужъ совсѣмъ понапрасну,—строго прервалъ онъ его:—нѣту въ ей барской фанаберіи этой вовсе, а какъ есть она дитё божье: живетъ на свѣтѣ, что цвѣточекъ цвѣтетъ, и жалѣемъ мы всѣ ее за это вотъ какъ!—Старикъ взялъ меня на колѣни и поцѣловалъ.—Наша она, дѣвушка махонькая... Чтó потомъ Богъ дастъ, не знаю, а пока мы, значитъ, не за госпожу ее почитаемъ, а за сироточку божью... Мать Господь прибралъ, отецъ больше въ разъѣздахъ... у чужихъ подъ началомъ растетъ она—жалѣть ее надо... Ты тò пойми: коли ее жалѣть да любить будутъ, и въ ней зла не будетъ, станетъ и она жалѣть всякаго крещенаго.

Чувствуя болѣе, нежели понимая, глубокую человѣчность Михайлыча, я мало-по-малу утѣшилась. Старикъ уговорилъ меня пойти повиниться Дементьевнѣ, которая не преминула меня добродушно простить, тѣмъ болѣе, что зубъ ея пересталъ болѣть. Что касается Якова, то онъ сталъ очень мягко относиться ко мнѣ, особенно послѣ того, какъ Дементьевна сообщила ему, что я ночью проснулась съ горькими слезами и, обнявъ ее, говорила ей:—Яковъ думаетъ, что я злая, что я людей на горячую плиту сажать буду!..

— И, Яковъ не хотѣлъ тебя обидѣть,—утѣшала меня Дементьевна:—ишь ему, бѣдному, сколько отъ господъ терпѣть пришлось... Онъ, тебя же жалѣючи, и остановилъ.

— Онъ думаетъ—я злая...

— Нѣтъ, не думаетъ, спи лучше, будь умница,—никто и не подумаетъ, что ты злая.

— А у тебя зубъ больше не болитъ, няня?

— Нѣтъ, не болитъ—спи, а не то вотъ такъ-то, надъ тобой стоючи босикомъ, и опять разболится.

Этотъ побѣдоносный аргументъ заставилъ меня замолчать и улечься, послѣ чего я и заснула.

III.

Очень несложна была жизнь въ нашемъ Березаѣ — до того несложна, что каждое, самое малѣйшее, отступленіе отъ однообразной обыденности раздувалось въ размѣры необыкновеннаго происшествія. Наталья Васильевна не менѣе, если не болѣе другихъ обращала вниманіе на эти происшествія. Но какого бы рода они ни были, размышленія, которымъ она предавалась по поводу ихъ, носили всегда одинъ и тотъ же характеръ. Именно, она опасалась воровъ, разбойниковъ и предательства отъ „хамовъ". Что же мудренаго, что она первая замѣтила облако печали на лицѣ Якова, и тотчасъ приписала его какимъ-то зловреднымъ намѣреніямъ по отношенію къ серебру, и т. д. Какъ-то за утреннимъ чаемъ Яковъ, по обыкновенію, зашелъ къ отцу сообщить ему объ одномъ изъ больныхъ крестьянъ, которымъ отецъ очень интересовался. — А замѣтила ты, Машенька, — таинственно шепнула мнѣ Наталья Васильевна, когда отецъ и Яковъ ушли изъ залы, — Яковъ-то сегодня какой-то странный: всегда смѣется, даже непріятно бываетъ, а сегодня не улыбнулся ни разу?

— Я думаю, что онъ по своей Ольшанкѣ соскучился, — отвѣтила я.

— „Я думаю, я думаю"... передразнила меня Наталья Васильевна. — Ты вѣчно рѣшаешь не подумавши, а вовсе не думаешь. Что ему по Ольшанкѣ скучать?.. И отчего именно сегодня вотъ взялъ, да и соскучился! Отчего не раньше и не позже? А по моему, — подчеркнула она: — задумалъ онъ что-нибудь неладное, вотъ что. И какъ это Николай Матвѣевичъ, право, не присмотритъ за нимъ...

— Вѣдь вотъ, Наталья Васильевна, какъ вы не любите Якова! Ну, чтó онъ вамъ сдѣлалъ? — досадливо перебила я.

— Не сдѣлалъ, а ужъ навѣрное сдѣлаетъ, только не мнѣ. — Я чтó? — чтó съ меня взять? — ворчливо продолжала Наталья Васильевна. — Охъ, вѣщунъ сердце, вѣщунъ! Дай Богъ, чтобы я ошибалась!

— Да чего вы боитесь, Наталья Васильевна?

— И сама вотъ не пойму, — призналась, наконецъ, Наталья Васильевна: — вижу я, что не такой Яковъ, какъ всегда, ну и думаю: не затѣваетъ ли чего недобраго?

Когда я въ этотъ день вырвалась къ Михайлычу, то не преминула сообщить ему объ опасеніяхъ Натальи Васильевны,

прибавивъ собственное размышленіе о томъ, что „все это глупости“. Михайлычъ задумчиво качалъ головой.

— Примѣтилъ и я, что скучаетъ Яша; пыталъ я его и допрашивать, да ничего не говоритъ.

— Онъ по Ольшанкѣ скучаетъ, Михайлычъ, — рѣшила я.

— Можетъ и то!—согласился старикъ.

— Вотъ ужъ истинно старый да малый! — вмѣшалась въ разговоръ Вахрамѣевна, жена Михайлыча, случившаяся тутъ же:— не по Ольшанкѣ своей скучаетъ Яковъ, а жениться задумалъ парень—вотъ и заскучалъ.

— Эхъ ты, старая!—ласково-насмѣшливымъ голосомъ осадилъ жену Михайлычъ.—И на комъ тутъ Яшѣ жениться?—ни съ кѣмъ онъ не водится, и никакая изъ нашихъ дѣвокъ ему не подъ пару.

— Да кто-жъ тебѣ говоритъ, что на нашей дѣвкѣ?

— Такъ на комъ же?

— А вотъ на комъ: на одной изъ смотрителевыхъ.

— Ну, ври больше!—Михайлычъ даже отплюнулся.—Вѣдь онѣ какія ни-на-есть, а тоже вотъ барышнями зовутся—смотрителевы-то.

— Анъ и не вру!—обидѣлась Вахрамѣевна.—Вчера кума Степанида изъ Татаровки заглянула за разсадой. „А Яковъ-то Андреичъ,—говоритъ,—вотъ что ни день, то къ Ивану Матвѣичу. Ну, спервоначалу хворала у нихъ меньшая-то, а теперича и здоровы всѣ, а онъ себѣ ходитъ, да ходитъ“. Такъ ужъ тутъ дѣло должно, что не спроста.

— И не проживутъ эти бабы безъ сплетокъ,—добродушно-презрительно произнесъ Михайлычъ.

Я вернулась домой, очень занятая всѣмъ слышаннымъ, и, желая оправдать Якова въ глазахъ Натальи Васильевны, тотчасъ торжественно сообщила ей о томъ, что слышала. Наталья Васильевна возмутилась и принялась мнѣ доказывать, что какъ, по ея мнѣнію, ни плохъ Яковъ, но до того забыться, чтобы задумать — ему, крѣпостному человѣку,—жениться на дочери станціоннаго смотрителя, чиновника, хотя бы и четырнадцатаго класса, онъ все-таки, вѣроятно, не посмѣлъ бы.

Но я должна кое-что сказать объ этомъ смотрителѣ и его дочкахъ, чтобы стало понятнымъ, почему Михайлычъ обозвалъ сплетнями догадки татаровской кумы, а теперь возмутилась и Наталья Васильевна.

Въ трехъ верстахъ отъ Березая находилась наша же деревня Татаровка, гдѣ помѣщалась и почтовая станція. Немало гордости испытывали мы въ дѣтствѣ, когда намъ удавалось на почтовой картѣ Россіи разыскать свою Татаровку. Имѣя почтовую станцію, Татаровка имѣла и станціоннаго смотрителя, Ивана Матвѣевича—фамилію его рѣшительно не припомню, да врядъ ли я ее когда и знала. Каждый годъ мы ѣздили гостить недѣль на шесть къ бабушкѣ, въ тверскую губернію. Поѣздки эти совершались въ огромномъ рыдванѣ, шестерикомъ. Дорога шла черезъ Татаровку. Три версты, отдѣлявшія усадьбу отъ нея, было особенно пріятно ѣхать. Карета катилась какъ-то необыкновенно легко по гладкому полотну шоссе—послѣ убійственной полуверсты песками въ гору отъ дома до „поворотки на трахтъ". Форейторъ Митька присвистывалъ, Прохоръ — бывшій лихой татаровскій ямщикъ— любовно разговаривалъ съ гнѣдымъ и вороненькимъ и стыдилъ саврасаго и чалаго за лѣнь.

Мы совершенно незамѣтно доѣзжали до Татаровки, гдѣ неминуемо происходила остановка: непремѣнно подозрѣвалось, что то или другое позабыто; почти всегда, впрочемъ, это оказывалось ложной тревогой. Какъ только равнялись мы съ почтовой станціей, Иванъ Матвѣевичъ выскакивалъ изъ нея въ полной парадной формѣ, съ чѣмъ-то въ родѣ пожарной каски на головѣ, и дѣлалъ намъ „на караулъ". Когда я его въ первый разъ увидѣла, мнѣ захотѣлось неудержимо расхохотаться; но едва я бросила на него снова взглядъ, какъ вся моя охота смѣяться прошла и замѣнилась чрезвычайно тяжелымъ чувствомъ. Прежалкое было лицо у Ивана Матвѣевича. Какое-то убитое и печальное, несмотря на то, что онъ старался почтительно и любезно улыбнуться, отвѣшивая намъ всѣмъ по поклону послѣ перваго „на караулъ". Тяжело было смотрѣть на эти моргающіе, красные, слезливые глазки, опухшій сизо-багровый носъ, подергивающійся на углахъ ротъ, небритый подбородокъ и тысячи мелкихъ морщинъ, бороздившихъ лицо и сбѣгавшихся особенно густо вокругъ глазъ и рта. Самая фигура Ивана Матвѣевича была не менѣе жалка: дрожащія руки онъ держалъ по швамъ; спина была сутуловата, сгорблена; ноги какъ будто подгибались въ колѣняхъ.

Я часто потомъ спрашивала себя, глядя на Ивана Матвѣевича: какъ это люди вообще доходятъ до того, что и всей фигурой, и лицомъ выражаютъ такую степень приниженности?

Большей частью, какъ я упомянула, оказывалось, что ничего не позабыто; но разъ случилось, что дѣйствительно былъ забытъ ящикъ книгъ, который отецъ обѣщалъ свезти бабушкѣ. За ними

пришлось отправить въ усадьбу посланца на крестьянской телѣгѣ и ждать его возвращенія около часа. Мы вышли изъ экипажа.

Иванъ Матвѣевичъ, конфузясь и заикаясь, попросилъ насъ зайти на станцію и даже предложилъ самоварчикъ поставить. Отецъ сердился и сначала было не хотѣлъ входить въ станціонный домъ, но, наконецъ, вошелъ, хотя отъ чаю, и за себя, и за насъ, рѣшительно отказался.

Станція состояла изъ небольшого домика, величиной съ двойную избу. Насъ ввели въ комнату для проѣзжающихъ. Она была, какъ и вездѣ, снабжена диваномъ и полудюжиною стульевъ, крытыхъ черною волосяною матеріей; были тутъ и лежанка, и простѣночное зеркало, засиженное мухами. Зато полъ былъ необыкновенно чистъ; на окна, съ ихъ бѣлыми каленкоровыми занавѣсками и горшками бальзаминовъ и воскового плюща, было пріятно смотрѣть. За перегородкой, отдѣлявшей станціонную комнату отъ помѣщенія самого смотрителя, слышался шепотъ, и смѣхъ, и униманье этого смѣха. Мы молча разсматривали висѣвшія на стѣнахъ раскрашенныя литографіи, представлявшія взятіе Карса и плѣненіе Шамиля, какъ вдругъ дверь, ведшая за перегородку, отворилась, и къ намъ вышла особа не первой уже молодости.

— Честь имѣю рекомендоваться,—произнесла она.—Пелагея Ивановна—старшая дочка Ивана Матвѣича.

За Пелагеей Ивановной дверь не сразу захлопнулась; я успѣла сосчитать четыре женскихъ головы, то высовывавшіяся, то прятавшіяся; дольше всѣхъ было видно краснощекое, въ веснушкахъ лицо, обрамленное цѣлой копной спутанныхъ рыжевато-русыхъ волосъ. Лицо, повидимому, принадлежало дѣвушкѣ лѣтъ пятнадцати.

— Очень рада познакомиться, — между тѣмъ продолжала Пелагея Ивановна, присѣдая и затѣмъ всѣмъ намъ по-очереди подавая руку и даже цѣлуясь съ нами. Она была очень невысокаго роста и удивительно угловата и костлява; у нея были не рыжеватые, а желтовато-русые волосы и точно изъ желтаго дерева грубо вырубленныя черты лица, съ котораго точно еще прошлогодній загаръ не сошелъ, когда налегъ слой новаго. Глаза ея были сѣрые, какъ у отца, но не моргали и не слезились, а смотрѣли какъ-то особенно ясно и открыто. Руки Пелагеи Ивановны были очень жестки; лицо и волосы лоснились: лицо—отъ пота, волосы—отъ коровьяго масла, которымъ щедро были пропитаны. Вообще наружность ея была очень некрасива и неизящна, и въ то же время вся она и ея нарядъ—далеко не новое лиловое

туго-накрахмаленное ситцевое платье, и вышитый узкій воротникъ, хомутомъ вылѣзавшій изъ слишкомъ широкаго ворота лифа, и полинялый розовый галстучекъ, завязанный аккуратнымъ бантикомъ—вовсе не были почему-то ни смѣшны, ни жалки. Мы расцѣловались съ нею и размѣстились на диванѣ и стульяхъ.

Пелагея Ивановна принялась насъ занимать—спрашивала, не скучаемъ ли мы въ деревнѣ, извинялась, что никакъ не собралась сдѣлать намъ визита.

— Разъ не рѣшишься,—говорила она,—а тамъ и некогда, то, да другое... такъ и не побывала. Ну, и сестеръ—не знаешь брать, не знаешь дома оставить; вонъ четыре ихъ у меня: Марья большая, да Софья, да Наталья, да Марья меньшая... Прошлое воскресенье даже и у обѣдни быть не удалось—папенька прихворнули...—Пелагея Ивановна вздохнула. Слово „папенька" она произносила жеманно, какъ-то въ родѣ: „пынинька".

— Что̀ такое было съ Иваномъ Матвѣевичемъ?—спросила я.

Пелагея Ивановна сконфузилась и не сразу отвѣтила, потомъ она тихо проговорила:

— Ихняя болѣзнь-съ.

Мнѣ было совѣстно, что я сразу не вспомнила о томъ, что слышала раньше,—именно, что Иванъ Матвѣевичъ временами страдаетъ запоемъ.

Посланный между тѣмъ вернулся, и мы поѣхали дальше, распростившись съ Пелагеей Ивановной и пригласивъ ее непремѣнно побывать у насъ по нашемъ возвращеніи въ Березай.

Во время нашихъ прогулокъ съ дѣдкой Михайлычемъ по березайскимъ лѣсамъ и полямъ, намъ довольно часто приходилось встрѣчать Ивана Матвѣевича; онъ прежде всего былъ страстный рыболовъ, но не менѣе насъ любилъ ходить и за грибами. Одѣтъ онъ былъ въ это время въ старый, истасканный, засаленный и заплатанный вицъ-мундиръ. На головѣ его былъ когда-то широкополый, но теперь лишенный полей брычъ. О семьѣ Ивана Матвѣевича и всей его жизни я знала только то, что уже сообщала Пелагея Ивановна. Впрочемъ и знать-то вообще нечего было, кромѣ того, что онъ вдовъ, крѣпко глухъ и пьетъ временами запоемъ, да еще, пожалуй, и то, что жалованье получаетъ что-то неимовѣрно маленькое, такъ что ему, съ Пелагеей, Марьей большой, да Софьей, да Натальей, да Марьей меньшой, частенько приходится очень тяжело. Къ какому классу чиновничества принадлежалъ Иванъ Матвѣевичъ—не знаю; извѣстно мнѣ только, что онъ считалъ себя дворяниномъ, а дочекъ своихъ—барышнями,

каковыми себя считали и онѣ. Одѣвались онѣ, какъ сказано, въ нѣмецкое платье и каждое воскресенье непремѣнно бывали въ церкви не иначе какъ въ шляпкахъ, причемъ становились на лѣвый клиросъ, куда доступъ былъ открытъ только высшему сословію. Въ то же время, вмѣстѣ съ дворянскимъ гоноромъ, въ нихъ уживалось удивительное трудолюбіе: онѣ сами доили свою корову, обрабатывали собственноручно огородъ, стирали бѣлье, шили, стряпали, дрова рубили и даже нанимались къ болѣе зажиточнымъ крестьянамъ на полевыя работы: жать, сѣно убирать и ленъ таскать. И между тѣмъ та самая баба, которая платила имъ по пятнадцати копѣекъ поденщины, звала ихъ не иначе, какъ Пелагеей или Марьей Ивановной, и въ глаза и за глаза величала смотрителевыми барышнями, не примѣшивая къ этому послѣднему названію ни малѣйшей тѣни насмѣшки.

Послѣ перваго знакомства у насъ установились правильныя сношенія со смотрителевыми барышнями; онѣ стали довольно часто являться къ намъ. Я теперь просто съ умиленіемъ думаю о томъ, сколько экономіи и труда было необходимо бѣднымъ дѣвушкамъ, чтобы добиться тѣхъ ужасныхъ пестрыхъ, съ огромными разноцвѣтными клѣтками, шерстяныхъ платьевъ, въ которыхъ онѣ дѣлали намъ свои визиты. Не менѣе удивителенъ былъ и своеобразный тактъ, съ которымъ онѣ держали себя у насъ.

Пелагея, Марья большая, Софья и Наталья — всѣ были на одно лицо, какъ на подборъ, неладно скроены, да крѣпко сшиты. По отношенію къ развитію и образованію, вся разница между ними состояла въ томъ, что Пелагея умѣла читать и писать, Марья читала бѣгло, а Софья и Наталья разбирали по складамъ. Марья меньшая грамотѣ обучена не была, да и во всемъ остальномъ отличалась отъ старшихъ сестеръ своихъ. Насколько тѣ были некрасивы и неуклюжи, настолько Маша была статна, ловка и миловидна. И если бы Пелагея Ивановна позволила ей вмѣсто безобразнаго нѣмецкаго платья надѣть русское, то Маша была бы настоящей красавицей. Вообще Маша поражала избыткомъ силы, здоровья, веселости; удивительно только, какъ случилось, что у бѣднаго, испившагося, несчастнаго Ивана Матвѣевича оказалась такая дочка. Никто во всей деревнѣ не жалъ быстрѣе, не убиралъ сѣмя и не таскалъ льна скорѣе Маши. Она и ткать, и прясть умѣла на-диво. Никто также веселѣе ея не танцовалъ „кадрели“, которой научила деревенскихъ дѣвушекъ Пелагея Ивановна.

„Кадрель“ по праздникамъ танцовалась цѣлымъ дѣвичьимъ обществомъ въ станціонной комнатѣ. Парни сюда не допуска-

лись; безъ парней не было бы, конечно, и музыки, если бы Пелагея Ивановна не нашлась, чѣмъ замѣнить ее; именно, она сама пѣла тоненькимъ сопрано нѣсколько фальшиво и въ носъ „Чижика“. Подъ „Чижика“ танцовались всѣ фигуры сплошь. Мнѣ пришлось разъ быть на такой вечеринкѣ и танцовать съ самой Пелагеей Ивановной подъ ея „Чижика“, причемъ она шла за „кавалера“ и признавалась мнѣ, что за даму и танцовать не умѣетъ.

На вечеринкахъ Пелагеи Ивановны, помимо деревенскихъ дѣвушекъ, присутствовали всегда ея закадычныя пріятельницы: сухорукая просвирня Акулинушка и сестра ея Паша, извѣстная подъ именемъ „просвирниной Паши“. Обѣ сестры также принадлежали къ деревенской аристократіи, будучи „духовными дѣвицами“. Онѣ, какъ и смотрителевы барышни, гордо держали себя съ „мужиками“ и знались только съ чиновнымъ и духовнымъ міромъ, хотя были еще бѣднѣе смотрителевыхъ, ютились въ крошечной избушкѣ, вросшей въ землю, и существовали одиннадцатью рублями годового жалованья Акулинушки да заработками Паши, умѣвшей вышивать и шить. Хотя Акулинушка и Паша не были въ состояніи устраивать вечеринокъ, но, въ отплату за приглашеніе на таковыя, въ свою очередь, зазывали смотрителевыхъ къ себѣ, и всѣмъ обществомъ, вслѣдъ за неминуемымъ чаепитіемъ въ прикуску, совершали прогулки къ „Ключку“.

„Ключкомъ“ назывался источникъ, вытекавшій изъ невысокаго песчанаго, заросшаго кустарникомъ, обрыва, какіе встрѣчаются на Валдайской возвышенности. Развѣсистая, старая береза высилась надъ нимъ и надъ большой гранитной глыбой, точно стерегшей источникъ и занесенной сюда неизвѣстно изъ какой невѣдомой дали разливами доисторическихъ морей. Такія глыбы нерѣдко встрѣчаются у насъ, и одиноко лежатъ на поляхъ или среди лѣсовъ—эти свидѣтели неизвѣстнаго намъ темнаго прошлаго, пока не увезетъ ихъ какой-нибудь промышленникъ, чтобы разбить на щебень для дороги, по которой топчутъ ихъ лошади и люди, пока онѣ не превратятся въ пыль, а послѣднюю вода и вѣтеръ разнесутъ потомъ по всему лицу земли.

Художественныя стремленія духовныхъ и смотрителевыхъ дѣвицъ выражались, къ сожалѣнію, не тѣмъ только, что онѣ ходили любоваться Ключкомъ, а высказывались и менѣе безукоризненнымъ образомъ, именно—пристрастіемъ къ плохимъ литографіямъ и своеобразнымъ отношеніемъ къ народнымъ пѣснямъ, которыя онѣ, гдѣ могли, замѣняли „романсами“. Если же имъ и случалось пѣвать „мужицкія“ пѣсни, то, находя ихъ грубыми, онѣ всегда переправляли ихъ. Напримѣръ, припѣвъ: „Заинька бѣлая“,

встрѣчающійся во многихъ хороводныхъ пѣсняхъ, замѣнялся словами: „розочка алая“, а „Ой, дидъ ладо“, словомъ: „виноградъ“.

Паша никогда ни къ кому не ходила на жнитво или сѣнокосъ, но весьма охотно шила поденно, гдѣ бы ни пришлось. Шить у насъ она очень любила. Пелагея Ивановна и ея сестры между тѣмъ ни за что не согласились бы придти къ намъ на какую-нибудь работу, изъ невысказанной боязни, что имъ придется обѣдать съ прислугой, — чѣмъ не стѣснялась вовсе и не оскорблялась причетническая дочка, Паша. Впрочемъ смотрителевы барышни напрасно боялись такого оскорбленія, которому ихъ, вѣроятно, не подвергли бы у насъ. Пашѣ можно было подарить, не боясь ее обидѣть, и поношенное платье. Смотрителевы барышни принимали въ даръ только шляпки или галстучки.

Въ гости къ намъ онѣ, впрочемъ, какъ сказано, ходили, и, признаюсь, таки-утомляли меня. Съ Пашей можно было быть за-просто, бѣгать купаться, ходить по грибы и ягоды. Пелагея же съ сестрами сразу стали на такую ногу, что ихъ приходилось усадить въ гостиной и занимать разговорами; а такъ какъ ни по лѣтамъ и ни по чему другому у насъ съ ними не было рѣшительно ничего общаго, то послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьи, воцарялось томительное молчаніе, изъ котораго всѣхъ насъ выводило только угощеніе или чинная прогулка по саду. Впрочемъ дочки Ивана Матвѣевича, повидимому, были довольны тѣмъ, ка̀къ ихъ принимали у насъ, потому что приходили нерѣдко и сидѣли долго.

Нужно прибавить, что между собой онѣ были очень дружны. Пелагею Ивановну слушались какъ мать родную, а меньшую Марью баловали, какъ взросшую уже вполнѣ въ сиротствѣ—ей году не было, какъ умерла ея мать.

Тихо, скучно, бѣдно жили смотрителевы дочки. Пелагеѣ было лѣтъ тридцать-пять, а меньшой Марьѣ шестнадцать, въ то время, когда Яковъ заскучалъ, и Вахрамѣевна съ кумой рѣшили, что онъ задумался о смотрителевой барышнѣ. Что касается меня, то любопытство мое, относительно сердечныхъ дѣлъ Якова, росло съ каждымъ днемъ; и когда я увидѣла, что ничего новаго не происходитъ, несмотря на всѣ мои ожиданія, что вотъ онъ придетъ просить у папаши позволенія жениться, и потомъ будетъ свадьба, и весело, и мнѣ подарятъ какого-нибудь мятнаго пѣтуха и расшитое полотенце,—тогда я рѣшила потребовать у Якова отчета, почему онъ только скучаетъ, а не женится,—и отправилась къ нему въ теплицу.

Я застала Якова съ люлькой въ зубахъ; въ свѣтелкѣ было

страшно накурено Жуковымъ: разбогатѣвъ, Яковъ бросилъ махорку; ее я ненавидѣла, но и острый дымъ Жукова былъ не многимъ лучше; поэтому я вызвала Якова на лужайку, усѣлась напротивъ него и начала:

— Отчего ты, Яковъ, не женишься?

— Невѣсты нѣту,—печально улыбаясь, отвѣчалъ онъ.

— А смотрителева Пелагея?

— Съ нами крестная сила!—Яковъ даже отшатнулся:—Вотъ не было печали...

— Да какъ же, она вѣдь у нихъ главная...

— Ай, барышня, вотъ такъ сказали!—Несмотря на свою грусть, Яковъ разсмѣялся.

— Ну, такъ Софья?.. или Марья?.. или Наталья?..—перебирала я по старшинству, вспоминая о библейскихъ Рахили и Ліи.

Но Яковъ только головою качалъ.

— Ну, такъ Маша?.. Маша? Маша? угадала, а, угадала теперь?

Яковъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ.

— Что, барышня, пустое говорить, да вамъ и непригоже.

— Нѣтъ, пригоже,—обидчиво перебила я:—я вотъ тебѣ помочь хотѣла, а ты бранишься, Яковъ; это нехорошо!

— Да чѣмъ же вы мнѣ, моя сердечненькая, поможете?

— Какъ чѣмъ?—попрошу папашу, онъ и позволитъ!

— Эхъ, кабы только въ баринѣ дѣло, такъ это бы не горе... баринъ, значитъ, мѣшать не будетъ... а тутъ дѣловъ другихъ много.

— Какихъ дѣловъ?

— А такихъ, что перво-на-перво человѣкъ я безпаспортный: значитъ, все одно, что можно меня въ кандалы и по этапу на мѣстожительство къ старому барину, чтобы замучилъ...

— Неправда, папаша тебя не дастъ,—взволнованно заговорила я. Сердце мое сильно забилось; хотя не вполнѣ, но я понимала, что Якову можетъ быть худо, если его вернуть къ барину; однако я была увѣрена, что папа не дастъ.

— Не дастъ,—повторилъ Яковъ:—да хоть и не дастъ, такъ все же я крѣпостной: Машу-то за меня Иванъ Матвѣичъ и не отдастъ: онъ—чиновникъ, развѣ можно ему дочку за крѣпостного?..

— Папаша тебѣ вольную дастъ.

— Да я бы давно и откупился, коли-бъ можно-то...—съ болью въ голосѣ отвѣчалъ Яковъ:—И вотъ вѣдь какое дѣло, что ни съ какого краю къ нему не приступиться.

— А ты съ папашей поговори.

— Что барина тревожить понапрасну!

Такъ я ничего бо́льшаго отъ Якова и не добилась.

Ушла я отъ него съ тяжелымъ чувствомъ сознанія чего-то гнетущаго, страшнаго, чему и папаша помочь не можетъ и никто, какъ бы человѣкъ ни мучился и ни горевалъ... И я сама начинала мучиться и горевать за Якова.

Какъ разъ въ это время, нежданно-негаданно, произошла перемѣна въ моей личной судьбѣ: меня отдали въ институтъ. Я съ большимъ горемъ разставалась со всѣми своими друзьями и ровно шесть лѣтъ прожила, оторванная отъ нихъ и почти не получая о нихъ никакихъ извѣстій.

Когда я вернулась, крестьяне были освобождены, и Якова у насъ уже не было. Онъ жилъ въ большомъ селѣ, верстахъ въ двадцати отъ Березая. Я едва, въ общихъ чертахъ, знала, что́ съ нимъ было; подробности же мнѣ передалъ Михайлычъ только при личномъ свиданіи.

Мы сидѣли съ нимъ по-старому на завалинкѣ Михайлычевой избы; новая семья индюшатъ копошилась въ пескѣ передъ нами. Вотъ что́ разсказывалъ старикъ:

— Какъ уѣхали вы, уѣхалъ и папенька. Взялъ опять съ собой Егора да Трофима, а Якова въ Березаѣ оставилъ. „Ты —говоритъ—тутъ пользу приносишь“! Ну, Яша и остался съ нами. Водились мы съ нимъ, сама знаешь, рыбу удили вмѣстѣ, на охоту ходили, онъ т.-е., а я—больше за грибами. Ну, и Иванъ Матвѣичъ, бывало, бредетъ къ намъ... и глухой онъ, и говорить съ нимъ чудно́, а тоже, старый, любитъ на людяхъ чтобы... Развѣ тогда только и нѣтъ его, какъ запой его возьметъ; только это не часто. И сказывалъ онъ, что это, какъ супруга его померла, запоемъ захворалъ онъ. И коли ежели выпьетъ, такъ это у его форсъ.

— Я—говоритъ—дворянинъ! баринъ, значитъ.

— Какой ты—говорю—дворянинъ? чего непутевое мелешь!

— А какъ же,—говоритъ:—я при мундирѣ и при медали.

Ну, это доподлинно; была у него медаль, была... а... только что ѣсть-то имъ нечего, это тоже правда! Хвалилъ супругу-то свою: красавица была, говоритъ, умница, образованная. Ну, только дочки непригожи, нечего сказать, и всѣ четыре старшія на одно лицо, да и на какое: что вотъ тяпъ да ляпъ—и вышелъ корабль. За то Марья, меньшая, та доподлинно красавицей выравнялась; высокая, статная, сама бѣлая, румяная, кровь съ молокомъ... только вотъ что волосы съ рыжинкой маленько да есновата лѣтомъ... такъ за то бывало николисеньки и не загораетъ... А глаза у ней каріе и брови черныя... Ну, знаешь, прошлое дѣло,

приглянулась она Яшѣ. Да такъ приглянулась, что не ѣсть парень, не пьетъ, не спитъ, бывало.

Не сплю это я иной разъ долго ввечеру, али ночью проснусь, и слышу—все онъ на бандурѣ своей играетъ и самъ поетъ, по своему-то:

И у тéбе, и у мéне
Карiя очи́...
Ходи́мо до пóпа
У темныя ночи́.
Ходимó, ходимó—
Що винъ намъ кàже...
Би́лынькимъ ручникомъ
Ручéньки сваже!..

Съ лица сталъ спадать.

— Чтò,—говорю ему разъ,—сидимъ вотъ тутъ на этомъ самомъ мѣстѣ:—аль зазноба сушитъ?

— Сушитъ,—говоритъ,—дѣдусю! Сказано вѣдь...—И запѣлъ:

Ой, не ходи, Гри́цю, та на вечерницю,
Бо на вечерни́цѣ дивки чаровни́ци!

— Да кто—говорю—такая дѣвка-то? ты отъ меня не таись, паренекъ, я чтó—человѣкъ старый, все равно, какъ и всамъ-дѣлѣ дѣдкой тебѣ прихожусь.

— Да что, дѣдусю, сказывать! все одно, толку съ того не выйдетъ. Хоть я и фершалъ, и достатки сталъ добывать, а все же холопъ крѣпостной, да еще какой, что коли-бъ не баринъ, Николай Матвѣевичъ, такъ, можетъ, сгнилъ бы давно гдѣ въ тюрьмѣ, а не то гдѣ и въ полѣ подъ кустомъ, какъ вонъ нашъ старый Трезоръ, собака; околѣлъ бы, и кости мои-бъ дробными дождями обмыло, солнцемъ выбѣлило. Ну, да коли тебѣ знать хочется, такъ ужъ скажу: Марья, меньшая, смотрителева!

— Ну, и ахнулъ я. И хоть говорила мнѣ Вахрамѣвна, что по Марьѣ тоскуетъ Яша, да все мнѣ не вѣрилось; думаю, сплетки это бабьи, можетъ—другой кто. А какъ признался онъ мнѣ самъ, такъ я ему и сказалъ:

— Чтò ты, Яша,—говорю,—да можно ли! Какъ-никакъ, ты вѣдь и впрямь человѣкъ подневольный; она какая ни на есть, а чиновничья дочка, хоть и неграмотна; тоже онѣ, смотрителевы-то, какъ будто къ господской себя статьѣ подгоняютъ; гляди, Пелагея вонъ отца отцомъ али тятенькой не назоветъ, а все „пыпинькой“.

Только рукой машетъ.—Знаю,—говоритъ,—все знаю, а поди вотъ: нашла дурь и отвязаться не можетъ...

— Ужъ истинно,—говорю,—дурь. Тебѣ бы за умъ было

взяться, да попроситься хорошенько съ бариномъ на Кавказъ, а тамъ, за хлопотами да въ дорогѣ, тебѣ бы и полегчало; а тамъ бы и совсѣмъ зазнобу эту непутевую какъ рукой сняло бы.

— Просился, —говоритъ,—да не взялъ баринъ.

Такъ я его тутъ и не спросилъ ничего объ Марьѣ-то самой; и на умъ мнѣ не пришло, чтобы могъ ей-то Яша приглянуться, потому Пелагея больно ихъ въ строгости держала... И ничего, путныя были дѣвки, работящія и смирныя. Прежде-то, сказываютъ, въ достаткахъ жили они въ городѣ, да какъ маменька ихняя померла, да сталъ Иванъ Матвѣевичъ запивать, его и перевели къ намъ въ Татаровку. Ну, глухо у насъ, никакихъ ужъ, окромя жалованья, прибытковъ нѣту, обѣднѣли они, а гордость-то ихняя— чиновники мы дескать, не мужики—по старому при нихъ осталась.

Только, долго ли, коротко ли, стали про волю толковать... Тутъ кое у меня свои были заботы домашнія, кое такъ что... и рѣже стали мы говорить съ Яшей объ его дѣлахъ. Да и то сказать: знающій онъ человѣкъ; стали за имъ не то что изъ чужихъ деревень пріѣзжать, а и отъ господъ присылали. Платили ему тоже хорошо; пріодѣлся онъ; стали у него и деньги водиться... И коли побываетъ ежели гдѣ въ большомъ селѣ али иной разъ въ городѣ, то безпремѣнно намъ съ бабкой какой-никакой, а гостинецъ привезетъ. Душевный былъ парень, сердечный.—Вы—говоритъ—мнѣ, дѣдусю, словно свои, родные. Есть, говоритъ, у меня и гроши теперь, да что и въ грошахъ, коли воли нема... А это, что про волю толкуютъ, то это мабудь правда, а мабудь и брешутъ...

Только не брехали; наступило это самое 19-ое февраля. Ну, взыграло у насъ сердце у всѣхъ, а про Яшу и сказывать нечего: совсѣмъ переродился парень; веселый сталъ, ходитъ—ногъ подъ собой не чуетъ.

А тутъ и папенька твой пріѣхалъ; хлопочетъ это по уставнымъ грамотамъ, то что... намъ дворовымъ всѣмъ объявлено: кто хочетъ, хоть сейчасъ уходи, кто хочетъ—оставайся на старомъ положеніи, только что малую толику всѣмъ жалованья назначили.

— Ну, какъ—спрашиваю разъ Якова — на твой счетъ порѣшили?

— Да что,—отвѣчаетъ:—дай Богъ здоровья барину! „Живи,— говоритъ,—Яковъ, сколько хочешь, и мѣсячина тебѣ по старому пойдетъ; ты, говоритъ, человѣкъ тутъ по всей округѣ нужный... Жалованья я,—говоритъ,—тебѣ не кладу, а временами за подаркомъ не постою и дѣлать тебя ничего заставлять не буду“. И тутъ же пять рублей подарилъ.

— Что же ты,—говорю, Яша:—останешься тутъ или куда уйдешь?

— Куда—отвѣчаетъ—мнѣ уходить?—Слава тебѣ Господи, не худо мнѣ и тутъ, а барину на ласковости спасибо.

— Ну, а насчетъ Марьи кàкъ, молъ?

Только улыбается парень.

— Я,—говоритъ,—дѣдусю, объ этомъ барину сказывалъ, совѣту у нихъ просилъ.

— Ну, что же, что баринъ?

— Да баринъ сказалъ: „Чтожъ, не плохое это дѣло, Яковъ; за худшаго можетъ Марья попасть, а ты—человѣкъ трезвый, съ ремесломъ. Женись, Яковъ, женись! Только еще, знаешь, тебѣ нужно бумаги выправить по твоему дѣлу, что ты въ бѣгахъ состоялъ; однако, это я тебѣ за твою службу выхлопочу, и, если хочешь, то я тебѣ либо избу въ деревнѣ дамъ, либо тутъ во флигелѣ квартиру отведу“... Спасибо барину, во всемъ помочь обѣщался.

— Ну,—говорю,—дай тебѣ Богъ, Яша! Только чтожъ это ты насчетъ Марьи мнѣ ничего не скажешь? Вдругъ она за тебя еще и не пойдетъ?

Опять улыбается.

— Пойдетъ,—говоритъ:—это дѣло у насъ съ ней давно слаженное. Да и что ей за радость въ дѣвкахъ оставаться, какъ старшія-то сестры. И Ивану Матвѣичу трудно вѣдь такую ораву, пятерыхъ дѣвокъ, кормить... А теперь вонъ еще слышно, поговариваютъ, будто наша-то Татаровская станція черезъ годъ, али, можетъ, раньше, и совсѣмъ упразднится, и его, стараго, за штатомъ оставятъ. Пенсіонъ же ему никакъ рублей десять али пятнадцать въ треть и всего-то; на чтó тутъ съ семействомъ жить? Со мной же онъ водится, не то чтобы что, а какъ есть попріятельски.

— Да ты ему — спрашиваю — говорилъ ужъ о своемъ-то дѣлѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—пока ни слова.

— И опять я ему тутъ отъ всего, значитъ, сердца сказалъ: —Ну, дай вамъ Богъ!

Только долго ли, коротко ли, и собрался мой парень свататься, и не по нашему, по-мужичьи, черезъ сватовъ, а самъ пріубрался, пріодѣлся и прибѣгаетъ ко мнѣ.

— Ну, дѣдусю, сегодня ужъ рѣшился я идтить, только вотъ, —говоритъ,—загадалъ бы я по нашему, по-хохлацки, какого мнѣ отвѣта ждать, да нѣту у васъ нигдѣ крыши соломенной...

Удивился я.—На что, молъ, тебѣ крыша соломенная?

— Да я бы—отвѣчаетъ — вытащилъ оттуда пучокъ старой соломы; коли-бъ зерно попалось, ужъ зналъ бы, что высватаю.

– Нѣтъ, у насъ крыши нѣту,—говорю,—а ты вотъ что лучше, Яша: замѣчай, какъ въ домъ войдешь, какое первое слово будетъ отъ Ивана Матвѣича: коли въ ладъ — сватай, а не въ ладъ—покинь!

— Ладно,—говоритъ,—дѣдусю. И вотъ вѣдь, самъ знаю, что все это бабьи бредни, примѣты эти, а какъ пришлось быть при такомъ дѣлѣ, такъ и трусишь не хуже старой бабы.

— Нѣтъ, ты это—говорю—на что же? И трусишь ты понапрасну, и про примѣты тоже напрасно, потому все это намъ отъ отцовъ да дѣдовъ, отъ старинныхъ временъ давніихъ, отъ умныхъ людей, бывалыхъ. Ну, теперича ступай себѣ съ Богомъ! Дай тебѣ, Господи, счастья въ твоемъ дѣлѣ!

Пошелъ. Гляжу, часовъ двухъ не прошло, бѣжитъ назадъ парень мой, самъ не свой и лица на ёмъ нѣту. И вижу я, что не ладно дѣло,—не честью, значитъ, принимали. Ахъ, грѣхи! А парень-то хорошій, ну и съ достатками,—чѣмъ не женихъ?

— Что,—говорю, Яша:—аль не выгорѣло?

Только рукой машетъ. Сѣлъ это за столъ въ избѣ, облокотился этакъ на руки, да вдругъ какъ заплачетъ, жалостно такъ, что дитенко малое.

— Чтó ты,—говорю,—чтó ты, Христосъ съ тобой, Яковъ Андреичъ, опомнись, не убивайся! Може, еще и сладится...—А самъ кругомъ него хожу. И бабка моя разахалась, да не знаючи, чѣмъ его утѣшить.

— Сёмъ,—говоритъ,—я тебѣ, Яшенька, бруснички пареной съ толокномъ принесу,—прохладишься... Поди, усталъ вѣдь ты; легко ли по жарѣ такой, шесть верстъ отмахалъ слишкомъ.

Ну, только не до бабкиной ему бруснички было. Посидѣлъ онъ такъ, пригорюнившись, а потомъ и разсказалъ мнѣ все какъ есть.

— И слѣдовало бы мнѣ, дѣдусю, вашего совѣта послушаться; вѣдь вотъ какое дѣло; только я къ нимъ въ сѣни на порогъ, да стучу въ дверь, а Иванъ Матвѣичъ какъ крикнетъ: — Куда ты, такой-сякой, лѣзешь!—Господи, думаю, что такое? А онъ, увидѣвши меня, какъ засмѣется:—Не призналъ я—говоритъ—тебя, Яковъ Андреичъ,—думалъ, Семенъ ямщикъ опять; выпивши онъ, ну и куралесилъ тутъ, куралесилъ съ часъ времени: все въ станціонную комнату лѣзъ, все мнѣ выговаривалъ, что я его обижаю; не въ очередь вишь вчера его въ ѣзду по-

сталъ; насилу спать его жена увела... Слышу, ты идешь,—опять, думалъ, онъ.—Милости,—говоритъ,—просимъ... Эй, Пелагея! какъ бы самоварчикъ!

Ну, принесла это Пелагея Ивановна самоваръ, и пришли всѣ тутъ чай пить; только Маша не показалась. А я ей, признаюсь вамъ, дѣдусю, вчера еще вечеромъ сбѣгалъ—сказалъ, что сегодня, значитъ, судьбы нашей рѣшенье. Ну, пьемъ мы чай; я то не пью,—не до того мнѣ,—а Иванъ Матвѣичъ пьетъ, рому себѣ подливаетъ... я ему и принесъ. И мнѣ налилъ въ стаканъ, и хватилъ я, что называется, для куражу. А дѣвицы-то, выпивши по чашечкѣ, къ себѣ ушли въ свѣтелку. Вотъ вижу, что развеселился старикъ, смѣется, по плечу меня хлопаетъ, чуть не пѣсни поетъ, собрался я съ духомъ, да ему:

— Сдѣлайте, Иванъ Матвѣичъ, божескую милость, выдайте Машу за меня...

И, Господи, что́ съ нимъ тутъ сталось! Вскочилъ, очи вытаращивъ, поблѣднѣлъ весь, только одинъ носъ сизый остался, да отъ этого лицо-то у него еще страшнѣе, и сказать ничего не можетъ, а потомъ заикаться сталъ.

— Ты... ты... ты!.. Какъ ты смѣлъ! Какъ ты смѣ-ѣлъ! Холопъ! хамъ, хамъ, хамъ!—Такъ и захамкалъ на меня, и самъ трясется и на дверь мнѣ рукой показываетъ:—Вонъ,—говоритъ,—вонъ! Я дворянинъ... медаль...—бьетъ себя въ грудь рукой.—Боже мой, Боже мой, до какого униженья дожилъ!—и заплакалъ.

Такъ что ужъ мнѣ хоть и больно обидно на него, а его же жалко стало.

— Да—говорю—вы не плачьте, Иванъ Матвѣичъ; я вамъ, молъ, не во гнѣвъ, не во зло...

— Ты—говоритъ—не понимаешь, не п-понимаешь! да такъ опять на меня зло, ажъ зарычалъ:—Уйди отъ грѣха!

Ну, чтожъ мнѣ тутъ дѣлать? вижу я, что онъ не въ себѣ. А тутъ Пелагея выскочила. — Папенька, что́ съ вами? Что́ съ ними, Яковъ Андреичъ? — Я опять къ нему, а онъ все это трясется, и все плачетъ, и говоритъ Пелагеѣ:—За Машу, молъ, сватается крѣпостной, дворовый, лакей!..

Какъ взвизгнетъ Пелагея.—Что̀? Да какъ ты смѣлъ, а?

Да какъ пошла меня честить, какъ пошла прибирать. Господи ты мой Боже! Я—и бѣглый, и воръ, и мошенникъ, и негодяй!..—И коли бы не благородная я,—говоритъ,—не такъ бы я еще тебя обозвала!

Такъ я не знаю, какъ оттуда и ноги унесъ... И стыдно-то мнѣ, и Машу-то жалко... да и Ивана-то Матвѣича жалко, что онъ,

старый, такъ растревожился... Только злость на одну Пелагею и беретъ; за что она меня этакъ облаяла?

Ну, что̀ тутъ, дѣдусю, дѣлать съ ихней фанаберіей? Тутъ ужъ ничѣмъ не уговоришь...

— А ты,—отвѣчаю,—не горюй. Дай времю пройти... Великое дѣло—время; временемъ все проходитъ, все заживетъ...

— Вы вотъ говорите, дѣдусю: время... Да хоть бы тутъ сто лѣтъ прошло,—съ какими я къ нимъ теперича глазами покажусь послѣ того, какъ меня такъ не по чести провожали?

Задумался тутъ и я, а потомъ и говорю:

— А ты бы къ барину сходилъ,—можетъ, онъ бы за тебя замолвилъ словечко Ивану Матвѣичу, объяснилъ бы ему: такъ, молъ, и такъ, что человѣкъ, значитъ, ты хорошій и не въ бѣдности...

И словно ожилъ мой Яковъ Андреичъ, повеселѣлъ:

— А и въ самомъ дѣлѣ!—говоритъ.—Вотъ вѣдь и дурень же я, что мнѣ самому это на умъ не пришло. Ну, спасибо вамъ, дѣдусю, что научили дурака!

Въ тотъ же день онъ съ бариномъ переговорилъ, а потомъ и мнѣ про все разсказалъ.

Удивился, — говоритъ, — баринъ сначала. Ну, только: — Хорошо, говоритъ, Яковъ, я съ Иваномъ Матвѣичемъ увижусь...— А потомъ улыбнулся, да такъ это про себя: „Ишь, молъ, тоже дворяне“!

На другой же день и послалъ баринъ лошадей за Иваномъ Матвѣичемъ и записку, что проситъ его къ себѣ по нужному дѣлу.

Узналъ я объ этомъ, и нѣтъ мнѣ моченьки, такъ мнѣ узнать хочется, ка̀къ и что̀ у нихъ тамъ будетъ. И поплелся я въ горницу, будто за чѣмъ за дѣломъ къ барину, скажу тамъ ему что̀-ни-на-есть про индюшатъ, значитъ,—пасу я ихъ такъ ужъ который годъ, на завалинкѣ сидя, а индѣи эти—тоже баринова охота— отъ бабушки намъ на заводъ подарены, и есть же за ними, я тебѣ скажу, заботы: птица нѣжная тоже.

Вотъ пришелъ это я, стою въ прихожей, а баринъ закуску подать велѣлъ; и сидитъ тутъ Иванъ Матвѣичъ, ежится этакъ на стулѣ, улыбается, какъ скажетъ ему что̀ баринъ; а что̀ Иванъ Матвѣичъ говоритъ ему—я и не пойму: только и слышно, что „таперича, да того, да какъ его“... Соскучился видно баринъ, да сразу такъ и отрѣзалъ:

— А что, Иванъ Матвѣичъ, такъ и такъ, молъ, Яковъ у насъ парень хорошій и любитъ вашу Машу... благословите вы ихъ...

И вѣришь ли: ажъ ножъ да вилку уронилъ Иванъ Матвѣичъ, вскочилъ со стула и твердитъ:

— Милостивъ государь... Милостивъ государь мой... Милостивый государь, хоть вы таперича, такъ сказать, начальство мое, т.-е., тово, не начальство, а самимъ, какъ его, Богомъ выше меня поставлены, только за что же обижать меня изволите?.. Я дворянинъ... мундиръ и при медали!..

— Постойте, постойте, Иванъ Матвѣичъ,—это баринъ-то, смутился даже, торопится.—Никто васъ не хочетъ обижать... Какая обида? Яковъ — человѣкъ по своему положенію достаточный... теперь они свободны... ремесло у него хорошее, и самъ онъ—человѣкъ хорошій!..—И увидѣлъ баринъ тутъ меня въ лакейской.— Да вотъ вамъ и Михайлычъ скажетъ, что смирнѣе и трезвѣе Якова трудно найти...

— Ужъ истинно трудно!—говорю.—Ты бы,—говорю,—Иванъ Матвѣичъ, разсудилъ: ужъ ежели самъ баринъ за Якова сватаетъ твою дочку, такъ тàкъ бы веселымъ пиркомъ да и за свадебку! Ты барина послушай—худого онъ тебѣ не пожелаетъ, такъ-то-ся!

Такъ что же бы вы подумали: вытянулся этакъ Иванъ Матвѣичъ весь, будто выросъ даже, и такое у его лицо чудно̀е стало... Вижу—озлился, страсть!

— Такъ хорошъ у васъ—говоритъ барину—Яковъ, хорошъ?.. Ну, просватайте же, молъ, за него любую изъ своихъ дочекъ!..

И сказалъ же вѣдь что̀, дуракъ старый! Смиренъ нашъ баринъ, смиренъ, а этого не стерпѣлъ:

— Глупъ,—говоритъ,—ты, Иванъ Матвѣичъ, не знаешь, что пословица есть: ври, да не завирайся. Ступай,—говоритъ,—выспись; выпилъ ты, должно быть, лишнее.

Такъ и ушелъ Иванъ Матвѣичъ.

И я пошелъ.—Ахъ, думаю, грѣхи, грѣхи! ужъ истинно старый дуракъ...

Ну, и запилъ же съ того разу Иванъ Матвѣичъ,—двѣ недѣли безъ просыпу пилъ. А Пелагея-то хуже отца взбеленилась: поѣдомъ ѣстъ сестру, что изъ тюрьмы ее—изъ свѣтелки не выпускаетъ. Сказывали бабы потомъ, что даже била ее. Ну, а другія сестры-то и Марью жалѣютъ, и Пелагеи ослушаться не смѣютъ; какъ та куда отлучится, тоже Марьюшку-то стерегутъ, чтобы, дескать, съ Яковомъ гдѣ не повстрѣчалась. И такая тутъ Марьюшка, сказывали, худая стала; не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, только плачетъ. И Яковъ загрустилъ хуже прежняго, а пить не пилъ, это и клеветать нечего; ну, однако, пѣсни пѣть перестаkъ. И только все по больнымъ бѣгаетъ больше прежняго,—точно ему легче, какъ въ дѣлѣ-то онъ.

Нездоровилось мнѣ какъ-то, и залегъ я на печку, часу этакъ

въ третьемъ дня; весной это было,—весной меня тоже ломотаинò одолѣваетъ. Сидитъ бабка у окна на лавкѣ, ковыряетъ что-то, чинитъ. И вдругъ—шасть къ намъ смотрителева Марья. Ну, поздоровалась съ бабкой, какъ надо быть, и говоритъ:

— А я къ вамъ, бабушка, отъ Пелагеи Ивановны. Оченно ужъ имъ охота курочекъ вотъ такихъ хохлатыхъ завесть, какъ у васъ... вотъ и яицъ три десятка прислала вамъ на обмѣнъ, а вы бы намъ, этакъ, десятка бы полтора отъ хохлатокъ дали...

— Чтó ты, Богъ съ тобой!—это бабка-то:—я тебѣ и такъ дамъ; на чтò мнѣ ваши обмѣнныя яйца! Бери и такъ, дѣвушка.

— А васъ баринъ не забранитъ, коли узнаетъ?

— Нѣ, нѣ, матушка, у насъ баринъ не такой. „Если,—говоритъ,—Вахрамѣвна, кому на разводъ яйца тамъ али что... такъ ты,—говоритъ,—давай". Вотъ у насъ и овощу всякую велѣно на сѣмена въ деревню давать, потому отъ этого,—баринъ говоритъ—людямъ польза, чтобы они и за птицей, и за скотиной, и за овощью всякою стоющею ходили...

— Да какже, бабушка, я безъ Пелагеи Ивановны и не смѣю взять такъ-то...

— Бери, бери, рòдная! Такъ и Пелагеѣ Ивановнѣ скажи, какъ я говорила; не бойся, не забранится... А ужъ это вѣрно, что строга она у васъ...

Только вздохнула Маша; сама присѣла на лавку и кошовку съ яйцами около себя поставила; а бабка пошла достать изъ клѣти два десятка, да еще одно яйцо отъ хохлатыхъ, уложила въ корзиночку берестяну съ гречневой шелухой и подаетъ Машѣ. Та поблагодарила и встала, чтобы идти, а бабка-то ея и не пустила.

— Отдохни, молъ; бѣжала поди бѣгомъ три-то версты, умаялась; вашъ братъ, молодой человѣкъ, все вѣдь бѣгомъ...

Ну, опять сѣла Маша. И стала ее Вахрамѣвна спрашивать про то да про се.

— Эхъ, думаю, старая! Не того тебѣ нужно, ужъ вижу. Смерть тебѣ, значитъ, про ихнiи дѣла съ Яшей узнать хочется. Ну, ходила она этакъ, ходила кругомъ да около, да вдругъ и говоритъ:

— А что, молъ, дѣвушка, какъ у васъ съ Яковомъ дѣла-то? Неужели такъ-таки и несогласенъ Иванъ Матвѣичъ?

Какъ заплачетъ вдругъ Марья...

— Охти мнѣ-тушки!—это бабка-то.—Да что это ты, дѣвушка, Богъ съ тобой, полно убиваться... Все перемелется, все на хорошее повернется!..

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка,—отвѣчаетъ Марьюшка, сама все плачетъ:—не житье мнѣ, смерть чистая. Три недѣли вотъ все взаперти Пелагея Ивановна меня держала, а и теперь не вырвалась бы, коли-бъ не Марья наша большая; ей велѣла Пелагея Ивановна сюда сбѣгать-то, а сама къ просвирнѣ Акулинушкѣ пошла на цѣлый день: хвораетъ Акулинушка-то. А Марьѣ меня жалко стало. „Пробѣгайся, молъ, говоритъ, а то вишь не ѣшь, не спишь"...

— И впрямь ты дюже съ лица спала,—говоритъ бабка.—И чего бы, кажись, лучше жениха, какъ Яша!..

— А Пелагея Ивановна вонъ обижаются,—отвѣчаетъ Марья. —Мы, молъ, барышни. А какая я, бабушка, барышня? Я вонъ и неграмотная. Что на мнѣ юбка да кофта ситцевыя линючія, а не сарафанъ крашенинный, рази потому и барышня...

— Ну, все-жъ таки не деревенская ты, Марьюшка, хрестьянка...

— Да я бы, бабушка, во сто разъ лучше-бъ хрестьянкой родилась, чѣмъ вѣкъ-то свой изжить, какъ наша Пелагея Ивановна... Вонъ сорокъ лѣтъ ей безъ малаго, какая ей въ жизни радость? Развѣ что дѣвокъ назоветъ да чижика имъ споетъ?.. Такъ это что за жисть!.. Вонъ Анна Микулина, подруга тоже моя была, что за Ивана Долговязаго замужъ вышла, нонче у ей ребеночку годокъ скоро... Несетъ она его вчерась мимо нашихъ окошекъ, а онъ ее ручонкамъ обхватилъ за шею, да такъ и цѣлуетъ. Соплишками измазалъ ее всю, а она ему: „Ахъ, ты чумазый, чумазый"!—и сама на его не наглядится, и смѣется, и ребеночекъ смѣется; зубенки-то у него два вверху, два внизу, и волосы бѣленькіе, какъ ленъ, мяконькіе, и глазенки черненькіе, и таращитъ онъ ихъ—словно ужъ что́ и понимаетъ...

Говорила этакъ, говорила Маша, да вдругъ и застыдилась, а бабка ей:

— Что же ты застыдилась, дѣвушка? Худого тутъ нѣту: это законъ; такъ намъ и Богомъ велѣно, чтобы родители дѣтей, значить, жалѣли, а дѣти бы, какъ выростутъ, родителевъ почитали. И ты вотъ, хоть папенька-то тебѣ перечитъ, все-таки его и почитай, потому онъ тебѣ отецъ. И Пелагею Ивановну почитай, какъ мать родную, потому она тебѣ замѣстъ матери...

— Такъ-то такъ, бабушка, только коли бы не гордость ихняя... Вотъ и Пелагея Ивановна теперь счастливая были бы, коли-бъ не гордились такъ. Какъ они, значитъ, молоденьки были, сватался за нихъ лавочникъ мелочной,—и страсть, какъ онѣ тогда обидѣлись. Въ городѣ это было, гдѣ папенька тогда служили;

мнѣ наша Марья сказывала, а меня еще тогда и на свѣтѣ не было... И такъ коли тогда разсердились и папенька — со двора прогнать жениха велѣли... Нынче же, говорятъ, онъ расторговался, головой сталъ, орденъ получилъ, на настоящей господской дочкѣ женился, хоть и на бѣдной; теперича ужъ говорятъ и свою-то дочку за генерала просваталъ. А мы что? вонъ жнемъ да ленъ таскаемъ! Ну, мнѣ-то это все равно, мнѣ всякое дѣло въ охотку, а только за Якова Андреича обидно. И папенька тоже много ругаются, особливо ежели когда безъ разума...

Ну ужъ тутъ и я свое слово сказалъ:

— Нѣтъ, ты это, дѣвушка, напрасно про отца такъ. Сказано: почитать родителевъ во всякомъ, значитъ, видѣ. Ежели бы только тогда ихъ почитать,—когда въ разумѣ, такъ на то бы Господняго и приказу не надоть,—самъ бы всякъ и безъ приказу почиталъ. А потому, значитъ, и приказалъ Господь, что коли ежели родители и тово, а ты все-таки почитай, потому иначе царства тебѣ небеснаго не будетъ...

Даже испугалась Марьюшка-то: не знала, что и я въ избѣ. А тутъ и Яковъ въ дверь — и зарумянились оба, что маковъ цвѣтъ, и слова другъ дружкѣ сказать не смѣютъ. Стала тутъ Марьюшка прощаться съ нами. Ну, Яковъ проводить напросился: — Я, дескать, вамъ, Марья Ивановна, кошовку хоть до полъ-дороги понесу.—Такъ вмѣстѣ и ушли.

— Эхъ, — говоритъ бабка, въ окно глядючи на нихъ:—чѣмъ не пара? И дуракъ же, я тебѣ скажу, Иванъ-то Матвѣичъ!

— И впрямь,—говорю,—бабка, дуракъ! А Пелагея-то и того вдвое дура... Да тутъ ругай ихъ, не ругай: ихъ воля, не наша, а главное—воля-то Господня; какъ онъ, Создатель, чему велитъ быть, такъ тó и будетъ...

Прошло послѣ этого не мало, не много этакъ мѣсяца съ три времени. Якововы дѣла все по-старому были, и вдругъ слышимъ, что и впрямь закрывается почтовая-то станція.

Тише воды, ниже травы пришелся Иванъ Матвѣичъ къ барину нашему,—плачетъ:—Куды-де я теперь съ семьей дѣнусь?

— Ну,—говоритъ ему Николай Матвѣичъ:—перебирайся пока въ любую пустую избу во дворѣ, и помощь вамъ отъ меня пойдетъ, не пожалѣю,—только, дескать, отдай ты Машу за Якова. Отъ судьбы своей, молъ, никто не уйдетъ: можетъ, она съ Яковомъ-то и счастье свое найдетъ.

Повѣсилъ Иванъ Матвѣичъ голову, а отдать Марью за Якова не соглашался. Что же, баринъ все-таки далъ и избу, и мѣсячину. Невеселое было время. Плачутъ Марьины сестры: и Пела-

гея плачетъ, и Софья, и Наталья, и Марья большая, а ужъ какъ сама Марьюшка меньшая заливается, про то и сказывать нечего. Бажись, коли-бы всѣ ихъ слезы собрать, такъ и ушата бы не хватило.

А тутъ еще и другое дѣло. Охъ, молодо, молодо, неразумно! Было чему Марьѣ и плакать-то: стали уже и всѣ примѣчать, что дѣло неладно. А кума Степанида Татаровская встрѣла Ивана Матвѣича разъ да подбоченилась этакъ передъ нимъ и вслухъ корить:—Такъ и такъ, молъ, чего упрямишься, не хочешь дѣвку отдать замужъ, а она... посмотри-ка...

Прибѣжалъ тутъ старый домой, да какъ крикнетъ на Марью:

— Будь ты проклята, безстыдница!

Пелагея воетъ:—Охъ,—говоритъ,—тятенька, тятенька, не проклинайте, вѣдь она вамъ дитя родное, простите!—Повалилась ему въ ноги. На этотъ разъ и „пыпинькой" не назвала. А другіе дочки схоронились; Марья же, какъ была въ одной юбченкѣ, выбѣжала изъ избы да въ лѣсъ, люди за ей, а ея и слѣдъ простылъ. Только бѣжала она, бѣжала,—добѣжала до глухого озерка, скинула съ себя крестъ, да и бултыхъ въ воду!

А на томъ-то берегу дѣвки татаровскія брусницу брали. Испужались онѣ, бросились къ озеру, а изъ воды-то ужъ и пузыри пошли... Тутъ бы и конецъ Марьѣ, коли бы не Лупанова Машка, блаженненькая; кои разумныя дѣвки, тѣ ни за что бы въ озерко не бросились за утопленницей,—потому, сама знаешь, какая объ немъ слава: не то что баба, мужики его боятся; ну, и утопленницы боятся люди, потому—безпремѣнно на дно утащитъ. Блаженная же, недолго думавши—прыгъ въ воду, какъ была въ сарафанишкѣ... И далъ Богъ, вынырнула тутъ Марьюшка, а она ее—за косы, да къ берегу, и вытащила. Стали ее дѣвки качать, долго возились, ну только откачали и домой подъ руки привели. А ночью ей Богъ мертвенькаго далъ. Думали, сама помретъ.

И Иванъ Матвѣичъ со страху да съ перепою при смерти былъ. Много побился съ ними Яша, ну, выходили-таки обоихъ.

И стали опять тутъ баринъ и всѣ Ивана Матвѣича уговаривать, и нечего сказать,—не перечилъ,—словно виноватый вокругъ Марьи ходитъ, въ глаза ей глядитъ.

А она то что былиночка стала сухонькая—и узнать нельзя. Плачетъ сама, Богу молится: „Грѣшница я, говоритъ, въ монастырь уйду"! Вотъ-те и новое горе. И чтожъ, только самъ Иванъ Матвѣичъ и могъ ее уговорить за Якова выйти. Ну, невеселая была и свадьба. Бумаги всѣ по обѣщанью Якову баринъ схлопоталъ, и мѣсто ему казенное вышло въ Благовѣщенскомъ селѣ,

и уѣхали они туда съ Марьей. И чтожъ—ты думаешь—вышло-то! Жилъ это, жилъ у насъ Иванъ Матвѣичъ съ дочками съ полгода время, да Богу душу и отдалъ. Хворалъ этакъ недѣльки съ три водяной, съ винища этого, сказываютъ. И до послѣдняго часу все Яковъ его лечилъ. А какъ сталъ помирать—подозвалъ это Якова, да ему на дочекъ и указываетъ:

— Не оставь!—проситъ.

Даже прослезился Яковъ:

— Нѣтъ,—говоритъ,—видитъ Богъ, не оставлю!—Ну, тутъ уже Софья да Наталья просватаны были—тоже у Якова гостивши. Одна—за писаря, а другая—за торговца бакалейнаго: тамъ, въ Благовѣщенскѣ, село—что городъ.

Только Пелагея, значитъ, да Марья большая и остались ни-при-чемъ. Какъ померъ Иванъ-то Матвѣичъ, Яковъ Пелагею и Марью къ себѣ забралъ. Отъ него же и Софья съ Натальей замужъ вышли. А Марья большая да Пелагея и по сейчасъ у него живутъ. Такъ-то-ся!

Пришлось мнѣ потомъ быть проѣздомъ въ селѣ Благовѣщенскомъ. Я зашла къ Якову. Онъ и жена его очень обрадовались мнѣ. У нихъ было двое здоровыхъ и красивыхъ дѣтей. Яковъ смотрѣлъ совсѣмъ по-докторски; жена его цвѣла, какъ маковъ цвѣтъ, начинала толстѣть и вовсе не была похожа на былинку. О монастырѣ, понятно, и рѣчи быть не могло.

Пелагея Ивановна была точь-въ-точь такая же, какъ прежде: неладно скроена, да крѣпко сшита. Всѣмъ домомъ заправляла она и держала его въ образцовомъ порядкѣ. Марья большая по-старому работала безъ устали. Сама хозяйка больше возилась съ дѣтьми и съ шитьемъ для всего дому.

По случаю моего пріѣзда подали чай. Пелагея Ивановна разливала его, видимо гордясь тѣмъ, что все у нихъ совсѣмъ на городской ладъ. Она усердно потчивала меня, безъ устали хлопотала, казалась вполнѣ счастливой и довольной, и только разъ пригорюнилась, когда въ разговорѣ вспомнила про покойнаго „пыпиньку“.

А. Л.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Путевыя замѣтки изъ полярной экспедицiи 1882—83 годовъ.

I.

22-го мая 1882 года, около половины третьяго, пароходъ „Чижовъ“ медленно отвалилъ отъ Маслянаго буяна. Медленно исчезалъ Петербургъ изъ виду, и когда все уже представлялось въ неясныхъ, туманныхъ очертанiяхъ,—виднѣлся только золотой куполъ исаакiевскаго собора, и, наконецъ, и онъ исчезъ. Вышли въ заливъ. Капитанъ парохода пригласилъ, по морскому обычаю, выпить коньяку и поздравить съ выходомъ. Вѣтра почти нѣтъ. Черезъ нѣсколько часовъ остановились у „Купеческой“ стѣнки въ Кронштадтѣ для визировки паспортовъ, а капитанъ отправился взять необходимыя бумаги для пропуска парохода. Въ 4 часа утра слѣдующаго дня мы все еще въ Финскомъ заливѣ. Вѣтеръ нѣсколько усилился, показались гребни. Прошли мимо Ревеля,—вдали виднѣлись башни. Около полуночи вышли въ Балтiйское море; море было совершенно спокойно и чуть-чуть зыблилось. 24-го мая, ночью, прошли мимо о-ва Гельголанда; въ бинокль можно было видѣть только маякъ да лѣсъ, покрывающiй островъ. Вѣтеръ, по словамъ капитана, былъ хорошъ для парусныхъ судовъ. Вечеромъ появился туманъ; ѣдемъ, по морскому уставу, половиннымъ ходомъ. Начало покачивать довольно сильно; ощущается какая-то тупая боль въ головѣ.

На слѣдующiй день опять тишина невозмутимая, и лишь изрѣдка попадаются парусныя суда. Прошли мимо Борнгольма. Вѣтеръ снова начинаетъ усиливаться; врядъ-ли будемъ вечеромъ въ Копенгагенѣ, хотя капитану очень хочется попасть. Вечеромъ,

когда уже подходили къ городу, пошелъ дождь; взяли съ маяка лоцмана: фарватеръ очень узокъ и извилистъ, и мы едва не черезъ минуту мѣняемъ направленіе хода. Ночью вошли на внутренній городской рейдъ, обмѣнялись свистками и отдали якорь. На берегу виднѣлись какіе-то, освѣщенные огнями, дома, оказавшіеся впослѣдствіи фабриками. Больше ничего невозможно было различить. Я сошелъ внизъ, и такъ какъ долго не спалось, то около двухъ часовъ утра открылъ полубортикъ и сталъ прислушиваться. Въ сосѣднемъ паркѣ заливался соловей; кругомъ раздавались свистки пароходовъ и слышался лай собакъ. При входѣ на рейдъ виднѣлись какіе-то темные острова и массы съ правильными часто очертаніями, а днемъ все это превратилось въ укрѣпленія, защищающія входъ на городской рейдъ.

Когда я проснулся, въ каютъ-компаніи слышались голоса: дѣло шло о доставкѣ на пароходъ пяти тысячъ пудовъ каменнаго угля. Незнакомый голосъ ломанымъ русскимъ языкомъ (принадлежащимъ, какъ послѣ оказалось, еврею) совѣтовалъ капитану взять уголь у него, не совѣтовалъ брать свѣжихъ камбалъ у рыбака, что подъѣхалъ въ лодкѣ, увѣряя, что на рынкѣ можно купить дешевле... Кто-то заговорилъ потомъ насчетъ груза по-датски. Еврей оказался какимъ-то агентомъ военныхъ русскихъ судовъ и, узнавъ о цѣли путешествія, сталъ рекомендовать осмотрѣть датскую метеорологическую станцію; показавъ ленточку, — кажется, станиславскую,—онъ сообщилъ, что у него, кромѣ этого, есть еще какой-то орденъ; приглашалъ къ себѣ въ лавку, увѣряя, что тамъ у него говорятъ по-русски, и т. п.,—словомъ, наговорилъ очень много и высказалъ себя настоящимъ евреемъ-агентомъ.

Такъ какъ приходилось простоять въ Копенгагенѣ до вечера, по разсчету капитана, то мы условились отправиться съ нимъ вмѣстѣ осматривать городъ, какъ уже съ бывавшимъ и живавшимъ здѣсь нѣсколько разъ человѣкомъ. Было еще рано, а потому рѣшили дожидаться, когда вернется капитанъ изъ города, гдѣ ему предстояли хлопоты по сдачѣ груза и покупкѣ угля. Съ палубы видѣнъ было на берегу, съ одной стороны, огромный, исчезавшій вдали, паркъ, виднѣлись зданія, крытыя разной черепицею, изъ-за которыхъ выставлялись верхи колоколенъ. На другомъ берегу шла работа на верфи, и прежде всего бросался въ глаза огромный корпусъ строящагося парохода. Слышались свистки пароходовъ, безпрестанно входившихъ и выходившихъ изъ гавани, и все покрывалось шумомъ и стукомъ молотовъ, которые вылетали изъ сосѣднихъ мастерскихъ. Мимо нашего „Чижова“ прошелъ большой пароходъ „Kiew“ и взмутилъ воду: должно быть,

рейдъ не очень глубокъ. Вскорѣ затѣмъ мимо парохода прошла нѣсколько разъ военная шлюпка. Матросы въ бѣлыхъ курткахъ съ синими воротниками и такими же фуражками, какъ и у нашихъ матросовъ. На рулѣ сидѣлъ какой-то франтъ въ синей курткѣ и въ фуражкѣ, какую носятъ чухны, управляющіе рѣчными пароходами на Невѣ—фуражка на-бекрень, волосы напудрены, одна рука на рулѣ, другой помахиваетъ:—чтобы врознь не гребли,—пояснилъ одинъ изъ нашихъ матросовъ. Подъѣхалъ рыбакъ, показывая еще живую камбалу и, вѣроятно, предлагая ее купить; но, не замѣтивъ ни въ комъ такого желанія, отъѣхалъ прочь.

Наконецъ воротился капитанъ; но такъ какъ онъ не могъ идти съ нами, потому что оказалось много дѣла на пароходѣ по сдачѣ груза, то мы рѣшили идти въ городъ съ Г. одни. Къ намъ присоединился еще единственный спутникъ до Архангельска, пермскій купецъ N. Съ нами же отправились какіе-то нѣмцы, бывшіе на пароходѣ. Выйдя на набережную, огороженную чугунной рѣшеткой, мы разстались съ нѣмцами, а сами втроемъ отправились въ лавку, къ „агенту“ русскихъ судовъ, Kösn'y. Промѣняли русскіе рубли на датскіе кроны и эры. Выпили пива. Пиво здѣсь густое, нисколько не похожее вкусомъ на наше, и цвѣтомъ гораздо краснѣе. Мы отправились въ паркъ, чрезвычайно тѣнистый и съ чисто выметенными дорожками. Вошли въ какую-то улицу, занятую казармами, и подошли къ какимъ-то воротамъ, на фронтонѣ которыхъ стоялъ 166.. какой-то годъ. Попадавшіеся солдаты были сухопарые и, повидимому, слабые, хотя у большей части лица казались румяными и свѣжими. Долго еще бродили по дорожкамъ парка, пока не дошли до берега какой-то канавы или пруда, до урѣза воды, густо заросшаго различными кустарниками. Затѣмъ, пройдя немного, наткнулись на какой-то ресторанъ, въ одной изъ боковыхъ комнатъ котораго на стѣнахъ висѣли портреты Государя Императора и Императрицы. Было очень жарко. Мы снова спросили пива и усѣлись въ саду. Хотѣли чего-нибудь закусить, но лакей на все только качалъ головой, видимо не понимая, чего отъ него желаютъ. За сосѣднимъ столикомъ сидѣлъ какой-то толстый господинъ въ военной формѣ, видно—важная особа, которой всѣ проходящіе офицеры отдавали честь; но намъ онъ помочь не могъ.

Вѣроятно мы долго еще бродили бы по парку, если бы случайно не вышли на большую площадку, гдѣ играла музыка, около которой собралась довольно большая толпа народа. Лишь только мы остановились, чтобы посмотрѣть, что́ будетъ дальше, какъ насъ

тотчасъ окружили и стали съ любопытствомъ разсматривать. Какъ-то догадались, что мы—русскіе, потому что послышалось: „р у с с ъ, р у с с ъ“... Изъ толпы отдѣлился какой-то господинъ въ шляпѣ и, подойдя къ Г., спросилъ:

— Вы—русскій?

— Да.

— Вотъ здѣсь нашъ б а т ю ш к а; онъ васъ по формѣ узналъ.

Г. былъ въ военной формѣ.

— А вотъ и б а т ю ш к а.

Мы подошли къ господину благообразной наружности, въ цилиндрѣ и съ тросточкой.

-- Вы—военный врачъ? Развѣ пришло судно русское?

— Нѣтъ.

Объяснились. Первый нашъ знакомецъ оказался причетникомъ, а второй—посольскимъ священникомъ. Пройдясь нѣсколько разъ по площадкѣ, батюшка предложилъ быть нашимъ проводникомъ по Копенгагену. Въ это же время причетникъ изъяснялъ Г., видимо обрадовавшись возможности поговорить по-русски, что и борода-то у него какъ есть у настоящаго русскаго, да и по виду сразу угадалъ земляковъ: такъ сразу отличались отъ всей толпы. Тутъ насъ снова окружила толпа и еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ стала осматривать и прислушиваться къ непонятной рѣчи.

Поднявшись на небольшой холмъ, съ котораго былъ видѣнъ Копенгагенъ, батюшка, указывая на выдающіяся зданія, сталъ объяснять, что̀ и ка̀къ. Зашли, по-дорогѣ, къ Kösn'у — справиться о времени отправленія парохода; намъ оставалось еще часовъ 8 свободныхъ. Мы отправились; батюшка безъ перерыва разсказывалъ о здѣшнихъ обычаяхъ.

— Вотъ здѣсь ни одна нянька не согласится носить ребенка на рукахъ: считаетъ стыдомъ; дѣтей всегда возятъ въ колясочкахъ.—Дѣйствительно, по всему парку, намъ попадалось много нянекъ—и всѣ съ колясочками. Священникъ при посольствѣ служитъ уже около 20-ти лѣтъ, и Копенгагенъ сталъ для него своимъ городомъ. Онъ обращалъ наше вниманіе на различныя зданія, когда мы шли по главной улицѣ, именуемой „Широкой“, хотя, на самомъ дѣлѣ, трудно было, особенно послѣ петербургскихъ улицъ, представить себѣ, что̀ же въ Копенгагенѣ называется узкой? Съ первыхъ шаговъ, еще на набережной, бросается въ глаза замѣчательная чистота, съ которой содержатся улицы. Дома со множествомъ оконъ, съ очень узенькими между ними простѣнками; они представляются какъ-то низменнѣе сравнительно съ

петербургскими. Вагоны конки иного устройства: съ крытымъ имперіаломъ и раздѣляются, по длинѣ, сплошной перегородкой. Видѣли строившуюся тогда православную церковь; батюшка пожалѣлъ только, что церковь не на видномъ мѣстѣ, въ линію съ улицей. Добрались до какой-то площади, на которую выходятъ 14 или 17 улицъ, съ небольшимъ садикомъ по-серединѣ, въ которомъ стоитъ конная статуя какого-то Фридриха или Христіана. Мы перешли площадку и вошли въ ворота Hôtel Etranger. Дворъ окруженъ балкономъ, стѣны убраны плющемъ. Обѣденная зала очень красива: съ статуями, съ куполами и множествомъ всякихъ украшеній по стѣнамъ и на потолкѣ. Сѣли за столъ. Я сейчасъ же закурилъ; подходитъ лакей и что-то болтаетъ; оказалось—курить не полагается. Заказали ростбифъ по 80 эровъ за порцію, пива и бутылку вина; — все это не отличалось ничѣмъ особеннымъ и весьма напоминало наши трактирные обѣды, хотя заплатить, на наши деньги, пришлось около 8 рублей, что̀ намъ показалось даже нѣсколько дорогонько.

Послѣ обѣда наняли коляску и отправились по городу кататься. Въ старомъ городѣ улицы узки; дома окрашены въ темный цвѣтъ. Это вызвано необходимостью: топятъ каменнымъ углемъ, и свѣтлые цвѣта скоро темнѣютъ отъ копоти. Проѣхали и по тѣмъ улицамъ, которыя выстроены не болѣе 8-ми лѣтъ назадъ. Посольскій батюшка безъ перерыва разсказывалъ:

— Вотъ это ботаническій садъ. Посмотрите, какъ онъ устроенъ,—и всего въ 8 лѣтъ; есть и теплицы. А вы замѣчаете, что въ новомъ городѣ улицы шире? Дома построены по правиламъ гигіены; вотъ эти садики и бульвары—это все было рѣшено застроить, но наши доктора возстали и отстояли. А вотъ это я называю „нашей Невой"—это прудъ, откуда мы берем̀ъ воду; онъ проведенъ сюда за 60 верстъ.

Затѣмъ мы свернули и поѣхали по какимъ-то улицамъ, по набережной узенькой рѣчки, обсаженной ивами. Улица была вся въ садахъ и выходила въ поле, гдѣ виднѣлась уже выколосившаяся и въ цвѣту рожь. Лаврентій Захаровичъ Г. вздумалъ выйти посмотрѣть наливъ зерна, и напрасно и комично пытался пролѣзть сквозь живую изгородь изъ какого-то колючаго кустарника. Проѣхали мимо земледѣльческой академіи и долго ѣхали среди домовъ, сплошь заросшихъ плющемъ, который, оказывается, здѣсь и зимой, и лѣтомъ бываетъ зеленъ. Остановились у сада, но лишь только сошли съ коляски, какъ началъ накрапывать дождь. Въ саду цвѣли великолѣпные піоны разныхъ цвѣтовъ, розы, голубые косатики и много другихъ цвѣтовъ. Самый садъ былъ еще гуще,

еще лучше устроенъ, чѣмъ паркъ на набережной,—и вездѣ такая же чистота, хотя и не рѣжетъ глаза прямолинейность дорожекъ. Дошли до ресторана и выпили пива. Нашъ чичероне разсказывалъ о томъ, какъ все тутъ дѣлается незамѣтно:—все въ порядкѣ, деревья подстрижены, но никогда не видно рабочихъ.

Когда мы ѣхали обратно изъ сада, священникъ продолжалъ разсказыватъ и показывать. — Вотъ „Фигаро“ — увеселительное заведеніе, куда спасаются запоздалые гуляки. А вотъ—Тюльери, самое веселое мѣс о; тутъ всегда бываетъ много народу; но и оно, какъ всѣ увеселительныя заведенія, открыто только до 11-ти часовъ вечера... Вотъ посмотрите на мостовую; ее устраиваютъ такъ: сначала выравниваютъ площадь, шоссируютъ и мостятъ камнемъ, потомъ, года черезъ 2 — 3, камень снимаютъ и выкладываютъ этими четыреугольными плитками... А вотъ это былъ католическій монастырь: оставшаяся башня теперь служитъ каланчой для пожарной части!.. Вы знаете, что здѣсь расходуется на городъ все, что получается изъ его доходовъ, ни больше — ни меньше, и за городомъ нѣтъ долговъ... Видите мельницу? Прежде въ городѣ ихъ было много: всѣ срываемые теперь валы, которые окружали городъ, были ими застроены; но въ настоящее время осталось очень немного — это тѣ, что заключили съ городомъ контрактъ на 50 лѣтъ. Весь городъ долженъ быть перестроенъ въ 30 лѣтъ; не будетъ этихъ узкихъ и кривыхъ улицъ...

Когда мы сидѣли въ Hôtel Etranger, батюшка сообщилъ нѣчто о здѣшнихъ школахъ. Здѣсь масса учебныхъ заведеній. Въ здѣшнемъ университетѣ до 1.000 человѣкъ. Въ классическихъ и реальныхъ училищахъ курсъ четырехъ первыхъ классовъ здѣсь общій. Затѣмъ, изъ тѣхъ и другихъ поступаютъ въ 5-й классъ, гдѣ вмѣстѣ продолжаютъ слушать уроки 2 года: кто найденъ способнымъ къ занятію классическими языками—переходитъ въ 7-й классъ, и т. д.; неспособные къ нимъ переходятъ въ реальное училище. Бòльшая часть воспитанниковъ поступаетъ въ спеціальныя училища и изучаетъ механическую, химическую или иную отрасль промышленности. Да воспитаніе здѣсь не всякому и по карману: плата за ученье высока; въ классическихъ и реальныхъ училищахъ она доходитъ до 60-ти руб. на наши деньги. Изъ реальныхъ училищъ поступаютъ въ технологическій институтъ; курсъ 5-ти-лѣтній. Затѣмъ, кромѣ всякихъ другихъ мелкихъ и отрывочныхъ свѣденій, онъ сообщилъ, что въ Копенгагенѣ нѣтъ такого нищенства; что много благотворительныхъ обществъ—такъ-называемыхъ „коммунъ“; что, кромѣ того, всѣ

увеселительныя и питейныя заведенія платятъ 10% съ дневной выручки, а которыя до двухъ часовъ ночи торгуютъ—20%.

Священникъ приглашалъ было насъ смотрѣть картину Макарта, но нужно было торопиться, и мы отправились нанимать лодку до парохода. Черезъ три часа вышли изъ гавани, прошли мимо острова Винъ. Проѣхали черезъ проливъ, по обѣ стороны котораго расположенъ городъ; одна сторона датская, другая—шведская, съ двумя крѣпостями.

27-го мая, съ утра, начался „штормъ" —такъ, въ насмѣшку, назвалъ капитанъ волненіе, которое мы испытали въ Скагерракѣ. Насколько былъ силенъ нашъ штормъ, можно судить по тому, что, когда мы сидѣли за пивомъ на кормѣ, бутылки могли стоять, хотя винтъ по временамъ и выскакивалъ изъ воды и вертѣлся въ воздухѣ. Идемъ въ виду норвежскаго берега. Къ вечеру, около самаго обѣда, качка усилилась. Небо заволоклось тучами, подулъ вѣтеръ, и гребни волнъ начали хлестать черезъ носъ и борта; высота волны, впрочемъ, оказалась 3 — 4 фута надъ уровнемъ горизонта. Вечеромъ вышли въ Нѣмецкое море; снова заштилѣло, волны стали выше, и чаще стало окачивать водой. Нѣмецкимъ моремъ прошли довольно сносно, хотя 29-го мая волненіе усилилось до того, что трудно было ходить по палубѣ, а въ каютъ-компаніи почти невозможно обѣдать: весь приборъ начинаетъ ѣздить и двигаться; налитая рюмка опрокидывается въ тарелку съ супомъ. Винтъ парохода почти ежеминутно выскакиваетъ изъ воды и вертится въ воздухѣ. Теперь мы на широтѣ Петербурга. Волны громадны, и „Чижовъ" кувыркается, черпая то бортомъ, то кормой. Къ вечеру вѣтеръ началъ усиливаться и подулъ не съ постоянной силой, а налетая шквалами, причемъ нѣкоторыя волны опрокидываются черезъ пароходъ. Океанскія волны становятся все выше и выше. Ужинать горячимъ не пришлось: едва поваръ нальетъ что-нибудь въ кастрюлю, какъ ее опрокидываетъ ударъ волны и тушитъ огонь въ печи; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ужинъ замѣнили сухія закуски. На слѣдующій день штормъ еще усилился. Нѣтъ никакой возможности ходить по палубѣ: постоянно окачиваетъ брызгами волнъ; идетъ дождь,—всюду на полу, даже въ каютъ-компаніи, плещется вода. Матросы такъ измучились, что капитанъ просилъ въ помощь трехъ нашихъ матросовъ. Мы все еще на 62° с. ш. Идемъ, версты по 4 въ часъ, параллельно берегу, который, однако, кажется слабой туманной полосой. На волнахъ появились чайки; онѣ слѣдуютъ за пароходомъ; то отстаютъ, то нагоняютъ его. Ночью 30-го мая качка еще усилилась; буквально клало пароходъ то на одинъ, то

на другой бокъ. Попортился штуръ-тросъ; развили проволочный канатъ и укрѣпили. Воды налилось въ трюмъ до 4.000 пудовъ и немного подмочило багажъ; пароходъ осѣлъ кормой очень сильно. На слѣдующій день, къ полудню, море какъ будто нѣсколько успокоилось, но затѣмъ снова и съ прежней силой начало бросать пароходъ съ боку на бокъ. Я привязалъ себя за руки и за ноги къ койкѣ, и послѣ двухъ-дневной безсонницы, несмотря на сильную качку, заснулъ. Голова какъ будто совершенно отупѣла. Полнѣйшее равнодушіе ко всѣмъ красотамъ океанскаго шторма: смотрѣть съ берега или на картинкѣ штормъ не въ примѣръ сходнѣе, чѣмъ испытывать его на кораблѣ самому.

Слѣдующій день былъ ясный; вѣтеръ спалъ, хотя зыбь все еще не улеглась. Чувствуется какъ-то легко,—словно и не было ничего съ нами. На пароходѣ все приводится въ порядокъ; почти полсутокъ отливали воду; изъ-подъ крытой палубы доносятся пѣсни матросовъ. Нашъ капитанъ во все время шторма выказывалъ замѣчательное хладнокровіе; потомъ онъ сознавался самъ, что опасность была, и волненіе было очень сильное, что больше этой волны не бываетъ, хотя качка можетъ быть гораздо хуже. Капитанъ—опытный морякъ; онъ съ 12-ти лѣтъ въ морѣ и прежде служилъ на коммерческихъ русскихъ и иностранныхъ судахъ. Дѣйствительно, двадцати-лѣтняя морская практика выработала его замѣчательное спокойствіе: всегда на мостикѣ, въ дождевомъ пальто, отдаетъ приказанія или наблюдаетъ за работами, изрѣдка сбѣжитъ въ каютъ-компанію посмотрѣть на барометръ и—снова наверху.

2-го іюня, около 10-ти часовъ вечера, перешли полярный кругъ. Вѣтеръ дуетъ сѣверный, и въ воздухѣ стало холоднѣе. Въ 12 часовъ ночи солнце еще не заходило, да, вслѣдствіе рефракціи, и не должно зайти. Въ 1-мъ часу ночи мы приближаемся къ Лоффоденскимъ островамъ. Вначалѣ видны лишь темныя пятна, которыя, по мѣрѣ приближенія, принимаютъ болѣе осязательную форму. Вотъ показалось нѣсколько крутыхъ утесовъ, затѣмъ потянулись непрерывной зубчатой стѣной ряды острововъ, задернутыхъ у подножія синеватымъ туманомъ; вдали виднѣются голубовато-синія группы острововъ, вблизи—онѣ представляются какъ будто опаленныя солнцемъ буроватыя массы. Тамъ и сямъ на вершинахъ и въ котловинахъ этихъ гористыхъ острововъ виднѣется снѣгъ. Дальше за ними видны сплошь снѣговыя горы, съ замѣчательно нѣжными блѣдно-зелеными промежутками...

Около полудня въ первый разъ встрѣтили небольшого кита, а къ вечеру видѣли уже нѣсколько громадныхъ фонтановъ,

выбрасываемыхъ китами. Къ сѣверу отъ Лоффоденскихъ острововъ киты встрѣчаются очень часто; иной разъ, говорятъ, весь горизонтъ занятъ столбами фонтановъ. Недавно,—разсказывалъ одинъ изъ матросовъ,—въ Бордое, двѣ касатки загнали кита на отмель, начался отливъ, и звѣрь „обсохъ"; жители всадили въ него гарпуны и привязали цѣпями къ якорю. Но, съ наступленіемъ прилива, китъ порвалъ цѣпи и канаты и ушелъ; вскорѣ, впрочемъ, издохъ, и изъ него вытопили до 4.000 пудовъ жира. „Въ послѣдніе годы открылись русскіе заводы, а вотъ прежде,—прибавилъ матросъ,—такъ разъ захватили кита: своихъ заводовъ нѣтъ, пришлось отбуксировать въ Норвегію, гдѣ и продали его за 300 рублей, а цѣна киту доходитъ до 3.000 р. сер.".

4-го іюня подошли къ Нордкапу; вѣтеръ былъ противный и вездѣ виднѣлся туманъ; угля оказалось мало, и „Чижовъ" повернулъ къ Гаммерфесту, — „Ванька Нордкапскій" помѣшалъ обойти Нордкапъ. „Ванька Нордкапскій"—это каменный утёсъ близъ урѣза воды. Легенда русскихъ мореходовъ говоритъ, что этотъ камень былъ прежде человѣчкомъ и теперь, обращенный въ камень, имѣетъ волшебную силу помѣшать или дать возможность пройти судну вокругъ мыса Нордкапа. Такихъ „ванекъ" по русскому берегу—пояснилъ намъ капитанъ—найдется не одинъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать всю легенду. Ночью шелъ дождь, и къ утру туманъ почти совершенно окуталъ берега, но рано утромъ мы уже отдали якорь въ глубокомъ рейдѣ Гаммерфеста.

Гаммерфестъ лежитъ подъ 70° 40′ с. ш. Этотъ—самый сѣверный—городъ Европы находится въ норвежской провинціи Финмаркенъ. Городокъ расположенъ на береговомъ выступѣ и, при первомъ взглядѣ, кажется состоящимъ всего изъ одного ряда сѣренькихъ деревянныхъ домиковъ, крытыхъ черепицею или же плитами шифернаго сланца. За городомъ круто поднимаются горы. Надъ самымъ городомъ виднѣется небольшая крѣпостца съ башенками по краямъ. Изъ другихъ зданій, кромѣ церквей, болѣе всего выдается чуть-ли не самое высокое зданіе во всемъ городѣ — школа. При нашемъ входѣ на рейдъ, готовился къ отправленію изукрашенный различными флагами пароходъ съ американскими и англійскими туристами. Каждогодно лѣтомъ этотъ пароходъ привозитъ туристовъ въ Гаммерфестъ и на мысъ Нордкапъ (71° с. ш.).

На рейдѣ стояло много судовъ, преимущественно русскихъ,— „цѣлые святцы": тутъ можно было видѣть имена всѣхъ наиболѣе почитаемыхъ въ поморьѣ св. угодниковъ. Всѣ суда пришли за

треской или же привезли ее на продажу. Кромѣ трески, здѣсь нѣтъ другого товара; все остальное—или привозное, или же доставлено лопарями, но это преимущественно звѣриныя шкуры. Въ гавань входили суда, нагруженныя треской или палтусиной. Около берега цѣлыя улицы заняты вяленой рыбой: черезъ узкія улицы протянуты сплошь шесты, на которыхъ вялится рыба; всюду около пристани слышится характерный запахъ трескового жира. Здѣсь даже скотъ кормятъ сушеною рыбой.

Улицы въ городѣ, хотя очень неширокі, содержатся замѣчательно опрятно, большею частію шоссированы. На окраинахъ города, обыкновенно дома бѣдняковъ бываютъ покрыты поверхъ кровельной черепицы слоемъ растительнаго перегноя, на которомъ свободно и красиво произрастаютъ злаки и цвѣты. Въ городѣ дома почти всѣ деревянные, больше на каменномъ фундаментѣ; около многихъ разведены небольшіе цвѣтники; въ нѣкоторыхъ даже встрѣчаются небольшіе фонтанчики, и нигдѣ—ни одного деревца или кустика. Въ Гаммерфестѣ нѣтъ деревьевъ; онъ лежитъ за предѣломъ древесной растительности, хотя зима здѣсь не очень сурова. По береговой цѣпи горъ можно было встрѣтить мелкіе стелющіеся кусты ивы и полукустарниковые верески; ивы едва поднимаютъ свои листики изъ мха. Изъ другихъ растеній въ это время цвѣли только Lychnis acaulis, фіалки съ желтыми цвѣтами и одинъ видъ draba (крупка); все остальное еще только начинало разбивать листики. Растительность образуетъ небольшія дерновинки; впрочемъ, недалеко за городомъ есть небольшія луговины, огражденныя каменными валиками.

Всѣ глубокія заводинки по берегу богаты различными видами водорослей, а береговые камни и утесы покрыты милліонами мелкихъ раковинъ.

Весь день почти безъ перерыва шелъ дождь, и туманъ еще болѣе придавалъ всему какой-то пасмурный, невеселый видъ.

Русскій консулъ въ Гаммерфестѣ—норвежецъ; свою обязанность относительно русскихъ онъ исполняетъ добросовѣстно, что́, говорятъ, за границей встрѣчается нечасто (иногда гораздо лучше обратиться за помощью къ англійскому или американскому консулу, чѣмъ къ своему); онъ свободно говоритъ по-русски и очень любезно самъ вызвался пойти съ нами въ свою лавку, гдѣ русскіе моряки могутъ получить все необходимое по таксѣ и безъ обмана. Осмотрѣвши городъ, мы при помощи помора успѣли въ какой-то гостинницѣ заказать обѣдъ изъ палтусины и оленины. Обѣдъ былъ хорошо изготовленъ и чрезвычайно обиленъ; несмотря на аппетитъ, возбужденный продолжительной прогулкой по городу

и окрестностямъ, мы не могли съѣсть и половины того, что намъ подавали. Когда мы спрашивали о цѣнѣ, поморъ, передававшій наши слова хозяину гостинницы, отказался переводить, сказавши, что здѣсь, въ Норвегіи, лишняго не возьмутъ: что̀ скажетъ — стало меньше нельзя. Дѣйствительно, обѣдъ оказался чрезвычайно дешевымъ.

Здѣсь существуетъ обычай заранѣе извѣщать о приближеніи шторма. Лишь только получится телеграмма съ главной метеорологической станціи, по набережной проходитъ чиновникъ, предшествуемый служителемъ, который звонитъ въ колоколъ, и, обративъ на себя вниманіе, объявляетъ содержаніе телеграммы.

6-го іюня снялись съ якоря и, несмотря на туманную погоду, пустились въ путь. На слѣдующій день прошли мимо Колы и острова Кильдина. Шли довольно близко отъ берега; вѣроятно отъ этого берегъ мурманскій казался гораздо выше норвежскаго. Берега круты. Въ долинахъ и ложбинахъ виднѣется снѣгъ. Стало замѣтно холоднѣе. Мурманскій берегъ обитаемъ только въ лѣтнее время, когда пріѣзжаютъ сюда за тресковымъ промысломъ.

Заходили сдать грузъ въ селеніе Шальпино, гдѣ, какъ и по всему мурманскому берегу, купецъ Савинъ построилъ факторіи — кабаки и лавочки со всѣмъ необходимымъ для пріѣзжающихъ на промыселъ поморовъ. Весь берегъ находится у него въ рукахъ; что хочетъ, то и дѣлаетъ; какую цѣну наложитъ на треску, такая и будетъ. Пытались бороться, да ничего не вышло. „У насъ— говорятъ поморы—сколотитъ иной нѣсколько сотъ рублей, строитъ барку, нанимаетъ рабочихъ и идетъ на Мурманъ закупать треску или получить заказъ на доставку ея въ Архангельскъ. Придетъ такой мелкій хозяинъ, предложитъ больше хоть бы того же Савина, на пятачекъ или на гривенникъ,—ну, сначала промышленники и повезутъ къ нему, но приказчики Савина накинутъ больше: смотришь — никто и не везетъ трески. Судно стоитъ-стоитъ, промыслы къ концу, а судно безъ груза, и по-неволѣ идетъ въ какой-нибудь норвежскій портъ, въ надеждѣ, не зафрактуетъ ли кто, чтобы хоть проѣздъ окупился, да съ рабочими разсчесться. Одинъ разъ—такъ, другой—тоже, охоту-то и отобьетъ. А бываетъ зачастую: какъ судно уйдетъ, приказчики-то и спустятъ цѣну на прежнюю".

Въ Шальпинѣ разсказывали, что по всему берегу идетъ повальное пьянство. Обыкновенно, вернулась ладья съ треской — половину сейчасъ же на водку въ факторіи промѣняютъ, за остальное, что нужно, въ лавочкѣ заберутъ. Когда все уже истрачено, опять въ море — на промыселъ. Уловъ трески въ нынѣш-

немъ году былъ пока хорошъ. На Мурманѣ цѣна на треску стоитъ теперь отъ 37 до 50 коп. за пудъ. Говорятъ, Савинъ разсчитываетъ теперь отправить въ Петербургъ грузъ трески тысячъ до 150 пуд. Пріѣхавшіе на пароходъ поморы справлялись, не слышно ли чего насчетъ колонизаціи на Мурманѣ. Очень бы хотѣлось всѣмъ, чтобы устроили городъ на берегу Ледовитаго океана, а то иди за всякой мелочью или въ Колу, или къ тому же Савину. Въ Колу далеко, а время промысловъ не ждетъ, да—и какъ вѣтра подуютъ? Мѣстность здѣсь представляетъ гранитную почву, лѣса нѣтъ; нѣтъ въ иныхъ мѣстахъ даже торфяника, а почва покрыта или приземистыми кустарниками ивъ и березъ да верескомъ, или же представляетъ тундру. Здѣсь въ рѣчкахъ корелы промышляютъ жемчугъ; иной разъ попадается съ горошину. „Ну, а мы,—говорилъ одинъ изъ поморовъ,—кромѣ трески, ничѣмъ не занимаемся".

Взявши грузъ, мы снялись съ якоря и снова встрѣтили кита и бѣлугу, впрочемъ очень незначительныхъ размѣровъ.

8-го іюня обогнули Св. Носъ и вошли въ Бѣлое море. Къ вечеру, около 10 часовъ, снова пересѣкли полярный кругъ и на слѣдующій день уже шли по заливу, куда впадаетъ С.-Двина. По мѣрѣ приближенія къ устью, вода въ заливѣ становилась все мутнѣе и мутнѣе, тогда какъ въ началѣ мутная вода рѣки широкой бурой лентой тянулась среди темной морской воды. Берега низки и до урѣза воды поросли лѣсомъ. По берегамъ, на болотистыхъ прогалинахъ и заводинахъ, виднѣлись стаи гусей, лебедей и чаекъ. Вошли въ одинъ изъ рукавовъ Двины. Низкіе берега только-что начали зеленѣть. Еще цвѣли курослѣпы (Calthа palustris) и другія самыя раннія растенія. Черемуха тоже только-что начала цвѣсти; кромѣ рябины, — это чуть ли не единственное дерево, приносящее плоды въ Архангельскѣ,—яблони, напр., здѣсь только цвѣтутъ, но плодовъ не приносятъ. Вотъ показались трубы фабрикъ, потянулись лѣсопильные заводы, около которыхъ цѣлый флотъ всякихъ судовъ — и парусныхъ, и паровыхъ, по большей части иностранныхъ,—пришли за лѣсомъ. Послѣ полудня бросили якорь въ Соломбалахъ. Соломбалы [1])—это преимущественно морская часть города. Прежде здѣсь былъ портъ, теперь отъ него осталось только зданіе съ заколоченными окнами. Мѣста доковъ сплошь поросли травой; многіе каналы, ведшіе къ мастерскимъ, почти совершенно заплыли иломъ. Цѣлая часть города, служив-

[1]) Говорятъ, названіе Соломбалы происходитъ отъ того, что Петръ В., возвращаясь съ какого-то пира, отозвался о немъ: „соломъ балъ"!

шая мѣстомъ жительства служащимъ, пришла въ упадокъ, и здѣсь царствуетъ мерзость запустѣнія. Дома покосились и, вѣроятно, больше не будутъ возстановлены. Да, судя по разсказамъ здѣшнихъ жителей, съ уничтоженіемъ порта, и Архангельскъ сталъ менѣе оживленъ.

Уничтоженіе порта сильнѣе всего отозвалось на русскихъ; говорятъ, можно почти безошибочно указать, кому принадлежитъ домъ: который—русскому, который—нѣмцу? Всѣ лучшіе дома принадлежатъ вторымъ; всѣ плохіе, за малымъ исключеніемъ,—первымъ. Въ Соломбалахъ же находятся: самый старинный соборъ въ городѣ, фельдшерская школа, больница и домъ умалишенныхъ. Перейдя деревянный мостъ черезъ одинъ изъ рукавовъ Двины (Кузнечиху) и поднявшись въ гору, вступаемъ въ Архангельскъ; этотъ городъ вытянулся по рѣкѣ версть на 10 и состоитъ чуть ли не изъ трехъ большихъ проспектовъ, идущихъ параллельно другъ другу. Проспекты пересѣчены поперечными улицами. Троицкій проспектъ—это главная улица, застроенная по преимуществу деревянными домами. Каменныя зданія, за немногими исключеніями, казенныя. Дома, большею частію, одноэтажные. Постройки очень растянуты; всюду тянутся длинные заборы садовъ. Кромѣ памятника Ломоносову и дворца Петра I,—который, впрочемъ, содержится не очень-то чисто,—въ городѣ есть публичная библіотека и музей. Музей—очень небольшой, но даетъ довольно полное представленіе объ образѣ жизни и занятіяхъ жителей архангельской губерніи. Тутъ можно видѣть модели судовъ, употребляемыхъ здѣшними жителями, образцы различной домашней утвари и экипажей и модели самоѣдскихъ чумовъ. Есть образчикъ различныхъ отраслей мѣстной промышленности, какъ-то: выдѣлки кожъ, желѣзныхъ издѣлій, орудій, употребляемыхъ на морскихъ промыслахъ: спицы, гарпуны, и пр. Тутъ можно встрѣтить образцы соли, добываемой въ соляныхъ варницахъ, и различные продукты салотопенныхъ заводовъ, разные жиры, какъ-то: тресковый, китовый, бѣлужій, тюленій. Есть даже образчики хлѣба; нѣкоторые изъ нихъ настолько мало имѣютъ сходства съ тѣмъ, что мы привыкли подразумѣвать подъ названіемъ „хлѣба", что безъ надписи всякій навѣрное отнесъ бы эти образцы къ какой-нибудь горной породѣ. Тутъ можно встрѣтить, напр., хлѣбъ, на половину состоящій изъ соломы или раздробленной древесной коры. Зоологическій отдѣлъ музея, за исключеніемъ птицъ, очень небогатъ. Минералогическій—очень бѣденъ, хотя, какъ удавалось слышать впослѣдствіи, поморы очень не-прочь бы познакомиться съ различными „полезными каменьями". Тутъ же, при музеѣ, можно получить нѣкоторыя

сочиненія, относящіяся къ промышленности архангельской губерніи. Музей открытъ для посѣтителей ежедневно и безплатно. Кстати, въ Соломбалахъ, въ морскомъ клубѣ, есть небольшой музей моделей судовъ, выстроенныхъ въ покойной памяти, архангельскомъ портѣ.

Между Архангельскомъ и Соломбалами здѣшній купецъ Макаровъ учредилъ правильное пароходное сообщеніе по Двинѣ. Пароходы, впрочемъ, не отличаются быстротой хода, и все устроено очень экономично. Машина, напр., приспособлена изъ лебедки какого-то парового судна, вѣрно памятуя пословицу, что „плохая ѣзда лучше хорошей ходьбы". Архангельцы не пренебрегаютъ макаровскими тихоходами.

Сдавши грузъ экспедиціи въ кладовую мурманскаго пароходства, мы перебрались въ „Европейскую гостинницу". Содержатель, г. Зарохъ, оказался евреемъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень услужливымъ, иногда даже надоѣдливымъ. Желая что-нибудь сбыть, чего только не предлагалъ онъ, начиная отъ золотыхъ вещей и до невыдѣланной тюленьей шкуры. По вечерамъ экспедиція услаждалась инструментальной музыкой, доносившейся изъ нижняго этажа этого дома, гдѣ г. Зарохъ угощалъ зеленымъ виномъ „россейскимъ" прибывшихъ съ Мурмана поморовъ. Иногда угощались „на выносъ"; таковыхъ тотчасъ же „препровождали для вытрезвленія" неизвѣстно откуда появившіеся блюстители порядка. Впрочемъ это все можно видѣть не въ одномъ Архангельскѣ; а вотъ свѣжую треску, поджаренную въ маслѣ и обсыпанную яйцомъ, врядъ-ли гдѣ удастся попробовать, кромѣ нашихъ сѣверныхъ городовъ. То же нужно сказать и про пирогъ съ свѣжей семгой. Эти мѣстныя яства замѣчательно хорошо готовятся; къ трескѣ, впрочемъ, нужно немного привыкнуть, а то она все-таки нѣсколько отдаетъ тресковымъ жиромъ. Истые гастрономы г. Архангельска,— сказываютъ—безъ трески жить не могутъ.

Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ въ Архангельскъ, прибыли сухимъ путемъ начальникъ экспедиціи лейтенантъ Андреевъ, его первый помощникъ Д. А. Володковскій и матросъ Демидовъ. Теперь экспедиція была въ полномъ составѣ. Начальникъ экспедиціи принялся хлопотать по хозяйственной части, а первый помощникъ его на другой же день построилъ „чумъ", какъ прозвали архангельцы крытую войлокомъ будку, гдѣ онъ началъ свои астрономическія наблюденія. Нѣсколько спустя мы знали время астрономически точно. Вскорѣ начали являться жаждущіе и алчущіе получить заказъ для экспедиціи. Почти ежедневно являлась одна торговка, мужъ которой „насчетъ истиннаго димидріана (вѣроятно —

меридіана) очень хорошо разумѣлъ“; но померъ разумникъ, и его супруга сидитъ теперь на толкучкѣ и торгуетъ лимонами. Снабдивъ насъ лимонами, она взялась доставить куръ, яицъ, различную зелень, даже обязательно предложила свои услуги посолить огурцы. Привели изъ тундры 4-хъ оленей, затѣмъ явились съ предложеніемъ собакъ. Стоило только чего-нибудь пожелать—тотчасъ же все являлось. Теплое платье было еще ранѣе заказано для экспедиціи здѣшнимъ губернаторомъ.

Наконецъ всякая живность закуплена: пернатая посажена въ клѣтки; коровы и бараны паслись гдѣ-то по-близости города. Всѣ нужныя опредѣленія сдѣланы. „Чижовъ“ вернулся, и съ 18-го іюля началась нагрузка, продолжавшаяся до 6-го часа вечера 19-го. Пароходъ былъ буквально заваленъ всякой всячиной; на верхней палубѣ высились пирамиды прессованнаго сѣна; крытая палуба обратилась въ хлѣвъ. Тутъ были коровы, олени, бараны, куры. Вотъ пристали шлюпки съ послѣдними вещами, и пароходъ сталъ разводить пары. Любопытныхъ на пристани было немного. Послѣ короткихъ проводовъ съ знакомыми, желавшими всякихъ благополучій, пароходъ двинулся. Поравнявшись съ „Полярной Звѣздой“, мы услыхали „ура“. Матросы были высланы по вантамъ, обмѣнялись салютами флаговъ, и послѣ отвѣтнаго „ура“ „Чижовъ“ направился изъ Двины по одному изъ ея рукавовъ и вышелъ въ заливъ. Ночь была чудная. Поверхность залива не шелохнетъ; только винтъ парохода оставлялъ пѣнящуюся полосу воды, которая какъ-то медленно и спокойно принимала свое прежнее состояніе, какъ будто это была не вода, а какая-то густая масса.

Бѣлое море прошли при полномъ штилѣ и около 3-хъ часовъ утра 21-го іюля подошли къ Канину Носу. Здѣсь г. Фуссъ, въ сопровожденіи г. Мордовина, отправились дѣлать опредѣленія широты и долготы этого мыса. Г. Фуссъ былъ командированъ морскимъ министерствомъ для астрономическаго опредѣленія какъ м. Канина, такъ равно и становища Малыхъ Кармокулъ. Опредѣленія были окончены, какъ оказалось, очень удачно. Погода благопріятствовала, и въ 3 часа дня мы снялись съ якоря и взяли курсъ на Гусиный Носъ (Гагарій). Снова вступили въ область незаходящаго солнца. Въ полночь солнце принимаетъ цвѣтъ темно-красный, въ части, обращенной къ горизонту,—болѣе темный. Около половины 3-го показались берега Новой Земли.

Островъ Новая Земля — или, вѣрнѣе, архипелагъ острововъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ большихъ и многихъ мелкихъ — составляетъ какъ бы продолженіе отрога Уральскаго

хребта Пай-Хая. Самая южная оконечность острова—Кусовъ Носъ находится подъ 70°32'30" с. ш. и 37°21' в. д. [1]), и самая сѣверная — мысъ Желаній (м. Маврикія) лежитъ подъ 77° с. ш. и 68°32' в. д.; самая восточная, мысъ Флисинскій,— подъ 59°3' вост. д. и 76°39' с. ш.; самая западная — мысъ Гусиный (Гагарій Носъ)—подъ 51°36' в. д. и 72°3'30" с. ш. Длина Новой Земли около 820 верстъ, а средняя ширина острова—90 верстъ. Вся площадь Новой Земли равна 91.813 кв. в. На сѣверный островъ приходится 50.115 кв. в., на южный 40.955 кв. в.; остальное – на мелкіе острова, окружающіе оба большихъ. Новая Земля съ сѣвера и запада [2]) омывается Ледовитымъ океаномъ, а съ востока—Карскимъ моремъ. Между берегомъ материка и Новой Землей лежитъ островъ Вайгачъ, составляющій изъ Карскаго моря два пролива: Югорскій Шаръ и Карскія или Желѣзныя Ворота. Сѣверный островъ отдѣляется отъ Южнаго узкимъ [3]), но глубокимъ проливомъ — Маточкинымъ Шаромъ. Южная часть Ледовитаго Океана уже съ начала лѣта освобождается отъ льда; путь же къ сѣверу отъ Новой Земли становится свободенъ только въ началѣ сентября; Маточкинъ Шаръ освобождается отъ льда во второй половинѣ іюня; Югорскій Шаръ и Карскія Ворота хотя и рано освобождаются отъ твердаго льда, но эти проливы долго наполняютъ значительныя массы идущаго льда, чтó зависитъ отъ существующихъ здѣсь перемѣнныхъ теченій.

Главная масса льда, по словамъ поморовъ, выносится изъ Карскаго моря около начала іюля, но все зависитъ отъ того, какъ „вѣтра падутъ". Замѣчено, что если нѣсколько дней дуетъ сѣверный или сѣверо-восточный вѣтеръ, то въ это время ледъ сбирается у Карскихъ Воротъ и задерживается при выходѣ изъ нихъ; когда же, затѣмъ, вѣтеръ потянетъ съ юга, льды выносятся вонъ и идутъ по западному берегу Новой Земли. Во время нашей зимовки ледъ показался по всему берегу 5 іюля—это уже поздно, по замѣчанію поморовъ. Обыкновенно это бываетъ раньше.

Новая Земля представляетъ, въ южной и юго-восточной части своей, низменное пространство, но къ сѣверу, до Маточки-

---

[1]) Всѣ долготы считаются отъ Гринвича.

[2]) Часть Ледовитаго Океана между Мурманскимъ берегомъ и Новой Землей прежде была извѣстна подъ названіемъ Мурманскаго моря.

[3]) На старыхъ картахъ островъ раздѣленъ на 3 части, но эту ошибку исправилъ Моисеевъ въ 1839 году, когда доказалъ, что Крестовая Губа не начало пролива, а заливъ

на Шара, западная часть острова все повышается, и самая высокая точка его лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу южнаго острова. Въ 1872 году экспедиція графа Вильчекъ и его спутника профессора Гефера дала нѣсколько новыхъ свѣденій о топографіи Новой Земли. По мнѣнію Гефера, возвышенности ея—не скученная масса отдѣльныхъ возвышенностей, какъ думали до этого времени, но представляютъ сплошной горный хребетъ, отъ 72° с. ш. до 75,5° с. ш., который тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ; подъ широтой 75,5° онъ круто поворачиваетъ на востокъ. Самая высокая точка находится близъ Маточкина Шара; къ югу и къ сѣверу онъ понижается. Въ обѣ стороны отъ главнаго хребта отдѣляются вѣтви, перпендикулярныя къ морю. Хребетъ этотъ поперекъ прорѣзанъ глубокими долинами. Одна изъ долинъ, дно которой находится подъ уровнемъ океана, образовала Маточкинъ Шаръ, къ сѣверу отъ Крестовой Губы. Трудно составить себѣ представленіе о характерѣ мѣстности, такъ какъ она занята глетчерами. Такой взглядъ Геферъ основываетъ на томъ, что, поднявшись на вершину Вильчекъ (1.226 метр.), онъ успѣлъ бросить взглядъ съ этой высоты на внутренность острова; погода тому благопріятствовала. Поперечныя долины южнаго острова имѣютъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ: но далѣе къ сѣверу, какъ на этомъ островѣ, такъ и на сѣверномъ, долины эти идутъ почти прямо съ востока на западъ. Возвышенности западнаго берега идутъ на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, такъ что между океаномъ и хребтомъ тянется низменная ровная мѣстность, носящая различныя названія, какъ-то: Гусиная Земля между Гагарьимъ и Сѣвернымъ Гусинымъ Носомъ, Панькова Земля, близъ Маточкина Шара. Снѣжная линія лежитъ, по мнѣнію Гефера, на высотѣ 569—832 метровъ надъ уровнемъ моря, но точныхъ измѣреній не было дѣлано. Многочисленныя рѣки Новой Земли не судоходны, за исключеніемъ немногихъ, судоходныхъ въ своихъ устьяхъ; таковы рѣка Пуховая, Соханиха, Гусиная. Первая, напр., судоходна на 40 верстъ; остальныя хотя и образуютъ при впаденіи глубокіе рукава, но уже на очень небольшомъ разстояніи отъ устья переходимы въ бродъ.

Новая Земля лежитъ далеко за предѣломъ древесной растительности, но по всѣмъ берегамъ ея можно найти „плавникъ“,—какъ называются здѣсь стволы различныхъ деревьевъ, которые прибиваются и выбрасываются моремъ къ берегамъ. „Плавникъ“ этотъ сплавляется сибирскими рѣками и теченіями прибивается къ Новой Землѣ, гдѣ употребляется на топливо. Недостатокъ въ

топливѣ, впрочемъ, современемъ совершенно исчезнетъ, такъ какъ имѣются свѣденія, что во многихъ мѣстахъ острова есть залежи каменнаго угля, не говоря о горючемъ сланцѣ (домоникъ). На нѣкоторые участки были даже охотники, — напр., въ заливѣ Св. Анны на сѣверномъ островѣ и на восточной сторонѣ. Но почему-то не было дано разрѣшенія приступить къ разработкѣ. Минеральныя богатства острова вообще плохо изслѣдованы, но, по увѣренію г. Сидорова (онъ даже хлопоталъ объ отводѣ участковъ для разработки), во многихъ мѣстахъ встрѣчается золото [1]).

Климатъ Новой Земли не отличается большой суровостью, но несообразность временъ года здѣсь чрезвычайно замѣчательна. Зима здѣсь умѣреннѣе, чѣмъ въ Азіи и Америкѣ—въ тѣхъ же широтахъ, а лѣто холоднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; впрочемъ, первенство въ этомъ отношеніи остается за Басіей Сѣверной Америки. Климатомъ же объясняется и сравнительная бѣдность царства растительнаго. Изъ 681 вида, встрѣчающихся за полярнымъ кругомъ, на Новой Землѣ имѣютъ своихъ представителей немногимъ больше шестой части. На Новой Землѣ нѣтъ луговъ, если не считать за таковые небольшія площадки, поросшія злаками и многолѣтниками, но объ этомъ я буду говорить дальше.—Когда именно стала извѣстна русскимъ Новая Земля—остается неизвѣстнымъ.

Уже первые европейскіе путешественники къ этому острову встрѣчаютъ русскихъ у его береговъ. Вообще изслѣдованіе этого острова почти всецѣло принадлежитъ русскимъ. Не буду описывать всѣ трудности зимовокъ и путешествій на Новую Землю до сего времени, чтобы „не увеличить книги", какъ пишетъ Литке въ своемъ предисловіи къ „троекратному путешествію на Новую Землю"; интересующіеся найдутъ объ этомъ какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ источникахъ. Большая часть зимовокъ, даже не слишкомъ хорошо обставленныхъ, прошли на Новой Землѣ довольно благополучно. Исключеніе составляли только тѣ зимовщики, которые при плохой пищѣ, преимущественно состоявшей изъ соленой трески, предавались бездѣйствію. Заболѣвшіе цынгой обыкновенно быстро поправлялись, какъ скоро начинали ѣсть свѣжее мясо. Самоѣды, живущіе теперь на Новой Землѣ, говорятъ, что при цынгѣ они, за недостаткомъ оленьяго или медвѣжьяго мяса, пьютъ кровь убитыхъ нерьпъ и быстро поправляются. Вообще теперь и между поморами все сильнѣе и сильнѣе слагается убѣжденіе, что при обиліи мяса всегда можно разсчитывать

---

[1]) Близъ станц. Мал. Кармакулъ встрѣчается серебро-свинцовая руда.

на благопріятный исходъ зимовки. Цынга—какъ у поморовъ, такъ и у самоѣдовъ—считается болѣзнію позорной, которая прямо указываетъ на лѣнь и упадокъ духа.

Берега южнаго острова Новой Земли невысоки и до поверхности воды покрыты снѣгомъ. Отъ южнаго Гусинаго мыса нашъ пароходъ сталъ подниматься къ сѣверу. Берега вырисовываются яснѣе, становятся круче и выше. Дальше, за выдающейся береговой полосой земли, виднѣются закутанныя туманомъ возвышенности. Между туманными очертаніями Новой Земли и береговымъ уступомъ видны снѣжныя полосы. Температура въ 8 часовъ вечера была $+6^0$ Реомюра; позже сдѣлалась холоднѣе.

Вѣтеръ съ берега. Такъ какъ днемъ вѣтеръ былъ попутный, то, начиная съ того времени, какъ стали подходить къ сѣверному мысу, на горизонтѣ впереди виднѣлось особое сіяніе: то вѣтеръ гналъ передъ нами пловучій ледъ. Въ биноклъ можно было ясно различить отдѣльныя ледяныя глыбы. Къ вечеру изъ темной поверхности воды выставилась голова и часть туловища моржа, затѣмъ мелькнули двумя бѣлыми полосами его клыки и больше не показывались. Чаще и чаще стали попадаться птицы; иногда слетали съ берега цѣлыми стаями.

23 іюля, около 4 часовъ ночи, вошли въ Кармакульскій заливъ. Заливъ этотъ отдѣленъ отъ океана Кармакульскимъ островомъ, а также нѣсколькими небольшими островами. Въ заливъ ведутъ 4 прохода: два съ запада и два съ сѣвера. Одинъ изъ проходовъ, лежащій нѣсколько южнѣе, извѣстенъ подъ именемъ „поморскаго“, хотя, обыкновенно, поморскія суда входятъ черезъ одинъ изъ сѣверныхъ и останавливаются на такъ называемомъ поморскомъ рейдѣ, который лежитъ сѣвернѣе зданій, построенныхъ обществомъ спасанія на водахъ. Становятся они тамъ, кромѣ того, что онъ раньше освобождается отъ льда, еще и потому, что здѣсь удобнѣе наблюдать за появленіемъ бѣлугъ.

Пароходъ „Чижовъ“ вошелъ черезъ проходъ, лежащій почти противъ зданій спасательной станціи. На невысокомъ береговомъ выступѣ виднѣлись двѣ избы и два сарая, а нѣсколько къ сѣверу, на самомъ выдающемся пунктѣ, стояла небольшая деревянная часовня съ погнутымъ набокъ крестомъ. Немного дальше — еще изба, а на югъ отъ станціи торчали кресты кладбища. На болѣе выдающихся мѣстахъ были сложены каменные столбы, а на небольшомъ (Бѣлужьемъ) островѣ, кромѣ того, виднѣлся крестъ. Кресты здѣсь ставятся въ память благополучнаго пути. На крестѣ

обыкновенно вырѣзывается имя поставившаго и годъ. Каменные же столбы зачастую складываютъ такъ, „ни для чего“. Иной разъ вздумаетъ кто-нибудь—и сложитъ отъ бездѣлья, но во многихъ мѣстахъ эти столбы служатъ сигналомъ. Въ двухъ-трехъ верстахъ къ западу отъ берега тянется невысокій хребетъ горъ. Мѣстность до этого креста поднимается террассами; тамъ и здѣсь по склонамъ видны буровато-зеленыя луговины.

При нашемъ входѣ на рейдъ самоѣдскій староста распорядился салютовать пароходу изъ имѣющейся здѣсь пушки. На рейдѣ стояли поморскія шкуны. Едва отдали якорь и ошвартовались, какъ на пароходъ прибылъ самоѣдъ Аѳанасій и одинъ изъ судохозяевъ Ѳ. Воронинъ. Послѣдній привезъ письмо отъ капитана англійскаго парохода, ушедшаго дня за три до нашего прихода въ поискъ за пропавшимъ безъ вѣсти пароходомъ „Eira“. Въ письмѣ онъ говоритъ, что если встрѣтитъ льды, то воротится въ становище; просилъ сохранить сложенные здѣсь на случай припасы для экипажа „Эйры“ и просилъ передать оставленную имъ корреспонденцію.

Съѣхали на берегъ, гдѣ насъ встрѣтили зимовавшіе здѣсь поморы. Ихъ зимовка прошла благополучно, хотя они и не разсчитывали провести зиму на Новой Землѣ. Оказалось, что они ушли „карбасомъ“ на гольцовый промыселъ, а ихъ товарищи, не заходя за ними, какъ было условлено, ушли „прямо на Русь“, и они-то были брошены на произволъ судьбы. Гольца въ этотъ годъ напромышляли много, такъ что у нихъ не хватило соли, чтобы посолить весь уловъ. Они увѣряли, что вѣтеръ хотя былъ не очень удобный для захода, все-таки это возможно было сдѣлать. Бросивши свой промыселъ, они девять сутокъ шли до станціи, гдѣ и провели зиму; мясомъ ихъ снабжали самоѣды (Ѳома—изъ рода Вилки). Около Рождества къ нимъ пришелъ еще одинъ промышленникъ, который попалъ сюда съ Печорскаго края. Этому бѣдняку пришлось хуже поморовъ: онъ всю дорогу питался убитой имъ нерьпой. „Шелъ—разсказывалъ онъ—изо-дня-въ-день; какъ изъ силъ выбьешься, поѣшь сыркомъ нерьпы, тутъ и заночуешь; а слышно было, что на западномъ берегу есть казенный домъ. Такъ и добрался“. Рубаха у него окончательно развалилась, а потому онъ и употребилъ на нее одинъ изъ парусовъ спасательнаго вильбота. Осмотрѣвши зданія, которыя оказались очень запущенными, такъ какъ въ нихъ жили самоѣды, мы тотчасъ же приступили, подъ наблюденіемъ врача экспедиціи Гриневецкаго, къ очисткѣ и дезинфекціи зданій, что̀ удалось съ трудомъ окончить черезъ двое сутокъ.

Самоѣды же, по распоряженію г. Андреева, перебрались въ норвежскую избу. Изба выстроена случайно зазимовавшими здѣсь норвежцами, что было еще до постройки въ 1878 году спасательной станціи. Зимовка пришлась нелегкая. Особенно сильно чувствовался недостатокъ топлива: говорятъ, на полу и на стѣнахъ образовался пластъ льда—пальца на четыре. Мясомъ ихъ снабжалъ здѣшній старожилъ (онъ безвыѣздно провелъ на Новой Землѣ одиннадцать лѣтъ)—Ѳома Вилки. По ихъ возвращеніи на родину, шведское правительство, въ благодарность за спасеніе своихъ подданныхъ, отправило въ подарокъ ружья, заряжающіяся съ казенной части. Они съ удовольствіемъ разсказываютъ о томъ, какъ ихъ угощали норвежцы. На этомъ торжествѣ не было только Ѳомы, такъ что посланный благодарилъ его жену. Зимовавшіе здѣсь поморы остались недовольны самоѣдами, а эти, въ свою очередь, поморами. Эта непріязнь, кажется, вызывается постоянной, со стороны поморовъ, эксплоатаціей самоѣдовъ, такъ какъ послѣдніе, желая выразить, что это безчестно, безсовѣстно, говорятъ: „такъ только поморы поступаютъ". Впрочемъ,—ни Ѳома, доставлявшій имъ мясо, да и никто другой изъ самоѣдовъ не получили ничего, а поморамъ архангельскій губернаторъ, г. Барановъ, выхлопоталъ пособія и выдалъ имъ въ подарокъ берданки.

Весь день, до глубокой ночи, при помощи самоѣдовъ и наемныхъ поморовъ, продолжалась разгрузка вещей и припасовъ экспедиціи. Въ этотъ день погода была очень измѣнчива: то появится туманъ, то вновь исчезнетъ. Вѣтеръ дулъ—то съ юга, то съ сѣверо-востока. Было очень тепло. Въ этотъ же день г. Фуссъ наблюдалъ температуру:—даже вечеромъ $+15{,}5^0$ Р. А за нѣсколько дней до нашего прихода, какъ сообщали поморы, было такъ холодно, что въ шубѣ не было жарко. Къ вечеру начали собираться тучи. Около 5 часовъ уже слышались раскаты грома, а къ одиннадцати вечера была настоящая гроза,—явленіе очень рѣдкое въ высокихъ широтахъ. Солнце въ этотъ день еще не заходило за горизонтъ, хотя около полуночи приняло темно-красный цвѣтъ. Въ полярныхъ странахъ непримѣнима поговорка, что только орелъ можетъ смотрѣть на солнце: можетъ и простой смертный любоваться на него безъ всякаго вреда для глазъ, хотя—нужно добавить—около полуночи. Слѣдующій день также продолжалась выгрузка, такъ что, несмотря на очень сильное желаніе поскорѣе ознакомиться съ мѣстностью, гдѣ предстояло провести цѣлый годъ, пришлось торчать у сарая, куда складывалась провизія. Погода и въ этотъ день была хорошая: термометръ показывалъ $+12{,}9^0$ Р., хотя такъ же измѣнчиво. Иногда

появлялся туманъ, настолько густой, что съ берега не видать было парохода, стоявшаго въ 15—20 саженяхъ отъ него. Но черезъ нѣсколько минутъ снова проносится туманная туча, и снова блеститъ солнце. По пріѣздѣ парохода астрономъ В. Р. Фуссъ вмѣстѣ съ г. Мордовинымъ принялись за опредѣленія широты и долготы мѣста. Противъ прежнихъ опредѣленій была небольшая ошибка. По опредѣленію г. Фусса, сѣверная широта Малыхъ Кармакулъ была 72° 22′ 37″ и долгота отъ Гринвича 3° 30′ 50,4″.—Выгрузка была окончена 25 іюня. Въ этотъ же день всѣ члены экспедиціи перебрались на берегъ. Члены экспедиціи размѣстились въ обѣихъ избахъ. Въ большой избѣ помѣстились — Андреевъ, Володковскій, врачъ Гриневецкій, я, а также нанятый для прислуги малый, лѣтъ 15, В. Тарасовъ. Въ домѣ всего три комнаты, но одна изъ нихъ была раздѣлена перегородками на три части, такъ что каждый имѣлъ отдѣльное помѣщеніе. Въ другой избѣ помѣстили матросовъ и рабочихъ; рабочіе должны были со вторымъ рейсомъ парохода уѣхать обратно.

Избы—двухстѣнныя; во всѣхъ комнатахъ, кромѣ русскихъ печей, поставлены еще круглыя желѣзныя; несмотря на то, пожаловаться на большое тепло въ домѣ нельзя. Кромѣ недостатка въ топливѣ, это зависитъ еще отъ того, что избы длинной своей стороной поставлены какъ разъ противъ господствующихъ здѣсь восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ; такъ что случалось, что изба, тепло натопленная, лишь только начиналъ дуть вѣтеръ, охлаждалась до такой степени, что снѣгъ по цѣлымъ суткамъ не таялъ въ комнатѣ, а вода замерзала на печкѣ. Весной же выяснилось, отчего происходитъ сырость стѣнъ: снѣгъ, несмотря на тщательную очистку чердаковъ послѣ почти постоянныхъ зимнихъ мятелей, попадалъ между наружной и внутренней стѣнами избы и начиналъ таять.

Перебравшись въ избы, начали приводить все въ порядокъ, хотя разобрались уже нѣсколько позднѣе. Берегъ передъ зданіями станціи буквально былъ весь заставленъ всякаго рода ящиками, бочками, тюками прессованнаго сѣна.

Вечеромъ пришли судохозяева Ѳ. и Я. Воронины, дядя съ племянникомъ. Первый спасъ въ 1874 году экспедицію Вайпрехта. Этотъ поморъ уже 36 лѣтъ ходитъ на Новую Землю, племянникъ — только 15 лѣтъ. Ѳ. Воронинъ—старикъ лѣтъ 60, еще очень свѣжій и крѣпкій, но отъ простуды оглохъ, такъ что разговоръ сначала происходилъ при посредствѣ его племянника. Разговоръ постепенно отъ цѣли нашей экспедиціи перешелъ на промыслы,

на самоѣдовъ. Промыслы стали все меньше и меньше выгодны,— на что указываетъ и значительное сокращеніе промышленниковъ на Новой Землѣ. Прежде къ берегамъ Новой Земли ходило 137 судовъ, теперь - всего только шесть. Отправляютъ суда купцы Воронины, Норкинъ и Борисовъ. Такая цифра судовъ объясняется уменьшеніемъ нерьпы, хотя, по словамъ тѣхъ же Ворониныхъ, не замѣчали, чтобы за послѣднее время особенно уменьшилось число тюленей, несмотря на то, что норвежцы, уже раньше прихода русскихъ судовъ, успѣваютъ „промыслить“ немало звѣря, да и напугать, такъ какъ они постоянно бьютъ его изъ огнестрѣльнаго оружія. За послѣднее время главную приманку для русскихъ промышленниковъ составляетъ не тюлень, а бѣлуга. Разсказывали, что норвежцы часто вступаютъ въ драку съ русскими промышленниками, уничтожаютъ кресты, уничтожили даже столбъ, поставленный въ память пребыванія на Новой Землѣ великаго князя Владиміра Александровича.

Всѣ эти разсказы передавались съ особою горячностью. Видимо, не слишкомъ выгодно отзывается на промыслахъ ранній, противъ ихъ прихода, промыселъ у тѣхъ же береговъ—норвежцевъ. За послѣдній годъ видѣли около береговъ 17 судовъ норвежскихъ. „Теперь—сообщали они—тюленя промышляемъ, пока до мѣста дойдемъ, гдѣ рѣшили промышлять бѣлугу; больше всего приходится около Гусиной Земли, покуда во льдахъ ходишь“.

Не меньшее неудовольствіе высказываютъ и противъ поселенія самоѣдовъ, такъ какъ стрѣльбой тюленя изъ ружей они распугиваютъ не только его, но и бѣлугу, которая теперь идетъ хотя въ М. Кармакулахъ, по-за островами, а прежде шла о берегъ: съ берега зачастую можно было острогой бить.

Судохозяева не такъ страдаютъ отъ поселенія самоѣдовъ,— имъ достается весь зимній промыселъ: жиръ и шкуры. Цѣны же за все даютъ невысокія, — такъ: самая лучшая шкура бѣлаго медвѣдя цѣнится не дороже 10 руб.; сало—отъ 1 р. до 1 р. 25 к. за пудъ; шкурка песца—не больше 35—40 коп.; шкура морского зайца—до 3 р., а тюленя—отъ 25 до 30 коп.; гагачій пухъ—отъ 30 до 60 к. за фунтъ. Тѣ же самыя вещи въ Архангельскѣ сбываются въ 2 и 3 раза дороже. Нужно замѣтить, что плата идетъ на-половину деньгами, остальное—товаромъ, о цѣнѣ на который можно судить по тому, что бутылка водки, напр., стоитъ отъ 80 к. до 1 руб.

Часто самоѣды берутъ въ долгъ муку и порохъ, такъ что, если промыселъ былъ плохъ, у самоѣдовъ не хватаетъ на расплату; однако, несмотря на это, поморы вновь даютъ муку въ

долгъ, конечно, тѣмъ, которые извѣстны за болѣе хорошихъ охотниковъ—промышленниковъ, какъ здѣсь говорятъ. Съ учрежденіемъ постоянныхъ рейсовъ на Новую Землю, самоѣды стали поручать покупку хлѣба и пороха въ Архангельскѣ. Но, какъ случилось въ этотъ годъ, имъ со вторымъ пароходомъ не было выслано пороху, да и хлѣбъ привезенъ въ недостаточномъ количествѣ, а потому они были оставлены въ опасности — умереть съ голоду; къ ихъ счастью, нашей экспедиціи было отпущено военнымъ вѣдомствомъ очень много патроновъ, часть которыхъ была роздана имъ. Вообще необходимость завести на Новой Землѣ склады муки и пороху кажется почти неизбѣжной, если желательно прочное водвореніе здѣсь самоѣдовъ.

Въ настоящее время все населеніе Новой Земли, съ женщинами и дѣтьми, составляетъ не больше 40 человѣкъ. Кромѣ Ѳомы Вилки, который живетъ съ своей семьей уже 11 лѣтъ, остальные самоѣды поселились тамъ не болѣе 5—7 лѣтъ. Самое большое единовременное переселеніе самоѣдовъ [1]) было въ 1878 г., когда поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, г. Тягинъ, перевезъ туда шесть семействъ самоѣдовъ. Въ этомъ же году онъ былъ командированъ, какъ для окончательнаго устройства спасательной станціи, такъ равно и для опредѣленія, насколько возможна колонизація этихъ странъ. Проведя зиму на Новой Землѣ, онъ нашелъ полную возможность—какъ устройства спасательной станціи, такъ равно и зимовки, особенно для самоѣдовъ, но при существованіи обширнаго продовольственнаго запаснаго магазина, такъ какъ охота не всегда можетъ доставить въ достаточномъ количествѣ пищу.

Уже во время первой зимовки самоѣдовъ чувствовался сильный недостатокъ въ пищѣ, такъ какъ дикихъ оленей совсѣмъ не было, да и самоѣды, преимущественно оленеводы, не были знакомы съ мѣстными условіями Новой Земли. Вслѣдствіе этого было нѣсколько смертныхъ случаевъ. Убыль, впрочемъ, постоянно пополняется вновь прибывшими. Еслибы—говорятъ самоѣды—пришелъ пароходъ въ Печору, явилась бы масса охотниковъ переселиться на Новую Землю, чему препятствуетъ переѣздъ до Архангельска на свой счетъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ теперешнихъ обитателей Новой Земли перебрались по льду черезъ Карскія Ворота. Они говорятъ, что „носомъ чуяли, гдѣ стоитъ самоѣдскій чумъ“. Не знаю, какъ это понимать; вѣроятно, они по-

---

[1]) Сами самоѣды называютъ себя „нениа“ или „самоѣдинъ“, а не самоѣдъ; это послѣднее названіе ихъ національности приписываютъ русскимъ.

просту слышали, что тамъ, гдѣ-то на западѣ острова, живутъ самоѣды. Нѣкоторые, напр. старикъ Семенъ съ семьей и нѣсколькими самоѣдами—попалъ сначала на восточный берегъ, гдѣ и зимовалъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ перебрался въ Моллеровъ заливъ на кораблѣ, вокругъ южнаго конца Новой Земли. И теперь все еще продолжается переселеніе изъ тундры; главной приманкой служитъ слухъ о дикихъ оленяхъ. „Инъ годъ,—говорятъ самоѣды,—рѣшишь вернуться въ тундру, а появятся олени—снова остаешься на Новой Землѣ". Не тянетъ ихъ на родину, такъ какъ большая часть—это разорившіеся оленеводы, многіе уже живавшіе въ батракахъ, какъ у своего брата самоѣда, такъ и у русскихъ. Благодаря тому, что главнаго врага оленеводовъ—волка на Новой Землѣ нѣтъ, одинъ изъ самоѣдовъ, живущій на восточномъ берегу, думаетъ заняться разведеніемъ домашнихъ оленей и надѣется на успѣхъ; это, по отзывамъ всѣхъ, на восточномъ берегу острова вполнѣ возможно: хотя климатъ тамъ суровѣе и зима продолжительнѣе, чѣмъ на западномъ, но зато въ изобиліи растутъ оленій мохъ и трава. У этого самоѣда, когда онъ ушелъ на Новую Землю, въ тундрѣ осталась сотня оленей. Первое время самоѣды, привезенные г. Тягинымъ, всѣ жили около станціи. Теперь же они, раздѣлившись на артели, разбрелись на зиму по всему берегу Моллерова залива: одинъ чумъ южнѣе залива, а именно на южномъ Гусиномъ мысѣ (Гагарій мысъ), два чума стоятъ на р. Пуховой, одинъ на рѣкѣ Гусиной и еще два—въ Большихъ и Малыхъ Кармакулахъ; кромѣ того, одинъ чумъ—на восточной сторонѣ острова. Новоземельская артель обыкновенно состоитъ изъ двухъ, много трехъ человѣкъ. Добыча дѣлится поровну: хотя бы другой и не убилъ ни одного звѣря, все-таки онъ получаетъ такую же долю. Иногда случается, что товарищъ—плохой стрѣлокъ; за это онъ долженъ дѣлать другую работу, напр. помогать вытаскивать изъ воды убитаго звѣря, сдирать шкуру, таскать „въ костры" прибитый къ берегу плавникъ, и т. п.

Съ наступленіемъ зимы, когда всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, каждый какъ бы обязывается охотиться только въ районѣ своей области: если, какъ случалось во время нашей зимовки, олени появятся въ окрестностяхъ какой-либо артели, то охотники другихъ чумовъ, охотясь въ этой области, должны дѣлиться, какъ мясомъ, такъ и шкурами съ владѣльцами чума: это какъ бы плата за помѣщеніе и топливо, а иногда и за кормъ собакъ. Цѣна оленьему задку, который нашей экспедиціи обходился по 3 рубля, между самоѣдами была въ 1 руб. Обыкновенно чумы здѣсь бываютъ двухъ родовъ: зимніе—въ двѣ шкуры, и лѣтніе—

въ одну. Устройство чума—какъ у самоѣдовъ тундры. Иногда въ чумахъ живетъ не одно семейство, и тогда владѣлецъ чума отдаетъ половину въ-наймы. Хозяинъ чума, по большей части, и владѣлецъ карбаса; кромѣ того, при чумѣ есть еще одна, рѣдко двѣ легкихъ лодочки, которыя они сколачиваютъ сами изъ досокъ и всегда берутъ съ собой, отправляясь на тюленій промыселъ. Зимой, когда сообщеніе моремъ прекращается, единственный способъ передвиженія—на собакахъ. Для возки обыкновенно запрягаютъ 6 собакъ, но эта цифра увеличивается или уменьшается, смотря по силамъ послѣднихъ. Собаки здѣсь очень разнообразны, такъ какъ большею частію привозятся поморами съ „Руси" безъ всякаго выбора. Часто можно видѣть громадныхъ собакъ, различныхъ породъ, впряженныхъ вмѣстѣ съ маленькой дворняжкой. Взятыя нами собаки не были обучены упряжной ѣздѣ, но самоѣды увѣряли, что всѣ будутъ годны: „для чего же хорей"? [1]) —удивлялись они; они даже мысли не допускаютъ, чтобы собака не была въ состояніи везти. Зимой самоѣды держатъ собакъ не слишкомъ въ тѣлѣ, да оно и понятно—людямъ зачастую нечего ѣсть; но представилась возможность захватить тюленьи или заячьи равила—собаки сыты. При погонѣ за оленемъ собаки за частую бываютъ безъ пищи сутокъ по-трое, по-четверо. Самоѣды говорятъ: „собака крѣпка сердцемъ". Но когда собаки долго безъ пищи, ихъ не выпрягаютъ: иначе, говорятъ, она тебя же норовитъ схватить за икры. При удачѣ самоѣды кормятъ собакъ до-сыта. И замѣчательно, что, несмотря на плохое житье у самоѣдовъ, взятыя на станцію собаки скучали и часто даже убѣгали обратно. Упряжь собачья очень незамысловата и очень неудобна. За образецъ ея взята упряжь оленья. Это — родъ хомута, отъ котораго идетъ подъ брюхомъ ремень къ санкамъ; этимъ ремнемъ собаки при бѣгѣ протираютъ себѣ ноги до крови, а хомутъ дѣлается изъ костей бѣлуги или морского зайца.

Оленьи шкуры выдѣлываются грубо. При выдѣлкѣ употребляется „наземъ"—такъ называютъ самоѣды содержимое желудка и кипокъ убитаго оленя; очищенная отъ жира шкура намазывается этимъ „наземомъ", что̀ придаетъ ей извѣстную гибкость. Изъ „хоровины" [2]) оленя дѣлаются совики и малицы, шкура съ ногъ идетъ на выдѣлку пимовъ и на обшивку подола малицъ; на отдѣлку же костюмовъ, особенно женскихъ, употребляется собачья шкура. Приготовленіемъ одежды занимаются женщины,

---

[1]) Хорей—длинный шестъ, которымъ правятъ самоѣды при ѣздѣ на собакахъ.

[2]) Хоровина—шкура.

мужчина считаетъ это несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ [1]). Подошвы пимовъ дѣлаются изъ оленьихъ щетокъ. Оленьи пимы носятъ только зимой; съ наступленіемъ весны надѣваютъ пимы изъ тюленьей шкуры; при охотѣ на морѣ, употребляются пимы изъ слабо-выдѣланной; вся выдѣлка состоитъ въ большемъ или меньшемъ выскабливаніи шкуры ножами или скобелемъ кожи; такая сальная кожа не пропускаетъ воды. Подметки дѣлаются изъ шкуры морского зайца. Вмѣсто нитокъ употребляются оленьи сухожилія. Такіе пимы очень легки, а главное—быстро сохнутъ: часто по нѣскольку часовъ бродишь, бывало, по болотамъ въ ботаническихъ экскурсіяхъ, и—достаточно какой-нибудь получасъ провести на сухомъ мѣстѣ, чтобы обувь уже провяла настолько, что нога не ощущаетъ непріятной сырости. Неудобство этой обуви заключается въ томъ, что невыдѣланная подошва, размокнувъ въ водѣ, отчетливо передаетъ ногѣ о всякой неровности почвы; отъ этого плохо защищаетъ и сѣно, которое обыкновенно кладется въ пимы. Но, съ привычкой, недѣли черезъ двѣ это неудобство какъ бы исчезаетъ, а въ горахъ гибкость подошвы часто бываетъ полезна, особливо при взбираніи на утесы, такъ какъ нога сразу чувствуетъ, насколько прочно лежатъ камни, на которые ступаешь. По словамъ самоѣдовъ, двухъ, трехъ паръ пимовъ тюленьихъ достаточно на все лѣто.

Жизнь самоѣдовъ на Новой Землѣ вполнѣ зависитъ отъ охоты; стрѣлки, впрочемъ, они, за немногими исключеніями, не завидные, что́ очень понятно, потому что „на матерой землѣ“ большая часть ихъ были оленеводами. Самоѣды, какъ и большая часть дикарей или полудикарей, немного заботятся о будущемъ. Они бьютъ, напр., беременныхъ самокъ, которыхъ, по ихъ же словамъ, можно отличить отъ самцовъ даже на очень значительномъ разстояніи. „Потому, — объясняли они, — что не родился еще тотъ человѣкъ, когда не будетъ дикихъ оленей“. На томъ же основаніи, вѣроятно, самоѣдъ стрѣляетъ съ берега морского звѣря, когда при немъ нѣтъ ничего, чтобы достать добычу съ воды, и хотя знаетъ, что—убьетъ ли онъ его на повалъ или только ранитъ—звѣрь „обсядетъ“ и ему не достанется. Нельзя сказать, чтобы самоѣдъ былъ лѣнивъ,—напротивъ, на охотѣ онъ неутомимъ,—но въ немъ есть какое-то наивное простодушіе: часто, убивши днемъ 5—10 тюленей, онъ бросаетъ охоту, въ надеждѣ, что на утро, придя на то же мѣсто, вновь встрѣтитъ звѣря, и

[1]) На случай, еслибы кому-нибудь пришлось посѣтить Новую Землю, я рекомендовалъ бы, какъ особенно искусную швею обуви, жену самоѣда Ивана Логая.

очень нерѣдко обманывается въ разсчетѣ. Конечно, охота въ горахъ за оленями очень нелегка, но самоѣды часто тогда только идутъ на охоту, когда все мясо убитыхъ уже съѣдено и даже кости еще разъ переварены. „Годомъ,—говорятъ они,—бываетъ такъ много оленей, что не спрашиваешь: есть ли олени, а—гдѣ они“? Самоѣды, дорвавшись до мяса, наѣдаются „до отвалу“, что называется, и зачастую потомъ голодаютъ по нѣскольку дней,—они не заботятся о завтрашнемъ днѣ. Совмѣстный промыселъ общими силами, каковъ бѣлужій, врядъ-ли скоро привьется у нихъ. Если имъ вѣрить, то трудно уговорить всѣхъ, несмотря на очевидную выгоду такого промысла. При всемъ этомъ, самоѣды чрезвычайно небрежны. У очень немногихъ ружья, отъ которыхъ зависитъ все ихъ существованіе, содержатся въ порядкѣ; большею же частію не чищены и покрыты ржавчиной. Нѣкоторые,—когда имъ указывали на состояніе ихъ ружей,—ссылались на то, что при житьѣ въ чумахъ иначе и быть не можетъ; но это просто отговорка: ихъ товарищи, живущіе въ тѣхъ же условіяхъ, находятъ же возможность держать оружіе въ порядкѣ. Еще ярче ихъ небрежность выразилась въ слѣдующемъ случаѣ. При постройкѣ станціи, имъ были даны гольцовыя и бѣлужьи сѣти. Они не позаботились даже убрать вытащенныя изъ воды сѣти, которыя до сихъ поръ валяются по всему берегу Мало-Кармакульскаго становища; бечевки, разумѣется, почти совершенно истлѣли. Къ счастію, самыя цѣнныя сѣти бѣлужьи не употреблялись въ дѣло, вслѣдствіе чего и остались цѣлы. Такое отношеніе къ орудіямъ промысла странно, на первый взглядъ, уже потому, что они теперь жалуются на недостатокъ снастей для ловли гольца; при болѣе близкомъ знакомствѣ оказывается, что большія сѣти, какія имъ были даны, не по силамъ одной артели или чуму, а „вмѣстяхъ“, какъ говорятъ поморы, самоѣды не промышляютъ. Многіе—какъ причину непримѣнимости промысла общими силами—приводили соображеніе, что свой братъ зачастую лучше помора обчиститъ. Если самоѣдъ пробился трудные зимніе мѣсяцы, то въ теплое время, начиная съ мая по сентябрь, онъ почти безъ труда достаетъ себѣ пищу: вначалѣ онъ имѣетъ массу гагарокъ и ихъ яйца, позднѣе—гусей; послѣдніе, впрочемъ, съ поселеніемъ самоѣдовъ стали осторожнѣе и линять летятъ или дальше на сѣверъ, или вглубь острова, между тѣмъ какъ прежде по всему берегу—гласитъ преданіе—была масса ленныхъ гусей.

Самоѣды, по большей части, считаются православными, хотя мало кто изъ нихъ знаетъ что-нибудь объ этой религіи. Часто все ограничивается обрядовой стороной, а иногда только хри-

стіанскимъ именемъ. При разспросахъ о самыхъ общеизвѣстныхъ предметахъ религіи, они выказывали полнѣйшее незнаніе или недоумѣніе. Они перестали кланяться идоламъ и умилостивлять ихъ жертвами, но почитаніе перенесли на иконы: такъ, по ихъ понятію, въ кружку часовни меньше рубля положить нельзя, чтобы „Богъ и угодники“ не прогнѣвались и не наказали плохимъ промысломъ. Во время народныхъ бѣдствій они, однако, вновь обращаются къ своимъ прежнимъ богамъ. Такъ, по слухамъ, года два тому назадъ, былъ голодъ, и одинъ изъ самоѣдовъ, для умилостивленія боговъ, принесъ имъ въ жертву дѣвушку, бывшую у него въ услуженіи; эта жертва оказалась дѣйствительною: въ ту же ночь къ его чуму пришелъ бѣлый медвѣдь, котораго онъ и „промыслилъ“. Этотъ случай, впрочемъ, остался невыясненнымъ, а на слово вѣрить самоѣдамъ не слишкомъ надежно. Объ этомъ же происшествіи они передавали, будто самоѣдъ, убившій дѣвушку, опасаясь, что его выдадутъ, убилъ еще нѣсколько человѣкъ; послѣ оказалось, что самоѣды были напуганы этимъ жертвоприношеніемъ,—одинъ чумъ снялся и, „отправившись карбасомъ“, погибъ дорогой; кромѣ того, изъ тѣхъ же мѣстъ вздумавшаго уйти самоѣда съ дѣвочкой съѣлъ бѣлый медвѣдь: въ желудкѣ убитаго вскорѣ звѣря нашли кости и непереварившуюся обувь этого старика и клочки шкуры его собаки. Такъ какъ здѣсь даже не каждый годъ бываетъ священникъ изъ Архангельска для совершенія религіозныхъ требъ, то родятся и умираютъ безъ всякихъ обрядовъ. Свадьбы также совершаются безъ затѣй. Полюбились молодые люди другъ другу и родители согласны,—женихъ выплачиваетъ извѣстную сумму отцу невѣсты,—и свадьба слажена. „Хорошая дѣвка,—говорятъ самоѣды,—рублей 100 стоитъ“. Расплата производится шкурами и саломъ. Впрочемъ родители не принуждаютъ своихъ дѣтей: при насъ былъ случай, когда, несмотря на богатый выкупъ, свадьба не состоялась, потому что невѣстѣ не нравился женихъ. Супружеская вѣрность, кажется, не слишкомъ сильна, судя по тѣмъ фактамъ, которые приходилось видѣть и слышать. Для острастки невѣрнымъ женамъ существуетъ повѣрье, что измѣнившая мужу будетъ до тѣхъ поръ мучиться родами, пока не повинится передъ всѣми въ своемъ проступкѣ и не назоветъ своего любовника. Многоженство, повидимому, не считается чѣмъ-либо предосудительнымъ: если дѣти не родятся, самоѣдъ беретъ другую жену, но и первая остается въ чумѣ. Если дѣвушкѣ не понравилось житье съ мужемъ, она возвращается къ родителямъ, которые должны, въ такомъ случаѣ, возвратить полученныя за нее деньги. Только при очень плохомъ

промыслѣ женщина бываетъ въ тягость: „всякая дѣвка сама себя прокормитъ", говорятъ самоѣды. Дѣвушки выходятъ замужъ, начиная съ пятнадцати лѣтъ. Рожденіе сына, который можетъ быть подъ старость кормильцемъ, встрѣчается болѣе радостно.

О нашей экспедиціи у самоѣдовъ останется, вѣроятно, такая память: „мужики были хорошіе"—на станцію ѣздили, какъ въ кабакъ; дѣйствительно, изъ ста ведеръ водки, купленной для экспедиціи, немало перепало и на ихъ долю. Но зимовавшій здѣсь г. Тягинъ оставилъ о себѣ лучшую память: кромѣ того, что „хорошій мужикъ", онъ хотя водкой и не окачивалъ, но выучилъ многихъ самоѣдовъ грамотѣ и письму. Онъ оставилъ книги, большею частію религіознаго содержанія, которыя читаются грамотѣями. Самоѣды охотно принимаются за науку, и даже взрослые скоро выучиваются грамотѣ.

Въ сношеніяхъ съ другими самоѣды недовѣрчивы, хотя иногда вѣрятъ и соглашаются на слово. На разспросы даютъ такіе отвѣты, какіе, по ихъ соображенію, пріятнѣе спрашивающему. Недовѣрчивость, конечно, можетъ возникать и непосредственно, и изъ сношеній съ промышленниками, которые знаютъ ихъ слабости и стараются ими пользоваться. За водку самоѣдъ готовъ отдать все, особенно когда подгуляетъ. Прямотой они также не отличаются,—напротивъ, стараются обмануть, насколько умѣютъ. Если самоѣдъ разсчитываетъ получить отъ кого-нибудь выгоду, то старается всѣми средствами расположить его въ свою пользу, становится льстивъ и угодливъ. Такъ, получая безвозмездно отъ начальника экспедиціи жизненные припасы, они пѣли ему хвалебные гимны, сравнивая его даже съ Богомъ; шестидесятилѣтній старикъ, за подачку, пляшетъ передъ нимъ.

Между собой живутъ не всегда ладно и часто жалуются другъ на друга. Вотъ одинъ случай. Самоѣдъ беретъ къ себѣ въ чумъ парня, который покупаетъ для себя куль муки. Владѣлецъ чума съ семьей, израсходовавъ свой запасъ, принимается за этотъ куль, и когда онъ подходитъ къ концу, гонитъ принятаго самоѣда; впрочемъ этотъ случай окончился мировой. Самоѣдъ непрочь и поважничать. Такъ, староста не только словесно требуетъ почтенія, но пускаетъ въ ходъ и кулаки. Должность старосты представляетъ нѣкоторые и матеріальные интересы, хотя, къ сожалѣнію, не удалось узнать опредѣленно, насколько доходна она на Новой Землѣ. Самоѣды очень интересуются вопросомъ, кто будетъ старостой, и высказываютъ, что, кромѣ того, что онъ пользуется зданіемъ спасательной станціи и топливомъ, которое для него отпускается, староста беретъ еще деньги съ самоѣдовъ.

Самоѣды честолюбивы: ихъ часто приводило въ восторгъ то, что они съ „чиновниками — такъ прозвали они членовъ экспедиціи — вотъ какъ съ самоѣдами говорили“. Въ тундрѣ,—говорятъ они,—если кто видѣлъ чиновника, то считается уже бывалымъ: про него говорятъ: „онъ видѣлъ чиновника“! „Если разсказать,—говорили они,—что пили и ѣли съ чиновниками, то въ тундрѣ никто не повѣритъ“. Когда г. Андреевъ надѣваетъ морской мундиръ, навѣшиваетъ крестъ Станислава и сообщаетъ имъ, что онъ очень важное лицо, что онъ говоритъ съ царемъ такъ же, какъ съ ними, самоѣдами, то послѣдніе вѣрятъ этому, тѣмъ больше, что „не будь онъ такой чиновникъ—не давалъ бы даромъ хлѣба“. Они даютъ ему порученіе выразить благодарность царю за то, что онъ выручилъ ихъ изъ бѣды—далъ имъ хлѣбъ и порохъ. Самоѣдъ Ѳома даже пишетъ „письмо къ государю и государынѣ“, прося въ немъ, ради своихъ заслугъ, состоявшихъ въ прокормленіи зимовавшихъ здѣсь норвежскихъ и русскихъ промышленниковъ, о своихъ нуждахъ. Передать это посланіе онъ поручаетъ „лейтенанту Костентину“, т.-е. г. Андрееву.

Въ костюмѣ они стараются подражать русскимъ. Часто вырядится иной въ пиджакъ или старый сюртукъ матроса и приходитъ показаться. Если ему при этомъ замѣтятъ:—и не узнаешь, что самоѣдъ, настоящій русскій,—то по лицу „русскаго“ расплывается блаженная улыбка. Но все верхнее платье дѣлается какъ въ тундрѣ; по костюму можно даже узнать, изъ какой мѣстности тундры прибылъ самоѣдъ. Большая часть мужчинъ говоритъ по-русски, женщины—мало или очень плохо; оно и понятно: первые постоянно трутся около промышленниковъ; послѣднія больше сидятъ у себя въ чумѣ.

Кромѣ членовъ экспедиціи, которые должны были остаться на зиму, изъ Архангельска были взяты двое плотниковъ для сборки павильоновъ и двое каменьщиковъ, какъ для кладки фундамента, такъ и столбовъ въ магнитныхъ и астрономическомъ павильонахъ. Павильоны были заранѣе построены въ Архангельскѣ и разобранными перевезены на Новую Землю. 26-го іюля начали разбирать плоты изъ бревенъ и досокъ и одновременно приступили къ закладкѣ фундаментовъ наблюдательныхъ павильоновъ. Матеріалъ для этого былъ подъ рукой: всюду въ окрестностяхъ находится масса каменныхъ плитъ; недостатокъ чувствовался только въ пескѣ, за которымъ приходилось ѣздить на карбасѣ нѣсколько дальше. При рытьѣ ямъ для каменныхъ столбовъ подъ варіаціонные приборы, оказалось, что почва уже на глубинѣ аршина еще не оттаяла; глубже рыть не было надобности—всюду ломъ встрѣчалъ

плотный камень. Кладка фундаментовъ и столбовъ была еще сравнительно мѣшкотная работа; когда же она была окончена, то немного потребовалось времени для сборки стѣнъ, и скоро Мало-Кармакульское становище, съ прибавкой новыхъ построекъ, стало походить на небольшой городокъ.

Такъ какъ наблюденія должны были начаться только съ 1-го сентября 1882 года, то оставшіяся свободныя три недѣли были посвящены мною экскурсіямъ въ окрестностяхъ становища. Мѣстность здѣсь состоитъ изъ глинистыхъ сланцевъ и преимущественно изъ шифернаго. Кромѣ того, въ окрестностяхъ встрѣчается доманикъ, для разработки котораго было заявлено нѣсколько участковъ, но дѣло стало изъ-за канцелярскихъ формальностей и какого-то непонятнаго пренебреженія архангельской администраціи къ предпріятіямъ, обѣщающимъ несомнѣнную выгоду не только частнымъ лицамъ, но и казнѣ. Здѣсь предпріимчивость была остановлена въ самомъ началѣ; такъ, около 30-хъ годовъ нашего столѣтія, той же участи подверглась мысль поставить на практическую почву вопросъ о сѣверномъ морскомъ пути въ Сибирь [1]), пока этотъ путь вновь не открылъ, въ 1875 году, Норденшильдъ, хотя русскимъ этотъ путь былъ извѣстенъ еще въ 1616 году.

Гористая, каменистая почва этой мѣстности представляетъ или сухіе, заваленные мелкимъ шифернымъ щебнемъ, плоскіе уступы, или же пространства, покрытыя каменными глыбами и утесами; только кой-гдѣ, по рѣчнымъ долинамъ и сырымъ склонамъ и ложбинамъ, виднѣются зеленоватыя пространства. Болѣе значительныя поросшія травой луговины встрѣчаются къ югу отъ станціи, на южныхъ склонахъ по берегу р. Малой Кармакулки. Луговины эти не представляютъ сплошного травянистаго покрова почвы, но состоятъ почти всегда изъ пучковъ различныхъ растеній, по преимуществу изъ осоковыхъ и ситниковыхъ. Тамъ и сямъ среди этой луговины виднѣются сѣроватыя глыбы камня или плѣшины, состоящія изъ мелкихъ камней. Но и плоскіе уступы не лишены растительности: тамъ и сямъ между камнями выставляются пучки травъ и многолѣтниковъ. Глазъ, утомленный однообразнымъ сѣровато-чернымъ цвѣтомъ почвы и не встрѣчая даже кустарниковъ, съ удовольствіемъ останавливается на необыкновенно ярко окрашенныхъ вѣнчикахъ альпійскихъ незабудокъ (Myosotis alpina) и камеоломокъ. Мѣстами зеленѣютъ стелю-

---

[1]) Интересная статья объ этомъ въ „Отечеств. Записк." 1877 г.: „Сѣверный вопросъ послѣ восточнаго".

щіеся кустарники ивъ и березъ, а наиболѣе сухія и каменистыя мѣста покрыты низкорослыми кочками заячьей капусты (Sedum rodiola), желтовато-красныя соцвѣтія которой, собранныя на подобіе зонтиковъ, часто издалека окрашиваютъ всю мѣстность въ желто-красный цвѣтъ. Въ горахъ каменные обломки покрываютъ лишайники всевозможныхъ цвѣтовъ, но преобладающіе цвѣта—желтый и бѣлый. Утесы, издали кажущіеся совершенно лишенными всякой растительности, пестрѣютъ самыми разнообразными представителями мѣстной флоры: всюду изъ щелей выглядываютъ камеломки (Leychnis acaulis), различные виды звѣздчатки, незабудокъ, альпійскаго мака, перемѣшанные съ вѣтвями приземистыхъ полярныхъ видовъ ивы, злаками и тайнобрачными растеніями. На уступахъ виднѣются золотистые цвѣты лютиковъ и сѣроватая зелень полыни, яркія лиловыя кисти полемоніи (Polemonium coeruleum) и красныя цвѣточныя метелки и листья мелколистнаго щавеля (Rumes acetosella).

Здѣсь нѣтъ большихъ пространствъ, покрытыхъ оленьимъ мхомъ, такъ что изъ четырехъ оленей, взятыхъ нашей экспедиціей на Новую Землю, одинъ вскорѣ издохъ, такъ какъ мху было припасено самое ничтожное количество; другого ожидала такая же участь, если бы не поторопились прирѣзать его. Другіе два оленя прожили цѣлый годъ. Это объясняется тѣмъ, что первые два, несмотря на всѣ старанія пріучить ихъ, не стали ѣсть хлѣба, между тѣмъ какъ послѣдніе уже въ Архангельскѣ мало-по-малу привыкли къ этой пищѣ.

Температура, со времени нашего пріѣзда, значительно опустилась и обыкновенно колебалась въ предѣлахъ $+ 5^0$ Ц. и $+ 2^0$ Ц., а 5 августа вся земля побѣлѣла отъ выпавшаго снѣга,—скоро, впрочемъ, исчезнувшаго. Въ концѣ іюля г. Гриневецкій, я и самоѣдъ Яковъ отправились на охоту за гусями, которыхъ, по словамъ послѣдняго, можно было встрѣтить по р. Кармакулкѣ. Постоянно останавливаясь для сбора растеній, я упустилъ изъ вида товарищей, о чемъ, однако, не слишкомъ сожалѣлъ, потому что охота оказалась неудачной, и имъ, кромѣ гуся, убитаго г. Гриневецкимъ, ничего не встрѣтилось. Между тѣмъ мои ботаническія коллекціи значительно увеличились, и число видовъ, съ прежде собранными, теперь простиралось до 60-ти; только на слѣдующую весну удалось увеличить его новыми видами, что я объясняю тѣмъ, что, присмотрѣвшись къ мѣстности и замѣтивъ особенности здѣшней флоры, съ весны ежедневно отправляясь въ экскурсіи, я часто встрѣчалъ растенія тамъ, гдѣ прежде уже ничего не находилъ новаго.

Чаще всего мы отправлялись на близлежащій островъ, гдѣ находятся значительныя птичьи горы (базары); подробнѣе о нихъ я сообщу, когда буду говорить о животной жизни на Новой Землѣ. Послѣ удавалось видѣть много базаровъ, гораздо бóльшихъ,—напр., въ Безъимянной губѣ,—но ни одинъ не производилъ такого впечатлѣнія, какъ базаръ, существующій на Гагарьемъ островѣ, который лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ станціи. Этотъ пустынный островокъ, доступный только въ тихую погоду, и то только съ сѣверной стороны, буквально весь покрытъ птицами.

Уже вскорѣ по пріѣздѣ на Новую Землю, г. Гриневецкій сталъ наводить справки о томъ, какъ и гдѣ всего удобнѣе перейти островъ поперекъ. Самоѣды указывали или на долину р. Пуховой, или на долину, лежащую нѣсколько сѣвернѣе отъ станціи; но и поморы, и самоѣды говорили, что лѣтомъ врядъ-ли удастся перейти. Однако 6-го августа г. Гриневецкій съ самоѣдомъ собрался въ путь; къ нимъ присоединился и я. Хотя меня мало интересовалъ этотъ переходъ самъ по себѣ, но соблазняло желаніе ознакомиться съ животной и растительной жизнью внутренняго пространства острова. Нагрузившись мѣшками съ провизіей, мы двинулись въ путь. Дорога, которую почему-то выбралъ самоѣдъ, вела постоянно въ гору. На слѣдующую весну я доходилъ до того же мѣста легко по болѣе отлогой мѣстности, хотя разстояніе было нѣсколько длиннѣе. Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительной ходьбы, мы остановились на ночлегъ; къ тому же пошелъ дождь и затѣмъ повалилъ густыми хлопьями снѣгъ. Все заволокло туманомъ. Температура упала ниже нуля. Мы находились почти на вершинѣ возвышенности, круто спускавшейся къ небольшой рѣчкѣ; противоположный берегъ долины былъ такой же, какъ и тотъ, на которомъ мы находились; дальше на востокъ мѣстность казалась высокой возвышенностью, по которой проходили въ различныхъ направленіяхъ горные хребты, а дальше, на сѣверо-востокъ, виднѣлась двуглавая гора, до подножія покрытая снѣгомъ. Скоро вся мѣстность покрылась довольно толстымъ слоемъ снѣга, отчего отвѣсные обрывы и утесы, казалось, еще какъ будто ярче и чернѣе выдѣлялись. Снѣгъ пролежалъ недолго; черезъ нѣсколько часовъ снова сквозь бѣлую пелену стали просвѣчивать темныя прогалины шиферной почвы, а также зеленовато-бурые клочья горныхъ луговинъ. Снова потянулись туманныя тучи, какъ будто прилипая къ горамъ, и снова повалилъ снѣгъ. Попытка сварить чай не удалась, а потому, наваливъ плитъ съ навѣтренной стороны и устроивъ что-то въ родѣ пола

изъ того же матеріала, мы легли. Спать, однако, не пришлось: дубленый полушубокъ отъ сырости принялъ какое-то полужидкое состояніе и почти совершенно не защищалъ отъ холода, а мокрые сапоги, при сильномъ вѣтрѣ, только знобили ноги. Такъ прошла ночь, но и къ утру погода не измѣнилась къ лучшему; самоѣдъ увѣрялъ, что врядъ-ли скоро измѣнится погода, и его предсказаніе сбылось. Я отправился утромъ обратно, не находя для себя никакого интереса бродить по покрытой снѣгомъ мѣстности, а г. Гриневецкій, въ сопровожденіи самоѣда, отправился дальше. Блуждая въ туманѣ, я съ трудомъ попалъ на станцію.

9-го августа прибыло нѣсколько поморовъ съ судовъ Ворониныхъ, которые сообщили, что около Гусиной столько нагнало льду, что невозможно подойти къ берегу; они ѣхали дальше въ Большія Кармакулы промышлять гольца. Почти одновременно съ ними возвратился г. Гриневецкій съ двумя поморами. Оказалось, что погода не измѣнилась къ лучшему, и они повернули обратно; но на обратномъ пути заблудились и только случайно наткнулись на поморовъ въ Большихъ Кармакулахъ. Поморы сообщили новости. Экипажъ пропавшаго парохода „Eira“ спасенъ; изъ 25-ти человѣкъ умеръ только одинъ. Еще въ 1881 году, 14-го іюня, изъ Петероида, въ Шотландіи, вышелъ пароходъ „Eira“, подъ командою Лея Смита. 21-го августа, близъ береговъ Франца-Іосифа, у мыса Флоры (79° 50′ с. ш. и 49° в. д. отъ Гринвича) пароходъ былъ окруженъ льдами, получилъ течь въ носовой части и черезъ нѣсколько часовъ погрузился на дно. Экипажъ спасся на берегъ, захвативъ консервованное мясо, зелень, оружіе; мѣховой одежды не удалось спасти. Пока одна часть экипажа строила домъ изъ плавника, другая охотилась. Температура до Рождества доходила до—12° Ц., затѣмъ достигла—48° Ц. и по временамъ опускалась до—57° Ц. Какъ противоцинготное средство, употреблялась кровь бѣлыхъ медвѣдей, такъ какъ лимонный сокъ, считающійся лучшимъ средствомъ противъ цинги, не удалось спасти. Только 21-го іюня 1882 года экипажъ „Eira“ могъ двинуться съ мыса Флоры на 4-хъ шлюпкахъ, имѣя, за недостаткомъ, вмѣсто парусовъ, скатерти. Послѣ шести-недѣльной борьбы со льдомъ, они вышли въ открытое море и, взявъ курсъ на Новую Землю, вытащились на берегъ Маточкина Шара, гдѣ были приняты на бортъ случайно находившейся здѣсь голландской шкуны „Willem Barents“. Въ то же время въ Маточкинъ Шаръ прибыло винтовое судно „Hope“, посланное для розысковъ парохода „Eira“, которое и доставило ихъ въ Эбердинъ. Во время пребыванія въ Малыхъ Кармакулахъ, англичане купили у поморовъ собакъ.

При входѣ въ Маточкинъ Шаръ, англійское судно сѣло на мель, но удалось скоро сняться. Поморы, кромѣ вознагражденія за помощь, получили въ подарокъ обратно своихъ собакъ, которыхъ привезли снова въ М. Кармакулы и продали намъ.

Со второй половины августа температура стала понижаться; но нѣкоторые дни, напр. 17-го числа, около полудня, температура поднялась до + 13,°6 Ц. Къ вечеру всегда становилось замѣтно холоднѣе и по утрамъ часто замѣчалась изморозь. Бóльшая часть растеній начала принимать буроватый оттѣнокъ. Дольше другихъ цвѣтовъ продержались Cerastium alpinum. Листья нѣкоторыхъ ивъ начали желтѣть и осыпаться; но въ большинствѣ случаевъ листья окончательно сваливаются со стеблей только на слѣдующую весну. У многолѣтниковъ часто можно наблюдать на стеблѣ листья прежнихъ лѣтъ въ различныхъ степеняхъ разрушенія; особенно это бросается въ глаза у каменоломокъ (Dryas octopetala и Leychnis acaulis). Съ половины сентября наступили заморозки. Температура постепенно падала и около половины мѣсяца достигла до—11° Ц.; но днемъ она поднималась выше 0° Ц. Колодецъ, изъ котораго брали воду, промерзъ до дна; поэтому стали брать воду изъ небольшого озера къ сѣверу отъ станціи; но здѣсь она оказалась плохого качества: во время приливовъ по стоку этого озера въ него попадала морская вода; особенно противна казалась теплая вода въ самоварѣ. Ближайшее изъ прѣсныхъ озеръ было не ближе двухъ верстъ, между тѣмъ ни оленей, ни собакъ не было возможности употребить въ дѣло, и пока заливъ не покрылся льдомъ, воду возили въ лодкѣ изъ небольшого водопада, лежащаго къ югу отъ станціи. Потомъ стали топить снѣгъ, и когда установился путь, воду возили на оленяхъ.

Мало-Кармакульскій заливъ около половины сентября покрылся было саломъ, но скоро очистился и только въ концѣ мѣсяца окончательно сталъ. Заливъ началъ покрываться льдомъ съ южной своей части, гдѣ въ него впадаетъ рѣка Малая Кармакулка, прѣсная вода которой замерзаетъ скорѣе морской, и когда уже большая часть южной бухты была сплошь покрыта саломъ, около станціи образовались небольшія ледяныя окраины. Послѣдній разъ ѣздилъ на лодкѣ врачъ Гриневецкій 28-го сентября, но и тогда было трудно грести: почти весь заливъ былъ покрытъ саломъ.

Пароходъ „Чижовъ" послѣдній разъ пришелъ 18-го сентября, и опоздай на нѣсколько дней—онъ не могъ бы войти на рейдъ. Сдавши грузъ, въ тотъ же день пароходъ отправился обратно. Приходу „Чижова" были особенно рады наши рабочіе,

вовсе не разсчитывавшіе провести зиму на Новой Землѣ. Послѣ пожеланій взаимно всякихъ благополучій, мы разстались. Теперь уже до будущей весны всякое сообщеніе съ остальнымъ міромъ прервано, такъ какъ поморскія суда ушли „на Русь" еще 3-го сентября.

До прихода парохода самоѣды стали разъѣзжаться по своимъ чумамъ, гдѣ у нихъ запасенъ былъ на зиму плавникъ, сложенный въ костры, чтобы провѣтрился за лѣто. Вскорѣ въ окрестностяхъ станціи оказалось только два самоѣда съ женами и дѣтьми. Около 20-хъ чиселъ получилось извѣстіе о гибели самоѣда Павла съ женой. Отправляясь со станціи въ свой чумъ на карбасѣ, они были затерты льдомъ, но имъ удалось выбраться на небольшой островокъ, откуда они пытались перебраться на Новую Землю. При переходѣ по льду, Павелъ сталъ вытаскивать провалившуюся жену и—вмѣстѣ погибли. Послѣ нихъ осталась дочь, лѣтъ 15. „Не будь пьяны,—пояснялъ ѣхавшій вмѣстѣ съ ними самоѣдъ,—не потонули бы". Они хмѣльными отправились со станціи, да вдобавокъ роспили взятую ими съ собой водку.

Метеорологическія наблюденія начались съ 1-го сентября н. с. Часы были поставлены по гёттингенскому времени; оно разнилось отъ мѣстнаго на 3 часа и 9 минутъ. Приступить одновременно и къ магнитнымъ наблюденіямъ не удалось, такъ какъ установка сложныхъ приборовъ заняла много времени. Въ самомъ началѣ, такъ какъ матросы не были ранѣе ознакомлены съ веденіемъ наблюденій, г. Володковскій вскорѣ захворалъ, а г. Андреевъ возился съ установкой приборовъ, всѣ наблюденія пришлось вести г. Гриневецкому и мнѣ. Сутки были раздѣлены на три вахты, такъ что черезъ день приходилось отстоять на вахтѣ по 16 часовъ. Къ счастію, это продолжалось не болѣе трехъ недѣль; къ этому времени на помощь подготовилось двое матросовъ, а г. Володковскій, чтобы облегчить остальныхъ, принялъ на себя, кромѣ астрономическихъ опредѣленій времени, еще веденіе всѣхъ вычислительныхъ работъ. Потекла самая однообразная жизнь. Въ началѣ осени, пока заливъ еще не сталъ, по временамъ однообразіе прерывалось появленіемъ на заливѣ юровинцъ бѣлугъ, иногда очень большихъ. Тогда все населеніе высыпало на берегъ, и начиналась всегда очень неудачная пальба, такъ какъ за все время общими силами удалось убить только одну бѣлугу. Еслибы поморы дольше оставались у береговъ Новой Земли для промысла, послѣдній, вѣроятно, удвоился бы; но они, помимо страха быть вынужденными зимовать тамъ, всегда спѣшатъ попасть въ Архангельскъ на осеннюю ярмарку.

По ночамъ часто, при вѣтрѣ, берега казались окаймленными свѣтящейся лентой: то милліоны реброшковъ (почти исключительно изъ родовъ — Cydippe и Beroe) издаютъ фосфорическій свѣтъ, вызываемый раздраженіемъ при ударѣ воды о прибрежные камни или ледяныя закраины. Въ тихую погоду только изрѣдка замѣтно слабое мерцаніе плывущаго моллюска.

Часто, особенно утромъ, на заливѣ появляются иногда громадныя стаи осторожныхъ аллеекъ. Одинъ разъ врачъ Гриневецкій чуть было не погибъ изъ-за нихъ. Возвращаясь съ отсчета, онъ замѣтилъ аллеекъ и убилъ одну. Сѣвъ въ лодку, чтобы достать ее, онъ не обратилъ вниманія, что вѣтеръ былъ съ SO; только проживъ годъ, мы узнали, что этотъ вѣтеръ обыкновенно переходитъ въ штормъ. Едва отъѣхавъ отъ берега, г. Гриневецкій увидалъ, что не хватитъ силъ выгрести къ берегу обратно; вдобавокъ сломалась уключина у лодки, и его понесло черезъ заливъ и выбросило на берегъ Кармакульскаго острова. Было еще рано; проснувшись, мы очень удивились отсутствію доктора, и лишь по исчезновенію лодки догадались, гдѣ онъ можетъ быть. Въ подзорную трубу замѣтили его на островѣ, но посланный карбасъ съ трудомъ выгребъ противъ вѣтра.

Въ началѣ осени вахты не были такъ обременительны, какъ впослѣдствіи. Обыкновенно, дежурный наблюдатель, сдѣлавъ барометрическій отсчетъ въ комнатѣ г. Андреева, поднимался на чердакъ, куда былъ пропущенъ стержень съ шестернями отъ анемометра Зерензена; другой анемометръ, съ электрическимъ счетчикомъ, еще до начала наблюденій, былъ поломанъ сильнымъ вѣтромъ. Затѣмъ наблюдатель шелъ въ метеорологическую будку, по пути отмѣчая облачность, и, наконецъ, въ магнитный павильонъ. Первое время большая часть ночи бывала настолько свѣтла, что всѣ отсчеты возможно было дѣлать безъ фонаря. Но около двадцатыхъ чиселъ сентября (ст. ст.), свѣтаетъ въ пятомъ часу утра, а въ третьемъ по-полудни въ комнатахъ становится темно и черезъ часъ наступаютъ уже настоящія сумерки. Температура, какъ я уже упоминалъ, стала падать; однако, послѣ небольшой оттепели въ 20-хъ числахъ, когда термометръ показывалъ +2,5°Ц, снѣгъ началъ сходить, во многихъ мѣстахъ показались буровато-желтыя плѣшины тундры, и Cerastium alpium даже началъ разбивать бутоны и зацвѣлъ. Въ концѣ мѣсяца основа похолодѣло и температура понизилась до—8°Ц., а около половины октября она упала до—20°Ц. День становится все короче, и солнце показывается часа на три; въ третьемъ часу оно уже скрывается за горизонтомъ.

Холодный воздухъ необыкновенно прозраченъ, а снѣгомъ покрытая мѣстность скрадываетъ разстоянія, особенно въ свѣтлую лунную ночь, окрестныя возвышенности кажутся ближе, и какъ-то рельефнѣе выступаетъ каждый выдающійся предметъ. Иногда утромъ горы кажутся какъ-будто просвѣчивающими, вслѣдствіе, конечно, того, что приподнятое ихъ изображеніе освѣщается лучами восходящаго солнца.

Ледъ на Мало-Кармакульскомъ заливѣ нѣсколько разъ ломался и выносился въ океанъ, когда вѣтеръ былъ южный или юго-восточный; при сѣверномъ вѣтрѣ, такъ какъ въ нашемъ заливѣ нѣтъ выхода на югъ, сломанныя льдины подпирались подъ уцѣлѣвшій ледъ, который, пока былъ тонокъ, трескался и вспучивался, особенно у береговъ во время приливовъ, и на поверхности выступалъ „разсолъ". Чтобы не возвращаться нѣсколько разъ къ одному и тому же предмету, я опишу всѣ прелести полярной зимы до января.

Въ концѣ октября дни стали быстро убывать, и 30-го числа мы въ послѣдній разъ видѣли солнце. Въ первыхъ числахъ ноября, на южной сторонѣ, въ полдень облака освѣщались часто лучами солнца такъ, что казалось—вотъ-вотъ сейчасъ покажется оно надъ горизонтомъ. Свѣтать начинаетъ около 7-ми часовъ утра и около 3-хъ по-полудни начинаетъ смеркаться. 11-го ноября свѣтъ начинаетъ брезжиться около 8-ми часовъ утра; въ 7 еще настолько темно, что безъ фонаря, напр., невозможно различить нумеръ термометра. Въ избѣ дневной свѣтъ такъ слабъ, что читать книгу можно только у окна. 16-го ноября на открытомъ воздухѣ свѣтло только въ теченіе 4-хъ часовъ, именно до 2-хъ часовъ дня. Около 11-ти часовъ утра луна, какого-то мглисто-красноватаго цвѣта, еще вполнѣ господствуетъ надъ дневнымъ свѣтомъ и около 12-ти часовъ—все еще продолжаетъ бороться съ нимъ; получается какое-то особенное, странное освѣщеніе, словно свѣтъ проходитъ черезъ густой буроватый туманъ. Облака на юго-западѣ приняли буроватый оттѣнокъ; дневной свѣтъ начинаетъ быстро усиливаться; на югѣ появился красновато-желтый отблескъ, еще немного—и дневной свѣтъ пересиливаетъ; луна стала блѣднѣть, но звѣзды на сѣверной и юго-западной частяхъ неба ярко блестятъ на темно-голубомъ фонѣ ночного неба. Въ полдень дневной свѣтъ еще нѣсколько усиливается, хотя не можетъ окончательно вытѣснить на сѣверной сторонѣ болѣе темнаго сегмента ночного неба, который отдѣляется отъ освѣщеннаго солнечнымъ свѣтомъ пространства полосой красновато-фіолетоваго цвѣта, незамѣтно переходящею въ болѣе свѣтлые оттѣнки, въ той своей

части, которая обращена къ югу, и—въ темно-голубой, въ части, обращенной къ сѣверу. Во второй половинѣ ноября яркость красноватаго зарева на югѣ, такъ же какъ и сфера его распространенія, уменьшилась; теперь уже ночное небо беретъ перевѣсъ надъ пространствомъ, освѣщеннымъ дневнымъ свѣтомъ. Самый красноватый оттѣнокъ южной части становится болѣе слабымъ, и фіолетовая полоса, раздѣляющая небо на двѣ части, болѣе мутнаго цвѣта. Въ первыхъ числахъ декабря дневной свѣтъ настолько слабъ, что даже въ полдень, особенно при пасмурномъ небѣ, на открытомъ воздухѣ съ трудомъ можно читать. 7-го декабря, напр., къ полудню южная сторона неба свѣтлѣетъ, получаетъ голубоватый оттѣнокъ, переходящій черезъ желтый въ багрово-красный къ горизонту; но и на южной сторонѣ неба звѣзды ясно видимы. Въ часъ дня еще довольно свѣтло; во второмъ по-полудни начинается борьба луннаго свѣта съ сумеречнымъ дневнымъ, а въ третьемъ—луна беретъ перевѣсъ; небо почти до горизонта становится темно-синимъ, и только на самомъ горизонтѣ еще виднѣется мутный красно-багровый отблескъ. Еще нѣсколько дней —и день начинаетъ прибывать, сначала почти незамѣтно, но уже въ началѣ января около 10-ти часовъ утра свѣтло настолько, что звѣзды исчезаютъ почти со всего неба. Въ теченіе 3-хъ часовъ (отъ 11-ти ч. утра до 2-хъ по-полудни) свободно, безъ фонаря, можно различать цифры и дѣленія термометра. Въ полдень только на самомъ сѣверѣ замѣтна слабая фіолетовая дуга; но и дальше, за этой дугой, небо, хотя и сумрачно, имѣетъ почти дневной оттѣнокъ.

Температура за все это время падала, такъ что 11-го ноября термометръ показывалъ —24,5°Ц, а въ половинѣ этого мѣсяца опустился до —29,5°Ц. Осадковъ выпадаетъ не слишкомъ много, но за то съ горъ переносится вѣтромъ къ берегу масса снѣга. Въ теченіе зимы, особенно послѣ сильныхъ мятелей, окрестныя возвышенности бывали зачастую совершенно обнажены отъ снѣга; снѣгъ тамъ удерживался только около камней, — чѣмъ вполнѣ объясняется то явленіе, что здѣсь растенія встрѣчаются по большей части около камней: снѣгъ предохраняетъ ихъ отъ вымерзанія. Господствующіе здѣсь восточные и, преимущественно, юго-восточные вѣтры имѣютъ характеръ бури: вѣтеръ, сдавленный узкой долиной рѣки Малой Кармакулки, имѣющей выходъ на сѣверо-западъ, съ страшной силой вырывается изъ нея. Это явленіе, впрочемъ, не единственное на Новой Землѣ, если не общее всѣмъ узкимъ ущельямъ. Такъ, напр., на р. Пуховой, гдѣ горы выше, напряженность вѣтра, сказываютъ, еще больше; даже лѣ-

томъ—когда вѣтры болѣе слабы, чѣмъ зимой—часто суда, стоящія въ глубокомъ устьѣ этой рѣки, выбрасываются на берегъ; то же самое извѣстно относительно Маточкина Шара. Уже заранѣе, часто дня за два, за три, можно почти безошибочно предсказать когда „падаетъ стокъ", —такъ называютъ здѣсь восточные вѣтры. Нѣжныя, тонкія перистыя облака обыкновенно начинаютъ вытягиваться въ длинныя полосы, идущія отъ юго-восточной части неба на сѣверо-западъ; иногда сѣверо-западные концы этихъ полосъ расходятся вѣеромъ: по этому признаку и самоѣды, и поморы угадываютъ о скоромъ наступленіи „стока", и почти никогда не ошибаются. Во время зимовки, по большей части, наблюдалось, что температура при этомъ значительно поднималась: обыкновенно, въ самое холодное время стояла не ниже—20°Ц. Небо во время мятелей бывало совершенно чисто. Вѣтеръ начинался очень слабо, постепенно усиливался и наибольшаго напряженія достигалъ часовъ около 6—7 пополудни или около 6—7 ч. утра. Часто напряженность вѣтра какъ будто ослабѣвала и затѣмъ снова и съ большей силой возобновлялась; иногда напряженность мѣнялась чуть не черезъ часъ. Самые сильные вѣтры, достигающіе силы урагана, были въ самое темное время, особенно незадолго до восхода солнца. Вѣтры эти всегда сопровождались зимой страшными мятелями. Въ сухомъ морозномъ воздухѣ, при вѣтрѣ, снѣгъ обращался въ снѣжную пыль. Эта снѣжная пыль буквально пропитываетъ весь воздухъ, и при страшной силѣ вѣтра только тогда возможно бывало различить окружающіе предметы, когда наткнешься на нихъ. Выйдя изъ комнаты для наблюденій, приходилось тотчасъ же схватываться за протянутый до наблюдательныхъ павильоновъ лееръ (канатъ),—иначе буквально сноситъ съ берега на ледъ залива. Чтобы передать кастрюлю съ кушаньемъ изъ одной избы въ другую, приходилось нести ее вдвоемъ. Часто, особенно когда на ноги надѣты пимы, а не кожаные сапоги, оторвавшись отъ веревки, только съ трудомъ удается снова схватиться за нее, тѣмъ болѣе, что снѣжная пыль слѣпитъ глаза, а дыханіе захватываетъ вѣтромъ такъ, что подвигаться впередъ можно только бокомъ или задомъ. Малица—очень теплая одежда, особенно въ пути—въ такую погоду здѣсь неудобна, потому что представляетъ слишкомъ большую площадь для вѣтра. Пройти какія-нибудь 20—30 саженъ, кажется, пустое дѣло, но во время мятелей это—дѣло весьма трудное. Въ какой-нибудь часъ снѣгъ часто измѣняетъ свое положеніе, такъ что находишь снѣжный бугоръ тамъ, гдѣ была яма, и наоборотъ. Нѣкоторое время, впрочемъ, около мѣсяца, приходилось отправ-

ляться для наблюденій на-авось, такъ какъ начальникъ экспедиціи не находилъ нужнымъ снова протянуть канаты вмѣсто занесенныхъ снѣгомъ; такъ что часто случалось вмѣсто наблюденій просто блуждать въ окрестностяхъ зданій. Насколько это безопасно, можно себѣ составить понятіе по слѣдующему: самоѣды часто по незначительному признаку—какому-нибудь камню—опредѣляютъ, гдѣ они находятся,—однако, блуждаютъ во время мятелей; такъ, одинъ разъ, отправляясь изъ норвежской избы на станцію, самоѣдъ попалъ на кладбище, т.-е. на четверть версты въ сторону.

Ко всему этому присоединилось у насъ еще другое неудобство. Фонари, съ которыми производились наблюденія, оказались никуда негодными. Часто, едва успѣешь отворить наружную дверь, какъ огонь въ фонарѣ уже потухъ, снова зажигаешь, и снова та же исторія; отъ этого зачастую происходили запаздыванія, а иногда и пропуски въ наблюденіяхъ. Интересно, мнѣ кажется, знать, стоили ли наблюденія тѣхъ трудовъ, съ какими ихъ приходилось получать? Я полагаю, что нѣтъ, и вотъ почему. Удавалось иногда донести фонарь до клѣтки, гдѣ помѣщаются приборы, удавалось сдѣлать и отсчеты, но какіе? Наблюдатель, уцѣпившись одной рукой за что придется, чтобы не быть сброшеннымъ вѣтромъ съ тонкой жердочки лѣстницы, въ другой держитъ фонарь, готовый всякую минуту погаснуть, и записную книжку; въ этомъ неудобномъ положеніи онъ пытается схватить показанія термометровъ. Термометры зачастую бывали сплошь покрыты ледяной корой; при соскабливаніи ея, невольно, отъ теплоты руки, должны получиться отсчеты невѣрные. Уже я и не говорю о томъ, какія показанія даетъ волосной гигрометръ, съ примерзшимъ грузомъ или стрѣлкой, буквально весь покрытый слоемъ снѣга. По психрометру, мнѣ кажется, наблюденія уже потому невѣрны, что какъ мокрый, такъ и сухой шарики термометровъ покрыты ледяной корой. Но если приборы были въ такомъ видѣ, зачѣмъ—спрашивается—было наблюдать? Нельзя не наблюдать, ибо „нельзя же представить мѣсячный бюллетень съ пропущенными клѣтками“,—таковые аргументы приводились всегда на заявленіе кого-нибудь изъ членовъ экспедиціи.

Кромѣ „стока“, иногда бывали штормовые вѣтры и съ юго-запада, сопровождаемые, по большей части, снѣжной вьюгой. Но, несмотря на силу, съ какой дулъ этотъ вѣтеръ, его переносить было легче, потому что онъ всегда сопровождался оттепелью. Снѣжные сугробы при этомъ вѣтрѣ бывали какъ будто еще больше, чѣмъ при восточныхъ вѣтрахъ. Мятели часто продолжались по

нѣсколько дней, почти безъ перерыва; иногда постоитъ денекъ-другой тихая погода, и снова начинаются метели. Снѣгъ, содранный вѣтромъ съ горъ, переносится въ долины и часто сравниваетъ овраги съ краями; иногда онъ, при перемѣнѣ направленія вѣтра, вновь путешествуетъ, пока не достигнетъ какого-нибудь уютнаго мѣста, напр., отвѣснаго берега; тогда образуется „суметъ“, „наволокъ“, достигающій часто нѣсколькихъ саженъ высоты и совершенно измѣняющій очертаніе мѣстности; часто отвѣсный берегъ дѣлается пологимъ, незамѣтно переходящимъ ко льду залива. Эти „наволоки“ послѣ сильныхъ мятелей покрываются мелкими кусочками свинцовыхъ породъ, которые сносятся вѣтромъ съ обнаженныхъ возвышенностей. Темные кусочки камня, сильно нагрѣваясь весной, способствуютъ болѣе быстрому исчезновенію снѣжнаго покрова. Сугробы, образующіеся изъ снѣжной пыли, даже при очень слабомъ морозѣ, представляютъ очень плотную массу, не легко разбиваемую лопатой. При ходьбѣ по такому сугробу, онъ издаетъ звукъ, какъ будто подъ нимъ находится пустота. Уже около 11-го ноября сугробы вокругъ нашихъ избъ достигали высоты болѣе сажени; около Рождества они достигали кровли, а съ запада снѣжный сугробъ совершенно слился съ снѣгомъ, лежащимъ на кровлѣ, такъ что собаки, когда наружная дверь бывала запертой, проходили въ избу черезъ слуховое окно. Послѣ каждой мятели начиналась очистка чердаковъ отъ снѣга, который проникалъ туда, или подбиваясь подъ застрѣхи, или черезъ щели кровельныхъ досокъ. Часто сѣни почти сплошь забивались снѣгомъ, а наружная дверь заносилась настолько, что приходилось сгибаться чуть не вдвое, чтобы выйти изъ избы.

Не упомянуть о сѣверныхъ сіяніяхъ, проведя цѣлый годъ въ полярной странѣ,—это то же, что быть въ Римѣ и не видать папы; да къ тому же, особенно въ первое время, лишь только появлялись „сполохи“ на небѣ, какъ все населеніе М. Кармакулъ выходило изъ избъ, чтобы полюбоваться на это рѣдкое въ другихъ мѣстахъ явленіе. Рѣшительно невозможно передать во всѣхъ подробностяхъ всѣ измѣненія наблюдаемаго сѣвернаго сіянія: обратя вниманіе на одинъ пунктъ, не замѣчаешь, какъ въ это время измѣняется другой; кромѣ того, трудно подобрать подходящія выраженія для почти неуловимыхъ оттѣнковъ яркости свѣта, неуловимыхъ измѣненій контуровъ этого необыкновенно подвижного явленія, да при томъ никогда два раза сряду не увидишь, чтобы явленіе воспроизводилось одинаковымъ образомъ.

Слабый вѣтеръ или, вѣрнѣе, безвѣтріе особенно благопріятствуютъ этому явленію; при безвѣтріи напряженность свѣта и

яркость красокъ увеличиваются и самое явленіе—продолжительнѣе. Направленіе вѣтра, повидимому, не оказываетъ вліянія на явленіе. Сѣверное сіяніе чаще бываетъ при слабомъ N и NO и O; но это чуть-ли не зависитъ отъ того, что эти вѣтры сопровождаются обыкновенно ясной погодой, тогда какъ при южныхъ и западныхъ вѣтрахъ, приносящихъ много влажности, небо часто покрывается тучами, такъ что иногда только-что появившееся сѣверное сіяніе вдругъ задергивается облаками; это особенно замѣтно, когда вдругъ послѣ безвѣтрія начинаютъ дуть W или S вѣтры—и небо покрывается облаками.

Всѣ сіянія, которыя наблюдались, начинались на сѣверной сторонѣ неба. Восточный конецъ сѣвернаго сіянія былъ ближе къ N, чѣмъ западный, такъ что середина дуги приходилась въ NW части неба. Какъ западный, такъ и восточный конецъ дуги всегда былъ выше горизонта. Первый разъ по пріѣздѣ удалось наблюдать с. сіяніе 31-го августа; хотя еще въ концѣ іюля на сѣверной сторонѣ неба были замѣтны свѣтовыя дуги, но тогда и сумерки, да и самая ночь были довольно свѣтлы, такъ что трудно было различить слабое сіяніе. Съ сентября темнота все увеличивалась, такъ что всякое свѣтовое явленіе становилось замѣтнѣе. Интенсивность свѣта и яркость красокъ сѣвернаго сіянія увеличивались до конца декабря; съ января сіянія стали уже какъ будто слабѣе, можетъ быть, оттого, что около этого времени были сильныя вьюги и стали оттепели, сопровождаемыя туманной погодой. Послѣ половины января не удавалось наблюдать особенно сильныхъ сіяній.

Начало и конецъ сѣвернаго сіянія трудно уловить, потому что оно не вдругъ появляется, а сперва видно едва замѣтное сіяніе, которое постепенно усиливается. Обыкновенно и чаще всего сіяніе появляется между 7—8 часами вечера. Продолжительность его очень различна: то ограничивается получасомъ, то продолжается 10—12, даже болѣе, часовъ. Сѣверное сіяніе бываетъ не одинаковаго все время напряженія, а иногда какъ будто исчезаетъ, свѣтъ его слабѣетъ временами настолько, что оно становится почти невидимо или едва-едва замѣтно; иногда разсѣевшееся по небу сіяніе вдругъ снова засіяетъ, засверкаетъ еще съ большею силою. Напряженность свѣта очень разнообразна; большею частію свѣтъ отъ сіянія позволяетъ только различать окружающіе предметы, но иногда настолько усиливается, что можно на волѣ читать (напр., крупный шрифтъ „Основъ химіи" Менделѣева), хотя такая напряженность продолжается всего нѣсколько мгновеній; затѣмъ свѣтъ снова слабѣетъ и иногда такъ, что съ

трудомъ можно различить бѣлесоватую полосу (ленту) сѣвернаго сіянія. Говорятъ, что при с. сіяніи слышится какой-то особенный шумъ, похожій на шелесть листьевъ или шуршаніе шелковой матеріи. Несмотря на самое напряженное прислушиваніе, мнѣ не удалось слышать; хотя иногда казалось, что слышишь шумъ, но я приписалъ это галлюцинаціи слуха, вызванной напряженнымъ прислушиваніемъ и желаніемъ услыхать этотъ шумъ. Два раза, впрочемъ, я ясно слышалъ шумъ; но шумъ этотъ скорѣе напоминалъ плескъ волнъ о ледъ; мнѣ кажется, что именно этотъ плескъ я и слышалъ, хотя въ то время Моллеровъ заливъ замерзъ настолько далеко, что самоѣды говорили: „въ морѣ воды не стало“; я увѣренъ въ этомъ еще больше потому, что оба раза былъ туманъ—условіе, способствующее звукопрозрачности воздуха. На обратномъ пути съ Новой Земли встрѣтился мнѣ въ Архангельскѣ г. Козловъ, преподаватель шкиперскихъ классовъ, который говорилъ, что онъ уже 11 лѣтъ наблюдаетъ с. сіяніе и производилъ такого рода опытъ: если чесать гребнемъ сухіе волосы во время с. сіянія, то получается рядъ искръ. Такого опыта я не производилъ, но очень часто, проводя рукой по оленьей шкурѣ, висѣвшей у моей кровати, я слышалъ трескъ, а въ потьмахъ получался рядъ мелкихъ искръ; я не замѣтилъ, совпадаетъ ли это съ появленіемъ с. сіянія, и приписалъ электричности оленьяго мѣха.

Свѣтящійся слой имѣетъ нѣкоторую толщину, что̀ видно и глазами, и, кромѣ того, Д. А. Володковскій передавалъ, что, наблюдая прохожденіе звѣздъ, онъ замѣтилъ, какъ звѣзда, закрытая с. сіяніемъ, отклонялась въ сторону. Форма сѣверныхъ сіяній чрезвычайно разнообразна; чаще всего они имѣютъ видъ дуги, появляющейся на N сторонѣ неба. Дуга эта или лента вначалѣ представляется очень блѣдной, не ярче млечнаго пути; затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ она подвигается отъ N стороны неба къ зениту, яркость ея все увеличивается. Издали дуга эта представляется туманной свѣтовой полосой, нижній, къ N обращенный, край которой болѣе блестящъ, чѣмъ верхній, который почти незамѣтно пропадаетъ въ высотѣ; поперекъ дуги идутъ болѣе яркіе пучки свѣта, отъ которыхъ вся дуга представляется лучистымъ вѣнцомъ. Пучки эти или лучи бываютъ не одинаковой ширины: то такъ тонки, что кажутся просто свѣтящимися линіями, то очень широки; иногда тонкіе лучи сливаются, и тогда получается непрерывная лента, занимающая часто половину всего небосклона. Нижній край сіянія не ограничивается рѣзкой чертой; дуга не представляется правильно вычерченной; напротивъ, она имѣетъ вы-

ступы. Лучи или пучки свѣта въ нижней, къ N обращенной, сторонѣ сближаются подъ угломъ; даже ихъ нижніе концы сливаются и образуютъ часто непрерывную полосу. Самая лента постоянно волнуется, какъ будто складывается, получается рядъ складокъ, что иногда ясно замѣтно на нижнемъ концѣ ленты; на мѣстѣ сгибовъ свѣтъ болѣе яркъ и блестящъ; эти-то складки и представляются издали пучками или лучами.

Обыкновенно сіяніе окрашено въ слабо-зеленоватый цвѣтъ въ верхней части, а нижній край его бѣловатый. Когда сіяніе усиливается, нижній край дуги окрашивается сначала въ слабый розоватый цвѣтъ, затѣмъ постепенно усиливающійся; совмѣстно съ этимъ и верхній край принимаетъ болѣе густую травянисто-зеленую окраску; цвѣтъ ея напоминаетъ фосфорическій блескъ свѣтляка. Когда сіяніе достигаетъ высшаго напряженія, нижній край становится ярко-карминнаго цвѣта. Красная и зеленая полосы не вдругъ переходятъ одна въ другую, но отдѣлены бѣлой полосой, въ которую оба цвѣта переходятъ постепенно. Часто на NO и NW сторонѣ неба, нѣсколько выше горизонта, являются свѣтовыя туманныя пятна [1]), находящіяся въ связи съ дугой сіянія, и изъ нихъ-то какъ будто льются волны свѣта; по тусклой поверхности дуги иногда пробѣгаютъ, иногда же медленно движутся свѣтовыя, болѣе яркія волны, какъ будто облачка. Во время путешествія на Новую Землю часто приходилось наблюдать интерференцированіе волнъ на водѣ, причемъ получались очень правильныя фигуры; наблюдая с. сіяніе, мнѣ казалось, что нѣчто подобное есть и тутъ, но только фигуры были нерѣзко очерчены и имѣли какую-то расплывчатую форму.

Дуга бываетъ или одна, или раздѣляется, по ширинѣ, на нѣсколько полосъ, идущихъ то параллельно другъ другу, то расходящихся вѣеромъ въ верхней части, что бываетъ или только въ W, или въ O части дуги, или же и въ той, и другой частяхъ; въ послѣднемъ случаѣ концы вѣеровъ часто спирально закручиваются, иногда снова сливаются—и получается одна дуга, въ средней части раздѣленная на нѣсколько свѣтовыхъ полосъ. Дуги рѣдко бываютъ правильны: обыкновенно, то въ одной, то въ другой части, является изгибъ; иногда даже западная половина идетъ подъ угломъ къ восточной, или наоборотъ. Одинъ разъ я видѣлъ, какъ дуга раздѣлилась по длинѣ на двѣ части, съ одного конца до другого, который остался общимъ; отдѣлив-

---

[1]) Нѣсколько разъ приходилось видѣть надъ головой такого же вида пятна или, вѣрнѣе, свѣтовую туманность, которая, при внимательномъ разсматриваніи, оказывалась лентой, спирально закручивающейся.

шаяся лента отодвигается и дѣлится въ общемъ съ первой на концѣ опять на-двое, свободный конецъ также отходитъ,—получается зигзагъ. При сильномъ вѣтрѣ дуга сіянія разрывается на части, и эти оторванныя части расходятся по всему небу въ видѣ неправильныхъ группъ свѣтовыхъ пучковъ или полосъ. Если небо покрыто облаками, то послѣднія освѣщаются этими клочками сіянія съ краевъ; это напоминаетъ—когда сквозь облака просвѣчиваетъ луна. Часто приходилось наблюдать, что при вѣтрѣ съ облаками, сіяніе какъ-будто проходило сквозь нихъ и поверхъ получалась дуга другого радіуса, причемъ освѣщались края облаковъ. Иногда часть дуги какъ будто приподнималась уступомъ; край его соединялся съ краемъ ленты, оставшейся въ прежнемъ положеніи, тонкой линіей, которая часто становилась шире и даже иногда принимала лучистое очертаніе, и тогда получалась неправильная изогнутость,—это чаще бывало при вѣтрѣ, хотя приходилось наблюдать и при безвѣтріи; бывало, что вся дуга состояла изъ такихъ уступовъ.

Кромѣ сіяній этихъ видовъ, бывали часто сіянія, верхній край которыхъ не имѣлъ лучей, а все сіяніе представлялось въ видѣ матовой полосы. Этого рода сіянія кажутся выше и радіусъ дуги больше. Цвѣтъ ихъ какъ будто нѣсколько желтоватый, но при сильномъ напряженіи по всей плоскости дуги пробѣгаютъ красноватыя волны свѣта. Когда же дуга нѣсколько сжималась, то цвѣтъ ея, въ верхней части, становился зеленоватый, а нижняя—окрашивалась въ красный. Нѣсколько разъ приходилось наблюдать, что эта туманная полоса дѣлалась толще, и получались ленты иногда лучистаго строенія. Однажды часть дуги, обращенная къ востоку, какъ-будто наклонилась на бокъ и приняла лучистое очертаніе, даже окрасилась въ зеленый и красный цвѣта, хотя вся дуга была матовая.

Большая часть сіяній, какой бы формы они ни были, достигнувъ зенита, образуетъ вѣнецъ. Не такъ часто, хотя приходилось наблюдать, особенно при сіяніяхъ, имѣвшихъ видъ туманной свѣтовой дуги, что вѣнца и не образовывалось. Кажется, что вѣнецъ образуютъ тѣ сіянія, которыя бываютъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы; сейчасъ же упомянутыя сіянія кажутся гораздо выше, радіусъ дуги гораздо больше. Рѣдко удается уловить, какъ образуется вѣнецъ; мнѣ удалось два раза видѣть это образованіе, и оба раза совершенно одинаковымъ образомъ. Когда дуга стала приближаться къ зениту, средняя часть ея вытянулась и сложилась по длинѣ; затѣмъ эта сложенная часть начала спирально закручиваться: надъ головой получаются ряды блестящихъ лентъ, нижніе края которыхъ, въ свою очередь, закручиваются и изви-

ваются. Въ моментъ, когда средина вытягивается по направленію къ зениту, и W, и O края ленты нѣсколько приподнимаются надъ горизонтомъ. Какую бы форму ни имѣло сіяніе, разъ образуется вѣнецъ—ленты всегда принимаютъ лучистое очертаніе. При этомъ замѣчательны переливы цвѣтовъ. Нѣсколько разъ приходилось наблюдать, какъ по нижнему краю ленты, окрашенному въ ярко-карминный цвѣтъ, пробѣгали фіолетовые и голубоватые лучи, поднимаясь отъ нижняго края и исчезая въ высотѣ. Еще нѣсколько мгновеній спираль все извивается; затѣмъ она перестаетъ закручиваться, и ленты располагаются подъ болѣе тупымъ угломъ, нижніе края принимаютъ болѣе рѣзкія очертанія, складки становятся болѣе яркими,—получается рядъ лучистыхъ вѣнцовъ, налегающихъ одинъ на другой, нижній край которыхъ обращается къ N и имѣетъ болѣе рѣзкіе контуры; чѣмъ выше эти складки, тѣмъ становятся все слабѣе и туманнѣе и почти незамѣтно исчезаютъ въ высотѣ.

Мнѣ кажется, что всѣ формы сѣвернаго сіянія представляютъ видоизмѣненія одного и того же явленія: какую бы форму ни имѣло сіяніе, разъ образуется вѣнецъ—оно принимаетъ лучистое строеніе; приходилось наблюдать, что сіянія, имѣвшія видъ матовой дуги, наклонившись съ одного конца относительно наблюдателя подъ угломъ, принимали то же лучистое строеніе; сіяніе, имѣющее видъ туманной свѣтовой дуги, при большемъ напряженіи, окрашивается въ розовый цвѣтъ, и только когда дуга какъ-будто нѣсколько понижается, верхняя часть ея принимаетъ зеленоватый цвѣтъ;—не зависитъ ли это отъ того, что туманное сіяніе, всегда имѣющее большій радіусъ, представляетъ нижнюю сторону, ширину свѣтовой дуги? На это указываетъ и то, что оно окрашивается въ розовый цвѣтъ. Форма сіянія, имѣющаго видъ уступа, не представляетъ ли въ большемъ масштабѣ то, что приходилось наблюдать надъ нижнимъ краемъ ленты? Нижніе, болѣе свѣтлые, края ленты, вѣроятно, причиной того, что небо подъ дугой сіянія кажется болѣе темнымъ.

Для болѣе цѣльнаго представленія этого явленія, лучше всего прослѣдить весь послѣдовательный ходъ его отъ начала до конца; съ этой цѣлью, я представлю нѣсколько особенно замѣчательныхъ сѣверныхъ сіяній, которыя мнѣ пришлось наблюдать на Новой Землѣ.

31-го августа 1882 г., въ 8 часовъ вечера, на западной сторонѣ неба, выше горизонта, замѣтно было какое-то блѣдное, неопредѣленной формы, сіяніе,—словно свѣтъ проходилъ черезъ матовое стекло; отсюда свѣтъ направлялся къ восточной сторонѣ неба, гдѣ тоже выше горизонта было свѣтлое пятно, но гораздо ярче; отъ него шелъ какъ бы изгибъ къ сѣверной сторонѣ

неба и, оканчиваясь около средины горизонта слабымъ туманнымъ свѣтомъ, переходилъ безъ перерыва въ ленту, шедшую съ западной стороны. Затѣмъ лента дѣлается ярче, какъ будто сгущается внизу, отбрасывая вверхъ снопы лучей, чѣмъ выше, тѣмъ туманнѣе и слабѣе. Вдругъ лента начала извиваться все быстрѣе и быстрѣе; немного раньше отъ нея отдѣлилось нѣсколько другихъ, болѣе слабыхъ. Свѣтъ то ослабѣваетъ, то снова вдругъ усиливается, то въ той, то въ другой части дуги. Нижняя, болѣе яркая, кайма ленты какъ будто спустится, матово-бѣлесоватый свѣтъ ея переходитъ въ слабо-зеленоватый, напоминающій фосфорическій блескъ свѣтляка. Особенно ярокъ свѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лента дѣлаетъ изгибъ. Потомъ она снова принимаетъ видъ туманной дуги, висящей словно невысоко гдѣ-то въ пространствѣ, и по ней перебѣгаютъ съ одного конца до другого болѣе свѣтлыя волны, похожія на мелкія перистыя, дымчатаго состава, облака; это движеніе направляется къ востоку. Въ это время дуга поднимается все выше и выше; отъ нея расходятся ленты, которыя разсыпаются на снопы лучей съ болѣе яркими и какъ бы волнующимися очертаніями. Затѣмъ, бóльшая часть дуги сбирается складками около зенита и окружаетъ его въ нѣсколько рядовъ; при этомъ только нижніе края этихъ лентъ ярки и блестящи; къ центру они дѣлаются все слабѣе, обращаются въ блѣдную свѣтовую туманность и, наконецъ, становятся совсѣмъ невидимы. Сіяніе продолжалось еще $^3/_4$ часа, и въ это время изъ восточнаго пятна свѣтъ какъ будто лился и выходилъ кверху, все усиливая яркость ленты, которая затѣмъ начала блѣднѣть, яркость сіянія стала слабѣе, хотя еще 3 часа спустя были замѣтны дуги свѣта. Въ 3 часа ночи была еще видна блѣдно-матовая полоса на сѣверной сторонѣ неба.

2-го сентября, снова около 8-ми часовъ вечера, было сіяніе. На сѣверѣ появилась слабая свѣтовая дуга. На восточной сторонѣ видно какъ бы свѣтлое пятно, отъ котораго шла лента, болѣе яркая вначалѣ; чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась слабѣе. Эта лента слабо волновалась и на ней были замѣтны темныя поперечныя полосы. На минуту, можетъ быть, только восточный конецъ дуги принялъ очень яркій блѣдно-зеленоватый цвѣтъ. Небо, въ сосѣдствѣ съ нижнимъ краемъ, обращеннымъ къ N, казалось темнымъ. По дугѣ съ запада на востокъ шло какъ будто теченіе болѣе свѣтлыхъ полосъ, затѣмъ началось обратное; тутъ западный конецъ ослабѣлъ. Въ срединѣ дуги образовался какъ бы свѣтлый туманъ, а на восточномъ концѣ свѣтъ усилился. Теперь восточный конецъ отошелъ дальше, изогнулся къ сѣверу. Въ это-то время и было замѣтно особенно сильное сіяніе. За-

тѣмъ получилось двѣ, въ О концѣ какъ бы разорванныхъ, дуги; дуги стали слабѣть, и ихъ едва было возможно замѣтить. Черезъ нѣсколько минутъ еще разъ сіяніе усилилось, но не въ видѣ ленты, а скорѣе походило на рядъ облаковъ, затѣмъ быстро стало темнѣть и—исчезло. Продолжалось 30 минутъ.

28-го сентября была видна широкая матовая полоса, настолько свѣтлая, что въ моментъ бо̀льшаго напряженія возможно разобрать всѣ окружающіе предметы. Сначала полоса была узкая и стояла высоко надъ сѣверной стороной неба, переливаясь складками. Еще нѣсколько дугъ, но слабѣе. Около 10-ти часовъ вечера дуга подвинулась къ S, раздѣлилась на нѣсколько параллельныхъ полосъ, а конецъ ея передвинулся отъ сѣвера къ сѣверо-западу, восточный же—къ юго-востоку, и за горой къ N началась игра свѣта, въ видѣ спирально завивающейся ленты, нижній край которой окрасился въ красноватый цвѣтъ; болѣе вверхъ—свѣтъ сдѣлался ярко-зеленоватый; къ NO заблистали снопы свѣта, вытянулись въ дугу, еще разъ слились въ дугу, параллельно большой, и снова поблекли; опять раздѣлились на нѣсколько дугъ, какъ бы выходящихъ изъ-за горы. Большая дуга изогнулась средней частью къ югу. Было—12^0 Ц; вѣтеръ былъ очень слабъ. Конца не дождался.

9-го ноября — на сѣверной сторонѣ слабое сіяніе, какъ бы кусокъ оторванной дуги, состоящій изъ свѣтовыхъ пучковъ блѣдно-зеленаго цвѣта. Пучки какъ будто прыгали, словно съеживались по длинѣ, и вся свѣтовая матерія дрожала; каждый дымчатый пучокъ какъ будто вращался около своей оси, а вся дуга ясно быстро двигалась къ востоку; затѣмъ спустилась къ сѣверу, сдѣлалась слабѣе и исчезла въ блѣдной свѣтовой дугѣ, находившейся въ сѣверной части неба.

20-го декабря, по обыкновенію въ 8-мъ часу вечера, началось самое яркое и сильное сіяніе изъ всѣхъ, которыя до сего времени я видѣлъ. Было безвѣтріе. Свѣтовая дуга была особенно сильна, съ ярко-окрашенными верхней и нижней каймами, но самаго сильнаго напряженія достигла около 3-хъ часовъ пополуночи. За это время число дугъ было различно. Въ самомъ зенитѣ самая яркая лента изогнулась дугой; средняя часть ея образовала правильный полукругъ, концы котораго приняли складчатую форму; концы этихъ складокъ образовали также полукруги, но обращенные вогнутой стороной въ сторону, противоположную первому. Нижніе края полукруговъ были необыкновенно яркаго, почти фіолетово-пунцоваго, цвѣта [1]), который

[1]) Собственно не самый нижній край, такъ какъ всегда самое яркое окрашиваніе имѣетъ нѣсколько выше-лежащій слой.

постепенно переходилъ въ розовый и бѣлый; верхній край ярко-зеленаго цвѣта, но гораздо меньше шириной и не столь яркаго, какъ пунсовый, цвѣта; складчатая кайма окрасилась въ какой-то неопредѣленный блѣдно-зеленоватый цвѣтъ. Такъ явленіе оставалось спокойно; лишь изрѣдка, то здѣсь, то тамъ, то усиливались, то ослабѣвали цвѣта. Затѣмъ вдругъ вся лента, начиная со средины, заколыхалась, начала опускаться, цвѣта сдѣлались ярче, средина начала свертываться въ спираль... Одно мгновеніе цвѣта были какъ-то особенно ярки,—какъ будто вмѣсто бѣлой средней между каймами пробѣжалъ желтоватый оттѣнокъ. Лента развернулась, заволновалась и скоро покрыла своими излучинами весь небосклонъ. Еще разъ какъ будто ослабѣвшее сіяніе усилилось, свѣтовыя волны образовали въ зенитѣ яркую дугу, которая начала свертываться въ спираль, стала спускаться все ниже и ниже, такъ что кровля часовни [1]) казалась видима черезъ какую-то туманную массу. Цвѣта, какъ и въ первый разъ, когда лента стала спускаться, сверкнули какимъ-то необыкновенно яркимъ свѣтомъ, какъ будто лента сдѣлалась прозрачной; опускаясь ниже, лента приняла болѣе густые цвѣта, но яркость ослабѣла, приняла матовый оттѣнокъ. Спираль развернулась, образовала вѣнецъ въ три ряда изъ волнующихся пучковъ, свѣтъ которыхъ чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ становился слабѣе, и пучки свѣта съ большими промежутками. Лента висѣла, казалось, надъ нашими зданіями. Вдругъ восточный конецъ ленты загнулся и поднялся. Въ мѣстѣ изгиба цвѣтъ ленты былъ зеленый почти до низу, тогда какъ до изгиба онъ казался ярко-пунцовымъ. Все это было, повидимому, такъ близко, что, казалось, достаточно сдѣлать нѣсколько десятковъ шаговъ, чтобы очутиться по ту сторону этого свѣтящагося слоя; но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лента начала быстро подниматься, поблѣднѣла и слилась съ другими лентами. Сіяніе стало блѣднѣть. Особенно интересно, когда эта складная лента свивается спиралью: въ это время она какъ будто стягивается и сложенная вдвое середина начинаетъ закручиваться — кажется, что всѣ эти сборки выходятъ изъ какой-то совсѣмъ невидимой точки едва-едва замѣтными пучками, которыхъ свѣтъ все усиливается къ краямъ ленты. Казалось, что тѣни отъ предметовъ ослабѣли, хотя на S сторонѣ была луна. Даже когда нѣкоторыя дуги были близко къ лунѣ, онѣ были ясно замѣтны.

Н. Кривошея.

---

[1]) Часовня стоитъ футъ 100 надъ уровнемъ моря.

ВРАЧЪ ПО ПРИЗВАНІЮ

РАЗСКАЗЪ.

Въ прекрасное іюльское утро я пріѣхалъ въ незнакомую деревню и пошелъ гулять по берегу широкой рѣки...

Я молодъ и богатъ, придерживаюсь консервативныхъ убѣжденій не на однихъ только словахъ, а кое-чѣмъ содѣйствую, чтобы существующій порядокъ не разрушился: даю копѣйку нищему, жертвую рубль на комитеты, покупаю билетъ на филантропическій концертъ; есть даже койка моего имени въ одной больницѣ. Легче ли отъ этого человѣчеству — не знаю, но мнѣ невыносимо скучно. Впрочемъ, мнѣ скучно потому, что я богатъ, потому что нѣтъ удовольствія, которымъ бы я не пресытился, и нѣтъ человѣка, который бы меня не возненавидѣлъ за то, что третьяго дня я далъ ему взаймы двѣсти рублей, вчера — четыреста безъ отдачи, а ныньче отказалъ ему въ двугривенномъ, тогда какъ по его разсчету ему слѣдовало получить съ меня до восьмисотъ рублей...

И захотѣлось мнѣ уѣхать куда-нибудь далеко, гдѣ бы никто меня не зналъ, и пожить подъ видомъ бѣднаго человѣка, потому что богатство мнѣ счастья что-то долго не даетъ, а я желаю себѣ счастья, сильно желаю!..

Итакъ, я шелъ по берегу широкой рѣки, увидѣлъ издали на возвышеніи крышу дома и, постепенно приближаясь къ нему, разглядѣлъ окна, заставленныя цвѣтами, бѣлыя шторки, тонкую изгородь и, наконецъ, брюнетку въ русскомъ костюмѣ на скамейкѣ у воротъ. Я ей отвѣсилъ вѣжливый поклонъ.

— Позвольте спросить, какъ эта деревня называется?

— Это Малиновка.

— А не могу ли я найти здѣсь помѣщеніе—комнаты двѣ или одну, съ прислугой и со столомъ?

Брюнетка вскинула на меня удивленный взглядъ и не сразу отвѣтила.

— Не знаю, право... Для васъ?

— Для меня. Мѣстность эта очень живописна. Я, надо вамъ сказать, отчасти художникъ, то-есть скорѣе въ душѣ. Скажите, пожалуйста, кто живетъ въ этомъ хорошенькомъ домикѣ?

— Мой отецъ и я. Домъ этотъ и вся земля принадлежатъ нашему родственнику и продаются, а мы покуда здѣсь живемъ.

— Нельзя ли и мнѣ какъ-нибудь у васъ пристроиться? Моя фамилія Булатовъ, Николай Петровичъ. — Я снова приподнялъ фуражку.—Паспортъ со мной.

— Ахъ, что вы!—улыбнулась брюнетка.—Погодите, я сейчасъ спрошу отца.

Брюнетка убѣжала, черезъ минуту опять выбѣжала и пригласила меня войти. Она провела меня въ отдѣльную комнату съ отдѣльнымъ ходомъ; я попросилъ ее послать кого-нибудь на станцію за моимъ чемоданомъ, снялъ перчатки, осмотрѣлся.

Неоклеенныя стѣны отдаютъ смолой, заглушаемой запахомъ резеды; легкая соломенная мебель, простенькая, но изящная; тишина и прохлада производятъ на меня мирное, успокоительное впечатлѣніе. Я располагаюсь на плетеномъ диванѣ, отдыхаю тѣломъ и душою,—точно я подъ родной кровъ вернулся послѣ долгаго странствованія.

Мнѣ нравится, что кухарка, ничего не спрашивая и не дожидаясь приказаній, ставитъ передо мной столъ, чашки, самоваръ; мнѣ хорошо, я у себя дома; пріятная лѣнь сковала губы, не хочется говорить. Но кухарка, не дожидаясь вопросовъ, разсказываетъ мнѣ:

— Барышню зовутъ Настасьей Петровной. Хорошая барышня. А папаша ихній, Петръ Николаевичъ, нездоровы, не выходятъ изъ своей комнаты,—рядомъ съ вашей,—мало кушаютъ, а мясного совсѣмъ не потребляютъ. Я для нихъ стряпаю грибное, молочное, зелень, кашу разную. А для васъ что прикажете готовить?

— Что хотите, мнѣ все равно.

Видимо довольная этимъ отвѣтомъ, она ушла, а за стѣной раздался сиповатый теноръ:

— Джальмочка, кушать хочешь? Нельзя, нельзя, надо прежде заслужить.

Тихій, жалобный визгъ собаки.

— Пусть ее ѣстъ,—говоритъ брюнетка.

— Нѣтъ, пусть прежде туфли принесетъ.

— Я сама подамъ тебѣ туфли,—не мучь собаку.

— Настя, что тебѣ за дѣло?

— Не могу я слышать ея визга.

— Эгоистка ты. Только о себѣ и думаешь. То-олько о себѣ. Это удивительно.

— Это естественно.

— Такъ не мѣшай и мнѣ дрессировать собаку. Джальма, аппортъ! Не тронь, не тронь!

— Слушай, отецъ: ты, какъ вегетаріанецъ, считаешь отвратительнымъ употреблять въ пищу мясо животныхъ, а томить ихъ голодомъ...

— Настя! Я твоихъ убѣжденій не насилую,—оставь и ты меня въ покоѣ. Что ты придираешься...

Раздался сильный, прерывистый кашель.

Я присѣлъ къ столу съ желаніемъ чѣмъ-нибудь заняться, но у меня не было письменныхъ принадлежностей, и только-что я объ этомъ подумалъ, какъ вошла брюнетка съ чернильницей, перомъ и бумагой.

— Можетъ быть, вы письма будете писать, такъ вотъ вамъ все, что нужно,—сказала она и ушла.

Это меня удивило.

Я написалъ письмо и разорвалъ, написалъ другое и тоже разорвалъ, потому что мнѣ нечего было писать моей матери. По счастью со мной была книга—„Germinal“, и я весь день читалъ, гуляя по окрестностямъ, а вечеромъ, войдя къ себѣ, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ свѣчки. Въ ту же минуту брюнетка внесла ко мнѣ зажженную лампу, поставила на столъ и удалилась.

Немного погодя, мнѣ захотѣлось пить, и вдругъ опять входитъ брюнетка и ставитъ передо мной большой стаканъ парного молока.

— Какъ это вы угадываете всѣ мои желанія? — сорвался у меня невольный вопросъ.

Она остановилась передо мною съ разбросанными по плечамъ кудрями, съ обнаженной до локтя рукой, спокойно глядя темными, съ зеленоватымъ отблескомъ, глазами.

Мнѣ нравится ея смуглое лицо, тонкій носъ и прозрачныя ноздри, и крупныя, строго очерченныя губы. Она невелика ростомъ; поэтому голова ея на тонкой шеѣ кажется большой отъ обилія черныхъ кудрей. И она ихъ то приглаживаетъ руками, то откидываетъ назадъ движеніемъ головы.

— Просто мнѣ пришло въ голову, что не худо вамъ теперь выпить молока,—сказала она, тряхнувъ кудрями, и исчезла за дверь.

Голосъ ея, густой и мягкій, съ едва уловимой дрожью, какъ послѣднее замираніе тронутой струны, удерживается въ ухѣ, и нѣсколько мгновеній по ея уходѣ все еще чуется ея присутствіе. Я положительно въ нее влюбленъ.

Я всталъ и подошелъ къ зеркалу. Мои бѣлокурые волосы, доставившіе мнѣ въ лицеѣ немало обижавшее меня прозвище чухонца, отросли по окончаніи курса на свободѣ и лежатъ крупными завитками, какъ шапка на головѣ, потому что рутинную манеру дѣлать сбоку проборъ я нахожу верхомъ безвкусицы; а усы у меня пробились черные, чѣмъ я несказанно доволенъ. Я доволенъ также, что у меня черныя брови, большіе полуоткрытые глаза и замѣчательно красивый профиль. Десяти лѣтъ я уже слышалъ отъ барынь: „вотъ хорошенькій мальчикъ, будущій Адонисъ“!—и теперь я этому очень радъ.

...Который разъ я отрываюсь отъ интересной книги и подхожу къ зеркалу. Я все смотрюсь, и, право, не могу рѣшить, въ кого я больше влюбленъ: въ Настю или въ себя.

Опять я прерываю чтеніе, потому что слышу ея голосъ за стѣной.

— Какъ ты неловко сидишь, папочка! не могу я видѣть...

— Не можешь,—эгоистка! Какое мнѣ дѣло до того, что ты можешь или не можешь видѣть?

— Позволь, я тебѣ за спину валикъ положу. Непріятно смотрѣть, какъ ты гнешь свою несчастную спину.

— Тебѣ непріятно! Тебѣ бы только на своемъ поставить. Ну, давай! Впрочемъ, такъ дѣйствительно удобнѣе.

— Я затворю балконную дверь?

— Оставь!—раздраженной хрипотой вскрикнулъ больной.— Душно мнѣ!

— Такъ не сбрасывай плэда съ колѣнъ.

— Не безпокойся, Настя, я... мнѣ...—Кашель долгій, непрерывный, то замирающій и слабый, то рѣзкій, съ клокотаньемъ и стономъ оборвался, какъ будто грудь, изъ которой онъ выходилъ, разлетѣлась подъ напоромъ бушующей въ ней силы разрушенія. Минуты двѣ длилось глубокое молчаніе.

— Вотъ,—проговорилъ усталый голосъ:—всегда такъ... днемъ ничего, а къ вечеру... о-охъ! Лежать нельзя: заливаетъ.

— Тебѣ надобно сидя спать,—сказала Настя голосомъ, проникнутымъ такою жалостью, такимъ теплымъ участіемъ, что во мнѣ сердце шевельнулось.

Я легъ, и въ тишинѣ ночи продолжалъ слушать умолкнувшіе звуки ея голоса, пока не оковалъ меня здоровый сонъ. Во снѣ

мнѣ показалось, что все кругомъ озаряется, и вѣки мои открылись сами собой.

Я проснулся и сталъ смотрѣть на мѣсяцъ, который лилъ на меня дремотный свѣтъ черезъ стекло балконной двери, озаряя всю комнату. И видны были всѣ изгибы соломеннаго плетенья на стульяхъ, узоръ салфетки, и вышивка на полотенцѣ, и крашеный подъ мозаику полъ.

Я осторожно вышелъ на балконъ, потянулъ въ себя влажную свѣжесть ночи съ запахомъ конопли, тмина, калуфера, зари. И явственно, и смутно рисовались дорожки сада, бѣлые цвѣтки астры и левкоя, блестѣла синевой желѣзная лопата у забора; и далѣе, между густо означенными тѣнями деревьевъ, тянулись огороды вплоть до рѣки, окутанной бѣлымъ туманомъ. Все такъ таинственно въ тускло-прозрачномъ воздухѣ. Легко и въ то же время грустно на душѣ.

Вдругъ мнѣ почудилось, что кто-то дышетъ недалеко отъ меня. Я обернулся и увидѣлъ, что на балконъ, кромѣ моей, выходитъ еще дверь, и передъ этой дверью, въ длинномъ креслѣ, сидитъ человѣкъ, свѣсивъ голову на грудь. Онъ спитъ. Чувство деликатности заставило меня немедленно уйти, но я не могъ удержаться, чтобы еще разъ не взглянуть на него изъ комнаты. Взглянулъ и замеръ, не смѣя шевельнуться, не будучи въ состояніи отвести отъ него глазъ.

Неподвижна, какъ изваяніе, его фигура; на ней не шелохнется ни одна складка длиннаго плаща; его, какъ мраморъ, бѣлыя руки безжизненно покоятся на колѣняхъ. Четко и ясно на голубовато-дымчатомъ фонѣ очертаніе его рѣзкаго профиля; сѣдые длинные волосы серебрятся въ холодныхъ лучахъ мѣсяца, и лучи окружаютъ его голову, его исхудалое лицо трепетнымъ сіяніемъ.

Неслышными шагами подходитъ къ нему Настя и покрываетъ его голову войлочной шляпой, потомъ, сложивъ на груди руки, долго стоитъ передъ нимъ съ выраженіемъ заботливаго ожиданія.

Въ вершинѣ сосѣдняго дерева внезапно завозилась большая птица, путаясь крыльями въ вѣтвяхъ.

Онъ проснулся.

— Спи, Настя, мнѣ ничего не надо,—сказалъ онъ.

— Холодно тебѣ?

— Нѣтъ, здѣсь лучше, легче дышется.—И онъ закашлялъ, держа обѣими руками грудь.

Она принесла что-то на блюдцѣ, подала ему и съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ онъ ѣлъ. Онъ жадно ѣлъ, смакуя и облизывая ложку и благодарно взглядывалъ на дочь.

— Вкусно, Настенька: кисленько, сладко; что̀ это такое?

— Варенья яблоки. Хочешь еще?

— Будетъ. Ты не хлопочи, ступай!

Но она не отходила отъ него; она сѣла на полъ, обнявъ его колѣни и прислонясь къ нимъ головой. Она разминала его руки въ своихъ рукахъ, дышала на нихъ, прикладывала къ своему лицу.

— Отчего у меня лицо горитъ?—въ раздумьи молвила она.

— Ложись, Настя, успокой меня! Болѣзнь для меня не такъ мучительна, какъ мысль, что я заѣдаю твою жизнь.

— Отецъ, не говори такъ! Ты гораздо справедливѣе, когда называешь меня эгоисткой. Я въ самомъ дѣлѣ только о себѣ думаю. Жизнь всякому мила и дорога; самыя несчастныя созданія не желаютъ съ ней разстаться, дорожатъ ею, любятъ ее. И у каждаго только одна жизнь, а у меня ихъ двѣ. Ничего нѣтъ пріятнѣе—поддерживать свое существованіе,—напримѣръ, когда озябнешь—согрѣться, или поѣсть, когда проголодаешься. А выздоровѣть послѣ болѣзни—что̀ можетъ быть лучше этого? А уснуть, когда хочется спать—вѣдь хорошо? Все это называется жить и наслаждаться жизнью, и я живу за двоихъ: и за себя, и за тебя. Понялъ ты, какъ это хорошо? Я чувствую за тебя, что ты согрѣлся, сытъ, отдохнулъ, успокоился, и мнѣ хорошо. Когда ты выздоровѣешь, я буду чувствовать, что у тебя ничего не болитъ, и мнѣ будетъ еще лучше.

Слабая улыбка недовѣрія мелькала на тонкихъ губахъ больного.

— Ну, довольно ораторствовать... Надоѣла...

— Пойдемъ, я тебя уложу въ постель; я высоко наложу подушекъ, и тебѣ будетъ ловко въ полулежачемъ положеніи. Пойдемъ-же, папочка!

Она помогла ему подняться; онъ едва переставлялъ ноги, налегая рукой на ея плечо.

Я бросился въ постель съ сильнымъ біеніемъ сердца. Смутныя, но счастливыя чувства заволновали меня. Мнѣ захотѣлось свершить высокое дѣяніе, потомъ встать передъ Настей на колѣни и сказать ей... Что̀ сказать? Словъ такихъ нѣтъ, чтобъ выразить мою мучительную радость. Я скажу ей просто:—Настя, ты такъ хороша!

На слѣдующее утро я встрѣтилъ Настасью Петровну въ саду. Она подала мнѣ руку и сказала:

— Пойдемте со мной въ огородъ за саладомъ.

Я ничего такъ не желалъ, какъ говорить съ нею, и опять

она угадала мое желаніе. Какъ это я сразу не замѣтилъ, что у нея необыкновенно маленькая нога!

„Настя, Настя“, —повторялъ я про себя и вдругъ нечаянно сказалъ вслухъ:—Настя!

Повернувшись ко мнѣ лицомъ, готовая внимательно слушать, она спросила:—Ну?

Я страшно сконфузился.

— Вы такъ хороши,—забормоталъ я,—qu'en verité... Волосы у васъ черные и глаза... тоже черные.

— Вы любезности говорите,—удивилась она, и прибавила съ недоумѣніемъ:—смѣшно какъ-то.

Но она не засмѣялась.

Мнѣ хотѣлось бы видѣть, какъ она смѣется, мнѣ хотѣлось говорить.

— Вы когда-нибудь смѣетесь, Настасья Петровна?

Nom de Dieu! еще глупость сморозилъ,—испугался я до такой степени, что сердце во мнѣ такъ и заколотилось.

Но она снисходительно улыбнулась, и я чуть не прыгнулъ отъ радости.

Она сорвала нѣсколько кочней салада, положила ихъ на скамейку подъ вербой и сѣла.

Подсолнухи, круглые, плоскіе, самодовольно таращатся надъ бобами; жужжать пчелы надъ пахучей мятой; лекарственныя травы занимають цѣлую гряду.

— Это вы сами насадили? Какая вы сердобольная! Вѣроятно вы учились медицинѣ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, хотя это моя всегдашняя мечта,— вздохнула дѣвушка.

Она печально помолчала, отряхая листья салада, потомъ взглянула на меня и провела рукой по волосамъ.

— Отца нельзя оставить, онъ чуть живъ, но впослѣдствіи... Она не договорила.

— Впослѣдствіи не будетъ совсѣмъ врачебныхъ курсовъ,— сказалъ я:—ужъ и теперь не принимаютъ новыхъ слушательницъ.

— Это на время. Все опять устроится, общество собираетъ деньги, общество поддержитъ.

— Сомнительно. Первые курсы ужъ закрыли, да на мой взглядъ хорошо и сдѣлали, потому что въ анатомическомъ театрѣ женщины утрачиваютъ свою женственность.

Я оборвался на полусловѣ подъ ея, какъ молнія, острымъ, неодобрительнымъ взглядомъ; я хотѣлъ поправиться:

— Впрочемъ есть женщины-врачи, не утратившія привлекательности.

Она презрительно засмѣялась, собрала саладъ и ушла.

Послѣ этого разговора цѣлую недѣлю, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ никакъ не удавалось съ ней поговорить. Только-что я къ ней приближусь, выслѣдивъ ее на скамейкѣ, подъ вербой или у калитки, она встанетъ и уйдетъ; при встрѣчѣ въ саду поклонится и отвернется, и въ комнату ко мнѣ не входитъ.

Я скучалъ и мучился, не понимая степени моей виновности: ничего нѣтъ особеннаго въ словахъ: „женщина-врачъ утрачиваетъ женственность",—такъ говорятъ всѣ люди нашего круга.

Вотъ она вышла на крыльцо, разговариваетъ съ какой-то бабой, даетъ ей пузырекъ. Подойду къ ней.

— Здоровье ваше, Настасья Петровна?

Только кивнула головой, не удостоивъ меня взглядомъ; она положительно меня презираетъ. Такъ и я не буду о ней думать, уйду на цѣлый день гулять, наберу насѣкомыхъ, растеній, сдѣлаю гербарій. Я уходилъ далеко за предѣлы сосѣднихъ деревень, въ лѣса и болота, утомлялся, промокалъ подъ дождемъ, а мысль о Настѣ все-таки не выходила у меня изъ головы. Постоянно думая о ней, я началъ думать такъ, какъ она думаетъ, и додумался до вывода, что требованіе отъ женщины только физической привлекательности не доказываетъ нравственнаго развитія. Завидя ее издали, сидящую на пригоркѣ въ компаніи крестьянскихъ дѣвочекъ, я почти бѣгомъ пустился къ ней:

— Настасья Петровна! я сознаюсь: я сказалъ тогда нелѣпость по поводу женщинъ-врачей.

— Да?—весело отозвалась она:—ну, садитесь, поболтайте съ нами. Это мои пріятельницы: Таня и Поля, а вонъ Груша.

Но Груша, еще совсѣмъ малютка, не хочетъ ко мнѣ подойти, прячется за кустъ орѣшника и, выглядывая изъ-за вѣтокъ, показываетъ мнѣ языкъ.

— Не балуйся ты!—останавливаетъ ее Таня.—У-у, какая! А у васъ въ школѣ дерутъ за уши? таскаютъ за волосы?—продолжаетъ она начатый разговоръ.

— Нѣтъ, не дерутъ и не таскаютъ,—отвѣчаетъ Настя.

— А у насъ дерутъ. Неужто васъ ни разу не таскали? И вы слушались?—расширила Таня свои сѣрые, осмысленно-выразительные глаза на широкомъ лицѣ, съ крупными, округленными чертами.—А сколько васъ было человѣкъ?

— Много.

— И насъ много въ Троицкой школѣ, сѣсть некуда; а туда идти далеко, дорогой устанешь.

— Стало быть ты любишь ходить въ школу?

— Смерть люблю. Меня ужъ во второй классъ перевели, я всю книжку выучила. Хотите разскажу сказку о „Правдѣ и Кривдѣ“?

— Вѣдь васъ тамъ таскаютъ...

— Эка, не все же таскаютъ. У насъ накрымшись учатся и одѣмшись: холодно зимой-то.

Груша пустила въ меня еловой шишкой и съ веселымъ визгомъ отбѣжала, когда я сдѣлалъ движенiе встать.

— А я рада, что накрымшись,—продолжаетъ Таня:—смерть не люблю ходить простоволосой, словно какъ-будто стыдно. Она поправила на головѣ желтый платочекъ.

Груша вышла изъ-за куста вся пунцовая отъ сдержаннаго смѣха, съ искрами шаловливой радости въ синихъ глазахъ, и, погрозивъ намъ пальчикомъ, подкралась къ Танѣ, сорвала съ ея головы платокъ и убѣжала. Таня пустилась ее догонять, прикрывъ ладонью свои жиденькiя косёнки подъ затылкомъ. Черезъ минуту обѣ вернулись, сѣли на траву и, запыхавшись, искоса посматриваютъ другъ на друга.

Поля все время молча вяжетъ чулокъ, держа его въ кулакахъ; она двигаетъ худощавыми плечами, съ усилiемъ вытаскивая спицей петли, причемъ локти ея то прилегаютъ къ бедрамъ, то отскакиваютъ въ стороны. Она скривила ротъ и сморщила свое покрытое веснушками лицо.

И Груша, глядя на нее, безсознательно сдѣлала точно такую же гримасу.

— У тебя нога болитъ?—спросила Настя, безъ всякой осторожности дотрогиваясь до грязной тряпки, которой обернута босая нога Поли.

— Задрала объ стекло; башмаки-то жалко въ будни обувать.

— Ты бы носила лапти,—сказалъ я.

— Ишь ты!—съ неудовольствiемъ покосилась она въ мою сторону.

— У нея отецъ есть,—отвѣтила за нее Таня:—ей стыдно въ лаптяхъ ходить—осудятъ. И то сказать,—прибавила она, помолчавъ:—босичищемъ не стыдно, а въ лаптяхъ—стыдно. Отчего бы это?

Таня глубоко задумалась, устремивъ глаза въ одну отдаленную точку. И лицо Груши стало серьезно.

Должно быть, я въ душѣ „народникъ“, потому что мнѣ хочется поцѣловать эту дѣвчонку; и Таня мнѣ нравится, и Поля—ничего.

— Поля, кто твой отецъ?—поинтересовался я узнать.

— Мой отецъ канавы проводитъ, колодцы дѣлаетъ, ямы, всякое рытье и копанье.

— Барышня, — мечтательно продолжаетъ Таня смотрѣть вдаль, охвативъ руками свои согнутыя колѣни:—вы бы мнѣ мѣсто нашли въ няньки: смерть люблю пестовать маленькихъ дѣтей, и до страсти хочется мнѣ въ Москву посмотрѣть дворцы—палаты Романовыхъ, Иванъ-Великаго, царь-пушку. Гдѣ лучше—въ Петербургѣ или въ Москвѣ?

— Всего лучше въ деревнѣ, Таничка.

— Какъ бы не такъ. Еще у кого есть въ саду малина, яблони, крыжовникъ, а то что̀! Развѣ вотъ у вашего арендателя украдёшь, да вѣдь страху-то сколько натерпишься—бѣда. Тѣмъ лѣтомъ только что мы насшибали полны фартуки яблоковъ, какъ онъ рявкнетъ изъ окна: „держи, держи, держи—и“! Ужъ мы бѣжали, ужъ мы бѣжали, Господи-свѣты! Яблоки-то разсыпали, платки-то растеряли, душа въ пятки ушла. Вѣдь знаемъ, что онъ далеко и насъ не догонитъ, а все боимся,—ужасть, какъ боимся! Съ чего бы это?—И снова Таня погрузилась въ думу, и снова глядитъ она на дальній лугъ, медленно моргая длинными рѣсницами.

Мы съ Настей отправились домой и дорогой уговорились вставать какъ можно раньше и по утрамъ чистить въ саду запущенныя дорожки, потому что арендаторъ объ этомъ не заботится.

И вотъ мы оба за работой; она дѣйствуетъ скребкомъ, я—взятой изъ кухни сѣчкой; свѣжее испареніе земли охватываетъ влажное тѣло; легки и проворны движенія, силы много; пріятно снимать пучки цикорія и подорожника, которые такъ и не разсыпаются, отброшенные на другое мѣсто, какъ будто продолжая тамъ расти.

Я съ увлеченіемъ работаю; весело мнѣ въ присутствіи Насти, которая слѣдитъ за мной внимательными почти до строгости глазами.

— Я нахожу,—говоритъ она,—что главнѣйшія медицинскія свѣденія должны входить въ кругъ средняго образованія какъ мужского, такъ и женскаго; каждый долженъ быть въ состояніи оказывать другому первоначальную помощь.

— Чтожъ, это бы хорошо,—отвѣчаю я.

— Я увѣрена,—продолжаетъ она,—что это и будетъ введено въ Россіи.

Я обрубаю сѣчкой край дорожки и молчу. Когда женщина

говорить подобнымъ слогомъ, elle me fait l'effet d'une poule, которая запѣла пѣтухомъ. Впрочемъ у Насти это выходить очень мило.

— А врачебные курсы не могутъ быть уничтожены, помилуйте! Наклонность лечить, свойственная женщинамъ и обнаруженная съ незапамятныхъ временъ, особенно сильна въ Россіи; потому и починъ въ ея развитіи принадлежитъ Россіи, гдѣ и климатъ, способствуя заболѣванію, требуетъ болѣе усерднаго противодѣйствія.

— Гм... да, это конечно. Настасья Петровна, позвольте мнѣ на минуту вашъ скребокъ!

— Можете взять... Какъ благопріятно отразится нашъ примѣръ на другихъ государствахъ...

— Какой примѣръ?—Закрытія курсовъ? Ихъ впрочемъ опять откроютъ,—поспѣшилъ оговориться я, увидя, что глаза ея сверкнули неудовольствіемъ.

— Ну да, все будетъ, какъ я говорю,—при этомъ она простерла впередъ свой тонкій пальчикъ:—это неизбѣжно, необходимо.

— Et vous êtes dans le vrai. Я самъ, знаете, иногда думаю, какъ бы это что-нибудь переустроить. Entre nous soit dit, Настасья Петровна, вѣдь я отчасти радикалъ.—Рѣшительно не понимаю, что̀ нашла она въ этихъ словахъ смѣшного: вдругъ прыснула и покатилась, и заливается—хохочетъ, топая на одномъ мѣстѣ своими ножками. Убѣжала!

Я весь проникнутъ этой дѣвушкой, я въ ея власти, и когда ея нѣтъ со мной, я все-таки чувствую тяготѣніе ея воли надо мной. Настали дни свѣтлаго счастья, и каждый день—благовонный и ясный—новый праздникъ для меня. Полдневный зной нѣжится сладкой истомой; угасающій вечеръ рдѣетъ румянцемъ, словно распаленный страстью; утро пробуждаетъ вмѣстѣ со мной давно заснувшія дѣтскія впечатлѣнія. На дворѣ слышатся заспанные голоса; пѣтухъ поетъ, пищатъ цыплята; беззвучно качаются вѣтки рябины и вьется завитокъ сѣраго дыма надъ трубой... Все кажется мнѣ интереснымъ и близкимъ и все привлекаетъ мой умиленный взглядъ.

Джальма, коричневый сетеръ, встрѣчаетъ меня въ саду, играетъ, прыгаетъ, достаетъ зубами мою полотняную блузу. Я смѣюсь, не знаю самъ—чему, мнѣ весело бѣжать въ припрыжку отъ ласковыхъ преслѣдованій собаки.

Свѣжо. Небо яснѣетъ, раздвигается, и тихо всплываетъ красное солнце.—Солнце!—кричитъ во мнѣ радостный голосъ, а глаза ищутъ на пескѣ слѣдовъ ея маленькихъ ногъ. Она идетъ. Уже

я различаю шелесть ея шаговъ и порываюсь на-встрѣчу съ трепетомъ встревоженнаго сердца.

— Настасья Петровна!

Чтò можетъ быть прекраснѣе ея голубой ситцевой блузы, перехваченной поясомъ! Какъ идутъ къ ея лицу собранные кверху волосы, какъ свѣжа ея нетронутая загаромъ шея! На шеѣ черный шнурокъ; золотой крестикъ выбился изъ-за ворота; тяжелый заступъ въ гибкой, маленькой рукѣ—все это удивительно красиво.

— Гдѣ же ваша сѣчка?—оглядываетъ она меня, и лицо ея свѣтится плѣнительной, едва замѣтной улыбкой.

— Мнѣ надо вамъ сказать нѣсколько словъ, Настасья Петровна, — съ неожиданной торжественностью произноситъ мой языкъ; мнѣ еще неизвѣстно, чтò именно я скажу, но я уже волнуюсь.

Она слѣдуетъ за мною.

Мы садимся рядомъ, близко другъ къ другу; я молчу, и она терпѣливо ждетъ, колупая заступомъ вбитый въ землю кирпичъ.

— Нѣтъ, Настасья Петровна, лучше пройдемся!—рѣшаюсь я начать объясненіе, и слышу, что дрогнулъ мой голосъ, и повышаю его.—Бросьте, прошу васъ, заступъ. Возьмите меня подъ руку.— Она смотритъ мнѣ въ лицо и все какъ будто усмѣхается съ насмѣшливой привѣтливостью въ полуприщуренныхъ глазахъ. Мы ходимъ по дорожкамъ, и я чувствую, какъ бьется жилка въ ея рукѣ, продѣтой черезъ мою.

— Ничего бы я такъ не желалъ, Настасья Петровна, какъ постоянно... всегда съ вами... ходить вотъ какъ мы теперь ходимъ. Сядемте!—Слова не идутъ съ языка, жутко мнѣ. Она покорно сѣла на гнилую ступеньку старой бесѣдки, повернула ко мнѣ лицо.

— А вы, Настасья Петровна, скажите: вы желали бы еще чего-нибудь?

— Очень многаго,—сказала она просто.—Я желала бы, напримѣръ, чтобъ въ деревенскихъ школахъ давалось элементарное понятіе о цѣлебныхъ свойствахъ имѣющихся подъ рукою средствъ. Сейчасъ приходила ко мнѣ баба съ обваренными кипяткомъ руками, я посыпала ихъ содой...

Я отодвинулся отъ нея, и, признаюсь,—съ досадой отодвинулся: ей хочешь говорить о чувствахъ, а она тутъ съ своей медициной!

— Pardon,—улыбнулась она,—вы о желаніяхъ меня спрашивали, и я немного отвлеклась отъ вашего вопроса. Само собою разумѣется, что я желаю счастья.

Пользуясь ея вниманіемъ, съ какимъ она не всегда ко мнѣ относилась, я быстро заговорилъ. По правдѣ сказать, je n'ai jamais la tête à ce que je dis, слова какъ-то сами собой выходятъ изъ меня,—я далъ свободу языку.

— Для того, чтобъ быть счастливымъ, Настасья Петровна, не слѣдуетъ только сопротивляться злу, какъ разсуждаетъ нашъ великій романистъ, мыслитель и теологъ, et je suis entièrement de son avis: если тебя ударятъ по головѣ, dit-il, ты подставь спину, ударятъ по спинѣ—ты подставь подъ удары свою грудь; при этомъ, если можешь, пой псалмы передъ зажженной свѣчкой, и когда тебя изобьютъ до полусмерти, ты будешь чувствовать себя безконечно счастливымъ, потому что тотъ, кто тебя билъ, вдругъ сдѣлается несчастнымъ. Читали вы „Свѣчку" Толстого?

— Каково!—удивилась она:—я не замѣчала за вами способности иронизировать... Ну-съ, еще желала бы я имѣть деньги...

На этотъ разъ я слишкомъ явно обнаружилъ, до какой степени непріятно поразили меня ея слова; я даже, кажется, сказалъ вслухъ:—Фи! Меня коробило: и здѣсь я не ушелъ отъ корысти, скупости и жадности, и для нея главное—деньги! Мое встревоженное воображеніе мгновенно примѣнило къ ней всѣ типы видѣнныхъ мною красавицъ, купленныхъ женъ и продающихся дѣвицъ. Всѣ онѣ, по своимъ наслѣдственнымъ свойствамъ, скопидомки или ростовщицы, взимающія за свою благосклонность проценты звонкою монетою, кредитными билетами и цѣнными вещами,—я это зналъ по опыту. О, еслибъ она могла понимать мои мысли, какъ бы уничтожена она была! Я сардонически захохоталъ; я смѣялся, но тамъ глубоко, на днѣ моей души, залегла возмутительная горечь. Я сказалъ, пристально глядя ей въ глаза, многозначительно и вѣско:

— У меня нѣтъ денегъ, Настасья Петровна.—Мнѣ стоило немалаго усилія держать ровный, спокойный тонъ.—Но имѣть деньги—продолжалъ я—гораздо проще, нежели думаютъ; стоитъ только взять ихъ у кого-нибудь, да и не тратить. Вамъ нужна новая обувь—походите въ старой; лѣтнее пальто—надѣньте вмѣсто него зимнее; не покупайте свѣча и керосинъ, а ложитесь раньше спать, и если можете, то не обѣдайте: такимъ образомъ ваши деньги сберегутся въ цѣлости.

Насмѣшливое недоумѣніе на ея лицѣ смѣнилось выраженіемъ скуки.

— Какъ вы остроумны!—замѣтила она съ презрительной небрежностью.

Я вскочилъ и удалился отъ нея съ твердымъ намѣреніемъ

уйти на цѣлый день, а потомъ заняться составленіемъ гербарія. Взглядъ ея меня преслѣдовалъ и рѣзалъ какъ ножемъ, но я рѣшился не оглядываться болѣе.

Я быстро пошелъ къ берегу широкой рѣки, а она кричала мнѣ, перегнувшись черезъ изгородь:

— Николай Петровичъ, воротитесь! вы, кажется, чѣмъ-то серьезно разстроены... Не уходите отъ меня!

Дрогнувшій, какъ струна, мелодически-трогательный призывъ ея замеръ въ пространствѣ; но онъ звучитъ во мнѣ, въ колебаніи напряженно-чуткаго уколотаго сердца, и среди затишья повторяется въ шелестѣ тростника, въ кроткомъ журчаніи воды и въ плескѣ рыбъ. Міръ полонъ красоты и радости, только не для меня,—и я тороплюсь уйти отъ ея голоса, какъ отъ заманчивой и пагубной иллюзіи. Неужели это слезы текутъ по моему лицу? неужели я способенъ на подобное ребячество? Просто глаза мои утомлены солнечнымъ свѣтомъ; но я доволенъ, я очень доволенъ, что во-время открылись мои глаза.—Буду я ловить рыбу, раковъ, перепеловъ, достану силки и удочку,—утѣшаю я себя, и все иду, не замѣчая дороги; дошелъ до мельницы, сѣлъ на краю мостика у плотины, спустилъ внизъ ноги, и смотрю, и слушаю, какъ вертится колесо, какъ шумитъ взрытая вода, бурлитъ и клокочетъ.

Мало-по-малу взволнованная кровь утихла; все во мнѣ остыло, все замерло, кромѣ глухой сердечной боли, кромѣ сознанія большой потери въ моемъ безотрадномъ одиночествѣ. Выпишу я ружье и буду охотиться... На что мнѣ общество? à quoi bon?

Изъ воротъ мельницы вышла маленькая старушка съ мѣшкомъ муки за плечами, поровнялась со мной, остановилась, положила мѣшокъ и сѣла на него.

— А не грѣшно мнѣ будетъ, что я на Божій-то даръ сѣла ...ой? Elle dit le mot! и тронула меня за рукавъ блузы.—Паренекъ, а паренекъ!

— Что вамъ нужно отъ меня, почтенная старушка?—промолвилъ я съ неудовольствіемъ.—Оставьте меня. Я желаю быть одинъ. Я хотѣлъ встать и уйти, но она держала меня за рукавъ.

— Постой, паренекъ; коли ты на богомолье пріѣхалъ, ночуй у меня; я всего гривенникъ съ тебя возьму за ночлегъ. Сѣно у меня нонѣшнее, духовитое, изба просторная, лапши много,—ѣшь, сколько хошь. За лапшу особо.

— Да не трогайте меня!

— Ты погоди. Монастырь-то близехонько отъ насъ, гляди: вонъ монастырь!—ткнула она пальцемъ въ воздухъ.—А вонъ моя крыша.

Тутъ я увидѣлъ на самой вершинѣ лѣсистой горы золотой куполъ. Зубчатыя бѣлыя монастырскія стѣны съ пробитыми отверстіями меланхолически важно стоятъ и высятся надъ старымъ лѣсомъ, а кругомъ, подъ горой, овраги и поля, селенія, фабрики и многолюдная дорога. Идутъ странники-богомольцы, тянутся возы, мчатся тарантасы. Тутъ только я замѣтилъ, что знойный день смѣнился вечерней прохладой, солнце давно закатилось, и трава забѣлѣла росой. Коричневое добродушно-плутоватое лицо старушки не лишено пріятности. Она продолжаетъ убѣдительно меня просить.

— Пойдемъ ко мнѣ, соколикъ! У другихъ-то хуже будетъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что желаю быть одинъ.

— Одинъ и будешь, одинъ-одинехонекъ, никто въ избу и не заглянетъ: я сплю въ сѣняхъ, старикъ въ саду, а сынъ со снохой въ чуланѣ. Сынъ-то мой смирный, его хошь въ ухо вздѣнь, а звать его Алексѣемъ; а старикъ мой, ужъ нечего и говорить, что̀ за старикъ: у-умный! вотъ увидишь. Идешь, что-ли?

Я все отказываюсь, а самъ помогаю старухѣ поднять на спину мѣшокъ и иду съ ней рядомъ, огибаю подножіе горы, приближаюсь къ слободѣ. Жнецы возвращаются съ полей, пригнали стадо, и окна избъ засвѣтились огнями.

— Ты изъ какихъ будешь, пареневъ? На мѣстѣ живешь аль безъ мѣста?

— Безъ мѣста,—отвѣчаю я. Вѣроятно потому что я крайній либералъ и отчасти народникъ, меня нисколько не шокируетъ эта простолюдинка.

— А какъ тебя звать?

— Николаемъ.

— Ты погости у меня, Николаша, а я тебѣ мѣсто найду, хорошее мѣсто: въ приказчики али въ писаря; здѣсь народу богатаго много. Иди, чтоль, въ избу,—иди, тебѣ говорятъ.

Вся семья этой старухи собралась ужинать, только ее и дожидалась.

Она сбросила мѣшокъ на лавку и пришла въ суетливое движеніе: загремѣла заслонкой, прицѣлилась ухватомъ въ печку, не переставая говорить:

— Нахлѣбника привела, богомольца, Николашей зовутъ. Безъ мѣста сердешный, да, небось, заплатитъ, не обидитъ насъ: одежа-то на ёмъ новая.

— Милости просимъ,—отозвался ея мужъ, лысый старикъ, съ большой шишкой по серединѣ лба, подвигаясь за столомъ и уступая мнѣ мѣсто въ углу. У него на рукахъ маленькая внучка.

— Садитесь, гости будете,—поклонился мнѣ Алексѣй. Въ бѣлой косоворотой вышитой рубашкѣ, перехваченной шелковымъ поясомъ, кудрявый, молодой и вѣжливый, онъ совсѣмъ непохожъ на мужика, несмотря на свои мозолистыя руки. Жена его, Василиса, рябая, коренастая, неповоротливая баба, не взглянула на меня; она смотритъ исподлобья на мужа, и по всему видно, что въ ней закипаетъ раздраженіе. На столѣ появилась большая чашка съ лапшой, деревянныя ложки, ломти хлѣба; старушка помолилась и сѣла съ краю.

— Возьму да уйду! — гнусаво процѣдила Василиса сквозь надутыя толстыя губы.—Какой же ты мнѣ мужъ послѣ этого: — всѣмъ принесъ по огурцу, а обо мнѣ и забылъ.

— Ну, загомонила, несграбная! — проворчалъ дѣдушка, а старушка пододвинула къ ней нарѣзанную баранину на деревянномъ блюдѣ и предложила ей:

— Жри!

Всѣ стали ѣсть лапшу изъ общей чашки, и я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Маленькая внучка стучала ложкой по столу и громко кричала:—Ба, ба, ба!..—Старикъ кормилъ ее со своей ложки.

— Коли завтра вёдро будетъ,—началъ онъ,—надо бы ѣхать въ дальній лугъ за сѣномъ.

— У тетки Анисьи календарь есть, — сказалъ Алексѣй:—въ позапрошломъ году нахлѣбникъ ей оставилъ; такъ по немъ погоду можно узнавать.

— Какъ же, узнаешь!—возразилъ дѣдушка.—Еще когда я жилъ кучеромъ въ Москвѣ, астроломъ предсказалъ, что будетъ завтра ненастье, а мы съ господами поѣхали въ Сокольники: такой чудесный день выдался,—просто на удивленье. И казенный астроломъ, а совралъ. У нихъ тамъ на Прѣснѣ каланчи разставлены, и они смотрятъ на небо черезъ трубу, да, знать, плохо видятъ. Вотъ и календари, чай, такіе же астрономы пишутъ.

Василиса тяжело вздохнула.

— Матушка, ты бы еще лапшицы подлила!

— На вотъ тебѣ еще лапши! Все тебѣ мало, непропёка!

Я всталъ, поблагодарилъ за угощеніе и выразилъ желаніе лечь спать. Старуха показала мнѣ за перегородкой ворохъ сѣна и дала подушку, довольно опрятную. Я улегся. Въ перегородкѣ дверь не затворялась, и я, лежа, смотрѣлъ на своихъ новыхъ хозяевъ.

— А я завтра не буду работать; хоть вы меня убейте,—не буду!—объявила Василиса.

— Что такъ? — спросилъ старикъ тоненькимъ, шутливымъ голоскомъ:—ай нездоровы?

— А онъ зачѣмъ мнѣ не далъ огурца?

— Ахъ ты бормота-куражъ!

— Я всего два и сорвалъ у огородника: одинъ далъ матери, другой дѣвчонкѣ, —оправдывался Алексѣй.

— Маинька,—продолжаетъ онъ просительнымъ голосомъ,—подъѣду завтра къ монастырю, подожду, не пошлетъ ли Богъ хорошаго сѣдочка: по крайности сразу рублевку добуду.

— Врешь, врешь!—раздражительно вмѣшалась Василиса.— Знаю я, куда ты подъѣдешь!—Алексѣй точно не слышалъ ея словъ; онъ поставилъ свою ложку къ краю чашки, вытеръ губы не рукавомъ, а снятымъ со стѣны полотенцемъ и сладко улыбнулся.

— Ей-Богу, поѣду, маинька; можетъ, ночлежниковъ приведу, богомольцевъ; въ сараѣ лягутъ, хоть по семиткѣ дадутъ — все деньги.

Старуха, поставивъ локоть на столъ, любуется сыномъ.

— Сѣно-то прогуляешь, — вздохнула она,—дожди пойдутъ. По мнѣ, поѣзжай. Рубаху я тебѣ вымыла, поддевку зачинила; принарядись, соколикъ мой!

— Постылый жидъ!—съ краснымъ отъ злости лицомъ крикнула Василиса.

— Молчи! — строго сказалъ дѣдушка и перекрестился:—не поминай этого слова за столомъ,—не годится.

Послѣ я узналъ, что самымъ большимъ грѣхомъ они считаютъ произнести слово: „чортъ“, и ничѣмъ лучшимъ не нашли замѣнить его, какъ словомъ „жидъ“.

— Жидъ, жидъ, жидъ!—не унимается Василиса.

Дѣдушка поднялся.

— Нескладёха! вотъ я тебѣ лапшой рыло оболью.

— Что вы надо мной озорнуете!—завыла баба.—Вотъ я пожалуюсь. Воры!

Ударъ кулака свалилъ ее на полъ; по спинѣ заходила палка; дѣдушка нагибался надъ ней и разгибался, приговаривая:

— Ты у меня поговоришь, ты у меня побормочешь!

Она выла, дѣвочка ревѣла.—Ah, sacré nom!—невольно вырвалось у меня, но всѣхъ громче раздавался голосъ старухи:

— Тише вы, горластые! Нахлѣбникъ спать хочетъ.

Алексѣй равнодушно смотрѣлъ на эту сцену.

Наконецъ всѣ разошлись, кромѣ старухи, которая стала качать зыбку съ дѣвочкой. Жердь, на которой виситъ зыбка, просунута черезъ перегородку и упирается толстымъ концомъ въ потолокъ,

прямо надъ моей головой; она скрипитъ и стучитъ, дѣвочка плачетъ, корова мычитъ за стѣной. Между тѣмъ разсвѣло. La pauvre vieille такъ и не ложилась; она вышла, хлопнувъ дверью, и принялась кричать на корову:

— Иди, иди, не прохлаждайся, иди!—Потомъ на овецъ:—Что вы безъ толку суетесь, дуры безтолковыя! Цыпъ, цыпъ, цыпъ! —вонзался мнѣ въ голову ея пронзительный голосъ.

Я всталъ.

Всѣ собрались къ столу чай пить, кромѣ Василисы, которую дѣдушка подзывалъ тоненькимъ голоскомъ:

— Василиса Панфиловна, пожалуйте чай кушать,—а, Василиса Панфиловна!

— Я кулачниковъ-то не люблю,—мрачно отозвалась Василиса—и палочниковъ я не жалую.

Она вынула изъ лубочнаго коробка заячью шубу, крытую сукномъ, вынесла ее на улицу, разостлала передъ окнами, а сама сѣла на заваленку. Проходили мимо деревенскія кумушки и спрашивали:—Твоя шуба?

— Моя, да мнѣ ея не нужно,—жалостно отвѣчаетъ Василиса:—скоро меня въ гробъ заколотятъ палками да кулаками. Возьмите, православные, мою шубу на поминъ моей души!

Кумушки поджимали губы и, качая головами, расходились.

Старикъ, старуха и Алексѣй тихо посмѣивались, дуя въ блюдечки.

— Возьмите шубу, православные, помяните за упокой рабу Василису! убьютъ...—Алеха! Алеха!—вдругъ показалось въ рамкѣ окна испуганное лицо Василисы:—тебя на сходку зовутъ!

Произошло смятеніе; всѣ выскочили изъ-за стола на-встрѣчу вбѣжавшей Василисѣ, вышли за дверь и стали шептаться, причемъ Алексѣй обнялъ одной рукой жену, а другой мать.

И я пошелъ взглянуть на сходку.

У средней избы на заваленкѣ сидѣли пятисотенный, сотенный и старики. Тѣ, кто помоложе, человѣкъ до тридцати, стояли или сидѣли на землѣ.

По разборѣ вопроса о недопущеніи деревенскихъ богачей застраивать землю,—такъ какъ ихъ сараи, амбары и овины потянулись на пахатное поле, владѣемое всей общиной, — было рѣшено выдавать на постройки ограниченное количество мірского лѣса и всѣмъ поровну.

Покончивъ съ этимъ, пятисотенный строго возгласилъ:

— Алексѣй Брусковъ!

— Здѣсь!—выдвинулся къ столу Алексѣй съ лицомъ, опущеннымъ внизъ, съ растерянной улыбкой подъ усами.

— Ты это изъ какой баранины — спрашиваетъ его пятисотенный—кажинный день лапшу варишь?

— Изъ какой баранины?—тупо повторилъ Алексѣй и, поднявъ глаза на вопрошавшаго, переступилъ съ ноги на ногу.

— Ты это чью овцу зарѣзалъ?

— Чью овцу?—повторилъ Алексѣй.

— Ты дурака-то не строй,—отвѣчай: овца чья?

— А жидъ ее знаетъ!

— Не твоя, значитъ. Чужая овца повадилась къ тебѣ на дворъ, а ты, чѣмъ бы гнать ее, прикормилъ, да зарѣзалъ, да сожралъ, да шкуру пропилъ, да потомъ самъ же расхвасталъ. А?

Алексѣй внимательно смотритъ подъ столъ.

— Говори, спрашиваютъ.

— Что мнѣ говорить-то? Зарѣзалъ овцу—все тутъ.

Сходка зашумѣла, заволновалась.

— Этакъ всякій будетъ. Нешто углядишь. Ты какъ объ насъ полагаешь?.. Ведро водки! Плати за овцу! Что на него смотрѣть-то—два ведра! Трехъ мало!

Всѣ кричали, и ничего нельзя было разобрать. Я видѣлъ въ воздухѣ поднятыя руки, растопыренные пальцы; рѣдкій палецъ не былъ искривленъ, рѣдкая рука не носила слѣдовъ увѣчья, и всѣ руки были корявы и грязны.

Я видѣлъ, какъ Алексѣя повели по улицамъ съ бараньей шкурой на головѣ, и всѣ взрослые и ребятишки кричали, издѣваясь надъ нимъ:—Бяшка! бяшка! бя-я-я...я!—Потомъ всѣ вмѣстѣ, судьи и подсудимый, вошли въ кабакъ.

Для меня выяснилось, что я ѣлъ лапшу изъ краденой баранины, и къ удивленію моему я не особенно этимъ смутился; вмѣсто того, чтобы негодовать на Алексѣя, я только возблагодарилъ судьбу, что никогда не буду въ его положеніи. Точно такъ же вѣроятно отнеслась бы къ этому Настасья Петровна. Мнѣ казалось, что я давно съ ней не видался; вчерашній день ушелъ далеко въ прошлое, и все навѣянное послѣдними событіями моей жизни улеглось во мнѣ и замолкло подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній новаго міра, воспринимаемыхъ съ необыкновенной живостью.

Ей нужны деньги—это такъ понятно: ей жить хочется, радостей хочется, а ни одинъ глотокъ живительнаго воздуха не дается даромъ въ необъятно-просторной природѣ. Будь я рожденъ отъ бѣднаго горожанина, дыханіе лѣта не касалось бы меня

въ каменномъ подвалѣ. Я разстегнулъ блузу, чтобъ деревенская свѣжесть еще ближе охватила меня; съ особенной легкостью вбиралъ я въ себя запахъ скошенной травы, и мнѣ страстно захотѣлось, чтобъ весь міръ дышалъ такъ же свободно, какъ и я.

Возвращаясь со сходки, я увидѣлъ, что мальчикъ ушибъ колѣнку, вталкивая телѣгу подъ навѣсъ; я поспѣшилъ на его крикъ, спросилъ въ избѣ воды и полотенце, и долго примачивалъ ему больное мѣсто; а когда наконецъ утихла его боль, я испыталъ удовольствіе — ей, Настѣ, свойственное ощущеніе. Я поднялъ у плетня заморенную голодомъ, полуживую кошку, принесъ ее въ лавку и накормилъ, и, будучи сытъ, я наслаждался процессомъ ея насыщенія. Исчезло во мнѣ отвращеніе ко всему слабому, хилому, увядшему; я всѣхъ люблю: правыхъ и виноватыхъ. Съ какою радостью я опять встрѣчусь со всѣми знакомыми! Я примирился мысленно и съ тѣми, кто меня ненавидитъ, и отъ кого я убѣжалъ въ неизвѣстное мѣсто. Въ избѣ никого не было, кромѣ дѣдушки, починявшаго сапогъ; онъ сидѣлъ совершенно одинъ и громко ругался.

— Повадилась, проклятая, жидъ тебя задави, ахъ ты паску-уда! Да какже,— обратился онъ ко мнѣ, какъ только я переступилъ порогъ:—прибѣжитъ, подлая, вмѣстѣ съ нашими, да прямо въ хлѣвъ. Разъ, другой, пятый, десятый — никто не спрашиваетъ, ну и... вся недолга.

— Это вы про овцу?

— Про овцу, пропади она пропадомъ!—Отъ сильной досады дѣдъ затрясъ головой, бросилъ сапогъ на лавку и плюнулъ...

— Въ пятнадцать рублей она обошлась намъ!—хлопнулъ онъ руками по колѣнкамъ.

— Не слѣдовало, любезный дѣдушка, присвоивать чужую...

— Сама пришла, окаянная!—слезливо взвизгнулъ дѣдъ:— нешто утерпишь...

Дверь съ шумомъ распахнулась, вошла старуха, за ней— Василиса съ дѣвочкой на рукахъ, обѣ съ заплаканными глазами; онѣ сѣли рядомъ на лавку; старуха закрыла ладонью щеку и вздохнула:

— Нешто ее кто звалъ?—обидчиво спросила она.

— Принесла нелегкая!—процѣдила сквозь зубы Василиса.

Старуха заплакала, припадая лицомъ къ плечу снохи, которая спустила съ колѣнъ дѣвочку и зарыдала.

— Какъ я теперь зимой-то буду-у!..—Свою заячью шубу, единственное свое достояніе, принесенное въ приданое, она отдала на покрытіе судебныхъ расходовъ.

Алексѣй ввалился совсѣмъ пьяный и молча легъ на сѣно за перегородкой; бабы прекратили плачъ. Длится тягостное молчаніе; даже дѣвочка притихла, только дѣдъ стукнулъ молоткомъ по сапогу, и при этомъ стукѣ Алексѣй судорожной рукой хватился за голову.

Машинально вынулъ я изъ бумажника двадцатипятирублевую ассигнацію, положилъ ее на столъ и, не давъ никому опомниться, ушелъ.

Я поспѣшилъ окольными путями въ лѣсъ, началъ подниматься въ гору, мимо столѣтнихъ сосенъ и дубовъ, ровесниковъ преподобнаго строителя монастыря, къ бѣлымъ зубчатымъ стѣнамъ. Успокоительной грустью вѣетъ отъ нихъ, и слышатся звуки длинные, возвышенно спокойные: это монахи поютъ всенощную. Ровно разлитый сумракъ подъ исполинскимъ шатромъ лѣса гармонируетъ съ ихъ пѣніемъ; оно тянетъ меня вверхъ, къ мирной обители чуждаго мнѣ религіознаго подвижничества. Звуки громче, ярче разносятся, стали понятны слова. Теплятся красныя лампады за глубокими окнами древняго храма; движутся тамъ черныя тѣни.

Я остановился у открытыхъ дверей, послушалъ божественное пѣніе и, вдохнувъ всей грудью ароматъ, льющійся изъ цвѣтника, вошелъ въ храмъ.

Народу мало. Группа крестьянъ недалеко отъ двери дружно крестится, наклоняетъ и поднимаетъ головы—какъ по командѣ. Странники и странницы прислонились къ задней стѣнѣ.

Впереди, противъ праваго клироса, пріѣзжіе богомольцы: три толстыя барыни, офицеръ, трое дѣтей и два купца. Противъ лѣваго клироса стоитъ барышня въ черной соломенной шляпкѣ и съ ней крестьянская дѣвочка, а поодаль молодая баба. Въ углу шепчетъ старуха; каплетъ воскъ съ нагорѣлыхъ свѣчъ; раздаются чьи-то шаги. Мрачны и холодны темные своды; въ нихъ и въ дымѣ ладана, смѣшаннаго съ запахомъ кипариса, въ вѣяніи сырости и въ безжизненной пустотѣ придѣловъ чуется присутствіе смерти. Я буду лежать въ гробу при такой обстановкѣ, меня отпоютъ, сдѣлаютъ мнѣ обычные поклоны, закроютъ меня и понесутъ, и никто не заплачетъ. Нѣтъ, Настя будетъ неутѣшно надо мной рыдать и припадать своимъ горячимъ лицомъ къ моему холодному, мертвому, и цѣловать мои застывшія руки, и будетъ просить, чтобъ ее вмѣстѣ со мной похоронили. И всѣ позавидуютъ мертвецу, обладателю лучшаго женскаго сердца, потому что всѣ поймутъ, какъ она хороша и благородна и какъ сильно умѣетъ любить.

Съ такими мыслями я подвигаюсь впередъ, обозрѣвая древ-

нюю живопись, захожу сбоку къ лѣвому клиросу и останавливаюсь какъ вкопанный. Все сильнѣе, все отраднѣе стучитъ сердце у меня въ груди: передо мной Настя. Барышня въ черной соломенной шляпкѣ—Настя, но она меня не видитъ.

Прекрасно ея лицо: оно блѣдно и какъ будто похудѣло немного; глубокое скрытое чувство смягчило его и залегло надъ бровями и въ темныхъ поднятыхъ глазахъ выраженіемъ страданія; углы плотно закрытыхъ губъ скорбно опущены. Она вздохнула, положила руку на тяжело поднявшуюся грудь и тихо повела головой. Крестьянская дѣвочка что-то ей говоритъ—это Таня.

Всенощная кончается, и я выбѣгаю за двери храма, и жду ее у цвѣтника. Темно. Звѣзды такъ радостно блещутъ, такъ мягко колебаніе воздуха тихой, упоительной ночи, такъ мнѣ хорошо!.. Я притаился и чутко вглядываюсь въ проходящихъ. Таня съ своей матерью идутъ къ воротамъ; вотъ и она поспѣшаетъ за ними.

— Настасья Петровна, это я, не пугайтесь! – Она бросилась ко мнѣ, сжимаетъ мою руку, и вся трепещетъ отъ волненія.

— Другъ мой, дорогой мой! какъ я мучилась, какъ я боялась: мнѣ пришло въ голову, что вы утонули...

Грудныя звучныя ноты съ легкимъ дрожаньемъ оборвались. Она плачетъ.

— Настя, моя милая!.. вы плачете, Настенька?!

Мы очутились въ цвѣтникѣ на скамейкѣ; я держу ее на колѣняхъ, покрываю поцѣлуями ея теплыя руки, и чувствую горячее прикосновеніе ея влажнаго лица къ моему живому лицу. Крѣпко обвилась она вокругъ моей шеи, крѣпко прижалась ко мнѣ, и душитъ меня и жжетъ поцѣлуями.

— Настя, ты такъ хороша!

Когда утихли первые порывы радости, и она испуганно примолкла, съ безпомощной довѣрчивостью хватаясь за мой локоть, и робко прислонилась ко мнѣ головой, я обнялъ ее и повелъ съ горы по узенькой тропинкѣ на звонъ бубеньчиковъ внизу, лошадиное фырканье и голоса ямщиковъ.

Мы сѣли въ тарантасъ и понеслись.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ меня?—укоряетъ она страстнымъ шепотомъ.

— А зачѣмъ ты все смѣялась надо мной?

— У тебя иногда вырываются нелѣпыя слова, но... ужъ какія есть,—я тебя люблю.

А дорогѣ ужъ и конецъ. Вотъ нашъ домикъ свѣтится только однимъ окномъ изъ комнаты отца—хорошенькій домикъ. Вотъ и Джальма—славная собака. Мы тихо разошлись по своимъ ком-

натамъ. Что за уютная комната, какой просторъ, какія удобства, какъ спокойно я буду спать!

Я проснулся поздно, услышалъ ея голосъ на балконѣ и сталъ смотрѣть въ стеклянную дверь. Отецъ полулежитъ въ креслѣ, блуждая глазами по залитой солнцемъ зелени сада. Подъ разстегнутой рубашкой колышется его больная грудь. Румянецъ кирпичнаго цвѣта стоитъ на впалыхъ щекахъ; большой, острый носъ его страннымъ образомъ напоминаетъ хорошенькій носикъ Насти. Взглядъ его безпокоенъ.

— Ну, а дальше что́ будетъ?—глухо, словно издали, долетаетъ до меня его слабый голосъ.

— Я съ тобой не разстанусь,—весело щебечетъ Настя:—мы будемъ втроемъ. Я буду жить за троихъ: за себя, за тебя и за мужа. Хорошо вѣдь?

Она смотритъ на него расширенными отъ избытка счастья глазами, потомъ прищуриваетъ ихъ куда-то вдаль. Изъ груди больного вылетѣлъ свистящій вздохъ.

— У тебя ребенокъ родится, пойдутъ дѣти.

— Тогда я буду жить за четверыхъ, за пятерыхъ; чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Твоя воля! —Не можетъ онъ болѣе сдержать болѣзненно ворчливый возгласъ и разражается сильнымъ кашлемъ.

— Эгоистка... охъ, смерти моей не дождешься... неблагодарная!—Впустивъ пальцы въ свои волосы, она отошла отъ него съ легкимъ подергиваньемъ губъ; зеленоватый отблескъ ея глазъ сталъ особенно замѣтенъ. Я съ рѣшительностью отворилъ дверь, взялъ Настю за руку и, поклонившись отцу, торжественно произнесъ:

— Благословите насъ!

Прошло около года съ тѣхъ поръ какъ Настя стала моей женой. Отецъ умеръ вскорѣ послѣ нашей свадьбы. Малиновку я пріобрѣлъ, и мы сидимъ съ женой на балконѣ хорошенькаго домика, утопая въ зелени. Намъ бы невозмутимо наслаждаться природой и восхитительными видами на широкую рѣку, а Настя хмуритъ брови.

И я уже не нахожу утѣшительнаго слова для нея. Всю зиму въ Петербургѣ я ее развлекалъ, знакомилъ съ новыми лицами и удовольствіями, и все, что могъ, я уже обѣщалъ ей. Я обѣщалъ выстроить въ Малиновкѣ больницу съ водопроводомъ, ваннами, душами, электрическими приспособленіями, и пригласить хорошихъ

врачей мужчинъ и женщинъ. Она, конечно, рада этому, но все-таки возражаетъ.

— Мнѣ и самой хочется лечить, я—эгоистка.

Я обѣщаю ей поѣхать за-границу, дать ей возможность пройти тамъ врачебные курсы; она благодаритъ меня и спрашиваетъ:

— Когда же?

Я очень охотно даю обѣщанія, но для исполненія ихъ слѣдуетъ выжидать подходящее время, un moment opportun. По своимъ убѣжденіямъ я — оппортюнистъ, а главное, я уже поступилъ на службу, и невозможно мнѣ свою блестящую карьеру принести въ жертву ея врожденной потребности изливать на кого-нибудь заботливость, встрѣтившую во мнѣ, здоровомъ, сильномъ человѣкѣ, энергическій отпоръ.

Она томится съ каждымъ днемъ; лицо ея принимаетъ все болѣе неудовлетворенное, тоскливое выраженіе; голосъ ея дѣлается отрывистъ, движенія рѣзки, и я серьезно начинаю опасаться, не утратила бы она своей привлекательности. Къ ней ходятъ больныя бабы съ больными ребятами и робкимъ, молящимъ голосомъ надоѣдаютъ.

— Пособи, родимая,—тебя Господь не оставитъ!

Она суетится, даетъ имъ горчицу, хину, шалфей, недоумѣвая, что̀ въ данномъ случаѣ всего пригоднѣе, и всякую смерть своихъ паціентовъ приписываетъ своей неумѣлости лечить—и страдаетъ.

А докторъ далеко и пріѣзжаетъ рѣдко. Я говорю ей въ утѣшеніе:

— Вотъ скоро явится архитекторъ, сдѣлаетъ смѣту, нарисуетъ планъ больницы...

— Когда же она будетъ выстроена?—съ нетерпѣливой рѣзкостью восклицаетъ Настя.

— Chut! Patience, ma belle amie! Моя Настя должна быть разсудительна. Нельзя все вдругъ, все сейчасъ, все сразу.

— Слышишь?—прервала она мои назиданія, и вся насторожилась:—ребенокъ плачетъ.

— Должно быть, мать его колотитъ,—отвѣчаю я.

— Нѣтъ, это не то! — вскакиваетъ она: — это непремѣнно больной.

И она торопливо идетъ на крыльцо; немного погодя и я послѣдовалъ за ней.

Жалкій мальчуганъ съ кровавыми болячками на грязномъ лицѣ виситъ на шеѣ Насти, цѣпляясь за нее худыми ручонками. Она вытерла его мокрыя ноги своимъ фуляровымъ платьемъ, и

несетъ его прямо въ спальню, жадно прижимая къ себѣ обѣими руками какъ добычу. И раздѣла она его, и завернула въ свое бѣлье, и уложила на кровать съ нѣжною торопливостью, и все сгоняла мухъ съ его лица, пока онъ не заснулъ. Задумалась Настя, склонясь надъ нимъ, и, растерянно трогая пальцемъ болячки, она ищетъ кругомъ глазами, съ тревогой останавливаетъ ихъ на мнѣ:

— Чѣмъ бы его полечить?

Я отвѣчаю ей:

— Не знаю, дорогая. Вотъ погоди, недѣли черезъ двѣ, можетъ быть, докторъ заѣдетъ.

А. Виницкая.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

ВЪ

ПРУССІИ

Пятнадцать лѣтъ „культуркампфа", 1870—1886 гг.

— Geschichte des „Kulturkampfes" in Preussen, in Actenstücken dargestellt, von Ludwig Hahn, Berl. 1881.

— Geschichte des Kulturkampfes, Ursprung, Verlauf und heutiger Stand, von Dr. Wiermon, Leipzig, 1885.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Происхожденіе распри.

Князь Бисмаркъ недавно представилъ на судъ папы споръ Германіи съ Испаніею по поводу Каролинскихъ острововъ; папа, рѣшивъ споръ, наградилъ Бисмарка, особымъ рескриптомъ, орденомъ Христа, украшеннымъ бриллiантами; канцлеръ, на одномъ торжественномъ обѣдѣ, отозвался съ величайшею похвалою о государственныхъ способностяхъ Льва XIII; папа не замедлилъ поблагодарить его чрезъ особо присланнаго курьера. Независимо отъ этого обмѣна личныхъ любезностей, въ имперіи совершаются знаменательные факты. Каѳедра познанскаго и гнезненскаго архіепископа, вакантная со времени удаленія графа Ледоховскаго, замѣщена, по желанію прусскаго правительства, нѣмцемъ Диндеромъ. Самъ папа уговорилъ бывшихъ познанскаго и кельнскаго архіепископовъ отка-

заться отъ каѳедръ, съ коихъ они нѣкогда были смѣщены прусскими властями. Епископъ фульдскій, д-ръ Коппъ, занимающій каѳедру въ городѣ, изъ коего когда-то исходили самыя грозныя „пастырскія посланія“ нѣмецкихъ епископовъ, участвуетъ въ трудахъ палаты господъ по измѣненію майскихъ законовъ, проводитъ свои „поправки“ и съ торжествомъ видитъ, какъ обѣ палаты ландтага вотируютъ новый законъ. Самъ канцлеръ, защищая въ палатахъ проектъ новаго „мирнаго закопа“, представилъ такую критику боевыхъ майскихъ законовъ, какой могъ бы позавидовать вождь центра, г. Виндгорстъ.

Но это не все. Въ двухъ, болѣе новыхъ, трудахъ по исторіи Kulturkampf'а, — трудахъ происхожденія оффиціознаго,—идея „мира“ между католическою церковью и прусскимъ государствомъ развивается съ особенною любовію.

Въ трудѣ Гана, человѣка весьма близкаго къ прусской администраціи, князь Бисмаркъ обрисовывается какъ дѣятель, постоянно желавшій „мира“ и ухватившійся за первую къ тому возможность. Главная отвѣтственность за культурную борьбу возлагается на бывшаго министра народнаго просвѣщенія Фалька. „Онъ—говоритъ Ганъ—прежде всего сдѣлался представителемъ духовной борьбы; его имя и его память связаны съ законами, вызванными борьбою, и онъ удалился (т.-е., былъ отставленъ), какъ только время борьбы, повидимому, прошло, и время примиренія, казалось, наступило“ [1]).

Д-ръ Вирмонъ старается объяснить, въ предисловіи къ вышеуказанному его труду, самую необходимость такого примиренія. Установленіе извѣстнаго modus vivendi между государствомъ и католическою церковью ускорится, по мнѣнію Вирмона, тѣмъ, что противники увидятъ необходимость противустать (Front zu machen) общему врагу—демагогіи низшаго католическаго духовенства, преслѣдующаго, въ союзѣ съ „вельфскою“ (партикуляристическою) агитаціею, вовсе не „церковныя цѣли“. Въ какой мѣрѣ это указаніе исчерпываетъ причины поворота въ церковной политикѣ имперскаго канцлера—мы увидимъ ниже. Но что послѣдній далеко отошелъ отъ программы, содержавшейся въ гордыхъ словахъ: „мы не пойдемъ въ Каноссу“—это не подлежитъ сомнѣнію. Въ виду такого рѣшительнаго поворота въ прусской церковной политикѣ, не безполезно будетъ оглянуться на ходъ этой пятнадцатилѣтней борьбы, способной, во многихъ отношеніяхъ, освѣтить внутреннюю политику князя Бисмарка.

---

[1]) „Geschichte d. Kulturkampfes“, etc. Einleitung, XII.

I.

Бывшій провозвѣстникъ національныхъ и либеральныхъ реформъ въ Италіи, папа Пій IX, переживщій бури революціи 1848—1849 гг. и возстановленный на престолѣ французскимъ оружіемъ, съ истинною страстностію отрекся отъ своего „либеральнаго прошлаго". Жажда славы вождя и обновителя Италіи уступила мѣсто ненависти къ „духу вѣка" и религіозной экзальтаціи. Возстановивъ въ папскихъ владѣніяхъ невозможный и притѣснительный теократическій режимъ, Пій IX употребилъ всѣ свои силы для сосредоточенія силъ и оживленія „воинствующей" противъ вѣка церкви. Онъ придалъ новую силу ультрамонтанскимъ и клерикальнымъ партіямъ во всѣхъ странахъ. Его ревность и притязанія росли, казалось, вмѣстѣ съ опасностями, которыми былъ окруженъ престолъ св. Петра. Онъ не задумался, въ скептическій XIX вѣкъ, провозгласить новый догматъ — „непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы" (1854). Послѣ событій итальянской войны 1859 г. и слѣдующихъ годовъ, когда значительная часть его владѣній была оторвана въ пользу новаго итальянскаго королевства, онъ съ особенною ревностію сталъ прибавлять статью за статьею къ „силлабусу", т.-е. перечню „заблужденій", осуждаемыхъ католическою церковью (1864). Не останавливаясь на многоразличныхъ канонахъ „силлабуса", осуждающихъ почти все, что вошло въ сознаніе образованныхъ классовъ, начиная съ вѣротерпимости [1]), укажемъ на послѣднюю его статью, анаѳемствующую противъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что „римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и придти въ согласіе съ прогрессомъ, либерализмомъ и новѣйшею цивилизаціею" [2]).

Идеи, выраженныя въ „силлабусѣ", развивались на всѣ лады въ папскихъ аллокуціяхъ, на которыя былъ такъ щедръ Пій IX. Онъ не щадилъ въ нихъ „враговъ церкви", къ коимъ причислялись и правительства, не оказывавшія должной покорности папской власти и уваженія привилегіямъ духовенства. Нельзя не удивляться обилію аллокуцій и энцикликъ, коими папа вдохновлялъ „вѣрныхъ", стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, и ультрамонтанскія партіи, „воинствовавшія" въ разныхъ странахъ

---

[1]) Объявляется заблужденіемъ, что „свобода совѣсти и исповѣданій есть право, принадлежащее каждому человѣку, которое должно быть провозглашено и обезпечено въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ".

[2]) Romanus pontifex potest ac debet cum progress cumu, liberalismo et cum recenti civilitate sese reconciliare et componere.

Европы. Нельзя не удивляться и смѣлости рѣчей и буллъ папы, мало гармонировавшей съ положеніемъ главы будто-бы „гонимой и оскорбляемой" церкви.

Страстность и смѣлость рѣчей росли по мѣрѣ того, какъ практическая почва преобладанія и власти уходила изъ-подъ ногъ папы и клерикальныхъ партій. Къ исходу шестидесятыхъ годовъ положеніе папскаго престола становилось, въ самомъ дѣлѣ, затруднительнымъ. Австро-прусская война 1866 г. отдала итальянскому королевству венеціанскую область—послѣдній остатокъ австрійскихъ владѣній въ Италіи. Ясно было, что присоединеніе Рима къ общему отечеству было только вопросомъ времени: „вѣчный городъ" охранялся отъ Италіи французскимъ гарнизономъ. Но Австрія, столь ревностная пособница папскаго престола, была изгнана не изъ одной Италіи; подобно неисправимому грѣшнику, она была исключена и изъ Германіи. Изъ области распавшагося германскаго союза была изгнана величайшая изъ католическихъ державъ серединной Европы. Новый сѣверо-германскій союзъ образовался подъ гегемоніею протестантской Пруссіи; самъ по себѣ союзъ былъ только первымъ шагомъ къ полному объединенію Германіи, задержанному волею Наполеона III. Католическій нѣкогда вѣнецъ германскихъ императоровъ готовъ былъ перейти къ протестантской династіи Гогенцоллерновъ.

Въ самой Австріи обнаруживались тревожные симптомы. Реакціи 1849 и слѣдующихъ годовъ удалось вырвать у австрійскаго правительства извѣстный „конкордатъ" 1855 года, отдававшій всю умственную жизнь этой страны въ руки духовенства и вооружавшій послѣднее привилегіями, напоминавшими цвѣтущее время средневѣковой теократіи. Вмѣстѣ съ административною системою Баха конкордатъ составлялъ одно гармоническое цѣлое, и естественно долженъ былъ рушиться вмѣстѣ съ крушеніемъ реакціонной „системы". Событія 1866 года окончательно увлекли Австрію на путь нѣкотораго „либерализма", и хотя конкордатъ не былъ отмѣненъ, но новый школьный законъ значительно ограничилъ вліяніе духовенства въ школьномъ дѣлѣ. Рѣзкимъ и вызывающимъ тономъ высказался папа по поводу этой „узурпаціи" правъ церкви.

Въ 1868 г. готовилась сойти (а въ сентябрѣ и сошла) со сцены еще одна изъ опоръ католической церкви. Хотя Испанія давно уже не имѣла вѣса въ общеевропейскихъ дѣлахъ, но революція, подготовленная лѣтомъ и осенью, изгнавшая Изабеллу, столь ревностную послѣдовательницу религіозныхъ идей Пія IX, была тяжкимъ ударомъ для римскаго престола, надежды котораго могли

теперь покоиться развѣ на „карлистахъ", коихъ дѣйствія не внушали симпатій Европѣ.

Во Франціи, гдѣ клерикальная партія, опиравшаяся на императрицу Евгенію, успѣла выговорить занятіе Рима французскими войсками, готовились важныя перемѣны. Имперія клонилась къ упадку; шагъ за шагомъ отступалъ Наполеонъ III предъ усиліями либеральныхъ и радикальныхъ партій; послѣднія не удовлетворялись частными уступками. Преобразованіе имперіи въ конституціонную монархію стояло на очереди, и вмѣстѣ съ тѣмъ политическое вліяніе должно было перейти въ руки партій, менѣе всего расположенныхъ поддерживать свѣтскую власть папы и господство клерикаловъ въ школѣ.

Въ этихъ дѣйствительно чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, Пій IX рѣшился на отчаянный шагъ, столь обильный послѣдствіями: 29 іюня 1868, католическій міръ былъ оповѣщенъ, что папа призналъ за благо созвать на 8 декабря 1869 года вселенскій соборъ.

Для оцѣнки этого шага необходимо, прежде всего, остановиться на содержаніи буллы 29 іюня и, ближайшимъ образомъ, на мотивахъ созыва.

„Всѣмъ извѣстно,—говорилось въ буллѣ,—и ясно, какими ужасными бурями потрясается теперь церковь, и какими великими и многими бѣдствіями страждетъ гражданское общество. Ибо яростные враги Бога и людей нападаютъ на католическую церковь и ея спасительное ученіе и ея власть, а равно на высшую власть этого апостольскаго престола и попираютъ ихъ ногами; все священное презирается; церковное достояніе разграбляется; епископы, знатнѣйшія духовныя и вѣрныя католицизму лица всячески преслѣдуются; распространяются всякія безбожныя сочиненія и тлетворныя газеты вмѣстѣ съ разнообразными и зловредными сектами; образованіе несчастнаго юношества почти повсемѣстно отнято у духовенства", и т. д.

Изъ этого видно, что категоріи „враговъ церкви", указанныя въ буллѣ, были многочисленны и разнообразны; многіе изъ этихъ враговъ не могли быть поражены безъ ущерба новымъ государственнымъ интересамъ и даже потрясенія государственнаго порядка.

На-ряду съ „безбожными сочиненіями" и сектами, упоминаются „враги", расхищающіе достояніе церкви, т.-е., ближайшимъ образомъ, итальянское правительство, похитившее разныя области папскихъ владѣній, и другія правительства, секуляризовавшія церков-

ныя имущества и подчинившія школы контролю государства, съ устраненіемъ ихъ конфессіональнаго характера.

Созываемому собору указывались задачи столь же разнообразныя, какъ бѣдствія церкви. Коротко говоря, соборъ призывался обсудить средства къ устраненію „всѣхъ бѣдствій церкви и гражданскаго общества, дабы... порокъ и заблужденія были искоренены, наша религія и ея спасительное ученіе повсемѣстно оживлены, все болѣе и болѣе распространены и получили господство, и чтобы благочестіе, честность, справедливость, любовь и всѣ христіанскія добродѣтели распространились и процвѣли ко благу человѣческаго общества".

Въ такой формѣ булла, призывавшая всѣхъ епископовъ католическаго міра, обѣщала многое, способное встревожить не однихъ „еретиковъ и безбожниковъ", но и правительства, дѣйствовавшія въ духѣ благочестія и справедливости. Для всѣхъ, привыкшихъ къ языку и дипломатіи римской куріи, было, однако, понятно, что, за широковѣщательными фразами буллы, скрывается болѣе опредѣленная задача, о которой римская курія пока умалчивала. Въ началѣ 1869 года, извѣстная „Civiltà Cattolica" (іезуитскій журналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціозный органъ Пія IX) нѣсколько подняла завѣсу: 6 февраля было напечатано предположеніе, что „великій соборъ" провозгласитъ ученіе „силлабуса" и догматъ папской непогрѣшимости.

„Католики—говорилось здѣсь—съ радостью примутъ объявленіе непогрѣшимости папы. Чрезъ это можно будетъ косвенно достигнуть отмѣны пресловутой деклараціи 1682 года, не упоминая спеціально о 4 нечестивыхъ ея статьяхъ, которыя такъ долго были душой галликанизма".

Для объясненія всей силы такого „заявленія", должно припомнить, что декларація 1682 года, редактированная знаменитымъ Боссюэтомъ и принятая соборомъ галликанскихъ епископовъ, гласила въ первой своей статьѣ: „папа и вся церковь получили отъ Бога власть только въ дѣлахъ духовныхъ, касающихся спасенія, а не въ дѣлахъ свѣтскихъ и гражданскихъ; поэтому государи не подчинены Богомъ никакой духовной власти въ дѣлахъ свѣтскихъ; они, ни прямо, ни косвенно, не могутъ быть низлагаемы властью папы; ихъ подданные не могутъ быть освобождены отъ повиновенія и подчиненія, коимъ они обязаны государямъ, ни разрѣшены отъ присяги въ вѣрности". Четвертая статья постановляла, что „хотя папѣ принадлежитъ наибольшая доля въ вопросахъ вѣры, но его сужденіе не непогрѣ-

шимо (n'est pas irréformable) безъ согласія церкви (à moins que le consentement de l'Eglise n'intervienne).

Не трудно замѣтить, что первая статья деклараціи содержитъ въ себѣ начала, безусловно признанныя публичнымъ правомъ европейскихъ государствъ, и что безъ нихъ Европа возвратилась бы къ теократической системѣ Иннокентія III; четвертая—обезпечивала, до извѣстной степени, католическую церковь отъ произвольнаго измѣненія ея вѣрованій и государство—отъ притязаній папскаго престола, съ высоты котораго могло раздаться безапелляціонное осужденіе установленнаго гражданскаго порядка.

Что „косвенная" отмѣна началъ деклараціи 1682 года влекла за собою признаніе за папою правъ, провозглашавшихся въ средніе вѣка,—не подлежитъ сомнѣнію. Но, разсматриваемый съ политической точки зрѣнія, въ условіяхъ XIX вѣка, догматъ папской непогрѣшимости едва ли представлялъ серьезныя опасности. Провозглашенный quasi-вселенскимъ соборомъ 1870 года, онъ былъ болѣе крикомъ отчаявшейся въ себѣ власти, чѣмъ выраженіемъ сознаваемой силы. Первый „непогрѣшимый" папа былъ и послѣднимъ свѣтскимъ государемъ Рима. Догматъ „непогрѣшимости" не помѣшалъ Виктору-Эммануилу овладѣть Римомъ, царствовать и оставить престолъ своему сыну. Григорій VII или Иннокентій III не были „непогрѣшимыми" папами; но ихъ буллы приводили въ трепетъ могущественныхъ государей и сильнѣйшія націи. Чтó могъ сдѣлать Пій IX средствами „силлабуса" и отлученія?

Не представляя общей неотвратимой опасности для политическаго строя европейскихъ государствъ, догматъ непогрѣшимости имѣлъ, какъ показалъ опытъ, вредныя послѣдствія въ частностяхъ. Безсильный на „разрушеніе" современной цивилизаціи, онъ былъ достаточенъ для порожденія смуты въ отдѣльныхъ странахъ, гдѣ онъ явился и орудіемъ, и предлогомъ для мѣстныхъ клерикальныхъ партій. Печальная сторона всей комедіи, разыгранной на соборѣ 1870 года, состояла въ томъ, что Пій IX требовалъ для себя „непогрѣшимости" ради спасенія свѣтской своей власти, а въ рукахъ мѣстныхъ клерикальныхъ партій новый догматъ сдѣлался средствомъ для ихъ политическихъ цѣлей.

Неудивительно, если перспектива смутъ побудила разныхъ государственныхъ людей и нѣкоторыхъ благомыслящихъ прелатовъ обратиться съ предостереженіями къ правительствамъ и къ Риму.

II.

Первый голосъ, предостерегавшій правительства, вышелъ изъ Баваріи. Оставшись, вмѣстѣ съ другими южно-нѣмецкими государствами (Баденомъ, Виртембергомъ и Гессенъ-Дармштадтомъ) внѣ сѣверо-германскаго союза, Баварія переживала, съ 1865 по 1870 годъ, періодъ тяжкой и двойной агитаціи. Съ одной стороны, сильна была партія, тяготѣвшая къ „общему отечеству"; съ другой, еще сильнѣе была партія партикуляристовъ, противившихся „опрусаченію" Баваріи. Въ Виртембергѣ, въ роли партикуляристовъ, выступали демократы, а въ Баваріи эта роль принадлежала клерикаламъ. Правительства въ Баваріи и въ Виртембергѣ находились въ затруднительномъ положеніи. Они, послѣ войны 1866 года, заключили съ Пруссіею оборонительный союзъ на случай войны, которая грозила бы цѣлости германской территоріи; они возобновили съ остальными государствами Германіи таможенный союзъ; ихъ уполномоченные и депутаты вошли въ составъ „таможеннаго парламента" —этого пролога къ общегерманскому парламенту; дѣятельно преобразовывалась военная часть по прусскому образцу и даже подъ руководствомъ прусскихъ инструкторовъ. Было ясно, что центръ если не симпатій южно-германскихъ правительствъ, то ихъ интересовъ лежалъ въ Берлинѣ, а не въ Парижѣ и не въ Вѣнѣ. Пищи для агитаціи партикуляристовъ было много; клерикальная оппозиція въ Баваріи искусно пользовалась своимъ вліяніемъ. Все это дѣлало баварское правительство наиболѣе чуткимъ къ слухамъ изъ Рима.

Президентъ министерства, князь Гогенлоэ, извѣстившись изъ „хорошаго источника" о матеріяхъ, предположенныхъ къ обсужденію на „вселенскомъ соборѣ", обратился (9 апрѣля 1869) съ циркулярною нотою ко всѣмъ западно-европейскимъ правительствамъ. Гогенлоэ увѣдомлялъ, что на соборѣ предположено провозгласить непогрѣшимость папы, и что этотъ догматъ получитъ важное политическое значеніе, такъ какъ чрезъ него будетъ провозглашена власть папы надъ государями и народами, даже некатолическими; что, затѣмъ, одна изъ подготовительныхъ къ собору коммиссій занята работами по церковно-государственному праву, слѣдовательно, предметами, касающимися свѣтской власти; что, въ-третьихъ, собору предложено будетъ утверждать соборнымъ постановленіемъ статьи „силлабуса" 1864 года, „направленныя", какъ говорилъ Гогенлоэ, „противъ многихъ важныхъ аксіомъ государственной жизни, какъ она устроена у всѣхъ цивилизованныхъ на-

родовъ". Поэтому князь предлагалъ всѣмъ правительствамъ прибѣгнуть къ коллективнымъ представленіямъ и воздѣйствіямъ въ Римѣ.

Отвѣтъ на предложеніе Гогенлоэ послѣдовалъ прежде всего отъ австро-венгерскаго правительства, во главѣ котораго стоялъ тогда графъ Бейстъ. Графъ отвѣчалъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ соображеніемъ, что австро-венгерское правительство, признавая полную свободу исповѣданій, поскольку они не вступаютъ въ коалицію съ государственными началами, не имѣетъ основанія прибѣгать къ „предупредительнымъ" мѣрамъ относительно такого внутренняго вопроса католической церкви, какъ созваніе вселенскаго собора. Затѣмъ, правительство оставляло за собою свободу дѣйствій, относительно такихъ постановленій будущаго собора, которыя могутъ коснуться церковно-политическихъ вопросовъ [1]).

Прусскій посланникъ при папскомъ дворѣ, графъ Арнимъ, въ депешѣ своей (отъ 14 мая) думалъ поставить вопросъ на иную почву. Онъ не соглашался съ Гогенлоэ относительно политической важности догмата папской непогрѣшимости. „Споръ— говоритъ онъ—вращается около вопроса: непогрѣшимъ ли папа безъ собора, или же непогрѣшимость принадлежитъ папѣ вмѣстѣ съ соборомъ. Это праздный споръ о словахъ, не имѣющій никакого вліянія на положеніе свѣтскихъ правительствъ. Было бы жаль, если бы правительства пожелали вмѣшаться въ борьбу богословскихъ школьныхъ мнѣній".

„Но—продолжалъ Арнимъ—иначе ставится вопросъ относительно заключеній, подготовляемыхъ церковно-политическою коммиссіею. Не подлежитъ сомнѣнію, что правительства въ правѣ и даже обязаны своевременно занять позицію относительно замысла провозгласить, съ догматическимъ авторитетомъ, начала объ отношеніи государства къ церкви, которыя поколебали бы положеніе, основанное на дѣйствующихъ законахъ и договорахъ".

На этомъ основаніи Арнимъ предлагалъ, чтобы правительства потребовали допущенія на соборъ своихъ уполномоченныхъ (oratores), дабы никакихъ измѣненій въ церковно-политическомъ правѣ не послѣдовало безъ согласія правительствъ.

Отвѣтъ графа Бисмарка [2]) показывалъ, что союзный канцлеръ, уже предчувствовавшій войну съ Франціею, не желалъ усложнять своего положенія конфликтами съ куріею и съ ультрамонтанами. Притомъ и предложеніе Арнима представлялось непрактичнымъ.

---

[1]) Депеша 15 мая 1869.
[2]) Депеша 26 мая.

Бисмаркъ справедливо замѣтилъ, что курія никогда не допуститъ на соборъ уполномоченныхъ отъ протестантской, слѣдовательно еретической, державы. Затѣмъ, еслибы даже таковые уполномоченные и были допущены, то они не могли бы остановить рѣшеній собора, а, съ другой стороны, государства, принявшія чрезъ своихъ уполномоченныхъ участіе въ соборѣ, были бы поставлены въ крайне затруднительное положеніе.

„Для Пруссіи—продолжалъ Бисмаркъ—имѣется только одна конституціонная и политическая точка зрѣнія: точка зрѣнія полной свободы церкви въ дѣлахъ религіозныхъ, и—рѣшительнаго отпора всякому ея вмѣшательству въ государственную область“.

Ради „отпора“, Бисмаркъ уполномочивалъ Арнима, отъ имени короля, воздѣйствовать на курію, въ отношеніи церковно-политическихъ постановленій грядущаго собора, и извѣщалъ, что онъ вступилъ, для этой цѣли, въ переговоры съ южно-нѣмецкими государствами, дабы „протесты“, въ случаѣ нужды, могли быть предъявляемы отъ имени всей Германіи [1]).

Не одни правительства были встревожены перспективою новыхъ догматовъ. Многіе прелаты прозрѣли въ нихъ опасность именно для церкви. Такъ, извѣстный орлеанскій епископъ Дюпанлу счелъ долгомъ своей совѣсти предостеречь курію отъ провозглашенія догмата непогрѣшимости папы.

„Съ провозглашеніемъ его—говорилъ Дюпанлу—невольно возникаетъ вопросъ: на какіе предметы распространится непогрѣшимость? Есть вопросы смѣшанной природы, возбуждавшіе частыя распри: кто поставитъ здѣсь границы? Развѣ свѣтское и духовное не соприкасаются во всѣхъ отношеніяхъ? Кто дастъ правительствамъ увѣренность, что папы не преступятъ границы между свѣтскимъ и духовнымъ“?

Упомянувъ о притязаніяхъ многихъ папъ, особенно о знаменитой буллѣ Бонифація VIII—Unam sanctam,—поучавшей, что папѣ принадлежитъ право назначать и судить государей [2]),—Дюпанлу продолжалъ:

„Государи, въ томъ числѣ и католическіе, спросятъ себя: сдѣлаетъ ли папская непогрѣшимость такія буллы невозможными на будущее время? Кто воспрепятствуетъ новому папѣ установить, какъ догматъ вѣры, то, чему учили многіе его предшественники,—что намѣстникъ Христа имѣетъ непосредственную власть и надъ свѣтскими государями, что къ его правамъ при-

---

[1]) Ср. депешу Бисмарка къ Гогенлоэ, отъ 11 августа.

[2]) Potestas spiritualis terrenam potestatem instituere habet et judicare.

надлежитъ установленіе и смѣщеніе государей, и что гражданскія права, какъ королей, такъ и народовъ, зависимы отъ него?.. И хотятъ думать, что правительства будутъ равнодушно смотрѣть на то, какъ церковь собирается къ провозглашенію догматовъ, могущихъ имѣть такія послѣдствія?... Неужели пробилъ часъ для возбужденія ненависти къ папскому престолу отъ одного конца Европы до другого"?

Тревожились и многія католическія общины въ Германіи. Между прочимъ кобленцскіе католики подали трирскому епископу адресъ, въ коемъ выражалось желаніе, чтобы „предстоящій соборъ не оставилъ никакого сомнѣнія въ томъ, что церковь совершенно порвала съ стремленіями возстановить средневѣковыя теократическія формы".

Безпокойство было настолько сильно, что нѣмецкіе католическіе епископы, собравшись въ Фульдѣ (6 сентября), сочли нужнымъ издать пастырское посланіе для опроверженія слуховъ о томъ, что на предстоящемъ соборѣ будутъ изданы какіе-то новые догматы.

„Никакъ и никогда — говорилось здѣсь — не можетъ и не будетъ вселенскій соборъ провозглашать новое ученіе, не содержащееся въ священномъ писаніи и въ апостольскомъ преданіи, ибо церковь, высказываясь по дѣламъ вѣры, не провозглашаетъ новыхъ ученій, но поясняетъ старую и первоначальную истину, ограждая ее отъ новыхъ заблужденій. Никогда и никакъ не можетъ и не будетъ вселенскій соборъ провозглашать основаній, противныхъ справедливости, правамъ государствъ и правительствъ, нравственности и истиннымъ интересамъ науки или законной свободѣ и благу народовъ. Вообще соборъ не установитъ никакихъ новыхъ или иныхъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя написаны у всѣхъ васъ въ сердцѣ вѣрою и совѣстью, которыя были свято соблюдаемы христіанскими народами въ теченіе вѣковъ, на коихъ теперь и всегда покоится благо государствъ, власть правительствъ, свобода народовъ, и которыя являются предположеніемъ истинной науки и нравственности".

Какъ ни рѣшительно было это заявленіе, но правительства прусское и баварское сочли полезнымъ напутствовать своихъ епископовъ наставленіемъ — твердо стоять противъ всякихъ, могущихъ послѣдовать на соборѣ, попытокъ нарушить права государствъ, свободу исповѣданій и, слѣдовательно, миръ, который правительства желали бы сохранить въ отношеніи католической церкви [1]).

[1]) Отношеніе прусскаго министра исповѣданій фонъ-Мюллера къ архіепископу кёльнскому (10 октября 1869 г.); циркуляръ баварскаго правительства католическимъ епископамъ (7 ноября 1869 г.).

III.

Чрезъ триста слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ въ Тридентѣ засѣдалъ послѣдній общій соборъ католической церкви [1]), 8 декабря 1869 года открылся, столь долго ожидавшійся, „вселенскій" соборъ. Количество „отцовъ", явившихся на приглашеніе папы, было свыше тысячи; въ ихъ числѣ было много епископовъ безъ епархій (in partibus), слѣдовательно, много такихъ лицъ, которыя могли соглашаться на всякіе догматы, не опасаясь лично для себя никакихъ практическихъ неудобствъ. Значительная часть „отцовъ" была заранѣе подготовлена клерикальною и іезуитскою агитаціею къ тому рѣшительному шагу, котораго такъ опасались благоразумные епископы и благомыслящіе католики, т.-е. къ провозглашенію догмата папской непогрѣшимости.

Между собравшимися епископами насчитывалось много ревностныхъ сторонниковъ этого ученія, понявшихъ цѣль его провозглашенія такъ же, какъ понимали ее въ Римѣ. Такъ, извѣстный епископъ католической церкви въ Англіи, Моннингъ, писалъ, что опредѣленіе непогрѣшимости папы необходимо для того, чтобы „изгнать изъ душъ католиковъ чрезмѣрный духъ національной независимости и гордости, который въ теченіе этихъ послѣднихъ вѣковъ такъ огорчалъ церковь". По мнѣнію Моннинга, англійскимъ католикамъ необходимо показать пагубныя дѣйствія „національнаго духа", вторгающагося въ церковь, ассимилирующаго ее съ собою и плодящаго ереси и расколы.

При участіи такихъ прелатовъ могло осуществиться желаніе, выраженное въ указанной выше статьѣ „Civiltà Cattolica", чтобы предложеніе о догматѣ непогрѣшимости вышло не отъ папы, который, по очень понятнымъ причинамъ, воздержится отъ него. Но—продолжалъ журналъ—надѣемся, что непогрѣшимость будетъ провозглашена на соборѣ единогласно и per acclamationem. Изъ этихъ двухъ ожиданій исполнилось только первое: предложеніе о новомъ догматѣ формально вышло не отъ папы, хотя и подъ сильнымъ его давленіемъ. Но онъ не былъ принятъ per acclamationem, какъ мы увидимъ ниже.

Декабрь 1869 года прошелъ въ тѣхъ „приготовительныхъ дѣйствіяхъ", маневрахъ, на которые такъ искусны были собрав-

[1]) Соборъ въ Тридентѣ или Тріентѣ (въ Тиролѣ) продолжался, съ перерывами, отъ 1545 до 1563 г.

шіеся „отцы“. Но уже 3 января 1870 года собору была представлена петиція, подписанная 369 епископами и содержавшая въ себѣ слѣдующее предложеніе:

„Опредѣлить ясными и исключающими всякое сомнѣніе словами, что власть римскаго папы есть высшая, и потому непогрѣшимая, когда постановляетъ и предписываетъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности, во что всѣ христіане должны вѣрить и что должны почитать или отвергать и осуждать“.

Съ этой минуты сдѣлалось ясно, что новый догматъ будетъ главнымъ предметомъ занятій собора. Правительства и значительная часть епископовъ рѣшились выступить противъ ультрамонтанскихъ стремленій способами предостереженій нравственнаго воздѣйствія и протестовъ.

Въ началѣ января, Бисмаркъ отправилъ сѣверо-германскому посланнику въ Римѣ депешу, въ началѣ которой признавался, что ходъ дѣлъ на соборѣ представляетъ пока такой хаосъ, что всякое опредѣленное дѣйствіе со стороны правительствъ было бы преждевременно и опасно. Съ другой стороны, германскому правительству нечего опасаться какихъ бы то ни было рѣшеній собора, такъ какъ оно имѣетъ увѣренность, что въ области законодательства, при поддержкѣ силою общественнаго мнѣнія и развитымъ государственнымъ сознаніемъ націи, оно найдетъ средства преодолѣть всякій кризисъ и привести въ надлежащей мѣрѣ всякія враждебныя притязанія. Но въ интересахъ самой церкви и ради сохраненія того мира, коимъ оно наслаждалось подъ дѣйствіемъ нѣмецкихъ законовъ, Бисмаркъ считалъ полезнымъ внушить нѣмецкимъ епископамъ, чтобы они противились такимъ предложеніямъ, которыя способны измѣнить существующія отношенія государства къ церкви и принудить первое воспользоваться правами самозащиты.

Французское правительство, съ своей стороны, также обратилось къ куріи съ предостереженіемъ относительно опасности внесенныхъ предложеній.

Нѣмецкіе и австро-венгерскіе епископы, очевидно, понимали серьезность положенія и безъ этихъ внушеній. Въ концѣ января 46 епископовъ [1]) представили папѣ петицію о невнесеніи на обсужденіе собора предложенія 369. Сверхъ догматическихъ

---

[1]) Въ томъ числѣ нѣкоторые, игравшіе потомъ роль въ „культуркампфѣ“, именно: Мельхерсъ, Фёрстеръ, Ножановскій, Кременцъ, Кетелеръ и др. Изъ австро-венгерскихъ прелатовъ отмѣтимъ кардиналовъ Раушера, Фюрстенберга, Штроссмайера.

сомнѣній относительно согласія новаго догмата съ ученіемъ католической церкви, 46 отцовъ заявили, что, по ихъ убѣжденію, догматъ непогрѣшимости дастъ сильное оружіе врагамъ церкви, вызоветъ неудовольствіе во многихъ искреннихъ католикахъ и дастъ правительствамъ поводъ ограничить права, остающіяся еще за церковью.

Папа не принялъ ни этой, ни другихъ подобныхъ петицій. Тогда кардиналъ Шварценбергъ сообщилъ ее предсѣдателю собора. Чрезъ нѣсколько дней явилось и „предостереженіе" отъ австро-венгерскаго правительства. Но папа, вмѣстѣ съ ультрамонтанскою партіею, зашелъ уже такъ далеко, что всякія представленія оказывались безплодными. Напротивъ, приняты были мѣры для приведенія оппозиціонныхъ элементовъ въ полное безсиліе. Такъ, 20 февраля былъ измѣненъ порядокъ дѣлопроизводства въ соборѣ, и для силы его рѣшеній признано достаточнымъ (въ противность прежнимъ обычаямъ) простое большинство, а послѣднее заранѣе было обезпечено папѣ. Затѣмъ (6 марта), собору была предложена формула догмата непогрѣшимости, включенная въ такъ-называемую Schema de Ecclesia.

Французское правительство (4 мая) еще разъ сдѣлало куріи предостереженіе чрезъ мастерски написанную министромъ Дарю [1]) депешу къ императорскому послу Бонньвиллю.

„Доктрина, содержащаяся въ новомъ догматѣ,—говорится въ депешѣ,—означаетъ не что иное, какъ полное подчиненіе гражданскаго общества церкви. По содержанію „схемы", и подъ угрозою анаѳемы, непогрѣшимость и авторитетъ папы простираются не только на истины, данныя намъ откровеніемъ, но и на принадлежащія къ области церковнаго преданія. Другими словами, если бы непогрѣшимость и власть папы не имѣли другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія хочетъ дать ей сама церковь—всѣ начала гражданскаго, политическаго и научнаго порядка подпали бы, прямо или косвенно, подъ ея авторитетъ. На этомъ безграничномъ полѣ дѣйствовало бы право церкви принимать рѣшенія и издавать законы, связывающіе совѣсть вѣрующихъ, безъ согласія государственной власти и даже въ противность послѣдней...

„Ясно, что при примѣненіи такихъ началъ правительства сохранили бы только ту власть, а гражданское общество только ту свободу, которыя церковь благоволила бы имъ дать. Всѣ политическія учрежденія, всѣ основы гражданскаго законодательства,

---

1) Извѣстнымъ историкомъ.

относительно собственности, семьи, школы, ежедневно могли бы быть подвергнуты сомнѣнію духовною властью" [1]).

Австрійское и прусское правительства поспѣшили присоединиться къ французскому представленію [2]). Какъ бы въ отвѣтъ на всѣ подобные протесты, соборъ не только утвердилъ доктрины „силлабуса", но даже прибавилъ къ нимъ (24 апрѣля) нѣсколько новыхъ каноновъ, грозившихъ отлученіемъ отъ церкви каждому, кто утверждаетъ, что человѣческія науки должны быть разсматриваемы съ такою свободою, что можно признавать истинными ихъ утвержденія даже въ томъ случаѣ, если они будутъ противны откровенію, или что церковь не можетъ воспретить такихъ ученій; отлученіе грозитъ также тому, кто утверждаетъ, что иногда, сообразно успѣху наукъ, должно приписывать догматамъ, предложеннымъ церковью, иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который принимала и принимаетъ церковь.

Изъ такихъ каноновъ было довольно ясно, какое употребленіе можетъ быть сдѣлано изъ догмата папской непогрѣшимости. Успѣхъ послѣдняго былъ обезпеченъ уже вслѣдствіе того, что значительная часть епископовъ, уставая въ борьбѣ съ давленіемъ куріи и съ слѣпымъ фанатизмомъ ультрамонтанской партіи, удалилась изъ Рима. Поле сраженія оставалось за епископами „in partibus", свободными отъ сознанія отвѣтственности за послѣдствія новаго догмата для опредѣленныхъ епархій и солидарныхъ съ іезуитами. Въ засѣданіи 24 апрѣля 1870 года принимали участіе только 667 епископовъ. Меньшинство ограничивалось безсильными протестами, пропадавшими въ хорѣ епископовъ, требовавшихъ „непогрѣшимости"; улицы Рима были наполнены процессіями въ честь новаго догмата; „Civiltà Cattolica" насмѣшливо говорила о протестахъ европейскихъ правительствъ, и въ особенности о представленіяхъ Бисмарка и Арнима. „Достоинство папы—заключалъ журналъ—было бы умалено и даже уничтожено, если бы онъ въ дѣлахъ вѣры захотѣлъ принимать совѣты отъ послѣдователей Мартина Лютера".

Голосованіе относительно новыхъ каноновъ устройства церкви (Constitutio de Ecclesia) въ общей конгрегаціи происходило 13-го іюля. Изъ 692 епископовъ, остававшихся еще въ Римѣ, въ собраніи участвовалъ 601 прелатъ. Изъ нихъ 451 отвѣтили, давъ полное согласіе на проектъ измѣненій (placet); 62 согласились на

[1]) Депеша 4 апрѣля.

[2]) Депеши 10 и 23 апрѣля.

проектъ условно (placet juxta modum) и 88 подали отрицательный голосъ (non placet); 91 не прибыли въ засѣданіе.

Къ числу прелатовъ, подавшихъ отрицательный голосъ (non placet), принадлежали виднѣйшіе австро-венгерскіе и нѣмецкіе епископы. Душою и выразителемъ идей нѣмецкихъ епископовъ былъ ученый мюнхенскій профессоръ Фридрихъ, который, вмѣстѣ съ Дöллингеромъ, остался вѣренъ этимъ взглядамъ, послѣ того какъ епископы малодушно отъ нихъ отказались. Послѣ голосованія 13-го іюля, меньшинство рѣшилось воздержаться отъ участія въ торжественномъ засѣданіи собора, назначенномъ на 18-е іюля. Въ заявленіи, поданномъ 17-го іюля папѣ, члены меньшинства представляли, что чувства сыновняго почтенія, питаемыя къ св. отцу, не дозволяютъ имъ открыто и предъ лицомъ папы сказать: non placet—въ вопросѣ, столь близко касающемся его особы, а между тѣмъ они не могутъ въ торжественномъ засѣданіи сбора сказать что-либо иное, кромѣ сказаннаго въ общей конгрегаціи. Нельзя не признать, что эта форма протеста была наименѣе удачною и вовсе не соотвѣтствовала важности интересовъ, защищать которые взялись епископы. Курія задумалась бы предъ открытымъ и заявленномъ въ торжественномъ собраніи „non placet" епископовъ великихъ и знаменитыхъ епархій. Опасность оттолкнуть отъ себя важнѣйшихъ прелатовъ Австро-Венгріи и Германіи заставила бы задуматься даже Пія IX. Вмѣсто того епископы противупоставили упрямству папы простое бѣгство, съ тѣмъ чтобы потомъ подчиниться рѣшенію „собора".

Избавленный даже отъ робкаго меньшинства, Пій IX, 18-го іюля, имѣлъ радость услышать, какъ догматъ его непогрѣшимости былъ провозглашенъ 531 голосомъ противъ 2. Новое постановленіе было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мы учимъ и, съ одобренія св. собора (sacro approbante consilio), опредѣляемъ, какъ откровенный отъ Бога догматъ, что когда римскій папа говоритъ ex cathedra, т.-е., когда онъ, отправляя свою должность пастыря и учителя всѣхъ христіанъ, въ силу высшей апостольской власти, опредѣляетъ ученіе вѣры или нравственности, коему должна слѣдовать вся церковь, онъ, при помощи Божіей, обѣщанной ему въ лицѣ св. Петра, обладаетъ тою непогрѣшимостью, какою Божественный Искупитель хотѣлъ снабдить церковь въ опредѣленіи ученій вѣры и нравственности; слѣдовательно, таковыя опредѣленія римскаго папы неизмѣнны (irreformabiles) сами по себѣ, а не въ силу согласія церкви (ex sese, non autem ex consensu ecclesiae). Если кто—чего Боже со-

храни—осмѣлится противорѣчить нашему опредѣленію, тотъ да будетъ отлученъ (анаѳема)".

„Опредѣленіе" собора было разсчитано на сильный эффектъ; но въ то время какъ „отцы" католической церкви возводили власть первосвященника на неслыханную (чтобы не сказать невозможную) высоту, вниманіе всей Европы было отвлечено событіемъ болѣе грознымъ: (3) 15-то іюля началась долго подготовлявшаяся франко-прусская война. Едва прошло два мѣсяца со дня открытія военныхъ дѣйствій, какъ уже видно было, что̀ принесетъ она Европѣ вообще и папскому престолу въ особенности. Паденіе Наполеона III, образованіе германской имперіи и присоединеніе Рима къ Италіи—таковы событія, предчувствія которыхъ носились въ воздухѣ; они не замедлили наступить. 2-го сентября, подъ Седаномъ, Наполеонъ проигралъ дѣло имперіи; 2-го сентября итальянскія войска вступили въ папскія владѣнія. „Непогрѣшимость" папы не спасла столицы католическаго міра.

Въ тревогѣ за свою судьбу, папа, окруженный войсками короля, помышлялъ объ отъѣздѣ изъ Рима, и для этой цѣли просилъ помощи прусскаго короля.

Графъ Арнимъ, 7-го октября, телеграфировалъ Бисмарку, что кардиналъ-статсъ-секретарь (Антонелли) обратился къ нему съ вопросомъ, можетъ ли папа разсчитывать на помощь короля относительно безпрепятственнаго отъѣзда. Мысль объ отъѣздѣ, по словамъ Арнима, занимала папу въ виду того, что итальянскія военныя власти въ Римѣ поступали нѣсколько безцеремонно съ папскими дворцами.

Бисмаркъ, по повелѣнію короля, отвѣтилъ графу Арниму (8-го октября) утвердительно. Въ тотъ же день онъ отправилъ телеграмму къ нѣмецкому послу во Флоренціи, графу Брассье, увѣдомлявшую, что король окажетъ поддержку папѣ, въ случаѣ его рѣшенія уѣхать изъ Рима. Къ этому извѣщенію было присоединено слѣдующее „наставленіе" итальянскому правительству:

„Е. в. король убѣжденъ, что̀ свобода и достоинство папы не будутъ уважены итальянскимъ правительствомъ, даже въ томъ случаѣ, если папа, паче чаянія, рѣшится перемѣнить резиденцію. Король поручаетъ вашему с—ву выразить эту надежду. Е. в. не считаетъ сѣверо-германскій союзъ призваннымъ къ насильственному вмѣшательству въ политическія отношенія другихъ государствъ, но считаетъ себя обязаннымъ предъ сѣверо-германскими католиками печись о достоинствѣ и независимости главы католической церкви".

Съ увѣренностью можно предположить, что знаменитый канц-

леръ обнаружилъ свою заботу о папѣ, которому, впрочемъ, не грозило никакой опасности, единственно въ виду начавшихся уже переговоровъ о присоединеніи южно-нѣмецкихъ государствъ къ сѣверу и образованіи имперіи. Предупредить волненіе въ средѣ католическаго населенія Германіи, которое легко могло быть возбуждено зрѣлищемъ папы, покидающаго свою резиденцію или оскорбляемаго итальянскими властями,—было необходимо. Затѣмъ, этотъ шагъ былъ безопасенъ въ виду того, что итальянское правительство, отобравшее у папы его свѣтскую власть, само было заинтересовано всяческимъ обезпеченіемъ „свободы и достоинства" папы, какъ первосвященника. Но ни этотъ шагъ Бисмарка, ни разумное поведеніе итальянскаго правительства—не предрѣшали важнѣйшихъ вопросовъ отношенія новыхъ государствъ къ церкви въ Пруссіи.

Другая имперія, въ данную минуту болѣе свободная въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и не имѣвшая повода опасаться клерикальнаго движенія, уже въ августѣ 1870 года сдѣлала рѣшительный шагъ; именно, австро-венгерское правительство отмѣнило конкордатъ 1855 года, какъ недостаточно ограждающій государство послѣ объявленія догмата непогрѣшимости. Въ Германіи вообще и въ Пруссіи въ частности вопросъ объ установленіи новыхъ отношеній государствъ къ церкви былъ отсроченъ силою событій впредь до окончанія франко-прусской войны и образованія имперіи. Но „конфликтъ", вызвавшій новое церковное законодательство и знаменитый „культуркампфъ", подготовлялся въ теченіе конца 1870 и начала 1871 года. Въ то время какъ нѣмецкія войска сражались во Франціи, въ Германіи епископы, прочее духовенство и клерикалы посвящали свои силы на утвержденіе догмата непогрѣшимости папы и жаркой агитаціи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы.

IV.

Положеніе германскихъ епископовъ, по возвращеніи ихъ изъ Рима, было въ высшей степени затруднительно. Большинство ихъ на соборѣ противилось провозглашенію папской непогрѣшимости; способы, какимъ Пій IX велъ занятія и совѣщанія собора, менѣе всего могли оставить впечатлѣніе, что новый догматъ опредѣленъ свободнымъ убѣжденіемъ собора. Между тѣмъ епископы, возвратившись въ Германію, взялись за дѣятельное примѣненіе новаго начала. При объясненіи этого противорѣчія возможны два пред-

положенія: или что епископы протестовали въ Римѣ, такъ сказать, для видимости, внутренно сочувствуя новому догмату; или что они подчинились рѣшенію собора (которое они не могли признать истиннымъ) во избѣжаніе раскола, столь опаснаго въ условіяхъ XIX вѣка. Къ чести епископовъ мы готовы допустить второе предположеніе. Но и въ этомъ случаѣ чтеніе „пастырскаго посланія", въ коемъ „вѣрные" оповѣщались о новомъ догматѣ (августъ 1870), производитъ тягостное впечатлѣніе. Оно содержитъ въ себѣ рядъ лживыхъ увѣреній, высказанныхъ съ неидущею къ епископскому званію развязностію и, притомъ, явно противорѣчащихъ посланію, составленному въ томъ же мѣстѣ, у той же гробницы св. Бонифація, въ Фульдѣ, и обнародованнаго, какъ мы видѣли, предъ отправленіемъ епископовъ на соборъ.

Посланіе силилось доказать, что соборъ 1870 года былъ настоящій вселенскій соборъ, на которомъ всѣ отцы пользовались полною свободою мнѣній. Несмотря на различіе этихъ мнѣній, столь естественное въ многолюдномъ собраніи, добрые католики должны признать силу постановленій собора, независимо даже отъ того обстоятельства, что всѣ епископы, не согласные съ догматомъ непогрѣшимости, воздержались отъ голосованія въ засѣданіи 18-го іюля. „Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ посланіе,—утвержденіе, что то или другое ученіе собора не содержится въ писаніи и преданіи или противорѣчитъ имъ, несогласно съ началомъ католической церкви и ведетъ къ отдѣленію отъ церкви".

Эта первая и основная „неправда" влекла за собою другія. Посланіе заботливо высчитываетъ ихъ въ видѣ „истинъ", преподаваемыхъ добрымъ католикамъ.

Объявивъ, что соборъ 1870 года былъ соборомъ истиннымъ, посланіе утверждало, что онъ не провозгласилъ никакого новаго ученія, а только разъяснилъ и развилъ старую истину (!); что, затѣмъ, соборное постановленіе, будучи провозглашено въ торжественномъ засѣданіи собора и обнародовано папой, безусловно обязательно для всѣхъ вѣрующихъ. Но верхъ „иллюзіи" содержится въ слѣдующихъ словахъ: „вполнѣ и чистосердечно соглашаясь съ постановленіями собора, предупреждаемъ васъ, какъ отъ Бога поставленные пастыри и учители ваши, и просимъ васъ—изъ любви къ вашимъ душамъ—не слушать противныхъ утвержденій, съ какой бы стороны они до васъ не доходили".

Если припомнить, что 17-го іюля, т.-е. наканунѣ торжественнаго засѣданія собора, въ коемъ объявленъ былъ новый догматъ, тѣ же епископы подали папѣ заявленіе, что они не могутъ измѣнить мнѣнія, высказаннаго ими въ общей конгрегаціи, то это

„полное согласіе“ съ соборомъ, выраженное въ посланіи, представляется изумительнымъ. Съ полнымъ основаніемъ епископы навлекли на себя упрекъ, что они измѣнили свое убѣжденіе въ теченіе одной ночи.

Въ свѣтскомъ обществѣ и въ отношеніи къ свѣтскимъ властямъ человѣкъ можетъ еще подчиняться закону, съ коимъ онъ не согласенъ внутренно, и въ спасительную силу котораго онъ не вѣритъ. Но свѣтскій законъ и опредѣляетъ лишь внѣшнія дѣйствія и отношенія людей; онъ требуетъ наружнаго себѣ подчиненія, но не внутренняго согласія съ его истинностію. Напротивъ, законъ церковный, особенно въ вопросахъ догматическихъ, не можетъ имѣть значенія, если истинѣ, въ немъ выраженной, не вѣрятъ. Поэтому и членъ церкви не можетъ довольствоваться тѣмъ, что достаточно для обязательной силы закона свѣтскаго, а именно: чтобы догматъ былъ „принятъ“ большинствомъ голосовъ и обнародованъ „установленнымъ“ порядкомъ. Но таковъ уже строй католической церкви, принявшей образъ „государства“, что вышеприведенныя соображенія епископовъ „убѣдили добрыхъ католиковъ“ въ томъ, что епископы, не согласившіеся съ догматомъ непогрѣшимости, т. е. не вѣровавшіе въ него вечеромъ 17-го іюля, чистосердечно повѣрили ему утромъ 18-го.

„Пастырское посланіе“ было подписано 17 епископами. Только епископъ роттенбургскій (Гефеле) остался вѣренъ высказанному имъ взгляду. „Въ Роттенбургѣ, также какъ и въ Римѣ,—писалъ онъ (20 ноября),—я не могу скрыть отъ себя, что новому догмату недостаетъ истиннаго, вѣрнаго, библейскаго и обычнаго основанія, и что церкви нанесенъ чрезвычайный вредъ, такъ что она никогда не получала болѣе жестокаго и смертельнаго удара, какъ 18-го іюля 1870. Но мой взоръ слишкомъ слабъ, чтобы въ этой бѣдѣ найти путь къ спасенію, особенно послѣ того какъ почти весь нѣмецкій епископатъ, такъ сказать, въ одну ночь измѣнилъ свое убѣжденіе“,—и замѣтимъ, что епископъ роттенбургскій (Виртембергъ) не только одинъ остался вѣренъ прежнимъ взглядамъ, но и одинъ обнародовалъ постановленіе „собора“ въ формѣ не безусловной и не прибѣгалъ къ принудительнымъ мѣрамъ, чѣмъ и сохранилъ церковный миръ въ Виртембергѣ.

Способность „мѣнять свои убѣжденія въ теченіе ночи“ не перешла, однако, отъ епископовъ къ представителямъ богословской науки. Ученѣйшіе ея представители, собравшись въ Нюрнбергѣ, составили и обнародовали протестъ противъ постановленій quasi-вселенскаго собора 1870 года.

„Мы не можемъ—говорилось въ протестѣ—признать эти поло-

женія объявленіями истинно-вселенскаго собора; мы отвергаемъ ихъ, какъ новое и никогда не признававшееся церковью ученіе". Основаніями протеста являются: 1) отсутствіе свободы въ работахъ и совѣщаніяхъ собора, вслѣдствіе чего значительная часть епископовъ должна была его оставить; 2) нарушеніе соблюдавшагося донынѣ начала, по которому общимъ въ церкви правиломъ признавалось только тò, чтò всегда, вездѣ и всѣми вѣрующими признавалось за таковое; въ соборѣ же 1870 года часть епископовъ, несмотря на стойкое и письменно повторенное возраженіе меньшинства, значительнаго какъ достоинствомъ прелатовъ, такъ и объемомъ ихъ епархій, возвели въ догматъ ученіе, которому недостаетъ трехъ указанныхъ признаковъ ученія вселенскаго; напротивъ, соборъ призналъ откровеннымъ отъ Бога такое ученіе, противуположное которому свободно проповѣдывалось и коему вѣрили во многихъ епархіяхъ; 3) власть папы въ церковныхъ дѣлахъ усилена до такой степени, что апостольская и Богомъ учрежденная власть епископовъ крайне умалена и даже уничтожена; 4) чрезъ объявленіе папской непогрѣшимости объявляются непогрѣшимыми и такія старыя ученія и притязанія папъ, коими провозглашается подчиненіе государствъ, народовъ и государей папѣ даже въ дѣлахъ свѣтскихъ, отвергается терпимость иновѣрцевъ,—а все это противорѣчитъ современному общественному строю.

Протестъ былъ подписанъ, какъ сказано, ученѣйшими богословами Германіи: Дòллингеромъ и Фридрихомъ, мюнхенскими профессорами: Рейнкенсомъ, профессоромъ церковной исторіи въ Бреславлѣ; Михелисомъ, проф. философіи въ Браунсбергѣ; Шульте, проф. каноническаго права въ Прагѣ, и нѣкоторыми другими.

Такъ положено было начало старо-католическому движенію, т.-е. образованію церковныхъ союзовъ, желавшихъ остаться вѣрными тому, что „всегда, вездѣ и всѣми" принималось за католическую истину.

Тѣмъ ревностнѣе взялись „ново-католики", т.-е. сторонники „непогрѣшимости", за служеніе цѣлямъ куріи. Въ клерикальномъ движеніи того времени должно различать двѣ стороны: съ одной стороны, дѣятельность епископовъ, начавшихъ преслѣдованіе противниковъ новаго догмата; съ другой—усиліе клерикальной партіи перенести свою агитацію на политическую почву.

Въ первомъ отношеніи „der verfolgungsüchtige Infallibilismus", какъ назвалъ его епископъ роттенбургскій, выразился въ 1870 году сравнительно слабымъ опытомъ. Архіепископъ

кёльнскій потребовалъ отъ профессоровъ богословскаго факультета боннскаго университета духовнаго чина подписки (реверса) въ признаніи догмата непогрѣшимости. Нѣкоторые изъ нихъ отказались исполнить означенное требованіе и были суспендированы a sacris, причемъ студентамъ было запрещено посѣщать ихъ лекціи. Университетскій сенатъ принесъ жалобу тогдашнему министру исповѣданій, ф. Мюллеру. Послѣдній напомнилъ архіепископу, что онъ преступаетъ границы своей духовной власти, тѣмъ болѣе, что по статуту богословскаго факультета боннскаго университета, утвержденнаго съ согласія церкви, нормою преподаванія является „тридентинское исповѣданіе вѣры“ (professio fidei Tridentina). Статутъ не можетъ быть измѣненъ безъ согласія государства, вслѣдствіе чего означенная мѣра архіепископа представляется противозаконною. Извѣщая о своемъ отвѣтѣ кёльнскому архіепископу университетскій сенатъ, ф. Мюллеръ прибавлялъ, что правительство будетъ твердо охранять права факультета, основанныя на статутѣ.

Клерикальная партія ревностно готовила оружіе для борьбы. Какъ и вездѣ въ эту минуту, общею цѣлью ея стремленій было возстановленіе свѣтской власти папы, который послѣдней только-что лишился. Что въ этомъ состояла одна изъ главныхъ цѣлей клерикальной агитаціи, это доказываетъ адрессъ католическихъ депутатовъ, представленный только-что получившему императорскую корону королю прусскому (18-го февраля 1871 г.).

„Нижеподписавшіеся“ депутаты нижней прусской палаты обратились къ императору и королю съ цѣлью обратить его вниманіе на утѣсненное положеніе св. отца и всей католической церкви. Чуждое (т.-е. итальянское) правительство воспользовалось побѣдами нѣмецкихъ войскъ надъ французами, чтобы въ противность всякому праву учинить католикамъ злѣйшую обиду. „Римъ, ихъ Римъ, послѣдній остатокъ церковной области, занятъ, папа лишенъ своей свѣтской власти, старѣйшая изъ законныхъ властей христіанства уничтожена“. Напомнивъ королю его слова, коими онъ (въ 1867 году) обѣщалъ поддерживать независимость папы, адрессъ продолжалъ: „Всемилостивѣйшій государь! Для папства нѣтъ другой независимости, кромѣ суверенитета; только имъ обезпечивается вполнѣ его достоинство. Папа, лишенный престола, всегда будетъ плѣннымъ или изгнаннымъ папой“... „Да соизволитъ в. в., чтобы однимъ изъ первыхъ дѣлъ императорской мудрости и справедливости былъ великій актъ возстановленія права и свободы католической церкви“.

Какъ императоръ, такъ и его канцлеръ, хорошо понимали,

что для императорской „мудрости и справедливости" предстояло еще много дѣла внутри Германіи, только-что перешагнувшей майнскую линію и обратившейся въ имперію. Предпринимать крестовый походъ для возстановленія свѣтской власти папы было бы, конечно, безуміемъ; это тѣмъ менѣе было бы оправдано націей, что клерикалы, такъ пламенно говорившіе о свѣтской власти папы, являлись столь же горячими противниками той „имперіи", силами которой они хотѣли воспользоваться для изгнанія Виктора-Эммануила изъ Рима. Краткій перечень нѣкоторыхъ фактовъ покажетъ, что клерикальная партія не могла внушить къ себѣ довѣрія вождямъ возстановленной имперіи.

V.

Еще въ 1869 году, клерикальная партія выступила съ очень опредѣленными цѣлями въ странѣ, гдѣ она по составу населенія могла располагать большинствомъ, именно въ Баваріи. Мы видѣли выше, что глава баварскаго кабинета, князь Гогенлоэ, по условіямъ своей страны чутко относившійся къ движеніямъ ультрамонтановъ, обратился къ правительствамъ Европы съ предупрежденіемъ по поводу тревожныхъ слуховъ о задачахъ „вселенскаго собора". Онъ не замедлилъ испытать на себѣ месть клерикаловъ.

Нота Гогенлоэ была написана 9-го апрѣля 1869, а въ маѣ предстояли новые выборы въ ландтагъ. Клерикальная партія воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и, благодаря ея страстной агитаціи, выборы (22-го мая) принесли въ палату значительное клерикальное большинство. Смущенное правительство созвало палату только въ сентябрѣ и вскорѣ принуждено было распустить ее. Новые выборы не поправили дѣла. Клерикалы получили еще бо̀льшее число голосовъ и направили свои силы къ рѣзкому противодѣйствію „пруссофильской" политикѣ министерства. Гогенлоэ вынужденъ былъ подать въ отставку и былъ замѣненъ графомъ Бреемъ-Штейнбургомъ.

Взгляды новаго министра на германскія дѣла отличались отъ взглядовъ его предшественника; но ему суждено было дѣйствовать въ то время, когда вопросъ объ отношеніи южно-нѣмецкихъ государствъ къ сѣверо-германскому союзу былъ предрѣшенъ силою вещей. Министерство принуждено было лавировать между клерикальною оппозиціею и обязанностями, принятыми уже на себя правительствомъ въ отношеніи союза.

Мѣсто не позволяетъ намъ изложить всѣ перипетіи этой

борьбы. Мы остановимся на одномъ—рѣшительномъ ея моментѣ, когда война сѣверо-германскаго союза, съ Франціею была неотвратима, и Баваріи предстояло выполнить обязательства, принятыя на себя по договорамъ 1867 года.

Одинъ изъ „національ-либеральныхъ" депутатовъ въ рейхстагѣ 1871 года, Микель, бросая ретроспективный взглядъ на отношеніе клерикальной партіи въ франко-прусской борьбѣ, представилъ рейхстагу цѣлый „букетъ" статей, напечатанныхъ въ клерикальныхъ газетахъ за нѣсколько дней до начала войны.

„Мы не пойдемъ съ Пруссіею",—восклицаетъ одна изъ этихъ газетъ.—„Если мы будемъ принуждены, вслѣдствіе собственной нашей глупости, пойти съ Пруссіей—это будетъ до перваго ея пораженія. Тогда мы повернемся и, вмѣстѣ съ французами, ударимъ на Пруссію; тогда настанетъ время гибели Богомъ проклятой державы Гогенцоллерновъ".

Въ этомъ духѣ писали газеты „Volksbote", „Vaterland", „Postzeitung" и „Süddeutsche Presse". Конечно, значеніе „букета", собраннаго Микелемъ, не безусловно. Нельзя ставить яростныхъ статей нѣкоторыхъ органовъ печати на счетъ цѣлой партіи; нельзя не принять въ разсчетъ и не менѣе яростныхъ статей „національ - либеральныхъ" органовъ, вызывавшихъ отповѣди клерикаловъ. Но настроеніе послѣднихъ выражалось въ болѣе серьезныхъ симптомахъ: въ поведеніи клерикальныхъ депутатовъ въ нижней палатѣ баварскаго ландтага.

Уже въ 1867 году баварское правительство, равно какъ и другія южно - германскія государства заключили съ Пруссіею оборонительные договоры (Schutz-und-Trnz-Bündnisse). Каждая изъ договаривающихся сторонъ обѣщалась хранить цѣлость территоріи своего союзника и, въ случаѣ внѣшней войны, предоставлять въ его распоряженіе военныя силы; верховное начальствованіе надъ арміею предоставлялось прусскому королю. Но, конечно, каждая изъ сторонъ оставляла за собою право обсудить, представляетъ ли каждый случай casus foederis. Послѣ объявленія Франціею войны Пруссіи, баварское правительство, поддерживаемое массою народонаселенія, тотчасъ признало casus foederis. Но въ палатѣ, отъ которой правительство потребовало чрезвычайнаго кредита въ 26 милліоновъ гульденовъ, оппозиція, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ клерикаловъ, выступила противъ союза съ Пруссіею. Палатская коммиссія, составлявшая докладъ относительно кредита, большинствомъ 7-ми голосовъ противъ 2-хъ, предложила отвергнуть требованія правительства и (большинствомъ 6 противъ 3) постановила требовать вооруженнаго нейтралитета.

Идея вооруженнаго нейтралитета съ особенною энергіею поддерживалась клерикальнымъ депутатомъ Іэргомъ, доказывавшимъ, что франко-прусское столкновеніе коренится исключительно въ династическихъ интересахъ Гогенцоллерновъ и не имѣетъ ничего общаго съ интересами Германіи. Другой клерикальный депутатъ, Зигль, требовалъ союза съ Франціею.

Оппозиція не выражала уже общественнаго настроенія. Вся Германія была наэлектризована въ пользу войны. Народное настроеніе отразилось во множествѣ адресовъ королю и въ шумныхъ сходкахъ; толпы народа окружали зданіе палатъ, гдѣ оппозиція продолжала „отвергать" союзъ съ Пруссіею. Но независимо отъ національнаго возбужденія въ массахъ, которому невозможно было противиться, простой *государственный* разсчетъ не дозволялъ баварскому правительству сложить оружіе предъ оппозиціею. Соединившись съ Франціею, Баварія, даже въ случаѣ побѣды Наполеона III, пріобрѣла бы только номинальную самостоятельность съ фактическою зависимостью отъ императора французовъ, какъ это было во времена Наполеона I. Въ случаѣ побѣды Пруссіи, она была бы введена въ нѣмецкій союзъ въ качествѣ завоеванной провинціи. Напротивъ, сражаясь подлѣ Пруссіи, Баварія могла разсчитывать на почетное мѣсто въ будущей имперіи. „Вооруженный нейтралитетъ", мысль о которомъ занимала даже баварское министерство, сразу обратился въ мечту. Само французское правительство разрушило эту иллюзію, объявивъ, что оно готово признать нейтралитетъ Баваріи, *подъ условіемъ свободнаго пропуска своихъ войскъ чрезъ баварскую территорію.*

Тѣмъ не менѣе предложеніе коммиссіи о нейтралитетѣ было отвергнуто въ палатѣ только слабымъ большинствомъ 89 противъ 58 голосовъ. Послѣ этой „побѣды" министерства кредитъ на военныя издержки былъ утвержденъ 101 голосомъ противъ 47.

Необыкновенные успѣхи нѣмецкихъ войскъ имѣли своимъ послѣдствіемъ нетолько разгромъ Франціи, но и обращеніе сѣверогерманскаго союза въ имперію, въ составъ которой вступили и за-майнскія, т.-е. южно-нѣмецкія государства. Переговоры о вступленіи послѣднихъ въ союзъ начались, какъ извѣстно, тотчасъ послѣ седанской катастрофы, т.-е. въ сентябрѣ 1870 года. Ходъ и исходъ этихъ переговоровъ въ Баваріи былъ особенно поучителенъ. Въ то время, какъ баварскій король съ жаромъ отдался мысли возстановленія имперіи, клерикальная оппозиція съ неменьшимъ жаромъ противодѣйствовала вступленію Баваріи въ союзъ, несмотря на то, что правительство выговорило въ

пользу этой державы разныя преимущества, которыхъ не получили другія нѣмецкія государства.

Договоры съ тремя другими южными государствами были уже утверждены и мѣстными ландтагами, и союзнымъ рейхстагомъ; баварское правительство рѣшилось на свой страхъ ратифицировать договоръ, не дожидаясь исхода преній въ ландтагѣ; новая имперская конституція была обнародована 31-го декабря 1870 г. [1]); съ 1-го января сѣверо-германскій союзъ получилъ названіе имперіи; 18-го января, въ Версали состоялось торжественное провозглашеніе Вильгельма I германскимъ императоромъ— словомъ, событія шли своимъ неумолимымъ ходомъ, а клерикальная оппозиція все еще боролась противъ баварскаго договора.

Исходъ палатской борьбы былъ сомнителенъ. Договоръ съ союзомъ во многихъ отношеніяхъ измѣнялъ баварскую конституцію; а для такихъ измѣненій требуется, по основнымъ законамъ Баваріи, большинство двухъ третей голосовъ. Оппозиція въ нижней палатѣ рѣшилась воспользоваться своимъ положеніемъ. Ревность клерикаловъ усиливалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что король, пользуясь своимъ правомъ, отказалъ въ placet на обнародованіе постановленія „собора" о папской непогрѣшимости. Въ коммиссіи, которой поручено было составить докладъ по договору, изъ 15 членовъ только 3 высказались за его принятіе. Большинство, съ депутатомъ Іэргомъ во главѣ, готовилось къ рѣшительной битвѣ въ палатѣ.

При оцѣнкѣ заявленій и дѣйствій этой партіи слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, быть очень осторожнымъ. Трудно провести границу между церковными цѣлями съ одной и партикуляристическими стремленіями, ею руководившими, съ другой стороны. Нельзя объяснять дѣйствія оппозиціи однѣми клерикальными цѣлями, не принимая въ разсчетъ вполнѣ искренней привязанности къ мѣстной независимости страны, долженствовавшей обратиться въ часть обширнаго союза, въ коемъ гегемонія принадлежала Пруссіи.

Партикуляризмъ въ Германіи вообще и въ южно-германскихъ государствахъ въ особенности имѣетъ свое сильное историческое оправданіе. Не обращаясь къ другимъ аргументамъ, достаточно указать на тотъ фактъ, что все умственное и духовное развитіе Германіи въ XIX ст. обусловливалось политическою независимостью отдѣльныхъ ея частей. Сокровища философіи, знанія, искусствъ—были пріобрѣтены Германіею въ условіяхъ мѣст-

---

[1]) Окончательный текстъ ея, принятый императорскимъ рейхстагомъ, былъ обнародованъ 16-го апрѣля 1871 г.

ной независимости. Самое чувство свободы долгое время находило себѣ удовлетвореніе не въ внѣшнемъ и военномъ „могуществѣ“ крѣпко спаянной имперіи, а въ разнообразіи мѣстныхъ политическихъ учрежденій.

Конечнымъ результатомъ духовно-умственнаго развитія Германіи явились, правда, такъ называемыя объединительныя стремленія (Einheitsbestrebungen). Но практическое выраженіе этихъ „Einheitsbestrebungen“, въ формѣ, данной имъ кн. Бисмаркомъ, далеко не соотвѣтствовало идеалу, носившемуся въ умахъ лучшихъ людей Германіи въ теченіе полувѣка. Характеристическою чертою этой формы является гегемонія одной нѣмецкой и притомъ военной страны. Она поглотила часть прежде самостоятельныхъ государствъ и подчинила себѣ, въ большей или меньшей степени—другія.

Здѣсь не мѣсто разсматривать, могло ли объединеніе Германіи совершиться инымъ путемъ; но указаннаго достаточно, чтобы признать полную искренность „партикуляристическихъ“ чувствъ и не относить партикуляристовъ безусловно къ „измѣнническимъ“ партіямъ, какъ это дѣлалось въ берлинскомъ рейхстагѣ. Во всякомъ случаѣ, возможно понять чувства и точку зрѣнія партіи, выражавшей свои взгляды устами Іэрга.

„Да, господа,—говорилъ онъ,—еще немного времени, и вы подадите голоса о великомъ дѣлѣ и въ особенности о самихъ себѣ... На мнѣ лежитъ печальная задача закончить въ этой палатѣ пятидесятилѣтній періодъ государственной жизни Баваріи; я имѣлъ грустное назначеніе быть въ этой палатѣ послѣднимъ ораторомъ, полноправно возвышающимъ свой голосъ на основаніи нашей конституціи: ибо, господа, мы погребаемъ великаго покойника, и мои бѣдныя слова обратятся въ надгробную рѣчь. Баварское народное представительство, полноправное по силѣ конституціи, сойдетъ въ могилу, и мѣсто его займетъ провинціальное представительство Баваріи“.

Это начало рѣчи открываетъ намъ глубокую драму, происходившую въ душѣ оратора небольшой партіи,—драму, незамѣтную наряду со „всемірно-историческими событіями“, совершившимися на поляхъ Франціи, но которую не можетъ обойти безпристрастный историкъ.

Упорство, обнаруженное партіею Іэрга при обсужденіи договора, объясняется не только „клерикализмомъ“ и боязнью протестантской имперіи, но и нежеланіемъ „хоронить великаго покойника“. Министры и ораторы правительственной партіи сами говорили больше о необходимости утверждать договоры, чѣмъ

о вступленіи въ новый союзъ. „Необходимость" поддержала побѣду, хотя и не блестящую: 21-го января пренія были закончены, и договоры приняты 102 голосами противъ 48, чтó едва составило требуемыя $^2/_3$.

VI.

Распря въ баварской палатѣ предсказывала, гдѣ князь Бисмаркъ, въ данную минуту, долженъ искать „враговъ имперіи". Въ самой Пруссіи „врагъ" организовалъ свои силы и выступилъ съ извѣстною постепенностію, не зависѣвшею, впрочемъ, отъ его желаній. Клерикальная партія не могла еще проявить себя въ союзномъ рейхстагѣ. Въ предвидѣніи важныхъ перемѣнъ въ союзномъ устройствѣ, кн. Бисмаркъ успѣлъ провести въ рейхстагѣ законъ о продленіи депутатскихъ полномочій свыше срока, положеннаго конституціей.

Срокъ полномочій рейхстага, избраннаго въ 1867 году, истекалъ 31-го августа 1870. Но его численный составъ и соотношеніе партій были слишкомъ благопріятны кн. Бисмарку, чтобы онъ отказался отъ услугъ такой палаты и предоставилъ организацію виднѣвшейся уже имперіи новому представительству. Гдѣ нашелъ бы онъ такую дружную національ-либеральную партію, какъ та, на которую онъ въ данную минуту опирался?

Рейхстагъ, созванный въ чрезвычайную сессію по случаю начала франко-прусской войны, вотировавъ необходимые кредиты, вмѣстѣ съ тѣмъ (21-го іюля), продлилъ свои полномочія до 31-го декабря 1870 года, не безъ рѣшительныхъ; хотя и одиночныхъ протестовъ. Во всякомъ случаѣ, клерикальная партія не могла пока испытать своихъ силъ на поприщѣ общегерманскихъ выборовъ. Но она попробовала ихъ во время выборовъ въ нижнюю палату прусскаго ландтага. Наэлектризованное новѣйшими событіями въ Италіи, католическое населеніе въ Силезіи, Вестфаліи и рейнскихъ провинціяхъ поддерживалось агитаціею, дѣйствовавшей всякими способами и имѣвшей цѣлію образовать въ ландтагѣ особую партію, которая служила бы ультрамонтанскимъ интересамъ.

Нельзя не замѣтить, что въ Пруссіи клерикализмъ выступилъ въ чистомъ своемъ видѣ. Интересы католичества (за исключеніемъ Познани) не сливались здѣсь съ интересами особой народности или государственности, какъ въ Баваріи. Связь между клерикалами и такими „ганноверскими" партикуляристами, какъ извѣстный Виндгорстъ, является связью внѣшнею, договорною,

такъ-сказать, но не органическою. Опытъ показалъ, что прусскіе клерикалы заключаютъ „союзы“ не только съ партикуляристами, но и съ соціалистами, религіозныя убѣжденія которыхъ не совпадаютъ съ ученіями „силлабуса“ и догматомъ непогрѣшимости папы. Выступая въ качествѣ чисто церковной партіи, прусскіе клерикалы должны были потребовать отъ кандидатовъ въ ландтагъ особенныхъ законовъ „церковности“. Недостаточно было принадлежать къ искренно вѣрующимъ и испытаннымъ католикамъ, для того чтобы получить поддержку этой партіи; нужно было сдѣлаться ревностнымъ защитникомъ постановленій собора 1870 г., громко говорить о походѣ въ Римъ для освобожденія папы и о завоеваніи для католической церкви полной „свободы“, смыслъ которой не замедлилъ раскрыться.

Вслѣдствіе этого кандидатуры многихъ испытанныхъ католиковъ, долго пользовавшихся депутатскими полномочіями, были устранены. Выборы пали на фанастическихъ сторонниковъ силлабуса и свѣтской власти папы; новые депутаты образовали сильную парламентскую фракцію изъ 50 слишкомъ депутатовъ.

Успѣхъ новой партіи былъ неожиданностію для національ-либераловъ и правительства, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ одной оффиціозной газеты:

„Подлѣ собственно политическихъ партій, на послѣднихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, именно: въ Силезіи, Вестфаліи и Рейнской провинціи, католическое населеніе выступило болѣе замкнуто, чѣмъ прежде. Вѣроятно оно было побуждено къ тому важными событіями, коснувшимися католической церкви въ лицѣ ея главы. Католическое населеніе, подъ впечатлѣніемъ этихъ обстоятельствъ, считало болѣе важнымъ, чѣмъ когда-либо прежде, быть представленнымъ рѣшительными католическими депутатами, вслѣдствіе чего число послѣднихъ почти удвоилось“.

Такъ выступила, въ первый разъ, партія пока анонимная, но принявшая вслѣдъ затѣмъ названіе центра, въ отличіе отъ политическихъ партій. Въ февралѣ 1871 года, она представила императору Вильгельму приведенный выше адрессъ о возстановленіи свѣтской власти папы.

„Центръ“ не проникъ пока въ рейхстагъ, полномочія котораго были, какъ мы видѣли, продолжены до 31-го декабря 1870. Обсужденіе договоровъ съ южно-нѣмецкими государствами и принятіе ихъ въ составъ союза были рѣшены старымъ рейхстагомъ. Только нѣкоторые члены „центра“, бывшіе уже депутатами рейхстага, въ томъ числѣ и Виндгорстъ, имѣли случай высказаться противъ принятія договоровъ.

Рѣчь будущаго вождя „центра“ производитъ тягостное впечатлѣніе. Въ рѣчахъ Іэрга и другихъ баварскихъ католиковъ слышится искренній голосъ отчаянія изъ-за проиграннаго, но для нихъ святого дѣла. Они насквозь проникнуты духомъ „баварскаго п артикуляризма“ съ его католическою подкладкой; въ нихъ чувствуется полное тождество человѣка съ словомъ. Напротивъ, ловкая и даже игривая рѣчь Виндгорста [1]) производитъ впечатлѣніе маневра, имѣющаго въ виду цѣль, которой ораторъ не высказываетъ, но ради которой онъ прибѣгаетъ къ аргументамъ, вовсе не согласнымъ съ его міросозерцаніемъ. По справедливому замѣчанію Ласкера [2]), онъ хотѣлъ сказать что-нибудь пріятное каждой изъ партій рейхстага. Точнѣе сказать, онъ хотѣлъ показать несостоятельность договоровъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, пріятныхъ отдѣльнымъ партіямъ.

Маневръ не удался; большинство было заранѣе обезпечено правительству, и договоры были, какъ мы видѣли, приняты рейхстагомъ.

Но послѣ заключенія мира съ Франціей, предстояло созвать новый рейхстагъ, чтобы подвести итоги всѣмъ измѣненіямъ и пріобрѣтеніямъ имперіи. Въ томъ числѣ предстояло окончательно редактировать имперскую конституцію. Сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, проявилъ себя центръ во время выборной агитаціи. Число голосовъ, имъ пріобрѣтенныхъ, было внушительно. Численное соотношеніе партій представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Національ-либераловъ	116
Центръ	57
Консерваторовъ	50
Прогрессистовъ	44
„Имперской партіи“	38
Свободной имперской партіи	29
Поляковъ	13
Соціалистовъ	2
Неопредѣленныхъ	отъ 25 до 30.

Такимъ образомъ, абсолютно-многочисленнѣйшею послѣ національ-либеральной партіи явилась партія центра. Программа ея опредѣлилась съ первыхъ же дней открытія рейхстага (21 марта 1871 г.), и ближайшимъ образомъ по поводу преній объ отвѣтномъ адрессѣ на тронную рѣчь.

Въ послѣдней императоръ возвѣщалъ, между прочимъ, что „новая Германія, вышедшая изъ огненнаго испытанія послѣдней

[1]) Ср. Гольцендорфъ и Бецольдъ, „Materialien der deutschen Reichsverfassung“, III, 154 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 164 и слѣд.

войны, будетъ опорою европейскаго мира", и что „уваженіе, котораго она требуетъ къ своей самостоятельности, охотно воздается ею независимости другихъ государствъ и народовъ, какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ".

Другими словами, имперія заранѣе отреклась отъ той, печальной памяти, политики вмѣшательствъ во внутреннія дѣла другихъ странъ, которая (чтобы не заходить далеко) такъ вредно отозвалась на судьбѣ Австріи.

„Центръ" понялъ, что слова тронной рѣчи косвенно отнимаютъ у него надежду на „вмѣшательство" новой имперіи въ итальянскія дѣла въ пользу папы. Напротивъ, большинство рейхстага горячо стало на сторону этого заявленія и выразило въ отвѣтномъ адрессѣ надежду, что „дни вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ не возвратятся ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какой формѣ".

Необходимость такого заявленія была мотивирована однимъ изъ вождей національ - либеральной партіи, Бенигсеномъ, тѣмъ соображеніемъ, что при возстановленіи германской имперіи необходимо устранить всякія ложныя представленія, соединенныя со словами „имперія и императоръ", и предохранить Германію отъ вредной политики давно минувшихъ дней.

„Съ словами: имперія и императоръ (Kaiser und Reich) — говоритъ Бенигсенъ — соединяются воспоминанія о великихъ и опасныхъ распряхъ, которыя вели нѣмецкіе императоры не какъ императоры Германіи, но какъ императоры, притязавшіе на наслѣдіе римскаго императорства, распри съ римскою церковью и Италіей. Господа! Наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы заранѣе не оставить въ Германіи никакого сомнѣнія въ нашемъ народѣ, что подавляющее большинство народа и народныхъ представителей, вмѣстѣ съ императорскимъ правительствомъ, далеки отъ мысли повторять старыя ошибки нѣмецко-итальянской, нѣмецко-церковной политики".

Но „центръ" хотѣлъ, какъ мы видѣли, именно „нѣмецко-итальянской" политики, если не въ формѣ немедленнаго вмѣшательства въ пользу папы, то въ видѣ настойчиваго „обмѣна мыслей", изъ котораго послѣдовало бы вмѣшательство. Адрессъ былъ принятъ большинствомъ 243 противъ 63 голосовъ.

Проигравъ въ первой стычкѣ, центръ далъ либеральнымъ и „имперскимъ" партіямъ генеральное сраженіе по вопросу, на которомъ здѣсь полезно остановить вниманіе читателя.

Число предметовъ, предоставленныхъ законодательнымъ опредѣленіямъ союзной власти, въ послѣднее время увеличилось

двумя: именно во 2-ю ст. союзной конституціи былъ введенъ новый, 16-ый пунктъ, постановлявшій, что вѣдомство имперской власти простирается на печать и ассоціацію (Bestimmungen über die Presse und Vereinswesen).

„Центръ", предусматривавшій, что имперская власть, вооруженная этими новыми правами, можетъ стать на дорогѣ къ безпрепятственному осуществленію притязаній католической церкви, рѣшился заранѣе связать ее введеніемъ въ конституцію извѣстныхъ „основныхъ правъ" (Grundrechte) германскаго народа. Заботливость его объяснялась серьезными практическими соображеніями. Главнымъ „театромъ" борьбы должна была сдѣлаться Пруссія, какъ обширнѣйшее и могущественнѣйшее государство союза, поставленное, притомъ, во главѣ имперіи. Между тѣмъ прусская конституція 1850, подъ вліяніемъ идей и событій 1848, обезпечивала католической церкви такую свободу, какой она не имѣла въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, даже католическихъ. Особеннаго вниманія заслуживала, въ этомъ отношеніи, знаменитая 15-я статья, постановлявшая, что:

„Евангелическая и римско-католическая церкви, равно какъ и другіе церковные союзы, распоряжаются и завѣдують своими дѣлами самостоятельно и продолжаютъ владѣть и пользоваться учрежденіями, заведеніями и имуществами, предназначенными для ихъ богослужебныхъ, учебныхъ и благотворительныхъ цѣлей".

Партія „центра" предвидѣла, что эта и подобныя ей статьи прусской конституціи могутъ быть обойдены и косвенно отмѣнены путемъ „имперскихъ законовъ". Напротивъ, введя въ имперскую конституцію извѣстныя основныя права, центръ достигъ бы двоякой цѣли: онъ связалъ бы имперскую власть во всякихъ попыткахъ ограничить „свободу" католической церкви; онъ связалъ бы и прусскій ландтагъ, если бы онъ, въ разгарѣ борьбы, вздумалъ измѣнить статьи прусской конституціи.

Эти „пружины" достаточно объясняютъ, почему передовой отрядъ римской куріи внесъ предложенія, діаметрально противоположныя ученіямъ „силлабуса", въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимало правило, что „государственная свобода всѣхъ исповѣданій и всѣмъ обезпеченная свобода обнародовать свои мнѣнія и взгляды ведетъ къ порчѣ умовъ и нравовъ и распространенію заразы индифферентизма".

Не опасаясь впасть въ противорѣчіе съ этимъ „вселенскимъ" ученіемъ, депутатъ Рейхеншпергеръ съ товарищами внесъ предложеніе включить въ имперскую конституцію статьи, обезпечивающія свободу печати, ассоціацій и сходокъ, совѣсти и церкви.

Главное значеніе для центра имѣли, конечно, двѣ послѣднія статьи, изъ коихъ одна провозглашала равную для всѣхъ свободу исповѣданій, а другая—право самостоятельнаго завѣдыванія церквами своихъ дѣлъ: обѣ статьи были буквальнымъ воспроизведеніемъ 12 и 15 ст. прусской конституціи. Рейхеншпергеръ краснорѣчиво и пространно мотивировалъ свое предложеніе необходимостью обезпечить внутренній миръ въ Германіи. Этотъ миръ—говорилъ онъ—не можетъ быть обезпеченъ иначе, какъ путемъ свободы. Старая нѣмецкая имперія погибла отъ церковной борьбы XVI в. Новая имперія должна воспользоваться этимъ урокомъ и воспринять прусскіе законы объ отношеніяхъ государствъ къ церкви, имѣвшіе уже благотворное вліяніе на церковно-политическія отношенія въ этой странѣ.

Главное мѣсто въ борьбѣ съ „центромъ" занялъ знаменитый гейдельбергскій профессоръ Трейчке, въ первый разъ занявшій мѣсто въ первомъ имперскомъ парламентѣ, въ числѣ депутатовъ отъ Бадена. Съ большимъ искусствомъ раскрылъ онъ односторонность мотивовъ предложенія Рейхеншпергера, отразившуюся и на объемѣ тѣхъ „правъ", которыя предполагалось обезпечить нѣмецкому народу [1]).

„Г-нъ Рейхеншпергеръ и его друзья,—говорилъ Трейчке,—выдавая намъ эти несчастныя 6 статей, какъ основныя права германскаго народа, даютъ послѣднему камень вмѣсто хлѣба. (Шумное одобреніе.) Это ли magna charta нѣмецкаго народа, это ли „Rechts der Deutschheit", о которыхъ говорилъ баронъ Штейнъ на вѣнскомъ конгрессѣ?.. Почему выбрали вы изъ прусской конституціи именно эти немногія статьи? Почему недостаетъ въ вашихъ основныхъ правахъ статьи [2]), которая—по крайней мѣрѣ, мнѣ очень дорога: наука и ея преподаваніе свободны? (Шумное одобреніе.) Вотъ начало, введеніе котораго въ факультеты католическаго богословія было бы благодѣтельно. (Одобреніе.) Почему не предложили вы статьи (19), постановляющей о введеніи гражданскаго брака"? (Шумное одобреніе.)

Разсматривая, затѣмъ, предложенныя статьи въ отдѣльности, Трейчке указалъ, что первыя четыре, трактующія о свободѣ печати, сходкахъ и ассоціаціи, безполезны; послѣднія двѣ, касающіяся церкви, противорѣчатъ конституціи и вредны.

Начало свободы печати, сходокъ и ассоціацій настолько обезпечено мѣстными законами и такъ вошло въ нравы, что опасаться

---

[1]) Bezold, III, 905 и слѣд.

[2]) 20 ст. прусск. конст.

какого-либо для нихъ ущерба, со стороны имперской власти, нѣтъ основанія. Иначе ставится вопросъ о двухъ послѣднихъ статьяхъ. Во-первыхъ, 16 п. 4 ст. конституціи не даетъ основанія вносить предложенія о церковныхъ дѣлахъ; онъ говоритъ о печати и союзахъ, а церкви не могутъ быть отнесены къ „ферейнамъ". Авторамъ предложенія слѣдовало бы сначала представить о прибавкѣ къ 4 ст. новаго 17 пункта, распространяющаго компетенцію союзной власти на церковныя дѣла. Затѣмъ, по содержанію своему, церковно-политическія статьи проекта представляются опасными для Германіи и именно для мелкихъ государствъ.

Въ самой Пруссіи, неопредѣленность знаменитой 15 статьи повела къ тому, что въ этой странѣ нѣтъ твердо установившагося церковнаго права; пререканія возникаютъ при каждомъ удобномъ случаѣ и показываютъ, что нельзя разрѣшить важный вопросъ объ отношеніи государствъ къ церкви въ четырехъ строкахъ. Ст. 15 явилась, какъ говорилъ Трейчке, плодомъ нѣкотораго политическаго дилеттантизма и двоякаго теченія: радикализма, полагающаго, что можно относиться къ церкви, по американскому образцу, какъ къ шахматному клубу, и клерикализма, стремящагося, по бельгійскому образцу, дать церкви привилегированное положеніе и поставить ее рядомъ съ государствомъ. Возможно ли распространять это неопредѣленное положеніе на всѣ германскія государства, особенно въ такую минуту, когда въ самой католической церкви произошли важныя перемѣны? Прочія государства Германіи обладаютъ еще законами, дающими имъ средства охранять свѣтскіе интересы. Законодательства нѣкоторыхъ государствъ составлены даже въ узко-протестантскомъ духѣ.

„Я думаю, — говорилъ Трейчке,—что такія постановленія, рано или поздно, падутъ у свободныхъ народовъ; но я не думаю, чтобы позволительно было, завтра-же, каждому епископу дѣйствовать въ противность законамъ страны... Я прошу васъ, господа, ради вѣроисповѣднаго мира, не давайте каждому нѣмецкому епископу возможности играть роль мятежника въ отношеніи къ своему правительству".

Рѣчь Трейчке содержала въ себѣ аргументы настолько вѣскіе, что усилія краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ центра—Виндгорста, Кетелера, Малинкродта, и друг.,—не могли поколебать ихъ, хотя въ ихъ рѣчахъ было много способнаго подкупить многихъ членовъ либеральной партіи, если бы они были новичками въ политическихъ дѣлахъ. Краснорѣчивъ былъ Виндгорстъ, доказывая, что теоріи его противниковъ ведутъ къ всемогуществу государства (что̀, во

многихъ отношеніяхъ, справедливо). „Государство — восклицалъ Виндгорстъ—есть хранитель существующаго права, но не единственный его творецъ. Мы должны стойко держаться этого начала, если не хотимъ придти въ несчастнѣйшее положеніе, когда государство все поглощаетъ: личность, всѣ условія индивидуальнаго развитія и личной свободы, даже собственность; ибо, въ конечномъ итогѣ, ученія соціализма и коммунизма коренятся въ этомъ предполагаемомъ всемогуществѣ государства“ [1]).

Такія рѣчи могли бы произвести сильное впечатлѣніе въ устахъ Милля или Брайта; но въ устахъ адвоката церкви, весьма причастной „къ поглощенію личности и всѣхъ условій индивидуальнаго развитія“, они не могли внушать довѣрія. Наиболѣе убійственнымъ аргументомъ противъ предложенія Рейхеншпергера явилось, повидимому, сопоставленіе его съ папскою аллокуціею 22-го іюня 1868 года, сдѣланное баварскимъ депутатомъ Шенкомъ-фонъ-Штауфенбергомъ [2]).

Аллокуція 22 іюня 1868 г. была произнесена по поводу основныхъ законовъ Австріи (21 декабря 1867 г.), въ коихъ подданнымъ обезпечивалось какъ-разъ то, о чемъ хлопоталъ центръ. Но чрезъ это католическая черковь лишалась въ Австріи господствующаго положенія, обезпеченнаго ей конкордатомъ 1855 г. Вслѣдствіе этого папа распространился объ австрійскихъ законахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Декабря 21 прошлаго года австрійское правительство обнародовало неслыханный законъ (infanda lex), какъ основной законъ, долженствующій имѣть силу во всѣхъ, даже исключительно католическихъ, земляхъ имперіи. Этимъ признается полная свобода мнѣній, печати, вѣры, совѣсти и науки; всѣмъ гражданамъ дано право основывать воспитательныя и учебныя заведенія; всѣ религіозныя общества уравнены въ правахъ и признаны государствомъ“... Въ заключеніе говорится: „Того ради, въ силу возложеннаго на насъ Господомъ Іисусомъ верховнаго попеченія о всѣхъ церквахъ, подымаемъ нашъ апостольскій голосъ въ этомъ достопочтенномъ собраніи, отвергаемъ и осуждаемъ, въ силу нашей апостольской власти, упомянутые законы, а равно все вообще и въ отдѣльности, что въ томъ или другомъ, относящемся къ дѣламъ католической церкви, будетъ предписано, сдѣлано или предпринято австрійскимъ правительствомъ, и объявляемъ, въ силу

[1]) Bezold, III, 935.
[2]) Тамъ же, 976 и слѣд.

упомянутой власти нашей, что названные декреты, со всѣми ихъ послѣдствіями, ничтожны, лишены и будутъ лишены силы".

Такія „цитаты" предвозвѣщали, какой характеръ получитъ „свобода церкви" въ Германіи, въ условіяхъ предложенія Рейхеншпергера. Оно было отвергнуто большинствомъ 223 гол. пр. 59. Но епископы уже поспѣшили повѣдать, какое употребленіе они сдѣлали бы изъ правила 15 ст. прусской конституціи, что церковь „ordnet und verwaltet ihre Angelegenheiten selbsständig,—если бы это правило было распространено на всю имперію.

VII.

Въ минуту общаго раздраженія партій, когда всѣ одинаково видятъ неизбѣжность борьбы и втайнѣ желаютъ ея, весьма трудно опредѣлить, кто началъ борьбу. Опредѣлить это такъ же трудно, какъ и то, кто сдѣлалъ классическій „первый выстрѣлъ", когда долго подготовлявшееся революціонное движеніе разрѣшается, наконецъ, уличной схваткой.

Можно, однако, съ нѣкоторымъ основаніемъ сказать, что въ данномъ случаѣ первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ католическою церковью и раздался въ странѣ, гдѣ церковныя страсти издавна играли большую роль—въ Баваріи. Здѣсь католическая оппозиція въ ландтагѣ была настолько сильна, что долго задерживала принятіе договора съ имперіей; здѣсь же, съ другой стороны, находились ученѣйшіе и вліятельнѣйшіе противники догмата непогрѣшимости папы, Дöллингеръ, Фридрихъ и другіе основатели „старо-католическаго" союза. Здѣсь, слѣдовательно, опасность церковнаго „раскола" чувствовалась особенно живо. Извѣстный намъ протестъ профессоровъ указывалъ на ея близость. „Старокатолики" имѣли и внѣшнюю точку опоры въ томъ, что король еще не далъ своего placet на обнародованіе ватиканскаго догмата.

При этихъ условіяхъ, церковная „іерархія" рѣшилась прибѣгнуть къ „устраненію", и на первый разъ направила свое оружіе не на высшія сферы оппозиціи, а на сравнительно слабѣйшихъ противниковъ. Именно, 19 марта 1871, Ренфтле, приходскій священникъ въ Мерингѣ, отказывавшійся принять догматъ, былъ отлученъ отъ церкви; для исправленія его должности былъ назначенъ викарій. Министерство графа Брея дѣйствовало нерѣшительно, хотя и не признавало юридической силы отлученія. Но прихожане Ренфтле, питавшіе къ нему глубокое уваженіе, дали

рѣшительный отпоръ и епископу, и назначенному имъ викарію, и Ренфтле остался въ своемъ приходѣ.

Отлученіе малоизвѣстнаго священника было только пробнымъ выстрѣломъ, въ дѣйствительности направленнымъ противъ вождей оппозиціи, Дöллингера и Фридриха. Первый получилъ отъ мюнхенскаго епископа два, написанныя въ угрожающемъ тонѣ, приглашенія дать объясненіе о своемъ отношеніи къ новому догмату. Дöллингеръ отправилъ епископу свой отвѣтъ 28 марта и напечаталъ его; знаменитый ученый объявлялъ, что, „какъ христіанинъ, какъ богословъ, какъ историкъ и какъ гражданинъ", онъ не можетъ принять новаго ватиканскаго ученія; пусть—говорилъ онъ—будетъ созванъ соборъ нѣмецкихъ епископовъ, или, по крайней мѣрѣ, образована коммиссія изъ членовъ мюнхенскаго капитула; онъ готовъ подтвердить свой взглядъ новыми доказательствами и выслушать ихъ опроверженія. „Если—заключалъ онъ—меня убѣдятъ свидѣтельствами и фактами, то я обязуюсь публично отречься отъ написаннаго мною по этому предмету и опровергнуть самъ себя".

Архіепископъ мюнхенскій ограничился пока пастырскимъ посланіемъ (2 апрѣля), предостерегавшимъ „вѣрныхъ" отъ заблужденій Дöллингера. Но въ посланіи заключалось нѣкоторое предостереженіе и послѣднему.

Записка Дöллингера—говорилось въ посланіи—обращаетъ предположеніе, что авторъ ея есть духовный глава анти-ватиканской оппозиціи,—въ полную вѣроятность. Во всякомъ случаѣ, это гласное дѣйствіе человѣка, до-нынѣ заслуженнаго въ церкви и высокопоставленнаго въ государствѣ, имѣетъ видъ настоящаго мятежа противъ католической церкви.

Мюнхенскій университетъ немедленно (3 апрѣля) отвѣтилъ на посланіе сочувственнымъ Дöллингеру адрессомъ и впослѣдствіи избралъ его своимъ ректоромъ. Сигналъ, данный мюнхенскими богословами, привелъ въ движеніе и значительную часть католиковъ. 10 апрѣля, на многолюдномъ собраніи, было рѣшено представить королю адресъ съ просьбою энергически противодѣйствовать обнародованію догмата, не получившаго еще королевскаго placet. Адрессъ вызвалъ новое „пастырское посланіе" архіепископа, которому на этотъ разъ отвѣтилъ комитетъ, учрежденный постановленіемъ собранія 10 апрѣля. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ былъ вотированъ адрессъ королю, покрытый болѣе чѣмъ 12.000 подписей (5 мая). Но адрессъ былъ представленъ уже послѣ того какъ архіепископъ рѣшился прибѣгнуть къ крайней

мѣрѣ противъ Дöллингера и Фридриха, т.-е. къ отлученію ихъ отъ церкви (17 и 18 апрѣля).

„Расколъ", такимъ образомъ, совершился. Баварія сдѣлалась центромъ старо-католическаго движенія, быстро распространившагося въ прирейнскихъ провинціяхъ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ областяхъ. Епископы хотѣли остановить его развитіе новымъ, коллективнымъ „пастырскимъ посланіемъ", показавшимъ, на какую почву переходила борьба, и почему она, во многихъ отношеніяхъ, заслужила названіе „Kulturkampf'a".

„Пастырское посланіе" видѣло главный источникъ раскола въ слѣдующемъ обстоятельствѣ:

„Наука — говорили епископы — нерѣдко вступала въ Германіи, въ новѣйшее время, на пути, не согласные съ истинною католическою вѣрою. Это научное направленіе, отрѣшающееся отъ авторитета церкви и вѣрующее только въ собственную непогрѣшимость, несогласно съ католическою вѣрою. Оно есть отпаденіе отъ истиннаго духа церкви, ибо оно потворствуетъ духу ложной свободы, предпочитающему личныя воззрѣнія и мнѣнія вѣрѣ въ учительскую власть, дѣйствующую въ церкви чрезъ посредство св. Духа".

Что „наука" въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣлалась отвѣтственною за „бѣдствія" въ церкви—есть утвержденіе не новое. Но припомнимъ, что именно „наука", въ лицѣ Фридриха, Дöллингера, Рейнкенса, и друг., указывала, что новому догмату недостаетъ именно всеобщаго церковнаго согласія, и что означенный догматъ есть „мнѣніе" папы и части епископовъ, насильственно навязываемое вѣрующимъ.

Общественное движеніе въ Баваріи было, однако, настолько сильно, что 21 августа король далъ отставку лавировавшему министерству графа Брая и замѣнилъ его болѣе рѣшительнымъ кабинетомъ графа Гегненберга, въ составъ котораго вошелъ и Луцъ, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ новой имперіи.

Въ качествѣ министра исповѣданій, онъ, 27 августа, далъ мюнхенскому архіепископу отвѣтъ на его представленіе, отъ 15-го апрѣля, относительно обнародованія ватиканскаго догмата,—отвѣтъ, отъ котораго долго уклонялось министерство Брая. „Угроза основнымъ началамъ баварскаго государственнаго права (писалъ Луцъ), заключающаяся въ догматѣ личной непогрѣшимости главы церкви, а также оставленіе безъ вниманія королевскаго placet, составляющее нарушеніе баварской конституціи, вынуждаютъ правительство къ мѣрамъ, которыхъ оно желало бы избѣгнуть. Правительство будетъ отказывать во всякомъ содѣйствіи распространенію новаго

ученія и въ исполненіи распоряженій духовныхъ властей къ его примѣненію; оно твердо будетъ держаться того принципа, что всѣ мѣры, принимаемыя церковными властями противъ католиковъ, не признающихъ новыхъ догматовъ, должны остаться безъ послѣдствій для политическихъ и гражданскихъ отношеній лицъ, подвергшихся этимъ мѣрамъ. Въ случаѣ необходимости, правительство приметъ мѣры для огражденія независимости гражданской области отъ церковнаго гнета".

„Старо-католики" теперь почувствовали подъ собою твердую почву и увидѣли возможность не только отложиться отъ „инфалибилистовъ", но и образовать самостоятельный церковный союзъ. Въ сентябрѣ (22—24) въ Мюнхенѣ собрался старо-католическій конгрессъ, составленный изъ делегатовъ отъ разныхъ католическихъ общинъ Германіи. Здѣсь, на почвѣ постановленій тридентскаго собора, положены были первыя основанія старо-католической церковной организаціи, отвергнуты были постановленія собора 1870 года, непогрѣшимость папы и вообще вся „Papalsystem".

Видимою точкою опоры и нѣкоторымъ центромъ единенія явилась небольшая янсенистская община въ Утрехтѣ, имѣвшая и своего епископа [1]). Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, имъ удалось получить своего епископа.

Событія, происходившія въ Баваріи и въ прирейнской Пруссіи, отозвались и въ другихъ областяхъ Пруссіи. Почти одновременно съ походомъ, начатымъ мюнхенскимъ архіепископомъ противъ Ренфтле и мюнхенскихъ профессоровъ, епископъ эрмеландскій (мѣстность въ Восточной Пруссіи, въ кенигсбергскомъ округѣ) началъ походъ противъ д-ра Вольмана, профессора католической гимназіи въ Браунсбергѣ. Вольманъ отказался признать ватиканскій догматъ; епископъ лишилъ его священства (missio canonica) и потребовалъ удаленія его изъ гимназіи. Министръ исповѣданій, ф. Мюллеръ, котораго менѣе всего можно было упрекнуть во враждебныхъ отношеніяхъ къ церкви, отвѣтилъ (отношенія 27 марта и 20 апрѣля) рѣшительнымъ отказомъ. Лишеніе Вольмана

[1]) Какъ извѣстно, янсенистское ученіе основано голландскимъ богословомъ Корнелисомъ Янсеномъ (1585—1638), выступившимъ горячимъ противникомъ іезуитовъ, въ особенности по ученію о благодати. Янсенизмъ имѣлъ большой успѣхъ во Франціи (Port-Royal), гдѣ послѣдователи его навлекли на себя сильныя преслѣдованія. Гонимый во Франціи, янсенизмъ укрылся въ Нидерландахъ Но папа Климентъ XI, по настоянію іезуитовъ, издалъ „конституцію" Unigenitus, объявлявшую ученія янсенистовъ еретическими. Страшныя преслѣдованія противъ нихъ возобновились во Франціи. Въ Нидерландахъ янсенисты уцѣлѣли въ качествѣ отдѣла мѣстной католической церкви. Они имѣютъ своего епископа въ Утрехтѣ и образуютъ нѣсколько общинъ.

missio canonica—писалъ онъ—имѣло бы значеніе для правительства, назначившаго этого профессора по соглашенію съ духовнымъ начальствомъ, лишь тогда, когда указаны бы были достаточныя къ тому основанія. Но Вольманъ преподаетъ тó, чтó онъ, съ согласія церкви, преподавалъ и до 18 іюня 1870 года. Слѣдовательно, правительство не можетъ признать его еретикомъ и лишить мѣста.

Епископъ задумалъ достигнуть своей цѣли другимъ способомъ. Онъ не могъ смѣстить Вольмана, но могъ лишить его учениковъ. Ради этого онъ обратился къ ф. Мюллеру съ ходатайствомъ освободить учениковъ браунсбергской гимназіи отъ посѣщенія лекцій „еретика“. Въ данномъ случаѣ епископъ стоялъ на довольно твердой почвѣ. Можно ли было обязывать учениковъ, подчинившихся ватиканскому постановленію, слушать лекціи профессора, признаннаго еретикомъ? Но, при тѣсной связи школы съ государствомъ и, главное, при конфессіональномъ характерѣ школы, ф. Мюллеръ не могъ сойти съ государственной точки зрѣнія.

Отвѣтъ его (отъ 27 іюня) гласилъ, между прочимъ, что „законъ Божій въ прусскихъ гимназіяхъ есть предметъ обязательный, отъ котораго могутъ быть, по правиламъ, освобождены только ученики, воспитывающіеся въ другой вѣрѣ, чѣмъ та, ученія которой преподаются въ общественныхъ заведеніяхъ“.

Итакъ, съ одной стороны, Вольманъ, преподававшій тó, чтó признаваемо было самою церковью до 18 іюля 1870 года, былъ лишенъ священства и даже отлученъ отъ церкви; съ другой стороны, министерство предписывало католическому юношеству обучаться у отлученнаго. Это указывало на довольно важные недостатки въ церковно-политическомъ законодательствѣ Пруссіи. На первый разъ изъ-за этого „инцидента“ возгорѣлась бумажная война, преисполненная, какъ выразился потомъ кн. Бисмаркъ, мелкой казуистики и шиканъ.

Но и въ этой мелкой войнѣ ясно раскрывалось пониманіе той „свободы“, о которой такъ громко говорили ораторы „центра“ въ рейхстагѣ и ландтагѣ. Знаменателенъ, въ этомъ отношеніи, протестъ эрмеландскаго епископа, препровожденный ф. Мюллеру 9 іюля 1871.

„Оправдывая точку зрѣнія д-ра Вольмана, и объявляя ее католическою,—говорилъ епископъ,—в. пр-во нарушаете свободу и автономію католической церкви въ дѣлахъ вѣры, а также дарованную конституціею свободу совѣсти“.

Фонъ-Мюллеръ возразилъ (21 іюля), замѣтивъ епископу, что всѣ нѣмецкіе епископы, отправляясь на соборъ, предвидѣли плачевныя послѣдствія новаго догмата, и объявилъ, что д-ръ Вольманъ,

какъ государственный чиновникъ, подлежитъ единственно дисциплинарной власти правительства. Церковныя наказанія, налагаемыя епископомъ, не могутъ служить поводомъ къ мѣрамъ дисциплинарнымъ. Несмотря на „великое отлученіе", произнесенное противъ Вольмана, онъ, въ глазахъ правительства, остается членомъ католической церкви.

Министръ заключилъ свое „посланіе" слѣдующими словами: „Отъ всего сердца раздѣляю я желаніе вашего п-ства, чтобы справедливость и религіозный миръ—палладіумъ прусскаго могущества — не были нарушены. Но справедливость, которую я долженъ оказывать каждому, требуетъ, чтобы я не оставилъ д-ра Вольмана безъ защиты; поддержаніе же мира зависитъ не отъ одного государства".

Вскорѣ появились и болѣе важные документы, именно петиція, поданная императору всѣми прусскими епископами, и отвѣтный рескриптъ послѣдняго на имя кёльнскаго архіепископа (7 сентября и 18 октября 1871). Епископы почтительнѣйше повергали предъ престоломъ свой протестъ противъ всякаго вмѣшательства въ область вѣры и право ихъ святой церкви и просили у императора правосудія и защиты. Отвѣтъ императора былъ категориченъ и указывалъ на рѣшительный поворотъ въ церковной политикѣ Пруссіи.

Императоръ говорилъ, что до сихъ поръ папа, епископы и все духовенство—всегда заявляли свое довольство положеніемъ католической церкви въ Пруссіи. Жалобы епископовъ были для него неожиданны. Въ законодательствѣ Пруссіи не произошло никакихъ перемѣнъ; епископы не указываютъ также, какіе законы нарушаются правительствомъ. Но въ средѣ католической церкви возникли событія, могущія нарушить удовлетворительныя до сихъ поръ отношенія церкви къ государству. Императоръ далекъ отъ мысли рѣшать догматическіе споры. Но задачею его правительства будетъ забота о томъ, чтобы возникшія въ послѣднее время пререканія между свѣтскими и духовными властями, поскольку ихъ нельзя предотвратить, могли быть разрѣшаемы на основаніи законовъ". Пока послѣдніе не будутъ изданы порядкомъ, указаннымъ конституціею, императоръ будетъ поддерживать силу законовъ существующихъ и охранять въ своемъ государствѣ законную мѣру свободы всѣхъ исповѣданій одинаково.

Важнѣйшимъ мѣстомъ въ рескриптѣ императора является обѣщаніе открыть возможность легкаго рѣшенія пререканій, могущихъ возникнуть между свѣтскими и духовными властями. Эту возможность могли открыть только новые церковные законы,

въ коихъ, какъ увидимъ ниже, нуждалась Пруссія. Но въ какомъ духѣ будутъ разработаны эти законы? Какія отношенія будутъ ими регулированы, и какъ будутъ разрѣшаться „могущія возникнуть“ пререканія? Рѣшеніе этихъ вопросовъ зависѣло отъ государственнаго человѣка, до сихъ поръ стоявшаго какъ бы въ сторонѣ отъ начавшейся церковно-политической распри.

VIII.

Мы разсмотрѣли довольно продолжительную стадію „культуркампфа“ и почти не произнесли имени государственнаго человѣка, которое такъ естественно встрѣтить въ исторіи всякой распри— имя кн. **Бисмарка**. Что́ дѣлалъ „желѣзный канцлеръ“ въ то время, какъ „смута“ начала принимать довольно серьезные размѣры? Почему не сказалъ онъ ни одного слова въ германскомъ рейхстагѣ во время жаркихъ преній по поводу предложенія Рейхеншпергера? Онъ счелъ нужнымъ произнести горячую рѣчь по поводу предложенія польскихъ депутатовъ не включать Познани въ германскую имперію — предложенія, не имѣвшаго никакихъ шансовъ на успѣхъ. Но горячія вылазки „центра“ были встрѣчены имъ полнымъ молчаніемъ.

Основываясь на его собственныхъ словахъ, можно представить достаточное объясненіе его выжидательнаго положенія. Во-первыхъ, онъ сначала не придавалъ серьезнаго значенія партіи и программѣ центра. „Меня—заявлялъ онъ въ 1872 году—не особенно пугала тогда эта программа; я зналъ, откуда она исходитъ: частью отъ одного высокопоставленнаго прелата (Кетелера), частью отъ г. Савиньи [1]). При такомъ происхожденіи движенія я не придавалъ дѣлу такого значенія, будто съ этою партіею и ея стремленіями нельзя жить“. Во-вторыхъ,—и это самое важное,—кн. Бисмаркъ довольно долго не могъ опредѣлить себѣ свойства движенія. Представлялъ ли „центръ“ только союзъ мѣстныхъ ультрамонтановъ, враждебно настроенныхъ къ „евангелической имперіи“, и потому соединившихся съ другими партикуляристами, или же онъ дѣйствуетъ какъ часть вселенской арміи папы, получая приказанія изъ Рима? Отношеніе правительства къ центру не могло быть одинаково въ первомъ и во второмъ случаѣ. Для борьбы съ центромъ, какъ съ мѣстною парламентскою фракціею, достаточно

---

[1]) Бывшій уполномоченный Пруссіи въ старомъ германскомъ сеймѣ, Карлъ-Фридрихъ (род. въ 1813), сынъ знаменитаго юриста Фридриха-Карла Савиньи.

било парламентскихъ-же средствъ, съ прибавкою нѣкоторыхъ частныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Во второмъ случаѣ, нужны были органическія измѣненія въ церковномъ законодательствѣ и, можетъ быть, временныя боевыя средства.

Въ началѣ 1871 года канцлеръ имѣлъ основаніе полагать, что римская курія не солидарна съ дѣятельностію клерикаловъ въ Германіи. Мы видимъ, что папа, предполагая оставить Римъ послѣ занятія его итальянскими войсками, просилъ поддержки прусскаго короля. Когда послѣдній, въ 1871 году, увѣдомилъ его о провозглашеніи имперіи и принятіи имъ императорскаго титула, онъ (6 марта 1871) отвѣтилъ поздравленіемъ, сопровождаемымъ самыми сердечными пожеланіями.

„Мы—писалъ папа—съ великою радостью приняли извѣщеніе объ этомъ событіи, которое, какъ мы надѣемся, при помощи Божіей, споспѣшествующей направленнымъ къ общей пользѣ намѣреніямъ в. в-ства, обратится во благо не только для Германіи, но и для всей Европы. Особенно же благодаримъ в. в-ство за выраженіе дружбы къ намъ, ибо мы можемъ надѣяться, что оно немало будетъ содѣйствовать защитѣ свободы и правъ католической церкви. Съ нашей стороны, мы просимъ в. в-ство быть убѣжденнымъ, что мы не упустимъ ничего, въ чемъ, по обстоятельствамъ, можемъ быть полезными в. в-ству". Такія слова не могли быть разсматриваемы какъ выраженіе простой дипломатической вѣжливости. Затѣмъ, и образованіе въ прусскомъ ландтагѣ и германскомъ рейхстагѣ чисто церковной партіи удивило, но не особенно обезпокоило Бисмарка; онъ рѣшился выждать; какое положеніе займетъ эта партія относительно имперіи.

„Съ самаго начала—говорилъ онъ въ 1872 году—я разсматривалъ уродливѣйшее явленіе въ политической области—образованіе конфессіональной фракціи въ политическомъ собраніи, какъ уродливѣйшее явленіе... Тѣмъ не менѣе, возвратясь изъ Франціи, я находился подъ впечатлѣніемъ и надеждой, что мы будемъ имѣть въ католической церкви опору—хотя, можетъ быть, безпокойную и требующую осторожнаго обращенія... Въ первой сессіи рейхстага (съ 21 марта) я тщательно воздерживался отъ всякихъ заявленій по этому вопросу; я говорилъ себѣ: вопросъ слишкомъ важенъ, я подожду, какъ разовьется эта партія, дружественно или враждебно; я молчалъ".

Событія не замедлили убѣдить канцлера, что онъ не имѣетъ въ центрѣ „дружественной партіи"; они же показали, что и папа не ищетъ случая быть полезнымъ императору.

Канцлеръ хотѣлъ прежде всего выяснить вопросъ объ отно-

шеніи куріи къ политикѣ центра. Скоро къ этому представился случай. Одинъ изъ дружественныхъ имперіи баварскихъ католиковъ, депутатъ графъ Франкенбергъ, увѣдомилъ канцлера (12 іюня 1871), что кардиналъ Антонелли, въ разговорѣ съ графомъ Тауфкирхеномъ [1]), высказалъ неодобреніе дѣйствіямъ „центра". Канцлеръ (19 іюня) отвѣтилъ Франкенбергу, что сообщенное имъ извѣстіе не было для него неожиданностью, въ виду приведеннаго выше письма папы. Въ виду этого письма, онъ надѣялся, что и „центръ" поставитъ себѣ цѣлью упроченіе имперіи и внутренняго мира. Надежда эта не оправдалась, такъ какъ дѣятельность центра тождественна съ дѣйствіями враждебныхъ имперіи партій. Онъ, канцлеръ, извѣстилъ объ этомъ нѣмецкое посольство въ Римѣ, дабы оно имѣло случай убѣдиться, соотвѣтствуетъ ли направленіе центра, выставляющаго себя спеціальнымъ защитникомъ папскаго престола, намѣреніямъ его святѣйшества. Когда письмо канцлера было опубликовано, епископъ Кетелеръ поспѣшилъ обнародовать полученное имъ письмо кардинала Антонелли, въ которомъ послѣдній извѣщалъ его, что высказанное имъ неодобреніе центру было вызвано единственно несвоевременностію предложенія о вмѣшательствѣ имперіи ради возстановленія свѣтской власти папы. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ, кардиналъ, не одобрялъ стремленія центра содѣйствовать благу церкви и защищать права св. престола.

Исторія съ „отлученіями" профессоровъ и пререканія епископовъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ показывали, что не только центръ, т.-е. не только совокупность депутатовъ ланд- и рейхстага, но и іерархія—обнаруживаютъ воинственныя намѣренія, не сдерживаемыя римскою куріею.

Тѣмъ не менѣе, прошло еще полтора года, прежде чѣмъ Бисмаркъ поднялъ церковный вопросъ на принципіальную, можно сказать—страшную высоту, требовавшую отчаянныхъ мѣръ и боевыхъ законовъ. Именно, только 10-го марта 1873 года, при обсужденіи проекта измѣненія 15 и 18 ст. прусской конституціи, вотъ что̀ говорилъ Бисмаркъ въ прусской палатѣ господъ:

„Вопросъ, намъ предстоящій, искажается и получаетъ фальшивое освѣщеніе, когда его разсматриваютъ какъ вѣроисповѣдный, церковный. Онъ есть вопросъ существенно политическій. Дѣло идетъ не о борьбѣ евангелической династіи съ католическою церковью, не о борьбѣ вѣры съ невѣріемъ; дѣло идетъ

---

[1]) Баварскій посолъ, исправлявшій (послѣ перемѣщенія гр. Арнима въ Парижъ) обязанности имперскаго посла въ Римѣ.

о старинной борьбѣ за власть (Machtsstreit), борьбѣ между царствомъ и священствомъ (Königthum und Priesterthum), борьбѣ, задолго предшествовавшей воплощенію нашего Искупителя, и борьбѣ, которую вынесъ Агамемнонъ въ Авлидѣ съ своими прорицателями, которая стоила ему дочери и препятствовала отплытію грековъ, и борьбѣ, наполняющей нѣмецкую средневѣковую исторію, до распаденія имперіи подъ именемъ борьбы папъ съ императорами, и закончившейся, въ средніе вѣка, тѣмъ, что послѣдній представитель доблестнаго швабскаго императорскаго дома умеръ на эшафотѣ подъ топоромъ французскаго завоевателя — союзника тогдашняго папы.

„Папство всегда было политическою силою, съ величайшею рѣшительностію и величайшимъ успѣхомъ вмѣшивавшеюся въ дѣла этого міра, стремившеюся къ новому вмѣшательству и дѣлавшею изъ него программу. Эта программа извѣстна. Цѣль, постоянно предстоявшая папской власти, программа, которая, во времена средневѣковыхъ императоровъ, была близка къ осуществленію, есть подчиненіе свѣтской власти духовной, — цѣль въ высшей степени политическая, — стремленіе, которое, однако, старо́, какъ человѣчество.

„На борьбу между священствомъ и царствомъ, въ данномъ случаѣ на борьбу между папою и нѣмецкимъ императоромъ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на всякую другую борьбу; она имѣетъ свои союзы, свои мирные договоры, свои передышки, свои перемирія. Бывали миролюбивые папы; бывали воинственные и завоевательные. Въ борьбѣ съ папскою властью не всегда католическія державы являлись исключительно союзниками папъ; духовные также не всегда стояли на ихъ сторонѣ. Кардиналы бывали министрами великихъ державъ, когда послѣднія проводили сильную антипапскую политику, доходившую до актовъ насилія; мы находили епископовъ въ ополченіяхъ нѣмецкихъ императоровъ противъ папскихъ интересовъ.

„Итакъ, дѣло идетъ о защитѣ государства, объ опредѣленіи, какъ далеко можетъ идти власть священства—съ одной, и власть королевская—съ другой стороны, и эта граница должна быть опредѣлена такъ, чтобы государство, съ своей стороны, могло существовать, ибо въ царствѣ міра сего ему принадлежитъ правленіе и преимущество“.

Возведенная на эту высоту, борьба между „царствомъ и священствомъ“ должна была получить и соотвѣтствующій объемъ, далеко превосходившій границы мѣстнаго спора между домашними партіями. Рѣчь 10-го марта 1873 года показывала, какъ

далеко отошелъ канцлеръ отъ первоначальной своей точки зрѣнія на центръ, когда онъ представлялся ему только конфессіональною партіею, заключавшею для своихъ цѣлей союзъ съ нѣкоторыми партикуляристическими элементами.

Такъ, еще въ началѣ 1872 года, кн. Бисмаркъ весьма опредѣленно выразился: во-первыхъ, относительно „конфессіональныхъ“ мотивовъ „центра“, во-вторыхъ, относительно его союзниковъ.

Защищая (6-го марта 1872) въ верхней палатѣ прусскаго ландтага проектъ закона о надзорѣ за школами, канцлеръ, упомянувъ, что до послѣдняго времени Пруссія наслаждалась завиднымъ религіознымъ миромъ, продолжалъ:

„Этотъ миръ становился для насъ менѣе обезпеченнымъ, съ той минуты, какъ Пруссія, съ ея протестантскою династіею, получила болѣе сильное политическое развитіе. Пока рядомъ съ Пруссіею въ Европѣ существовали двѣ великія католическія державы (Австрія и Франція), изъ коихъ каждая въ отдѣльности казалась католической церкви болѣе прочнымъ базисомъ, чѣмъ меньшая по объему Пруссія, — мы пользовались религіознымъ миромъ. Онъ былъ уже сомнителенъ и нарушаемъ послѣ австро-прусской войны, когда держава, бывшая въ Германіи опорою римскаго вліянія, была побѣждена въ 1866 г., и будущность протестантскаго императорства ясно обрисовалась на горизонтѣ.

„Но на той сторонѣ рѣшительно потеряли терпѣніе, когда и вторая великая католическая держава испытала ту же участь“.

Итакъ, стремленіе нарушить церковный миръ вызвано образованіемъ единой Германіи подъ главенствомъ протестантской династіи. Отсюда понятны и союзники „конфессіональной“ партіи, принципіальные враги германскаго единства, партикуляристы всякихъ оттѣнковъ.

Кн. Бисмаркъ указывалъ на нихъ въ своихъ рѣчахъ въ нижней палатѣ прусскаго ландтага, 30-го января и 9-го февраля 1872 года:

„Къ задачамъ католической, равно какъ и всякой церкви относится попеченіе о мирѣ и твердомъ юридическомъ порядкѣ въ странѣ, гдѣ находится эта церковь. Этого вы (центръ) и не оспариваете. Но поэтому, какъ я думаю, вы должны бы остаться свободными отъ вліянія такихъ факторовъ, которыхъ стихія есть борьба, которыхъ будущность — въ борьбѣ и необезпеченности нынѣшняго положенія“.

Такими факторами являются, во-первыхъ, „вельфскія вліянія“,

исходящія отъ сторонниковъ бывшей ганноверской династіи, и между ними г. Виндгорстъ, бывшій министръ павшаго ганноверскаго короля, сдѣлавшійся вожакомъ и ходакомъ „центра".

„Г-нъ Виндгорстъ—говорилъ канцлеръ—сдѣлался мнѣ, въ первый разъ въ моей жизни, извѣстенъ въ качествѣ вѣрнаго приверженца короля Георга V, и я имѣлъ удовольствіе, въ этомъ качествѣ, вести съ нимъ переговоры объ интимныхъ дѣлахъ его в-ства короля Георга... Онъ принимаетъ теперь большое участіе въ преніяхъ, но масло его словъ принадлежитъ не къ числу цѣлящихъ раны, а къ питающимъ пламя, пламя гнѣва.

„Я думаю, господа отъ центра, что вы легче достигнете мира съ государствомъ, если вы освободитесь отъ вельфскаго вліянія и если вы не будете принимать въ свою среду вельфскихъ протестантовъ, не имѣющихъ съ вами ничего общаго, но желающихъ, чтобы въ нашей мирной странѣ возникла борьба, ибо вельфскія надежды могутъ быть осуществлены лишь тогда, когда царствуютъ борьба и разрушеніе.

„Въ распрѣ и борьбѣ нуждается также другой союзникъ „центра"—польское дворянство. Фактически вѣрно, что католическое духовенство вообще, даже нѣмецкаго происхожденія, поощряетъ стремленія польскаго дворянства отдѣлиться отъ нѣмецкой имперіи и прусской монархіи и возстановить старую Польшу въ ея прежнихъ границахъ. По этому предмету прежде всего даже открылась борьба католической церкви противъ государства, и каждый министръ, сознающій свою отвѣтственность, долженъ стараться, чтобы государство было ограждено съ этой стороны".

Въ такой постепенности развивались взгляды кн. Бисмарка на „центръ". Сначала онъ смотрѣлъ на него какъ на „странную" и необычную для политическаго собранія партію, съ которою, можетъ быть, можно жить. Затѣмъ центръ явился одною изъ противо-имперскихъ партій, дѣйствующихъ въ союзѣ съ „вельфами" и поляками. Наконецъ „конфессіональная" борьба была возведена на степень вѣковѣчной, исконной распри „царства и священства", императорства и папства, какъ политической силы.

Это развитіе воззрѣній обусловливалось какъ ходомъ и усложненіемъ событій, такъ и—нельзя не сказать этого—разгаромъ страстей, отъ которыхъ далеко не былъ свободенъ самъ творецъ германскаго единства. Доказательства этого очевидны въ самомъ характерѣ законовъ, при помощи которыхъ „отстаивалась" имперія противу „папства" и „измѣнническихъ" партій въ имперіи. Самъ Бисмаркъ назвалъ ихъ „боевыми законами". Въ этомъ же, по нашему мнѣнію, должно искать и причинъ новѣйшаго поворота

въ церковной политикѣ Пруссіи. Исторія „культуркампфа“, независимо отъ ея интереса по существу, представляетъ важный интересъ съ точки зрѣнія вопроса: могутъ ли внутреннія отношенія страны разрѣшаться при помощи боевыхъ законовъ?

Мы постараемся дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, изложивъ предварительно ходъ церковно-политической борьбы. Теперь же мы остановимся на самомъ ея порогѣ, т.-е. на томъ моментѣ, когда кн. Бисмаркъ рѣшился покинуть свою выжидательную политику и смѣло пошелъ въ бой, поддерживаемый дѣятельнымъ сотрудникомъ, новымъ министромъ исповѣданія, Фалькомъ, замѣнившимъ, съ 22 января 1872 года, фонъ-Мюллера.

А. Градовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МУЗЫКА.

...И струны рыдали—и пѣли, рыдая;
И страсти, и трепета полны,
Стремились, какъ вешнія волны,
Приливы созвучій живыхъ;
А въ окна полночныя звѣзды, мерцая,
Глядѣли съ высотъ голубыхъ.
Аккордъ за аккордомъ, волна за волною
Катились ликующимъ строемъ,
И грезы плѣнительнымъ роемъ
За звонкимъ потокомъ текли...
И садъ, озаренный полночной луною,
Мнѣ грезился въ синей дали.
Журчали фонтаны и розы алѣли,
И въ мягкомъ, прозрачномъ туманѣ,
На свѣтлой зеленой полянѣ
Я блѣдную тѣнь увидалъ...
Волнистыя ткани покрова пестрѣли,
Вѣнокъ на челѣ трепеталъ...
И двигалась тѣнь межъ нѣмыми стволами,
По розамъ, надъ клумбой душистой.
Сіянье луны серебристой
Струилось волной на нее...
И призракъ... тотъ призракъ, вѣнчанный цвѣтами,
Былъ—старое горе мое...

ВЕРНИСЬ!

— „Вернись ко мнѣ, вернись, дитя мое больное! —
Журчала мнѣ рѣка изъ тихихъ береговъ: —
У свѣтлыхъ водъ моихъ, въ живительномъ покоѣ,
Вдали отъ суеты и шума городовъ,
Ты снова оживешь для мирныхъ наслажденій —
Для вольныхъ, свѣтлыхъ думъ и чистыхъ вдохновеній.
Не у меня ли ты душою въ первый разъ
Двухъ струекъ уловилъ созвучное журчанье?
Не надо мною ли, въ вечерній тихій часъ,
Гармоніи живой познаъ ты обаянье, —
И, весело звеня, скатился первый стихъ
Игривой струйкою съ пѣвучихъ струнъ твоихъ“?..

— „Вернись, вернись ко мнѣ! — шептала мнѣ дубрава: —
Я свѣю съ думъ твоихъ и сумракъ, и печаль.
Повѣрь, обманчива и призрачна та слава,
Что увлекла тебя въ невѣдомую даль.
Подобно молніи, сіяньемъ лучезарнымъ
Мелькнувшей по снѣгамъ и глётчерамъ полярнымъ,
Лучи ея скользятъ по сумрачной душѣ,
Но меркнутъ въ глубинѣ, средь мрака рокового...
Дитя мое, вино и въ жестяномъ ковшѣ —
Повѣрь — вкуснѣй воды изъ кубка золотого...
Есть счастье на землѣ, есть радости на ней, —
Онѣ вокругъ тебя, онѣ — въ рукѣ твоей“...

„Вернись, вернись“!.. — вдали, вблизи и надо мною
Звучали тысячи призывныхъ голосовъ —
И роща темная подъ дымкою ночною,
И синяя рѣка изъ свѣтлыхъ береговъ,
И степь раздольная съ курганами нѣмыми,
И вербы надъ прудомъ, и тополи надъ ними...
И призракъ дней былыхъ, дней юности живой —
Дитя мечты моей, горячей, прихотливой —
Въ сіяніи зари явился предо мной,
Какъ вождь со знаменемъ, какъ жнецъ предъ спѣлой нивой,
И въ сотняхъ голосовъ изъ рощъ, долинъ и скалъ
Могучій гласъ его душѣ моей вѣщалъ:

— Ты помнишь ли тѣ дни, когда передъ тобою,
Плѣняя пылкій духъ, чаруя свѣтлый взоръ,
Какъ властный чародѣй, всесильною рукою
Я быстро разметалъ плѣнительный узоръ?
Подъ сводами небесъ, бездонныхъ и безбрежныхъ
Зажегся сонмъ свѣтилъ и радугъ перемежныхъ,
И тѣни бѣгали, и сыпались цвѣты,
И яркій рой лучей сверкалъ, переливался,—
И въ блескѣ неземной, нетлѣнной красоты
Волшебный, новый міръ очамъ твоимъ являлся.
То былъ воскресшій рай, безъ стража у дверей,
Свободный рай, для всѣхъ—для нищихъ и царей...

— Но ты ушелъ отъ нихъ, отъ этихъ нивъ свободныхъ
Искатель призрачной, обманчивой судьбы, —
И въ шумѣ городовъ, на торжищахъ народныхъ,
Въ пучинѣ мелкихъ золъ и будничной борьбы,
Иной, угрюмый духъ явился предъ тобою.
Насмѣшкой ѣдкою и жгучею враждою
Сверкалъ и пламенѣлъ пытливый, строгій взоръ.
Онъ всталъ передъ тобой, карающія руки
На шумную толпу съ презрѣніемъ простеръ
И говорилъ:

„Взгляни! Ты видишь эти муки?
Ты слышишь этотъ вой бушующихъ звѣрей
И крикъ, и вопли жертвъ, и хохотъ палачей?
А ты, среди полей, въ дремотѣ безмятежной,
Творилъ какой-то міръ изъ звуковъ и цвѣтовъ...
Слѣпецъ! Тотъ рай для всѣхъ, свободный и безбрежный,
Что грезился тебѣ въ туманѣ смутныхъ сновъ,—
Ему нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ льется жизнь людская,
Безъ устали кругомъ творя и разрушая.
Когда-бъ насталъ тотъ рай со счастіемъ своимъ,
За нимъ пришелъ бы гнетъ безсилья, лѣни, скуки:
Мигъ счастья оттого такъ сладокъ, что предъ нимъ
Шли долгіе часы печали, горя, муки...
Одумайся! Проснись“!...

— Такъ злобный духъ вѣщалъ,
И ты внималъ ему, какъ жалкій рабъ внималъ...
— Безумецъ! Ну, а тѣ, что съ радостью всходили

На плаху, на костеръ, за Бога своего,
Оковы тяжкія всю жизнь свою влачили,
Всю жизнь свою несли на жертвенникъ его? —
Когда зловѣщій дымъ клубился облаками
И пламя жадными лизало языками
Ихъ изможденную, измученную грудь,
Они, предсмертныя осиливая муки,
Стремились хоть на мигъ, въ послѣдній разъ, взглянуть,
Въ послѣдній разъ воздѣть истерзанныя руки
Туда, въ нѣмую глубь лазури вѣковой,
Гдѣ грезился имъ богъ, незримый, но живой.

— Не здѣсь, не на землѣ,—за далью безконечной
Имъ грезился ихъ богъ, но отблескъ золотой
Безсмертной истины и благодати вѣчной
Былъ ясно отраженъ ихъ жаждущей душой, —
И шли они, и шли, какъ въ шумный домъ веселья,
На плаху, на костры, въ оковы, въ подземелья...
А замерзающій?.. На днѣ его души
Таятся мирныя и свѣтлыя картины:
Задумчивая тишь и мракъ лѣсной глуши,
Цвѣтущія поля, тѣнистыя долины
И гулъ далекихъ стадъ, и эхо темныхъ горъ,
И рѣчи нѣжныя, и милый, кроткій взоръ...

— И вотъ, когда кругомъ шумитъ и воетъ вьюга,
Въ душѣ его звенятъ пѣвучіе ключи,
Зеленый боръ шумитъ, сверкаетъ солнце юга
И льетъ кругомъ свои горячіе лучи...
Смотри—онъ скорчился, свернулся, застывая...
Застылъ,—а на лицѣ блеститъ улыбка мая...
Такъ пусть мой рай—мечта, несбыточенъ мой міръ,
Но пусть всегда, всегда стоитъ онъ предъ тобою,
Какъ въ храмѣ вѣковомъ незыблемый кумиръ,
Сіяя дивною, нетлѣнной красотою
Подъ громомъ, подъ грозой и въ бурю, и во мглѣ,—
И счастье высшее познаешь на землѣ...

— Взгляни, дитя мое!—вотъ нѣжная росинка
На маленькомъ цвѣткѣ. Подъ легкимъ вѣтеркомъ
Цвѣтокъ сгибается, трепещетъ, какъ былинка,
И капелька дрожитъ, едва держась на немъ.

Рѣка и лѣсъ, и степь свѣтила ждутъ дневного,
Но тщетно капелькѣ ждать солнца золотого, —
Ударитъ первый лучъ, — и высохнетъ она,
За то какъ хороша росинка полевая
На розовомъ цвѣткѣ! прозрачна и ясна
Теперь, пока вдали заря горитъ, сіяя,
И отражаетъ въ ней свой отблескъ золотой...
Дитя, — вовѣки будь росинкою такой!...

С. Фругъ.

РОССІЯ и ЕВРОПА

въ эпоху

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

VIII *).

Отъ объявленія войны до принятія четырехъ пунктовъ.

(1854.)

Западныя державы ожидали только, когда имъ будетъ извѣстенъ исходъ порученія графа Орлова и вѣнскихъ переговоровъ, для того, чтобы отвѣтить на наши запросы относительно положенія, какое они намѣревались принять въ Черномъ морѣ. Поэтому рѣшенія вѣнскаго кабинета должны были повліять на ихъ отвѣтъ. Если бы Австрія, а вмѣстѣ съ ней Пруссія и Германія, рѣшились на внушительный вооруженный нейтралитетъ,—безъ всякаго сомнѣнія, положеніе западныхъ державъ измѣнилось бы. Въ особенности Англія, какъ мы уже говорили, была мало расположена вступать въ союзъ съ Франціей, который былъ бы непріятенъ Германіи.

Неудача порученія графа Орлова опредѣлила рѣшеніе морскихъ державъ. Ихъ отвѣтъ повлекъ за собою разрывъ нашихъ дипломатическихъ отношеній съ ними.

Это еще не была война. Вѣнскій кабинетъ способствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ къ ней. Выраженія, въ

*) См. выше, іюнь, 543 стр.

которыхъ онъ объяснилъ западнымъ дворамъ о предложеніяхъ графа Орлова и о причинахъ своего отказа, были настолько неблагопріятны намъ, что лондонскій и парижскій кабинеты не могли уже болѣе сомнѣваться въ содѣйствіи имъ Австріи. Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ еще болѣе. 23-го февраля, лордъ Коулэй писалъ своему правительству: „Графъ Буоль увѣряетъ г. де-Буркенэ, что если Англія и Франція назначатъ срокъ для очищенія княжествъ, истеченіе котораго послужитъ сигналомъ къ началу военныхъ дѣйствій, вѣнскій кабинетъ готовъ поддержать такое требованіе“. Такимъ образомъ, инціатива этого требованія исходитъ отъ Австріи.

Оставаясь послѣдовательнымъ себѣ, вѣнскій кабинетъ предписалъ своему представителю въ Петербургѣ поддерживать упомянутое требованіе. Того же желали и отъ Пруссіи. Мантейфель отвѣтилъ сперва англійскому представителю, что король ничего не будетъ имѣть противъ того, но его величество не приметъ дѣятельнаго участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ въ случаѣ отказа Россіи. Инструкція, данная представителю Пруссіи въ С.-Петербургѣ, дѣйствительно обязывала его настоятельно указать императорскому кабинету опасности, которымъ подвергся бы общій европейскій миръ, въ случаѣ отказа Россіи, и прибавляла, что отвѣтственность за войну падетъ на насъ.

Здѣсь можно видѣть различіе въ отношеніи къ намъ обоихъ нѣмецкихъ дворовъ. Различіе обозначилось еще яснѣе попыткой, сдѣланной въ Вѣнѣ западными державами, съ цѣлью добиться трактата съ четырьмя участниками, который, привлекая къ дѣйствію великія державы, представилъ бы для Россіи непреодолимую преграду и, вѣроятно, сдѣлалъ бы войну невозможной. Это было естественное развитіе точки отправленія вѣнской конференціи, собравшейся вслѣдствіе протокола 5-го декабря 1853 г. Она вновь выразила свою солидарность протоколомъ, помѣченнымъ 2-го февраля, въ которомъ три уполномоченныхъ заявляли, что они разсмотрѣли наши встрѣчныя предложенія въ отвѣтъ на предложенія Порты и нашли ихъ столь разнящимися отъ принциповъ, установленныхъ конференціей, что они не считали возможнымъ препроводить ихъ Портѣ.

Такимъ образомъ, оставался только одинъ шагъ, чтобы конференція превратилась въ коалицію, и западныя державы были послѣдовательны, приглашая къ ней германскіе дворы. Пруссія отказала въ своей подписи. Что касается Австріи, она незадолго передъ тѣмъ обнаружила передъ нами свое недоброжелательство. Передавая наши встрѣчныя предложенія конференціи, она при-

соединила къ нимъ заявленіе, что признаетъ ихъ неприм ѣнимыми. Когда ей предложили формальный трактатъ, она нашла выраженія его недостаточно опредѣленными, и потребовала, чтобы туда включили статью, которая дѣлала бы невозможнымъ для Россіи возвращеніе къ statu quo ante bellum. Итакъ, инищіатива все возрастающихъ требованій, которыя должны были затруднить для насъ условія мира, опять исходила отъ Австріи.

Во всякомъ случаѣ, требованіе было обращено къ намъ двумя морскими державами въ такихъ выраженіяхъ, которыя исключали всякую мысль о взаимности съ нашей стороны. Мы отвѣтили на него молчаніемъ, сочтеннымъ за отказъ.

Объявляя намъ войну, лондонскій и парижскій кабинеты усиливались сложить на насъ отвѣтственность за нее и установить солидарность четырехъ великихъ державъ. Пруссія и Австрія сочли долгомъ выяснить свое положеніе въ оффиціальныхъ статьяхъ. Вѣнскій кабинетъ признавалъ требованіе основательнымъ по праву, но жесткимъ по формѣ. Онъ опять присоединился, также какъ и прежде, къ принципамъ, установленнымъ Англіей и Франціей. До послѣдняго времени онъ старался примирить общіе интересы съ обязанностями, налагаемыми его дружбой къ Россіи. Но, въ виду объявленія войны, онъ же долженъ былъ сообразоваться съ собственными интересами и принять необходимыя мѣры противъ опасностей, проистекающихъ отъ войны и отъ возстанія.

Пруссія высказывалась менѣе опредѣленно. Она говорила только о нѣмецкихъ интересахъ и о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ Германіи. Это было какъ бы извиненіе передъ нами за ея двусмысленное положеніе. Лордъ Джонъ Россель упрекнулъ за него Пруссію передъ цѣлымъ парламентомъ и обвинилъ ее въ томъ, что она утратила достоинство великой европейской державы, забывая о своихъ обязанностяхъ и помня только о германскихъ интересахъ. Несмотря на то, императоръ Наполеонъ, въ своей рѣчи при открытіи законодательнаго собранія, старался доказать согласіе четырехъ державъ. „Мы идемъ въ Константинополь — сказалъ онъ — вмѣстѣ съ Англіей, чтобы защищать дѣло султана и, тѣмъ не менѣе, охранять права христіанъ. Мы идемъ туда вмѣстѣ съ Германіей, чтобы помочь ей удержать ея положеніе, съ котораго, повидимому, ее хотѣли низвести, и обезпечить ея границы противъ преобладанія слишкомъ могущественнаго сосѣда“.

Въ то же время Людовикъ-Наполеонъ усиливался опредѣлительно очистить положеніе отъ революціонныхъ элементовъ, тревожившихъ Австрію. Въ этомъ случаѣ онъ поступилъ съ неоспо-

римой ловкостью. Союзъ трехъ монархическихъ державъ создался и поддерживался на почвѣ охранительныхъ началъ. Чтобы расторгнуть его, нуженъ былъ чисто политическій вопросъ. Это служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что названный союзъ нисколько не обусловливался русскими интересами.

Императоръ Наполеонъ хорошо зналъ, что, какъ скоро союзъ будетъ расторгнутъ, его личнымъ революціоннымъ инстинктамъ будетъ предоставленъ полный просторъ, и событія доказали справедливость его разсчетовъ. Поэтому онъ съ рѣшимостью пожертвовалъ на время своими тайными замыслами о потрясеніи Европы. Въ статьѣ, помѣщенной въ „Moniteur'ѣ", онъ заявлялъ: „Единственная опасность настоящей борьбы противъ Россіи происходитъ отъ осложненій революціоннаго свойства, которыя, быть можетъ, попытаются проявить себя на нѣкоторыхъ пунктахъ. Высшій долгъ французскаго правительства заключается въ томъ, чтобы честно заявить тѣмъ, кто пожелали бы воспользоваться обстоятельствами и вызвать смуты въ Греціи или въ Италіи, что они окажутся прямо враждебными интересамъ Франціи. Правительство императора Наполеона никогда не будетъ слѣдовать двуличной политикѣ, и точно также какъ, защищая неприкосновенность оттоманской имперіи въ Константинополѣ, оно не могло бы допустить, чтобы эта неприкосновенность была нарушена наступательными дѣйствіями, исходящими изъ Греціи,—она равно не дозволитъ, чтобы знамена Франціи и Австріи, соединенныя на востокѣ, были кѣмъ-нибудь разъединены на Альпахъ" [1]).

Такой тонъ, въ связи съ послѣдующимъ образомъ дѣйствія императора французовъ, ясно выказываетъ тайныхъ двигателей его политики. Она не была двулична въ томъ смыслѣ, что въ каждый данный моментъ она показывала только одно лицо, но предоставляла себѣ измѣнять его.

Впрочемъ коалиція, составлявшаяся противъ насъ, имѣла всѣ признаки настоящаго крестоваго похода. Печать и палаты въ Англіи и Франціи относились къ намъ съ невиданнымъ еще ожесточеніемъ. Любопытно просмотрѣть газетныя статьи и рѣчи того времени. Россія буквально была посажена на скамью подсудимыхъ передъ Европой. Между тѣмъ какъ анонимныя французскія брошюры передѣлывали, въ ущербъ намъ, карту Европы и отнимали у насъ Финляндію, Польшу, Крымъ и Кавказъ, члены

---

[1]) Здѣсь же можно найти объясненіе спокойствія Польши во время описываемаго кризиса. Лозунгъ исходилъ изъ Парижа.

палаты лордовъ громко говорили о томъ, чтобы оттѣснить насъ за Двину и за Уралъ, въ глубину Азіи. Самъ лордъ Эбердинъ, котораго императоръ Николай удостоивалъ своимъ довѣріемъ, который одинъ защищалъ насъ противъ враждебныхъ намъ увлеченій англійскихъ министровъ и народа, даже и онъ не могъ противустоять этому потоку. Обвиненный въ парламентѣ въ пристрастіи къ намъ, онъ защищался болѣе съ ревностью, чѣмъ съ достоинствомъ. „Немного людей, — воскликнулъ онъ, — которые такъ много и съ такой антипатіей, какъ я, писали о русскомъ правительствѣ“. Такимъ образомъ Европа вознаграждала честность и политическую добросовѣстность Россіи! Подобные отзывы доказываютъ, чего Россія должна ожидать отъ Европы всякій разъ, какъ будетъ подвергаться великимъ испытаніямъ. Такія поученія не забываются!

Въ такомъ трудномъ положеніи политическая дѣятельность императорскаго кабинета, увлекаемая военными событіями, могла имѣть только одну цѣль: ограничить предѣлы начинавшейся борьбы, имѣть противъ себя только Турцію, Францію и Англію, предупредить общую коалицію, которую старались поднять противъ насъ, и, если это было возможно, удержать въ неподвижномъ состояніи сперва Австрію, потомъ Пруссію и Германію и, какъ естественное послѣдствіе того, скандинавскія державы. Таковъ былъ единственный двигатель и, такъ сказать, ключъ нашей политики. Указанная цѣль могла быть достигнута только двумя путями: или быстрыми и рѣшительными военными успѣхами, которые произвели бы впечатлѣніе на правительства и массы, ободрили бы робкихъ друзей и оказались бы внушительными для недруговъ; или же системою уступокъ, которая доказывала бы наше желаніе положить скорѣе конецъ войнѣ и возлагала бы отвѣтственность за ея продолжительность на нашихъ враговъ. Первое изъ этихъ средствъ было невозможно для насъ съ тѣхъ поръ, какъ наше военное положеніе было сведено на одну оборону. Только второе средство предстояло императорскому кабинету. Оно требовало тяжелыхъ жертвъ; мы приносили ихъ съ убѣжденіемъ въ ихъ безполезности и, однако, считали своимъ долгомъ дѣлать ихъ; отказъ отъ всякихъ уступокъ имѣлъ бы болѣе неудобствъ, чѣмъ даже безплодность ихъ, доставляя нашимъ противникамъ предлогъ увлекать слабыхъ и нерѣшительныхъ.

Насъ упрекали въ томъ, что мы сами содѣйствовали безполезности этихъ жертвъ, рѣшаясь на нихъ, когда было уже слишкомъ поздно. Подобное обвиненіе должно быть зрѣло обдумано, такъ какъ оно очень важно.

Обязанность императорскаго кабинета въ трудномъ положеніи, въ какомъ онъ оказался, естественно заключалась въ томъ, чтобы защищать шагъ-за-шагомъ интересы Россіи. Въ политикѣ, въ особенности въ военное время, дѣлаемыя уступки и преслѣдуемыя выгоды зависятъ исключительно отъ равновѣсія силъ и взаимныхъ положеній. Несомнѣнно, что въ оцѣнкѣ этого равновѣсія наши разсчеты грѣшили преувеличеннымъ представленіемъ о нашихъ силахъ. Россія вспоминала 1812 годъ. Оскорбленная въ своей національной гордости, она готова была показать еще разъ такой же примѣръ патріотизма. Но обстоятельства были уже не тѣ; въ особенности совершенно измѣнились условія войны; были другіе противники и другой театръ войны, такъ какъ море играло здѣсь главную роль. Желѣзныя дороги, паръ, усовершенствованное оружіе—вносили въ шансы войны глубокія и неиспытанныя еще измѣненія.

Это—наиболѣе важныя соображенія, которыя не были нами достаточно оцѣнены. Отсюда произошла двойная ошибка: во-первыхъ, относительно затрудненій, ожидавшихъ нашихъ противниковъ, и, во-вторыхъ, относительно элементовъ сопротивленія, какіе мы могли имъ противупоставить. Мы видимъ это на каждомъ шагу въ положеніи императорскаго кабинета, въ его тонѣ и въ тонѣ нашихъ министровъ. У насъ не вѣрили въ прочность союза между Англіей и Франціей, разсчитывали на ихъ антагонизмъ, не допускали, чтобы ихъ помощь съ моря принесла дѣйствительную пользу, такъ какъ она могла прикрывать Константинополь и турецкіе порты, но оставляла Турцію на сушѣ открытою для нашихъ ударовъ; еще менѣе вѣрили въ возможность значительныхъ военныхъ экспедицій на такихъ большихъ разстояніяхъ, затруднительность которыхъ, къ сожалѣнію, была на нашей сторонѣ; не хотѣли вѣрить во враждебное ослѣпленіе Австріи и Германіи и возлагали большія надежды на помощь христіанскихъ населеній Турціи. Вотъ почему императорскій кабинетъ, хотя и проникнутый необходимостью уступокъ, но желая ограничить ихъ строгими требованіями положенія, которое не было съ точностью опредѣлено, не всегда приносилъ своевременно нужныя жертвы.

Въ настоящее время легко мудрствовать о прошломъ. Но слѣдуетъ понять, что императоръ Николай, сознавая свое право, чувствуя свою силу, не хотѣлъ даромъ преклонять знамя чести и интересовъ Россіи. Впрочемъ слѣдуетъ признать также, что всѣ жертвы, которыя мы могли бы принести своевременно, вѣроятно были бы не менѣе безплодны. Мы имѣемъ на это много доказательствъ, и въ особенности въ періодъ вѣнской ноты, когда, ко-

нечно, наше согласіе не заставило ждать себя и, однако, не имѣло никакого дѣйствія. Мы увидимъ еще и другія доказательства того же въ теченіе описываемаго кризиса.

Полной искренности не было ни у нашихъ противниковъ, ни у нашихъ друзей. У первыхъ было предвзятое рѣшеніе не положить оружія, пока не будутъ истощены всѣ шансы борьбы; ихъ видимая умѣренность была только приманкой для общественнаго мнѣнія. Что же касается вторыхъ, ихъ двоедушіе или слабость заставляли ихъ на каждомъ шагу переступать черезъ черту, намѣченную ихъ обѣщаніями и увѣреніями. Поэтому условія, какія хотѣли навязать намъ, становились тяжелѣе по мѣрѣ того, какъ мы уступали. Каждая уступка вела къ новымъ требованіямъ, и эти требованія указывали такую цѣль, которой Россія могла подчиниться лишь послѣ несчастной войны, но не признать ее прежде, чѣмъ обнажить оружіе, не жертвуя въ то же время своимъ достоинствомъ.

Таково было тяжелое положеніе, послѣдовательныя фазы котораго мы намѣрены изложить здѣсь.

Для ясности разсказа мы раздѣлимъ его на два періода: первый, заканчивающійся очищеніемъ княжествъ, и второй—принятіемъ четырехъ основъ мира, предъявленныхъ западными державами.

IX.

Очищеніе княжествъ.

(1854.)

Въ моментъ объявленія войны положеніе Австріи, ставовившееся все болѣе и болѣе недоброжелательнымъ, не позволяло намъ обратить къ ней наши попытки къ примиренію. Поэтому императорскій кабинетъ направилъ ихъ преимущественно въ сторону Пруссіи. Нежеланіе названной державы слѣдовать за Австріей въ ея влеченіяхъ къ Западу, недовѣріе и соперничество, разъединявшія оба германскіе двора, и, наконецъ, обнаружившееся въ Берлинѣ стремленіе замѣстить Австрію въ ея посреднической роли, которую король называлъ державной,—все это доставляло намъ точку опоры, чтобы удержать въ такомъ положеніи Пруссію и вмѣстѣ съ тѣмъ Германію, и съ помощью ихъ оказать давленіе на рѣшенія вѣнскаго кабинета.

Наши дѣйствія въ Берлинѣ опредѣлялись характеромъ, какой съ самаго начала войны обѣ морскія державы старались придать

своему союзу. Мы уже видѣли, насколько имъ, какъ христіанскимъ державамъ, было неудобно выступать союзниками турокъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, въ концѣ концовъ, рѣшалась участь христіанской религіи на Востокѣ. Это сознавалъ и самъ лордъ Стрэтфордъ Редклифъ. Онъ даже далъ совѣтъ султану успокоить его христіанскихъ подданныхъ фирманомъ, подтверждавшимъ ихъ права. Подобная уступка оказала такое дѣйствіе на мусульманскій фанатизмъ, что эскадры должны были появиться передъ Константинополемъ скорѣе въ видѣ угрозы, чѣмъ въ видѣ помощи для турокъ. Въ послѣднихъ предложеніяхъ, заявленныхъ Портой, англійскій посолъ крайне настойчиво потребовалъ включенія статьи относительно административной свободы христіанъ.

Рѣчи въ палатахъ Лондона и Парижа высказывали, что, отвергая наши требованія, какъ неисполнимыя, обѣ державы тѣмъ не менѣе рѣшались добиваться самыхъ обширныхъ преимуществъ въ пользу христіанъ. Другими словами, они желали освобожденія для христіанъ, но не хотѣли, чтобы послѣдніе были обязаны имъ Россіи. Такимъ образомъ, императоръ Наполеонъ нашелъ возможнымъ въ своей рѣчи, при открытіи законодательнаго собранія, связать двѣ вполнѣ противоположныя идеи: „Мы идемъ въ Константинополь для защиты султана и покровительства христіанамъ". Слѣдовательно, обѣ державы съ первыхъ шаговъ въ войнѣ думали о томъ, чтобы обезпечить ея цѣль двумя способами—устраненіемъ всякой причины соперничества между собою, и, затѣмъ, требованіями, обращенными къ Портѣ въ пользу христіанъ, и желали избѣгнуть того, чтобы помощь, оказываемая ими Турціи, не имѣла характера угнетенія, который противорѣчилъ бы ихъ положенію христіанскихъ державъ, считающихъ себя во главѣ цивилизаціи.

Первая цѣль достигалась тождественными инструкціями, данными имъ своимъ сухопутнымъ и морскимъ главнокомандующимъ, также какъ и своимъ представителямъ, консуламъ и агентамъ на Востокѣ; иструкціи предписывали всѣмъ имъ оказывать эскадрамъ и подданнымъ дружественной державы такое же содѣйствіе, какъ и своимъ собственнымъ. Далѣе, державы заключили конвенцію между собою и союзный договоръ съ Портой, которыми устанавливалось, что обѣ онѣ отказывались отъ всякой личной исключительной выгоды въ веденіи войны, и что ни та, ни другая, также какъ и турецкое правительство, не будутъ отдѣльно договариваться о мирѣ съ Россіей. Кромѣ того, ходили слухи, что конвенція, заключенная между двумя морскими державами, вы-

говаривала для христіанъ полное равенство гражданскихъ и политическихъ правъ съ турецкими подданными султана.

Наши предложенія берлинскому кабинету опирались на указанныхъ основахъ. Если подобная конвенція существовала, она шла гораздо далѣе нашихъ первоначальныхъ требованій. Тогда война теряла всякій смыслъ. Если бы этотъ актъ пожелали сообщить намъ черезъ посредство короля Пруссіи, объяснивъ, чѣмъ именно Турція гарантируетъ точное исполненіе его, и удостовѣривъ насъ, что онъ ничѣмъ не нарушитъ преимуществъ, пріобрѣтенныхъ православной церковью, тогда императоръ Николай согласился бы начать вновь переговоры, путемъ конференціи въ Берлинѣ, пріостановить враждебныя дѣйствія и очистить княжества одновременно съ выступленіемъ эскадръ изъ проливовъ.

Принцу Георгу Мекленбургскому поручено было государемъ доставить такого рода предложенія въ Берлинъ. Принцъ нашелъ короля лично весьма дружественно расположеннымъ къ намъ, но борющимся съ двумя противоположными чувствами. Съ одной стороны, король относился съ негодованіемъ къ видимому пристрастію графа Буоля въ пользу Франціи. Постояннымъ желаніемъ Пруссіи было овладѣть политическимъ первенствомъ въ Германіи, что также проглядывало въ ея настроеніи. Тогдашній моментъ благопріятствовалъ этой цѣли, такъ какъ вѣнскій кабинетъ видимо уклонялся отъ нейтралитета, желательнаго для государствъ Союза, и Пруссіи нетрудно было отнять у него роль посредника, какую онъ игралъ до объявленія войны. Съ другой стороны, король, въ своей честности нѣмецкаго государя, страшился идеи разъединенія двухъ великихъ германскихъ державъ. Его совѣсть усматривала въ томъ измѣну нѣмецкимъ интересамъ, столь дорогимъ его патріотизму.

Въ борьбѣ такихъ противоположныхъ чувствъ слѣдуетъ искать тайную причину нерѣшительности Пруссіи въ послѣдующихъ переговорахъ. Переговоры, порученные принцу Георгу Мекленбургскому, не могли состояться. Статьи англо-французской конвенціи, на которой они основывались, въ дѣйствительности не существовало. Лондонскій кабинетъ, которому король поспѣшилъ сообщить наше предложеніе, отвѣтилъ, что обѣ морскія державы, заключая договоръ о союзѣ съ Портой, никогда не думали чего-либо требовать въ пользу христіанъ. Подобнаго права онѣ не признавали за собой. Франція и Англія могли дружески побуждать султана улучшить участь христіанскихъ населеній, но единственно путемъ совѣтовъ, которые этотъ государь свободенъ былъ принять или отвергнуть.

Тѣмъ не менѣе прусскій король настоятельно просилъ насъ пріостановить движеніе нашей дунайской арміи и очистить княжества. Взамѣнъ такихъ уступокъ онъ обѣщалъ поддержать передъ парижскимъ и лондонскимъ дворами требованіе о постепенномъ отступленіи союзныхъ эскадръ. Подобное предложеніе показалось намъ недостаточно основательнымъ для того, чтобы его можно было принять. Медленность, съ которою совершалось прибытіе англо-французскихъ войскъ въ Галлиполи, и неопредѣленность настроенія Австріи не создавали намъ такого положенія, какое заставляло бы насъ соглашаться на жертвы, ничѣмъ не вознаграждаемыя. Однако настояніе со стороны дружественной державы указывало, насколько озабочивалъ Германію тотъ фактъ, что театръ войны оказывался въ княжествахъ и на Дунаѣ.

Вѣроятнѣе всего, что указываемая мысль была пущена въ ходъ вѣнскимъ кабинетомъ. Дѣйствительно, Дунай, который Германія любитъ называть нѣмецкой рѣкой, былъ настоящимъ звеномъ, связывавшимъ столь различные интересы, какіе существовали на Востокѣ для Австріи и для остального союза. Вообще рѣки играютъ важную роль въ исторіи, и Дунаю было предназначено занять видное мѣсто въ восточномъ кризисѣ.

До тѣхъ поръ говорили о поддержаніи общаго мира и необходимости цѣлости Турціи для равновѣсія Европы. Съ того момента, на который мы указываемъ, нѣмецкіе интересы стали выступать на первомъ планѣ среди мотивовъ, которыми вѣнскій и берлинскій кабинеты старались объяснить свое положеніе. Эти интересы были связаны съ двумя соображеніями: о княжествахъ и о Дунаѣ. Отсюда исходитъ двойное требованіе, составляющее постоянный предметъ попытокъ, дѣлаемыхъ передъ нами обѣими германскими державами, а именно—объ очищеніи княжествъ и неподвижности нашихъ войскъ на Дунаѣ.

Указанныя требованія были формулированы еще яснѣе протоколомъ 9-го апрѣля, къ которому и Пруссія присоединила свою подпись. Этимъ протоколомъ утверждалось, что конференція четырехъ державъ собралась по требованію представителей Англіи и Франціи для выслушанія чтенія документовъ, устанавливавшихъ военное положеніе между Россіей и западными державами, что это измѣненіе, являвшееся послѣдствіемъ рѣшенія, право котораго было признано основательнымъ, считалось Австріей и Пруссіей вызывающимъ необходимость новаго заявленія о единствѣ четырехъ державъ на основѣ принциповъ, предварительно выработанныхъ сообща. Упомянутые принципы также указывались, а именно: 1) неприкосновенность турецкой имперіи, существеннымъ

условіемъ которой было очищеніе княжествъ; 2) обезпеченіе гражданскихъ и религіозныхъ правъ христіанъ всѣми средствами, совмѣстными съ независимостью и державностью султана; 3) отысканіе гарантій, какія могли бы связать существованіе Турціи съ равновѣсіемъ Европы. Кромѣ того, четыре державы обязывались не входить ни въ какіе переговоры о мирѣ съ Россіей безъ предварительнаго общаго обсужденія ихъ.

При всей неясности его редакціи, протоколъ, очевидно, представлялъ—для обѣихъ германскихъ державъ—весьма важный шагъ впередъ къ сближенію съ западными державами, и притомъ въ такой моментъ, когда послѣднія объявляли намъ войну. Понималъ ли берлинскій кабинетъ всю его важность? Объясненія, какія онъ намъ далъ для оправданія своихъ дѣйствій, столь мало согласовавшихся съ его дружескими увѣреніями, опирались преимущественно на необходимость не отдѣляться отъ Австріи, ради того чтобы оказывать на нее давленіе и сдерживать ее. Быть можетъ, такое намѣреніе было вполнѣ искренно, но оставался вопросъ: достанетъ ли у Пруссіи силы сдержать Австрію, и не скорѣе ли Австрія увлечетъ за собою Пруссію?

Вѣнскій кабинетъ не замедлилъ разрѣшить эту задачу. Для того, чтобы сговориться съ прусскимъ правительствомъ, въ видахъ общаго сильнаго нейтралитета, онъ отправилъ въ Берлинъ генерала Гессе. Видимою цѣлью его порученія было установленіе основъ нейтралитета путемъ возобновленія трактата, заключеннаго, въ 1851 году, между двумя державами на три года, которымъ взаимно гарантировалась неприкосновенность ихъ владѣній, находившихся внѣ предѣловъ союза.

Различіе между прежнимъ и тогдашнимъ положеніемъ достаточно указываетъ значеніе такого шага вѣнскаго кабинета. Въ 1851 г., вопросъ шелъ о случайностяхъ, какія могли быть вызваны возстановленіемъ французской имперіи. Слѣдовательно, взаимная гарантія давалась противъ Людовика-Наполеона въ виду Италіи. Въ 1854 г., рѣчь шла о Востокѣ, и Австрія высказывала враждебное отношеніе къ Россіи. Безъ сомнѣнія, Франція не переставала тревожить ее, несмотря на симпатіи къ императору Наполеону и довѣріе къ Буркенэ. Возбужденное состояніе Италіи, интриги Пьемонта, который вскорѣ долженъ былъ примкнуть къ Франціи въ восточномъ столкновеніи, наконецъ анонимныя брошюры, передѣлывавшія карту Европы,—все это обнаруживало тайные замыслы, истинное значеніе которыхъ едва ли оцѣнивалось боязливымъ сознаніемъ графа Буоля. Но въ то же время было несомнѣнно, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, экстра-

федеральные интересы Австріи затрогивались преимущественно со стороны Россіи. Поэтому генералу Гессе было дано порученіе привести Пруссію къ заключенію трактата, предназначавшагося болѣе всего для обезпеченія вѣнскаго кабинета противъ послѣдствій положенія, которое онъ принималъ противъ насъ, и которому онъ уже замышлялъ придать еще бо́льшую серьезность.

Переговоры, происходившіе въ Берлинѣ въ теченіе апрѣля, составляютъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ той эпохи. Принцъ Георгъ Мекленбургскій тотчасъ же понялъ возможность ихъ и испросилъ у императора Николая разрѣшеніе остаться въ Берлинѣ послѣ окончанія его порученія, для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями австрійскаго уполномоченнаго и способствовать правильности воззрѣнія короля. Послѣдній, будучи волнуемъ противоположными чувствами, какія мы указали выше, допускалъ исторгать у себя рѣшенія, важность которыхъ, повидимому, была не вполнѣ ясна для него. За исключеніемъ ф. Герлаха, преданнаго намъ, окружающіе его не были государственными людьми, стоящими на высотѣ событій. Баронъ Мантейфель былъ не вполнѣ расположенъ къ намъ. Онъ не скрывалъ, что, по его убѣжденію, Пруссія была обязана находиться въ союзѣ съ Австріей, даже въ борьбѣ противъ насъ, хотя ей и слѣдовало стараться отклонить послѣднюю отъ такого крайняго рѣшенія. Совѣстливость короля онъ считалъ романтической политикой.

Генералъ Гессъ понялъ затрудненіе, какое испытывалъ король, и старался его уничтожить. Онъ громко заявлялъ, что ни въ какомъ случаѣ Австрія не будетъ вести войны противъ насъ. Именно во имя нѣмецкихъ интересовъ, любимой идеи короля, онъ старался увлечь его величество на почву союза, опасныя послѣдствія котораго онъ тщательно старался скрыть отъ него. Вопросъ шелъ объ удаленіи отъ границъ Германіи и отъ Дуная борьбы, угрожавшей интересамъ союза. Средствомъ къ тому было добиться отъ насъ очищенія княжествъ и обѣщанія ограничить военныя дѣйствія областью Нижняго Дуная до Балканъ. Какъ скоро эти требованія будутъ удовлетворены, интересы Германіи и Австріи будутъ вполнѣ обезпечены, и всѣ шансы столкновенія съ нами, мысль о которомъ тревожила короля Пруссіи, будутъ устранены.

Однако, среди подобныхъ увѣреній, вовлекая берлинскій кабинетъ въ союзъ, цѣль котораго указывалась весьма смутно, Австрія заботилась о томъ, чтобы оставить за собою полную свободу дѣйствій, для того, чтобы, посредствомъ военныхъ демонстрацій, не давать нашимъ дѣйствіямъ противъ турокъ и ихъ

союзниковъ заходить слишкомъ далеко. Это указывало на заднія мысли, которыя могли повести къ борьбѣ съ нами, и, такимъ образомъ, Пруссія могла увидѣть себя вынужденной очутиться въ рядахъ нашихъ противниковъ.

Усилія принца Георга и нашего представителя были направлены къ тому, чтобы обратить вниманіе короля на такое соображеніе, указывая ему, что, если Пруссія допуститъ склонить себя на подобныя условія, уже не она будетъ сдерживать Австрію, но Австрія увлечетъ ее на путь, исхода котораго невозможно предвидѣть. Король не желалъ имѣть въ виду подобныхъ послѣдствій. Точно такъ же, какъ онъ предполагалъ, что предыдущими вѣнскими протоколами ему удалось умѣрить энергію и притязательность западныхъ державъ,—онъ обольщалъ себя надеждою, что договоръ о нейтралитетѣ съ Австріей, во имя германскаго единства, помѣшаетъ этой державѣ пойти далѣе въ союзъ съ Западомъ. Допуская ослѣплять себя дипломатическими тонкостями, король понемногу утрачивалъ независимость, которая одна могла привести его къ роли верховнаго посредника, о какой онъ мечталъ. Содѣйствуя стѣсненію нашихъ движеній, онъ ослаблялъ и наше положеніе, и свое.

Договоръ былъ подписанъ 20-го апрѣля безъ нашего вѣдома. Императорскій кабинетъ узналъ о немъ лишь черезъ личное сообщеніе короля принцу Георгу. Означенный документъ заключалъ въ себѣ взаимную гарантію германскихъ и не-германскихъ владѣній обѣихъ державъ; обязательство общей защиты ихъ территорій, даже въ случаѣ, если бы одна изъ нихъ, вслѣдствіе соглашенія съ другою, увидѣла себя вынужденной перейти къ дѣйствію для охраненія нѣмецкихъ интересовъ; поддержаніе части своихъ силъ въ состояніи готовности къ войнѣ; приглашеніе германскихъ государствъ присоединиться къ союзу; обязательство не заключать съ какой бы то ни было державой никакого союза, несогласнаго съ приведенными основами.

Легко видѣть растяжимость подобной редакціи. Прусскій король полагалъ найти здѣсь средство воспрепятствовать Австріи всякому послѣдующему соглашенію въ пользу западныхъ державъ. Дальнѣйшія событія обманули эту надежду.

Но важнѣе другихъ была секретная статья, исходившая отъ вѣнскаго кабинета и развивавшая вторую статью договора. Въ тайной статьѣ говорилось, что продолжительное занятіе княжествъ нашими войсками угрожало германскимъ интересамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе подвигались наши дѣйствія противъ Турціи. Въ силу того Австрія должна была потребовать отъ насъ прекращенія

всякаго движенія впередъ нашей арміи и полныхъ гарантій въ быстромъ очищеніи княжествъ; въ случаѣ отказа, Австрія должна была принять мѣры, которыя понудили бы насъ къ такому результату. Впрочемъ наступательное дѣйствіе обѣихъ договаривающихся державъ могло бы быть вызвано только присоединеніемъ княжествъ или переходомъ черезъ линію Балканъ.

Всѣ усилія принца Георга къ тому, чтобы не допустить подписанія тайной статьи договора, остались безплодными; они привели только къ измѣненію ея редакціи. Тѣмъ не менѣе протекло довольно продолжительное время, прежде чѣмъ къ намъ было обращено требованіе, предусматриваемое договоромъ. Эта продолжительная отсрочка объясняется слѣдующими причинами.

Договоръ о союзѣ 20-го апрѣля былъ сообщенъ союзнымъ государствамъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ нему. Уполномоченные союзныхъ государствъ собрались на конференцію въ Бамбергъ для того, чтобы обсудить положеніе, какое слѣдовало принять. Какъ во всякомъ важномъ кризисѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, должны были обнаружиться сѣмена раздора, существовавшія въ средѣ союза. Второстепенныя государства должны были внести туда свои особые взгляды съ ихъ всегдашними осложненіями. Между ними у насъ были друзья, какъ, напр., король виртембергскій, нравственный авторитетъ котораго былъ весьма значителенъ. Болѣе удаленные отъ театра событій, они могли смотрѣть съ бо̀льшимъ спокойствіемъ на положеніе, настоящія опасности котораго не должны были скрывать отдаленныхъ послѣдствій его. Въ этомъ отношеніи они смотрѣли со страхомъ на результаты, къ какимъ можетъ привести разрывъ связей, столь долго соединявшихъ оба нѣмецкіе двора съ Россіей, видя въ подобномъ разрывѣ ничѣмъ ненаполнимый пробѣлъ въ политической системѣ, представлявшей, въ теченіе сорока лѣтъ, оплотъ противъ революціи.

Можетъ показаться страннымъ, что политическую предусмотрительность, въ виду столь серьезнаго кризиса, приходится отыскивать въ мелкихъ государствахъ. Какъ бы то ни было, ихъ настроеніе оказывалось не только болѣе дружественнымъ, но и болѣе справедливымъ, чѣмъ настроеніе Пруссіи. Въ своемъ отвѣтѣ на сообщеніе о союзѣ, заключенномъ 20-го апрѣля, выражая радость по поводу единенія двухъ великихъ германскихъ державъ,— что̀ служило обезпеченіемъ для Германіи,—они высказывали замѣчаніе, что рѣшенія, принятыя обоими дворами, не вполнѣ отвѣчали интересамъ союза, такъ какъ предполагавшаяся мѣра, по отношенію къ одной изъ воюющихъ державъ, не сопровождалась

прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и равносильной мѣрой относительно другихъ, чтобы добиться отступленія ихъ эскадръ. При такомъ дополненіи указываемой мѣры, Германія, безъ сомнѣнія, могла бы всѣмъ своимъ вѣсомъ оказать давленіе въ пользу той изъ сторонъ, которая выказала бы большую склонность къ миру, и употребила бы свое вмѣшательство противъ той, которая отказывалась бы отъ примиренія.

Кромѣ того, они требовали, чтобы нѣмецкія государства были представлены въ переговорахъ для защиты двухъ единственныхъ интересовъ, какіе Союзъ имѣлъ на Востокѣ, а именно: свободнаго плаванія по Дунаю и дѣйствительной защиты христіанъ. Эти два пункта истолковывались даже въ смыслѣ неблагопріятномъ Западу. Такъ, первый изъ нихъ требовалъ свободы плаванія по Дунаю и вообще въ водахъ, ведущихъ къ Черному морю. Здѣсь заключался намекъ на Босфоръ и Дарданеллы, занятіе которыхъ союзными эскадрами, безъ сомнѣнія, было не менѣе опасно для Германіи, нежели засореніе устьевъ Дуная. Что же касается второго пункта, мюнхенскій дворъ давалъ въ немъ понять, что западныя державы угрожали независимости Греціи.

Рѣшеніе бамбергской конференціи вызвало живѣйшее неудовольствіе Австріи. Названная держава поставила себя въ безвыходное положеніе; затрудненія ея увеличивались состояніемъ ея финансовъ, ея внутренними осложненіями, обязательствами по отношенію къ Западу, ея многочисленными и противорѣчивыми интересами, разнообразными опасеніями и различными притязаніями, духомъ ея арміи и высшихъ общественныхъ классовъ, громко протестовавшихъ противъ всякаго союза съ нашими врагами и всякой войны съ нами, колебаніями Пруссіи и разъединеніемъ Германіи. Она внимательно слѣдила за военными дѣйствіями въ Турціи, въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ для того, чтобы сообразоваться съ оборотами событій. Ея военныя мѣры до тѣхъ поръ были направлены преимущественно къ южнымъ провинціямъ. Со стороны Галиціи и Трансильваніи ея границы далеко не находились въ безопасности. Ея рѣшеніе дѣйствовать противъ насъ не было еще принято.

Императорскій кабинетъ замѣтилъ, что преобладающая идея графа Буоля, которую онъ заставилъ до извѣстной степени раздѣлять и въ Берлинѣ, заключалась въ томъ, что угрожающее давленіе Германіи могло бы понудить насъ къ скорѣйшему заключенію мира. Необходимо было уничтожить подобное заблужденіе, которое содѣйствовало слабости нашихъ робкихъ союзниковъ и могло привести ихъ къ открытой враждебности. Вслѣдствіе того

мы предприняли, посредствомъ соединенія нѣсколькихъ отрядовъ въ сосѣдствѣ Галиціи и Трансильваніи, военную демонстрацію, которая должна была указать, что болѣе рѣшительное дѣйствіе Австріи противъ насъ повело бы не къ желаемому миру, но къ устрашавшей всѣхъ войнѣ. Это навело на размышленіе и Вѣну, и Берлинъ.

Такимъ образомъ, время вполнѣ благопріятствовало для рѣшительнаго почина Пруссіи, которая могла бы, опираясь на рѣшеніе союзныхъ государствъ, или понудить Австрію принять на себя посредствующе положеніе на основахъ, установленныхъ бамбергской конференціей, требовавшей безпристрастной взаимности уступокъ, или же изолировать вѣнскій кабинетъ въ его враждебной намъ политикѣ. Подобный шагъ обезпечилъ бы за Пруссіей—и въ Европѣ, и въ Германіи—преобладающее положеніе, которое она всегда хотѣла отбить у Австріи. Шагъ, о которомъ мы говоримъ, казался тѣмъ болѣе естественнымъ, что, подписывая договоръ 20-го апрѣля, берлинскій кабинетъ неизмѣнно отстаивалъ принципъ равноправности между воюющими сторонами.

Къ несчастію, дѣло приняло другой оборотъ. Притязаніе второстепенныхъ государствъ, собравшихся въ Бамбергѣ, заставить уважать свое мнѣніе и принять участіе въ переговорахъ, глубоко оскорбило прусское самолюбіе. Вѣнскій кабинетъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы завлечь Пруссію еще далѣе по намѣченному имъ пути. Онъ началъ съ того, что заставилъ ее подписать 1-го мая новый протоколъ, имѣвшій назначеніемъ согласовать договоръ 20-го апрѣля съ договоромъ объ англо-французскомъ союзѣ. Цѣль протокола была вполнѣ ясна. Австрія задумывала уже союзный договоръ съ западными державами и вела переговоры съ Портой, имѣя въ виду занять Малую Валахію. На самомъ дѣлѣ, 5-ой статьей договора 20-го апрѣля она отказалась отъ всякихъ сдѣлокъ съ другими государствами, какія не согласовались бы съ основами, установленными обѣими нѣмецкими державами. Поэтому она хотѣла установить заранѣе согласованіе упомянутыхъ основъ съ проектируемыми ею дѣйствіями. Характеристической чертой тогдашней эпохи можно считать то, что вѣнскій кабинетъ во всемъ обнаруживалъ предумышленность, не позволяющую приписывать образъ его дѣйствій увлеченію его положеніемъ.

Прусскій король не ограничился этой уступкой настояніямъ Австріи. Во время свиданія его въ Тешенѣ съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, онъ допустилъ убѣдить себя, что вѣнскій кабинетъ не можетъ примкнуть къ принципу взаимности, такъ

какъ у него нѣтъ никакихъ средствъ оказать давленіе на рѣшенія западныхъ державъ, чтобы добиться отъ нихъ отступленія ихъ эскадръ въ то время, когда мы покинули бы княжества. Подчинять первое изъ этихъ условій второму—значило бы рисковать почти вѣрной неудачей. Но можно было предполагать, что если бы настоянія Германіи могли повести насъ къ очищенію княжествъ, это былъ бы значительный шагъ къ миру; по крайней мѣрѣ интересы Австріи не были бы уже болѣе затронуты, и, по ея увѣреніямъ, она ни въ какомъ случаѣ не стала бы съ нами вести войну. Такого рода соображенія заставили короля Пруссіи отвергнуть логичное, справедливое и достойное рѣшеніе, принятое въ Бамбергѣ.

Вѣнскій кабинетъ, видя, какой оборотъ приняла конференція, и не имѣя надежды, чтобы Союзъ добровольно примкнулъ къ его политикѣ, разсчитывая притомъ на нерѣшительность Пруссіи, приступилъ къ болѣе рискованному образу дѣйствій. Безъ совѣщанія съ союзными государствами, даже безъ окончательнаго соглашенія съ Пруссіей,—къ чему его обязывалъ договоръ 2-го апрѣля,—онъ отправилъ намъ упомянутое выше требованіе. Такое рѣшеніе австрійскаго правительства является въ очень печальномъ свѣтѣ, благодаря особому обстоятельству.

Нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ, графъ Стакельбергъ, послѣдовательно сообщалъ намъ о военныхъ движеніяхъ австрійской арміи. Дислокація ея частей должна была давать намъ важныя указанія относительно настроеній Австріи. До половины мая все вниманіе ея сосредоточивалось на Сербіи и Черногоріи, и именно съ этой стороны она принимала мѣры военной предосторожности. Но когда императоръ Николай счелъ необходимымъ принять, съ своей стороны, нѣкоторыя мѣры, чтобы дать понять вѣнскому кабинету послѣдствія его политики, былъ отданъ приказъ усилить австрійскія войска въ Трансильваніи и въ Галиціи. Для выполненія этихъ военныхъ движеній нужно было, однако, не менѣе шести недѣль.

Съ другой стороны, прибытіе англо-французскихъ войскъ въ Турцію совершалось весьма медленно. Въ концѣ марта было не болѣе 13.000 французовъ въ Галлиполи и 7.000 англичанъ въ Мальтѣ. Для Австріи было важно выиграть необходимое время, чтобы закончить приведеніе страны на военное положеніе и опереться на достаточныя силы союзниковъ въ Турціи. Вслѣдствіе того графъ Буоль колебался дать немедленно ходъ требованію, съ которымъ рѣшено было обратиться къ намъ и, для формы поддерживалъ переговоры по вопросу о взаимности. Отсюда же

исходитъ и балканская граница, которую, для успокоенія Пруссіи, онъ указалъ, какъ условіе перехода Австріи къ дѣйствію на основахъ секретной статьи 20-го апрѣля. Но у графа Буоля уже былъ установленъ планъ—выжить (herausmanövriren) насъ изъ княжествъ, замѣстивъ нашу оккупацію своей, удалить войну отъ сосѣдства Австріи и сосредоточить ее въ нашихъ крымскихъ и азіатскихъ владѣніяхъ, вынуждая насъ къ невыгодной оборонѣ.

Тотчасъ же послѣ тешенскаго свиданія 4-й корпусъ былъ приведенъ на военное положеніе. 2-я дивизія была двинута въ Галицію, которой угрожало сосредоточеніе нашихъ войскъ и нашихъ складовъ на линіи р. Серета, вмѣсто того, чтобы быть направленными на Дунай. Краковъ, Тарнополь и Леополь поспѣшно укрѣплялись. Въ началѣ іюня, графъ Стакельбергъ доносилъ намъ, что черезъ мѣсяцъ, т.-е. къ 1-му іюля, Австрія будетъ располагать 67.000 человѣкъ въ Трансильваніи, подъ начальствомъ эрцгерцога Альберта, и 79.000 пѣхоты и 16.000 кавалеріи въ Галиціи. Между этими двумя корпусами 10-й корпусъ долженъ былъ занимать мѣсто резерва. Такимъ образомъ, Австрія выставитъ противъ насъ 182.000 пѣхоты, 36.000 кавалеріи и 376 пушекъ. Это произойдетъ въ то время, когда англо-французы будутъ имѣть возможность соединиться съ Омеромъ-пашей на Дунаѣ.

Здѣсь мы видимъ новое доказательство предумышленности дѣйствій вѣнскаго кабинета, придающее ему весьма печальную роль во всѣхъ переговорахъ того времени. Его недоброжелательство къ намъ сдерживалось только большею или меньшею возможностью вредить намъ, не слишкомъ рискуя. Какъ только онъ чувствовалъ въ себѣ нужную силу, онъ сбрасывалъ маску умѣренности, какою прикрывались его дѣйствія.

4/16 іюля было днемъ, назначеннымъ для разрыва съ нами, если бы получился неблагопріятный отвѣтъ на австрійское требованіе. Требованіе было составлено въ довольно умѣренныхъ выраженіяхъ, не заключая въ себѣ ничего повелительнаго. Отъ насъ желали, во имя политическихъ и коммерческихъ интересовъ Германіи, не подвигать далѣе нашихъ дѣйствій въ Турціи и указать точный, не слишкомъ отдаленный срокъ нашего очищенія княжествъ. При этомъ выражалось желаніе, чтобы очищеніе княжествъ не связывалось съ условіями, выполненіе которыхъ не зависѣло отъ Австріи, т.-е., чтобы мы не подчиняли его одновременному выступленію союзныхъ эскадръ изъ Чернаго моря и проливовъ. Для того, чтобы мы могли узнать, какими обязательствами Австрія была связана съ Западомъ, намъ въ первый разъ оффиціально сообщили протоколъ 9-го апрѣля.

Было бы безполезно указывать поразительно несправедливый характеръ подобнаго требованія, несмотря на его смягченную форму. Каковы бы ни были наши права и побужденія при занятіи княжествъ въ началѣ восточнаго столкновенія, въ настоящее время двѣ названныя области составляли только военную позицію. Подвергаясь сразу нападенію отовсюду, приведенные къ одной только оборонѣ, мы не могли оставить ихъ, не теряя всѣхъ шансовъ для возстановленія извѣстнаго равновѣсія и, по крайней мѣрѣ, для удаленія войны отъ нашихъ сухопутныхъ границъ. Взамѣнъ жертвы, какой требовали отъ насъ, намъ не предлагали рѣшительно ничего,—ни взаимной уступки, ни мира, ни даже пріостановленія враждебныхъ дѣйствій. Напротивъ, насъ лишали средствъ сдѣлать миръ менѣе невыгоднымъ, и нашу территорію открывали нашимъ врагамъ, обезпечивая ихъ отъ всякой опасности нападенія въ Турціи.

Нѣмецкіе интересы, на которые ссылалась Австрія, были только предлогомъ. Безъ сомнѣнія, эти интересы подвергались не меньшей опасности отъ дѣйствій союзниковъ въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, и однако, на нихъ ссылались, только обращаясь къ намъ, ничего не требуя отъ нашихъ противниковъ.

Тѣмъ не менѣе прусскій король опять допустилъ убѣдить себя присоединиться къ той несправедливости, противъ которой онъ самъ же протестовалъ. Тотчасъ же послѣ тешенскаго свиданія онъ отправилъ въ Петербургъ своего адъютанта, полковника Мантейфеля, чтобы держать австрійское требованіе и въ то же время посовѣтовать намъ, въ какомъ духѣ мы должны были на него отвѣтить. Прусскій король желалъ, чтобы отвѣтъ былъ составленъ въ такомъ духѣ, который не закрывалъ бы пути для послѣдующихъ переговоровъ. Онъ заявлялъ, что сочтетъ себя удовлетвореннымъ, если мы ограничимся объясненіемъ, что, имѣя въ виду рѣшенія протокола 9-го апрѣля, устанавливавшія гарантіи въ пользу христіанъ, и потому дѣлавшія войну безполезной, императорскій кабинетъ расположенъ войти въ переговоры о мирѣ и обѣщать очищеніе княжествъ, *какъ только намъ станетъ извѣстно, что морскія державы одушевлены равносильными намѣреніями.*

Второстепенныя государства Германіи, видя себя покинутыми Пруссіей, не могли уже болѣе отказываться присоединиться къ такой мѣрѣ. Намъ повторяли со всѣхъ сторонъ, что, рѣшившись очистить княжества *безъ всякихъ условій*, мы уничтожали бы всякій предлогъ къ войнѣ, что Германія утратила бы всякій интересъ въ этомъ вопросѣ, и Австрія была бы освобождена отъ

своихъ обязательствъ передъ западными державами, которыя болѣе всего боялись, что мы отложимъ выполненіе австрійскаго требованія,—а въ политикѣ слѣдуетъ дѣлать именно то, чего врагъ опасается всего болѣе. И самъ вѣнскій кабинетъ въ конфиденціальной депешѣ, приложенной къ его приглашенію, отъ которой онъ впослѣдствіи отказывался, давалъ намъ понять, что, если мы, отозвавъ наши войска изъ княжествъ, ограничимся линіей Прута, онъ будетъ считать насъ въ правѣ требовать, чтобы Порта и ея союзники держались за Дунаемъ.

Это былъ весьма важный пунктъ. Независимо отъ соотвѣтственнаго выступленія союзныхъ эскадръ, въ которомъ намъ отказывали, такъ какъ не считали себя въ силахъ добиться его отъ западныхъ державъ, являлся и другой, не менѣе существенный, вопросъ о взаимности уступокъ, а именно въ томъ случаѣ, если бы, оставивъ княжества, мы лишили себя средствъ дѣйствовать противъ нашихъ противниковъ на Дунаѣ,— будетъ ли точно такъ же воспрещено послѣднимъ преслѣдовать насъ, пройдя черезъ княжество, на нашей территоріи? На самомъ дѣлѣ, конфиденціальная депеша вѣнскаго кабинета и тонъ графа Буоля указываютъ, что въ то время ни въ Вѣнѣ, ни въ Германіи никому не приходило въ голову, чтобы Австрія могла, какъ впослѣдствіи союзники потребовали того, занять княжества вмѣстѣ съ оттоманскими или англо-французскими силами, и, конечно, еще менѣе— чтобы она могла предоставить послѣднимъ свободный проходъ для нападенія на насъ. Наконецъ, графъ Буоль увѣрялъ нашего представителя, что обязательства Австріи передъ Западомъ не выходили изъ предѣловъ протокола 9-го апрѣля, и что, какъ скоро Австрія будетъ удовлетворена очищеніемъ княжествъ, мы найдемъ въ ней, въ дальнѣйшихъ переговорахъ, нашего прежняго друга и союзника.

Безъ сомнѣнія, опытъ прошлаго не позволялъ намъ безусловно полагаться на подобныя увѣренія. Но очевидно было въ ту минуту, что отказъ немедленно поднялъ бы противъ насъ не только Австрію, но и всю Германію, между тѣмъ какъ, склоняясь на ихъ желанія, если бы мы и не сдержали Австрію, по крайней мѣрѣ мы имѣли бы надежду не допустить Пруссію и остальную часть Союза слѣдовать за этой державой до конца въ ея враждебныхъ видахъ.

Такія основанія убѣдили императора Николая принять мнѣніе его державнаго зятя и отвѣтить на австрійское предложеніе въ такомъ духѣ, чтобы путь для соглашенія оставался открытымъ.

Соотвѣтственно тому императорскій кабинетъ извѣстилъ австрійское правительство, что мы были готовы уступить добровольно для нѣмецкихъ интересовъ то, въ чемъ должны были отказать оскорбительному требованію западныхъ державъ. Онъ ограничился исчисленіемъ бѣдственныхъ послѣдствій пожертвованія нашей военной позиціи въ княжествахъ безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Онъ просилъ только Австрію извѣстить заранѣе не о томъ, какія условія, равносильныя отступленію нашихъ войскъ, она можетъ доставить намъ со стороны нашихъ противниковъ, но о томъ, какія гарантіи она сама намѣрена предложить намъ. Если въ дѣйствительности не отъ нея зависѣло обязать союзниковъ удалиться изъ ихъ морскихъ и сухопутныхъ позицій, въ ея власти по крайней мѣрѣ было указать намъ предѣлъ тѣхъ обязательствъ, въ какія она вошла по отношенію къ нимъ, и удостовѣрить насъ, что, какъ скоро ея собственные интересы будутъ ограждены, она не послѣдуетъ далѣе за нашими противниками въ ихъ требованіяхъ.

Въ то же время, сообразно совѣтамъ прусскаго короля, императорскій кабинетъ предупредительно отнесся къ желаніямъ, выраженнымъ графомъ Буолемъ въ его конфиденціальной депешѣ, сопровождавшей требованіе, и заключавшимся въ томъ, чтобы мы засвидѣтельствовали о нашей готовности начать переговоры о мирѣ или непосредственно, или черезъ посредство двухъ нѣмецкихъ дворовъ. Въ виду того императорскій кабинетъ заявилъ согласіе принять два главные основные пункта протокола 9-го апрѣля, а именно: неприкосновенность Турціи и закрѣпленіе правъ христіанъ. Такимъ образомъ, мы давали Австріи и Германіи такое удовлетвореніе, какое только зависѣло отъ насъ, и притомъ цѣною очень тяжелой жертвы.

Отвѣтомъ на него явился слѣдующій образъ дѣйствій. Наши предложенія были обращены непосредственно къ вѣнскому кабинету. Вмѣсто того чтобы извѣстить насъ о своемъ рѣшеніи, графъ Буоль сообщилъ нашъ отвѣтъ въ Парижъ и въ Лондонъ, какъ будто его рѣшеніе зависѣло отъ западныхъ державъ. Онъ пошелъ еще далѣе: онъ подсказалъ имъ, какія возраженія они могли бы сдѣлать намъ. Кромѣ двухъ принциповъ, которые мы принимали, протоколъ 9-го апрѣля содержалъ третій: отысканіе средствъ — связать оттоманскую имперію съ равновѣсіемъ Европы. Этотъ принципъ заключалъ въ себѣ послѣдствія, опасныя для насъ. Вслѣдствіе того императорскій кабинетъ обходилъ его въ своемъ отвѣтѣ; графъ Буоль указывалъ на такое опущеніе лондонскому и парижскому кабинетамъ. Извѣщая насъ объ этихъ дѣйствіяхъ, онъ заявлялъ намъ, что, признавая вполнѣ справедливость нашихъ

требованій, въ томъ случаѣ, если бы они были отвергнуты Франціей и Англіей, онъ считалъ бы себя обязаннымъ настаивать во всей ихъ силѣ на требованіяхъ, обращенныхъ къ намъ, такъ какъ принятое имъ положеніе позволяло ему только совѣтовать нашимъ противникамъ разсмотрѣть наши предложенія.

Такое предварительное заявленіе не могло не оставить въ насъ никакого сомнѣнія относительно окончательнаго отвѣта вѣнскаго кабинета. Было очевидно, что онъ утратилъ всякую независимость и чувствовалъ себя достаточно сильнымъ предъ нами и слишкомъ слабымъ передъ Западомъ для того, чтобы держаться упорно недоброжелательнаго положенія, принятаго имъ относительно насъ. Итакъ, мы могли разсчитывать въ будущемъ лишь на вынудительное требованіе очистить княжества въ короткій срокъ. Если бы мы стали дожидаться его, мы очутились бы въ очень тяжеломъ затрудненіи—или въ необходимости очистить княжества подъ угрозой понужденія, или вступить въ войну съ Австріей въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ мы столковались на обоихъ берегахъ Дуная съ значительной массой австрійскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ тылу и на флангѣ нашей дѣйствующей арміи.

Императоръ Николай не колебался болѣе. Осада Силистріи была снята, и былъ отданъ приказъ о выступленіи нашихъ войскъ изъ княжествъ. Эти рѣшенія были сообщены вѣнскому кабинету, не ожидая его окончательнаго отвѣта, но имъ было придано значеніе стратегическаго движенія, совершоннаго по нашей собственной волѣ, а не въ видѣ уступки желаніямъ Германіи.

Раздраженіе, какое должны были возбуждать въ насъ недостойный образъ дѣйствій Австріи и слабость Пруссіи и ея союзниковъ, безъ сомнѣнія, оправдываетъ наше нежеланіе отвѣтить обычнымъ образомъ на указываемые поступки. Но это обстоятельство послужило предлогомъ для злонамѣренности графа Буоля. Немедленно послѣ того, какъ мы сообщили ему о нашемъ отступленіи, онъ подписалъ, безъ вѣдома Пруссіи, новое обязательство съ западными державами, которое шло еще далѣе предыдущихъ, и явился передъ нами органомъ новыхъ требованій.

X.

Принятіе основаній мира.

(1854.)

Австрійское правительство, опираясь на согласіе, выраженное нами въ нашемъ отвѣтѣ относительно двухъ принциповъ, установленныхъ протоколомъ 9-го апрѣля, т.-е. неприкосновенности Турціи и закрѣпленія правъ христіанъ, рѣшилось воспользоваться передъ лондонскимъ и парижскимъ дворами этими элементами мирныхъ переговоровъ.

Западныя державы оказались весьма затрудненными нашими предложеніями. Онѣ опасались, что Германія ускользнетъ отъ нихъ въ моментъ выполненія плана ихъ кампаніи. Дѣйствительно, онѣ рѣшились, въ видѣ конечной цѣли войны, произвести нападеніе на Севастополь; до тѣхъ поръ нашъ переходъ черезъ Дунай заставлялъ ихъ откладывать этотъ проектъ въ виду оказанія помощи Омеру-пашѣ. Очищеніе княжествъ и положеніе, принятое Австріей на нашихъ границахъ, позволяли имъ теперь располагать всѣми ихъ силами, сосредоточенными въ Варнѣ и въ Галлиполи, для высадки въ Крымѣ. Онѣ мало заботились о вступленіи въ переговоры о мирѣ и объ установленіи основаній его, не желая связывать себѣ руки. Вслѣдствіе того онѣ холодно отнеслись къ нашимъ предложеніямъ. Но вѣнскій кабинетъ доказывалъ имъ, что отказаться отъ обсужденія предложеній—значило выказать передъ Европой, что они, во что бы то ни стало, желали войны. Поэтому онѣ рѣшились заявить такія условія, какія не могли бы быть приняты, для того, чтобы отвѣтственность за отказъ пала на Россію. Онѣ ухватились за четвертый пунктъ основаній протокола 9-го апрѣля, опущеніе котораго въ нашемъ отвѣтѣ было обязательно указано имъ вѣнскимъ кабинетомъ.

Мы предвидѣли всѣ послѣдствія того. Они были развиты слѣдующимъ образомъ: 1) покровительство, какое мы оказывали княжествамъ и Сербіи, должно было прекратиться, и, взамѣнъ его, должна быть установлена коллективная гарантія, какъ результатъ соглашенія съ Портой. 2) Судоходство по Дунаю у его устьевъ должно было быть освобождено отъ всякихъ преградъ и подчинено принципамъ, установленнымъ вѣнскимъ конгрессомъ 1815-го года [1]. 3) Трактатъ 1841 г. долженъ былъ быть пере-

---

[1]) Этому пункту предстояло играть важную роль въ переговорахъ, такъ какъ онъ касался интересовъ Германіи. Вотъ его исторія: пока устья Дуная находились

смотрѣнъ сообща, въ интересѣ европейскаго равновѣсія. 4) Россія должна была отказаться отъ всякаго оффиціальнаго покровительства надъ подданными султана, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, и удовольствоваться взаимной помощью, которую державы должны были оказывать другъ другу, съ цѣлью добиться обезпеченія религіозныхъ преимуществъ различныхъ религіозныхъ общинъ, не ведущихъ, однако, къ нарушенію независимости султана.

Таковы были условія, которыя парижскій и лондонскій кабинеты оповѣстили вѣнскому кабинету. Оставляя за собой право измѣнять ихъ, въ цѣломъ или въ подробностяхъ, сообразно случайностямъ войны, они заявляли, что не войдутъ въ обсужденіе никакого предложенія Россіи, которое не указывало бы на полное принятіе ею означенныхъ принциповъ. Съ своей стороны, австрійское правительство подписало 8-го августа обязательство съ

въ рукахъ турокъ, еще недостаточно развившаяся торговля не слишкомъ терпѣла отъ незначительной глубины прохода. Населеніе Добруджи (около 12.000 чел.), въ видѣ единственной дани, занималось очисткою Сулинскаго прохода, совершавшеюся самымъ первобытнымъ способомъ. Когда, въ 1829 г., адріанопольскій трактатъ отдалъ намъ въ руки устья Дуная, Порта ввела въ трактатъ статью, обязывавшую насъ поддерживать извѣстную глубину рѣки, въ интересахъ европейской торговли. Для исполненія такого обязательства въ Сулинѣ были установлены землечерпательныя машины. Но понемногу въ пользованіи ими вкрались злоупотребленія. Русскія власти, назначенныя для присмотра за работами, вступили въ составъ товарищества, учрежденнаго съ цѣлью доставленія легкихъ судовъ для разгрузки иностранныхъ кораблей, слишкомъ тяжелыхъ или объемистыхъ, чтобы войти въ проходъ. Товарищество, видя выгоду въ томъ, чтобы увеличивать работу этихъ судовъ, естественно относилось небрежно къ очисткѣ рѣки. Здѣсь заключается источникъ жалобъ, становившихся все чаще и настойчивѣе, по мѣрѣ того, какъ развивалась торговая дѣятельность въ означенной мѣстности. Въ особенности Австрія, завладѣвшая, со времени учрежденія Ллойда, всей торговлей на Дунаѣ, постоянно жаловалась на состояніе Сулинскаго прохода. Въ 1840 г., императорскій кабинетъ, желая положить тому конецъ, заключилъ договоръ съ названной державой, удовлетворительно регулировавшій указанный пунктъ. Однако, несмотря на наши усилія и настоянія, злоупотребленія, поддерживаемыя личными интересами, продолжали существовать въ такомъ размѣрѣ, что, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, по истеченіи срока договора, Австрія сочла безполезнымъ возобновлять его.

Такимъ образомъ, этотъ вопросъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, былъ предметомъ неудовольствія въ нашихъ отношеніяхъ съ Австріей и Германіей. Насъ обвиняли въ томъ, что мы намѣренно затрудняли судоходство по Дунаю, чтобы воспрепятствовать развитію нѣмецкой торговли, составлявшей конкурренцію Одессѣ. Эта тэма, развиваемая печатью въ теченіе двадцати лѣтъ, съ обычной враждебностью ея къ намъ, служила одной изъ главныхъ причинъ неудовольствія общественнаго мнѣнія, считавшаго Дунай нѣмецкою рѣкой.

Указанныя обстоятельства объясняютъ тотъ интересъ, какой связывался въ переговорахъ съ этимъ пунктомъ.

морскими державами, которыхъ оно удостовѣряло, что вполнѣ присоединяется къ этимъ принципамъ и не войдетъ съ нами въ переговоры на какихъ-либо другихъ основаніяхъ.

Могли ли мы, должны ли мы были принять подобныя условія? Въ настоящемъ обстоятельствѣ, какъ и въ предшествующихъ, возможно сожалѣть, что они были отвергнуты нами, такъ какъ, въ концѣ концовъ, мы вынуждены были принять гораздо худшія. Но, становясь въ положеніе того момента, легко допустить, что они были сочтены невозможными.

Нѣтъ сомнѣнія, что наше военное положеніе стало еще серьезнѣе, вслѣдствіе очищенія княжествъ. Свободные въ своихъ движеніяхъ, наши противники, сосредоточенные въ Варнѣ, господствовавшіе надъ Чернымъ моремъ, могли теперь выбирать для нанесенія своихъ ударовъ намъ самыя чувствительныя мѣста. Обреченные на одну оборону, мы должны были ожидать ихъ повсюду, вездѣ быть готовыми отражать ихъ. Аккерманъ, Севастополь, Анапа—одинаково находились въ опасности. Такая необходимость дробить наши силы вездѣ заставляла насъ быть слабѣе.

Однако мы были у себя дома, а Россія доказала, насколько она сильна на своей родной почвѣ. Государь могъ полагаться на свою храбрую армію; нашимъ врагамъ приходилось предпринимать отдаленныя экспедиціи, всегда затруднительныя, несмотря даже на громадные рессурсы, представляемые моремъ. Мы могли надѣяться, что Германія, стоявшая уже внѣ борьбы, не будетъ тревожить насъ и предоставитъ силамъ нашихъ враговъ истощаться въ попыткахъ, которыя наше сопротивленіе могло сдѣлать совершенно безплодными. Наконецъ, существовали и соображенія чести, которыя, какъ скоро мечъ былъ обнаженъ, не позволяли намъ вложить его въ ножны, не испробовавши всѣхъ шансовъ войны.

Съ другой стороны, условія, какія намъ ставились, были несправедливы. Между тѣмъ какъ для насъ не допускалось даже обсужденія ихъ, наши враги оставляли за собой право измѣнять ихъ по своему произволу. Такимъ образомъ, принятіе ихъ нами не только не вело къ прекращенію враждебныхъ дѣйствій, но наши противники вовсе не связывали себя ими, и мы должны были ожидать ежеминутно, что условія станутъ еще тяжеле или въ силу новыхъ требованій, или вслѣдствіе развитія указанныхъ основъ.

Дѣйствительно, эти основы излагались въ тяжелыхъ выраженіяхъ, оставлявшихъ полный просторъ для всякаго рода толкованій. Но для насъ не могло быть никакого сомнѣнія относи-

тельно ихъ сущности. „Moniteur“ взялъ на себя разъясненіе ихъ, обнародовавъ депешу французскаго правительства, гдѣ онѣ были формулированы. По поводу статьи относительно пересмотра трактата 1841 года, газета высказывала опредѣленно, что пересмотръ долженъ былъ произойти въ смыслѣ ограниченія морского могущества Россіи въ Черномъ морѣ, такъ какъ миръ не можетъ быть проченъ до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ сохранять морскія укрѣпленія, безъ всякаго противовѣса, составляющія постоянную угрозу для оттоманской имперіи.

Именно, графъ Буоль, для того, чтобы не встревожить насъ преждевременнымъ обнаруженіемъ этихъ скрытыхъ замысловъ, добился отъ западныхъ державъ, чтобы упомянутая фраза была исключена изъ ихъ отвѣта на наши предложенія. Когда императорскій кабинетъ основался на толкованіи „Moniteur“'а, чтобы отвергнуть условія, какія ставились ему, гр. Буоль сдѣлалъ видъ, что не признаетъ за нами права ссылаться на выраженія, не заключавшіяся въ оффиціальныхъ предложеніяхъ, подлежавшихъ нашему разсмотрѣнію. Но толкованіе, данное чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ того этимъ четыремъ основаніямъ въ вѣнской конференціи, указываетъ, что таковъ именно былъ смыслъ, какой наши противники, въ томъ числѣ и Австрія, придавали пересмотру трактата 1841-го года, въ интересахъ европейскаго равновѣсія.

Какъ бы то ни было, указанные мотивы присоединялись къ негодованію, какое вызывало сообщеніе Австріи въ моментъ, когда мы только-что принесли въ жертву ея интересамъ нашу позицію въ княжествахъ, и заставили императорскій кабинетъ отвѣтить отказомъ. Онъ заявилъ, что такъ какъ западныя державы обратились къ шансамъ войны, то и Россія послѣдуетъ ихъ примѣру, удерживаясь въ оборонительномъ положеніи въ своей странѣ, готовая отразить нападеніе, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало.

Намъ оставался теперь только одинъ шансъ—подѣйствовать на Пруссію и второстепенныя государства Европы, чтобы обезпечить за собой ихъ нейтралитетъ. Этого было уже достаточно для насъ въ борьбѣ, начатой въ столь невыгодныхъ условіяхъ, когда Англія и Франція наступали на насъ, а Австрія была готова перейти отъ недоброжелательства къ враждебности. Было весьма важно удержать германскій союзъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сѣверныя государства Европы внѣ коалиціи, которую западныя державы стремились сдѣлать общею противъ насъ. Въ виду такой цѣли, мы должны были придавать большое значеніе тому, чтобы

Пруссія заявила себя удовлетворенной нашимъ отвѣтомъ на австрійскій запросъ и на выраженное нами расположеніе къ миру.

Мы достигли этого результата. Берлинскій кабинетъ остался доволенъ тѣмъ, чтѝ казалось недостаточнымъ вѣнскому кабинету, въ особенности когда мы приступили немедленно къ осуществленію заявленнаго нами намѣренія покинуть территорію княжествъ. Австрія усиливалась вызвать коллективный отвѣтъ вѣнской конференціи на наши мирныя предложенія. Пруссія на-отрѣзъ отказалась присоединиться къ ней. Она ограничилась тѣмъ, что совѣтовала намъ принять упомянутыя основанія мира, но не брала на себя сдѣлать ихъ обязательными для насъ.

Такое рѣшеніе воспрепятствовало тому, чтобы четыре пункта, установленные западными державами, сдѣлались предметомъ новаго протокола. Вѣнскій кабинетъ вынужденъ былъ ограничиться засвидѣтельствованіемъ своего присоединенія къ нимъ посредствомъ обмѣна нотъ съ лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, чтѝ произошло 8-го августа. Пруссія осталась въ сторонѣ и, такимъ образомъ, очутилась въ изолированномъ положеніи, внѣ прежней конференціи.

Императорскій кабинетъ стремился добиться еще бѝльшаго. Онъ просилъ Пруссію заявить письменнымъ и формальнымъ актомъ, что съ той минуты, какъ мы удовлетворили желанія и частные интересы Германіи, она должна будетъ считать себя свободной отъ узъ, налагаемыхъ на нее союзомъ, установленнымъ договоромъ 20-го апрѣля, если Австрія произведетъ нападеніе на насъ.

Въ данномъ случаѣ мы потерпѣли неудачу, въ виду непреодолимой боязни короля вызвать разъединеніе Германіи. Это чувство внушалось ему убѣжденіями, вполнѣ достойными уваженія, хотя окончательный результатъ долженъ былъ скомпрометтировать нѣмецкіе интересы въ пользу частныхъ видовъ Австріи. Кромѣ того, короля поддержало въ такомъ рѣшеніи свиданіе съ баварскимъ и виртембергскимъ королями, которые, относясь съ величайшимъ порицаніемъ къ политикѣ вѣнскаго кабинета, полагали также, что, еслибы наступательныя дѣйствія Австріи привели насъ въ Галицію или въ Венгрію, обязанностью Германіи было бы помочь Австріи.

Вопросъ, обсуждавшійся въ то время между государствами союза, заключался въ томъ, до какихъ предѣловъ простиралась взаимная гарантія ихъ территорій, установленная договоромъ 20-го апрѣля, который берлинскій кабинетъ имѣлъ неблагоразуміе подписать, не измѣривъ всего его значенія. Если Австрія желала вынудить насъ къ принятію четырехъ пунктовъ и при-

няла бы такія мѣры, которыя вызвали бы столкновеніе съ нами, были ли Пруссія и Германія обязаны ей помогать? Болѣе того, вѣнскій кабинетъ только-что заключилъ съ Портой и съ западными державами договоръ, въ силу котораго онъ обязывался замѣстить насъ въ княжествахъ, и его войска уже двигались, по мѣрѣ того какъ наши выступали изъ названной области. Въ такомъ положеніи австрійская армія оказывалась внѣ территоріи союза, въ провинціи оттоманской имперіи, могущей сдѣлаться театромъ враждебныхъ дѣйствій и привести русскія войска въ прямое столкновеніе съ австрійскими силами. Должна ли была гарантія союза примѣняться къ подобному случаю?

Вѣнскій кабинетъ поддерживалъ такое мнѣніе, утверждая, что его военныя силы находились тамъ только для охраненія нѣмецкихъ интересовъ. Его знамя представляло тамъ знамя Германіи, которая, слѣдовательно, должна была оказать ему помощь, въ случаѣ необходимости. Пруссія отвергала подобнаго рода притязанія, которыя подчиняли ее австрійской политикѣ; она не допускала подобнаго толкованія договора 20-го апрѣля, и на этой почвѣ переписка между двумя дворами приняла характеръ нѣкотораго раздраженія, которое перенеслось даже и въ сеймъ, гдѣ тотъ и другой старались о томъ, чтобы доставить верхъ своему мнѣнію.

Пруссія держалась довольно долго, но Австрія настаивала съ крайнимъ упорствомъ. Она сама находилась въ затруднительномъ положеніи. Мысль о занятіи придунайскихъ княжествъ - вмѣсто насъ—была внушена ей различными мотивами. Надежда сыграть видную роль на нашъ счетъ, во всякомъ случаѣ удалить войну отъ своего сосѣдства, замѣстить наше преобладаніе своимъ и закрѣпить свое вліяніе во всѣхъ турецкихъ провинціяхъ, сосѣднихъ съ ея территоріей, по мѣрѣ того какъ наше будетъ уничтожаться тамъ,—быть можетъ, также и тайная мысль обезпечить за собой свою долю обломковъ оттоманской имперіи, если, какъ можно было ожидать, настоящая война, предпринятая подъ предлогомъ спасенія послѣдней, поведетъ къ ея окончательной гибели, — таковы были причины указаннаго рѣшенія. Западные дворы охотно присоединились къ нему, для того, чтобы такой уступкой склонить Австрію къ союзу съ ними.

Однако вѣнскій кабинетъ, разсчитывавшій такимъ путемъ нейтрализировать названныя провинціи и удалить отъ нихъ войну, вмѣсто того, не замедлилъ очутиться въ весьма опасномъ положеніи. Западныя державы легко согласились на вступленіе австрійцевъ въ княжества въ качествѣ союзниковъ, но не въ видѣ пре-

грады для себя, и такъ какъ онѣ вели съ нами войну ради нашей оккупаціи, онѣ вовсе не намѣревались допустить австрійскую оккупацію, если бы послѣдняя состоялась исключительно въ австрійскихъ интересахъ. Вслѣдствіе того онѣ потребовали, чтобы княжества были заняты англо-французскими и турецкими войсками, сообща съ австрійскими, и, кромѣ того, чтобы ихъ дѣйствія не были стѣсняемы тамъ, но чтобы, въ случаѣ надобности, австрійская армія открыла имъ свободный проходъ, для того, чтобы перейти на русскую территорію.

Такимъ образомъ, присутствіе австрійскихъ силъ въ княжествахъ имѣло лишь цѣлью прикрытіе нашихъ враговъ на случай обратнаго наступательнаго движенія съ нашей стороны, не ограждая насъ отъ ихъ нападенія. Въ дѣйствительности, это было открытое враждебное дѣйствіе, дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ насъ, вслѣдствіе чего мы были въ правѣ объявить войну Австріи. Названная держава должна была подчиниться описываемымъ условіямъ. Но она тѣмъ болѣе придавала значенія возможности обезпечить за собой гарантію своихъ союзниковъ въ такомъ положеніи, въ какомъ она приписывала себѣ защиту ихъ интересовъ. Чтобы привлечь ихъ къ себѣ, она прибѣгла къ системѣ прямыхъ вызововъ по отношенію къ намъ. Ободренный высадкой англо-французской экспедиціи въ Крыму, графъ Буоль думалъ, что онъ уже не имѣетъ надобности щадить насъ. Это было не первый разъ, что онъ соразмѣрялъ смѣлость своихъ дѣйствій съ затрудненіями, какія онъ доставлялъ намъ. Съ каждымъ днемъ тонъ его газетъ становился враждебнѣе и оскорбительнѣе для насъ. У него достало печальной смѣлости обратиться съ оффиціальными поздравленіями къ императору Наполеону, по поводу сраженія при Альмѣ, и позже, по поводу взятія Севастополя, что въ то время было еще ложнымъ слухомъ. Его видимою цѣлью было истощить терпѣніе императора Николая и вызвать столкновеніе, которое, наконецъ, вывело бы Пруссію и Германію изъ ихъ нейтралитета.

Нашъ интересъ не менѣе, очевидно, заключался въ томъ, чтобы не вмѣшиваться въ эту игру, откликнувшись на его вызовы. Въ первыя минуты раздраженія, какое заставляло насъ испытывать положеніе, принятое Австріей, мы произвели военную демонстрацію на границахъ Галиціи и Буковины. Такая мѣра была внушена намъ желаніемъ опровергнуть идею, преобладавшую тогда у графа Буоля, будто чѣмъ положеніе его будетъ болѣе угрожающимъ, тѣмъ скорѣе оно понудитъ насъ къ уступкамъ, которыя могли бы привести къ миру. Такъ какъ онъ стремился, чтобы

такое заблужденіе раздѣлялось и Германіей, было весьма важно подорвать его, давая понять, что, наоборотъ, подобное положеніе могло лишь повести къ войнѣ между Австріей и нами, и что мы, не вызывая такой возможности, не отступимъ, однако, передъ нею. Несомнѣнно враждебныя демонстраціи, произведенныя вѣнскимъ кабинетомъ, позволяли намъ допускать эту возможность. Вслѣдствіе того было рѣшено сформированіе третьей арміи, между арміями, находившимися въ Польшѣ и на Югѣ. Эта мѣра уже начала приводиться въ исполненіе.

Насъ упрекали за то, что, дѣйствуя такимъ образомъ, мы поступили сообразно видамъ графа Буоля. Онъ вовсе не хотѣлъ войны съ нами; единственною цѣлью его было, внушая намъ опасенія своими политико-стратегическими маневрами, парализовать наши военныя дѣйствія и привести насъ къ невыгодной оборонѣ. Вслѣдствіе того съ нашей стороны было бы болѣе искуснымъ пріемомъ, если бы мы противопоставили его комбинаціямъ вполнѣ спокойное отношеніе къ Австріи и Германіи, какой бы видъ ни имѣло ихъ положеніе, даже и тогда, если бы австрійскія войска перешли черезъ наши границы. Какъ скоро мы рѣшились удовлетворить желанію Германіи, выступивъ изъ княжествъ, и принять оборонительную войну у себя, намъ слѣдовало послать немедленно всѣ наши войска на Дунаѣ для подкрѣпленія крымской арміи. Послѣдняя получила бы тогда возможность нанести союзникамъ, едва успѣвшимъ высадиться, рѣшительный ударъ, который оказалъ бы на настроеніе вѣнскаго кабинета болѣе дѣйствія, чѣмъ безполезное присутствіе на ея границахъ цѣлаго корпуса, не имѣвшаго возможности серьезно угрожать Австріи и не собиравшагося напасть на нее [1]).

Какъ бы то ни было, императорскій кабинетъ понялъ необходимость бороться въ Германіи противъ интригъ графа Буоля. Онъ обратился къ берлинскому кабинету съ меморандумомъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ: цѣлью нѣмецкихъ дворовъ было охраненіе интересовъ союза; на самомъ дѣлѣ, изъ четырехъ пунктовъ, которые Австрія пыталась провести, только два касались его интересовъ—свобода судоходства по Дунаю и обезпеченіе участи христіанъ. Такъ взглянулъ на дѣло и сеймъ. Россія была не только готова согласиться на то, чтобы Германія приняла два означенные пункта за основаніе своего участія въ восточныхъ дѣлахъ, но и на то, чтобы дать ей полное удовлетвореніе. Кромѣ того, Пруссія и Германія отказывались вступить

---

[1]) Таково было мнѣніе генерала Жомини.

въ наступательный и оборонительный союзъ, желаемый Австріей, какими бы средствами ни пользовалась названная держава, чтобы вынудить насъ къ принятію четырехъ основъ мира. Пруссія и Германія не желали идти далѣе оборонительнаго союза подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Австрія не вызывала нападенія со стороны Россіи; императорскій кабинетъ готовъ былъ заявить, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія напасть на Австрію, что онъ не нападетъ на нее, и что движенія нашихъ войскъ на границахъ имѣли лишь оборонительную цѣль, оправдываемую враждебнымъ положеніемъ, какое названная держава приняла по отношенію къ намъ.

Прусское правительство приняло наши предложенія и поспѣшило извѣстить о нихъ государства союза. Но положеніе его не улучшилось. Съ одной стороны, Франція и Англія угрожали ему, что они будутъ считать всякую попытку отдѣлить Австрію отъ союза съ ними какъ за враждебное дѣйствіе противъ нихъ, и намекали ему на морскую блокаду его береговъ. Съ другой стороны, мелкія государства Германіи оставляли его одно за другимъ и переходили въ австрійскій лагерь. Ганноверское королевство первое подало къ тому сигналъ. Баварія, находясь подъ давленіемъ Франціи и Австріи, полагала, что, въ случаѣ войны, она не въ силахъ будетъ противиться этому двойному стѣсненію. Саксонія и Виртембергъ, столь твердые до того времени, видѣли себя вынужденными уступить общему потоку.

Берлинскій кабинетъ предвидѣлъ, что, если вопросъ о присоединеніи Германіи къ четыремъ основнымъ пунктамъ мира, будетъ перенесенъ на сеймъ, онъ окажется въ меньшинствѣ и будетъ вынужденъ или подчиниться, противъ своего желанія, рѣшеніямъ большинства, или насильственно разорвать связи союза. Онъ сообщилъ намъ о своихъ затрудненіяхъ, давая намъ предвидѣть имѣющее вскорѣ состояться приглашеніе и даже требованіе всей Германіи заставить насъ, во имя мира, присоединиться къ четыремъ основнымъ пунктамъ. Король убѣждалъ насъ взять на себя починъ, для того, чтобы сохранить за нашими рѣшеніями полную свободу и предложить переговоры о мирѣ, принявъ за исходную точку условіе, поставленное западными державами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ основывался на настроеніи, обнаруженномъ австрійскимъ императоромъ и его министромъ. Подлинными словами послѣдняго были: „Если русскій кабинетъ открыто приметъ четыре основные пункта, Австрія не только поддержитъ самымъ энергическимъ образомъ, но вступится на словахъ и на дѣлѣ за Россію, если бы западныя державы отвергли ихъ“.

Дѣло, повидимому, обстояло благопріятнѣе, чѣмъ въ тотъ моментъ, когда были формулированы четыре основные пункта. Кампанія союзниковъ въ Балтійскомъ морѣ осталась безъ результатовъ, бомбардированіе Севастополя было отражено. Не было еще ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Слѣдовательно, мы могли предложить, а наши противники принять переговоры о мирѣ. Указываемыя обстоятельства убѣдили императора Николая склониться къ желаніямъ короля Пруссіи. Не придавая этой попыткѣ полнаго довѣрія, которое столь часто бывало обмануто, онъ рѣшился сдѣлать опытъ, для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, отдалить до весны войну съ Австріей и, въ особенности, чтобы помѣшать вступленію въ коалицію Германіи и—какъ неизбѣжное послѣдствіе того—сѣверныхъ государствъ.

Князь Горчаковъ въ іюнѣ былъ назначенъ замѣстить въ Вѣнѣ барона Мейендорфа, энергія и здоровье котораго были утомлены дипломатической борьбой, продолжавшейся въ теченіе столькихъ лѣтъ. Онъ былъ уполномоченъ заявить нотой, обращенной къ графу Буолю, что императорскій кабинетъ готовъ былъ начать съ западными державами переговоры о мирѣ, на основаніи четырехъ пунктовъ. Это порученіе было выполнено имъ 28-го ноября. Черезъ четыре дня послѣ того Австрія подписала съ нашими противниками союзный договоръ 2-го декабря! Таковъ былъ отвѣтъ на нашу миролюбивую попытку. Сама Пруссія, 26-го ноября, т.-е. за шесть дней передъ тѣмъ, подписала дополнительную статью къ договору 20-го апрѣля, которою она выражала согласіе распространить на территорію княжествъ гарантію, обѣщанную Австріи, въ случаѣ нашего нападенія на ея территорію. Такимъ образомъ, продолжалась прежняя игра. Графъ Буоль убаюкивалъ Пруссію надеждой, что уступки его требованіямъ, съ нашей стороны и со стороны берлинскаго кабинета, освободятъ его отъ обязательствъ относительно Запада, а между тѣмъ, какъ только онъ добивался того, чего просилъ, онъ спѣшилъ связать себя новыми узами съ нашими врагами.

Трудно сказать, былъ ли такой образъ дѣйствій предумышленнымъ проявленіемъ недобросовѣстности, или слѣдствіемъ угрозъ Франціи. Утверждали, что послѣдняя, недовольная тѣмъ, что уступки Россіи и Пруссіи грозили неудачей давно уже продолжавшимся переговорамъ объ окончательномъ вступленіи Австріи въ западный союзъ, потребовала отъ вѣнскаго кабинета или немедленнаго подписанія договора, или возвращенія паспортовъ французскому послу.

Какъ бы то ни было, императоръ Николай не считалъ уже

себя обязаннымъ возвращаться къ своему миролюбивому рѣшенію. Обвиняемый всей Европой въ томъ, что онъ былъ виновникомъ войны и единственной преградой къ миру, государь хотѣлъ доказать, что не отъ него зависѣло положить конецъ бѣдствіямъ этой войны.

Нашему представителю въ Вѣнѣ были даны всѣ необходимыя полномочія, чтобы войти въ переговоры, и австрійское правительство дѣятельно взялось за полученіе согласія западныхъ державъ. Послѣднія были крайне недовольны такой развязкой, угрожавшей еще разъ устранить Австрію отъ союза съ ними въ тотъ моментъ, когда онѣ льстили себя надеждой, что были уже неразрывно связаны съ нею. Тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ общему желанію Европы, онѣ не могли уклониться отъ этой попытки къ примиренію.

16-го декабря, между представителями державъ произошло свиданіе, не имѣвшее оффиціальнаго характера, съ цѣлью убѣдиться, обѣщали ли точки зрѣнія на четыре пункта придти впослѣдствіи къ мирному соглашенію путемъ формальныхъ конференцій. Съ этою цѣлью князю Горчакову была прочтена записка, въ которой три кабинета, связанные договоромъ 2-го декабря, опредѣляли смыслъ и значеніе четырехъ пунктовъ.

Означенный документъ намѣренно былъ редактированъ въ оскорбительныхъ для насъ выраженіяхъ. Въ первый разъ въ немъ выступала идея о лишеніи Россіи части ея территоріи на нижнемъ Дунаѣ, подъ предлогомъ обезпеченія судоходства на немъ. Починъ такого требованія принадлежитъ Австріи. Кромѣ того, требовалось признаніе принципа, что пересмотръ трактата 1841 года долженъ положить конецъ нашему преобладанію на Черномъ морѣ; такое толкованіе графъ Буоль отрицалъ два мѣсяца тому назадъ, какъ противное его намѣреніямъ, а теперь онъ присоединялся къ нему.

Цѣль подобныхъ требованій была очевидна: разсчетъ заключался въ томъ, чтобы вызвать съ нашей стороны взрывъ негодованія, возложить на насъ тяжесть войны и увлечь Австрію и Германію. Князь Горчаковъ съумѣлъ искусно избѣжать разставленной ему западни. Представивъ нѣсколько возраженій въ частностяхъ, онъ воздержался отъ безусловнаго отказа и ограничился противопоставленіемъ прочитанному ему документу другого изложенія четырехъ пунктовъ, гдѣ оскорбительныя для насъ мѣста были устранены, всякій намекъ на отчужденіе нижняго Дуная уничтоженъ и согласіе на принципъ ослабленія нашего преобладанія на Черномъ морѣ подчинено условію, чтобы между сред-

ствами, какія будутъ употреблены для этой цѣли, не было ни одного, которое нарушало бы верховныя права русскаго императора.

Такой благоразумный отвѣтъ подорвалъ разсчеты представителей Франціи и Англіи, которые желали смотрѣть на него, какъ на отказъ. Вѣнскому кабинету удалось добиться того, что записка князя Горчакова была принята. Во второмъ собраніи, имѣвшемъ мѣсто 26-го декабря, почти пришли къ принципіальному соглашенію относительно смысла четырехъ пунктовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ опредѣлили и приняли. Представители Франціи и Англіи ходатайствовали о полномочіяхъ, и представителю Турціи было предложено сдѣлать то же самое.

Что касается Пруссіи, въ виду того, что она отказалась принять участіе въ обмѣнѣ нотъ 8-го августа и присоединиться къ союзу 2-го декабря, она была оставлена въ сторонѣ отъ этихъ переговоровъ. Три союзныя державы хотѣли совершенно исключить ее изъ конференціи. Берлинскій кабинетъ былъ глубоко оскорбленъ такимъ отношеніемъ къ нему, и результатомъ того явилось въ его положеніи значительное возрастаніе энергіи. Такъ, онъ заставилъ сеймъ отвергнуть предложеніе австрійскаго правительства, требовавшее немедленной мобилизаціи всѣхъ войскъ союза подъ главнымъ начальствомъ Австріи.

Впрочемъ, хотя уполномоченные для переговоровъ о мирѣ были назначены и снабжены всѣми необходимыми правами, въ то время конференція не состоялась. Союзники надѣялись предварительно добиться нѣсколькихъ блестящихъ успѣховъ въ Крыму. Кромѣ того, неудачи, испытанныя англійской арміей, вызвали министерскій кризисъ, вслѣдствіе недовольства палатъ и страны. Начало переговоровъ о мирѣ принадлежитъ 1855-му году.

XI.

Отношенія второстепенныхъ государствъ, въ 1854 г.

Прежде чѣмъ продолжать, мы должны дополнить изложеніе переговоровъ о мирѣ въ 1854 г. указаніемъ того участія, какое принимали въ нихъ другія, второстепенныя, государства Европы.

1.—Германія.

Въ первое время нашего несогласія съ Портой, вѣнскій и берлинскій кабинеты дѣйствовали достаточно единодушно въ Кон-

стантинополѣ, такъ какъ оба преслѣдовали одну и ту же цѣль— поддержаніе мира. Но, по мѣрѣ того, какъ кризисъ становился серьезнѣе и являлось необходимымъ опредѣлить положеніе Германіи въ случаѣ общей войны, виды Пруссіи и Австріи все болѣе и болѣе расходились. Каждая изъ нихъ, увѣряя въ своемъ желаніи быть тѣсно связанной съ другою, старалась привлечь въ свою сферу какое-либо изъ второстепенныхъ государствъ. Сеймъ, разрываемый этимъ столкновеніемъ вліяній, находясь, кромѣ того, подъ тяжестью угрозъ Франціи и Англіи, не съумѣлъ взять на себя ту важную роль, какая предназначалась ему договоромъ 1815 года, а именно—роль державы, умѣряющей и охраняющей европейское равновѣсіе.

Нашей задачей было придать нѣкоторую твердость его рѣшеніямъ, дать ему понять выгоды сильнаго нейтралитета и оживить довѣріе, какое большинство нѣмецкихъ государей питало къ честности намѣреній императора Николая. Когда Порта объявила намъ войну, Австрія выразила расположеніе остаться нейтральною. Такъ же поступила и Пруссія. Еслибы къ той же системѣ присоединился и сеймъ, положеніе его, при полномъ единодушіи, было бы внушительнымъ.

Но Франція не скрывала своихъ стремленій къ расширенію насчетъ Германіи. Ея дипломатія дѣятельно хлопотала о томъ, чтобы сѣять раздоры среди нея; обѣ великія германскія державы, будучи согласны въ принципѣ, не могли столковаться относительно редакціи общаго заявленія. Австрія хотѣла ввести въ него вѣское указаніе своего соглашенія съ западными державами. Пруссія отказывала въ этомъ, въ виду нашего положенія, которое она не желала ослабить, и ради прежняго консервативнаго союза, который ей тяжело было бы разрушить.

На запросъ прусскаго правительства, императорскій кабинетъ высказалъ мнѣніе, что заявленіе сейма было необходимо, чтобы успокоить умы въ Германіи и связать всѣ государства союза съ положеніемъ двухъ главныхъ державъ. Для этого было достаточно, чтобы заявленіе прямо устанавливало нейтралитетъ, въ виду общей цѣли примиренія.

Такое мнѣніе не имѣло успѣха въ Вѣнѣ, и оба кабинета сдѣлали свои заявленія отдѣльно. Австрія, высказывая свое нежеланіе вмѣшиваться въ нашу войну съ Портой, выражала намѣреніе отыскивать, совмѣстно съ Франціей и Англіей, пути къ мирному исходу и заявляла готовность энергически дѣйствовать, въ случаѣ необходимости, для защиты важныхъ интересовъ, какіе она должна была охранять, въ качествѣ европейской и нѣмецкой

державы. Пруссія ограничилась заявленіемъ, что она присоединитъ свои силы къ силамъ союзныхъ державъ для поддержанія общаго мира. Такимъ образомъ, первая, въ глазахъ государствъ союза, въ своихъ дѣйствіяхъ становилась на-ряду съ морскими державами. Вторая опасалась рискованнаго положенія, вступая на этотъ путь; но для того, чтобы не выказать слишкомъ очевидно разногласія мнѣній, она не рѣшалась обнаружить, въ какую сторону склонялись ея убѣжденія и симпатіи.

Съ такой точки зрѣнія, нерѣшительность Пруссіи была не менѣе вредна для насъ, чѣмъ недоброжелательность Австріи. Именно, въ началѣ кризиса твердое положеніе Германіи могло бы остановить развитіе его, такъ какъ лондонскій кабинетъ едва ли рѣшился бы вступить въ союзъ съ Франціей, если бы былъ увѣренъ, что союзъ приведетъ его къ столкновенію съ Германіей. Но несогласія, постоянно подкапывавшія союзъ и выступавшія во всѣхъ крупныхъ кризисахъ, не допускали возможности подобнаго положенія. Такой недостатокъ согласія помѣшалъ успѣху нашихъ попытокъ сперва пріобрѣсти содѣйствіе Германіи, а затѣмъ точнѣе опредѣлить ея нейтралитетъ.

Договоръ 20-го апрѣля былъ западней, разставленной Австріей. Пруссія попалась въ нее по двумъ причинамъ: сперва—вслѣдствіе достойной уваженія антипатіи короля ко всему, что угрожало Германіи разъединеніемъ, а затѣмъ—въ виду надежды остановить Австрію на пути ея влеченій къ Западу. Таковъ былъ главный двигатель, который гр. Буоль умѣлъ приводить въ дѣйствіе для того, чтобы дальше и дальше заводить берлинскій кабинетъ по направленію къ искусно-скрываемой цѣли.

Однако названный договоръ, хотя и заключенный, повидимому, во имя и въ защиту нѣмецкихъ интересовъ, искажалъ духъ того акта, которымъ связывались государства союза. Онъ налагалъ на нихъ невыгодныя обязательства безъ всякаго вознагражденія и стремился вовлечь ихъ, вслѣдъ за Австріей, въ войну, причина и предметъ которой были чужды, если не прямо противоположны, интересамъ Германіи.

Эта истина была признана многими королевскими дворами. Виртембергскій король прежде всѣхъ съумѣлъ оцѣнить добросовѣстную и охранительную политику императора Николая. Онъ не скрывалъ отъ себя опасностей, какимъ всеобщая война подвергла бы Германію, но онъ предвидѣлъ ихъ со стороны Франціи, а не Россіи, и боялся ихъ даже внутри страны, гдѣ революціонный духъ 1848 г. не вполнѣ еще угасъ. Такія опасенія раздѣлялись и мюнхенскимъ кабинетомъ, который особенно тре-

вожился за свои династическіе интересы въ Греціи, вслѣдствіе преобладанія морскихъ державъ на Востокѣ. Настроеніе саксонскаго короля было не менѣе удовлетворительно. Въ началѣ кризиса, дрезденскій кабинетъ высказалъ намѣреніе представить, по соглашенію съ другими главными правительствами Германіи, заявленіе въ сеймъ, которымъ Австрія и Пруссія приглашались стать во главѣ системы нейтралитета. И ганноверское королевство поспѣшило заявить о своемъ нейтралитетѣ. Такимъ образомъ, въ концѣ мая составилась бамбергская конференція, къ которой присоединились великое герцогство баденское и оба гессенскія герцогства. Мы уже видѣли, къ какимъ результатамъ она пришла.

Императоръ Николай выразилъ, по поводу ея, свое удовольствіе въ особенности королю баварскому, заслугою котораго было указаніе опасностей, какимъ союзъ подвергся бы въ будущемъ, присоединившись къ австро-прусскому договору. Государь повторилъ четыремъ дворамъ увѣреніе, что Германіи не со стороны Россіи слѣдуетъ опасаться послѣдствій войны, которой мы не желали и которую наши усилія стремились ограничить. Такія же увѣренія были даны Пруссіи, причемъ мы убѣждали ее воспользоваться случаемъ, чтобы рѣшительно стать во главѣ Германіи. Но берлинскій кабинетъ не съумѣлъ найти въ себѣ достаточной энергіи. Увлекаемый Австріей, относясь ревниво къ видной роли, какую требовали для себя мелкія государства, онъ присоединился къ вѣнскому кабинету, для того, чтобы оказать давленіе на нихъ. Оба двора заявили, что, за отсутствіемъ соглашенія на сеймѣ, они ограничатся ожиданіемъ присоединенія тѣхъ государствъ, голоса которыхъ уже были обезпечены въ ихъ пользу. Предоставленныя самимъ себѣ, государства, собравшіяся въ Бамбергѣ, должны были уступить. Присоединеніе къ договору 20-го апрѣля было рѣшено единодушно, за исключеніемъ двухъ голосовъ, принадлежавшихъ обоимъ мекленбургскимъ великимъ герцогствамъ.

Послѣ нашего выступленія изъ княжествъ, согласія на два условія мира, касавшіяся союза, и формальнаго увѣренія, что мы не произведемъ нападенія на Австрію, Германія оказалась вполнѣ свободною отъ узъ, какія налагало на нее присоединеніе къ договору 20-го апрѣля. Тѣмъ не менѣе вѣнскій кабинетъ хлопоталъ о томъ, чтобы расширить постановленія договора, основываясь на слѣдующемъ разсужденіи. Онъ утверждалъ, что трактатъ 20-го апрѣля имѣлъ цѣлью защиту нѣмецкихъ интересовъ, а такъ какъ эти интересы были связаны съ четырьмя основаніями мира, то и договоръ 20-го апрѣли долженъ былъ примѣняться къ нимъ.

Пруссія оспаривала такую теорію, и мы старались разоблачить ее передъ общественнымъ мнѣніемъ. Дѣйствительно, изъ четырехъ пунктовъ только два имѣли значеніе для Германіи, а именно: коллективный протекторатъ надъ княжествами и свобода судоходства по Дунаю, въ виду того, что, послѣ заявленія Австріей готовности привести въ согласіе свою таможенную систему съ таможеннымъ союзомъ, торговля Германіи обѣщала значительно развиться въ области Нижняго Дуная.

Императорскій кабинетъ согласился дать полное удовлетвореніе союзнымъ интересамъ въ двухъ означенныхъ пунктахъ; слѣдовательно, они уже не могли быть поводомъ къ войнѣ между Германіей и Россіей. Подобная война могла бы имѣть мѣсто лишь тогда, еслибы она была вызвана Австріей, ради австрійскихъ интересовъ, противорѣчившихъ нѣмецкимъ интересамъ.

Королевскіе дворы сознавали истину этихъ утвержденій, но въ своихъ дѣйствіяхъ они зависѣли отъ Пруссіи. Сами по себѣ они были безсильны. Берлинскій кабинетъ, возражая противъ распространенія, какое Австрія придавала обязательствамъ 20-го апрѣля, въ то же время не считалъ возможнымъ разсчитывать на помощь государствъ союза въ такой степени, чтобы рисковать ссорою съ Австріей. Съ той и съ другой стороны, недовѣріе и разъединеніе парализовали всякое энергическое движеніе.

Изъ такого ложнаго положенія Германію заставилъ выйти договоръ, заключенный 2-го декабря вѣнскимъ кабинетомъ съ западными державами, лишь чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ, 26-го ноября, Пруссія согласилась подписать дополнительную статью, дававшую гарантію для австрійской арміи въ княжествахъ, въ тотъ моментъ, когда императорскій кабинетъ присоединился, съ своей стороны, къ четыремъ пунктамъ. Германія взглянула, наконецъ, прямо на тѣ опасности, къ которымъ влекла ее австрійская политика.

Поэтому, когда гр. Буоль внесъ въ сеймъ требованіе о мобилизаціи войскъ союза, вручивъ главное начальство надъ ними Австріи, Пруссія формально воспротивилась такому требованію. Вѣнскій кабинетъ основывалъ его на присоединеніи сейма къ дополнительной статьѣ 26-го ноября, которымъ тотъ призналъ четыре пункта за основы обезпеченнаго мира, счелъ прямо затрогивающими его два пункта, касающіеся Дуная и княжествъ, и, наконецъ, согласился съ необходимостью воспользоваться военными силами всей Германіи для поддержанія переговоровъ. Пруссія, съ своей стороны, указывала на примирительныя намѣренія, выраженныя императорскимъ кабинетомъ, и утверждала, что не-

медленная мобилизація явилась бы ничѣмъ неоправдываемой враждебной демонстраціей, которая могла бы помѣшать успѣху переговоровъ. Такой тонъ пользовался полнымъ одобреніемъ со стороны второстепенныхъ государствъ, ожидавшихъ только болѣе твердаго положенія берлинскаго кабинета, чтобы присоединиться къ нему.

Сообразно проекту Баваріи и Пруссіи, было рѣшено, что мобилизація войскъ союза не оправдывалась обстоятельствами, но, въ виду критическаго положенія Европы, заставлявшаго Германію быть готовой ко всякаго рода событіямъ, войска союза должны были быть приведены въ готовность къ войнѣ (Kriegsbereitschaft) не въ силу договора 20-го апрѣля, не въ силу дополнительной статьи 26-го ноября, но соотвѣтственно второй статьѣ устава союза.

Подобное рѣшеніе носило на себѣ отпечатокъ туманности, свойственной германскому уму, но все-таки оно имѣло извѣстный смыслъ. Оно не высказывалось по поводу того, съ какой именно стороны опасность могла угрожать Германіи. Это была лишь мѣра для общей безопасности, основанная на необходимости гарантировать внутреннее и внѣшнее спокойствіе союза, его независимость и неприкосновенность; она могла быть примѣнена къ Западу такъ-же, какъ и къ Россіи, и оставляла полный просторъ для послѣдующихъ рѣшеній.

Такое проявленіе энергіи, не согласовавшееся съ намѣреніями Австріи, указываетъ путь, на который Германія должна была стать и утвердиться съ самаго начала восточнаго кризиса. Если бы, сближая между собою притязанія, пришедшія въ столкновеніе, съ цѣлью примиренія ихъ, она установила справедливыя основы мира и заявила громко, что она броситъ на вѣсы всѣ свои силы противъ той державы, которая первая обнажитъ мечъ, вѣроятно, она сдѣлала бы войну неизбѣжной и, во всякомъ случаѣ, выполнила бы свою естественную миссію—быть стражемъ равновѣсія и мира въ Средней Европѣ. Но для этого были нужны единодушіе и твердость, которыхъ одинаково недоставало.

Такія соображенія наводятъ на размышленіе о томъ, какой политики намъ слѣдуетъ держаться по отношенію къ германскому союзу. Состояніе слабости и разъединенія, парализующія его, всегда служило интересамъ французской политики; повидимому оно не было въ интересахъ политики Россіи. Чье преобладаніе ни обезпечило бы за Германіей бо́льшее единство, намъ не слѣдуетъ опасаться его. Наша охранительная политика не можетъ подвергнуть насъ столкновенію съ нею. Во всякомъ

случаѣ единство Германіи не могло бы быть для насъ вреднѣе, чѣмъ раздоры союза, благопріятствовавшіе нашимъ врагамъ во всѣхъ великихъ европейскихъ кризисахъ [1]).

2. — Швеція и Данія.

Наши сношенія съ Швеціей и Даніей приняли характеръ особой дружественности и довѣрія послѣ 1848 г., когда мы преслѣдовали одну и ту же цѣль съ обѣими скандинавскими державами, а именно—возстановленіе мира на сѣверѣ Европы. Восточное столкновеніе заставляло насъ слѣдить еще съ бóльшимъ тщаніемъ за сохраненіемъ этихъ добрыхъ отношеній, для того, чтобы не допустить морскія державы нарушить ихъ.

Въ началѣ нашего несогласія съ Портой, мы озаботились извѣщеніемъ стокгольмскаго и копенгагенскаго кабинетовъ о ходѣ переговоровъ и о тѣхъ видахъ, какіе мы вносили въ нихъ. Наши дружественныя разъясненія были оцѣнены по справедливости.

Когда Порта объявила намъ войну, императорскій кабинетъ сообщилъ обоимъ скандинавскимъ дворамъ, что намѣреніемъ его было ограничить на Востокѣ борьбу, возгорѣвшуюся между нами. Но когда, вскорѣ послѣ того, участіе въ ней морскихъ державъ стало очевиднымъ, мы сочли необходимымъ откровенно заявить о такомъ положеніи въ Копенгагенѣ и въ Стокгольмѣ. Не желая заставлять названные кабинеты высказываться о томъ отношеніи къ войнѣ, какое они думали принять, мы ограничились выраженіемъ надежды, что не встрѣтимъ ихъ въ рядахъ нашихъ противниковъ. Самыя дружественныя увѣренія были отвѣтомъ на наши сообщенія.

Скандинавскія державы, придя къ соглашенію между собою, въ концѣ 1853 года, извѣстили оффиціально о своемъ намѣреніи принять, въ случаѣ морской войны, систему строгаго нейтралитета, основанную на безпристрастномъ уваженіи къ правамъ всѣхъ державъ. Императорскій кабинетъ могъ дать только свое полное одобреніе относительно Даніи.

По отношенію къ Швеціи возникло довольно серьезное затрудненіе. Стокгольмскій кабинетъ заявилъ намѣреніе оставить свои порты открытыми для военныхъ судовъ воюющихъ сторонъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ военныхъ гаваней. Такое рѣшеніе исходило изъ коммерческихъ интересовъ Швеціи, которые могли только выиграть отъ указываемой свободы сообщенія.

[1]) Это было писано въ 1863 г. Будемъ надѣяться, что единство Германіи, осуществившееся съ тѣхъ поръ, оправдаетъ эти предположенія.

Хотя эта мѣра, повидимому, отличалась полнымъ безпристрастіемъ, примѣняясь безразлично къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, но въ дѣйствительности она клонилась къ нашей прямой невыгодѣ. Въ морскомъ отношеніи мы стояли на низшей ступени, и вслѣдствіе того были обречены лишь на оборонительное положеніе; очевидно было, что наши противники одни могли воспользоваться мѣрой, предложенной Швеціей, и найти въ ней значительныя удобства для снабженія своихъ эскадръ всѣмъ необходимымъ. Императорскій кабинетъ дружелюбно, но серьезно поставилъ это на видъ стокгольмскому двору.

Шведскій король обратился непосредственно къ императору Николаю съ изложеніемъ причинъ, не позволявшихъ ему дѣйствовать иначе. Въ то же время онъ давалъ формальныя увѣренія, что всякая мысль о возвышеніи или расширеніи была чужда его политикѣ, и что онъ честно будетъ соблюдать нейтралитетъ. Эти торжественныя увѣренія положили конецъ затрудненіямъ. Императорскій кабинетъ принялъ ихъ къ свѣденію и немедленно призналъ шведскій нейтралитетъ наравнѣ съ датскимъ.

Въ теченіе 1854 г., всѣ наши усилія клонились къ тому, чтобы поддержать въ указанномъ положеніи обѣ названныя державы. Союзъ съ нами былъ бы для насъ скорѣе неудобенъ, нежели полезенъ, между тѣмъ какъ, присоединившись къ нашимъ врагамъ, онѣ могли доставить имъ точки опоры и операціонные базисы, которые мы вовсе не желали видѣть въ рукахъ послѣднихъ. Въ виду того мы заботливо старались устранить всякій предлогъ къ измѣненію принятой ими системы.

Поддержаніе своего нейтралитета было не совсѣмъ легко для скандинавскихъ державъ. Франція и Англія, эскадры которыхъ находились въ Балтійскомъ морѣ, оказывали на нихъ давленіе внушеніями и даже угрозами, чтобы вовлечь ихъ въ коалицію. Въ обѣихъ странахъ были многочисленныя и шумныя партіи, стоявшія на сторонѣ западныхъ державъ. Въ Копенгагенѣ это была ультра-датская партія, желавшая воспользоваться обстоятельствами для осуществленія своей любимой идеи — отдѣленія нѣмецкихъ герцогствъ отъ датской монархіи; въ Швеціи — это была популярная идея завоеванія Финляндіи. Тѣмъ не менѣе оба правительства добросовѣстно слѣдовали тому пути, какой они намѣтили себѣ. Между тѣмъ какъ Пруссія не считала себя въ правѣ закрыть Мемельскій портъ англійскимъ крейсерамъ, проводившимъ туда свои призы, и допускала у себя публичную продажу захваченныхъ судовъ, Швеція и Данія отказывали въ томъ воюющимъ сторонамъ. Подданнымъ обѣихъ націй было воспре-

щено поступать на службу воюющихъ державъ, чтó было весьма важной мѣрой, такъ какъ она лишала нашихъ противниковъ лоцмановъ, опытныхъ въ плаваніи по Балтійскому морю.

Когда былъ поднятъ вопросъ о возможности постояннаго пребыванія англо-французскихъ военныхъ силъ въ Даніи или Швеціи во время зимы, обѣ названныя державы твердо воспротивились тому. Наконецъ, когда германскій сеймъ присоединился къ австро-прусскому союзу, заключенному 20-го апрѣля, Данія, выполняя свои союзныя обязанности по отношенію къ Голштиніи, оставила за собой право нейтралитета въ качествѣ европейской державы.

Хотя подобное настроеніе было вполнѣ успокоительно для насъ, императорскій кабинетъ не могъ, однако, скрывать отъ себя, что прочность его зависѣла отъ окончательнаго положенія Германіи. Скандинавскіе дворы давали намъ понять, что, если германскій союзъ допуститъ вовлечь себя въ коалицію, имъ невозможно будетъ не послѣдовать его примѣру.

Съ нашей стороны, мы своевременно извѣщали ихъ о всѣхъ миролюбивыхъ попыткахъ, которыми мы устраняли, насколько зависѣло отъ насъ, всякій предлогъ къ разрыву съ Пруссіей и Австріей. Главнымъ препятствіемъ къ поддержанію столь нужнаго для насъ нейтралитета было колеблющееся положеніе берлинскаго кабинета. Хотя онъ и желалъ оставаться внѣ борьбы, онъ не находилъ поддержки ни въ Австріи, ни между государствами союза. Императорскій кабинетъ полагалъ, что было бы полезно дать ему точку опоры, соединивъ его интересы съ интересами скандинавскихъ державъ, одинаково связанные съ поддержаніемъ мира на сѣверѣ Европы. Управляемыя такими соображеніями, три державы могли гарантировать свой нейтралитетъ общей сдѣлкой. Пруссія, безъ сомнѣнія, имѣла болѣе прямые интересы въ Балтійскомъ морѣ, нежели на Дунаѣ. Подобная комбинація вовсе не имѣла бы наступательнаго характера; ни одна изъ воюющихъ державъ не должна была бы воспротивиться ей. Наконецъ, она не болѣе вывела бы Пруссіи изъ предѣловъ ея обязанностей по отношенію къ союзу, чѣмъ выводилъ Австрію ея союзъ съ западными державами.

Императорскій кабинетъ высказался въ такомъ смыслѣ передъ тремя дворами въ тотъ моментъ, когда австрійское правительство вносило въ сеймъ требованіе о мобилизаціи войскъ союза. Однако Пруссія, вмѣсто того, чтобы воспользоваться представлявшимся ей случаемъ—укрѣпить, наконецъ, свое неопредѣленное положеніе, остановилась передъ опасеніемъ расторженія связи союза. Оба

скандинавскія правительства также побоялись измѣнить систему нейтралитета, уже признанную всѣми державами. Они были недовольны Пруссіей за то, что та отказалась присоединиться къ нимъ, когда дѣло шло о заявленіи нейтралитета, и не видѣли никакой выгоды, рискуя уже пріобрѣтеннымъ положеніемъ, вступить въ новыя обязательства съ державой, которая въ теченіе цѣлаго года представила только доказательства своей слабости. Поэтому описываемая комбинація осталась безъ послѣдствій, о чемъ нельзя не сожалѣть, не только потому, что она удержала бы на нашей сторонѣ Швецію, которой вскорѣ предстояло отдалиться отъ насъ, но еще и потому, что она послужила бы основаніемъ одного изъ самыхъ важныхъ прецедентовъ для поддержанія мира на сѣверѣ Европы.

3.—Голландія и Бельгія.

Нидерланды и Бельгія заявили съ самаго начала войны безусловный нейтралитетъ, отъ котораго ихъ не могло отклонить давленіе западныхъ державъ. Бельгійскій король выражалъ намъ симпатіи, весьма полезныя для насъ, благодаря его личному положенію. Названный монархъ, уважаемый за свой высокій умъ и опытность въ Англіи, также какъ и въ Германіи, не заблуждался относительно послѣдствій роковой войны. Онъ отдавалъ полную справедливость намѣреніямъ императорскаго кабинета. Его частная переписка съ императоромъ Николаемъ свидѣтельствуетъ объ его дружественномъ настроеніи. Кромѣ того, нашъ представитель въ Брюсселѣ, вслѣдствіе близости къ Лондону и Парижу, находилъ возможнымъ сосредоточивать у себя тайныя сообщенія, которыя много разъ были весьма полезны намъ.

Опасенія, какія внушали Бельгіи виды, приписываемые императору Наполеону, естественно должны были обратить къ намъ симпатіи этой страны, которую ея революціонный образъ дѣйствій долго держалъ въ отчужденіи отъ насъ. Такимъ образомъ, результатомъ восточной войны было сближеніе нашихъ отношеній съ нею.

Что касается до отношеній, какія поддерживались у насъ съ Нидерландами, они никогда не переставали носить самый дружественный характеръ.

4.— Сѣверо-американскіе Штаты.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки давно уже выказываютъ доброе расположеніе къ Россіи, на которое не имѣли вліянія діаметрально-противоположные принципы, представляемые

обоими правительствами. Такія чувства основываются на сознаніи общности политическихъ интересовъ, а въ глазахъ націи столь положительной подобная основа должна была служить самой прочной гарантіей добрыхъ отношеній.

Въ началѣ восточнаго кризиса, общественное мнѣніе въ Сѣверной Америкѣ, подчиняясь вліянію англійскихъ газетъ, неблагопріятно относилось къ дѣлу, которое мы защищали. Но мало-помалу, когда наши оффиціальныя заявленія доходили до Америки, и когда здравый смыслъ этой страны оцѣнилъ выгоду, какую онъ могъ извлечь изъ войны между Россіей и Англіей для завладѣнія торговлей, которую послѣдняя вела съ нами, общественное мнѣніе вполнѣ перешло на нашу сторону.

Смерть нашего представителя въ Вашингтонѣ [1]), случившаяся въ то время, подала поводъ къ яркому выраженію описываемыхъ симпатій. Съ своей стороны, мы не упускали случаевъ поддерживать такое дружественное расположеніе къ намъ.

Посланіе президента было составлено въ такихъ выраженіяхъ, которыя, заявляя о нейтралитетѣ, оставляли въ то же время за союзнымъ правительствомъ полную свободу дѣйствія, для того чтобы оно могло придать нейтралитету болѣе опредѣленный характеръ. Въ оффиціальномъ сообщеніи, съ которымъ онъ обратился къ державамъ, президентъ протестовалъ заранѣе противъ всякаго незаконнаго препятствія торговлѣ нейтральныхъ государствъ. Его дальнѣйшей заботой было—распространить права ввоза на русскіе продукты, вывозимые изъ нейтральныхъ портовъ. Съ нашей стороны, мы извѣстили союзное правительство, что мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы облегчить движеніе американскихъ судовъ, которыя, несмотря на блокаду, направлялись бы въ наши балтійскіе порты. Тѣмъ не менѣе, было необходимо поставить эти соглашенія подъ знамя формальнаго права.

Франція и Англія оффиціально признали нейтралитетъ сѣверо-американскихъ Штатовъ; но было весьма важно точнѣе опредѣлить его характеръ. Англійскому правительству было сообщено, что сѣверо-американскіе Штаты не будутъ подчиняться стѣсненіямъ, которыя нѣкогда практиковались Англіей, и что наступилъ, наконецъ, моментъ, когда слѣдуетъ измѣнить, посредствомъ договора, тяжелыя постановленія прежнихъ морскихъ узаконеній. Послѣ многихъ колебаній и переговоровъ съ Франціей, лондонскій кабинетъ согласился измѣнить, посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ, свои прежніе принципы, не связывая себя новымъ договоромъ.

---

[1]) Г. Бодиско.

Онъ призналъ, такимъ образомъ, принципъ свободы нейтральнаго флага и нейтральныхъ грузовъ, но лишь для настоящей войны и въ видѣ случайнаго нарушенія своихъ доктринъ.

Императорскій кабинетъ, напротивъ, вполнѣ присоединился къ усиліямъ союзнаго правительства. Онъ подписалъ съ нимъ конвенцію 10-го іюля 1854 г., устанавливавшую двойной принципъ, что нейтральное имущество не можетъ быть захвачено на бортѣ непріятельскаго корабля, также какъ и непріятельское имущество на бортѣ нейтральнаго корабля, за исключеніемъ военной контрабанды. Такія права должны были простираться на всѣ націи, которыя присоединились бы къ указаннымъ принципамъ. Объ этомъ было сообщено стокгольмскому, копенгагенскому, гагскому, брюссельскому, ганноверскому, лиссабонскому, неаполитанскому и аѳинскому кабинетамъ; тѣ оставили за собой право примкнуть къ означеннымъ принципамъ, когда сѣверо-американскіе Штаты примутъ на себя иниціативу проведенія ихъ. Такимъ образомъ, оказался возстановленнымъ прежній союзъ нейтральныхъ государствъ, образованный императрицей Екатериной.

Кромѣ того, союзное правительство заявило, что оно не будетъ признавать блокады ни Зунда, ни Босфора и не допуститъ въ портахъ другой блокады, кромѣ дѣйствительной. Что касается права освидѣтельствованія, котораго оно никогда не признавало, союзное правительство заявило, что допуститъ его лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оставляя за собой право опредѣлить ихъ, и прибавило, что твердымъ намѣреніемъ его было заставить уважать права нейтральныхъ государствъ, даже силой.

Оставался еще весьма важный вопросъ, который надо было регулировать, а именно—вопросъ о каперствѣ. Каперство представляло всегда одну изъ самыхъ серьезныхъ опасностей для англичанъ во всѣхъ ихъ войнахъ, вслѣдствіе громаднаго распространенія ихъ торговли во всѣхъ моряхъ земного шара. Поэтому они хотѣли обязать правительство Соединенныхъ Штатовъ воспретить вооруженіе каперскихъ судовъ и примѣнить къ нимъ наказаніе, установленное для пиратовъ. Союзное правительство отвѣтило имъ, что оно будетъ наблюдать за исполненіемъ закона 1818 года, запрещавшаго всѣмъ гражданамъ Сѣверной Америки вооружаться въ портахъ союза противъ дружественной державы. Оно прибавило, что не можетъ сдѣлать ничего болѣе, такъ какъ не имѣетъ средствъ воспрепятствовать вооруженіямъ въ иностранныхъ портахъ.

Дѣйствительно, наше посольство въ Вашингтонѣ было осаждено просьбами о снаряженіи каперскихъ судовъ подъ русскимъ

флагомъ, съ установленными свидѣтельствами отъ императорскихъ властей. Предпріимчивому духу американской націи нравились подобныя предпріятія, доставлявшія, кромѣ того, возможность крупныхъ выгодъ въ моряхъ Австраліи и Китая, гдѣ англійская торговля велась весьма дѣятельно и не могла пользоваться достаточной охраной.

Этотъ вопросъ былъ подвергнутъ у насъ внимательному обсужденію. Въ морскомъ министерствѣ былъ изготовленъ проектъ, заключавшійся въ пріобрѣтеніи судовъ въ Санъ-Франциско и въ снаряженіи ихъ, посредствомъ свободныхъ экипажей, какіе были у насъ въ Камчаткѣ и въ Японіи. Нашъ представитель въ Вашингтонѣ указывалъ намъ нѣсколько подобныхъ судовъ, вполнѣ вооруженныхъ для каперства. По правиламъ международнаго права, достаточно было, чтобы двѣ трети экипажа состояли изъ русскихъ; остальная часть легко могла быть собрана въ Америкѣ. Если бы впослѣдствіи сочтено было необходимымъ увеличить число каперскихъ судовъ, возможно было перевезти въ Камчатку, во время зимы, часть 40.000 матросовъ, находившихся въ Кронштадтѣ, которые легко могли быть замѣнены артиллеристами, такъ какъ ихъ служба ограничивалась защитою фортовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ скоро мы подали бы примѣръ, было вѣроятно, что нѣкоторое число американскихъ корсаровъ вооружились бы на свой рискъ и страхъ, привлекаемые возможностью значительныхъ выгодъ.

Подобное оружіе могло быть страшнымъ для англійской торговли, которая въ Тихомъ океанѣ охранялась только небольшой эскадрой, находившейся подъ командой стараго адмирала, безъ характера и энергіи, весьма мало довѣрявшаго искренности своего французскаго союзника. Въ сущности, это было единственное оружіе, какое мы могли противопоставить морскому превосходству Англіи, которымъ она такъ безпощадно пользовалась противъ насъ. Трудно было предвидѣть послѣдствія, какія могли произойти отъ того.

Въ виду такихъ соображеній, императорскій кабинетъ счелъ нужнымъ разрѣшить военному губернатору въ Петропавловскѣ выдачу каперскихъ свидѣтельствъ, согласно особому уставу, отправленному къ нему, всѣмъ, которые обратились бы за ними. Такая мѣра была отвѣтомъ на мѣру англійскаго правительства, ставившую подъ его знамена иностранныя войска, предназначенныя дѣйствовать противъ насъ.

Однако различныя соображенія помѣшали тому, чтобы указанное предположеніе было осуществлено съ энергическимъ почи-

номъ, который одинъ могъ придать ему то значенiе, какое оно должно было имѣть. Сперва явилось затрудненiе относительно перевозки и продажи призовъ. Нейтралитетъ, заявленный правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, не дозволялъ ему открыть свои порты для такой цѣли. На громадныхъ разстоянiяхъ наши корсары не имѣли бы ни одного пункта, гдѣ они могли бы пристать, за исключенiемъ Петропавловска и устьевъ Амура, блокированныхъ союзными эскадрами. Кромѣ того, въ началѣ войны мы вступили въ переговоры съ англiйскимъ правительствомъ объ установленiи взаимнаго нейтралитета россiйско-американской компанiи и англiйской компанiи Гудсонова залива. Предпринятые переговоры клонились къ нашей выгодѣ, такъ какъ наша колонiя была не въ силахъ защищать свои учрежденiя противъ случайностей войны, а мы не могли ихъ охранять. Такiя выгоды могли значительно пострадать отъ каперскихъ экспедицiй.

Для того, чтобы комбинацiя о каперствѣ могла получить дѣйствительную важность, слѣдовало предположить, что война продолжится нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ всѣ заботы императорскаго кабинета были направлены, напротивъ того, къ возможно скорому мирному исходу. Чтобы придти къ нему, нужно было ограничивать, а не распространять войну. И безъ того на насъ возлагалась отвѣтственность за всѣ ея бѣдствiя, и намъ приходилось располагать въ свою пользу общественное мнѣнiе, выказывая при всякомъ удобномъ случаѣ мирное настроенiе. Иначе передъ нами являлась перспектива неизбѣжной коалицiи всей Европы, которой мы вынуждены были бы уступить на самыхъ невыгодныхъ условiяхъ.

Съ такой общей точки зрѣнiя на тогдашнее положенiе, императорскiй кабинетъ счелъ нужнымъ отмѣнить понемногу энергическiя мѣры, которыя, придавая войнѣ все болѣе и болѣе громадные размѣры, только временно усилили бы наши шансы въ борьбѣ, но зато отдалили бы ея исходъ и сдѣлали бы его менѣе выгоднымъ для насъ. Такъ были послѣдовательно оставлены планы кампанiи во внутреннюю часть Турцiи, опиравшiеся на возстанiя въ Сербiи, Черногорiи, Эпирѣ и Өессалiи; были очищены княжества и была принята невыгодная оборона,—все это съ цѣлью обезоружить Австрiю, которая, тѣмъ не менѣе, осталась недоброжелательной и враждебной къ намъ. Точно также, какъ мы увидимъ, императорскiй кабинетъ отказался отъ важнаго отвлеченiя, какое Персiя могла сдѣлать въ нашу пользу, и оставилъ идею организацiи каперскихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ,—все это для

того, чтобы не раздражать Англіи, которая не выказала намъ никакой признательности за такія жертвы.

Вопросъ о томъ — улучшилось ли бы или ухудшилось наше положеніе и наши шансы, еслибъ мы проявили менѣе осторожности и болѣе энергіи,—составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, какіе могутъ подлежать обсужденію кабинета. Но, какъ мы уже говорили, отчаянныхъ усилій можно ожидать только отъ націй, глубоко потрясенныхъ великими національными кризисами, такъ какъ подобныя усилія спасаютъ настоящее, отдавая будущее случайностямъ, какихъ нельзя исчислить. Въ обыкновенныхъ условіяхъ, твердо установленное правительство повинуется совѣтамъ разума. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились тогда, разумъ заставлялъ умѣрять и ограничивать борьбу, и безъ того уже неравную, а не распространять ее, придавая ей еще большую серьезность.

Всѣ такія соображенія повели къ окончательному уничтоженію проектовъ вооруженія каперскихъ судовъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдствіемъ ихъ было то, что мы стали обращать болѣе вниманія на крайнюю важность указанныхъ странъ для будущаго, и въ такомъ смыслѣ они оказали свою долю вліянія на прогрессъ, какого мы достигли тамъ послѣ заключенія мира.

Мы не можемъ закончить нашу замѣтку о сѣверо-американскихъ Штатахъ, не упомянувъ о другомъ доказательствѣ дружбы, полученномъ нами отъ союзнаго правительства, а именно о предложеніи имъ посредничества въ нашемъ столкновеніи съ западными державами. Находясь внѣ предѣловъ его, Соединенные Штаты, скорѣе всякой другой націи, могли высказать безпристрастное сужденіе о немъ. Но было сомнительно, чтобы наши противники приняли такое посредничество. Тонъ ихъ указывалъ, что время выслушивать мирныя убѣжденія еще не пришло. Поэтому императорскій кабинетъ отклонилъ упомянутое предложеніе, вполнѣ оцѣнивъ чувства, какими оно было внушено.

Въ общемъ, восточный кризисъ привелъ насъ къ болѣе тѣсному сближенію съ Соединенными Штатами. Соперничество, разъединяющее ихъ съ Англіей, заставляло ихъ смотрѣть съ удовольствіемъ на затрудненія, возникавшія для нея, вслѣдствіе борьбы съ нами; союзное правительство надѣялось воспользоваться ими, чтобы осуществить особые виды относительно американскаго материка, встрѣчавшіе всегда оппозицію Англіи. Между прочимъ оно изслѣдовало почву насчетъ предположеннаго имъ пріобрѣтенія Сандвичевыхъ острововъ; не касаясь связаннаго съ ними

юридическаго вопроса, мы поспѣшили заявить, что не сдѣлали бы противъ него никакого возраженія.

Всѣ неудовольствія, какія Соединенные Штаты имѣли противъ англійской политики въ Канадѣ, въ Кубѣ, въ Мексикѣ и въ другихъ мѣстахъ, обнаружились въ то время. Лондонскій кабинетъ, увлеченный своей дружбой съ Франціей, выражался высокомѣрно относительно союзнаго правительства. „Союзъ западныхъ державъ—говорилъ лордъ Кларендонъ—не ограничивается восточнымъ вопросомъ; онъ распространяется и на другое полушаріе". Эти слова заставляли правительство союза усматривать, какія опасности могли бы произойти отъ него, если бы союзъ западныхъ державъ когда-либо коснулся Мексики или Средней Америки; въ виду того оно естественно должно было держаться еще ближе добрыхъ отношеній, связывавшихъ его съ Россіей. Его симпатіи къ нашему дѣлу развивались съ каждымъ днемъ; американская печать защищала послѣднее съ величайшей живостью.

Лондонскій кабинетъ не могъ не сознавать важности подобнаго настроенія, обѣщавшаго ему серьезныя затрудненія. Поэтому онъ не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы предупредить столкновеніе съ Америкой. Несмотря на свое нежеланіе, онъ призналъ принципы морского нейтралитета, заявленнаго Соединенными Штатами, высказалъ готовность уладить давно уже остававшійся нерѣшеннымъ вопросъ о рыбныхъ ловляхъ въ Ньюфаундлэндѣ, заключилъ торговый договоръ относительно Канады, крайне выгодный для союза, и вообще обнаруживалъ большую сговорчивость относительно всѣхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время. Его положеніе позволяло думать, что Англія окончательно предоставляла союзному правительству контроль американскаго материка, на участіе въ которомъ она до тѣхъ поръ предъявляла притязанія.

Такія выгоды, обѣщавшія въ будущемъ величайшее процвѣтаніе для Соединенныхъ Штатовъ, были послѣдствіемъ восточнаго кризиса. Онѣ утвердили союзное правительство въ убѣжденіи, что Россія была естественной союзницей Сѣверной Америки, и до настоящаго времени это убѣжденіе вполнѣ оправдывалось.

5.—Италія (1854).

Римъ.—Императорскій кабинетъ вообще долженъ былъ относиться съ большой похвалой къ образу дѣйствій римской куріи въ теченіе восточнаго кризиса. Въ виду вопроса, затрогивавшаго такъ близко интересы католицизма, нельзя было ожидать, чтобы папское правительство оставалось къ нему совершенно чуждымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ началѣ столкновенія по поводу Святыхъ мѣстъ, оно казалось мало расположеннымъ уступить французскому кабинету исключительное покровительство надъ латинянами, какого тотъ добивался.

Впрочемъ римская курія не забывала и знаменитаго письма императора Наполеона къ Эдгару Нею въ 1849 г., содержавшаго въ себѣ программу французской политики въ Италіи. Она относилась съ глубокимъ недовѣріемъ къ этой политикѣ и, оставаясь вѣрною своимъ консервативнымъ традиціямъ, видѣла въ союзѣ Россіи съ двумя монархическими дворами Германіи единственный залогъ устойчивости Европы. Когда кризисъ принялъ болѣе серьезный оборотъ, она, отложивъ въ сторону свое предубѣжденіе противъ православной церкви, воздержалась отъ сообщенія ему еще болѣе остраго характера, положивъ на вѣсы свой духовный авторитетъ главы католичества.

Папа выразилъ императору Николаю пожеланія благоденствія и успѣха. Онъ громко порицалъ крайности французскаго духовенства, которое, въ своемъ преувеличенномъ рвеніи по отношенію къ императору Наполеону, весьма расположенному въ то время къ его интересамъ, открыто проповѣдывало крестовый походъ въ пользу исламизма. Кромѣ того, онъ формально отклонилъ внушенія, склонявшія его присоединиться къ англо-французскому союзу, предусматривая всю опасность его. Бо́льшаго мы не могли и ожидать отъ папскаго правительства въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось. Съ нашей стороны, мы не упускали ничего для поддержанія съ нимъ добрыхъ отношеній.

Неаполь. — Неаполитанскій дворъ, связанный съ Россіей узами признательности и дружбы, находился въ большомъ затрудненіи въ теченіе восточнаго кризиса. Будучи средиземной державой, оказываясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ морскихъ державъ, союзъ съ которыми былъ полнымъ подчиненіемъ имъ, находясь, съ 1845 года, въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, онъ былъ предметомъ настоятельныхъ притязаній, имѣвшихъ цѣлью вовлечь его въ коалицію. Союзники, безъ сомнѣнія, не нуждались въ его матеріальной помощи. Тѣмъ не менѣе, они добивались нравственнаго дѣйствія, какое должно было оказать присоединеніе всей Европы къ ихъ борьбѣ противъ насъ.

Неаполитанское правительство уклонялось отъ союза съ твердостью, которая должна быть тѣмъ болѣе ему поставлена въ заслугу, что недостаточность его силъ предоставляла его на произволъ нашихъ противниковъ. Оно заявило строгій нейтралитетъ и

оставалось вѣрнымъ ему, несмотря на всѣ попытки заставить его выйти изъ него.

Императоръ Николай отнесся съ громкимъ одобреніемъ къ такому положенію, но онъ принялъ во вниманіе затрудненія, какія могли произойти, вслѣдствіе того, для неаполитанскаго двора, которому мы не могли оказать дѣйствительной помощи. Императорскій кабинетъ посовѣтовалъ ему сообразжаться только съ собственными интересами и требованіями своего положенія, въ томъ случаѣ, еслибы онъ оказался вынужденнымъ высказаться болѣе опредѣленно, и предложилъ ему болѣе всего согласоваться съ Австріей въ дальнѣйшемъ направленіи своихъ дѣйствій.

Правительство Обѣихъ Сицилій нашло возможнымъ сохранить до конца заявленный имъ нейтралитетъ. Симпатіи, какія оно не переставало намъ выказывать, хотя и не приносили намъ никакой пользы, оставили, тѣмъ не менѣе, наилучшія воспоминанія въ нашихъ политическихъ традиціяхъ.

Пьемонтъ.—Что касается Пьемонта, ему предстояло показать примѣръ, почти неизвѣстный въ исторіи.

Наши дипломатическія сношенія съ туринскимъ дворомъ были порваны съ 1849 г. Но лѣтописи обѣихъ странъ были достаточно обильны воспоминаніями о предложенныхъ и возвращенныхъ услугахъ, для того чтобы устранить изъ ихъ отношеній враждебность безъ всякой причины и, тѣмъ болѣе, безъ всякаго вызова.

Однако пьемонтское правительство заключило, въ 1854 г., съ обѣими морскими державами конвенцію, предоставлявшую въ ихъ распоряженіе значительный отрядъ войскъ, предназначенный оказывать имъ помощь въ войнѣ съ нами. Этотъ корпусъ былъ отправленъ въ Крымъ, гдѣ мы должны были бороться съ нимъ.

Такой актъ враждебности, безъ всякаго объявленія войны, являлся небывалымъ нарушеніемъ всѣхъ принциповъ международнаго права. Императорскій кабинетъ громко высказалъ свое негодованіе въ циркулярѣ, который былъ обнародованъ, и встрѣтилъ въ Европѣ одобреніе всѣхъ безпристрастныхъ людей. Въ то же время всякаго рода политическія сношенія были прерваны съ правительствомъ, которое ставило себя внѣ международныхъ законовъ.

Если что-либо могло открыть глаза австрійскому правительству на возможныя послѣдствія его союза съ Франціей и его слѣпой вражды противъ насъ,—это было, безъ сомнѣнія, участіе Пьемонта въ борьбѣ, въ которой Австрія должна была бы съ удивленіемъ видѣть себя въ однихъ и тѣхъ же рядахъ съ своимъ

непримиримымъ врагомъ. Это должно было послужить предостереженіемъ для нея. Однако вѣнскій кабинетъ, увлекаемый своимъ вождемъ, оставался глухимъ къ нему, какъ и къ другимъ предвѣщаніямъ императорскаго кабинета.

6.—Греція.

Мы изложили въ другомъ мѣстѣ затрудненія, въ какія восточный кризисъ поставилъ эллинское правительство. Захваченный патріотическимъ порывомъ народностей, подвластныхъ его скипетру, король Оттонъ не могъ уклониться отъ дѣла христіанъ, не лишая популярности свою династію и не подвергая монархію самымъ серьезнымъ опасностямъ. Онъ старался примирить требованія морскихъ державъ и энтузіазмъ своего народа, благопріятствуя втайнѣ защитникамъ независимости и не разрывая въ то же время открыто своихъ отношеній съ Портой.

Не вызывая этого движенія, которое должно было оказать намъ поддержку, мы не сочли возможнымъ оставаться ему чуждыми. Но, будучи предпринято преждевременно, безъ установленнаго плана и единства дѣйствія, оно не имѣло успѣха, скорѣе вслѣдствіе понудительныхъ мѣръ, принятыхъ морскими державами, и положенія Австріи, нежели вслѣдствіе подавленія его турками.

Императорскій кабинетъ счелъ долгомъ обратить вниманіе вѣнскаго и мюнхенскаго дворовъ на такія произвольныя мѣры, угрожавшія превратиться въ принудительныя, для того, чтобы склонить Грецію къ нейтралитету. Однако указанные шаги остались безъ результата, въ виду настойчивости обѣихъ державъ, которымъ ихъ союзъ придавалъ достаточно силы, чтобы давать имъ возможность попирать ногами общественное право Европы, утверждая, что это дѣлается во имя справедливости и цивилизаціи.

Къ концу 1854 года, французская дивизія заняла Пирей, вопреки международнымъ обязательствамъ, на которыхъ основывалась независимость эллинскаго королевства. Передъ такимъ давленіемъ грубой силы греческое правительство могло только уступить, ограничившись протестомъ.

Не входя въ разсмотрѣніе, насколько оно, выставляя себя пострадавшимъ за святое дѣло, было искренно въ своихъ протестахъ противъ оккупаціи, которая, въ концѣ концовъ, выводила его изъ большого затрудненія, императорскій кабинетъ принялъ во вниманіе его трудное положеніе и видимо-добрыя желанія. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ остался аккредитованнымъ при аѳинскомъ дворѣ, и впослѣдствіи мы энергически вступились за Грецію, чтобы освободить ее отъ разорительной и беззаконной оккупаціи.

Восточная война, въ концѣ концовъ, не произвела значительной перемѣны въ сочувственныхъ отношеніяхъ къ намъ эллинской націи. Съ одной стороны, обнародованіе словъ императора Николая, сказанныхъ сэру Г. Сеймуру и формально уничтожавшихъ надежду на возстановленіе византійской имперіи, должно было подѣйствовать непріятно на честолюбивые замыслы греческаго народа. Очевидное преобладаніе, пріобрѣтенное на Востокѣ западными державами, также должно было обратить къ послѣднимъ надежды этой страны, такъ какъ слабость вообще легко привлекается видимымъ перемѣщеніемъ силы.

Но, съ другой стороны, великодушная инициатива, ввергнувшая Россію въ неравную борьбу, ради освобожденія своихъ единовѣрцевъ, была оцѣнена по достоинству. На Востокѣ, въ непрерывномъ столкновеніи между элементами, которые напрасно стараются примирить, искреннее безкорыстіе Россіи обнаружилось еще разъ съ полной очевидностью, также какъ и политическіе виды, заставлявшіе Западъ брать на себя защиту турокъ. Нельзя было не признать этого урока.

Западный союзъ имѣлъ лишь одну цѣль и одно время своего существованія. Греція могла убѣдиться, что она можетъ встрѣтить съ его стороны лишь сомнительную дружбу и постоянную враждебность.

Если мы отказываемъ ей въ осуществленіи ея честолюбивыхъ мечтаній, она знаетъ, что мы ничего не имѣемъ противъ возможности расширенія эллинскаго королевства на счетъ Эпира и Ѳессаліи, если обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, и что, въ концѣ концовъ, мы—единственные, естественные союзники эллинскаго народа, связанные съ нимъ общностью вѣры и интересовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока существуетъ оттоманская имперія. Несмотря на внутренніе раздоры партій и интриги внѣшней пропаганды, эти впечатлѣнія пережили войну, и хотя въ настоящее время Востокъ уже совсѣмъ непохожъ на прежній,—послѣдующія событія подтверждали до сихъ поръ такія чувства. Не составляя себѣ никакихъ заблужденій относительно образа дѣйствій эллинскаго правительства и значенія симпатій народа, мы продолжаемъ давать имъ доказательства безкорыстной дружбы, которую здравый смыслъ націи умѣетъ отличать отъ подозрительнаго расположенія, выказываемаго ему Западомъ.

7.—Персія.

Мы не можемъ окончить нашего описанія общаго положенія второстепенныхъ государствъ, не упомянувъ о Персіи. Названное государство, вслѣдствіе своего географическаго положенія, смеж-

наго съ Турціей и Россіей, должно было бы играть извѣстную роль въ восточныхъ осложненіяхъ.

Персія и Турція съ незапамятныхъ временъ находились въ постоянномъ разладѣ между собою по причинѣ религіозныхъ несогласій между шіитами и суннитами и еще болѣе ради неопредѣленности ихъ границъ, около которыхъ обитали кочевыя племена, отличавшіяся большой распущенностью. Вмѣшательству Россіи и Англіи удалось примирить ихъ посредствомъ договора о разграниченіи, заключеннаго при общемъ посредничествѣ этихъ двухъ державъ.

Но причины взаимнаго неудовольствія продолжали существовать. Во время спора о Святыхъ мѣстахъ Іерусалима, Порта сдѣлала ошибку, дурно отнесясь къ Персіи, и между обѣими мусульманскими державами едва не произошло разрыва.

Это обстоятельство произошло въ тотъ моментъ, когда наступали серьезныя осложненія въ нашихъ отношеніяхъ съ Турціей и Англіей, и произвело въ Лондонѣ сильное впечатлѣніе. Общественные слухи связывали съ нимъ ложное извѣстіе объ экспедиціи, предпринятой нами противъ хивинцевъ; общественное мнѣніе Англіи, всегда подозрительно относящееся къ нашимъ, будто-бы честолюбивымъ, замысламъ въ Азіи, все болѣе и болѣе приходило къ убѣжденію, что цѣлью нашей политики было потрясеніе Востока, для того, чтобы вызвать паденіе оттоманской имперіи.

Дѣятельному вмѣшательству лорда Стрэтфорда Редклифа удалось успокоить несогласіе между обѣими мусульманскими державами. Между тѣмъ Персія, видя, что наше положеніе относительно Турціи осложняется, рѣшилась воспользоваться имъ, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя выгоды насчетъ своей сосѣдки. Пока мы были одни противъ турокъ, персидское правительство, готовое присоединиться къ болѣе сильному, не могло колебаться. Въ 1853 г., оно предложило намъ заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза.

Императорскій кабинетъ держался истины, установленной фельдмаршаломъ Паскевичемъ, который хорошо зналъ персіанъ и говорилъ, что ихъ лучше имѣть врагами, нежели союзниками. Помощь ихъ была ненужна намъ, такъ какъ она скорѣе затрудняла бы насъ, чѣмъ приносила бы намъ пользу; но для насъ было важно, чтобы они не становились въ ряды нашихъ враговъ. Войска ихъ были дурно вооружены, плохо вознаграждаемы и недостаточно дисциплинированы; слѣдовательно, они не могли имѣть серьезнаго военнаго значенія. Однако многочислен-

ныя точки соприкосновенія съ нашими мусульманскими областями позволяли персіанамъ вредить намъ, и они могли бы оказать нашимъ врагамъ полезное содѣйствіе снабженіемъ ихъ армій.

Персія находилась тогда въ положеніи, весьма сходномъ съ положеніемъ осла между двумя мѣшками овса. Съ одной стороны, англійскіе агенты указывали ей надежду возвращенія ей провинцій, взятыхъ нами въ 1828 г., и даже всего Закавказья, если она выскажется въ пользу коалиціи, заключенной противъ насъ. Они преувеличивали силу коалиціи и заранѣе объявляли насъ побѣжденными. Съ другой стороны, персіане видѣли Турцію въ большомъ затрудненіи, вынужденною сосредоточить всѣ свои силы противъ насъ; передъ ними открывались смежныя области, которыя Порта оспаривала у нихъ, и, кромѣ того, прекрасная и весьма важная багдадская провинція, которая нѣсколько разъ служила добычею персидскихъ завоевателей.

Въ такомъ положеніи вещей, хотя мы желали отъ Персіи только нейтралитета, было весьма вѣроятно, что, если бы мы не противопоставили соблазнительнымъ обѣщаніямъ нашихъ противниковъ ничего, кромѣ договора о нейтралитетѣ, мы съ трудомъ одержали бы верхъ надъ ихъ интригами. Поэтому императорскій кабинетъ благосклонно принялъ предложенія персидскаго правительства.

Но послѣднее ставило неосуществимыя условія. Не только оно требовало помощи деньгами, оружіемъ, припасами и даже офицерами, но и хотѣло также, чтобы мы обязались гарантировать ему при заключеніи мира тѣ завоеванія, какія ему удастся сдѣлать насчетъ общаго врага. Это значило бы принять на себя невыгодныя обязательства, которыя, послѣ заключенія мира, повели бы насъ къ новой войнѣ съ Турціей и Англіей, на огромномъ разстояніи, ничѣмъ не могущей насъ вознаградить.

Поэтому наши усилія были направлены къ тому, чтобы затянуть переговоры, устранивъ изъ нихъ статьи, выходившія за предѣлы нашихъ намѣреній. Однако, въ то время, нашъ разрывъ съ Западомъ, преувеличенные слухи о нашихъ неудачахъ на Дунаѣ и дѣятельность англійскихъ агентовъ—заставили персидскихъ министровъ потерять голову. Ихъ положеніе сразу стало высокомѣрнымъ и ихъ требованія чрезвычайными. Переговоры были прерваны. Твердость нашего плана дала имъ понять, что мы не нуждаемся въ ихъ помощи и съумѣемъ наказать ихъ враждебность; но въ особенности наши быстрые и рѣшительные успѣхи въ Закавказьи привели ихъ къ другимъ воззрѣніямъ.

Не желая отказаться отъ мысли извлечь какія-либо выгоды

изъ столь благопріятныхъ обстоятельствъ, они вновь обратились къ намъ въ 1854 г., предлагая въ наше распоряженіе отрядъ войскъ, которыя шахъ долженъ былъ собрать въ Сулейманіэ, около турецкой границы. Однако нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ предостерегалъ насъ противъ искренности такого предложенія, въ сущности, скрывавшаго въ себѣ желаніе вторгнуться въ багдадскую область. Онъ совѣтовалъ намъ потребовать, чтобы вспомогательная персидская армія была сосредоточена около Хои, т.-е. точки пересѣченія нашей границы съ границами Персіи и Турціи.

Такая комбинація была мало основательна. Было очевидно, что, еслибъ мы приняли содѣйствіе Персіи, мы не могли бы считать предосудительнымъ, чтобы она заботилась о собственныхъ интересахъ. Напротивъ, совпаденіе ея интересовъ съ нашими было бы лучшимъ залогомъ прочности союза. На самомъ дѣлѣ, лучшая услуга, какой мы могли ожидать отъ Персіи, заключалась въ томъ, чтобы произвести значительное отвлеченіе силъ нашихъ противниковъ отъ театра войны. Экспедиція противъ Багдада вполнѣ соотвѣтствовала бы такой цѣли, между тѣмъ какъ сосредоточеніе персидскихъ войскъ у Хои было бы для насъ безполезно: мы не могли разсчитывать на ихъ серьезную военную помощь, и, кромѣ того, подобное сосредоточеніе могло даже оказаться вреднымъ, въ виду недовѣрія, возбуждаемаго этими союзниками, которые, при первой неудачѣ, вѣроятно, обратились бы противъ насъ.

Однако именно въ такихъ условіяхъ переговоры продолжались въ Тифлисѣ. Генералъ Реадъ, замѣстившій князя Воронцова, послѣ смерти послѣдняго, открылъ намъ глаза на эти соображенія. Но было уже поздно; переговоры привели къ трактату о нейтралитетѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы желали. Мы окружили его всѣми возможными гарантіями и самыми торжественными формами, для того, чтобы болѣе обязать шаха не пожертвовавъ ничѣмъ, кромѣ военной контрибуціи, которую Персія оставалась намъ должною съ 1828-го года.

Императорскій кабинетъ руководился въ упомянутыхъ переговорахъ принципомъ, который мы изложили въ другомъ мѣстѣ и который заставилъ насъ отказаться отъ содѣйствія возстанія христіанъ въ Турціи и вооруженія каперскихъ судовъ въ Тихомъ океанѣ. Этотъ принципъ заключался въ томъ, чтобы не усиливать борьбу, распространяя ее, а, напротивъ, ограничивать ее, для того, чтобы ускорить ея исходъ.

По отношенію къ Персіи такая политика благоразумія ука-

зывалась, кромѣ того, общими соображеніями, управляющими нашими дѣйствіями въ этой странѣ. Мы желаемъ отъ нея только спокойствія, для обезпеченія порядка въ нашихъ смежныхъ областяхъ. Какую бы важность въ данную минуту ни представляла диверсія на югѣ азіатской Турціи, должно было наступить время сведенія счетовъ, и тогда мы были бы обязаны или поддерживать персіанъ цѣною разорительной и безполезной войны противъ турокъ и англичанъ, или предоставить ихъ мстительности лондонскаго кабинета, чтó повело бы къ уничтоженію нашего вліянія [1]).

Подобные взгляды, безъ сомнѣнія, были весьма разумны; но, въ виду труднаго положенія, въ какомъ мы находились, нельзя не пожалѣть, что мы отказывались отъ шансовъ какіе судьба давала намъ въ руки. Изъ всѣхъ такихъ шансовъ, Персія представляла одинъ изъ наиболѣе важныхъ. Въ тотъ моментъ, онъ даже ни къ чему насъ не обязывалъ. И Франція, и Германія— менѣе всего были заинтересованы въ немъ. Диверсія на Багдадъ была незатруднительна, такъ какъ въ упомянутой провинціи почти не было войскъ. Она могла имѣть громадные результаты, такъ какъ эта страна, прорѣзываемая Евфратомъ, составляетъ одну изъ дорогъ въ Индію, на которыя обращено вниманіе англичанъ. Слѣдовательно, трудно предсказать, какое дѣйствіе оказала бы на ихъ рѣшеніе мысль видѣть этотъ путь въ рукахъ персіанъ подъ вліяніемъ Россіи. Война, объявленная Англіей Персіи въ 1857 г., для того, чтобы наказать эту державу за обнаруженныя къ намъ симпатіи, достаточно указываетъ важность, какую означенные вопросы имѣли въ глазахъ англійской политики.

Бар. А. Жомини.

---

[1]) Такая мудрая и осторожная политика была дурно вознаграждена. Она не помѣшала лорду Пальмерстону объявить войну Персіи тотчасъ же послѣ заключенія мира въ 1856 г., для того чтобы наказать ее за безпокойство, доставленное Англіи, и окончательно отнять отъ нея Гератъ.

ГЕЛИМЕРЪ

Историческій романъ изъ эпохи Юстиніана Великаго (VI-й вѣкъ по Р. X.).

Соч. Феликса Дана.

КНИГА ВТОРАЯ.

На войнѣ.

I.

„Корнелію Цетегу—отъ Кесаря Прокопія изъ Кесаріи.

„Больше нѣтъ смысла и нѣтъ причины скрывать мое имя. Птицу узнаютъ по полету. Да теперь я почти увѣренъ, что эти листки не попадутся никому въ руки въ Византіи; скоро мы поплывемъ по синему морю.

Итакъ: война съ вандалами рѣшена.

Императрица добилась-таки своего.

Она очень холодно, чтобы не сказать—презрительно, обращалась съ супругомъ все время, пока онъ колебался. Это всегда на него дѣйствуетъ.

Какую причину она измыслила для войны—въ аду это доподлинно извѣстно, на небѣ—не вполнѣ, а я ровно ничего о томъ не знаю.

Быть можетъ, кровь еретиковъ должна опять смыть съ нея нѣсколько пудовъ грѣха. Или же у нея разгорѣлись глазки на сокровища, хранимыя въ карѳагенскомъ Капитоліѣ и награбленныя Гензерихомъ со всѣхъ странъ и земель; даже іерусалимская казна находится въ томъ числѣ.

Короче сказать: она хотѣла войны,—и мы воюемъ.

Благочестивый епископъ изъ одного азіатскаго пограничнаго города, по имени Агатонъ, прибылъ въ Византію. Императрица пригласила его на тайное совѣщаніе: я знаю это черезъ Антонину, супругу Велисарія, которая тоже присутствовала. Императрица Ѳеодора показала ему его же письмо къ персидскому царю. Епископъ отъ страха палъ къ ея ногамъ. Она толкнула его узкимъ носкомъ своихъ золотыхъ башмачковъ:—Вставай, Агатонъ, божій человѣкъ,—сказала она,—и постарайся, чтобы сегодня ночью тебѣ приснилось то̀, что̀ я тебѣ скажу. И если завтра рано поутру ты не разскажешь императору этого сна, то я передамъ ему днемъ твое письмо, а вечеромъ завтра, святой отецъ, ты будешь обезглавленъ.

Епископъ ушелъ и увидалъ заказанный ему сонъ, вѣроятно, не смыкая глазъ. И на другое утро, раньше чѣмъ Юстиніанъ успѣлъ взять ванну, онъ попросилъ у него аудіенціи и разсказалъ ему въ крайнемъ возбужденіи (которое было непритворное), что прошлой ночью ему явился во снѣ Христосъ и приказалъ: —Ступай, Агатонъ, къ императору и укоряй его за то, что онъ малодушно отказался отъ намѣренія отомстить за меня еретикамъ. Скажи ему—такъ вѣщаетъ Христосъ Господь:—возстань, Юстиніанъ, и не бойся. Ибо я, Господь, буду съ тобой въ бою и покорю Африку и ея сокровища твоему владычеству!

Тутъ уже Юстиніанъ не медлилъ больше. Война была рѣшена. Строптивый префектъ Преторій низложенъ и сидитъ въ тюрьмѣ. Велисарій назначенъ главнокомандующимъ. Во всѣхъ византійскихъ церквахъ и соборахъ священники возвѣщаютъ народу о сонномъ видѣніи благочестиваго епископа. Солдатъ водятъ сотнями въ церковь, гдѣ имъ проповѣдуется мужество. Сановники оповѣщаютъ сонное видѣніе на улицахъ, въ гавани, на корабляхъ. По приказанію императрицы, Мегасъ, ея придворный лейбъ-поэтъ, переложилъ сонное видѣніе въ греческіе и латинскіе стихи. Они удивительно плохи, хуже даже тѣхъ, какіе обыкновенно пишетъ нашъ Мегасъ, но легко запоминаются, а потому солдаты съ матросами дни и ночи ревутъ ихъ на улицахъ и въ кабакахъ, точно дѣти, поющія въ потемкахъ, чтобы придать себѣ храбрости (въ сущности вѣдь нашимъ героямъ куда какъ не хочется въ Африку!).

Итакъ мы поемъ непрерывно:

„Христосъ явился ко благочестивому епископу! Христосъ внушилъ Юстиніану!

„Отомсти за Христа, Юстиніанъ, презрѣннымъ аріанамъ!

„Самъ Христосъ побьетъ вандаловъ, подчинитъ тебѣ Африку!“

У этихъ стиховъ два достоинства: во-первыхъ, ихъ можно повторять сколько угодно; во-вторыхъ, рѣшительно все равно, съ чего начать: съ конца или съ начала. Императрица говоритъ (а она должна это знать), что ихъ внушилъ Мегасу св. Духъ. Въ такомъ случаѣ въ стихахъ, продиктованныхъ свыше, какъ и въ обыкновенныхъ, попадаются хромые.

Мы готовимся денно и нощно. По улицамъ Византіи рыщутъ маленькія косматыя лошадки гунновъ; въ ихъ числѣ находятся шестьсотъ превосходныхъ конныхъ арбалетчиковъ; гунскіе вожди, Айганъ и Бледа, Эллакъ и Бала предводительствуютъ ими. Сюда причисляются шестьсотъ геруловъ, предводительствуемыхъ Фарой, королевскимъ сыномъ этого народа; эти германцы на жалованьи у Юстиніана, такъ какъ, по словамъ Нарзеса, только бриллiантъ рѣжетъ бриллiантъ: германцы противъ германцевъ—вотъ наша любимая политика.

Но и другіе варвары, которыхъ мы называемъ своими союзниками (это значитъ, что мы „даримъ“ имъ деньги или хлѣбъ, а они платятъ намъ за это кровью своихъ сыновъ), цѣлыми толпами проходятъ по улицамъ: исавры, армяне и другіе, подъ предводительствомъ вождей своего племени. Изъ народовъ имперіи—лучшихъ воиновъ поставляютъ Ѳракія и Иллирія.

А въ гавани качаются корабли, и нетерпѣливо рвутся съ якорей, когда подуетъ восточный вѣтеръ, задорно устремляя носъ на западъ.

Войско постепенно сажаютъ на корабли; 11.000 пѣхоты, 5.000 всадниковъ, на пятьсотъ судовъ съ 20.000 матросовъ. Въ томъ числѣ лучшими боевыми кораблями считаются 102 быстроходныхъ дромона съ 2.000 византійскихъ гребцовъ; на другихъ судахъ матросы—египтяне, іоняне, киликійцы.

Въ общемъ это очень красивая и воинственная картина, на которую мнѣ пріятнѣе глядѣть, нежели ее описывать. Но всего прекраснѣе самъ герой Велисарій, окруженный тѣлохранителями, оруженосцами и латниками, испытанными въ бою людьми, выбранными изъ всѣхъ народовъ земли.

„Мы уже на полпути къ Африкѣ. Пишу тебѣ это изъ Сиракузъ.

До сихъ поръ все шло съ изумительнымъ счастіемъ; богиня, которую латинцы называютъ Фортуной, сопутствуетъ намъ.

Къ концу іюня войско все было посажено на корабли.

Тогда корабль, на которомъ долженъ былъ плыть Велисарій, былъ подведенъ къ берегу передъ императорскимъ дворцомъ. На кораблѣ показался византійскій архіепископъ Эпифаній; послѣднимъ на корабль посаженъ былъ одинъ аріанецъ, котораго онъ только-что перекрестилъ въ каѳолическую вѣру. Затѣмъ онъ благословилъ корабль Велисарія и всѣхъ насъ, также и язычниковъ гунновъ, сошелъ въ лодку, и корабль полководца, при восторженныхъ крикахъ многихъ тысячъ народа, поплылъ впередъ; а за нимъ послѣдовалъ весь флотъ. Мы—весьма благочестивые люди, то-есть, всѣ тѣ, кого императрица и сновидецъ-епископъ съ Юстиніаномъ посылають искоренять ересь.

„Это священная война. Мы сражаемся за Христа!"

Мы такъ часто это повторяли, что наконецъ повѣрили тому.

Изъ Перинѳа—его называютъ теперь Гераклеей—мы поплыли къ Абидоссу. Тутъ опьянѣвшіе гунны затѣяли ссору, и двое изъ нихъ убили земляка. Велисарій велѣлъ немедленно повѣсить обоихъ на холмѣ, лежащемъ за городомъ.

Гунны, въ особенности родственники казненныхъ, подняли гвалтъ; по праву гунновъ, смерть, причиненная въ дракѣ, не наказывается смертью. Я предполагаю, что другое право гунновъ предоставляетъ наслѣдникамъ убитаго пить на счетъ убійцъ и вмѣстѣ съ ними до тѣхъ поръ, пока всѣ не свалятся на землю; а когда проснутся, то перецѣлуются,—и дѣло съ концомъ. Гунны вѣдь еще злѣйшіе пьяницы, чѣмъ германцы; а этимъ много сказано! И вотъ они утверждаютъ, что обязаны драться за императора, состоя на его жалованьи, но судить ихъ по римскимъ законамъ императоръ не имѣетъ права. Велисарій собралъ гунновъ подъ висѣлицей, на которой висѣли ихъ единоплеменники, окружилъ ихъ преданными приверженцами своими и принялся рычать на нихъ, какъ левъ. Не думаю, чтобы они поняли его латынь, то-есть, собственно говоря, мою, такъ какъ я сочинилъ ему рѣчь, но онъ часто показывалъ имъ на висѣлицу; это они поняли, и стали кротки, какъ агнцы.

Затѣмъ мы поплыли на Сигеумъ, Танарумъ, Метону.

Тамъ у насъ погибло очень много людей отъ того, что провіантмейстеръ византійскій, вмѣсто того, чтобы хорошенько пропечь солдатскій хлѣбъ, велѣлъ вымочить тѣсто въ общественныхъ баняхъ (хоть и не аппетитно, да зато безплатно!) и затѣмъ, насыщенное водой, поджарить снаружи на горячихъ листахъ. Отъ этого хлѣбъ сталъ гораздо тяжелѣе (императоръ платитъ за него по вѣсу), и на каждый фунтъ пришлось нѣсколько золотниковъ лишку. Но за то въ настоящее время этотъ хлѣбъ превратился

въ вонючую кашицу, и отъ нея у насъ умерло уже пятьсотъ человѣкъ. Императору донесли объ этомъ; но Θеодора заступилась за бѣднаго провіантмейстера, который уплатилъ ей за ея христіанское заступничество сумму, въ десять разъ превышающую ту, что онъ нажилъ на своемъ мошенничествѣ. Зато онъ отдѣлался только выговоромъ; такъ по крайней мѣрѣ намъ сообщили. Изъ Метоны путь нашъ лежалъ черезъ Закинθъ въ Сицилію, гдѣ мы простояли двѣ недѣли въ древней, нынѣ малопосѣщаемой гавани; это мѣсто называется Каукапой, на рейдѣ напротивъ Этны.

Но... но! Теперь героя Велисарія стали осаждать запоздалыя, тяжелыя думы! Онъ такъ воинственъ, такъ слѣпо бросается туда, гдѣ ему покажутъ непріятеля! Но затѣмъ являются разныя заботы...

Никто изъ многочисленныхъ лазутчиковъ, задолго до нашего отплытія изъ Византіи посланныхъ въ Карθагенъ, не возвратился ни въ Византію, ни на одну изъ станцій, лежавшихъ на нашемъ пути. Такимъ образомъ, полководецъ столько же зналъ о вандалахъ, сколько о жителяхъ луны.

Что̀ это за люди, каковы ихъ военачальники, какъ съ ними дѣйствовать — объ этомъ ровно-таки ничего неизвѣстно! Вдобавокъ солдатъ обуялъ ихъ старинный страхъ передъ флотомъ Гензериха, а на корабляхъ у насъ нѣтъ императрицы, которая бы снова заказала кому-нибудь сонное видѣніе! Стихи лейбъ-поэта распѣваются все рѣже и рѣже; само пѣніе ихъ опротивѣло; если одинъ затянетъ пѣсню, другіе на него за это накидываются. Только гунны да герулы — къ стыду римлянъ будь сказано — воздерживаются отъ громкихъ жалобъ: они мрачно молчатъ. Наши же воины—римляне—не стыдятся громко жаловаться.

На землѣ они храбро дрались бы,—къ этому они привыкли,— но если непріятель нападетъ на нихъ въ открытомъ морѣ, то они заставятъ матросовъ поскорѣе распустить всѣ паруса и приналечь на весла, чтобы уйти по-добру, по-здорову; бороться на утлыхъ судахъ заразъ съ германцами, и съ воинами, и вѣтромъ—этого они не могутъ, этого не указано въ ихъ служебномъ договорѣ. Но Велисарія всего больше мучила неизвѣстность насчетъ плановъ непріятеля. Куда же онъ дѣвался, этотъ грозный флотъ? Чѣмъ-то зловѣщимъ представляется то, что его и не слышно, и не видно. Не скрывается ли онъ за ближайшими островами? Или же сторожитъ насъ у африканскихъ береговъ? Но гдѣ? и гдѣ же намъ придется высадиться?

Я замѣтилъ вчера, что объ этомъ слѣдовало ему раньше подумать.

Но онъ проворчалъ что-то себѣ въ бороду и попросилъ меня исправить его оплошность.

Я долженъ плыть въ Сиракузы и тамъ, подъ предлогомъ закупки припасовъ у вашего остготскаго графа, разузнать объ этихъ вандалахъ все, что̀ ему нужно и чего онъ не знаетъ.

Итакъ, со вчерашняго дня, я нахожусь здѣсь въ Сиракузахъ и разспрашиваю всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ о вандалахъ. И всѣ они смѣются мнѣ въ лицо и говорятъ:

— Ну, если самъ Велисарій не знаетъ, то откуда же мы будемъ знать? Мы не ведемъ съ ними войны. Мнѣ сдается, что они правы, нахалы этакіе!

II.

„Побѣда, побѣда, Цетегъ! Всегдашняя удача и на этотъ разъ не оставила Велисарія! Сами боги ослѣпляютъ вандаловъ! Они отнимаютъ у нихъ разумъ: они, должно быть, желаютъ ихъ погибели. Гермесъ расчищаетъ намъ путь, устраняетъ опасности и препятствія съ дороги.

Флотъ вандаловъ, страшилище для нашихъ храбрецовъ, плыветъ безобидно изъ Карѳагена на сѣверъ, въ то время какъ мы на всѣхъ парусахъ—восточный вѣтеръ весело дуетъ—летимъ изъ Сициліи по голубымъ волнамъ, окруженные дельфинами, на западъ къ Карѳагену.

Мы точно на праздникъ спѣшимъ, прорѣзывая мирныя волны! Ни врага, ни лазутчика кругомъ насъ на всемъ далекомъ пространствѣ, который могъ бы помѣшать намъ или предупредить непріятеля о нашемъ приближеніи, и мы, подобно метеору, спускающемуся съ неба, налетимъ на него грозою.

И если все это стало извѣстно нашему полководцу, и если онъ могъ немедленно воспользоваться этими свѣдѣніями, то это,—заслуга Прокопія, или, вѣрнѣе говоря, слѣпого случая, той трудолюбивой богини Фортуны, которая, какъ мнѣ кажется—конечно, вѣдь я не философъ!—гораздо болѣе чѣмъ Немезида руководитъ судьбою народовъ.

Въ послѣдній разъ я писалъ, что безсмысленно, и навлекая на себя насмѣшки шутниковъ, я бѣгаю по улицамъ Сиракузъ и всюду разспрашиваю: не видали ли они вандаловъ? Наконецъ, одинъ человѣкъ—на этотъ разъ то былъ одинъ готскій графъ—сказалъ мнѣ, пожимая плечами (его зовутъ Тотилой, и онъ такъ же хорошъ собой, какъ и дерзокъ):—Вамъ, кажется, самимъ слѣ-

дуетъ разыскивать непріятеля. Я бы охотнѣе отправился вмѣстѣ съ вандалами за вами въ поиски и еще охотнѣе потопилъ бы васъ.—И тутъ я не могъ не подумать, какъ правильно понялъ этотъ юный варваръ выгоды своего народа и глупость регентши; и вотъ, когда я, недовольный богами и самимъ собой, а всего болѣе Велисаріемъ, огибалъ улицу, то столкнулся носъ съ носомъ съ какимъ-то прохожимъ. Оказалось, что это Гегелохъ, мой школьный товарищъ изъ Цезареи, который,—какъ мнѣ было извѣстно—поселился гдѣ-то въ Сициліи и завелъ хлѣбную торговлю; но только я не зналъ, въ какомъ именно городѣ.

— Чего ты здѣсь ищешь?—были его первыя слова, послѣ того какъ мы поздоровались.

— Я? бездѣлицу,—отвѣчалъ я съ смущеніемъ, потому что уже видѣлъ явную усмѣшку на его лицѣ.—Я ищу всюду полтораста или двѣсти вандальскихъ военныхъ кораблей. Не знаешь ли, гдѣ они находятся?

— Знаю,—отвѣчалъ онъ, не смѣясь.—Они стоятъ въ гавани Карали, въ Сардиніи.

— Всевѣдущій зерноторговецъ!—вскричалъ я, вытаращивъ глаза отъ изумленія:—откуда ты это знаешь?

— Изъ Карѳагена; я всего лишь три дня какъ оттуда вернулся.

Ну, тутъ ужъ я закидалъ его вопросами. И каждый разъ, какъ я пожималъ, какъ губку, этого умнаго, толковаго человѣка, изъ него вытекалъ цѣлый потокъ важнѣйшихъ для насъ извѣстій.

Итакъ, намъ нечего, рѣшительно-таки нечего бояться для нашего флота вандальскихъ кораблей. Варвары еще и не подозрѣваютъ, что мы идемъ на нихъ во всеоружіи. Отборная военная сила ихъ отослана на грозныхъ галерахъ въ Сардинію. Гелимеръ не считаетъ нужнымъ оборонять Карѳагенъ или какой бы то ни было приморскій городъ. Онъ находится въ Герміонѣ, въ провинціи Визаценѣ, въ четырехъ дняхъ пути отъ моря. Что онъ тамъ дѣлаетъ, на рубежѣ пустыни? Но какъ бы то ни было, а мы можемъ безъ всякаго опасенія плыть туда, куда насъ влекутъ попутный вѣтеръ, и волны, и наша собственная охота,—и высадиться въ Африкѣ.

Во время нашего разговора, слушая его во всѣ уши, я охватилъ пріятеля рукой за шею и спросилъ его: не хочетъ ли онъ пойти вмѣстѣ со мной въ гавань Аретузы и поглядѣть на мой корабль, который тамъ стоитъ на якорѣ? Это быстроходное судно новой конструкціи. Торговецъ согласился; но какъ скоро я заманилъ его на корабль,—я немедленно выхватилъ мечъ, пере-

сѣкъ канатъ, привязывавшій насъ къ желѣзному кольцу въ гаваньской набережной, и приказалъ моимъ матросамъ какъ можно скорѣе плыть въ Каукапу.

Гегелохъ испугался, сталъ ругаться и грозиться. Но я успокоилъ его.

— Прости за это похищеніе, другъ; мнѣ безусловно необходимо, чтобы Велисарій услышалъ отъ тебя самого, а не получилъ свѣденія черезъ меня. Онъ одинъ знаетъ, какъ воспользоваться всѣмъ этимъ. И я не хочу взять на себя отвѣтственность въ томъ, что не спросилъ чего-нибудь важнаго, или же невѣрно понялъ какой-нибудь отвѣтъ. Тебя послалъ мнѣ Богъ, который за что-нибудь сердитъ на вандаловъ: горе мнѣ, если я не съумѣю этимъ воспользоваться. Ты долженъ пересказать полководцу все, что говорилъ мнѣ; ты долженъ сопровождать наши корабли въ Африку, мало того—руководить ими. И одно это недобровольное твое путешествіе въ Карѳагенъ принесетъ тебѣ болѣе богатые плоды изъ сокровищницы вандаловъ, чѣмъ еслибы ты сто разъ проплавалъ съ грузомъ пшеницы туда и обратно. И при этомъ ужъ я не говорю о томъ сокровищѣ, которое ты уготовишь себѣ на небесахъ, помогая намъ искоренить еретиковъ.

Онъ улыбнулся, успокоился и разсмѣялся.

Но еще веселѣе улыбнулся Велисарій, герой, когда увидѣлъ передъ собой человѣка, прибывшаго незадолго передъ тѣмъ изъ Карѳагена и котораго онъ могъ обо всемъ разспросить всласть. Какъ онъ меня хвалилъ за эту случайную встрѣчу! Приказъ къ отплытію былъ поданъ. О, какъ взвились паруса! Какъ гордо выступили наши корабли! Горе тебѣ, Вандалія, и высокобашенная крѣпость Гензериха!

„Мы быстро проплыли мимо островов Гаулоса и Милиты, отдѣляющихъ Адріатическое море отъ Тиреннскаго. Около Милиты поднялся вѣтеръ, точно по заказу Велисарія, еще болѣе попутный, нежели сильный юго-восточно-южный, который уже на слѣдующій день пригналъ насъ къ Капутъ-Вадѣ на африканскомъ берегу, въ пятидневномъ пути отъ Карѳагена. То-есть, само собой разумѣется, такой путь могъ бы совершить въ пять дней пѣшеходъ налегкѣ, безъ всякаго багажа: для насъ же потребуется гораздо больше времени. Велисарій приказалъ спустить паруса, бросить якорь и созвалъ всѣхъ военачальниковъ на свой корабль держать военный совѣтъ. Теперь слѣдуетъ рѣшить: высадить ли войска и идти сухимъ путемъ на Карѳагенъ, или же мы на корабляхъ

подойдемъ къ Кареагену и постараемся завоевать его съ моря. Мнѣнія на этотъ счетъ раздѣлились.

„Рѣшено: мы идемъ сухимъ путемъ на Кареагенъ.

Правда, квесторъ Архелай указывалъ на то, что у насъ нѣтъ гавани для кораблей безъ экипажа, и никакой крѣпости для экипажа безъ кораблей. Каждая буря можетъ ихъ угнать въ открытое море, или же разбить о береговые утесы. Онъ указывалъ также на недостатокъ воды и съѣстныхъ припасовъ, ожидающіе насъ на сухомъ пути:—Пусть только — сердито вскричалъ онъ подъ конецъ—никто отъ меня въ такомъ случаѣ не требуетъ, какъ отъ квестора, ѣсть! Квесторъ, у котораго осталась только должность, а нѣтъ хлѣба, не можетъ никого насытить своей должностью.

Онъ совѣтовалъ спѣшить къ Кареагену моремъ, занять тамъ гавань Стагнусъ, гдѣ помѣстится весь флотъ и которая въ настоящее время совсѣмъ беззащитна, и оттуда напасть на городъ, который можно будетъ взять при первомъ же приступѣ, если справедливо, что король съ войскомъ находится внутри страны, на разстояніи четырехъ дней пути отъ морского берега.

Но Велисарій сказалъ:

— Господь исполнилъ наше самое жаркое желаніе: онъ дозволилъ намъ достичь Африки, не наткнувшись до сихъ поръ на непріятельскій флотъ. Неужели же намъ опять плыть моремъ и, быть можетъ, натолкнуться на тѣ корабли, отъ которыхъ наши люди грозятъ убѣжать? Что касается бури, то пусть лучше корабли потонутъ безъ насъ, нежели съ нами. Теперь у насъ есть то преимущество, что мы можемъ застичь непріятеля врасплохъ: каждое промедленіе дастъ имъ возможность вооружиться. Здѣсь мы можемъ безопасно высадиться; въ другомъ мѣстѣ и позднѣе намъ придется, быть можетъ, бороться и съ вѣтромъ, и съ врагомъ. Поэтому я говорю: мы высадимся здѣсь! Валъ и окопы вокругъ лагеря замѣнятъ намъ крѣпость. Насчетъ продовольствія нечего безпокоиться. Если мы побьемъ непріятеля, то завладѣемъ всѣми его запасами.

Такъ говорилъ Велисарій. Я нашелъ по обыкновенію его доводы весьма слабыми, а его мужество—очень твердымъ. Дѣло въ томъ, что онъ всегда избираетъ кратчайшій путь къ битвѣ.

Военный совѣтъ разошелся. Воля Велисарія свершилась.

Мы отвезли на берегъ лошадей, оружіе, багажъ, боевыя машины. Около четырнадцати тысячъ воиновъ и девятнадцать

тысячъ матросовъ взялись за лопаты и стали копать землю, вбивать частоколъ въ горячій, сухой песокъ. Только тысяча воиновъ разставлены были на сторожевые посты, и тысяча матросовъ осталась на корабляхъ. Полководецъ первый взялъ въ руки заступъ и послѣдній выпустилъ изъ рукъ: его потъ обильно оросилъ африканскую землю; и, подстрекаемые его примѣромъ, всѣ такъ усердно работали, что до наступленія ночи уже весь лагерь былъ окопанъ и окруженъ валомъ и полисадомъ. Только по пяти стрѣлковъ оставалось на ночь на каждомъ кораблѣ.

До сихъ поръ все шло прекрасно. Благодаря остготскому гостепріимству въ Сициліи, объемистые корабли наши хранили еще большой запасъ провіанта. Всѣмъ, что нужно для людей и коней, эти глупцы (неудобный Тотила, не дружившій съ нами, былъ немедленно отозванъ) снабдили насъ, по приказу регентши и безъ всякаго вознагражденія, а на наши удивленные вопросы отвѣчали цитатой изъ ученаго Кассіодора: „вы заплатите намъ тѣмъ, что отомстите за насъ вандаламъ“.

Точно ученые мужи не знаютъ басни о томъ, какъ человѣкъ съ помощью коня загналъ и убилъ ненавистнаго послѣднему оленя, и какъ для этого только раза свободное животное дозволило ему сѣсть къ нему на спину... но всадникъ уже болѣе не сошелъ съ коня!

Однако въ водѣ начинаетъ ощущаться недостатокъ. Та, что мы привезли съ собой, плоха: отдаетъ гнилостью. А каково-то будетъ для людей и коней маршировать нѣсколько дней сряду подъ африканскимъ солнцемъ безъ воды? Чѣмъ-то это все кончится?

„Теперь я и самъ начинаю вѣрить, что мы—любимцы боговъ: мы, воины Юстиніана правосуднаго и Θеодоры цѣломудренной!

Или же, наоборотъ, народъ и король вандаловъ навлекли на себя такой тяжкій небесный гнѣвъ, что непрерывныя чудеса происходятъ варварамъ во вредъ, а намъ во спасеніе!

Вчера вечеромъ всѣ мы, начиная отъ полководца и до послѣдняго верблюда, страдали безъ воды. Сегодня рано по утру рабъ Агнеллъ (онъ — твой землякъ, о, Цетегъ! сынъ рыбака изъ Стабіи!) принесъ мнѣ въ палатку цѣлую амфору чудеснѣйшей родниковой воды. И достаточно не только для питья, но даже и для омовенія! Съ послѣднимъ ударомъ заступа наши герулы откопали на восточной окраинѣ лагеря сильный, большой источникъ воды, забившей фонтаномъ—вещь неслыханная въ визаценской провинціи! Между моремъ и „пустыней“! Такъ называютъ люди здѣсь

всю землю на юго-западъ отъ большой дороги, по которой мы идемъ,—разумѣется, неосновательно, такъ какъ она частію очень плодородна.

Но это—старый грунтъ пустыни, и порою онъ незамѣтно переходитъ въ настоящую пустыню. Во всякомъ случаѣ, фонтанъ нашъ забилъ изъ сухой, песчанистой почвы.

И такъ богатъ этотъ источникъ водой, что люди и звѣри пьютъ, варятъ пищу, купаются и, выливъ испорченную воду изъ корабельныхъ бурдюковъ, замѣняютъ ее превосходнѣйшею!

Я поспѣшилъ къ Велисарію и поздравилъ его съ удачей, не только потому, что такая находка для насъ неоцѣненна, но и потому, что съ нею связано предсказаніе о побѣдѣ. „Тебѣ навстрѣчу бьетъ вода фонтаномъ въ пустынѣ, о, полководецъ“! вскричалъ я. „Это означаетъ, что ты безъ труда одержишь побѣду: ты—любимецъ неба и его избранникъ“.

Онъ улыбнулся. Такія вещи всегда пріятно слышать.

„Онъ поручилъ мнѣ сочинить приказъ по войскамъ, который будетъ прочитанъ каждому отряду передъ его выступленіемъ.

Десятка два нашихъ любезныхъ гунновъ поскакали на коняхъ вглубь страны и, опустошивъ поля, вернулись съ награбленной добычей: вслѣдствіе этого возникъ у нихъ непріятный разговоръ съ римскими колонистами. Такъ какъ гунны понимаютъ только такую латынь, которая сопровождается ударами копій, то разговоръ окончился двумя убитыми,—само собой разумѣется, со стороны глупыхъ мужиковъ, которые не хотѣли, чтобы гунны стравили лошадямъ ихъ лучшую пшеницу. Наши любезные гунны отрѣзали головы благополучно освобожденнымъ ими изъ-подъ вандальскаго ига римлянамъ, привѣсили ихъ къ сѣдламъ и привезли полководцу къ ужину.

Велисарій взбѣсился. Онъ часто бѣсится. А когда Велисарій бѣсится, Прокопій долженъ гремѣть.

Такъ и теперь. Я написалъ приказъ по войскамъ, что мы, будучи скорѣе освободителями, спасителями и благодѣтелями провинціаловъ, вовсе не считаемъ ихъ полей своими и не намѣрены травить ихъ лошадями, а ихъ головъ—пригодными для игры въ шары. „Въ настоящемъ случаѣ,—писалъ я весьма убѣдительно,—такіе поступки не только преступны, но и глупы. Если мы рѣшились высадиться въ такомъ незначительномъ числѣ, то только потому, что впередъ предвидѣли: провинціалы, ненавидя вандаловъ, будутъ помогать намъ“. Я обращался затѣмъ весьма убѣдительно—

не къ чести нашихъ героевъ и не къ ихъ совѣсти, а... къ ихъ желудку. „Вы съ голоду умрете, безумные,—писалъ я,—если крестьяне не станутъ возить намъ провіанта. Если вы ихъ перебьете, то мертвецы не станутъ ничего продавать вамъ, а живые —тѣмъ паче. Вы заставляете провинціаловъ быть союзниками вандаловъ, не говоря уже о томъ, что навлекаете на себя гнѣвъ и немилость Господа! Итакъ: щадите людей, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Иначе они скоро догадаются, что гунны Велисарія хуже вандаловъ Гелимера. Когда въ провинціи будутъ дѣйствовать фискальные чиновники императора, тогда, любезные внуки Аттилы, вамъ можно будетъ не церемониться; потому что тогда „освобожденные" уже успѣютъ „оцѣнить" полученную свободу. А такъ грабить, какъ грабятъ сборщики податей Юстиніана, вы не умѣете, дорогіе гунны и разбойники".

Приблизительно въ этомъ родѣ, но только подъ прикрытіемъ болѣе красивыхъ словъ, гласилъ приказъ по войскамъ.

Мы пошли впередъ. О варварахъ—ни слуху, ни духу. Куда они попрятались? гдѣ спитъ этотъ король вандаловъ? Если онъ не скоро проснется, то проспитъ свое царство!

„Мы двигаемся все дальше и дальше. Удача слѣдуетъ за удачей.

Въ разстояніи одного дневного перехода отъ пункта нашей высадки при Капутъ-Вадѣ, на западѣ, на пути въ Карѳагенъ, лежитъ недалеко отъ моря городъ Силлектумъ. Старинный городской валъ разрушенъ еще во времена Гензериха, но жители, для защиты отъ мавровъ, привели весь городъ въ состояніе обороны. Велисарій послалъ своего тѣлохранителя Борайса впередъ съ нѣсколькими копьеносцами — попытаться взять городъ врасплохъ. Это вполнѣ удалось. Люди прокрались съ наступленіемъ ночи къ городскимъ входамъ—воротами ихъ, собственно говоря, нельзя назвать, — но нашли ихъ заложенными и охраняемыми. Они провели ночь въ старинномъ крѣпостномъ рвѣ, потому что въ городѣ могли быть вандалы. Утромъ подъѣхали крестьяне съ фургонами: день былъ рыночный. Наши пригрозили имъ смертью, если они ихъ выдадутъ, и принудили спрятать ихъ въ своихъ фургонахъ. Сторожевые отняли рогатки отъ входовъ въ Силлектумъ, чтобы пропустить нетерпѣливо ожидаемые фургоны. Тутъ наши выскочили изъ нихъ, завладѣли городомъ, почти не вынимая меча—ни одного вандала въ городѣ не было—заняли курію, форумъ, призвали каѳолическаго епископа и благороднѣйшихъ

гражданъ Силлектума—они удивительно глупы въ этомъ городѣ—и объявили имъ, что они свободны и счастливы, потому что будутъ теперь подданными Юстиніана! Вмѣстѣ съ тѣмъ они съ обнаженными мечами потребовали у нихъ завтрака. Сенаторы Силлектума передали Борайсу ключи города; къ сожалѣнію, нѣтъ воротъ, которыя бы эти ключи отворяли: послѣднія давно сожжены вандалами или маврами. Епископъ угощалъ ихъ въ сѣняхъ базилики.

Борайсъ говорилъ, что вино было очень хорошо. Въ заключеніе епископъ благословилъ Борайса и пригласилъ его какъ можно скорѣе возстановить истинную вѣру. Борайсъ, гуннъ по происхожденію,—къ сожалѣнію язычникъ; поэтому онъ плохо понялъ, чего отъ него ожидаютъ. Но онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ, что вино было очень хорошо. И вотъ, такимъ образомъ, мы уже спасли одинъ африканскій городъ. Вечеромъ мы всѣ вступили въ него. Велисарій рекомендовалъ строжайшую дисциплину. Къ сожалѣнію, при этомъ много домовъ было предано пламени.

„Вслѣдъ за Силлектумомъ намъ опять послѣдовала удача.

Высшій чиновникъ всей королевской вандальской почты уже нѣсколько дней тому назадъ былъ отправленъ королемъ изъ Карѳагена со всѣми лошадьми, множествомъ фургоновъ и невольниковъ развезти его приказанія во всѣ концы его царства. Онъ услышалъ по дорогѣ на востокъ о нашей высадкѣ, и со всѣмъ, что было при немъ, явился къ намъ.

Всѣ письма, всѣ тайныя распоряженія вандаловъ—въ рукахъ Велисарія. Цѣлый фургонъ, который мнѣ приходится прочитать!

Право, похоже на то, какъ если бы ангелъ небесный невидимо привелъ насъ въ залу совѣта Асдинговъ. Веръ, архидіаконъ аріанскій, продиктовалъ большинство писемъ. Однако мы крѣпко заблуждались насчетъ этого священника: Ѳеодора считала его своимъ орудіемъ, а онъ сталъ канцлеромъ Гелимера. Странно, что всѣ эти тайны были довѣрены римлянину, и не дано ему ни одного вандала для прикрытія, для надзора. Неужели же Веръ не зналъ, когда посылалъ эти письма безъ всякой охраны и какъ разъ намъ на-встрѣчу, что мы уже такъ близко?

Конечно, мы не узнали изъ этихъ писемъ о томъ, что̀ для насъ теперь всего важнѣе, а именно: гдѣ находится король съ войскомъ. Но мы узнали, наконецъ, то, что побудило его отправиться изъ Карѳагена на границу „пустыни". Онъ заключилъ со многими мавританскими племенами денежные договоры и вы-

говорилъ себѣ столько тысячъ пѣхотинцевъ, сколько у насъ почти всего войска! Въ Нумидіи, въ равнинѣ Буллы, собираются всѣ эти вспомогательные отряды. Это далеко, далеко на западъ отъ Карѳагена, по близости отъ пустыни. Неужели же вандалъ отдастъ намъ безъ боя свою столицу и всю землю и будетъ ждать насъ тамъ, у Буллы?

Велисарій отправляетъ теперь (какая игра случая!) съ вандальской царской почтой объявленіе войны отъ Юстиніана Гелимеру и во всѣ концы страны къ вандальскимъ вельможамъ, военачальникамъ и чиновникамъ приглашеніе отпасть отъ Гелимера (хорошо приглашеніе,—я самъ его сочинилъ!): „Не съ вандалами веду я войну и не нарушаю заключеннаго на-вѣки мира съ Гензерихомъ. Мы хотимъ только низвергнуть вашего тирана, который преступилъ право и заключилъ въ оковы вашего законнаго короля. Поэтому помогите намъ. Свергните иго вѣроломной тиранніи, чтобы воспользоваться благодѣяніями свободы, которую мы вамъ несемъ: тому Богъ свидѣтель!"

(Прибавленіе, сдѣланное по окончаніи войны: „Странно! вѣдь краснорѣчиво сказано! и однако ни одинъ вандалъ не былъ привлеченъ во время нашего похода этой приманкой на нашу сторону. Они изнѣжились, эти германцы. Но предателей между ними не было".)

III.

На разстояніи многихъ дней перехода, далеко, далеко на западъ отъ дороги, по которой византійцы шли на Карѳагенъ, и довольно далеко на югъ отъ Авразійскихъ горъ—этой крайней границы вандальскаго царства въ Африкѣ—уже внутри великой, настоящей песчаной пустыни, которая распространялась на необъятныя пространства къ югу, вглубь неизслѣдованной жаркой части свѣта, лежалъ небольшой оазисъ.

Колодецъ съ годной для питья водой, окруженный нѣсколькими финиковыми пальмами, подъ сѣнью которыхъ растетъ степная трава, солончаковаго вкуса—желанная пища для неприхотливыхъ верблюдовъ,—вотъ и все.

Почва кругомъ плоская; только тамъ и сямъ согнанныя вѣтромъ волнообразныя кучи желтаго, рыхлаго, горячаго песку—внѣ оазиса—образовали собой какъ бы складки на земной поверхности. Нигдѣ—ни кусточка, ни деревца, ни холмика; насколько только могъ видѣть глазъ, нигдѣ не находилъ онъ, на чемъ отдохнуть.

Была ночь.

Изумительной, ни съ чѣмъ несравнимой являлась теперь эта безмолвная пустыня, когда надъ ней на необозримое пространство раскидывалось ночное небо, покрытое безчисленными звѣздами, ярко свѣтившими, какъ онѣ свѣтятъ только сынамъ пустыни.

Понятно, что этимъ маврамъ все божественное представлялось лишь во образѣ этихъ яркихъ свѣтилъ: имъ молились они, усматривая въ нихъ благодѣтельныя существа, въ противоположность зною и ураганамъ пустыни; по звѣздамъ, по ихъ положенію, обращенію и сліянію узнавали они волю боговъ и свое будущее.

Вокругъ колодца были разбиты низкія палатки номадовъ-мавровъ, сшитыя изъ козлиныхъ шкуръ; палатокъ было не болѣе дюжины, такъ какъ не все племя было въ сборѣ. Вѣрные верблюды, старательно спутанные въ ногахъ веревками, протянутыми отъ палатокъ, и покрытые одѣялами, въ предохраненіе отъ ночной мошкары,—спеціальной верблюжьей мошкары,—лежали, зарывшись глубоко въ песокъ, вытянувъ длинныя шеи. По срединѣ маленькаго лагеря составлены были въ кругъ, обведенный канатами, укрѣплявшимися на воткнутыхъ копьяхъ, благородные боевые скакуны и молочныя матки. На круглой вершинѣ одной изъ палатокъ воткнуто было длинное копье, и съ него спускалась львиная шкура: то была палатка вождя. Ночной вѣтеръ, приносившій съ сѣверо-востока свѣжесть далекаго моря, игралъ гривой мертваго царя пустыни.

Фантастическія тѣни ложились кругомъ на свѣтлый песокъ; мѣсяцъ высоко стоялъ въ небѣ, но звѣзды свѣтили такъ же ярко.

Глубокая, торжественная тишина царила кругомъ. Вся жизнь, даже и звѣриная, забылась сномъ. Только у четырехъ большихъ костровъ, которые, для охраны отъ дикихъ звѣрей, разложены были со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта на разстояніи стрѣлы, пущенной изъ лука, отъ палатокъ, раздавались черезъ долгіе промежутки односложные возгласы караульныхъ, которыми тѣ мѣшали спать и себѣ, и своимъ товарищамъ по караулу.

Долго, долго длилась эта торжественная тишина. Наконецъ послышалось конское ржаніе, звякнуло оружіе около одного изъ костровъ, и тотчасъ же послышались тихіе, легкіе шаги, направлявшіеся къ центральной палаткѣ съ львиной шкурой.

Вдругъ шаги прекратились: стройный юноша наклонился передъ входомъ въ палатку къ землѣ.

— Какъ? ты лежишь передъ палаткой, дѣдъ? — спросилъ юноша, удивленный.—Ты спалъ?

— Нисколько,—отвѣчалъ тотъ тихо.

— Я шелъ, чтобы разбудить тебя. На небѣ стоитъ знаменательное свѣтило. Я видѣлъ, какъ оно появилось въ то время, какъ я сторожилъ у восточнаго костра. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ тебѣ. Боги возвѣщаютъ намъ свыше свою волю! Но мнѣ, юношѣ, непонятны ихъ знаменія. Ты же—мудрецъ! Погляди вонъ тамъ направо!.. направо отъ послѣдней половины... Ты не видишь?

— Я давно уже вижу. Я ждалъ знаменія уже много ночей... много лѣтъ.

Благоговѣніе и легкій трепетъ объяли юношу.

— Много лѣтъ!.. Ты зналъ о томъ, что должно совершиться на небѣ?.. Ты—мудрый человѣкъ, Кабаонъ!

— Не я! мой дѣдъ заповѣдалъ это моему отцу. Отецъ— мнѣ. Тому было лѣтъ сто съ небольшимъ. Они пришли съ полуночи, черезъ море, бѣлолицые чужеземцы, на многихъ корабляхъ, предводительствуемые страшнымъ королемъ, именемъ котораго пугаютъ нашихъ дѣтей, когда они заупрямятся.

— Гензерихъ!—тихо проговорилъ юноша.

Ненависть и страхъ звучали въ его голосѣ.

— Въ тѣ поры появилось на небѣ съ той же стороны, какъ и корабли, страшное свѣтило кроваваго цвѣта, похожее на пламенный бичъ съ многочисленными концами, грозно повисшими надъ землей и народомъ.

И мой дѣдъ, видѣвшій страшнаго короля въ гавани Изоціумѣ, сказалъ моему отцу и нашему племени: „Нагрузите верблюдовъ! Осѣдлайте благородныхъ скакуновъ и уходите! На югъ! въ спасительныя нѣдра пустыни! Это—король битвъ и его войнолюбивый народъ,—вотъ что предвѣщало страшное свѣтило. Погибель всѣмъ, на многіе, многіе годы и десятки лѣтъ, кто будетъ противъ нихъ: римскія войска, византійскіе корабли будутъ разсѣяны этими полуночными великанами, какъ облака, которыя вздумали бы противиться страшному свѣтилу“. И такъ сбылось: сыны нашего племени, хотя имъ бы пріятно было угостить острыми стрѣлами бѣлокурыхъ великановъ, послѣдовали совѣту старца, и мы удалились въ спасительную пустыню.

Вонифатій—такъ звали римскаго полководца—былъ убитъ. Предокъ предсказалъ это впередъ въ пророческомъ изреченіи: Г. истребитъ В. Но—прибавилъ онъ—пройдетъ сто лѣтъ, новое страшное свѣтило взойдетъ съ востока, и тогда В. уничтожитъ Г.“

Другія племена нашего народа, которые захотѣли вмѣстѣ съ римлянами обороняться отъ пришельцевъ, были такъ же, какъ и римляне, разбиты Гензерихомъ, сыномъ ночи. И когда они

являлись съ воплями объ убитыхъ къ нашимъ палаткамъ, и звали насъ на войну возмездія, дѣдъ, а позднѣе отецъ, говорили:

„Нѣтъ, еще рано! Ихъ нельзя еще одолѣть! Два или три поколѣнія пройдутъ, и никто не будетъ въ силахъ имъ противиться: ни римляне на морѣ, ни мы, сыны пустыни, на сушѣ. Но имъ, сынамъ сѣвера, не ужиться въ странѣ солнца. Уже многіе изъ нихъ, что приходили въ нашу родимую землю, насъ завоевывать и покорять,—болѣе сильные воины, нежели мы,—насъ, правда, покорили, но не покорили нашей земли, нашего солнца, нашей пустыни. Песокъ и солнце и сладкая нѣга лишили силы ихъ длань, убили въ нихъ волю. Такъ будетъ и съ этими высокими, голубоглазыми великанами. Ихъ сила растаетъ въ ихъ плотныхъ тѣлахъ, а въ душѣ—воинственность. И тогда... тогда мы снова обрѣтемъ наслѣдіе отцовъ“.

Такъ было возвѣщено, такъ и случилось.

Долгіе годы не могли наши стрѣлки, наши метальщики копій устоять передъ грозными пришельцами; но затѣмъ сила ихъ ослабѣла, и часто мы прогоняли ихъ прочь, когда они проникали въ священную пустыню.

Когда появится другое такое свѣтило,—возвѣстилъ мой дѣдъ,—тогда пройдетъ время этихъ пришельцевъ. Наблюдайте и помните, что взойдетъ вновь свѣтило съ бичемъ, и съ той же стороны придетъ врагъ, который низложитъ желтоволосыхъ.

Съ востока взошла сегодня звѣзда; съ востока придетъ и побѣдитель народа Гензериха! Мы получили извѣстіе, что императоръ идетъ войной на вандаловъ, что его войско высадилось на дальнемъ востокѣ!

Но другія знаменія не совпадаютъ! Конечно, бѣлокураго короля зовутъ Гелимеръ,—значитъ Г. есть; но Юстиніанъ,—такъ зовутъ римскаго императора,—Ю. не подходитъ. Скажи: можетъ, ты слышалъ, какъ зовутъ римскаго полководца?

— Велисарій.

Тутъ старецъ вскочилъ на ноги.

— И В. побѣдитъ Г.: Велисарій уничтожитъ Гелимера! Видишь, какимъ кровавымъ свѣтомъ горитъ созвѣздіе Бича? Это означаетъ кровь, которая прольется въ сраженіяхъ. Но мы, сынъ моего сына, не протянемъ руки между римскимъ копьемъ и вандальскимъ мечомъ, когда они будутъ скрещиваться. Битва легко можетъ проникнуть къ подножію Авразійскихъ горъ: мы углубимся дальше въ пустыню. Пусть пришельцы неистовствуютъ и истребляютъ другъ друга. Римскій орелъ тоже недолго загостится здѣсь. И для нихъ, также какъ и для этихъ великановъ, взой-

детъ звѣзда погибели. Чужеземцы приходятъ—и проходятъ. Мы, сыны страны, мы остаемся. Подобно пескамъ нашей пустыни, мы носимся съ вѣтромъ, но мы не проходимъ. И всегда возвращаемся назадъ. Страна солнца остается достояніемъ сыновъ солнца. И какъ песокъ пустыни покрываетъ и засыпаетъ гордыя каменныя строенія чужеземцѐвъ, такъ и мы, постоянно возвращаясь, глушимъ чужую жизнь, проникающую въ нашу страну, чтобы она не могла внѣдриться. Мы отступаемъ... но всегда опять возвращаемся.

— Однако блѣдный король завербовалъ десять тысячъ нашихъ воиновъ. Какъ имъ быть?

— Возвратить деньги назадъ! Покинуть войско покинутыхъ Богомъ вандаловъ! Пошли завтра утромъ гонцовъ во всѣ племена съ этимъ приказомъ, кому я могу приказывать, и съ совѣтомъ, кому я могу совѣтовать.

— Твой совѣтъ есть приказъ вездѣ, гдѣ только носится вѣтеръ пустыни. Но мнѣ больно за человѣка съ печальными глазами! Многимъ изъ нашихъ онъ дѣлалъ добро; у многихъ изъ нашихъ племенъ гостилъ, какъ другъ, оказывая гостепріимство и имъ.

— Гостепріимствомъ у насъ онъ будетъ пользоваться до самой смерти! Не биться въ его битвахъ, не дѣлить съ нимъ добычи; но если онъ придетъ къ намъ искать помощи и защиты— дѣлить съ нимъ послѣдній финикъ, пролить послѣднюю каплю крови, обороняя его. Пора: взнуздай верблюдовъ! Мы сейчасъ тронемся въ путь, прежде нежели солнце взойдетъ. Распутайте верблюдовъ!

Старецъ поспѣшно поднялся съ земли.

Юноша ударилъ кривой саблей по мѣдному котлу, висѣвшему на двери палатки.

Точно куча встревоженныхъ муравьевъ, засуетились смуглые мужчины, женщины и дѣти.

Когда солнце взошло высоко надъ горизонтомъ, оазисъ былъ пустъ, безлюденъ, и въ немъ царила мертвенная тишина.

Далеко, далеко къ югу носилось облако пыли и песку, которое сѣверный вѣтеръ гналъ все дальше и дальше внутрь страны.

IV.

„Цетегу отъ Прокопія.

„Мы подвигаемся все впередъ. И совершенно такъ, какъ будто бы въ дружественной странѣ. Наши герои, даже гунны, благодаря немногимъ моимъ приказамъ по лагерю, поняли, что

при всѣхъ стараніяхъ имъ не награбить столько провіанта, сколько его добровольно привезутъ поселяне, если имъ станутъ за него платить. Велисарій привлекаетъ всѣхъ провинціаловъ на свою сторону дружелюбіемъ и добротой. Поэтому со всѣхъ сторонъ стекаются колонисты къ намъ въ лагерь, который мы вечеромъ —если должны переночевать въ полѣ—тщательно окапываемъ, и продаютъ намъ по дешевой цѣнѣ все, что намъ требуется.

Но когда можно, то мы ночуемъ и въ городахъ; такъ, напримѣръ,—въ Лептѣ и Андромедѣ. Епископъ, съ каѳолическимъ духовенствомъ, выходитъ къ намъ на-встрѣчу, какъ только покажутся наши всадники-гунны. Сенаторы, именитѣйшіе изъ гражданъ слѣдуютъ за ними. Но эти послѣдніе охотно ждутъ „принужденія“, то-есть ожидаютъ, чтобы мы появились на форумѣ; на тотъ случай, чтобы если мы будемъ сброшены въ море невидимымъ врагомъ, прежде нежели достигнемъ Карѳагена, они могли бы оправдать свое дружелюбіе къ намъ нашимъ жестокимъ насиліемъ.

До сихъ поръ, за исключеніемъ двухъ-трехъ каѳолическихъ священниковъ, я еще не встрѣтилъ въ Африкѣ римлянъ, къ которымъ могъ бы чувствовать уваженіе. Мнѣ кажется, что они, освобождаемые, еще испорченнѣе насъ, освободителей.

„Мы дѣлаемъ ежедневно среднимъ числомъ десять миль, десять тысячъ шаговъ.

Сегодня пришли мы изъ Андромеды черезъ Хоррею въ Грассъ, находящійся въ сорока-четырехъ римскихъ миляхъ отъ Карѳагена,—восхитительная лагерная стоянка! Наше удивленіе растетъ съ каждымъ днемъ, чѣмъ болѣе мы знакомимся съ роскошью этой африканской провинціи. Она превосходитъ всѣ описанія, всѣ ожиданія. По истинѣ говоря, не изнѣжиться подъ этимъ небомъ, среди этой природы—это превыше силъ человѣческихъ.

А этотъ Грассъ! Вотъ, напримѣръ, загородный домъ, вѣрнѣе сказать: гордый, съ бѣлыми мраморными колоннами, дворецъ вандальскаго короля, окруженный садами, подобныхъ которымъ я нигдѣ не видѣлъ, ни въ Европѣ, ни въ Азіи!

Кругомъ бьютъ фонтаны воды, проведенной посредствомъ искусственныхъ сооруженій издалека, или же изъ колодцевъ, вырытыхъ въ песчанистомъ грунтѣ. И какая роскошь деревьевъ! И въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, вѣтви котораго не гнулись бы подъ тяжестью великолѣпнѣйшихъ плодовъ! Все наше войско расположилось въ этихъ фруктовыхъ рощахъ, подъ этими благо-

дѣтельными деревьями: каждый солдатъ насытился плодами и наполнилъ ими свой кожаный ранецъ; завтра рано поутру мы снова выступаемъ въ путь—и этихъ опустошеній нельзя даже и замѣтить.

И какое обиліе винограда! Кругомъ насъ висятъ его гроздья.

Много, много столѣтій тому назадъ, гораздо раньше чѣмъ Сципіонъ вступилъ на эту почву, прилежные финикіяне насадили здѣсь, между моремъ и пустыней, виноградную лозу. Здѣсь произрастаетъ лучшее вино во всей Африкѣ; говорятъ, вандалы пьютъ его изъ шлемовъ большими глотками, не разбавляя водой! Я только прикоснулся къ темнокрасной влагѣ, которую Агнеллъ разбавляетъ для меня наполовину водой... и уже чувствую себя сонливымъ.

И не могу больше писать!

Спи спокойно, Цетегъ, въ далекомъ Римѣ!

Спите спокойно, мои соратники! Еще полкубка вина: оно слишкомъ вкусно!

Спите спокойно! Вино придаетъ добродушія! Спите спокойно и вы, варвары!

И какъ здѣсь удобно! Покой, отведенный мнѣ (рабы, все римляне и каѳолики, не убѣжали при нашемъ приближеніи и усердно служатъ намъ), красиво расписанъ по стѣнамъ. Постель такъ мягка и покойна! Съ моря доносится въ открытыя окна свѣжій вѣтерокъ.

Еще четверть кубка разрѣшаю я себѣ. Но сегодня ночью, прошу васъ, любезные варвары, если можно, воздержитесь отъ нападенія! Спите спокойно, вандалы, чтобы и мнѣ можно было спокойно выспаться! Мнѣ кажется, что мною уже завладѣла африканская болѣзнь: страхъ всякаго напряженія.

„Мы находимся въ четырехъ-дневномъ разстояніи отъ Грасса и ночуемъ подъ открытымъ небомъ. Завтра мы достигнемъ Децимума, который отстоитъ всего лишь на девять римскихъ миль отъ Карѳагена; и до сихъ поръ не видѣли ни одного вандала въ глаза.

Теперь поздній часъ вечера. Наши лагерные огни уже зажжены: какой красивый видъ! Что-то пророческое носится въ теплыхъ сумеркахъ. Ночь быстро сходитъ подъ далекія деревья на западѣ. Тамъ звучатъ рога нашихъ гунновъ. Я вижу, какъ скрываются въ темнотѣ ихъ бѣлые овчинные плащи. Они стоятъ на-караулѣ со всѣхъ трехъ сторонъ лагеря. Справа, къ сѣверо-

востоку, насъ прикрываютъ море и флотъ, то-есть еще сегодня: съ завтрашняго дня корабли не будутъ больше, какъ до сихъ поръ, сопутствовать намъ, благодаря подводнымъ скаламъ мыса Меркурія, который далеко вдается въ море и который имъ нужно обогнуть. Поэтому Велисарій приказалъ квестору Архелаю, командующему флотомъ, не подходить къ Карѳагену, а, обогнувъ мысъ, стать на якорѣ и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній.

Такъ какъ съ завтрашняго дня впервые мы пойдемъ безъ прикрытія нашихъ вѣрныхъ спутниковъ-кораблей и такъ какъ дорога въ Децимумъ ведетъ черезъ опасное ущелье, то Велисарій впередъ составилъ тщательный планъ похода и раздалъ его всѣмъ предводителямъ уже съ вечера, чтобы завтра утромъ не терять времени при выступленіи.

„Труба пробудила спящихъ воинственными звуками. Мы выступаемъ. Орелъ пролетѣлъ съ запада изъ пустыни надъ нашимъ лагеремъ.

Говорятъ, что на нашихъ крайнихъ форпостахъ на западѣ ночью произошло первое столкновеніе съ непріятельскими всадниками. Нѣсколько изъ нашихъ гунновъ убиты, а ихъ командиръ, Бледа, исчезъ. Но я не могъ узнать ничего опредѣленнаго. Быть можетъ, это только слухъ, какъ уже ихъ не разъ создавало лагерное нетерпѣніе.

Итакъ, сегодня ночью мы придемъ въ Децимумъ, а завтра утромъ къ воротамъ Карѳагена:—гдѣ же находятся вандалы?“

V.

Когда Прокопій писалъ эти строки, тѣ, кого онъ искалъ, были гораздо ближе, нежели онъ предполагалъ.

Первые лучи утренняго солнца брызнули изъ моря, засверкали на волнахъ и освѣтили темножелтый песокъ пустыни, окаймлявшій даль, когда въ лагерь короля, расположенный въ двухчасовомъ разстояніи на юго-востокъ отъ Децимума, торопливо прискакали нѣсколько вандальскихъ всадниковъ.

Гибамундъ, предводительствовавшій ими, и юный Аммата соскочили съ коней.

— Съ чѣмъ вы пріѣхали?—спросили караульные.

— Съ побѣдой,—отвѣчалъ Аммата.

— И плѣнникомъ,—добавилъ Гибамундъ.

Они пошли разбудить короля. Но тотъ самъ вышелъ имъ на-встрѣчу изъ палатки въ полномъ вооруженіи.

— Вы обрызганы кровью... оба... и ты также Аммата? ты не раненъ?—спросилъ король.

Тревожная заботливость звучала въ его голосѣ.

— Нѣтъ!—засмѣялся въ отвѣтъ красавецъ-юноша, сверкая глазами:—это непріятельская кровь!

— Первая кровь, пролитая въ этой войнѣ,—произнесъ король мрачно—покрываетъ твою чистую руку! О! зачѣмъ я позволилъ?..

— Худо было бы, еслибы ты не позволилъ!—вскричалъ Гибамундъ.—Нашъ юноша блистательно велъ себя!—Ступай, призови Хильду изъ моей палатки, чтобы я и ей сообщилъ о побѣдѣ.

— И такъ довольно долго терпѣли мы, скрѣпя сердце, что ты держалъ насъ вдали отъ непріятеля и позволялъ лишь издали и незамѣтно для его передовыхъ аванпостовъ слѣдить за его движеніями.

— Наконецъ, ты позволилъ подъѣхать ближе къ ихъ флангу, чтобы изслѣдовать, дѣйствительно ли они сегодня, не прикрытые флотомъ, выступили изъ Децимума и вступятъ, слѣдовательно, около полудня въ узкое ущелье. Ты думалъ, что если мы безъ большого шума успѣемъ захватить плѣнника, чтобы разспросить его, то это будетъ хорошо.

— Прекрасно; у насъ есть не только плѣнникъ, но лучше того: на немъ мы нашли важный свитокъ пергамента! И это тѣмъ лучше, что плѣнникъ ни на какіе вопросы не хочетъ отвѣчать.

— Погляди, вонъ его ведутъ. А вотъ идетъ Ѳразарихъ съ Евгеніей. А тамъ и Аммата ведетъ за руку Хильду!

— Здравствуй! — вскричала молодая женщина, подходя къ мужу, но стыдливо уклонилась отъ его поцѣлуя, такъ какъ плѣнникъ уже стоялъ передъ королемъ: мрачные взгляды бросалъ онъ на вандаловъ изъ подъ густыхъ бровей, стоя со связанными за спиной руками,—въ особенности на Аммату; изъ его лѣвой щеки струилась кровь на бѣлую овчину, прикрывавшую его плечи. Его нижнее платье, доходившее только до колѣнъ, было тоже изъ невыдѣланной кожи; ноги его были босы. Четыре золотыхъ кружка, въ родѣ нашихъ орденовъ, раздававшіеся за храбрыя дѣла императоромъ и его полководцами, были прикрѣплены на панцырѣ, изготовленномъ изъ очень толстой кожи и покрывавшемъ грудь.

— Итакъ, мы выѣхали—человѣкъ десять вандаловъ и два

мавра позади — около полуночи изъ лагеря и направились къ огнямъ, виднѣвшимся на сторожевыхъ пунктахъ непріятеля, старательно хоронясь за песчанистыми буграми, которые то сдвигаются, то раздвигаются подъ дуновеніемъ вѣтра на опушкѣ пустыни. Подъ этимъ прикрытіемъ мы пробрались, не замѣченные, такъ далеко впередъ, что увидѣли вокругъ костра, разложеннаго для отпугиванія дикихъ звѣрей, на разстояніи выстрѣла стрѣлой, четырехъ всадниковъ. Двое сидѣли на своихъ маленькихъ лошадкахъ, съ натянутыми луками, зорко озирая юго-востокъ, откуда мы подъѣзжали; двое другихъ сошли съ лошадей; они опирались на луку сѣдла: острія ихъ копій сверкали при огнѣ.

Я кивнулъ двумъ маврамъ, которыхъ взялъ съ собой въ эту экспедицію. Не слышно слѣзли они съ коней, растянулись по землѣ и поползли въ потемкахъ одинъ справа, другой слѣва къ огню и къ караульнымъ. Скоро они исчезли изъ глазъ нашихъ, потому что они ползаютъ быстро, какъ ящерицы.

Вскорѣ мы услышали на сѣверъ отъ сторожевого огня рѣзкій, угрожающій крикъ самки леопарда, которая вышла съ дѣтенышами на ночную охоту. Немедленно на крикъ самки откликнулись дѣтеныши: всѣ четыре лошади на пикетѣ вздрогнули и ощетинили гривы; ближе и ближе раздавался крикъ леопарда; тогда всѣ четверо чужеземцевъ—они никогда еще не слыхивали такого крика—пустились по тому направленію, въ которомъ онъ раздавался. Подъ однимъ высоко взвилась лошадь на-дыбы; всадникъ покачнулся, но ухватился за гриву; другой хотѣлъ ему помочь, но въ то время, какъ брался за узду, выронилъ лукъ. Этой минутой замѣшательства воспользовались мы, скрывавшіеся за песчанымъ бугромъ. Мы обвязали полотномъ копыта лошадей; почти не замѣченные, добрались мы до нихъ; только когда мы были уже у самаго костра, насъ замѣтилъ одинъ изъ всадниковъ: —Враги!—крикнулъ онъ и поскакалъ прочь. Другой поскакалъ за нимъ. Третій не успѣлъ сѣсть на коня: я заколол его въ то время, какъ онъ собирался вскочить на него. Но четвертый— вотъ онъ здѣсь, это ихъ предводитель! — въ одно мгновеніе онъ очутился на спинѣ своего коня, опрокинулъ по дорогѣ мавровъ, которые хотѣли его задержать, и ускакалъ бы, но Аммата...

Онъ указалъ на юношу; при этомъ плѣнникъ заскрежеталъ зубами.

— ...Полетѣлъ ему вслѣдъ, какъ стрѣла, на своемъ бѣломъ конѣ...

— Пегасѣ! — вмѣшался Аммата. — Знаешь, братъ, на томъ самомъ, котораго ты мнѣ привелъ изъ послѣдняго мавританскаго похода. Онъ летитъ, какъ вѣтеръ.

— Догналъ его, и, прежде нежели мы успѣли ему помочь, оглушилъ двойнымъ ударомъ...

— Ты, Гелимеръ, научилъ меня ему,—ликовалъ Аммата съ сверкающими глазами.

— Выбилъ изъ рукъ врага длинное копье и ранилъ его въ щеку. Но храбрый человѣкъ перенесъ мучительную боль, не поморщась, и, выронивъ копье, схватился рукой за топоръ, заткнутый у него за поясомъ. Тутъ нашъ юноша набросилъ ему на шею арканъ...

— Знаешь: петлю антилопы! — подтвердилъ Аммата, обращаясь къ Гелимеру.

— И стащилъ его съ коня.

Гибамундъ разсказывалъ все это на вандальскомъ языкѣ. Но плѣнникъ понялъ все по его мимикѣ: онъ вскричалъ по-латыни.

— Пусть душа моего отца переселится въ собаку, если я не отомщу за это! Какъ? меня... правнука Аттилы—мальчишка сбилъ съ коня! Арканомъ! Такъ звѣрей ловятъ, а не воиновъ!

— Тише, дружокъ!—отвѣчалъ, подходя къ нему, Ѳразарихъ. Между всѣми готскими народами ходитъ старинная поговорка:— „скорѣе пощади волка, нежели гунна“! Къ тому же такимъ же точно способомъ ловятъ царственную птицу—страуса. Поэтому позора въ этомъ нѣтъ.

И, смѣясь, поправилъ онъ шлемъ на своей громадной головѣ.

— Мы подоспѣли тѣмъ временемъ,—продолжалъ Гибамундъ, —связали молодца, который оборонялся какъ вепрь, и вырвали у него этотъ свитокъ пергамента, который онъ хотѣлъ истребить. Плѣнникъ заметался.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ король, пробѣгая пергаментъ.

— Бледа.

— Сколько въ вашемъ войскѣ всадниковъ?

— Иди и сосчитай.

— Пріятель гуннъ,—пригрозилъ Ѳразарихъ,—съ тобой говоритъ король. Будь уменъ, волченокъ. Скажи по доброй волѣ то, что у тебя спрашиваютъ, а не то...

Плѣнникъ задорно подступилъ къ Гелимеру и сказалъ:

— Эти золотые кружки мнѣ пожаловалъ собственноручно великій полководецъ послѣ нашей третьей побѣды надъ персами. Неужели ты думаешь, что я предамъ Велисарія?

— Уведите его! — приказалъ Гелимеръ: — перевяжите его рану и хорошенько ухаживайте за нимъ.

Гуннъ бросилъ взглядъ смертельной ненависти на Аммату, затѣмъ послѣдовалъ за своею стражею.

Гелимеръ еще разъ взглянулъ на пергаментъ и сказалъ:

— Идите за мной въ палатку; тамъ я сообщу вамъ мой планъ нападенія. Мы не будемъ ждать прибытія мавровъ. Я надѣюсь, если Господь на насъ не прогнѣвался... но нѣтъ! прочь грѣховную самонадѣянность! Аммата! какъ я радъ, что вижу тебя живымъ! Я видѣлъ кровавый сонъ въ то время, какъ ты ѣздилъ. Богъ вернулъ тебя мнѣ однажды; не будемъ испытывать его долготерпѣніе вторично.

Онъ подошелъ къ Амматѣ и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ строгимъ тономъ:

— Слушай: я запрещаю тебѣ идти сегодня въ бой!

— Что такое?—закричалъ Аммата, вздрогнувъ. Онъ поблѣднѣлъ.—Это невозможно! Гелимеръ, умоляю тебя...

— Другъ мой,—продолжалъ Гелимеръ, обнимая сопротивлявшагося юношу,—уступи мнѣ въ этомъ; я такъ нѣжно люблю тебя, что забота о тебѣ ни на минуту не покинетъ меня въ бою. А мнѣ нужно сосредоточить всѣ свои мысли на непріятелѣ.

— Если такъ, то позволь мнѣ биться рядомъ съ тобой. Самъ обороняй меня.

— Не могу! я долженъ думать не о тебѣ, а о Велисаріѣ.

— Право же,—со страстью заговорила Хильда,—мнѣ жаль его до глубины души. Я женщина, и мнѣ очень тяжело, что я не могу послѣдовать за вами. Каково же это для пятнадцатилѣтняго! Это его прямая обязанность; это геройскій долгъ; и каждый мужчина, способный къ бою... а тѣмъ болѣе сынъ королевскаго дома—сражался за свой народъ. Этотъ юноша можетъ сражаться; онъ доказалъ это. Не отнимай его у народа. Мой дѣдъ говаривалъ: „Только тотъ падетъ, кто долженъ пасть“!

— Грѣховные языческіе помыслы!—гнѣвно проговорилъ король.

Тутъ Гибамундъ шепнулъ женѣ, которая молча, но сердито качала гордой головой:

— Оставь его! Такая тревога въ душѣ главнокомандующаго принесетъ больше вреда, нежели могутъ оказать пользы двадцать юношескихъ копій.

— Но—вскричалъ дерзко Аммата—стрѣлы залетаютъ далеко! Если я буду, какъ жалкій трусъ, держаться позади вашихъ рядовъ... даже здѣсь въ лагерѣ, но если враги побѣдятъ, то я все же могу пасть; въ плѣнъ ужъ, конечно, я не сдамся!—мрачно заключилъ онъ, хватаясь за мечъ и откидывая назадъ голову.—Лучше ужъ теперь посадите меня въ церковь... но только въ каѳолическую! Набожный король! это будетъ самымъ вѣрнымъ убѣжищемъ.

— Да, я долженъ запереть тебя, непокорный мальчикъ,—сказалъ Гелимеръ строго. — За эту дерзкую насмѣшку ты немедленно отдашь свое оружіе. Сейчасъ же отбери его, Ѳразарихъ! Ты, Ѳразарихъ, аттакуешь непріятеля съ передняго фланга изъ Децимума. Въ Децимумѣ есть каѳолическая церковь; она священна для византійцевъ; тамъ ты продержишь взаперти, во время боя, этого юношу, который хочетъ быть воиномъ, но еще не научился слушаться короля. Въ случаѣ отступленія, ты захватишь его съ собой. И слушай, Ѳразарихъ! Въ ту ночь... помнишь... въ рощѣ—ты поклялся загладить прошлое...

— Мнѣ кажется, онъ это и сдѣлалъ,—проговорила невольно Хильда.

— Чьи отряды — прибавилъ Гибамундъ—лучше обучены? кто такъ щедро, какъ онъ, раздавалъ золото, оружіе, коней?

— Я еще ровно ничего не сдѣлалъ,—сказалъ Ѳразарихъ.— Доставь мнѣ, король, случай сегодня...

— Этотъ случай будетъ тебѣ доставленъ. И я полагаюсь на тебя! А прежде всего не испорти мнѣ весь планъ необузданностью преждевременной аттаки.—А этого злого мальчика— прибавилъ онъ нѣжно—я поручаю тебѣ беречь какъ зѣницу ока. Не пускай его въ бой, приведи его ко мнѣ цѣлымъ и невредимымъ послѣ побѣды, на которую я разсчитываю. Тебѣ поручаю я также всѣхъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ также и заложниковъ изъ Карѳагена; въ случаѣ отступленія, ты будешь ближе всего къ мѣсту назначенія; я сейчасъ это узналъ, и поэтому всего вѣрнѣе оставить плѣнныхъ при тебѣ. Довѣряю тебѣ Аммату, потому что...

И онъ положилъ обѣ руки на его широкія плечи.

— Король,—отвѣчалъ великанъ и пристально поглядѣлъ ему въ глаза:—ты увидишь его цѣлымъ и невредимымъ, или же не увидишь больше Ѳразариха!

Евгенія вздрогнула.

— Благодарю тебя! Теперь идемъ, вожди, въ мою палатку, и я сообщу вамъ боевой планъ.

VI.

„Цетегу отъ Прокопія.

„Каково: мы еще живы! и ночуемъ въ Децимумѣ!

Но едва, едва не случилось такъ, что отъ насъ никого не осталось бы въ живыхъ, и мы всѣ чуть было не полегли въ рощѣ у берега моря.

„Никогда еще—говоритъ Велисарій—погибель не была такъ близка“.

Страшной опасности подвергнулъ насъ этотъ таинственный король, благодаря своему превосходному плану аттаки.

И когда онъ уже увѣнчался побѣдой, самъ же король, своими руками, разрушилъ свою побѣду и спасъ насъ отъ вѣрнѣйшей гибели.

Я вкратцѣ разскажу о послѣднихъ событіяхъ то, чему былъ самъ свидѣтелемъ, и то, что слышалъ отъ жителей Децимума и отъ плѣнныхъ вандаловъ.

Король, незамѣтно для насъ, слѣдилъ за нашимъ походомъ съ самаго момента высадки. Мѣсто, гдѣ онъ внезапно напалъ на насъ, было имъ выбрано заранѣе. Велисарій говоритъ, что самъ великій его соперникъ Нарсесъ не могъ бы задумать болѣе мастерского плана.

Когда мы выступили съ послѣдней стоянки передъ Децимумомъ, мы, какъ уже выше было сказано, остались безъ прикрытія флота со стороны праваго фланга. Еслибы насъ стали тѣснить съ запада, то мы бы уже не могли, какъ до сихъ поръ, сѣсть на корабли, а были бы притиснуты къ самому морю и, въ случаѣ пораженія, сброшены въ него.

Передъ Децимумомъ, небольшимъ мѣстечкомъ, дорога очень съуживается, то-есть, высокія горы на зыбучихъ, засыпанныхъ пескомъ пустыни, скатахъ, на которыхъ не можетъ удержаться ни конь, ни человѣкъ, придвигаются съ юго-запада къ самой дорогѣ; здѣсь на насъ одновременно съ трехъ сторонъ предполагалось нападеніе, и мы должны были быть сброшены въ море, лежавшее у насъ на востокѣ, по правую руку.

Одинъ изъ братьевъ короля, Гибамундъ, долженъ былъ, съ двумя тысячами человѣкъ, налетѣть съ запада на нашъ лѣвый флангъ; другой вандальскій вельможа—аттаковать съ сѣвера, изъ Децимума, съ еще бо̀льшими силами, нашъ авангардъ; король же, со всей остальной арміей, долженъ былъ напасть на нашъ арьергардъ съ юга.

Велисарій предусмотрительно распорядился порядкомъ нашего движенія по этой опаснѣйшей части нашего пути; на двѣ мили впередъ онъ послалъ Фару съ его храбрыми герулами и тремя стами отборными тѣлохранителями. Они должны были предварительно одни пройти черезъ узкій проходъ и немедленно при первой же опасности дать знать главной арміи, которую велъ Велисарій; на лѣвый флангъ посланы были конные гунны и пятьсотъ человѣкъ отборной ѳракійской пѣхоты съ ихъ предводите-

лемъ, Альтіасомъ, который оттуда долженъ былъ слѣдить за грозящей опасностью и извѣстить о ней Велисарія, чтобы предохранить главную армію отъ внезапнаго нападенія.

И вотъ, къ нашему величайшему счастію, случилось такъ, что аттака съ сѣвера изъ Децимума начата была преждевременно.

Плѣнные говорятъ, что младшій братъ короля, почти мальчикъ, принялъ, вопреки приказанію Гелимера, участіе въ боѣ и съ нѣсколькими всадниками бросился изъ Децимума, какъ только завидѣлъ насъ. Тогда вельможа, командовавшій отрядомъ, вынужденъ былъ, чтобы выручить его, аттаковать насъ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, четырьмя часами раньше назначеннаго времени, и послалъ вѣстниковъ въ Карѳагенъ, чтобы поторопить долженствовавшую подойти къ нему на помощь главную армію.

Юноша и предводитель отряда отчаянно дрались съ неравными силами: двѣнадцать храбрѣйшихъ тѣлохранителей Велисарія, отборнѣйшихъ воиновъ авангарда, были ими убиты. Наконецъ они оба пали. Лишившись предводителя, вандальскіе всадники обратились въ бѣгство, смяли и произвели безпорядокъ въ отрядѣ, спѣшившемъ къ нимъ на помощь изъ Карѳагена,—правда, небольшомъ, человѣкъ въ тридцать или сорокъ. За ними гнался Фара съ герулами, сокрушавшій все на своемъ пути и подскакавшій къ самымъ воротамъ Карѳагена. Вандалы, храбро дравшіеся до тѣхъ поръ, пока видѣли впереди себя примѣръ Асдинговъ и другихъ вельможъ, побросали послѣ того оружіе и дали себя избить; многія тысячи труповъ видѣли мы позднѣе на дорогѣ и на поляхъ по лѣвую руку.

Послѣ того какъ эта первая аттака была отбита съ большимъ урономъ для непріятеля, Гибамундъ, ничего о ней не знавшій, въ назначенное ему время напалъ со своимъ отрядомъ въ пяти тысячахъ шагахъ разстоянія на западъ отъ Децимума,—у солончаковаго поля, которымъ начинается пустыня, и гдѣ уже не видно ни дерева, ни куста,—на отрядъ гунновъ и ѳракійцевъ; но такъ какъ никакой помощи ему не было оказано ни изъ Карѳагена, ни изъ Децимума, то его аттака безусловно не удалась; почти всѣ его воины были убиты, предводитель тоже—видѣли—палъ, но никто не знаетъ, живъ онъ или мертвъ.

Тѣмъ временемъ мы вступили ничего не зная о случившемся, съ главнымъ войскомъ на дорогу, ведшую въ Децимумъ. Такъ какъ въ разстояніи четырехъ тысячъ шаговъ отъ этого мѣста. Велисарій нашелъ удобное мѣсто для лагерной стоянки, то онъ остановился. Что непріятель находится по близости, объ этомъ

онъ догадывался; исчезновеніе двухъ гунновъ прошлой ночью дѣлаю его осторожнымъ.

Онъ выбралъ хорошо укрѣпленный лагерь и сказалъ собранному войску:

— Непріятель долженъ быть по близости. Если онъ нападетъ на насъ здѣсь, гдѣ у насъ нѣтъ флота, то наше спасеніе зависитъ единственно лишь отъ нашей побѣды; если мы будемъ разбиты, намъ нельзя будетъ укрыться въ какую-нибудь крѣпость; море, бушующее вонъ тамъ внизу, поглотитъ насъ. Укрѣпленный лагерь—наша единственная защита, а въ рукѣ—испытанный въ битвахъ мечъ. Сражайтесь храбро, потому что отъ этого зависитъ не только ваша слава, но и самая жизнь.

Послѣ того онъ оставилъ въ лагерѣ всю пѣхоту съ обозомъ, а самъ повелъ конницу на Децимумъ. Онъ не хотѣлъ сразу рисковать всѣмъ, и сначала только произвелъ рекогносцировку съ сильнымъ отрядомъ конницы. Впередъ онъ отправилъ половину отряда, а съ остальнымъ отрядомъ тѣлохранителей послѣдовалъ за нею. Когда первая половина отряда достигла Децимума, она натолкнулась на убитыхъ византійцевъ и вандаловъ; нѣсколько жителей, попрятавшихся въ домахъ,—большинство убѣжало въ Карѳагенъ, когда увидѣли, что ихъ мѣстечко готовится стать полемъ битвы,—извѣстили ихъ о случившемся.

Здѣсь къ нашей арміи добровольно пристала необыкновенно красивая женщина, похожая на сфинкса изъ Мемфиса, владѣлица большой виллы въ Децимумѣ. Она разсказала намъ о смерти благороднаго вождя вандаловъ; онъ палъ передъ ея домомъ, на ея глазахъ.

Тутъ вожди стали совѣщаться, что́ имъ дѣлать: ѣхать ли дальше, остановиться ли здѣсь, или вернуться къ Велисарію. Въ концѣ концовъ весь отрядъ продвинулся на двѣ тысячи шаговъ на западъ отъ Децимума, чтобы имѣть возможность видѣть отсюда съ высокихъ песчаныхъ холмовъ во всѣ стороны.

И вотъ они увидѣли, какъ на юго-востокѣ, слѣдовательно съ тыла и лѣваго фланга, и у нихъ, и у Велисарія, поднялось большое облако пыли, и скоро сверкнуло оружіе и значки громаднаго коннаго отряда.

Они немедленно дали знать Велисарію: пусть поспѣшитъ,—непріятель близко.

Тѣмъ временемъ варвары приблизились, предводительствуемые Гелимеромъ. Они шли по дорогѣ между главной арміей Велисарія на востокѣ и—гуннами и ѳракійцами, нашимъ лѣвымъ флангомъ, который разбилъ Гибамунда и преслѣдовалъ его далеко,—на за-

падъ. Но высокіе холмы у той дороги помѣшали Гелимеру видѣть то, что случилось съ Гибамундомъ. Византійцы и всадники сразились, какъ только завидѣли другъ друга.

Варвары набросились съ такой отчаянной отвагой на нашихъ, что послѣдніе пришли въ смятеніе и въ безпорядкѣ побѣжали на востокъ къ Децимуму.

Въ девятистахъ шагахъ на западъ отъ Децимума бѣглецы наткнулись на сильное подкрѣпленіе; отрядъ—въ восемьсотъ конныхъ щитоносцевъ, подъ предводительствомъ тѣлохранителя Велисарія, Велокса. Полководецъ и всѣ мы, съ ужасомъ видѣвшіе, какъ наши бѣгутъ, утѣшались надеждой, что Велоксъ остановитъ бѣглецовъ, приведетъ ихъ въ боевой порядокъ и поведетъ въ бой. Но—о, ужасъ и позоръ! Натискъ гнавшихся за бѣглецами варваровъ былъ такъ великъ, что послѣдніе вмѣстѣ съ щитоносцами обратились въ бѣгство и понеслись назадъ на Велисарія.

Полководецъ сознавался, что въ эту минуту считалъ себя и насъ потерянными:—Гелимеръ,—говорилъ онъ вечеромъ за ужиномъ,—держалъ побѣду въ своихъ рукахъ. Почему онъ ею не воспользовался—непонятно. Еслибы онъ погнался за бѣглецами, то сбросилъ бы ихъ и меня со всѣмъ моимъ войскомъ въ море: до того великъ былъ страхъ нашихъ и силенъ натискъ вандаловъ; тогда и пѣхота, и весь лагерь неизбѣжно погибли бы. Или же, еслибы онъ повернулъ отъ Децимума и вернулся въ Карѳагенъ, то онъ легко истребилъ бы Фару съ его отрядомъ, которые не ожидали нападенія съ тыла и, разбившись на небольшія кучки по улицамъ и по полямъ, грабили убитыхъ. А владѣя Карѳагеномъ, онъ завладѣлъ бы и нашими кораблями, которые тамъ стояли по близости на якорѣ беззащитные... И такимъ образомъ, у насъ отнята была бы всякая надежда на побѣду или на отступленіе.

Но король Гелимеръ не сдѣлалъ ни того, ни другого!

Имъ внезапно овладѣла какая-то апатія.

Плѣнные разсказывали намъ, что, когда онъ бросился съ холма на нашихъ воиновъ, воодушевляя своихъ примѣромъ и далеко опередивъ всѣхъ, онъ внезапно увидѣлъ въ узкомъ ущельи у южныхъ воротъ Децимума тѣло своего младшаго брата. Съ громкимъ воплемъ соскочилъ онъ съ коня, бросился на тѣло юноши и такимъ образомъ задержалъ погоню своей арміи за нашей. Король поднялъ съ земли покрытый кровью и пескомъ, растоптанный трупъ,—во время бѣгства нашихъ всадниковъ онъ лежалъ какъ разъ на ихъ пути,—положилъ его на коня и приказалъ зарыть съ королевскими почестями въ сторонѣ отъ дороги.

Конечно, вся церемонія длилась не болѣе четверти часа. Но въ эту четверть часа побѣда ушла изъ рукъ варваровъ.

Велисарій поскакалъ на-встрѣчу бѣглецамъ, устрашилъ ихъ своимъ львинымъ голосомъ и, приказавъ имъ остановиться, выстроилъ снова въ боевой порядокъ и повелъ ихъ въ аттаку противъ Гелимера и вандаловъ.

Послѣдніе не выдержали натиска. Внезапная загадочная задержка въ ихъ преслѣдованіи сбила ихъ съ толку, обезкуражила; силы имъ измѣнили. При этомъ африканское солнце, безпокоившее и насъ, страшно пекло. Съ первымъ же натискомъ мы разстроили ихъ ряды. Они обратились въ бѣгство. Короля, который хотѣлъ ихъ остановить, они увлекли за собой, но не въ Кареагенъ или на юго-западъ, откуда они появились, а къ сѣверо-западу, на дорогу, которая ведетъ въ Нумидію. Случилось ли это по приказу короля, или почему-либо другому—мы до сихъ поръ не знаемъ.

Мы преслѣдовали бѣгущихъ и многихъ положили на мѣстѣ. Только съ наступленіемъ ночи прекратилась погоня.

Когда въ темнотѣ зажжены были факелы и сторожевые костры, съ сѣвера прискакалъ Фара съ герулами, съ запада—Альціесъ съ гуннами и еракійцами обратно къ намъ, и мы всѣ переночевали въ Децимумѣ, празднуя три побѣды истекшаго дня: надъ благороднымъ вандаломъ, надъ Гибамундомъ и надъ королемъ“.

VII.

Убѣгающіе вандалы, оставивъ Кареагенъ далеко по правую руку, избрали ведущую изъ Децимума на сѣверо-западъ нумидійскую дорогу.

Въ этомъ же направленіи двигались также толпы женщинъ и дѣтей, которыя уже нѣсколько дней тому назадъ оставили Кареагенъ, гдѣ было небезопасно оставаться, и, подъ прикрытіемъ крѣпкаго конвоя, были доставлены въ небольшое мѣстечко, „Castra vetera“, отстоявшее на полдневномъ разстояніи отъ поля сраженія.

Здѣсь встрѣтились женщины и ихъ конвой съ бѣглецами изъ Децимума часа за два до наступленія полуночи; погоня совершенно уже прекратилась, вслѣдствіе темноты.

Вокругъ мѣстечка расположилось войско подъ открытымъ небомъ; въ немногихъ палаткахъ, привезенныхъ женщинами изъ

прежняго лагеря, и въ жалкихъ хижинахъ мѣстечка помѣщены были раненые и благородные воины арміи.

Въ одной изъ палатокъ лежалъ на растянутомъ одѣялѣ и подушкахъ Гибамундъ; возлѣ него стояла на колѣняхъ Хильда и перевязывала ему ногу; окончивъ перевязку, она обратилась къ Гундомару, сидѣвшему на другомъ концѣ маленькой палатки, поддерживая раненую голову рукой. Кровь сочилась сквозь его желтые волосы; она заботливо изслѣдовала рану.

— Рана не смертельна,—сказала она.—Что́, очень больно?

— Нѣтъ, не очень,—отвѣчалъ Гундингъ, стискивая зубы.—Гдѣ король?

— Въ часовнѣ, съ Веромъ. Онъ молится.

Слова какъ-то рѣзко звучали въ ея устахъ.

— А мой братъ?—спросилъ Гундомаръ.—Какъ его плечо?

— Я вырѣзала наконечникъ стрѣлы. Онъ хорошо себя чувствуетъ. Онъ командуетъ стражей. Впрочемъ... вѣдь и король тоже раненъ.

— Какъ? Онъ ничего объ этомъ не говорилъ.

— Онъ стыдится... за свой народъ: не врагъ, а бѣжавшіе съ поля битвы вандалы, которыхъ онъ хотѣлъ силою удержать, пробили мечами его руку.

— Псы!—проскрипѣлъ зубами Гундомаръ.

Гибамундъ только вздохнулъ.

— Гундобадъ открылъ мнѣ это; я осмотрѣла руку: рана неопасная.

— А Евгенія?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Она лежитъ, какъ оглушенная, въ сосѣднемъ домѣ. Когда она узнала о смерти мужа, она вскричала: „Къ нему... въ его могилу... Зигрунъ"!.. — Я ей когда-то разсказывала сагу про Хельги... и она уже хотѣла бѣжать, но безъ памяти упала ко мнѣ на руки. Теперь она пришла въ себя, лежитъ, какъ убитая, на постели и только повторяетъ: „Къ нему!.. Зигрунъ!.. въ его могилу!.. Иду, Ѳразарихъ"!—вотъ все, чѣмъ она отвѣчаетъ на мои вопросы. Она хотѣла встать, чтобы разспросить о подробностяхъ, но не могла! И я строго запретила ей вставать. Я разскажу ей... осторожно... только то, что ей слѣдуетъ узнать... ничего болѣе. Но теперь разскажи ты, Гундомаръ, если можешь: я все знаю, кромѣ того, какимъ образомъ Аммата и Ѳразарихъ...

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Гундингъ.—Еще глотокъ воды. А какъ твоя рана, Гибамундъ?

— Я совсѣмъ не раненъ,—отвѣчалъ тотъ печально.—Мнѣ совсѣмъ не пришлось драться съ непріятелемъ. Я все посылалъ

одного за другимъ гонца къ Θразариху, такъ какъ не получалъ отъ него ожидаемаго извѣстія, что онъ выступаетъ изъ Децимума. Ни одинъ гонецъ не возвратился... они всѣ были перехвачены непріятелемъ. Никакого извѣстія отъ Θразариха не приходило. Время для аттаки, назначенное мнѣ королемъ, наступило: вѣрный приказанію, я аттаковалъ непріятеля, хотя ясно видѣлъ его численное превосходство и хотя Θразарихъ не приходилъ на помощь. Когда мы подошли на разстояніе стрѣлы, пущенной изъ лука, всадники-гунны разсыпались направо и налѣво, и мы увидѣли θракійскую пѣхоту — семь плотныхъ рядовъ, которая встрѣтила насъ градомъ стрѣлъ. Они цѣлили въ лошадей: моя, бывшая впереди всѣхъ, и всѣ лошади перваго ряда—пали; твой храбрый братъ, во второмъ ряду, самъ раненный стрѣлой, съ трудомъ приподнялъ меня на своего коня... я не могъ стоять... и спасъ меня. Съ обоихъ фланговъ насъ аттаковали гунны, а съ фронта наступали θракійцы съ копьями... Изъ моего двухъ-тысячнаго отряда едва сто человѣкъ осталось въ-живыхъ.

И онъ застоналъ.

— Но скажи: какимъ образомъ Аммата... вопреки приказанію... вопреки присмотру Θразариха...—допытывалась Хильда.

— Вотъ какъ это было, — отвѣчалъ Гундингъ, прижимая руку къ больному мѣсту: — Мы заперли юношу, безъ оружія, въ небольшой каθолической церкви въ Децимумѣ, вмѣстѣ съ заложниками изъ Карθагена, въ томъ числѣ и молодымъ Публіемъ Пуденціемъ.

— Также Хильдерика и Хуага?

— Нѣтъ. Тѣхъ Веръ отвезъ во второй лагерь въ Буллѣ. Бледа, плѣнный гуннъ, былъ привязанъ снаружи на веревкѣ къ желѣзному кольцу въ дверяхъ церкви; онъ лежалъ на верхней ступенькѣ. На площади передъ небольшой церковью стояло около двадцати человѣкъ нашихъ всадниковъ. Нѣкоторые по приказанію Θразариха—самъ онъ разъѣзжалъ по площадкѣ, зорко оглядываясь во всѣ стороны—сошли съ коней; копья они воткнули въ песокъ и пристально озирали съ плоскихъ крышъ домовъ, на которыхъ лежали въ-растяжку, всю окрестность по направленію къ юго-западу, откуда долженъ былъ придти непріятель. Я сидѣлъ на конѣ у открытой арки церковнаго окна; отсюда видна была вся дорога, ведущая въ Децимумъ, вплоть до виллы Астарты, которая когда-то принадлежала Модичизелю. И такимъ образомъ я слышалъ — еще ни одного византійца не показывалось на дорогѣ—каждое слово, которое говорилось въ церкви. Два юношескихъ голоса рѣзко спорили другъ съ другомъ.

— Какъ!—кричалъ одинъ:—такъ вотъ каково геройство препрославленныхъ вандаловъ? Ты здѣсь, Аммата? ты искалъ убѣжища въ церкви замученныхъ каѳоликовъ?

— Таково повелѣніе короля, — отвѣчалъ Аммата голосомъ, сдавленнымъ отъ бѣшенства.

— Ха, ха!—смѣялся другой—я узналъ голосъ Пуденція:— я бы не послушалъ такого повелѣнія, хотя бы оно шло отъ короля или отъ императора. Я скованъ по рукамъ и по ногамъ, иначе я давно уже былъ бы на сторонѣ римлянъ.

— Повелѣніе короля,—говорю я тебѣ!

— Повелѣніе трусости! Ха, ха! будь я отпрыскъ королевскаго дома, изъ-за короны котораго здѣсь теперь идетъ битва, меня бы ничто не удержало въ церкви, въ то время какъ... Слышишь: это труба! это римскій побѣдный кличъ...

Больше я ничего не слыхалъ. На дорогѣ передъ Децимумомъ показались римскіе всадники...

Въ этотъ моментъ тихонько раздвинулись снаружи полы палатки. Блѣдное лицо, два большихъ темныхъ глаза заглянули въ палатку, но никто этого не замѣтилъ.

Въ тотъ же мигъ изъ высокаго окна церкви — я до сихъ поръ не понимаю, какъ добрался до него юноша—выскочила фигура, пробѣжала мимо меня, вскочила на коня одного изъ нашихъ всадниковъ, выхватила копье изъ земли и съ крикомъ: Вандалы! вандалы! за мной!—понеслась по улицѣ на-встрѣчу византійцамъ.

— Аммата! Аммата! стой!—кричалъ ему вслѣдъ Ѳразарихъ.

Но онъ былъ уже далеко.

— Скорѣе, Гундомаръ! спѣшимъ за нимъ! спасемъ юношу! —закричалъ мнѣ Ѳразарихъ и поскакалъ впередъ.

Я послѣдовалъ за нимъ, за мною — наши всадники... очень небольшая кучка...—Слишкомъ рано! слишкомъ рано!—кричалъ я, нагнавъ Ѳразариха.

— Король приказалъ охранять юношу!

Но задержать его было невозможно. Я слѣдовалъ за нимъ. Мы достигли узкихъ южныхъ воротъ Децимума: направо была вилла Астарты, налѣво—высокая каменная стѣна одного хлѣбнаго амбара.

Аммата, безъ шлема, панцыря и щита, съ однимъ копьемъ въ рукахъ, сражался съ цѣлой толпой конныхъ копьеносцевъ, удивленныхъ безумной смѣлостью юноши.

— Назадъ, Аммата! бѣги! я прикрою твое отступленіе! — кричалъ Ѳразарихъ.

— Я не побѣгу! я—внукъ Гензериха!—отвѣчалъ юноша.

— Если такъ, то мы умремъ вмѣстѣ! Вотъ мой щитъ!

И какъ разъ кстати. Уже вокругъ насъ градомъ сыпались копья византійцевъ. Наши лошади пали. Мы вскочили на ноги, невредимые. Одно копье воткнулось въ щитъ, которымъ Θразарихъ принудилъ юношу закрыться. Человѣкъ двѣнадцать нашихъ всадниковъ прискакали къ намъ. Шестеро соскочили съ лошадей, пуская въ ходъ копья. Мы хорошо защищали узкій проходъ. Византійцы напирали на насъ, но только трое всадниковъ могло помѣститься въ одинъ рядъ. Мы закололи двоихъ и одну лошадь. Враги должны были сначала убрать мертвецовъ и лошадей, чтобы расчистить себѣ мѣсто. При этомъ Аммата снова выскочилъ впередъ и убилъ одного византійца. Когда онъ отступалъ назадъ, стрѣла задѣла его шею,—кровь брызнула фонтаномъ; юноша засмѣялся. Враги опять ринулись на насъ. Снова двое изъ нихъ пало. Но Аммата долженъ былъ бросить щитъ, потому что онъ весь былъ истыканъ копьями, а Θразарихъ получилъ рану копьемъ въ лѣвую, незащищенную, руку.

Тутъ мы услышали позади византійцевъ звуки германскаго рога: онъ похожъ былъ на звукъ нашихъ вандальскихъ рожковъ.

— Гибамундъ! или король!—вскричали наши воины:—мы спасены!

Но мы погибли: то были герулы, состоявшіе на службѣ у императора. Ихъ предводитель, высокій человѣкъ, съ орлинымъ перомъ на шлемѣ, сталъ командовать всѣми непріятельскими силами. Онъ заставилъ нѣсколькихъ всадниковъ слѣзть съ коней и перелѣзть черезъ стѣну амбара; другіе поскакали налѣво, чтобы объѣхать виллу; они со всѣхъ сторонъ принялись осыпать насъ градомъ стрѣлъ. Шлемъ свалился у меня съ головы; въ него угодило два копья; третье задѣло меня по головѣ и свалило на землю. Въ этотъ моментъ, когда всѣ мы смотрѣли впередъ, сбоку протѣснился пѣшій человѣкъ сквозь нашихъ всадниковъ, и я услышалъ рѣзкій крикъ: „Постой, мальчишка“!—и увидѣлъ, какъ сверкнулъ мечъ. Аммата упалъ на одно колѣно.

То былъ Бледа, плѣнный гуннъ. Онъ еще влачилъ за собой на ногѣ конецъ оборванной веревки. Онъ сорвался съ привязи и добылъ себѣ оружіе: но прежде нежели онъ успѣлъ вырвать мечъ изъ спины юноши, Θразарихъ пробилъ его копьемъ. И въ эту минуту его самого поранили копьемъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ виллы.

Я хотѣлъ встать и не могъ. Я видѣлъ все, что происходило,

не будучи въ силахъ помочь ни себѣ, ни другимъ, и оставался прикрытымъ мертвой лошадью до самаго конца.

До тѣхъ поръ, пока Ѳразарихъ могъ водить рукой, вѣрный великанъ защищалъ юношу мечемъ и копьемъ; наконецъ, когда и копье, и мечъ были выбиты у него изъ рукъ, онъ прикрывалъ его собственнымъ тѣломъ.

— Сдавайся!—кричалъ ему предводитель геруловъ.

Но Ѳразарихъ только покачалъ львиной головой и бросилъ осколокъ меча въ лицо ближайшему византійцу съ такой силой, что тотъ съ крикомъ упалъ.

Тутъ непріятель пустилъ заразъ столько копій, что Аммата палъ мертвый. Одинъ Ѳразарихъ не упалъ. Онъ остался въ стоячемъ положеніи, опустивъ обѣ руки. Вождь геруловъ подошелъ къ нему совсѣмъ близко и сказалъ: — По истинѣ, ничего подобнаго я еще не видывалъ! Человѣкъ этотъ мертвъ, но не можетъ упасть: множество копій, пробившихъ ему грудь, поддерживаютъ его, упираясь концами своими въ землю. Осторожно вынулъ онъ нѣсколько копій, и силачъ легъ рядомъ съ Амматой.

Наши всадники ускакали. Мимо меня — я лежалъ какъ мертвый,—пронеслась погоня.

Только долго спустя, когда все кругомъ меня затихло, мнѣ удалось немного привстать. Въ этомъ положеніи нашелъ меня, рядомъ съ Амматой, король, которому я разсказалъ о судьбѣ обоихъ. Остальное, какъ король пропустилъ минуту побѣды,—это вы знаете.

— Да, мы знаемъ это!—беззвучно проговорила Хильда.

— А гдѣ же схоронили Аммату и Ѳразариха?—спросилъ Гибамундъ.

— Возлѣ Децимума, подъ двумя холмами, на землѣ одного колониста. По обычаю предковъ, наши воткнули по три копья въ каждый холмъ. Королевскіе всадники подняли меня и привезли сюда въ своемъ позорномъ бѣгствѣ. Да, позоръ покрылъ навѣки вандальскій народъ. Онъ оставляетъ своихъ королей и вельможъ биться и истекать кровью... а самъ бѣжитъ. Никогда еще не бывало болѣе постыднаго бѣгства.

VIII.

Уже ночь смѣнялась на востокѣ слабымъ разсвѣтомъ, но на небѣ все еще сверкали звѣзды, когда по улицамъ лагеря неслышно, но очень быстро двигалась небольшая, худенькая фигурка.

Косматыя собаки, сторожившія палатки своихъ хозяевъ, тихонько рычали, но не лаяли: ихъ пугало скользившее мимо быстрое и легкое существо. Вандалъ, стоявшій на часахъ на углу одной изъ улицъ, образуемыхъ палатками, испуганно перекрестился при видѣ бѣлой женской фигуры. Фигура направилась прямо къ нему.

— Гдѣ лежитъ Децимумъ? въ какомъ направленіи?—спросила она тихо и торопливо.

— На востокѣ! вонъ тамъ!

И онъ указалъ копьемъ.

— Какъ далеко отсюда?

— Какъ далеко? Очень далеко! Мы скакали сюда во весь опоръ цѣлыхъ шесть, а не то—восемь часовъ.

— Все равно!

Вскорѣ фигура достигла выхода изъ лагеря. Стоявшіе здѣсь часовые безпрепятственно пропустили ее. Только одинъ закричалъ ей вслѣдъ:—Куда? Не ходи въ ту сторону! тамъ непріятель!

— Возвращайся скорѣй!—закричалъ ей вслѣдъ одинъ мавръ: —дуетъ злой вѣтеръ.

Но она была уже далеко.

Она уклонилась тотчасъ же за лагеремъ съ проторেннаго пути, который обозначали слѣды людей и лошадей, а также и брошенное оружіе.

Она все шла, шла и шла.

Она углубилась теперь въ самое сердце пустыни.

Ничего вокругъ не было видно; никакой примѣты, ни деревца, ни кусточка. Только небо надъ головой и песокъ подъ ногами.

Она шла и шла.

Кругомъ царила мертвая, зловѣщая тишина.

Вдругъ она подумала, что ей нечѣмъ руководиться, и испугалась: не сбиться бы ей съ пути. Тутъ ей пришло въ голову оглянуться: ея шаги, хотя и очень легкіе, ясно были видны на пескѣ и тянулись въ прямомъ направленіи.

Теперь она стала часто оглядываться, черезъ каждые сто шаговъ.

Впередъ, впередъ! Ей было жутко. Потъ катился у нея съ лица, съ мокрыхъ рукъ. Было жарко, очень жарко и удивительно душно. Небо—свинцовое. Легкій, свистящій вѣтерокъ поднялся и подулъ съ юга на сѣверъ.

Она оглянулась назадъ. О, ужасъ! Слѣдовъ ея больше не было видно. Они были заметены.

Она вся увязла въ пескѣ: тонкій, но крѣпкій слой песку, точно

кора, покрывалъ ея платье, волосы, лицо. Въ ея испуганномъ воображеніи мелькнули слышанные когда-то разсказы о томъ, какъ люди и звѣри, какъ цѣлые караваны заносились песвомъ въ пустынѣ.

Вѣтеръ дулъ все сильнѣе и сильнѣе. Высоко стоявшее въ небѣ солнце палило ея ничѣмъ незащищенную голову; темно-каштановые волосы разметались у нея по плечамъ. Глаза она съ трудомъ держала открытыми. Тонкій песокъ проникалъ въ длинныя рѣсницы и причинялъ острую боль.—Впередъ, впередъ!—Въ ея башмаки набрался песокъ; на лѣвомъ лопнула лента, служившая завязкой. Она подняла ногу; вѣтеръ вырвалъ башмакъ изъ ея руки, закружилъ и унесъ далеко.

Это была небольшая бѣда, но она заплакала отъ своей безпомощности. Она упала на колѣни; тихо, тихо поднимался вокругъ нея коварный песокъ. Рѣзкій, непріятный, отчаянный крикъ раздался у нея въ ушахъ... первый звукъ, услышанный ею среди мертвой тишины, послѣ многихъ часовъ... темная фигура пронеслась мимо нея съ юга на сѣверъ: то былъ страусъ, убѣгавшій въ смертельномъ ужасѣ отъ злого вѣтра. Одно мгновеніе, и онъ исчезъ изъ виду.

Она приподнялась и опять побѣжала. Такъ прошелъ часъ... много часовъ. Часто казалось ей, что она сбилась съ пути, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, должна была бы давно уже дойти до поля битвы. Вѣтеръ превратился въ бурю.

Она собралась съ послѣдними силами и оглянулась кругомъ: не увидитъ ли человѣка, или дома, или дороги. На сѣверъ отъ нея возвышался песчанистый холмъ. Если бы ей удалось вскарабкаться на него и оттуда осмотрѣть окрестность! Съ невѣроятными усиліями, падая почти на каждомъ шагу, она добралась до холма и стала взбираться. Вѣтеръ... нѣтъ, то былъ уже ураганъ! помогалъ ей при этомъ; онъ дулъ съ юга на сѣверъ. И наконецъ,—ей показалось, что это взяло больше времени, чѣмъ весь остальной путь,—она добралась до верху. Она раскрыла глаза, которые держала полузакрытыми... о, счастіе! о, блаженство! Передъ ней, далеко, конечно, но совсѣмъ отчетливо сверкнула голубая полоса: то было море! И сбоку, на востокъ, ей показалось, что она видитъ дома, деревья: безъ сомнѣнія, то былъ Децимумъ, а нѣсколько дальше, вглубь страны, тамъ виднѣлся темный холмъ—тамъ былъ конецъ пустыни.

И, съ распростертыми руками, она хотѣла сбѣжать съ песчанаго бугра, съ сѣверо-восточной стороны его. Но на первомъ же шагу провалилась въ песокъ, сначала по колѣно, затѣмъ по

поясъ... Она могла еще видѣть голубое небо надъ собою; еще разъ, съ послѣдней силой, постаралась она выкарабкаться изъ песку, засунувъ въ него руки по локоть, еще разъ взглянули большіе, чудные, какъ у газели, глаза, съ мольбой, но, увы! съ такимъ отчаяніемъ въ безмолвное небо, еще последнее, отчаянное усиліе, и... весь песчаный бугоръ, подталкиваемый ураганомъ съ юга, опрокинулся черезъ нее на сѣверную сторону, покрывъ ее слоемъ песку почти въ сто футовъ глубиной, и мгновенно задушилъ ее...

И надъ ея высокой могилой весело, словно торжествуя, пронесся ураганъ пустыни.

IX.

„Цетегу отъ Прокопія.

„Это я пишу тебѣ—въ дѣйствительности и по истинѣ, хотя еще нѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ мы оставили Византію — въ Карѳагенѣ, въ Капитоліѣ, въ королевскомъ дворцѣ Асдинговъ, въ грозной оружейной палатѣ Гензериха. Мнѣ иногда самому не вѣрится, но это такъ!

На другой день послѣ сраженія при Децимумѣ пѣхота подошла къ намъ, и мы со всей арміей отправились въ Карѳагенъ, куда пришли вечеромъ.

Мы стали лагеремъ передъ городомъ, хотя никто не мѣшалъ намъ въ него войти. Карѳагеняне отворили всѣ ворота и на улицахъ и площадяхъ зажгли факелы и фонари. Всю ночь горѣла иллюминація, и мы могли ее видѣть изъ лагеря: немногіе вандалы, которые не спаслись бѣгствомъ, искали убѣжища въ каѳолическихъ церквахъ.

Но Велисарій строжайшимъ образомъ запретилъ вступать въ городъ ночью; онъ боялся засады, военной хитрости. Онъ не могъ повѣрить, что ему отдадутъ безъ дальнѣйшей борьбы столицу Гензериха.

На слѣдующій день, споспѣшествуемые попутнымъ вѣтромъ, наши корабли обогнули мысъ Меркурія. Какъ только карѳагеняне завидѣли нашъ флотъ, они сняли желѣзныя цѣпи, преграждавшія входъ въ гавань, и дали знать нашимъ матросамъ, чтобы вступали въ нее. Но эти послѣдніе уклонились отъ этого, помня приказаніе Велисарія: они бросили якорь въ бухтѣ Стагнумъ, въ пяти тысячахъ шагахъ отъ города, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Для того, чтобы добрые граждане Карѳагена могли уже въ первый день познакомиться съ своими избавителями, одинъ корабельный капитанъ съ нѣсколькими матросами, вопреки приказаніямъ Велисарія и квестора, отправился въ гавань, высадился и ограбилъ всѣхъ купцовъ, туземныхъ и пришлыхъ, у которыхъ въ гавани есть дома и товарные склады. Онъ отобралъ у нихъ все золото, много товаровъ, а также и фонари, и свѣтильники, которые они зажгли въ знакъ радости, что мы прибыли.

Мы надѣялись — Велисарій отдалъ приказъ немедленно это сдѣлать — освободить заключеннаго короля Хильдерика и его братьевъ. Но эта надежда останется, какъ кажется, неосуществившейся. Въ королевской крѣпости, возвышающейся надъ Капитоліемъ, находится мрачная темница, въ которой держали всѣхъ тѣхъ, кого Асдинги считали нужнымъ заточить.

Тюремщикъ, римлянинъ, узнавъ о нашей побѣдѣ при Децимумѣ, выпустилъ ихъ всѣхъ на волю. Онъ хотѣлъ выпустить также и короля съ братомъ. Но ихъ келья оказалась пуста. Неизвѣстно, чтó съ ними сталось.

Въ полдень Велисарій приказалъ экипажу высадиться, всѣмъ войскамъ вычистить оружіе и привести себя въ наилучшій видъ и вступилъ со всей арміей въ полномъ боевомъ порядкѣ— мы все еще опасались засады со стороны вандаловъ—черезъ „рощу императрицы Ѳеодоры“, какъ ее окрестили теперь благодарные карѳагеняне, затѣмъ прошелъ черезъ южныя византійскія ворота въ нижній городъ.

Велисарій и главные вожди взошли съ избраннымъ отрядомъ въ Капитолій, и нашъ полководецъ торжественно усѣлся на золотомъ и пурпуромъ отдѣланномъ тронѣ Гензериха.

Народъ, освобожденные римляне, каѳолики—въ своей радости освобожденія отъ вандаловъ—во всемъ видятъ знаменія и чудеса.

Они смотрятъ на нашихъ гунновъ какъ на ангеловъ небесныхъ. Они скоро узнàютъ, каковы эти ангелы, если у нихъ есть красивыя жены и дочери или богатая казна.

„Самая лучшая добыча въ Децимумѣ досталась герулу Фарѣ. Хотя ему и нанесъ вандальскій предводитель сильный ударъ копьемъ, пробившимъ желѣзный щитъ и поранившимъ ему руку, но щитъ все же сдѣлалъ свое дѣло: остріе копья не очень глубоко проникло въ тѣло. И когда онъ подошелъ къ ближайшей виллѣ и хотѣлъ разбить дверь, послѣдняя сама отворилась, и на-

встрѣчу ему вышла красавица, увѣшанная драгоцѣнностями и съ ярко-красными цвѣтами въ черныхъ волосахъ. Впрочемъ, за исключеніемъ цвѣтовъ и драгоцѣнностей, она не нашла нужнымъ обременять себя одеждой.

Она подала Фарѣ вѣнокъ изъ лавровыхъ и гранатовыхъ вѣтвей.

— Кого ты ждала?—спросилъ удивленный герулъ.

— Побѣдителя,—отвѣчала красавица.

Какъ видишь—отвѣтъ, достойный оракула. Этотъ сфинксъ—я уже писалъ тебѣ, что она очень похожа на сфинкса — точно такъ же отдалъ бы вѣнокъ и себя побѣдителю-вандалу. Да и какое, въ сущности, дѣло кареагенянкѣ до вандаловъ и византійцевъ! Она—добыча сильнѣйшаго, того, кто побѣдитъ... быть можетъ, на его же погибель!

Но мнѣ сдается, что па этотъ разъ сфинксъ нашелъ своего Эдипа. Если кто изъ этой влюбленной четы долженъ погибнуть, то врядъ-ли это будетъ мой пріятель Фара. Онъ водилъ меня къ ней—онъ уважаетъ меня за то, что я умѣю читать и писать. Онъ, очевидно, очень хвалилъ ей меня. Но безъ успѣха: она оглядѣла меня съ ногъ до головы—это заняло немного времени, такъ какъ я не великъ—и, презрительно скрививъ красивыя, толстыя губы, отошла отъ меня.

Я не стану утверждать, что я красивъ, между тѣмъ какъ Фара, послѣ Велисарія, самый представительный мужчина изъ всѣхъ насъ тридцати-шести тысячъ. Но все же мнѣ было обидно, что моя смертная оболочка настолько оттолкнула ее, что она не пожелала познакомиться съ моей безсмертной душой. Я сердитъ на нее. Я ей не желаю зла. Но меня не удивитъ и тѣмъ менѣе огорчитъ, если она кончитъ недобромъ.

X.

„Велисарій заставляетъ день и ночь укрѣплять стѣны. Кромѣ войска и флотскаго экипажа, онъ привлекъ къ этой работѣ и граждан. Эти послѣдніе ропщутъ: они думали, что мы пришли ихъ освободить, а вмѣсто того мы ихъ принуждаемъ къ тяжелой работѣ, которой Гелимеръ никогда отъ нихъ не требовалъ.

Въ городскомъ валу, на всемъ его обширномъ протяженіи, столько пробоинъ, что мы усматриваемъ въ этомъ причину, почему король, послѣ проигранной битвы, не отступилъ въ свою столицу. Веръ, который и въ свѣтскихъ дѣлахъ игралъ очень

важную роль у „тирана“,—такъ, по приказанію Юстиніана, мы должны называть бойца за свободу своего народа, — совѣтовалъ съ самаго начала, какъ намъ передавали плѣнники, запереться въ Карѳагенѣ и ждать нашей осады. Если это такъ, то этотъ попъ немного смыслитъ—какъ ему, впрочемъ, и подобаетъ—въ воинскихъ дѣлахъ.

Въ первую же ночь мы прокрались бы въ городъ,—говоритъ полководецъ,—черезъ любую пробоину. Тѣмъ болѣе, что тысячи карѳагенянъ готовились показать намъ эти пробоины. И такимъ образомъ мы поймали бы все вандальское войско, какъ въ мышеловку, тогда какъ теперь должны искать врага въ пустынѣ. Но король отвергъ этотъ совѣтъ.

„Богиня Фортуна — единственная изъ женщинъ, которой иногда я готовъ повѣрить.

Вчера приплыло въ гавань, съ сѣвера, небольшое вѣстовое судно, подъ кроваво-краснымъ вандальскимъ флагомъ. Захваченные нашими, незримо притаившимися за высокими стѣнами гавани, сторожевыми судами, варвары испугались до смерти: они ничего не слыхали о захватѣ ихъ столицы. Они явились прямехонько изъ Сардиніи. Отправить туда флотъ съ отборнѣйшимъ войскомъ, въ то время какъ мы находились уже въ Сициліи,—эту мысль могли внушить только боги, желающіе варварамъ погибели. На предводителѣ мы нашли письмо слѣдующаго содержанія: „Хвала тебѣ и побѣда, король вандаловъ! Гдѣ же твои мрачныя предчувствія? Я возвѣщаю тебѣ о побѣдѣ! Мы высадились при Карали, столицѣ Сардиніи. Мы взяли гавань, городъ и Капитолій. Гóда, предатель, палъ, сраженный моимъ копьемъ; его войска или разбиты, или въ плѣну: весь островъ снова подъ твоимъ владычествомъ. Празднуй побѣду! Это пишетъ тебѣ Цацо, твой вѣрный полководецъ и братъ!“

Это было вчера. А сегодня одинъ изъ нашихъ крейсеровъ привелъ въ гавань еще вандальское вѣстовое судно, перехваченное на пути въ Сардинію. На немъ плылъ посолъ Гелимера съ слѣдующимъ письмомъ: „Не Гóда заманилъ тебя въ Сардинію, но демонъ ада въ образѣ Годы, котораго Богъ наслалъ на насъ, чтобы погубить! Не успѣлъ ты отплыть съ флотомъ, какъ высадился Велисарій. Его войско невелико, но нашъ народъ утратилъ вмѣстѣ съ геройствомъ и счастіе. Ничто не помогаетъ; лучшіе планы разрушаются неповиновеніемъ однихъ и добрымъ сердцемъ другихъ. Убитъ Аммата, нашъ общій любимецъ; убитъ вѣр-

ный Ѳразарихъ и раненъ Гибамундъ. А наше войско разбито при Децимумѣ. Карѳагенъ въ рукахъ непріятеля. Съ трудомъ собралъ я за громадныя деньги двѣнадцать тысячъ мавританскихъ наемниковъ и нахожусь въ укрѣпленномъ лагерѣ при Буллѣ. Вся наша надежда на тебя. Брось Сардинію и спѣши сюда со всѣмъ флотомъ. Но не приставай къ Карѳагену, а подальше отъ него на западъ, между Мавританіей и Нумидіей. Вмѣстѣ отклонимъ грозящую погибель или вмѣстѣ ее перенесемъ.—Гелимеръ."

Письма братьевъ встрѣтились. И оба попали въ наши руки! И теперь тщетно ожидаетъ король своего флота на западѣ! Теперь, богиня Фортуна, приведи корабли вандаловъ съ побѣдоносным войскомъ, послѣдней надеждой Гелимера, сюда, въ гавань Карѳагена... въ плѣнъ!

„Богиня Фортуна—такая же женщина, какъ и всѣ другія. Она внезапно повернулась къ намъ... ну, хоть не спиной, такъ бокомъ... и кокетничаетъ съ вандалами.

Тиранъ одерживаетъ побѣды. И чѣмъ бы—ты думалъ? Своей сердечной добротой—говорятъ люди—и своей привѣтливостью. Онъ привлекаетъ на свою сторону населеніе... не мавровъ, нѣтъ: римское населеніе, каѳолическое, да спасетъ насъ св. Кипріанъ! Населеніе бѣжитъ отъ насъ къ нему. У него въ войскѣ дисциплина... а наши гунны грабятъ и воруютъ, когда не стоятъ сомкнутыми рядами передъ Велисаріемъ. Поэтому поселяне перебѣгаютъ отъ насъ къ вандаламъ. Они служатъ послѣднимъ вѣстовщиками; они переносятъ имъ все то, что знаютъ или слышатъ. Конечно, сердечная доброта—одно притворство. Однако она достигаетъ цѣли: даже, быть можетъ, лучше, чѣмъ еслибы она была неподдѣльная.

„Ну, мнѣ почти жалко сфинкса! Она была такъ прекрасна! Жаль только, что она была не животное, а женщина. Фара открылъ, что она предлагала разгадать тайну своего существа ѳракійцу Альтіасу и гунну Айгану. Сначала три этихъ героя хотѣли биться изъ-за этого красиваго чудовища не на жизнь, а на смерть. Но на этотъ разъ гуннъ оказался мудрѣе германца и ѳракійца. По его предложенію, они братски подѣлили женщину на три части. Фара получилъ голову. Передъ тѣмъ она хотѣла умилостивить его гнѣвъ и сорвала ему съ дерева персикъ. Но при этомъ забыла одно: Фара, герулъ и язычникъ, любитъ больше лошадиное мясо, чѣмъ персики. Онъ далъ персикъ ея обезьянѣ;

та съѣла его, скорчилась и околѣла. Это смутило германца. Послѣ того онъ не успокоился, пока не разгадалъ всѣхъ сторонъ загадочнаго сфинкса и не открылъ ея естественнаго предательства. Тогда, какъ я уже сказалъ, они разсѣкли прекрасное тѣло на три части. Я посовѣтовалъ поглубже закопать ихъ въ землю; въ противномъ случаѣ, изъ могилы будутъ по ночамъ сверкать три языка пламени.

„Богиня Фортуна плохо старается. Флотъ вандаловъ до сихъ поръ еще не приплылъ въ Карѳагенъ на свою погибель.

„Тиранъ, повидимому, вывелъ свое войско изъ оглушеннаго состоянія. Наши аванпосты, всадники, которыхъ мы ежедневно разсылаемъ вокругъ города, присылаютъ извѣстіе: „громадное облако пыли поднимается съ юго-запада“. Только наступающее войско можетъ за нимъ скрываться, по ихъ мнѣнію.

„О Цацо—ни слуху, ни духу. Неужели, несмотря на захватъ письма, онъ узналъ о совершившемся и избралъ другой портъ для высадки?

Велисарій писалъ въ Византію, настаивая на присылкѣ жалованья гуннамъ, съ которыми становится трудненько справляться. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мы покинули Византію! Теперь декабрь мѣсяцъ. Бури проносятся изъ пустыни надъ Карѳагеномъ и вздымаютъ волны на море, которое давно уже потеряло свой прекрасный синій цвѣтъ. Гунны грозятъ бросить службу. Они оправдываютъ свои грабежи тѣмъ, что ни поселяне, ни горожане не хотятъ отпускать имъ ничего въ кредитъ (за что ихъ нельзя обвинять), а не могутъ же они имъ платить изъ жалованья, которое находится въ Византіи. Сегодня прибылъ корабль изъ Византіи, но не привезъ ни полушки денегъ, а только тридцать человѣкъ чиновниковъ, съ приказомъ отправить въ Византію первые налоги, которые будутъ собраны съ завоеванной провинціи.

Цацо не видать и не слыхать. А гунны близки къ открытому мятежу. Они объявили, что не будутъ сражаться, когда дѣло дойдетъ до боя. Имъ до сихъ поръ еще не выдано жалованье. И вообще ихъ, вопреки договору, заманили за море. И теперь они боятся, какъ бы, послѣ покоренія вандаловъ, ихъ не

оставили здѣсь гарнизономъ, такъ что имъ больше не вернуться домой. Велисарій уже поглядываетъ кругомъ: нѣтъ ли холма повыше для висѣлицы. Но до сихъ поръ не нашелъ такого, который былъ бы достаточно высокъ. Гунновъ-то много... а насъ очень мало. И они считаются лучшимъ войскомъ въ нашей арміи. Поэтому нашъ полководецъ пригласилъ сегодня на обѣдъ всѣхъ ихъ вождей, а это для нихъ—самая большая радость и честь. Онъ хвалилъ и поилъ ихъ. Они напились пьяны и остались очень довольны.

„Вожди проспались и теперь болѣе недовольны, чѣмъ когда-либо. И еще болѣе прежняго страдаютъ отъ жажды. Вина сколько угодно. Но вотъ уже три часа, какъ у насъ нѣтъ ни капли воды. Вандалы отвели воду. Гунны легко могутъ обойтись безъ воды... но ни мы, ни лошади, ни верблюды, ни карѳагеняне—не можемъ. Итакъ, король торопитъ битвой, окончательной развязкой. Городъ вѣдь онъ не можетъ принудить сдаться такимъ путемъ, такъ какъ мы господствуемъ надъ моремъ. Взять его приступомъ тоже нельзя, такъ какъ укрѣпленія, по плану Велисарія, уже окончены. Онъ хочетъ, онъ добивается битвы въ открытомъ полѣ.

Для Велисарія не остается другого выбора: завтра, рано поутру, онъ насъ поведетъ противъ непріятеля. Онъ опасается, что гунны замышляютъ недоброе. Онъ поручилъ Фарѣ зорко слѣдить за ними съ своими единоплеменниками. Если бой приметъ невыгодный оборотъ, то гунны измѣнятъ имъ. И тогда завяжутся двѣ битвы: въ авангардѣ—между византійцами и вандалами, а въ аррьергардѣ—между герулами и гуннами. Славная будетъ каша, нечего сказать. Но именно это напряженное состояніе, эта прелесть опасности завлекли меня на службу Велисарія, въ его лагерь. Лучше вандальскую стрѣлу въ голову, нежели утруждать ее, бѣдную, философіей, которая мнѣ опротивѣла до тошноты.—Что-то будетъ завтра!“

А. Э.

ДО-ПЕТРОВСКОЕ ПРЕДАНІЕ

ВЪ XVIII-мъ ВѢКѢ

Окончаніе.

II.

Продолженіе старыхъ преданій въ литературѣ.

Въ первой статьѣ мы старались показать, что если вообще трудно представить себѣ внезапный перерывъ одной бытовой формы и наступленіе другой, то и въ самомъ дѣлѣ въ быту XVIII-го вѣка вовсе не было такого внезапнаго перерыва, какой обыкновенно предполагали прежде, и предполагаютъ многіе даже теперь, говоря о Петровскомъ „переворотѣ“. Мы видѣли, что старинный бытъ съ его идеями, нравами и обычаями держался довольно твердо до самаго конца XVIII-го столѣтія даже въ высшемъ дворянскомъ классѣ, что новизны укрѣплялись лишь мало-по-малу, сначала въ небольшомъ кругу придворномъ, потомъ въ среднемъ дворянскомъ обществѣ, наконецъ вообще въ нѣсколько образованномъ кругу. Старое мѣшалось съ новымъ очень постепенно, и это смѣшеніе, а не рѣзкій переворотъ, составляетъ отличительную бытовую черту прошлаго вѣка. Естественно, что того же явленія мы должны ожидать и въ литературѣ.

Относительно послѣдней господствовало такое же представленіе о рѣзкомъ переворотѣ, отдѣлившемъ XVIII-е столѣтіе отъ XVII-го. Въ дѣйствительности, перерыва не было и здѣсь, какъ въ бытовой исторіи. Прежніе историки, начиная новую литературу съ Ломоносова, вводившаго къ намъ и первую точную науку,

и (вмѣстѣ съ Тредьяковскимъ и Сумароковымъ) западныя поэтическія формы, были правы съ своей точки зрѣнія, не находя связи между нимъ и его предшественниками въ XVII-мъ столѣтіи; но чтобы вѣрнѣе понять историческій процессъ, надо было не ограничиваться одними высшими проявленіями литературной дѣятельности и обратить вниманіе на литературу популярную, и, напримѣръ, дать мѣсто тѣмъ, хотя и несовершеннымъ произведеніямъ старой письменности, которыя наполняютъ промежутокъ времени отъ конца XVII-го вѣка до второй половины XVIII-го. Въ этомъ промежуткѣ мы именно встрѣтимъ обильные факты, которые любопытнымъ образомъ восполняютъ предполагаемый пробѣлъ.

Изученіе этого періода началось собственно только въ послѣднія десятилѣтія, и онъ сталъ выясняться съ двухъ концовъ. Съ одной стороны, изысканія о литературѣ Петровскихъ временъ (какъ въ извѣстной книгѣ Пекарскаго) встрѣтились съ прямыми отголосками XVII-го вѣка; съ другой, изслѣдователи книжной старины до-петровской находили ея продолженіе въ XVIII-мъ столѣтіи. Собирая факты этого рода, мы убѣждаемся, что XVII-й и XVIII-й вѣкъ были тѣсно связаны между собою литературнымъ преданіемъ, и что тѣ литературныя явленія, которыя отмѣчаютъ вторую половину вѣка, имѣли свою, до сихъ поръ мало замѣченную подготовку на переходѣ двухъ столѣтій.

Какъ въ первое Петровское время наряду съ нововведеніями цѣликомъ держались старые нравы, такъ продолжалась цѣликомъ и старая литература, или, вѣрнѣе, письменность. Чѣмъ больше становится извѣстнымъ (напр., черезъ описаніе нашихъ рукописныхъ собраній и разныя монографіи о томъ періодѣ литературы) составъ нашей старой письменности на переходѣ изъ XVII-го въ XVIII-е столѣтіе, тѣмъ больше выясняется, что письменность до-петровская была чрезвычайно распространена и въ XVIII-мъ столѣтіи. Пересматривая обычный составъ старой популярной письменности, мы найдемъ, что множество ея памятниковъ существуетъ въ многочисленныхъ спискахъ XVIII столѣтія, — начиная съ лѣтописей, хронографовъ, историческихъ статей до нравоучительныхъ повѣстей, до героическихъ сказаній (какъ Троянская исторія, Александрія; и т. д.), до рыцарскихъ романовъ (какъ Бова Королевичъ, Брунцвикъ, Петръ Златые-Ключи, и пр.), до повѣстей легкаго и шутливаго характера, наконецъ, до пѣсенныхъ сборниковъ. Очевидно, что въ XVIII-мъ вѣкѣ продолжалъ существовать обширный контингентъ читателей, которые жили еще вполнѣ понятіями и вкусами старины; вмѣстѣ съ тѣмъ въ

этотъ старый запасъ чтенія, серьезнаго и легкаго, мало-по-малу входятъ новые элементы, которые въ концѣ концовъ подготовляютъ наступившее лишь съ половины вѣка господство французскаго псевдо-классическаго вкуса. Литература печатная устанавливалась у насъ очень медленно, и отдѣлъ—если не поэзіи, то легкаго чтенія былъ очень скуденъ въ печати, даже послѣ того, какъ развилась уже дѣятельность Ломоносова, Сумарокова и ихъ ближайшихъ современниковъ, — между тѣмъ, легкая литература уже въ XVII-мъ вѣкѣ стала потребностью, которая искала удовлетворенія, и мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что въ первой половинѣ вѣка распространяется цѣлая обширная масса переводныхъ повѣстей и романовъ, за которыми слѣдовали даже и собственныя попытки въ томъ же родѣ...

Исторія этой повѣствовательной и романической письменности (потому что она по старому обычаю исключительно почти ходила тогда въ рукописяхъ) мало разработана, но довольно любопытна. Многіе годы тому назадъ я занимался исторіей старой русской повѣсти, собственно до-петровской [1]), но коснулся отчасти и Петровскаго времени и указалъ нѣсколько образчиковъ этого переводнаго романа и повѣсти первой половины столѣтія. Въ послѣдніе годы эти произведенія привлекли новое вниманіе; въ рукописныхъ собраніяхъ нашлись новые тексты, и даже издано было нѣсколько образчиковъ. Исторія этой популярной повѣсти первой половины прошлаго вѣка представляется въ такомъ видѣ.

Прежде всего, какъ мы сказали, въ это время продолжаютъ обращаться старинныя повѣсти до-петровскія—классическая, какъ „Исторія Троянской войны“ и „Александрія“; старо-христіанская, какъ „Варлаамъ и Іосафатъ“; средневѣковая западная, какъ „Римскія Дѣянія“; рыцарскій романъ, какъ „Бова Королевичъ“, представляющій отпрыскъ „Reali di Francia“; повѣсти шутливыя, въ ряду которыхъ пришли къ намъ и нѣкоторые изъ разсказовъ Боккачіевскаго „Декамерона“, и т. д. Къ концу XVII-го вѣка видимо начинаетъ усиливаться вкусъ къ повѣсти свѣтской, рыцарской (богатырской), шутливой (бытовой), и, начиная съ Петровскаго времени, этотъ вкусъ выражается появленіемъ значительнаго количества новыхъ переводныхъ романовъ разнаго рода, изъ которыхъ многіе получили большую популярность. Съ конца XVII-го и особливо начала XVIII-го вѣка въ письменность входятъ все

---

[1]) „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“. Спб. 1857.

новыя струи западнаго вліянія, но основной характеръ книжной любознательности остается въ сущности тотъ же. Въ ходячей книжности Петровскаго времени мы безпрестанно встрѣчаемся съ прямыми продолженіями XVII-го вѣка, и въ ея содержаніи, и во внѣшнемъ складѣ. Начинается почти впервые свѣтская печать, но рукопись еще продолжаетъ господствовать: все еще списываются цѣлыя обширныя книги; чрезвычайно распространенная въ старину форма сборника, удовлетворявшаго разнообразнымъ вкусамъ мало взыскательныхъ и мало подготовленныхъ читателей, продолжается нерѣдко и теперь въ томъ же самомъ составѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ новой печати воспроизводится старое популярное чтеніе, какъ Троянская исторія, много разъ издававшаяся съ начала XVIII-го вѣка, какъ исторія паденія Царяграда, Езоповы басни. Въ новыхъ, являющихся теперь книгахъ, ведется то же наставительное направленіе, какое любилъ XVII-й вѣкъ, и рядомъ размножается шутливая повѣсть, сказка, лубочная картинка, въ которыхъ опять продолжались старинныя „смѣхотворныя повѣсти". Составъ самыхъ читателей мало измѣнился. Въ прежнее время,—за исключеніемъ людей съ спеціально церковными интересами,—трудно было бы выдѣлить какіе-нибудь разряды читателей: ихъ создаетъ только болѣе подвинувшаяся литература, гдѣ надъ популярнымъ слоемъ произведеній вырастаетъ высшій уровень, доступный лишь для людей болѣе воспитанныхъ въ умственномъ и эстетическомъ отношеніи. Такъ какъ различіе уровней дается значительнымъ распространеніемъ образованія и успѣхами самой художественной литературы, а ни того, ни другого еще не было въ Петровскую эпоху, то и уровень массы читателей остался по-прежнему безразличный. Средній читатель этого времени, какъ прежде, пользовался всѣмъ наличнымъ составомъ литературы, читалъ старые хронографы, „Синопсисъ" и— Петровскія реляціи и вѣдомости, „Римскія Дѣянія" и — „Юности Честное Зерцало", „Аполлонія Тирскаго" или „Брунцвика" и—новѣйшаго „Милорда Гереона", „Азіатскую Банизу" и „Телемака" (въ переводахъ до Тредьяковскаго), старые „Планетники" и—„Брюсовъ Календарь", и т. д.: между тѣмъ и другимъ онъ не видѣлъ большой разницы, и часто она дѣйствительно была невелика, — тѣ и другія произведенія воспринимались съ тѣмъ же полу-наивнымъ настроеніемъ и малою книжною опытностью читателя. Наконецъ, не было большой разницы и въ языкѣ. Старый письменный языкъ представлялъ смѣсь церковнославянскаго съ русскимъ, въ различныхъ дозахъ смотря по содержанію произведенія — отъ старой церковной до бытовой и дѣ-

ловой книги эти дозы мѣнялись отъ почти полнаго господства стиля церковнаго до чисто народнаго языка: въ принципѣ то же остается и теперь, только въ бытовомъ языкѣ служилыхъ людей прибавилось немало иностранныхъ словъ, вошедшихъ съ Петровской реформой, какъ раньше прибавились другія иностранныя слова съ распространеніемъ школьнаго образованія на кіевскій ладъ. Ломоносовъ еще не установилъ для людей литературно болѣе просвѣщенныхъ извѣстнаго равновѣсія между славянскимъ и русскимъ, и въ ихъ смѣшеніи въ писанной рѣчи еще господствовалъ произволъ, очень близкій съ тѣмъ же произволомъ въ XVII-мъ столѣтіи; по старому чтенію вполнѣ еще сохранялась привычка къ славянскимъ оборотамъ, хотя въ общемъ живая рѣчь все больше и больше брала перевѣсъ.

Характеръ книжной дѣятельности остается также чрезвычайно сходенъ. Печать въ до-петровскія времена, внѣ книгъ церковныхъ, была еще дѣломъ весьма необычнымъ; люди, у которыхъ были литературные интересы, предпринимали иногда большіе труды—собственныя сочиненія и переводы, но повидимому не дѣлали ничего для ихъ распространенія; эти труды попадали къ охотникамъ до чтенія, переписывались, переходили изъ рукъ въ руки, и т. д. Словомъ, распространеніе книжныхъ произведеній было вообще болѣе или менѣе случайно, но, конечно, наиболѣе распространялись такія вещи, которыя больше отвѣчали традиціонному вкусу и любознательности. Печать Петровскаго времени полагаетъ начало правильному распространенію книгъ; но на первыхъ порахъ продолжается еще старый обычай: любители, авторы и переводчики еще не прибѣгаютъ къ печати; ея удостоиваются все еще только книги, выходящія изъ оффиціальной сферы или отъ людей съ школьнымъ образованіемъ, а въ большинствѣ идетъ прежнее списываніе книгъ. Въ общей массѣ нашей старой письменности рукописи XVIII-го вѣка, особливо именно первой половины, составляютъ огромный процентъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ этой литературы, и, во-первыхъ, на повѣсти и романѣ первой половины столѣтія.

Эти произведенія до сихъ поръ не были собраны и достаточно изучены,—между тѣмъ они даютъ любопытныя указанія на исторію нашей литературы прошлаго вѣка и въ частности на исторію народныхъ книгъ. Повѣсть до-петровская была достаточно изслѣдована [1]); какъ выше упомянуто, она состояла въ особен-

---

[1]) Одинъ изъ послѣднихъ обзоровъ ея—въ статьѣ А. Н. Веселовскаго, въ „Ист. Русск. Слов.“ Галахова, 2-е изд. Спб. 1880, I, стр. 394—517.

ности изъ множества переводныхъ сказаній, повѣстей и романовъ, которые приходили изъ разныхъ источниковъ, восточныхъ и западныхъ, греческихъ (или южно-славянскихъ), латинскихъ, нѣмецкихъ и подъ конецъ особливо польскихъ, а затѣмъ являются пробы русскаго разсказа, сначала въ видѣ демонологическихъ повѣстей въ стилѣ разсказовъ о чудесахъ съ добавкою бытовыхъ подробностей (повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи, о Саввѣ Грудцынѣ, пріуроченныхъ къ событіямъ XVII-го вѣка), или въ видѣ бытовой шутливой повѣсти (Фролъ Скобѣевъ), или, наконецъ, въ видѣ пѣсеннаго разсказа въ чисто народномъ стилѣ (Повѣсть о Горѣ-Злочастіи)... Первая половина XVIII-го вѣка приноситъ цѣлый новый запасъ переводной повѣсти, по-прежнему рукописной, которая является вообще какъ прямое продолженіе старой и часто совершенно однородна съ ней по характеру и близка по языку; но рядомъ съ популярною повѣстью въ старомъ духѣ начинаютъ появляться произведенія новаго рода, которыя открываютъ путь распространившейся со второй половины вѣка французской повѣсти и роману. Какъ замѣчено, эта литература вполнѣ еще не была собрана даже библіографически. Пересмотрѣвъ ее частію по описаніямъ рукописныхъ собраній [1]), частію по самымъ рукописямъ, мы насчитали, приблизительно за первую половину вѣка, до 80-ти произведеній этого рода, и нѣкоторыя уже въ нѣсколькихъ редакціяхъ и въ значительномъ числѣ списковъ [2]).

---

[1]) Какъ Имп. Публичная Библіотека, Моск. Публичный и Румянцовскій Музей (особливо собраніе Ундольскаго), собраніе Царскаго (нынѣ гр. Уварова), рукописное собраніе кн. П. П. Вяземскаго и Общества Древней Письменности, собраніе А. А. Титова („Охранный каталогъ" 1881—84), собраніе Казанскаго Университета, и др.

[2]) Приводимъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ романовъ, извѣстныхъ по рукописямъ XVIII вѣка:

— Азіатская Баниза.

— Исторія о италіанскомъ кавалерѣ Акатѣ и княгинѣ Аѳастинѣ.

— Исторія о королѣ французскомъ Алберхѣ.

— Повѣсть зѣло преднвна и полезна о египетскомъ королѣ Александрѣ и названомъ его братѣ Лодвикѣ.

— Исторія о Меландрѣ королевнѣ французской и о курфирстѣ саксонскомъ Августѣ.

— Аделенда африканская (переведена съ франц. въ 1761).

— Исторія о скиѳскомъ королѣ Алкеменесѣ и королевѣ Меналиппѣ.

— Исторія о Алфонсѣ Рамирѣ, королѣ гишпанскомъ, и о прекрасной Ангеликѣ, принцессѣ лонгобардской,—имянуемая Неистовый Роляндъ.

— Исторія о королѣ ѳиванскомъ Антонинѣ и Луцыи королевнѣ, дочери Алфена тирнацкаго, и о сынѣ ихъ Урлихѣ.

— Исторія объ Арвасѣ и Размирѣ.

— Повѣсть умилительная о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли.

Списокъ извѣстныхъ теперь романовъ (частію только приведенный нами въ примѣчаніи), вѣроятно, еще не вполнѣ исчерпываетъ эту литературу первой половины прошлаго вѣка. Многіе изъ нихъ, вѣроятно, совсѣмъ не дошли до нашего времени; многіе и до сихъ поръ извѣстны только по одному экземпляру. Старые собиратели, какъ, напр., графъ Ѳ. Толстой, коллекція котораго послужила основаніемъ рукописнаго собранія Публичной Библіотеки, какъ графъ Н. П. Румянцовъ, основатель Румянцовскаго Музея, какъ Царскій, котораго библіотека перешла къ графу Уварову, какъ собиратели коллекціи Россійской Академіи, московскаго Общества исторіи и древностей, и другіе старинные любители видимо не считали подобныхъ вещей достойными занять мѣсто въ ихъ собраніяхъ, причисляя ихъ къ простонародной литературѣ (въ которую многія изъ этихъ произведеній дѣйствительно переходили)

— Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной флорентійской королевнѣ Ираклія.

— Исторія о великомочномъ рыцарѣ Гендрикѣ, курфистрѣ саксонскомъ, и о преизящной Мелендѣ, дочери Лодвика, курфистра брандебургскаго.

— Гисторія о англинскомъ милордѣ Гереонѣ и о брандебургской марграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ.

— Исторія о французскомъ кавалерѣ Делюксѣ и о прекрасной Іоаріаннѣ.

— Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и прекрасной королевнѣ Елеонорѣ.

— Гисторія о Евдонѣ и Берфѣ.

— Исторія о славномъ саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ кавалерѣ Максіонѣ, и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ.

— Гисторія Жонеты, произшедшей изъ мужички, чрезъ добродѣтели и чистоту, въ достоинство маркизы.

— Приключенія Зекзекбека индостанца (переведено съ французскаго въ 1758).

— Исторія о Зелимѣ и Дамазинѣ.

— Любезная и куріозная исторія объ англинскомъ кавалерѣ Ипполитѣ и о любительницѣ его Жуліи.

— Гисторія о Калеандрѣ, цесаревичѣ греческомъ, и о Неонильдѣ, цесаревнѣ трепизонской.

— Исторія Карла арлеанскаго и Анибеллы.

— Гисторія о польской принцессѣ Кземиндрѣ и французскомъ принцѣ Рейнальдѣ.

— Исторія о храбромъ богатырѣ, княжецкомъ сынѣ, Клеонтѣ изъ гранатскаго королевства.

— Исторія о французскомъ графѣ Лафаріи и о прекрасной княжнѣ Маргаритѣ медіоланской, слушаніемъ и чтеніемъ весьма утѣшающая.

— Гисторія о славномъ и храбромъ кавалерѣ и генералъ-фельдмаршалѣ Лудовикѣ и о сынѣ его, храбромъ и прекрасномъ Палтусѣ.

— Исторія о дѣвицѣ Ляцнонѣ, баронской дочери, аглинскихъ бароновъ.

— Славная гисторія о Мелинтесѣ и Аріаннѣ, о Паламедесѣ и Епихарисѣ, и о прочихъ.

— Исторія благопріятна о благородной и прекрасной Мелюзинѣ (переведена съ польскаго въ 1677).

и раздѣляя пренебреженіе къ нимъ, явившееся во второй половинѣ XVIII-го столѣтія въ разгаръ псевдо-классической школы [1]). На эти вещи обратили вниманіе только новѣйшіе собиратели, и мы встрѣчаемъ значительное число ихъ въ собраніи Погодина, въ новѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ Публичной Библіотеки, московскаго Румянцовскаго Музея; ихъ собирали уже Ундольскій, Забѣлинъ, Буслаевъ, кн. П. П. Вяземскій и Общество Древней Письменности, г. Титовъ и, вѣроятно, еще нѣкоторые (изъ немногихъ впрочемъ) любители и изслѣдователи нашей книжной старины.

Этотъ разрядъ произведеній, большею частью переводныхъ, самъ по себѣ не имѣетъ, конечно, большого значенія въ основномъ развитіи нашей литературы прошлаго вѣка; нѣкоторые думаютъ, что онъ даже не относится къ литературѣ, составляя принадлежность только одного круга или кружка; но по разнымъ отношеніямъ онъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія. Какъ велико было распространеніе этихъ произведеній; изъ какого источника они брались; въ какомъ именно кругу обращались; отразились ли чѣмъ-нибудь на послѣдующей литературѣ? Отвѣтъ на эти вопросы

— О прекрасной Милитеѣ.

— Исторія о великославномъ цесарскомъ кавалерѣ Парисѣ и о прекрасной королевской дщери, именемъ Вѣнѣ.

— Исторія о славномъ рыцарѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и прекрасной королевѣ Магиленѣ.

— Повѣсть дивная о господинѣ Петрѣ и о прекрасной ево Кесандрѣ и о слугѣ Николаѣ.

— Гисторія о Полеонціонѣ, царевичѣ египетскомъ, и о прекрасной королевнѣ Милитинѣ.

— Исторія о храбромъ рыцарѣ Францелѣ Венеціанѣ и прекрасной королевнѣ гишпанской Персіанѣ (или Пресіанѣ, или Пренціанѣ, или Ренцывенѣ).

— Гисторія о королевичѣ Францѣ Имензоліусѣ гишпанскомъ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ.

— Исторія о королевичѣ Цылодонѣ италіанскомъ и о баронской дочери Цыцилін гишпанской.

— Честной человѣкъ и плутъ.

— О изгнанномъ римлянинѣ Эвксимусѣ, стацкой романъ съ образца французскаго Телемака (переведенъ съ нѣмецкаго въ 1723).

— Эпаминондъ и Целеріана (рукописный романъ, читанный Болотовымъ, авторомъ извѣстныхъ записокъ, въ 1752), и т. д.

Мы привели здѣсь еще не всѣ романы этого рода, извѣстные теперь по рукописнымъ собраніямъ; въ „Очеркѣ“ 1857 мы могли указать изъ этого списка только немного.

[1]) Въ перепискѣ канцлера Румянцова съ В. Н. Берхомъ мы находимъ, впрочемъ, просьбу 1820 г. о собираніи богатырскихъ сказокъ, на ряду съ которыми Румянцовъ упоминаетъ „Евдона и Берфу“. См. „Лѣтопись занятій Археогр. Комм“., вып. 6-й. Спб. 1877, II, 152.

объяснить значеніе этихъ произведеній письменности прошлаго вѣка.

Какъ мы замѣтили, теперь едва ли можно составить точное понятіе о степени ихъ распространенія; лишь недавно обращено вниманіе на ихъ собираніе, и многое должно было совершенно затеряться. Но нѣкоторыя обстоятельства даютъ возможность предполагать, что распространеніе ихъ было весьма значительно. На эту литературу грамотные люди и „охотники" прошлаго вѣка положили вообще немало труда. Нѣкоторые романы были громаднаго объема, какъ, напримѣръ, „Азіатская Баниза", наполнявшая цѣлые фоліанты мелкаго письма и требовавшая долгой работы и переводчика, и любителя-переписчика, или какъ исторія „Прекрасной Аріаны", и друг. Многія изъ этихъ произведеній уже въ старыхъ рукописяхъ представляютъ значительные варіанты, которые указываютъ если не на двойной переводъ особенно интересной „гисторіи", то на очень большое распространеніе въ читающей публикѣ, причемъ первоначальный текстъ понесъ обычное въ такихъ случаяхъ вмѣшательство переписчиковъ въ изложеніе. Далѣе, остались литературныя свидѣтельства о большой популярности этихъ вещей въ извѣстномъ среднемъ слоѣ публики. Сатирическіе журналы 1760-хъ годовъ—когда едва утвердившаяся у насъ псевдо-классическая школа начинала подъискивать своихъ Корнелей и Вольтеровъ, и Новиковъ подбиралъ уже историческій словарь россійскихъ писателей,—стали съ великимъ пренебреженіемъ говорить объ этой литературѣ, продававшейся въ Москвѣ на Спасскомъ мосту, подсмѣиваясь надъ „славными исторіями" о Петрѣ Златыхъ-Ключахъ, объ Арзасѣ и Размирѣ, Евдонѣ и Берфѣ, и т. п. Любопытно замѣчаніе, что эти исторіи были уже предметомъ торговли. Отчасти здѣсь могли подразумѣваться лубочныя изданія, но, вѣроятно, разумѣлись также и рукописи: намъ встрѣчались рукописные экземпляры отдѣльныхъ повѣстей, писанные одной опытной рукой съ каллиграфическими заглавіями, въ одномъ форматѣ, которые очень похожи на изготовленные для продажи. Нѣкоторыя исторіи (напр., „Милордъ Гереонъ", „Календръ", „Исторія прекрасной Аріаны", „Евдонъ и Берфа", „Петръ Златые-Ключи", „Францель Венеціанъ" и др.) извѣстны въ значительномъ числѣ старыхъ рукописей, что́ должно свидѣтельствовать объ ихъ распространеніи. На нѣкоторыхъ рукописяхъ остались записи о принадлежности ихъ многоразличнымъ владѣльцамъ; многіе экземпляры видимо были весьма зачитаны. Наконецъ, многое изъ этой литературы перешло даже въ народ-

ныя картинки и лубочныя изданія, въ которыхъ они сберeглись и до нашего времени [1]).

Что касается источниковъ, изъ которыхъ приходила къ намъ эта литература, они были весьма разнообразны. Нѣкоторыя исторіи были еще временъ до-петровскихъ. Напр., не разъ названная нами исторія рыцаря Петра Златыхъ-Ключей, очень любимая и въ XVIII-мъ вѣкѣ, или исторія о рыцарѣ Брунцвикѣ, или повѣсть о прекрасной Мелюзинѣ, и т. п. Они были едва ли не самымъ дальнимъ отпрыскомъ средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ, которые на западѣ въ эту пору давно отжили свое время и вращались только въ низшемъ слоѣ публики, какъ народныя книги: отсюда зашли они и къ намъ, гдѣ для нихъ въ XVII-мъ вѣкѣ могла быть еще не одна простонародная публика. Въ петровское и послѣ-петровское время къ этой категоріи присоединяется еще рядъ рыцарскихъ исторій, повидимому новѣйшаго издѣлія, писанныхъ на тѣ же рыцарскія темы, какъ, напр., „Евдонъ и Берфа", исторія о Альфонзѣ и Рамирѣ, о Францелѣ, Долторнѣ, и др., гдѣ входятъ уже частію и новые мотивы приключеній, но на мѣсто исчезавшихъ въ дѣйствительности рыцарей являются все-таки высокопоставленныя лица — кромѣ королей и королевичей, курфирсты, принцы, графы, даже „ѳелтъ-маршелы", и на худой конецъ кавалеры, шляхтичи, а въ нашихъ доморощенныхъ подражаніяхъ „россійскіе дворяне", и въ видѣ особаго исключенія — „россійскій матросъ". Конецъ XVII-го и начало XVIII-го вѣка отмѣчены въ Германіи распространеніемъ особаго рода романа, представлявшаго послѣднее развитіе рыцарской исторіи; онъ носилъ спеціальное названіе Staats-Helden-und Liebesgeschichte и заключалъ нерѣдко въ многотомномъ объемѣ длинныя, запутанныя исторіи приключеній, гдѣ представлены были всѣ элементы, указываемые заглавіемъ — судьба цѣлыхъ государствъ, героическіе подвиги и любовныя приключенія. Дѣйствіе происходило или въ Европѣ, въ фантастически-замаскированныхъ государствахъ, или гдѣ-нибудь въ другихъ частяхъ свѣта. Эти романы бывали нерѣдко плодомъ большой учености (напр., нѣкоторые романы изъ классической жизни) и даже значительнаго таланта. Такова, напр., зашедшая и къ намъ, знаменитая нѣкогда въ Германіи „Азіатская Баниза", 1689 г., Циглера, или „Исторія прекрасной Аріаны" (въ 16 книгахъ), и т. п. Далѣе, романы съ простыми бытовыми приключеніями, къ которымъ прибавлялась, наконецъ, нравоучи-

[1]) Напр., кромѣ классическаго „Бовы"—исторія Петра Златыхъ-Ключей, Адольфа Лавадійскаго, изображенія Евдона и Берфы, царевича Калеандра, Францеля и др. См. Ровинскаго, „Русск. народныя картинки".

тельная тенденція, какъ названная выше исторія Жанетты. „Стацкой романъ“ объ изгнанномъ римлянинѣ Эвксимусѣ, написанный „съ образца французскаго Телемака“, и переведенный 1723 г., предварилъ у насъ появленіе самого „Телемака“, а послѣдній переведенъ былъ два раза еще до появленія знаменитой „Тилемахиды“ (въ первый разъ еще въ 1724 г.). Такимъ образомъ, знаменитый въ XVIII-мъ вѣкѣ романъ Фенелона введенъ былъ въ нашу литературу задолго до того, когда у насъ (лишь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія) началось болѣе близкое знакомство съ французской литературой. Подобнымъ образомъ задолго до перваго печатнаго перевода „Потеряннаго рая“ Мильтона ходилъ въ рукописяхъ „Погубленный рай“, 1745 г., въ переводѣ барона А. Г. Строгонова. Такимъ образомъ, болѣе серьезному усвоенію произведеній западной литературы и болѣе глубокому ихъ вліянію въ образованномъ обществѣ предшествуютъ пробы ихъ перевода, принадлежащія болѣе ранней эпохѣ и наполняющія тотъ пробѣлъ, который предполагался у насъ между концомъ XVII-го вѣка и второй половиной XVIII-го. Правда, многое въ этихъ опытахъ можетъ показаться ребяческимъ и неумѣлымъ: иначе и не могло быть—дѣло было пока въ рукахъ писателей самоучекъ, которые не умѣли овладѣть ни формой, ни языкомъ. И задача была не легкая: вопросъ шелъ ни болѣе, ни менѣе какъ о литературной реформѣ, а для нея, какъ для реформы политической, требовалось особое, выходящее изъ ряда дарованіе. Эту задачу совершилъ (или, по крайней мѣрѣ, положилъ начало рѣшенію) Ломоносовъ; но и здѣсь, какъ въ реформѣ политической, крупному и широкому преобразованію предшествовали болѣе скромные труды въ новомъ направленіи,—труды, которые при всемъ несовершенствѣ имѣютъ ту историческую важность, что были непосредственнымъ заявленіемъ нарождавшейся потребности... Въ числѣ старыхъ переводовъ были первые образчики той нравоучительной и общественной повѣсти, которая потомъ появляется во множествѣ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго и подъ конецъ вызвала русскія подражанія. Съ 1750-хъ годовъ начинаются печатныя изданія переводныхъ романовъ, какъ „Приключенія маркиза Г.“, „Жизнь Клевеланда“ и т. п., которыя знамениты были въ тогдашней европейской литературѣ и у насъ также производили большое впечатлѣніе; появленіе ихъ было приготовлено тѣмъ интересомъ къ роману, который развился еще въ рукописной литературѣ начала столѣтія.

Довольно трудно отвѣчать съ нѣкоторою точностью на вопросъ о томъ, какому кругу читателей принадлежала собственно

эта рукописная литература. Единственнымъ достовѣрнымъ указаніемъ по этому предмету остаются записи на самыхъ рукописяхъ: судя по нимъ, кругъ читателей былъ очень разнообразенъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Начать съ того, что въ Публичной Библіотекѣ есть одинъ сборникъ XVII вѣка [1]), заключающій въ себѣ отрывокъ книги „О семи мудрецахъ", „Александрію", „Сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ", баснословно апокрифическую повѣсть о царѣ Давидѣ и Соломонѣ, сказаніе о Троянской войнѣ Гвидона де-Колумны, повѣсть о созданіи и разореніи Царяграда, наконецъ „Мамаево Побоище", словомъ, цѣлый запасъ старой популярной повѣсти еще до-петровскаго времени, и однако этотъ старый сборникъ имѣлъ читателей и во второй половинѣ XVIII-го вѣка между людьми, повидимому, образованными. Въ разныхъ мѣстахъ книги находятся такія записи: „Сія книга, глаголемая Четія (!) Климентовскаго Колбежскаго погоста діяконова сына Якова Андреева, а подписалъ своею рукою"; затѣмъ двѣ записи о принадлежности книги князю Саввѣ Ѳедоровичу Мышецкому, и наконецъ на послѣднемъ листѣ: „Читалъ сію книгу надворный совѣтникъ Ѳаддей Бухаринъ и окончалъ генваря 8-го 1754-го году въ Санктъ-Петербурхѣ въ домѣ иностранной коллегіи оберъ-секретаря Андрея Суровцева" [2]). Рукопись „Аглинскаго милорда Гереона", съ раскрашенными миніатюрами, принадлежала волоколамскому купцу Баженову, который въ 1775 году заплатилъ за нее одинъ рубль 30 коп. [3]). „Гисторія о великодушномъ индіанцѣ", писанная въ 1763, принадлежала волоколамской воеводской канцеляріи канцеляристу Александру Смирнову [4]). Исторія о графѣ Ипполитѣ писана была въ 1741, „трудами" капитана Хрущова [5]). Особенный любитель этой литературы былъ солдатъ преображенскаго полка С. Кублицкій, который аккуратно написалъ цѣлый сборникъ этихъ романовъ въ 1754—55 годахъ [6]). „Зерцало восточныхъ принцесъ, романъ отъ госпожѣ Фаньяны" перевелъ въ 1757 году гефрейтеръ шляхетнаго кадетскаго корпуса Василій Будаковъ [7]). Одна рукопись Поліонціона, царевича египетскаго, писана въ 1762 году

---

[1]) Онъ значится по каталогу Q. XVII. № 169.

[2]) „Отчетъ" Публ. Б-ки за 1882, стр. 62—63.

[3]) Публичной Библіотеки Q. XV. № 57. См. „Отчетъ" за 1870, стр. 164.

[4]) См. „Описаніе рукописей Казанскаго Университета" Артемьева, въ „Лѣт. зан. Археогр. Коммиссіи". Выпускъ 7. Спб. 1884, стр. 96—97.

[5]) Публичной Библіотеки Q. XV. № 75. См. „Отчетъ" за 1883, стр. 199.

[6]) Ундольскаго, № 912; см. также № 925.

[7]) Библіотека Моск. Общества Исторіи и Древностей. М. 1845. I, № 226.

въ городѣ Кунгурѣ [1]). Болотовъ въ 1752 г. получилъ романъ „Эпаминондъ и Целеріана“ отъ любителя, гвардейскаго офицера, и т. д.

И такъ, кругъ читателей простирался на весьма разнообразные слои общества: здѣсь былъ и канцеляристъ воеводской канцеляріи, и купецъ, и преображенскій солдатъ [2]), и капитанъ, и даже чиновникъ иностранной коллегіи. Съ позднѣйшей точки зрѣнія, съ какой и хотѣли уже смотрѣть сатирическіе журналы 1760-хъ годовъ, могло казаться, что чтеніе этихъ рукописныхъ романовъ, въ числѣ которыхъ большое мѣсто занимали невѣроятнѣйшія рыцарскія похожденія, могло доставлять удовольствіе только слишкомъ мало развитымъ людямъ, и сатирики именно съ этой точки зрѣнія надъ ними посмѣивались; но, возвращаясь къ условіямъ первой половины прошлаго вѣка, мы должны очень понизить требованія образованности. Гдѣ была школа, которая дала бы широкія литературныя понятія? гдѣ была литература, которая могла бы развить пониманіе истиннаго изящества, сообщить широкія свѣденія? Въ тѣ десятилѣтія едва складывались первыя основы литературнаго образованія; еще въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго вѣка шли между русскими писателями споры о самыхъ элементарныхъ вопросахъ литературы, едва установлялся литературный языкъ, еще пресыщенный церковно-славянскою стихіей и далеко не успѣвшій овладѣть формами народной рѣчи, а у писателей церковныхъ и вовсе остававшійся славянскимъ. Первая половина вѣка не достигала и до этой постановки литературнаго вопроса, и то̀, что̀ послѣ Ломоносова кажется намъ—и начинало казаться даже его современникамъ—уродливостью, вовсе не было странно въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Для вѣрнаго пониманія свойствъ тогдашнихъ читателей надо возвратиться къ тому, что̀ непосредственно предшествовало ихъ теперешнему чтенію. Предшествовали повѣсть и романъ XVII-го вѣка, и въ сравненіи съ ними было все-таки успѣхомъ, если рукописная литература первой половины столѣтія пришла уже къ переводу „Телемака“ и „Потеряннаго Рая“; послѣ этого понятны переводы „Аргениды“, „Маркиза Г.“, „Жизни Клевеланда“, и пр. Если обратить вниманіе на распространеніе начавшагося потомъ печатнаго переводнаго романа, мы еще больше убѣдимся въ томъ, до какой степени литература того времени представляетъ посте-

---

[1]) Публичной Библіотеки Q. XV. № 67. См. „Отчетъ“ за 1874, стр. 104.

[2]) Замѣтимъ, впрочемъ, что солдатами въ гвардейскихъ полкахъ бывали и самые настоящіе дворяне; солдатомъ былъ, напр., Державинъ, И. И. Дмитріевъ, и т. п.

венную преемственность отъ болѣе грубыхъ формъ романа съ приключеніями къ болѣе развитой формѣ романа нравоучительнаго, нравоописательнаго и бытового. Первые печатные романы появляются съ 1750-хъ годовъ. Въ 1760-хъ годахъ число ихъ увеличивается и все возрастаетъ къ концу столѣтія. На первое время (и даже до 1780-хъ годовъ) въ большомъ количествѣ встрѣчаются тѣ самые романы съ приключеніями, какими переполнены рукописи первой половины столѣтія; такъ что этотъ разрядъ популярнаго романа вовсе не прекратился съ наступленіемъ Ломоносовскаго періода, но, напротивъ, продолжался въ другихъ, можетъ быть, болѣе обработанныхъ произведеніяхъ, а наконецъ возъимѣлъ вліяніе и на русское сочинительство.

Чѣмъ же отразилась у насъ эта переводная повѣсть и романъ? Очевидно прежде всего, что они распространялись вслѣдствіе той же потребности въ книгѣ, болѣе близкой къ жизни или болѣе удовлетворяющей новому направленію вкусовъ. Древняя повѣсть, какъ „Александрія“, „Троянская война“, „Премудрый Акиръ“, и т. д., дожили въ рукописяхъ до конца XVIII-го или даже до начала XIX-го столѣтія, но, видимо, уже казались устарѣлыми; фантазія искала героевъ болѣе близкихъ по времени и нашла ихъ въ великославныхъ рыцаряхъ и храбрыхъ кавалерахъ популярнаго западнаго романа. Старѣйшій изъ этихъ героевъ, Бова Королевичъ, пришедшій изъ итальянской книги черезъ какіе-то темные сербско-польскіе пути въ нашу письменность [1]), до того увлекъ нашихъ предковъ, что уже въ очень давнихъ рукописяхъ пріобрѣлъ чисто народную складку изложенія и впослѣдствіи сталъ на ряду съ самыми популярными и заслуженными русскими богатырями [2]). Подобную роль получилъ другой великій храбрецъ и богатырь—Еруслань Лазаревичъ, явившійся съ востока и также получившій мѣсто между чисто русскими богатырями. Основой интереса, возбужденнаго ими, было воспоминаніе объ эпическомъ богатырствѣ; повидимому, слава богатырей иноземныхъ и введеніе ихъ въ область народной сказки шли параллельно съ тѣмъ, какъ блѣднѣло собственное эпическое преданіе: старый эпическій циклъ остановился въ своемъ развитіи, забывалъ своихъ

---

[1]) Объ этомъ любопытномъ эпизодѣ старой нашей письменности ожидается подробное изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго вмѣстѣ съ очень старымъ текстомъ этой исторіи изъ рукописи познанской библіотеки.

[2]) Забавно, что извѣстный изслѣдователь нашей народной поэтической старины, г. Безсоновъ, нашелъ возможнымъ объяснять одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ, Полкана, на основаніи древне-русской и даже греческой миөологіи.

героевъ, напр., смѣшивалъ ихъ съ новыми, уже историческими лицами (какъ Ермакъ или Стенька Разинъ),—между тѣмъ какъ въ новыхъ сказкахъ являлось завлекательное обиліе богатырскихъ подвиговъ и чудесныхъ приключеній. За Бовой послѣдовала въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го вѣка новая серія героевъ въ переводныхъ западныхъ романахъ: рыцари Полиціоны, Францели, Долторны, и т. д. Ихъ исторіи нерѣдко совпадали съ прежней тэмой богатырскихъ и чудесныхъ приключеній, и эта доля переводныхъ повѣстей пріобрѣла наибольшее распространеніе въ простонародной массѣ, что́ выразилось тѣмъ, что эти исторіи превратились въ народныя книги и перешли въ лубочныя картины. Къ концу XVIII-го столѣтія, нѣкоторыя изъ этихъ, давно обращавшихся въ рукописи, исторій появляются въ печати, какъ, напр., „Милордъ Георгъ“, родоначальникъ знаменитаго съ тѣхъ поръ „Милорда Георга“, издававшагося безчисленное множество разъ и занимающаго до сихъ поръ почетное мѣсто въ торговлѣ книжныхъ офеней [1]); далѣе, исторія „египетскаго“ царевича Полиціона, и особенно Францеля Венеціана, наравнѣ съ милордомъ Георгомъ заслужившаго великую популярность у простонародныхъ читателей; въ концѣ прошлаго вѣка вышло и первое печатное изданіе столь же знаменитаго „Гуака“, который, впрочемъ, не встрѣчался до сихъ поръ въ болѣе старыхъ рукописныхъ текстахъ, какъ его сотоварищи. Была напечатана и исторія Евдона и Берфы, которая, однако, вышла потомъ изъ обихода народнаго чтенія.

Были и другіе слѣды этой литературы. Еще въ ту пору, когда она ходила въ рукописяхъ, появляются русскія подражанія иноземнымъ повѣствованіямъ или по крайней мѣрѣ внѣшнія пріуроченія этихъ исторій къ русской почвѣ или русскимъ дѣйствующимъ лицамъ. Такова исторія о „россійскомъ дворянинѣ Александрѣ“, въ которомъ россійскаго, впрочемъ, очень немного: исторія происходитъ во Франціи,—но источники книги еще не опредѣлены. Такова, далѣе, исторія о „россійскомъ матросѣ“ Василіи [2]): въ началѣ ея разсказывается, болѣе или менѣе вѣроятно,

---

[1]) „Милордъ Георгъ“, какъ и другія подобныя исторіи, является въ изданіяхъ, изготовляемыхъ особливо въ Москвѣ, на Никольской, въ разныхъ видахъ. Есть, напр., „полное“ изданіе, копѣекъ въ 20 цѣною или больше, затѣмъ среднее и краткое, цѣною до 3-хъ копѣекъ. Изготовленіе краткихъ редакцій весьма немногосложно: печатаются сполна первыя страницы, затѣмъ вся главная часть книги выкидывается и припечатываются послѣднія странички, кое-какъ связанныя съ началомъ двумя, тремя фразами.

[2]) Она издана была Л. Н. Майковымъ: „Неизвѣстная русская повѣсть петровскаго времени“. Спб. 1880.

о русскомъ матросѣ, посланномъ въ ученье въ Голландію, гдѣ онъ своей ловкостью успѣваетъ пріобрѣсти довѣренность богатаго голландскаго купца и черезъ него самъ обогащается, но на возвратномъ пути своемъ въ „россійскую Европію“ попадается къ разбойникамъ, бѣжитъ отъ нихъ и при этомъ освобождаетъ захваченную этими же разбойниками дочь „флоренскаго“ короля, входитъ въ дружбу съ „цесаремъ“, женится на освобожденной имъ королевнѣ и, наконецъ, дѣлается флоренскимъ королемъ. Россійскій матросъ, дѣлающійся флоренскимъ королемъ среди бѣлаго дня, есть такая смѣлая игра фантазіи, что трудно было бы повѣрить, чтобы сочинитель самъ выдумалъ такую „гисторію“, не имѣя какого-нибудь образца. И дѣйствительно, мы нашли, что эта послѣдняя и главная часть исторіи „россійскаго матроса“ представляетъ явное подражаніе другой, вѣроятно переводной, исторіи, гдѣ героемъ подобныхъ подвиговъ является гишпанскій шляхтичъ Долторнъ, который такимъ же образомъ освобождаетъ отъ разбойниковъ гишпанскую королевну и послѣ многихъ приключеній (повторенныхъ и въ исторіи матроса Василія) женится на королевнѣ и дѣлается „братомъ цесаря“ и гишпанскимъ королемъ.

Впослѣдствіи, когда со второй половины XVIII вѣка переводные романы начинаютъ распространяться въ большомъ количествѣ уже въ печати, они породили и у насъ рядъ подражаній: являются русскіе романы, содержанія волшебнаго, сантиментальнаго, нравоучительнаго, которые иногда прямо такъ и отмѣчались: „россійское сочиненіе“. Извѣстно болѣе или менѣе, какъ распространялся болѣе и болѣе вкусъ къ западному роману, и за „Телемакомъ“ Фенелона, „Жизнью Сиѳа“ аббата Террасона, „Велисаріемъ“ Мармонтеля, „Нумой Помпиліемъ“ Флоріана, и т. д., явились подражанія Хераскова: „Нума или процвѣтающій Римъ“, „Кадмъ и Гармонія“, и пр.; романъ приключеній вызвалъ подражанія Эмина, какъ „Непостоянная фортуна или похожденіе Мирамонда“, какъ „Несчастный Никаноръ или приключеніе жизни россійскаго дворянина Н.“ (1775), или знаменитая „Пригожая Повариха“ Чулкова; волшебно-богатырскому переводному роману послѣдовали „Бахаріана или Неизвѣстный“, поэма Хераскова, различныя „славенскія“, „древлянскія“ и т. п. сказки Чулкова, въ которыхъ мѣшались приключенія любовныя, волшебныя и богатырскія, и т. д.; наконецъ, романы мистическіе и сантиментальные, въ переводахъ и собственныхъ подражаніяхъ вплоть до „Бѣдной Лизы“ Карамзина.

Исторія нашего романа прошлаго вѣка, переводнаго и по-

дражательнаго (долго лишь съ немногими чертами русской жизни), еще не была собрана вполнѣ; но при его цѣльномъ обзорѣ будетъ ясно, что корни его лежатъ именно въ переводной повѣсти первой половины прошлаго столѣтія. Произведенія этой поры уцѣлѣли потомъ только въ простонародной литературѣ, хотя принадлежали прежде не однимъ простонароднымъ читателямъ, въ родѣ того, какъ въ наше время „Юрій Милославскій“ или „Брынскій лѣсъ“, восхищавшіе въ 30-хъ годахъ Пушкинскій кружокъ, перешли теперь въ область юношескаго и простонароднаго чтенія.

Прибавимъ наконецъ, что нѣкоторые изъ романовъ, печатанныхъ въ 1760-хъ годахъ, были, повидимому, прямо взяты изъ ходившихъ по рукамъ рукописей. Таковъ, напр., романъ „Честный человѣкъ и плутъ“: онъ имѣется въ рукописяхъ, и издатель его (Спб. 1762 г.) въ предисловіи заявляетъ, что напечаталъ чей-то, ходившій по рукамъ, переводъ, что̀ не помѣшало ему посвятить свою книжку графу Роману Воронцову въ ожиданіи собственныхъ трудовъ. Въ рукописяхъ есть и африканская повѣсть „Муратъ и Туркія“, напечатанная въ Москвѣ въ 1780 году. „Исторія греческаго цесаревича Калеандра“ напечатана была въ Николаевѣ, 1798 г., какъ сочиненіе нѣкоего П. Захарьина, и т. д.

Подобную связь XVII-го вѣка съ XVIII-мъ мы встрѣтимъ и въ другой области старой литературы, въ отдѣлѣ небольшихъ шуточныхъ повѣстей и анекдотовъ, сборники которыхъ впервые появляются у насъ въ XVII-мъ столѣтіи, подъ названіемъ „польскихъ жартъ“ или съ латинскимъ названіемъ „фацецій“, или съ именемъ „увеселительныхъ и смѣхотворныхъ повѣстей“. Одинъ изъ источниковъ былъ здѣсь видимо польскій; вліяніе польской литературы возникаетъ еще съ конца XVI-го столѣтія и еще усилилось со времени присоединенія Малороссіи. Эти шуточные сборники, въ которые включались и чисто русскія смѣхотворныя повѣсти, также продолжаются и въ рукописяхъ XVIII-го столѣтія. Какъ извѣстно, произведенія этой старинной шутливой литературы перешли въ печатныя народныя книжки (какъ „Старичокъ Весельчакъ“, и т. п.) и въ лубочныя картинки съ текстами, гдѣ они сохранились отчасти и до нашего времени. Въ популярной литературѣ XVIII-го вѣка появлялись новыя собранія того же рода, которыя, по всему своему складу и по самому языку, кажутся прямымъ продолженіемъ старыхъ жартъ и смѣхотворныхъ повѣстей. Таковъ, напр., „Товарыщъ Разумной и Замысловатой или собраніе хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ. Переведенной

съ французскаго и умноженной изъ разныхъ латинскихъ къ сей же матеріи принадлежащихъ писателей какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества Петромъ Семеновымъ" (Спб. 1764, въ двухъ частяхъ). Этотъ „замысловатый товарыщъ" написанъ тѣмъ старинным ъ ломаннымъ полу-церковнымъ, полу-канцелярскимъ языкомъ, которому въ наше время съ большимъ мастерствомъ подражалъ Кузьма Прутковъ; чтеніе этихъ анекдотовъ остается и до сихъ поръ очень забавно, не столько иной разъ по замысловатости стариннаго остроумія, сколько по этой аляповатости языка, который съ большими усиліями старается справиться съ непривычными чертами западнаго быта и самаго способа выраженія; этой послѣдней чертой „замысловатый товарыщъ" сближается съ смѣхотворными повѣстями XVII-го вѣка, переводчику которыхъ приходилось бороться еще съ бо̀льшими трудностями, передавая на языкѣ до-петровской Россіи остроуміе западнаго подлинника. „Замысловатый товарыщъ" былъ (въ отдѣлѣ увеселительнаго чтенія) предшественникомъ и однимъ изъ источниковъ [1]) „Россійской Универсальной Грамматики" (1769), которая получила великую славу подъ именемъ „Письмовника", какъ она стала называться со второго изданія. Творцомъ „Универсальной Грамматики" или „Письмовника" былъ извѣстный Н. Г. Кургановъ (1726—1796). Самъ Кургановъ представляетъ чрезвычайно оригинальный типъ, который можно опредѣлить именно какъ промежуточный характеръ между стариннымъ книжникомъ-собирателемъ и новѣйшимъ литераторомъ; а его твореніе тѣмъ болѣе занимаетъ середину между старинными до-петровскими сборниками и книгами новѣйшаго литературнаго склада. Кургановъ родился въ Москвѣ и былъ сыномъ простого унтеръ-офицера; онъ началъ учиться въ знаменитой школѣ математическихъ наукъ на Сухаревой башнѣ, которая, со временъ Петра и со временъ Брюса, получила въ народѣ дошедшую и до нашего времени славу таинственнаго гнѣздилища всякой хитрой науки и самаго колдовства; съ именемъ Сухаревой башни связана исторія „Брюсова Календаря", который былъ у насъ первымъ правильнымъ календаремъ, во вкусѣ тогдашнихъ западныхъ календарей, помѣщавшихъ, кромѣ собственно календарныхъ свѣденій и астрономическихъ вычисленій, всякія таинственныя примѣты и предсказанія, а вслѣдствіе этого послѣдняго—во вкусѣ нашего собственнаго народнаго мистицизма, любви къ предсказательству и къ чудесному.

[1]) Указаніе на это сдѣлано было еще г. Буслаевымъ въ первомъ изданіи его „Исторической Хрестоматіи".

Въ Сухаревской школѣ Кургановъ оказалъ большіе успѣхи, такъ что въ 1741 г. отправленъ былъ начальствомъ въ морскую академію—ученикомъ, а въ началѣ 1745 г. помѣщенъ былъ ученикомъ такъ-называемой „Большой Астрономіи". Прикомандированный въ качествѣ свѣдущаго солдата-прислужника къ астроному академіи наукъ, Гришеву, Кургановъ такъ поразилъ его бойкостью своихъ математическихъ и астрономическихъ познаній, что его начальникъ сталъ хлопотать, чтобы Курганова „навѣчно" перечислили въ службу при академіи наукъ; это не удалось, но по крайней мѣрѣ это обратило на Курганова вниманіе его ближайшаго начальства въ морской академіи; онъ произведенъ былъ въ 1746-мъ году въ степень „ученаго подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ" и получилъ болѣе значительное жалованье. Но, какъ человѣкъ простого званія, онъ долго не могъ получить перваго офицерскаго чина и оставался солдатомъ; только черезъ десять лѣтъ, въ 1756 году, онъ произведенъ былъ въ подпоручики и остался съ тѣхъ поръ преподавателемъ въ морскомъ корпусѣ. Но роль второстепеннаго младшаго учителя не удовлетворяла его честолюбію: онъ много работалъ и, увѣренный въ своихъ силахъ, пожелалъ выдержать „профессорскій экзаменъ", и дѣйствительно выдержалъ его съ полнымъ успѣхомъ при академіи наукъ въ 1764 году. Въ исторіи морского корпуса сохранились свѣденія о Кургановѣ, который нѣсколько десятковъ лѣтъ былъ тамъ профессоромъ разныхъ математическихъ предметовъ и пользовался большой популярностью какъ прекрасный преподаватель и оригинальный, добродушный и остроумный человѣкъ. Его собственное образованіе было правильно поставлено только въ математикѣ; во всемъ остальномъ онъ былъ чистый самоучка. Онъ отличался большой любознательностью: научился самъ, безъ всякой помощи, языкамъ французскому, нѣмецкому, англійскому и латинскому, читалъ все, что попадалось подъ руку, много работалъ по математической морской и военной литературѣ, и его собственные переводные труды долго оставались учебниками въ корпусѣ. Между прочимъ, его „Универсальная Ариѳметика" окончательно смѣнила старинную книгу Магницкаго. Новѣйшій историкъ морского корпуса дѣлаетъ объ его ученой и педагогической дѣятельности слѣдующій отзывъ: „Такой необыкновенный человѣкъ, каковъ былъ Николай Гавриловичъ Кургановъ, поставленный судьбою на другое, болѣе видное, мѣсто, по справедливости пріобрѣлъ бы себѣ громкую извѣстность, полное уваженіе современниковъ и почетное имя въ литературѣ" [1].

[1]) „Исторія морского кадетскаго корпуса", Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Но была другая сторона его дѣятельности и характера, которая дала Курганову гораздо болѣе широкую извѣстность, чѣмъ его учено-педагогическіе труды. Это былъ человѣкъ съ живой наблюдательностью и остроумный, большой философъ въ своей личной жизни; въ скромныхъ условіяхъ своего положенія, онъ умѣлъ понимать людей и характеризовать ихъ живой, а иногда и злой шуткой; наконецъ, человѣкъ безъ правильнаго образованія, но умный и понимавшій необходимость распространенія знаній въ обществѣ, слишкомъ мало снабженномъ школами, онъ сдѣлался авторомъ книги чрезвычайно курьёзной, пережившей, съ перваго появленія своего въ 1769 году, много изданій до первыхъ десятилѣтій нашего вѣка. Знаменитый „Письмовникъ" долго потомъ служилъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ, какъ синонимъ нелѣпости старинныхъ литературныхъ понятій, на половину простодушныхъ, на половину грубыхъ. Разумѣется, естественно было и устарѣть книгѣ лѣтъ въ пятьдесятъ отъ ея перваго до послѣдняго изданія; излишне было уже и въ двадцатыхъ годахъ говорить объ устарѣлости Курганова, но онъ имѣетъ несомнѣнный интересъ для исторіи нашего образованія, какъ нѣчто архаическое. На нашъ взглядъ, Кургановъ представляетъ именно любопытный типъ въ этомъ отношеніи. Это—книжникъ XVIII вѣка, еще не совсѣмъ ушедшій отъ старинныхъ грамотѣевъ до-петровскаго времени. При всей своей учености, этотъ „подмастерье математическихъ наукъ" все еще былъ человѣкъ на половину народный; самоучка самъ, онъ съумѣлъ попасть на вкусъ и на потребности большого числа грамотныхъ людей, и успѣхъ его книги говоритъ о томъ, что въ грамотной массѣ именно оставалась эта складка старинной письменности [1]. „Письмовникъ" есть собственно небольшая энциклопедія [2]. Онъ начинается довольно подробной грамматикой, за которой слѣдуетъ цѣлый рядъ

---

[1]) Вѣроятно, нѣчто въ родѣ такого впечатлѣнія Кургановъ производилъ на Пушкина. Одинъ новѣйшій біографъ Курганова сообщаетъ, что, по словамъ Гоголя, Пушкинъ интересовался Кургановымъ и даже собирался написать его біографію; съ этой цѣлью Пушкинъ разспрашивалъ старыхъ литераторовъ, рылся въ прежнихъ журналахъ, сердился и жаловался, что поиски его оставались безуспѣшными. Онъ не могъ, будто-бы, даже добиться, когда жилъ и гдѣ служилъ Кургановъ. Конечно, очень жаль, что біографія не состоялась: написанная Пушкинымъ, она была бы вдвойнѣ любопытна.

[2]) Мы имѣемъ подъ руками 4-е изданіе: „Писмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія. Четвертое изданіе вновь выправленное, приумноженное и раздѣленное на двѣ части, профессоромъ и кавалеромъ Николаемъ Кургановымъ". Спб. 1790, 2 части.

„присовокупленій“, а именно: I-е — „соборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ“, по азбучному порядку; II-е — „краткія замысловатыя повѣсти“, въ числѣ которыхъ помѣщены, однако, и весьма длинныя (напр., № 320, — „повѣсть о трехъ подругахъ“, I, стр. 201—242; № 325 — „повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ“, стр. 253—261, и др., на старинныя темы о „женскихъ уверткахъ“), далѣе „различныя шутки“, „достопамятныя рѣчи“, „о женщинахъ и о бракѣ“, „опредѣленія, сравненія и уподобленія“, загадки; III-е — „древнія апоѳегмы и Епиктитово нравоученіе“, тутъ же „разсужденіе Сенекино о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ“ и „перечень человѣческихъ знаній“ (разныя житейскія и нравоучительныя замѣчанія); IV-е присовокупленіе представляетъ „разные учебные разговоры“, напр., разговоръ между книжникомъ и мальчикомъ, между бодрымъ и сонливымъ, разговоръ Кевита, ученика Сократова, о картинѣ, изображающей житіе человѣческое, разговоръ о любомудріи, о навигаціи, или кораблеплаваніи, о геральдикѣ, греческой и римской миѳологіи, „о различіи изрѣченія и писанія“; V-е присовокупленіе: „соборъ разныхъ стихотворствъ“, наполняющій почти половину второго тома; VI-е — „обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣческихъ или всеобщій чертежъ наукъ и художествъ“, а именно: краткая священная исторія, понятіе о пiитикѣ, философіи, естествознаніи, объ употребленіи наукъ, признаки о будущихъ погодахъ, понятіе объ астрономіи, нравоучительныя размышленія, заимствованныя изъ знаменитой въ XVIII-мъ вѣкѣ книги канцлера Оксенстирны, и тутъ же врачебныя наставленія съ прибавленіемъ „нѣмецкаго рудомета“, т.-е. чертежа, указывающаго, въ какіе мѣсяцы полезно или вредно пускать кровь; далѣе, свѣденія объ академической библіотекѣ и кунсткамерѣ, „знатныя изобрѣтенія, съ нѣкотораго времени въ Европѣ учиненныя“, наконецъ, хронологія; наконецъ, VII-е присовокупленіе заключаетъ словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ; какъ и слѣдуетъ ожидать, Кургановъ, кромѣ крайнихъ случаевъ, не одобряетъ употребленія иностранныхъ словъ [1]).

---

[1]) „Греческія слова вошли въ нашъ языкъ по необходимости и дѣлаютъ ему нѣкое украшеніе, а французскія и нѣмецкія его обезображиваютъ, кромѣ изъясненія такихъ вещей, какихъ въ Россіи не бывало; однако, и тѣмъ надлежало бы изыскивать пристойныя русскія названія, по примѣру какъ вычищенъ нѣмецкой языкъ. Не говоря о ненаблюденіи русскаго правописанія, многіе изъ насъ обыкли употреблять иноземскія слова въ разговорахъ и, не смысля ихъ силы и значенія, говорятъ нимало не къ статѣ. Въ здѣшнемъ словарѣ довольное число оныхъ изъяснено ради незнающихъ иныхъ языковъ, а не для того, чтобъ ихъ всѣ употреблять, но доказать, что они чужія (кромѣ словенскихъ словъ для разумѣнія церковныхъ книгъ) и что многія изъ нихъ напрасно введены въ русской языкъ преизобильный своими словами“.

Вся книга отличается какимъ-то патріархальнымъ смѣшеніемъ первоначальнаго учебника и чтенія, служащаго для забавы: грамматика была, конечно, весьма кстати въ популярной энциклопедіи; полезны были разныя научныя свѣденія; но рядомъ съ этимъ, средній читатель XVIII-го вѣка, еще привычный къ старымъ сборникамъ, встрѣчалъ здѣсь много знакомаго. Въ рукописяхъ XVII-го вѣка бывали уже, напр., сборники „апоѳегмъ", такіе же, какіе собиралъ Кургановъ; его замысловатыя повѣсти служатъ какъ будто продолженіемъ польскихъ „жартъ" и „фацецій", отъ которыхъ не очень отличаются и своимъ старомоднымъ языкомъ, хотя въ то же время, какъ говорятъ, подъ именами „гишпанскихъ" судей, „индійскихъ" вельможъ и знатныхъ „мароккихъ" пословъ, оказывались русскіе современники Курганова [1]), и въ разныхъ „присовокупленіяхъ" помѣщены мелкія замѣтки во вкусѣ XVIII-го вѣка, въ родѣ нравоучительныхъ размышленій, острословій, игры словъ, объясненій значенія цвѣтовъ, и т. п. Въ „соборѣ стихотворствъ" находимъ такое же смѣшеніе стараго и новаго: Кургановъ помѣстилъ здѣсь образчики всякихъ родовъ тогдашняго стихотворства; здѣсь есть надписи, эпитафіи, эклоги, идилліи, элегіи, сонеты, мадригалы, рондо, эпистолы, притчи, басни, шуточныя стихотворенія, сказки, новѣйшія пѣсни, но, рядомъ съ этимъ, помѣщены и образчики стариннаго стихотворства, псалмы или духовныя пѣсни, и, въ числѣ ихъ, пѣсни „кіевокалекскія", т.-е. пѣсни кіевскихъ калѣкъ, или каликъ, затѣмъ канты, и, наконецъ, „свѣтскія пѣсни или дѣло отъ бездѣлья". Какъ дальше упомянемъ, эти псалмы, канты и самыя пѣсни были достояніемъ рукописной литературы еще съ XVII-го, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, еще съ XVI-го вѣка.

Таковъ былъ составъ книжки, которая стоитъ на перепутьи отъ старой популярной письменности къ новѣйшей литературѣ, сложившейся послѣ Ломоносова. Самъ Кургановъ также не совсѣмъ подходилъ къ новому обществу. Онъ былъ большой чудакъ; очень ученый человѣкъ въ своемъ дѣлѣ, прекрасный преподаватель, циникъ по внѣшности и благородный человѣкъ по душѣ, остроумный, добродушно насмѣшливый, онъ бросался въ глаза; „одинъ изъ старѣйшихъ ветерановъ морского корпуса разсказывалъ (въ 1850-хъ годахъ), что онъ помнитъ своего учителя, Курганова, въ красномъ плащѣ, въ широкой шляпѣ и съ огромною дубинкою въ рукахъ. Этотъ необыкновенный плащъ извѣстенъ былъ всему Петербургу.

[1]) См., напр., біографію Курганова въ книгѣ Е. Колбасина: „Литературные дѣятели прежняго времени". Спб. 1859, стр. 176—177.

Подобно древнему философу, Кургановъ пренебрегалъ житейскими благами, не стѣснялся въ своемъ костюмѣ, былъ прямъ и грубъ со всѣми“ [1]). Восемнадцатый вѣкъ представляетъ въ области литературы не одинъ примѣръ такихъ чудаковъ или оригинальныхъ людей, которые, принадлежа, болѣе или менѣе, этому вѣку, по существу своихъ идей сохраняли вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто своеобразное, не поддававшееся модѣ, старосвѣтское или старинное, что̀ сближало ихъ съ народомъ и съ до-петровскимъ преданіемъ. Таковъ былъ, напр., дѣловой человѣкъ и общественный мыслитель петровскихъ временъ, Посошковъ, стоявшій вполнѣ на рубежѣ между двумя періодами русской жизни; таковъ былъ, нѣсколько позднѣе, знаменитый путешественникъ ко святымъ мѣстамъ, Василій Григорьевичъ Барскій, сочиненіе котораго пріобрѣло великую популярность въ народной литературѣ; таковъ былъ въ Малороссіи извѣстный народный философъ Сковорода; таковъ былъ нами прежде упомянутый подъячій-профессоръ московскаго университета, Горюшкинъ,—и таковъ же былъ очевидно петербургскій популярный энциклопедистъ и забавникъ Кургановъ. Барскій, Кургановъ, въ Малороссіи Сковорода—стали вполнѣ народными писателями; всѣ различнымъ образомъ были связаны и съ живой народной средой, и съ старой народной книжностью; всѣ сознательно или безсознательно умѣли отгадать направленіе народной любознательности и говорить близкимъ народу языкомъ;—говоря здѣсь о народѣ, мы, разумѣемъ, конечно, его грамотную часть, ту самую, которая въ XVIII-мъ вѣкѣ хранила старыя книжническія привычки.

Переходимъ въ другую область старой литературы. Какъ въ повѣсти и романѣ, такъ то же преданіе старины мы встрѣтимъ и въ другой сторонѣ литературы XVIII-го вѣка, именно въ прямомъ обращеніи къ народной поэзіи. О XVIII-мъ вѣкѣ составилось долго и упорно державшееся мнѣніе, что онъ совершенно отступился отъ народной старины, весь ушелъ въ подражаніе иностраннымъ образцамъ и всего больше виноватъ въ той оторванности отъ народа, въ которой такъ усердно обвиняютъ теперь такъ называемую и неизвѣстно что̀ обозначающую, „интеллигенцію“. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ образованный классъ прошлаго столѣтія былъ такъ близокъ къ народу,—близокъ инстинктивно, непосредственно,—какъ въ нашемъ вѣкѣ это не удавалось и тѣмъ, кто намѣренно и сознательно желалъ сблизиться и „слиться“ съ народомъ.

Чѣмъ больше изучается наша старая письменность до-петров-

---

[1]) Колбасинъ, тамъ же, стр. 174.

ская и книжная старина XVIII-го вѣка, тѣмъ больше оказывается въ нихъ неожиданныхъ памятниковъ, отсутствіе которыхъ въ рукахъ прежнихъ изслѣдователей, между прочимъ, и давало поводъ къ упомянутому недоразумѣнію. А именно, найдено было, что народно-поэтическія произведенія уже довольно рано начинали проникать въ старую письменность и продолжали храниться въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда въ первый разъ попали въ печать. Правда, и до сихъ поръ весьма немногочисленны старыя записи народной пѣсни, но, во всякомъ случаѣ, извѣстно, что былины записывались еще въ XVII-мъ столѣтіи; на границѣ XVII-го и XVIII-го вѣка создавались такія поэтическія и глубоко-народныя произведенія, какъ „Повѣсть о горѣ-злочастіи“ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно становилось, что Россія до-петровская, которая считается такимъ чистѣйшимъ хранилищемъ народности, такимъ очагомъ ея подлиннаго, неподдѣльнаго развитія, хотя и имѣла въ народной средѣ много стараго поэтическаго матеріала, но по характеру своей книжности и оффиціальныхъ взглядовъ не дала народной поэзіи развиться въ сильное литературное явленіе, которое могло бы послужить основой для дальнѣйшаго движенія литературы: извѣстно, напротивъ, что XVII-й вѣкъ гналъ народную поэзію, и пѣсню, и „небылыя сказки“, и обрядовый обычай, въ которыхъ оффиціальному аскетическому взгляду еще видѣлось язычество, и съ сухой приказной точки зрѣнія, нисколько не уступавшей бюрократизму позднѣйшихъ канцелярій, только подтверждались аскетическія запрещенія. Такимъ образомъ, въ быту допетровскомъ, которому хотятъ приписать самую настоящую народность, поэтическія проявленія этой народности далеко не поощрялись, и она дѣйствительно скудно проникала въ литературу. Попытки самостоятельной повѣсти, какъ „Савва Грудцынъ“ или „Фролъ Скобѣевъ“, и попытки цѣльныхъ поэмъ, какъ „Горе-Злочастіе“, остались безъ всякаго прямого результата. По прежнему понятію о XVIII-мъ вѣкѣ надо было думать, что старая, мнимо сильная, народно-поэтическая струя совсѣмъ заглохнетъ въ погонѣ за чужеземными образцами и въ отдаленіи образованныхъ классовъ отъ народа; на дѣлѣ, однако, этого не случилось; погоня была вовсе не такъ усиленна и самое образованіе не производило того дѣйствія, какое ему приписываютъ. Отъ Курганова и до Ломоносова, отъ скромнаго книжника до настоящаго ученаго, мы видимъ, напротивъ, инстинктивный или сознательный интересъ къ народному: правда, изъ литературнаго обращенія устраняется многое, что было старымъ патріархальнымъ незнаніемъ и предразсудкомъ, но продолжаетъ цѣниться на-

родное преданіе, гдѣ съ нимъ соединялись здравые элементы народной жизни. Мы видѣли, что въ непосредственномъ быту и немыслимо было такое радикальное удаленіе отъ народности, какое приписываютъ XVIII-му вѣку извѣстные доктринеры. Жизнь немногочисленнаго образованнаго класса была окружена стихіей стараго обычая, на каждомъ шагу встрѣчалась со всевозможными отраженіями народнаго житейскаго склада, преданья и самой поэзіи. Мы приводили примѣры того, какъ жизнь самого дворянства, даже въ концѣ XVIII-го вѣка, на глазахъ людей, еще дѣйствовавшихъ въ наше время, была близка къ народному быту, какъ въ помѣщичьихъ семьяхъ любима была народная пѣсня, сказка, обрядъ и увеселеніе. Чѣмъ дальше къ началу XVIII-го столѣтія, тѣмъ очевидно сильнѣе должна была быть эта бытовая связь, тѣмъ живѣе участіе старой народной поэзіи въ быту самого высшаго класса. Къ сожалѣнію, у насъ издавна нѣтъ бережливости къ старинѣ, и какъ прежнее, до-петровское время не позаботилось сберегать народно-поэтическую старину, а оффиціально даже преслѣдовало ее (фактъ несомнѣнный, но часто забываемый), такъ и послѣ не сбережена была достаточно память о бытовой сторонѣ жизни прошлаго столѣтія. Мы должны теперь довольствоваться немногими, случайно сохранившимися, фактами, относительно многаго въ этомъ быту и, въ томъ числѣ, относительно положенія народной поэзіи. Несомнѣнно, что литературно-поэтическіе вкусы не одной народной массы и средняго круга, но и самаго высшаго слоя еще долго удовлетворялись старымъ пѣсеннымъ запасомъ—эпическимъ, лирическимъ и обрядовымъ, и однимъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ, это доказывающихъ, остался знаменитый сборникъ былинъ Кирши Данилова, такъ долго служившій единственнымъ памятникомъ нашего народнаго эпоса. Этотъ сборникъ, составленный, какъ говорятъ, при домѣ Демидова, именно свидѣтельствуетъ о томъ, какой живой интересъ сохраняла еще народная поэзія въ первой половинѣ прошлаго вѣка, въ средѣ болѣе или менѣе образованнаго класса. Небрежное отношеніе къ старинѣ не сберегло для насъ другихъ сборниковъ подобнаго достоинства; но что они были, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Въ послѣднее время, когда сами собиратели и библіотеки начинаютъ больше обращать вниманія и на этотъ отдѣлъ старины, стихотворные и пѣсенные сборники начинаютъ больше попадать въ библіотеки рукописей. Отъ XVIII-го вѣка извѣстно теперь нѣсколько подобныхъ рукописей (въ Публичной Библіотекѣ, въ Румянцовскомъ московскомъ Музеѣ, въ собраніи Общества Древней Письменности, въ рукахъ нѣкоторыхъ любителей), которыя

дають понятіе о стихотворномъ и пѣсенномъ чтеніи и пѣніи того времени. Изъ такихъ рукописей шли тѣ разряды произведеній, какія мы видѣли въ „Письмовникѣ“ Курганова, именно—псалмы (собственно духовныя стихотворенія), канты и сочинявшіяся издавна пѣсни свѣтскаго содержанія, въ родѣ тѣхъ „пастушескихъ“ пѣсенъ, какія писалъ потомъ Сумароковъ и какимъ давалось немало мѣста въ „Пѣсенникахъ“. Эти рукописные стихотворные и пѣсенные сборники пока еще не приведены, какъ слѣдуетъ, въ извѣстность, но изслѣдованіе ихъ, безъ сомнѣнія, принесетъ любопытные факты какъ для исторіи пѣсни и искусственнаго стихотворства, такъ и для исторіи быта и нравовъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ преданіемъ до-петровскимъ; еще тогда пѣсни стали попадать въ рукописи, и семнадцатому вѣку принадлежитъ начало силлабическихъ псальмъ и кантъ. Канты и псальмы были, по преимуществу, дѣломъ духовныхъ школъ, академій и семинарій, и послѣ читались и распѣвались въ кругу людей благочестиваго настроенія [1]); но теперь,—сколько мы замѣчали въ подобныхъ сборникахъ,—въ старинномъ складѣ кантъ является новая черта, именно возрастаетъ въ нихъ свѣтскій элементъ, и канты приближаются къ тому стихотворству, какое немного позднѣе утверждается въ печатной литературѣ. Такъ, напримѣръ, въ рукописныхъ сборникахъ, повидимому предшествовавшихъ Сумарокову, находимъ „пѣсни“ въ родѣ его „пастушескихъ“ и „нѣжныхъ“ пѣсенъ, съ приключеніями пастушковъ и пастушекъ, слегка скабрёзнаго характера,—мода на которыя продолжается потомъ до юношескихъ стихотвореній Пушкина включительно. Въ старомъ силлабическомъ стихѣ видимъ уже попытки къ разнообразію размѣра. Словомъ, и въ содержаніи, и въ формѣ замѣчается стремленіе къ новизнѣ, которое продолжалось потомъ въ трудахъ Ломоносова, Сумарокова и ихъ современниковъ. Наконецъ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія коренятся и тѣ собранія народныхъ пѣсенъ, которыя въ большомъ изобиліи и какъ будто въ совершенномъ противорѣчіи съ тогдашнимъ господствомъ оффиціальной псевдо-классической литературы являются въ печати съ 1770-хъ годовъ, въ книгахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова и мн. др.

Эти сборники представляютъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательное явленіе. Въ то самое время, когда у насъ именно началось уси-

[1]) О рукописныхъ сборникахъ кантъ см. замѣчанія г. Безсонова въ его изданіи: „Калѣки перехожіе“, М. 1861—64; тамъ же много и самыхъ текстовъ изъ старыхъ рукописей.

ленное подражаніе псевдо-классическимъ образцамъ, когда съ пренебреженіемъ начали говорить о старинной книжности и грубой поэзіи „подлаго“ народа, въ литературѣ является цѣлый рядъ замѣчательныхъ изданій, гдѣ, рядомъ съ новѣйшими пѣсенками тогдашнихъ стихотворцевъ, помѣщаются чисто народныя пѣсни, и пѣсни прекрасныя, какихъ иногда мы напрасно стали бы искать въ новѣйшихъ собраніяхъ „изъ устъ народа“. Когда Сахаровъ, въ тридцатыхъ годахъ, предпринималъ изданіе своихъ пѣсенъ и сказаній русскаго народа, онъ отзывался съ большимъ пренебреженіемъ объ этихъ старыхъ пѣсенникахъ, и нѣкоторое время наши этнографы, повѣривъ ему на слово, не думали обращаться къ нимъ, тѣмъ больше, что старѣйшіе пѣсенники были уже большою рѣдкостью; но, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, оказалось, что пѣсенники, напротивъ, чрезвычайно любопытны. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ на нихъ обратилъ вниманіе Ап. Григорьевъ и другіе изъ тогдашнихъ любителей, а въ послѣднее время ими занялся и извлекъ изъ нихъ много интереснаго г. Безсоновъ въ изданіи „Пѣсенъ Кирѣевскаго“. Наперекоръ прежнему мнѣнію, г. Безсоновъ увидѣлъ въ нихъ любопытнѣйшее историческое явленіе, заслуживающее особаго изученія. Съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, которое такъ часто направлялось невпопадъ, но на этотъ разъ было довольно вѣрно, г. Безсоновъ останавливается на этомъ „вѣкѣ пѣсенниковъ“—съ 1770-хъ годовъ и до конца столѣтія, которому онъ придаетъ великую важность въ ходѣ нашего образованія и литературы [1]).

„Не только въ старину,—говоритъ г. Безсоновъ,—но еще и при Елизаветѣ, вся область русской жизни, особенно семейной и бытовой, отчасти же исторической (по мѣрѣ уцѣлѣвшаго отношенія къ жизни общей и государственной), оглашалась громко народною пѣснею и переполнена была живѣйшими къ ней интересами. Когда стало замѣтно народному чутью ослабленіе пѣснотворческой памяти; когда начали забываться, а вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаться и теряться лучшіе образцы; когда не видѣлось движенія впередъ, а приходилось лишь повторять или воспроизводить старое; когда для народа исчезали вокругъ, одинъ за другимъ, прочіе интересы,—общественные, церковные и политическіе; но когда, въ то же время, представляла услуги свои грамотность и распространявшаяся литература своимъ вѣяніемъ манила къ опы-

[1]) См. статью „О вліяніи народнаго творчества на драмы императрицы Екатерины и о цѣльныхъ русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ“, въ журналѣ „Заря“, 1870, апрѣль, стр. 1—19, и эпизодъ о пѣсенникахъ въ „Пѣсняхъ Кирѣевскаго“, выпускъ 9-й, Москва, 1872, стр. 405—413.

тамъ на письмѣ и бумагѣ, тогда, и первымъ дѣломъ, явилось стремленіе послужить своему исконному творчеству, записать ходячія, знакомыя, любимыя и подручныя пѣсни, во всей ихъ подлинности, про себя и про домашній обиходъ, для семьи, круга пріятелей и собственнаго досуга, чтобы подъ-часъ обратиться къ этому завѣтному другу, съ нимъ побесѣдовать и попѣть. Произошло это, разумѣется, прежде всего по городамъ; особенно Москва сдѣлалась средоточіемъ: въ посадскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ домахъ развелись сего рода тетрадки и рукописныя книжки. Проникшія изъ западной Россіи подобныя же рукописи и ноты съ псалмами, кантами, виршами, со стихотворствомъ своего рода и съ передѣлкою нашихъ стиховъ древнихъ—поддерживали соревнованіе, въ которомъ, однако, духовная область скоро уступала первенство мірской и свѣтской. Переводы и передѣлки иностранныхъ образцовъ также втѣснялись изъ литературы; наконецъ, поднялись и завладѣли вниманіемъ „сочиненныя пѣсни", военныя, современныя текущей эпохѣ. Помогло этому и сообщило бойкій ходъ особенное обстоятельство: „боярство", или „барство", разставаясь съ прежними условіями жизни и переходя, съ одной стороны, въ „дворянство" позднѣйшаго смысла, съ другой, въ новую казенную „службу", весьма отличную отъ старыхъ „служилыхъ людей", а съ третьей — въ жизнь „помѣщичью" по усадьбамъ и по палатамъ для отдыха въ Москвѣ,— все это сопровождалось явленіями совершенно особаго быта, столь еще недавно развитого у насъ и только теперь на глазахъ нашихъ исчезающаго. Образованность смысла высшаго, связанная въ этомъ быту съ литературою, и національный духъ, охватившій тогда своимъ подъемомъ, не замѣнили собою простой народности; напротивъ, побудили склониться къ ней и трактовать ее особыми пріемами. Крѣпостныя отношенія были дурною, близость къ народу и привычки совмѣстной жизни съ нимъ, при обмѣнѣ взаимныхъ интересовъ, были хорошею стороною сего быта и, между прочимъ, поддерживали старый, привычный пѣсенный строй, либо давали ему новый ходъ и движеніе усиленными средствами. Посадскіе и слободскіе сборники смѣнились барскими или помѣщичьими, а чрезъ нихъ поднялись градусомъ, очистились вкусомъ, развились пособіями. Они взошли еще выше, даже ко двору, вмѣстѣ съ самими лицами... тамъ подвизавшимися, а равно и по сходству быта, рознившагося только нѣсколькими ступенями; и тамъ былъ свой домашній обиходъ съ пѣснями, были лица руководившія, были обученные исполнители и руководства въ письменныхъ сборникахъ. Цар-

ствованіе Елизаветы—сказалъ Державинъ—было вѣкомъ пѣсенъ; правленіе Екатерины—прибавимъ—было вѣкомъ пѣсенниковъ" [1]).

Императрица Елизавета была любительница пѣсенъ и даже сама сочиняла ихъ [2]); отъ ея времени сохранили любовь къ пѣснямъ люди впослѣдствіи высокопоставленные, какъ Захаръ Чернышевъ, Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, Державинъ. Съ этого времени и въ царствованіе Екатерины каждый крупный барскій домъ и даже средніе помѣщики (какъ это отчасти удержалось и до послѣднихъ годовъ крѣпостного права) держали оркестры домашнихъ музыкантовъ и хоры пѣвчихъ, бóльшей частью изъ дворовыхъ, и для этого музыкальнаго обихода понадобились и спеціальные сборники пѣсенъ. „Такіе сборники—говоритъ г. Безсоновъ—дошли до насъ въ значительномъ обиліи и всего чаще изъ временъ Екатерины; кстати замѣтимъ, что и П. В. Кирѣевскій имѣлъ ихъ довольно, а мы собрали у себя еще больше". Г. Безсоновъ разсказываетъ, что извѣстный библіоманъ Соболевскій незадолго до своей смерти бралъ къ себѣ эти рукописи г. Безсонова, но по его смерти они уже не могли быть розысканы [3]). Г. Безсоновъ замѣчаетъ, что, къ счастью, онъ успѣлъ прежде хорошо познакомиться съ содержаніемъ этихъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ, которое, по словамъ его, именно и вошло послѣ цѣликомъ въ печатные пѣсенники прошлаго вѣка. Составъ этихъ рукописныхъ сборниковъ онъ опредѣляетъ такъ: изъ былинъ здѣсь находятся только суздальскія и московскія, особливо съ Грознаго; ни кіевскихъ, ни новгородскихъ нѣтъ (кромѣ отдѣльныхъ позднихъ отрывковъ); затѣмъ, московскія историческія пѣсни и при нихъ пѣсни военныя, сочиненныя, нѣсколько ходячихъ малороссійскихъ пѣсенъ и старыхъ школьныхъ кантъ [4]); затѣмъ, всего больше—переведенныя или по чужеземному

---

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, выпускъ 9, стр. 406—407.

[2]) См. стихотвореніе Елизаветы Петровны въ рукописи Публичной Библіотеки, „Отчетъ" за 1870, стр. 150—160, и въ книжкѣ г. Майкова: „Неизвѣстная русская повѣсть петровскаго времени".

[3]) Замѣчательная книжная и рукописная библіотека Соболевскаго имѣла, какъ всего чаще бываетъ у насъ съ подобными собраніями, довольно печальную судьбу: вмѣсто того, чтобы обогатить наши общественныя библіотеки, въ которыхъ по части старинной книжности все еще есть крупные, даже вопіющіе, пробѣлы, она была свезена въ Лейпцигъ и тамъ продавалась съ аукціона. Кажется, съ этого аукціона пріобрѣтены были въ Публичную Библіотеку два рукописные сборника пѣсенъ и романсовъ XVIII-го вѣка (въ одномъ 277, въ другомъ 132 пьесы)—Публичной Библіотеки О. XIV, № 11 и 12; см. тамъ же. О. XIV, № 114 и друг. „Отчетъ" Библіотеки за 1873 г., стр. 56.

[4]) На этомъ основаніи г. Безсоновъ дѣлаетъ заключеніе, что эти сборники со-

образцу написанныя стихотворенія, т.-е. романсы, элегіи, идилліи, и т. п., подъ именами: „пѣсней нѣжныхъ, пастушескихъ, любовныхъ, забавныхъ, критическихъ", и т. п. Далѣе, пѣсни чисто народныя разныхъ разрядовъ, преимущественно мелкія, бытовыя, семейныя или женскія и, наконецъ, по вліянію театра—театральныя (аріи и хоры изъ оперъ) и гораздо позднѣе—цыганскія.

Обычай частныхъ и особливо знатныхъ домовъ достигъ и до двора, и, наконецъ, эти рукописные сборники появляются въ печати. Г. Безсоновъ замѣчаетъ, что печатные пѣсенники возникли исключительно во времена Екатерины и прежде всего въ Петербургѣ, и, болѣе или менѣе, вокругъ двора, трудами лицъ, ближе стоящихъ ко двору, и знатными особами по вызову и съ пособіемъ послѣднихъ; потомъ они появляются въ Москвѣ, а затѣмъ печатаются и въ другихъ городахъ, напр., въ Орлѣ, Твери, Ярославлѣ; сначала издаются тексты, а вскорѣ и напѣвы. По упомянутымъ обстоятельствамъ, г. Безсоновъ полагаетъ, что появленіе пѣсенниковъ обязано литературному вліянію двора, и замѣчаетъ, что въ дѣлахъ національной цивилизаціи вліяніе искони задавалось сверху...

Къ сожалѣнію, изслѣдованіе первыхъ пѣсенниковъ, которымъ едва минуло теперь сто лѣтъ, соединено уже съ немалыми трудностями. Пѣсенники были столь любимой книгой, что, повидимому, зачитывались безъ остатка. Первые пѣсенники, 1770—80-хъ годовъ, составляютъ теперь такую рѣдкость, что экземпляровъ изданій Чулкова и Новикова, повидимому, не находится ни въ Публичной, ни въ Академической Библіотекѣ, двухъ главнѣйшихъ книгохранилищахъ Петербурга. Мы не нашли ихъ и у знакомыхъ ученыхъ любителей, владѣющихъ весьма рѣдкими изданіями, и только отъ одного изъ нихъ пользовались неполнымъ экземпляромъ одного изъ этихъ старѣйшихъ изданій [1]). Правда, содержаніе ихъ повторялось послѣдующими изданіями, но точнаго библіографическаго описанія ихъ до сихъ поръ все-таки не имѣемъ, и г. Безсоновъ, много занимавшійся этимъ вопросомъ, утверждаетъ, что даже извѣстный старый библіографъ Сопиковъ, который самъ былъ любителемъ этого дѣла, а также и книгопродавцемъ, называетъ въ своемъ „Опытѣ" изданія несуществовавшія или, другими словами, невѣрно обозначаетъ изданія суще-

ставлялись „въ главныхъ пунктахъ государства московскаго и особенно въ Москвѣ". Только какое „московское государство" въ XVIII вѣкѣ? Можно думать, напротивъ, что иной разъ пѣсенники составлялись именно въ Петербургѣ.

[1]) Другія изданія пѣсенниковъ XVIII-го вѣка не составляютъ такой рѣдкости, и мы имѣли ихъ въ рукахъ довольно.

ствовавшія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно трудно собрать свѣдѣнія о самыхъ лицахъ, которыя были издателями первыхъ пѣсенниковъ, и о свойствѣ ихъ издательскаго труда. Г. Безсоновъ могъ собрать лишь немногія и не весьма точныя извѣстія, напр., объ издателѣ перваго пѣсенника, Чулковѣ. Приходилось искать преданій, и, по такому преданію, отецъ этого перваго издателя, Михайла Дмитріевича Чулкова, былъ истопникомъ, а вмѣстѣ отличнымъ сказочникомъ и пѣсенникомъ при императрицѣ Елизаветѣ, которая любила народную словесность и на ночь обыкновенно приказывала разсказывать ей русскія сказки. Эта профессія обогатила придворнаго любимца, и Чулковъ-отецъ оставилъ по себѣ придворный, на манеръ другихъ домашнихъ, сборникъ пѣсенъ и сказокъ,—и этимъ-то наслѣдствомъ воспользовался сынъ, который не былъ ни собирателемъ, ни составителемъ, а только издателемъ готоваго сборника. Онъ издалъ его, впрочемъ, не одинъ, а въ сотрудничествѣ съ другимъ тогдашнимъ писателемъ, М. А. Поповымъ, секретаремъ коммиссіи при сочиненіи проекта новаго уложенія. Такъ произошелъ первый пѣсенникъ, вышедшій подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ пѣсенъ“, Спб., 4 части, 1770—1774 г. Въ 1776 г., Чулковъ повторилъ изданіе; въ 1780—81, въ Москвѣ Новиковъ сдѣлалъ новое изданіе этого сборника, прибавивъ 5-ю и 6-ю части съ новыми, сочиненными пѣснями: это—„Пѣсенникъ Новиковскій“; въ 1783—88, повторено было еще разъ изданіе прежнихъ четырехъ частей, но по Новиковскому тексту.

Не вдаваясь въ подробности о другихъ редакціяхъ „Пѣсенника“, явившихся въ то время [2]), упомянемъ еще объ одномъ дѣятелѣ на этомъ поприщѣ, которому принадлежитъ первое изданіе пѣсенной музыки. Это былъ Василій Ѳедоровичъ Трутовскій, придворный священникъ и вмѣстѣ „гусляръ“; онъ игралъ и пѣлъ подъ гусли—старинный инструментъ, кажется, окончательно теперь забытый, а въ прежнее время бывшій въ ходу у помѣщиковъ и духовенства [3]). Трутовскій, родомъ малороссъ, жилъ и умеръ въ

[1]) „Заря“, 1870, апрѣль, стр. 3. Авторъ думаетъ, что эта невѣрность библіографическихъ показаній могла происходить оттого, что самыя изданія вслѣдствіе большой ихъ ходкости, особенно въ низшемъ слоѣ публики, иной разъ совсѣмъ истреблялись.

[2]) Читатель найдетъ ихъ въ статьѣ г. Безсонова, въ „Зарѣ“, и вкратцѣ—въ 9-мъ вып. „Пѣсенъ Кирѣевскаго“.

[3]) Въ нашей семьѣ сохранялся этотъ инструментъ въ сороковыхъ годахъ, съ принадлежащимъ ему писаннымъ нотнымъ репертуаромъ. О другихъ „гусляхъ“, небольшого размѣра, см. упоминаніе у Болотова, „Жизнь и приключенія“, I, стр. 215, подъ 1753 годомъ.

Петербургѣ и за свое искусство былъ пожалованъ деревней въ ахтырскомъ уѣздѣ. Свѣденія о немъ также собраны только по преданію; ихъ сообщилъ Максимовичъ упомянутому Соболевскому. Трутовскій издалъ „Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами“—въ четырехъ частяхъ, съ 1776 года [1]). Издатель, по словамъ г. Безсонова, былъ уже отчасти самъ собирателемъ; текстъ его пѣсенъ разнился отъ Чулковскаго и Новиковскаго; музыка—отъ современнаго ему изданія Прача (1790) и позднѣйшихъ перелагателей.

Было, наконецъ, еще нѣсколько другихъ редакцій „Пѣсенниковъ“ и собраній пѣсенной музыки [2]). Въ цѣломъ, они образовали знаменательный фактъ въ исторіи нашей литературы. Г. Безсоновъ пріурочиваетъ его спеціально къ вѣку Екатерины, и, дѣйствительно, этому вѣку принадлежитъ первое появленіе и полная организація пѣсенниковъ; тотъ же авторъ, сличая ихъ съ позднѣйшими изданіями, находилъ, что, за маловажными исключеніями, позднѣйшія изданія почти ничего народнаго не прибавили къ тому, что̀ собрано было до конца XVIII-го вѣка,—прибавлялись только новѣйшіе сочиненные пѣсни и романсы разнаго рода, такъ что пѣсенники времени Екатерины — единственные пѣсенники этого рода... Но не надо все-таки забывать, что первое возникновеніе этого интереса восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени, въ сущности—къ непрерывавшемуся старому бытовому преданію, и въ самой придворной сферѣ—ко временамъ имп. Елизаветы. Съ другой стороны, успѣхъ пѣсенниковъ указываетъ, что причина его заключалась вовсе не въ исполненіи придворной моды, а въ существовавшемъ уже опредѣленномъ вкусѣ, который очевидно былъ давно и крѣпко развитъ, напр. у Чулкова-отца или у Трутовскаго [3]). Что это было именно такъ, о томъ свидѣтель-

---

[1]) Первая часть имѣла три изданія—1776, 1782, 1799; остальныя по одному—1778, 1779, 1795.

[2]) Такимъ образомъ, печатная литература пѣсенниковъ начинается съ 1770-го года. Какъ мы выше упомянули, народныя пѣсни нашли мѣсто и въ „Письмовникѣ“ Курганова. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ перваго изданія этой книги, вышедшаго подъ именемъ „Универсальной Россійской Грамматики“ въ 1769 г. Ежели пѣсни находились уже и въ этомъ первомъ изданіи, то первое введеніе народныхъ пѣсенъ въ книгу надо было бы усвоить Курганову. См. въ 4-мъ изданіи, 1790, ч. 2, стр. 66—68, 77—79, 103 (пѣсни народныя и „военныя“).

[3]) Г. Безсоновъ замѣчаетъ, что передъ тѣмъ „народное творчество, устное слово, нѣкогда исключительно царившее, ослабѣло или было подавлено“ („Пѣсни Кир.“, вып. 9 стр. 412). Это не совсѣмъ точно: никто его не подавлялъ; факты самаго собранія Кирѣевскаго указываютъ на весьма живую дѣятельность „устнаго слова“, напр. въ историческихъ пѣсняхъ о временахъ Петра Великаго. Пѣсенный интересъ продол-

ствуютъ нѣкоторые факты тогдашней пѣсенной литературы, а именно распространеніе въ ней пѣсенъ, нимало не подходящихъ къ „придворному“ вкусу; таково было, напр., чрезвычайное распространеніе такъ-называемыхъ „Каиновыхъ“ и разбойничьихъ пѣсенъ... Во времена Екатерины, „народное творческое слово прошло снова отъ низшаго простонародья и крестьянства по всѣмъ среднимъ и высшимъ общественнымъ слоямъ до самаго двора; литературная дѣятельность... по преимуществу черезъ печать проникла и спустилась отъ высшихъ сферъ, блестящихъ, могучихъ, образованныхъ, обладающихъ своего рода тактомъ и вкусомъ, черезъ всѣ сферы безъ исключенія: отъ палатъ царскихъ и боярскихъ, отъ усадьбъ помѣщичьихъ, запертыхъ крѣпко купеческимъ хоромъ, домовъ и семействъ духовенства, мѣщанскихъ и посадскихъ жилищъ—до порога самой послѣдней, лишь бы грамотной, крестьянской избы. Пѣсенники все это соединили подъ-рядъ и въ ровень“. Рядомъ съ пѣснями, имѣвшими отношеніе къ разнымъ важнымъ и знатнымъ лицамъ—„пробирался сюда и Разинъ, и Каинъ, загуливала Танька, разъигрывалось все простѣйшее и беззастѣнчивое, даже ухарское... Сколько этимъ способомъ безразличія спасено отличнаго отъ забвенія и смерти!“ „Пѣсенники плодились, росли, проникали всюду и до того „употреблялись“, что нынче почти невозможно найти стараго, не только порядочнаго, но даже сноснаго или хотя бы истрепаннаго экземпляра... Не всѣ же произведенія литературы изъ прошлаго вѣка или другихъ временъ могутъ похвалиться подобнымъ сбытомъ, потребленіемъ и пользованіемъ!“ До какой степени пѣсенники сливались съ бытомъ, объ этомъ, какъ мы замѣтили, особенно ярко свидѣтельствуютъ „Каиновы пѣсни“. Ванька Каинъ (род. 1714 или 1718 г., умеръ въ ссылкѣ уже въ царствованіе Екатерины), знаменитый воръ и грабитель, потомъ полицейскій сыщикъ, наконецъ, за свои новыя продѣлки, все-таки попавшій подъ пытку и ссылку, знаменитъ былъ въ то же время своимъ пѣсеннымъ мастерствомъ. Его имя, какъ ловкаго вора и, вмѣстѣ, какъ удалого добраго молодца и пѣвца, окружено было въ XVIII-мъ вѣкѣ великой популярностью, которая перешла и въ XIX-й во множествѣ перепечатокъ его исторіи (начиная съ изданія 1775 г.) и сдѣлала его настоящимъ эпическимъ героемъ разбойничьяго типа.

жалъ оставаться въ быту, какъ продолжалась старинная повѣсть въ рукописной литературѣ первой половины столѣтія; съ Екатерининскаго времени рукописные пѣсенники пошли въ печать, какъ пошли въ нее и прежніе рукописные романы. Литература XVIII-го вѣка вообще, какъ мы замѣчали, устанавливается только со второй половины столѣтія.

Каинъ былъ большой любитель пѣсенъ, и съ его именемъ связана цѣлая серія иногда прекрасныхъ пѣсенъ, которыя помѣщались и въ старыхъ пѣсенникахъ, и отдѣльно въ его жизнеописаніяхъ [1]). Этотъ циклъ пѣсенъ Ваньки Каина и объ немъ не имѣлъ уже, конечно, ничего „придворнаго", и распространеніе ихъ въ особыхъ книжкахъ и въ общихъ пѣсенникахъ было чрезвычайно любопытнымъ вмѣшательствомъ въ литературу самой подлинной народности, которая, въ новѣйшую пору своей исторіи, забывая древнихъ эпическихъ героевъ, создавала новый эпосъ— разбойничій и плутовской (своего рода стиль picaresco) и иной разъ мѣшала его съ старымъ богатырскимъ. Къ тому же времени Каина относятся пѣсни о знаменитой нѣкогда подмосковной разбойницѣ, Танькѣ Ростокинской [2]), и т. д.

Г. Безсоновъ не преувеличилъ значенія пѣсенниковъ XVIII-го вѣка, когда говорилъ: „благодаря такому общему явленію (разнородному содержанію этихъ сборниковъ, полу-литературному, полународному), воспитались въ немъ и выросли изъ него сперва „національные", потомъ даже „народные" наши поэты и музыканты, производившіе уже въ сферѣ личной, художественной и письменной (т.-е. литературной), вплоть до самого Пушкина и Глинки, не цитуя болѣе мелкихъ" [3]). Въ прежнее время, особливо со словъ Сахарова, пѣсенники не однажды опорочивались за мнимую малую народность ихъ (хотя ихъ народное нерѣдко остается до-нынѣ незамѣнимымъ) и за то, что въ нихъ вносимы были пѣсни сочиненныя (т.-е. романсы и т. п.); но, во-первыхъ, старые пѣсенники вовсе не имѣли въ виду цѣли этнографической, а только литературно-бытовую; во-вторыхъ, гдѣ было нужно, гдѣ дѣлалась классификація, тамъ они именно выдѣляли „пѣсни простонародныя". Ихъ настоящая цѣль была, какъ мы сказали, просто литературное развлеченіе; они давали всѣ тѣ пѣсни, какими общество тогда интересовалось, какія ему требовались: въ ходу были пѣсни народныя, сочиненные романсы, и пѣсенники доставляли то и другое. Въ этомъ смыслѣ они и любопытны для литературной исторіи: они не возрождали интереса къ народной поэзіи, а только констатировали его и, затѣмъ, на будущее время, сберегали и закрѣпляли цѣлый запасъ народно-поэти-

---

[1]) Объ немъ составилась и теперь маленькая литература — въ изданіяхъ его исторіи Григорія Книжника (Геннади), въ изслѣдованіяхъ г. Есипова, Мордовцева, Безсонова (послѣдняго въ „Пѣсняхъ Кирѣевскаго", вып. 9, стр. 15—75).

[2]) О ней см. „Пѣсни Кирѣевскаго", вып. 9, стр. 184 и слѣд. Въ тридцатыхъ годахъ она послужила даже темой для особаго „историческаго" романа.

[3]) „Пѣсни Кир.", вып. 9, стр. 409.

ческихъ произведеній, которымъ и обезпечили затѣмъ важное литературное вліяніе. Но, рядомъ съ пѣсней народной, они не могли не дать мѣста новымъ литературнымъ произведеніямъ. Какъ ни было еще слабо развитіе новыхъ нравовъ и образованія въ европейскомъ духѣ, они уже выходили изъ рамокъ народной поэзіи. Народная пѣсня, въ примѣненіи къ новымъ обычаямъ, становилась во всякомъ случаѣ односторонней и недостаточной. Такимъ образомъ, появленіе новыхъ пѣсенъ было совершенно естественно и законно. Мы упоминали выше, какъ эта литературная пѣсня складывалась, мало-по-малу, въ сосѣдствѣ съ старинными школьными кантами и изъ самыхъ этихъ кантъ. Первыя попытки были очень грубы, и, принявъ во вниманіе это начало, можно понять успѣхъ пѣсенъ Сумарокова: уже въ слѣдующихъ поколѣніяхъ того же XVIII-го вѣка его пѣсни стали казаться тяжелыми и неуклюжими, но въ свое время онѣ чрезвычайно нравились именно какъ проблескъ новой литературно-бытовой стихіи и, между прочимъ, много содѣйствовали большой славѣ ихъ автора, въ наше время, на первый взглядъ мало понятной. Чтобы выяснить себѣ значеніе лирической поэзіи Сумарокова, надо сличить ее съ тѣмъ, что̀ ей предшествовало въ рукописныхъ сборникахъ „кантъ и пѣсенъ" первой половины XVIII-го вѣка, которыхъ эта свѣтская доля до сихъ поръ остается неизученной. Чѣмъ стала новѣйшая литературная пѣсня въ свое время, объ этомъ даетъ довольно яркое понятіе трудолюбивый бытовой лѣтописатель XVIII-го вѣка—Болотовъ. Въ одной случайной замѣткѣ по поводу общественныхъ нравовъ половины прошлаго столѣтія (около 1752 года), онъ упоминаетъ, что „вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получала свое основаніе и начало. Все, что̀ хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема" [1]).

Было бы долго указывать многочисленныя явленія литературной жизни и общественнаго быта XVIII-го столѣтія, гдѣ подобнымъ образомъ старое преданіе сливалось съ новыми элементами. XVII-й вѣкъ уже приносилъ зачатки новыхъ нравовъ и новыхъ

---

[1]) „Жизнь и приключенія", I, стр. 179.

литературныхъ потребностей, и то, чтó казалось (и многимъ до сихъ поръ кажется) чисто нововведеніемъ XVIII-го столѣтія, бывало въ сущности продолженіемъ и развитіемъ этихъ старыхъ начатковъ; но только къ нему примыкали теперь болѣе усиленныя, чѣмъ прежде, вліянія литературнаго знанія и культурнаго опыта. Въ другомъ мѣстѣ, мы подробно говорили о томъ [1]), какъ сама новая наука прошлаго столѣтія, вполнѣ воспитанная на иностранной школѣ, сама собой, по глубокому инстинкту научно просвѣщенныхъ умовъ обращалась къ внимательному изученію родной страны и народа, какъ было, напримѣръ, у Ломоносова и академическихъ натуралистовъ и путешественниковъ. Исторіографія прошлаго вѣка представляетъ такое же постепенное возрастаніе отъ непосредственной лѣтописи до научной исторіи. Первые опыты цѣльнаго, если не научнаго, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько систематическаго построенія исторіи принадлежатъ еще XVII-го вѣку, напр. „Синопсису", которому предшествовала сводная лѣтопись московская; съ другой стороны историки XVIII-го вѣка, какъ Татищевъ и князь Щербатовъ, все еще слишкомъ похожи на лѣтописныхъ компиляторовъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ же начинаются и опыты критическаго обсужденія старыхъ преданій и вообще раціонализмъ, мало знакомый столѣтію XVII-му. Въ XVIII-мъ вѣкѣ начинаются, опять весьма естественно, первые опыты этнографіи, стремленіе къ изученію собственнаго народа вмѣстѣ полагается начало новой науки.

Укажемъ еще одну небольшую подробность. Однимъ изъ петровскихъ нововведеній былъ календарь. По личному указанію Петра, подъ непосредственнымъ его надзоромъ, и однимъ изъ ближайшихъ его ученыхъ людей составленъ былъ первый правильный календарь, знаменитый впослѣдствіи подъ именемъ „Брюсова календаря", и этотъ самый календарь сдѣлался одной изъ популярнѣйшихъ книгъ, какія только были у насъ въ XVIII-мъ столѣтіи. Какъ могло это случиться? Дѣло въ томъ, что календарь Брюса можно было, съ одной стороны, назвать правильнымъ—въ томъ смыслѣ, что составитель его имѣлъ понятіе о правильной астрономической постановкѣ календарныхъ вопросовъ; но, съ другой стороны, онъ отчасти, какъ человѣкъ своего вѣка, отчасти, можетъ быть, по желанію придать занимательность своей книгѣ, далъ въ ней мѣсто и такимъ вещамъ, которыя принадлежали не столько къ астрономіи и къ наукѣ, сколько къ астрологіи и суевѣрію. Самъ Брюсъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ репутацію великаго чаро-

---

[1]) „Наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ"—„Вѣстн. Евр.", 1884.

дѣя, т.-е. человѣка, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣвшаго дѣло съ нечистымъ, но это нисколько не помѣшало славѣ его календаря; напротивъ, она отъ этого, вѣроятно, еще выросла, и книга надолго стала авторитетомъ по части всякаго предсказательства. Дѣло въ томъ, что Брюсъ воспользовался въ своемъ трудѣ разными иностранными календарями, гдѣ были въ большомъ ходу астрологическія подробности, и этотъ ихъ элементъ пришелся какъ разъ въ-пору стариннымъ русскимъ читателямъ. Оказывалось, что нововведеніе не только не противорѣчило старой „народности", но какъ разъ подошло къ ея характеру; мало того, Брюсовъ календарь какъ будто именно является наилучшимъ выраженіемъ давнихъ народныхъ календарныхъ примѣтъ и астрологическихъ суевѣрій, которыя были издавна очень распространены въ старой письменности и народномъ суевѣріи, но которыхъ въ прежнее время не умѣли даже какъ слѣдуетъ понять и изложить. Дѣйствительно, здѣсь нашлись и наставленія о вліяніи планетъ на судьбу человѣческихъ рожденій, и примѣты о добрыхъ и злыхъ дняхъ, и предсказанія, и пр., и пр. [1]).

Приведенныя нами указанія могутъ быть умножены еще массою другихъ примѣровъ изъ бытовой и литературной исторіи XVIII-го вѣка [2]), но и сказаннаго достаточно, чтобы намѣтить общее заключеніе. Оно состоитъ въ томъ, что обычное представленіе о XVIII-мъ вѣкѣ, какъ эпохѣ бытового и литературнаго переворота, должно быть очень смягчено и ограничено, даже отвергнуто совсѣмъ въ томъ крайнемъ смыслѣ, какой давала тому понятію славянофильская школа. Напротивъ, нѣсколько внимательное изученіе фактовъ быта и литературы прошлаго вѣка убѣждаетъ, что мы безпрестанно встрѣтимся въ немъ съ явленіями, основной характеръ которыхъ принадлежитъ Россіи допетровской. Въ массѣ не только низшаго, но средняго (дворян-

---

[1]) Этому значенію петровской книги посвятилъ цѣлое изслѣдованіе Ѳ. Керенскій: „Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса", въ „Журн. Мин. Нар. Пр". 1874, мартъ, апрѣль и май (о Брюсовомъ календарѣ собственно въ послѣдней статьѣ); изслѣдованіе, не лишенное нѣкоторыхъ полезныхъ указаній, но въ цѣломъ безсистемное и путанное. Подробности о самомъ Брюсѣ и о содержаніи и судьбѣ календаря, см. у Пекарскаго, „Наука и Литер. при Петрѣ", въ обоихъ томахъ, и Ровинскаго, „Русск. нар. картинки", т. I—II, IV—V.

[2]) Другія подробности о популярной литературѣ прошлаго столѣтія см. въ статьѣ о народности въ XVIII-мъ вѣкѣ—въ „Изученіяхъ русской народности", „Вѣстн. Евр." 1881.

скаго и купеческаго), и даже высшаго класса остались неизмѣнны основанія того, что считается національной особенностью русскаго народа. Иноземные обычаи частію были индифферентны въ національномъ смыслѣ; и даже въ высшемъ сословіи, гдѣ они приводили дѣйствительно къ совсѣмъ новымъ подробностямъ внѣшнихъ нравовъ, они не измѣняли существа понятій этого класса, напр., его отношенія къ власти, его понятій служилыхъ, общественныхъ, и т. д. Вельможа XVIII-го вѣка, по основнымъ чертамъ своей общественной роли, вовсе не такъ далекъ отъ боярина до-петровскаго, какъ объ этомъ привыкли думать,—хотя бы, по внѣшности, онъ совершенно отъ него отличался: ходилъ съ бритой бородой и въ парикѣ, во французскомъ кафтанѣ, и т. д.; горизонтъ его понятій, конечно, расширялся, но объ этомъ старались уже и его предшественники, старые бояре — Матвѣевъ, Ртищевы, Ордины-Нащокины, Голицыны, и т. д. Историки XVIII-го вѣка не разъ отмѣчаютъ въ тогдашнемъ вельможествѣ (особливо въ первой половинѣ столѣтія) эти черты стариннаго боярства, напр., въ просвѣщенномъ кн. Д. М. Голицынѣ; какъ и въ самодурствѣ и иныхъ неблагополучныхъ качествахъ у другихъ, напр., у Волынскаго, также продолжались старыя, до-петровскія, черты нравовъ. Обстоятельная бытовая исторія того времени найдетъ, безъ сомнѣнія, множество примѣровъ этой связи нравовъ и обычаевъ между XVII-мъ и XVIII-мъ вѣками. Наконецъ то, что обыкновенно изображается какъ радикальное отдѣленіе высшихъ классовъ отъ народа, касается въ сущности вовсе не какихъ-нибудь національныхъ основъ, а всего больше—соціальнаго раздѣленія классовъ; это были, прежде всего, плоды развитія крѣпостного права и все бóльшаго развитія „службы“, которая охватила, наконецъ, всю жизнь страшнымъ распространеніемъ канцелярской бюрократіи. Но и то, и другое было совершенно послѣдовательнымъ продолженіемъ началъ, заложенныхъ еще въ московскомъ царствѣ, основавшемъ и крѣпостное право, и приказную подьяческую бюрократію.

Новое образованіе дѣлало далеко не быстрые успѣхи. Академическій „университетъ“ въ Петербургѣ не былъ никогда многолюденъ и дѣйствовалъ недолго; затѣмъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія основано было лишь одно высшее свѣтское учебное учрежденіе—московскій университетъ, который также не вдругъ получилъ значеніе, отвѣчающее его названію. Вмѣстѣ съ этимъ, литература XVIII-го вѣка, которую считаютъ не національной, подражательной, и т. д., также начинаетъ складываться въ сущности

весьма поздно и именно только со второй половины столѣтія; до тѣхъ поръ, несмотря на петровскую реформу, она долго еще живетъ преданіями XVII-го вѣка и продолжается въ ихъ духѣ, живетъ въ рукописяхъ, создаетъ цѣлую литературу повѣстей и романовъ, которая потомъ весьма постепенно переходитъ въ печатную беллетристику, распространявшуюся параллельно съ усиленіемъ псевдо-классическихъ вліяній. Народно-поэтическая старина съ XVIII-мъ вѣкомъ вовсе не падала: она держалась не только въ устахъ народа, какъ прежде, но жила и въ среднихъ и высшихъ классахъ и, какъ мы разсказывали, достигала до самаго двора. Самый разгаръ „петербургскаго періода" представилъ замѣчательное явленіе, какого не было прежде и какое не повторялось никогда послѣ: это былъ тотъ „вѣкъ пѣсенниковъ", когда народная пѣсня впервые проникла въ печать, гдѣ она вслѣдствіе готоваго установившагося вкуса мирно сдружилась съ тѣмъ, что̀ представляла тогда наиболѣе популярнаго искусственная литература, въ видѣ любимыхъ пѣсенъ и романсовъ. Оффиціальное XVII-е столѣтіе преслѣдовало эту народную пѣсню, сожигало тѣ несчастные элементарные инструменты, которые аккомпанировали этой пѣснѣ; „петербургскій періодъ", напротивъ, дѣлаетъ пѣсню придворнымъ развлеченіемъ, и вкусъ самого общества создаетъ цѣлую литературу пѣсенниковъ, куда попадаютъ самыя откровенныя произведенія народной музы [1]) и эпическіе герои въ родѣ Стеньки Разина, Таньки Ростокинской, Ваньки Каина, и т. п. Тотъ упадокъ народности, который ставятъ въ упрекъ XVIII-му вѣку, принадлежитъ скорѣе нашему времени, когда непосредственное присутствіе народной пѣсни въ быту все больше ограничивалось и когда на смѣну старыхъ, непосредственныхъ и наивныхъ пѣсенниковъ являлось ученое этнографическое собираніе, которому иногда не удается уже отыскать тѣхъ прекрасныхъ текстовъ, какіе находимъ въ сборникахъ прошлаго вѣка.

Словомъ, XVIII-е столѣтіе при всѣхъ огромныхъ и вліятельныхъ нововведеніяхъ, какія были созданы петровской реформой въ области внѣшней и внутренней политики и образованія, въ

---

[1]) См., напр., одинъ изъ многихъ примѣровъ въ пѣснѣ: „За святыми воротами черничка гуляла—черничка гуляла, младая плясала", и пр., въ книжкѣ: „Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсенниками или новое собраніе самыхъ употребительнѣйшихъ пѣсенъ простыхъ, городскихъ, деревенскихъ, ухарскихъ, нѣжныхъ, плясовыхъ, святошныхъ, свадебныхъ, военныхъ и малороссійскихъ". Спб. 1790, стр. 150 — 152.

жизни бытовой и отражавшей ее литературѣ было не столько вѣкомъ переворота, сколько вѣкомъ постепеннаго перехода народа и общества отъ одной исторической ступени къ другой. Чѣмъ больше обращено будетъ историческаго вниманія на эту сторону жизни XVIII-го вѣка, тѣмъ больше откроется того органическаго смѣшенія старины и новизны, какое мы указывали здѣсь на нѣсколькихъ примѣрахъ, и тѣмъ больше должно выработаться убѣжденіе, что вся реформа была необходимымъ и естественнымъ историческимъ процессомъ нашей жизни.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Съ высотъ моей души, съ заоблачныхъ вершинъ,
Тоской нетающей покрытыхъ,
Низриньтесь внизъ, на дно долинъ,
Потоки горькихъ словъ и пѣсенъ ядовитыхъ!

Какое дѣло мнѣ: въ пустынѣ душъ людскихъ
Родитъ ли откликъ стонъ зовущій!
Я посвящаю скорбный стихъ
Безмолвной полночи, въ душѣ моей живущей.

Все въ мірѣ—тѣнь и сонъ и въ безднѣ робкій лучъ;
Лишь крикъ отчаянья безсмертенъ и могучъ!..

II.

ПРОРОКЪ.

Предъ алтаремъ я слезы лилъ,
Рыдалъ и Господа молилъ:

— Зачѣмъ, о, Боже! въ людяхъ стану
Я совѣсть спящую будить?

Ты знаешь, Боже: эту рану
Мы можемъ только бередить.
Ты знаешь, Боже: нѣтъ спасенья
Отъ себялюбія, вражды,
Отъ яда зависти и мщенья
И отъ соблазновъ суеты.
Кому-же, Господи, онъ нуженъ —
Мечъ отрезвляющихъ рѣчей?
Какъ тотъ, кто, язвою недуженъ,
Извѣдавъ множество врачей,
Не ждетъ ужъ больше исцѣленья,
Клянетъ пытливый перстъ врача,
И, жизнь печальную влача,
Лишь проситъ болей облегченья, —
Такъ родъ людской сталъ глухъ и нѣмъ
На голосъ истины казнящей,
И язвы совѣсти болящей
Не обнажаетъ ни предъ кѣмъ.
Къ чему? Кого спасли пророки?
Иль міръ, какъ прежде, не грѣшитъ?
Онъ знаетъ самъ свои пороки,
Но позабыть о нихъ спѣшитъ...

Предъ алтаремъ я трепеталъ
И въ слухъ Предвѣчнаго шепталъ:
— Увы! Въ юдоли міра грустной,
Гдѣ жизнь насъ ловитъ въ сѣть искусно,
А смерть поспѣшно тянетъ сѣть
На отмель темную забвенья, —
Блаженъ, кто можетъ опьянѣть
Отъ ласки иль грозы мгновенья!
Благословенъ, кто чѣмъ-нибудь —
Затѣйной сказкой, пѣсней звучной —
На мигъ волнуетъ нашу грудь,
Кто создаетъ въ пустынѣ скучной
Миражъ волшебной красоты,
Кто смерти грозное видѣнье
Отъ глазъ скрываетъ на мгновенье
Подъ дымкой радужной мечты!
Паяцъ площадный, гаеръ гибкій,
Согрѣвшій разъ лучомъ улыбки
Лицо усталое одно, —

Стократъ полезнѣе пророка,
Чей взоръ глядитъ, какъ божье око,
Кто зла и скорби видитъ дно,
Кто безполезно устрашаетъ,
Кто остовъ смерти обнажаетъ...
Спаси же, Господи, спаси
Отъ безъисходнаго томленья,
И мимо, мимо пронеси
Напитокъ горькій отрезвленья!..

Такъ я молилъ,—но вотъ мнѣ длань
Простеръ Господь и молвилъ: „встань!“ —
И чашу совѣсти немолчной
И отрезвляющей тоски
Мнѣ подалъ изъ Своей руки.
И принялъ я напитокъ желчный,
И чаша имъ была полна,
И я испилъ ее до дна...

III.

Напрасно надъ собой я дѣлаю усилья,
Чтобы съ души стряхнуть печали тяжкій гнетъ.
Нѣтъ, не проходятъ дни унынья и безсилья,—
Приливъ отчаянья растетъ...

Безъ образовъ, какъ дымъ, плывутъ мои страданья,
Беззвучно, какъ туманъ, гнететъ меня тоска.
Не стало слезъ въ глазахъ, въ груди—негодованья,
Какъ смерть, печаль моя горька.

И самъ я не пойму, зачѣмъ, для чьей забавы,
Ряжу ее теперь въ цвѣтной уборъ стиховъ?
Ужель страданьями гордиться я готовъ,
Ужель взамѣнъ я жажду славы?..

Какъ радости людей, и скорби ихъ смѣшны...
Забвенья! Сумрака! Безлюдья! Тишины!..

Н. Минскій.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ВОЙНЫ.

Окончаніе.

VI *).

Давно уже нѣтъ въ Европѣ такого народа, который занимался бы воинственными набѣгами на чужія страны и грозилъ бы безопасности мирныхъ сосѣдей; а между тѣмъ всѣ говорятъ о необходимости обороны, о средствахъ защиты и нападенія. Кто нападетъ и отъ кого обороняться, при настоящемъ образѣ жизни европейцевъ,—вотъ основная загадка, которую не можетъ разрѣшить современная международная политика. Ни одно государство не думаетъ, повидимому, о наступательныхъ войнахъ; воинская повинность повсюду разумѣется въ смыслѣ обязанности „защищать отечество", и нигдѣ нѣтъ рѣчи о долгѣ гражданъ—нападать, дѣлать нашествія и набѣги. Каждый народъ въ отдѣльности готовится къ войнѣ оборонительной, а всѣ вмѣстѣ дѣйствуютъ такимъ образомъ, точно собираются напасть другъ на друга или ждутъ внезапнаго столкновенія между арміями.

Если некому играть роль нападающаго, то чѣмъ же вызваны общія заботы о защитѣ? Одинъ приписываетъ другому опасные замыслы и вооружается ради этого съ головы до ногъ; другой, въ свою очередь, видитъ въ этихъ вооруженіяхъ ясный признакъ вражды и усиливается также не отстать отъ соперника; третьи

---

*) См. выше: іюнь, стр. 718.

по-неволѣ слѣдуютъ примѣру первыхъ, чтобы быть готовыми „на всякій случай". Такъ развивается и крѣпнетъ система взаимной боязни и враждебныхъ приготовленій, не имѣя никакой основы въ жизни и интересахъ народовъ. Французы убѣждены, что нѣмцы постоянно грозятъ имъ войною; нѣмцы увѣрены, что имъ угрожаетъ Франція,—и обѣ стороны одинаково мечтаютъ о прочномъ мирѣ, непрерывно готовясь къ борьбѣ. Въ Россіи опасаются, что противъ нея собирается въ походъ Германія; а нѣмцы вѣруютъ, что русскіе стремятся подорвать ихъ національное существованіе и уничтожить ихъ имперію,—хотя оба народа живутъ мирнымъ трудомъ и не имѣютъ никакого повода желать зла сосѣдямъ. Многіе считаютъ теперь Германію главною представительницею господства силы въ Европѣ, а у нѣмцевъ господствуетъ убѣжденіе, что объединенная нѣмецкая нація есть важнѣйшій элементъ миролюбія и справедливости въ международныхъ дѣлахъ. Послѣ окончанія франко-прусской войны въ одномъ изъ берлинскихъ научныхъ журналовъ проводилась мысль, что воинственность свойственна лишь народамъ не вполнѣ культурнымъ, и что народы преимущественно военные—французы и русскіе—обитаютъ „около границъ цивилизаціи" [1]). Выходитъ, такимъ образомъ, что нѣмцы нечаянно, противъ воли, воевали по-очереди съ Даніею, Австріею и Франціею, и что наклонность къ военнымъ предпріятіямъ свойственна вовсе не имъ, а русскимъ, спокойно сидѣвшимъ у себя дома въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, со времени крымской войны. Желаніе поставить французовъ внѣ границъ цивилизаціи столь же забавно со стороны нѣмецкаго теоретика, какъ и противоположное увлеченіе французскихъ писателей, представлявшихъ Пруссію разбойничьимъ лагеремъ, гнѣздомъ голодныхъ варваровъ, готовыхъ накинуться на Францію, чтобы вновь ограбить ее на досугѣ. Это были, правда, отголоски настроенія, вызваннаго тяжелыми событіями 1870—71 годовъ, и въ настоящее время ни пруссаки не относятся пренебрежительно къ французамъ, ни французы не ошибаются насчетъ культурности нѣмцевъ; но тѣ и другіе попрежнему находятся въ странномъ ослѣпленіи относительно причинъ и мотивовъ взаимной вражды. Судя по тому, какъ изображается дѣло съ обѣихъ сторонъ, можно заключить, что обѣ стороны только оборонялись одна отъ другой, и что ни одна изъ нихъ не признаетъ себя отвѣтственною за войну 1870 года. Между прочимъ, французы видятъ какой-то новый нѣмецкій прин-

---

[1]) „Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte". Berl., 1873. Bd. III, „Staat und Krieg", von A. Lammers, стр. 23 и сл.

цип въ извѣстномъ изреченіи, „что сила выше права"; они повторяютъ эти слова съ горькимъ укоромъ по адресу побѣдителей, какъ будто они сами держались другого правила въ прежнихъ своихъ войнахъ, въ періодъ успѣховъ и побѣдъ.

Когда всѣ хотятъ лишь защищаться и никто не думаетъ нападать, то война или совершенно невозможна, или является какимъ-то колоссальнымъ недоразумѣніемъ. Подозрѣвая насъ въ непріязненныхъ намѣреніяхъ, о которыхъ мы сами ничего не знаемъ, нѣмцы могутъ рѣшиться заранѣе принять оборонительныя мѣры и напасть на насъ въ видахъ самозащиты; или, наоборотъ, мы пожелали бы предупредить нѣмцевъ, приписывая имъ враждебные планы относительно Россіи,—и война возгорѣлась бы только по взаимному непониманію и недовѣрію. Каждая изъ воюющихъ сторонъ считала бы, что для нея дѣло идетъ только о защитѣ; а между тѣмъ предполагаемая опасность, ради которой люди бросились рѣзать другъ друга, была только мнимая и не существовала вовсе въ дѣйствительности. Борьба съ призраками кончается страшнымъ кровопролитіемъ, въ основѣ котораго лежитъ недоразумѣніе. Бываютъ случаи международной паники, охватывающей мирные народы и кидающей ихъ въ безсмысленную рѣзню,—подобно тому, какъ люди давятъ и топчутъ другъ друга подъ вліяніемъ ужаса, вызваннаго крикомъ: „пожаръ!" въ наполненномъ публикою зданіи.

Дипломатія безсильна противъ этихъ убійственныхъ явленій; она сама отчасти порождаетъ ихъ своею традиціонною лживостью, своимъ бездушнымъ формализмомъ, отсутствіемъ принциповъ, готовностью слѣдовать за фактами, а не предупреждать или предвидѣть ихъ. Чтобы судить о состояніи политическаго барометра, общество прислушивается къ чему угодно,—къ отзывамъ газетъ, къ журнальной полемикѣ, къ застольнымъ или привѣтственнымъ рѣчамъ, къ колебаніямъ биржевой игры,—и меньше всего обращается при этомъ вниманіе на успокоительныя заявленія дипломатіи. Такъ какъ дипломатамъ данъ языкъ для того, чтобы скрывать свои мысли, то они исполняютъ свою функцію самымъ легкимъ образомъ, ограничиваясь краснорѣчивымъ молчаніемъ или ничего незначащими фразами даже въ критическіе моменты международной политики. Въ періодъ замѣшательства или кризиса общественное мнѣніе предоставлено на произволъ крикливыхъ патріотовъ, которые стараются возбудить панику въ публикѣ не столько изъ своекорыстныхъ побужденій, сколько изъ страсти къ шумному успѣху и изъ желанія выставить передъ всѣми необычайную силу своего патріотическаго чувства. Патріотизмъ, вы-

ражаемый въ словахъ и въ печати, легко доходитъ до рѣшимости жертвовать чужою кровью, и возгласы о войнѣ, исходящіе изъ пустыхъ и лживыхъ устъ, находятъ поддержку въ цѣломъ рядѣ фантастическихъ представленій и въ весьма распространенномъ невѣжествѣ массъ. Кровавое недоразумѣніе обрушивается на голову народа, и историкъ спѣшитъ занести на страницы своей лѣтописи великое событіе, вновь напоминающее о дѣлахъ давно минувшихъ дней, когда войны имѣли въ Европѣ общепонятный смыслъ и опредѣленную цѣль.

Въ исторіи того явленія, которое обнимается словомъ „война", мы отмѣтили выше три періода: въ первомъ—военная предпріимчивость доставляетъ выгоды и правителямъ, и народамъ; во второмъ—войны кажутся выгодными и почетными для государствъ, но разоряютъ народы; въ третьемъ—войны не приносятъ уже никакихъ выгодъ ни государствамъ, ни народамъ, и доводятъ истощеніе тѣхъ и другихъ до невыносимой степени. Чѣмъ менѣе нужна война, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе поглощаетъ она средства и силы народа. И это понятно: чѣмъ большій страхъ внушаетъ она самою возможностью своего появленія, тѣмъ больше усилій дѣлается для избѣжанія ея посредствомъ вооруженій, способныхъ будто-бы удерживать друзей и недруговъ въ состояніи почтительнаго мира. Когда войны были явленіемъ обычнымъ и законнымъ, онѣ не обременяли людей въ мирное время; а теперь онѣ гнетутъ населеніе непрерывно, и тяжесть ихъ становится тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ рѣже онѣ случаются и чѣмъ менѣе онѣ нужны. Напрасно люди утѣшаютъ себя старою пословицею: „если хочешь мира, готовься къ войнѣ" (si vis pacem, para bellum). Это правило имѣло практическое основаніе, пока миръ былъ въ сущности только перемиріемъ и завоевывался еще силою оружія; но оно утратило всякій смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ миръ сдѣлался нормальнымъ состояніемъ культурныхъ народовъ. Готовиться къ войнѣ для сохраненія мира, который только и нарушается военными приготовленіями, при установившемся порядкѣ международныхъ связей,—значитъ вертѣться безнадежно въ заколдованномъ кругѣ. Если постоянный миръ есть общій интересъ народовъ, то какимъ образомъ могутъ вести къ этой цѣли вѣчныя приготовленія къ войнѣ? То, что когда-то было мудростью, превратилось теперь въ рядъ грубыхъ софизмовъ, совершенно непримѣнимыхъ къ современнымъ условіямъ жизни.

VII.

Тѣнь войны, сопутствующая миру, обходится несравненно дороже, чѣмъ настоящій военный режимъ, господствовавшій въ прежнее время. Въ періодъ процвѣтанія войны, какъ способа пріобрѣтенія и возвеличенія, общее участіе въ военныхъ предпріятіяхъ составляло скорѣе право и преимущество, чѣмъ повинность. Кто не участвовалъ въ походѣ, тотъ не имѣлъ доли въ добычѣ. Войска собирались для опредѣленной цѣли и распускались по домамъ, послѣ окончанія дѣла. Позднѣе, при государственномъ или правительственномъ характерѣ войнъ, обязанность службы существовала только для извѣстнаго класса лицъ, владѣвшихъ помѣстьями подъ этимъ условіемъ; армія наполнялась крѣпостными по выбору феодальныхъ владѣльцевъ или подвластныхъ имъ общинъ. Такъ называемые „солдаты" (отъ слова „solde"—денежное жалованье) были просто наемниками, изъ которыхъ короли составляли себѣ особые отряды для пріобрѣтенія большей свободы дѣйствій по отношенію къ сеньорамъ и къ массѣ населенія вообще. Вербовались не только охотники изъ туземцевъ, но и особенно иностранцы. Во Франціи, съ начала XIV вѣка, короли широко пользовались содѣйствіемъ иноземныхъ солдатъ, готовыхъ за деньги идти куда угодно и убивать кого угодно. Въ битвѣ при Креси (1346 г.), Филиппъ IV Валуа имѣлъ въ своемъ распоряженіи около пятнадцати тысячъ генуэзцевъ. Людовикъ XI долженъ былъ уже отмѣнить военную барщину, и ограничиться системою вербовки; онъ искалъ солдатъ тамъ, гдѣ они дешевле и лучше, и находилъ ихъ преимущественно между швейцарцами и шотландцами. Во французскихъ междоусобіяхъ XVI вѣка участвовали въ большомъ количествѣ наемные нѣмцы, со стороны обоихъ лагерей. До Людовика XIV армія почти исключительно состояла изъ волонтеровъ, двѣ трети которыхъ набирались во Франціи, а одна треть — за границею. Посредники по найму солдатъ получали извѣстную премію. Еще въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка издавались указы, которыми строго запрещалось зачислять въ ряды войска людей, не выразившихъ на то своего положительнаго согласія. Только подъ вліяніемъ крайней необходимости, Людовикъ XIV рѣшился сдѣлать попытку возстановленія военной повинности, хотя и въ незначительной мѣрѣ; онъ назначилъ новой „милиціи" хорошее жалованье и предоставилъ ей разныя льготы. Эта временная мѣра, по обыкновенію, превратилась въ постоянную;

но все-таки милиція составляла не болѣе пятой части всей арміи, до самаго конца стараго режима [1]).

Противъ рекрутчины возставали съ разныхъ сторонъ; въ ней видѣли худшій видъ барщины, несправедливый и тяжелый налогъ, нарушеніе человѣческихъ правъ и даже ненужное бремя для казначейства. Знаменитый Тюрго заявлялъ, что теорія всеобщей военной повинности есть только громкая фраза. По мнѣнію философа Кондорсэ, къ современнымъ народамъ непримѣнимо правило древнихъ племенъ, по которому всѣ граждане призывались къ оружію; онъ считаетъ принудительный наборъ варварскою системою, дающею притомъ весьма плохихъ солдатъ, ибо не можетъ быть хорошимъ воиномъ тотъ, кто служитъ противъ воли. Принципъ военной повинности былъ единодушно осужденъ французскимъ національнымъ собраніемъ 1789 года, но только для того, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ возродиться вновь съ небывалою силою, въ болѣе усовершенствованномъ демократическомъ видѣ.

Когда государство олицетворялось королевскою властью, интересы которой были чужды и иногда враждебны народу, рекрутчина имѣла значеніе произвольной и несправедливой тягости. Политическія цѣли и предпріятія королей имѣли очень мало общаго съ потребностями мирныхъ населеній; государство было для народа чѣмъ-то внѣшнимъ, постороннимъ. Король, провозгласившій формулу: „государство—это я", констатировалъ лишь фактъ полнаго разрыва между государственною жизнью и народною. Государство, сосредоточенное въ одномъ лицѣ, существуетъ какъ бы внѣ народа, давая о себѣ знать взысканіемъ податей и повинностей, разоряющихъ и раздражающихъ населеніе; всякое лишнее или непривычное бремя могло возбудить непріязненныя чувства и фактическое противодѣйствіе среди мирныхъ обывателей. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ правителей, народу не было дѣла до того, что предпринимало государство въ лицѣ короля; нельзя было поэтому и требовать, чтобы народъ добровольно расплачивался за то, что вовсе его не касалось по мнѣнію самой власти. Революція совершенно измѣнила значеніе и роль государства,—послѣднее слилось съ народомъ, который въ свою очередь могъ сказать: „государство—это мы". Интересы республики признавались общенародными интересами, и то, что крайне неохотно дѣлалось безправными подданными, превратилось въ обя-

---

[1]) P. Daniel, „Histoire de la milice française". Ср. G. de Molinari, „L'évolution politique et la révolution" (P., 1884), стр. 251—5, примѣч.

зательный долгъ свободныхъ гражданъ. Этимъ объясняется та легкость, съ какою могла быть возстановлена принудительная военная повинность, вызывавшая горячіе и единодушные протесты нѣсколькими годами раньше. Жертвы, которыхъ невозможно было требовать во имя принциповъ: „l'état—c'est moi" и „après nous le déluge", безъ всякихъ затрудненій возлагались на страну отъ имени цѣлой націи, въ лицѣ ея выборныхъ представителей. Нація нуждалась въ защитѣ, и естественно было всѣмъ и каждому принять живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Кто уклонялся отъ исполненія гражданскаго долга, тотъ былъ измѣнникомъ, солидарнымъ съ врагами отечества; суровыя кары грозили не только самимъ уклонявшимся, но и ихъ роднымъ.

Система конскрипціи позволяла республикѣ выставлять громадныя арміи, обновляя ихъ постоянно изъ неисчерпаемаго запаса многомилліоннаго населенія. Не приходилось уже беречь солдатъ, нанятыхъ съ трудомъ; не нужно было разсчитывать, сколько жизней будетъ стоить предполагаемое сраженіе, и полководцы могли свободно кидать въ огонь тысячи людей, которые даромъ доставались государству и легко замѣнялись толпами свѣжихъ рекрутъ. Военная тактика измѣнилась кореннымъ образомъ; возможность дѣйствовать крупными массами и не обращать вниманія на потери принесла великую славу французскимъ генераламъ и подготовила деспотическій режимъ Бонапарта. Національное самоотверженіе въ эпоху оборонительныхъ войнъ дало сильнѣйшее оружіе противъ республики, и полноправные граждане, попавшіе въ армію, очутились въ нелестной роли „пушечнаго мяса", бросаемаго безъ счета ради славы и могущества корсиканскаго героя. Мнимо-демократическая идея общегражданской воинской повинности послужила основою для водворенія новой личной власти, похоронившей подъ собою всѣ возвышенныя иллюзіи бойцовъ свободы и равенства. Наполеонъ не щадилъ солдатъ, ссылаясь цинично на плодовитость французскихъ женщинъ, которыя „приготовятъ ихъ больше, чѣмъ ему нужно",—точно люди родятся спеціально для „него", въ видѣ пушечнаго мяса. Бонапартъ одерживалъ побѣды „цѣною десяти тысячъ жизней въ часъ", какъ выражался о немъ генералъ Моро. Болѣе двухъ милліоновъ человѣкъ погибло въ этихъ жестокихъ войнахъ, и жертвами были не прежніе наемники, набиравшіеся изъ самыхъ низменныхъ, лѣнивыхъ и распущенныхъ элементовъ общества, а лучшія молодыя силы страны. Истребленъ былъ цвѣтъ населенія, и народъ ослабѣлъ отъ потери крови; самый типъ французскій понизился надолго. Революція прошла, и исчезъ кровавый миражъ имперіи;

но обязательная военная барщина осталась и была усвоена другими государствами Европы. Принципъ пренебреженія къ количеству жертвъ вошелъ въ военную науку и сдѣлался чуть ли не аксіомою [1]).

Введеніе общей воинской повинности считается обыкновенно великимъ прогрессомъ въ духѣ демократіи; многіе убѣждены, что армія, представляющая собою вооруженную націю, можетъ служить только цѣлямъ народнымъ, объединяя сословія и обезпечивая миръ. Это одна изъ тѣхъ иллюзій, которыя заставляютъ видѣть лишь маленькій уголокъ предмета, не замѣчая важнѣйшихъ его сторонъ. Если вся здоровая молодежь страны отрывается отъ производительной работы, отъ семейныхъ и родственныхъ связей, и содержится въ казармахъ на счетъ остального населенія, то государство подвергнуто трудному испытанію, которое превращается въ хроническій тяжелый недугъ. Этимъ недугомъ страдаютъ почти всѣ могущественныя державы, за исключеніемъ Англіи и соединенныхъ Штатовъ.

Невозможно опредѣлить ущербъ, причиняемый народамъ системою постоянныхъ наборовъ. Самые крѣпкіе и рослые люди обречены на безбрачіе въ лучшую пору жизни; люди слабосильные, болѣзненные или старые пользуются привилегіею имѣть семейную жизнь и производить потомковъ для будущихъ поколѣній. Національный типъ вырождается и мельчаетъ; безбрачіе военныхъ вызываетъ развратъ и вноситъ порчу въ семейные нравы народа. Упадокъ характеровъ въ современной континентальной Европѣ объясняется именно устраненіемъ наиболѣе энергическихъ и здоровыхъ элементовъ отъ участія въ правильной общественной жизни; а духъ энергіи и независимости, отличающій англичанъ и американцевъ, могъ укрѣпиться у нихъ только при отсутствіи рекрутчины. Политическій бытъ Англіи едва ли обнаруживалъ бы такую кипучую и бодрую жизненность, еслибъ ея граждане обязательно проводили нѣсколько лѣтъ въ казармахъ и еслибъ всѣ эти Гладстоны и Биконсфильды, Чамберлэны и Черчилли рисковали въ молодости пройти солдатскую школу.

Желаніе избѣгнуть повинности, разстраивающей часто всю жизнь человѣка, побуждаетъ людей не только радоваться болѣзнямъ и уродствамъ, но и создавать эти недостатки искусственно. „Кто изъ родителей—спрашивалъ „Современникъ" 1861 года—бу-

---

[1]) Покойный Скобелевъ, какъ намъ передавали, выражалъ это правило приблизительно въ слѣдующей формѣ: „когда нѣтъ битвы, береги солдатъ, какъ невѣсту;—въ бою употребляй ихъ какъ д..."

детъ благодарить Бога: тѣ ли, у которыхъ дѣти молодцы по росту и здоровью, или тѣ, у которыхъ дѣти имѣютъ нѣкоторые недостатки—кривошеи, кривоноги, золотушны? Мать во время набора благословляетъ судьбу свою за то, что у нея сынъ малоростъ или кривошей. Странное положеніе общества, въ которомъ родители радуются тому, что ихъ дѣти уроды!" [1]) Во Франціи одинъ новобранецъ судился за покушеніе на убійство отца: онъ хотѣлъ остаться старшимъ сыномъ вдовы, чтобы быть свободнымъ отъ военной службы. Положеніе солдата было до послѣдняго времени столь тягостно и низко, что оно назначалось, между прочимъ, какъ суровое наказаніе за извѣстнаго рода проступки. Повинность, мало чувствительная для чернорабочаго, ложится тяжелымъ гнетомъ на человѣка, привыкшаго къ другимъ условіямъ жизни. „И дѣйствительно,—говоритъ профессоръ Сидоренко въ спеціальномъ изслѣдованіи о рекрутчинѣ, — пока не найдены средства облегчить службу солдата такъ, чтобы поступленіе въ нее не производило рѣшительнаго переворота въ жизни человѣка, и чтобы отправленіе ея не было въ полномъ разладѣ съ потребностями людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ удобствами жизни и нравственно-развитыхъ, до тѣхъ поръ личная рекрутская повинность для такихъ людей, принадлежащихъ обыкновенно къ высшимъ классамъ, была бы просто невыносима. Это была бы жертва крайне нецѣлесообразная, порча жизни, въ числѣ прочихъ, и тѣхъ, которые безъ того могли бы принести обществу гораздо бóльшую пользу... Призывая къ военной службѣ и такихъ людей, которые не имѣютъ ни вполнѣ соотвѣтственныхъ способностей, ни склонности къ ней, и которые могли бы быть гораздо полезнѣе въ другихъ сферахъ дѣятельности, конскрипція нарушаетъ нормальное распредѣленіе рабочихъ силъ въ обществѣ еще больше, нежели рекрутскіе наборы изъ однихъ низшихъ классовъ, и тѣмъ гибельно отзывается на производительности страны".

Внѣшнее неравенство, на которое указываетъ авторъ, далеко не столь важно, какъ внутренняя неравномѣрность, зависящая отъ особенныхъ свойствъ системы. Здоровые отдаютъ больше, чѣмъ все свое состояніе,—они отдаютъ свою личность и жизнь; а неспособные почему-либо къ службѣ получаютъ премію за свою негодность и совсѣмъ не привлекаются къ участію въ исполненіи повинности, хотя бы въ формѣ денежныхъ взносовъ. Признанные годными подвергаются еще особой игрѣ слѣпого случая; судьба ихъ рѣшается жребіемъ: одни уходятъ почти свободные, другіе

[1]) См. Гр. Сидоренко, „Рекрутская повинность", ч. I. (Кіевъ, 1869 г.), стр. 81.

забираются въ дѣйствующую армію. Такимъ образомъ, „бремя, которое должны нести всѣ, тяготѣетъ исключительно на нѣкоторыхъ“, по справедливому замѣчанію г. Сидоренко. „Находясь чрезъ это въ полномъ разладѣ съ принципомъ равномѣрности государственныхъ налоговъ,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—рекрутская повинность не согласуется съ нимъ и при распредѣленіи между лицами, обрекаемыми на отправленіе ея: она падаетъ на нихъ какъ поголовный налогъ, отличаясь только тѣмъ, что назначается лотерейнымъ способомъ, отправляется натурою и превосходитъ по тяжести всѣ другіе налоги“. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Сидоренко, что обязанность военной службы должна быть поставлена совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время. „Принуждая потребное число людей къ военной службѣ, государство должно оплачивать эту службу полнымъ вознагражденіемъ, по общей денежной оцѣнкѣ, изъ сборовъ со всего народа. Человѣкъ, обладающій качествами, нужными для солдата, можетъ быть принужденъ служить въ военной службѣ, точно также какъ землевладѣлецъ можетъ быть принужденъ къ уступкѣ земли или дома, лежащихъ на линіи желѣзной дороги; но въ то же время солдату должно быть выдаваемо не только нынѣшнее скудное содержаніе, разсчитанное лишь на поддержаніе жизни, но и вознагражденіе изъ общихъ средствъ, получаемое теперь замѣстителями отъ замѣщаемыхъ“. Разумѣется, сравнивать рекрутскую повинность съ экспропріаціею невозможно, и мысль о большихъ жалованьяхъ солдатамъ не только неосуществима, но и несправедлива по отношенію къ бѣднымъ плательщикамъ податей; гораздо проще тогда вернуться къ системѣ добровольной вербовки, самой разумной по нравственнымъ и экономическимъ соображеніямъ, хотя и неудобной въ смыслѣ финансовомъ [1]). Удобство нынѣшняго порядка—какъ говоритъ далѣе г. Сидоренко—есть не что иное, какъ удобство доведенія народныхъ силъ въ ихъ служеніи цѣлямъ государства до извѣстнаго напряженія, безъ вниманія къ тому, совмѣстимо ли оно съ правильнымъ развитіемъ этихъ силъ. Подобное расходованіе основного капитала, какъ всякое хищническое хозяйство, ведетъ, конечно, къ цѣли, но въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своихъ оно ведетъ естественно къ банкротству [2]).

Всеобщая воинская повинность игнорируетъ различія качествъ и способностей, употребляетъ дорого-стоящія силы тамъ, гдѣ

[1]) Мы говоримъ здѣсь объ обычныхъ наборахъ въ мирное время, а не о дѣйствительной оборонѣ, требующей участія всѣхъ и каждаго.

[2]) Тамъ же, стр. 130 и др.

нужны самыя дешевыя, и содѣйствуетъ растратѣ драгоцѣннѣйшихъ достояній народа безъ видимой пользы для дѣла. Войско, составленное безразлично изъ всѣхъ слоевъ общества, можетъ оказаться весьма многочисленнымъ; но оно все-таки будетъ лишь дисциплинированною толпою, неспособною устоять противъ натиска закаленныхъ бойцовъ. Армія, пополняемая вербовкою, всегда будетъ болѣе крѣпкою боевою силою, чѣмъ войско, набранное изъ случайно попавшихся субъектовъ; въ этомъ убѣдились французы при первой имперіи, когда англичане наносили имъ тяжелые удары при меньшемъ числѣ солдатъ. Современный способъ войны заключается въ томъ, чтобы подавляющимъ перевѣсомъ числа замѣнять недостатокъ внутренней прочности и выдержки войскъ; а чтобы имѣть какъ можно больше войскъ, приходится сокращать срокъ службы и дѣлать ее возможною для всѣхъ, въ ущербъ боевому характеру арміи. Уровень военныхъ качествъ понижается ради увеличенія численности, и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ убыль въ народномъ хозяйствѣ отъ ухода работниковъ въ солдаты.

Страна, имѣющая милліонную армію, не только разоряется на ея содержаніе, но еще теряетъ грандіозную сумму средствъ, которыя вырабатывались бы этимъ милліономъ здоровыхъ рукъ. Военные бюджеты даютъ еще весьма слабое понятіе объ экономической сторонѣ милитаризма; къ нимъ нужно прибавить бюджеты другого рода, незамѣтные на поверхности и гораздо болѣе грозные, подкапывающіе корни народнаго благосостоянія, ведущіе къ вырожденію и безсилію. Отсюда болѣзненный кризисъ въ большинствѣ государствъ, вызывающій напрасныя цѣлебныя попытки наружнаго свойства, то въ видѣ мѣръ бюрократическаго соціализма, то въ видѣ запретительныхъ пошлинъ, то, наконецъ, въ видѣ преслѣдованія парламентаризма и радикальныхъ идей. Между тѣмъ болѣзнь развивается свободно, ибо настоящія ея причины дѣйствуютъ все сильнѣе и глубже, по мѣрѣ распространенія отрицательныхъ плодовъ всеобщей рекрутчины. Само собою разумѣется, что при существующемъ враждебномъ соперничествѣ между государствами трудно ожидать сознательнаго отреченія отъ системы, дающей громадныя и легко собираемыя арміи.

Люди, готовые увлекаться словами, находятъ нѣчто заманчивое въ предполагаемомъ общенародномъ духѣ войска, при дѣйствіи принципа всеобщей принудительной службы. Но военная дисциплина и военные законы быстро пріучаютъ солдата къ одному только духу—слѣпого повиновенія, обязательнаго для регулярной арміи. Демократическое французское войско бомбардировало Парижъ и сражалось съ парижанами не менѣе усердно, чѣмъ сами

пруссаки;—этотъ подвигъ версальцевъ, руководимыхъ Макъ-Магономъ и Дюкро́, могъ быть совершонъ только благодаря процвѣтанію извѣстныхъ особенностей милитаризма. Политическое воспитаніе народа получаетъ весьма опредѣленную окраску, когда все мужское населеніе проходитъ черезъ горнило воинской повинности. А простодушные писатели повторяютъ по этому поводу избитыя фразы о прогрессѣ и привѣтствуютъ какую-то воображаемую всесословную демократію! Общественныя перегородки не только не утрачиваютъ своей силы въ рядахъ арміи, но, напротивъ, укрѣпляются сословнымъ характеромъ офицерства, обычнымъ порядкомъ повышеній и существованіемъ привилегированныхъ полковъ и видовъ оружія.

И всѣ тягости и невзгоды, связанныя съ системою общеобязательной военной службы, переносятся не для цѣлей войны, не для какого-либо великаго политическаго предпріятія, а для неопредѣленнаго выжиданія, которое можетъ длиться десятки лѣтъ, и котораго ни одно государство не хочетъ нарушить. Въ этомъ и состоитъ ненормальность установившагося вооруженнаго мира въ Европѣ.

VIII.

Если какой-либо народъ имѣетъ положительныя цѣли, могущія быть достигнутыми только войною, то онъ можетъ предпринять ее въ удобный для себя моментъ, съ надлежащими силами и при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ; нерѣдко для этого достаточно однихъ добровольцевъ, которыхъ всегда найдется въ нужномъ количествѣ подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго общественнаго возбужденія. Но скрывать свои цѣли для неизвѣстнаго будущаго, пока случайный толчокъ не произведетъ взрыва въ ту или другую сторону,—значитъ предоставить себя на волю судьбы и отказаться отъ какой бы то ни было разумной политики. Дипломаты по профессіи, заправляющіе международными дѣлами кабинетовъ, рисуютъ положеніе Европы въ весьма своеобразномъ видѣ: между прочимъ, идеаломъ для Россіи оказывается неизмѣнный status-quo на Востокѣ, съ сохраненіемъ турецкой власти надъ греками и славянами, надъ Дарданеллами и Босфоромъ. Наша положительная программа въ дѣлахъ внѣшнихъ, если она существуетъ, остается предметомъ догадокъ; мы отдаемся теченію, и сами не знаемъ, куда оно приведетъ насъ, ибо очень многое разсчитано „на всякій случай". Такая политика ведется изо дня въ день, „отъ случая до случая", въ большей части

великихъ державъ. Не логичнѣе ли было бы выяснить прямо, чтó нужно каждому государству и чего оно въ силахъ достигнуть, а затѣмъ размежеваться приблизительно, для устраненія напрасныхъ войнъ, и сразу покончить съ назрѣвшими вопросами? Безконечная дипломатическая игра, никого не обманывающая и ни къ чему не ведущая, гораздо вреднѣе для общаго европейскаго мира, чѣмъ открытое преслѣдованіе точно опредѣленныхъ цѣлей. При отсутствіи ясной программы, рѣшающая роль принадлежитъ случайному сцѣпленію событій и недоразумѣній: случай могъ толкнуть насъ въ войну съ Англіею, абсолютно намъ ненужную; случай можетъ поссорить насъ съ Германіею, безъ малѣйшей въ томъ надобности. Не пора ли освободиться отъ господства случайностей въ области важнѣйшихъ интересовъ государствъ и народовъ?

Такъ какъ государства должны руководствоваться здраво взвѣшенными интересами, а не чувствами и настроеніемъ, то въ политикѣ не могутъ имѣть мѣста тѣ мотивы, которые ведутъ къ дуэлямъ между частными лицами. Политическая или національная честь имѣетъ очень мало общаго съ общепринятыми понятіями о личной чести. Для цѣлаго народа не существуетъ ни обидъ, ни клеветъ, ни сплетенъ; эти источники полемики находятся въ полномъ и исключительномъ распоряженіи текущей журналистики. Когда оффиціально задѣта честь правительства, то споръ исчерпывается дипломатическими нотами, хотя бы самыми рѣзкими; наконецъ, возможны поединки заинтересованныхъ дѣятелей или ихъ приверженцевъ. Нелѣпо было бы посылать армію для наказанія иноземныхъ министровъ или парламентовъ; армія не найдетъ обидчиковъ, а встрѣтится съ массами постороннихъ людей, которыхъ нѣтъ причины убивать.

Необходимо очистить политику отъ ложныхъ представленій и опасныхъ иллюзій, столь часто превращавшихъ тѣнь войны въ дѣйствительность. Признаки или послѣдствія принимаются за сущность явленій, и это обычное смѣшеніе приводитъ къ роковымъ ошибкамъ. Принято думать, что побѣда доставляетъ могущество; но она есть уже результатъ могущества, существовавшаго раньше, и которое, напротивъ, ослабѣло отъ напряженія и потерь. Человѣкъ не становится сильнѣе прежняго отъ того, что онъ вынесъ удары противника и успѣлъ одолѣть его послѣ тяжелой борьбы; такъ же точно государство не дѣлается болѣе могущественнымъ отъ того, что оно потеряло столько-то тысячъ людей, затратило столько-то сотенъ милліоновъ денегъ и обременило страну неоплатными долгами, добившись временнаго торжества на войнѣ. Могущество кончается, когда силы израсходо-

ваны для его проявленія и доказательства; классическое изреченіе: „еще одна побѣда, и мы погибли" — выражаетъ только общій фактъ, болѣе ярко выступающій въ одномъ случаѣ и менѣе замѣтный въ другомъ. Обезсиленный гладіаторъ, сразившій случайнаго врага, привѣтствуется толпою какъ побѣдитель; но онъ умираетъ отъ ранъ и истощенія. Въ государствѣ этотъ процессъ внутренней слабости не бросается въ глаза съ такою наглядностью; онъ развивается болѣе медленно и проявляется въ симптомахъ, не имѣющихъ, повидимому, никакой связи съ послѣдствіями военныхъ побѣдъ. Если говорятъ объ увеличеніи могущества послѣ успѣшной войны, то при этомъ имѣютъ въ виду скорѣе правительство, чѣмъ самое государство или народъ; слава и вліяніе, почести и награды достаются счастливымъ вождямъ, полководцамъ и министрамъ, окружая ихъ ореоломъ величія, — въ то время какъ бѣдствія и раны даютъ себя долго чувствовать странѣ Правители не могутъ уже считать преимуществомъ то, что добыто цѣною слишкомъ дорогою для народа. Политическое вліяніе, пріобрѣтаемое военнымъ успѣхомъ, приноситъ мало реальныхъ выгодъ; оно увеличиваетъ кругъ заботъ и отвѣтственности, вызываетъ повсюду недовѣріе и подозрительность, заставляетъ правительство заниматься чужими дѣлами въ ущербъ собственнымъ задачамъ и создаетъ искусственную нездоровую атмосферу въ международныхъ отношеніяхъ. Правда, вліяніе и слава даютъ пищу національному самолюбію; но самый худшій видъ самолюбія—тотъ, который удовлетворяется побіеніемъ противника. Народная гордость не должна питаться человѣческими жертвами, когда она имѣетъ за собою великія умственныя силы, признанныя цѣлымъ міромъ; репутація нѣмецкаго народа достаточно освѣщалась такими именами, какъ Шиллеръ, Гёте, Кантъ и Гегель.

Войну сравниваютъ съ грозою, очищающею воздухъ отъ накопившагося электричества: буря проносится надъ страною, духота и застой исчезаютъ, общее оживленіе возвышаетъ души людей и даетъ просторъ благороднымъ порывамъ. Лучшія качества человѣка — готовность жертвовать собою, храбрость и мужество — получаютъ примѣненіе на войнѣ, какъ говоритъ графъ Мольтке. Но эти доводы имѣютъ гораздо бóльшую силу, если вмѣсто войны взять какое-либо другое явленіе, менѣе ужасное, напримѣръ пожаръ или наводненіе. Грандіозные пожары несомнѣнно возбуждаютъ общество, вызываютъ геройскіе инстинкты, затрогиваютъ лучшія стороны человѣческой природы — рѣшимость помочь ближнему, самоотверженіе и мужество. Люди подвергаютъ свою жизнь

опасности, чтобы спасти чужихъ женщинъ и дѣтей изъ горящаго зданія; прохожій, не задумываясь, кидается въ воду для спасенія утопающаго,—и это дѣлается безъ обязательной повинности, безъ угрозы наказанія, безъ разсчета на повышенія, награды и отличія. Если нужно давать человѣку матеріалъ для упражненія въ хорошихъ чувствахъ и самоотверженныхъ порывахъ, то война—средство совсѣмъ неподходящее и неправдоподобное. Солдатъ не только отдаетъ свою жизнь, но и отнимаетъ ее у другихъ; онъ бьетъ врага, чтобы самому не быть убитымъ; онъ стрѣляетъ изъ-за прикрытія, чтобы попасть въ непріятеля безъ риска для себя; наконецъ, онъ умираетъ отъ руки человѣка, упражняющагося подобно ему въ дѣлѣ самоотверженія. Не вѣрнѣе ли и чище тѣ подвиги, которые сплошь и рядомъ совершаются добровольно во время естественныхъ бѣдствій? Есть военные писатели, доказывающіе серьезно, что война должна повторяться черезъ извѣстные періоды времени, для поддержанія геройскихъ качествъ въ народѣ; по крайней мѣрѣ каждое поколѣніе могло бы имѣть свою войну, и внѣшній миръ продолжался бы не болѣе пятнадцати или двадцати лѣтъ. Въ такомъ случаѣ неизмѣримо лучше и благотворнѣе было бы устраивать пожары и наводненія, кулачные бои, вооруженные турниры; это обходилось бы и дешевле, безъ кровавыхъ ужасовъ и безъ опасности для государства. Предлагать настоящую борьбу народовъ въ видѣ простого упражненія, причемъ высокія военныя качества хоронились бы въ громадныхъ могилахъ, съ тысячами убитыхъ человѣческихъ тѣлъ, — можно ли придумать что-либо болѣе дикое и невѣроятное? Самая возможность подобныхъ теорій свидѣтельствуетъ о крайнемъ хаосѣ понятій; слово какъ будто отдѣлилось отъ мысли и превратилось въ пустой, безжизненный звукъ.

Обманчивая аналогія войны съ очистительною грозою отвергается теперь всѣми, не исключая и военныхъ писателей. Никто не станетъ уже утверждать, что кровопролитіе оживляетъ и возвышаетъ людей, спасительно дѣйствуетъ на нравы и вноситъ духъ энергіи и бодрости въ общественное сознаніе. Пробужденіе хищныхъ инстинктовъ, самоувѣренность и хвастливость, пренебреженіе къ мирному труду, безразборчивость въ средствахъ, склонность къ насилію, погоня за легкою наживою—таковы, къ сожалѣнію, наиболѣе характерныя черты, выдвигаемыя успѣшною войною. Нравственная распущенность, овладѣвшая во Франціи высшими классами и правительствомъ послѣ военныхъ удачъ 1855 и 1859 годовъ, привела къ преступному увлеченію 1870 г., которое быстро окончилось позорнѣйшимъ крахомъ. Зданіе могу-

щества и величія, предъ которымъ всѣ преклонялись въ Европѣ, рухнуло сразу, обнаруживъ внутреннюю гниль и пустоту; продолжительная иллюзія разсѣялась только благодаря національной катастрофѣ. Солидная трезвость прусскаго режима не охранила Германіи отъ нравственной порчи, порожденной кампаніею 1870—71 годовъ. Расхищеніе казны въ разныхъ видахъ и формахъ давно не производилось у насъ такъ открыто и успѣшно, какъ во время послѣдней турецкой войны; подъемъ народнаго духа, о которомъ говорили газеты, выразился въ цѣломъ рядѣ печальныхъ явленій. Разлагающее вліяніе войны настолько очевидно, что оно не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ.

Военные подвиги прославляются большею частью людьми, никогда не видавшими поля сраженія. Горацій красиво сказалъ, что „сладко умирать за отечество" (dulce et decorum est pro patria mori); но онъ не скрылъ отъ читателей, что самъ онъ въ битвѣ „трусливо бросилъ щитъ, и быстрый Меркурій унесъ его отъ врага". Проповѣдники геройской смерти чаще всего стоятъ въ сторонѣ отъ опасности и разсчетливо берегутъ себя для болѣе полезнаго назначенія. Во время франко-прусской кампаніи имѣли у нѣмцевъ большой успѣхъ задорныя военныя пѣсни нѣкоего Кучке, „стрѣлка 40-го полка". Газеты и журналы наперерывъ печатали грубыя стихотворныя похвальбы этого Кучке, придавая имъ особенное значеніе, какъ продуктамъ народной или солдатской поэзіи. Если въ рядахъ самой арміи находятся люди, относящіеся къ войнѣ съ веселымъ юморомъ, то это служитъ, конечно, признакомъ хорошаго настроенія. Но когда стали разыскивать интереснаго весельчака-солдата, то оказалось, что подъ именемъ Кучке воспѣвалъ войну мирный провинціальный священникъ. Любопытно, что сборникъ военной поэзіи, въ которомъ приведенъ этотъ фактъ, составленъ также пасторомъ [1]). Призваніе, наиболѣе чуждое воинственности и даже прямо ей враждебное, совмѣщается съ военно-патріотическими восторгами солдатскаго пошиба. Военный пылъ, проявляемый въ печати извѣстнаго направленія, пускается въ ходъ такими же поддѣльными Кучке; искренніе патріоты не проповѣдуютъ другимъ того, чего не дѣлаютъ сами.

---

[1]) G. Huyssen, „Die Poesie des Krieges und die Kriegs-Poesie", стр. 232 и сл.

IX.

Въ какихъ безвыходныхъ противорѣчіяхъ вращается современное международное соперничество, можно видѣть изъ поучительной книги, надѣлавшей много шуму въ послѣднее время и озаглавленной громко: „Avant la bataille“. На первой же страницѣ предисловія читаемъ: „битва неизбѣжна, и армія готова“; и въ то же время авторъ доказываетъ, что Франція не объявитъ войны и будетъ ждать нападенія Германіи. Другими словами, французы собрались съ силами, чтобы побѣдить нѣмцевъ; но они предоставляютъ послѣднимъ выбрать удобный моментъ, когда Германія будетъ еще болѣе „готова“ разгромить Францію. Какой смыслъ можетъ имѣть готовность, не связанная съ опредѣленнымъ моментомъ и предоставленная усмотрѣнію противника? Устроивши все „до послѣдней пуговицы“ для ожидаемой битвы, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ воспользоваться своими преимуществами для немедленнаго выступленія въ походъ. Стоять цѣлые годы въ одинаково безукоризненномъ боевомъ напряженіи — немыслимо; рано или поздно явятся недочеты и передышки, за которыми будетъ зорко слѣдить непріятель. Ожидать чужихъ приготовленій и чужого почина въ борьбѣ — неразсчетливо и нелогично, когда существуетъ убѣжденіе, что „война необходима“. Если даже военные дѣятели, въ родѣ автора книги „Avant la bataille“, отклоняютъ отъ себя мысль о нападеніи на враждебную націю, то это подтверждаетъ лишь, что идея войны находится въ глубокомъ антагонизмѣ съ условіями культурной жизни, и что сознаніе этой противоположности проникло уже въ среду элементовъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ поддержаніи военнаго духа и военныхъ традицій.

Книга „Avant la bataille“ написана лицомъ, стоящимъ весьма близко къ французскому военному министерству; она отражаетъ въ себѣ господствующее настроеніе военныхъ сферъ и съ этой точки зрѣнія представляетъ для насъ большой интересъ. Въ ней собранъ богатый фактическій матеріалъ, почерпнутый изъ оффиціальныхъ источниковъ, относительно размѣровъ французскихъ вооруженій, состава и количества войскъ, и т. п. Книга посвящена извѣстной „лигѣ патріотовъ“, и президентъ этой лиги, поэтъ Дерулэдъ, написалъ предисловіе, въ которомъ высказалъ рядъ звонкихъ софизмовъ, обращенныхъ къ чувству, но не къ уму читателя. Напомнивъ изреченіе Гамбетты, что „нужно всегда думать о возмездіи, и никогда не говорить о немъ“, Дерулэдъ считаетъ

отрицанія того, что есть возвышеннаго, благороднаго, человѣчнаго и нравственно - цивилизующаго въ усиліяхъ международныхъ обществъ друзей мира"; онъ не знаетъ задачи болѣе почтенной, чѣмъ эти попытки „облегчить въ значительной мѣрѣ бремя всеобщихъ вооруженій и закрыть тѣ язвы, черезъ которыя уходятъ кровь и золото народа". Онъ представляетъ войну какъ она есть, безъ всякихъ поэтическихъ прикрасъ. „Война есть величайшее изъ бѣдствій, какъ по своей сущности, такъ и по послѣдствіямъ; длинная вереница ужасныхъ золъ, сопровождающихъ ее, распространяется на страну побѣдителя, какъ и на побѣжденнаго... Мы должны будемъ—продолжаетъ авторъ—вступить въ борьбу на смерть, и цѣлыхъ два народа бросятся одинъ противъ другого... Всѣ должны проникнуться сознаніемъ, что новая война будетъ вестись съ неслыханною понынѣ разрушительною силою, что это будетъ столкновеніе двухъ вооруженныхъ націй, употребляющихъ всѣ свои нравственныя и физическія средства для взаимнаго истребленія". Въ этомъ случаѣ авторъ говоритъ почти то же самое, что предсказываютъ нѣмецкіе писатели, какъ, напр., фонъ-деръ-Гольцъ. Онъ прибавляетъ только крайне преувеличенныя картины нѣмецкихъ звѣрствъ, угрожающихъ будто-бы французамъ, если послѣдніе будутъ побѣждены; онъ этимъ запугиваетъ публику, очевидно для того, чтобы дать лишній аргументъ въ пользу необходимости побѣды. Онъ выражаетъ столько ненависти и презрѣнія къ нѣмцамъ, что нельзя уже принимать его слова буквально. И при всемъ томъ онъ совѣтуетъ французамъ быть благоразумными. „Кто вызоветъ войну?—спрашиваетъ онъ:—Конечно, не мы. Наши учрежденія не допускаютъ этого. Мы, впрочемъ, не имѣемъ въ этомъ никакого интереса. Точное пониманіе нашего положенія повелѣваетъ намъ воздерживаться отъ агрессивной политики". Зачѣмъ же было хвалить Дерулэда, взывающаго къ возмездію? Авторъ возлагаетъ какія-то надежды на внутреннія несогласія и даже распаденіе германской имперіи, когда сойдутъ со сцены устроители ея; но французы не отличаются знаніемъ дѣлъ чужихъ народовъ, и догадка о будущей судьбѣ Германіи не можетъ быть признана удачною.

Описывая состояніе французской арміи, авторъ откровенно объясняетъ, что первое чувство человѣка, попавшаго на поле битвы, есть чувство страха и ужаса; „свистъ пуль и взрывы бомбъ раздаются со всѣхъ сторонъ, и густой дымъ, скрывающій непріятельскія орудія, не позволяетъ видѣть, откуда идутъ эти пули и бомбы: солдатомъ овладѣваетъ дрожь, если онъ поддался впечатлѣнію, если онъ не знаетъ напередъ, что изъ тысячи свистя-

щихъ пуль убиваетъ только одна, что изъ девяти пушечныхъ зарядовъ только одинъ достигаетъ цѣли, что непріятель такъ же точно боится и что бездѣйствіе есть худшее изъ рѣшеній при подобной обстановкѣ". Но „французскій солдатъ есть первый въ мірѣ", если умѣло пользоваться его свойствами и настроеніемъ, если во́-время затронуть въ немъ надлежащія струны; поэтому роль офицеровъ громадна. Изъ подробныхъ фактическихъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ, оказывается, что французская армія превосходитъ теперь германскую, какъ по организаціи, такъ и по составу и по подготовкѣ. Общее число людей, вполнѣ обученныхъ военному дѣлу, составляетъ цифру въ 2.025,253; изъ нихъ въ дѣйствующей арміи — 1.028,789 человѣкъ (регулярное войско въ 654,899 и активный резервъ въ 373,890) и въ арміи запаса—996,464 (территоріальная—426,360, и ея резервъ —570,104 чел.). Если прибавить прочія силы, находящіяся въ распоряженіи правительства во время войны, то получится поразительная сумма—4.108,655 чел.,—болѣе пятой части всего мужского населенія Франціи и болѣе десятой части всего населенія вообще [1]). „Въ теченіе каждаго года, — заявляетъ авторъ,— 1.153,423 человѣка получаютъ или поддерживаютъ свое военное обученіе по разнымъ категоріямъ службы. Это результатъ великолѣпный, и нѣтъ страны въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ, которая приносила бы столь великія жертвы для обезпеченія національной независимости, для сохраненія, развитія и укрѣпленія военнаго духа". Республика имѣетъ вчетверо больше войскъ, чѣмъ имперія наканунѣ франко-прусской войны; и расходы возросли въ соотвѣтственной степени. На содержаніе арміи тратится 529.318,425 франковъ въ годъ (по бюджету 1886 г.)—около шестой части всего государственнаго бюджета страны. Невѣроятныя суммы идутъ на чрезвычайныя военныя надобности; одна артиллерія потребовала для своего обновленія около миллiарда съ четвертью (1.240,000,000 фр.), за четырнадцать лѣтъ. Въ арсеналахъ хранится до пяти милліоновъ ружей, а число пушекъ доведено до шести тысячъ. Французскія орудія, системы Банжа, признаны лучшими въ Европѣ, и это оффиціально подтвердилось по случаю конкурса, объявленнаго въ Бѣлградѣ, для вооруженія сербской арміи: испытаніе дало блестящіе результаты для орудій Банжа, сравнительно съ орудіями Круппа и Армстронга. Болѣе 600 милліоновъ поглощено крѣпостными и военными сооруженіями всякаго рода; на одинъ укрѣпленный лагерь около

---

[1]) „Avant la bataille" (P., 1866, 4 éd.), p. 60—66.

Туля потрачено двадцать милліоновъ, а парижскій стоилъ еще дороже — 58.000,000 фр. Четверть милліарда употреблена на обновленіе экипировки войскъ; 42 милліона—на воздушные шары, голубиную почту,—и такъ далѣе, безъ конца,—и все это сверхъ обыкновеннаго бюджета. Французскій военный флотъ обходится въ 250 милліоновъ ежегодно; онъ считаетъ въ своемъ составѣ 384 корабля разныхъ категорій. Если еще имѣть въ виду сотни милліоновъ экстраординарныхъ ежегодныхъ издержекъ мирнаго свойства,—на общеполезныя постройки, проведеніе каналовъ и дорогъ,—то нужно дѣйствительно удивляться богатству и выносливости Франціи, производительности и трудолюбію ея населенія.

Французская республика, вопреки обычнымъ взглядамъ на демократическія учрежденія, дѣлаетъ для государства гораздо больше, чѣмъ всѣ предшествовавшія монархическія правительства; она расходуетъ на военное дѣло такія силы и средства, о какихъ не мечтали въ прежнее время. Цифры, приводимыя въ книгѣ „Avant la bataille", должны быть, разумѣется, сокращены въ нѣкоторой долѣ, такъ какъ многое изъ того, что существуетъ по свѣдѣніямъ военнаго министерства, можетъ не оказаться въ наличности; но во всякомъ случаѣ читатель выноситъ впечатлѣніе, что побѣжденная Франція могущественнѣе теперь, чѣмъ когда-либо. А политическая иллюзія поддерживаетъ общепринятый взглядъ, что Франція теперь слабѣе, чѣмъ въ блестящія времена Наполеона III, и что единственная крупная сила въ Европѣ—Германія. Внѣшняя первенствующая роль того или другого кабинета смѣшивается съ внутреннимъ реальнымъ могуществомъ націи, и эта роковая ошибка повторяется постоянно, несмотря на всѣ горькіе опыты и разочарованія. Репутація, пріобрѣтенная побѣдою, скорѣе разслабляетъ, чѣмъ усиливаетъ страну; она является пріобрѣтеніемъ обоюдоострымъ и опаснымъ, при склонности народа къ самообольщенію. Побѣдители-нѣмцы не могутъ отдѣлаться отъ смутнаго сознанія, что Франція растетъ и крѣпнетъ, что рессурсы ея неистощимы, что болѣе бѣдная отъ природы Германія съ трудомъ слѣдуетъ за нею, и что желаніе уничтожить такую великую силу было бредомъ болѣзненнаго воображенія. Побѣдителямъ приходится съ трепетомъ ожидать новыхъ исполинскихъ битвъ, и объ исходѣ борьбы все чаще возникаютъ сомнѣнія. „Нѣмцы, по словамъ автора „Avant la bataille", охотно воображаютъ себя повелителями міра. Не были ли и мы въ такомъ положеніи до 1870 года и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій? И однако мы были побиты. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ армій непо-

бѣдимыхъ; и онѣ тѣмъ менѣе обладаютъ этимъ качествомъ, чѣмъ больше и самоувѣреннѣе оно имъ приписывается. Мы знаемъ, куда это ведетъ. Іена слѣдуетъ близко за Россбахомъ. Быть можетъ, въ Лотарингіи есть городокъ, названіе котораго изгладитъ память о Мецѣ и Седанѣ". Авторъ кончаетъ воинственнымъ обращеніемъ, смыслъ котораго хорошо переданъ въ энергической фразѣ Поля Дерулэда: „Французы должны умирать, для того чтобы Франція жила".

Смерть народа для жизни страны, истребленіе подъ видомъ обороны, гибель для славы, — такова перспектива, открываемая намъ войною. Мотивы и цѣли этихъ жертвоприношеній коренятся не въ разумѣ, а въ неопредѣленномъ чувствѣ, унаслѣдованномъ отъ прошлаго и имѣющемъ свой особый традиціонный культъ въ руководящихъ классахъ человѣческихъ обществъ. Выросшая на этой почвѣ система безвыходнаго вооруженнаго мира есть самая уродливая изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали. Международная политика, процвѣтающая теперь въ западной Европѣ подъ именемъ реальной, есть самая фантастическая, самая безплодная, самая разорительная и пагубная политика, какую когда-либо могли создать злые инстинкты человѣческой природы. Будетъ ли предпринята смѣлая и широкая реформа въ этой области, какой народъ возьметъ на себя починъ въ великомъ дѣлѣ и когда наступитъ эта эпоха отрезвленія—объ этомъ возможны лишь догадки, для которыхъ не видно еще матеріала въ настоящемъ.

Л. Слонимскій.

*
* *

Земля-владычица! Къ тебѣ чело склонилъ я,
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Услышалъ трепетъ жизни міровой.

Въ полуденныхъ лучахъ такою нѣгой жгучей
Сходила благодать сіяющихъ небесъ,
И блеску тихому несли привѣтъ пѣвучій
И вольная рѣка, и многошумный лѣсъ.

И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанье
Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
И отъ огня любви житейское страданье
Уносится какъ мимолетный дымъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Мая, 1886 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля, 1886 г.

Оправдательный приговоръ присяжныхъ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. — Нападенія противъ этого приговора и настоящее его значеніе. — Эксплуатація его врагами финансоваго управленія.—Слухи о предстоящихъ перемѣнахъ въ устройствѣ присяжной адвокатуры. — Литературныя мнѣнія по адвокатскому вопросу.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ нападеній на судъ присяжныхъ не было, кажется, ни одного болѣе рѣзкаго и болѣе несправедливаго, чѣмъ то, поводомъ къ которому послужилъ оправдательный приговоръ владимірскаго окружнаго суда по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. Эффектная фраза о „сто-одномъ салютаціонномъ выстрѣлѣ въ честь показавшагося на Руси рабочаго вопроса", ироническое восклицаніе: „да здравствуетъ „droit au travail", сопоставленіе этого права, какъ послѣдствія, съ „jury" и съ „арлекинадой судебныхъ преній", какъ съ причиной — вотъ образчики той фальшивой монеты, которую поспѣшила начеканить и пустить въ оборотъ, при первой вѣсти объ оправданіи рабочихъ, московская реакціонная пресса. Признаніе подсудимыхъ невиновными возводится ею на степень признанія „бунта — законнымъ бунтомъ, грабежа — справедливымъ грабежомъ". Все это говорится съ-плеча, прежде полученія стенографическаго отчета, прежде и помимо основательнаго знакомства со всѣми обстоятельствами дѣла. Наши газетные реакціонеры окончательно потеряли всякое чувство мѣры, скажемъ болѣе— всякое чувство стыда. Прежде чѣмъ бросать камень въ двѣнадцать человѣкъ, присягнувшихъ разрѣшить дѣло по совѣсти и крайнему разумѣнію, нужно-же, по крайней мѣрѣ, постараться дать себѣ отчетъ въ побужденіяхъ, ими руководившихъ, поискать основаній для того, что̀ съ перваго взгляда можетъ показаться непонятнымъ или произвольнымъ. Это работа не легкая, исполнимая вполнѣ развѣ для того, кто лично присутствовалъ при разборѣ дѣла и слѣдилъ за

нимъ непрерывно, съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ, какъ и сами присяжные; но безъ нея возможны только выкликанія противъ вердикта, а не разумная его оцѣнка. Въ настоящемъ случаѣ обвиненія, съ легкимъ сердцемъ взводимыя на присяжныхъ, представляются тѣмъ болѣе непростительными, что, даже при бѣгломъ чтеніи стенографическаго отчета, нельзя не замѣтить множества фактовъ, объясняющихъ оправданіе подсудимыхъ.

Обвинительный актъ, составленный противъ тридцати-трехъ обвиняемыхъ въ безпорядкахъ на Морозовской фабрикѣ, отличался большою строгостью. Двое изъ нихъ (Мосеенокъ и Яковлевъ) обвинялись въ подстрекательствѣ толпы къ нападенію на военный караулъ; одинъ (Лифановъ)—въ нападеніи на караулъ, вмѣстѣ съ другими лицами; противъ остальныхъ было взведено обвиненіе въ грабежѣ и въ разрушеніи зданій. Судебное слѣдствіе обнаружило невозможность поддерживать обвиненіе въ первоначальномъ его видѣ; отъ обвиненія Яковлева въ подстрекательствѣ къ нападенію на караулъ прокуроръ вовсе отказался; обвиненіе Лифанова въ нападеніи на караулъ было замѣнено обвиненіемъ въ оскорбленіи одного изъ караульныхъ; обвиненіе въ разрушеніи зданій уступило мѣсто обвиненію въ буйствѣ (т.-е. въ проступкѣ, подсудномъ мировой юстиціи); обвиненіе въ грабежѣ—обвиненію въ кражѣ во время общественнаго бѣдствія. Понятно, что всѣ эти перемѣны не могли остаться безъ вліянія на присяжныхъ. Онѣ показали имъ, во-первыхъ, какъ шатки и неопредѣленны данныя, на основаніи которыхъ были привлечены къ суду именно тѣ, а не другія лица (нѣсколько десятковъ изъ нѣсколькихъ тысячъ); онѣ навели ихъ, во-вторыхъ, на мысль, что обвиненіемъ въ буйствѣ и даже въ кражѣ не оправдывается предварительное заключеніе подъ стражей, для большинства подсудимыхъ продолжавшееся болѣе года (съ января 1885 г.). Не менѣе сильно, по всей вѣроятности, подѣйствовало на присяжныхъ все то, что́ было раскрыто судебнымъ слѣдствіемъ по отношенію къ источникамъ раздраженія, господствовавшаго среди рабочихъ и вызвавшаго печальныя январьскія событія. „Я не являюсь защитникомъ фабрики Морозова",—сказалъ самъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи:—„я не буду утверждать, что жизнь обвиняемыхъ и всѣхъ другихъ рабочихъ была настолько удовлетворительна, что рабочіе безпричинно учинили стачку и начали безпорядки. Напротивъ, на фабрикѣ была почва, которая дала возможность и толчокъ возникновенію безпорядковъ". Эта почва — пониженіе задѣльной платы, сильные штрафы, „которыми распоряжался самъ хозяинъ фабрики", и грубость мастера Шорина. Дополнимъ слова прокурора нѣсколькими выписками изъ свидѣтельскихъ показаній. „Штрафы все учащались и возвышались",—

говоритъ свидѣтель Шоринъ (всего больше пострадавшій во время безпорядковъ):—„при этомъ рабочихъ часто переводили съ одного станка на другой, мѣняли матеріи и смѣны, переводя денныхъ рабочихъ въ ночные, и наоборотъ; все это ухудшало положеніе рабочихъ. Штрафы были непомѣрно высоки, но уменьшить ихъ было трудно; браковщики дѣйствовали по прямому указанію хозяина фабрики, и за слабое штрафованіе имъ грозила потеря мѣста. Отъ владѣльца браковщикамъ часто приходилось слышать: мало, прогоню. Доброта пряжи была передъ безпорядками хуже прежней, а чистота требовалась та же". „У Морозова"—показываетъ свидѣтель Ивановъ—„былъ такой произволъ: штрафуетъ, напримѣръ, браковщикъ ткача двадцатью копѣйками, штрафуетъ заочно; тотъ проситъ показать сданный кусокъ, чтобы видѣть, за что оштрафовали. Покажемъ, отвѣчаютъ ему, но тогда запишемъ не двадцать, а тридцать копѣекъ". Осмотръ разсчетныхъ книжекъ, произведенный судебнымъ слѣдователемъ, обнаружилъ, что въ 1884 г. штрафы, вмѣстѣ съ вычетами (за освѣщеніе, баню, уголь, истопника), составляли отъ $20^3/_4$ до 23% заработка рабочихъ.

Само собою разумѣется, что оправданіемъ насилія противъ лицъ и имуществъ система штрафовъ, какъ бы она ни была тяжела и несправедлива, служить не можетъ; но столь же очевидно и то, что за насиліе, за поврежденіе или похищеніе чужой собственности могутъ отвѣчать только дѣйствительные его виновники, достаточно изобличенные въ преступленіи. Для суда не существуетъ козловъ очищенія; его задача состоитъ не въ томъ, чтобы застращать, отбить охоту къ протесту, а въ томъ, чтобы воздать каждому должное. Такъ называемое „наказаніе десятаго" отжило свое время; правильно устроенной власти—а тѣмъ болѣе власти судебной—не подобаетъ выхватывать изъ толпы нѣсколькихъ, на-удачу взятыхъ, человѣкъ и чинить надъ ними расправу „въ примѣръ прочимъ". Въ дѣлѣ Морозовской мануфактуры судебное слѣдствіе, какъ мы уже говорили, не провело достаточно яркой черты между бушевавшей толпой и отдѣльными лицами, выдѣлившимися изъ ея среды, въ смыслѣ бо̀льшей или болѣе доказанной виновности ихъ сравнительно съ остальными. Оказалось, сверхъ того, что насиліе не было умышленнымъ, что поднявшаяся однажды волна была унесена гораздо дальше предположенной цѣли. На сходкахъ 5-го и 6-го января (безпорядки произошли 7-го) руководители рабочихъ внушали имъ „безобразій не дѣлать, не грабить, а оставить работы, чтобы явилось начальство". Утромъ 7-го января, Волковъ (вмѣстѣ съ Мосеенкомъ пользовавшійся наибольшимъ вліяніемъ на рабочихъ) кричалъ толпѣ: „товаръ не брать, стеколъ не бить, а только гнать народъ съ работы". Въ дѣйствіяхъ толпы, по показа-

нію директора красильнаго отдѣленія, Назарова, видно было сначала только озорство, такъ какъ изъ имущества Назарова ничего не тронули. Расхищеніе чужой собственности, очевидно, не входило въ намѣренія огромнаго большинства рабочихъ. Въ квартирѣ директора прядильной Лотарева, по словамъ самого Лотарева, ничего не похищено, кромѣ нѣсколькихъ рюмокъ; даже въ самый разгаръ безпорядковъ больше проявлялось стремленіе портить вещи (ихъ выбрасывали изъ оконъ, рѣзали на куски), чѣмъ стремленіе ихъ себѣ присвоить. Отсюда полная возможность допустить, что вещи, найденныя у нѣкоторыхъ подсудимыхъ, дѣйствительно попали къ нимъ случайно, а не были унесены ими съ цѣлью похищенія. Позже, когда на фабрику явились власти и пришли войска, въ дѣйствіяхъ рабочихъ—не исключая ихъ руководителей—также не замѣтно сознательнаго стремленія къ насилію. По показанію нѣсколькихъ свидѣтелей, Мосеенокъ и Волковъ совѣтовали слушаться начальства; одинъ изъ ораторовъ выражался такъ: „начальству грубить и надъ нимъ смѣяться нельзя, слушаться начальства нужно и дѣлать все, что скажутъ“. Мосеенокъ говорилъ, что надо ѣхать скорѣе къ Государю Императору и просить его защиты. Прибавимъ ко всему этому, что далеко неразъясненной осталась роль, которую играли въ безпорядкахъ такъ-называемые коты,—т.-е. фабричные, переставшіе работать и ведущіе бродяжническую жизнь,—и мы поймемъ, что присяжные могли оправдать подсудимыхъ, не признавая „бунта — законнымъ бунтомъ и грабежа—справедливымъ грабежомъ“.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о томъ подсудимомъ, котораго „Московскія Вѣдомости“ сравниваютъ съ самимъ Іоганномъ Мостомъ. Мосеенокъ сознался, на предварительномъ слѣдствіи, въ подстрекательствѣ къ нападенію на военный караулъ (съ цѣлью освобожденія арестованныхъ) — и все-таки вышелъ изъ суда оправданнымъ. Чтобы объяснить себѣ вполнѣ эту часть приговора, намъ нужно было бы имѣть въ виду самый текстъ сознанія Мосеенка; теперь мы можемъ лишь выразить предположеніе, что оправданію его способствовало—помимо приведенныхъ нами выше свидѣтельскихъ показаній о характерѣ дѣятельности Мосеенка—излишнее усердіе обвиненія, всячески старавшагося очернить подсудимаго. Мосеенокъ выставлялся въ обвинительной рѣчи какимъ-то львомъ, ищущимъ кого поглотить, какимъ-то страстнымъ любителемъ безпорядковъ, избирающимъ для поступленія на работу именно фабрику съ наиболѣе „дурною славой“, какъ самую удобную почву для агитаціи. Съ большою тщательностью выставляется на видъ увертливость, уклончивость Мосеенка, разжигающаго другихъ исподтишка, скрывающагося во время безпорядковъ и подставляющаго на первое

мѣсто другое лицо (Волкова), съ безупречнымъ прошедшимъ [1]). „Мосеенокъ“—такъ заканчивается рѣчь прокурора — „опасенъ для каждаго общества; онъ опасенъ всюду, такъ какъ въ натурѣ его лежитъ возмущеніе порядка, соединенное съ хвастливостью. Уроки, какіе дала ему жизнь, его не исправили. Избавивъ общество отъ этого вреднаго человѣка, вы, гг. присяжные, заступитесь за всѣхъ тѣхъ несчастныхъ рабочихъ, которымъ Мосеенокъ можетъ принести много бѣдствій и вреда“. Такое обращеніе къ присяжнымъ — палка о двухъ концахъ; оно можетъ весьма легко привести къ противоположной цѣли, особенно когда въ дѣлѣ нѣтъ для него достаточно твердыхъ фактическихъ основаній.

Судебными процессами вопросы государственной важности не создаются, а развѣ освѣщаются, подчеркиваются, рекомендуются вниманію правительства и общества. Между „jury и арлекинадой судебныхъ преній“, съ одной стороны, рабочимъ вопросомъ, съ другой— нѣтъ и не можетъ быть никакой причинной связи. Судъ присяжныхъ существовалъ въ Англіи цѣлыя столѣтія, прежде чѣмъ появился въ ней—совершенно независимо отъ судебныхъ процессовъ—рабочій вопросъ. Въ Германіи, во Франціи онъ родился на свѣтъ точно такъ же не въ камерѣ суда. У насъ онъ уже давно вышелъ изъ колыбели, и соединять его рожденіе съ владимірскимъ процессомъ можетъ только крайняя близорукость или добровольное ослѣпленіе. Наличность рабочаго вопроса опредѣляется двумя условіями, необходимой предпосылкой которыхъ служитъ достаточно широкое развитіе фабричной промышленности. Эти условія—сознательное отношеніе самихъ рабочихъ къ ненормальнымъ сторонамъ своего положенія и созрѣвшая или созрѣвающая мысль о необходимости правительственнаго вмѣшательства, направленнаго къ улучшенію этого положенія. И съ тѣмъ, и съ другимъ условіемъ мы встрѣчаемся у насъ гораздо раньше безпорядковъ на Морозовской мануфактурѣ. Неудовольствіе рабочихъ выражается, между прочимъ, стачками, а первое дѣло о стачкѣ производилось въ петербургскомъ окружномъ судѣ, если мы не ошибаемся, еще въ 1871 г. Если съ тѣхъ поръ мало было слышно о стачкахъ, то это объясняется распоряженіемъ, устранившимъ ихъ изъ вѣденія суда и предоставившимъ ихъ исключительно административной расправѣ. Что касается до правительственнаго вмѣшательства въ фабричное дѣло, то ему положено твердое начало закономъ 1 іюня 1882 г. (о фабричной работѣ малолѣтнихъ)

---

[1]) Мосеенокъ нѣсколько разъ подвергался административнымъ карамъ за участіе въ стачкѣ съ политическою цѣлью.

и учрежденіемъ фабричной инспекціи [1]); дальнѣйшаго усиленія и развитія его слѣдуетъ ожидать со дня на день. Владимірскій процессъ, каковъ бы ни былъ его исходъ, служитъ новымъ напоминаніемъ о неотложности мѣръ, справедливость и цѣлесообразность которыхъ почти перестала быть предметомъ спора.

Старшиною присяжныхъ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ былъ чиновникъ министерства финансовъ, и вдобавокъ еще податной инспекторъ. Эту черту не преминула выставить на видъ московская реакціонная газета, извѣстная своимъ „доброжелательствомъ“ къ финансовому управленію, — и когда подобный пріемъ вызвалъ неодобреніе даже въ средѣ приверженцевъ и хвалителей г. Каткова, другая реакціонная газета поспѣшила взять его подъ свою защиту. Подъ перомъ петербургскаго обскуранта бѣглый намекъ разрастается въ цѣлую картину. Насъ приглашаютъ представить себѣ податныхъ инспекторовъ, проповѣдующихъ народу, что платить и слушаться совсѣмъ не нужно, фабричныхъ инспекторовъ, разыгрывающихъ роль Луизы Мишель; усиліями ихъ устраивается бунтъ, изъ бунта возникаетъ судебное дѣло, а къ разрѣшенію дѣла призываются чиновники того же вѣдомства,—благо они попадають, *когда это нужно* (курсивъ въ подлинникѣ), въ составъ присутствія присяжныхъ. Не доказано только одно: кто же и какимъ образомъ подтасовываетъ списки присяжныхъ засѣдателей?.. Мораль басни совершенно ясна: бѣдная русская провинція вся подточена вулканическими силами, принявшими образъ судей и финансовыхъ агентовъ. Нужно уничтожить эти силы, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ уничтожить все остальное. Другими словами — delenda Carthago: нужна перемѣна въ высшемъ финансовомъ управленіи, да пожалуй и въ судебномъ, если оно не поспѣшитъ оправдать возлагаемыхъ на него ожиданій.

Эксплуатація случайности, поставившей податного инспектора во главѣ присяжныхъ по Морозовскому дѣлу,—это нѣчто въ родѣ малой, партизанской войны, параллельно съ которой по-прежнему ведется большая. Новѣйшимъ поводомъ къ военнымъ дѣйствіямъ послужилъ новый пятипроцентный заемъ на желѣзнодорожныя надобности. Успѣхъ этого займа, покрытаго по подпискѣ въ двадцать слишкомъ разъ, не обезоружилъ противниковъ финансоваго вѣдомства; въ самомъ обиліи денегъ, предложенныхъ государству, они видятъ осужденіе фи-

---

[1]) Регламентація фабричной работы восходитъ у насъ еще къ прошлому столѣтію, но тогда она преслѣдовала другія задачи и исходила изъ другихъ началъ.

нансовой политики, подрывающей, будто-бы, охоту къ промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ. Мы желали бы знать, что̀ сказали бы эти господа въ случаѣ неудачи займа? Нетрудно себѣ представить, какія тогда полились бы рѣчи о явномъ недовѣріи къ финансовому управленію, о безповоротномъ приговорѣ, произнесенномъ надъ его ошибками, надъ его неумѣлостью. Допустимъ другой случай: предположимъ, что два милліарда, вмѣсто ста милліоновъ, предложены другому министру финансовъ, излюбленному реакціоннымъ лагеремъ. Какихъ ликованій намъ тогда пришлось бы быть свидѣтелями, какъ торжественно отпраздновалъ бы лагерь побѣду своего кандидата! Цѣна нападеніямъ, столь легко могущимъ обратиться въ восторги, очевидно, меньше всякой данной величины.

Къ чрезвычайно забавнымъ результатамъ приводитъ иногда поспѣшность, съ которою дѣйствуютъ неразборчивые воители. Не дождавшись объявленія о способѣ разверстки новаго займа, московская газета поставила въ вину министерству финансовъ, что оно не приняло мѣръ къ удовлетворенію сполна мелкихъ подписчиковъ, съ примѣненіемъ разверстки только къ болѣе крупнымъ; это, молъ, устранило бы въ значительной мѣрѣ спекуляцію, уменьшило бы львиную долю иностранныхъ биржевиковъ, и т. п. И что же? Въ тотъ самый день, какъ появился въ Москвѣ этотъ обвинительный актъ, въ Петербургѣ выходило изъ печати объявленіе министерства финансовъ о полномъ удовлетвореніи всѣхъ подписчиковъ на сумму не свыше тысячи рублей. Изъ-за чего же было огородъ городить?.. А между тѣмъ причины вражды противъ министерства финансовъ раскрываются все яснѣе и яснѣе. Осыпая похвалами г. Приклонскаго за его нападенія противъ эпохи вѣяній, петербургская реакціонная газета перечисляетъ главныя мѣры, завѣщанныя этой эпохой: снятіе акциза съ соли, отмѣна подушной подати, уменьшеніе выкупныхъ платежей, переселеніе крестьянъ, крестьянскій поземельный банкъ,—и затѣмъ, ссылаясь на нашу статью о книгѣ г. Приклонскаго [1], разсуждаетъ такъ: „Вѣстникъ Европы“ доволенъ перечисленными мѣрами—ergo эти мѣры идутъ противъ основъ русскаго государственнаго строя. Интересенъ здѣсь не своеобразный критерій, избранный газетой,—интересно откровенное сознаніе, что все, сдѣланное въ пользу народа, несовмѣстно съ основами русской государственной жизни, какими ихъ рисуетъ фантазія реакціонеровъ. Финансовое управленіе подрываетъ „основы“, облегчая народъ,—долой финансовое управленіе въ настоящемъ его видѣ! Охранителемъ основъ бу-

---

[1]) См. въ № 5 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ: „Новый обличитель русскаго либерализма“.

детъ, слѣдовательно, такой министръ финансовъ, который возвратится къ теоріи „привилегированныхъ классовъ", къ старой податной системѣ, къ систематическому игнорированію интересовъ „мужицкой Россіи".

Вопросъ о преобразованіи адвокатуры, стоящій на очереди уже лѣтъ десять, со времени первыхъ нападеній на „софистовъ XIX-го вѣка", приближается, повидимому, къ своему разрѣшенію. Если вѣрить газетнымъ слухамъ, первоначальные проекты реформы уступили мѣсто другимъ, менѣе радикальнымъ. Теперь рѣчь идетъ уже не объ упраздненіи адвокатской корпораціи, не о подчиненіи адвокатовъ, непосредственно и исключительно, дисциплинарной власти суда, а только о частныхъ передѣлкахъ, менѣе радикальнаго свойства. Эта перемѣна приписывается тѣмъ свѣденіямъ, собраніе которыхъ было однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго министерства юстиціи. „Оказалось",—читаемъ мы въ одной изъ петербургскихъ газетъ,—„что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ несравненно строже (чѣмъ судъ) относятся къ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ сословія, и для вступленія въ сословіе предъявляютъ болѣе высокія нравственныя требованія". Этотъ результатъ оффиціальной справки газета называетъ „совсѣмъ неожиданнымъ и прямо противоположнымъ тому, что̀ теоретически считалось за истину". Неожиданнымъ для кого? Неужели для министерства юстиціи? Этого допустить мы никакъ не можемъ. Способъ дѣйствій совѣтовъ при принятіи въ сословіе и при разсмотрѣніи дисциплинарныхъ дѣлъ никогда и ни для кого не составлялъ тайны; отчеты совѣтовъ печатались во всеобщее свѣденіе и часто разбирались въ газетахъ и журналахъ. Констатировалось въ печати и то, что перевѣсъ строгости, при сравненіи совѣтовъ съ судами, замѣняющими собою совѣты,—оказывается не на сторонѣ суда [1]). Никакихъ возраженій противъ такого вывода въ газетахъ, враждебныхъ новому суду, не появлялось. Не думаемъ, поэтому, чтобы снисходительность совѣтовъ къ проступкамъ и упущеніямъ адвокатовъ принималась кѣмъ-нибудь „теоретически за истину". Систематическіе противники адвокатуры не могли и не могутъ простить ей другого ея свойства: ея сравнительной самостоятельности. Свобода рѣчи, хотя и ограниченная—вотъ что̀ смущало и смущаетъ приверженцевъ молчанія и мертвой тишины; все остальное было только предлогомъ для требованія мѣръ, направленныхъ къ обузданію адвокатуры. Само собою разумѣется, что при первой попыткѣ безпристрастнаго изслѣ-

---

[1]) См., напримѣръ, Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

дованія несостоятельность обвиненій, придуманныхъ съ предвзятой цѣлью, должна была обнаружиться во всей своей наготѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была потерять почву и мысль объ уничтоженіи адвокатской корпораціи.

Что же предполагается сдѣлать теперь, съ цѣлью регулировать самое устройство присяжной адвокатуры? По словамъ газеты, на которую мы уже ссылались, имѣется въ виду повсемѣстное открытіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ (существующихъ теперь, какъ извѣстно, только въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ), но съ тѣмъ, чтобы прокурорскому надзору было предоставлено, наравнѣ съ совѣтомъ, рѣшительное слово при принятіи въ присяжные повѣренные. Другими словами, чтобы вступить въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, нужно будетъ заручиться одобреніемъ не только совѣта, но и прокурора (вѣроятно—прокурора судебной палаты). Этого мало: лицо, забаллотированное совѣтомъ, будетъ имѣть возможность вступить въ сословіе, если получитъ на то согласіе прокурорской власти. Позволяемъ себѣ надѣяться, что газетное сообщеніе, извѣщающее насъ о всѣхъ этихъ чудесахъ, имѣетъ мало общаго съ дѣйствительностью. Быть можетъ, прокурорскому надзору дается право протеста противъ постановленій совѣта о принятіи кого-либо въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ,—протеста, переносящаго спорный вопросъ на окончательное рѣшеніе судебной палаты; но въ дальнѣйшее расширеніе прокурорскаго вмѣшательства мы совершенно отказываемся вѣрить. Отмѣна Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1874 г., пріостановившаго открытіе совѣтовъ, была бы признакомъ довѣрія къ корпоративному началу въ области адвокатуры; какимъ же образомъ совмѣстить это довѣріе съ существеннымъ ограниченіемъ самоуправленія, съ постановкой на одинъ уровень приговора цѣлой коллегіи и усмотрѣнія одного лица,—лица, прямо не заинтересованнаго въ судьбахъ адвокатуры, чуждаго ея преданій, равнодушнаго къ ея стремленіямъ? Возможна ли солидарность сословія, возможна ли взаимная нравственная отвѣтственность его членовъ, если въ его среду будутъ вводимы, велѣніемъ прокурорской власти, люди, только что забракованные выборными представителями корпораціи? Примѣровъ злоупотребленія дискреціонной властью, предоставленной совѣтамъ, исторія нашей адвокатуры не представляетъ,—да и трудно вообразить себѣ, изъ-за чего и для чего коллегіальное учрежденіе, избираемое на короткій срокъ, обязанное отчетомъ передъ своими избирателями и дѣйствующее на виду у всѣхъ, стало бы закрывать доступъ въ сословіе лицамъ, вполнѣ безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи. При существованіи такъ называемаго комплекта, т.-е. монополіи присяжныхъ повѣренныхъ на веденіе гражданскихъ дѣлъ, можно было бы, по-

жалуй, утверждать,—при многочисленности отказовъ,—что въ основаніи ихъ лежитъ желаніе уменьшить конкурренцію, оградить интересы наличныхъ членовъ сословія; но комплектъ еще не провозглашенъ, и объ установленіи его въ ближайшемъ будущемъ не можетъ, повидимому, быть и рѣчи. Политическія убѣжденія искателей адвокатскаго званія не принимаются въ разсчетъ даже тамъ, гдѣ широко развита политическая жизнь, сильно распространены политическія страсти; у насъ вліяніе этихъ убѣжденій на постановленія совѣтовъ совершенно немыслимо, и самый завзятый противникъ адвокатуры не укажетъ, безъ сомнѣнія, ни одного случая, въ которомъ можно было бы хотя бы подозрѣвать тенденціозность со стороны совѣта. Въ дѣятельность прокуратуры, наоборотъ, тенденціозность проникнетъ неизбѣжно,—проникнетъ уже потому, что для повѣрки соображеній, руководившихъ совѣтомъ, прокурорская власть не будетъ имѣть, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ни матеріаловъ, ни побудительныхъ причинъ. Отсюда—расположеніе смотрѣть на дѣло съ своей особой точки зрѣнія; а эта точка зрѣнія, въ силу самаго назначенія прокуратуры, всего легче можетъ принять политическій оттѣнокъ. Вопросъ сводится къ тому: желателенъ ли, въ данномъ случаѣ, такой оттѣнокъ,—необходимо ли усиленное „чтеніе въ мысляхъ" будущаго адвоката? Въ контролѣ надъ политическою благонадежностью у насъ никогда и нигдѣ недостатка нѣтъ; адвокаты подчинены ему наравнѣ со всѣми другими обывателями русскаго государства, и принимать по отношенію къ нимъ особыя предупредительныя и предохранительныя мѣры не предстоитъ надобности. Если можно сдѣлаться, безъ аппробаціи прокурора, докторомъ, учителемъ, литераторомъ, земскимъ дѣятелемъ, то къ чему же такая аппробація для адвоката? Значокъ присяжнаго повѣреннаго—не гарантія противъ невзгодъ, могущихъ постигнуть всякаго „несогласно мыслящаго"; зачѣмъ же обставлять полученіе этого значка предосторожностями, не существующими для другихъ профессій?.. Прокурорскому протесту постановленія совѣта о принятіи или непринятіи въ присяжные повѣренные могутъ подлежать, по нашему мнѣнію, въ такомъ лишь случаѣ, если они заключаютъ въ себѣ нарушеніе закона, т.-е. допускаютъ въ присяжные повѣренные лицо, не соединяющее въ себѣ всѣхъ требуемыхъ для того формальныхъ, внѣшнихъ условій, или, наоборотъ, отказываютъ въ принятіи, по формальнымъ причинамъ, лицу, на самомъ дѣлѣ удовлетворяющему всѣмъ этимъ условіямъ.

Второе нововведеніе, проектируемое, будто-бы, министерствомъ юстиціи, заключается въ избраніи присяжными повѣренными двухъ кандидатовъ на званіе предсѣдателя совѣта, съ тѣмъ чтобы утвержденіе того или другого зависѣло отъ судебной палаты (въ настоящее

время предсѣдатель совѣта избирается прямо общимъ собраніемъ и ни въ чьемъ утвержденіи не нуждается). И эта мѣра кажется намъ мало правдоподобной. Едва ли можно указать хоть одинъ случай, въ которомъ нынѣ существующій порядокъ избранія предсѣдателя оказался бы неудовлетворительнымъ или неудобнымъ. Столкновеній между предсѣдателемъ совѣта и должностными лицами или присутственными мѣстами судебнаго вѣдомства не было вовсе, да и не могло быть, потому что предсѣдатель совѣта не облеченъ у насъ, ни de jure, ни de facto, никакою единоличною властью. Онъ дѣйствуетъ только въ составѣ совѣта или какъ его представитель, мало отличаясь отъ своихъ сочленовъ и не пользуясь тѣмъ исключительнымъ почетомъ, который принадлежитъ французскимъ bâtonniers, особенно въ Парижѣ. Намъ случалось слышать и даже читать, что такое положеніе предсѣдателя ненормально, что ему слѣдовало бы предоставить болѣе дѣятельную роль, болѣе обширныя права. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія; но если оно справедливо, то тѣмъ меньше представляется основаній къ измѣненію порядка избранія предсѣдателя. Авторитетъ его обусловливается именно довѣріемъ корпораціи, свободно возвышающей его на первое мѣсто; онъ можетъ только пострадать отъ вмѣшательства посторонней власти, въ особенности когда утвержденіе ея будетъ дано второму, по числу голосовъ, кандидату на званіе предсѣдателя. Чего, съ другой стороны, предполагается достигнуть предоставленіемъ палатѣ послѣдняго слова въ избраніи предсѣдателя совѣта? Болѣе удачныхъ выборовъ? Но палата меньше знакома съ кандидатами въ предсѣдатели,—меньше, во всякомъ случаѣ, знаетъ ихъ корпоративную дѣятельность, степень участія ихъ въ дѣлахъ сословія, отношеніе ихъ къ вопросамъ, возбуждаемымъ внутреннею его жизнью. Можно быть прекраснымъ защитникомъ подсудимыхъ, прекраснымъ знатокомъ юриспруденціи—и не вполнѣ подходящимъ предсѣдателемъ совѣта, вслѣдствіе недостатка энергіи, особенно необходимой въ товарищескомъ судѣ. Или, можетъ быть, санкція палаты имѣетъ цѣлью устраненіе такихъ кандидатовъ въ предсѣдатели, которые не пользуются сочувствіемъ въ оффиціальныхъ сферахъ? Въ такомъ случаѣ, на мѣсто палаты слѣдовало бы поставить другое учрежденіе или лицо, болѣе доступное внушеніямъ и „вѣяніямъ"; да и оно не могло бы сослужить ожидаемой отъ него службы, еслибы оба кандидата, избранные присяжными повѣренными, оказались одинаково „несимпатичными". Съ какой бы точки зрѣнія, слѣдовательно, ни смотрѣть на вопросъ, привлеченіе палаты къ участію въ выборѣ предсѣдателя совѣта представляется по меньшей мѣрѣ излишнимъ.

Третья мѣра, возвѣщаемая газетами, имѣетъ частный характеръ; она направлена къ ограниченію числа евреевъ, вступающихъ въ со-

словіе присяжныхъ повѣренныхъ. Предполагается установить, чтобы ихъ было въ каждомъ судебномъ округѣ не болѣе 10%. Адвокатура отъ принятія этой мѣры ничего бы не потеряла; немного бы потеряло и общество, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ христіанахъ, предназначающихъ себя къ адвокатской дѣятельности. Пострадала бы только справедливость; но и этого одного довольно для осужденія проектируемой мѣры. Мы не отрицаемъ того факта, что въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, даже въ Петербургѣ—евреевъ между присяжными повѣренными много, несоразмѣрно много; но отъ чего зависитъ этотъ фактъ? Отъ того ли, что въ судебной сферѣ для евреевъ привлекательна только адвокатура, обѣщающая имъ быструю и легкую наживу? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Огромному большинству адвокатовъ, въ настоящее время, трудно не только разбогатѣть, но и найти достаточныя средства къ жизни. Адвокатская профессія переполняется евреями не потому, чтобы она была особенно соблазнительна, а просто потому, что она одна въ судебномъ мірѣ для нихъ доступна. На государственную службу евреевъ принимаютъ крайне неохотно, и еще неохотнѣе подвигаютъ ихъ впередъ; въ новыхъ судахъ, въ прокуратурѣ, еврей—т.-е. еврей не только по происхожденію, но и по вѣроисповѣданію—составляетъ величайшую рѣдкость, а евреевъ-профессоровъ нѣтъ, кажется, вовсе. Чтó же дѣлать евреямъ, разъ что они окончили курсъ на юридическомъ факультетѣ и чувствуютъ призваніе или расположеніе къ юридическимъ занятіямъ? Удивляться ли тому, что они волей или неволей идутъ въ адвокаты? Кто имѣлъ хоть когда-либо случай ближе познакомиться съ юридическимъ міромъ, тотъ, вѣроятно, можетъ назвать нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ, сдѣлавшихся адвокатами, и выдающимися адвокатами, именно не по волѣ, а только послѣ закрытія передъ ними сначала дороги къ профессурѣ, потомъ дороги къ высшимъ (сравнительно) судебнымъ должностямъ... Предположеніе ограничить число евреевъ, могущихъ быть присяжными повѣренными, состоитъ, быть можетъ, въ связи съ такимъ же ограниченіемъ, установленнымъ, для западнаго и юго-западнаго края, относительно присяжныхъ засѣдателей и проектируемымъ повсемѣстно относительно учебныхъ заведеній. Нетрудно замѣтить, что между всѣми этими ограниченіями существуетъ весьма серьезное различіе. Принимая мѣры противъ преобладанія еврейскаго элемента въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, законодатель имѣлъ въ виду солидарность, господствующую между евреями, предубѣжденія, возбуждающія ихъ противъ христіанъ; онъ хотѣлъ предупредить излишнюю снисходительность по отношенію къ подсудимымъ-евреямъ, излишнюю строгость по отношенію къ подсудимымъ-христіанамъ. Это стремленіе вполнѣ законно и разумно; оно

охраняетъ интересы христіанскаго населенія, нисколько не нарушая правъ и интересовъ еврейства. Болѣе спорнымъ представляется ограниченіе числа евреевъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ; и здѣсь, однако, оно можетъ быть оправдано, если, съ одной стороны, максимальный процентъ учениковъ-евреевъ соотвѣтствуетъ проценту еврейскаго населенія въ данной мѣстности, а съ другой стороны, въ учебныхъ заведеніяхъ не оказывается мѣста для всѣхъ желающихъ и могущихъ учиться. Интересъ однихъ, при такихъ условіяхъ, приносится въ жертву болѣе сильному интересу другихъ, и отказъ въ пріемѣ евреевъ, по достиженіи установленной пропорціи, является не вопіющимъ произволомъ, а только печальною уступкою необходимости. Ничего подобнаго нельзя было бы сказать о законѣ, направленномъ къ искусственному уменьшенію числа евреевъ въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ. Ничто не заставляетъ тяжущихся и подсудимыхъ обращаться преимущественно къ адвокатамъ-евреямъ, ничто не гарантируетъ за послѣдними привилегированнаго положенія сравнительно съ другими. Какъ бы много ни было присяжныхъ повѣренныхъ-евреевъ, это не мѣшаетъ христіанамъ поступать въ адвокатское сословіе, не мѣшаетъ имъ завоевать въ немъ то мѣсто, которое принадлежитъ каждому изъ нихъ по праву, сообразно съ его добросовѣстностью, дарованіями и знаніями. Другое дѣло—еслибы число присяжныхъ повѣренныхъ въ каждомъ судебномъ округѣ было ограничено закономъ; тогда, но только тогда, могъ бы возникнуть вопросъ о пропорціональномъ распредѣленіи вакантныхъ мѣстъ между евреями и христіанами. Теперь, безъ явной несправедливости, можно допустить развѣ одно—установленіе максимальной цифры, которой не должно превышать число евреевъ въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ чтобы не могло быть и рѣчи объ особой поблажкѣ евреямъ при принятіи въ сословіе и при разрѣшеніи дисциплинарныхъ дѣлъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы эта мѣра была необходима; исторія петербургскаго совѣта свидѣтельствуетъ о томъ, что присяжные повѣренные и сами вовсе не расположены увеличивать роль еврейскаго элемента въ управленіи сословіемъ. Мы хотѣли только указать крайнюю черту, дальше которой ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ идти въ разрѣшеніи „еврейскаго вопроса“, насколько онъ ставится въ примѣненіи къ адвокатурѣ. Прибавимъ еще одно соображеніе: ограниченіе числа евреевъ, могущихъ быть присяжными повѣренными, неизбѣжно увеличило бы число евреевъ, вступающихъ въ частные повѣренные,—а между тѣмъ контроль надъ послѣдними гораздо слабѣе, чѣмъ надъ первыми. Въ средѣ частной адвокатуры ничто не связываетъ тѣхъ стремленій, которыя обыкновенно приписываются евреямъ; въ средѣ присяжной адвокатуры они встрѣчаютъ противодѣйствіе со

стороны сословныхъ традицій, со стороны корпоративной жизни, и вообще находятъ почву несравненно менѣе благопріятную для ихъ развитія. Конечно, ограничительная мѣра могла бы быть распространена и на частную адвокатуру; но тогда нужно было бы опасаться тайныхъ, кабинетныхъ ходатаевъ, предлагающихъ свои услуги для направленія дѣла, для составленія состязательныхъ бумагъ, для содѣйствія исполненію рѣшеній. Значительная часть силъ, способныхъ сослужить честную, полезную службу на адвокатскомъ поприщѣ, была бы направлена на обходъ закона, на закулисную дѣятельность, ускользающую отъ всякаго наблюденія и отъ всякой отвѣтственности.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетахъ появился слухъ о предстоящемъ, будто-бы, раздѣленіи присяжныхъ повѣренныхъ на три категоріи или группы, изъ которыхъ одной предоставлено было бы право веденія дѣлъ только въ окружныхъ судахъ, второй—только въ судебныхъ палатахъ, третьей—только въ сенатѣ. Варіантомъ этого слуха являлось выдѣленіе изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ особой сотни, которая одна была бы уполномочена на ходатайство передъ сенатомъ. Теперь ни о томъ, ни о другомъ проектѣ больше не слышно, и этому нельзя не порадоваться, потому что менѣе практичной мѣры нельзя себѣ и представить. Одно изъ двухъ: или отъ членовъ разныхъ группъ требовались бы и разныя условія,—въ такомъ случаѣ трудно было бы понять, почему веденіе дѣла въ окружномъ судѣ считается задачей менѣе серьезной, чѣмъ продолженіе его въ палатѣ или сенатѣ,—или условія были бы одни и тѣ же для всѣхъ группъ,—и въ такомъ случаѣ не имѣло бы никакого разумнаго смысла привилегированное положеніе одной группы сравнительно съ другими. Чѣмъ опредѣлялась бы, притомъ, принадлежность адвоката къ той или другой группѣ? Свободнымъ выборомъ самого адвоката?—но тогда слѣдовало бы ожидать излишняго переполненія однѣхъ группъ, излишняго оскудѣнія другихъ; громадное большинство устремилось бы туда, гдѣ работа оказалась бы болѣе привлекательной или болѣе выгодной. Усмотрѣніемъ совѣта?—это значило бы поставить его въ самое трудное, самое фальшивое положеніе: аттестовать товарищей и распредѣлять ихъ по степенямъ—дѣло болѣе чѣмъ щекотливое. Усмотрѣніемъ судебной или административной власти?—это было бы равносильно деморализаціи сословія, подрыву самостоятельности, составляющей главную его силу. Да и во что обратилась бы корпорація, раздѣленная на нѣсколько отдѣльныхъ частей? Соединить ихъ подъ однимъ общимъ выборнымъ управленіемъ было бы почти невозможно; создать столько совѣтовъ, сколько группъ, значило бы разрушить единство корпоративной жизни, столь важное для образованія традицій и нравовъ. Еще существеннѣе неудобства, какія раздѣленіе

на группы представляло бы для тяжущихся. Теперь гражданское дѣло ведется, большею частью, однимъ и тѣмъ же адвокатомъ, отъ первой инстанціи до послѣдней; тогда пришлось бы нѣсколько разъ мѣнять повѣреннаго, что, безъ сомнѣнія, увеличило бы и издержки процесса, и хлопоты истца или отвѣтчика. Масса труда пропадала бы понапрасну; адвокатъ оставлялъ бы дѣло именно въ ту минуту, когда овладѣлъ бы вполнѣ всѣми его сторонами, и работа, однажды совершонная, должна была бы возобновляться съ самаго начала. Желательнымъ, съ перваго взгляда, можетъ показаться развѣ учрежденіе особой группы присяжныхъ повѣренныхъ при кассаціонномъ сенатѣ въ виду особой важности и трудности кассаціоннаго производства; на самомъ дѣлѣ, однако, и это представляется совершенно излишнимъ. Вся трудность кассаціоннаго производства сосредоточивается не въ устной защитѣ передъ сенатомъ, имѣющей, наоборотъ, весьма ограниченное значеніе, а въ составленіи кассаціонной жалобы, т.-е. въ такой работѣ, которая по необходимости, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, исполнялась бы адвокатомъ, ходатайствовавшимъ по дѣлу до рѣшенія его по существу. Кассаціонная жалоба, по нашимъ законамъ, подается въ судъ, постановившій обжалованное рѣшеніе. Разстояніе между большей частью нашихъ судовъ и Петербургомъ такъ велико, что съѣздить въ Петербургъ для обращенія къ адвокату, состоящему при сенатѣ, и возвратиться на мѣсто для подачи составленной имъ жалобы—было бы или невозможно (особенно по дѣламъ уголовнымъ, при короткомъ, двухнедѣльномъ кассаціонномъ срокѣ), или до крайности затруднительно. Еслибы законъ предоставилъ право подписанія кассаціонныхъ жалобъ однимъ адвокатамъ, состоящимъ при сенатѣ, то на практикѣ весьма легко могъ бы установиться такой порядокъ: сенатскій адвокатъ ограничивался бы именно подписаніемъ жалобы, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а составлялъ бы ее мѣстный присяжный повѣренный, въ рукахъ котораго находилось передъ тѣмъ веденіе дѣла. Само собою разумѣется, что подпись давалась бы, въ большинствѣ случаевъ, не даромъ, и новый налогъ на тяжущихся и подсудимыхъ обратился бы въ источникъ нравственной порчи для адвокатовъ. Избѣжать уплаты налога было бы, впрочемъ, довольно легко; тяжущемуся или подсудимому стоило бы только лично подписать жалобу, составленную, конечно, не имъ самимъ. Нашъ законъ не признаетъ участіе адвоката обязательнымъ для тяжущагося, и изъ этого правила, конечно, не было бы сдѣлано изъятія по отношенію къ кассаціонному производству. Это приводитъ насъ къ слѣдующему общему выводу: дѣленіе адвокатовъ на группы возможно развѣ тамъ, гдѣ существуетъ адвокатская монополія, гдѣ цѣлыя категоріи процессовъ, самыя важныя,

могутъ быть ведены только присяжнымъ адвокатомъ. Этимъ обусловливается германскій порядокъ, ограничивающій дѣятельность адвоката вѣдомствомъ только того суда, къ которому адвокатъ приписанъ. Противъ такого порядка (допускающаго исключенія, разборъ которыхъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи) раздаются голоса въ самой Германіи, но тамъ онъ имѣетъ хоть нѣкоторую raison d'être; перенесенный къ намъ, безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ значеніи адвокатуры, онъ оказался бы лишеннымъ всякаго разумнаго основанія.

Что̀ сказали бы мы о зданіи, стѣны и крыша котораго были бы возведены по всѣмъ правиламъ архитектуры, а фундаментъ сложенъ кое-какъ и предоставленъ на произволъ судьбы? Такимъ зданіемъ представляется, въ настоящее время, наша присяжная адвокатура, вслѣдствіе отсутствія закона, которымъ регулировалось бы положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Петербургскій совѣтъ — а вслѣдъ за нимъ и другіе — сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы пополнить пробѣлъ закона, но усилія его не могли быть вполнѣ успѣшны, именно потому, что имъ недоставало обязательной санкціи. Отсюда цѣлый рядъ ходатайствъ объ организаціи сословія помощниковъ,—ходатайствъ, повторяющихся уже пятнадцать лѣтъ и все-таки не приводящихъ къ цѣли. Раскрыть причины этой странной неудачи—дѣло исторіи новыхъ судебныхъ учрежденій. Мы называемъ ее странной потому, что не въ силахъ пріискать для нея разумной причины. Ничто не мѣшаетъ, повидимому, включить будущихъ адвокатовъ въ составъ корпораціи, подчинить ихъ ея контролю. Оставлять безъ всякаго наблюденія и руководства именно самыхъ неопытныхъ, самыхъ молодыхъ людей, только-что начинающихъ нести общественную службу—несообразность тѣмъ болѣе вопіющая, чѣмъ строже дисциплинарный надзоръ надъ всѣми остальными адвокатами. Никакая реформа адвокатуры не достигнетъ цѣли, если не коснется, между прочимъ, и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Какими главными чертами должно быть опредѣлено положеніе помощниковъ — объ этомъ возможны различныя мнѣнія, разсмотрѣніе которыхъ мы отлагаемъ до другого раза; существенно важнымъ и неподлежащимъ никакому спору представляется только выдѣленіе помощниковъ изъ среды частныхъ повѣренныхъ и соединеніе ихъ въ одно цѣлое съ присяжной адвокатурой.

Мы говорили до сихъ поръ объ устройствѣ, объ организаціи адвокатскаго сословія; другая серія вопросовъ касается его дѣятельности, его правъ и обязанностей. Возбуждены ли они въ оффиціальныхъ сферахъ—не знаемъ; гласно, до сихъ поръ, ихъ затрогивала только литература. Объ ограниченіи перекрестнаго допроса, предложенномъ

„Русью“, мы уже говорили въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній. Рядомъ съ этимъ предложеніемъ можетъ быть поставлена мысль харьковскаго профессора Владимірова, выраженная имъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ торжественной рѣчи, произнесенной на актѣ харьковскаго университета („Реформа уголовной защиты“. Харьковъ, 1886). Дополненіе къ уставу уголовнаго судопроизводства, рекомендуемое г. Владиміровымъ, заключается въ слѣдующемъ: по окончаніи защитительной рѣчи, предсѣдатель, члены суда и присяжные засѣдатели могутъ предлагать защитнику вопросы, для болѣе точнаго уразумѣнія основаній защиты, представляющихся имъ неосновательными, не вполнѣ подтвержденными или же недостаточно разъясненными; въ обсужденіе умѣстности вопросовъ защитникъ входить не въ правѣ, но можетъ оставить ихъ безъ отвѣта. Отъ этого нововведенія авторъ ожидаетъ „совершеннаго преобразованія уголовной защиты“. Защитникъ будетъ въ совершенствѣ знать дѣло; защита приметъ дѣловой характеръ; софизмы и пустозвонныя фразы потеряютъ всякую почву; „современная комедія дебатовъ, столь возмутительная по грубости пріемовъ сторонъ, исчезнетъ и уступитъ мѣсто серьезному разслѣдованію“. Прочитавъ брошюру г. Владимірова, можно только удивляться тому, какъ легко, по его мнѣнію, открывается мудреный ларчикъ. Стоитъ лишь установить „допросъ защитника“—и слабыхъ сторонъ защиты какъ не бывало. Къ сожалѣнію, дѣло далеко не столь просто. Безспорно, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ рядъ вопросовъ, предложенныхъ защитнику, можетъ способствовать правильному освѣщенію дѣла, выдвинуть на первый планъ наиболѣе спорные его пункты, помочь самой защитѣ, указавъ ей, какія обстоятельства недостаточно ею выяснены, какія положенія — недостаточно доказаны; но столь же возможнымъ, столь же вѣроятнымъ представляется результатъ прямо противоположный. При малѣйшей горячности или неумѣлости предсѣдателя, „допросъ“ защитника можетъ обратиться въ споръ между защитникомъ и судьями, совершенно несовмѣстный съ достоинствомъ послѣднихъ (припомнимъ, что цѣлью допроса, по теоріи г. Владимірова, должно служить, между прочимъ, „уразумѣніе“ тѣхъ доводовъ защиты, которые кому-либо изъ судей покажутся „неосновательными“). Защитникъ, раздраженный или сбитый съ толку придирчивыми вопросами, упорнымъ непониманіемъ его словъ, можетъ потерять самообладаніе, запутаться, повредить подсудимому въ глазахъ присяжныхъ,—и, наоборотъ, слишкомъ большая настойчивость со стороны предсѣдателя, свидѣтельствующая о предрасположеніи его противъ подсудимаго, можетъ вызвать въ присяжныхъ предрасположеніе въ пользу защиты и склонить ихъ къ оправдательному приговору. Въ особенности

опаснымъ кажется намъ, съ этой точки зрѣнія, устанавливаемое г. Владиміровымъ неравенство между обвиненіемъ и защитой (защитнику вопросы могутъ быть предлагаемы во всякомъ случаѣ, а прокурору и гражданскому истцу—только вслѣдствіе отвѣтовъ, данныхъ защитникомъ). При одномъ составѣ присяжныхъ оно можетъ черезъ-чуръ усилить шансы обвиненія, при другомъ — шансы защиты. Пойдемъ далѣе. Предусматривая возраженіе, основанное на обязанности защитника охранять интересы подсудимаго, г. Владиміровъ устраняетъ его указаніемъ на право защитника не отвѣчать на вопросы неблагопріятные для подсудимаго. Не ясно ли, однако, что молчаніе защитника сплошь и рядомъ можетъ быть истолковано противъ подсудимаго, что защитникъ будетъ прибѣгать къ этому средству только въ крайности? Предложеніе г. Владимірова было бы понятно, еслибы защитникъ былъ чѣмъ-то въ родѣ сообщника подсудимаго, еслибы задачей правосудія было уличить какъ того, такъ и другого, въ сокрытіи истины, заставить ихъ впасть въ противорѣчіе другъ съ другомъ и съ самимъ собою. На самомъ дѣлѣ, защитникъ, въ девяноста случаяхъ изъ ста, дѣйствуетъ по назначенію суда; весьма часто онъ убѣжденъ, или почти убѣжденъ, въ виновности подсудимаго и ограничиваетъ, по необходимости, свою защиту тѣми обстоятельствами дѣла, которыя сколько-нибудь говорятъ противъ обвиненія. Разспрашивать его, почему онъ не коснулся того или другого пункта, значитъ поставить его въ самое затруднительное положеніе, обратить его въ обвинителя противъ воли. Въ другихъ случаяхъ невозможность коснуться, въ защитительной рѣчи, той или другой стороны дѣла обусловливается прямо выраженною волею подсудимаго, сообщившаго защитнику, подъ покровомъ тайны, извѣстные факты, норѣшительно воспретившаго ему оглашеніе ихъ на судѣ. Что же сдѣлаетъ защитникъ, если допросъ затронетъ именно эти факты? Отвѣчать онъ не въ правѣ,—а молчаніе можетъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ обвиненія.

Если предложеніе г. Владимірова не выдерживаетъ критики, то причину этому слѣдуетъ искать въ исходной точкѣ автора, раздѣляющаго ходячія, банальныя предубѣжденія противъ защиты. Мы видѣли уже, въ какихъ выраженіяхъ онъ говоритъ о „современной комедіи дебатовъ", о „софизмахъ и пустозвонныхъ фразахъ" защиты. Подобно многимъ другимъ „цѣнителямъ и судьямъ", но съ меньшимъ правомъ на снисхожденіе, чѣмъ они,—такъ какъ кому больше дано, отъ того больше и спросится, — харьковскій профессоръ возводитъ отдѣльные случаи въ общее правило и характеризуетъ защиту одними только ея ошибками и крайностями. Онъ отрицаетъ въ защитникахъ не только способность и охоту къ „серьезному изслѣдованію", но

даже знаніе дѣла. „Трудно было бы прослѣдить—восклицаетъ онъ—всѣ злоупотребленія защиты. Довольно, если я скажу, что часто съ болью въ сердцѣ приходится присутствовать при этомъ зрѣлищѣ осмѣянія справедливости и здраваго смысла“. Очевидно, что мы имѣемъ дѣло не съ безпристрастнымъ изученіемъ защиты, какою она представляется у насъ на самомъ дѣлѣ, а съ стремленіемъ осудить ее во что бы то ни стало, доказать необходимость ея обузданія. Увлекаясь этимъ стремленіемъ, авторъ упускаетъ изъ виду, что для понужденія защиты къ разъясненію дѣла, къ болѣе точному и подробному отвѣту на доводы обвиненія имѣется уже на лицо вполнѣ цѣлесообразное средство: реплика обвинителя. Не нарушая равноправности сторонъ, не обращая судей въ участниковъ спора, она представляется вполнѣ достаточной для разоблаченія всѣхъ противорѣчій, для опроверженія всѣхъ софизмовъ, допущенныхъ защитой. Правда, г. Владиміровъ плохо вѣритъ въ способность обвинителей пользоваться этимъ орудіемъ; но гдѣ же ручательство въ томъ, что болѣе способными къ тому окажутся судьи? Вмѣсто того, чтобы расширять, во вредъ защитѣ, права и власть предсѣдателя (и теперь уже имѣющаго полную возможность возстановить, въ заключительномъ словѣ, всѣ факты, извращенные защитникомъ), не лучше ли позаботиться объ усиленіи обвиненія, въ особенности тамъ, гдѣ ему противостоитъ сильная защита?

Несравненно болѣе серьезны предложенія, съ которыми выступилъ, нѣсколько раньше г. Владимірова, профессоръ Фойницкій („Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное“. Спб., 1885). Относясь „съ полнымъ отрицаніемъ“ ко всѣмъ безъ исключенія попыткамъ „принудительнаго ограниченія“ защиты, г. Фойницкій видитъ въ ней существенную принадлежность уголовнаго процесса—столь же существенную, какъ и обвиненіе; „для надлежащаго производства защитительнаго розыска,—говоритъ онъ,—защита должна быть облечена тою же властью, которую имѣетъ прокуратура для производства розыска обвинительнаго“. Изъ высокой оцѣнки защиты вытекаютъ высокія требованія, которыя г. Фойницкій предъявляетъ къ присяжной адвокатурѣ. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы ни одинъ подсудимый не оставался безъ правильной защиты, а для этого необходимы два условія: обязательное назначеніе защитника судомъ,—хотя бы подсудимый о томъ и не просилъ, хотя бы онъ даже желалъ остаться безъ защитника,—и обязательное для присяжныхъ повѣренныхъ принятіе защитъ, возлагаемыхъ на нихъ судомъ, хотя бы для этого приходилось выѣзжать изъ мѣста постояннаго нахожденія суда. Поддерживая это послѣднее предложеніе, г. Фойницкій подвергаетъ строгой критикѣ постановленіе петербургскаго совѣта

присяжныхъ повѣренныхъ, состоявшееся въ 1866 г. и разрѣшившее вопросъ въ противоположномъ смыслѣ, т.-е въ смыслѣ необязательности выѣздовъ. Намъ кажется, что въ свое время совѣтъ поступилъ совершенно правильно; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ большую долю основательности и за мыслью г. Фойницкаго. Въ 1866 г. и еще много лѣтъ спустя, число присяжныхъ повѣренныхъ, даже въ петербургскомъ округѣ, было настолько невелико, что выѣзды для защиты были бы для нихъ крайне обременительны и неудобны, почти невозможны. Не слѣдуетъ забывать, что явка присяжныхъ повѣренныхъ, живущихъ въ Петербургѣ, требовалась не только петербургскимъ окружнымъ судомъ, при выѣздахъ его въ уѣздные города петербургской губерніи, но и другими окружными судами, подвѣдомственными петербургской судебной палатѣ (устюженскимъ и бѣлозерскимъ). Очевидно, что раздробить свою дѣятельность между двадцатью-пятью уѣздами, изъ которыхъ иные отдалены отъ Петербурга на пятьсотъ верстъ и болѣе и не соединены съ нимъ ни желѣзными, ни даже шоссейными дорогами, для нѣсколькихъ десятковъ лицъ, числившихся тогда въ сословіи, было совершенно немыслимо. Въ распоряженіи сословія не было тогда и никакихъ средствъ для вознагражденія тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которымъ дальняя поѣздка на собственный счетъ была бы не по силамъ. Теперь обстоятельства перемѣнились, и пересмотръ вопроса о выѣздахъ сдѣлался возможнымъ и даже необходимымъ. Г. Фойницкій ошибается, предполагая, что вознагражденіе за выѣзды могло бы быть выдаваемо, по распоряженію совѣтовъ, изъ процентнаго сбора, платимаго присяжными повѣренными; сборъ этотъ имѣетъ назначеніе, опредѣленное закономъ; но совѣты могли бы возбудить ходатайство объ измѣненіи закона, или присяжные повѣренные могли бы единогласно отказаться отъ вознагражденія за обязательныя защиты, съ тѣмъ, чтобы процентный сборъ былъ обращенъ на покрытіе издержекъ выѣзда. Въ случаѣ надобности присяжные повѣренные могли бы обложить себя, съ тою же цѣлью, небольшимъ сборомъ, пропорціональнымъ получаемому каждымъ изъ нихъ доходу. Поручать обязательныя защиты внѣ мѣста постояннаго пребыванія суда или внѣ мѣста нахожденія судебной палаты слѣдовало бы какъ присяжнымъ повѣреннымъ, такъ и ихъ помощникамъ (пробывшимъ въ этомъ званіи не менѣе года), допустивъ притомъ—какъ это и теперь дѣлается иногда на практикѣ по отношенію въ обязательнымъ защитамъ,—замѣну назначеннаго лица другимъ, по взаимному между ними соглашенію. Обязанность выѣзда упала бы, такимъ образомъ, преимущественно на молодыхъ присяжныхъ повѣренныхъ и на помощниковъ, для которыхъ, при возмѣщеніи издержекъ выѣзда, она и не была бы

особенно тяжелой. Каждый изъ выѣзжающихъ могъ бы принимать на себя защиту подсудимыхъ по нѣсколькимъ дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Иниціатива присяжной адвокатуры въ разрѣшеніи этого вопроса представляется тѣмъ болѣе желательной, что рано или поздно онъ, безъ сомнѣнія, будетъ поднятъ правительственною властью.

Другое предложеніе г. Фойницкаго клонится къ воспрещенію договоровъ, опредѣляющихъ заранѣе вознагражденіе защитника за участіе въ уголовномъ дѣлѣ, или—что́ то же самое—къ лишенію подобныхъ договоровъ судебной охраны. „Подсудимый—говоритъ г. Фойницкій—подобенъ тяжко-больному; для избавленія отъ опасности онъ готовъ жертвовать свыше мѣры услуги, и получать отъ него въ этотъ моментъ какія бы то ни было обязательства, значитъ употреблять во зло его угнетенное душевное состояніе“. Это замѣчаніе совершенно справедливо. Принятіе мѣры, рекомендуемой г. Фойницкимъ, не произвело бы большой перемѣны въ существующей практикѣ; въ дѣлахъ уголовныхъ заключеніе письменнаго условія о вознагражденіи представляется и теперь далеко не общимъ правиломъ. Еще рѣже случаи предъявленія защитникомъ иска о взысканіи условленнаго вознагражденія; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что они производятъ впечатлѣніе неблагопріятное для адвокатуры.

Законъ 15-го мая объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава уголовнаго судопроизводства осуществляетъ тѣ перемѣны въ способѣ постановки вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, о которыхъ мы говорили подробно въ нашемъ майскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“. Нельзя не порадоваться преобразованію, вполнѣ цѣлесообразному и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняющему, по крайней мѣрѣ на время, всякую мысль объ уничтоженіи или существенномъ ограниченіи суда присяжныхъ. Новый законъ исполняетъ все то, чего только можно было ожидать отъ него. Онъ предоставляетъ присяжнымъ дѣлать замѣчанія противъ вопросовъ; онъ обязываетъ судъ, по требованію сторонъ или присяжныхъ, давать имъ время для обдумыванія своихъ возраженій на вопросы и вручать имъ копію съ проекта вопросовъ; онъ допускаетъ исправленіе или дополненіе редакціи вопросовъ, какъ вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между присяжными при совѣщаніи, такъ и вслѣдствіе неясности или противорѣчивости данныхъ присяжными отвѣтовъ. Остается пожелать, чтобы дальнѣйшія мѣры новаго министра юстиціи были одушевлены тѣмъ же духомъ, какъ и первая.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1886 г.

Испанскія и баварскія дѣла.—Перемѣна короля въ Баваріи.—Личность короля Людвига II и особенности его сумасшествія.—Французскіе принцы-претенденты.—Избирательное движеніе въ Англіи.

Испанія и Баварія подверглись въ послѣднее время тяжелымъ испытаніямъ. Въ Испаніи произошелъ рѣдкій случай рожденія ожидаемаго всѣми короля: младенецъ появился на свѣтъ въ качествѣ будущаго правителя большого королевства; за него пока страною, отъ его имени, управляетъ регентство. Испанія избавлена отъ неизвѣстности, въ какой находилась она до разрѣшенія роковаго вопроса королевою-регентшею. Никто не зналъ, кому суждено занять испанскій престолъ—женскаго ли пола ребенку, или мужского. Судьба рѣшила въ пользу послѣдняго, и испанцы, хорошо знакомые съ внутренними междоусобіями, могли вздохнуть свободно. Разумѣется, долгое опекунское управленіе королевы-матери, австрійской принцессы по происхожденію, можетъ еще подать поводъ къ новымъ возстаніямъ карлистовъ и къ обычнымъ военнымъ „пронунсіаменто“; но господствующая партія имѣетъ все-таки надежное знамя, въ лицѣ новорожденнаго Альфонса XIII, около колыбели котораго могутъ сплотиться всѣ консервативные элементы правящихъ классовъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ подготовительный періодъ можетъ сдѣлаться временемъ испытаній, тревогъ и сомнѣній для испанскаго правительства. Но испанцы научились довольствоваться малымъ въ политикѣ, и, судя по отзывамъ печати, народъ искренно радуется тому, что родился король, а не королева. Рядомъ съ этимъ, важнымъ для Испаніи, событіемъ производитъ весьма грустное впечатлѣніе перемѣна короля въ Баваріи; тамъ долго правилъ весьма симпатичный душевно-больной, и послѣ его неожиданнаго самоубійства вступилъ на престолъ человѣкъ еще болѣе несчастный, издавна признанный сумасшедшимъ. Что можетъ быть печальнѣе такого вырожденія славной владѣтельной фамиліи, игравшей нѣкогда выдающуюся роль въ судьбахъ Германіи? Ненормальное психическое состояніе короля не было предусмотрѣно въ баварской конституціи 1818 года, одной изъ самыхъ раннихъ въ Европѣ, а на случай временной болѣзни или неспособности короля назначается регентство; но возможно ли было предвидѣть, что два короля подъ-рядъ будутъ страдать душевнымъ разстройствомъ, и что регентство пре-

вратится въ институтъ постоянный, въ теченіе цѣлаго царствованія? События въ Баваріи должны были глубоко взволновать всѣхъ искреннихъ монархистовъ, независимо отъ личнаго сочувствія къ судьбѣ покойнаго Людвига II. Наконецъ, крупная непріятность постигла также бывшую королевскую фамилію во Франціи: король „in partibus infidelium“, графъ Парижскій, долженъ былъ удалиться изъ родной страны въ 24 часа, въ силу особаго закона о претендентахъ.

Когда, 10 іюня, обнародована была въ Мюнхенѣ прокламація о назначеніи регентства, вслѣдствіе „тяжелой болѣзни“ короля, то въ массѣ населенія невольно возникли недоумѣнія и вопросы, которыхъ никакъ не могло бы разъяснить министерство. Какая это болѣзнь вдругъ открылась у короля? Если она была у него издавна, то почему раньше не было принято надлежащихъ мѣръ леченія и контроля? Отчего тѣ самыя причины, которыя до сихъ поръ не мѣшали министрамъ спокойно исполнять свои обязанности отъ имени короля, побудили ихъ вдругъ потребовать регентства и медицинской опеки надъ Людвигомъ II? Баварцы давно уже знали, что ихъ король отличается многими странностями, что онъ скрывается въ уединеніи съ своими ближайшими слугами, строитъ фантастическіе замки, поглощающіе массу денегъ, и совершенно не интересуется дѣлами правительства, которыя лежали на отвѣтственности министровъ и законодательныхъ палатъ. Народъ привыкъ думать, что артистическіе вкусы и таинственное уединеніе короля, въ сущности, никому не мѣшаютъ. Король могъ свободно тратить свои личныя средства на удовлетвореніе какихъ угодно фантазій; онъ располагалъ только тѣми суммами, которыя назначались на содержаніе двора, такъ что его увлеченія и прихоти не могли повредить финансамъ государства. Король щедро покровительствовалъ артистамъ и художникамъ, увлекался операми Рихарда Вагнера, устраивалъ спеціально для себя театры и спектакли, и все это не вызывало никакого протеста; что же особеннаго произошло именно въ послѣднее время, чтобы оправдать возведеніе прежнихъ эксцентричностей на степень „тяжелой болѣзни“? Извѣстно было всѣмъ, что король физически крѣпокъ и здоровъ—по крайней мѣрѣ по внѣшности; даже изъ оффиціальнаго отчета о дѣйствіяхъ его за послѣдніе дни до катастрофы можно видѣть, что о какомъ-либо физическомъ недугѣ не было и рѣчи. Понятно поэтому, что прокламація 10 іюня встрѣчена была въ Баваріи съ большимъ недовѣріемъ; слухи о незаконномъ низложеніи короля, о преступныхъ замыслахъ и заговорахъ, быстро распространились въ народѣ. Король былъ любимъ и популяренъ, благодаря его поэтическимъ наклонностямъ и рыцарскимъ свойствамъ характера; а главное —онъ никому и ничему не былъ помѣхой, не стѣснялъ обществен-

ной жизни страны, мало вмѣшивался въ политику и занималъ воображеніе публики своими оригинальными художественно-архитектурными предпріятіями. Населеніе было настолько предано этому идеалисту-королю, что толпы мирныхъ обывателей готовы были вооружиться для защиты его отъ врачей-психіатровъ и министровъ, пытавшихся учредить надъ нимъ опеку.

Нужно замѣтить, что рѣшеніе старшихъ родственниковъ короля было весьма неудачно исполнено министерствомъ. Въ замокъ Гогеншвангау послана была 9 іюня депутація для сообщенія королю о предстоящихъ мѣрахъ, въ виду его серьезной болѣзни, требующей внимательнаго леченія. Если король былъ психически боленъ, то желаніе объяснить ему необходимость регентства было напрасною и даже рискованною попыткою; надо было заранѣе имѣть въ виду возможность энергическаго отпора и подготовить содѣйствіе мѣстныхъ властей для успѣха предпринятаго шага. Ничего этого сдѣлано не было. Депутація, имѣвшая въ своемъ составѣ министровъ и психіатровъ, явилась къ замку Гогеншвангау на разсвѣтѣ, такъ какъ король имѣлъ обыкновеніе спать днемъ и бодрствовать ночью. Доступъ къ замку оказался закрытымъ для депутаціи; жандармы задержали ее и подвергли аресту по приказанію короля, несмотря на предъявленныя полномочія, подписанныя принцемъ Луитпольдомъ. Министры были отведены въ новый замокъ Шванштейнъ, воздвигнутый на скалѣ; тамъ находился король съ приближенными своими; невдалекѣ стояла мѣстная стража, вызванная по телеграфу. Баварскіе сановники пережили нѣсколько тревожныхъ часовъ; они подверглись бы пыткамъ и даже смертной казни, еслибы собственноручные указы короля могли найти исполнителей. Положеніе депутаціи было крайне двусмысленное; регентство не было еще объявлено, и всякая попытка, направленная, такъ или иначе, противъ законнаго короля, подходила подъ понятіе государственной измѣны. Неудача могла имѣть весьма критическія послѣдствія; самъ принцъ Луитпольдъ, отъ имени котораго послана была депутація, могъ быть обвиненъ въ покушеніи на захватъ власти. Кризисъ продолжался недолго; изъ Мюнхена сдѣлано было распоряженіе объ освобожденіи арестованныхъ, и въ то же время обнародованъ былъ манифестъ о регентствѣ принца Луитпольда, какъ старшаго въ родѣ Виттельсбаховъ. Король Людвигъ II долженъ былъ отдать себя подъ надзоръ психіатровъ, которые признали полезнымъ перемѣнить его мѣстопребываніе: его перевезли въ замокъ Бергъ, въ сопровожденіи профессора Гуддена и еще двухъ другихъ врачей, а также санитарныхъ служителей. Черезъ три дня, въ ночь на 14 іюня, трупы короля и его главнаго доктора найдены были въ озерѣ, въ паркѣ замка. Королю удалось воспользоваться ошибкою

Гуддена, и мысль о самоубійствѣ была приведена въ исполненіе съ замѣчательною быстротою и обдуманностью. Катастрофа могла быть приписана опять-таки винѣ министерства и его органовъ. Король неоднократно грозилъ покончить съ собою, если ему не дано будетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію; почему же надзоръ оказался столь слабымъ и врачи обнаружили столь непонятную довѣрчивость, что пускали паціента одного по парку, близъ озера, безъ всякой другой охраны, кромѣ престарѣлаго Гуддена? Говорятъ, что во всемъ виноватъ былъ самъ Гудденъ, отпустившій стражу по настойчивому желанію короля; онъ и поплатился жизнью за свою неосторожность: здоровому сорокалѣтнему королю нетрудно было справиться съ старикомъ-докторомъ, который, очевидно, хотѣлъ удержать его отъ самоубійства и вытащить изъ воды.—Трагическая исторія, неожиданно разыгравшаяся у береговъ Штарнбергскаго озера, должна была неизбѣжно дать богатый матеріалъ для догадокъ, предположеній и слуховъ. Не поступили ли слишкомъ круто съ бѣднымъ больнымъ? Зачѣмъ было перевозить его изъ одного замка въ другой, подобно плѣннику? Крайняя нелюдимость, замкнутость и болѣзненная чувствительность его были извѣстны всѣмъ; не лучше ли было оставить его въ Гогеншвангау, въ прежнемъ убѣжденіи, что онъ полновластный король,—перемѣнивъ только весь штатъ служителей? Такіе вопросы ставятъ себѣ баварцы, и не находятъ отвѣта въ оффиціальныхъ объясненіяхъ. Вся обстановка, при которой объявлено было регентство, указываетъ на то, что не только обществѣ и среди приближенныхъ короля, но даже у министровъ и психіатровъ не было твердой увѣренности въ дѣйствительномъ сумасшествіи Людвига II. Этимъ объясняется и неудача депутаціи, вслѣдствіе предупрежденія короля однимъ изъ его флигель-адъютантовъ, и готовность мѣстныхъ гражданъ защищать его отъ „бунтовщиковъ"-министровъ, и поразительная довѣрчивость доктора Гуддена. Еслибъ господствовало мнѣніе о душевной болѣзни короля, не было бы повода сообщать ему о враждебномъ намѣреніи правительства, и самое сообщеніе осталось бы безъ результата, потому что или оно не встрѣтило бы вѣры, или не привело бы къ тѣмъ практическимъ мѣрамъ охраны, которыя были приняты королемъ. Окрестные жители, взволнованные извѣстіемъ о „бунтѣ", равно какъ офицеры, арестовавшіе министровъ, очевидно, не считали короля помѣшаннымъ. Профессоръ Гудденъ, спеціалистъ по психіатріи, не могъ бы исполнить просьбу больного о прогулкѣ къ озеру безъ сопутствія санитаровъ, еслибы онъ съ большею твердостью отнесся къ королю какъ къ человѣку ненормальному. Но всѣ эти соображенія, кажущіяся столь вѣскими на первый взглядъ, утрачиваютъ отчасти свою силу, если принять во вниманіе одно существенное

обстоятельство. И депутаты, и предупредившій короля флигель-адъютантъ, и окрестные жители, и психіатры, имѣли все-таки дѣло съ королемъ, которому привыкли повиноваться. Пока онъ не былъ оффиціально подвергнутъ опекѣ, онъ все-таки былъ повелителемъ, и это сознаніе его королевскаго достоинства заставляло колебаться и министровъ, и врачей, удерживая ихъ отъ своевременныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствія. Большинство народа не могло сразу освоиться съ мыслью, что король — душевно-больной, нуждающійся въ строгомъ присмотрѣ; еще менѣе могли примириться съ этимъ придворные; даже для психіатровъ требовалось значительное усиліе воли, чтобы прямо взглянуть на дѣло и установить соотвѣтственную систему надзора. Въ этомъ случаѣ, высокое званіе короля помѣшало окружающимъ предотвратить трагическую развязку; оно же препятствовало членамъ династіи и министрамъ возбудить раньше вопросъ о психическомъ состояніи короля. Потому-то вопросъ былъ поставленъ и рѣшенъ какъ бы внезапно, безъ предварительной подготовки общественнаго мнѣнія, послѣ многихъ лѣтъ ненормальной жизни Людвига II. Печать сообщала мало свѣденій о личныхъ поступкахъ короля, и многое изъ того, что̀ стало извѣстнымъ теперь, оставалось тайною для публики до послѣдняго времени.

Любопытные факты были извлечены изъ документовъ, переданныхъ парламентскимъ коммиссіямъ для ознакомленія обѣихъ палатъ и всей страны съ положеніемъ дѣлъ покойнаго короля. Одинъ тайный совѣтникъ былъ посланъ королемъ на казенный счетъ съ порученіемъ отыскать королевство, которое можно было бы обмѣнять на Баварію и въ которомъ управленіе было бы вполнѣ неограниченное. И это порученіе было исполнено тайнымъ совѣтникомъ, хотя, разумѣется, безъ успѣха. Придворному служителю, пользовавшемуся особеннымъ довѣріемъ короля, приказано было схватить министра финансовъ и перевезти въ Америку. Для устройства займа въ 26 милліоновъ король посылалъ довѣренныхъ людей въ разныя государства— даже въ Бразилію, въ Константинополь, къ султану, и въ Тегеранъ, къ шаху персидскому. Въ случаѣ неудачи этихъ попытокъ, отданъ былъ приказъ вербовать людей для насильственнаго взятія денегъ изъ банковъ Франкфурта, Штутгарта, Берлина и Парижа. Отправлено было четыре человѣка съ тѣмъ, чтобы каждый добылъ 20 милліоновъ, не зная другъ о другѣ,—такъ что сразу получилось бы 80 милліоновъ. Начаты были также переговоры съ графомъ Парижскимъ о займѣ въ 40 мил., причемъ королю приписывалось намѣреніе предложить взамѣнъ нейтралитетъ Баваріи—на случай франко-германской войны. Въ бумагахъ короля найдено письмо какого-то неизвѣстнаго лица съ предложеніемъ займа черезъ посредство Рот-

мильда. Переписка короля съ министерствомъ вращалась почти исключительно около вопроса о деньгахъ. Король требовалъ денегъ на дальнѣйшія постройки и заявлялъ положительно, что ему „остается только самоубійство или удаленіе изъ страны, если не дадутъ ему продолжать работы по-прежнему; впрочемъ, нужно всего только 20 милліоновъ, а новые зàмки должны быть, для виду, записаны въ число государственныхъ имуществъ, чтобы на нихъ не могло быть обращено взысканіе со стороны кредиторовъ“ (письмо отъ 26 января настоящаго года). Министерство, конечно, отвѣчало, что нѣтъ возможности предлагать палатамъ подобные проекты, несогласные съ существующими законами и совершенно невыполнимые при печальномъ состояніи казначейства. Одному флигель-адъютанту предписано было, въ виду угрожающихъ судебныхъ мѣръ относительно королевскаго имущества, набрать надежныхъ солдатъ для того, чтобы „прогнать судебную сволочь“; но объ этомъ не должны знать министры. Еще въ маѣ текущаго года министерство въ подробномъ докладѣ объясняло королю, что „личная торжественная присяга его величества не можетъ облегчить совершеніе безпроцентнаго займа“ и что нѣтъ никакого другого выхода, кромѣ безусловнаго прекращенія разорительныхъ построекъ и чрезмѣрныхъ затратъ на художественныя предпріятія. Рядомъ съ этими дѣловыми предположеніями короля, попадаются приказы, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ болѣзненномъ его состояніи; такъ, между прочимъ, повелѣно было „взять въ плѣнъ германскаго наслѣднаго принца въ Ментонѣ, пытать его, морить голодомъ и жаждою“,—но мотивы этого страннаго распоряженія остались невыясненными. Докладчики парламентскихъ коммиссій въ обѣихъ палатахъ могли привести только незначительную часть матеріала, имѣвшагося у нихъ въ рукахъ,—ибо они, понятнымъ образомъ, старались избѣгнуть всего того, чтò бросало бы излишнюю тѣнь на несчастнаго короля или нарушило бы благоговѣніе къ его памяти.

Уже изъ тѣхъ образчиковъ, которые приведены выше, можно видѣть, что въ сумасшествіи покойнаго короля была извѣстная система и что у него бывали свѣтлые промежутки, когда онъ разсуждалъ какъ будто здраво. Не надо забывать, что Людвигъ II былъ еще неопытнымъ 18-ти-лѣтнимъ юношею при вступленіи на престолъ (въ мартѣ 1864 года); характеръ его не успѣлъ установиться и окрѣпнуть, а природная склонность къ мечтательности поддерживалась всѣмъ средневѣковымъ кругомъ идей и стремленій, въ которомъ онъ былъ воспитанъ съ дѣтства. Одностороннее вліяніе окружающихъ, ихъ фантастическая лесть, разсказы о прошломъ величіи и могуществѣ, легенды о таинственныхъ замкахъ и рыцарскихъ подвигахъ,—

все это отчуждало короля отъ прозаической дѣйствительности, уносило его въ область поэзіи и влекло къ одиночеству. Многіе находили свою выгоду въ этомъ настроеніи короля; самая страсть къ постройкамъ была вызвана, быть можетъ, тѣми лицами, которыя распоряжались подрядами и обогащались въ короткое время. Королю казалось постыднымъ думать о какихъ-либо десяткахъ милліоновъ; его славные предки не заботились о деньгахъ и добывали ихъ мечомъ, не стѣсняясь. Рихардъ Вагнеръ былъ справедливо названъ злымъ духомъ короля; онъ окончательно направилъ его помыслы къ далекому прошлому и разорвалъ всякую связь его съ современною жизнью. Людвигъ II виталъ въ заманчивомъ мірѣ Тангейзеровъ и Лоэнгриновъ; онъ хотѣлъ быть Людовикомъ XIV, и для этой цѣли окружилъ себя особою атмосферою, въ которую не допускалось никакого посторонняго элемента, могущаго напомнить о мизерныхъ дѣлахъ Баваріи. Болѣзнь была неизлечима уже съ 1880 года. Сношенія съ министерствомъ были крайне затруднены и производились каждый разъ черезъ посредство придворныхъ служителей замка, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Министры лишились права доступа къ королю и не имѣли даже свѣденій объ его занятіяхъ и образѣ жизни. Глава кабинета, баронъ Люцъ, откровенно заявилъ въ палатѣ, что онъ не имѣлъ понятія о наиболѣе странныхъ поступкахъ короля, и что его ужасно поразило предположеніе о душевной болѣзни, высказанное врачами. Очень часто называютъ человѣка сумасшедшимъ въ томъ смыслѣ, что онъ дѣйствуетъ нелѣпо или расточительно; такое именно значеніе придавали министры этому термину въ примѣненіи къ извѣстнымъ актамъ короля. Дѣло оставалось въ подобномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока совершенно не разстроились дѣла королевской кассы. Назойливыя требованія кредиторовъ и крайняя необходимость въ деньгахъ для новыхъ построекъ заставили короля коснуться низменной финансовой прозы; онъ вынужденъ былъ заботиться о деньгахъ, и вся горечь этого убійственнаго для него факта отражается въ его трогательно-наивныхъ обращеніяхъ къ министрамъ и къ чужимъ монархамъ. Неужели нужно выпрашивать „какихъ-нибудь 20 милліоновъ", имѣя за собою столь великое прошлое и владѣя еще цѣлымъ королевствомъ? Мысль эта угнетаетъ короля-мечтателя; онъ думаетъ обойтись безъ палатъ и министровъ, благодаря связямъ съ иностранными государствами; это исканіе милліоновъ по цѣлому свѣту есть уже очевидный признакъ умственнаго разстройства. Въ проектахъ ограбленія извѣстныхъ банковъ и разогнанія „судебной сволочи" сказывается та традиціонная средневѣковая жилка, которая составляла характерную особенность Людвига II. Ловкія экспедиціи для захвата капиталовъ и сокровищъ входили въ обычную програму

рыцарскихъ подвиговъ прэжнихъ временъ, и представитель рода Виттельсбаховъ переносилъ себя мысленно въ ту эпоху, когда его знаменитые родичи добывали такимъ образомъ славу и богатство. Ненормальность выражается только въ томъ, что утрачено пониманіе текущей дѣйствительности; но самая сущность такъ-называемыхъ „нелѣпыхъ идей“ дана спеціальнымъ характеромъ историко-политическаго воспитанія, въ которомъ традиціи далекаго прошедшаго играли главную роль. Трудно придумать болѣе рѣзкое столкновеніе современнаго духа съ средневѣковымъ, чѣмъ эти угрозы наложить арестъ на королевское имущество и даже объявить несостоятельнымъ короля, погруженнаго въ фантастическій міръ Нибелунговъ и Тангейзеровъ. Предположеніе объ обмѣнѣ государства на другое, болѣе удобное, сталкивается тутъ съ перспективою весьма прозаическаго банкротства; съ одной стороны, возникаетъ великолѣпный планъ похода противъ банковъ, а съ другой — являются судебные пристава описывать вновь воздвигнутыя башни со всею ихъ внутреннею обстановкою. Несчастье короля заключалось въ томъ, что ему приходилось подчиняться духу времени и хлопотать о „какихъ-нибудь 20 милліонахъ“, которыхъ не могла давать ему бѣдная Баварія, стѣсненная конституціею. Не будь заботы о деньгахъ, король Людвигъ II продолжалъ бы безпрепятственно строить новые роскошные замки; не будь конституціи 1818 года, онъ свободно располагалъ бы милліонами, собираемыми казначействомъ для государственныхъ потребностей, или заключалъ бы какіе угодно займы отъ имени государства, при помощи болѣе податливыхъ министровъ по своему личному выбору. Правда, и смертные приговоры, подписанные въ минуту вспышки, могли бы тогда исполняться, и крупныя несправедливости могли бы легко произойти, вслѣдствіе ненормальнаго душевнаго состоянія короля; но за то больной могъ бы еще жить, и страна избавлена была бы, вѣроятно, отъ катастрофы, омрачившей начало регентства принца Луитпольда.

Покойный баварскій король имѣлъ въ глазахъ нѣмецкаго народа двѣ великія историческія заслуги: во-первыхъ, послѣ войны 1866 г., онъ подписалъ военную конвенцію съ Пруссіею и, не колеблясь, выполнилъ свое обязательство, въ 1870 году, присоединивъ свои войска къ прусскимъ противъ Франціи, и, во-вторыхъ, онъ первый предложилъ королю Вильгельму императорскую корону отъ имени союзныхъ германскихъ государей, въ ноябрѣ 1870 года, послѣ рѣшительныхъ нѣмецкихъ побѣдъ. Дѣйствовалъ ли онъ въ этихъ случаяхъ независимо или подъ сильнымъ давленіемъ извнѣ—неизвѣстно; безспорно только одно, что имя Людвига II неразрывно связано съ національнымъ объединеніемъ Германіи. Нѣмецкая печать всѣхъ партій и от-

тѣнковъ вспомнила эти заслуги и отнеслась съ живымъ сожалѣніемъ и сочувствіемъ къ личности несчастнаго короля.

Изгнаніе претендентовъ изъ Франціи, о которомъ мы упоминали въ прошломъ „Обозрѣніи", состоялось теперь на основаніи закона, принятаго обѣими палатами и обнародованнаго 22-го іюня. Территорія французской республики безусловно закрыта для „главъ фамилій, царствовавшихъ во Франціи, и для ихъ прямыхъ наслѣдниковъ, по праву первородства". Другіе члены бывшихъ династій могутъ быть удалены правительствомъ по его усмотрѣнію; никто изъ нихъ не можетъ занимать публичной должности, служить въ арміи или во флотѣ, получать какое-либо назначеніе по выборамъ. Претендентамъ, державшимся до сихъ поръ весьма осторожно и безобидно, оставалось только откровенно принять на себя ту роль искателей французскаго престола, которая прежде принадлежала имъ лишь въ болѣе тѣсныхъ кружкахъ монархическихъ партій.

Графъ Парижскій призналъ нужнымъ снять ту скромную маску простого гражданина, которая отталкивала отъ него многихъ чистосердечныхъ легитимистовъ; онъ напечаталъ въ газетахъ нѣчто въ родѣ манифеста, гдѣ заявляетъ прямо о своей исторической миссіи. „Меня удаляютъ изъ страны,—говоритъ преемникъ Генриха V,—въ тотъ самый моментъ, когда я возвращаюсь въ нее съ счастливымъ сознаніемъ, что я образовалъ новую связь между Франціею и дружественною націею. Мнѣ мстятъ за тѣ $3^1/_2$ милліона голосовъ, которые 4 октября осудили ошибки республики... Отъ Франціи хотятъ отдѣлить главу знаменитой фамиліи, управлявшей ею въ теченіе девяти столѣтій, создавшей ея національное единство, ея славу и благосостояніе, въ союзѣ съ народомъ, какъ во времена успѣха, такъ и въ неудачахъ. Думаютъ, что страна забыла счастливое и мирное царствованіе моего дѣда, Луи-Филиппа. Эти разсчеты окажутся ошибочными. Наученная опытомъ, Франція вѣрно оцѣнитъ причины и виновниковъ золъ, отъ которыхъ она страдаетъ. Она признаетъ, что монархія, традиціонная по своему принципу и современная по своимъ учрежденіямъ, можетъ одна устранить недугъ. Только національная монархія, представителемъ которой являюсь я, можетъ привести къ безсилію людей безпорядка, угрожающихъ спокойствію страны, обезпечить политическую и религіозную свободу, возвысить авторитетъ власти, возстановить общее благосостояніе... Мой долгъ работать неустанно для этого дѣла спасенія. Я исполню эту задачу съ помощью божіею и при содѣйствіи всѣхъ, раздѣляющихъ мою вѣру въ будущее". Нельзя сказать, чтобы эта прокламація была составлена удачно.

Излишекъ самонадѣянности не соотвѣтствуетъ общепринятому представленію о графѣ Парижскомъ. Авторъ скромныхъ литературныхъ трудовъ о положеніи рабочихъ въ Англіи и о междоусобной войнѣ въ Америкѣ есть въ то же время представитель большого стариннаго принципа, глава значительной партіи, имѣющей приверженцевъ преимущественно въ высшихъ классахъ французскаго общества; понятно, что онъ долженъ былъ заговорить пророческимъ, внушительнымъ тономъ, сообразно своему предполагаемому великому призванію. Но онъ могъ избѣгнуть фактическихъ преувеличеній и ошибокъ, очевидныхъ даже для толпы. Каждый замѣтитъ съ перваго взгляда, что гордое упоминаніе о новой связи съ дружественною націею не оправдывается семейнымъ союзомъ съ принцемъ такой маленькой страны, какъ Португалія. Ссылка на „счастливое и мирное царствованіе Луи-Филиппа" невольно напоминаетъ французамъ о февральской революціи, къ которой привело это управленіе, оставившее въ странѣ весьма непріятныя и несимпатичныя воспоминанія.

Называть счастливымъ то время, когда денежная аристократія господствовала надъ страною, когда правительство не имѣло другого лозунга, кромѣ призыва: „enrichissez-vous!"—когда пассивное миролюбіе смѣнялось нелѣпыми ссорами съ Англіею изъ-за испанскихъ принцессъ, когда бездушное лицемѣріе и корыстолюбіе были руководящими принципами политики,—называть это время счастливымъ едва ли возможно, даже съ точки зрѣнія внука Луи-Филиппа. Нельзя предположить, что графъ Парижскій видитъ свой идеалъ въ цензовомъ представительствѣ и въ системѣ Гизо; онъ не можетъ указывать на іюльскую монархію какъ на образецъ, ибо она безповоротно осуждена позднѣйшими событіями. Обѣщанія графа Парижскаго упрочить власть, смирить анархистовъ и создать общее благоденствіе основаны неизвѣстно на чемъ—на личной ли его опытности въ управленіи и на его государственныхъ талантахъ, или на принципахъ, унаслѣдованныхъ отъ Луи-Филиппа. Примѣръ короля-буржуа мало убѣдителенъ въ этомъ отношеніи: Луи-Филиппъ не только не ослабилъ соціалистовъ, выступившихъ при немъ съ особенною силою, но не справился даже съ умѣренными прогрессистами, требовавшими расширенія избирательныхъ правъ. Если правитель чрезвычайно-умный и практическій не могъ упрочить власть и сломить возраставшую оппозицію, то нѣтъ повода думать, что подобная задача будетъ лучше разрѣшена его внукомъ по отношенію къ современной Франціи. Такъ какъ графъ Парижскій не можетъ считать себя даровитѣе и опытнѣе своего знаменитаго дѣда, то результатомъ новаго эксперимента было бы также вынужденное удаленіе въ Англію въ болѣе или менѣе скоромъ времени;—такъ что французы могутъ спросить себя: не вѣрнѣе ли прямо на-

чать съ отъѣзда въ Англію и совершенно обойтись безъ предварительнаго опыта, съ перспективою дальнѣйшихъ революцій и переворотовъ.

По нашему мнѣнію, министерство Фрейсинэ сдѣлало крупную принципіальную ошибку, издавъ законъ противъ претендентовъ; но нельзя отрицать, что оно косвенно нанесло сильный ударъ монархистамъ, побудивъ ихъ „короля“ in spe раскрыть свои карты и всенародно объявить свою profession de foi. Пока неизвѣстна была программа графа Парижскаго, публика могла приписывать ему какія угодно цѣли и симпатіи; все невѣдомое привлекаетъ къ себѣ умы, и имя претендента могло легко связываться съ демократическими идеями и стремленіями, издавна господствующими во Франціи. Графъ Парижскій писалъ о рабочемъ вопросѣ и участвовалъ въ американской войнѣ за освобожденіе негровъ; естественно было полагать, что онъ постарается пріобрѣсть сочувствіе рабочихъ классовъ, столь вліятельныхъ въ странѣ, и не преминетъ затронуть соціальные вопросы, ожидающіе еще разрѣшенія въ духѣ демократіи. Такъ дѣйствовалъ принцъ Луи-Наполеонъ, когда онъ стремился завоевать популярность въ народѣ и подготовить возстановленіе имперіи. Если какая-либо монархія еще возможна во Франціи, то она явится только подъ чисто-демократическимъ флагомъ, съ яркимъ оттѣнкомъ радикальнаго соціализма; всякое другое знамя останется безсильнымъ и безцѣльнымъ при существованіи всеобщей подачи голосовъ. Графъ Парижскій сразу занялъ бы видное положеніе, весьма опасное для республики, еслибы онъ смѣло и щедро обѣщалъ народу то, чего не дали еще массамъ республиканскія правительства; но онъ оказался слишкомъ честнымъ и прямодушнымъ: у него нѣтъ беззастѣнчивой ловкости принца Луи-Наполеона, и онъ высказалъ лишь дѣйствительныя свои мысли, проникнутыя понятнымъ уваженіемъ къ памяти дѣда и приправленныя обычными торжественными фразами о будущихъ благодѣяніяхъ реставраціи. Заявленіе графа Парижскаго показало всѣмъ и каждому, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ тенденціями наиболѣе многочисленнаго рабочаго сословія, что онъ имѣетъ въ виду исключительно интересы консервативной буржуазіи и что онъ совершенно не принялъ въ разсчетъ громадныхъ перемѣнъ, совершившихся во Франціи со времени Луи-Филиппа. Онъ самъ объявилъ себя невозможнымъ для французской демократіи, а для среднихъ и высшихъ классовъ онъ является излишнимъ по очень простой причинѣ: имъ и при республикѣ живется очень недурно, и всѣ блага, обѣщаемыя имъ претендентомъ на словахъ, уже находятся въ ихъ фактическомъ пользованіи въ настоящее время. Съ какой стати добиваться чего-то при помощи графа Парижскаго, путемъ со-

жительной борьбы съ демократіею, когда тѣ же самыя консервативныя цѣли достигаются несравненно проще, дешевле и спокойнѣе безъ возвращенія къ іюльской монархіи? Голосъ претендента долженъ былъ остаться „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ для французскаго общества; онъ возбудилъ общее разочарованіе въ консерваторахъ и далъ обильный матеріалъ для насмѣшекъ республиканцевъ. Какое сильное оружіе могъ взять въ руки преемникъ Бурбоновъ, выступивъ поборникомъ трудящихся массъ, и какимъ слабымъ перышкомъ размахнулся онъ на республику! Если Фрейсинэ имѣлъ въ виду этотъ результатъ, то онъ можетъ поздравить себя съ блестящимъ успѣхомъ. Посмотрите,—можетъ сказать онъ буржуазіи,—какія безцвѣтныя и старомодныя формулы выставляются единственнымъ серьезнымъ представителемъ монархическаго принципа во Франціи, какъ отъ нихъ вѣетъ безжизненною пустотою и старческимъ безсиліемъ! Почему и для чего самъ графъ Парижскій нанесъ столь тяжелый ударъ своей партіи—понять трудно. Вѣроятно, онъ просто—жертва своего положенія, въ качествѣ оффиціальнаго главы легитимистовъ, а—„noblesse oblige“.

Политическая борьба, происходящая теперь въ Англіи по поводу ирландскаго вопроса, представляетъ глубокій интересъ не только по важности задачи, подлежащей разрѣшенію, но и по характернымъ особенностямъ обстановки, при которой ведется вся эта кампанія. Престарѣлый Гладстонъ дѣйствуетъ почти одинъ противъ соединенныхъ силъ талантовъ трехъ могущественныхъ партій—торіевъ съ лордомъ Сольсбёри во главѣ, виговъ—съ лордомъ Гартингтономъ и радикаловъ—съ Чамберлэномъ. Этотъ исполинскій турниръ, подерживаемый одинокимъ старцемъ при содѣйствіи второстепенныхъ союзниковъ, есть одно изъ самыхъ поучительныхъ зрѣлищъ, какія давала намъ богатая парламентская жизнь Англіи. Гладстонъ опирается не на власть, не на правительственную силу, находящуюся въ его рукахъ, и не на какія-либо оффиціальныя вліянія; онъ опирается всецѣло и исключительно на могущество своего убѣжденія и своей опытности, на власть своего краснорѣчія и на вліяніе своей популярности. Онъ не могъ провести свой билль въ палатѣ общинъ, въ виду численнаго перевѣса противниковъ: билль былъ отвергнутъ въ засѣданіи 8 іюня, большинствомъ 341 голоса противъ 311. Гладстонъ рѣшилъ обратиться къ странѣ, въ лицѣ избирателей,—и распущеніе парламента состоялось 25 іюня. Началась избирательная кампанія, несравненно болѣе горячая, чѣмъ прежняя, при болѣе дѣятельномъ участіи различныхъ группъ, на которыя распались прежнія партіи. Новые сель-

скіе избиратели будутъ опять призваны подать свои голоса въ ту или другую сторону, и многочисленные ораторы стараются впервые сблизиться съ новыми политическими кліентами. Предводители и наиболѣе видные дѣятели партій обнародовали свои манифесты, содержаніе которыхъ развивается затѣмъ подробно во множествѣ длинныхъ, ѣдкихъ и остроумныхъ рѣчей. Въ небольшомъ манифестѣ Гладстона, отъ 12 іюня, говорится между прочимъ: „Наши противники приняли на себя званіе уніонистовъ. Я отрицаю ихъ право на этотъ титулъ. По намѣреніямъ—мы всѣ одинаково уніонисты; но тотъ союзъ, который они отказываются реформировать, есть въ настоящемъ своемъ состояніи только бумажный союзъ, достигнутый силою и обманомъ, не утвержденный и не принятый ирландскою націею. Они не уніонисты, а только бумажные уніонисты. Настоящая унія должна быть засвидѣтельствована чувствами человѣческихъ существъ, живущихъ въ союзѣ. Съ этой точки зрѣнія мы теперь имѣемъ меньше единства между Британіею и Ирландіею, чѣмъ послѣ соглашенія 1782 г. (когда существовалъ особый сословный парламентъ въ Дублинѣ). Ирландія черезъ своихъ законныхъ представителей требуетъ возстановленія ея законодательной палаты; она справедливо указываетъ на то, что централизація парламента была раздѣленіемъ народовъ, но она признаетъ, что унія, хотя и незаконно установленная, не можетъ и не должна быть отмѣнена". Гладстонъ не настаиваетъ уже на подробностяхъ билля, отвергнутаго палатою общинъ: онъ предлагаетъ рѣшить вопросъ въ принципѣ—предоставить ли ирландцамъ самимъ управлять своими дѣлами или же, по-прежнему, вести съ ними несправедливую и безцѣльную борьбу. Господствующіе классы въ Англіи относятся вообще несочувственно къ радикальному проекту премьера; принимать столь смѣлыя рѣшенія по вопросамъ сложнымъ, вѣковымъ—не въ обычаѣ англичанъ. За то значительнѣйшая часть среднихъ и низшихъ слоевъ населенія поклоняется Гладстону болѣе чѣмъ когда-либо. Маркизъ Гартингтонъ въ своемъ воззваніи къ избирателямъ сознается меланхолично, что онъ потерялъ весьма замѣтную часть своихъ сторонниковъ, вслѣдствіе оппозиціи противъ ирландскаго билля. Бывшій союзникъ Гладстона, Гошенъ, замѣчаетъ ядовито, что теперь опасно говорить противъ премьера передъ извѣстными категоріями избирателей: толпа готова считать своимъ врагомъ всякаго, кто позволяетъ себѣ критиковать Гладстона. Лордъ Рандольфъ Черчилль, съ свойственною ему рѣзкостью, нападаетъ на невыносимый деспотизмъ „самолюбиваго и упрямаго старика"; на его произволъ и тиранію, на слѣпое влеченіе къ нему народныхъ массъ. Чамберлэнъ ограничивается дѣловымъ разборомъ неудачнаго билля и старается, подобно Гартингтону, выражаться какъ можно деликатнѣе о самомъ

премьерѣ. Изъ всѣхъ жалобъ и признаній, высказываемыхъ дѣятелями оппозиціи, само собою вытекаетъ заключеніе, что популярность Гладстона достигла небывалой еще степени и что она одна перевѣшиваетъ соединенныя вліянія всѣхъ руководителей оппозиціи, взятыхъ вмѣстѣ. Англійская печать не можетъ служить мѣриломъ въ этомъ случаѣ; она большею частью рѣшительно возстаетъ противъ проектовъ Гладстона или защищаетъ ихъ весьма робко и даже двусмысленно. Объясняется это тѣмъ, что вліятельныя газеты и журналы принадлежатъ представителямъ богатой буржуазіи и отражаютъ въ себѣ мнѣнія тѣхъ элементовъ, которые Гладстонъ назвалъ „классами“, въ отличіе отъ большинства народа. При такомъ положеніи вещей нельзя еще предсказать исходъ настоящей избирательной борьбы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюля 1886.

—Записки о моей жизни. Н. И. Греча. Съ портретомъ. Спб. 1886.

Записки Греча въ отдѣльныхъ отрывкахъ появлялись уже въ журналахъ послѣ его смерти, съ 1868; нѣкоторые эпизоды своихъ воспоминаній онъ печаталъ и самъ въ тридцатыхъ годахъ, въ „Новосельѣ" Смирдина, „Новогодникѣ" Кукольника, и др. Теперь они собраны въ одну книгу вмѣстѣ съ этими послѣдними статьями, на которыя Гречъ ссылается въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ.

Книга будетъ очень интересна для любителей историческаго чтенія. Гречъ прожилъ долго, видѣлъ много, отличался наблюдательностью, имѣлъ интересъ къ крупнымъ и еще больше къ мелкимъ событіямъ, хорошо разсказываетъ. Въ его воспоминаніяхъ сохранилось еще съ дѣтскихъ его лѣтъ (онъ род. 1787, ум. 1867) немало слышанныхъ и видѣнныхъ подробностей жизни конца XVIII-го вѣка; онъ хорошо помнитъ царствованіе Александра I, когда самъ началъ свою общественную и литературную дѣятельность, и лично знавалъ многихъ дѣйствующихъ лицъ того времени; также хорошо зналъ времена имп. Николая. Въ рамку личныхъ и семейныхъ воспоминаній онъ вноситъ общія картины общества въ разныя царствованія и характеристики множества отдѣльныхъ лицъ, въ ихъ частной и въ общественной жизни. Словомъ, содержаніе записокъ очень обширно и разнообразно.

Для историка нашего общества и правительственныхъ системъ конца XVIII-го вѣка записки Греча могутъ доставить много весьма любопытныхъ указаній. Въ общемъ они часто вовсе не новы, но въ подробностяхъ не были въ нашей исторической литературѣ достаточно разсказаны, или не были допускаемы къ разсказу. О старыхъ временахъ Гречъ сберегаетъ иногда преданія, которыя не могли найти мѣста въ печати—не только тогда, но долго спустя, даже до нашего вре-

жени. Таковы нѣкоторыя подробности о временахъ императрицы Екатерины,—напр., объ ея отношеніяхъ къ И. И. Бецкому; о временахъ имп. Павла, которыя и до сихъ поръ у насъ не описываются вполнѣ, и о которыхъ Гречъ разсказываетъ откровенно, безъ особыхъ стѣсненій; о временахъ имп. Александра, которыя съ ихъ закулисной стороны только теперь начинаютъ дѣлаться „достояніемъ исторіи", и т. д. Еслибы записки Греча печатались въ то время, когда онѣ были окончены (онъ началъ писать ихъ въ послѣдній разъ въ концѣ царствованія Николая, и прервалъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ), онѣ были бы исполнены интереса для читателей; теперь, когда такъ сильно развилась литература историческихъ воспоминаній, документовъ и т. д., когда издана, между прочимъ, и масса матеріала о первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, записки Греча уже часто являются повтореніемъ хорошо извѣстнаго (напр., разсказы о первыхъ годахъ правленія Александра, о двѣнадцатомъ годѣ, объ исторіи Семеновскаго полка, о дѣлѣ профессоровъ петербургскаго университета, о кн. Голицынѣ, Магницкомъ, Руничѣ, архимандритѣ Фотіѣ, Аракчеевѣ, и т. д., и т. д.),—но и здѣсь остаются интересными многія черты, какъ показанія очевидца или современника, передающаго тогдашніе взгляды и толки. Какъ извѣстно, Гречъ былъ самый „благонамѣренный" человѣкъ въ техническомъ смыслѣ этого слова; но это не помѣшало ему весьма критически и даже весьма недружелюбно относиться къ людямъ, которые въ большинствѣ воспоминаній о тѣхъ временахъ изображаются въ ореолѣ частныхъ и гражданскихъ доблестей и въ этомъ видѣ почти переходятъ въ исторію. Его отзывы, напр., о Карамзинѣ (въ литературномъ отношеніи), Блудовѣ, Шишковѣ, Уваровѣ, и др., не совсѣмъ сходятся съ обычными отзывами, доходящими со стороны ихъ друзей и поклонниковъ, и, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ долю правды.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы Гречъ отличался особымъ безпристрастіемъ. Присматриваясь къ его запискамъ, нетрудно видѣть, что въ нихъ постоянно присутствуетъ задняя мысль. Въ запискахъ, которыя пишутся долго спустя послѣ событій, авторъ почти неизбѣжно начинаетъ смотрѣть на прошедшее съ позднѣйшей точки зрѣнія, и въ оцѣнкѣ лицъ и событій руководится разными новыми соображеніями, особливо соображеніями pro domo sua. Эта позднѣйшая точка зрѣнія у Греча состояла въ томъ, чтобы изображать себя благонамѣреннымъ мудрецомъ и патріотомъ, впрочемъ, смѣлымъ и „независимымъ"; повидимому, благонамѣренность была внушена ему особенно событіями 1825—1826 года; онъ, конечно, какъ-то усиленно старается набросить мрачную или, лучше сказать, грязную тѣнь на либераловъ 20-хъ годовъ и участниковъ 14-го декабря; ихъ харак-

теристика естѣ почти сплошное ругательство, отвратительное тѣмъ болѣе, что несчастная судьба этихъ людей должна бы для простого человѣческаго чувства смягчить вину ихъ дѣйствій въ порывахъ страсти, и побуждала бы не только къ обличенію, но и къ объясненію обстоятельствъ, которыми могли быть приведены ихъ поступки. Изъ разсказовъ самого Греча о событіяхъ и настроеніи нашего общества послѣ наполеоновскихъ войнъ, эти обстоятельства выясняются въ значительной степени, но Гречъ забываетъ о нихъ, когда ему понадобилось бросать грязью въ людей, которые были именно жертвою своего времени, а иногда—друзьями Греча. Его собственная роль въ это время остается въ запискахъ не совсѣмъ ясной; не разъ онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ самъ „либераломъ"; но въ чемъ состоялъ его либерализмъ—неизвѣстно; многіе изъ либераловъ и самихъ декабристовъ оказываются его пріятелями, чуть не наканунѣ самыхъ происшествій, но остается темнымъ, какъ могло держаться это пріятельство, — если онъ до такой степени не сочувствовалъ тогда ихъ взглядамъ, что на другой день находитъ для нихъ только одни ругательныя слова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ брань идетъ, однако, рядомъ съ похвалами: таково отношеніе Греча къ Н. И. Тургеневу; надо отдать справедливость автору записокъ, — онъ положительно осуждаетъ роль Блудова по отношенію къ Тургеневу. Воспоминанія Греча объ этомъ времени написаны послѣ извѣстной книжки бар. Корфа о вступленіи на престолъ имп. Николая.

Хотя Гречъ былъ писатель и журналистъ, его записки всего меньше даютъ свѣденій о ходѣ и судьбахъ литературы; собственно говоря, объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣденій. Его записки переполнены множествомъ частныхъ разсказовъ о лицахъ и происшествіяхъ, анекдотическихъ подробностей, закулисныхъ исторій, сплетень (безпрестанно читаемъ, какъ тотъ или другой „подбился", „втерся", „пробрался", и т. п., къ такому-то вліятельному человѣку, устроилъ такое-то надувательство, интригу, и т. п.), но ни малѣйшихъ указаній на то, что дѣлалось въ литературѣ, какъ складывались ея вкусы, направленія, и т. д. Есть только личныя исторіи и подробности, и здѣсь на первомъ планѣ его другъ и—въ теченіе почти всей жизни—ближайшій сотоварищъ по „Сѣверной Пчелѣ" и другимъ общимъ ихъ изданіямъ, Булгаринъ. Репутація Булгарина установилась очень давно, и Гречъ очень хорошо, разумѣется, зналъ, какова она; какъ же онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ?—онъ ругаетъ его почти не меньше, чѣмъ ругали его другіе, но часто беретъ подъ мнимую защиту: напр., что онъ вовсе не былъ шпіономъ, потому что его не взяли бы, если бы онъ и хотѣлъ; что не могъ сдѣлать крупнаго дурного поступка, потому что былъ низменъ, и т. п. Въ концѣ концовъ, Гречъ доставилъ своему ком-

паньону такую біографію, которая только подтверждаетъ давно составившуюся славу этого дѣятеля нашей литературы; но свои личныя отношенія къ нему Гречъ хочетъ объяснить какъ вынужденныя обстоятельствами, именно денежными связями по „Пчелѣ". Но такъ или иначе, сколько бы Гречъ ни открещивался отъ Булгарина, біографія бросаетъ свое отраженіе и на самого автора; онъ вынужденъ сознаваться, что—„по товариществу"—долженъ былъ поддерживать Булгарина въ его полемическихъ предпріятіяхъ; а именно эти предпріятія, направлявшіяся, напримѣръ, и противъ Пушкина, и создали неблагополучную репутацію Булгарину, которую по всѣмъ правамъ раздѣлилъ и Гречъ. Между прочимъ, записки пересыпаны злобными отзывами о полякахъ; въ одномъ мѣстѣ редакція записокъ дѣлаетъ примѣчаніе (стр. 466): „Н. И. Гречъ не любилъ поляковъ, чѣмъ и объясняются подобные неоднократные отзывы его о нихъ; онъ говорилъ, что эта нелюбовь къ полякамъ вкоренена въ немъ, между прочимъ, Булгаринымъ",—т.-е., надо понимать, не взглядами Булгарина на поляковъ, а его собственной личностью. Можно было бы думать, что если по отраженію отъ Булгарина Гречъ такъ возненавидѣлъ поляковъ,—онъ, хоть и связанъ былъ съ нимъ матеріальными дѣлами, могъ бы сохранить свою нравственную независимость отъ него; но этого не было. Въ литературныхъ дѣлахъ Гречъ былъ совершенно солидаренъ съ Булгаринымъ; онъ хвалилъ Булгарина, Булгаринъ хвалилъ его, и въ преданіяхъ литературныхъ они отождествились совершенно справедливо. Какъ мы упомянули, Гречъ вынужденъ былъ сознаться, что въ литературныхъ спорахъ бралъ сторону Булгарина. Нельзя было бы и отречься отъ этого, потому что на лицо остаются самые факты литературы, по которымъ все это можетъ быть провѣрено.

Другое лицо, прикосновенное къ литературѣ, на которомъ останавливается Гречъ, есть Воейковъ, извѣстный теперь только какъ авторъ „Сумасшедшаго дома" и родственникъ Жуковскаго, испортившій ему много крови. Воейковъ, какъ писатель, не имѣетъ никакого значенія; только по родству съ Жуковскимъ, который поддерживалъ его ради своей племянницы, вышедшей замужъ за Воейкова, онъ получалъ мѣста, проникъ въ литературу, заводилъ журналы и держался крайнимъ нахальствомъ, въ разсчетѣ на защиту Жуковскаго; послѣдній, дѣйствительно, не однажды выручалъ его, а по разсказамъ Греча, однажды не выдержалъ и избилъ Воейкова палкой у него дома, при его гостяхъ. Гречъ, который и съ Воейковымъ имѣлъ общія литературныя дѣла, разсказываетъ довольно подробно его различныя похожденія, интересныя не ради самого героя, но какъ черта нравовъ.

Гречу хочется показать, что онъ былъ все-таки близокъ съ пер-

выми людьми литературы; онъ имѣетъ сношенія съ Жуковскимъ, дружески встрѣчается съ Пушкинымъ, который даже приглашаетъ его писать въ своемъ „Современникѣ"; онъ первый даетъ мысль о юбилеѣ Крылова, которая, по его словамъ, была въ ущербъ ему эксплуатирована другими; но всѣ эти разсказы требуютъ провѣрки и сличенія съ другими данными; укажемъ для примѣра статью князя Одоевскаго о литературныхъ отношеніяхъ 30-хъ годовъ, напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ", или переписку Плетнева, гдѣ Гречъ фигурируетъ совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ даетъ себя въ своихъ запискахъ. Въ образчикъ того, какъ Гречъ понималъ литературу въ 40-хъ годахъ, укажемъ его отзывъ объ „Отечественныхъ Запискахъ" 40-хъ годовъ и о томъ, чѣмъ можетъ быть полезна свобода „писанія" (стр. 121).

Нѣкоторыя фактическія указанія записокъ Греча сдѣланы, какъ видно, по памяти или наобумъ; въ одномъ случаѣ его опровергалъ относительно 20-хъ годовъ Завалишинъ; вѣроятно, можетъ быть опровергнуто или исправлено и кое-что другое, но, во всякомъ случаѣ, записки остаются весьма любопытнымъ матеріаломъ для исторіи нашего общества съ конца прошлаго столѣтія. Пользующійся ими долженъ только помнить, что беретъ свѣденія изъ источника, требующаго провѣрки, а по личнымъ мнѣніямъ автора—довольно мутнаго.

Редакція изданія не совсѣмъ удовлетворительна. Книга будетъ имѣть, вѣроятно, не однихъ читателей „беззаботныхъ насчетъ литературы", но и такихъ, которымъ потребуются точныя литературныя свѣденія. Въ предисловіи можно было бы опредѣленнѣе указать, гдѣ именно печатались раньше отрывки изъ записокъ Греча; примѣчанія могли бы быть болѣе точны. Напр., Гречъ пишетъ, что когда, въ 1836 году, Булгаринъ затѣялъ большую спекуляцію, а именно сочиненіе книги: „Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи", то сотрудникомъ его былъ профессоръ Н. А. Ивановъ, „сперва бывшій въ Дерптѣ, а потомъ въ Казани". Редакторъ записокъ поправляетъ: „наоборотъ, онъ сперва былъ въ Казани, а потомъ въ Дерптѣ, гдѣ и познакомился съ Булгаринымъ" (стр. 451); но поправка невѣрна: Булгаринъ познакомился съ Ивановымъ дѣйствительно въ Дерптѣ, когда Ивановъ слушалъ тамъ лекціи въ профессорскомъ институтѣ, и уже послѣ того Ивановъ былъ профессоромъ въ Казани (какъ это и разумѣлъ Гречъ); подъ конецъ, уже въ 1860-хъ годахъ, Ивановъ снова жилъ въ Дерптѣ, но Булгарина уже не было тогда въ живыхъ. На страницѣ 370, встрѣчаемъ удивительную характеристику Н. И. Тургенева: „геттингенскій дурень"; сколь ни былъ нагль иногда Гречъ, едва ли бы онъ рѣшился такъ характеризовать Тургенева, о которомъ, тутъ же рядомъ, гово-

рилъ все-таки съ большимъ почтеніемъ, хотя и не одобрялъ его либерализма; въ прежнемъ (журнальномъ) изданіи этого эпизода записокъ,—съ которымъ напрасно не справлялся редакторъ,—вмѣсто приведенныхъ словъ, поставлено: „геттингенскій буршъ". Если, какъ мы думаемъ, послѣднее вѣрнѣе, то ошибка непозволительна.—Стр. 276, Феслеръ называется Фёслеръ; ошибка едва ли принадлежитъ Гречу. Стр. 289, англійскій пасторъ Гендерсонъ названъ: Чендерсонъ. Въ приложеніяхъ помѣщена историческая записка о дѣлѣ петербургскаго университета, которая была уже не однажды напечатана. Взамѣнъ того лучше было бы помѣстить статью объ энциклопедическомъ лексиконѣ, на которую Гречъ ссылается (стр. 451).

Пожалѣемъ, наконецъ, что многія мѣста записокъ были исключены въ печати,—но это, конечно, уже не вина редакціи.

— **Ревизоръ**, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Н. В. Гоголя. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Николаемъ **Тихонравовымъ**, съ приложеніемъ четырехъ списковъ. М. 1886.

О выходѣ въ свѣтъ этого изданія было уже вкратцѣ упомянуто въ „В. Евр."; это—единственный серьезный историко-литературный трудъ, вызванный пятидесятилѣтіемъ знаменитой комедіи. Какъ извѣстно теперь (и какъ не совсѣмъ извѣстно было въ прежніе годы), комедія Гоголя являлась передъ ея читателемъ и зрителемъ въ двухъ разныхъ редакціяхъ: на сценѣ она давалась не въ томъ видѣ, въ какомъ была напечатана, и театральные критики, хорошо помнившіе печатный текстъ, не разъ упрекали актеровъ въ искаженіи текста,—хотя не разъ также исполнители комедіи объясняли въ печати существованіе разницы между „Ревизоромъ" сценическимъ и печатнымъ. Г. Тихонравовъ предпринялъ, наконецъ, издать вполнѣ этотъ первоначальный сценическій текстъ съ подробнымъ указаніемъ варіантовъ по другимъ извѣстнымъ рукописямъ и первому печатному тексту. Этому изданію г. Тихонравовъ предпослалъ обширное введеніе, въ которомъ, на основаніи разныхъ этихъ текстовъ и переписки Гоголя, возстановляетъ исторію созданія „Ревизора". Извѣстно, какъ вообще долго и внимательно Гоголь работалъ надъ своими произведеніями,—онъ самъ не однажды говоритъ объ этомъ въ сочиненіяхъ и въ частныхъ письмахъ. Сохранившіеся тексты „Ревизора" даютъ новое подтвержденіе его словамъ. По соображеніямъ г. Тихонравова, созданіе „Ревизора" тянется отъ 1834 года, къ которому должно отнести первый набросокъ комедіи, до 1842, когда сдѣланы были послѣднія исправленія въ ея текстѣ. Первая черновая рукопись, какая теперь извѣстна, очень далека отъ того текста, который печатается въ „Сочи-

неніяхъ"; это лишь чрезвычайно несовершенный набросокъ, гдѣ даже имя главнаго героя совсѣмъ другое; выработавъ этотъ первый очеркъ комедіи, Гоголь и послѣ много его передѣлывалъ, многое выбрасывалъ или прибавлялъ вновь, измѣнялъ разговоры дѣйствующихъ лицъ и цѣлыя сцены передѣлывалъ до послѣднихъ мелочей слова и выраженій; когда рукопись была уже прочтена театральнымъ цензоромъ, Гоголь вносилъ еще новыя поправки, которыя снова просматривались цензоромъ. Сохранившіяся рукописи переполнены поправками, которыя завершаются уже только въ 1842-мъ году. Комедія одобрена была цензурой театральной и обыкновенной въ одно время (цензоромъ Ольдекопомъ 2 марта, Никитенкомъ—13 марта 1836 года), но далеко не всѣ измѣненія сценическаго „Ревизора" внесены были въ печатный текстъ комедіи. Этому была, вѣроятно, одна простая причина: въ отпечатываемые листы труднѣе было вносить измѣненія, чѣмъ въ сценическій текстъ, остававшійся въ рукописи; но были и другія соображенія. По словамъ г. Тихонравова (стр. XXVII), самъ Гоголь придавалъ больше значеніе совершенствованію сценическаго текста, нежели печатнаго, и цензурныя условія для печати казались ему свободнѣе и легче, чѣмъ для сцены. Въ его бумагахъ нашлась слѣдующая замѣтка относительно этого предмета: „Точно также, какъ драматическій писатель, сочиняя драму, взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, чтобы изобразить въ ней природу нѣсколько благороднѣе и чище, чѣмъ какъ она есть въ дѣйствительности; точно также должны стараться актеры о томъ, чтобы представить имъ созданныя лица какъ бы благопріятнѣе и чище, чѣмъ они есть: иначе зачѣмъ и представлять пьесу? Она будетъ всегда пріятнѣе въ чтеніи. Никакъ не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становится еще рѣзче и очевиднѣе въ представленіи. Поэтому-то самому и цензура театральная бываетъ строже той, какая бываетъ для книгъ, назначаемыхъ для простого чтенія".

„Такимъ образомъ,—заключаетъ г. Тихонравовъ,—съ перваго представленія „Ревизора" на столичныхъ сценахъ обнаружилась значительная разница между текстомъ комедіи сценическимъ и печатнымъ, ходя оба текста получили окончательную отдѣлку въ одно и то же время. Эта разница была тѣмъ замѣтнѣе, что оригинальный пластическій слогъ комедіи Гоголя, мѣстами, можетъ быть, грѣшившій противъ грамматической правильности рѣчи, въ первомъ печатномъ изданіи „Ревизора" былъ нѣсколько сглаженъ и въ силу ложно понятыхъ требованій отъ литературнаго языка исправленъ, обезличенъ. Полагаемъ, что большинство этихъ неудачныхъ поправокъ не принадлежатъ автору, а кому-нибудь изъ его пріятелей, „поклонниковъ чистоты русской рѣчи и блюстителей литературнаго вкуса".

Этому разобщенію сценическаго текста „Ревизора“ съ печатнымъ суждено было, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе усиливаться. Съ петербургской сцены до 1870 года, съ московской до 1882 года зритель слышалъ сценическій текстъ 1836 года, а въ печати распространенъ былъ исключительно (т.-е. съ 1842 г.) текстъ „Ревизора“, напечатанный въ первый разъ въ изданіи Сочиненій Н. Гоголя 1842 года. Между этими двумя текстами въ большинствѣ сценъ не оказывалось ничего общаго“...

Изданіе первоначальнаго текста, какъ онъ впервые представленъ былъ Гоголемъ въ театральную цензуру, съ указаніемъ всѣхъ тѣхъ измѣненій, какія были сдѣланы послѣ самимъ Гоголемъ и цензурой до окончательной сценической и печатной формы комедіи въ 1836 году, даетъ вообще чрезвычайно любопытный матеріалъ для изученія творчества Гоголя; именно въ это время совершался переломъ или новый шагъ въ его художественной дѣятельности, на который онъ самъ указываетъ въ письмахъ того времени,—когда „потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами“ стала смѣняться болѣе глубокими требованіями художественнаго комизма, которыя и сообщили „Ревизору“ его громадное общественно-литературное значеніе.

— Сибирскій Сборникъ, научно-литературное періодическое изданіе подъ редакціею Н. М. Ядринцева. Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“ 1886 г. Книга I. Спб. 1886.

Немного есть странъ, имя которыхъ звучало бы такъ непривѣтливо, какъ имя Сибири; но эта же Сибирь, какъ родина, внушаетъ своимъ уроженцамъ такую же теплую привязанность, какъ и всякая родина. Доходило даже до того, что въ укоръ и обвиненіе этой любви сибиряковъ къ своей родинѣ изобрѣтенъ былъ свѣдущими людьми „сибирскій сепаратизмъ“,—нѣчто трудно понимаемое; но нѣтъ, разумѣется, ничего непонятнаго въ самой привязанности сибиряковъ къ своему краю, и въ послѣднее время она выражается особеннымъ развитіемъ литературы, посвящаемой изученію Сибири. Новое изданіе г. Ядринцева не есть собственно журналъ; это именно сборникъ болѣе крупныхъ и серьезныхъ научныхъ и беллетристическихъ статей, которымъ трудно найти мѣсто въ ежедневной или еженедѣльной газетѣ. Этотъ сборникъ является теперь приложеніемъ къ газетѣ г. Ядринцева—„Восточное Обозрѣніе“. „Не претендуя нашими приложеніями осуществить вполнѣ журналъ со всѣми его отдѣлами,—говоритъ г. Ядринцевъ,—мы, однако, будемъ дѣлать попытку въ этомъ направленіи, полагая, что когда-нибудь придетъ время и обла-

стной журналистики. Мы думаемъ, что польза такихъ изданій сама собой выяснится по мѣрѣ сосредоточенія въ нихъ цѣннаго научнаго и литературнаго матеріала, и тѣмъ самымъ докажетъ право ихъ на существованіе".

Скоро ли придетъ время областной журналистики,—разумѣется, неизвѣстно. Гораздо больше, чѣмъ отъ доброй воли образованнѣйшихъ сибирскихъ патріотовъ, дѣло будетъ зависѣть отъ числа людей, способныхъ къ научному изслѣдованію и литературному изображенію сибирской жизни, страны и народа, и отъ степени интереса, какой будутъ имѣть къ этому сибирскіе туземцы. Слѣдовательно, вопросъ —въ распространеніи образованія, а къ сожалѣнію Сибирь до сихъ поръ питается только надеждами на основаніе своей высшей школы, и въ послѣднее время и эти надежды очень слабы...

Вышедшая теперь книга „Сибирскаго Сборника" есть прекрасное начало изданія г. Ядринцева. Книга разнообразна и занимательна не для однихъ сибирскихъ читателей. „Горой", разсказъ г. Мамина, даетъ прекрасную картинку лѣтней поѣздки по Чусовой: авторъ хорошо знаетъ свой уральскій край и умѣетъ рисовать его природу и нравы. Разсказъ г. Ядринцева: „Раскольничьи общины на границѣ Китая", чрезвычайно интересенъ. Эти общины, основавшіяся въ Алтаѣ, въ долинѣ рѣки Бухтармы, еще въ прошломъ столѣтіи, изъ раскольниковъ и всякихъ бѣглецовъ, долго оставались совершенно неизвѣстны властямъ, и представляли чрезвычайно любопытный примѣръ самостоятельно устроеннаго общежитія—въ природныхъ условіяхъ горной страны, къ которымъ поселенцы не были вовсе привычны, и въ сосѣдствѣ съ инородцами, отъ которыхъ нужно было оборонять свои жилища и промыслы. Поселенцы жили внѣ оффиціальной границы и вполнѣ предоставленные самимъ себѣ, тѣмъ не менѣе расширяли русскую колонизацію, основывали новые поселки, захватывали земли, распространяли свои промыслы. Впослѣдствіи, еще въ прошломъ столѣтіи, власти, наконецъ, провѣдали о нихъ; колонисты изъявили желаніе признать явившееся начальство; но такъ какъ они представили собой нѣчто своеобразное, не подходившее подъ обычныя формы русскихъ поселеній, ихъ зачислили въ разрядъ инородцевъ, хотя это были самые русскіе люди. Г. Ядринцевъ посѣтилъ ихъ, кажется, въ 1870-хъ годахъ, когда уже ничего не осталось отъ ихъ старой полной свободы, онъ все-таки пораженъ былъ своеобразнымъ, самостоятельнымъ характеромъ этого населенія, которое выработало въ своемъ быту и физическую силу, и предпріимчивость, и промышленный смыслъ и, напр., по-прежнему, не стѣсняясь, отправлялось на промыслы за китайскую границу, какъ въ свои земли: оно умѣло ладить съ китайцами и воевать съ сосѣдними калмыками и

киргизами. Авторъ съ восторгомъ описываетъ и природу этого края, съ дикими горными хребтами, глухими дебрями и роскошными долинами. Самыя поселенія кажутся автору любопытнымъ типическимъ явленіемъ южно-сибирской колонизаціи: прежде чѣмъ являлось оффиціальное занятіе земель съ войскомъ и чиновниками, оно совершалось движеніемъ крестьянства, которое подвигалось съ сѣвера на югъ своими самостоятельными колоніями. Статья г. Ядринцева вообще очень интересна; можно было бы пожелать изложенія исторіи этихъ поселеній съ болѣе опредѣленными данными хронологическими и другими. Въ одномъ случаѣ самъ „основатель" деревни Черновой называется Іона Первовъ (стр. 28); въ другомъ опять „основатель деревни" названъ Іуда Черновъ (стр. 35). Что изъ двухъ вѣрно?

„Сузгѐ—сибирское преданіе изъ временъ завоеванія Сибири", поэма Ершова, извѣстнаго автора „Конька-Горбунка", является безъ объясненій, какъ она попала въ сборникъ.

Статья г. Оксенова о Ермакѣ, по народнымъ историческимъ пѣснямъ, и г. К. Михайлова: „Крѣпостничество въ Сибири"—любопытны для исторіи Сибири, особенно послѣдняя, предметъ которой до сихъ поръ оставался мало выясненъ; она даетъ важныя указанія и для исторіи немногочисленнаго, впрочемъ, сибирскаго крѣпостного крестьянства и самаго образованія сибирскаго типа русской народности.

„Амурская Калифорнія"—разсказъ очевидца о богатыхъ золотыхъ пріискахъ, которые открыты были въ 1883 г. на китайской сторонѣ Амура, близъ станицы Игнашиной; золото привлекло сюда цѣлыя толпы искателей, особливо русскихъ; образовалось цѣлое населеніе съ своими особыми нравами и администраціей. Объ этихъ „Желтугинскихъ" пріискахъ много въ свое время говорили газеты; русское правительство приняло, наконецъ, мѣры противъ перехода туда русскихъ; вмѣшались и китайскія власти,—и русскіе рабочіе удалились. Въ небольшихъ размѣрахъ здѣсь, дѣйствительно, повторилась та золотоискательская горячка, какая въ пятидесятыхъ годахъ свирѣпствовала въ Калифорніи.

Въ статьѣ г. П. Головачова изложено содержаніе вышедшей въ 1885 г. книги итальянскаго ученаго Соммье: „Лѣто въ Сибири" (Un estate in Sibiria).

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ „Сборника" представленъ библіографическій обзоръ новѣйшихъ книгъ, относящихся до Сибири, ея исторіи, древностей, этнографіи, промышленнаго быта, и списокъ книгъ и брошюръ о Сибири, вышедшихъ въ 1884—86 годахъ.—А. Н.

— О душѣ, въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Н. Я. Грота, профессора Новоросс. унив. Одесса. 1886.

Одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ молодыхъ дѣятелей нашей философской литературы, г. Н. Гротъ, оказывается въ то же время однимъ изъ наиболѣе чуткихъ къ интересамъ и вѣяніямъ данной минуты. Онъ поставилъ себѣ цѣлью создать „новое нравственное міровоззрѣніе, которое возстановило бы (sic) идеальныя и абсолютныя нравственныя идеи—добра и зла, долга, свободы воли и т. д.", въ духѣ русской самобытной науки, независимо отъ западно-европейской философіи.

Авторъ заранѣе предостерегаетъ читателей, что онъ „постоянно руководился исключительно стремленіемъ найти истину, не сообразуясь съ мнѣніями и тенденціями различныхъ общественныхъ партій и группъ". Въ книжкѣ „о душѣ" это обычное стремленіе къ истинѣ выражается въ формахъ довольно странныхъ. Уже въ предисловіи авторъ высказываетъ нѣкоторое пренебреженіе къ „спеціалистамъ точнаго знанія", обзывающимъ будто-бы всякую философію діалектикою, „хотя они обыкновенно и не знаютъ, что̀ такое діалектика". Но въ сущности дѣло не въ спеціалистахъ точнаго знанія, а въ „западной" наукѣ вообще. Г. Гротъ приводитъ слова Платона о человѣкѣ, который, не умѣя отличить истинное отъ ложнаго, „обвинилъ бы въ этомъ не самого себя и не свое неумѣнье разсуждать, а перенесъ бы вину на самый процессъ разсужденія и въ остальную жизнь ненавидѣлъ бы и поносилъ всякія разсужденія, лишивъ себя истины и возможности познанія истинно-сущаго". Не случилось ли—спрашиваетъ авторъ—именно такое, достойное сожалѣнія происшествіе со всею европейскою интеллигенціею второй половины нашего столѣтія, послѣ отчасти неудачныхъ и фантастическихъ философскихъ построеній начала этого вѣка, и не пора ли намъ, наконецъ, очнуться отъ позитивнаго террора, который овладѣлъ обществомъ за послѣднія десятилѣтія?" Происшествіе дѣйствительно печальное: въ Европѣ „ненавидятъ и поносятъ всякія разсужденія, лишивъ себя истины и возможности познанія истинно-сущаго"! Къ счастію, г. Н. Гротъ взялся теперь пополнить этотъ великій пробѣлъ и вновь отыскать потерянный путь къ истинѣ. Прежде всего онъ долженъ былъ окончательно разрѣшить вопросъ о существованіи души. „Если нѣтъ души въ человѣкѣ,—разсуждаетъ онъ,—то откуда взять (?) душу и разумъ для вселенной, а если во вселенной нѣтъ высшаго разума, то не можетъ быть въ ея существованіи и развитіи высшихъ разумныхъ цѣлей и внутренняго нравственнаго смысла; если же нѣтъ цѣлей въ жизни вселенной, если все совершающееся есть

игра слѣпой необходимости и продуктъ прихотливаго столкновенія случайностей, то неоткуда пріобрѣсти критерій и для нравственной дѣятельности человѣка". Конечно,—спѣшитъ оговориться авторъ,—„нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ никѣмъ не ставился съ достаточною широтою и не разрѣшался именно въ духѣ... примиренія требованій мысли и высшихъ идеальныхъ стремленій человѣческой природы". Напротивъ, многіе мыслители, какъ Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Контъ и др., „обсуждали проблему о душѣ столь разносторонне, что и въ настоящее время ихъ изслѣдованія могли бы (sic) считаться поучительными". Но эти попытки не имѣли успѣха въ обществѣ, и „мысль человѣческая продолжаетъ увлекаться и понынѣ ученіями наиболѣе поверхностными и наивными". У насъ долго господствовали, напримѣръ, матеріалистическія воззрѣнія Молешотта, Карла Фохта, Бюхнера, Геккеля, Дарвина; съ этими научными взглядами авторъ связываетъ появившееся вслѣдъ затѣмъ „грубое поклоненіе толпы золотому тельцу",—хотя искатели и поклонники наживы не имѣли и не имѣютъ ничего общаго ни съ какими философскими теоріями. Такія крайнія ученія могли у насъ легко распространяться только до появленія русскихъ философовъ вообще и г-на Н. Грота въ частности. „Въ эпоху развитія у насъ матеріализма,—по словамъ автора,—общество было безоружно: у насъ не было философіи, которая одна только и могла побороть поверхностную матеріалистическую метафизику, а не было ея потому, что она продолжительное время была въ загонѣ. Оттого матеріализмъ такъ долго (около 20 лѣтъ) у насъ господствовалъ и загубилъ столько хорошихъ силъ. Въ настоящее время философія имѣетъ и у насъ уже достаточно представителей, чтобы вступить въ борьбу съ односторонними умозрѣніями"... Изъ этого видно, что философія не только не находится у насъ въ загонѣ въ настоящее время, а, напротивъ, процвѣтаетъ количественно и качественно.

Авторъ, какъ представитель новаго спеціально-русскаго мышленія, относится нѣсколько свысока къ „современнымъ философскимъ системамъ запада". Онъ, впрочемъ, согласенъ „оставить за Контомъ его громадныя заслуги предъ наукою"; онъ мимоходомъ упоминаетъ о „заблужденіи Дарвина", находитъ критику дарвинизма въ трудѣ Н. Я. Данилевскаго „вполнѣ основательною" и отзывается о Спенсерѣ слѣдующимъ образомъ: „Спенсеръ такой же односторонній „научникъ", какъ и Контъ, но, какъ истый англичанинъ, онъ осторожнѣе; онъ скрылъ въ воду концы своего матеріализма и построилъ ширму, за которою и самъ можетъ спрятаться отъ ударовъ противниковъ, и за которою и другимъ предоставляетъ искать всего того, чего у него нѣтъ, а также спасенія отъ всего того, что у него есть,—искусная

выдумка практическаго ума британца, традиціонный принципъ всей англійской политики (?!). Этотъ газетный уколъ по адресу Англіи не имѣетъ смысла, когда рѣчь идетъ о философіи. Авторъ смѣло идетъ дальше: „системамъ Запада" онъ противопоставляетъ „настоящаго философа" (т.-е. русскаго вообще и г. Грота въ частности). Выводъ получается крайне неутѣшительный для Европы. „Западная философія,—по увѣренію г. Н. Грота,—уклонилась отъ лучшихъ традицій своего прошлаго; она одряхлѣла и, если позволительно такъ выразиться, ослѣпла на одинъ глазъ (!). Между тѣмъ философія-то именно и должна быть зрячею... Мы не хотимъ сказать этимъ, конечно,—продолжаетъ авторъ,—чтобы на Западѣ уже исчезла возможность лучшихъ, болѣе широкихъ построеній мысли. Можетъ быть, тамъ и явится еще новый Контъ, который сниметъ катарактъ съ очей уже всѣхъ западно-европейскихъ націй, взятыхъ вмѣстѣ (!)... Можетъ быть... какой-нибудь Виндельбандъ, или Фолькельтъ, или иной кто-либо, въ тиши кабинета дописываетъ нынѣ послѣднія страницы великаго философскаго произведенія? Мы знаемъ твердо одно, что теперь на Западѣ нѣтъ достаточно широкаго для нашихъ собственныхъ потребностей мыслителя и философскаго міровоззрѣнія, и что въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, мы предоставлены вполнѣ своимъ собственнымъ силамъ". Наконецъ авторъ уже прямо читаетъ отходную Западу въ области философіи. „Для полнаго возрожденія мысли,—говоритъ онъ,—едва ли у этихъ народовъ (Германіи, Франціи, Англіи) осталось достаточно юныхъ силъ. Теперь, можетъ быть, очередь другихъ народовъ сказать свое слово въ области отвлеченной мысли".

Все это было бы прекрасно, еслибы г. Гротъ или кто другой имѣлъ на-готовѣ систему или доктрину, способную замѣнить собою „устарѣлыя" западныя ученія; можно бы тогда извинить и неумѣренную развязность языка, и нелѣпое употребленіе географическаго термина „западный" по поводу отвлеченныхъ вопросовъ философіи. „Западная" наука одряхлѣла, ослѣпла и пр.; что же скажетъ идущая ей на смѣну „зрячая" научная логика русскаго Востока? Увы, всѣ эти громкія похвальбы кончаются ничѣмъ и даже совершенно забываются черезъ нѣсколько страницъ, когда приходится автору ближе подойти къ самому предмету разсужденія. „Мы отвергли—заявляетъ г. Гротъ —вышеупомянутыя философскія системы Запада, какъ системы; но несомнѣнно, что отдѣльныя данныя этихъ системъ—отдѣльныя положенія новѣйшихъ философовъ запада—должны быть положены въ основаніе всякихъ дальнѣйшихъ философскихъ построеній". Подъ видомъ „отдѣльныхъ данныхъ" возвращается, однако, цѣликомъ на прежнее мѣсто вся „западная философія", и вмѣсто обѣщанныхъ „дальнѣй-

шихъ построеній“ предлагается старая-престарая теорія противоположности и борьбы двухъ началъ—духа и вещества. Авторъ производитъ этотъ странный маневръ не особенно ловко: рѣзкое противорѣчіе между самобытными возгласами первыхъ двухъ главъ и положительнымъ содержаніемъ всей книжки невольно бросается въ глаза каждому. То, что вначалѣ признается одряхлѣвшимъ, слѣпымъ и отжившимъ, возрождается вновь съ 19-ой страницы, и Востокъ, идущій на смѣну Западу, оказывается пуфомъ, исчезающимъ безслѣдно въ дальнѣйшемъ изложеніи. „Мы думаемъ,—говоритъ уже авторъ на стр. 19,—что въ современномъ научно-позитивномъ направленіи (западномъ?) не только не лежитъ препятствій для новаго, болѣе широкаго разрѣшенія вопроса о природѣ духовнаго начала, но, напротивъ, именно это направленіе является своего рода мостомъ къ построенію новаго философскаго ученія, за предѣлами точныхъ, спеціальныхъ наукъ, изучающихъ явленія объективнаго опыта. Но этого мало: мы увидимъ ниже, что не только въ методѣ современной науки можно найти опору для обновленія и психологической переработки стараго философскаго метода Сократа и Декарта, но и въ самомъ содержаніи новой науки и истинъ, добытыхъ спеціальными научными изслѣдованіями, лежитъ богатый матеріалъ для новаго, болѣе широкаго обоснованія ученія о духѣ, существованіе котораго весьма краснорѣчиво, хотя и косвенно, подтверждается именно новѣйшими научными открытіями“. Для чего же нужно было завлекать читателя перспективою торжества надъ дряхлою научною философіею Запада? Со стороны можетъ показаться, что это понадобилось автору для цѣлей совершенно постороннихъ.

Что касается идей, проводимыхъ въ разбираемой книжкѣ, то онѣ могли бы быть названы восточными только въ томъ смыслѣ, что авторъ усвоилъ себѣ древній взглядъ на антагонизмъ духа и вещества, добра и зла, Ормузда и Аримана. Почему этотъ взглядъ выдается теперь г. Гротомъ за свѣжій продуктъ самобытной русской философіи —намъ неизвѣстно. Между прочимъ, авторъ признается въ одномъ мѣстѣ, что „пока ни одинъ изъ философовъ не придумалъ болѣе простого и нагляднаго рѣшенія вопроса объ отношеніи единства и двойственности во вселенной, чѣмъ то, которое мы находимъ въ христіанскомъ ученіи о воплощеніи Бога-духа“. Не останавливаясь на этомъ ученіи, авторъ безъ особеннаго труда приходитъ къ выводу, что „всякая активная сила должна быть духомъ“ и что пассивная сила сопротивленія и стѣсненія заключается въ веществѣ. Въ этомъ случаѣ г. Гротъ пользуется исключительно методомъ словесныхъ оборотовъ и простыхъ утвержденій. „Нѣтъ свободы безъ рабства,—разсуждаетъ онъ,—нѣтъ рабства безъ господина, нѣтъ освобожденія безъ

гнета. Гдѣ же господинъ, что связываетъ и гнететъ силу-духъ, держитъ ее въ оковахъ, заставляетъ ее бороться изъ-за освобожденія? Инстинктъ отвѣтитъ всякому: господинъ этотъ есть не кто иной, какъ матерія"... Разрѣшивъ вопросъ при помощи инстинкта, авторъ последовательно долженъ былъ бы придти къ заключенію, что нашему духу остается лишь поскорѣе освободиться отъ оковъ тѣла и перейти въ невѣдомое состояніе чистой сущности. „Наше тѣло, наша плоть, нашъ организмъ, какъ среда дѣйствія нашей активной силы-духа... представлялись всегда, совершенно справедливо, препятствіемъ развитію силы духа и воплощеніемъ силъ сопротивленія природы,— отчего тѣло и признавалось многочисленными философами темницей души" (стр. 81). Но препятствіе можно легко устранить, — стоитъ только разбить темницу, уничтожить тѣло, и духъ будетъ свободенъ отъ гнета. Авторъ не только не дѣлаетъ этого логическаго вывода, прямо вытекающаго изъ его разсужденій, но почему-то сворачиваетъ въ сторону и выпускаетъ цѣлый ворохъ фразъ. Онъ много говоритъ о самостоятельной роли внутренняго опыта, самонаблюденія, рядомъ съ внѣшнимъ опытомъ; первый открываетъ намъ силу духовную, а второй—вещественную. „Дуализмъ нами возстановленъ,—заключаетъ онъ,—не знаемъ, достаточно ли убѣдительно... Нашъ дуализмъ есть совершенно новая (?!) форма дуализма, какъ показываютъ самыя понятія матеріи-силы и силы-духа". Все дѣло для автора—въ перестановкѣ словъ; онъ думаетъ, что сказалъ нѣчто серьезное, связавъ такъ или иначе слово „сила" съ матеріею и духомъ. Онъ останавливается лишь передъ понятіемъ „чистой силы"; сущность ея—вѣчная тайна, такъ что мысль о стремленіи этой силы освободиться отъ вещества была уже напрасною попыткою заглянуть въ область „непознаваемаго". Предъ этою тайною,—скромно замѣчаетъ г. Гротъ,—но только предъ нею, сознаетъ свое безсиліе и ограниченность нашъ сильный умъ; предъ нею умолкаетъ слово знанія, предъ нею смиряются гордость и самомнѣніе человѣка". Теперь, послѣ книжки г. Грота, „можно основать и новую мораль (sic!) или, вѣрнѣе, возстановить добрую старую мораль"; это составитъ задачу слѣдующей брошюры, обѣщаемой авторомъ. „Очевидно,—говорится далѣе,—что наша доктрина силы-духа могла бы служить основой для переработки всѣхъ нравственныхъ, индивидуальныхъ и соціальныхъ идей и идеаловъ человѣчества... Мы думаемъ также, что и вѣчная загадка человѣческаго бытія—загадка будущей судьбы человѣка можетъ быть вновь подвергнута обсужденію, съ точки зрѣнія доктрины силы-духа. Сила-духъ неуничтожима и можетъ только переходить изъ свободнаго состоянія въ напряженное. Но напряженное состояніе для нея можетъ быть только временнымъ. Конечное освобожденіе несомнѣнно.

Духъ долженъ быть безсмертенъ, и по всему вѣроятію именно въ человѣкѣ (на землѣ) онъ можетъ достигать безсмертія, т.-е. окончательной побѣды надъ силою сопротивленія, которая его связывала въ остальной природѣ". Это оригинальное сцѣпленіе вѣроятностей, возможностей и несомнѣнностей можетъ служить образчикомъ научной логики автора. И съ такими пріемами г. Гротъ считаетъ возможнымъ „переработать, на новыхъ началахъ, теорію нравственности, мораль" и даже преобразовать „всѣ нравственныя, индивидуальныя и соціальныя идеи и идеалы человѣчества"!

Авторъ до того фантазируетъ, что иногда читатель можетъ принять его за многорѣчиваго фельетониста, а не за философа, привыкшаго строго взвѣшивать свои слова и мысли. Онъ рисуетъ намъ, напримѣръ, слѣдующую картину, для нагляднаго изображенія своей основной идеи: „Во вселенной, какъ конкретно-данномъ фактѣ, есть двѣ силы—сила-духъ и матерія-сила. Эти двѣ силы борются и стремятся побѣдить другъ друга. Одна есть источникъ активности, жизни, сознанія, самосознанія, идеальности, другая—источникъ пассивности, смерти, безсознательности, матеріальности. Побѣда первой—освобожденіе ея изъ оковъ второй—есть основа свободы, прогресса, счастія, добра. Побѣда другой есть источникъ рабства, регресса, несчастія, зла. Могла ли первая сила быть вѣчно въ оковахъ матеріи? Конечно, нѣтъ. Ея естественное состояніе есть состояніе полной свободы (откуда это?). Она вѣроятно (?) произвольно (sic) подчинилась, отдалась, поработилась—для того, чтобы побѣдить другую силу,—силу сопротивленія, рабства, покоя, т.-е. начало смерти, зла,—ибо если естественное состояніе ея есть состояніе свободы, то и рабство ея можетъ быть только продуктомъ свободнаго выбора (?). Но если она первоначально свободна, то она—высшее воплощеніе сознательности, духовности, идеальности, т.-е. высшее воплощеніе разума, добра, красоты. Она сказала себѣ (sic), что она побѣдитъ противоположную силу. И вотъ, отдавши въ полное рабство ей одну часть свою, а не всю себя, ибо это было бы слишкомъ много (!), она начинаетъ бороться. Она передѣлываетъ матерію-силу, силу сопротивленія, приспособляетъ ее къ себѣ и въ этомъ процессѣ приспособленія освобождается... Если активная сила есть сила духа, то смыслъ прогресса понятенъ. Прогрессъ есть порабощеніе и приспособленіе силы-матеріи, въ видахъ освобожденія силы-духа... Въ полномъ освобожденіи силы-духа, но не внѣ, а въ самой матеріи (какое же это полное освобожденіе?), путемъ ея приспобленія и подчиненія,—цѣль бытія и развитія вселенной", и т. д. (стр. 89—91). Подобныхъ картинъ можно выдумать сколько угодно, съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, и каждая изъ нихъ будетъ имѣть не меньше смысла, чѣмъ нарисо-

ванная г. Гротомъ. Эта сознательная игра двухъ силъ, это добровольное подчиненіе злу для того, чтобы освободиться отъ него впослѣдствіи, эта самоотверженная борьба безплотнаго духа съ веществомъ,—все это похоже на какую-то наивную и сбивчивую миѳологію, лишенную даже поэтическаго колорита. Почему вещество, наполняющее видимую нами природу, представляетъ собою начало смерти и зла, а не начало жизни и добра,—объ этомъ авторъ даже не поставилъ себѣ вопроса; онъ прямо высказываетъ свои положенія, созданныя фантазіею, и смѣло развиваетъ ихъ при помощи сомнительнаго краснорѣчія. Нужно только пожалѣть, что молодой ученый, написавшій двѣ солидныя работы („Психологія чувствованій", Спб., 1880 г. и „Къ вопросу о реформѣ логики", 1882), покинулъ научную почву и увлекся болѣе легкимъ способомъ философствованія.—Л. С.

ЗАМѢТКА.

Чтò читать народу [1]?

— Чтò читать народу? — Да развѣ объ этомъ нужно спрашивать? Не разрѣшается ли этотъ вопросъ очень просто самъ собою? Во всемъ томъ, что считаетъ для себя полезнымъ и разумнымъ интеллигенція,—она, вѣроятно, не откажетъ и народу, то-есть, необразованной или малообразованной массѣ. Цѣль народнаго чтенія, во всякомъ случаѣ, поднять образованіе этой массы, воспитать ее въ духѣ тѣхъ началъ, какія вездѣ признаны образованнымъ обществомъ; а какъ народъ переработаетъ эти начала сообразно своему характеру, какія сдѣлаетъ изъ нихъ примѣненія для своей жизни,—это уже его дѣло. Создавать чужую жизнь нельзя: можно только облегчать правильное ея развитіе и созиданіе. Весь вопросъ, значитъ, сводится къ тому, какія произведенія литературы доступны народу на той или другой степени его развитія, и какъ въ этомъ отношеніи упростить самую науку.

Такъ все это кажется на первый взглядъ ясно и просто; но, къ сожалѣнію, далеко не такъ все это оказывается на дѣлѣ, и, по мѣрѣ

---

[1]) Авторъ настоящей „Замѣтки“, Василій Ивановичъ Водовозовъ, скончался 17 мая (род. въ сентябрѣ 1825 г.); въ последнія двадцать лѣтъ его имя занимало почетное мѣсто въ ряду нашихъ педагоговъ; по своей учебной дѣятельности—покойный былъ извѣстенъ еще въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ; съ 1866 года онъ посвятилъ себя, главнымъ образомъ, педагогической литературѣ, и его труды въ этой области, какъ наприм. „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ“, справедливо пользуются и до сихъ поръ обширною извѣстностью. В. И. Водовозовъ былъ одною изъ тѣхъ симпатичныхъ и цѣльныхъ натуръ, которыя способны отдать все свое существо на служеніе одной, разъ избранной ими цѣли. Рожденный въ семьѣ, которая могла привить ему однѣ узко-практическія цѣли жизни, воспитанный въ спеціальномъ коммерческомъ училищѣ, В. И. Водовозовъ преодолѣлъ неимовѣрныя затрудненія, чтобы приготовить себя къ университетскому экзамену и притомъ по философскому факультету; менѣе чѣмъ въ годъ онъ изучилъ греческій языкъ настолько, что, поступивъ въ 1843 году на первый курсъ, онъ черезъ годъ не только выдержалъ дополнительный вступительный экзаменъ, но и вмѣстѣ съ товарищами — переводный экзаменъ изъ перваго во второй курсъ. Печатаемая нами его посмертная записка, при всей своей краткости, резюмируетъ весьма обстоятельно тѣ принципы, которыхъ покойный держался неизмѣнно въ теченіе всей своей трудовой жизни, — болѣе тридцати лѣтъ. Эту записку можно, такимъ образомъ, разсматривать какъ его педагогическую исповѣдь, которую онъ оставилъ на память своимъ многочисленнымъ почитателямъ и ученикамъ.— М. С.

большаго примѣненія къ практикѣ, вопросъ о томъ, что̀ читать народу?—у насъ все болѣе запутывается и становится головоломнымъ. Чтобъ нѣсколько уяснить себѣ это дѣло, остановимся сначала на извѣстной книгѣ: „Что читать народу?"—составленной учительницами харьковской женской школы. Мы не будемъ подробно разбирать ее, такъ какъ о ней уже было довольно отзывовъ; мы извлечемъ изъ нея только нѣкоторый матеріалъ для занимающаго насъ вопроса. Какъ извѣстно, учительницы харьковской школы обратились прямо къ народу для рѣшенія этого вопроса, приглашая настоящихъ и бывшихъ учениковъ и ученицъ народной школы давать отзывы о прочтенныхъ ими книгахъ. Впрочемъ, опытъ былъ довольно ограниченный: отзывы давались преимущественно ученицами женской воскресной школы, которою учительницы руководили, и лишь въ дополненіе къ нимъ на нѣкоторыя книги получены были письменные отчеты изъ трехъ окрестныхъ сельскихъ школъ. Такимъ образомъ, мы должны удовольствоваться почти только тѣмъ, что̀ думаетъ о книгахъ харьковская учащаяся молодежь изъ народа и въ большинствѣ случаевъ лишь женская половина этой молодежи. Тѣмъ не менѣе учительницами положено было много усердія и труда въ тѣсномъ кругу ихъ наблюденій, и также, какъ по крайней мѣрѣ имъ казалось, выказано много безпристрастія.

Мы не будемъ здѣсь касаться научнаго отдѣла книги, гдѣ на видъ болѣе выступаютъ знанія и педагогическая опытность самихъ преподавательницъ и гдѣ дѣло идетъ преимущественно о томъ, чтобы рѣшить, насколько доступны народу тѣ или другія книги но ихъ изложенію; мы нѣсколько остановимся лишь на отдѣлѣ литературномъ, гдѣ яснѣе видны взгляды и направленіе слушательницъ и самый способъ веденія дѣла, принятый учительницами. Здѣсь главная заслуга учительницъ состоитъ въ слѣдующемъ: по народнымъ отзывамъ, онѣ доказали, что народу вполнѣ доступны многія произведенія нашихъ классическихъ писателей, какъ-то: „Записки Охотника" и нѣкоторыя повѣсти („Муму", „Постоялый дворъ") Тургенева, малороссійскія повѣсти Гоголя, „Ундина" Жуковскаго, „Морозъ Красный Носъ" и нѣкоторыя другія стихотворенія Некрасова, многія комедіи Островскаго („Не въ свои сани не садись", „Свои люди—сочтемся", „Воспитанница", и проч.). Правда, указано очень немного; изъ другихъ отзывовъ мы знаемъ, что кругъ классическихъ произведеній, которыя могутъ завлечь грамотныхъ людей изъ народа, несравненно шире, и уже въ настоящее время здѣсь замѣчается очень много ступеней развитія; но на отзывы харьковскихъ учительницъ мы обращаемъ особенное вниманіе потому, что они провѣрены на практикѣ.

Однако настоящая наша задача не въ этомъ указаніи. Преклоняясь передъ авторитетомъ имени, учительницы и не пытались объяснить, въ какой степени можетъ быть содержательно для народа то или другое произведеніе писателя, признаннаго почему-либо классическимъ (къ такимъ писателямъ отнесенъ, между прочимъ, и Григоровичъ): онѣ руководящими вопросами старались только выяснять содержаніе этихъ произведеній. Что касается остальныхъ книгъ для народа, то тутъ онѣ уже не стѣснялись высказывать свой педагогическій авторитетъ; но свои сужденія онѣ все-таки основывали на приговорахъ слушательницъ. Эти приговоры иногда бывали довольно странными. Учительница давала книгу для прочтенія, по ея словамъ, самой развитой и серьезной изъ слушательницъ старшаго возраста, и изъ ея же сообщенія оказывалось, что эта слушательница не понимала самыхъ простыхъ вещей и задавала совсѣмъ дѣтскіе вопросы. Какъ бы то ни было, выражалось сочувствіе или несочувствіе къ книгѣ, и затѣмъ слѣдовалъ приговоръ. Но надо сказать правду, что встрѣчаются и очень мѣткія замѣчанія слушательницъ, и особенно что касается изложенія содержанія,—разсказы учащихся, по простотѣ и выразительности, очень часто далеко превосходятъ разсказъ рекомендуемой книжки. Любопытно, однако, знать, что же изо всего этого происходило?

Мы узнаемъ, что ученицы рыдали навзрыдъ, слушая чувствительные разсказы Григоровича, и приходилось прекращать чтеніе. „Бѣдная Лиза" Карамзина также была прочитана и заслужила одобреніе, потому что нѣкоторыя ученицы, при чтеніи ея, проливали слезы. Какая-то графиня Руконолева издала въ С.-Петербургѣ для народа книжку,—правда, дешевую, за 2 коп., но поученія въ ней—на многіе рубли. Тутъ, между прочимъ, и воробушекъ, несмотря на свою бѣдность и невзрачность, помогаетъ несчастнымъ птицамъ:

Цѣлый день порхалъ онъ всюду;
Всюду зернышки сбиралъ,
Относилъ больнымъ сосѣдямъ,
Бѣдныхъ пѣсней утѣшалъ!

Когда этотъ воробушекъ умеръ, то всѣ птицы о немъ плакали; плакали и дѣти, читая о его похоронахъ. Книжка, конечно, горячо рекомендуется.

Кромѣ слезъ, также и дѣтскій смѣхъ имѣлъ значеніе при выборѣ книгъ. Оказывается, что дѣтямъ изъ народа болѣе всего нравятся не сказка Пушкина или что-нибудь подобное, а „Степка-Растрепка" Вольфа. Это любимая книжка дѣтей, стоющая, къ сожалѣнію, 1 р. 25 к. за 16 страницъ. Слѣдовательно, она и не по средствамъ для

народной школы; но учительница краснорѣчиво отстаиваетъ свободу дѣтскихъ симпатій и съ умиленіемъ приводитъ стихи изъ книги:

Ай да диво, что за грива!
Ай да ногти, точно когти!
Отчего-жъ онъ такъ обросъ?
Онъ чесать себѣ волосъ
И ногтей стричь цѣлый годъ
Не давалъ — и сталъ уродъ.

Послѣ этого уже великанами являются такіе писатели, какъ Чистяковъ, Погоскій, даже Маляревскій. Несмотря на ихъ сантиментальность, вычурность, фальшь, которую мѣстами признаетъ и учительница, — всѣ они безусловно одобряются, потому что нравились учащимся. Въ концѣ литературнаго отдѣла помѣщены таблицы, указывающія, какія книги пригодны для какого возраста и для какой степени развитія. Всѣхъ такихъ степеней означено 6, и нѣкоторыя книги удостоились такого вниманія, что названы пригодными для всѣхъ возрастовъ и ступеней развитія. Какія же это книги? Вмѣстѣ съ разсказами для народа Льва Толстого, сказками Пушкина и Жуковскаго, которые могли быть полезными, если не всегда по содержанію, то по слогу (хотя сказки Жуковскаго, конечно, наиболѣе слабыя изъ всѣхъ его произведеній),—тутъ являются: „Конекъ Горбунокъ“ Ершова, „Иванушка-дурачокъ“ Круглова, „Митина нива“ Вучетича, „Веселый дѣдъ“ Коровина, одинъ сборникъ повѣстей, и пр.—Сказка „Конекъ Горбунокъ“, очень умная по содержанію и мѣстами чрезвычайно бойкая по слогу, въ то же время отличается грубою неправильностью и небрежностью рѣчи и отчасти стариннымъ ироническимъ отношеніемъ къ народу: допустивъ ее для чтенія, ее все-таки ни въ какомъ случаѣ нельзя считать образцовою. Сказка же Круглова—не болѣе какъ скучное упражненіе въ стихотворствѣ, при неудачномъ желаніи поддѣлаться подъ народный слогъ. „Митина нива“—недурно написанный, но довольно сантиментальный разсказъ о томъ, какъ, играя цвѣтами, умеръ ребенокъ, забытый на нивѣ. „Веселый дѣдъ“ Коровина также не отличается изобрѣтательностью: это дѣдъ, который пляшетъ, чтобъ развлечь умирающаго отъ голода ребенка, пока чудесно найденный рубль не спасаетъ семьи. Въ сборникѣ, о которомъ мы упомянули, три отрывка: „Старый дворецкій“, „Няня“ и „Юродивый Гриша“. Первый разсказъ состоитъ въ томъ, что старикъ дворецкій, придя въ деревню, вызывается услужить роженицѣ, отправляется за старушкой-бабушкой, везетъ ее на салазкахъ и въ темную ночь нечаянно спускаетъ ее въ прорубь, послѣ чего идетъ каяться въ монастырь. Во второмъ разсказѣ, няня ждетъ—не дождется своего внука; онъ, наконецъ, является къ ней въ видѣ

юродиваго. Но радость няни продолжалась недолго: внукъ ушелъ отъ нея въ монастырь. Третій разсказъ (изъ книги Толстого: „Дѣтство и Отрочество“) также служитъ къ прославленію юродиваго съ его пламеннымъ благочестіемъ. Мы видимъ, что этотъ выборъ уже никакъ нельзя объяснить только сочувствіемъ слушательницъ: тутъ извѣстную роль играли и симпатіи самихъ преподавательницъ.

Изъ отзывовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ: „Что читать народу“, намъ пришлось бы сдѣлать такой выводъ. Народъ способенъ понимать и лучшія классическія произведенія; но болѣе всего ему нравятся книги, гдѣ есть что-нибудь изысканно-сантиментальное и грубоэффектное, резонерски-поучительное и мистическое, сказочно-невозможное и вообще фантастическое. Но особенно все мистическое считается наиболѣе пригоднымъ для народа. Въ настоящее время начался новый рядъ народныхъ изданій, подъ фирмою „Посредникъ“. Тутъ замѣтно сказывается участіе Льва Толстого. Книжки очень недурно изданы и продаются по 1½ и по 5 копѣекъ. Цѣль ихъ—провести въ жизнь истинныя начала христіанства: полную самоотверженія любовь къ ближнему, незлобивость и прощеніе обидъ, и проч. Цѣль добрая, но преобладающая форма разсказовъ намъ кажется далеко не цѣлесообразною. Здѣсь мы находимъ три разсказа Л. Толстого. Изъ нихъ лишь одинъ „Кавказскій плѣнникъ“ представляетъ болѣе бытовую картину; другіе два: „Чѣмъ люди живы“ и „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“—выражаютъ идеи о милосердіи и о забвеніи обидъ. Выдается еще разсказъ Савихина: „Судъ людской не Божій, или дѣдъ Софронъ“. Кромѣ этого изданы разсказы съ тѣмъ же направленіемъ: „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ и „Христосъ въ гостяхъ у мужика“, Лѣскова (милосердіе и прощеніе обидъ).

Разсказъ Толстого „Чѣмъ люди живы“ считается чуть ли не идеаломъ разсказовъ для народа. Въ книгѣ, составленной учительницами харьковской школы, ему посвящены цѣлыхъ 13 страницъ мелкой печати въ два столбца, наполненныхъ отзывами о немъ учениковъ и ученицъ (тогда какъ для другихъ, самыхъ сложныхъ произведеній, назначено много двѣ-три страницы). И во всѣхъ отзывахъ все повторяются вопросы: „Какое первое, какое второе, какое третье слово узналъ ангелъ?“—такъ что въ этихъ тонкостяхъ, наконецъ, затемняется и идея разсказа. Остановимся на немъ нѣсколько подолѣе, такъ какъ онъ очень характеристиченъ. Съ обычнымъ своимъ талантомъ, Толстой рисуетъ положеніе бѣднаго деревенскаго сапожника, ходящаго собирать свой грошовый заработокъ, его жены, которая распекаетъ мужа за плохо устроенное хозяйство, сытаго толстяка барина, пришедшаго заказывать сапоги, и проч. Все это очерчено легкими, но очень типичными чертами; тѣмъ не менѣе вся эта жизненная

картина утопаетъ въ туманной и мудреной аллегоріи. Дѣло въ томъ, что одинъ ангелъ прогнѣвилъ Бога, не вынувъ души женщины, такъ какъ пожалѣлъ въ ней мать двухъ малютокъ. Женщина все-таки умерла; но сиротъ, какъ родныхъ, пріютила и пригрѣла сосѣдка, а ангелъ, въ наказаніе, былъ голымъ брошенъ на землю. Однако, его нашелъ сапожникъ, одѣлъ, пріютилъ и оставилъ у себя работникомъ. Такъ ангелъ узналъ первое: что въ людяхъ есть любовь. Когда же дюжій баринъ заказывалъ сапоги, то онъ увидѣлъ позади его ангела смерти. Баринъ, дѣйствительно, въ тотъ же день умеръ, и ангелъ узналъ второе: что люди не знаютъ, что имъ нужно для себя, для своего тѣла. А третье ангелъ узналъ, когда къ сапожнику пришла женщина, взявшая на воспитаніе сиротокъ, со взрослыми уже дѣвочками; онъ узналъ, что люди живы не тѣмъ, „что сами себя обдумаютъ", а тѣмъ, „что есть любовь въ людяхъ". „Богъ не хотѣлъ, чтобы люди врозь жили и затѣмъ не открылъ имъ того, чтó каждому для себя нужно, а хотѣлъ, чтобы они жили заодно, и затѣмъ открылъ имъ то, чтò имъ всѣмъ для себя и для всѣхъ нужно". Тогда затряслась изба, раздвинулся потолокъ, и всталъ огненный столбъ отъ земли до неба. У ангела распустились крылья, и онъ взлетѣлъ на небо.

Къ чему вся эта исторія съ ангеломъ? Вѣдь могло бы и не случиться, что женщина пріютила сиротокъ; а если это случилось, то не ясно ли и такъ, почему сиротки остались живы. Тутъ вводится непріятная и сомнительная черта, что малютки не просто спасены любовью, а что для этого еще непремѣнно нужна была смерть матери. Нѣкоторыя изъ учениц харьковской школы по случаю этого замѣтили: „а матери все-таки никто замѣнить не можетъ". Далѣе, будь вмѣсто ангела какой-нибудь человѣкъ, бѣднякъ, умиравшій отъ голода въ дорогѣ, то и первое, чтó узналъ ангелъ, означало бы, чѣмъ люди живы: исторія съ сиротками нужна была бы развѣ только для пополненія темы. Въ сущности, первое и третье означаютъ одно и то же, и читающіе только напрасно ломаютъ голову надъ этими различеніями. Примѣръ барина, не знающаго, чтò нужно для тѣла, выбранъ очень неудачно. Вѣдь онъ всю жизнь заказывалъ сапоги и зналъ же, чтó ему нужно, а вотъ только въ этотъ послѣдній разъ не зналъ. Такъ еслибы каждый, при началѣ дѣла, думалъ, что сейчасъ умретъ, то и совсѣмъ не сталъ бы ничего дѣлать: тогда и сиротокъ было бы спасать невозможно. Къ чему предполагать невѣроятное? Умозрѣніями никого не убѣдишь. Люди очень хорошо знаютъ, чтò имъ нужно для себя; но это знаніе у нихъ рѣдко соединяется съ сознаніемъ общей пользы, съ истинно-братскими отношеніями къ ближнему. Только жизнь, проникнутая такимъ сознаніемъ, становится полнѣе.

отраднѣе, утѣшительнѣе для себя. Намъ кажется, что вотъ это и нужно было выяснить, а не вставлять отвлеченную идею въ поучительный символъ, чуждый всякихъ жизненныхъ красокъ.

Послѣ повѣсти „Чѣмъ люди живы?"—самая дѣльная повѣсть Савихина: „Дѣдъ Софронъ". Здѣсь живо обрисовано, какъ гибнетъ отъ пьянства добропорядочный мужикъ, послѣ того какъ пожилъ въ Петербургѣ на фабрикѣ, какъ кулакъ Герасимъ опаиваетъ сельскій сходъ, чтобы отнять у дѣда Софрона послѣднюю полоску земли. Дѣдъ послѣ того долженъ служить въ пастухахъ и, обезсилѣвъ, умираетъ у пріютившаго его добраго мужика, Платона. Въ повѣсти очень много подробностей, прямо схваченныхъ изъ жизни, очень много трогательныхъ сценъ; но конецъ все портитъ. Нужно было, чтобы особая кара постигла Герасима. Онъ сгорѣлъ со всѣмъ своимъ домомъ и богатствомъ, а изба Платона при этомъ пожарѣ осталась цѣлою; и не то чтобы кто-нибудь поджегъ домъ Герасима за кровную обиду,—нѣтъ: сгорѣлъ онъ такъ, самъ собою, въ наказаніе за грѣхи. Дѣло не обошлось и безъ видѣній: Софронъ передъ смертью слышитъ тайный голосъ, его утѣшающій, а Платонъ видитъ Софрона во снѣ,—съ той же поучительной цѣлію. Платонъ сажаетъ березки на его могилѣ, и повѣсть оканчивается словами: „И лежали истлѣвшія дѣдовы кости въ сырой землѣ подъ тяжелой гробовой доской. И хорошо было имъ; и еслибы кто позвалъ ихъ въ деревню Ольховкину, не пошли бы!" Чего же лучше? Пусть Софроны страдаютъ; за то потомъ какъ хорошо костямъ ихъ!

Послѣ указанныхъ нами фактовъ мы естественно приходимъ къ вопросамъ: возможно ли по отдѣльнымъ, случайнымъ заявленіямъ судить о требованіяхъ и желаніяхъ народа? Эти заявленія народа такъ ли понимаютъ наблюдатели и истолкователи народныхъ стремленій, какъ ихъ понимаетъ народъ? Не вносятъ ли они тутъ своихъ личныхъ симпатій и при случаѣ не заставляютъ ли, въ силу барскаго авторитета, и народъ высказываться въ этомъ смыслѣ? Наконецъ, возможно ли, сплошь и сряду, всѣмъ заявленіямъ народа придавать одинаковую цѣну и дѣлать какіе-либо выводы безъ всякой руководящей идеи, разумѣя подъ этою идеей не личныя пристрастія, а общія начала образованія и гуманности?

Если брать отдѣльные, разсѣянные голоса, отдѣльные случаи и на нихъ основывать всю силу доказательствъ, то можно приписывать народу что́ угодно. Даже многочисленные факты, взятые сырьемъ, еще ничего не доказываютъ. При извѣстномъ настроеніи, они могутъ принимать одинаковую форму, но содержаніе ихъ можетъ быть безконечно различно. Гдѣ ручательство, что высказанное народомъ мнѣніе—настоящее, дѣйствительное его мнѣніе, что оно не высказано

подъ вліяніемъ случайныхъ, постороннихъ обстоятельствъ, и что въ другой разъ, по тому же поводу, народъ не выскажетъ противоположнаго мнѣнія? Народная жизнь очень сложная: вмѣстѣ съ историческими осадками, въ ней являются и новыя, разнообразныя наслоенія; рядомъ съ уваженіемъ къ обычаю, къ старинѣ, проскальзываютъ и новыя требованія жизни. Здѣсь идутъ и перекрещиваются волны всевозможныхъ вліяній: бытъ городской и фабричный, бытъ кустарей и чисто-земледѣльческій, жизнь торговыхъ путей и лѣсныхъ окраинъ, горныхъ и степныхъ мѣстностей,—все кладетъ свою печать на взгляды, все предъявляетъ свои требованія. Къ этому надо присоединить отношенія между сословіями, между различными поколѣніями. О томъ же предметѣ крестьянинъ не одинаково будетъ говорить съ духовнымъ лицомъ, съ купцомъ, съ бариномъ или чиновникомъ и со своимъ братомъ. Но при сближеніи съ тѣмъ или другимъ сословіемъ могутъ мѣняться и его взгляды. Рознь поколѣній никогда не была такъ чувствительна, какъ нынѣ, потому что молодежь и старики развились подъ совершенно различными условіями. Прибавимъ ко всему этому, что крестьянское сословіе всегда было болѣе зависимое, что надъ нимъ болѣе, чѣмъ надъ другими сословіями, обрушивался гнетъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Это также не могло не оставить слѣдовъ во взглядахъ народа.

Какъ обманчивы могутъ быть сужденія, составленныя о народѣ подъ такими условіями, нетрудно иллюстрировать примѣрами. При старинномъ крѣпостномъ правѣ, помѣщикъ не совсѣмъ безъ основанія могъ утверждать, что мужикъ любитъ барина, потому что онъ дѣйствительно называлъ барина „батюшкою“ и оказывалъ ему всевозможные знаки преданности и уваженія. Но у многихъ ли эти знаки преданности дѣйствительно выражали благодарность барину за его доброту или милости? Увы! едва уничтожилось крѣпостное право, какъ народъ выразилъ всеобщее недовѣріе къ господамъ, даже къ тѣмъ, которые радѣли о его пользѣ. То же отношеніе мы видимъ нынѣ къ богатому купцу, къ фабриканту, которыхъ народъ также называетъ „кормильцами, милостивцами“. Въ послѣднее время возникла славянофильская идея объ особенномъ, идеальномъ смиреніи нашего народа, — качество, которое ставилось ему въ преимущество даже передъ всѣми народами міра, и чуть этимъ ратоборцамъ народнаго величія приходилось сталкиваться съ дѣйствительною жизнью, какъ они же готовы были утверждать, что народъ нашъ преданъ буйству, пьянству и главное—сохраняетъ самое упорное стремленіе, при всякомъ удобномъ случаѣ, обойти барина. Новѣйшимъ примѣромъ обманчивыхъ сужденій о народѣ служитъ еще школьное дѣло. Сколько толковали у насъ, что народъ совершенно равнодушенъ къ школѣ,

что для обученія грамотѣ ему не нужно другихъ книгъ, кромѣ букваря, часослова и псалтыри,—другихъ учителей, кромѣ отставныхъ солдатъ, спившихся съ круга дьячковъ и черничекъ. Особенно къ новой школѣ—доказывали многіе (эти толки нынѣ опять возобновляются)—народъ просто чувствуетъ антипатію за ея новые методы, за гражданскую печать книгъ и простое, жизненное ихъ содержаніе, за обхожденіе съ учениками, чуждое колотушекъ и розогъ. И что же? прошло нѣсколько лѣтъ, и народъ толпами валитъ въ новую школу, гдѣ есть порядочный учитель. Въ харьковской воскресной школѣ до 300 учеництъ отъ 9 до 40 лѣтъ. Въ сельскихъ школахъ, гдѣ мѣста едва хватитъ на 50 человѣкъ, собирается иной разъ до 100. Это мы узнаемъ изъ земскихъ отчетовъ о московскихъ, тверскихъ школахъ. Въ настоящую минуту передъ нами лежитъ только что вышедшій отчетъ воронежскаго земства о школахъ воронежскаго уѣзда (подъ редакціею Ф. Щербины). Изъ него мы узнаемъ, что число учащихся за послѣднія десять лѣтъ увеличилось въ 120 проц. на школу, и всеобщая воинская повинность съ ея льготами для грамотныхъ тутъ не имѣла почти никакого вліянія. Народъ просто сталъ сознавать пользу грамоты и при этомъ увидѣлъ хорошіе результаты отъ новой школы. Однако, изъ отчета видно, что школы воронежскаго уѣзда еще довольно плохо обставлены: въ книгахъ для чтенія крайній недостатокъ, нѣтъ особыхъ помѣщеній для приходящихъ въ школу издалека, и дѣти должны тащиться за нѣсколько верстъ, часто голодныя, безъ порядочной теплой одежды, въ зимнюю вьюгу, по колѣна въ снѣгу, въ весеннюю и осеннюю распутицу, которыя на югѣ продолжительнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Притомъ, при земледѣльческомъ бытѣ воронежской губерніи, здѣсь дѣти нужнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ помощники бѣдному крестьянину въ сельскихъ работахъ, которыя раньше начинаются весною и дольше продолжаются осенью. Вотъ при какихъ условіяхъ народъ посѣщаетъ школу... и послѣ этого еще могутъ толковать, что онъ чуждается новой школы!

Наблюдатели и просвѣтители народа мало принимаютъ въ разсчетъ указанныя нами условія, при которыхъ образуется и высказывается народное мнѣніе. Они буквально понимаютъ слова народа, тогда какъ у него есть свой языкъ, часто очень иносказательный. Говоря о вредѣ новаго ученія, крестьянинъ, особенно бездѣтный, часто боится только новаго налога на школу, или вторитъ кулаку, которому школа почему-либо кажется не-съ-руки. Прося почитать чего-нибудь поучительнаго, онъ иногда разумѣетъ житіе святого (особенно если это старикъ, спасающій душу), а иногда историческую и даже сельско-хозяйственную книгу, или и повѣсть о томъ, какъ бѣдный батракъ перехитрилъ богача-хозяина и влѣпилъ ему такой щелчокъ въ носъ, отъ котораго

свалился бы и быкъ. Просвѣтитель, положимъ, даетъ ему книгу о томъ, какъ одинъ ссыльный, по какому-то видѣнію, ждетъ въ гости Христа, и въ то же время не прощаетъ своему врагу, потому что отъ этого человѣка пострадали не только онъ, но и многіе другіе, — и какъ онъ все-таки подъ конецъ долженъ былъ усадить этого врага на почетное мѣсто, приготовленное для Христа. Мужикъ съ благодарностью возвращаетъ книгу и говоритъ: „Вотъ какъ нужно прощать обиды-то! а мы, окаянные, чтó дѣлаемъ?—только гнѣвимъ Господа!“—и въ подтвержденіе этого, тутъ же, по уходѣ отъ барина, съ приличною бранью, даетъ тумака встрѣтившемуся сопернику. Чѣмъ, при чтеніи, довольствуется народъ, можно видѣть изъ упомянутаго выше воронежскаго отчета. Въ одномъ мѣстѣ другихъ книгъ нѣтъ, кромѣ азбукъ Паульсона и Ушинскаго, и грамотный крестьянинъ все-таки беретъ ихъ изъ школы и вновь перечитываетъ; въ другомъ мѣстѣ единственная серьезная книга—сборникъ матеріаловъ Мещерскаго о Севастопольской оборонѣ. Просвѣтитель не беретъ во вниманіе того, что учащаяся молодежь часто смотритъ ему только въ глаза, стараясь угадать, чего онъ именно желаетъ. Если это барыня или баринъ, то у народа сейчасъ слагаются особыя отношенія: онъ будетъ соглашаться во всемъ съ просвѣтителемъ, хотя и думаетъ совсѣмъ другое. Еще болѣе: онъ тотчасъ угадаетъ затѣю барина, его вкусы и симпатіи, и такъ или иначе постарается подладиться, потому что это ему ничего не стоитъ, а при случаѣ можно и выгадать. Это лукавство въ отношеніи ко всякому, кто хотя сколько-нибудь имѣетъ видъ барина, можетъ быть, остатокъ стариннаго рабства, но оно легко усвоивается и дѣтьми. Съ другой стороны, слово наставника въ деревнѣ еще менѣе можетъ встрѣтить противорѣчія, чѣмъ въ городѣ. И вотъ просвѣтитель убѣждается, что онъ живетъ съ народомъ душа въ душу, что онъ угадалъ самыя сокровенныя его требованія.

Изъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ, изъ многихъ сказокъ и былинъ мы узнаемъ, что въ душѣ народа есть и глубокое сознаніе жизненной правды, и живое, творческое начало. Между тѣмъ какія книги онъ болѣе всего читаетъ? Это все тѣ же знаменитые: „Еруслань Лазаревичъ“, „Бова Королевичъ“, „Францыль Венціанъ“, „Милордъ Георгъ“, и проч. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Скажутъ, что другихъ книгъ мало и заходитъ въ народъ; но если и заходятъ другія книги, все-таки народъ безъ разбора поглощаетъ все — плохое и хорошее. Народъ, во-первыхъ, очень не избалованъ хорошими книгами. Надо вспомнить, чтó читается и въ образованномъ кругу на провинціи: какой-нибудь пикантный французскій романъ третьяго разряда, какая-нибудь газетка да дешевый иллюстрированный журналъ не состав-

ляютъ же капитальныхъ произведенiй. Во-вторыхъ, по своей наивности, народъ еще относится къ печатной книгѣ съ нѣкоторымъ благоговѣнiемъ: ужъ если напечатано, значитъ—самая, что ни на есть, мудрость! Книга можетъ казаться ему неподходящею, глупою, бездѣльною; но онъ, не довѣряя своему сужденiю, не легко рѣшится дать о ней искреннiй отзывъ. Народъ, въ отношенiи чтенiя, очень невзыскателенъ. Такъ и въ его обыденной, изустной литературѣ, въ сказкѣ, онъ удовлетворяется самыми невозможными и дикими сплетенiями фантазiи, лишь бы тутъ былъ какой-нибудь поучительный смыслъ. Нѣкоторые ревнители нашей народности до того преклоняются предъ каждымъ словомъ, выходящимъ изъ устъ народа, что чуть-ли считаютъ не преступленiемъ передѣлывать для дѣтскаго чтенiя народную сказку. Но самъ народъ не придаетъ сказкѣ такого важнаго значенiя. Подобно этому и въ книгѣ, безъ всякаго критическаго отношенiя, онъ прежде всего ищетъ какого-либо примѣненiя къ своей жизни, и если найдется такое примѣненiе, то мы сейчасъ получаемъ отзывъ: „вотъ это хорошо, дѣльно сказано... умная книга!“ Въ большинствѣ случаевъ, народъ, конечно, находится еще на той степени развитiя, когда и ложный эффектъ, и грубая поддѣлка подъ что-нибудь нравственно-возвышенное могутъ нравиться. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы можемъ запрудить народную литературу всякою дребеденью? Основываясь на недостаткахъ народнаго развитiя, можемъ ли мы говорить съ народомъ, какъ съ глупымъ ребенкомъ? Лучшiя свойства народнаго ума и народной творческой силы, напротивъ, обязываютъ насъ быть здѣсь наиболѣе строгими въ выборѣ произведенiй. Вспомнимъ, что чрезъ сближенiе съ народною литературой обновилась, въ лицѣ Пушкина, и наша художественная литература: Крыловъ, Кольцовъ, Гоголь, Некрасовъ, Тургеневъ (въ „Запискахъ Охотника“) обильно черпали изъ того же народнаго источника. И вотъ теперь, въ благодарность за это, мы будемъ поучать народъ, какой страшный вредъ отъ пьянства, по исполненнымъ всякой чертовщины повѣстямъ Погоскаго, забывая, что подобныя спецiальныя повѣсти еще нужнѣе были бы для нашей интеллигенцiи! Намъ довольно знать, что народъ можетъ понимать и цѣнить все истинно изящное въ литературѣ, если только, по своему содержанiю, оно сколько-нибудь доступно его пониманiю, и, основываясь на этомъ, мы должны поставить себѣ руководящею идеею поддержать и развить въ немъ тѣ прекрасныя начала, которыя онъ же указываетъ намъ въ произведенiяхъ своей творческой фантазiи.

Здѣсь умѣстно будетъ сказать еще о славянскомъ чтенiи, которое, какъ кажется, готовится быть одною изъ спецiальностей вновь заводимыхъ духовно-приходскихъ школъ. Мы ничего не можемъ ни

возражать, ни приводить въ защиту этихъ школъ, не зная, каковы онѣ будутъ. Намъ кажется, что онѣ не могутъ слишкомъ отличаться отъ обыкновенныхъ свѣтскихъ школъ. Священникъ, лишь потому, что онъ, священникъ, еще не есть ни врачъ, ни педагогъ: для этого нужны и особое призваніе, и спеціальная подготовка. Съ другой стороны, его прямыя обязанности, особенно при разбросанности сельскаго прихода, должны сильно отвлекать его отъ дѣятельнаго участія въ школѣ. Значитъ, все дѣло будетъ поручено, какъ и нынѣ, какому-нибудь воспитаннику духовной или учительской семинаріи, и дѣятельность священника противъ той, какую онъ и нынѣ можетъ проявить въ свѣтской школѣ, увеличится развѣ писаніемъ отчетовъ. Собственно говоря, можно бы только радоваться, что число сельскихъ школъ умножится. Но очень жаль, что нѣкоторые ревнители уже съ самаго начала хотятъ посѣять какую-то рознь между этими будущими приходскими и нынѣ существующими свѣтскими школами, ожидая отъ первыхъ всякаго добра и взваливая на послѣднія всякое зло. Если уже совсѣмъ нечего сказать противъ свѣтской школы, то ставятъ ей въ упрекъ, что въ азбукахъ и въ книгахъ для чтенія, въ ней употребляемыхъ, въ началѣ все говорится о лошадкахъ, о коровкахъ, а не объ ангелахъ и другихъ священныхъ предметахъ. Но нельзя же простирать уваженіе къ святынѣ до злоупотребленія священными предметами: если для ознакомленія съ буквою *а* нужно слово „ангелъ", то на томъ же основаніи нужно вводить священные предметы и въ ариѳметическія задачи! „Коровки, лошадки не нужны потому, что дѣти ихъ отлично знаютъ". Но описаніе ихъ и вносится въ книгу потому, что дѣти ихъ знаютъ. Нельзя же семилѣтняго, осьмилѣтняго ребенка, при первомъ упражненіи въ чтеніи, затруднять незнакомыми ему умозрительными предметами. Притомъ здѣсь еще имѣется въ виду привести въ нѣкоторый порядокъ дѣтскія представленія и сообщить нѣкоторыя естественныя знанія, напримѣръ, о различіи животныхъ по зубамъ.—„Вотъ, вотъ,—скажетъ ревнитель: —вы и проговорились: у васъ все знанія, да знанія, а ничего для сердца, для нравственности!" Но, во-первыхъ, въ книгахъ для чтенія помѣщаются не одни же знанія, а, во-вторыхъ, для развитія сердца и нравственности важнѣе всякой книги живой примѣръ, живое слово. Съ другой стороны, не давая умственнаго развитія чрезъ знакомство съ естественными законами, мы не приготовимъ настоящей почвы и для развитія религіозно-нравственныхъ началъ. Что же за религія, затемненная всевозможными суевѣріями! Мы даже не понимаемъ, какъ можно говорить о какой-то особой нравственно-поучительной книгѣ для чтенія, когда въ каждой школѣ есть такая книга, какъ Евангеліе! Вообще книга религіознаго содержанія,

особенно по-славянски, можетъ съ успѣхомъ читаться дѣтьми, когда они сколько-нибудь научатся русской грамотѣ. Какое же можетъ быть возбужденіе религіознаго чувства, когда ребенокъ коверкаетъ каждое слово и приходится почти исключительно имѣть дѣло съ механизмомъ чтенія?

Но мы отвлеклись отъ нашей темы о славянскомъ чтеніи. Необходимость такого чтенія значительно умаляется, послѣ того какъ большая часть богослужебныхъ книгъ переведена на русскій языкъ. Однако, знать по-славянски необходимо для пониманія литургіи — того, что на ней поется и читается. Врядъ-ли сельская школа, при настоящемъ ея устройствѣ, можетъ достигнуть въ этомъ отношеніи бо́льшихъ результатовъ, чѣмъ она достигаетъ теперь. Для этого слишкомъ мало времени, а славянскій языкъ слишкомъ труденъ, и многіе ли изъ самихъ ревнителей знаютъ его основательно? Но скажутъ: надо удовлетворить требованію народа, который любитъ славянское чтеніе. Современная школа, по мѣрѣ силъ, этому и удовлетворяетъ; только мнѣніе о любви народа къ славянскому чтенію тоже преувеличено. Читаютъ преимущественно старики да раскольники, но многое ли понимаютъ изъ прочитаннаго? Понятно, что послѣ многовѣковаго обученія грамотѣ по часослову и псалтири еще сохранились преданія о непреложности такого обученія. Народъ прежде не зналъ никакой другой науки и потребность знанія удовлетворялъ все изъ того же источника. Онъ по своему толковалъ священное писаніе, находя въ немъ тексты и для объясненія естественныхъ явленій, и для примѣненія къ своему домашнему обиходу, и для гаданія о будущемъ, — словомъ, мѣшалъ свои старыя суевѣрія съ религіозными вѣрованіями. Кое-гдѣ такое настроеніе сохраняется и теперь. Но что же тутъ общаго съ религіей и нравственностью? Почему для народа спеціальнымъ знаніемъ должно быть то, что̀ не служитъ спеціальнымъ знаніемъ для остальныхъ классовъ общества? Мы видимъ, что, по мѣрѣ ознакомленія съ наукою и литературою, народъ также охотно читаетъ свѣтскія книги, а свое религіозное чувство онъ удовлетворяетъ чтеніемъ священныхъ книгъ въ русскомъ переводѣ. Съ церковной точки зрѣнія, при плохомъ знаніи славянскаго языка (а другого знанія не можетъ дать сельская школа, потому что въ ней и по-русски-то выучиваются по-поламъ съ грѣхомъ), самостоятельное чтеніе по-славянски можетъ быть даже вреднымъ, потому что при этомъ могутъ быть всякія произвольныя и даже еретическія толкованія священнаго текста.

Насъ спросятъ: какъ же мы отвѣтимъ на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ статьи: „Что̀ читать народу“? что̀ мы можемъ предста-

вить тутъ положительнаго? Мы имѣли въ виду лишь постановку этого вопроса, а подробное объясненіе того, какія книги могутъ быть выбраны для чтенія, завлекло бы насъ слишкомъ далеко и составило бы предметъ спеціальной педагогической статьи. Однако мы считаемъ небезполезнымъ указать здѣсь на основанія, которыхъ слѣдуетъ держаться при этомъ выборѣ, — основанія, отчасти уже разъясненныя нами въ предъидущемъ изложеніи. Здѣсь, конечно, пришлось бы дѣлить читателей на нѣсколько группъ, смотря по успѣхамъ грамотности. Есть мѣстности, гдѣ грамотность уже значительно развилась, гдѣ при школахъ есть порядочныя библіотеки, и крестьяне уже довольно подготовлены къ пониманію болѣе сложныхъ и серьезныхъ литературныхъ произведеній; есть и такія мѣстности, гдѣ они не далеко ушли за предѣлы азбучнаго знанія. Но во всякомъ случаѣ надо помнить, что крестьяне не дѣти, что у нихъ есть богатый жизненный опытъ, развитая наблюдательность, установившіяся условія быта въ ихъ сельскихъ занятіяхъ и промыслахъ, въ ихъ семейномъ и общественномъ положеніи.

Изъ литературныхъ произведеній тутъ всего естественнѣе было бы выбирать такія, гдѣ изображается мѣстный бытъ или нравы и обычаи разныхъ сословій. Хорошо было бы, если бы картины быта воспроизводили знакомую крестьянамъ жизнь въ болѣе широкихъ ея областяхъ, какъ, напримѣръ, бытъ горнозаводскій, бытъ фабричный, степной, и проч. Такихъ произведеній у насъ въ настоящее время накопилось довольно: они частію разсѣяны по журналамъ, частію могутъ быть найдены въ собраніяхъ сочиненій новѣйшихъ беллетристовъ. Каждая повѣсть могла бы быть издаваема отдѣльною книжкою за недорогую цѣну. Нѣкоторыя изъ нихъ, очень талантливо написанныя, пришлось бы все-таки значительно сократить, выкинувъ все, что относится къ излишнимъ литературнымъ распространеніямъ или къ субъективнымъ воззрѣніямъ авторовъ. Мы здѣсь разумѣемъ не однѣ повѣсти изъ крестьянскаго быта: народъ не менѣе интересуется и жизнью другихъ сословій. Бытъ купеческій, бытъ сельскаго духовенства, чиновничій и помѣщичій не менѣе ему близки тамъ, гдѣ дѣло касается реальной стороны жизни. Но описаніе жизни крестьянъ съ новѣйшими умозрѣніями о крестьянскихъ началахъ было бы ему скучно и непонятно. Выходя изъ этого реальнаго начала, мы можемъ рѣшить, что̀ наиболѣе доступно народу въ произведеніяхъ нашихъ первокласныхъ писателей. Крыловъ, Кольцовъ, значительная часть произведеній Некрасова—безъ труда подойдутъ подъ эту мѣрку. Пониманіе Пушкина и Лермонтова требуетъ нѣсколько бо̀льшаго художественнаго развитія; но и у Пушкина его историческія повѣсти, драма „Борисъ Годуновъ“, „Мѣдный Всадникъ“.

„Полтава“, будутъ понятны при нѣкоторыхъ историческихъ объясненіяхъ. Историческій романъ, какъ доказываетъ „Князь Серебряный“ гр. А. Толстого, особенно любимъ народомъ; но здѣсь надо сдѣлать строгій выборъ, чтобы не запружать головы вычурными фантазіями, которымъ такъ легко у насъ поддаются романисты этого рода. Далѣе, при нѣкоторомъ развитіи, Гоголь и Островскій почти цѣликомъ могутъ быть усвоены народомъ. Не худо бы выбрать для народнаго чтенія драмы и комедіи и изъ тѣхъ, какія играются на театрахъ: нѣкоторыя изъ нихъ хотя занимаютъ далеко не первое мѣсто въ художественномъ отношеніи, все-таки довольно просто и живо воспроизводятъ общественную жизнь. Романы Тургенева уже менѣе доступны, потому что изображаютъ недуги образованнаго общества, которыхъ народъ не переживалъ. Но, напримѣръ, „Обломовъ“ Гончарова могъ бы быть отлично понятъ, исключая утонченныхъ отношеній Ольги къ Штольцу и нѣкоторыхъ другихъ романическихъ подробностей. Изъ произведеній иностранной литературы подлежатъ выбору тѣ же сочиненія съ реальнымъ направленіемъ, но не съ выступающимъ рѣзко бытовымъ характеромъ. Впрочемъ, повѣсти, гдѣ встрѣчаются описанія разныхъ странъ и выведена борьба человѣка съ природою, могутъ быть для народа очень занимательны. Есть у насъ попытки изложенія въ сокращенномъ видѣ драмъ Шекспира и другихъ классическихъ произведеній; но такія драмы, какъ „Король Лиръ“ Шекспира и „Вильгельмъ Тель“, Шиллера, могли бы быть изданы цѣликомъ для чтенія болѣе развитыми людьми изъ народа. Больше распространяться объ этомъ предметѣ мы не будемъ; замѣтимъ лишь вообще, что надо сдѣлать выборъ чего-нибудь вполнѣ содержательнаго и по возможности образцоваго. Крестьянину нѣтъ времени много читать, и книга, разъ попавъ ему въ руки, не просто имъ перечитывается, а, такъ сказать, изучается долго и постепенно.

О книгахъ научнаго содержанія мы сдѣлаемъ лишь немного замѣчаній. Всего охотнѣе народъ въ настоящее время читаетъ книги историческія. Но у насъ объ исторіи для народа сложилось особенное понятіе. Многіе считаютъ тутъ необходимыми риторическія изображенія и особенно псевдо-патріотическія разглагольствія. Не намъ бы учить патріотизму народъ, который преимущественно на своихъ плечахъ вынесъ всю тягость нашего историческаго развитія. Какъ по исторіи, такъ и по другимъ научнымъ предметамъ, народная книга прежде всего должна быть проста и правдива. Между тѣмъ въ популярныхъ брошюрахъ по географіи, естественной исторіи, даже по гигіенѣ и сельскому хозяйству, мы сплошь и сряду встрѣчаемъ грубыя поддѣлки подъ простонародный тонъ, ребяческія прибаутки, противныя подмазыванія и подслащиванія

сухой науки и тутъ же—кучу фактовъ, навороченную уже безъ всякой идеи. Мы не отвергаемъ пользы живыхъ, характерныхъ очерковъ изъ путешествій, изъ міра животныхъ и растеній, и т. д. Но для чтенія подобныхъ очерковъ необходимо все-таки предварительное знакомство хоть съ общими началами науки. Въ настоящее время народу всего нужнѣе краткіе курсы по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ знаній, — курсы, въ которыхъ отчетливо и безъ всякихъ прикрасъ изложено было бы самое существенное по каждому предмету. Въ нихъ мѣсто лишь объясняющимъ рисункамъ, чертежамъ, картамъ, а не тѣмъ жалкимъ иллюстраціямъ, какія помѣщаются обыкновенно на оберткѣ народныхъ брошюръ для праздной приманки. Когда народъ начинаетъ учиться, то ужъ учится серьезно, толковито, не для пустой забавы.

В. Водовозовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Николаевичъ Островскій.

† 2 іюня 1886 г.

Когда въ гористой мѣстности восходитъ солнце, оно озаряетъ прежде всего вершины горъ; за ними постепенно выступаетъ изъ тьмы все остальное. Сверху внизъ идетъ, распространяется, бóльшею частью, и свѣтъ, исходящій отъ литературы. До тридцатыхъ годовъ русская литература касалась почти однѣхъ верхушекъ общества; съ этого времени она начинаетъ все болѣе и болѣе освѣщать общественныя низины. „Ревизоръ" и „Мертвыя души" вводятъ читающую публику въ сферу уѣздной и губернской бюрократіи; „Записки сумасшедшаго" и „Шинель"—въ душу мелкаго, забитаго чиновника; по стопамъ Гоголя идетъ Достоевскій, нѣсколько позже—Салтыковъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій становятся Колумбами по отношенію къ крестьянству; В. Крестовскій (псевдонимъ)—по отношенію къ провинціальной семьѣ; графъ Л. Толстой—по отношенію къ русскому солдату. Двадцатилѣтіе между 1835 и 1855 г. можетъ быть названо, съ этой точки зрѣнія, настоящей эпохой открытій — и далеко не послѣднее мѣсто между ними занимаетъ то, которое сдѣлалъ недавно почившій писатель. Міръ, извлеченный Островскимъ изъ вѣкового

мрака—это міръ купечества и мѣщанства. Будущему біографу покойнаго писателя предстоитъ показать, благодаря какому стеченію обстоятельствъ человѣкъ, и по рожденію, и по воспитанію своему принадлежавшій къ совершенно другой общественной средѣ, могъ подойти такъ близко къ замкнутому, словно семью печатями запечатанному, хранилищу старозавѣтныхъ преданій и прадѣдовскихъ нравовъ. Какимъ бы ключемъ онъ ни отперъ дверь, въ которую до него никто серьезно не стучался, онъ принесъ съ собою одну способность, предрѣшившую исходъ начатаго имъ дѣла—способность воспринимать впечатлѣнія, во всей ихъ цѣльности и непосредственности, и передавать воспринятое, едва подвергая его анализу критической мысли. Мы не считаемъ безсознательное творчество ни единственно-возможнымъ, ни абсолютно-высшимъ, — но есть случаи, въ которыхъ оно незамѣнимо; Островскому оно сослужило великую службу. Наблюдатель болѣе страстный, болѣе враждебный застою и произволу, отшатнулся бы отъ картины, которая передъ нимъ раскрылась; онъ сдѣлалъ бы ее предметомъ сатиры,—быть можетъ, геніальной, но воспроизводящей не всю дѣйствительность и, во всякомъ случаѣ, не воспроизводящей ея вполнѣ такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Еще меньше, конечно, можно было бы ожидать подобнаго воспроизведенія отъ теоретика старины, очарованнаго неожиданной съ нею встрѣчей въ современномъ мірѣ. Островскій поступилъ какъ этнографъ, изучающій неизвѣстное до тѣхъ поръ племя, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ художникъ, схватывающій типичныя черты человѣка, сословія, общественнаго класса. Онъ далъ намъ описаніе, соединяющее съ цѣною историческаго документа всю цѣну произведенія искусства. Бытъ, изображенный Островскимъ, въ прежнемъ своемъ видѣ уже не существуетъ; Островскій засталъ его послѣдніе дни, увѣковѣчилъ его именно въ тотъ моментъ, когда для него, какъ и для всей Россіи, приближался періодъ преобразованій. Не будь Островскаго, воображенію нашихъ потомковъ трудно было бы возстановить нѣкоторыя стороны недавняго, но невозвратнаго прошлаго. Его обломки загромождаютъ еще нашу почву, но нѣтъ больше наивности, съ которою оно вѣрило въ собственную непогрѣшимость, нѣтъ сознанія твердости, которое внушало ему незыблемые, повидимому, его устои. Не исчезла еще, быть можетъ, мысль, что міръ стоитъ на трехъ китахъ; но прежде эти киты держались спокойно, а теперь они зашевелились и, того и гляди, исчезнутъ совершенно, такъ что придется подумать о замѣнѣ ихъ чѣмъ-нибудь другимъ.

Объективностью Островскаго объясняется, въ значительной степени, та ожесточенная полемика, которая происходила изъ-за него въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ и окончилась только въ началѣ

шестидесятыхъ годовъ. Ему приписывали намѣренія, которыхъ у него не было вовсе, стремленія, которыя затрогивали его развѣ мимоходомъ. У него были ревностнѣйшіе друзья и упорнѣйшіе враги, одинаково не понимавшіе его произведеній. Кто помнитъ это время или познакомился съ нимъ по источникамъ, тотъ не можетъ прочесть безъ улыбки слова г. Страхова (въ предисловіи къ сочиненіямъ Аполлона Григорьева): „имя Аполлона Григорьева останется навсегда связаннымъ съ именемъ Островскаго, въ которомъ онъ первый указалъ новое слово нашей литературы и постоянно, съ величайшимъ жаромъ, истолковывалъ это слово читателямъ". Толкованія Аполлона Григорьева, ни разу не доведенныя до конца, расплывчатыя, исполненныя „дикихъ восторговъ", могли только затемнить и дѣйствительно затемняли значеніе Островскаго; шесть или семь лѣтъ спустя послѣ указанія на новое слово, сущность этого слова по-прежнему оставалась неразъясненной. Иначе и быть не могло, потому что Островскій создалъ новую картину, а критика обновленнаго „Москвитянина" искала у него „новаго міросозерцанія", находя искомое то въ непосредственномъ отношеніи къ жизни—какъ будто бы тою же непосредственностью не отличался, въ первомъ періодѣ своего творчества, и Гоголь,—то въ „народности", какъ будто бы великіе предшественники и современники Островскаго не были столь же народными, въ истинномъ, широкомъ значеніи слова. Съ именемъ Островскаго дѣйствительно связано имя одного критика, связано такою неразрывною связью, второго примѣра которой не представляетъ, кажется, ни одна литература; но этотъ критикъ — не Аполлонъ Григорьевъ, а Добролюбовъ. Знаменитыя статьи о „Темномъ царствѣ" не только положили конецъ недоразумѣніямъ, такъ долго мѣшавшимъ правильной оцѣнкѣ Островскаго, но яркость этихъ лучей не померкла и теперь, по прошествіи четверти вѣка. Чтобы критическій этюдъ могъ получить такую необыкновенную силу, нужно было совпаденіе многихъ условій: нуженъ былъ писатель, соединявшій огромное художественное дарованіе съ значительной долей индифферентизма; нужна была продолжительная борьба двухъ противоположныхъ мнѣній, одинаково далекихъ отъ истины; нуженъ былъ критикъ, въ которомъ страстность и убѣжденность публициста не исключали глубины эстетическаго пониманія; нуженъ былъ, наконецъ, такой бытъ, который сохранилъ бы въ себѣ всѣ особенности псевдо-патріархальнаго строя и довелъ бы ихъ, оставаясь въ сторонѣ отъ всякихъ другихъ вліяній, до самаго крайняго ихъ выраженія. Тенденціозность, несомнѣнно проникающая собою статьи Добролюбова и содѣйствовавшая, въ свое время, чрезвычайному ихъ успѣху, нисколько не вредитъ имъ и те-

перь, несмотря на то, что надобность въ ней, какъ въ боевомъ оружіи, уже миновала, — не вредитъ именно потому, что, въ данномъ случаѣ, не тенденція подъискивала для себя фактическія основы, а факты сами собою укладывались въ рамки тенденціи. Купеческій бытъ, еще не тронутый „новыми вѣяніями" — это настоящій микрокосмосъ до-реформенной, до-петровской Россіи, это одинъ изъ рѣдкихъ по своей полнотѣ образцовъ „переживанія" или „выживанія" старины. Въ крестьянскомъ быту многое было придавлено крѣпостнымъ правомъ, многое получило иной смыслъ подъ гнетомъ матеріальной нужды, многое и прежде носило на себѣ особый отпечатокъ, обусловленный характеромъ и свойствомъ земледѣльческой, мужицкой работы; купеческій бытъ былъ свободенъ отъ спеціальныхъ давленій; его не одушевляли общинныя начала, не освѣжалъ производительный физическій трудъ, — ничто, однимъ словомъ, не мѣшало ему блюсти и развивать до конца самыя подлинныя „московскія" традиціи, существовать физически, умственно и нравственно — въ XVII-мъ и въ XIX-мъ вѣкѣ. Ни на чемъ нельзя было изучать такъ удобно результаты понятій и порядковъ, далеко не потерявшихъ своей силы и въ другихъ сферахъ, болѣе высокихъ. Матеріалъ для этого изученія былъ данъ Островскимъ, — матеріалъ удивительно обработанный, воплощенный въ живыхъ образахъ; оставалось только сгруппировать его и подвести итоги, что̀ и было сдѣлано Добролюбовымъ въ статьяхъ о „Темномъ царствѣ". Обобщая вопросъ и перенося его въ область чуждую искусству, онѣ даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую характеристику художника. Для несправедливыхъ обвиненій, какъ и для медвѣжьихъ услугъ, не остается больше мѣста; Островскій возносится, наконецъ, на ту ступень, на которую онъ давно уже имѣлъ полное право. Освобожденное отъ томительной заботы о томъ, что̀ именно хотѣлъ сказать писатель, читающее общество получаетъ возможность наслаждаться его твореніями, наслаждаться ими просто и свободно, безъ оговорокъ и сомнѣній. Тенденціозная критика, въ силу своего широкаго размаха, приводитъ къ тому, что въ Островскомъ больше не ищутъ и не предполагаютъ тенденціи. По поводу „Грозы", появившейся на сценѣ и въ печати почти непосредственно вслѣдъ за статьями о „Темномъ царствѣ", раздаются еще запоздалые громы мнимо-западнической критики, запоздалыя фразы искателей „народности"; но это послѣдніе — отголоски усмиренной бури, послѣ которыхъ мы не встрѣчаемъ уже больше попытокъ ни къ увѣнчанію Островскаго вѣнцомъ, ему непринадлежащимъ, ни къ низведенію его въ ряды второстепенныхъ дарованій.

Есть еще одна причина, по которой Добролюбовъ является до сихъ поръ лучшимъ истолкователемъ Островскаго. Другіе писатели,

о которыхъ говорилъ Добролюбовъ,—Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Достоевскій,—продолжали идти впередъ, или по крайней мѣрѣ не шли назадъ, много лѣтъ спустя послѣ смерти молодого критика; Островскій, въ 1860 г., достигъ кульминаціонной точки своего развитія и ничего не создалъ ни высшаго, ни даже равнаго тому, что уже имѣлъ въ виду Добролюбовъ [1]). Правда, къ прежнему своему жанру онъ присоединилъ, около половины шестидесятыхъ годовъ, новый—историческую драму, или драматическую хронику; но какъ ни замѣчательны нѣкоторыя произведенія его въ этомъ родѣ, они все-таки не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ лучшими его комедіями и драмами изъ купеческаго быта. Островскій останется въ нашей памяти преимущественно какъ авторъ тѣхъ пьесъ, содержаніе которыхъ соединено Добролюбовымъ подъ общимъ именемъ „Темнаго царства" („Свои люди—сочтемся", „Не въ свои сани не садись", „Бѣдность не порокъ", „Въ чужомъ пиру похмѣлье", „Гроза", и др.). Послѣдующія его комедіи составляютъ, большею частью, дальнѣйшее развитіе излюбленныхъ имъ съ самаго начала типовъ,—развитіе, дополняющее ихъ многими драгоцѣнными чертами, но все-таки уступающее первымъ, оригинальнымъ созданіямъ молодого творчества. Въ тѣхъ комедіяхъ, сюжеты которыхъ почерпнуты не изъ міра купечества и мѣщанства, Островскій всегда оставался ниже самого себя; даже „Бѣдная невѣста", написанная имъ въ самомъ расцвѣтѣ таланта, уступаетъ, въ цѣломъ. ближайшимъ къ ней, по времени, изображеніямъ той сферы, которую открылъ и безусловно подчинилъ своей власти Островскій („Свои люди—сочтемся", „Не въ свои сани не садись"). Къ той же сферѣ относится и драма, всего больше достойная автора „Грозы",—„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ".

Даже въ давнемъ русскомъ прошедшемъ, къ которому, во второмъ періодѣ своей дѣятельности, сталъ обращаться Островскій, наиболѣе родственными его таланту оказались тѣ характеры, тѣ стороны народной жизни, которые всего ближе соприкасаются съ „Темнымъ царствомъ". Воевода (въ пьесѣ того же имени), не смотря на свое званіе и титулъ—родной братъ Большова, Тита Титыча и другихъ современныхъ намъ „самодуровъ"; оттого онъ такъ хорошо и удался Островскому. Прологъ къ „Воеводѣ"—настоящая живая картина изъ городского быта XVII-го вѣка; но въ этой картинѣ—безъ всякой предвзятой мысли, со стороны автора, а просто вслѣдствіе реальнаго сходства предметовъ—на каждомъ шагу встрѣчаются знакомыя черты, изображенныя съ знакомымъ искусствомъ. Народныя

[1]) Послѣ статей о „Темномъ царствѣ" (1859) появилась, какъ извѣстно, еще одна статья Добролюбова объ Островскомъ—„Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ", вызванная „Грозою" (1860).

сцены составляютъ главную силу и другой исторической драмы: „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, между тѣмъ какъ въ „Козьмѣ Захарычѣ Мининѣ“ онѣ страдаютъ нѣкоторымъ однообразіемъ, вслѣдствіе самаго замысла пьесы, цѣликомъ построенной на одной господствующей нотѣ. Въ „Самозванцѣ и Шуйскомъ“—чуть-ли не первой, по достоинству, драматической хроникѣ Островскаго—особенно удался автору образъ Шуйскаго. Это „лукавый царедворецъ“, какимъ онъ намѣченъ у Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ это излюбленный человѣкъ московскихъ простолюдиновъ, убѣжденный хранитель старины, гордый своимъ происхожденіемъ бояринъ, честолюбивый безъ увлеченья и властолюбивый безъ твердости, т.-е. безъ умѣнья пользоваться властью. Большой монологъ Шуйскаго страдаетъ существенными недостатками (припомнимъ, напримѣръ, фразу: „умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ добьюсь вѣнца“), но въ двухъ сценахъ съ народомъ, въ сценѣ съ Самозванцемъ (когда онъ подбиваетъ его, поддакиваньемъ и одобреніемъ, на новыя безумства) онъ обрисованъ рукою большого мастера. Весьма интересна, въ той же хроникѣ, фигура Самозванца, особенно если сравнить ее съ Лжедмитріемъ Пушкина и Шиллера.

Громадное значеніе въ творчествѣ Островскаго имѣетъ форма. Простотой, сжатостью и силой блещетъ его стихъ въ драматическихъ хроникахъ; но еще замѣчательнѣе его проза, еще богаче оригинальностью языкъ, которымъ онъ заставляетъ говорить представителей „Темнаго царства“. Этимъ языкомъ Островскій овладѣлъ сразу—и владѣлъ съ одинаковою виртуозностью до самаго конца своей дѣятельности. Онъ слышится уже въ „Семейной картинѣ“; достигаетъ своего апогея уже въ первой большой комедіи Островскаго: „Свои люди—сочтемся“. Новыя выраженія, изъ которыхъ многія вошли въ обиходъ и помогли образованію или обособленію новыхъ понятій (напр., „самодуръ“, „самодурство“), новые обороты рѣчи, мѣткіе эпитеты, созданные коллективнымъ народнымъ творчествомъ или особенностями быта,—все такъ и сыплется изъ-подъ пера Островскаго, сообщая всему написанному имъ колоритъ совершенно своеобразный и необыкновенно яркій. Его комедіи имѣютъ еще одно большое достоинство: онѣ почти всѣ чрезвычайно сценичны—не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово французы, не въ смыслѣ ловко завязанной и развязанной интриги или обилія эффектныхъ положеній, а въ смыслѣ быстроты и естественности дѣйствія, наглядности характеровъ, тѣсной связи между отдѣльными сценами. Неудивительно, что Островскій завоевалъ театръ еще легче и раньше, чѣмъ читающую публику, и больше тридцати лѣтъ удерживалъ за собою господствующее положеніе, созданное для него первымъ представленіемъ

„Не въ свои сани не садись". Послѣ смерти Островскаго нашлись „цѣнители и судьи", видящіе въ этомъ положеніи источникъ паденія русской сцены. Они находятъ, что „преобладаніе бытописанія надъ поэзіею, фотографическаго списыванья надъ творчествомъ, постоянное пребываніе въ двухъ-трехъ, весьма низменныхъ, лишенныхъ культурнаго значенія, кругахъ московскаго населенія лишили нашъ репертуаръ высоты общечеловѣческой сцены. Театръ нашъ потерялъ руководящее значеніе, потому что понизились его задачи. „Горе отъ ума" или „Ревизоръ" двигали общественную мысль; комедіи Островскаго никуда не двигали того, кто уже вышелъ изъ Замоскворѣчья. На актерахъ этотъ репертуаръ тоже отразился пониженіемъ задачъ и пріемовъ искусства. Вдумываться въ безчисленныхъ героевъ Островскаго, за исключеніемъ немногихъ, — нечего; они по силамъ всякаго маленькаго внѣшняго дарованія". Нужно было особенное искусство, чтобы сдѣлать въ столь немногихъ словахъ столько крупныхъ ошибокъ. Лучшія комедіи Островскаго—а ихъ не мало—не имѣютъ ничего общаго съ „фотографированіемъ" и, наоборотъ, много общаго съ поэзіей; „низменность" сферы, съ которою имѣетъ дѣло художникъ, ничуть не уменьшаетъ, сама по себѣ, значенія его созданій. Если „Ревизоръ" могъ двигать и двигалъ общественную мысль,—а это не подлежитъ никакому сомнѣнію,—то почему же не могли двигать ее такія произведенія, какъ „Свои люди—сочтемся", какъ „Гроза"? Сфера и тамъ, и тутъ одинаково „низменная"; „культурнаго значенія" Хлестаковъ и Сквозникъ-Дмухановскій имѣютъ не больше, чѣмъ Большовъ или Подхалюзинъ, Дикой или Кабанова. „Вдумываться" въ „героевъ" Островскаго столь же необходимо, какъ и въ „героевъ" Гоголя, потому что и тѣ, и другіе—не простые снимки съ дѣйствительности, а типическія фигуры. Само собою разумѣется, что это примѣнимо не ко всѣмъ лицамъ, не ко всѣмъ пьесамъ Островскаго; но вѣдь и у Гоголя есть и пьесы, и лица, справиться съ которыми могутъ и не первостепенные таланты. Чтобы убѣдиться въ томъ, что на Островскомъ могло воспитаться крупное дарованіе,— стоитъ только назвать покойнаго Садовскаго; а что̀ могъ сдѣлать геніальный актеръ даже не изъ „героя", т.-е. не изъ главнаго лица „Грозы", это показала игра Мартынова въ роли Тихона Кабанова. Къ „пониженію пріемовъ искусства" репертуаръ Островскаго. самъ по себѣ, привести не могъ уже потому, что онъ благопріятствовалъ лучшему изъ всѣхъ „пріемовъ"—простотѣ, торжеству которой долго противодѣйствовало (по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ) господство Каратыгинской школы. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что репертуаръ русской сцены въ послѣднее время оставлялъ желать весьма многаго, что понизился и уровень сценическаго искусства; но при чемъ же

тутъ Островскій? Развѣ онъ настолько заполонилъ русскую сцену, что рядомъ съ нимъ не оставалось мѣста ни для кого другого? Пожалѣть можно скорѣе о томъ, что лучшія его комедіи—комедіи перваго періода—слишкомъ рѣдко появлялись на нашей сценѣ. Ничто не мѣшало чаще обращаться, на-ряду съ Островскимъ, къ Шекспиру, Шиллеру, Мольеру, къ Грибоѣдову и Гоголю. Періодъ господства оперетки, наводненіе сцены цѣлой массой плохихъ или посредственныхъ произведеній, странные, чтобы не сказать болѣе, театральные порядки, надъ исправленіемъ которыхъ слишкомъ мало удалось поработать Островскому,—вотъ настоящія причины упадка, который такъ неудачно пытаются связать съ именемъ покойнаго писателя.

Въ нашемъ журналѣ были напечатаны слѣдующія произведенія Островскаго: „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій" (1867 г., № 1), „Василиса Мелентьева" (написанная въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ — 1868 г., № 2), „Снѣгурочка" (1873 г., № 4) и „Дикарка" (написанная въ сотрудничествѣ съ Н. Я. Соловьевымъ—1880 г., № 1). Сверхъ того, въ іюльской книжкѣ 1880 г. напечатано застольное слово Островскаго о Пушкинѣ, произнесенное въ Москвѣ во время празднествъ, сопровождавшихъ открытіе Пушкинскаго памятника.

К. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

дѣятельности А. Н. Островскаго.

Сорокъ лѣтъ (1847—1886 гг.) продолжалась литературная дѣятельность теперь уже покойнаго писателя, А. Н. Островскаго. За это время изъ-подъ его пера, почти безъ перерыва, выходили „сцены" и „картины" московской жизни, комедіи и драмы, историческія хроники и переводы иностранныхъ пьесъ. Безъ сомнѣнія, такая длинная вереница произведеній, разсѣянныхъ притомъ по разнообразнымъ журналамъ, съ трудомъ можетъ вспоминаться въ стройномъ порядкѣ и необходимой полнотѣ. Въ данномъ случаѣ не оказываетъ помощи даже и „Собраніе сочиненій Островскаго": туда не попали нѣкоторые труды, то напечатанные въ періодическихъ изданіяхъ, то лишь поставленные на театральную сцену; тамъ не оказывается точной

хронологической послѣдовательности въ размѣщеніи пьесъ и, главное, руководящаго библіографическаго указателя. Подобные недостатки мы и хотимъ устранить своимъ этюдомъ.

Первымъ печатнымъ трудомъ А. Н. оказывается „Картина семейнаго счастья", помѣщенная въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ" (1847 г., № 60—61) и подписанная двумя иниціалами: „А. О.". Эта „проба пера , въ измѣненномъ видѣ и подъ заглавіемъ: „Семейная картина", черезъ десять лѣтъ была перепечатана на страницахъ „Современника" (1856 г., кн. 4), а спустя еще два года—и въ сборникѣ: „Для легкаго чтенія" (1858 г., т. VIII). Затѣмъ, въ томъ же году, названный „Листокъ" пріютилъ двѣ новыя работы Островскаго: „Очерки Замоскворѣчья", ни разу не перепечатанныя авторомъ въ „Собраніи сочиненій" своихъ, и „Сцена изъ Замоскворѣцкой жизни" подъ названіемъ: „Несостоятельный должникъ" — отрывокъ изъ извѣстной комедіи: „Свои люди—сочтемся". Послѣ такихъ дебютовъ насталъ двухлѣтній промежутокъ, когда молодой авторъ не напечаталъ ни одной строки. Съ началомъ же пятидесятыхъ годовъ снова открылась его литературная дѣятельность и уже безъ всякаго перерыва продолжала развиваться, почти до смерти писателя, въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1850 г. „Свои люди—сочтемся", комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Москвитянинъ", кн. 6). Эта пьеса, черезъ шесть лѣтъ послѣ появленія въ печати, вызвала небольшую полемику: въ „Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи" (1856 г., № 97 и 135): появились указанія, что въ сочиненіи названной комедіи, вмѣстѣ съ Островскимъ, участвовалъ Д. Тарасенковъ (по театру—Горевъ), артистъ московской сцены и авторъ пьесы: „Сплошь да рядомъ". Островскому пришлось опровергать эти извѣстія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (1856 г., № 80) и „Современникѣ" (1856 г., кн. 8, стр. 221).—„Утро молодого человѣка", сцены („Москвитянинъ", кн. 22).

1851 г. „Неожиданный случай", драматическій этюдъ („Комета", сборникъ, изданный Н. М. Щепкинымъ, М. 1851 г., стр. 427—468). Этотъ трудъ не включенъ въ „Полное собраніе сочиненій".

1852 г. „Бѣдная невѣста", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Москвитянинъ", кн. 4). — Отдѣльное изданіе: Москва, 1852 г. Въ этомъ же году А. Н., какъ указывается въ „Пантеонѣ" (1852 г., т. VI, кн. 11, стр. 4), передѣлалъ для сцены драму Основьяненко: „Щыра любовь, либа мылый дороже счастя", подъ заглавіемъ: „Искренняя любовь, или милый

дороже счастья". Эта передѣлка, поставленная на московской сценѣ, не появилась въ печати.

1853 г. „Не въ свои сани не садись", комедія въ трехъ дѣйствіяхъ („Москвитянинъ", кн. 5).—Названная пьеса вышла отдѣльно (М. 1853 г.) и, кромѣ того, перепечатана въ сборникѣ „Для легкаго чтенія" (1856 г., т. II).

1854 г. „Бѣдность не порокъ", комедія въ трехъ дѣйствіяхъ („Москвитянинъ", кн. 1).—Отдѣльныя два изданія. М. 1854 г., 100 стр. и 1861 г. [1]).

1855 г. „Не такъ живи, какъ хочется", народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ. („Москвитянинъ", кн. 17 и 18).

1856 г. „Въ чужомъ пиру похмѣлье", комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. („Русск. Вѣстникъ", кн. 2).

1857 г. „Доходное мѣсто", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Русск. бесѣда", кн. 1). Отдѣльное изданіе. М. 1857 г.—„Праздничный сонъ до обѣда", картина изъ московской жизни. („Современникъ", кн. 2).

1858 г. „Не сошлись характерами", картина московской жизни. („Современникъ", кн. 1).

1859 г. „Воспитанница", комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Библіотека для чтенія", кн. 1). Отдѣльно. Спб. 1860 г.

—„Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго Новгорода" („Морской Сборникъ", т. XXXIX, кн. 2, отд. III, стр. 177—208). Этотъ трудъ не перепечатанъ въ „Полномъ собраніи сочиненій".

—„Сцены изъ неоконченной комедіи" („Московск. Вѣстникъ", № 29).—Это—отрывокъ изъ комедіи „Старый другъ лучше новыхъ двухъ".

Въ этомъ же году появились два тома „Сочиненій А. Н. Островскаго", изданные гр. Г. А. Кушелевымъ-Безбородко.

1860 г. „Гроза", драма въ пяти дѣйствіяхъ („Библіотека для чтенія", кн. 1).—Это знаменитое произведеніе, удостоенное Уваровской преміи, вышло отдѣльно (Спб. 1860 г., 113 стр.) и недавно переведено на французскій языкъ, подъ такимъ заглавіемъ: „L'Orage", drame traduit par Legrelle. Gand. 1885, 151 pag.

[1]) Эта пьеса, по своей основѣ, близко напоминаетъ французскую комедію: „L'oncle Baptiste", передѣланную Кейзеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: „Stadt und Land, oder Onkel Sebastian aus Oestreich", и Фурманномъ по-русски, подъ заглавіемъ: „Дядя Пахомъ". Послѣдняя передѣлка помѣщена въ „Репертуарѣ" (1844, кн. 5).

—„Старый другъ лучше новыхъ двухъ“, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ („Современникъ“, кн. 10).

1861 г. „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“, картина московской жизни („Библіотека для чтенія“, кн. 3).

—„Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“ („Время“, кн. 10).— Эта пьеса иначе называется: „Женитьба Бальзаминова“.

1862 г. „Козьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ“, драматическая хроника (1611—1612 г.) въ пяти дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ („Современникъ“, кн. 1). — Отдѣльно. Спб. 1862 г.

1863 г. „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ („Время“, кн. 1).—Эта пьеса также награждена Уваровскою преміей.

—„Тяжелые дни“, сцена изъ московской жизни, въ трехъ дѣйствіяхъ („Современникъ“, кн. 9).

1864 г. „Шутники“, картина московской жизни въ четырехъ дѣйствіяхъ („Современникъ“, кн. 9).

1865 г. „Воевода или сонъ на Волгѣ“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, въ стихахъ („Современникъ“, кн. 1). Позже эта пьеса была передѣлана и съ большими измѣненіями шла на московской сценѣ въ началѣ нынѣшняго года.

—„На бойкомъ мѣстѣ“, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ („Современникъ“, кн. 9).

—„Усмиреніе своенравной“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира („Современникъ“, кн. 11).—Этотъ трудъ перепечатанъ въ изданіи: „Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей“ (Спб. 1866 г., т. II).

1866 г. „Пучина“, сцены изъ московской жизни, въ четырехъ отдѣленіяхъ, № 1, 4, 5, 6 и 8.

1867 г. „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, драматическая хроника въ двухъ частяхъ („Вѣстникъ Европы“, т. I, отд. 1, стр. 75—223).—Отдѣльное изданіе. Спб. 1867 г., 153 стр. „Тушино“, драматическая хроника въ стихахъ („Всемірн. Трудъ“, кн. 1).

Въ этомъ году появилось второе четырехтомное изданіе „Сочиненій А. Н. Островскаго“, исполненное Кожанчиковымъ.

1868 г. „Василиса Мелентьева“, драма въ пяти дѣйствіяхъ („Вѣстникъ Европы“, т. I, кн. 2, стр. 431—521).—Подъ этой драмой, кромѣ имени и фамиліи Островскаго, виднѣется еще подпись „Г…“. Этотъ иниціалъ скрываетъ сотрудника автора—Степана Александровича Гедеонова,

—„На всякаго мудреца довольно простоты", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 11).

1869 г. „Горячее сердце", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 1).

1870 г. „Бѣшеныя деньги", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 2).

Въ этомъ году напечатанъ Кожанчиковымъ пятый томъ „Сочиненій А. Н. Островскаго".

1871 г. „Лѣсъ", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 1).—Литографированное изданіе. М. 1885 г., 131 стр.

—„Великій банкиръ", комедія въ двухъ частяхъ, Итало Франки, переводъ съ итальянскаго („Отеч. Записки", кн. 7).

—„Не все коту масляница", сцены изъ московской жизни. („Отечеств. Записки", кн. 9).

1872 г. „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 1).

Въ этомъ же году были изданы „Драматическіе переводы А. Н. Островскаго", куда, кромѣ упомянутаго „Великаго банкира", вошли слѣдующія пьесы: „Заблудшія овцы", комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ итальянскаго сочиненія Теобальдо Чикони: „Le pecorelle smarite";—„Кофейная", комедія въ трехъ актахъ", Гольдони, переводъ съ итальянскаго (La bottega del caffe);—„Рабство мужей", комедія въ трехъ картинахъ, заимствованная изъ французской пьесы: „Les maris sont esclaves", и „Семья преступника", драма въ пяти дѣйствіяхъ, Джіакометти, переводъ съ итальянскаго („La morte civile").

1873 г. „Комикъ XVII-го столѣтія", комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, въ стихахъ („Отечеств. Записки", кн. 2).

—„Снѣгурочка", весенняя сказка, въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ („Вѣстникъ Европы", кн. 9).

1874 г. „Поздняя любовь", сцены изъ жизни захолустья, въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 1).

—„Трудовой хлѣбъ", сцены изъ жизни захолустья въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 11). Отрывокъ изъ этой пьесы былъ напечатанъ въ сборникѣ „Складчина" (Спб. 1874 г.).

Въ этомъ году вышло третье изданіе „Сочиненій А. Н. Островскаго" (Спб., восемь томовъ).

1875 г. „Волки и овцы", комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки", кн. 11.). — Литографированное изданіе. Спб. 1875 г., 160 стр.

1876 г. „Богатыя невѣсты“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 2).—Литографированное изданіе. Спб. 1876 г., 109 стр.

1877 г. „Правда — хорошо, а счастье лучше“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).

1878 г. „Послѣдняя жертва“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).—Литографированное изданіе. М. 1878 г., 195 стр.

—„Женитьба Бѣлугина“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 5).—Эта пьеса также написана вмѣстѣ съ Соловьевымъ.

Въ этомъ году напечатанъ девятый томъ „Сочиненій А. Н. Островскаго“.

1879 г. „Безприданница“, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).

Въ этомъ году на театральныхъ сценахъ Москвы и Петербурга появилась комедія Островскаго подъ названіемъ: „Добрый баринъ“ и, какъ оказывается, не попала ни въ одинъ журналъ.

1880 г. „Дикарка“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Вѣстникъ Европы“, кн. 1), вмѣстѣ съ Н. Я. Соловьевымъ.

—„Сердце не камень“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).—Литографированное изданіе. М. 1880 г., 96 стр.

—„Застольное слово о Пушкинѣ“ („Вѣстникъ Европы“, кн. 7).

1881 г. „Невольницы“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).—Литографированное изданіе. М. 1881 г., 108 стр.

—„Блажь“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 3).—Эта пьеса написана вмѣстѣ съ П. М. Невѣжинымъ и вышла литографированнымъ изданіемъ (М. 1881 г., 100 стр.).

—„Свѣтитъ, да не грѣетъ“, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ („Огонекъ“, № 6—10).—Названная драма написана вмѣстѣ съ Н. Я. Соловьевымъ.

Въ этомъ году напечатаны отдѣльнымъ томомъ „Драматическія сочиненія А. Н. Островскаго и Н. Я. Соловьева“ (Спб. 1881 г., 428 стр.).

1882 г. „Таланты и поклонники“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).—Литографированное изданіе: М. 1882 г., 126 стр.

1883 г. „Красавецъ-мужчина“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ („Отечеств. Записки“, кн. 1).

—„Судья по бракоразводнымъ дѣламъ", интермедія Мигуэля Сервантеса Сааведра, переводъ съ испанскаго („Изящн. Литература", кн. 12).

1884 г. „Бдительный стражъ", интермедія Сервантеса, переводъ („Изящн. Литер.", кн. 1).

— „Театръ чудесъ", интермедія Сервантеса, переводъ („Изящн. Литер.", кн. 7).

Въ этомъ году напечатанъ десятый томъ „Сочиненій А. Н. Островскаго".

1885 г. „Не отъ міра сего", семейныя сцены въ трехъ дѣйствіяхъ („Русск. Мысль", кн. 2).—Литографированное изданіе. М. 1885 г., 74 стр.

—„Саламанкская пещера", интермедія Сервантеса, переводъ („Изящн. Литерат.", кн. 4).

Въ этомъ году вышло четвертое „Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго", восемь томовъ, изданіе Н. Г. Мартынова.

1886 г. „Интермедіи Мигуэля Сервантеса Сааведра" (Спб. 1886 г.). —Въ этомъ изданіи помѣщены всѣ названные выше переводы Островскаго.

Настоящій библіографическій очеркъ литературной дѣятельности А. Н. Островскаго можетъ послужить руководствомъ при знакомствѣ съ трудами покойнаго драматурга; желательно было бы, чтобы такой обзоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, напомнилъ о необходимости издать полное посмертное изданіе его сочиненій.

Москва. Дмитрій Языковъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е іюля 1886.

„Смерть Ивана Ильича", какъ событіе дня и какъ образецъ истиннаго реализма.— Мнѣніе графа Л. Н. Толстого о трудѣ мужчинъ и женщинъ.—„Графъ Василій" и русская „либеральная партія".—Девятый годъ самостоятельной жизни петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.

„Смерть Ивана Ильича" остается до сихъ поръ настоящимъ событіемъ дня. Все способствуетъ этому: и возвращеніе любимаго писателя къ дѣятельности, которую онъ совсѣмъ-было оставилъ, и необыкновенная талантливость формы, и глубокая сила содержанія. Послѣ десятилѣтней работы въ области соціологіи, религіи и этики, прерываемой—или дополняемой—только составленіемъ небольшихъ

разсказовъ для народа, Л. Н. Толстому стоило лишь коснуться прежней, родной почвы, чтобы явиться во всеоружіи своего высокаго дарованія. Что теоретическое отрицаніе художественнаго творчества оставило неприкосновенной творческую способность самого отрицателя, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; никто не можетъ уничтожить, по своему произволу, основныхъ силъ своей натуры. Замѣчательно и чрезвычайно характеристично--въ нашихъ глазахъ—нѣчто другое: это—устойчивость тяги къ творчеству, потребности творить, уцѣлѣвшей въ Л. Н. Толстомъ, несмотря на смертный приговоръ, имъ самимъ надъ нею произнесенный. Въ „Исповѣди" искусство провозглашается „баловствомъ", за поэзіей не признается „призванія учить людей",—и все-таки авторъ „Исповѣди" опять вовлекается въ сферу поэзіи и искусства. Лучшаго аргумента противъ крайностей доктрины, проповѣдуемой Л. Н. Толстымъ, нельзя было бы и придумать.

Сознательно, въ „Смерти Ивана Ильича", Л. Н. Толстой выступаетъ такимъ же учителемъ нравственности, какъ и въ философскихъ или этическихъ своихъ трактатахъ; но безсознательно онъ оказывается, прежде всего, учителемъ искусства. Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе реальное, болѣе близкое къ жизни, чѣмъ нѣкоторыя страницы „Смерти Ивана Ильича"; но какая разница между этимъ реализмомъ и реализмомъ новѣйшей французской школы, со всѣми ея не-французскими развѣтвленіями! Предположимъ, что сюжетъ, аналогичный съ тѣмъ, на которомъ остановился графъ Толстой, былъ бы выбранъ Золà или однимъ изъ завзятыхъ „золаистовъ". Чтó привлекло бы къ себѣ особенное ихъ вниманіе, чѣмъ они занялись бы съ особенною любовью? Безъ сомнѣнія—физіологическою и патологическою стороною сюжета. Они начали бы съ того, что изучили бы нѣсколько медицинскихъ книгъ, поговорили бы съ нѣсколькими докторами, побывали бы, можетъ быть, въ больницѣ, у постели подходящихъ больныхъ—и затѣмъ занялись бы точнымъ воспроизведеніемъ хода болѣзни. Передъ нашими глазами прошелъ бы перечень всѣхъ оттѣнковъ, которые принимало лицо больного, всѣхъ вообще перемѣнъ во внѣшнемъ его видѣ; мы узнали бы подробно, какого рода боли онъ испытывалъ, гдѣ и когда онѣ чувствовались, съ какою послѣдовательностью росли и ожесточались. Чѣмъ отвратительнѣе была бы извѣстная черта, тѣмъ съ большей охотой она была бы обрисована во всѣхъ своихъ деталяхъ. Изъ-за деревьевъ мы потеряли бы, можетъ быть, изъ виду самый лѣсъ, изъ-за отдѣльныхъ ощущеній забыли бы о больномъ, но—получили бы наглядное понятіе о пріемахъ, съ помощью которыхъ больничный скорбный листъ переносится на страницы романа. Совершенно иначе поступаетъ Л. Н. Толстой. Онъ не считаетъ нужнымъ даже опредѣлить, какою

болѣзнью страдалъ Иванъ Ильичъ; вмѣстѣ съ самимъ больнымъ, мы остаемся до конца въ недоумѣніи насчетъ того, гдѣ собственно былъ центръ недуга—въ блуждающихъ почкахъ, или въ желудкѣ, или въ слѣпой кишкѣ. Симптомы болѣзни намѣчаются не такъ, какъ они описываются въ спеціальныхъ книгахъ, а такъ, какъ они отражаются въ сознаніи больного. Свѣденій по медицинѣ мы изъ разсказа не пріобрѣтемъ, но психологія страданія сдѣлается для насъ гораздо яснѣе. Ничего лишняго, никакого размазыванья и раскапыванья грязи, никакихъ ненужныхъ остановокъ на щекотливыхъ пунктахъ— и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего похожаго на чопорность, на pruderie, на ложно понятую стыдливость. „Вкусъ во рту"—читаемъ мы у Л. Н. Толстого—„становился все страннѣе; ему (Ивану Ильичу) казалось, что пахнетъ чѣмъ-то отвратительнымъ изо рта". Ультра-реалистъ этимъ бы не ограничился; онъ постарался бы установить, путемъ аналогій (см. знаменитую „симфонію сыровъ" въ „Брюхѣ Парижа"), чѣмъ именно пахло изо рта Ивана Ильича. Чтó сдѣлалъ бы писатель-эксперименталистъ изъ главы, гдѣ идетъ рѣчь о суднѣ—это можно себѣ вообразить, припомнивъ ту сцену въ „Assommoir", когда Жерveза, возвращаясь домой съ Лантье, находитъ Купо пьянымъ и окруженнымъ слѣдами пьянства. Сравненія встрѣчаются и у Л. Толстого, но ихъ немного; они не идутъ одно за другимъ безконечной, искусственной вереницей; тѣмъ ярче свѣтъ, бросаемый ими на состояніе больного,—состояніе, въ которомъ физическая боль неотдѣлима отъ мучительнаго психическаго процесса. „Ему казалось, что его съ болью суютъ куда-то въ узкій черный мѣшокъ и глубокій, и все дальше просовываютъ и не могутъ просунуть. И онъ и боится, и хочетъ провалиться туда, и помогаетъ... Всѣ три дня, въ продолженіе которыхъ для него не было времени, онъ барахтался въ томъ черномъ мѣшкѣ, въ который просовывала его невидимая, неопреодолимая сила. Онъ чувствовалъ, что мученье его и въ томъ, что онъ всасывается въ эту черную дыру, и еще больше въ томъ, что онъ не можетъ пролѣзть въ нее. Пролѣзть же ему мѣшаетъ признанье того, что жизнь его была хороша. Это-то оправданіе своей жизни цѣпляло и не пускало его впередъ и больше всего мучило его".

Въ приведенномъ нами отрывкѣ рельефно обозначились обѣ нити, сплетеніемъ которыхъ обусловливается неотразимое обаяніе „Смерти Ивана Ильича". Если страданія умирающаго производятъ на насъ такое подавляющее, потрясающее впечатлѣніе, то это зависитъ, прежде всего, именно отъ сложнаго ихъ характера. Поразительную картину чисто физической боли можно нарисовать и безъ помощи искусства; строго научное описаніе мученій, причиняемыхъ тѣмъ или другимъ недугомъ, можетъ навести на насъ такой же ужасъ, возбудить въ насъ такое же сожалѣніе, какъ и изображеніе ихъ на стра-

ницахъ повѣсти или романа. Проникнуть въ сокровенныя глубины психической жизни и воспроизвести ихъ передъ нами можетъ, наоборотъ, только художникъ; здѣсь—настоящая почва искусства, здѣсь—источникъ лучшихъ его вдохновеній, наиболѣе могучихъ его созданій. Ультра-реалисты слишкомъ часто отрѣшаются отъ этой почвы, можетъ быть потому, что она не такъ легко поддается прямому наблюденію и собранію „документовъ", представляетъ мало простора для обычныхъ „экспериментальныхъ" пріемовъ; реализмъ Льва Толстого коренится въ ней всецѣло, изъ нея черпаетъ свою главную силу. Ультра-реалисты дали бы намъ исторію болѣзни—Толстой даетъ намъ исторію больного. Мы точно видимъ слѣды недуга на лицѣ Ивана Ильича, точно слышимъ его стоны и крики, но все это не заслоняетъ отъ насъ его душевнаго образа, объясняющаго, въ свою очередь, его душевныя муки. Міръ, въ которомъ жилъ Иванъ Ильичъ—міръ по преимуществу условный; условной поэтому была и самая его жизнь; условны законы, которымъ онъ подчинялся, условны отношенія къ службѣ и дѣлу, условны даже отношенія къ семьѣ. Приличія и привычки, требованія свѣта и требованія карьеры—среди этого вращалось, этимъ исчерпывалось, до болѣзни, все существованіе Ивана Ильича. И вдругъ Иванъ Ильичъ прозрѣлъ. Ложь, съ которой онъ сжился, которой онъ не чувствовалъ, сдѣлалась для него очевидной, когда передъ нимъ внезапно выросла мысль о близости смерти. Извѣрившись въ настоящемъ, Иванъ Ильичъ извѣрился и въ прошедшемъ: отсюда мучительный вопросъ, была ли хороша его прежняя жизнь, было ли хорошо все то, что онъ считалъ хорошимъ. Трагедія, разыгрываемая въ четырехъ стѣнахъ комнаты больного, пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, громадные размѣры, хотя активнымъ ея участникомъ является одинъ Иванъ Ильичъ. Говорить о значеніи ея, о тѣсной связи, соединяющей ее съ міросозерцаніемъ Л. Н. Толстого, мы здѣсь не будемъ,—скажемъ только, что почти въ каждомъ изъ насъ можно найти ту или другую черту Ивана Ильича, почти каждому изъ насъ случалось, хоть разъ въ жизни, стоять на рубежѣ овладѣвающихъ имъ сомнѣній. Не отъ того ли зависитъ и то томительное чувство, которое такъ упорно держится въ душѣ послѣ прочтенія „Смерти Ивана Ильича"?

Еслибы мы писали критическую статью о графѣ Л. Н. Толстомъ, намъ пришлось бы отвести много мѣста первымъ сценамъ разсказа, въ особенности всему тому, что̀ происходитъ въ квартирѣ Ивана Ильича до и во время панихиды. По страшной силѣ и глубинѣ психологическаго анализа, эти сцены стоятъ наравнѣ съ лучшими страницами, когда-либо написанными Л. Толстымъ. Иванъ Ильичъ жилъ и умеръ, какъ мы уже знаемъ, въ атмосферѣ безсознательной и полусознательной лжи. Нужно было показать на самомъ дѣлѣ, какъ она

проникаетъ въ каждое слово, въ каждый поступокъ ея обитателей,—и вотъ это-то мы и видимъ во вступительной главѣ разсказа. Петръ Иванычъ и Прасковья Ѳедоровна могли бы спросить другъ друга: qui trompe-t-on ici?—но имъ даже не приходитъ въ голову такой вопросъ, потому что они лгутъ и притворяются, какъ автоматы, сами этого не желая и не замѣчая. Имъ случается даже достигать посредствомъ лжи чего-то похожаго на искреннее чувство. „Прасковья Ѳедоровна, узнавъ Петра Иваныча, вздохнула, взяла его за руку и сказала: я знаю, что вы были истиннымъ другомъ Ивана Ильича... и посмотрѣла на него, ожидая отъ него соотвѣтствующія этимъ словамъ дѣйствія. Петръ Ивановичъ зналъ, что надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: повѣрьте! И онъ такъ и сдѣлалъ. И *сдѣлавъ это, почувствовалъ, что результатъ получился желаемый, что онъ тронутъ и она тронута*". Послѣ такого введенія вдвое яснѣе становится вся судьба Ивана Ильича, вся внутренняя борьба, предшествующая его смерти. Большіе результаты, достигаемые небольшими средствами, это, въ техническомъ отношеніи, настоящее торжество искусства. Л. Н. Толстому оно, повидимому, достается само собою, безъ всякаго усилія, потому что онъ художникъ отъ головы до ногъ, художникъ всѣми фибрами своей натуры.

Далеко не такъ легко достигается имъ истина, когда онъ воплощаетъ ее не въ художественные образы, а въ форму чистой мысли. Новымъ доказательствомъ этому служитъ недавняя его статья „о трудѣ мужчинъ и женщинъ" („Русское Богатство", № 6). Не признавая за женщинами равнаго съ мужчинами права на образованіе и на трудъ, Л. Н. Толстой тутъ же допускаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ женщинъ, которыя не вышли замужъ или овдовѣли; „тѣ —говоритъ онъ—будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ". Это исключеніе опрокидываетъ всю теорію. Какъ участвовать въ трудѣ, не будучи къ нему подготовленной, и когда подготовляться къ нему, разъ что право на подготовку можетъ возникнуть не раньше зрѣлаго, весьма зрѣлаго возраста? Авторъ полагаетъ, повидимому, что подготовка ко всякому труду возможна во всякое время жизни; „всякая женщина,——читаемъ мы нѣсколько дальше,—отрожавшись, если у ней есть силы, успѣетъ заняться помощью мужчинѣ въ его трудѣ". Отрожавшей женщину можно считать только по достиженіи 40—45-ти-лѣтняго возраста; неужели же въ эти годы можно начать учиться, приступить къ совершенно новому дѣлу? Развѣ въ самыхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Признавая за старыми дѣвицами, вдовами и бездѣтными женщинами право (и способность) работать наравнѣ съ мужчинами, Л. Н. Толстой, чтобы быть логичнымъ, долженъ признать за всѣми женщинами *право на своевременную под-*

готовку къ мужской работѣ, потому что ни одна женщина не можетъ знать заранѣе, суждено ли ей выйти замужъ и имѣть дѣтей. Послѣдовательны только тѣ противники высшаго женскаго образованія, которые, въ противоположность Л. Н. Толстому, вѣрятъ въ прирожденную слабость женскаго ума или считаютъ подчиненное положеніе женщинъ необходимымъ въ видахъ охраны „основъ",—т.-е. въ видахъ поддержанія порядковъ, выгодныхъ для мужчинъ.

Другое мѣсто статьи, прочитанное нами съ истиннымъ огорченіемъ, заключается въ слѣдующемъ: „мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается не дурнымъ, не вреднымъ человѣкомъ, исполнивъ большую часть своего призванія. Женщина же, имѣющая малое число обязанностей, измѣнивъ одной изъ нихъ, тотчасъ же нравственно падаетъ ниже мужчины, измѣнившаго десяти изъ своихъ сотни обязанностей". Не говоримъ уже о томъ, какъ странно взвѣшивать нарушеніе обязанностей не важностью обязанности и нарушенія, а числомъ другихъ, не нарушенныхъ обязанностей; насъ поражаютъ въ особенности послѣднія слова цитаты, какъ новая попытка освятить неравенство масштабовъ, измѣряющихъ нравственность мужчинъ и женщинъ. Отъ Толстого-мыслителя мы апеллируемъ здѣсь къ Толстому-художнику. Анна Каренина нарушила одну изъ своихъ немногихъ обязанностей, но едва ли кто-нибудь поставитъ ее, и послѣ паденія, ниже Вронскаго или Алексѣя Александровича Каренина, хотя и у того, и у другого наберется, пожалуй, сотня обязанностей, а нарушенныхъ между ними не окажется, быть можетъ, и десяти.

Пресловутый „графъ Василій", уже нѣсколько лѣтъ сряду разсказывающій, въ парижской „Nouvelle Revue" смѣсь былей и небылицъ о разныхъ европейскихъ столицахъ, посвятилъ недавно нѣсколько писемъ „петербургскому обществу". Изъ этихъ „писемъ" наши газеты познакомили русскую публику съ тѣми, гдѣ высказываются мнѣнія „графа Василія", относящіяся къ партіямъ въ Россіи. Вотъ образцы разсужденій графа объ этихъ партіяхъ: „Хотя—говоритъ графъ Василій—я безусловно либераленъ въ своихъ идеяхъ и во взглядахъ относительно другихъ странъ, но не могу не признать, что либералы—совсѣмъ безполезные въ Россіи люди... Изъ двухъ системъ, либеральной и консервативной, я предпочитаю вторую, потому что она имѣетъ огромное преимущество въ моихъ глазахъ въ томъ отношеніи, что благопріятна національному инстинкту, русскому патріотизму, всегда отличавшемуся отъ патріотизма другихъ народовъ... Желательно, чтобы консервативная партія сохранила власть подъ своей эгидой; общественное мнѣніе, до сихъ поръ колебавшееся и нерѣшительное, успѣетъ образоваться, упрочиться и принять опредѣленное направленіе". Все это графъ Ва-

силій дѣйствительно говоритъ, но онъ прибавляетъ, вслѣдъ за послѣднею фразою: „alors on pourra essayer de gouverner d'une façon libérale". Въ другихъ мѣстахъ той же статьи мы читаемъ вотъ что: „истощеніе либеральной партіи окажется очень полезнымъ для ея будущаго существованія; она уменьшится количественно, но укрѣпится качественно... Ея вожди воспользуются ея затмѣніемъ, чтобы просвѣтить себя, изучить средства возвращенія къ болѣе активной роли... Часъ этого возвращенія настанетъ, быть можетъ, раньше, чѣмъ ожидаютъ сами либералы... На долю либераловъ выпадетъ задача поднять значеніе Россіи, регулировать условія ея жизни; нужно только, чтобы они поняли эти условія, чего нельзя сказать о теперешнихъ приверженцахъ либерализма". Мы приводимъ всѣ эти изреченія „графа Василія" не потому, чтобы были съ ними вполнѣ согласны, не потому, чтобы придавали вообще большую важность взглядамъ этого писателя; мы хотимъ только показать, какимъ образомъ иногда собираютъ медъ наши газетныя пчелы. Обѣ категоріи выписокъ, нами сдѣланныхъ—изъ „Спб. Вѣдомостей" и изъ французскаго журнала, могутъ, впрочемъ, послужить еще и для другой цѣли: для характеристики того типа, однимъ изъ представителей котораго является „графъ Василій".

Было время, когда дуализмъ, созданный петровской реформой въ верхнихъ слояхъ нашего общества, выражался въ грубыхъ, рѣзкихъ формахъ, когда внѣшній европеизмъ и подражательное либеральничанье уживались съ замашками и пріемами крѣпостническаго барства. Теперь оболочка перемѣнилась до неузнаваемости, но зерно исчезло еще далеко не вполнѣ. Мѣсто русскаго Мирабо, „хлещущаго стараго Гаврилу", заступили изысканно-вѣжливые джентльмэны, весьма тщательно, иногда даже добросовѣстно старающіеся совмѣстить несовмѣстимое, изобрѣсти мокрый огонь или сухую воду. Первый ихъ признакъ—это употребленіе двоякихъ мѣръ и двоякихъ вѣсовъ, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о Россіи, или объ остальной Европѣ. По отношенію къ послѣдней они либеральны, очень либеральны, и любятъ гордиться своимъ либерализмомъ; обращаясь къ первой, они прячутъ либерализмъ въ карманъ и принимаютъ на себя строгую мину опекуновъ, обучающихъ уму-разуму несовершеннолѣтняго питомца. Замѣчательно, что, несмотря на весь свой „патріотизмъ", они сходятся въ этомъ съ большинствомъ иностранцевъ (особенно нѣмцевъ), говорящихъ о Россіи. Раскройте любую нѣмецкую книгу, любую нѣмецкую журнальную статью—все равно, спеціально ли она относится къ Россіи, или затрогиваетъ ее лишь мимоходомъ,—въ девяти случаяхъ изъ десяти вы встрѣтитесь съ увѣреніемъ, что Россія не созрѣла и не скоро еще созрѣетъ для свободы; что русскіе—отчасти дикари, отчасти большія дѣти. То, что объяс-

няется у иностранцевъ незнаніемъ Россіи или инстинктивнымъ нерасположеніемъ ко всему русскому, у нашихъ доморощенныхъ „графовъ Василіевъ“ зависитъ также отъ инстинкта, только другого рода. „Либерализмъ,—думаютъ они,—это что-то неизвѣстное, не поддающееся точному измѣренію и исчисленію; его стремленія—это нѣчто въ родѣ того скачка въ тьму (leap in the dark), противъ котораго предостерегалъ нѣкогда лордъ Дж. Россель. Лично намъ живется хорошо, для насъ никакихъ скачковъ не требуется, они могутъ только повредить намъ—ergo, они ненужны вообще, ихъ могутъ желать только безпокойные, дѣтски-легкомысленные люди. Другое дѣло—Западная Европа; какіе бы тамъ ни происходили скачки, насъ они, во всякомъ случаѣ, не затронутъ—отчего же и не выразить платоническаго къ нимъ сочувствія? Celà pose bien, это помогаетъ прослыть, à peu de frais, просвѣщеннымъ и свободномыслящимъ человѣкомъ“. На этомъ разсужденіи останавливаются и успокоиваются „графы Василіи“ простѣйшей, если можно такъ выразиться, формаціи; болѣе утонченные „дуалисты“,—къ числу которыхъ принадлежитъ авторъ статей о „петербургскомъ обществѣ“,—идутъ дальше и садятся между двумя стульями не однажды, а нѣсколько разъ. Они выставляютъ положеніе—и тотчасъ же берутъ его, до извѣстной степени, назадъ, посредствомъ разныхъ ограниченій и оговорокъ; они напоминаютъ—отчасти то дѣйствующее лицо французской комедіи (кажется, „Les faux bonshommes“, Баррьера), которое, похваливъ кого-нибудь, спѣшило произнести: seulement... и обратить похвалу въ нѣчто совершенно противоположное,—отчасти знаменитую щедринскую формулу: „нельзя не признаться, но, однако, должно сознаться“. Нашъ „графъ Василій“—настоящій виртуозъ въ этомъ искусствѣ. Русскіе либералы—безполезные люди, а все-таки имъ принадлежитъ, въ близкомъ, можетъ быть, будущемъ, „регулированіе условій русской жизни“; консервативная система „благопріятна національному инстинкту, русскому патріотизму“, а все-таки ея „эгида“ имѣетъ и должна имѣть преимущественно временное значеніе. Однимъ словомъ—и волки сыты, и овцы цѣлы. Какимъ образомъ „безполезные люди“, даже кое-чему научившись и кое-что понявъ, могутъ сдѣлаться регуляторами народной жизни, какимъ образомъ истинные „патріоты“ могутъ быть, за ненадобностью, оставлены за штатомъ и сданы въ архивъ самою жизнью—все это слѣдовало бы назвать тайной автора, еслибы разгадкой его противорѣчій не такъ очевидно служила крайняя... легкость мыслей. Чтобы выставить ее на видъ во всемъ ея блескѣ, сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ. „Необходимо поднять и поддержать обаяніе (prestige) дворянства, бороться противъ всякаго чуждаго, не-русскаго элемента; необходимо вновь оживить Россію, заставить ее искать и найти въ самой себѣ присущія

ей силы". Не говоримъ уже о томъ, что самая мысль объ „обаяніи" дворянства заключаетъ въ себѣ очень мало русскаго: насъ интересуетъ здѣсь въ особенности удивительная логика автора, въ силу которой искусственная поддержка одного сословія оказывается средствомъ къ оживленію цѣлаго народа. Да и что это за исканіе силъ, происходящее по командѣ? Когда и гдѣ оно приводило къ какой-нибудь драгоцѣнной находкѣ? „Намъ нужны консерваторы съ либеральными идеями, потому что только они могли бы довести до благополучнаго конца трудное дѣло соціальной реорганизаціи, которое еще предстоитъ у насъ совершить". Кто же, наконецъ, совершитъ это дѣло—чистые ли консерваторы, безъ „эгиды" которыхъ не можетъ обойтись Россія, или либералы, которымъ обѣщана, въ другомъ мѣстѣ, столь высокая „регулятивная" роль, или „консерваторы съ либеральными идеями"? Всѣ три отвѣта, благодаря своеобразной аргументаціи „графа Василія", одинаково возможны; цѣлью автора было, повидимому, удовлетворить всѣхъ читателей, къ какой бы „партіи" они ни принадлежали; но гораздо вѣроятнѣе, что онъ не удовлетворилъ никого изъ нихъ. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Въ исторіи городского самоуправленія, созданнаго положеніемъ 1870 г., есть по меньшей мѣрѣ одна свѣтлая сторона: это—постепенный ростъ начальныхъ школъ, послѣ того какъ онѣ перешли въ вѣденіе городскихъ думъ. Не вездѣ, конечно, сдѣлано по этой части все соотвѣтствующее городскимъ средствамъ, но число городовъ, серьезно заботящихся о народномъ образованіи, довольно значительно, и на первомъ планѣ между ними стоятъ обѣ столицы, въ особенности Петербургъ. Замѣчательно, что разумное устройство учебнаго дѣла уживается, сплошь и рядомъ, съ далеко не блестящимъ состояніемъ другихъ отраслей городского хозяйства. Объясняется это, какъ намъ кажется, преимущественно тѣмъ, что въ веденіи учебнаго дѣла городскія власти встрѣчаютъ могущественную поддержку со стороны другихъ силъ, не входящихъ въ составъ городского самоуправленія. Совокупность самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ создала у насъ цѣлую массу лицъ, способныхъ и готовыхъ посвятить себя всецѣло начальному обученію. Стремленіе приблизиться къ народу, оказать ему посильную помощь, отдать себя ему на службу нигдѣ не принесло столько здоровыхъ, обильныхъ плодовъ, какъ именно въ этой области. Если земская школа могла, въ короткое время, развиться такъ широко и сдѣлать—сравнительно—такъ много, то она обязана этимъ, между прочимъ, именно добровольцамъ народнаго образованія, готовымъ переносить лишенія и стѣсненія всякаго рода, лишь бы только сдѣлать что-нибудь для народа. Само собою разумѣется, что рядомъ съ идеей, доводящей до самоотверженія, дѣйствовали и дѣй-

ствуютъ другіе, болѣе прозаическіе мотивы. Число образованныхъ людей увеличивалось у насъ, въ послѣднее время, быстрѣе, чѣмъ спросъ на ихъ услуги; отсюда, во многихъ случаяхъ, несоразмѣрность между подготовкой и профессіей,—т.-е. подготовка, превышающая требованія профессіи. За невозможностью найти другое занятіе, нужда часто заставляетъ обратиться къ обученію въ начальной школѣ,—а потомъ оно легко можетъ войти въ привычку и сдѣлаться любимымъ призваніемъ цѣлой жизни. Особенно часто это бываетъ судьбою женщинъ. Чѣмъ меньше дорогъ открыто у насъ для женскаго труда, тѣмъ больше образованныхъ женщинъ, ищущихъ мѣста народной учительницы, тѣмъ выше средній уровень, котораго достигаютъ кандидатки на это званіе. Петербургское городское общественное управленіе опредѣляетъ учительницами начальныхъ городскихъ школъ только тѣхъ, кто окончилъ курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи и практически познакомился съ преподаваніемъ, и несмотря на это, несмотря на ежегодное открытіе новыхъ городскихъ школъ, число желающихъ поступить въ учительницы значительно превышаетъ число вакансій. Располагая такимъ контингентомъ, имѣя полную возможность строгаго, разборчиваго выбора, городскія учрежденія заранѣе могутъ разсчитывать на успѣшный ходъ дѣла; ихъ задача сводится къ пріисканію необходимыхъ для него средствъ, къ наилучшей обстановкѣ школъ, къ установленію разумнаго, правильнаго надъ ними контроля. Хорошее исполненіе этой задачи—большая заслуга, но все же оно менѣе трудно, чѣмъ непосредственное веденіе дѣла. Весьма важно и то, что завѣдываніе школами никому не приноситъ ни прямой, ни косвенной личной выгоды; оно не усложняется ни столкновеніемъ враждебныхъ интересовъ, ни интригами партій, ни отношеніями къ вліятельнымъ обществамъ и лицамъ, не наталкивается, однимъ словомъ, ни на одинъ изъ тѣхъ подводныхъ камней, о которые разбиваются иногда добрыя намѣренія городскихъ учрежденій. Конфликты съ учебнымъ вѣдомствомъ, безъ сомнѣнія, возможны, но они встрѣчаются не часто и не обостряются слишкомъ сильно, потому что главные спорные вопросы уже рѣшены, и взаимное положеніе обоихъ элементовъ, участвующихъ въ управленіи школами, опредѣлилось на практикѣ довольно точно. Прибавимъ къ этому еще одно соображеніе. Нашему обществу не чуждо, съ нѣкоторыхъ поръ, сознаніе обязанностей его передъ народомъ. Немного найдется людей, которые рѣшились бы громко, открыто заявить о своемъ пренебреженіи къ массѣ; что-нибудь для нея сдѣлать или по меньше мѣрѣ не противиться предложенію, направленному къ ея пользѣ, считаютъ себя вынужденными даже люди, въ сущности глубоко къ ней равнодушные. Вотъ почему попытки уменьшить бюджетъ народныхъ школъ рѣдко удаются въ средѣ городскихъ думъ и земскихъ собраній (въ

уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ успѣху ихъ мѣшаютъ, сверхъ того, гласные отъ крестьянъ, почти всегда единодушно, какъ одинъ человѣкъ, стоящіе за школу) и, наоборотъ, легко проходятъ мѣры, благопріятныя для дальнѣйшаго развитія народной школы. Намъ извѣстенъ одинъ большой губернскій городъ, въ которомъ дума, порабощенная купечествомъ, крайне слабо охраняетъ общіе интересы городского населенія,—а между тѣмъ этотъ городъ, по числу и устройству начальныхъ школъ, стоитъ, или по крайней мѣрѣ еще недавно стоялъ, весьма высоко. Нѣсколько энергичныхъ дѣятелей подвигали здѣсь впередъ школьное дѣло, а большинство имъ не мѣшало и не скупилось на расходы. Нѣчто подобное мы видимъ и въ петербургской городской думѣ. Со времени передачи ей (въ 1877 г.) начальныхъ городскихъ училищъ ея составъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея характеръ, мѣнялся три раза, но ни разу не измѣнялось ея отношеніе къ народной школѣ. Дума, избранная въ 1885 г., слѣдуетъ примѣру своихъ предшественницъ; въ теченіе нынѣшняго года, какъ и прежде, будетъ открыто двадцать-пять новыхъ городскихъ училищъ, и общее ихъ число достигнетъ двухсотъ-тридцати двухъ. А девять лѣтъ тому назадъ, когда они находились въ вѣденіи министерства народнаго просвѣщенія, ихъ было всего шестнадцать! Понятно, что для петербургскаго городского самоуправленія самый торжественный, самый радостный день въ цѣломъ году—это день 30-го мая, когда празднуется годичный актъ начальныхъ городскихъ училищъ.

Какъ ни быстро растетъ число начальныхъ школъ въ Петербургѣ, —а вмѣстѣ съ нимъ и среднее число учащихся въ каждой школѣ (съ 39 въ 1877—78 г. поднявшееся до 48 въ 1885—86 г.),—оно далеко не отвѣчаетъ еще числу желающихъ учиться. Въ началѣ истекшаго учебнаго года, какъ видно изъ прочитанной на актѣ рѣчи предсѣдателя городской училищной коммиссіи, отказано было въ принятіи, за недостаткомъ вакансій, 1607 дѣтямъ. Всѣхъ учащихся, въ томъ же году, было почти десять тысячъ—5681 мальчикъ и 4297 дѣвочекъ. Отношеніе между мальчиками и дѣвочками совершенно иное, чѣмъ въ сельскихъ школахъ, гдѣ дѣвочки составляютъ, большею частью, весьма незначительный процентъ учащихся. Уменьшенію рутины и предразсудка, закрывающихъ для большинства дѣвочекъ доступъ къ ученью, много способствовали разумныя мѣры городского самоуправленія. Въ 1877 г. въ Петербургѣ было только два женскихъ начальныхъ училища, на четырнадцать мужскихъ (1: 7). Принявъ начальныя училища въ свое завѣдываніе, городъ поставилъ себѣ задачей измѣнить это отношеніе, явно несправедливое. Уже къ 1 января 1878 г. число женскихъ училищъ относилось къ числу мужскихъ какъ 1: $2^4/_7$ (7 и 18), къ концу учебнаго 1879—80 г.—какъ 1: $1^{13}/_{19}$ (19 и 32), къ концу истекшаго учебнаго года—какъ 1: $1^1/_5$ (91 и

116). Другими словами, число мужскихъ училищъ увеличилось, въ теченіе девяти лѣтъ, въ $8^1/_2$ разъ, число женскихъ училищъ — въ сорокъ-пять разъ. Осенью 1879 г. число учащихся дѣвочекъ составляло около 35% общаго числа учащихся; осенью 1885 г. оно равнялось уже 43% этого числа. Въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать приблизительнаго равенства общихъ цифръ и пропорціональнаго роста той и другой, т.-е. именно того порядка, упрочить и закрѣпить который должно будетъ обязательное обученіе. Со стороны родителей заботливость объ обученіи дѣвочекъ уже теперь почти столь же велика, какъ и заботливость объ обученіи мальчиковъ; на каждое женское училище приходится, среднимъ числомъ, 47²/₉ ученицы, на каждое мужское—49 мальчиковъ. Въ пользу той же заботливости говоритъ и небольшое число учениковъ и ученицъ, оставляющихъ школу въ продолженіе учебнаго года; такихъ случаевъ въ 1885—6 г. было только 407 (4% общаго числа учащихся). Окончило курсъ, въ истекшемъ учебномъ году, 1087 мальчиковъ [1]), т.-е. около одной пятой части общаго числа учениковъ. Сравнительно съ тѣмъ, что́ мы видимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, это цифра довольно высокая; но въ начальныхъ школахъ, гдѣ курсъ ученья продолжается только три года и обнимаетъ собою небольшое число предметовъ, она могла бы быть и выше. Дѣвочекъ явилось къ выпускнымъ испытаніямъ 503, т.-е. менѣе 12%, или $^1/_8$, общаго числа ученицъ. Жаль, что въ отчетѣ не показано отношеніе числа ученицъ, явившихся на выпускной экзаменъ, къ числу ученицъ, окончившихъ курсъ; не зная этого отношенія, нельзя опредѣлить, почему цифра экзаменовавшихся дѣвочекъ такъ сильно уступаетъ цифрѣ экзаменовавшихся мальчиковъ: потому ли, что дѣвочки чаще выбываютъ изъ училищъ до окончанія курса, или потому, что дѣвочки считаютъ лишнимъ экзаменоваться, такъ какъ выдержанное испытаніе не даетъ имъ никакихъ правъ. Спѣшимъ прибавить, что отношеніемъ числа выдержавшихъ выпускной экзаменъ къ общему числу учениковъ и ученицъ занимающій насъ вопросъ о выбытіи до окончанія курса выясняется далеко не вполнѣ. Многія училища, какъ мужскія, такъ и женскія, открыты столь недавно, что не могли еще никого представить на выпускной экзаменъ; экзаменовались мальчики только изъ 77, дѣвочки — только изъ 52 училищъ. Сколько именно всѣхъ учениковъ и ученицъ въ училищахъ, никого не представившихъ на экзаменъ, — этого мы изъ отчета не узнаемъ; но во всякомъ случаѣ обѣ цифры должны быть весьма значительны, а слѣдовательно точное отношеніе числа окончившихъ

[1]) Къ экзамену на льготу изъ нихъ было допущено только 754, за недостиженіемъ остальными одиннадцатилѣтняго возраста, раньше котораго, на основаніи новаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, никто не можетъ получить свидѣтельства на льготу.

курсъ къ числу учащихся должно быть несравненно благопріятнѣе для городскихъ училищъ, чѣмъ цифры, приведенныя нами выше... Гораздо слабѣе распространяются въ Петербургѣ городскія воскресныя школы. Ихъ всего восемь, съ 271 учащихся въ семи мужскихъ школахъ и 37 — въ одной женской. Посѣщаются онѣ учащимися неаккуратно, а мужскія школы, къ половинѣ года, все болѣе и болѣе пустѣютъ; такъ, къ марту истекшаго года, изъ мужскихъ школъ выбыло 108 человѣкъ, т.-е. болѣе одной трети. Изъ женской школы, наоборотъ, выбыло только три ученицы. Эта послѣдняя цифра свидѣтельствуетъ, повидимому, о томъ, что увеличеніе въ Петербургѣ числа женскихъ воскресныхъ школъ оказалось бы задачей полезной и благодарной. Желательно было бы знать, какъ объясняетъ городская училищная коммиссія неудовлетворительный ходъ дѣла въ мужскихъ воскресныхъ школахъ?

Внѣшнему росту начальныхъ городскихъ училищъ соотвѣтствуетъ вполнѣ ихъ внутреннее развитіе. Преподаваніе, по отзыву людей вполнѣ компетентныхъ—экспертовъ, избранныхъ училищною коммиссіею,—идетъ весьма хорошо. Замѣтимъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ одного изъ экспертовъ: „обученіе славянскому чтенію принимаетъ все болѣе и болѣе образовательный характеръ. Нѣкоторые учащіе не довольствуются однимъ механическимъ чтеніемъ, но оживляютъ его объясненіями, касающимися перевода, значенія и произношенія словъ и сравненія доступныхъ дѣтямъ грамматическихъ формъ разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ“. По словамъ того же эксперта, въ его районѣ нашлось только одно училище, въ которомъ славянское чтеніе идетъ не совсѣмъ удовлетворительно. Такіе факты въ высшей степени драгоцѣнны. Они показываютъ съ полною ясностью, что твердое знаніе и пониманіе славянскаго языка можетъ быть вынесено и изъ свѣтской школы, придерживающейся новѣйшихъ методовъ преподаванія, и что для достиженія этой цѣли нѣтъ никакой надобности возвращаться ни къ прежнимъ формамъ, ни къ прежнимъ пріемамъ начальнаго обученія. Напоминать объ этомъ—далеко не лишнее, въ виду такихъ явленій, какъ поданное недавно московскому митрополиту, отъ имени крестьянъ разныхъ губерній, прошеніе о томъ, чтобы обученіе въ народной школѣ начиналось съ славянскаго языка. Само собою разумѣется, что истинныхъ мнѣній и желаній народа это прошеніе не выражаетъ. Народъ можетъ желать и дѣйствительно желаетъ, чтобы начальная школа давала дѣтямъ прочное знаніе церковно-славянскаго языка; но онъ не можетъ брать и не беретъ на себя рѣшенія чисто педагогическаго вопроса о томъ, какимъ образомъ всего правильнѣе и легче пріобрѣтается такое знаніе.

Важно, впрочемъ, не столько то, съ чего начинается обученіе,

сколько то, кѣмъ и въ какомъ духѣ оно ведется. Главное преимущество школъ, основываемыхъ не по приказу и руководимыхъ не ex officio, главное преимущество учительницъ и учителей, соединяющихъ общее образованіе съ спеціальной подготовкой и съ призваніемъ къ дѣлу, заключается не въ сравнительной успѣшности преподаванія, а въ характерѣ отношеній между учащими и учащимися. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими народными школами занимаютъ, съ этой точки зрѣнія, начальныя училища въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ они устроены на тѣхъ же, приблизительно, основахъ. Типъ народнаго учителя, выработавшійся, въ послѣднее время, у насъ въ Россіи, представляетъ, вообще говоря, много симпатичнаго [1]; полнаго своего выраженія онъ всего легче и всего чаще достигаетъ тамъ, гдѣ всего меньше условій, противодѣйствующихъ его развитію, всего больше условій, для него благопріятныхъ; а именно это мы и видимъ въ Петербургѣ. Конечно, самыя трудности, встрѣчаемыя народнымъ учителемъ въ деревнѣ, возбуждаютъ въ немъ иногда удвоенную энергію, поднимаютъ его на такую нравственную высоту, которой не всегда достигаютъ болѣе счастливые его городскіе собратья; но зато сколько шансовъ изнемочь въ неравной борьбѣ, сколько побужденій бѣжать съ поля битвы! Мы говоримъ не о героическихъ натурахъ, которыхъ вездѣ и всегда немного; мы говоримъ о массѣ честныхъ тружениковъ;—а для представителей этой массы возможность приносить пользу нигдѣ не открыта въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, они широко пользуются этою возможностью. Въ каждомъ отчетѣ городской училищной коммиссіи мы находимъ указанія на то, что въ городскихъ школахъ дѣти не только учатся, но и воспитываются,—воспитываются и физически, и нравственно. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ истекшемъ учебномъ году въ одно изъ училищъ поступилъ мальчикъ до того испорченный, что опытная учительница, послѣ всевозможныхъ попытокъ къ его исправленію, рѣшилась просить коммиссію объ исключеніи его изъ школы. Учительницу какъ-то уговорили повременить еще немного. Она нашла, что единственно-возможный способъ исправить мальчика—держать его у себя на глазахъ постоянно. Убѣдившись въ этомъ, она уговорила родителей мальчика оставлять его у нея на цѣлый день; у нея онъ обѣдалъ, съ нею занимался вечеромъ, съ нею гулялъ, пока родители не уводили его къ себѣ на ночь. Въ нѣсколько мѣсяцевъ мальчикъ сталъ отвыкать отъ привитыхъ ему съ улицы дурныхъ наклонностей.... Кому знакома потреб-

---

[1]) Въ „Новостяхъ“ напечатано было недавно интересное письмо изъ французской Швейцаріи, авторъ котораго, г. Бѣловъ (если мы не ошибаемся — извѣстный педагогъ), сравниваетъ мѣстныя начальныя школы съ нашими и во многомъ отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ.

ность въ отдыхѣ, слѣдующая за напряженнымъ трудомъ, тотъ съумѣетъ оцѣнить значеніе жертвы, принесенной учительницею. О степени напряженности труда, выпадающаго на долю народныхъ учителей и учительницъ въ Петербургѣ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ продолженіе истекшаго учебнаго года 56 учителей и учительницъ (болѣе четверти всего состава) были больны подолгу, отъ двухъ недѣль до девяти мѣсяцевъ; нѣкоторые изъ учащихъ заболѣвали по два, по три раза въ теченіе года; семь изъ числа учительницъ скончались. Послѣдняя цифра, въ виду молодости большинства учительницъ, можетъ быть по-истинѣ названа громадной.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

От Редакціи. — Въ іюнѣ мѣсяцѣ получено въ Редакціи на образованіе неприкосновеннаго капитала для поддержанія сельской школы Кавелина, въ тульской губ., бѣлевскаго уѣзда, селѣ Ивановѣ, и на сооруженіе ему надгробнаго памятника:

1)	Отъ	К. К. Грота	100 р.	— к.
2)	„	Винберговъ, Ѳ. Ѳ., К. Ѳ. и Е. Ѳ.	100 „	— „
3)	„	Н. Х. Бунге	100 „	— „
4)	„	В. А. Арцимовича.	80 „	— „
5)	„	К. И. Домонтовича	20 „	— „
6)	„	М. Н. Любощинскаго	20 „	— „
7)	„	Н. И. Стояновскаго.	20 „	— „
8)	„	А. В. Головнина	10 „	— „
9)	„	Б. И. Черкасова	100 „	— „
10)	„	Л. И. Стасюлевичъ	100 „	— „
11)	„	А. С. Ермолова	25 „	— „
12)	„	А. Ѳ. Бычкова	5 „	— „
13)	„	И. П. Арапетова	20 „	— „
14)	„	А. Ѳ. Кони	10 „	— „
15)	„	— Граціанскаго	10 „	— „
16)	„	— Котельникова	5 „	— „
17)	„	А. Р.	3 „	— „
18)	„	К.	3 „	— „
19)	„	— Корбута.	3 „	— „
20)	„	— N.	1 „	50 „
21)	„	— Умнова	5 „	— „
22)	„	А. Левицкаго	3 „	— „
23)	„	А. Лясковскаго	5 „	— „
24)	„	Ю. Реймера.	3 „	— „
25)	„	В. Максимовскаго.	3 „	— „
26)	„	Н. Пр.	2 „	— „
27)	„	Д. Войтова	1 „	— „
28)	„	В. Петрова	1 „	— „

29)	„	— Матасова	3 „ — „
30)	„	Н. Иванова.	3 „ — „
31)	„	— Григорьева.	3 „ — „
32)	„	В. Т..	2 „ — „
33)	„	Е. Т..	3 „ — „
34)	„	Д. Г..	3 „ — „
35)	„	М. А. Плена	10 „ — „
36)	„	В. Шландера	6 „ — „
37)	„	А. Д. Дмитріева	50 „ — „
38)	„	М. Е. Салтыкова.	5 „ — „
39)	„	В. А. Ратькова-Рожнова	100 „ — „
40)	„	Г. О. Гинцбурга, бар.	250 „ — „
41)	„	И. Д. Красносельскаго	50 „ — „
42)	„	А. М. Варшавскаго	150 „ — „
43)	„	Ѳ. И. Петрококино	50 „ — „
		Итого	1446 р. 50 к.

Сверхъ того, въ Редакцію доставлено особо:

а) На образованіе неприкосновеннаго капитала для школы Кавелина:

44)	Отъ	В. П. Гаевскаго	100 р. — к.
45)	„	В. Люстига.	5 „ — „
46)	„	Н. Павлинова.	5 „ — „
47)	„	М. Гадзяцкаго.	3 „ — „
48)	„	Д. Стасова	5 „ — „
49)	„	В. Спасовича	10 „ — „
50)	„	С. Соколова	3 „ — „
51)	„	В. Леонтьева	3 „ — „
52)	„	В. Герарда.	10 „ — „
53)	„	П. Потѣхина	5 „ — „
54)	„	А. Турчанинова	5 „ — „
55)	„	М. Каплана.	5 „ — „
56)	„	А. Каміонка	3 „ — „
57)	„	М. Новосельскаго	3 „ — „
58)	„	Ю. Полуянскаго	3 „ — „
59)	„	А. Кедрина.	3 „ — „
60)	Изъ	Ветлянки, отъ врача Скворцова .	10 „ — „
61)	Отъ	И. М. Бр.	250 „ — „
62)	„	Л. И. Бр.	100 „ — „
62)	„	Я. Г. Розенберга.	100 „ — „
		Итого	631 р. — к.

До 1 іюня было получено на тотъ же предметъ 1277 р. 14 к.

б) На сооруженіе надгробнаго памятника К. Д. Кавелину . . . . 321 р. — к.

Всего къ 1 іюля . . . . 3675 р. 64 к.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Провидѣнія философіи. Опытъ соціологическаго изслѣдованія общихъ законовъ въ развитіи философской мысли. Е. де-Роберти. Т. II. М. 1886. Стр. 329. Ц. 2 р. 25 к.

Въ первомъ томѣ своего изслѣдованія авторъ старался придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ, выведеннымъ изъ всего прошедшаго философіи и изъ ея историческихъ судебъ, и предложилъ самую простую классификацію трехъ общихъ типовъ метафизики, къ которымъ, по его мнѣнію, могутъ быть сведены всѣ безъ исключенія метафизическія истины, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣлъ ту внутреннюю связь, какая является между предлагаемымъ имъ дѣленіемъ и состояніемъ положительныхъ знаній въ различныя эпохи исторіи человѣчества. Задача новаго и послѣдняго выпуска состоитъ въ томъ, чтобы, оставаясь на той же почвѣ соціологическихъ фактовъ и отношеній, отъискать формулу болѣе общаго закона, обнимающаго собою условія развитія всякой философіи. Авторъ указываетъ, что его классификація наукъ тѣсно примыкаетъ къ классификаціи, принятой позитивною школою и, по его мнѣнію, уже выдержавшей испытаніе времени; но въ то же время онъ свидѣтельствуетъ, что его классификація основана не на одномъ съ вышеупомянутою школою началѣ, а потому и должна быть разсматриваема какъ нѣчто самостоятельное и совершенно независимое отъ позитивной школы. Мы постараемся возвратиться къ этому почтенному труду, съ тѣмъ чтобы послѣ подробнѣе ознакомить читателей съ его интереснымъ содержаніемъ.

Исторія города Рима въ средніе вѣка, Ф. Грегоровіуса. Перев. съ нѣм. В. Савина. Т. VI. Спб. 1886. Стр. 393. Ц. 3 р. 50 к.

Трудъ Грегоровіуса классическій и вполнѣ заслуживаетъ перевода, конечно, тщательнаго. Мы только не можемъ себѣ уяснить, почему „въ интерессахъ благосклонныхъ читателей“ издатель нынѣшняго перевода нашелъ нужнымъ избрать обратный порядокъ изданія отдѣльныхъ томовъ и началъ съ перевода не перваго, а послѣдняго тома. Правда, авторъ прибавляетъ къ вышеприведенному заявленію, что онъ рѣшился на такой понятный порядокъ изданія „въ силу кульминаціонности интереса“ шестого тома, но трудъ Грегоровіуса интересенъ отъ начала и до конца. Кстати замѣтимъ, что переводчикъ оставилъ многія выраженія подлинника какъ бы непереведенными, и вслѣдствіе того его переводъ изобилуетъ словами въ родѣ слѣдующихъ: комлѣзный, доминируемый, субституторы, и т. п. Вообще этотъ переводъ нельзя признать удовлетворительнымъ; очень часто въ немъ встрѣчаются обороты рѣчи не всегда даже удобопонятные; такъ, въ одномъ мѣстѣ переводчикъ говоритъ: „онъ воздержался отъ поверженія императорскаго меча среди партій Италіи“; повидимому, переводчикъ хотѣлъ сказать: онъ воздержался отъ вооруженнаго вмѣшательства въ борьбу партій.

Введеніе въ механику. Ч. I и II. П. П. Фанъдеръ-Флита. Спб. 1886. Стр. 328 и 328. Ц. 4 руб.

Авторъ, не отрицая важнаго значенія математическаго анализа для рѣшенія вопросовъ механики, полагаетъ, однако, что такое значеніе пріобрѣтается математическимъ анализомъ только послѣ всесторонняго выясненія основныхъ началъ науки. Этому-то послѣднему и посвящается настоящее обширное введеніе въ механику, первая его часть останавливается на основныхъ законахъ движенія, вторая — объясняетъ основные законы силъ.

Математическое образованіе и его значеніе. В. Тенишева. Спб. 1886. Стр. 238. Ц. 1 р.

При томъ важномъ значеніи, какое должна имѣть математика въ общемъ ходѣ образованія, настоящее изслѣдованіе обращаетъ на себя особенное вниманіе по той задачѣ, какую авторъ поставилъ себѣ, а именно: объяснить причину, почему математика и до сихъ поръ остается достояніемъ спеціалистовъ, и доступна, „послѣ тройного правила въ ариѳметикѣ“, весьма немногимъ. По мнѣнію автора, такое явленіе объясняется тѣмъ, что и до сихъ поръ изложеніе математики носитъ на себѣ слѣды схоластики, между тѣмъ какъ необходимо было бы и въ математикѣ проводить связь отвлеченій съ живыми представленіями. Развитію и подтвержденію этой послѣдней мысли и посвящается настоящій этюдъ.

Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. Изъ путевыхъ записокъ И. С. Ястребова. Спб. 1886. Стр. 498. Ц. 2 р. 50 к.

Собиратель пѣсней турецкихъ сербовъ посвятилъ много лѣтъ личнаго труда для достиженія своей цѣли — собрать на мѣстѣ произведенія сербской народной литературы на турецкой почвѣ. Изданный имъ сборникъ, содержащій въ себѣ до 600 пѣсенъ, дополняетъ, такимъ образомъ, новымъ богатымъ матеріаломъ прежніе сборники сербской народной поэзіи. Желая сдѣлать свой трудъ доступнымъ и для тѣхъ, кто незнакомъ съ сербскимъ языкомъ, авторъ присоединилъ въ концѣ книги краткій словарь мало понятныхъ сербскихъ словъ и турецкихъ выраженій.

Il libro dell'Amore. Poesie italiane raccolte e straniere raccolte e tradotte da M. A. Canini. Venez. 1885.

„Книга любви“, изданная извѣстнымъ поэтомъ Канини, соединяетъ въ себѣ лучшее изъ самыхъ различныхъ эпохъ и различныхъ странъ, посвященное главному предмету поэзіи—любви. Нѣтъ почти ни одного русскаго поэта, до начала второй половины нынѣшняго вѣка, сколько-нибудь замѣчательнаго, который былъ бы пропущенъ издателемъ; вообще въ эту хрестоматію, по появленіи ея второго тома, войдутъ до 90 языковъ и нарѣчій. Опытъ подобнаго сборника весьма оригиналенъ и любопытенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ обширнѣйшее поле для сравнительнаго изученія лирической поэзіи въ лучшихъ ея образцахъ.

OБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА **1886** Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „
Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
За границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — **2 р. 50 к.**, за границей — **3** руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журна[ла] „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ е[я] Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;— въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецком[ъ] Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Пе[ч]ковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчика[мъ] Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслал[и] подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщ[е]ніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (N[B]) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежня[го] мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные— недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ выше[-] указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по [по]лученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, котор[ые] приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

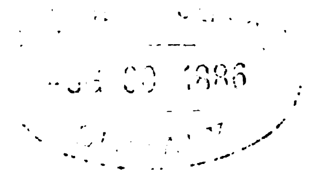
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1886.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Путевыя замѣтки изъ полярной экспедиціи 1882—83 годовъ.

Окончаніе.

II *).

Уже въ началѣ осени на нашу станцію начали пріѣзжать самоѣды изъ своихъ чумовъ, выпрашивая муки. Вездѣ чувствовался недостатокъ въ пищѣ; дикіе олени не появлялись, такъ какъ съ осени образовалась гололедица, а тюленье мясо даже нѣкоторые самоѣды ѣсть не могли: „какъ только поѣсть,—сообщалъ одинъ изъ нихъ о своей женѣ,—такъ и начнетъ тошнить". Почти всѣ птицы улетѣли; въ полыньяхъ хотя и встрѣчается одна-другая „уточка" [1]) или чистикъ да горная сова, но эти птицы теперь очень осторожны и близко не подпускаютъ. Песцы появлялись, но мало; когда нѣтъ оленей — нѣтъ и песцовъ; эти послѣдніе идутъ слѣдомъ за первыми; зимой они питаются оленьимъ пометомъ. Осенній тюленій промыселъ былъ плохъ; осталась надежда на весну, а иногда штукъ до 40 на человѣка приходилось „промыслить"; морскихъ зайцевъ тоже показывается мало. Съ наступленіемъ темнаго времени и началомъ мятелей охота за тюленями стала труднѣе, и у многихъ самоѣдовъ началъ ощущаться недо… къ въ кормѣ для собакъ.

…вое время, по пріѣздѣ на Новую Землю, экспедиція не

---

*) …м. выше: іюль, стр. 75.

[1]) …то это за „уточка" — такъ и не удалось узнать, хотя, по словамъ самоѣдо… …а держится всю зиму на Новой Землѣ.

чувствовала недостатка ни въ чемъ, были даже свѣжія сливки, но вскорѣ всѣ коровы были зарѣзаны за недостаткомъ сѣна. Уже около половины ноября не только молока не было, но порціи мяса пришлось уменьшить до такихъ размѣровъ, до какихъ врядъ ли доходятъ онѣ даже въ самыхъ экономныхъ пансіонахъ для благородныхъ дѣвицъ; вставши изъ-за стола, невольно думалось: какъ бы хорошо пообѣдать чѣмъ-нибудь! Случилось это потому, что коровы, взятыя на Новую Землю, были плохи; самая большая вѣсила много—14 пудовъ; консервованнаго мяса взято очень немного, а прокормъ четырехъ рабочихъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ и очень уменьшилъ наши запасы. На помощь этой бѣдѣ явился медвѣдь. Какъ-то вечеромъ пріѣзжаетъ самоѣдъ Яко и приводитъ годовалаго медвѣжонка. Промышляя нерпу, онъ встрѣтилъ медвѣдицу, которую убилъ, а на медвѣжонка накинулъ петлю, привязалъ сзади къ санямъ и пріѣхалъ на станцію. Медвѣжонокъ былъ съ порядочнаго бураго медвѣдя; дорóгой, сидя на саняхъ, самоѣдъ отгонялъ его кореемъ, когда тотъ дѣлалъ попытки поближе познакомиться съ своимъ новымъ хозяиномъ. Медвѣжонка втащили въ сѣни, гдѣ онъ былъ застрѣленъ Андреевымъ. Довольно нѣжное мясо его отзывалось немного рыбой или, вѣрнѣе, даже прожаренное—имѣло запахъ сырого мяса. Затѣмъ, когда на Гусиной Землѣ появились олени, ихъ мясо самоѣды стали привозить на продажу, причемъ всегда приносили въ подарокъ оленьи языки, которые считаются у нихъ почетнымъ подаркомъ. Языки, дѣйствительно, очень вкусны, хотя чрезвычайно жирны; жареные не такъ вкусны, какъ вареные. Мясо оленей также было очень жирно: на хребтѣ и крупѣ часто слой жира достигалъ дюйма толщины. Должность „кока“, повара, исполняли матросы по-очереди; каждый мѣсяцъ очередной матросъ освобождался отъ веденія наблюденій и превращался въ кока. Особеннымъ мастерствомъ въ этомъ отличался Н. Демидовъ; въ его очередь столъ бывалъ очень хорошъ. Бóльшую часть зимы питались олениной, и подъ-конецъ, несмотря на самое большое стараніе даже нашего знаменитаго кока разнообразить столъ, мясо сильно пріѣлось, хотя мясо дикаго оленя несравненно вкуснѣе, чѣмъ домашняго. Весной столъ сдѣлался болѣе разнообразенъ: самоѣды стали привозить гольцовъ (salmo alpinus), а позднѣе, когда вновь стали прилетать птицы, къ этому прибавились гуси, гаги и ихъ яйца. Обыкновенно обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: горячаго и жаренаго, ужинъ—только изъ жаркого. Праздничный обѣдъ отличался отъ будничнаго кускомъ пирога; пирогъ же подавался и по случаю чьихъ-либо именинъ.

Пріѣзжая на станцію выпросить себѣ пищи или пороху, или для продажи мяса и шкуръ, самоѣды привозили новоземельскія новости: тамъ появились олени, здѣсь видѣли ихъ слѣды, появились песцы—стало быть, можно идти въ горы за оленемъ; но пуховой промыселъ плохъ, такъ что первое время оттуда пріѣзжали просить или хлѣба, или лекарства. Самоѣды чрезвычайно довѣрчиво относились къ врачу Гриневецкому, сообщали ему о своихъ болѣзняхъ, просили лекарствъ. Нѣсколько разъ приходили просить чего-нибудь отъ цынги, и салициловый натръ имѣлъ всегда благотворное дѣйствіе; по мнѣнію Гриневецкаго, вѣроятно, опуханіе членовъ отъ простуды они принимали за цынгу. Дѣйствительно, отправляясь на тюлелій промыселъ, имъ часто, при сильномъ морозѣ, приходится вытаскивать добычу изъ воды и промокнуть до костей, а потому неудивительно, что заболѣваютъ простудой. Получивши лекарства и наставленія, они часто просили еще про-запасъ, для себя. Скоро они такъ привыкли къ лимонной кислотѣ, что рѣдкій разъ обходились безъ того, чтобы не попросить ея. Нерѣдко обращались съ просьбой дать чаю, хотя для больныхъ; но такъ какъ запасъ его былъ сдѣланъ по разсчету—одинъ золотникъ на человѣка каждый день, то приходилось очень экономить, и, несмотря на это, все-таки чаю не хватило, и весной пришлось прикупить его у пріѣхавшихъ поморовъ. Если случалось когда издали замѣтить приближеніе самоѣдовъ, то мы съ нетерпѣніемъ дожидались ихъ пріѣзда. Иногда они обращались съ просьбой окрестить дѣтей. Нѣсколько разъ самоѣды, приходя съ рѣки Пуховой, просились въ рабочіе къ намъ, такъ какъ дома буквально нечего было ѣсть. Каждый пріѣздъ на станцію былъ праздникомъ для самоѣдовъ: столько водки—говорили они—за всю жизнь не придется выпить; надоѣдливы же тогда становились они съ своимъ неотвязнымъ попрошайничествомъ. Несмотря на то, что всѣмъ хозяйствомъ завѣдывалъ начальникъ экспедиціи, и они знали это, все-таки лѣзли по-очереди къ каждому изъ членовъ съ просьбой утолить жажду неутолимую.

80 саженъ дровъ двухъ-полѣнныхъ, впрочемъ, быстро исчезли; этому помогло, конечно, и то, что, въ самомъ началѣ, топился магнитный павильонъ, хотя тогда большихъ холодовъ не было; но все-таки не легко согрѣть зданіе, сдѣланное изъ горбылей. Затѣмъ, когда дровъ уже замѣтно убыло, пришлось прекратить не только топку павильона, но и въ самомъ зданіи топить не каждый день. На счастье экспедиціи, съ нашимъ же пароходомъ Обществомъ спасанія на водахъ было прислано 40 саженъ дровъ

для зданій этого общества, въ которыхъ мы поселились. Много этихъ дровъ было смыто приливомъ съ берега, куда ихъ выбросили при разгрузкѣ парохода, но бо̀льшая часть была сложена въ кучи. Пока топили своими, станціонныя дрова были занесены снѣгомъ. Снѣжный сугробъ, прямо отъ кровли зданія переходя къ заливу, совершенно измѣнилъ очертаніе берега; когда понадобилось топливо, пришлось ощупью доискиваться, гдѣ находятся дрова, и много разъ попадали на камни, прежде чѣмъ разъискали ихъ. Но и этими дровами все-же не каждый день приходилось топить избы, такъ что бо̀льшую часть зимы мы даже на ночь не снимали мѣховой одежды. Въ „командѣ", т.-е. въ избѣ, гдѣ жили матросы, топилось каждый день, такъ какъ тамъ была кухня. По первымъ и пятнадцатымъ числамъ (н. с.) каждаго мѣсяца магнитный павильонъ топился въ теченіе цѣлаго дня, такъ какъ по этимъ днямъ наблюденія дѣлались черезъ каждыя пять минутъ и каждому приходилось просиживать тамъ не менѣе 4 часовъ. Когда температура стояла въ магнитномъ павильонѣ ниже 20^0, то руки зябли такъ, что послѣ двухъ-трехъ отсчетовъ дежурный наблюдатель согрѣвалъ ихъ передъ печкой; но температура повышалась до 0^0 часто послѣ полудня, даже позже, а потому для согрѣванія прибѣгали къ болѣе радикальному средству—ставили графинъ водки.

Послѣ каждаго терминнаго дня топилась баня. Топить начинали съ вечера, и обыкновенно дежурный наблюдатель, возвращаясь послѣ отсчетовъ, заходилъ въ баню, накладывалъ дровъ, отливалъ въ кадку согрѣтую воду, а въ котелъ вновь накладывалъ снѣгу. Баня была лучшимъ удовольствіемъ, особенно для того, кто уже отстоялъ свою вахту и не долженъ послѣ бани прогуливаться для наблюденій. Баня, впрочемъ, требуетъ большой поправки; печь разваливалась, котелъ далъ трещину; такъ что случалось иногда, что мыться можно было только забравшись на полокъ: на полу стоялъ ледъ. На другой день послѣ бани происходила стирка бѣлья. Стирали самоѣды; въ этомъ дѣлѣ выразилась вся небрежность, вся нечистоплотность ихъ. Выстиранное бѣлье можно иногда было различить отъ грязнаго только потому, гдѣ оно лежитъ. Къ довершенію всего, самоѣдъ тѣмъ же мокрымъ бѣльемъ, которое моетъ, беретъ иногда головешку изъ печи, чтобы закурить. Часто, начавъ стирку, они бросаютъ и идутъ охотиться, а бѣлье лежитъ въ грязи. Сами самоѣды, кажется, никогда не стираютъ себѣ бѣлья; оно у нихъ такъ грязно, такъ пропитано потомъ и жиромъ, что имѣетъ только отдаленное сходство съ тѣмъ, что̀ мы привыкли называть бѣльемъ.

Да, впрочемъ, оно и понятно. Самоѣды почти никогда не моются, вслѣдствіе суровости климата; тѣло, покрытое слоемъ грязи, не такъ чувствительно къ холоду, да и самый промыселъ, по необходимости, заставляетъ постоянно возиться съ саломъ и жиромъ; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ мылись въ банѣ, но сами не выказывали склонности истопить ее для себя.

Однообразіе зимы было разъ прервано смертью матроса Ѳ. Пискова. Послѣ терминной вахты, часовъ около 9-ти вечера по гёттингенски, т.-е. въ двѣнадцатомъ часу ночи мѣстнаго времени, трое матросовъ обратились къ Андрееву съ просьбой отпустить ихъ прогуляться. Такъ какъ въ то время—это случилось 20-го ноября —дня почти не было, то считать 12-ти часовъ ночи за позднее время (тѣмъ больше, что привыкли къ гёттингенскому счисленію времени) не приходилось; полночь наступила собственно въ три часа ночи. Они отправились, зашли въ норвежскую избу къ самоѣдамъ, затѣмъ двое вернулись домой, а Писковъ, по ихъ словамъ, остался еще погулять. Ночь была ясная, лунная...

На слѣдующій день прибѣжали самоѣды и сообщили, что Ѳедоръ Писковъ замерзъ. Его нашли почти нагого, въ одной рубашкѣ, подлѣ норвежской избы, а его мѣховая одежда лежала около карбасовъ на берегу зимней бухты, т.-е. не больше какъ въ ста саженяхъ отъ станціи. Когда его принесли, члены не разгибались, онъ почти не дышалъ. Подъ руководствомъ Гриневецкаго удалось постепеннымъ растираніемъ и согрѣваніемъ возбудить въ немъ кровообращеніе и дыханіе; въ сознаніе онъ пришелъ гораздо позднѣе: онъ былъ сильно пьянъ. Но и съ возвращеніемъ сознанія, онъ не могъ объяснить, какъ это случилось. Какъ только образовалась демаркаціонная линія, была сдѣлана ампутація одной ноги; приступить въ тотъ же день къ отнятію другой ноги врачъ не нашелъ возможнымъ, потому что больной сильно ослабъ. Черезъ день уже выяснилось, что рана поражена госпитальной гангреной, а 30-го ноября, около полуночи, Писковъ померъ. Все время врачъ экспедиціи не отходилъ отъ больного, стараясь, по возможности, облегчить страданія; но уже за день до смерти Писковъ впалъ въ безсознательное состояніе. Лежа въ сознаніи, больной заботился о своихъ домашнихъ. Еще до отъѣзда на Новую Землю, изъ Архангельска онъ получилъ извѣстіе о смерти отца, послѣ котораго осталась старуха жена, его мать, и маленькіе братья, а въ тундрѣ—онъ былъ родомъ изъ Мезени—невѣста. Его все время приводило въ смущеніе то, какъ онъ вернется домой безъ ногъ и безъ рукъ, такъ какъ и на рукахъ нужно было вылущить нѣсколько пальцевъ. Послѣ его смерти

врачъ заявилъ, что, въ виду заразительности болѣзни, необходимо уничтожить всѣ вещи больного. Это заявленіе было принято близко къ сердцу, и скоро на заливѣ соорудили большой костеръ, въ которомъ погибло много вещей, совершенно не повинныхъ въ общеніи съ покойникомъ. Духъ уничтоженія, обуявшій станцію, сокрушилъ даже бо́льшую часть посуды, такъ что подъ конецъ года приходилось пить чай—кому изъ молочника, кому изъ консервной банки; вмѣсто рюмки служилъ аптекарскій унцъ. Пискова вынесли въ часовню и приступили къ сколачиванію гроба. Послѣ говорили, что покойникъ, обстругивая доски, говаривалъ, что онѣ пойдутъ ему на гробъ. Послѣ смерти всѣ наблюденія были прерваны. Два слѣдующіе дня рыли или, вѣрнѣе, долбили могилу на кладбищѣ. Камень плохо подавался, и каждый ударъ лома отбивалъ только небольшой осколокъ. Работа не легкая—выдолбить яму, хотя и не больше фута глубиной; вѣроятно, рытье могилы отняло бы больше времени, если бы при этомъ не было самоѣдовъ. День былъ такъ коротокъ, что могилу рыли при свѣтѣ фонарей. Въ день похоронъ началась довольно сильная вьюга, и нести гробъ въ гору было очень трудно, вслѣдствіе чего запрягли оленей. Д. А. Володковскій прочелъ молитву въ часовнѣ, покойника положили въ гробъ, и похоронная процессія двинулась къ кладбищу. При подъемѣ въ гору гробъ приходилось поддерживать. Когда подходили къ кладбищу, стало довольно темно. Медленно тянулись сани съ гробомъ, по-временамъ совершенно исчезавшія въ снѣжной мглѣ поднимавшейся мятели; изрѣдка вспыхивалъ огонёкъ въ горшкѣ съ ладаномъ, такъ какъ „нельзя похоронить, не окуривши могилы ладаномъ"... Снова была прочитана молитва. Гробъ не скрылся въ землѣ, такъ что сверху завалили плитами сланца и кирпичомъ. Медленно и люди, и собаки, провожавшіе процессію, двинулись обратно. Вечеромъ полы были вымыты, все начало приводиться въ порядокъ. На слѣдующій день уже приступили къ прерваннымъ занятіямъ. Болѣзнь Пискова какъ-будто всѣхъ сблизила: въ уходѣ за больнымъ и единодушномъ участіи, казалось, исчезли и забыты были взаимныя неудовольствія, но не надолго; черезъ нѣсколько дней все приняло обычный характеръ: наружная вѣжливость и скрытое взаимное нерасположеніе,—словомъ, все пошло по старому.

Рождество и новый годъ прошли незамѣтно. По прежнему пріѣзжали самоѣды, сообщали почти тѣ же однообразныя новости о своей охотѣ, о промыслахъ, иногда разсказывали о своей жизни въ тундрѣ, но очень отрывочно и неопредѣленно, что зависитъ, конечно, отъ того обстоятельства, что не всѣ они хорошо вла-

дѣютъ русскимъ языкомъ. Интересно, мнѣ кажется, ихъ представленіе о Новой Землѣ. Прежде, говорятъ они, чѣмъ русскіе стали посѣщать этотъ островъ, здѣсь жила нечистая сила; но появились русскіе съ своимъ крестомъ—и чортъ убрался за Маточкинъ Шаръ, на Сѣверный островъ: тамъ, „въ низахъ", и темнаго времени больше, и вьюга сильнѣе. Такое представленіе о „низахъ" не служитъ, впрочемъ, препятствіемъ къ дальнѣйшему движенію самоѣдовъ на сѣверъ; но объ этомъ я скажу дальше. Присмотрѣвшись къ намъ, самоѣды сдѣлались сообщительнѣе и часто сами разспрашивали о томъ, чтó ихъ интересовало. Иногда самая обыкновенная вещь казалась имъ какой-то диковиной. Они съ любопытствомъ разсматривали, напр., рисунки, хотя часто большого напряженія воображенія стоило самоѣду понять, чтó такое представляетъ какой-нибудь рисунокъ. Какъ сейчасъ представляется мнѣ скуластое, съ отвислыми губами, лицо старика Семена, который повертываетъ поясную фотографическую карточку, напрасно стараясь уразумѣть, чтò это такое? Наконецъ, повернувъ ее вверхъ ногами и заглядывая на Гриневецкаго, онъ пробуетъ сказать на-угадъ, спрашиваетъ: „Это—ты?" Но получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ отдаетъ карточку назадъ и сознается, что не знаетъ. Разсказы или объясненія передавались непонимающимъ кѣмъ-нибудь изъ самоѣдовъ же и почти всегда возбуждали удивленіе, и часто они вновь просили переспросить или объяснить то, чтó возбудило ихъ любопытство. Разсказы объ ошкуяхъ играли первенствующее значеніе; при этомъ они передавали всѣ подробности, при какихъ удалось кому убить звѣря. Молодыхъ медвѣжатъ, взятыхъ послѣ убитой самки, они воспитываютъ вмѣстѣ съ собой въ чумѣ, гдѣ медвѣжата играютъ съ ихъ собаками и дѣтьми. Пока малы, медвѣжата быстро ручнѣютъ и привыкаютъ къ хозяину. Миролюбивый нравъ медвѣдя, который только въ рѣдкихъ случаяхъ бросается на человѣка, а также частое обращеніе съ этимъ звѣремъ—сдѣлали то, что самоѣдамъ медвѣдь не кажется страшнымъ, напротивъ—онъ всегда желанный гость. Какъ сильно дѣйствуетъ на самоѣдовъ всякая невидаль, можно судить по тому, какое впечатлѣніе произвели на нихъ привезенныя нами коровы; они боялись этого страшнаго рогатаго звѣря; женщины говорили, что онъ страшнѣй ошкуя, мимо пройти рѣшались только подъ защитой мужа, и коровой стращали дѣтей.

Бѣлый медвѣдь—по преимуществу морское животное и въ горахъ его встрѣчали только въ пути. Каждую осень онъ переходитъ на западную сторону острова, обыкновенно около половины ноября, и держится здѣсь около моря, въ которомъ „промышляетъ

нерпу", до іюня мѣсяца; но уже въ половинѣ мая ему становится жарко, и онъ идетъ на восточный берегъ, гдѣ гораздо холоднѣе, или же перебирается дальше на сѣверъ. Годами, говорятъ самоѣды, ошкуй попадается въ очень большомъ числѣ; во время нашей зимовки убито не больше сорока штукъ. О величинѣ звѣря можно судить по тому, что, по словамъ самоѣдовъ, имъ случалось снять съ медвѣдя пудовъ 8, даже 9, сала. Чтобы привлечь ошкуя, самоѣды разбрасываютъ по берегу сало, до котораго онъ большой охотникъ. Но обыкновенно убить его удается совершенно случайно, когда онъ самъ придетъ на чумъ. Ошкуй обладаетъ очень острымъ чутьемъ: какъ бы глубоко ни были засыпаны снѣгомъ брошенныя послѣ промысла „равила" бѣлугъ или другого морского звѣря, онъ найдетъ и раскопаетъ, лишь бы „льдомъ не заѣло", что случается, когда эти трупы были сняты съ берега приливомъ и замерзли въ водѣ. Лакомое кушанье для медвѣдя—ворвань. „Когда начнешь топить сало,—говорятъ самоѣды,—онъ издалека услышитъ запахъ и придетъ". У молодыхъ медвѣжатъ шерсть мягкая и длинная; чѣмъ старше становится звѣрь, тѣмъ болѣе и болѣе грубѣетъ его шерсть и дѣлается короче. Въ старости зубная эмаль у медвѣдя трескается. За недостаткомъ животной пищи, онъ ѣстъ „землю", по словамъ самоѣдовъ. Въ желудкѣ убитаго врачемъ экспедиціи медвѣдя оказались только мхи да вѣтки ивняку. Во время течки медвѣди дерутся за самокъ. Пометъ медвѣжатъ бываетъ въ январѣ. Самка обыкновенно приноситъ двухъ медвѣжатъ, которые бѣгаютъ въ молодости подъ ногами матери; при опасности она ихъ закидываетъ себѣ на спину и убѣгаетъ. Самка старается загородить дѣтей своимъ тѣломъ, и если убить медвѣжонка, особенно маленькаго, она бросается на человѣка. Молодые медвѣжата долго еще ходятъ вмѣстѣ съ матерью, которая учитъ ихъ „промышлять". Если убить взрослаго медвѣжонка, мать не такъ свирѣпѣетъ, какъ въ случаѣ смерти молодого. Бросается на человѣка медвѣдь, когда онъ голоденъ или раненъ; чѣмъ старѣе становится онъ, тѣмъ опаснѣй: такой—„на силу надѣется". Самоѣды разсказываютъ, что если ошкуй стоитъ въ сторонѣ, то можно безопасно идти возлѣ. Несмотря на его неуклюжесть, медвѣдя, когда онъ „пошелъ на ходъ", можно остановить, только если хороши собаки. Мясомъ его,—если нѣтъ оленей,—питаются и сами, и собакъ кормятъ; шкура и сало идутъ на продажу; его же шкурой обтягиваются лыжи. Желчный пузырь вынимаютъ, такъ какъ медвѣжья желчь у оленеводовъ считается хорошимъ средствомъ противъ глазныхъ болѣзней скота; то же свойство они приписываютъ и желчи щуки. Ошкуй

—звѣрь чистый, по понятію самоѣдовъ; поэтому снимать шкуру и очищать ее отъ жира можетъ только мужчина. Когда ошкуй скрадываетъ нерпу, то закрываетъ черную „мырку", т.-е. конецъ носа, лапой. Подкравшись къ звѣрю, онъ ударомъ лапы отбрасываетъ его въ сторону отъ окраины или продушины льдины,—иногда съ такой силой, что тотъ кувыркается нѣсколько разъ въ воздухѣ.

Хотя мятели продолжались до половины мая, но подъ-конецъ стали замѣтно слабѣе; кромѣ того, при дневномъ свѣтѣ даже сильная вьюга не производитъ такого впечатлѣнія, какъ въ темное время: какъ ни сильны бывали онѣ по-временамъ, все-таки можно было различать хотя очертанія зданій, несмотря на летящія густыя снѣжныя массы. Насколько сильно было напряженіе мятелей—опредѣленно сказать довольно трудно, такъ какъ анемометръ Зеренвена подъ-конецъ совершенно сломался; но, судя по тому, что зданіе станціи при сильныхъ порывахъ вздрагивало и съ полокъ падали поставленныя тамъ вещи, нужно полагать, что сила была очень значительная. Уже около половины января ледъ на поморскомъ рейдѣ и за Кармакульскимъ островомъ сломало; полыньи эти хотя и затягивались вновь льдомъ, однако не надолго; температура съ половины этого мѣсяца до 20-хъ чиселъ февраля поднялась значительно и доходила до 0^{0}.

20-го января въ первый разъ показалось солнце. День сталъ быстро прибывать; около 20-го февраля свѣтаетъ въ 6-мъ часу утра и темнѣетъ въ 8 ч. вечера; въ концѣ апрѣля солнце уже не скрывается подъ горизонтъ. Глаза, привыкнувъ зимой къ темнотѣ, чрезвычайно утомляются яркимъ дневнымъ свѣтомъ. Войдя съ воздуха въ комнату, нѣсколько минутъ ничего не можешь различить; свѣтъ лампы кажется какимъ-то яркимъ пятномъ среди общей темноты; затѣмъ только постепенно начинаетъ глазъ различать окружающіе предметы. Сначала, пока не привыкли къ свѣту, еще усиливаемому блескомъ снѣга, даже темныя стекла очковъ плохо защищали глаза отъ него. Самоѣды, по необходимости проводящіе много времени на охотѣ, часто страдаютъ воспаленіемъ глазъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ козырьки. Кстати, мнѣ кажется, что зеленые козырьки, имѣвшіеся у насъ, предохраняютъ глаза гораздо лучше темныхъ очковъ. Самоѣды, чтобы прекратить болѣзнь глазъ, обыкновенно заворачиваютъ вѣки и царапаютъ ихъ до крови кускомъ сахару; по ихъ словамъ, глазъ послѣ этого легче переноситъ свѣтъ.

Съ появленіемъ солнца стало все оживляться, начался прилетъ птицъ, да и сами мы словно ожили; всѣ стали чаще выхо-

дить изъ избъ. Весна не была удачна для самоѣдовъ: промыслы были плохи, и многіе были въ отчаяніи—какъ придется провести будущую зиму; они говорили, что и весенній, и осенній промыслы были такъ плохи, что имъ врядъ расплатиться съ старымъ долгомъ поморамъ, а еще повѣрятъ ли вновь—неизвѣстно.

На пасху бо́льшая часть самоѣдовъ съ женами и дѣтьми съѣхалась на станцію. На этотъ день были прекращены всѣ наблюденія. Въ полночь всѣ мы собрались въ комнатѣ Андреева, пропѣли „Христосъ воскресе", перехристосовались, и—начался пиръ на весь православный міръ...

Въ концѣ марта на Гусиной Землѣ оленей показывалось мало. Судя по слѣдамъ, олени ушли къ сѣверу, такъ что самоѣды стали пріѣзжать на станцію, надѣясь въ окрестностяхъ ея „промыслить звѣря"; но и здѣсь попадалось мало. Подвозъ мяса на станцію сталъ уменьшаться, и снова стали уменьшаться порціи мяса.

Во второй половинѣ марта солнце стало пригрѣвать уже настолько сильно, что снѣгъ началъ таять; около камней образуются лужи, на ночь, разумѣется, замерзающія. Растенія, встрѣчающіяся на камняхъ, особенно на склонахъ къ югу, оттаяли; показались почки, покрытыя у нѣкоторыхъ растеній волосками; у нѣкоторыхъ сохранились подъ снѣгомъ еще прошлогодніе побѣги. Термометръ въ полдень показываетъ отъ $+0^0,8$ до $+1^0,5$; впрочемъ ночью опускается до—15^0 по Цельзію. Въ первой половинѣ апрѣля снова наступили холода, сопровождаемые мятелями; растенія, рано освободившіяся изъ-подъ снѣга и отчасти уже начавшія раздвигать листики почекъ, были вновь засыпаны снѣгомъ, а незанесенныя имъ пострадали отъ мороза; растенія, у которыхъ почки были покрыты волосками или же защищены прошлогодними листьями, мало пострадали отъ холода, и у нихъ поблекли только наружные листики. Темныя сланцевыя породы, составляющія здѣсь почву, быстро нагрѣваются, такъ что близъ поверхности ея получается слой болѣе теплаго воздуха, что̀ было возможно замѣтить съ начала весны по дрожанію его надъ камнями и крутыми склонами. Здѣшнія растенія не избалованы тепломъ, и достаточно, чтобы температура поднялась немного выше нуля,—какъ растенія уже начинаютъ оживать. Слоевцовыя растенія ожили, а нѣкоторые листоносные мхи, напр. кукушкинъ ленъ, уже около 5-го апрѣля, несмотря на то, что почва еще не оттаяла, дали свѣжіе листочки и заготовили споровыя коробочки.

Короткія оттепели и холода, достигающіе—15^0 Ц., продолжались до половины мая.

Нельзя не упомянуть еще о развлеченіи, которое доставляли

экспедиціи наши собаки. Вѣроятно, ни одинъ любитель чистокровныхъ породъ не удовлетворился бы ихъ родословной, но всѣ онѣ обладали какими-нибудь особенными качествами. Одна изъ нихъ, Пихта, была вахтеннымъ псомъ; лишь только очередной наблюдатель хлопнулъ дверью, она идетъ за нимъ, дожидается, пока дѣлаются наблюденія, и такъ въ продолженіе всей ночи, хотя никакими силами, не только-что добровольно, не заставишь ея выйти изъ избы, когда началась мятель. За свое усердіе она пользовалась общимъ расположеніемъ, такъ какъ, выходя на волю, всегда можно было разсчитывать встрѣтиться съ медвѣдемъ. У Пихты былъ заклятый врагъ—другой песъ, Нептунъ; ихъ нерасположеніе вошло въ поговорку на станціи; они не могли пройти мимо другъ друга, не огрызаясь, и зачастую между ними происходили ожесточенныя схватки, въ которыхъ принимали участіе и другія собаки. Нептунъ привязался къ матросу Трофимову, за которымъ ходилъ по-пятамъ; гдѣ Трофимовъ, тамъ, навѣрно, какъ тѣнь его, и Нептунъ. Каждый песъ имѣлъ своего покровителя между матросами. Самый отважный песъ былъ Азикъ, который, по выраженію самоѣдовъ, „ошкуя зубомъ беретъ". Этотъ песъ замѣчателенъ своей любовью къ странствованію; вдругъ онъ исчезаетъ со станціи, и черезъ нѣсколько времени получаются извѣстія, что Азикъ на Пуховой или на Гусиной. „Онъ — говорили самоѣды—хорошій промышленникъ". Азикъ самостоятельно занимался охотой, и за отважность при нападеніи на медвѣдя, по справедливости пользовался уваженіемъ, особливо у самоѣдовъ: „если бы всѣ такія были: и везти силенъ и на ошкуя идетъ". Пѣшка, дряхлый, беззубый песъ, до самой весны не выказывалъ никакихъ талантовъ. О немъ шла молва, что Пѣшка лежитъ себѣ съ утра до вечера въ избѣ такъ спокойно, что куры, принимая его за неодушевленный предметъ, прогуливались по немъ; это ему даже пріятно; не позволялъ онъ только безнаказанно клевать себя въ морду. Но весной и онъ проявилъ свой талантъ: онъ сдѣлалъ открытіе, разъискалъ мѣсто, гдѣ самоѣды складывали сало, и сталъ таскать его и прятать въ сугробъ подъ окномъ. Вырывъ яму, Пѣшка складывалъ туда добычу, и затѣмъ начиналъ засыпать снѣгомъ, утрамбовывая его мордой. Это запримѣтили другія собаки и, выждавъ, пока онъ уйдетъ, похищали его запасы. Иногда, чтобы посмотрѣть, какъ онъ начнетъ утрамбовывать рыломъ снѣгъ, у него нарочно вырывали сало, и онъ снова принимался, къ общему удовольствію, за свою работу. За неимѣніемъ новостей, всякое событіе, даже самое мелочное, составляло развлеченіе. Собаки и

на Новой Землѣ заболѣваютъ водобоязнью. Самоѣды говорятъ, что причиной тому „дикій", т.-е. больной песецъ. Укушенная собака также становится „дикой"; ихъ они убиваютъ. Такой дикій песецъ, по словамъ самоѣдовъ, „страшнѣе ошкуя".

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля мы замѣтили приближеніе самоѣда въ саняхъ, но никто изъ бывшихъ на станціи самоѣдовъ не узнавалъ, кто бы это могъ быть, несмотря на то, что самоѣды обладаютъ замѣчательно хорошимъ зрѣніемъ. Когда онъ приблизился къ станціи, объяснилась причина, почему его не могли узнать; онъ пришелъ съ Карскаго моря. Новоприбывшій разсказалъ, что, несмотря на обиліе оленей, ему и товарищу, и вообще всему чуму угрожала голодная смерть, потому что пороху осталось всего нѣсколько зарядовъ. Знали они, что гдѣ-то на западной сторонѣ острова живетъ „чиновникъ"; они слышали о зимовкѣ г. Тягина и, предполагая, что послѣдній все еще живетъ на Новой Землѣ, рѣшили попытать счастья и бросили жребій: кому идти; вышло идти Ханцу, какъ звали новоприбывшаго самоѣда; раздѣливъ оставшіеся заряды пороху, они распростились. Дорогой Ханцу удалось убить оленя; этимъ онъ питался и самъ, и кормилъ взятыхъ имъ съ собой двухъ медвѣжатъ, которыхъ, въ случаѣ удачи, намѣревался промѣнять на порохъ. Всю дорогу онъ шелъ пѣшкомъ; на саняхъ ѣхали медвѣжата. Случайно, перейдя горы, на западной сторонѣ онъ наткнулся на самоѣдскій чумъ, что стоитъ на Гусиной, а отсюда добрался и до станціи. Несмотря на козырекъ, глаза его опухли отъ вѣтра и болѣли вслѣдствіе долгаго пребыванія на яркомъ дневномъ свѣтѣ.

Представился хорошій случай побывать на восточной сторонѣ острова, воспользоваться которымъ не замедлилъ врачъ экспедиціи Гриневецкій [1]). Онъ нанялъ самоѣда Прокопія. Собакъ пришлось взять на Гусиной, такъ какъ нашихъ было мало; на станціи чувствовался недостатокъ мяса, и начальникъ экспедиціи поручилъ привезти его съ восточнаго берега, сколько лишь въ состояніи будутъ везти собаки. Гриневецкій отправился на четырехъ саняхъ, запряженныхъ 22-мя собаками.

Доѣхавъ до р. Кармакулки, онъ убилъ медвѣдицу, шкуру и медвѣжатъ привезъ на станцію и снова пустился въ путь. На Гусиной Землѣ было взято нѣсколько „равилъ" морского зайца, для корма собакъ. Перевалили горы, идущія верстъ на 30-ть

---

[1]) Я не стану подробно описывать переходъ г. Гриневецкаго черезъ Новую Землю; подробный отчетъ его помѣщенъ въ „Извѣстіяхъ" И. Р. Географическаго Общества.

вглубь острова; затѣмъ путь шелъ по мѣстности, постепенно понижавшейся къ Карскому морю. Ханецъ, бывшій путеводителемъ, не узнавалъ мѣстности, и Гриневецкій уже рѣшилъ воротиться, какъ послышался лай собакъ, и черезъ нѣсколько времени подошелъ самоѣдъ Алексѣй, товарищъ Ханца. Оказалось, что они были недалеко отъ чума; Алексѣй шелъ за мясомъ раньше убитыхъ оленей, которое было зарыто въ снѣгу. Онъ вывелъ ихъ на чумъ, откуда, послѣ двухдневнаго отдыха, Гриневецкій пустился обратно и благополучно пріѣхалъ на станцію, привезши купленные тамъ 12 оленьихъ задковъ.

Въ первыхъ числахъ мая появились олени въ окрестностяхъ станціи. Я съ матросомъ Демидовымъ вздумали попытать счастія въ охотѣ на оленей [1]). Переваливъ береговой хребетъ, мы спустились въ долину рѣки Малой Кармакулки въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее съ юга небольшой ручеекъ, и пошли по долинѣ. Долина круто повертывается на NNO и идетъ въ такомъ направленіи часовъ на 7—8 хорошей ходьбы. На этомъ протяженіи долина не широка и въ трехъ мѣстахъ пересѣчена возвышенностями, оставляющими только узкіе проходы для рѣчки. Дно долины и крутой, обращенный къ востоку, склонъ хребта почти совершенно обнажены отъ снѣга, которымъ покрытъ довольно отлогій склонъ къ западу. Крутые обрывы склоновъ, обращенныхъ къ югу, оттаяли и выдѣлялись яркими черными пятнами. Около полуночи, послѣ почти 12-часовой ходьбы, мы достигли мѣста, гдѣ долина упирается въ крутой склонъ другой возвышенности, идущей почти подъ прямымъ угломъ къ прежнему направленію долины. Здѣсь послѣдняя повертываетъ на востокъ, мѣстность становится выше, и русло рѣки, какъ бы сдавливаясь крутыми берегами, становится ўже. Пока мы шли по долинѣ, намъ попадались слѣды оленей, перекрещенные слѣдами песцовъ и пеструшекъ; но, кромѣ нѣсколькихъ пуночекъ, не встрѣчалось ни одного живого существа. Слѣды казались свѣжими,—словно они только-что были сдѣланы. Мы двинулись между крутыми береговыми утесами Кармакулъ, сплошь засыпанными снѣгомъ. Идти становилось труднѣе; на вершинахъ начали показываться туманныя облака мятели, а вѣтеръ, до того слабый, началъ усиливаться, заметая слѣды оленей. Послѣ 4-хъ часовъ пути впередъ мы почувствовали сильную усталость, и такъ какъ мятель все

[1]) Помѣщаю описаніе этой неудачной охоты потому, что она даетъ нѣсколько свѣденій относительно теченія р. Малой Кармакулки выше низовьевъ, приблизительно вѣрно нанесенныхъ на карты.

усиливалась, то рѣшили вернуться домой. Оленьи слѣды шли съ востока на сѣверо-востокъ и встрѣчались всегда на склонахъ, болѣе отлогихъ, но, подгоняемые мятелью, мы плохо всматривались въ слѣды, хотя нѣкоторые были сдѣланы послѣ нашего прохода. Попытка уснуть и переждать мятель не удалась; мелкая снѣжная пыль подбивалась подъ воротникъ, и ноги, несмотря на оленьи пимы, страшно зябли. Съ большимъ трудомъ взобрались мы на крутую возвышенность и спустились на береговой уступъ; на вершинахъ хребта за нами и на Кармакульскомъ островѣ бушевала мятель, а между ними было полное затишье. Усталые и безъ добычи мы вернулись на станцію.

Тоже въ началѣ мая мы съ Гриневецкимъ стали обдумывать экскурсію на р. Пуховую. Мы уже условились съ самоѣдами насчетъ собакъ, но помѣшала наступившая оттепель. 12-го мая температура поднялась до $+4^0$Ц, а черезъ два дня она дошла до $+10^0$Ц. Снѣгъ, несмотря на облачность, сталъ быстро таять; всюду стала выступать вода. Когда же, 14-го мая, показалось солнце, таяніе на высокихъ и солнечныхъ мѣстахъ сдѣлалось столь сильнымъ, что всюду образовались ручьи, которыхъ вода, стекая по склонамъ и просачиваясь подъ снѣгомъ, способствовала быстрому осѣданію сугробовъ. Температура воды въ ручьяхъ у подошвы хребта доходитъ до $-0^0,5$ Ц. Почва на солнечныхъ мѣстахъ оттаяла вершковъ на пять. Въ ручьяхъ, съ осени промерзшихъ до дна, вода бѣжитъ по ледяному руслу. До какой степени быстро исчезаютъ снѣга, можно судить по тому, что, отправляясь въ экскурсію, приходишь по сплошному пласту снѣга, а возвращаясь черезъ 4—5 часовъ назадъ, встрѣчаешь только кой-гдѣ на тѣхъ же мѣстахъ глыбы потемнѣвшаго, пропитаннаго водой снѣга. На сѣверныхъ склонахъ, впрочемъ, снѣга довольно плотны. Крутые склоны нагрѣваются чрезвычайно сильно. Такъ, 18-го мая я наблюдалъ, зарывая неглубоко въ вывѣтрившійся щебень шарикъ термометра, температуру $+29^0$Ц., $+30^0$Ц.; на поверхности она доходила до $+32^0$Ц.; и даже на глубинѣ 3—4 дюймовъ термометръ показывалъ $+12^0,12$ Ц.; поднявшись выше 200′, термометръ падалъ до $+25^0$Ц. Вода, протекающая по нагрѣтой почвѣ, имѣла тепла $+1^0$Ц.

Съ наступленіемъ тепла и растительность начала оправляться. Призёмистые ивняки дали сережки, нѣкоторыя растенія начали разбивать почку, а напр. артемизія даже выгнала изъ средины листьевъ цвѣточный стебель. Въ началѣ іюня зацвѣли альпійская незабудка и каменоломка (saxifraga oppositufolia); южные склоны стали зеленѣть.

Снѣгъ, покрывавшій ледъ, стаялъ, и ледъ покрылся трещинами, изъ которыхъ выступаетъ вода, въ теченіе дня покрывающая его своимъ слоемъ и исчезающая на ночь, отъ чего поверхность льда получаетъ губчатое, ноздреватое строеніе. Особенно сильно таетъ ледъ, который заключаетъ въ себѣ водоросли; еще осенью приходилось наблюдать, какъ пластинки водорослей, покрывшись слоемъ льда, поднимались на поверхность воды; кромѣ того, послѣ волненій на поверхности всегда много плаваетъ оторванныхъ водорослей, которыя также попадаютъ въ льдины; около такихъ льдинъ часто образуются глубокія ямы. Снѣгъ на почвѣ обратился въ многогранныя крупинки и сталъ медленнѣе таять. Насколько глазъ могъ видѣть, море было свободно уже отъ льда, который еще лежалъ на берегахъ и въ бухтахъ; при сѣверныхъ вѣтрахъ, однако, и море покрывалось пловучимъ льдомъ. Мы съ нетерпѣніемъ стали поджидать поморовъ. Запасъ табаку, сдѣланный каждымъ для себя, давно исчезъ; къ счастью для курящихъ, двое матросовъ не курили, такъ что осталась еще махорка, но и та кончалась. Чай тоже подходилъ къ концу.

Еще осенью прошлаго года было предположеніе ѣхать вмѣстѣ съ поморами на Гусиную Землю, которые въ то время отправлялись туда на гольцовый промыселъ; но такъ какъ они, въ случаѣ хорошаго лова и при попутномъ вѣтрѣ, собирались, не заходя въ наше становище, пройти прямо „на Русь", то эта поѣздка не состоялась. Въ маѣ мы задумали отправиться на р. Пуховую. Много разсказывалось о мѣстности по этой рѣкѣ; напр., увѣряли, что „тамъ каменья всякія есть", есть „живое серебро", и т. п. Самоѣдъ Ѳома—когда еще онъ не жилъ постоянно на Новой Землѣ, а служилъ въ приказчикахъ у одного судохозяина—тамъ же нашелъ самородокъ мѣди, за который вымѣнялъ въ Архангельскѣ у кузнеца мѣдный котелъ. „А камни — разсказывали —такіе, что какъ солнце ударитъ—на разные цвѣта играютъ". Стóитъ посмотрѣть, говорили, и на тамошнія наволоки, что по берегамъ р. Пуховой, въ иныхъ мѣстахъ, какъ стѣна снѣговая, стоятъ надъ водой. На ближнихъ островахъ много гагарокъ и гавокъ, „что пухъ сидятъ". Желаніе побольше ознакомиться съ Новой Землей еще усиливалось отъ этихъ разсказовъ. Отъ Малыхъ Кармакулъ до р. Пуховой считается не больше 35—40 верстъ. Спасательный вельботъ, имѣвшійся на станціи, былъ не по силамъ, такъ какъ всего должно было отправиться не больше 3—4 человѣкъ; кромѣ того, онъ былъ попорченъ кое-гдѣ самоѣдами, которые повырывали нѣкоторыя мѣдныя набивки, а одинъ изъ парусовъ былъ даже употребленъ однимъ изъ зимовавшихъ

здѣсь поморовъ на рубаху. На наше счастіе, къ этому времени пріѣхалъ самоѣдъ Иванъ Логей на карбасѣ, который былъ оставленъ ему для пользованія и, по его словамъ, былъ никуда негоденъ. Самоѣды очень небрежно относятся къ такимъ даже вещамъ, которыя имъ болѣе всего необходимы. Лѣтомъ безъ карбаса здѣсь невозможно обойтись: единственное сообщеніе—океанъ. Карбасъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ привезенъ г. Тягинымъ на Новую Землю, ни разу не смолился; днище во многихъ мѣстахъ было пробито о камни, а спаи настолько истлѣли, что съ трудомъ можно было наложить заплатки: гвоздь можно было втыкать рукой. Такъ какъ ничего другого не находилось, а охота была сильна, то рѣшили вычинить этотъ карбасъ сколько возможно.

Одинъ изъ наблюдателей, матросъ Н. Демидовъ, еще зимой высказывалъ желаніе отправиться въ эту экспедицію. „Сколько разъ,—говорилъ онъ,—выйдешь на бугоръ и смотришь на туманный мысъ, и охота является узнать, что за нимъ: такіе ли берега, какъ здѣсь, и неужели и тамъ все камень да камень и ни лѣсу, ни луговъ нѣтъ?" Демидовъ все свободное время употреблялъ на снаряженіе этой гнилушки; иной разъ онъ съ огорченіемъ сообщалъ, что вѣдь пожалуй на немъ и до Большихъ Кармакулъ не дойдешь: весь на волнахъ раскачаетъ. Конопатить приходилось очень осторожно,—иначе спаи раздвигались отъ пакли,—но дѣло все-таки подвигалось впередъ. Къ концу мая карбасъ былъ окончательно готовъ, осмоленъ, паруса пригнаны; дожидались только, пока отойдетъ ледъ отъ береговъ и будетъ попутный вѣтеръ. 3-го числа пришли два судна Ѳ. и Я.Ворониныхъ и одно Норкина. Первыя два хотѣли остаться въ нашемъ становищѣ, а Норкина—должно было отправиться въ Маточкинъ Шаръ. Съ ихъ пріѣздомъ начались переговоры, не согласится ли кто изъ судохозяевъ дать намъ въ помощь одного человѣка, и одинъ изъ нихъ, Я. М. Воронинъ, предложилъ своего „раба", такъ какъ начальникъ экспедиціи, сначала принявшійся энергично за снаряженіе этой поѣздки, какъ-то вдругъ охладѣлъ къ ней и нашелъ невозможнымъ отпустить матроса. Думали, не плохое ли состояніе карбаса его безпокоитъ; но онъ увѣрялъ, что на этомъ карбасѣ можно ѣхать безопасно, что мы не знаемъ, что называется негоднымъ судномъ. Послѣ предложенія „раба", однако, онъ согласился отпустить матроса Демидова. Теперь планъ нашей экскурсіи нѣсколько измѣнился; сначала предполагалось дойти до р. Пуховой и оттуда дѣлать развѣдки, по возможности дальнія, если возможно—до Маточкина Шара; теперь же рѣшили взять на бортъ судна Норкина „Общее счастіе" нашъ карбасъ и идти въ

Маточкинъ Шаръ, а на обратномъ пути „приставать карбасомъ" къ берегу. Отъѣздъ былъ назначенъ 5-го іюня вечеромъ.

Самоѣды, охотно желавшіе сопутствовать, вдругъ почему-то стали отказываться, и уже только къ вечеру надумалъ ѣхать самоѣдъ Аѳанасій. Сборы были спѣшные, вѣтеръ—„попутнякъ" и мы, перебравшись на шхуну „Общее счастіе", уже намѣревались поднять якорь, какъ SO вѣтеръ разъигрался въ штормъ; пришлось не поднимать якоря, а „отдать" другой, и то сдрейфили за ночь. Къ утру вѣтеръ ослабѣлъ, но былъ противный. Съ утра начали „косить" (лавировать) и только въ ночь съ 6-го на 7-е обошли мысъ Бритвинъ; вѣтеръ сдѣлался попутный; „корабельщикъ" Коневаловъ и всѣ поморы повеселѣли.

Судно „Общее счастіе" принадлежитъ купцу Норкину. Самъ Норкинъ никогда не бывалъ на Новой Землѣ. Судномъ управлялъ „корабельщикъ" М. Г. Коневаловъ, который уже 25 лѣтъ ходитъ на Новую Землю и, несмотря на свою неграмотность, пользуется довѣріемъ хозяина. По отзывамъ поморовъ, это—человѣкъ знающій, бывалый: „ты вотъ его поразспроси, такъ онъ тебѣ поразскажетъ; онъ Новую Землю хорошо знаетъ, онъ ее вокругъ знаетъ". Дѣйствительно, тутъ нашлись и еще бывалые моряки, которые на карбасахъ огибали сѣверный конецъ Новой Земли и бывали въ сѣверной части Карскаго моря. „Иной разъ—суда прежде ходили дальше на сѣверъ—стоитъ судно у Адмиралтейскаго полуострова или у Сухова Носа, а ты помолишься Николаю-угоднику да и ѣдешь въ море на карбасѣ. Разъ двѣ недѣли въ льдахъ ходили, думали—смерть пришла, а какъ туманъ разнесло, такъ и увидали, что около сѣвернаго берега Новой Земли находимся. Моржей тамъ промышляли. Очень въ то время добычливъ промыселъ палъ—и зарвались".

Бритвинъ мысъ и окрестная мѣстность очень низки, но къ сѣверу отсюда почва все повышается и горы подходятъ ближе къ берегу. Часовъ около 10-ти утра замѣтили гору Первоусмотрѣнную. „Съ верховъ ли идешь, съ низовъ ли—прежде другихъ видна,—разсказывалъ Коневаловъ;—ее зовутъ у насъ еще Грибовой. А вотъ этотъ заливъ—тоже Грибовымъ зовется. Здѣсь, лѣтъ десять тому, зимовали поморы. Петербургскій купецъ Іона есть; такъ онъ снарядилъ судно, да оно здѣсь и зазимовало. Вотъ поправѣе этого бугра и теперь стоятъ остатки избы, гдѣ они зимовали; изба-то порастащена на дрова промышленниками... Всѣ здѣсь померли, только одинъ выжилъ; зацынжали всѣ. Какъ, говорятъ, который захвораетъ, товарищи возьмутъ подъ руки да и тащатъ на свѣжій воздухъ, чтобы провѣтрился. Иные Хри-

стомъ-Богомъ просятъ не трогать ихъ: боль при цынгѣ-то въ ногахъ бываетъ... Да ничего не помогло; какъ темная-то пора наступила—и начали одинъ за другимъ помирать".

— Тутъ ты не смотри, — закончивши разсказъ про „іонинскихъ", продолжалъ онъ,—что горы высокія: тутъ есть луга травяные и олень все лѣто держится. Въ рѣкахъ гольца много; другой даже мелкой рыбы не вылавливали... А въ губѣ — малость полѣвѣе губы — по ручью есть каменный уголь, даже цѣлая гора пластъ содержитъ. Здѣсь много всякой руды и „каменья полезнаго"; да вѣдь иной разъ и мимо пройдешь — не видишь. Вотъ хоть бы въ губѣ Серебряной: цѣлыя пригоршни руды набрали; на солнцѣ, еще съ судна видишь, блеститъ; иная блестка, какъ палецъ какой, или точеный столбикъ торчитъ... И губу-то потому назвали. Говорятъ, что ученые были тамъ и серебра-то не нашли... А вотъ въ Баренцахъ (тàкъ поморы зовутъ заливъ Баренца) такъ—многіе даже на суднѣ есть, которые были тамъ—мѣсто есть, гдѣ краска встрѣчается: даже въ Архангельскъ привозили, вѣрно краска оказалась. Опять въ Нехватовой, самородокъ мѣдной руды нашли...

Вѣтеръ слабъ, идемъ нешибко. Берегъ становится все выше; выше становятся и горы, на вершинахъ которыхъ лежатъ облака. „Въ другой день,—сообщаетъ одинъ изъ поморовъ,—тучи къ горамъ, какъ къ меду, пристаютъ",—выраженіе чрезвычайно удачное; облака медленно ползутъ по склону горы, какъ будто прилипаютъ къ нему, но все-таки медленно движутся. Даже высокіе склоны стали обнажаться отъ снѣга, а береговая земля совершенно отъ него очистилась и кажется издали буровато-сѣрой луговиной. За береговою цѣпью горъ выставляются возвышенности, сплошь покрытыя снѣгомъ...

— А вотъ смотри,—обращается ко мнѣ одинъ изъ поморовъ: —вишь, чтò я дѣлаю?

— Яйца выпускаешь.

— Нѣтъ, это у меня въ чашкѣ новоземельскія сливки.

Поморы выпускаютъ бѣлокъ изъ гагаркиныхъ яицъ, а желтокъ разбалтываютъ и кладутъ въ чай; „сливки новоземельскія", дѣйствительно, оказались хорошей приправой къ чаю.

Все время пути очень часто встрѣчались птицы; то были гагарки, чистики, „пухты" (какъ называютъ здѣсь одинъ видъ чайки), казарки; гусей же здѣсь много встрѣчается лѣтомъ. Прошли губу Безъимянную; здѣсь гагарьи базары тянутся по берегу верстъ на 5—7. Къ вечеру стали подходить къ Маточкину Шару. Еще задолго изъ общей массы горъ выдѣлялся Митюшевъ Ка-

мень; вершина этой горы еще сплошь покрыта снѣгомъ; она казалась ближе другихъ, хотя находится по ту сторону пролива. Вѣтеръ снова ослабѣлъ, но мы были уже у входа въ Маточкинъ Шаръ. Проливъ дѣлаетъ здѣсь колѣно, такъ что, даже обогнувъ мысъ Столбовый съ окружающими его утесами, все еще представляется, что находишься въ заливѣ. Маточкинъ Шаръ раздѣляетъ Новую Землю на два острова. Въ устьяхъ своихъ проливъ широкъ, но къ срединѣ постепенно съуживается и въ иныхъ мѣстахъ бываетъ не шире 2—3 верстъ. По этому проливу разбросаны острова, на которыхъ гага „пухъ садитъ".

Пухъ, по словамъ промышленниковъ, не достается русскимъ, такъ какъ уже до ихъ прихода его обираютъ норвежцы. На разспросы, почему же никто изъ промышленниковъ не рѣшится прозимовать съ судномъ хотя бы въ какой-нибудь норвежской гавани, чтобы идти одновременно съ ними на Новую Землю,— говорили, что, помимо того, что у всѣхъ есть семьи, зимой большая часть или идетъ на зимніе же промыслы въ Бѣлое море, или же занимается дома работами; многіе занимаются постройкою карбасовъ и вообще плотничной работой, а у „норвега" зиму придется простоять даромъ. — Но вѣдь вы же сами говорили, что хорошій моржевый промыселъ можетъ вполнѣ окупить даже и лѣто, и зиму? — „Это все такъ, но, пока на Руси не будетъ устроено своей гавани, это дѣло не привьется", — говорилъ и Коневаловъ, и другіе. Впрочемъ первый намѣревался обратиться къ хозяину и попытаться уговорить его разрѣшить судну зимовать гдѣ-нибудь въ Норвегіи, чтобы „вмѣстяхъ съ норвегами" идти къ Новой Землѣ. — „Да, вѣдь это все не то, — говорилъ онъ:—вѣдь вотъ хотя тотъ же Норкинъ, можетъ, и согласится, потому онъ человѣкъ такой, что не побоится рискнуть, такъ какъ все стоитъ за этотъ рискъ, а другого не уломаешь, чтобы судно на зиму осталось въ Норвегіи. Да вѣдь за моржемъ теперь идти нужно дальше „въ низы", а около Маточкина—все тѣ же норвеги распугиваютъ. Прежде, когда били острогой, а не огнестрѣльнымъ оружіемъ, звѣря было больше; теперь же только и можно на удачу разсчитывать что въ „Баренцахъ". Да и то нужно сказать, что намъ съ норвегами не тягаться: у насъ не у всѣхъ и курковыя-то ружья есть, больше—кремневыя, а у тѣхъ ружья съ казенной части заряжаются". А кто знаетъ, какъ часто изъ-за ружья упускается выгодный промыселъ, тотъ пойметъ, что здѣсь необходимо оружіе скорострѣльное. Берданка поморамъ очень по сердцу пришлась. „Лучше этого ружья намъ ничего и не надо бы,—говорили они.—Кажись, если бы деньги, ничего

бы не пожалѣлъ. Изъ Питера выписывать, изъ магазина—дорого, вотъ кабы по казенной цѣнѣ... Да и выпишешь изъ Питера,—опять патроны... въ Архангельскѣ не достанешь, а изъ казенныхъ складовъ не продадутъ".

Уже почти подойдя къ берегу, замѣтили въ бухтѣ еще судно, принадлежащее, какъ оказалось, Воронину. Въ 8 часовъ вечера отдали якорь. „Корабельщикъ" Воронина явился на наше судно и тотчасъ же уговорился промышлять звѣря „вмѣстяхъ, чтобы сообща было". На носовой мачтѣ у Воронина были развѣшаны шкуры оленей, убитыхъ за день до нашего прихода.

Въ этотъ же день съѣздили на берегъ; кромѣ нѣсколькихъ раковинъ да небольшого числа растеній, собрать ничего не удалось; нужно было торопиться: начался приливъ, а на отмелыхъ берегахъ здѣсь зачастую, говорятъ, пропадаютъ карбасы, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться во-очію на слѣдующій же день.

На каменистыхъ мѣстахъ, кромѣ drias octopetale, еще не цвѣтшаго, чрезвычайно часто попадается каменоломка, saxifraga oppositifolia; первымъ и особенно вторымъ растеніемъ покрыты часто большія пространства. Всюду виднѣются сѣровато-зеленыя дерновины этой каменоломки, стелющіеся стебли которой, особенно на солнечныхъ мѣстахъ, сплошь покрыты яркими красно-фіолетовыми цвѣтами. Около двухъ часовъ дня термометръ показывалъ $+ 5^{0}$Ц.; къ вечеру стало холоднѣе. Береговыя горы крутыми купами возвышались вокругъ бухты; противоположный берегъ казался очень близко, хотя разстояніе не меньше 12-ти верстъ. Всюду еще лежитъ снѣгъ; только южные склоны почернѣли, чтó еще болѣе оттѣнялось отъ сосѣдства снѣжныхъ массъ. Вершины горъ по мѣстамъ задергиваются туманомъ. Мѣстность дика и угрюма. Дальше, когда туманъ разсѣевается, видны голубоватыя горы; за ними въ перспективѣ виднѣются какія-то туманныя очертанія горъ, болѣе высокихъ, почти сливающихся съ облаками.

9-го іюня съ утра отправились въ окрестности, думая попасть въ р. Маточку; но вѣтеръ оказался противнымъ, а выгребать противъ него—тяжело, вслѣдствіе чего взяли курсъ на Бараній мысъ. (Этотъ мысъ лежитъ на противоположномъ берегу пролива и карта вообще была не вездѣ вѣрна, такъ какъ часто встрѣчались камни тамъ, гдѣ значится глубоко, и наоборотъ.) Мѣстность здѣсь по преимуществу состоитъ изъ сланцевыхъ породъ. Во многихъ мѣстахъ, особенно тальковыя породы настолько вывѣтрѣли, что достаточно толкнуть рукой или ударить молотомъ, чтобы обрушилась цѣлая масса обломковъ.

Я и Гриневецкій отправились берегомъ, а Демидовъ съ самоѣдомъ вокругъ, водой. Собравши образчики горныхъ породъ, мы вышли на мысъ, лежащій противъ зимовки Пахтусова. Изъ растеній въ цвѣту были только лютики; мѣстность, еще плохо обсохшая, была густо покрыта каменоломками, осоками и мхами. Всюду съ горъ струились ручейки. Двинулись дальше къ проливу, къ истоку рѣки, вытекающей изъ Соленаго озера; но какъ впереди проливъ былъ покрытъ льдомъ, то мы повернули назадъ. Около полудня термометръ стоялъ на $+ 2{,}8^{0}$ Ц.

Мы уже разсчитывали ѣхать прямо на судно, какъ были задержаны начавшимся приливомъ; льды, лежавшіе на отмели, между зимовкой Пахтусова и рѣкой Чиракиной, съ прибылью воды, стали сниматься, и мимо насъ потянулась вереница льдовъ. Пришлось отпихиваться отъ льдовъ; но чѣмъ выше поднимался приливъ, тѣмъ бóльшія и бóльшія льдины стали сниматься, и по временамъ мы были совсѣмъ окружены ими. Разсчитывать на прочность нашего карбаса мы, разумѣется, не могли; а потому, улучивъ удобное время, когда льды нѣсколько разошлись, мы выскочили на берегъ; дѣйствительно — выскочили, потому что наша лодка буквально была подброшена волной прилива на берегъ. Едва успѣли выбрать часть болѣе чувствительныхъ къ водѣ вещей, какъ нашъ карбасъ стало заливать водой. Выбросавъ болѣе тяжелыя вещи, мы вытащили карбасъ на берегъ. Но только-что нѣсколько успокоились, раскинули чумъ, причемъ вмѣсто жердей служили весла, и стали думать о завтракѣ или обѣдѣ, какъ замѣтили, что карбасъ нашъ снова въ водѣ (приливъ все усиливался; снова вытянули его на сухое мѣсто, но черезъ часъ пришлось опять приниматься за ту же работу. Около полуночи перенесли вещи и чумъ еще дальше, такъ какъ отмель все далѣе и далѣе покрывалась водой; показался туманъ, и термометръ показывалъ $+ 1^{0}$ Ц. Приливная волна стала выбрасывать льдины на берегъ; болѣе высокія волны докатывались до нашего новаго чума,—снова пришлось вытягивать карбасъ; это уже послѣдній разъ, думали мы,—однако пришлось около карбаса провозиться цѣлую ночь; иначе его расколотило бы въ щепки. Мы не спали всю ночь. Эта остановка, впрочемъ, не пропала даромъ: на отмели и въ лагунахъ я встрѣтилъ различныя раковины.

На слѣдующій день, около 4 часовъ утра, мы снялись и отправились въ р. Маточку. Вѣтеръ былъ попутный; скоро мы вышли и вытянули карбасъ на берегъ, который здѣсь довольно крутъ, и пожалѣли: въ устьяхъ рѣки Маточки онъ былъ бы въ полной безопасности. Напившись чаю и позавтракавъ, отдохнули

и просушили свое платье, а затѣмъ отправились по Маточкѣ. Рѣка Маточка—скорѣе рѣчка или ручей, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея есть ямы, а въ большей части теченія можно переходить вбродъ и вода не достигаетъ колѣнъ; рѣка течетъ въ крутыхъ, часто отвѣсныхъ берегахъ. Нашъ знаменитый знатокъ сѣвера, г. М. Сидоровъ, посѣтивъ Маточку [1]), нашелъ здѣсь слѣды золота. Я уже упоминалъ, какой результатъ имѣли его хлопоты объ отводѣ участка; интересно, что помѣшало предпринимателямъ: г. Сидоровъ, въ своей книгѣ „Сѣверъ Россіи", сообщаетъ, что сначала власть имущіе люди обѣщали предпринимателямъ всякое содѣйствіе; когда же тѣ зафрахтовали суда, наняли знакомыхъ съ дѣломъ людей и рабочихъ, имъ отказали въ просьбахъ. Отказы объ отводѣ участковъ имѣли иногда, напр., столь основательные поводы, какъ то, что архангельское начальство не знало, причисляется ли Новая Земля къ этой губерніи, и отсылало въ тобольскую, а эта, въ свою очередь, дѣлала то же самое [2]). Послѣ этихъ попытокъ, принесшихъ предпринимателямъ десятки тысячъ убытку, пока еще не находится желающихъ вновь попытать своего счастія.

Крутые склоны на SSW по Маточкѣ покрылись зеленой травой и цвѣтами; тутъ можно было встрѣтить и желтые цвѣты лютиковъ, и розовые, и бѣлые цвѣтки mattiola, и крупку (draba), и круглолистный щавель и кислицу (rumex reniformis и r. acetosella); на покатыхъ склонахъ, состоящихъ по преимуществу изъ вывѣтрившихся глинистыхъ сланцевъ, получился довольно толстый слой глины, которая, по описанію академика Бэра, лѣтомъ трескается, и въ щеляхъ появляется затѣмъ растительность,—дѣйствительно, изъ многихъ трещинъ выставляются злаки и многолѣтники. Приведя всѣ собранныя коллекціи въ порядокъ, мы отправились на „Общее счастіе".

На шхунѣ насъ встрѣтили очень радушно и сейчасъ же стали сообщать новости.

Съ судна посылали развѣдчиковъ, какъ далеко вынесло ледъ изъ Маточкина Шара. Проливъ оказался свободенъ отъ льда верстъ на 20, дальше ледъ плохъ, рыхлый, такъ что не выдерживаетъ тяжести человѣка. На льдинахъ встрѣтили двухъ морскихъ зайцевъ, одинъ изъ которыхъ „обсѣлъ", другого „промыслили". Въ ту ночь, какъ мы были на наволокѣ рѣки Чира-

---

[1]) Кромѣ Маточки, онъ же указалъ на Бѣлужью губу, въ Костиномъ Шару, гдѣ даже встрѣчается золото. См. его книгу: „Сѣверъ Россіи".

[2]) Въ той же книгѣ: „Сѣверъ Россіи".

киной, добыли двухъ медвѣжатъ и мать убили. На мысѣ Столбовомъ поставили чумъ, чтобы удобнѣе караулить бѣлугу; при чумѣ оставили часть снастей и карбоги, чтобы, при случаѣ, можно было „обмѣтить звѣря". На этотъ чумъ прямо и вышла медвѣдица съ медвѣжатами. Бѣлуга ходитъ и показывается, но къ берегамъ худо идетъ: рано ли, берега ли еще отъ снѣжныхъ изметовъ не очистились, соображали поморы; одинъ разъ пустились было даже за бѣлугой, думая заворотить ее къ берегу, но не успѣли: бѣлуга ушла въ „голымянь". Погода стоитъ туманная, тучи лежатъ на самой землѣ, виднѣются только вершины горъ и береговая полоса.

11-го іюня, съ утра погода хмурилась, шелъ то дождь, то снѣгъ. Около обѣда услыхали крики: это мужики „ревѣли", чтобы шли на помощь: обметали юрово бѣлугъ. Въ этотъ день промыслили пятнадцать бѣлугъ.

Между водорослями попалась анемона, грязно-розоваго цвѣта, съ розовыми щупальцами, оконечности которыхъ были бѣлаго цвѣта. Поморы съ любопытствомъ разсматривали развернувшаго щупальцы молюска и сообщали различныя подробности о томъ, какъ иногда вытаскивали въ сѣтяхъ такое масло (большая часть мягкотѣлыхъ, особенно пелагическихъ, здѣсь извѣстна подъ названіемъ морского масла), что диву даешься — цвѣтокъ это, или что другое. Нужно было видѣть ихъ удивленіе, когда изъ гастроваскулярной полости вышло нѣсколько молодыхъ анемонъ. Послѣ того они стали сообщать всякаго рода свѣденія о дивахъ морскихъ, пока снова не перешли на любимую тему о дальнихъ плаваніяхъ у береговъ Сѣвернаго острова Новой Земли и о богатыхъ промыслахъ тѣхъ мѣстъ. Первое время по пріѣздѣ въ Маточкинъ Шаръ, они думали идти карбасомъ въ губу Мелкую или Серебряную, но послѣ того, какъ въ Шару „упромыслили" 15 бѣлугъ, отложили поѣздку. Осмотрѣвши окрестности и собравши, что было можно, мы стали готовиться въ обратный путь. Все лѣто мы не могли оставаться въ Маточкиномъ Шару: провизіи было взято всего на мѣсяцъ. Боченокъ капусты, оказавшейся „петербургской" [1]), пришлось выбросить за бортъ. Вечеромъ передъ заговѣньемъ справили отвальную съ гармоникой и пѣснями. Съ заходомъ солнца за гору, наши хозяева, впрочемъ, прервали пѣсни: наступалъ постъ. Съ насъ взяли росписку, что у насъ есть все необходимое на случай починки карбаса, чтобы „нароковъ не было послѣ". Предлагали даже остаться до осени,

---

[1]) Капуста, взятая въ Петербургѣ, которой шелъ уже второй годъ, давно испортилась и употреблялась только капуста, взятая въ Архангельскѣ.

такъ какъ плохо разсчитывали на нашъ карбасъ, который послѣ разъѣздовъ по Маточкину Шару сталъ сильно течь. Распростившись, утромъ 13-го іюня оставили шхуну. Вѣтеръ противный, хотя слабый. Пошли подъ веслами. Пройдя не больше 15-ти верстъ, пристали къ берегу и заночевали. Слѣдующій день провели на этомъ же мѣстѣ; рѣшили лучше выждать попутняка. Вѣтеръ на Новой Землѣ измѣнчивъ: иной разъ въ недѣлю обойдетъ всѣ румбы. Шелъ дождь. Туманная погода еще усиливала и безъ того мрачный колоритъ мѣстности. Ночью и утромъ видѣли стадо гусей, тянувшихся къ сѣверу — на приволье, гдѣ нѣтъ людей. Около полуночи вѣтеръ измѣнился, и мы двинулись. Около 3-хъ часовъ ночи были въ виду о-ва Гальца. Это одинъ изъ наиболѣе славящихся на Новой Землѣ базаровъ гавокъ (гага). Вѣтеръ сталъ крѣпчать, мы летѣли „бабочкой". Скоро миновали губу Грибову, гдѣ встрѣтили топориковъ (mormon arctus), маевку, турпана, массу гагарокъ и чистиковъ. Шли подъ парусами до шести часовъ утра. Когда поровнялись съ Безъимянной губой, вѣтеръ усилился настолько, что на волнахъ появились гребни. Вѣтеръ шелъ шквалами. Гребни волнъ стали опрокидываться въ лодку, которая и безъ того текла безобразно; поочередно отливали воду; чуть не черезъ пять минутъ вновь приходилось приниматься за то же. Но ходъ у лодки былъ очень хорошъ, и, будь она немного крѣпче, „можно бы хоть въ Баренцы ѣхать". Волны становились все выше и выше. Чаще и чаще стало окачивать водой. Волны совершенно скрывали берегъ отъ глазъ. Мы шли версты на $1^1/_2$, много на 2, отъ берега. Рѣшили свернуть въ губу Безъимянную и только около полдня въѣхали въ небольшую бухточку на сѣверной сторонѣ губы. Бухта казалась чрезвычайно удобной. При входѣ въ нее высятся двѣ конусообразныя скалы. Сланцевыя стѣны берега раздѣлены узкими бѣлыми промойками. Стѣна, у которой мы пристали, казалось, была отполирована, такъ ровно отваливались плиты шифера по раздѣлявшимъ ихъ вывѣтрившимся промойкамъ. Толщина плитъ отъ четверти фута до аршина. Куски почти правильной формы, „хоть домъ клади", по замѣчанію Демидова. Аѳанасій же началъ отыскивать для образчика поморамъ подходящую плиту. Оказалось, что такого рода шиферъ ему показывали и просили взять, буде гдѣ встрѣтитъ, образчики.

Здѣсь, какъ и на Маточкиномъ Шару, встрѣтили въ цвѣту только крупку (draba), каменоломку противоположно-листную и разные виды ивы.

Бо́льшая часть склоновъ все еще не обсохла и представляла

ту же буроватую тундру, на щебнѣ и каменныхъ глыбахъ которой пестрѣли мхи и лишаи. Подъѣзжая къ губѣ Безъимянной, можно подумать, что горныя породы, составляющія отвѣсы береговъ, принадлежатъ къ очень различнымъ породамъ. Виднѣются пласты различныхъ оттѣнковъ, отъ чернаго до бѣлаго; вблизи оказывается, что милліоны гагарокъ, гнѣздящихся на этихъ скалахъ, окрасили ихъ своимъ пометомъ. Желто-красный цвѣтъ утесовъ, напримѣръ, зависитъ отъ крови, выходящей вмѣстѣ съ яйцомъ; зеленые пласты получаются отъ развившихся на жирной почвѣ растеній, какъ высшихъ, такъ и тайнобрачныхъ. Высадившись около полудня, устроили чумъ и легли отдохнуть. Лодку вытащили настолько, что, думали, приливъ не будетъ въ состояніи снести ее. Когда проснулись, лодка почти исчезла въ водѣ; ее накренило на бокъ и забило пескомъ. Принялись освобождать отъ песка; поднять ее съ этимъ грузомъ было невозможно: она могла развалиться на-двое. Неохота было идти въ воду, холодную, какъ ледъ, но дѣлать нечего, пришлось. Едва нагнешься, чтобы взяться за уключины, какъ сзади окатитъ съ головы набѣжавшая волна. Наконецъ, лодка вытянута на сухое мѣсто, вода отчерпана. Оказалось, что руль вынесло въ море. Посмотрѣли вокругъ скалъ и камней, но нигдѣ не оказалось.

Демидовъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ замѣшательства, уже принялся за топоръ и изъ доски, какъ-то уцѣлѣвшей на днѣ карбаса, мастерилъ новый руль. Такъ какъ доска была узка, то руль былъ сдѣланъ длиннѣе киля. Вмѣсто петель, на которыхъ держался прежній руль, приладили веревочки. Вѣтеръ нѣсколько ослабѣлъ, и какъ только руль былъ готовъ, двинулись изъ нашей бухты, перерѣзали заливъ въ юго-западномъ направленіи. Здѣсь нужно было глядѣть въ оба; карта оказалась слишкомъ неполной. Цѣлая гряда камней и отмелей, отмежевывающихъ губу Безъимянную отъ океана, не обозначена. Дальше карта еще менѣе удовлетворительна. Мели и камни, тянущіеся отъ южнаго конца губы далѣе къ югу и идущіе параллельно берегу, тамъ вовсе не обозначены. Берегъ непрерывной стѣной идетъ почти до средины полуострова, оканчивающагося Бритвинымъ мысомъ.

Еще до отъѣзда изъ М. Кармакулъ, Ѳ. И. Воронинъ указывалъ на это мѣсто, какъ на наиболѣе опасное; говорилъ, что тутъ съ одной партіей ничего не подѣлаешь. Не такъ давно судно, шедшее въ Маточкинъ Шаръ, сѣло на мель и только съ трудомъ удалось сняться. „Да какъ не быть на берегу какого-нибудь завертка, гдѣ бы карбасамъ пристать можно“, добавилъ онъ. Но на всемъ протяженіи мы видѣли не больше трехъ мѣстъ,

гдѣ можно выброситься на берегъ, разумѣется, оставивъ карбасъ на произволъ судьбы. Близко берега было опасно. „Мористѣй“ или „поморнѣе“, какъ совѣтовалъ Демидовъ, т.-е. дальше въ море, было врядъ ли безопаснѣе, принимая во вниманіе негодность нашего карбаса и руль, привязанный бичевками. Часто мы летѣли прямо на камень, и многихъ усилій стоило выгребать между буруновъ. Одинъ разъ, только-что проѣхали одно мѣсто, какъ за нами взгромоздился громадный валъ буруна и почти на томъ мѣстѣ, гдѣ мы только-что проѣхали, оказался очень большой подводный камень. „Мористѣй, мористѣй, ваше благородіе!“ —слышался постоянно крикъ Демидова съ носа къ доктору, сидѣвшему на рулѣ; за парусами не видно, чтó находится впереди. Послѣ долгихъ объѣздовъ, различныхъ подводныхъ и надводныхъ камней (стамухъ) мы было стали успокоиваться, какъ вдругъ, почти около самаго Бритвина мыса, веревочки, державшія нашъ руль, лопнули, и насъ понесло въ открытое море. Демидовъ и Гриневецкій, выкинувъ весла съ кормы, напрасно пытались направить карбасъ къ берегу. Сняли и поправили руль, снова пустились. Послѣ еще нѣсколькихъ напряженныхъ часовъ ходу подъ парусами, намъ удалось-таки проскочить между безчисленными бурунами, окружающими мысъ Бритвинъ. Буруны здѣсь идутъ непрерывно вокругъ мыса, выходя далеко въ океанъ. Они въ это время казались почти непрерывной пѣнящейся стѣной. Наконецъ, мы завернули за послѣдніе камни и вошли въ заливъ Пуховый. Пристали уже около полночи къ о-ву Пуховому. Вѣтеръ усиливался, но теперь мы были почти уже дома; отсюда до М. Кармакулъ не больше 35—40 верстъ, да и волны здѣсь не то, что океанскія. Не успѣли мы еще обсушиться,—пошелъ снѣгъ. Несмотря на то, что платья были подмочены, всѣ заснули какъ убитые. На слѣдующее утро набрали гагарьихъ яицъ съ базара, существующаго на этомъ островѣ, и уже шли къ карбасу, какъ на противоположной сторонѣ залива Аѳанасій замѣтилъ собакъ, а затѣмъ показались двѣ человѣческія фигуры. Мы собрались и рѣшили обсушиться въ чумѣ самоѣда Семена (кромѣ него, некому было быть), который былъ на р. Пуховой; но въ какомъ именно мѣстѣ онъ стоитъ, мы не знали. Чумъ оказался по ту сторону небольшого полуострова, а потому, вытащивъ карбасъ и сложивъ на берегу вещи, не боящіяся сырости, мы двинулись къ нему. Пройдя около полуторы версты, мы увидѣли и чумъ. Семенъ между тѣмъ сообщалъ свои новости: у него умерла дочь, которой онъ еще не хоронилъ, хотя она умерла уже съ мѣсяцъ тому назадъ. Онъ говорилъ, что ему жаль зарывать ее въ землю,

а потому онъ положилъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины, заваливъ ее каменьями. Впослѣдствіи онъ перевезъ ее въ М. Кармакулы, гдѣ и похоронилъ. Онъ жаловался на голодъ, хлѣбъ у него весь вышелъ, а карбасъ его все еще былъ во льду р. Пуховой, которая еще не прошла.

Узнавъ, что мы думаемъ ѣхать домой, онъ просилъ оставить ему провизію и муку, а тѣмъ временемъ съ нами онъ думалъ отправить свою старуху, чтобы она взяла у поморовъ муки въ счетъ сала, которое будетъ доставлено по вскрытіи рѣки. Послѣднее время ему было трудно добывать гагарокъ и яйца, такъ какъ ближайшій базаръ былъ невеликъ. Птица и яйца съ болѣе доступныхъ мѣстъ были уничтожены, на Пуховый же островъ ѣхать ему было не на чемъ.

Перейдя по льду небольшой бухты, мы пришли въ чумъ. Чумъ былъ еще зимній. Кромѣ Семена съ его женой, сыномъ и дочерью, помѣщался тутъ же самоѣдъ Прокопій съ женой. Но чумъ былъ такъ великъ, что намъ безъ особаго стѣсненія нашлось свободное мѣсто. Тотчасъ же по приходѣ перемѣнили мокрое платье на сухое, взятое у самоѣдовъ.

На слѣдующее утро (17-го іюня) мы выбрались изъ Пуховой, на пути пристали къ небольшому гагачьему острову и черезъ нѣсколько часовъ хорошаго хода подъ парусами пристали на рейдѣ спасательной станціи.

Выѣхали мы изъ бухты зимней, такъ какъ нашъ рейдъ не былъ очищенъ отъ льда, но за день до нашего прихода почти весь ледъ былъ вынесенъ въ океанъ. Поморы сказываютъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ рейдъ рано очистился отъ льда. Иные года ледъ стоитъ до Ильина дня. „Тутъ противъ станціи иной годъ ледъ стоитъ до тѣхъ поръ, что весь на мѣстѣ растаетъ“.

Если эта поѣздка и не удовлетворила насъ, то все-таки она имѣла значеніе для самоѣдовъ. Прежде,—говорили они,—„посмотришь на буруны у Бритвина мыса и не рѣшаешься идти вокругъ него на карбасѣ“, тѣмъ больше, что постоянно они слышали отъ поморовъ, что Бритвинъ мысъ—самое опасное мѣсто для плаванья у береговъ Новой Земли. Разсказы Аѳанасья о томъ, что по всему берегу съ карбаса видѣли оленей, а гдѣ приставали, встрѣчали свѣжіе слѣды ихъ, что притомъ на Маточкиномъ Шарѣ при насъ „промыслили“ медвѣдицу съ медвѣжатами и морского зайца, когда въ окрестностяхъ Кармакулъ уже нечего было разсчитывать на промыселъ,—всѣ эти разсказы произвели то, что самоѣдъ Ѳома Вылка вступилъ въ переговоры съ поморами объ уступкѣ ему на

подержаніе карбаса. Онъ рѣшилъ съ своей семьей идти зимовать на Маточкинъ Шаръ.

Съ пріѣздомъ поморовъ на станцію стало оживленнѣе. Кромѣ частныхъ новостей, они доставили, по порученію кн. Ухтомскаго, газеты, чтеніе которыхъ тѣмъ больше доставляло удовольствія, что, кромѣ спеціальныхъ сочиненій, захваченныхъ каждымъ для себя, у экспедиціи, кромѣ двухъ-трехъ пустыхъ романовъ, не было ни одной книги. Поморы, пріѣзжающіе на Новую Землю, начинають снаряжать суда въ началѣ мая, чтобы къ половинѣ этого мѣсяца (впрочемъ это зависитъ отъ состоянія льда въ Бѣломъ морѣ) быть готовымъ пуститься въ путь. Обыкновенно заходятъ въ Соловецкій монастырь поклониться и помолиться св. угодникамъ о болѣе успѣшномъ промыслѣ; часто здѣсь условливаются встрѣтившіеся судохозяева, о томъ, какъ, гдѣ и чтó промышлять; но въ большинствѣ случаевъ это дѣлается у Трехъ Острововъ. Часто условливаются промышлять „вмѣстяхъ" или „заобща", какъ здѣсь говорятъ; но это не значитъ, что оба судна будутъ промышлять въ одномъ мѣстѣ; иногда одно промышляетъ близъ Костина Шара, тогда какъ другое въ Моллеровомъ заливѣ или даже въ Маточкиномъ Шарѣ. Иногда условливаются „вмѣстяхъ" промышлять только гольца или только бѣлугу.

Промыслы и того и другого судна составляютъ общее достояніе договорившихся. Въ этихъ условіяхъ принимаютъ участіе какъ хозяева, такъ и простые рабочіе, какъ пайщики. Обыкновенно весь промыселъ дѣлится на паи; величина паевъ зависитъ, конечно, отъ удачи промысловъ. Средняя величина ихъ колеблется между 70—100 руб.; иногда, но очень рѣдко, повышается до 300 р.; иногда падаетъ до 20 руб., какъ это было въ 1881 году.

На долю судохозяина выпадаетъ около двухъ третей всего промысла; остальное достается матросамъ. Паи раздѣляются между ними неравномѣрно: одни получаютъ $1^1/_4$, $1^1/_2$, $2^1/_2$ пая; другіе— ровно по одному, смотря по тому, насколько кто опытенъ въ промыслахъ или въ управленіи судна. Матросы (рабочіе), кромѣ пая, получаютъ отъ хозяина въ продолженіе всего времени промысла хлѣбъ, соленую треску, иногда квасъ. Нѣкоторые, болѣе щедрые хозяева отпускаютъ чай, сахаръ, водку,—но все это въ очень небольшомъ количествѣ. Поваръ, почти всегда, получаетъ, по условію, чистыми деньгами. Иногда, разсказываютъ поморы, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ промысловъ у береговъ Новой Земли, рѣшались идти за промысломъ на Мурманъ, но, смотришь, на Новой Землѣ удача, и снова идешь къ прежнему хозяину. Многіе изъ нихъ должаютъ хозяину, и тогда принуж-

дены отработывать долгъ. Конечно, хозяинъ даетъ въ долгъ деньги, муку, и проч., только хорошему матросу, которому при неудачномъ промыслѣ за 5 мѣсяцевъ досталось на пай, напр., рублей 20.

Добыча за все лѣто 100 штукъ бѣлуги считается удачнымъ промысломъ. Цѣна бѣлуги отъ 25 до 50 руб. Послѣднее—рѣдко. Цѣнность звѣря вполнѣ зависитъ отъ его сальности. Если звѣрь маточный, т.-е. когда обметываютъ сѣтьми юровище, состоящее изъ самокъ съ дѣтьми, то даже въ случаѣ добычи больше 100 штукъ промыселъ будетъ плохъ, потому что въ это время онѣ малосальны. Кромѣ того, все зависитъ отъ цѣнъ на осенней архангельской ярмаркѣ. Прибывъ на Новую Землю, поморскія суда заходятъ въ то становище, гдѣ намѣрены промышлять. Наиболѣе удобными на западномъ берегу считаются становища: Большія и Малыя Кармакулы, становище при устьѣ р. Пуховой, въ устьяхъ же р. Гусиной, въ Костиномъ Шару. Изъ нихъ самая удобная для промысловъ — въ Большихъ Кармакулахъ. Здѣсь заливъ начинается узкимъ горломъ, а затѣмъ расширяется, образуя много заливовъ и заводей. Если въ него вошло юровище бѣлугъ, стоитъ загородить сѣтью входъ и затѣмъ уже по частямъ „промыслить“ все стадо. Неудобство этого становища то, что заливъ очень великъ, такъ что случается иногда, особенно когда юровище разобьется, положить немало труда, пока удастся добыть всѣхъ запертыхъ звѣрей.

Насколько удобно это становище, указываетъ то обстоятельство, что, по словамъ сторожила здѣшнихъ промысловъ, Ѳ. Воронина, промысловая изба, существующая здѣсь, восьмая по счету; нужно принять во вниманіе, что дерево гніетъ здѣсь очень медленно. Въ Б. Кармакулахъ существуетъ большое кладбище поморовъ, умершихъ во время промысловъ, а берега сплошь покрыты скелетами и костями убитыхъ звѣрей. Если въ какомъ-либо становищѣ промыселъ былъ удаченъ, на слѣдующій годъ промышленникъ идетъ туда-же. Мѣсто перемѣняетъ онъ только тогда, если нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ звѣрь не идетъ къ этимъ берегамъ. Если въ одномъ становищѣ стали два судна, такъ что рабочихъ много, съ того и другого отправляютъ по нѣскольку человѣкъ съ карбасомъ и снастями въ недальнее становище, чтобы, въ случаѣ удачи, можно было дать помощь и людьми, и сѣтями. Нынѣшнимъ лѣтомъ бо̀льшая часть промысла пришлась именно на долю уѣхавшихъ въ Б. Кармакулы. Когда накопилось много убитаго звѣря, одно судно отправилось туда и забрало весь промыселъ; затѣмъ онъ былъ раздѣленъ между обоими

судами по числу пайщиковъ. На суднѣ всегда есть дежурный, который стережетъ появленіе звѣря. Иногда, смотря по мѣстности, съ судна отправляется нѣсколько человѣкъ „на гору" [1]) для того, чтобы, при появленіи бѣлуги, если возможно, обметать (при нихъ всегда есть карбасы и сѣти) или же предупредить находящихся на суднѣ объ ея появленіи. Замѣтили „съ горы" появленіе звѣря,—начинаютъ „ревѣть"; тотчасъ же съ судна спускаютъ снасти на карбасъ и гребутъ на крикъ, обметываютъ звѣря и, если юровище велико, обметываютъ другимъ рядомъ сѣтей, а затѣмъ стараются разъединить стадо на нѣсколько частей; разъединенныя части отдѣляютъ другъ отъ друга сѣтями и начинаютъ „промышлять" звѣря, разъѣзжая на карбасѣ. Бьютъ его гарпунами; гарпунъ бросается куда угодно, хотя всегда стараются попасть въ дыхало или дувни бѣлуги, или же въ то мѣсто, гдѣ голова переходитъ въ туловище. Въ этихъ случаяхъ звѣрь скоро умираетъ; иначе онъ еще долго таскаетъ за собой карбасъ, съ котораго брошенъ гарпунъ. Вообще же раненая бѣлуга скоро выбивается изъ силъ; тогда ее подтягиваютъ къ карбасу и добиваютъ спицей, затѣмъ прорѣзаютъ дыру на хвостѣ, продѣваютъ веревку и буксируютъ къ берегу. Шкуру снимаютъ цѣликомъ, солятъ и кладутъ въ бочки; сало же рѣжутъ на куски. Бѣлуга начинаетъ показываться уже въ маѣ, но къ берегамъ идетъ, когда они уже освободятся отъ льда, когда на мелкихъ мѣстахъ появится мелкая рыбка, которой она питается. Чаще всего бѣлуга идетъ къ берегамъ, когда „луна на убыль", вмѣстѣ съ полой водой. Въ прежнее время, говорятъ, бѣлугу промышляли не такъ, какъ теперь. Высылали съ судовъ карбасы и били острогой, затѣмъ часто по суткамъ выгребали противъ вѣтра, чтобы сложить добытаго звѣря, и снова шли въ море. Теперь только изрѣдка приходится обметать юровище штукъ въ 100—200; обыкновенно же попадаются стада штукъ въ 10—50. Прежде юровища бывали штукъ въ 300, даже больше. Ѳ. Воронинъ разсказывалъ, что промыселъ былъ такъ великъ, что, нагрузивши судно до того, что даже на палубѣ мѣста не было,—все-таки пришлось оставить на берегу и, нанявши судно на Руси, послать за добычей. Въ сильномъ уменьшеніи звѣря у береговъ Новой Земли поморы обвиняютъ норвежцевъ; уже не говоря о почти совершенномъ истребленіи моржей, и тюленій промыселъ сталъ плохъ. „Норвеги", разоривши гагачьи базары, начинаютъ добираться и до гагарьихъ. Они начали посылать суда за ихъ яй-

[1]) Горой здѣсь называютъ берегъ.

цами. Еще не такъ давно, говорятъ поморы, норвежское судно нагрузилось исключительно яйцами. Яйца идутъ на мыльныя фабрики. Птичьи базары у береговъ Норвегіи — сообщали они — разорять нельзя: существуютъ законы, запрещающіе это; такъ они и идутъ къ намъ на Новую Землю. Появленіе норвежцевъ у береговъ этого острова имѣло только то значеніе, что поморы переняли нѣкоторые пріемы въ способахъ добычи морского звѣря, но это позаимствованіе не можетъ замѣнить, напр., почти совершенно истребленнаго здѣсь моржа. Выбивши звѣря у западнаго берега, они все чаще и чаще отправляются на промыселъ въ Карское море.

Какъ добавочная статья промысла, т.-е. настоящаго, коренного бѣлужьяго, считается поморами гольцовый промыселъ.

Голецъ (salmo alpinus?)—это родъ семги, отъ которой главнымъ образомъ отличается тѣмъ, что чешуя находится въ зачаточномъ состояніи, отчего онъ и получилъ свое названіе. Голецъ встрѣчается только на Новой Землѣ; у насъ, на Руси, говорятъ поморы, его нѣтъ, а есть семга; впрочемъ, по словамъ нѣкоторыхъ, семга встрѣчается изрѣдка и на Новой Землѣ. Голецъ, какъ всѣ лососевыя, на зиму идетъ въ прѣсную воду.

Этотъ осенній ходъ гольца начинается въ послѣднихъ числахъ іюля, но самый настоящій ходъ начинается съ 6-го августа; нѣкоторые увѣряютъ, что даже около половины августа. Въ это время, говорятъ поморы, голецъ „густо идетъ". Когда кончается этотъ ходъ, трудно сказать, такъ какъ поморы осенью торопятся въ Архангельскъ, не дожидаясь окончанія этого хода. Если бѣлужій промыселъ хорошъ, то они не слишкомъ гонятся за гольцомъ; иногда съ судна отправляютъ нѣсколько человѣкъ на карбасѣ „въ отъѣздъ" для промысла этой рыбы въ мѣста, особенно славящіяся своей рыбностью. Къ такимъ мѣстамъ на южномъ островѣ Новой Земли принадлежитъ губа Грибова; рѣки: Гусиная, Большая Кармакулка, Соханиха и Пуховая. Цѣна на гольца колеблется отъ 4 до 6 руб. за пудъ. О другихъ рыбахъ не стоитъ даже упоминать, такъ какъ онѣ не составляютъ отдѣльной статьи промысла и вылавливаются только случайно вмѣстѣ съ гольцомъ; къ такимъ принадлежатъ: омуль (coregonus omul), камбала и нѣсколько другихъ. Но изъ того, что здѣсь не промышляютъ ихъ, никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы воды Ледовитаго океана около Нов. Земли не были рыбны. По словамъ тѣхъ же промышленниковъ, здѣсь можно встрѣтить и треску, и палтуса, и пискаря. Норвежцы, говорятъ они, отправляются сюда за тресковымъ промысломъ. Только неизвѣст-

ностью, когда появится бѣлуга, можно объяснить то, что по недѣлямъ стоятъ поморы безъ всякаго дѣла и довольствуются соленой треской, когда тутъ можно имѣть свѣжую рыбу. Впрочемъ иногда они отправляютъ нѣсколько человѣкъ на охоту за гусями. Поморы, ходящіе на Новую Землю, народъ чрезвычайно предпріимчивый и смѣлый, уже съ малолѣтства привыкшій къ морю, которое тянетъ ихъ какою-то непреодолимою силой. Разсказывали, что иной займется какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, рѣшитъ бросить морскіе промыслы, но зачастую не выдерживаетъ и вновь идетъ въ Ледовитый океанъ. „Тоска заѣстъ, соскучишься по Новой Землѣ“, говорятъ они.

Бѣлужій промыселъ, какъ всякая охота, имѣетъ свою прелесть. „Вѣдь, вотъ,—говорили ярые поморы,—иной разъ цѣлыя сутки за однимъ юровищемъ провозишься, а покажись вновь юрово,—куда усталость, куда чтò дѣвалось!“

Этимъ лѣтомъ были отправлены карбасы въ Б. Кармакулы. Обметали большое юровище; увидавши, что однимъ не справиться, послали за помощью въ наше становище. Посланный выгребалъ 12 верстъ противъ довольно сильнаго вѣтра и, какъ только получилъ, чтò было нужно, снова сѣлъ на весла, говоря, что онъ отдохнулъ уже, а теперь по вѣтру будетъ легко идти.

Поморы очень гостепріимны. Не говоря о судохозяевахъ, даже простые поморы стараются угостить, чѣмъ могутъ. Каждый предлагаетъ попробовать его булокъ и кренделей: „бабы у насъ мастерицы“, поясняютъ они. Разъ они предложили попробовать пирога съ гольцомъ. Корку ѣсть невозможно, но большая середка рыбы, запеченная въ тѣстѣ, дѣйствительно очень вкусна. Судохозяева, продавая водку самоѣдамъ, очень мало и неохотно продаютъ ее своимъ. Только послѣ уборки добытой бѣлуги они выдаютъ по чаркѣ водки всѣмъ участвовавшимъ въ промыслѣ.

Угрюмая природа сѣвера наложила какой-то особый отпечатокъ и на поморовъ. Это какъ-то сильнѣе чувствуется, когда ближе ознакомишься съ ними. Они производятъ впечатлѣніе людей угрюмыхъ и сосредоточенныхъ. Это впечатлѣніе не исчезаетъ даже въ то время, когда бесѣда становится оживленною и веселою. Такое впечатлѣніе, можетъ быть, зависитъ отъ того, что многіе изъ поморовъ, даже бòльшая часть, строгіе старообрядцы, такъ что нѣсколько чуждаются „мірскихъ“, особенно табачниковъ. „И хорошій промышленникъ,—отзывается, напр., Ѳ. Воронинъ объ одномъ изъ своихъ матросовъ,—да табакомъ занимается“. Если закуришь въ каютѣ, хозяинъ, предлагающій табакъ и просящій не стѣсняться, беретъ образъ и уноситъ его въ другое от-

дѣленіе каюты. Вернувшись, онъ говоритъ: „ничего, курите! самъ же привезъ это зелье на продажу на своемъ суднѣ!“ Чаю многіе не пьютъ, потому что въ Китаѣ, „какъ у насъ, вотъ, плоды святятъ, его кропятъ змѣинымъ жиромъ“. Вмѣсто чаю они пьютъ звѣробой.

На суднѣ Ѳ. Воронина, названномъ во имя „св. Николая“, можно было и отъ самого хозяина, и отъ многихъ поморовъ услыхать подробности о спасеніи австрійской экспедиціи и о пребываніи ея на суднѣ. „Вотъ въ этой самой каютѣ лежалъ Пейеръ,— сообщалъ Ѳ. Воронинъ;—онъ былъ такъ боленъ, что самъ не могъ съ кровати приподниматься. А вотъ тамъ Вейпрехтъ, а тамъ такой-то“, и т. д. Пейеръ полюбился всѣмъ поморамъ больше Вейпрехта. „Пейеръ — говорятъ они—простой въ обращеніи, хорошій человѣкъ, а Вейпрехтъ тяжелый человѣкъ“. Поморы сперва вели разговоры съ ними черезъ переводчика, но скоро стали понимать другъ друга, такъ какъ въ числѣ матросовъ австрійской экспедиціи были славяне, которые скоро тоже къ русской рѣчи привыкли. Говорятъ, Вейпрехтъ дивился, когда Воронинъ, подходя къ норвежскому берегу, безъ всякихъ картъ и опредѣленій, по одному рельефу берега, сказалъ, противъ какого мѣста они находятся. Онъ, по словамъ всѣхъ, такъ хорошо знаетъ здѣшніе берега, что достаточно, чтобы сквозь туманъ показалась часть берега,—онъ безошибочно скажетъ, какое это мѣсто. Изрѣдка съ грустью поморы вспоминаютъ объ Грумантѣ [1]), куда прежде ходили русскіе, и высказываютъ опасенія насчетъ Новой Земли. „Теперь,—говорятъ они,—врядъ ли и остался кто въ-живыхъ, кто ходилъ на Грумантъ“. Какъ-то, проходя по берегу поморскаго рейда, я замѣтилъ, что съ судна отдѣлилась лодка, а черезъ нѣсколько минутъ меня нагналъ поморъ и сообщилъ, что Ѳедоръ Ивановичъ (Воронинъ) непремѣнно проситъ къ нему на шхуну. Зачѣмъ—онъ не зналъ. Оказывается, мой предъидущій пріѣздъ на шхуну совпадалъ съ обметаніемъ юровища бѣлугъ; такъ вотъ Ѳедоръ Ивановичъ и захотѣлъ попытать, не будетъ ли и на этотъ разъ такъ же счастливъ мой пріѣздъ.—Не прошло и часу, пока я пилъ чай, а онъ изъ котелка—свою „травку“, какъ къ судну подошелъ карбасъ, изъ котораго явился, запыхавшись, поморъ и сообщилъ, что въ Б. Кармакулахъ обметали большое юрово, что нужна помощь. Помощь тотчасъ же была отправлена, и мой хозяинъ, очень довольный успѣхомъ, вполнѣ увѣрился, что мой приходъ приноситъ удачу.

---

[1]) Шпицбергенъ.

Ни въ чемъ такъ сильно не проявляется, конечно, наступленіе весны, какъ въ оживленіи растеній: хотя сильно чувствуется ея приближеніе въ теплотѣ лучей незаходящаго солнца, въ прилетѣ птицъ, особенно снѣжныхъ пуночекъ (plectrophanex nivalis), нѣжное пѣніе которыхъ, среди еще сплошь покрытой снѣгомъ и льдомъ мѣстности, невольно напоминаетъ весенній прилетъ жаворонковъ, — несмотря на то, представленіе о веснѣ не вяжется безъ зеленѣющихъ луговъ. По увѣренію самоѣдовъ, лѣто, т.-е. тепло, на Новой Землѣ наступаетъ послѣ Константинова дня (21 мая), и рѣдко когда послѣ того бываютъ холода. Но если дѣйствительно теплая погода наступаетъ во второй половинѣ мая, все же настоящая весна, когда освободившаяся отъ снѣга почва начинаетъ покрываться растеніями, наступаетъ гораздо позднѣе. Говоря о такой гористой мѣстности, какъ по берегу Моллерова залива, нельзя сказать опредѣленно, когда именно началась весна. Когда южные, крутые склоны уже зеленѣютъ и покрыты цвѣтами,—сѣверные склоны, при тѣхъ же условіяхъ, только начинаютъ освобождаться отъ снѣга, а на восточныхъ и западныхъ покатостяхъ почва еще настолько холодна, что высшія растенія не трогались, и они, какъ раньше южныя, испещрены самыми разнообразными формами тайнобрачныхъ растеній. Кромѣ того, нужно замѣтить, что растенія начинаютъ развиваться гораздо выше уровня моря (обыкновенно, футовъ на 30—50), гдѣ, какъ и на днѣ долинъ, лежитъ плотный глубокій слой снѣга или льда; выше 200 фут.—растенія начинаютъ развиваться позднѣе. Иногда для тѣхъ же самыхъ растеній разница времени цвѣтенія составляетъ цѣлый мѣсяцъ. Многія растенія на сѣверныхъ склонахъ не успѣваютъ отцвѣсти, не только-что принести плодовъ, какъ ихъ захватятъ осенніе заморозки. Бродя почти ежедневно по окрестностямъ и замѣтивъ различіе въ развитіи растеній на различныхъ склонахъ, я могъ почти безошибочно оріентироваться относительно странъ свѣта, чтó бывало очень удобно, такъ какъ густые туманы, появляясь иногда вдругъ, по цѣлымъ днямъ покрывали всю мѣстность. Хотя ровныя пространства должны получать большее количество тепла, чѣмъ гористая мѣстность одинаковаго протяженія, здѣсь ровныя площадки на вершинахъ холмовъ почти лишены растительности, потому что растенія сильно страдаютъ отъ морозовъ. Здѣсь при небольшомъ количествѣ осадковъ снѣгъ сдирается вѣтрами, оставляя почву обнаженной, и она подвергается дѣйствію жестокихъ 40° морозовъ. Растенія, покрытыя снѣгомъ, конечно, мало страдаютъ отъ холода. Занесенныя снѣгомъ сохраняютъ возможность прозябать не одинъ годъ; такъ въ 1883 году

многія мѣста, покрытыя прошлымъ лѣтомъ снѣгомъ, освободясь отъ него, покрылись травой и цвѣтами [1]). Краткость теплаго времени, конечно, исключаетъ возможность прозябанія многихъ растеній; но растенія, живущія здѣсь, чрезвычайно хорошо приспособились къ климату. Нѣкоторыя почти совершенно не страдаютъ отъ морозовъ или очень мало, хотя многія изъ нихъ освобождаются отъ снѣга самой ранней весной; другія при первомъ наступленіи тепла тотчасъ начинаютъ гнать листочки и часто совершенно вымерзаютъ, такъ что растенія, густо покрытыя снѣгомъ и потому оттаявшія позднѣе, начинаютъ раньше цвѣсти. Теплаго времени здѣсь не больше $2^1/_2$ мѣсяцевъ. Иногда это время нѣсколько увеличивается, иногда уменьшается. Лѣтомъ температура колеблется въ предѣлахъ $+5 - 10^0$ Ц., хотя выпадаютъ дни, когда температура поднимается гораздо выше. Даже при такой невысокой средней температурѣ, слой воздуха, непосредственно соприкасающійся съ почвой, имѣетъ гораздо высшую температуру, чѣмъ слои воздуха, находящіеся выше, что̀ здѣсь главнымъ образомъ зависитъ отъ темнаго цвѣта горныхъ породъ. Какъ крайностью періода вегетаціи растеній [2]), такъ и болѣе сильнымъ нагрѣваніемъ воздуха близь почвы, объясняется необыкновенная малорослость полярныхъ растеній. По берегу Моллерова залива, да и дальше, до Маточкина Шара, сколько удалось наблюдать во время нашей поѣздки туда, не удавалось встрѣчать даже ивняковыхъ кустáрниковъ выше 6—7 вершковъ [3]). Самыя высокія растенія, злаки и осоковыя, рѣдко достигаютъ $1^1/_2$ арш., но, въ большинствѣ случаевъ, растенія едва на нѣсколько дюймовъ

---

[1]) Подобное же явленіе наблюдается въ Альпахъ, гдѣ глётчеры нѣкоторые года, далеко надвигаясь на луга, погребаютъ ихъ иногда на нѣсколько лѣтъ.

[2]) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что краткость теплаго времени нѣсколько увеличивается длиной полярнаго дня. Почва не охлаждается ночью черезъ лучеиспусканіе, что̀ бываетъ въ болѣе южныхъ странахъ.

[3]) Я сейчасъ упоминалъ, что нѣкоторые кустарники достигаютъ полуаршина вышины, но это только тѣ, что встрѣчаются въ небольшихъ ложбинкахъ, которыя зимой засыпаются снѣгомъ; притомъ стебли ихъ не всегда покрыты листьями до самой вершины, такъ какъ концы ихъ, выставляясь изъ снѣга, вымерзаютъ. Обыкновенно же здѣсь распространены ползучіе виды ивъ; стебель, едва поднявшись на вершокъ надъ почвой, снова пригибается къ ней;—отъ такого стебля по всѣмъ направленіямъ расходятся вѣтви, на направленіе которыхъ сильно, повидимому, вліяетъ положеніе относительно солнца. Бо́льшая часть вѣтвей направлена къ югу и юго-западу. Другіе ивняки вытягиваются въ видѣ искривленныхъ стволиковъ, которые часто тянутся на большое разстояніе. На торфяныхъ болотцахъ ивняки едва выставляютъ два листика надъ мхомъ; тоже замѣчается и вообще на всѣхъ мѣстахъ, покрытыхъ мхомъ. Береза (Betula nana) здѣсь стелется также по почвѣ; только осенью ее можно замѣтить, и то скорѣе по характеристической окраскѣ, чѣмъ по ихъ формѣ.

приподнимаются отъ почвы. У нѣкоторыхъ растеній стеблевыя колѣна укорочены до такой степени, что всѣ листья представляютъ или розетку, или пучокъ у корня.

Бо́льшая часть растеній каждый годъ даетъ очень немного листьевъ, нѣкоторыя — не больше двухъ. Зато у нѣкоторыхъ листья не отмираютъ каждый годъ, сохраняясь подъ снѣгомъ, что хотя отчасти способствуетъ увеличенію времени для образованія цвѣточнаго корня. Необвалившіеся, полузасохшіе прошлогодніе листья, конечно, могутъ служить защитой для нѣжныхъ почекъ и многолѣтняго стебля. У злаковъ и осокъ изъ средины старыхъ листьевъ весной выдвигаются молодые, вѣроятно заготовленные въ предшествующій годъ, такъ какъ верхняя часть этихъ первыхъ листьевъ бываетъ высохшая.

Многіе самые распространенные виды каменоломокъ и злаковъ образуютъ плотныя полушаровыя кочки или дерновины. Конечно, сближенное положеніе вѣтвей способствуетъ предохраненію растеній отъ вымерзанія. У нѣкоторыхъ растеній, напр., артемизіи и polemonium ciruleum, листочки достигаютъ своего нормальнаго развитія уже послѣ того, какъ растеніе выгнало цвѣточный стебель. У одного вида незабудокъ (myosotis) листочки во время цвѣтенія такъ малы, что ихъ почти незамѣтно подъ крупными голубыми цвѣтами.

Господствующіе вѣтры часто, обнаживъ почву отъ снѣга, начинаютъ нести по поверхности ея мелкіе камешки: ими-то, вѣроятно, сдирается кожа на вѣтвяхъ приземистыхъ кустарниковъ. Этимъ же, вѣроятно, можно объяснить параллельныя полосы, которыя приходилось наблюдать на мѣстахъ, сплошь покрытыхъ мхомъ.

Снѣгъ, чрезвычайно быстро тающій на крутыхъ склонахъ, на отлогихъ таетъ гораздо медленнѣе. Такіе склоны, освободясь отъ снѣга, еще долго не покрываются растительностью; то же нужно сказать и о долинахъ. И тамъ, и тутъ почва оттаиваетъ постепенно, особенно если она покрыта торфянымъ мхомъ (sphagnum); она все еще холодна, такъ какъ затѣняется сплошнымъ покровомъ мха или же охлаждается слоемъ недалеко лежащей промерзшей почвы.

Сосудистыя растенія начинаютъ развиваться на такихъ мѣстахъ только съ половины іюня. Позднѣе другихъ растеній развиваются злаки. Многія растенія, очень обыкновенныя на береговой полосѣ, поднимаясь выше по хребту (на 300—400 фут.), уже встрѣчаются рѣже или совсѣмъ исчезаютъ. Какъ запаздываютъ растенія мѣстъ, лежащихъ выше и на склонахъ къ сѣверу, можно

видѣть изъ того, что въ сентябрѣ 1882 года, поднявшись до высоты 400 ф., я встрѣтилъ растенія, едва начавшія раскрывать цвѣты. Тѣ же растенія ниже—были въ цвѣту съ первыхъ чиселъ іюля.

Обиліемъ свѣта полярныхъ странъ въ лѣтнее время объясняется необыкновенная яркость здѣшнихъ цвѣтовъ. Опытъ сѣянія цвѣтовъ въ высокихъ широтахъ Норвегіи показалъ, что растенія теплыхъ странъ, перенесенныя сюда, имѣютъ цвѣты, гораздо ярче окрашенные. Ароматическіе цвѣты становятся еще ароматичнѣе. Вліяніемъ свѣта объясняется, напр., то, что земляника въ Норвегіи славится своей ароматичностью. Тѣмъ же обиліемъ свѣта, вѣроятно, нужно объяснить и то, что листья большей части новоземельскихъ растеній зелены только въ самое раннее время; позднѣе они принимаютъ красноватый или буроватый цвѣтъ. У нѣкоторыхъ пигментація листьевъ начинается съ самаго начала весны. Нѣкоторыя, давши окрашенные листья весной, когда они еще сложены въ почки, напр., sedum rodiola и dryas octopetala, принимаютъ къ срединѣ лѣта болѣе или менѣе зеленый цвѣтъ; края же листьевъ сохраняютъ красноватый обводъ. Къ осени листья снова краснѣютъ, а затѣмъ бурѣютъ. Многія растенія, имѣя зеленоватый цвѣтъ верхней стороны, окрашены красноватымъ пигментомъ снизу; иныя имѣютъ красноватый или буроватый стебель; иногда же пигментированы только междоузлія или, какъ у злаковъ, вздутіе соломины. Цѣлыя пространства болотистыхъ луговинокъ окрашены въ буровато-красный цвѣтъ отъ буровато-красныхъ листьевъ одного вида тростника.

Изъ ягодныхъ кустарниковъ хотя здѣсь и встрѣчаются брусника и черника, но мнѣ за оба лѣта не удавалось видѣть не только плодовъ, но и цвѣтовъ ихъ. Морошка (rubus chamemorus), сплошь покрывающая своими ягодами многіе острова въ южной части Ледовитаго океана и огромныя пространства архангельскихъ тундръ, по берегамъ Моллерова залива встрѣчается очень рѣдко, и хотя цвѣтетъ, но зрѣлыхъ плодовъ не удавалось встрѣчать. По разсказамъ же поморовъ, близъ Костина Шара часто встрѣчаются зрѣлыя ягоды; впрочемъ, каждая ягода состоитъ не больше какъ изъ „трехъ крупинъ“. У подножія склоновъ нерѣдко встрѣчаются правильныя, часто самой разнообразной формы, площадки, какъ будто искусственно сдѣланныя цвѣточныя грядки; особенно часто онѣ встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходятся нѣсколько склоновъ. Кажется, образованіе этихъ клумбъ не зависитъ отъ растрескиванія высохшей почвы, что̀ академикъ Бэръ наблюдалъ на глинистой почвѣ; почва здѣсь къ тому же каменистая. Эти

природныя клумбы представляютъ, по большей части, площадки, нѣсколько возвышенныя надъ почвой; края ея состоятъ изъ болѣе крупныхъ камней, которые къ рединѣ становятся мельче; иногда даже средина такой площадки покрыта землистымъ слоемъ [1]). Иногда, и довольно часто, внутренняя часть площадки представляется нѣсколько углубленной, такъ что образуется площадка, окруженная валикомъ; края такихъ площадокъ почти всегда покрыты самой разнообразной растительностью; камни перепутаны вѣтвями ивняка или dryas octopetala; иногда эти клумбы занимаютъ цѣлыя площади, и часто образовавшіяся между такими площадками углубленія покрыты мхомъ. Весной приходилось наблюдать, что эти канавки служатъ для стока воды,—не зависитъ ли ихъ образованіе именно отъ этой причины? Когда на извѣстной террасѣ остаются послѣ вывѣтриванія глыбы горной породы, вода, стремясь со склоновъ и обтекая такія препятствія, протачиваетъ канавки, которыя дольше удерживаютъ влагу и даютъ начало растительности, предохраняющей камни отъ вывѣтриванія. Глыбы же сланцевъ, подверженныя дѣйствію вывѣтриванія, раздробляются на мелкіе куски, образуя возвышенную площадку. Нужно замѣтить, что встрѣчаются часто такого рода площадки, среди которыхъ торчатъ обломки глинистаго сланца, иногда настолько вывѣтрившагося, что достаточно толкнуть ногой, чтобы они разбились на куски.

Во время моего пребыванія въ Гамерфестѣ, удалось видѣть, какой массой разнообразныхъ водорослей поросли всѣ углубленія, какая масса раковинъ покрываетъ влажныя прибрежныя скалы. Здѣсь, на Новой Землѣ, бросается прежде всего въ глаза отсутствіе раковинъ не только на скалахъ, но и на отмеляхъ, близь береговъ. Онѣ встрѣчаются здѣсь на довольно значительной глубинѣ и только во время сильныхъ волненій выбрасываются на берегъ. Одинъ видъ чайки (larus glaucus), очень многочисленный здѣсь, послѣ всякаго волненія чрезвычайно быстро уничтожаетъ все, что̀ море выброситъ на берегъ. Въ этомъ мои стремленія съ этой птицей сходились. Не будучи въ силахъ одинъ пользоваться дрягой, я всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ сильнаго вѣтра, чтобы имѣть возможность хотя нѣсколько пополнить свои коллекціи морской фауны; но почти всегда холей, какъ здѣсь зовется эта чайка, опережалъ меня; но остававшееся послѣ него все-таки заставляетъ думать, что будущія экспедиціи доставятъ много интереснаго по этой части.

---

[1]) Подъ этимъ верхнимъ землистымъ слоемъ иногда встрѣчается мелкій щебень.

Водоросли здѣсь встрѣчаются на значительной глубинѣ. Иногда въ солнечный день, проѣзжая по заливу, можно различить на глубинѣ 30 футовъ цѣлые лѣса ихъ (по преимуществу, хоминарій). Послѣ сильныхъ западныхъ вѣтровъ они бываютъ выбрасываемы на берегъ въ такомъ количествѣ, что образуютъ цѣлый пластъ. Въ одномъ мѣстѣ, къ сѣверу отъ станціи, я встрѣтилъ по берегу пластъ уже полувысохшихъ водорослей, тянувшійся около $^1/_4$ в. и до $1^1/_2$ арш. толщины. Но высокими приливами большая часть водорослей снова уносится водой. Лѣтомъ, по освобожденіи береговъ отъ льда, голые до того времени камни на отмеляхъ густо покрываются кустами фукосовъ и нитчатыхъ водорослей.

Такъ какъ замѣтки о новоземельской фаунѣ я помѣстилъ въ журналѣ „Природа и Охота", то постараюсь быть краткимъ.

Внутренность острова даже лѣтомъ пустынна. Изрѣдка встрѣтится пуночка или холей, летящій, вѣроятно, изъ какого-нибудь внутренняго озера, а можетъ, и съ того берега къ морю. Еще рѣже попадается пеструшка (miodes torquatus).

Олень близъ западнаго берега лѣтомъ держится мало; его пугаетъ присутствіе людей.

О бѣломъ медвѣдѣ, моржѣ и тюленѣ я говорилъ уже раньше, такъ что мнѣ остается упомянуть только объ обыкновенной или красной лисицѣ, изрѣдка забѣгающей сюда, вѣроятно, изъ тундры, когда проливы, отдѣляющіе Новую Землю отъ материка, замерзаютъ. Лисицы встрѣчаются здѣсь, впрочемъ, годами.

Если Новая Земля небогата наземными и морскими животными, то это вполнѣ выкупается массой птицъ. Птицы, какъ и большая часть остальныхъ высшихъ животныхъ, преимущественно морскія. Если изученіе или наблюденіе всякой птицы интересно, то наблюденіе жизни птицъ, живущихъ обществами, тѣмъ больше. Изъ таковыхъ для этой мѣстности первенствующее мѣсто занимаетъ гагарка (uria troile?), какъ по своей многочисленности, такъ и непугливости. Гагарьи базары [2]) встрѣчаются по всему западному берегу Новой Земли; но чѣмъ дальше къ сѣверу, гдѣ начинаются почти непрерывные глетчеры, они становятся все малочисленнѣе и меньше. Самый большой базаръ находится въ губѣ Безъимянной; хотя онъ считается только семь верстъ длиной, но, на самомъ дѣлѣ, гораздо больше, если принять во вниманіе

---

[1]) Пласты шифернаго сланца, стоящіе въ вертикальномъ положеніи, вывѣтриваясь, отваливаются отъ стѣнъ острова и оставляютъ уступы различной ширины. Такіе уступы встрѣчаются на многихъ береговыхъ отвѣсахъ; на этихъ-то уступахъ, по выраженію поморовъ, гагарка „садитъ яйца", и такой берегъ, занятый птицами, носитъ названіе базара.

то, что берегъ изрѣзанъ небольшими бухтами или просто заводинками, между которыми выступы берега покрыты птицами со всѣхъ сторонъ. Несмотря на то, что кладутъ только одно яйцо, гагарки весьма многочисленны, чему обязаны, конечно, только общественной жизни. Насколько удалось наблюдать, гагарки высиживаютъ птенцовъ общими силами. При нападеніи врага, напр., холея, на какую-нибудь гагарку, близь сидящія птицы общими силами отбиваютъ его нападенія. Послѣ вывода молодыхъ, оставшіяся гагарки подбирали подъ себя птенцовъ своихъ улетѣвшихъ сосѣдей [1]).

Изъ другихъ птицъ (о нѣкоторыхъ изъ нихъ я уже упоминалъ) здѣсь встрѣчаются два вида гаги (samoteria molissima и s. spectabilis), дающіе извѣстный цѣнный пухъ; гуси (anser cinereus и bernicla torquata), по словамъ поморовъ и самоѣдовъ, летятъ сюда линять,—это самцы, а самки остаются въ тундрѣ, на Колгуевѣ и Вайгачѣ. Охотятся на нихъ здѣсь именно во время линянія, выгоняя ихъ изъ озера собаками на берегъ, гдѣ бьютъ палками или душатъ ихъ собаки. Встрѣчается краснозобая и полярная гагара (colymbus septentrionalis и c. arcticus). Изъ чаекъ—моевка (learus tridactylus), бѣлая чайка (pagophila eburnea); затѣмъ—чистикъ (ceppus Grillæ), аллейка, лебедь, кулики, подорожникъ садовый (emberiza glicispina hortulana),—вотъ почти и всѣ птицы, которыя встрѣчаются близь береговъ Моллерова залива. И бо́льшая часть этихъ птицъ питается почти исключительно рыбой. Какую же массу рыбы должны принести хотя тѣ же гагарки своимъ птенцамъ въ Безъимянной губѣ! А холей (L. glaucus), по словамъ поморовъ, „птица пакостная": во время лова гольца, не успѣютъ они вытянуть сѣть, какъ эта чайка накидывается на рыбу, и, говорятъ, иной разъ пудовъ пять растаскаютъ во время гольцоваго промысла.

Въ первыхъ числахъ іюля стали поджидать прихода „Чижова". Кромѣ писемъ и газетъ, которыя обѣщалъ привезти капитанъ парохода, Ф. К. Поповъ, онъ долженъ былъ привезти мяса. Начальникъ экспедиціи распорядился на лѣто мясо перенести въ сарай, гдѣ помѣщалась кузница и который во время зимы до потолка занесло снѣгомъ; весной растаявшій снѣгъ дополнили, но, съ наступленіемъ лѣта, все-таки пришлось выбросить нѣсколько оленьихъ тушъ, а сдѣлать свѣжій запасъ ленныхъ гусей по той же причинѣ не удалось, и купленныхъ у самоѣдовъ 50 штукъ

---

[1]) Подробное описаніе наблюденія ихъ жизни заняло бы много мѣста; интересующіеся найдутъ это въ моихъ замѣткахъ о новоземельской фаунѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Природа и Охота", 1884.

пришлось поскорѣе израсходовать. Въ то же время оба домашніе оленя, пасшіеся въ окрестностяхъ, бѣжали и только случайно были замѣчены самоѣдомъ на Пуховой и доставлены на станцію почти передъ самымъ отъѣздомъ экспедиціи. Послѣднее время питались почти исключительно консервами. Нужно замѣтить, что запасъ мясныхъ консервовъ былъ сдѣланъ очень небольшой и большею частію былъ израсходованъ еще зимой; теперь у насъ оставались только консервованные супы.

Съ первымъ пароходомъ, доставившимъ намъ все обѣщанное, съ Новой Земли уѣхалъ первый помощникъ, лейтенантъ Д. А. Володковскій. Послѣ отхода „Чижова" начали понемногу приготовляться къ отъѣзду. Приведеніе въ порядокъ собранныхъ мною коллекцій и упаковка ихъ заняли не мало времени [1]). Къ сожалѣнію, нужно сказать, что нѣкоторыхъ шкуръ, напримѣръ, моржа, морского зайца, мнѣ не удалось взять съ Новой Земли; денегъ на пріобрѣтеніе естественно-историческихъ коллекцій не было отпущено Географическимъ Обществомъ, а мои личныя средства давно исчезли, такъ что, подъ-конецъ, приходилось пріобрѣтать скелеты, черепа, и т. п., вымѣнивая ихъ на простыни и бѣлье. Наконецъ, подъ страхомъ остаться безъ сапогъ, приходилось ограничивать и ботаническія коллекціи. Семь паръ тюленьихъ пимовъ и двое ботфортовъ съ проношенными подошвами наглядно свидѣтельствовали о каменистой почвѣ Новой Земли.

17-го августа, утромъ, на рейдъ вошла военная шхуна „Полярная Звѣзда". Началась дѣятельная упаковка и нагрузка вещей экспедиціи на судно.

Еще 31-го іюля ушли на гольцовый промыселъ шхуны купцовъ Ѳедора Воронина и Борисова на Пуховую, а Якова Воронина—на Гусиную; всѣ три судна согласились „промышлять гольца сообща" и около половины августа хотѣли быть въ Малыхъ Кармакулахъ, но только 21-го августа вошло на рейдъ одно судно Я. Воронина. „Добыча гольца сей-годъ,—сообщалъ онъ,—была средняя, рыба—мало-икряна". Онъ привезъ свѣжихъ, только-что пойманныхъ омулей и камбалъ еще живыхъ, несмотря на то, что отъ Гусиной онъ шелъ шесть часовъ и они выловлены еще утромъ; и тѣ, и другія попали въ мои коллекціи и теперь

[1]) Врачъ Гриневецкій, принявшійся-было за сборы зоологическихъ коллекцій, еще въ началѣ весны лишился почти всѣхъ собранныхъ шкурокъ; онъ вздумалъ на нихъ испробовать способъ очищенія отъ кровавыхъ пятенъ, который практикуютъ самоѣды надъ звѣриными шкурами: испачканныя шкуры они вывѣшиваютъ противъ господствующихъ здѣсь вѣтровъ; шкурки птицъ, вывѣшенныя Гриневецкимъ, всѣ были изорваны вѣтромъ.

хранятся въ музеяхъ академіи наукъ. Вечеромъ Воронинъ и поморы пришли прощаться, такъ какъ думали, что мы уходимъ на слѣдующій день. Не обошлось на прощаньѣ безъ выпивки, и, какъ водится, именно въ то время, когда уже все почти готово къ отъѣзду, явилась масса самонужнѣйшихъ вопросовъ и просьбъ, которые какъ будто не могли быть заранѣе обдуманы и оговорены. Это состояніе, конечно, знакомо каждому, кому приходилось, случайно встрѣтясь съ человѣкомъ, познакомиться и заинтересоваться всѣмъ, что до него касается, хотя непродолжительность знакомства еще какъ будто мѣшаетъ говорить откровенно. Судовой священникъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ становище, приступилъ къ исполненію различныхъ требъ: крестилъ, мvропомазалъ, вѣнчалъ, исповѣдывалъ и пріобщалъ Св. Таинъ кого слѣдуетъ изъ самоѣдовъ.

Г. Андрееву понадобилось сдѣлать еще какія-то окончательныя наблюденія, въ чемъ ему помогалъ П. А. Мордовинъ, такъ что отъѣздъ экспедиціи назначенъ былъ 23-го августа. Около 8 часовъ вечера, пары уже давно были разведены, и какъ только начальникъ экспедиціи кончилъ свои наблюденія, „Полярная Звѣзда" направилась къ выходу изъ становища Малыхъ Кармакулъ.

Съ грустью оставлялъ я Новую Землю. Только-что нѣсколько освоившись съ природой этого острова, приходилось бросать навсегда начатыя наблюденія надъ его растительной и животной жизнью. Какъ много осталось всего, до чего пришлось коснуться только мелькомъ. Если въ окрестностяхъ уже рѣже стали встрѣчаться и новыя растенія, и новыя животныя, все же и то, съ чѣмъ удалось ознакомиться, не такъ бы хотѣлось узнать. А сколько еще неизвѣстнаго, что стоитъ увидать, съ чѣмъ слѣдуетъ познакомиться на всемъ островѣ; будь у меня больше средствъ, какъ значительно увеличились бы коллекціи! Да, много бы можно было сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы начальникъ экспедиціи былъ человѣкъ дѣйствительно интересующійся изслѣдованіемъ полярныхъ странъ. Впрочемъ естественно-историческая часть въ нашей экпедиціи была второстепенная. Какое значеніе будутъ имѣть добытые матеріалы нашей экспедиціи? Думается, слишкомъ небольшое, такъ какъ дѣло было поставлено такъ, чтобы формальная сторона была выполнена. Я уже упоминалъ отчасти, какъ велись нѣкоторыя метеорологическія наблюденія. Установка анемометра Зерензена была, вѣроятно, неправильна, потому что иногда шестерни не вращались, и наблюденія записывались не по прибору, а дѣлались на основаніи различныхъ соображеній, по большей части исходившихъ отъ начальника экспедиціи. Часто наблюденія записывались и тогда, когда одна или двѣ чашки анемо-

метра были сорваны вѣтромъ. А какой научный интересъ представляютъ наблюденія надъ степенью облачности неба, когда было, напр., такое распоряженіе: при сильномъ туманѣ записывать, что все небо закрыто тучами, а эти тучи пускать по флюгаркѣ. При штилѣ, когда вѣтеръ отъ всѣхъ румбовъ, иногда получались интересные факты: тучи, сплошь покрывающія небо, движутся одинъ часъ въ одну сторону, другой—въ другую. Хотя въ сужденіи о магнитныхъ наблюденіяхъ я судья и не компетентный, но если указать, что подвижная шкала вѣсовъ Лойда закрываетъ дѣленія постоянной шкалы, такъ что приходится досчитываться по догадкѣ, противъ какого дѣленія находится нить, и въ такомъ положеніи [1]) приборъ находится почти цѣликомъ два послѣдніе передъ отъѣздомъ мѣсяца, то не ошибочно счесть такія наблюденія не слишкомъ цѣнными. Можно ли серьезно относиться къ наблюденіямъ, гдѣ рядомъ съ замѣтками, имѣющими дѣйствительно научную цѣнность, встрѣчаются цифры или отмѣтки, служащія для замѣщенія пустыхъ клѣтокъ бюллетеня? А очень немного нужно было сдѣлать, чтобы устранить все это: немного больше вниманія при обсужденіи нуждъ экспедиціи— и все было бы хорошо. Болѣе приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ метеорологическая будка позволила бы, не смотря на погоду, добывать вѣрные результаты. Лишнихъ 30—40 руб. [2]), затраченныхъ для постройки досчатаго корридора, дали бы возможность, даже при помощи нашихъ плохихъ фонарей, дѣлать вѣрныя наблюденія, а не схватывать ихъ на-лету.

Предполагавшіяся экскурсіи вдоль береговъ ограничились экскурсіей на Маточкинъ Шаръ, да и та состоялась только потому, что врачъ экспедиціи принялъ на себя денежные расходы.

Пока были въ виду берега, были видны перебѣгающіе съ мѣста на мѣсто люди, слышались ружейные и пушечные выстрѣлы: то самоѣды салютовали отплытіе военнаго судна вкупѣ съ экспедиціей. Нынче вечеромъ, да и на завтра хватитъ имъ оставленнаго спирта; синяки украсятъ въ день отплытія экспедиціи фи-

---

[1]) Замѣтки о состояніи приборовъ дѣлались въ книжкахъ только въ началѣ года; затѣмъ было приказано, чтобы дежурный наблюдатель сообщалъ объ этомъ тотчасъ же г. Андрееву; эти сообщенія дѣлались словесно, не записываясь въ книжки, по которымъ, такимъ образомъ, и нельзя судить о положеніи прибора во время наблюденій.

[2]) Что цѣна на такую постройку не превышала бы 40 рублей, можно заключить по тому, что всѣ постройки, привезенныя экспедиціей, оцѣнивались поморами не больше 300—400 руб., включая сюда и плату рабочимъ, бывшимъ на Новой Землѣ.

зіономіи [1]) самоѣдовъ, но долго еще потомъ они будутъ помнить первую полярную международную русскую станцію!

При выходѣ съ рейда, мы распростились съ провожавшими поморами и Я. Воронинымъ. Стало уже темнѣть, а потому отдали якорь, и только утромъ стали исчезать изъ виду берега Новой Земли.

Значеніе въ будущемъ Новой Земли для русскихъ будетъ немаловажно. Когда громадныя богатства Сибири будутъ доставляться Ледовитымъ океаномъ, Новая Земля будетъ имѣть большое значеніе, благодаря своему географическому положенію на великомъ водномъ пути. Тогда, вѣроятно, примутся за всестороннее изученіе этого острова, а пока Новая Земля будетъ просто пустыннымъ островомъ на Ледовитомъ океанѣ; значеніе ея нѣсколько усилится развѣ послѣ того, какъ будетъ, наконецъ, разрѣшено поселиться здѣсь соловецкимъ монахамъ. Отъ такого поселенія врядъ-ли пострадаютъ интересы Россіи, если принять во вниманіе замѣчательную энергію и предпріимчивость этой монашеской общины. Многіе опытные моряки сравниваютъ Соловки, по кипучей дѣятельности и богатству, съ уголкомъ Америки, какимъ-то чудомъ перенесеннымъ въ Бѣлое море, гдѣ почти рядомъ встрѣтишь цѣлыя области, питающіяся хлѣбомъ, состоящимъ наполовину изъ толченой древесной коры или рубленой соломы. Но что̀ будетъ, то̀ будетъ. А судя по предшествующему, врядъ ли и соловецкой общинѣ удастся получить желаемое разрѣшеніе.

По случаю сильнаго шторма, который захватилъ насъ на широтѣ Гусиной Земли, только 27-го августа мы вошли въ Бѣлое море, и оба дня, пока шли имъ, встрѣчали китовъ. Чаще стали встрѣчаться суда. Вотъ показался Орловскій маякъ, потянулись Зимнія горы. Если погода не измѣнится, завтра мы должны быть въ Соломбалахъ. Какъ только „Полярная Звѣзда“ отдала якорь и ошвартовалась, начали являться любопытные. Медвѣженокъ, привезенный Гриневецкимъ, несмотря на то, что ошкуй здѣсь не рѣдкость, ежедневно привлекалъ толпы любопытныхъ. Намъ любезно предложили до отъѣзда изъ Архангельска жить на шхунѣ, такъ что здѣсь мы пробыли до 7-го сентября.

Обратный переѣздъ и житье въ Архангельскѣ на „Полярной Звѣздѣ“ оставили по себѣ самыя лучшія воспоминанія. Врядъ-ли

[1]) Одинъ изъ офицеровъ архангельскаго порта, отправленный въ Новую Землю на „Чижовѣ“, сообщилъ, что два дня спустя послѣ отъѣзда экспедиціи, когда онъ тамъ былъ, у самоѣдовъ головы еще не пришли въ порядокъ, а лица почти у всѣхъ были покрыты синяками.

удастся гдѣ встрѣтить такое дружное, тѣсное товарищество, какъ между офицерами шхуны. Невольно, во время пребыванія здѣсь, являлась мысль: будь любой изъ офицеровъ „Полярной Звѣзды“ начальникомъ нашей экспедиціи, зимовка на Новой Землѣ оставила бы по себѣ самыя пріятныя воспоминанія. Когда, наконецъ, пароходъ „Десятинный“ извѣстилъ, что 7-го сентября онъ двинется вверхъ по Двинѣ, не хотѣлось разставаться съ нашими хозяевами. Взяли билеты до Сіи, простились съ нашими новыми друзьями и двинулись въ путь. Передъ отходомъ парохода „Десятиннаго“, капитанъ громко обратился къ пассажирамъ со словами: „Помолимся Богу!“ Самъ перекрестился и затѣмъ уже далъ приказаніе отваливать отъ берега. Берега Двины вначалѣ очень низки, дальше къ Сіи становятся нѣсколько выше и до урѣза воды покрыты лѣсомъ. Въ Сіи монахъ-перевозчикъ, выгрузивъ пассажировъ на берегъ, оставилъ ихъ на произволъ судьбы. Станція Сійская лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, и пассажиры, не встрѣтивъ извозчика, которыхъ на берегъ выѣзжаетъ немного, рискуютъ прогуляться пѣшкомъ, перенося, какъ угодно, свой багажъ. Намъ хотя удалось помѣстить вещи вмѣстѣ съ другими попутчиками на ломовикѣ, но все-таки пришлось ночью, подъ проливнымъ дождемъ, тащиться на станцію. Отсюда до Вытегры—на почтовыхъ. Кому незнакомы эти переѣзды съ вѣчными почтами, ожидаемыми съ минуты на минуту, съ обязательнымъ предложеніемъ поставить самоварчикъ, пока лошади кормятся, съ просьбами „на чаекъ“ отъ кучера и разсчетами прогоновъ на каждой станціи! Отчего бы не устроить для удобства проѣзжающихъ такой простой вещи, какъ плату за весь путь въ конечныхъ пунктахъ. Но что дѣйствительно хорошо здѣсь, такъ это дороги. Врядъ-ли какая изъ внутреннихъ губерній Россіи можетъ похвастаться дорогами, которыя содержались бы въ такомъ порядкѣ. Чѣмъ ближе подвигались къ Каргополю, тѣмъ чаще встрѣчались деревни и поля и рѣже попадались тѣ почти сплошные лиственничные и вообще хвойные лѣса, тянувшіеся почти все время непрерывной аллеей. Каргополь, какъ большая часть старыхъ русскихъ городовъ, обиленъ храмами: здѣсь 18 церквей, 2 монастыря,—„и лавки есть“, сообщалъ ямщикъ, когда мы подъѣзжали къ городу. „Все какъ быть надлежитъ“. И улицы, можно такъ же сказать, „какъ быть надлежитъ“, грязны и при ѣздѣ по нимъ для боковъ чувствительны. По ночамъ здѣсь зажигаются фонари, конечно, не для того, чтобы освѣщать улицы, а чтобы предупредить несчастье: можно въ потьмахъ набрести именно на фонарный столбъ. Во всемъ остальномъ Каргополь—настоящій городъ.

Тамъ есть даже пивной заводъ. Не думаю, чтобы описаніе или замѣтки при ѣздѣ на почтовыхъ дали что-нибудь, кромѣ очень блѣдной картины тѣхъ мѣстъ, по которымъ проѣзжаешь. Быстро мѣняются мѣста, исчезаютъ лѣса, тянутся поля и деревни и снова лѣса... Вотъ и Маріинская система съ подъемными мостами и козаками около болѣе входныхъ пунктовъ. „Бунтовали рабочіе", —поясняетъ ямщикъ. И снова мелькаютъ все тѣ же картины. Въ Вытегрѣ пришлось дожидаться парохода, хотя можно было отправиться на трешкотѣ до „Вознесенья" (станція) и тамъ уже дожидаться парохода „Александръ Свирскій", который и доставитъ въ Петербургъ.

Мы съ Гриневецкимъ дождались парохода; а начальникъ экспедиціи предпочелъ ѣхать на трешкотѣ. Въ „Вознесеньи" мы перешли съ одного парохода на другой, прошли по Свири въ Ладожское озеро. На слѣдующій день прошли мимо Шлиссельбурга. Крѣпость по архитектурѣ напоминаетъ Петропавловскую въ меньшихъ размѣрахъ. Еще нѣсколько часовъ ходу, и показался Петербургъ. Вотъ и пристань, гдѣ пристаютъ петрозаводскіе пароходы.

„Стопъ, машина!—Отдать якорь!"

Н. Кривошея.

ЛЮБИТЕЛИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Петръ Петровичъ Зызеринъ и Сергѣй Сергѣевичъ Стымпалковскій болѣе десяти лѣтъ какъ знаютъ другъ друга, любятъ и уважаютъ. Глубокая дружба соединяла ихъ. Оба они холостые люди, оба съ независимымъ положеніемъ и оба исконные петербуржцы. Зызеринъ—человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій и худой, съ гладко выбритымъ лицомъ, тихими, сосредоточенными манерами и черными пушистыми бровями. Лобъ у него бѣлый, большой, глаза темные, мягко очерченный ротъ. Сергѣй Сергѣевичъ, напротивъ, невысокъ ростомъ. Это приземистый малый, съ курчавыми, какъ у негра, черными волосами, съ закинутой назадъ головой, быстрый, юркій человѣчекъ, тоже тридцати-пяти лѣтъ, но уже съ сильно посѣдѣвшими висками. Зызеринъ говоритъ всегда плавно и методично, взвѣшивая каждое слово и жестикулируя, какъ ораторъ. Стымпалковскій кипятится, путается въ словахъ, не договариваетъ начатого, вѣчно куда-нибудь торопится. Несмотря на это несходство характеровъ, оба они, по натурѣ, страстные люди, и глаза ихъ сверкаютъ по временамъ тѣмъ мрачнымъ блескомъ, въ которомъ есть что-то непріятное, монашеское. Но у Зызерина страстная натура закована въ крѣпкую броню холодной разсудительности. Стымпалковскій не любитъ обсуждать своихъ дѣйствій и часто увлекается. Въ то время какъ Зызеринъ рѣдко раскаявается въ чемъ-нибудь, Стымпалковскій то-и-дѣло приходитъ въ отчаяніе отъ своего легкомыслія. Друзья дополняли одинъ другого и были неразлучны.

Началась ихъ дружба при слѣдующихъ странныхъ обстоятельствахъ. Въ одномъ изъ роскошныхъ домовъ на Захарьевской улицѣ происходилъ аукціонъ вещей, принадлежавшихъ богатому въ свое время, но впослѣдствіи прогорѣвшему барину. Вещи были „любительскія“: мебели временъ Людовика XVI-го и имперіи, старыя японскія и китайскія вазы, саксы и севры, коллекціи художественныхъ бронзъ, фламандскихъ ковровъ, пестраго восточнаго тряпья, оружія всѣхъ временъ, картины итальянской школы, миніатюры, старинный хрусталь. Десять лѣтъ назадъ въ Петербургѣ коллекціонеровъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь: вкусъ къ стариннымъ вещамъ былъ мало развитъ, и глазъ публики плѣняли больше, чѣмъ теперь, вопіющій блескъ ремесленныхъ издѣлій Кумберга и кричащая пошлость произведеній другихъ современныхъ фабрикантовъ. Если умиралъ или разорялся любитель, и коллекціи его поступали въ публичную продажу, то, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, онѣ шли за безцѣнокъ и становились добычею рыночниковъ, которые жадной толпой набрасывались на вещи, розмили коллекціи и растаскивали по своимъ апраксинскимъ и щукинскимъ трущобамъ. Не слѣдуетъ думать, что эти барышники—тупой и непонимающій народъ. Нѣкоторые изъ нихъ набили глазъ и не затрудняются, по внѣшнему виду или даже наощупь, опредѣлить, какой фарфоръ—китайскій, какой—японскій,—какой вье-саксъ, а какой—вѣнскій или веджвутъ, не говоря уже о майоликахъ и клоазоннэ. Они—богачи и нажили сотни тысячъ на счетъ невѣжества публики, презрительно относящейся къ чудной, артистической старинѣ. Описываемый аукціонъ такъ былъ плохо подготовленъ, что и тѣ немногіе любители, которые были тогда въ Петербургѣ, не попали на него, и торгующаяся публика почти исключительно состояла изъ маклаковъ, которые напередъ составили вязку. Соперничать съ ними не было почти никакой возможности. Они наказывали смѣльчака, вступившаго съ ними въ бой, тѣмъ, что надбавляли свыше мѣры и потомъ вдругъ уступали ему вещь. Смѣльчакъ не рѣшался на новый бой. Слишкомъ дорогая цѣна пріобрѣтенной имъ вещи истощала его покупныя средства и отбивала дальнѣйшую охоту къ участію въ аукціонѣ.

Стымпалковскій и Зызеринъ случайно сѣли рядомъ. Позади и кругомъ сидѣли бородачи въ длинныхъ синихъ пиджакахъ, нервные, съ умными, разсчетливыми глазами евреи, армяне, разорившіеся торговцы древними вещами съ оттопыривающимися отъ денегъ боковыми карманами и какія-то неопредѣленныя личности. Судебный приставъ громко возглашалъ цѣну вещамъ, и два слу-

жителя подносили публикѣ фарфоровыя расписныя вазы въ тонкой бронзовой отдѣлкѣ, англійскіе часы съ курантами, мраморную статую Венеры, чайный сервизъ, кресла съ фарфоровыми инкрустаціями, гигантскіе канделябры и прихотливо изогнутые, золоченные черезъ огонь, стѣнники. Экспертъ-оцѣнщикъ, плутоватый солидный господинъ, ходилъ между рядами стульевъ вслѣдъ за служителями и подхваливалъ вполголоса вещи. Онъ ручался, что бронза подлинная, фарфоръ настоящій и въ домѣ нѣтъ ни одной поддѣлки. Весьма возможно, что въ данномъ случаѣ вещи были всѣ подлинныя. Но такъ какъ то же самое этотъ господинъ имѣлъ обыкновеніе говорить на всѣхъ аукціонахъ, то къ его словамъ публика относилась съ добродушной улыбочкой, означавшей въ переводѣ на членораздѣльный языкъ, что рыбакъ рыбака видитъ издалека. Торгъ начинается, и вещь, послѣ самаго незначительнаго спора, оставалась за маклаками. Стымпалковскій горячился и часто торговался, накидывая рубли и десятки рублей. Набивъ слегка цѣну, онъ вдругъ останавливался. Онъ боялся купить вещь, которая ему не особенно нужна, и искоса посматривалъ въ уголъ, гдѣ стояла на пьедесталѣ изъ чернаго гранита бѣлая статуя мадонны. Она была строгаго, аскетическаго стиля и, можетъ быть, принадлежала рѣзцу средне-вѣкового испанскаго скульптора. Мраморъ былъ благороднѣйшаго, желтоватаго тона. Складки одеждъ съ суровою прямолинейностью падали внизъ, глаза были опущены, изможденное молодое лицо выражало безъисходное горе и руки съ длинными пальцами были худы, какъ у мученицы. Она уронила их въ горестномъ раздумьи. Зызеринъ совсѣмъ не принималъ участія въ торгахъ. Онъ ни разу не взглянулъ на мадонну. Тѣмъ не менѣе маклаки знали, что онъ непремѣнно купитъ ее. Такъ какъ онъ не портилъ имъ цѣнъ, то они рѣшили не гнаться за мадонной. Зызеринъ, дѣйствительно, положилъ себѣ заплатить за мадонну все, что ни придется. Маклаковъ онъ не боялся по разнымъ соображеніямъ. И его безпокоилъ только курчавый сосѣдъ.

Много цѣнныхъ вещей было распродано, и Стымпалковскій не вытерпѣлъ и купилъ двѣ лампы съ медальонами восемнадцатаго вѣка. Зызеринъ улыбнулся довольной улыбкой. Онъ былъ бы радъ, если бы сосѣдъ его накупилъ вещей на сумму вдвое и втрое бо̀льшую. Иногда онъ раскрывалъ каталогъ и разсѣяннымъ взглядомъ пробѣгалъ списокъ назначенныхъ къ продажѣ вещей. Стымпалковскій увидѣлъ мелькомъ, что въ этомъ каталогѣ синимъ карандашомъ подчеркнутъ номеръ, подъ которымъ значится мадонна. Онъ испугался, пересталъ покупать вещи, которыя не

были ему нужны, и сталъ сосредоточенно ждать очереди. Когда передъ Стымпалковскимъ и Зызеринымъ разворачивали старые ковры съ художественно исполненными сюжетами или проносили картины кисти итальянскихъ мастеровъ, глаза ихъ вспыхивали жаднымъ огнемъ, и они старались не смотрѣть на соблазняющіе предметы. При этомъ Зызеринъ разглядывалъ молодого судебнаго пристава, у котораго была великолѣпная рыжая борода, а Стымпалковскій нетерпѣливо кусалъ губы и хрустѣлъ пальцами.

Аукціонъ затянулся, благодаря тактикѣ маклаковъ, которые, не горячась, накидывали по гривеннику на оцѣночную сумму и, такимъ образомъ, выжили изъ залы нѣкоторыхъ конкуррентовъ, не дождавшихся продажи облюбованныхъ ими вещей. Начинало смеркаться, когда судебный приставъ провозгласилъ своимъ безучастнымъ оффиціальнымъ голосомъ:

— Номеръ сто-шестьдесятъ-первый! Мраморная статуя Богородицы, старая, неизвѣстнаго мастера! Двадцать рублей!

Стымпалковскій первый вскричалъ:

— Пятьдесятъ рублей!

— Пятьдесятъ рублей,—повторилъ судебный приставъ.

Зызеринъ бросилъ украдкой взглядъ на маклаковъ и медлилъ. Стымпалковскій поторопился накинуть на собственную цѣну еще десять рублей, словно онъ торговался съ самимъ собою.

— Шестьдесятъ рублей!—крикнулъ онъ.

— Шестьдесятъ рублей!—какъ эхо повторилъ судебный приставъ.

— Съ гривенничкомъ-съ!—фальцетомъ произнесъ какой-то синій пиджакъ съ бородкой клиномъ и съ глупыми косыми глазками.

— Съ пятачкомъ-съ!

— Рупь! Рупь! Рупь!—посыпалось изъ всей кучки маклаковъ, впрочемъ больше для формы, такъ какъ никому изъ рыночниковъ не нравилась мадонна.

— Ровно!—басомъ выкрикнулъ толстый купецъ съ черной бородой и молодцовато тряхнулъ волосами.

Онъ сейчасъ же отсталъ. Когда цѣна на мадонну поднялась до восьмидесяти рублей, маклаки больше въ торгъ не вмѣшивались. У Стымпалковскаго забилось сердце. Онъ думалъ, что мадонна—его. Но тутъ Зызеринъ рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:

— Пять рублей!

Онъ все набавлялъ по пяти рублей. Зала затихла. Завязался бой между любителями. Стымпалковскій всталъ съ мѣста и сулилъ сумасшедшія цѣны. Ему казалось, что если онъ упуститъ

мадонну, то лишится какого-то высокаго, еще неиспытаннаго имъ блаженства. Чудеснымъ силуэтомъ выдѣлялась въ сумракѣ сѣраго дня статуя скорбящей Богоматери. Онъ торговался, не отводя отъ нея глазъ, и ему было стыдно, что онъ такъ мало предлагаетъ за нее и оскорбляетъ ее своимъ торгашествомъ. „За нее тысячу не много дать“,—страстно думалъ онъ. „Вся коллекція моя ничего не стоитъ въ сравненіи съ этимъ божественнымъ мраморомъ!“ Зызеринъ все время былъ блѣденъ. Онъ сдерживалъ себя и продолжалъ не глядѣть на мадонну. Онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ, сквозь зубы объявлялъ свою цѣну. Соперники ненавидѣли другъ друга. И оба они зарвались. Судебный приставъ усталъ повторять предлагаемыя цѣны и лишь отъ времени до времени произносилъ:

— Двѣсти-пятьдесятъ! Двѣсти-семьдесятъ-пять! Триста!

— Съ гривенничкомъ-съ!—глупо произнесъ въ безмолвной залѣ прежній фальцетъ.

Зызеринъ схватился машинально за карманъ и также машинально взглянулъ, наконецъ, на мадонну. Въ этотъ моментъ служители внесли огонь и освѣтили ее. Онъ увидѣлъ, что руки у мадонны непропорціонально длинны. Онъ закрылъ каталогъ, спряталъ его и пересталъ торговаться. У Стымпалковскаго не было больше денегъ. Въ высшей степени странно, но гривенникъ, сорвавшійся съ языка невѣжественнаго торгаша, вдругъ охладилъ его горячку. Было что-то комичное въ голосѣ маклака, чтó заставило его умѣрить свой лирическій порывъ и хладнокровнѣе посмотрѣть на статую, которою онъ только-что безпредѣльно восторгался. „А вѣдь руки-то длинны“,—подумалъ онъ тоже съ испугомъ, и обрадовавшись, что торгъ продолжается и онъ не купитъ мадонны, онъ сѣлъ, вздохнулъ съ облегченіемъ и замолчалъ, точно въ ротъ воды набралъ. Его нисколько не удивило, что и сосѣдъ пересталъ торговаться. Судебный приставъ понялъ, что мадонна за маклакомъ.

— Триста рублей десять копѣекъ... Триста рублей и десять копѣекъ... Три-ста руб-лей и десять копѣекъ!—на-распѣвъ произнесъ онъ и ударилъ молоткомъ.

Въ залѣ пронесся шепотъ удивленія. Послышался сдержанный смѣхъ въ разныхъ углахъ. Маклакъ, напряженно улыбаясь и почесывая затылокъ, вышелъ на средину залы. Подойдя къ мрамору, онъ тупо трогалъ его руками.

Въ душѣ любителей еще не улеглось волненіе, которое они только-что пережили. Какъ передъ этимъ они ненавидѣли другъ

друга, такъ теперь, съ такою же внезапностью, расположились одинъ къ другому.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ на лѣстницѣ у Стымпалковскаго Зызеринъ: — чтó вы находили хорошаго въ этой мадоннѣ?

— А вы?

— Право, затрудняюсь сказать, чтó именно. Мнѣ казалось, что это сокровище.

— И мнѣ тоже.

— А потомъ я увидѣлъ, что она мнѣ совсѣмъ не нужна. Это вдругъ пришло. Вотъ, думаю, обузу пріобрѣту!

Стымпалковскій улыбнулся. Глаза его горѣли, лицо было еще красно. Онъ ужасно понравился Зызерину.

— Послушайте, я васъ часто встрѣчаю у Якобсонъ, у Линевича, у Морозова... Конечно, вы коллекціонеръ?

— Вы не ошиблись.

— Знаете, коллекціонеры должны быть знакомы между собою. Познакомимся. Я живу отсюда недалеко. Зайдемъ ко мнѣ. Я вамъ покажу свое собраніе старыхъ саксовъ, голландскихъ офортовъ, стариннаго серебра...

— Очень пріятно! — произнесъ Стымпалковскій и, остановившись на площадкѣ, радостно пожалъ руку Зызерину. — Надѣюсь, что вы посѣтите также меня. Я собираю миніатюры, бронзы, мраморы, картины.

— О, непремѣнно!

Они назвали себя и вышли на улицу въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Весь вечеръ провели они въ бесѣдѣ, которая подъ-конецъ приняла совершенно дружескій характеръ. Черезъ мѣсяцъ они говорили другъ другу „ты", а черезъ годъ наняли большую квартиру, соединили свои коллекціи и зажили общею жизнью, которая вѣчно была наполнена то созерцаніемъ пріобрѣтенныхъ рѣдкостей, то изученіемъ произведеній какого-нибудь полузабытаго мастера, хожденіемъ по рынкамъ, аукціонамъ, посѣщеніемъ выставокъ и залъ Эрмитажа, который они узнали въ совершенствѣ. Это была жизнь отшельниковъ, и только въ Петербургѣ можно жить въ такомъ совершенномъ уединеніи, потому что только въ этомъ огромномъ городѣ личность самою силою вещей ограждена отъ посторонняго вторженія въ ея внутренній міръ. Друзья читали газеты, журналы, книги. Иногда они сами печатали замѣтки и небольшія изслѣдованія въ общихъ и спеціальныхъ изданіяхъ, но современная жизнь мало интересовала ихъ. Извѣстія объ убійствахъ, грабежахъ и кражахъ, подлогахъ,

расхищеніяхъ и тому подобныхъ происшествіяхъ непріятно дѣйствовали на нихъ, и они стали искать утѣшенія въ прошломъ, погрузились въ исторію, собирали и перечитывали произведенія старинной русской литературы, а на то, что̀ происходитъ у нихъ передъ глазами, смотрѣли съ легкой гадливостью, какъ на какую-то поддѣлку подъ жизнь, все равно какъ смотрѣли они на пошлыя ремесленныя вещи, выставленныя за зеркальными окнами магазиновъ Невскаго проспекта. Уличная суматоха не касалась ихъ, и о внѣшнемъ мірѣ они узнавали только по непрестанному гулу экипажей, доносившемуся къ нимъ съ мостовыхъ улицы.

Урокъ, данный мраморною мадонною, сослужилъ имъ службу. Даже Стымпалковскій много разъ осматривалъ вещь, прежде чѣмъ рѣшался украсить ею свое собраніе. Осторожность Зызерина доходила до того, что Стымпалковскій раздражался и вполголоса осыпалъ его упреками. Но, благодаря этой тактикѣ, было собрано обоими друзьями нѣсколько замѣчательныхъ коллекцій. Они стали извѣстными собирателями, знатоками и любителями и были избраны дѣйствительными членами археологическаго общества. Вступленіе на научное поприще они отпраздновали вдвоемъ. Въ маленькомъ русскомъ кабинетѣ, на дубовомъ соловецкомъ столѣ была поставлена старинная хрустальная посуда съ рѣзными орлами, и къ двумъ часамъ ночи пиръ кончился тѣмъ, что было осушено двѣ бутылки шампанскаго. Это былъ первый и послѣдній пьяный пиръ друзей, потому что вообще они вели трезвую жизнь и каждую копѣйку берегли для своихъ коллекцій.

Старинныя и рѣдкія вещи, которыми была полна ихъ квартира, составляли, разумѣется, предметъ ихъ нѣжности и гордости. Въ каждой комнатѣ было что-нибудь свое. Передняя была вся увѣшана мраморными, бронзовыми и фарфоровыми медальонами. Зала была въ картинахъ, которыя висѣли одна возлѣ другой въ старинныхъ, потускнѣлыхъ рамахъ. По угламъ и по срединѣ комнаты бѣлѣли мраморныя нимфы, купидоны, бюсты философовъ и литераторовъ. Мебели было немного, но не было ни одной банальной вещи; стулья съ бронзовой накладкой или бѣлые, золоченые, глубокой старости и чистаго стиля. Въ гостиной были сосредоточены рѣдкія акварели и миніатюры на слоновой кости въ золотыхъ и бронзовыхъ рамкахъ нѣжной чеканки. Столовая была завалена фарфорами и майоликами. Въ угловой комнатѣ стояли бронзы. Ихъ было немного, но онѣ были высокаго художественнаго достоинства, и спящая нимфа считалась перломъ коллекціи. Она была покрыта зеленоватой патиной, и объ ея старости и подлинности свидѣтельствовало множество цапинъ и

ударцевъ, которые, однако, не портили формы и общаго рисунка и только радовали глазъ любителя. Спальни лишены были затокакихъ бы то ни было украшеній. Это были монашескія кельи, а не спальни холостыхъ людей. Надъ кроватью Стымпалковскаго висѣлъ старинный финифтяный образокъ; надъ кроватью Зызерина—оловянный крестъ поморсвой работы. Постоянное общеніе съ стариною развило въ друзьяхъ какое-то религіозное поклоненіе формѣ, и они сдѣлали въ этихъ спальняхъ аскетическую обстановку, откуда могли созерцать красоту отвлеченно и гдѣ могли молиться ей, какъ вѣчной идеѣ, безъ которой міръ былъ бы мертвой пустыней и человѣку никогда не простилось бы его звѣрство.

Когда друзьямъ стукнуло по тридцати лѣтъ, они стали испытывать по временамъ тоску. Въ скучные зимніе вечера они сидѣли передъ каминомъ, курили и по цѣлымъ часамъ не говорили другъ съ другомъ ни слова. Случалось, что Стымпалковскій уѣзжалъ изъ дома въ театръ — и вдругъ не возвращался недѣлю. По воскресеньямъ Зызеринъ обѣдалъ въ знакомомъ домѣ, гдѣ была хорошенькая, черноглазая дочь. Въ этотъ день онъ покупалъ на Невскомъ свѣжія перчатки и слегка подвивалъ волосы. Къ тридцати-пяти годамъ улеглись въ душѣ пріятелей порывы къ перемѣнѣ образа жизни. И хоть иногда мерещилось имъ, что славно было бы, если бы по этимъ комнатамъ, напоминающимъ музей, среди этихъ старыхъ, мертвыхъ вещей, жило и двигалось молодое существо, съ розовыми щеками и милымъ взглядомъ, но мечта эта казалась имъ уже такой неосуществимой, какъ находка на рынкѣ Рафаэля или Бенвенуто Челлини. Да, они становились старыми холостяками; они слишкомъ привыкли къ своимъ мертвымъ вещамъ.

II.

Былъ ясный морозный день, и оживленіе на улицахъ Петербурга было чрезвычайное. Извозчики ѣхали сплошными партіями; тротуары были запружены людьми съ озабоченными лицами и съ кульками разныхъ размѣровъ. Горы битыхъ свиней, поросятъ и гусей воздвигались на Сѣнной и Садовой, вплоть до Юсупова сада. Возлѣ каждой мелочной и мясной лавки стояли елки, и цѣлый лѣсъ зеленѣлъ на площадкѣ противъ Гостинаго Двора. Былъ, однимъ словомъ, канунъ Рождества.

Несмотря на хорошую погоду, пріятели встали сегодня въ дурномъ расположеніи духа.

— Петръ Петровичъ! — обратилась къ Зызерину кухарка Анфиса, старая, безобразная чухонка.—Скажите: будутъ у насъ праздники, какъ у людей?

— Какъ у людей, какъ у людей,—отвѣчалъ Зызеринъ.

— А что-жъ Сергѣй Сергѣевичъ говорятъ, будто бы теперь мода вышла не ѣсть по праздникамъ? Надо бы купить окорочекъ!

— Ты купи, Анфиса, всего купи. Говорю тебѣ — какъ у людей. А Сергѣй Сергѣевичъ шутитъ, потому что ему скучно.

Онъ вышелъ въ столовую и сѣлъ передъ каминомъ возлѣ Стыпалковскаго. Онъ сталъ смотрѣть на раскаленный коксъ задумчивымъ взглядомъ. Стыпалковскій ерошилъ курчавые волосы свои и тоже смотрѣлъ на огонь. Такъ прошло съ полчаса. Зызеринъ началъ:

— Сережа, тебѣ чертовски скучно. Недаромъ ты распространялся съ Анфисой... Признаюсь, и мнѣ не особенно весело. Странно, а передъ праздниками всегда испытываешь какое-то томленіе. Разумѣется, тутъ всегда дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У насъ дома празднованіе Рождества сопровождалось большою торжественностью. Отецъ жилъ на Звѣринской улицѣ. Онъ служилъ въ контролѣ Двора. У меня много было сестеръ, все красавицы—и дѣвочки, и взрослыя. И мать была красавица, несмотря на свои сорокъ лѣтъ. Домъ у насъ былъ свой, большой, деревянный, съ садомъ. Въ этотъ день мать не выходила къ намъ, а только было слышно, какъ суетится прислуга: шли приготовленія къ сочельнику. Гостиная тоже была полна чего-то таинственнаго. Она была заперта, и тамъ хлопотала старшая сестра съ бонной. Отецъ побрился съ утра. И когда онъ встрѣчалъ пытливые взгляды дѣтей, загадочная улыбка играла на его благообразномъ лицѣ. Начинало смеркаться, тревога наша росла. Сестры надѣли свѣтлыя платья, я — мундиръ. Отецъ поймаетъ, бывало, меня, потреплетъ по щекѣ, поцѣлуетъ тихонько, словно отъ меня самого хочетъ скрыть свою любовь, и скажетъ: „Молодецъ! Нехорошо только, что изъ ариѳметики двойка!“ Наконецъ зажигались въ залѣ свѣчи, и появлялась мать въ шелковомъ платьѣ. Мнѣ это шелковое платье необыкновенно нравилось, и я, какъ теперь, слышу его скромный шелестъ. Мать была превосходная женщина, и, благодаря ей, домъ былъ полная чаша. Шелковое платье свое она, Сережа, носила лѣтъ пятнадцать и подъ-конецъ сдѣлала изъ него одѣяло, которымъ я укрывался, еще будучи студентомъ. Итакъ, появлялась мать и, усталая, садилась у окна и смотрѣла на небо, гдѣ мерцали звѣзды. Я теперь знаю, о чемъ думала

тогда моя мать. Ей тоже вспоминалось далекое прошлое, вспоминался сочельникъ подъ родимымъ кровомъ... Отецъ подходилъ къ ней и крѣпко цѣловалъ у нея руку. Она живо оборачивалась, вздыхала и, въ свою очередь, цѣловала руку у него. Мы шли ужинать... А потомъ сколько дѣтской радости, смѣха и шума, когда раскрывались двери гостиной и во всемъ великолѣпіи представала предъ нами елка, залитая огнями, блистающая золочеными яблоками и орѣхами, вся въ ажурныхъ бумажныхъ лентахъ разныхъ цвѣтовъ! Гости приходили, мальчики, дѣвочки. На одномъ такомъ сочельникѣ я влюбился въ первый разъ въ Фанни Альтманъ, золотушную, молчаливую дѣвочку... Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ... Такъ вотъ, Сережа, передъ праздниками всегда воскресаютъ трогательные образы былого и по-неволѣ... какъ бы тебѣ сказать... задумываешься и раскисаешь.

— Я и не зналъ, Петя, что ты способенъ на такія нѣжности,—сказалъ Стымпалковскій, бросивъ на друга участливый взглядъ.—Мнѣ ты казался, въ этомъ отношеніи, довольно сухимъ человѣкомъ. Представь, мои воспоминанія—тоже семейный жанръ. Но есть маленькая разница. Въ нашемъ домѣ не было согласія. Отецъ и мать, къ величайшому соблазну для дѣтей, съ утра до вечера ссорились. Передъ праздниками ихъ вражда доходила до того, что мать, въ слезахъ, уѣзжала къ своимъ роднымъ, а отецъ, который все-таки жить не могъ безъ нея, съ отчаянія пилъ, и разъ въ нетрезвомъ видѣ застрѣлился... Это было какъ разъ на сочельникъ. Понимаешь ли теперь, какой мрачный колоритъ должны принимать мои мысли въ этотъ день! Нужно имѣть мой темпераментъ, чтобъ разсказывать объ этомъ съ такою безпечностью. Кстати, ты всегда добивался, почему я питаю отвращеніе къ кинжаламъ и ружьямъ. Надѣюсь, тебѣ ясно теперь, что коллекція, состоящая изъ этихъ милыхъ вещей, слишкомъ угнетала бы мое воображеніе.

Зызеринъ хотѣлъ обнять друга, но онъ не любилъ выражать своихъ чувствъ въ слишкомъ живой формѣ. Онъ сказалъ послѣ паузы:

— Знаешь, Сережа, не разсѣяться ли намъ? Окунемся въ толпу: иногда это дѣйствуетъ успокоительно. Кстати мы давно не видали рыночнаго хлама. Авось что-нибудь и выудимъ.

У Стымпалковскаго блеснули глаза.

— Съ удовольствіемъ, — произнесъ онъ. — Я самъ хотѣлъ предложить тебѣ, но боялся, что ты не расположенъ. Знаешь, обойдемъ всѣхъ торговцевъ,—и, чуръ, не жалѣть денегъ, если попадется стоющая вещь.

— Нѣтъ, денегъ жалѣть слѣдуетъ, это ты пустяки говоришь, —возражалъ Зызеринъ съ улыбкой.—Да не бойся, предоставь мнѣ только расплачиваться и держи языкъ за зубами.

Анфиса принесла самоваръ; друзья, глядя на хорошія чашки, блестѣвшія въ солнечномъ лучѣ на горкѣ, напились чаю изъ скверныхъ, одѣлись и отправились за добычей.

Прежде всего они зашли по дорогѣ въ магазинъ рѣдкостей, что на Знаменской улицѣ. Это небольшой магазинъ, который служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и квартирой хозяевамъ. Хозяина, г. Шенталя, не было дома; покупателей встрѣтила полная, красивая хозяйка съ проницательными глазами, которые привыкли сразу узнавать, будетъ ли прокъ или нѣтъ отъ посѣтителей магазина. Она знала Стымпалковскаго и Зызерина и стала рекомендовать имъ вещи, которыя они собираютъ.

— Вотъ старинная саксонская куколка,—говорила она.— Только цвѣтка нѣтъ въ рукѣ, а марка настоящая. Не нравится? Вотъ богатый венеціанскій кубокъ. Право, мы ужасно дешево продаемъ! Не хотите ли японскую картиночку въ оригинальной рамочкѣ? Хорошо, я вамъ заверну. Вы будете очень, очень довольны этой миніатюрой. А фарфоровый медальонъ съ рельефными амурами? Оригинальная работа, Энера, и марка на фарфорѣ!

Друзья никогда не торговались съ Шенталями. Не всегда бывали здѣсь хорошія вещи, но зато рѣдкая добросовѣстность Шенталей трогала любителей, и они не могли относиться къ нимъ какъ къ простымъ торговцамъ. Магазинъ отличался необыкновенною пестротою. По стѣнамъ висѣли картины старинныя и новѣйшія, хорошіе оригиналы и плохія копіи, тарелки въ проволочныхъ приспособленіяхъ, металлическія рыцарскія эмблемы, стѣнники въ стилѣ рококо, люи-сэзъ, ампиръ, романтикъ, вышивки и гравюры въ плоскихъ рамкахъ краснаго дерева. На окнахъ стояли кучей вазы, подсвѣчники, часы, шпатъ, зубы мамонта. А на столахъ сіяла бронза, тяжелые часы, буль и ампиръ, бронзовые купидоны и Венеры, компасы, астролябія, чернильницы, золоченаго стекла кувшины и старинныя шкатулки изъ кости, олонецкой работы. Въ витринахъ блестѣло золото и серебро, и солнечный лучъ, падая на филигранныя вещицы, игралъ радужными искрами въ алмазахъ старой шлифовки.

Друзья заплатили деньги за японскую миньятюру и фарфоровый медальонъ и ушли изъ магазина. Извозчикъ скоро привезъ ихъ въ Апраксинъ рынокъ. Въ то время какъ во всемъ городѣ шла суматоха и всюду кипѣла жизнь, здѣсь царила почти мерт-

вая тишина, въ особенности въ античныхъ магазинахъ. Сонные, мирные торговцы, кутаясь въ теплыя шубы, ждали покупателей, но не вѣрили, что кто-нибудь придетъ покупать. Къ Рождеству всякій старается сдѣлать обновку, и плохая торговля древними вещами наканунѣ великаго праздника. Стымпалковскій и Зызеринъ словно снились торговцамъ: они не производили впечатлѣнія живыхъ людей. Имъ кланялись и нехотя показывали товаръ. Товаръ залежался и застоялся. Онъ цѣлый годъ уже мозолилъ глаза любителямъ. Ни порядочной картинки, ни бронзы, ни мрамора.

— Не подойдетъ ли вамъ, господа, кинжалъ въ серебряной оправѣ рококо? — спросилъ одинъ торговецъ, обыскивая глазами свой магазинъ.

— Не надо!—сердито сказалъ Стымпалковскій.

Зызеринъ нахлобучилъ шапку на глаза и дотронулся до плеча Сергѣя Сергѣевича.

— Помнишь, какого мы чуднаго бронзоваго Виргилія купили въ желѣзной лавкѣ?—Пройдемся теперь разокъ. Авось!..

Они прошлись по желѣзной линіи. Но ничего не увидѣли, кромѣ плитъ, каминныхъ принадлежностей, вьюшекъ и переносныхъ чугунныхъ печей.

— Нѣтъ, пойдемъ въ мебельный рядъ, или какъ онъ называется... Зайдемъ къ Никитину, къ Мухрягину...

Они ходили по рынку, но не встрѣтили ни одной толковой вещи. Не было старины, было только старье. Свѣжій, морозный воздухъ подѣйствовалъ, впрочемъ, на нихъ ободряющимъ образомъ: щеки раскраснѣлись и прогулка пошла въ прокъ. Пока они обошли половину рынка, стало смеркаться. Тамъ и тамъ послышался лязгъ замковъ и запоровъ—торговцы стали запирать магазины.

— Ну, знаешь, теперь и домой пора,—сказалъ Зызеринъ.— Ничего нѣтъ на рынкѣ. Все куплено. Массы художественныхъ произведеній увезены за-границу. Стой! Вонъ Романовъ увидѣлъ насъ и машетъ рукой, чтобъ мы зашли въ его убогую лавочку. Сдѣлаемъ ему послѣдній визитъ.

Они зашли къ Романову. Романовъ, это типъ того мѣщанина, который встрѣчается рѣшительно во всѣхъ городахъ Россіи, и на крайнемъ сѣверѣ, и на югѣ, и на далекомъ востокѣ, и на западѣ. Можно подумать, что этотъ всероссійскій мѣщанинъ—потомокъ какого-то неизвѣстнаго, забытаго русскаго племени, которое отличалось особою любовью къ городу, исключительно въ городѣ селилось и обладало необычайною расовою стойкостью. И въ Нѣжинѣ на Мачеркахъ, и въ Петербургѣ на Петербургской Сто-

ронѣ, и въ Кіевѣ на Пріоркѣ, и въ Москвѣ въ Хамовникахъ, встрѣчается этотъ мѣщанинъ, упрямо держащійся своихъ особенныхъ мѣщанскихъ модъ, мѣщанской изысканности языка; у него однѣ и тѣ же любимыя пѣсни, одна и та же точка зрѣнія на калоши, какъ на предметъ роскоши, которыя поэтому только надѣваются по праздникамъ; одна и та же обстановка въ домѣ, состоящая изъ пузатаго желтаго шкафика, скрипящихъ часовъ, фарфороваго яичка передъ образами и фуксій на окнахъ; одна и та же умственная ограниченность и приверженность къ своимъ исконнымъ мѣщанскимъ улицамъ и—какъ это ни странно—одинъ и тотъ же говоръ, акцентъ, условная картавость. Лобъ у такого всероссійскаго мѣщанина рано покрывается морщинами, которыя придаютъ ему глубоко недоумѣвающій видъ, а сближенные глаза добродушно моргаютъ, между тѣмъ какъ уши оттопыриваются, такъ что въ типѣ есть что-то заячье. Романовъ много разъ могъ разбогатѣть. Онъ шнырялъ по Петербургу, зналъ всѣхъ коллекціонеровъ, былъ плутъ, но не былъ смѣлъ, никогда не могъ рискнуть, и когда ему попадалась драгоцѣнная вещь, онъ не могъ отличить ее отъ хлама. Къ тому же онъ глубоко сомнѣвался въ существованіи картинъ, которыя стоютъ тысячи и десятки тысячъ, а на любителей смотрѣлъ съ юмористическою улыбочкой, какъ на полоумныхъ.

Моргая плутоватыми глазками, онъ подносилъ къ своимъ картинамъ свѣчу и наблюдалъ, какой эффектъ онѣ производятъ на любителей. Стыпалковскій и Зызеринъ терпѣливо осматривали коллекцію Романова. Когда онъ убѣдился, что эффектъ получается слабый, то вдругъ затушилъ свѣчу и таинственнымъ голосомъ сообщилъ:

— Въ кассѣ ссудъ у Покрова заложено восемнадцать картинъ за двадцать рублей, и ихъ можно выкупить, такъ какъ тотъ, кто заложилъ, будетъ радъ за самую малую надбавку уступить ихъ совсѣмъ. Пока не поздно, мой совѣтъ, поѣзжайте сейчасъ и посмотрите, и дайте задатокъ, а то уже... одинъ магазинъ нюхаетъ. Говорятъ, что картины рѣдкостныя, ахъ, какія рѣдкостныя картины! Напримѣръ, на деревѣ и на мѣди... Ну, разумѣется,—заключилъ онъ еще болѣе таинственно:—какъ купите, то мнѣ рубликовъ пять комиссіонерскихъ отдадите.

— Непремѣнно, непремѣнно.

Друзья простились съ Романовымъ. Очутившись на Садовой, они стали спорить, ѣхать или нѣтъ смотрѣть картины. Зызеринъ былъ того мнѣнія, что можно отложить это дѣло, тѣмъ болѣе, что слѣдуетъ покупать картины днемъ, а не вечеромъ. Соперни-

чество того магазина не опасно, потому что въ картинахъ онъ не понимаетъ. Но Стымпалковскій вскричалъ:

— Какъ, да можетъ быть это какіе-нибудь шедёвры! Помилуй, картины на мѣди—едва ли это хламъ! Мы можемъ упустить случай, котораго не скоро дождемся. И чего намъ домой спѣшить? Всего пять часовъ. Прошу тебя, поѣдемъ. Ты не повѣришь, какъ мнѣ хочется посмотрѣть эти картины. Предчувствіе не обманываетъ меня... Поѣдемъ, поѣдемъ!

— Пожалуй, поѣдемъ, — сказалъ Зызеринъ. — Мы сегодня разочаровались столько разъ, что еще одно разочарованіе ничего не составитъ. А времени дѣвать намъ некуда.

Давка на Садовой все увеличивалась; пѣшеходы сбивали съ ногъ другъ друга; въ морѣ мрака, пронизываемаго лучами газовыхъ огней, двигались неопредѣленные силуэты, мелькали фигуры въ шубахъ, полушубкахъ, шинеляхъ, платкахъ. То лошадь вынырнетъ съ напряженно вытянутой мордой, съ намерзлыми рѣсницами, то бородачъ, то молодое женское личико. Шумъ и гамъ несмолкаемый. Извозчики уже сильно вздорожали: праздникъ совсѣмъ близко, —да ихъ и мало. Стымпалковскій и Зызеринъ сѣли въ санки и помчались къ Покрову. По мѣрѣ того какъ они удалялись отъ Сѣнной, толпа все рѣдѣла, и, наконецъ, на площадкѣ, что̀ за церковью, было совершенно пустынно. Провинціальнымъ миромъ и покоемъ вѣяло отъ высокихъ домовъ, которые словно дремали кругомъ. Только у самыхъ стѣнъ сновали фигуры людей, и свѣтъ широкими лучами падалъ на снѣгъ изъ раскрытыхъ настежъ мясныхъ и мелочныхъ лавокъ. Спросивъ городового, любители узнали, гдѣ касса, и черезъ нѣсколько минутъ они взбирались по скользкимъ ступенькамъ узкой, смрадной лѣстницы. На-встрѣчу имъ, то-и-дѣло, попадались люди съ узлами, и люди съ узлами шли впередъ ихъ. По случаю праздника, очевидно, было большое оживленіе и въ кассѣ ссудъ.

Касса ссудъ расположена въ третьемъ этажѣ. Блѣдная дѣвочка въ гимназическомъ люстриновомъ платьицѣ—должно быть, дочь содержателя кассы или управляющаго—сидитъ съ перомъ въ рукѣ за конторкой, на высокомъ табуретѣ, и все пишетъ, пишетъ. Изъ-подъ абажура яркій свѣтъ падаетъ на бумагу и освѣщаетъ нижнюю часть лица дѣвочки. Сегодня много работы, ужасно много: публики набилось—не протолпиться, все закладываютъ да закладываютъ; дѣвочка изготовляетъ квитанціи такъ скоро, какъ только можетъ, а на нее, знай, покрикиваетъ сухой съ злымъ безцвѣтнымъ лицомъ господинъ въ заношенномъ сюртукѣ. Публика еще нетерпѣливѣе. Ей кажется, этой бѣдной, несчастной

публикѣ, состоящей изъ разнаго сброда и проживающей въ подвалахъ да углахъ, что закладчикъ черезъ-чуръ возится, нарочно медлитъ и что ему незачѣмъ такъ долго и обстоятельно разсматривать на свѣтъ этотъ пиджакъ или тотъ платокъ, потому что вещь сразу видно и потому что, все равно, онъ дорого подъ нее не дастъ.

Рѣшетка отдѣляла публику отъ того пространства, гдѣ, среди груды нездороваго тряпья, двигался сухой господинъ съ злымъ лицомъ и безъ устали писала блѣдная дѣвочка. Надъ неопрятными шкафами висѣли допотопные, безобразные пейзажи въ облупившихся рамахъ, портретъ Александра Благословеннаго; на окнахъ стояло нѣсколько самоваровъ. Затхлый воздухъ, свойственный нищенскимъ трущобамъ, билъ въ носъ, и пріятелямъ казалось, что въ мрачныхъ комнатахъ, изъ которыхъ двери выходятъ въ кассу ссудъ, совершилось и совершается что-то преступное, не преслѣдуемое, однако, закономъ.

— Въ недурное мѣсто мы съ тобой попали,—сказалъ Зызеринъ по-французски Стымпалковскому.

— Да... у меня ужъ голова кружится. Посмотри на эти пейзажи—кажется, они хороши.

— Какъ тебѣ сказать, мой другъ? Мнѣ, наоборотъ, кажется, что они очень плохи.

— Оставь. Прелестные пейзажи. Можетъ быть, они плохо реставрированы, это другое дѣло.

— Можетъ быть.

Стымпалковскій перестаалъ смотрѣть на пейзажи.

— Какъ бы спросить о картинахъ, которыя на мѣди?—съ тревогой началъ онъ, и быстрымъ взглядомъ еще разъ окинулъ комнату и присутствующихъ въ ней.

Двѣ старушки ждали очереди заложить что-то, завернутое въ платокъ. Когда очередь дошла до нихъ, то въ платкѣ оказалась пара чашекъ.

— Не принимаю!—сказалъ закладчикъ и оттолкнулъ чашки.

Старушки снова завернули чашки въ платокъ и покорно удалились. Молодой парень съ серьгой въ ухѣ, державшій въ рукахъ серебряные часы, оскалилъ зубы въ сторону уходившихъ старухъ. Но остальная публика хранила суровое молчаніе. Глаза были жадно устремлены на сухого господина съ злымъ лицомъ. У многихъ могли оказаться вещи столь же малоцѣнныя, какъ эти жалкія чашки старушекъ.

— Что вамъ угодно, господа?—обратился закладчикъ къ Стымпалковскому и Зызерину, и такъ какъ на нихъ были доро-

гія шубы, то постарался придать своему лицу и голосу вѣжливое выраженіе.

Публика въ первый разъ обратила вниманіе на любителей. Впрочемъ въ этомъ вниманіи не было ничего похожаго на досаду и зависть. Обладатели угловъ хорошо знають, что нѣтъ очереди для господъ, у которыхъ бобровые воротники и шапки. Просто любопытно было, съ чѣмъ пришли въ эту грязную, нищенскую кассу чисто одѣтые господа.

— Намъ сказали, — началъ Стымпалковскій,—что у васъ имѣется для продажи восемнадцать картинъ. Нельзя ли показать ихъ?

На лицахъ выразилось нѣкоторое недоразумѣніе. Но такъ какъ не время было разрѣшать это недоумѣніе, то каждый опять сосредоточился, погрузившись въ свой закладъ, и съ жаднымъ нетерпѣніемъ сталъ смотрѣть на конторку, въ которой хранились деньги, и на дѣвочку, изготовляющую квитанціи. Сухой господинъ съ злымъ лицомъ развелъ руками и сказалъ:

— Такая пора, господа, что, согласитесь сами, не до картинъ. Плохія картины, скверныя картины, негодныя картины. Онѣ въ кладовой. Сюжеты все старинные—вамъ не подойдутъ. Пожалуйте въ другой разъ... Маня, пиши: „пальто драповое, ношенное, тронуто молью"... Въ другой разъ, говорю, пожалуйте, этакъ на второй день праздниковъ!

— А картины на мѣди?—спросилъ Стымпалковскій.

— Всякія — на мѣди, на деревѣ, есть одна на черномъ камнѣ. Умеръ на-дняхъ старичокъ одинъ, любитель былъ хлама; братъ у него остался и, разумѣется, заложилъ и велѣлъ продать... Пиши: „часы серебряные, потертые"... скорѣй!

— Уйдемъ,—сказалъ Зызеринъ.

— Нѣтъ, подожди, надо добиться своего. Клянусь тебѣ, что въ этомъ вертепѣ могутъ оказаться шедёвры... А позвольте спросить у васъ: нельзя ли намъ самимъ пойти въ кладовую, сейчасъ, и хоть мелькомъ взглянуть на картины?

— Чтó вы, господа! въ кладовой хранятся разныя цѣнныя вещи... Я, конечно, не смѣю, но согласитесь сами... я имѣю честь въ первый разъ васъ видѣть... Бросить же дѣло—кто меня замѣнитъ?

— Пошлите кого-нибудь съ нами.

Сухой человѣкъ съ злымъ лицомъ улыбнулся и, опустивъ глаза, произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Этого не можетъ случиться. Въ кладовую никто не ходитъ, кромѣ меня.

Стымпалковскій и Зызеринъ повернулись, чтобъ уходить. Но закладчикъ окликнулъ ихъ:

— Не угодно ли вамъ, впрочемъ, взглянуть вотъ на эту картину, которая на мѣди и изъ той же самой коллекціи. Вотъ виситъ надъ конторкой. Морской видъ. Маня, сними картинку и покажи господамъ.

Друзья подошли къ рѣшетчатой перегородкѣ. Дѣвочка подала имъ маленькую картинку въ глубокой старинной рамѣ, и у Зызерина загорѣлся взглядъ при видѣ превосходно сохранившейся миніатюрной живописи, можетъ быть, кисти Вильгельма ванъ-деръ-Вельде.

— Сколько вы хотите?—спросилъ онъ.

— Пять рублей,—произнесъ закладчикъ, не глядя на покупателей.

Онъ ждалъ, что они забракуютъ картинку или же станутъ торговаться. Стымпалковскій торопливо вынулъ изъ жилета пять рублей и торопливо положилъ дѣвочкѣ на конторку.

— Позвольте, я вамъ заверну...

— Нѣтъ, я самъ заверну,—живо отвѣчалъ Стымпалковскій, у котораго явилось опасеніе, что закладчикъ можетъ передумать и взять картинку назадъ.

— Къ вамъ, значитъ, можно зайти на второй день, а теперь вы совсѣмъ отказываетесь?..—спросилъ Зызеринъ.

— Вижу, что имѣю дѣло съ любителями, господа, и радъ былъ бы угодить вамъ,—отвѣчалъ закладчикъ.—Но посмотрите, сколько народу...

Онъ указалъ рукой на публику и сталъ опять разсматривать на свѣтъ часть костюма, которая, въ данный моментъ, представляла для него, очевидно, большой интересъ, но которая съ искусствомъ не имѣла ничего общаго.

— Рубль!—возгласилъ онъ.

Въ то время какъ Стымпалковскій завертывалъ покупку, вошла молодая дѣвушка въ старенькомъ пальто и бѣломъ вязаномъ платкѣ на головѣ, съ маленькимъ сверткомъ въ рукахъ. Друзей поразила—не красота дѣвушки, а грусть, разлитая на блѣдномъ правильномъ лицѣ съ большими, чистыми глазами, которые съ тревогой и испугомъ смотрѣли по сторонамъ. Друзья переглянулись, и ихъ что-то приковало къ мѣсту.

III.

Эта дѣвушка была пропорціональнаго роста и, несмотря на то, что платокъ на ея головѣ былъ повязанъ, очевидно, небрежно и также на скорую руку было надѣто старенькое пальто, въ каждой складкѣ этого небрежно повязаннаго платка чувствовалось присутствіе врожденнаго вкуса, инстинктивной потребности дѣлать все красиво; а подъ пальто глазъ людей, которые всю жизнь изучали форму и поклонялись ей, угадывалъ чудесный, стройный станъ. Дѣвушка сразу выдѣлялась въ окружающей ее толпѣ. Она могла быть дочерью этой толпы, могла ужасно низко стоять на общественной лѣстницѣ, но судьба, неизвѣстно для какихъ цѣлей, отмѣтила ее печатью особаго благородства. По временамъ, Богъ знаетъ въ какой средѣ вдругъ рождается царственная натура, и этимъ превосходствомъ своимъ обрекается почти всегда на глубокія страданія, такъ какъ среда не прощаетъ превосходства. Каждый жестъ дѣвушки, малѣйшее движеніе, поворотъ головы, ясный взглядъ большихъ очей говорила, что это бѣлая голубка въ стаѣ черныхъ вороновъ. Она влекла къ себѣ съ странной силой, но не потому, что возбуждала собою пошлое любопытство. Пикантнаго въ ней не было ничего. Грусть ея лица заставляла относиться къ ней съ уваженіемъ, и, вѣроятно, даже уличный ловеласъ не посмѣлъ бы слишкомъ развязно заговорить съ этой дѣвушкой. Замѣтивъ, что на нее смотрятъ, она слегка покраснѣла. Стымпалковскій и Зызеринъ посторонились, чтобъ не смущать ея. Можетъ быть, ей было только неловко развернуть при нихъ свой маленькій свертокъ и показать, что̀ принесла она закладывать въ эту грязную кассу ссудъ. Дѣйствительно, она обернулась, нахмуривъ брови, и затѣмъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ надъ собою, торопливо вынула изъ свертка какую-то вещь. Сухой господинъ съ злымъ лицомъ несомнѣнно не былъ сухъ окончательно, потому что обратилъ вниманіе на красивую дѣвушку и не въ очередь взялъ у нея закладъ. Впрочемъ онъ сейчасъ же опять высохъ и весь погрузился въ глубокое созерцаніе заклада, между тѣмъ какъ дѣвушка отвернулась и глядѣла на портретъ Александра Благословеннаго, хотя едва ли она его видѣла. Закладъ ея состоялъ изъ шелковой джерси, обшитой черными кружевами и такими же лентами. Судя по старенькому пальто и далеко не новому платку на головѣ, эта джерси была, вѣроятно, единственнымъ предметомъ роскоши у бѣдной дѣвушки.

— Вотъ здѣсь прорвано,—сказалъ закладчикъ, указывая на дыру.

Дѣвушка вмѣсто отвѣта искоса посмотрѣла на Стымпалковскаго и Зызерина. Имъ показалось, что она стѣсняется ихъ, и имъ стало стыдно: пожалуй, она думаетъ, что они собираются преслѣдовать ее. Они ушли.

По лѣстницѣ они опять встрѣчали бѣдныхъ людей, которые несли въ кассу ссудъ узлы съ разными лохмотьями. Чтобы провести праздникъ сколько-нибудь по человѣчески, они лишали себя необходимаго. И на лицахъ ихъ была написана тревога, успѣютъ ли они достать денегъ, и вмѣстѣ радость, которую внушаетъ людямъ ожиданіе какой-нибудь перемѣны въ ихъ судьбѣ. Праздники нарушаютъ однообразіе нищенской жизни, и предстоящій обязательный отдыхъ рисуется воображенію труженика, забитаго нуждой, какимъ-то блаженствомъ. Стымпалковскій и Зызеринъ вздохнули во всю грудь, очутившись на свѣжемъ воздухѣ.

— Послушай, Сережа, — сказалъ Зызеринъ.—Помнишь мадонну? Конечно, мы были тогда еще неопытными любителями, но ошибки, иногда просто непостижимыя, возможны и въ то время, когда глазъ и вкусъ, повидимому, развиты въ высшей степени. Знаешь что́: морской видъ никуда не годится. Мы дешево за него дали, но дѣло не въ деньгахъ. Промахъ я считаю личнымъ оскорбленіемъ, и вотъ почему на душѣ у меня такъ скверно...

— У меня на душѣ тоже очень скверно,—отвѣчалъ Стымпалковскій.—Въ самомъ дѣлѣ, что́ это значитъ? Завертывая пейзажъ, я вдругъ сталъ сомнѣваться въ его достоинствахъ. А когда вошла...

— Вотъ, вотъ, когда вошла...

— Когда вошла эта дѣвушка, я почувствовалъ, что морской видъ—дрянь. Я его не видѣлъ послѣ того, какъ я имъ восторгался, онъ уже былъ въ бумагѣ, а между тѣмъ, вотъ пойди-жъ ты! Мистика какая-то!

— Странное совпаденіе! Теперь мнѣ начинаетъ казаться, что дѣло не въ томъ, хорошъ или плохъ пейзажъ, а... въ чемъ-то другомъ.

— Мой другъ, покупка—хуже не можетъ быть!—вскричалъ Стымпалковскій.—Вспомни, какое плоское небо! Однотонное!

— Нѣтъ, подожди,—сказалъ Зызеринъ въ раздумьѣ:—тутъ психологія особаго сорта. Т.-е., я не утвердительно говорю, а только предполагаю. Не правда ли, дѣвушка удивительная?

— Удивительная и, должно быть, глубоко несчастная! — съ чувствомъ отвѣчалъ Стымпалковскій.—Ты замѣтилъ, какія у ней

длинныя рѣсницы и какая она гордая? Ей стало стыдно, что мы видимъ ея кофточку... Сколько дастъ ей закладчикъ?

— Я думаю, рубля полтора.

— Еслибы онъ больше далъ ей! Вѣдь кофточка стоитъ, вѣроятно, рублей пятнадцать. Какъ тебѣ кажется, кто эта дѣвушка?

— Идеальная какая-то, а профессія у нея можетъ быть всякая... даже...

— Не договаривай! Можетъ ли это быть?! Это просто честная барышня изъ бѣдной семьи. Бѣдность ее замучила, и вотъ она прибѣжала въ кассу ссудъ заложить послѣдній свой нарядъ. Она такъ прекрасна, что порокъ не посмѣетъ осквернить ее.

— Возможно и это. Хотѣлось бы, чтобъ было такъ.

Они шли по улицѣ, и во всѣхъ окнахъ домовъ горѣли веселые огни. Сочельникъ начался. Нѣсколько разъ обернулись они и вглядывались въ темноту. У каждаго изъ нихъ было тайное желаніе вернуться и, дождавшись выхода дѣвушки изъ кассы, еще разъ посмотрѣть на нее. Но уваженіе, которое они чувствовали къ ней, и стыдъ другъ передъ другомъ мѣшали имъ исполнить это намѣреніе. Скоро они такъ далеко отошли, что ужъ потеряли надежду увидѣть незнакомку.

— Эхъ, Петя, какая у насъ скучная жизнь!—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Стымпалковскій.—Что̀ я говорю: жизнь! У насъ совсѣмъ нѣтъ жизни!

— Пожалуй, жизни нѣтъ. Мы, Сережа, гробокопатели. Вся жизнь назади. Можетъ быть, впереди и будетъ что-нибудь, но мы съ тобой на кладбищѣ. Все замерло, и—кто знаетъ—не мы ли сами надѣлили и эту дѣвушку разными высокими качествами? Не мечта ли и она?

— Оставь! Она не мечта! Вотъ она—жизнь! Она страдаетъ, а мы этимъ страданіемъ только наслаждаемся. Согласись, что намъ понравилась ея грусть и ея блѣдность. Если бы мы встрѣтили ее въ соболяхъ и съ улыбкой на лицѣ, то она вызвала бы въ насъ совсѣмъ другія мысли. Въ то время какъ она закладываетъ свою послѣднюю кофточку за полтора рубля, мы вотъ бросаемъ пять рублей на дрянь...

Стымпалковскій швырнулъ въ снѣгъ картинку.

— Что̀ ты дѣлаешь, сумасшедшій! — вскричалъ Зызеринъ, пошелъ и поднялъ картинку.—Не слѣдуетъ горячиться, мой другъ. Картинка, можетъ быть, и не такая дрянь, какъ намъ показалось. Говорю тебѣ: тутъ психологія особаго сорта. Мы съ утра сегодня киснемъ, и меланхолія гонитъ насъ изъ дома. Мы бродимъ по рынку, какъ отрѣзанные ломти, и еще болѣе отрѣзанными лом-

тями чувствуемъ себя въ берлогѣ грошеваго ростовщика. Незнакомка своей прекрасной грустью окончательно побиваетъ насъ. Нищіе закладываютъ лохмотья, а мы роемся въ этихъ лохмотьяхъ съ сытыми желудками и съ тугими бумажниками. Понимаешь ли ты теперь, милый Сережа, что найди мы самого Теньера, и онъ показался бы намъ никуда негодной коркой!

Стымпалковскій молчалъ. Онъ шелъ немного позади, распахнувъ шубу. Онъ все волновался. На углу дома стояли двѣ старушки — тѣ самыя, что сейчасъ приносили въ кассу ссудъ пару чашекъ. Зызеринъ вынулъ изъ кармана бумажку и торопливо подалъ старушкамъ. Стымпалковскій еще съ большею торопливостью послѣдовалъ примѣру пріятеля. Черезъ нѣкоторое время онъ повеселѣвшимъ голосомъ началъ:

— Какъ ты думаешь: закладчикъ скажетъ намъ адресъ этой дѣвушки?

— Да, черезъ закладчика можно узнать ея адресъ, — сухо отвѣчалъ Зызеринъ.—Но зачѣмъ? Теперь у тебя въ сердцѣ чистый образъ чистой дѣвушки. А подойдешь ближе, узнаешь всю подноготную, и какъ будетъ жаль, когда вдругъ потускнѣетъ этотъ образъ!

— Ты противъ себя говоришь!—горячо замѣтилъ Стымпалковскій.—Я увѣренъ, что ты самъ не прочь узнать о ней что-нибудь!

— Мнѣ хочется узнать, это вѣрно, но я нарочно не буду узнавать. Чтó пользы, еще разъ спрашиваю? Если она такъ воистину прекрасна, какъ кажется, то легко влюбиться. А влюбившись, человѣкъ, которому тридцать-пять лѣтъ, рискуетъ не встрѣтить взаимности. Куда ужъ мнѣ жениться! Если же не жениться, а предположимъ, что я способенъ на низость, то какая пустота, мой другъ, сдѣлается въ груди въ тотъ моментъ, когда собственными руками принесешь грязи въ храмъ! Знаю, что любить издали гораздо лучше. Понемножку накопляются въ сердцѣ избраннѣйшія черты женскаго типа, и этакъ... ты останешься на всю жизнь гробокопателемъ съ нѣжной душой.

— Оставь! — сказалъ Стымпалковскій. — Это черезъ-чуръ отвлеченно!

— Таковъ нашъ удѣлъ!

Они прошли еще нѣсколько шаговъ. Въ морозномъ воздухѣ жалобнымъ шепотомъ раздавались голоса нищихъ, которые, опасаясь городового, по секрету просили милостыни у прохожихъ. Стымпалковскій и Зызеринъ продолжали одѣлять ихъ съ щедростью, которая ихъ самихъ потомъ удивляла. Когда у нихъ ничего не

осталось, кромѣ нѣсколькихъ копѣекъ, они взяли извозчика и поѣхали домой. Въ столовой ждалъ ихъ ужинъ. Анфиса обрадовалась имъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, что̀ это за пейзажъ, который вызываетъ такія разнородныя чувства!

Съ этими словами Зызеринъ освободилъ отъ бумаги картинку и поднесъ къ свѣту. Она ужаснула его своею банальностью, хотя ни къ одной частности онъ не могъ придраться и все было въ ней на мѣстѣ.

— Ужасъ! Невѣроятная гадость! Позоръ, какая картинка! —сталъ кричать Стымпалковскій.—Зачѣмъ ты ее поднялъ?

Зызеринъ пожалъ плечами. Онъ прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Знаешь что̀, Сережа: психологія—психологіей, а картинка насъ надула, дѣйствительно. Повторилась та же исторія, что съ мадонной. Однако, въ наказаніе себѣ, повѣсимъ ее въ залѣ, чтобъ она постоянно напоминала намъ, какіе мы неопытные еще любители, несмотря на всю нашу славу.

— Не сто̀итъ вѣшать. Мы и такъ не забудемъ! Вотъ чудакъ, что̀ выдумалъ! А впрочемъ, какъ знаешь. Только, пожалуйста, объ одномъ прошу, не вѣшай ея на виду.

— Нѣтъ, именно на виду.

Зызеринъ взялъ свѣчу и отправился въ залу вѣшать картинку. Стымпалковскій подалъ ему гвоздь и молотокъ. Когда картинка была повѣшена, Стымпалковскій разразился смѣхомъ и не находилъ словъ для ея порицанія:

— Боже, это не небо, а простыня! Корабль похожъ на кита! Какъ зализано и вмѣстѣ небрежно! Фи! Сними, Петя! она портитъ все собраніе!

Зызеринъ хотѣлъ улыбнуться, но вдругъ бросилъ взглядъ на остальныя картины и поблѣднѣлъ. Онѣ тоже показались ему банальными, плоскими, плохими вещами, безцѣльной мазней, отслужившей въ свое время службу и не вызывающей въ зрителѣ ничего, кромѣ тупого равнодушія. Жизнь отлетѣла отъ нихъ, и сердце его сжалось отъ сожалѣнія, зачѣмъ онъ накупилъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, столько дорогихъ, но, въ сущности, не имѣющихъ никакой цѣны полотенъ. Онъ только хотѣлъ подѣлиться этой мыслью съ Стымпалковскимъ, какъ тотъ уже воскликнулъ:

— Петя, послушай, а вѣдь у насъ картины, правду сказать, неважныя! Видишь?

Друзья недовѣрчиво посмотрѣли одинъ на другого. Зызеринъ сказалъ съ грустью:

— Картины наши, дѣйствительно, не могутъ назваться первымъ сортомъ. Но зато у насъ остальныя вещи всѣ на подборъ.

Онъ указалъ на мраморы и освѣтилъ статую молящейся дѣвочки.

— Дикая вещь!—вскричалъ Стымпалковскій.—Нѣтъ, у насъ нѣтъ ни одного тонкаго мрамора!

Зызеринъ внутренно согласился съ нимъ.

Дрожащимъ голосомъ онъ сердито произнесъ:

— А наши миньятюры? А саксы? А бронзы? Пойдемъ скорѣе, посмотримъ!

— Господа, кушать пожалуйте!

Но напрасно звала ихъ Анфиса. Они махнули рукой и отправились осматривать свои коллекціи, чтобъ убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ онѣ такъ хороши, какъ кажутся, или какъ казались и имъ, и всѣмъ, цѣлыхъ десять лѣтъ. Страшное разочарованіе встрѣчало ихъ на каждомъ шагу. Миньятюры были ничтожны. Акварели водянисты и черезъ-чуръ дороги — за иную акварель они платили по тысячѣ рублей, — бронзы слишкомъ безжизненны, а пресловутая нимфа—безстыдна въ своей наивной позѣ. На фарфоръ и горку серебра они не имѣли даже мужества взглянуть. Храня суровое молчаніе, отъужинали они и сейчасъ же забрались каждый въ свою спальню.

Да, странно, но чудная поэтическая жизнь, которою жили всѣ ихъ тонкія, художественныя вещи и которая придавала глубокій смыслъ ихъ любви къ старинѣ, вдругъ покинула музей, точно ее оскорбило соприкосновеніе съ другой—грубой, прозаической жизнью, которою живутъ безчисленные страдальцы міра, называемые людьми!

На другой день Стымпалковскій и Зызеринъ проснулись довольно рано, но долго не рѣшались выйти изъ своихъ келій. Наконецъ, имъ послышался голосъ Лебедева—художника, который пользовался большою извѣстностью и питалъ къ пріятелямъ искреннее чувство за ихъ любовь къ прекрасному. Онъ пріѣхалъ къ нимъ не съ праздничнымъ визитомъ, а просто потому, что выпало свободное время и день былъ туманный, такъ что въ мастерской нельзя было работать. Онъ ходилъ по залѣ и что-то ворчалъ, по временамъ разговаривая съ Анфисой. Стымпалковскій и Зызеринъ одновременно, въ халатахъ, выскочили къ нему. Онъ, не поздоровавшись съ ними, началъ:

— Я вотъ говорю: гдѣ вы, господа, выкапываете эдакія сокровища? Право, на ловца и звѣрь бѣжитъ.

— О чемъ вы это?.. — спросили его Стымпалковскій и Зызеринъ.

— А вотъ объ этомъ морскомъ видикѣ,— отвѣчалъ Лебедевъ.

Онъ подошелъ къ вчерашней картинкѣ, прицѣлился въ нее указательнымъ пальцемъ и, прищуривъ свои маленькіе веселенькіе глазки, сказалъ:

— Эрмитажная вещь! Живье! Небо—шатеръ! И какая грусть! Ахъ, знаете, это лучшая вещь ваша!

— Ну, ужъ и лучшая!

— Одна изъ лучшихъ! Поздравляю! Душевно!

Стымпалковскій и Зызеринъ съ радостнымъ изумленіемъ смотрѣли на картинку. Въ самомъ дѣлѣ, она была прекрасна. И всѣ ихъ остальныя картины были хороши. Они глазамъ своимъ не вѣрили. Они увели художника въ гостиную подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ удобнѣе, а на самомъ дѣлѣ съ другою цѣлью. Конечно, конечно! Акварели ихъ—первыя въ Петербургѣ и миньятюры необыкновенной силы. Бронзы—шедёвры! Въ спящей нимфѣ ни одинъ моралистъ не усмотритъ ничего неприличнаго, потому что нѣтъ безстыдной красоты. Гдѣ красота, тамъ и поэзія. А что касается серебра, то вѣдь это коллекція, а не груда дорогого, безплодно лежащаго товара. Матеріалъ тутъ ничего не значитъ, и маленькая глиняная чашка можетъ стоить дороже золотого кубка. Они радостно переглядывались. Ихъ вещи воскресли! Они усердно угостили художника, и съ этого дня жизнь ихъ потекла по прежнему, скромная, артистическая,—жизнь гробокопателей съ нѣжной душой, какъ выразился тогда Зызеринъ. Никогда не вспоминали они вслухъ о дѣвушкѣ, мгновеннымъ силуэтомъ мелькнувшей передъ ними въ тотъ вечеръ и чуть было не оставившей въ ихъ душѣ глубокаго слѣда. Точно также ни разу не потянуло ихъ къ Покрову, несмотря на соблазнительную приманку, которую представляла для нихъ коллекція картинокъ старенькаго любителя-покойника. Казалось, тамъ, въ грязной кассѣ ссудъ, притаился призракъ бѣдности и подстерегаетъ счастливыхъ людей, живущихъ утонченными радостями, чтобы съ нѣмымъ упрекомъ посмотрѣть имъ въ глаза.

Максимъ Бѣлинскій.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ

Матеріалы для біографіи, изъ семейной переписки и воспоминаній.

V *).

Наканунѣ освобожденія крестьянъ.

(1857—1861.)

Пять лѣтъ, съ 1857 по 1861 годъ, принадлежатъ къ знаменательнымъ годамъ въ жизни Кавелина. Въ эти годы, какъ извѣстно, была выработана и осуществлена важнѣйшая изъ реформъ прошлаго царствованія—освобожденіе крестьянъ. Кавелинъ, какъ извѣстно, былъ всею душою преданъ идеѣ освобожденія крестьянъ и улучшенія ихъ быта. Участіе его въ крестьянской реформѣ при императорѣ Александрѣ II было очень дѣятельно и вліятельно, хотя и не выражалось оффиціально.

Съ самаго воцаренія императора Александра II всѣ ожидали этой реформы. Среди сторонниковъ освобожденія образовались тогда два направленія: за освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ извѣстнаго количества земли и—за освобожденіе безъ земли. Вопросъ объ эмансипаціи (такъ называли въ то время, и въ разговорѣ, и въ печати, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ) сталъ

*) См. выше: іюль, 21 стр.

преобладающимъ внутреннимъ вопросомъ. Разные рукописные проекты, записки, мнѣнія по этому предмету циркулировали въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ, и „Записка" Кавелина (написанная въ 1855 году) въ ряду такихъ рукописныхъ трактатовъ занимала одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ по высказаннымъ въ ней воззрѣніямъ, такъ и по степени вліянія на умы. Кавелинъ проводилъ въ ней мысль объ освобожденіи крестьянъ съ землею и высказался за выкупъ крестьянами въ собственность ихъ надѣла [1]). Такая постановка вопроса сразу создала ему массу враговъ. Но эта же самая „Записка" сблизила его съ главными сторонниками освобожденія крестьянъ, которые при разработкѣ реформы стали ея дѣятельнѣйшими проводниками въ жизнь. Въ числѣ ихъ было немало такъ-называемыхъ славянофиловъ (А. И. Кошелевъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій). „Я сошелся съ славянофилами на крестьянскомъ вопросѣ",—не разъ говорилъ Кавелинъ. „Записка" впервые выдвинула его изъ области научной и литературной на поприще общественной и публицистической дѣятельности. Благодаря этой же „Запискѣ" онъ сдѣлался извѣстенъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и вслѣдъ затѣмъ былъ призванъ къ преподаванію правовѣденія покойному цесаревичу Николаю Александровичу. Воззрѣнія Кавелина пріобрѣтали значеніе уже не среди спеціалистовъ по русской исторіи и исторіи русскаго права, не среди учащейся молодежи, а въ правительственныхъ сферахъ и при Дворѣ, и въ то время какъ одна часть общества подвергала его осужденію — другая ему сочувствовала, находя въ его воззрѣніяхъ талантливое выраженіе своихъ собственныхъ надеждъ и чаяній. Имя Кавелина сдѣлалось скоро однимъ изъ извѣстнѣйшихъ и популярнѣйшихъ именъ въ Россіи.

Но вскорѣ все перемѣнилось. Въ преподаватели къ наслѣднику Кавелинъ былъ призванъ лѣтомъ 1857 г. и менѣе чѣмъ черезъ годъ уже покинулъ этотъ постъ. Поводомъ къ тому послужили обстоятельства, связанныя съ той же „Запиской", и вся послѣдующая общественная его дѣятельность опредѣлилась этимъ же самымъ увольненіемъ. Онъ часто говорилъ, что крестьянскій вопросъ игралъ рѣшающую роль въ его жизни.

Въ томъ же 1857 году онъ снова занялъ профессорскую каѳедру; его пригласили въ петербургскій университетъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ граж-

---

[1]) „Записка" эта напечатана впервые въ томъ самомъ видѣ, какъ была написана, въ „Русской Старинѣ", 1886, январь, февраль и май.

данскаго права, оставшейся вакантною послѣ профессора Жиряева († въ декабрѣ 1856 г.).

Весьма естественно, что въ 1857 году Кавелинъ могъ жить полною духовною жизнію и испытывалъ то высокое нравственное наслажденіе, какое способенъ испытывать каждый мыслящій человѣкъ, видя осуществленіе лучшихъ своихъ жизненныхъ идеаловъ. Свое душевное настроеніе за то время выразилъ онъ въ дневникѣ, обнимающемъ собою, къ сожалѣнію, всего лишь пять дней, съ 13-го по 17-е августа 1857 года.

Для уясненія содержанія этого дневника, необходимо припомнить нѣкоторыя подробности, какъ изъ тогдашнихъ событій, касающихся дѣла освобожденія крестьянъ, такъ и фактовъ изъ жизни самого Кавелина.

1857-й годъ ознаменованъ двумя важнѣйшими правительственными мѣропріятіями по крестьянскому дѣлу. Въ январѣ этого года былъ образованъ въ Петербургѣ такъ-называемый секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя; а въ концѣ года послѣдовали два извѣстные рескрипта, поставившіе вопросъ объ „эмансипаціи“ на реальную почву. 20-го ноября подписанъ императоромъ Александромъ II рескриптъ виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову объ образованіи въ Вильнѣ и другихъ городахъ его генералъ-губернаторства мѣстныхъ дворянскихъ комитетовъ „объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“; 5-го ноября явился рескриптъ о томъ же на имя петербургскаго генералъ-губернатора П. Н. Игнатьева [1]).

Какъ извѣстно, салоны Михайловскаго дворца въ ту эпоху служили центромъ, въ которомъ много занимались вопросами о предстоявшей реформѣ. Великая княгиня Елена Павловна радушно принимала у себя Кавелина, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкасскаго, А. И. Кошелева, братьевъ Милютиныхъ и др. Она сама лично подала примѣръ „улучшенія быта крестьянъ“. Еще въ 1856 году великая княгиня рѣшилась примѣнить къ своему большому полтавскому имѣнію Карлово (7 тысячъ ревизскихъ душъ) правила для такъ-называемыхъ вольныхъ хлѣбопашцевъ 1803 года и законъ объ обязанныхъ поселянахъ 2 апр. 1842 г. Въ этомъ примѣненіи Елена Павловна признала необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, вызываемыя новыми требованіями

---

[1]) Подробности см. въ интересной книгѣ: „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II“, изд. въ 1860—1862 г. на русскомъ языкѣ въ Берлинѣ; 3 кн. 12°.

времени. Составленіе „Положенія" для карловскихъ крестьянъ съ подробнымъ исчисленіемъ выкупного платежа за ихъ земельный надѣлъ и выработкой способа его уплаты было возложено именно на Кавелина. И друзья освобожденія, и его противники съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этой работой Кавелина и нетерпѣливо ждали ея окончанія: карловское „положеніе" должно было служить какъ бы моделью для послѣдующихъ соглашеній подобнаго рода.

Личность вел. кн. Елены Павловны оставила въ Кавелинѣ самое теплое и отрадное воспоминаніе, какъ о томъ можно судить изъ ея некролога, написаннаго Кавелинымъ въ январѣ 1873 г., если не ошибаемся, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", выходившихъ тогда подъ редакціей В. Ѳ. Корша [1]); вотъ извлеченія изъ него.

„Покойная великая княгиня пользовалась всюду громкою извѣстностью и глубокимъ уваженіемъ не только по своему высокому положенію, но вслѣдствіе несравненныхъ личныхъ качествъ, которыхъ не могъ не оцѣнить всякій, кого она удостоила хотя однажды нѣсколькихъ словъ, а такихъ было несмѣтное множество. Одаренная живымъ, многостороннимъ умомъ, глубоко-просвѣщенная въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, великая княгиня всѣмъ интересовалась, во всемъ принимала по возможности дѣятельное участіе, начиная отъ сложныхъ вопросовъ научнаго знанія и искусства до обиходныхъ скромныхъ задачъ нашей ежедневной общественной жизни. Лица самыхъ разнообразныхъ профессій, самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, обращали на себя благосклонное ея участіе, удостоивались ея поощренія и поддержки. Покойная великая княгиня очаровывала всѣхъ; она въ совершенствѣ умѣла обращаться къ каждому съ тѣмъ, что̀ его наиболѣе интересовало, что̀ онъ всего лучше зналъ. Обширность ея свѣденій по тѣмъ разнообразнѣйшимъ предметамъ, которымъ она дарила свое вниманіе, была по истинѣ изумительна.

„Однѣ описанныя черты дѣлали покойную великую княгиню женщиной необыкновенной. Но и немногія наши слова, посвященныя ея памяти, были бы слишкомъ неполны, еслибъ мы не коснулись другой ея знаменательной черты, особенно для насъ дорогой и сочувственной. Весь свой удивительный и просвѣщенный умъ, всѣ свои блестящіе, несравненные таланты великая

---

[1]) На сохранившемся въ бумагахъ Кавелина корректурномъ листкѣ некролога не означено, въ какой именно газетѣ онъ былъ помѣщенъ. Напечатанъ онъ безъ имени автора.

княгиня съ любовью, рѣдкимъ разумѣніемъ дѣла и полнымъ успѣхомъ посвящала Россіи. При большихъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагала, и огромномъ вліяніи, которымъ пользовалась великая княгиня, поприще благотворной ея дѣятельности было самое обширное. Не говоря о многообразной и щедрой ея благотворительности частной, не касаясь участія и значенія ея въ важнѣйшихъ отечественныхъ событіяхъ съ 1824 года, когда великая княгиня вступила въ Россійскій императорскій домъ, мы укажемъ на ею задуманные и созданные на свои средства живые памятники ея просвѣщенной и дѣятельной заботливости на пользу русскаго образованія и культуры. Назовемъ: маріинскій институтъ, училище св. Елены, консерваторію музыки въ С.-Петербургѣ, кресто-воздвиженскую общину сестеръ милосердія, устроенную во время крымской войны и послужившую образцомъ для другихъ подобныхъ учрежденій; елисаветинскую дѣтскую больницу; дешевые столы въ Петербургѣ, разсчитанные на потребности учащихся и недостаточныхъ людей образованныхъ слоевъ. Списокъ этотъ далеко не полонъ; мы и не имѣемъ притязаній на полноту, зная, какъ много великая княгиня дѣлала для русскаго образованія не въ одномъ Петербургѣ. Въ видѣ примѣровъ упомянемъ, что музыкальныя и благотворительныя общества во многихъ городахъ существовали при значительныхъ отъ нея пособіяхъ, что, благодаря ея поощренію и пожертвованіямъ, могло быть выполнено и выйти въ свѣтъ обширное сочиненіе о приготовительныхъ трудахъ, предшествовавшихъ величайшему законодательному акту нашего времени—безсмертнымъ „Положеніямъ" 19-го февраля 1861 г., отмѣнившимъ крѣпостное право. А сколько русскихъ людей, дѣйствующихъ теперь съ честью на различныхъ поприщахъ, образовались, стали на свою дорогу и развились, благодаря щедрой заботливости покойной великой княгини! Сколько другихъ, не менѣе достойныхъ и полезныхъ дѣлъ ея остаются неизвѣстными публикѣ и будутъ ждать своего повѣствователя!

„Съ почтительнымъ благоговѣніемъ вносимъ мы кончину великой княгини Елены Павловны въ лѣтопись нашихъ скорбныхъ утратъ. Въ нынѣшнемъ году эта утрата первая и самая тяжкая".

Лѣтомъ 1857 года вел. кн. Елена Павловна отправилась въ Германію на воды и вызвала къ себѣ въ Вильдбадъ Кавелина для обсужденія „положенія" о карловскомъ ея имѣніи. 13 августа того же года Кавелинъ выѣхалъ изъ Вильдбада въ Дармштадтъ, по повелѣнію государыни императрицы Маріи Александровны, проводившей лѣто у своего брата, великаго герцога гессенскаго Людвига III; императрица желала лично познакомиться

съ Кавелинымъ въ качествѣ будущаго наставника наслѣдника цесаревича. Кавелинъ имѣлъ у ея величества двѣ аудіенціи, въ которыхъ государыня, принявъ его крайне милостиво, продолжительно разговаривала съ нимъ о преподаваніи ея августѣйшему сыну и о вопросѣ дня—освобожденіи крестьянъ. Это-то пятидневное пребываніе свое въ Дармштадтѣ и въ за̀мкѣ гессенскихъ великихъ герцоговъ—Югенгеймѣ и изложилъ Кавелинъ въ своемъ дневникѣ. Съ свойственной ему откровенностью онъ высказалъ императрицѣ всѣ свои воззрѣнія, какъ на дѣло воспитанія, такъ и на тогдашніе русскіе общественные вопросы. Эта благородная откровенность составляла, какъ извѣстно всѣмъ близкимъ къ Кавелину, отличительное свойство его нравственнаго характера, и, создавая ему массу враговъ, еще болѣе привязывала къ нему его друзей. Онъ никогда въ жизни своей не лукавилъ, никому не льстилъ, а всегда открыто заявлялъ свои убѣжденія всѣмъ безъ исключенія, съ кѣмъ ни сводили его обстоятельства. Правда—была его единственнымъ кумиромъ, которому онъ нелицемѣрно приносилъ жертву!

Было бы затруднительно напечатать этотъ дневникъ вполнѣ, а потому, сохраняя, въ большинствѣ случаевъ, подлинныя выраженія Кавелина, мы должны будемъ, при изложеніи дневника, прибѣгать иногда къ пересказу и къ сокращенію. Въ видѣ дополненія къ дневнику, вслѣдъ за нимъ, мы помѣстимъ важный историческій документъ, печатаемый нами съ черновового списка, найденнаго въ бумагахъ Кавелина: это—составленная имъ программа преподаванія правовѣденія цесаревичу Николаю Александровичу.

Изъ дневника К. Д. Кавелина 1857 года.

„Во вторникъ, 13-го (25) августа 1857 года пріѣхалъ я въ Дармштадтъ, въ 1 ч. 40 м. по-полудни, и въ 3 часа явился къ князю Долгорукову [1]). Врожденная ли подозрительность, или дѣйствительно такъ, но мнѣ показалось, что князь, при видимомъ благорасположеніи, на самомъ дѣлѣ питаетъ ко мнѣ нехорошія чувства. Встрѣчая, онъ назвалъ меня старымъ знакомымъ (по комитету) [2]), но вслѣдъ затѣмъ спросилъ, какъ меня зовутъ по

[1]) Князь Василій Андр. Долгоруковъ былъ начальникомъ III Отд. Собственной Его Величества Канцеляріи и шефомъ жандармовъ съ 5 апрѣля 1856 г. по 5 апр. 1866 г. При учрежденіи секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу онъ былъ назначенъ членомъ его.

[2]) По комитету министровъ. Князь В. А. Долгоруковъ, какъ начальникъ III Отд., былъ членомъ комитета министровъ, въ канцеляріи котораго служилъ Кавелинъ.

имени и по отчеству, и спросилъ довольно неучтиво. По свойственной мнѣ неловкости, я и въ Дармштадтъ пріѣхалъ самымъ неудобнымъ образомъ, т.-е. въ день имянинъ великаго герцога. Князь Долгоруковъ спѣшилъ къ обѣду, обѣщалъ доложить о моемъ пріѣздѣ императрицѣ, прибавивъ, что она меня сегодня (25-го) едва ли приметъ, потому что обѣдаетъ и проводитъ часть вечера съ великимъ герцогомъ въ Kranichstein или вообще гдѣ-то за городомъ. Потомъ Долгоруковъ объявилъ, что завтра (26-го) онъ ѣдетъ въ Майнцъ, провожать великую княгиню Елену Павловну, т.-е. посадить па пароходъ для отправленія въ Кёльнъ, и потомъ воротится опять.

„Не вытерпѣла его душа,—сталъ онъ разспрашивать, что̀ и ка̀къ рѣшено объ имѣніи великой княгини: полную свободу она полагаетъ дать мужикамъ или только улучшить ихъ положеніе?

— Полную.

— И съ землею?

— Съ землею.

— Какъ же они будутъ выплачивать? Банку и работами?— Не будетъ ли сложно?

— Едва ли. Впрочемъ великая княгиня совѣтовалась съ помѣщиками тамошними, гдѣ ея имѣніе, и они одобрили, и притомъ все еще провѣрится на мѣстѣ, потому что великая княгиня дѣйствуетъ крайне осторожно.

— Когда великая княгиня уѣхала изъ Вильдбада?

— Въ воскресенье.

— Гдѣ же она была до сихъ поръ?

— Въ Баденѣ.

— Вы, конечно, останетесь здѣсь, сколько государынѣ будетъ угодно?

— Само собою разумѣется.

— Такъ мы съ вами еще потолкуемъ о проектѣ великой княгини, такъ какъ это дѣло всѣхъ насъ крайне близко касается.

„Такъ разговоръ кончился. Мнѣ показалось, что князь Долгоруковъ заранѣе нерасположенъ къ проекту великой княгини...

„Отъ князя Долгорукова я отправился къ фрейлинѣ государыни, А. Т., къ которой, по счастію, имѣлъ письмо отъ фрейлины великой княгини Елены Павловны [1]. До сихъ поръ не могу довольно благословить счастливый случай, благодаря которому я могъ благовиднымъ образомъ сдѣлать г-жѣ Т. визитъ и настаивать на свиданіи съ нею. Придя къ ней отъ князя Долго-

[1]) Баронессы Э. Ѳ. Раденъ.

рукова, я не засталъ ея дома и обѣщалъ придти черезъ часъ, т.-е. въ началѣ пятаго. Я надѣялся успѣть въ этотъ промежутокъ пообѣдать, но самымъ неприличнымъ образомъ, особливо для перваго раза, просчитался. Обѣдъ поспѣлъ къ пятому, я проглотилъ чашку чаю въ половинѣ шестого. Лакей во дворцѣ намекнулъ мнѣ на мою неточность и объявилъ, что А. Т. будетъ дома часовъ въ 8 и что позднѣе 8½ быть у нея невозможно. Съ горя я отправился въ Людвигсгое, насладился всевозможными восхитительными панорамами и въ самомъ началѣ 9-го явился во дворецъ".

Его не заставили долго ждать. Минутъ черезъ десять приняла его А. Т. Онъ извинился въ томъ, что опоздалъ...

„Послѣ первыхъ вопросовъ, довольно равнодушныхъ и незначительныхъ, напр., когда я уѣхалъ за границу, давно ли оставилъ Москву и проч., разговоръ началъ принимать понемногу болѣе и болѣе откровенный характеръ, такъ что, наконецъ, онъ сдѣлался необыкновенно интересенъ, и я жалѣлъ, что онъ въ десятомъ часу прекратился. Слѣдить за всѣми его изгибами, въ послѣдовательномъ порядкѣ, нѣтъ никакой возможности. Постараюсь только передать бумагѣ существенные его результаты и важнѣйшія подробности...

„Моя искренняя любовь къ Россіи, мое серьезное и добросовѣстное разумѣніе дѣла, которое предстоитъ съ назначеніемъ преподавателемъ къ наслѣднику, кажется, понравились очень, ибо послѣ первыхъ словъ объ этомъ мнѣ предложено остаться ужинать, и разговоръ продолжался. Онъ принялъ направленіе совершенно откровенное.

„Между прочимъ, меня спросили, что́ я думаю: сдѣлаетъ ли что-нибудь Муравьевъ для мужиковъ [1])?

„Прежде чѣмъ я могъ сообразиться, губы мои невольно и неопредѣленно произнесли: „ничего не сдѣлаетъ!" Потомъ, спохватившись, я тотчасъ же прибавилъ: „потому что нужна большая опытность, чтобы разрушить систему; притомъ Муравьевъ, сколько мнѣ извѣстно, хочетъ править государственными крестьянами какъ удѣльными, а это опасное предпріятіе, потому что мнѣ извѣстно лично, отъ враговъ государственныхъ крестьянъ, что даже

---

[1]) Мих. Ник. Муравьевъ, впослѣдствіи извѣстный виленскій генералъ-губернаторъ. Состоя членомъ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, онъ былъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Незадолго до 1857 г. Муравьевъ былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ съ сохраненіемъ портфеля министра удѣловъ, который получилъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

бѣдные изъ нихъ не желаютъ быть богатыми удѣльными, а не желаютъ потому, что удѣльные—крѣпостные".

„— Считаете ли вы нашихъ крестьянъ въ теперешнемъ видѣ способными къ свободѣ?

„— Считаю и убѣжденъ, что безъ нея и безъ возстановленія во всей силѣ общиннаго начала и безъ уменьшенія вмѣшательства чиновниковъ въ крестьянскія дѣла намъ предстоитъ большая опасность, ибо мы искусственно раздражаемъ народъ, спокойный теперь и смирный...

„Относительно будущихъ моихъ обязанностей (преподавателя наслѣднику) разговоръ былъ для меня въ высшей степени пріятенъ и отраденъ. Я ставилъ вопросъ такъ: призваніе мое не только лестно для моего самолюбія, выгодно въ матеріальномъ отношеніи, но—что́ гораздо всего этого важнѣе — это поприще такое, на которомъ я служу Россіи и призываюсь къ участвованію въ будущихъ ея судьбахъ. Чѣмъ важнѣе постъ, тѣмъ онъ и отвѣтственнѣе. А это-то меня и пугаетъ страшно, такъ что я теперь уже почти раскаяваюсь, что согласился на предложеніе. Чѣмъ съ бо̀льшимъ участіемъ мыслящіе люди радуются моему назначенію, тѣмъ больше мужество меня покидаетъ; ибо что́ мнѣ предстоитъ? Предубѣжденія, интриги, при которыхъ нельзя сказать ни того, ни другого, ни третьяго. И пойдешь битой дорогой: сначала—маленькая уступка, въ надеждѣ, что зато этимъ купишь право дѣлать великія дѣла; потомъ—другая уступка, все съ тою же благородною цѣлью. И такъ, уступка пойдетъ за уступкой, пока мало-по-малу все отдашь и ничего не сдѣлаешь. Останутся выгоды, честь, почетъ—въ глазахъ большинства, и горькое разочарованіе и, вѣроятно, презрѣніе со стороны людей мыслящихъ и благонамѣренныхъ. Такой измѣны отечеству я дѣлать ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ, и если убѣждусь, что ничего сдѣлать не могу—уйду прочь и погружусь въ ту же почетную и почтенную неизвѣстность и ничтожество, изъ котораго случайно вышелъ.

„На это мнѣ сказано, что къ интригамъ и проискамъ всякаго рода я долженъ быть готовъ заранѣе; что теперь все вокругъ крайне негодуетъ на это назначеніе; что государь согласился на мое назначеніе совершенно сознательно и будто-бы говорилъ императрицѣ (которая и передала А. Т.): „Я знаю, что объ немъ (Кавелинѣ) говорятъ дурно; но знаю, почему такъ объ немъ говорятъ; вслѣдствіе этого не придаю этимъ разсказамъ никакого значенія". Этимъ—по словамъ государыни — объясняетъ госу-

дарь то, что онъ, несмотря на слухи, согласился на мое опредѣленіе безъ возраженій, тотчасъ же...

„Я благодарилъ ее (А. Т.) очень искренно за моральную поддержку, которую давали мнѣ ея слова. Не имѣя противъ себя предубѣжденій государя и государыни, работать можно и можно посильную приносить пользу.

„Затѣмъ разговоръ натуральнымъ образомъ склонился на предположеніе устроить для наслѣдника аудиторію изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые бы вмѣстѣ съ нимъ слушали у меня курсъ. А. Т.—противъ этой мысли.

„Я старался ей объяснить, что подобная мѣра отчасти дѣйствительно обезоружила бы враговъ, отнявъ у нихъ возможность клеветать; отчасти повредила бы урокамъ, поставивъ меня въ невозможность многое сказать наслѣднику, чтó я сказать ему обязанъ, и нравственно мѣшая мнѣ поставить себя въ отношеніи къ нему въ положеніе наставника, ибо мнѣ нельзя будетъ, въ присутствіи другихъ, требовать многаго, изъ боязни возбудить въ немъ естественную щекотливость и самолюбіе и тѣмъ навсегда расхолодить его къ себѣ, а слѣдовательно и къ наукѣ, которая въ эти лѣта отъ наставника не различается.

„Г-жа Т. вполнѣ соглашалась со всѣмъ этимъ и просила меня все это откровенно сказать императрицѣ...

„А. Т. выразилась тоже противъ другого предположенія — ввести въ программу воспитанія наслѣдника слушаніе университетскаго курса въ Москвѣ. Но съ этимъ я не могъ согласиться и старался ее убѣдить, что университетскій курсъ поставитъ наслѣдника лицомъ къ лицу съ жизнью и принесетъ ему несомнѣнную громадную пользу.

„Вотъ первый день въ Дармштадтѣ! Каково-то будетъ завтра и чтò оно скажетъ?

„Такъ серьезно дѣло и такъ громадна отвѣтственность подъ страхомъ потерять репутацію и честь, что я твердо рѣшился: поставить условіемъ право отказаться отъ преподаванія (подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, хотя бы самымъ для меня нелестнымъ) въ томъ случаѣ, если по причинамъ, во мнѣ заключающимся или отъ меня не зависящимъ,—я убѣжусь, что ничего сдѣлать не могу или нельзя. Не могу также не вспомнить съ особенною радостью и утѣшеніемъ словъ г-жи Т. о томъ, какъ судитъ обо мнѣ государь; ибо если это такъ, то я могу вполнѣ отдаться своему призванію и дѣйствовать по совѣсти, не имѣя въ головѣ заботы—какъ бы пріобрѣсти въ мнѣніи государя право гражданства. А эта забота одна сама по себѣ можетъ парализо-

вать все нравственное вліяніе преподаванія, разъединяя силы, которыя всѣ должны быть направлены къ достиженію одной цѣли.

„14-го (26) августа. Слѣдующія еще подробности вчерашняго разговора заслуживаютъ вниманія. Послѣ того какъ разговоръ сталъ оживляться и начались откровенности, А. Т. меня спросила:

— Dites-moi, monsieur, pourquoi est-ce qu'on vous appelle un rouge?

„Я отвѣчалъ:

— Parce que ceux qui m'appellent ainsi, sont ce qu'ils sont. Au reste, je ne me défends pas. Vis-à-vis de leurs idées je suis un ultra-rouge et désire rester tel pour toujours.

„Кромѣ того, при разговорѣ объ эмансипаціи, г-жа Т. замѣтила, что между владѣльцами богатыми есть люди, искренно желающіе добра мужикамъ, и назвала Бобринскихъ".

На это Кавелинъ возразилъ, что петербургскихъ графовъ Бобринскихъ онъ не знаетъ, а знаетъ одного изъ графовъ Бобринскихъ, жившаго въ Москвѣ, но его воззрѣніямъ на эмансипацію симпатизировать не можетъ и недоволенъ его проектомъ по этому вопросу. Точно также онъ высказалъ неодобреніе проектамъ князя В. А. Черкасскаго и князя Голицына, а о проектахъ Ю. Ѳ. Самарина и А. И. Кошелева отнесся съ большимъ сочувствіемъ.

„Наконецъ, любопытно, — продолжаетъ Кавелинъ въ своемъ дневникѣ, — что А. Т. настаивала, чтобъ я совершенно откровенно высказалъ всѣ свои соображенія императрицѣ. Поводомъ служилъ, впрочемъ, разговоръ о воспитаніи наслѣдника. Я благодарилъ и сказалъ, что меня уже объ этомъ предупреждали въ Вильдбадѣ, но что мнѣ очень пріятно слышать и отъ нея подтвержденіе того же совѣта, которому не премину въ точности послѣдовать.

„14-го (26) августа, вечеромъ. Настроенный вчерашнимъ разговоромъ, я проснулся въ пять часовъ и не могъ больше заснуть. Въ воображеніи я стоялъ передъ императрицей, и потоки словъ, убѣдительныхъ, откровенныхъ, такъ и лились, такъ и лились... Эту нѣсколько горячечную настроенность весьма прозаически расхолодило время. Цѣлое утро я провелъ у себя въ комнатѣ, въ мучительномъ ожиданіи, но напрасно. Пробилъ часъ, колокольчикъ приглашалъ къ обѣду, я одѣлся и спустился въ общую комнату"...

Кавелинъ выражаетъ разныя, мучившія его, предположенія о причинахъ, что его такъ долго, какъ ему казалось, не призы-

ваетъ къ себѣ императрица. Впослѣдствіи онъ узналъ, что причина тому была очень простая. 14 августа вечеромъ отправлялся курьеръ въ Петербургъ, и императрица все утро занималась корреспонденціей.

„Послѣ обѣда, когда я наслаждался музыкой у бывшаго моего студента, состоящаго при здѣшнемъ посольствѣ, г. Сидоровича, явился дежурный отъ князя Долгорукова и возвѣстилъ мнѣ, что его сіятельство изволитъ просить меня къ себѣ въ половинѣ шестого. Я исполнилъ желаніе это въ точности, но прождалъ князя ровно часъ. Въ половинѣ седьмого князь вошелъ въ залу, гдѣ я ждалъ, объявилъ, что былъ задержанъ,—чтó дѣйствительно было такъ, потому что я видѣлъ, какъ онъ возвращался, — и, извинившись, предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ прогулку въ коляскѣ по окрестностямъ Дармштадта.

„Прогулка началась, какъ и слѣдовало ожидать, разсказами о томъ, какъ князь съѣздилъ въ Майнцъ къ е. и. в. великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, какъ ея высочеству этотъ знакъ вниманія былъ пріятенъ, какъ вмѣстѣ и князю было пріятно быть угоднымъ ея высочеству по тому чувству, которое онъ къ ней питаетъ, и потому, что многимъ ей обязанъ. Затѣмъ разспросы о подробностяхъ проекта эмансипаціи и, наконецъ, разнаго рода вопрошенія о томъ, чтó я думаю о необходимости скораго рѣшенія этого вопроса, объ опасности затянуть его, о возможности разрѣшить о немъ печатать, и не лучше ли будетъ предложить вопросъ на обсужденіе дворянства по губерніямъ, опредѣливъ главныя начала, которымъ правительство желаетъ слѣдовать въ разрѣшеніи вопроса...

„Между прочимъ, кн. Долгоруковъ мнѣ объявилъ, что государыня приметъ меня завтра, 15-го (27) августа, послѣ обѣдни, часу въ первомъ. Впрочемъ, окончательно это узнается завтра.

„...Кошелева и Самарина онъ почему-то особенно не любитъ. Судя по его словамъ, они выказываютъ большую нетерпѣливость тотчасъ же все сдѣлать. Но эта нетерпѣливость—общая, и чѣмъ она отличается отъ моей—я понять не могу“...

Прогулка съ кн. Долгоруковымъ произвела на Кавелина странное впечатлѣніе. Онъ невольно поражался такимъ tête-à-tête.

„Чтó же значила эта прогулка и эти разговоры? — замѣчаетъ онъ въ дневникѣ.—Думая и передумывая, я вывожу два слѣдствія. Во-первыхъ, прогулка, быть можетъ, предложена вслѣдствіе внимательности государыни, желавшей, чтобы я взглянулъ на окрестности Дармштадта; самъ князь, конечно, бы этого не придумалъ. Въ мысли прокатиться по окрестностямъ—

извѣстная деликатность, къ которой я считаю князя рѣшительно неспособнымъ въ отношеніи ко мнѣ; а разговоръ, чуть-чуть не требованіе совѣта по такому важному дѣлу, какъ эмансипація, имѣетъ въ моихъ глазахъ большую важность; или государь отозвался какъ-нибудь выгодно о моемъ проектѣ или, по крайней мѣрѣ, объ основаніяхъ проекта; или, можетъ быть, они подозрѣваютъ или знаютъ, что мнѣ, можетъ быть, выпадетъ въ этомъ вопросѣ болѣе или менѣе дѣятельная роль. Какъ ни дерзко это предположеніе, но оно только и объясняетъ сколько-нибудь то странное и неловкое положеніе, въ которое сталъ ко мнѣ добровольно кн. Долгоруковъ.

„Завтра! Чтó будетъ завтра?

„15-го (27) августа. Обдумавъ ночью странную прогулку и разговоры вчерашняго дня, я пришелъ вотъ къ какому окончательному заключенію. Очевидно, государь настоятельно требуетъ эмансипаціи, и окружающіе его видятъ, что дѣлать нечего, почему и стараются какъ-нибудь отклонить рѣшительныя дѣйствія.

„Въ 11 часовъ утра фельдъегерь объявилъ мнѣ, отъ имени кн. Долгорукова, что государыня приказала мнѣ быть у ея величества въ зàмкѣ въ часъ пополудни. Наконецъ я представлюсь.

„Безъ четверти часъ я уже былъ въ зàмкѣ.

„Сердце билось очень сильно. Храбрыя фразы, полувосторженный тонъ, которымъ онѣ должны были произноситься, даже откровенныя мысли, которыя еще поутру должны были, казалось, невольно вылетѣть изъ груди—все это исчезло...

„...5 минутъ 2-го вышелъ изъ кабинета императрицы Кочубей (сынъ Аркадія) съ женою, а черезъ пять минутъ я вошелъ въ кабинетъ. Смущенію моему не было мѣры. Къ счастью, императрица была въ другой комнатѣ; черезъ нѣсколько секундъ она вышла и самымъ ласковымъ образомъ пригласила сѣсть. Въ крошечной комнатѣ, гдѣ я былъ принятъ, господствовалъ совершенный мракъ, потому что стора была спущена. Императрица сидѣла спиною къ окну, и потому разглядѣть ее было тѣмъ труднѣе. Притомъ я сидѣлъ отъ е. в. довольно далеко...

„...Болѣе лестнаго для самолюбія не могло со мною ничего произойти. Свиданіе продолжалось часъ съ четвертью. Оно началось тѣмъ, что государыня посадила меня и выразила, что великая княгиня Елена Павловна осталась довольна моею работою [1]). Я замѣтилъ на это, что я былъ только редакторомъ чужихъ

[1]) Въ обѣ аудіенціи разговоръ императрицы Маріи Александровны съ Кавелинымъ происходилъ на французскомъ языкѣ. Въ дневникѣ Кавелинъ передаетъ его по-русски.

мыслей и что великая княгиня, понимая всю важность этого дѣла, обставила его самыми свѣдущими людьми, отчасти мнѣніемъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Съ этого начался разговоръ и продолжался до конца все о свободѣ крестьянъ. Императрица входила во всѣ подробности, какъ мнѣ казалось, чтобъ показать мнѣ, что ей предметъ извѣстенъ. Потерявъ мало-по-малу робость и чувствуя всю важность разговора, всю обязанность, лежавшую на мнѣ,— говорить правду, я позволилъ себѣ возражать, настаивать на нѣкоторыхъ мысляхъ"...

Затѣмъ рѣчь зашла объ освобожденіи крестьянъ, и Кавелинъ изложилъ передъ императрицей свои воззрѣнія на это дѣло.

„Самое замѣчательное въ разговорѣ императрицы было, что государь давно думаетъ объ эмансипаціи; что это его постоянная, задушевная мысль. Мало того, что государыня это сказала,—въ одну изъ паузъ, она, подумавъ, снова возвратилась къ этому, безъ особеннаго повода, и снова, почти тѣми же словами, повторила, что эмансипація—давнишняя задушевная мысль государя. Такъ категорически это было высказано, что я догадываюсь: не для того ли это сказано, чтобъ я повторилъ при случаѣ. Жду новаго свиданія съ Т., чтобъ спросить ее, какъ я долженъ понимать это, очевидно умышленное, повтореніе такой важной мысли.

„Я былъ, въ полномъ смыслѣ слова, восхищенъ тою внимательностію, деликатностію и откровенностію, съ которыми веденъ разговоръ. Такъ говорятъ только съ человѣкомъ, котораго уважаютъ и въ котораго честь и благородство безусловно вѣрятъ...

„Въ половинѣ третьяго государыня сказала:—Et nous n'avons pas encore parlé du principal sujet. Mais à présent il est trop tard.

„Я всталъ. Государыня спросила о томъ, что́ я намѣренъ дѣлать, свободенъ ли я, когда и куда намѣренъ отправляться, когда долженъ быть въ Петербургѣ. Я отвѣчалъ, что обязанъ представить великой княгинѣ работу, которую не успѣлъ кончить, и для этого поѣду въ Остендэ, оттуда, чрезъ Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ, въ Россію къ 1-му сентября,—и что я въ полномъ распоряженіи ея величества. Выслушавъ это, императрица сказала: —Итакъ, вы здѣсь останетесь, и мы еще увидимся.—Я былъ спрошенъ также, видѣлъ ли я университеты и говорю ли по-нѣмецки.

„Продолжительное свиданіе съ государыней мигомъ узналось. Ввечеру я получилъ приглашеніе къ Лабенскому [1]) и провелъ у

[1]) Кам. Ксавер. Лабенскій—секретарь императрицы Маріи Александровны.

него вечеръ. Принятъ я былъ съ самою очаровательною внимательностію! Къ несчастію, по причинѣ этого приглашенія я не могъ быть у А. Т., которая, часъ спустя послѣ того какъ я далъ слово, прислала просить меня къ себѣ пить чай. Это тѣмъ досаднѣе, что сегодня, 16-го (28) августа, она, кажется, ѣдетъ въ Jugenheim. Государыня отправляется туда въ 10 часовъ утра. Стало быть, сегодня еще я, вѣроятно, пробуду въ Дармштадтѣ.

„Само собою разумѣется, что я никому ни слова не говорилъ о томъ, что̀ составляло предметъ бесѣды. Государыня извѣстна какъ образцовая мать, и это представляетъ отличную тему для вымышленнаго разговора на тотъ случай, когда невозможно отдѣлаться абсолютнымъ молчаніемъ. Я думаю сдѣлать одно только исключеніе въ пользу Т., тѣмъ болѣе, что безъ ея совѣта мнѣ обойтись невозможно.

„Не могу не прибавить слѣдующей еще подробности. Изъ разговора съ государыней я могъ замѣтить, что она питаетъ хорошія чувства къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и съ большимъ участіемъ смотритъ на ея предпріятіе освободить своихъ крестьянъ, совершенно раздѣляя мнѣніе, что дѣйствіе нравственное будетъ огромное.

„16-го (28) августа. Сегодня, въ 7 часовъ, кн. Долгоруковъ потребовалъ меня къ себѣ къ 8 часамъ утра. О причинѣ я отчасти догадывался: государыня приказала мнѣ пріѣхать въ Jugenheim, завтра, къ 11-ти часамъ утра, безъ ордена и медали, въ черномъ жилетѣ и галстухѣ. Эта аудіенція будетъ послѣдняя, и затѣмъ я отправлюсь изъ Дармштадта.

„Франкфуртъ, 17-го (29) августа. Въ 9 часовъ утра я катилъ по дорогѣ въ Jugenheim; голова была какъ въ туманѣ отъ всего, что̀ со мною происходило. Разговоръ долженъ былъ идти о моихъ занятіяхъ въ качествѣ воспитателя...

„Въ половинѣ 11-го я стоялъ уже съ почтительнымъ видомъ передъ кн. Долгоруковымъ. Онъ прелюбезно со мной раскланялся, спросилъ, благополучно ли я доѣхалъ, и, отправивъ записку къ императрицѣ о моемъ пріѣздѣ, пустился со мною въ бесѣду...

„...На жалобы кн. Долгорукова, что литература не представляетъ ничего серьезнаго, я не могъ утерпѣть и замѣтилъ, что, осужденная на полную безгласность, она отучилась говорить; а между тѣмъ есть же и теперь статьи дѣльныя и зрѣлыя—плодъ разрѣшенія писать, даннаго такъ недавно.

„Послѣ подобныхъ разговоровъ кн. Долгоруковъ положилъ передо мною книжку „Современника“ за августъ, прочитавъ напередъ ея заглавіе; потомъ отправился къ другому столу, вынулъ

послѣдніе журналы русскіе и предложилъ мнѣ пересмотрѣть ихъ, пока онъ будетъ писать. (Любопытна статья въ „Отечеств. Запискахъ"—август. книжка—Тернера, о крестьянскомъ вопросѣ [1]). Она составлена въ дурномъ направленіи, но нельзя не радоваться ей въ томъ смыслѣ, что она показываетъ, что о крестьянскомъ вопросѣ можно писать и довольно откровенно. Вотъ чего теперь намъ нужно!)

„Наконецъ, наступила половина 12-го—время, назначенное для пріема, и я отправился. Вышелъ въ половинѣ второго. Собственно о воспитаніи говорено было не очень много, главное потому, что я въ самомъ началѣ разговора объявилъ, что, не зная его высочества лично, не могу составить себѣ яснаго понятія о томъ, какъ приняться за дѣло. Впрочемъ, говорилъ очень смѣло; высказалъ, что воспитаніе, которое получаютъ дѣти государя, отчуждаетъ ихъ отъ народа; выразилъ необходимость знакомить ихъ съ дѣйствительной жизнью, съ народными особенностями, учить понимать нужду и страданія, безъ которыхъ ничего хорошаго не бываетъ на свѣтѣ; говорилъ о необходимости ѣздить по Россіи, а не смотрѣть на нее сквозь призму двора и Петербурга; предупреждалъ, что съ полгода я ничего замѣтнаго не ожидаю отъ нашихъ занятій; что мнѣ нужно столковаться о подробностяхъ съ воспитателемъ его высочества (В. П. Титовымъ); что первое и главное, чтобъ наслѣдникъ меня полюбилъ, безъ чего ничего не будетъ; а съ другой стороны, чтобъ онъ видѣлъ во мнѣ не нанятаго учителя, а наставника; затѣмъ категорически высказалъ, что если, по какимъ-нибудь причинамъ, дѣло на ладъ не пойдетъ, я считаю обязанностію заранѣе выговорить себѣ право отказаться, потому что, во что бы то ни стало, надобно, чтобъ наслѣдникъ былъ хорошо воспитанъ. Дѣло воспитанія государыня понимаетъ отлично, умно, благородно и достойно женщины. Особенно настаиваетъ на томъ, чтобъ внѣдрены были въ наслѣдника принципы; требуетъ, чтобъ его высочество былъ ознакомленъ не только съ русскими учрежденіями,—но и съ иностранными, которыми горизонтъ юнаго слушателя расширится. Императрица находитъ, что поѣздки по Россіи наслѣдника ни къ чему ни поведутъ, потому что все-таки ему не покажутъ настоящей Россіи; слѣдовательно, лучше пожить гдѣ-нибудь внутри Россіи нѣсколько времени, вдали отъ двора. Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя было не согласиться. Впрочемъ, государыня одобряла мои мысли. Спросила

[1]) Статья Тернера: „По поводу вопроса о замѣнѣ обязанной работы наемною",—„О. З.", 1857, т. CXIII, отд. I, стр. 643—674.

также: какъ я думаю о томъ, чтобъ преподавать его высочеству въ присутствіи другихъ сверстниковъ. Я сказалъ, что не смѣю ничего сказать, прежде чѣмъ переговорю съ В. П., съ которымъ я вполнѣ соглашался, а теперь, обдумавъ, нахожу возраженія. Видно было, что ея величество была предупреждена объ этомъ фрейлиной Т., потому что совершенно съ этимъ согласилась, замѣтивъ, что мысль имѣетъ много за и противъ себя, и что она принадлежитъ ему, а не ей...

„...Вотъ, кажется, все существенное о воспитаніи. Несправедливо было бы сказать, чтобы эта часть разговора была второстепенною, но она заняла относительно меньше времени, потому что я самъ еще хорошенько не знаю, что̀ буду дѣлать, ка̀къ начну, и не имѣю понятія о его высочествѣ. Какіе же могутъ быть теперь разговоры о воспитаніи? Я предупредилъ, что мѣсяцъ, два, буду только знакомиться, стараться войти въ довѣріе, вести къ тому, чтобы меня полюбили. Императрица совершенно вошла въ эти мысли“.

Но на этомъ бесѣда государыни съ Кавелинымъ не прекратилась. Онъ, по его собственнымъ словамъ, „съ большимъ жаромъ и большою откровенностью“ представилъ ея величеству современное положеніе дѣлъ въ Россіи, защищалъ отъ навѣтовъ передъ государемъ русскую литературу, университеты вообще и студентовъ въ частности, и высказалъ свое горячее убѣжденіе, что правительство, оказывая народу справедливость, всегда найдетъ въ немъ надежную для себя опору...

Всю эту часть разговора государыня слушала съ участіемъ, вниманіемъ и видимо одобряла. Поощренный этимъ, Кавелинъ входилъ „въ тысячи подробностей“.

„Послѣ нѣкотораго молчанія государыня спросила:—Вы были въ московскомъ университетѣ профессоромъ?

— Да.

— Отчего вы вышли?

— По неудовольствію (при этомъ императрица слегка улыбнулась) частному.

— А! частному!

„Я разсказалъ вкратцѣ исторію, не называя лицъ. Потомъ мнѣ дѣлались разспросы: гдѣ я теперь служу, женатъ ли я, имѣю ли дѣтей, гдѣ воспитываю и намѣренъ воспитывать сына, родня ли мнѣ генералъ-адъютантъ Кавелинъ, и проч.

„Послѣ паузы, гораздо болѣе продолжительной, государыня спросила меня:—Скажите, отчего вы пользуетесь репутаціей самаго отчаяннаго либерала, qui veut le progrès quand-même?

— Я эту репутацію заслуживаю, ваше величество,—отвѣчалъ я,—и считаю обязанностію вамъ это высказать, потому что довѣріе, мнѣ оказанное, при назначеніи меня преподавателемъ его высочества наслѣдника, и высокое значеніе этого званія налагають на меня святой долгъ не скрывать передъ вашимъ величествомъ ничего. Да, я былъ большимъ либераломъ, бывши студентомъ, и черезъ мою голову прошли самыя крайнія теоріи; будучи профессоромъ, я тоже былъ большимъ либераломъ, хотя не такимъ именно, какимъ меня почитаютъ. Въ политическій либерализмъ я не вдавался... Называющіе меня отчаяннымъ либераломъ правы и потому еще, что всѣ либералы были моими друзьями. Грановскій былъ мой другъ; Бѣлинскій былъ мой наставникъ и другъ; Герценъ былъ тоже очень мнѣ близокъ...

„При этомъ императрица меня перервала и замѣтила, улыбаясь: — Прочія дружбы не могутъ вамъ вредить, но что касается до Герцена... je vous en veux aussi pour cela.

Послѣ того Кавелинъ обратилъ вниманіе ея величества на несправедливости со стороны нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ къ нему самому, на печальную судьбу многихъ его друзей и на то обстоятельство, что все это не могло не заставить его роптать...

— Вотъ мои права на названіе отчаяннаго либерала!—заключилъ онъ свою рѣчь, и прибавилъ затѣмъ:—Если все это заслуживаетъ отлученія, то я его достоинъ и подчиняюсь своей участи...

„...Государыня поспѣшила сказать, что объ отлученіи нѣтъ рѣчи; что мое назначеніе, къ великому ея удивленію, не встрѣтило никакого сопротивленія въ государѣ, который, съ минуту подумавъ, тотчасъ согласился.—А вы легко поймете,—прибавила императрица,—до какой степени назначеніе ваше на такое мѣсто было бы невозможно, еслибы государь имѣлъ малѣйшее въ васъ сомнѣніе.

„Я позволилъ себѣ сказать на это государынѣ, что такое обо мнѣ мнѣніе государя императора я считаю величайшимъ для себя счастіемъ, потому что оно развязываетъ мнѣ руки въ исполненіи обязанностей моихъ по званію преподавателя наслѣдника престола.

„Одной изъ самыхъ многозначительныхъ фразъ, сказанныхъ мнѣ императрицей, была слѣдующая:—Очень жалѣю, что вы не будете здѣсь, когда будетъ государь. Здѣсь вы могли бы говорить съ нимъ подробнѣе и получить отъ него инструкціи, потому что онъ не такъ занятъ здѣсь... Впрочемъ, государь тоже и здѣсь

будетъ лишь на нѣсколько дней... Въ Петербургѣ же все время его такъ занято, что минуты нѣтъ свободной. Прощайте, до свиданія. Надѣюсь, что до моего пріѣзда занятія уже начнутся. Это самое удобное время.

„Я отвѣчалъ, какъ и прежде, что съ мѣсяцъ или недѣль шесть надо осмотрѣться, ознакомиться, и что въ этотъ промежутокъ времени ничего серьезнаго нельзя и думать начать.

„Государыня это замѣчаніе одобрила, и я вышелъ.

„Того волненія, восторженности, которыя возбуждены были во мнѣ этимъ послѣднимъ двухъ-часовымъ разговоромъ, я передать не въ состояніи. До сихъ поръ я точно въ чаду, и еслибы кто-нибудь вдругъ сильно взялъ меня теперь за руку или ударилъ по плечу, я готовъ былъ бы думать, что проснулся и что все происходившее со мною былъ—сонъ, удивительный, очаровательный, навѣянный огромнымъ самолюбіемъ и такою же огромною любовью къ родинѣ. Но какъ я ни думаю — нѣтъ, это не сонъ, а существенность. Чтò же все это значитъ? Какая скрывается за всѣми этими событіями таинственная загадка?..

„...Изъ кабинета императрицы я пошелъ къ кн. Долгорукову, который протянулъ мнѣ руку (въ первый разъ), пожелалъ добраго пути, разузналъ при этомъ случаѣ, что я съ годъ знакомъ съ В. П. Титовымъ и ѣду въ Остендэ, и, выразивъ удовольствіе, что со мною познакомился, просилъ не забывать его, когда онъ возвратится въ Петербургъ...

„...Въ половинѣ 7-го я сѣлъ въ вагонъ, а въ половинѣ 8-го пріѣхалъ въ Франкфуртъ".

Въ дополненіе къ этому отрывку изъ „Дневника" Кавелина помѣщаемъ, какъ сказано выше, его программу преподаванія правовѣденія цесаревичу Николаю Александровичу:

Курсъ правовѣденія, предназначаемый для его императорскаго высочества Наслѣдника еще въ нѣжномъ его возрастѣ, не можетъ и не долженъ походить на обыкновенный юридическій университетскій курсъ. Въ четырнадцать и пятнадцать лѣтъ, когда воображеніе и простота сердца преобладаютъ надъ разсудкомъ, строгая наука съ ея сухими правилами, построеніями, отвлеченностями и выводами недоступна и произвела бы, вмѣсто знанія, вредное, по своимъ послѣдствіямъ, отвращеніе къ предмету. Поэтому для Наслѣдника престола обыкновенному юридическому курсу необходимо предпослать курсъ правовѣденія приготовительный. Прежде всего надобно обратить вниманіе и настроить мысль высокаго Слушателя на тѣ немногія, общія, всѣми безспорно признаваемыя начала и истины,

на которыхъ стоитъ человѣческое общежитіе и зиждется государственный и гражданскій порядокъ. Таковы: прирожденное въ человѣкѣ расположеніе къ добру и правдѣ; справедливость; нелицепріятный судъ; обязательность заключаемыхъ договоровъ какъ въ частномъ быту, такъ и между народами, и т. под. Ему должно показать осязательнымъ образомъ, живыми примѣрами, почерпнутыми изъ окружающаго и исторіи, что эти начала и истины не въ книгахъ только написаны, а ежеминутно, на каждомъ шагу, обнаруживаются въ практической жизни, и безъ нихъ человѣческаго общества нельзя себѣ и представить. Въ то же время, разборомъ этихъ примѣровъ должно возбуждать въ Слушателѣ глубокое сочувствіе къ достойнымъ лицамъ и доблестнымъ поступкамъ, возвышать его до созерцанія нравственной красоты и наслажденія. Усвоивъ сначала такимъ образомъ молодому уму немногія основныя юридическія истины, расположивъ его вникать въ нихъ сперва съ любопытствомъ, а потомъ съ любовью, можно уже будетъ безъ опасенія перейти къ изложенію полнаго курса правовѣденія по началамъ строгой науки, потому что оно, въ сущности, есть только ближайшее примѣненіе и подробное развитіе тѣхъ же общихъ началъ и истинъ, которыя уже будутъ усвоены умомъ и сердцемъ Слушателя въ приготовительномъ курсѣ.

Дать такое направленіе урокамъ правовѣденія, предназначаемымъ для его императорскаго высочества, необходимо еще и по другой, весьма важной причинѣ. Будущему обладателю милліоновъ молодого въ исторіи народа, каковъ народъ русскій, болѣе чѣмъ всякому другому европейскому монарху, прежде и больше всего необходимо носить въ своемъ умѣ и сердцѣ тѣ вѣчныя, непреложныя начала правды, безъ которыхъ человѣческое общество впало бы въ безначаліе и хаосъ; ибо во всякомъ другомъ европейскомъ государствѣ есть много юристовъ теоретиковъ и практиковъ, много публицистовъ, которые на всякій вопросъ изъ области политики и права могутъ тотчасъ же дать совершенно точный, ясный и удовлетворительный отвѣтъ; въ Россіи же, по самому ея политическому уставу, а еще болѣе по недавности нашего образованія, государь въ очень многихъ случаяхъ вынужденъ, напротивъ, въ самомъ себѣ искать разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ законодательства, права и администраціи. Вслѣдствіе этого, предварительный курсъ правовѣденія долженъ быть для Наслѣдника россійскаго престола не столько источникомъ знанія, которыя пріобрѣтутся имъ впослѣдствіи, сколько воспитать въ немъ чувство строгой справедливости и безпристрастія, пріучить его къ самообладанію; внушить крайнюю осторожность въ приговорахъ и рѣшеніяхъ и вообще въ изъявленіяхъ своей воли, которая будетъ закономъ для милліоновъ людей; убѣдить въ необходимости воздерживаться и отъ чрезмѣрной строгости, и отъ излишней чувствительности въ дѣлахъ законодательства, суда и управленія — двухъ крайностей, равно опасныхъ для государей, и въ которыя неограниченные монархи, по положенію своему, могутъ впадать легче, чѣмъ правители, ограниченные конституціями. Приготовительный курсъ правовѣденія долженъ воспитать въ Наслѣдникѣ престола убѣжденіе, что государство, къ владычествованію надъ которымъ его предназначило Провидѣніе, имѣетъ свои потребности,

живетъ, подобно человѣку и природѣ, по своимъ непреложнымъ законамъ, которые не могутъ быть нарушены и замѣнены произвольными желаніями и мѣрами безъ вреда какъ для государства, такъ и для самой верховной власти; наконецъ, что надобно глубоко вникать въ законы, по которымъ живетъ государство, въ его потребности и нужды, надобно, по возможности, освободиться отъ всякихъ предубѣжденій и пристрастій, чтобъ быть мудрымъ и великимъ государемъ и царствовать для счастія своихъ подданныхъ. Всѣ эти правила внѣдрятся сами собою въ юную, открытую для всѣхъ благородныхъ чувствованій душу, когда приготовительный курсъ правовѣдѣнія успѣетъ утвердить въ умѣ Государя Наслѣдника убѣжденіе, что начала, на которыхъ основаны человѣческія общества, не могутъ быть ни произвольно вводимы, ни произвольно отмѣняемы или уничтожаемы, что они составляютъ условія жизни государствъ и человѣческаго общежитія, что вдругъ нельзя ни создать добра, ни уничтожить зла, и что верховной власти, какъ опытному воспитателю или врачу, предстоитъ многотрудная, но вмѣстѣ и высокая задача направлять всѣ эти начала къ общей благой цѣли и тѣмъ способствовать развитію въ человѣкѣ и обществѣ добра и правды, отложивъ напрасное мечтаніе искоренить дурныя и печальныя стороны человѣчества и общественной жизни и стараясь лишь умѣрять ихъ и сдѣлать какъ можно менѣе вредными въ общей экономіи общежитія, ибо точно также и природа не допускаетъ насилій, но покоряется лишь волѣ того, кто, глубоко уразумѣвъ ея законы, дѣйствуетъ на нее сообразно съ ними. Въ этомъ смыслѣ нельзя не замѣтить, что послѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, полученнаго въ дѣтскомъ возрастѣ, приготовительный курсъ правовѣдѣнія въ лѣтахъ юношескихъ былъ бы весьма полезенъ и для каждаго благовоспитаннаго частнаго человѣка; для Наслѣдника же престола онъ совершенно необходимъ, потому что, съ одной стороны, служитъ введеніемъ къ строго научному изученію правовѣдѣнія, а съ другой—подчиняетъ требованіямъ разсудка и знанія чистыя и благородныя, но не всегда благоразумныя сердечныя побужденія, стремленія и страсти.

Слѣдующія главныя начала и идеи надлежитъ положить въ основаніе курса:

Человѣкъ, по своей физической и нравственной природѣ, предназначенъ къ общежитію.

Отличительныя черты нравственной природы человѣка: воля—способность выбирать одно и отвергать другое, и руководители ея: совѣсть и разумъ. Первою мы чувствуемъ, вторымъ понимаемъ добро и зло. Даже отвергая добро и преклоняясь на зло, мы не можемъ обойти разума и совѣсти, но отрицаемъ или искажаемъ ихъ внушенія. Совершенство человѣка состоитъ въ полномъ согласіи разсудка съ совѣстью, истины съ наклонностями сердца и въ полномъ подчиненіи имъ воли.

Разумъ внѣ общежитія не развивается, ибо для его развитія нуженъ обмѣнъ, поддержка, соревнованіе, совокупное дѣйствованіе; также и совѣсть становится чуткимъ отголоскомъ добра и правды подъ вліяніемъ воспитанія въ кругу другихъ людей. Итакъ, общежитіе есть условіе умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣка.

Общежитіе держится на справедливости, вложенной въ человѣка какъ условіе и залогъ общественности. Правило: „не дѣлай другому, чего себѣ не желаешь"—вытекаетъ изъ убѣжденія, что справедливость есть основной общественный законъ.

Справедливость рождаетъ права и обязанности; ибо, развиваясь и совершенствуясь въ общежитіи, человѣкъ обязанъ не мѣшать развитію и совершенствованію другихъ, а именно: обязанъ считать неприкосновенными жизнь, личность и имущество другихъ и хранить, какъ святыню, договоры, условія и обязательства.

Этими немногими правилами и ограничилась бы наука общежитія, еслибы всѣ люди были равны между собою по уму и сердцу, всѣ одинаково сознавали справедливость и одинаково хотѣли подчиняться ей въ своихъ дѣйствіяхъ. Но люди по природѣ неравны между собою; ихъ умъ, понятія, совѣсть различны. и потому они различно понимаютъ и чувствуютъ, что̀ справедливо и что̀ несправедливо; иные же, понимая и чувствуя одинаково съ другими, не хотятъ подчиняться обязанностямъ, налагаемымъ справедливостью. Отсюда рождается необходимость опредѣлить, что̀ справедливо и что̀ нѣтъ; это исполняетъ законъ. Тѣ, которые нарушаютъ законъ и тѣмъ вредятъ общежитію, приводятся къ повиновенію закону посредствомъ внѣшней силы; это дѣлаетъ наказаніе. Въ случаѣ сомнѣнія, кто остался вѣренъ справедливости и кто отступилъ отъ нея, слѣдуетъ разобрать споръ или изслѣдовать обстоятельства; это дѣло суда.

Ставить законъ, судить, наказывать не можетъ никто изъ причастныхъ къ интересамъ и спору, потому что никто о себѣ и своихъ выгодахъ безпристрастно судить не можетъ. Для этого необходимъ посредникъ, стоящій выше споровъ, недоразумѣній и интересовъ и потому безпристрастный. Такой посредникъ и есть верховная власть.

Каждое человѣческое общество непремѣнно подчиняется верховной власти. Это законъ органическій, непреложный, вытекающій изъ существа человѣческой природы и общежитія.

Общежитіе имѣетъ нѣсколько видовъ или ступеней.

Первая и простѣйшая—это семейство—колыбель человѣчества, первообразъ и основа государства.

Болѣе сложный видъ общежитія представляютъ разнаго рода общества, составившіяся или вслѣдствіе поселенія людей на однихъ мѣстахъ (общины территоріальныя: города и села), или вслѣдствіе веденія ими одинаковаго образа жизни, занятія одними и тѣми же промыслами (сословія и корпораціи), или составившіяся съ опредѣленною какою-либо цѣлью, какъ, наприм., ученою, коммерческою и т. д. (ученыя общества, промышленныя компаніи).

Всѣ эти частныя общества и общественные союзы приводитъ къ единству и гармоніи государство, которое имѣетъ свои органы для управленія, войско, финансы, законодательствуетъ, даетъ судъ и вѣдаетъ полицію. Государство выражаетъ единство отдѣльныхъ союзовъ и общежитій.

Въ свою очередь и государства соединяются между собою и образуютъ международные союзы. Расширяясь и обнимая все большее и большее число государствъ и народовъ, эти союзы стре-

мятся превратиться въ одинъ общій международный союзъ всѣхъ государствъ и народовъ, управляемый по началамъ, которыя условлены между ними посредствомъ трактатовъ и договоровъ и представляютъ примѣненіе закона справедливости къ отношеніямъ между государствами.

Каждое изъ этихъ положеній должно быть развиваемо въ урокахъ подробно, примѣняясь къ изложенной выше цѣли приготовительнаго курса правовѣденія и къ возрасту его высочества Наслѣдника. Все носящее печать школьной рутины и педантизма, всѣ ученые термины, могущіе смутить Слушателя своею новизною, неизвѣстностію и мнимою трудностію для уразумѣнія, должны быть, по возможности, устранены изъ курса, дабы не отнять у его высочества охоты къ предмету и довѣрія къ своимъ силамъ. Каждый предметъ долженъ быть изложенъ совершенно просто, какъ можно ближе и доступнѣе юношескимъ понятіямъ и, для облегченія Слушателя, для устраненія утомительнаго однообразія, объясненъ многочисленными примѣрами и примѣненіями, взятыми изъ ежедневной жизни, исторіи и законодательствъ, преимущественно русскаго, біографій знаменитыхъ мужей древняго и новаго міра, судебныхъ рѣшеній и случаевъ, и т. д. Затѣмъ, когда предметъ совершенно уясненъ, должно быть указано нравственное принаровленіе каждаго правила, каждой истины, что̀ всего сильнѣе дѣйствуетъ на молодой умъ и облегчаетъ ихъ усвоеніе. Соотвѣтственно съ этимъ, преподаваніе должно быть не исключительно дидактическое, а вмѣстѣ разговорное, въ видѣ бесѣды, допускающее и даже вызывающее замѣчанія, размышленія и возраженія, чтобъ предметы преподаванія ложились въ умѣ и сердцѣ воспитанника незамѣтно, но правильно и твердо".

Въ концѣ августа 1857 г. Кавелинъ былъ въ Петербургѣ. 11-го сентября онъ уже читалъ вступительную лекцію въ курсъ гражданскаго права въ петербургскомъ университетѣ, а 17-го сентября—началъ давать уроки цесаревичу. Весьма характерна рѣчь Кавелина, обращенная къ студентамъ передъ вступительной лекціей. Она отличается необыкновенной задушевностью, скромностью и преисполнена любовью къ учащейся молодежи.

„Съ трепетомъ и сердечнымъ смущеніемъ вступаю я на эту каѳедру, — такъ началъ онъ свою рѣчь. — Съ этой же самой каѳедры преподавалъ покойный профессоръ Неволинъ, котораго имя вписано неизгладимыми чертами въ лѣтописяхъ русской юридической и исторической литературы; эту каѳедру занималъ профессоръ Мейеръ, слишкомъ рано умершій, и котораго благородная и почтенная ученая и педагогическая дѣятельность почти нераздѣльно принадлежитъ казанскому университету. При такихъ предшественникахъ преподаваніе гражданскаго права, и безъ того не легкое, по необработанности у насъ этого предмета, становится еще труднѣе. Но не одно это смущаетъ меня. Вступая на каѳедру, я невольно переношусь мыслями и сердцемъ къ другой,

лучшей эпохѣ моей жизни". Вспомянувъ затѣмъ „лучшую эпоху", свое профессорство въ Москвѣ, Кавелинъ такъ заканчивалъ свое обращеніе къ студентамъ петербургскаго университета: „Мм. гг.! И теперь, возвращаясь на каѳедру черезъ девять лѣтъ, я приношу съ собою то-же непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи науки; ту-же горячую вѣру въ высокія историческія судьбы отечества, то-же довѣріе къ нашимъ молодымъ поколѣніямъ, въ особенности университетскому, которымъ по закону естественнаго преемства принадлежитъ будущее; наконецъ, ту-же готовность работать для науки и каѳедры по крайнему разумѣнію, по мѣрѣ силъ. И если когда-нибудь изъ этой аудиторіи выйдетъ великій ученый юристъ или замѣчательный практикъ, который полезною дѣятельностью и славою своего имени наполнитъ свое отечество,—говорю это отъ полноты сердечнаго убѣжденія,—всѣхъ болѣе будетъ радоваться обойденный, оставленный имъ назади наставникъ" [1]).

Въ 1858 году періодическія изданія получили дозволеніе касаться крестьянскаго дѣла, и въ февральской и апрѣльской книжкахъ „Современника" появились статьи по поводу рескриптовъ 20-го ноября и 5-го декабря 1857 г. подъ заглавіемъ „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта". Въ апрѣльской книжкѣ, между прочимъ, помѣщено было извлеченіе изъ „Записки" Кавелина, безъ упоминанія его имени. Объ этой статьѣ было заявлено въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу [2]), и затѣмъ императоръ, въ одномъ изъ засѣданій комитета министровъ, выразилъ свое неудовольствіе относительно назначенія Кавелина въ преподаватели къ наслѣднику цесаревичу.

Это обстоятельство побудило Кавелина прекратить уроки наслѣднику, которые такимъ образомъ продолжались всего семь съ небольшимъ мѣсяцевъ. Кавелинъ покинулъ придворную службу, остался при одной профессорской каѳедрѣ, выполнивъ, такимъ образомъ, на дѣлѣ свое намѣреніе, которое онъ, какъ мы видѣли выше, такъ откровенно и благородно высказывалъ государынѣ императрицѣ и А. Т., еще до начала уроковъ наслѣднику. Компромиссы, уступки своимъ убѣжденіямъ Кавелинъ считалъ въ столь важномъ дѣлѣ, по его собственному выраженію, измѣной отечеству. Онъ вновь погрузился—употребимъ его же слова—въ „ту-же почетную и почтенную неизвѣстность, изъ которой слу-

---

[1]) Соч. Кавелина, IV, стр. 361—362.

[2]) Подъ этимъ названіемъ оффиціально открытъ 8 янв. 1858 г. прежній секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу.

чайно вышелъ", и до конца жизни остался вѣренъ своему рѣшенію, хотя вскорѣ послѣ его удаленія отъ Двора воззрѣнія его на освобожденіе крестьянъ все болѣе и болѣе пріобрѣтали вѣса, и о его выходѣ изъ преподавателей наслѣднику пришлось серьезно пожалѣть. Желали, по возможности, показать ему, что его не считаютъ виновнымъ; ему предложена была пенсія за преподаваніе наслѣднику, но онъ отказался отъ нея на томъ основаніи, что не только не окончилъ преподаванія, а едва успѣлъ его начать. Отъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, къ которому онъ былъ представленъ за службу по университету, онъ также отказался; а въ 1862 г., при празднованіи тысячелѣтія Россіи, когда были награждены чинами и орденами многіе изъ выдающихся русскихъ ученыхъ и литераторовъ,—онъ отклонилъ представленіе о себѣ къ наградѣ орденомъ за ученыя заслуги.

Лично государыня императрица Марія Александровна продолжала благосклонно относиться къ Кавелину, и онъ имѣлъ возможность впослѣдствіи не одинъ разъ убѣдиться въ этой благосклонности...

1861-й годъ ознаменованъ въ личной жизни Кавелина трагическими для него событіями. Въ этотъ годъ, 19-го февраля, крестьянская реформа осуществилась и на тѣхъ именно началахъ, которыя были высказаны Кавелинымъ въ его „Запискѣ" и которыя три года передъ тѣмъ послужили къ его обвиненію: помѣщичьи крестьяне освобождены съ землею и съ выкупомъ ея. Только люди, близкіе къ Кавелину, знали при его жизни, какую роль играетъ онъ въ дѣлѣ созданія „Положеній" 19-го февраля 1861 г. За нѣсколько дней до 19-го февраля скончался, на 15-мъ году жизни, его сынъ Дмитрій, мальчикъ въ высшей степени даровитый и не по лѣтамъ развитой умственно, составлявшій гордость отца, который возлагалъ на него самыя задушевныя, лучшія надежды.

Юноша, здоровый тѣломъ и духомъ, напоминалъ наружностью и складомъ ума отца въ его годы. Но большая разница была въ условіяхъ развитія и воспитанія Константина Дмитріевича и его сына. Въ противоположность отцу, который не находилъ въ своихъ родителяхъ и въ окружавшей его средѣ сочувствія своимъ стремленіямъ и встрѣчалъ имъ преграды на каждомъ шагу,— Митя окруженъ былъ предупредительностью и заботливостью отца, который, быть можетъ, даже черезъ-чуръ сталъ развивать умственныя силы ребенка. Четырехлѣтній Митя самоучкой, по газетамъ и афишамъ, выучился читать и писать, а 6—7-ми лѣтъ,

постоянно находясь въ обществѣ отца и его ученыхъ друзей, поражалъ взрослыхъ своими разсужденіями. 10—11-ти лѣтъ Митя писалъ трактаты „о значеніи Петра В. въ русской исторіи" и „біографію Карла XII" и издавалъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по ученію, рукописные журналы. Ихъ было нѣсколько. Были и учено-литературные, и общественно-сатирическіе (послѣдніе съ акварельными рисунками мальчиковъ-издателей). Изъ первыхъ я помню „Комету", гдѣ перу Мити принадлежала статья: „Молодость Людовика XIV", а изъ послѣднихъ—„Сѣверное Сіяніе", въ которомъ обсуждались тогдашніе русскіе общественные вопросы. Учился Митя дома, и въ числѣ многихъ его учителей, какъ бы преемственно послѣ Бѣлинскаго, учившаго Константина Дмитріевича, былъ извѣстный критикъ конца 50-хъ годовъ, Н. А. Добролюбовъ.

5-го февраля 1861 г. Митя заболѣлъ скарлатиной, и 11-го февраля его не стало... Отчаянію отца не было границъ; онъ самъ серьезно заболѣлъ, и близкіе ему люди думали, что онъ лишится разсудка. Свою душевную скорбь излилъ онъ въ письмѣ, отъ 7-го апрѣля 1861 г., къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ, фрейлинѣ в. кн. Елены Павловны. „Счастье—если это глупое слово что-нибудь и значитъ—потеряло для меня всякій смыслъ. Еслибъ я могъ возвратить Митю, я бы охотно пошелъ въ 10-ти-лѣтнюю каторжную работу. Послѣ смерти Грановскаго я вдругъ простился съ молодостью, и теперь чувствую себя просто старикомъ. Остаются обязанности, безъ радостей, которыя слѣдуютъ за исполненіемъ долга. Страшно хочется поскорѣе запрятаться въ какую-нибудь глушь; отдохнуть и хоть разъ облегчить себя слезой. Можетъ быть, работа спокойная, безъ помѣхи, не срочная, разсѣяла бы меня сколько-нибудь. Я совсѣмъ измученъ, и умомъ, мыслями, такъ же далекъ отъ резигнаціи, какъ прежде...

...Одно, что у меня теперь осталось—это дочь. Того и гляди, что и ее, лѣтъ 16-ти, унесетъ какая-нибудь случайность. Почему же нѣтъ! Это будетъ ни менѣе разумно, ни менѣе справедливо и великодушно со стороны судьбы".

Въ маѣ 1861 года Кавелинъ отправился на Волгу, въ свою Кавелинку, и пробылъ тамъ до августа. Онъ освѣжился умственно и нравственно въ „широкомъ раздольи" нашего Поволжья, и, устраивая на новыхъ началахъ бытъ своихъ крестьянъ, въ ихъ обществѣ, какъ нѣкогда ребенкомъ въ Ивановѣ, нашелъ отдохновеніе отъ душевнаго изнеможенія...

Д. Корсаковъ.

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.

ПАУТИНА.

Я—паукъ, и вотъ я день и ночь нити вью
И на воздухъ пускаю кругомъ;
Ужъ зацѣпитъ за что-нибудь каждая нить—
Сѣть готова, и дѣло съ концомъ.

Я—пѣвецъ, и вотъ я пѣснь за пѣсней пою,
Въ свѣтъ широкій пускаю ихъ я;
Если каждую сердце пойметъ хоть одно—
Не напрасна работа моя.

Нить одна за другой, вдоль, кругомъ, поперекъ...
Хоть и медленно дѣло идетъ,
Все же крѣпкую сѣть я сплету наконецъ, -
Много мушекъ въ нее попадетъ.

Какъ тѣ нити, пусть пѣсни одна за другой
Изъ селенья въ селенье летятъ,
Ободряютъ умы, проясняютъ глаза
И уснувшую мысль шевелятъ.

Вѣдь паукъ безопасенъ подъ сѣтью своей,
Не боится онъ здѣсь ничего,
Непогоды лихія ему нипочемъ,—
Лишь охота бы шла у него.

Какъ и онъ, я, пѣвецъ, не ропщу на судьбу,
И доволенъ я буду вполнѣ,
Лишь бы только почаще людскія сердца
Попадалися въ сѣти ко мнѣ.

В. Н—ая.

ВЪ СВАНЕТІИ

Изъ путешествія И. Иванюкова и М. Ковалевскаго.

I.

Радуясь ясному небу, поднимались мы густымъ лѣсомъ на гору. Вдругъ поляна... еще нѣсколько шаговъ, и взору открылась такая широкая, необычайная и сложная панорама, которая буквально ошеломила насъ.

Предъ нами, разсѣянныя по горнымъ отрогамъ глубокой котловины, селенія-крѣпостцы, сотни башенъ, густая населенность, мозаичный коверъ золотящихся пажитей, разбросанныхъ нарѣзками между селеніями, рощами и лугами; внизу котловина прорѣзана страшными пропастями извивающейся рѣки; вверху, надъ альпійскими пастбищами, высятся лѣса; на нихъ, среди скалъ, сползаютъ глетчеры—и все это замкнуто гигантскимъ ледянымъ кольцомъ, изъ котораго уходятъ къ небу высочайшія вершины Кавказа. Эта пестрая картина была залита солнцемъ и блестѣла яркими, разнообразными красками. Картина была и величественна, и нарядна, и празднична.

Такой перемѣны декораціи, такой своеобразной, ни съ чѣмъ несравнимой панорамы, мы никакъ не ожидали. Было отъ чего придти въ изумленіе.

Восторженное настроеніе охватило насъ. Да, говорили мы, Сванетія стôитъ и не такихъ трудностей, какія были испытаны нами! Какъ къ ней идетъ ея недоступность! Въ Россіи ли мы? Болѣе необычайное едва ли встрѣтишь и въ центральной Африкѣ! Ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе къ башнямъ; вѣроятно, не мало еще диковинокъ ожидаетъ насъ.

Мы начали спускаться къ сопелю [1]) Лашъ-Карашъ, раскинутому на высокомъ берегу Ингура. Дорога тянулась тропинкой по зеленой муравѣ альпійскаго луга, имѣвшаго видъ выхоленнаго газона. Встрѣчавшіеся сванеты смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, кланялись и произносили какія-то слова, которыя, по разъясненію Азамата, значили: „пусть въ этотъ день не случится съ тобой ничего худого" [2]). Въѣхавъ въ Лашъ-Карашъ, мы расположились въ тѣни буковаго дерева, а проводники вошли въ домъ. Вскорѣ вышелъ хозяинъ дома, неся для насъ кислое молоко, сыръ и аракъ [3]). Осмотрѣвъ съ большимъ интересомъ его домъ и башню, мы отправились дальше [4]). Азаматъ поѣхалъ впередъ, въ сопель Эцери, чтобы предупредить живущихъ тамъ князей Дадешкеліани, что къ нимъ ѣдутъ гости Измаила Урусбіева.

Дорога наша шла подъемами и спусками по горнымъ отрогамъ правой стороны Ингура. При каждомъ подъемѣ мы наслаждались такой же обширной картиной, какую увидали при выѣздѣ изъ Узгатскаго лѣса. Мы двигались съ запада на востокъ вверхъ по теченію Ингура, между главнымъ кавказскимъ и сванетскимъ хребтами. Ингуръ раздѣляетъ эту часть Сванетіи на двѣ неравныя части, изъ коихъ бо́льшая примыкаетъ къ главному хребту. Сванетскій склонъ такъ крутъ, что недоступенъ заселенію. Поселки разсѣяны по отлогимъ склонамъ отроговъ правой стороны Ингура; надъ ними альпійскія пастбища, еще выше—зеленѣющіе лѣса, скалы и, наконецъ, глётчеры и острые пики снѣжныхъ горъ. Любоваться окружающей насъ картиной было тѣмъ удобнѣе, что лошадь ступала по такой гладкой дорогѣ, какой мы не знали съ самаго выѣзда изъ Хассаута. Въ недоумѣніи вспоминали мы, какъ насъ пугали ужасами сванетскихъ дорогъ. Удивляла насъ также густая населенность; верста, много двѣ, отдѣляла одинъ сопель отъ другого. Потомъ мы узнали, что причина такой густоты поселковъ заключается въ рельефѣ страны: только долины Ингура и нѣскольвихъ, впадающихъ въ него, рѣкъ доступны заселенію; три четверти страны не имѣютъ поселеній, вслѣдствіе чрезмѣрной крутизны горныхъ склоновъ.

Къ шести часамъ подъѣзжали мы къ Эцери, лежащему на

---

[1]) Сопель—значитъ по-сванетски селеніе.

[2]) Азаматъ не говорилъ по-сванетски, но шедшіе съ нами сванеты знали немного по-татарски. Отправляясь въ Сванетію, мы разсчитывали имѣть переводчиками священниковъ.

[3]) Аракъ—отвратительная и очень крѣпкая водка, приготовляемая изъ ячменя.

[4]) О сванетскихъ жилищахъ и башняхъ—рѣчь ниже.

высотѣ 5,200 футовъ [1]). Уже издали видны были стѣны и башня зàмка князей Дадешкеліани, стоящаго на высокомъ мѣстѣ у подошвы главнаго хребта. Отъ зàмка отлогимъ амфитеатромъ спускались къ Ингуру нивы и сѣнокосы, среди которыхъ расположенъ сопель. Насъ встрѣтилъ „писарь" (управляющій дѣлами) князя и, сообщивъ, что ни князя Татаркана, ни брата его, Джансоха, нѣтъ дома — они въ Кутаисѣ, — просилъ войти въ комнаты. Мы весьма обрадовались умѣнью писаря говорить по-русски; значитъ, для Эцери переводчикъ есть.

Насъ ввели не въ зàмокъ, а въ обыкновенный двухъ-этажный изъ дерева домъ, куда, по смерти отца, перебрались изъ зàмка братья Дадешкеліани. Сѣвъ за столъ, съ удовольствіемъ увидѣли мы на немъ два графина краснаго вина. Обѣдъ состоялъ изъ вареннаго мяса съ эстрагономъ, супа съ острыми специями, печонки и простокваши съ сахаромъ. Во время обѣда мы забрасывали писаря вопросами о Сванетіи и получали отъ него самые обстоятельные отвѣты.

— Гдѣ вы научились по-русски?—спросили мы.

— Мой отецъ—отвѣчалъ писарь—жилъ нѣсколько лѣтъ въ Кутаисѣ и женился тамъ на имеретинкѣ. Мать настояла, чтобы меня отдали учиться. Я окончилъ курсъ въ кутаисскомъ духовномъ училищѣ.

— Много ли сванетовъ говорятъ по-русски?

— Изъ князей говорятъ по-русски наши эцерскіе князья, Татарканъ и Джансохъ, да еще Бекербей Дадешкеліани изъ сопеля Пари. Простыхъ сванетовъ, знающихъ русскій языкъ, не болѣе семи человѣкъ, которые какимъ-нибудь случаемъ попали въ русскія училища.

— А священники знаютъ русскій языкъ?

— Большинство знаетъ. У насъ священники мингрельцы и имеретины. Ихъ присылаетъ сюда общество распространенія православія на Кавказѣ.

— Есть ли въ Сванетіи хоть одна русская школа?

— Русской школы нѣтъ. Единственная школа во всей Сванетіи устроена священникомъ сопеля Мести. Онъ обучаетъ дѣтей мингрельскому языку.

Просили мы писаря назвать человѣкъ десять стариковъ для полученія отъ нихъ свѣденій объ обычаяхъ сванетовъ, а также

---

[1]) Сопель Эцери—наибольшій въ эцерскомъ обществѣ. Всѣхъ сопелей въ этомъ обществѣ шесть. Они расположены близко другъ друга: полверсты, верста—вотъ разстояніе между ними. Эцерское общество имѣетъ 150 дворовъ и 1,200 человѣкъ населенія.

устроить хоръ для ознакомленія насъ съ сванетской музыкой и пѣніемъ. Онъ отвѣтилъ, что послѣдняго нельзя исполнить, такъ какъ не прошелъ еще годъ траура по смерти отца эцерскихъ Дадешкеліани.

Черезъ полчаса послѣ обѣда явились восемь почтенныхъ стариковъ. Бесѣда съ ними была столь интересна, отвѣты ихъ такъ толковы, что мы, несмотря на усталость, разстались со стариками лишь къ одиннадцати часамъ.

Утро слѣдующаго дня было занято осмотромъ за̀мка и церкви. За̀мокъ обнесенъ высокой каменной стѣной со множествомъ бойницъ. Массивными желѣзными воротами вошли мы во дворъ за̀мка. Здѣсь находятся помѣщенія для скота, амбаръ для запасовъ, пристройки для службъ, мельница и проведена вода изъ родника. Всѣ постройки имѣютъ толстыя каменныя стѣны и приспособлены для обороны. Посреди двора, на широкомъ фундаментѣ, воздвигнута башня, вышиною въ 80 футовъ. Сторона основанія башни около 4-хъ саженъ. Въ башнѣ девять этажей, соединенныхъ внутренней лѣстницей. Свѣтъ проходитъ лишь чрезъ узкія бойницы, почему въ башнѣ полумракъ. На земляномъ полу нижняго этажа помѣщается священный для всего рода очагъ, надъ которымъ виситъ на цѣпи котелъ. Здѣсь совершалась трапеза; стѣны и потолокъ этого обширнаго помѣщенія совершенно черны отъ копоти. Въ третьемъ этажѣ большая зала—мѣсто торжественныхъ собраній стараго времени. Башня кончается площадкой съ двѣнадцатью амбразурами въ стѣнкахъ. Изъ этихъ амбразуръ въ старое время наблюдали надъ всей окрестностью и стрѣляли въ приближающихся враговъ. Старинное ружье, которое намъ здѣсь показывали, имѣло 11 четвертей длины. Никто не знаетъ, когда выстроена башня. Народная молва считаетъ возрастъ башни болѣе 1000 лѣтъ. Вѣрно одно, что башня существовала уже лѣтъ 300 назадъ.

Осмотрѣвъ башню, мы отправились въ церковь, находящуюся въ полуторѣ версты отъ замка. Церковь стоитъ на высокомъ холмѣ, откуда дивный видъ на снѣжныя вершины сванетскаго хребта и ущелья Ингура. Входная деревянная дверь въ церковь замѣчательно изящной рѣзной работы. Отдѣленіе для молящихся имѣетъ только пять квадратныхъ шаговъ; алтарь съ полукруглой стѣной —4 шага ширины и 3 длины. Престолъ не отдѣленъ отъ стѣны и занимаетъ два шага. Такимъ образомъ, отъ царскихъ вратъ до престола лишь одинъ шагъ. Прямо передъ престоломъ—узкое, щельное окно. Другихъ оконъ не имѣется, почему въ церкви такая темнота, что приходилось зажигать свѣчу для прочтенія

надписей на иконахъ. Ни царскія врата, ни два входа сбоку ихъ не имѣютъ дверей, а также ничѣмъ не завѣшены. Потолокъ представляетъ сводъ. На стѣнахъ остатки совершенно закоптѣлыхъ фресокъ и три старинныя иконы въ серебряныхъ ризахъ. Въ одной изъ иконъ находятся мощи, но чьи это мощи—священникъ не знаетъ. На иконахъ имѣются грузинскія надписи изъ исторіи борьбы грузинскихъ царей съ сванетскими князьями. Вся церковь въ строгомъ и чрезвычайно изящномъ византійскомъ стилѣ. Народное преданіе приписываетъ постройку ея знаменитой царицѣ Грузіи, Тамарѣ, которая, будто-бы, вводила христіанство среди сванетовъ.

— А что́, батюшка, ходятъ сванеты въ церковь? — спросили мы.

— Нѣтъ, не ходятъ,—отвѣчалъ священникъ.

— Почему не ходятъ?

— Не знаю. Я здѣсь только первый годъ. Они молятся дома, по своему. Говорятъ, что въ церковь ходить не надо.

— Вы, батюшка, откуда?

— Я имеретинъ, изъ рачинскаго уѣзда.

— Нравится вамъ здѣсь жить?

— Нѣтъ. Народъ дикій. Ничего нельзя достать. Чай, сахаръ, свѣчи, соль... все надо выписывать изъ Кутаиса, а получаю отъ Общества Православія только 400 рублей.

— Гдѣ вы учились?

— Я окончилъ два класса въ кутаисскомъ духовномъ училищѣ.

Когда мы вернулись къ за̀мку, лошади были уже осѣдланы, и Азаматъ торопилъ насъ отъѣздомъ, чтобы поспѣть къ вечеру въ сопель Бечо. На̀скоро позавтракавъ, мы поѣхали дальше.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о нашемъ путешествіи по Сванетіи, мы воспользуемся собранными нами въ теченіе его свѣдѣніями и сдѣлаемъ, теперь же, бѣглый очеркъ этой интересной и почти неизвѣстной страны, — страны, гдѣ населеніе остается языческимъ, живетъ родовымъ бытомъ, практикуетъ еще кровную месть, одѣвается въ звѣриныя шкуры и почти не знаетъ обмѣна продуктовъ.

Сванетія есть глубокая котловина центральной части Кавказа, обнесенная со всѣхъ сторонъ высокими горами, большинство которыхъ уходитъ далеко за снѣговую линію. Съ сѣвера котловина загорожена сплошной стѣной высочайшихъ горъ главнаго кавказскаго хребта; съ юга тоже снѣговой хребетъ, называемый сва-

нетскимъ. Въ восточномъ углу котловина замкнута на-глухо соединеніемъ главнаго и сванетскаго хребтовъ. На западѣ она также замыкается поперечными отрогами. Такимъ образомъ Сванетія представляетъ собой гигантскій ящикъ, наполовину ледяной, наполовину каменный. Въ одномъ только мѣстѣ кольцо горъ имѣетъ выходъ—это узкое ущелье Ленхери, въ юго-западномъ углу, по которому проносится Ингуръ, выходящій изъ глётчеровъ юго-восточной части котловины и текущій въ Черное море. Пространство котловины съ запада на востокъ 60 верстъ, съ сѣвера на югъ—30 верстъ.

Вся котловина перерѣзана горными отрогами, идущими отъ главнаго кавказскаго и сванетскаго хребтовъ. Эти отроги, словно контрфорсы, подпираютъ стѣны ледяного кольца. Въ глубокой трещинѣ между двумя хребтами прорывается каменными пропастями Ингуръ, текущій сначала съ юго-востока на сѣверъ, а потомъ съ востока на западъ. Ингуръ принимаетъ въ себя всѣ воды, сбѣгающія съ ледниковъ и снѣговъ въ образуемую имъ долину. Кромѣ этой главной долины, къ трещинѣ Ингура непосредственно примыкаетъ рядъ поперечныхъ ущелій и короткихъ долинъ.

Дороги въ Сванетію нѣтъ, а существуетъ только единственная тропа — черезъ латпарскій перевалъ, ведущая въ восточный уголъ страны. Да и эта тропа доступна лишь три лѣтнихъ мѣсяца, когда гора Латпари освобождается отъ снѣга. Чтобы добраться до латпарскаго перевала, надо проѣхать изъ Кутаиса 150 верстъ верхомъ. Много страховъ разсказываютъ какъ про эту тропу, такъ и вообще про сванетскія дороги. Но мы, послѣ дорогъ изъ хассаутскаго аула до урусбіевскаго, вкупѣ съ донгузорунскимъ переваломъ, потеряли, вѣроятно, нормальный критерій для оцѣнки опасности дороги. Сванетскіе пути и латпарскій перевалъ показались намъ, за рѣдкими исключеніями, удобными и, при нѣкоторомъ вниманіи со стороны всадника, безопасными. Впрочемъ, чтобы не ввести въ заблужденіе будущаго путешественника по Сванетіи приведемъ отзывъ о латпарской тропѣ и сванетскихъ дорогахъ г. Ильина, описавшаго Ужбу, эту, по истинѣ, диковинную гору Сванетіи [1].

„Дорога въ Сванетію (черезъ латпарскій перевалъ),—говоритъ г. Ильинъ,—созданная для временныхъ цѣлей, исключительными средствами, теперь едва ремонтируется нарядомъ рабочихъ отъ мѣстнаго населенія; ремонтъ состоитъ въ очисткѣ осыпей,

[1]) „Ужба. Географическій очеркъ". А. Ильина. Спб., 1883.

образующихся весной, и поправкѣ мостовъ. О свойствахъ этой дороги житель русскихъ равнинъ и степей не можетъ составить себѣ и приблизительнаго понятія. Лучшія мѣста, гдѣ дорога взорвана порохомъ, въ отвѣсной известковой скалѣ около Мури; дальше идетъ просто пѣшеходная тропа по старому трасу дороги. Время наполовину сгладило полотно; но его вездѣ указываетъ торный слѣдъ. Ѣхать можно только верхомъ, на привычной горской лошади, на ослѣ или на кàтерѣ, т.-е. мулѣ: Сванетія не знаетъ еще колеса; хлѣбъ тамъ возятъ и лѣтомъ на саняхъ, запряженныхъ парой мелкихъ воловъ. Эти сани лучше всего и поддерживаютъ дорогу. Гдѣ прошли сани, тамъ нѣтъ на дорогѣ щебня и булыжника. Чтобъ сани не скатились въ пропасть, на частыхъ косогорахъ вколачиваютъ по краю тропинки колья; вершка на два, на четверть они торчатъ изъ рыхлаго, сыпучаго шифера. Съѣхавшія на пути санки ударяютъ о колышки и избавляются отъ опасности скатиться по откосу дальше на 500 и 1,000 фут. ниже, гдѣ шумитъ рѣка. Уклоны тропинки самые смѣлые, и часто съ крутого подъема немедленно начинается быстрый спускъ. Иногда дорога представляетъ рядъ ступенекъ, природную лѣстницу въ слоистой скалѣ; такая лѣстница очень удобна на подъемѣ, но на спускѣ опасна для непривычнаго наѣздника. Лошадь почти разомъ сбрасываетъ переднія ноги со ступеньки на ступеньку и такъ покачиваетъ сѣдока, что, того и гляди, полетишь чрезъ голову лошади. Во многихъ мѣстахъ тропинка вступаетъ на воздушные мосты. Внизу нѣтъ рѣки; но помостъ сдѣланъ для того, чтобъ попасть на сосѣдній уступъ скалы, гдѣ продолжается тропа. Мосты эти портятся и исправляются ежегодно; но всегда они представляютъ не что иное, какъ рядъ полусгнившихъ балокъ на жидкихъ подпоркахъ, съ камнями, набросанными сверху для устойчивости. Тѣ же помосты, большей частью въ одинъ зыбкій пролетъ, дѣлаются на переправахъ черезъ рѣки, не доступныя вбродъ, какихъ—большинство. Сванетскіе мосты, можно сказать, пляшутъ подъ ногами. Не стыдно сознаться, что ѣхать по нимъ жутко,—особенно въ дождь, когда круглыя балки скользятъ и вертятся подъ ногой лошади, подкованной гладкой грузинской подковой.

„Не сказку разсказываютъ, какъ одинъ военный слѣдователь сошелъ съ ума на такомъ мосту. Это дѣйствительно случилось съ нашимъ знакомымъ, покойнымъ А—скимъ, въ 1876 г., на походѣ отряда генерала Цитовича, посланнаго въ Сванетію для усмиренія возникшихъ тамъ безпорядковъ. Покойный А—скій былъ пожилой человѣкъ съ нервной комплекціей. На одномъ изъ

мостовъ, дорогой, съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ, перешедшій потомъ въ горячку, отъ которой онъ умеръ черезъ мѣсяцъ въ Кутаисѣ".

Итакъ, единственная въ настоящее время дорога въ Сванетію есть тропа черезъ латпарскій перевалъ, вышиною въ 9,200 футовъ. Прежде существовала другая дорога черезъ ущелье Ленхери; но она заброшена по трудности ее содержать.

Странныя вещи разсказываютъ сванеты про это ущелье. Изъ него, по ихъ словамъ, изрѣдка выходятъ „лѣсные люди", нагіе, обросшіе волосами, съ длинной палкой въ рукахъ. Никогда этихъ людей не встрѣчали парой. Суевѣрные сванеты полагаютъ, что въ лѣсномъ человѣкѣ сидитъ бѣсъ, и потому убиваютъ его. По этому предмету князь Татарканъ Дадешкеліани передавалъ намъ слѣдующій разсказъ, слышанный имъ отъ лица, которое заслуживаетъ полнаго довѣрія. Разсказчикъ охотился въ лѣсу неподалеку отъ ленхерскаго ущелья. Наступила ночь. Онъ развелъ костеръ и вдругъ видитъ—приближается къ огню человѣкъ, нагой и волосатый. Разсказчикъ, забывъ въ перепугѣ ружье, взлѣзъ на дерево. Нагой человѣкъ подошелъ къ костру, сталъ надъ нимъ прыгать и хлопать въ ладоши. Затѣмъ онъ взялъ ружье и всунулъ его прикладомъ въ костеръ. Ружье выстрѣлило. Тогда нагой человѣкъ, видимо испугавшись, убѣжалъ. Разсказчикъ показывалъ князю ружье съ обожженнымъ прикладомъ. По мнѣнію Т. Дадешкеліани, „лѣсные люди" — одичалые люди. Но когда и какъ они одичали, этого ни онъ, ни кто-либо другой не знаютъ.

Сванетская котловина имѣетъ значительную покатость съ востока на западъ. Такъ, самый западный сопель Лахамули лежитъ на высотѣ 3,400 футовъ; сопели средней части Сванетіи—между 5-ю и 6-ю тысячами футовъ; сопели восточнаго угла стоятъ на высотѣ 7,000 и болѣе футовъ. Этой покатостью обусловливаются различія посѣвовъ. Въ западной части страны хорошо поспѣваетъ пшеница; обыкновенные посѣвы среднихъ долинъ составляютъ рожь, ячмень, овесъ, просо, табакъ, бобы, чечевица, конопля; въ восточномъ же углу и по верховьямъ поперечныхъ ущелій съ трудомъ вызрѣваетъ рожь и ячмень. Уже одна такая высота страны должна была имѣть слѣдствіемъ суровый климатъ. Но, въ то же время, къ высокому поднятію надъ уровнемъ моря присоединяется еще масса льда и снѣга, окружающая котловину. Немало сопелей стоитъ подъ самыми глетчерами. И вотъ, страна, лежащая на одной широтѣ съ Сухумъ-Кале и Римомъ, имѣетъ въ декабрѣ и январѣ обыкновенную температуру отъ 30 до 35° мороза по Реомюру; въ іюнѣ и іюлѣ, когда на солнцѣ отъ 25

до 35° тепла, въ тѣни не бываетъ болѣе 18°. Мы были въ Сванетіи первую половину августа; все время стояла ясная погода, солнце пекло сильно, но не успѣвало нагрѣть воздуха; онъ постоянно оставался свѣжимъ, и, едва только заходило солнце, нужно было надѣвать полушубокъ или теплое пальто.

Такова, въ главныхъ чертахъ, природа Сванетіи; теперь взглянемъ на бытъ ея населенія.

По историческимъ судьбамъ, Сванетію дѣлятъ на три части: Вольная, Княжеская Дадешкеліановская и Княжеская Дадьяновская Сванетія. Сванетія Дадьяновская, съ населеніемъ въ 4,700 человѣкъ, находится внѣ котловины; она расположена въ долинѣ рѣки Цхенисцхали, протекающей у южнаго склона сванетскаго хребта. Какъ по своей природѣ, такъ и по быту населенія, Дадьяновская Сванетія рѣзко отличается отъ котловинной Сванетіи. Климатъ ея столь теплый, что кукуруза даетъ отличные урожаи и созрѣваетъ виноградъ. Живущіе здѣсь сванеты сильно подчинились мингрельскимъ обычаямъ; селенія ихъ непохожи уже на крѣпостцы, и сванетскія башни встрѣчаются лишь изрѣдка. Никакая граница не отдѣляетъ Дадьяновскую Сванетію отъ Мингреліи. Въ одной и той же долинѣ рѣки Цхенисцхали находятся какъ сванетскія, такъ и мингрельскія селенія. Бывшіе владѣтели этой части Сванетіи, князья Дадьяны, состояли въ феодальныхъ отношеніяхъ къ грузинскимъ царямъ. До сихъ поръ они остаются самыми крупными землевладѣльцами въ долинѣ Цхенисцхали.

Сванетію, въ строгомъ смыслѣ слова, составляетъ лишь замкнутая снѣжными хребтами котловина. Въ западной нижней ея части расположены четыре общества Дадешкеліановской Сванетіи съ населеніемъ въ 3,100 чел.; остальную, бо́льшую часть котловины занимаютъ семь обществъ Вольной Сванетіи, въ которыхъ насчитываютъ до 5½ тысячъ населенія.

Время появленія князей Дадешкеліани въ Сванетіи относятъ къ XV вѣку и родоначальникомъ ихъ считаютъ нѣкоего Пута, родственника дагестанскаго владыки, Шамхала Тарковскаго. Пута вошелъ въ Сванетію черезъ ленхерское ущелье и утвердился въ западной ея части; но ни онъ, ни его наслѣдники не могли покорить населенія верхней котловины; отсюда и названіе: „Вольная Сванетія“. Вплоть до подчиненія Сванетіи русскому правительству, общества средней и верхней котловины представляли изъ себя маленькія, самоуправляющіяся республики, которыя то заключали союзы, то враждовали между собой. Съ присоедине-

ніемъ Сванетіи къ Россіи и послѣ уничтоженія, въ 70-хъ годахъ, въ Княжеской Сванетіи крѣпостного права, юридическое и политическое положеніе населенія стало одинаковымъ во всей котловинѣ. Сванетія не была покорена русскими войсками; они никогда и не входили въ нее для завоеванія; она подчинилась русскому царю добровольно. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Издавна сванеты ходили въ Кутаисъ на заработки. Въ 40-хъ годахъ, мѣстная администрація стала завязывать съ пришельцами сношенія, выставляя имъ при этомъ на видъ выгоды, какія они получатъ отъ принятія русскаго подданства. Въ 1847 году явились къ кутаисскому вице-губернатору Колюбакину выборные съ извѣщеніемъ, что семь обществъ согласны признать надъ собой власть русскаго царя. Тогда былъ назначенъ въ Сванетію военный приставъ Микеладзе, который привелъ населеніе этихъ обществъ къ присягѣ. Микеладзе являлся въ Сванетіи единственнымъ представителемъ русской власти и пользовался большой любовью населенія. Вскорѣ присоединились къ Россіи еще два общества, а въ 1853 г. приняли русское подданство и остальныя два общества: латальское и ленжерское.

Военный приставъ, живущій въ бечойскомъ обществѣ, его помощникъ и выбранные обществами старшины суть единственные представители власти въ Сванетіи; тотъ же приставъ и его жена —единственные русскіе въ этой странѣ. Учрежденная было здѣсь камера мирового судьи пустуетъ за неимѣніемъ лица, которое согласилось бы поѣхать въ Сванетію.

Въ Княжеской Сванетіи имѣется въ настоящее время три вѣтви фамиліи князей Дадешкеліани. Одна вѣтвь живетъ въ эцерскомъ обществѣ, другая — въ парскомъ, третья — въ бечойскомъ. Эцерскіе князья, братья Татарканъ и Джансохъ—самые богатые. Старшій изъ нихъ служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при кутаисскомъ губернаторѣ, младшій—помощникъ военнаго пристава Сванетіи.

При освобожденіи крестьянъ, 146 крѣпостныхъ дворовъ эцерскаго общества получили въ частное владѣніе по пяти кцевъ [1]) на дворъ усадебной земли, пашни и покосу; сверхъ того, въ общее владѣніе общества отведены въ достаточномъ количествѣ пастбища и лѣса. За полученный надѣлъ каждый дворъ вноситъ князьямъ пять рублей въ годъ. При неимѣніи денегъ, эта сумма уплачивается натурою, преимущественно скотомъ. У эцерскихъ князей осталось и продолжаетъ сохраняться до настоящаго времени 150

[1]) Кцева составляетъ почти 1/3 десятины.

кцевъ усадебной, пахатной и сѣнокосной земли, 800 кцевъ пастбища и до 1000 кцевъ лѣса. Количество неудобной земли неизвѣстно; на глазъ ея больше 100 тысячъ кцевъ. Огромная площадь земли, называемой „неудобной", покрыта вѣковыми лѣсами; но, по крутизнѣ горныхъ склоновъ, пользованіе лѣсомъ невозможно. Сто-двадцать кцевъ пахати и сѣнокоса князья отдаютъ поселянамъ въ аренду изъ половины урожая; остальныя тридцать кцевъ обработываютъ наемниками изъ эцерскаго и другихъ обществъ. Работники вербуются преимущественно изъ дворовъ съ многочисленной семьей. При наймѣ на одинъ или нѣсколько дней, работники получаютъ лишь кормъ; нанятые на годъ—получаютъ харчи, одежду и скотъ на сумму отъ 50 до 60 рублей, причемъ цѣна скота такая: быкъ—30 рублей, корова—отъ 16 до 20, лошадь—отъ 40 до 60, баранъ—4, свинья—отъ 5 до 8 рублей. Съ пастбищъ и лѣса князья не получаютъ почти никакого дохода, такъ какъ этими угодьями поселяне владѣютъ въ достаточномъ количествѣ. Главный денежный доходъ князей не въ Сванетіи, а съ имѣющихся у нихъ пастбищъ въ Мингреліи и Абхазіи. За отдачу въ аренду этихъ пастбищъ они получили послѣдній годъ 900 рублей деньгами и 460 штукъ козъ и барановъ.

Самая бѣдная вѣтвь фамиліи Дадешкеліани—бечойскіе князья. Обѣднѣла она вслѣдствіе конфискаціи у нея въ 1850-хъ годахъ земли за принятіе главою семьи магометанства. Живутъ бечойскіе князья въ своемъ громадномъ зáмкѣ очень бѣдно, но откуда получаютъ средства перебиваться, этого никто намъ не могъ объяснить. Надо думать, что имъ помогаютъ родственники, но изъ деликатности не говорятъ объ этомъ.

Выше было уже замѣчено, что, съ уничтоженіемъ въ Сванетіи крѣпостного права, бытъ ея населенія сталъ почти одинаковымъ, а потому, въ дальнѣйшемъ изложеніи, нѣтъ надобности различать Княжескую и Вольную Сванетію.

Кто такіе сванеты? Къ какой расѣ принадлежатъ они; какой семьѣ языковъ родственъ ихъ языкъ?—на этотъ счетъ продолжаютъ оставаться совершенныя потемки. Полагаютъ, что сваны, о которыхъ говоритъ Страбонъ, какъ объ одномъ изъ воинственныхъ кавказскихъ племенъ, были предками нынѣшнихъ сванетовъ. Существуетъ также мнѣніе, что Сванетія наполнялась людьми самыхъ различныхъ племенъ, что въ ней находили себѣ убѣжище буйныя головы, которыя не уживались въ нижнихъ долинахъ и

искали вольной жизни. Интересенъ слѣдующій фактъ: всѣ наши старанія уловить сванетскій типъ остались тщетны—такъ разнообразны лица сванетовъ. Въ толпѣ одного и того же общества вы встрѣтите характерные типы южнаго итальянца и монгола, самыхъ темныхъ брюнетовъ съ огненнымъ взоромъ и свѣтлыхъ блондиновъ съ голубыми глазами, мягкія кудри и рыжую щетину, пріятныя, добрыя лица и лица звѣрскія.

Сванеты становятся знакомыми грузинскимъ лѣтописямъ за $2^1/_2$ вѣка до Р. Х., какъ хищническій народъ, спускавшійся въ долины для грабежа. Такая репутація оставалась за сванетами вплоть до подчиненія Грузіи русскому владычеству. Грузинскіе цари и князья не разъ жестоко наказывали сванетовъ за ихъ набѣги и грабежи.

Сванетскія жилища представляютъ собою настоящія небольшія крѣпостцы. Крѣпко сложенный изъ камня домъ съ бойницами вмѣсто оконъ; дворъ обнесенъ каменной стѣной, въ которой тоже продѣланы бойницы. Башенъ не имѣютъ только новые дома. Постройка башенъ очень долговѣчна и, разумѣется, требовала большого труда. Онѣ сложены на цементѣ изъ четырехъугольныхъ каменныхъ плитъ и имѣютъ вышину отъ 60 до 80 футовъ; подъ двухскатною шиферною крышей, въ самомъ верху, съ каждой изъ четырехъ сторонъ башни находятся по три навѣсныя бойницы; изъ этихъ бойницъ можно обстрѣливать сверху внизъ самое подножіе башни; посрединѣ башни иногда также пробиты узкія бойницы. Когда построены башни—неизвѣстно. Онѣ служили какъ для защиты отъ внѣшняго врага, такъ и въ борьбѣ одного общества съ другими, въ борьбѣ сосѣда съ сосѣдомъ. Еще недавно кровная месть была въ полномъ ходу въ Сванетіи; обычные кутежи нерѣдко кончались кровавыми драками, а пролитая кровь требовала новой крови.

Необыкновенно живописенъ видъ сванетскаго селенія. Издали оно представляется развалинами громаднаго зàмка съ уцѣлѣвшей колоннадой.

Нижняя часть дома поселянина имѣетъ одну обширную, полутемную комнату съ землянымъ поломъ. Посрединѣ ея сдѣланъ очагъ, т.-е. толстая шиферная плита положена на низкія каменныя подставки. Надъ очагомъ виситъ желѣзная цѣпь съ мѣднымъ котломъ, прикрѣпленная къ балкѣ потолка. По стѣнамъ стоятъ широкія скамьи, а у одной изъ стѣнъ отгорожено мѣсто для скота. Стѣны и потолокъ черны отъ копоти. Эта комната составляетъ единственное жилое помѣщеніе домочадцевъ, такъ какъ верхній этажъ и башня служатъ амбаромъ.

О семьѣ, бракѣ и положеніи женщины въ Сванетіи будетъ изложено ниже, при разсмотрѣніи юридическихъ отношеній, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о религіи сванетовъ.

Оффиціально сванеты считаются христіанами; на самомъ же дѣлѣ они продолжаютъ пребывать въ язычествѣ. Уже въ первые вѣка нашей эры начинаютъ появляться въ Сванетіи миссіонеры для распространенія христіанства. По свидѣтельству грузинскихъ лѣтописей, къ XIII-му столѣтію христіанство здѣсь достигаетъ значительнаго распространенія. Но по мѣрѣ того, какъ утрачивалось вліяніе на Сванетію Грузіи, нравы грубѣли и христіанская религія перепутывалась съ старыми языческими понятіями. Религіозныя воззрѣнія сванетовъ, въ настоящее время, представляютъ собой не что иное, какъ самый грубый фетишизмъ.

Въ каждомъ обществѣ есть церковь, а иногда и двѣ. Типъ церквей одинъ и тотъ же; все различіе ихъ заключается лишь въ размѣрахъ. Когда построены церкви, въ точности неизвѣстно; народное преданіе приписываетъ ихъ сооруженіе царицѣ Тамарѣ, жившей, какъ полагаютъ, въ XIII-мъ вѣкѣ На внутреннихъ стѣнахъ церквей остались слѣды фресокъ, большей частью совершенно закоптѣлыхъ отъ устройства въ церквахъ священныхъ пирушекъ. Въ каждой церкви находится по нѣскольку старинныхъ образовъ съ грузинскими и греческими надписями. Эти надписи списаны и объяснены г. Бакрадзе въ „Запискахъ Кавк. Отдѣла Геогр. Общ.“, 1864. Нынѣшніе священники въ Сванетіи, мингрельцы и имеретины, поставлены обществомъ распространенія христіанства на Кавказѣ; большинство изъ нихъ только грамотные, не учившіеся нигдѣ или окончившіе курсъ въ кутаисскомъ духовномъ училищѣ; служатъ они на грузинскомъ языкѣ. Рядомъ съ присылаемыми въ Сванетію священниками, у народа есть свое, наслѣдственное духовенство, такъ-называемые пàпи, которое до сихъ поръ отправляетъ неоффиціально различные религіозные обряды. Въ церковь сванеты ходятъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, такъ: для вѣнчанія, похоронъ, присяги. На вопросъ: почему народъ не ходитъ въ церковь? мы всегда получали лаконическіе отвѣты, какъ отъ самихъ священниковъ, такъ и отъ сванетовъ. Первые обыкновенно отвѣчали: „не знаю; я имъ говорю: ходите въ церковь, а они говорятъ: не надо“; сванеты же отвѣчали: „мы молимся дома; мы не понимаемъ по-грузински“; а бывало и такъ, что оставляли нашъ вопросъ безъ всякаго отвѣта. Разныя церкви, въ глазахъ сванетовъ, имѣютъ различное значеніе по ихъ важности, или, выражаясь точнѣе, разныя церкви внушаютъ сванетамъ неодинаковый страхъ. Нарушеніе присяги, данной въ одной

церкви, грозитъ небесной карой лишь въ видѣ неурожая, града; за нарушеніе присяги въ другой церкви неминуемо слѣдуетъ смерть. Самая страшная церковь главное святилище сванетовъ, есть Шальянъ, находящаяся въ кальскомъ обществѣ. Въ ней присягаютъ по важнѣйшимъ преступленіямъ; „присягнувшій неправильно будетъ пораженъ смертью въ тотъ же годъ". Узнавъ о существующей у сванетовъ увѣренности, что, вслѣдъ за посѣщеніемъ чужестранцами Шальяна, населеніе постигаютъ небесныя кары, мы рѣшили не входить въ эту церковь. Вотъ описаніе ея, сдѣланное первымъ русскимъ путешественникомъ по Сванетіи, въ 1855 году, полковникомъ Бартоломеемъ.

„Небольшая церковь, вмѣщающая не болѣе пятидесяти человѣкъ, окружена оградой, въ которой маленькія кельи для бывшихъ тутъ когда-то монаховъ. Посреди пола были видны остатки костровъ; на потолкѣ на длинныхъ жердяхъ висѣло множество роговъ животныхъ, принесенныхъ храму въ жертву. Церковь темна, грязна и закопчена. Драгоцѣнный, легендарный образъ (святыня) византійской работы въ ризѣ изъ чистаго золота; надписи греческія черною позолотою; на одной сторонѣ разноцвѣтною финифтью изображено распятіе; сверху парятъ два ангела, а по сторонамъ стоятъ Богоматерь и св. Іоаннъ. Кругомъ, по золотому окладу, вставлены драгоцѣнные камни, крупный жемчугъ и антики, изъ коихъ самый замѣчательный—превосходное грудное изображеніе Спасителя. Оборотная сторона иконы серебряная и представляетъ рельефъ Воскресенія Христова" [1]).

У сванетовъ нѣтъ представленія о Единомъ Богѣ. Вотъ что́ говорили па̀пи преосвященному Гавріилу: „Богъ сванетскій выше всѣхъ боговъ, ибо Сванетія выше всѣхъ странъ свѣта" [2]). У сванетовъ сохранилась дѣтски-живая вѣра, что въ извѣстныхъ мѣстахъ горъ, лѣсовъ, водъ живутъ злыя (сверхъестественныя) существа. Сванеты разсказываютъ, что прежде ихъ часто встрѣчали, теперь—рѣдко. Если убить такое существо одинъ на одинъ, ничего, дурныхъ послѣдствій не будетъ; если двое и болѣе людей встрѣтятся съ однимъ злымъ существомъ и убьютъ его, тогда непремѣнно послѣдуетъ месть; убійцъ подкараулятъ злыя существа и мучительно убьютъ. Черезъ ночь послѣ убійства злого существа отъ него остается лишь слюна. Въ представленіи своемъ о загробномъ мірѣ сванеты высказываютъ совершенно примитив-

---

1) „Записки Кавк. Отдѣла Геогр. Общ." 1876.

2) „Обозрѣніе сванетскихъ приходовъ", статья преосвящ. Гавріила. „Правосл. Обозр." 1867.

ный культъ. У кого много скота въ этой жизни, много будетъ и на томъ свѣтѣ.

Первобытность религіозныхъ представленій сванетовъ весьма наглядно выражается въ ихъ жертвоприношеніяхъ и праздникахъ [1]).

Грозныя явленія природы внушаютъ сванетамъ сильнѣйшій страхъ. Они проникнуты увѣренностью въ зависимости стихійныхъ явленій отъ настроенія небесной воли, и также, что эту волю можно задобрить принесеніемъ ей жертвъ. И вотъ, для умилостивленія Провидѣнія сванеты періодически приносятъ жертвы нѣсколько разъ въ году.

Въ мартѣ мѣсяцѣ собирается съ каждаго двора по одному „чабанагу" ячменя [2]). На собранный ячмень покупается у зажиточныхъ домохозяевъ аракъ, приносимый въ жертву богу войны—Марсу, который, по мнѣнію народа, предпочитаетъ этотъ напитокъ всякой другой жертвѣ.

Въ апрѣлѣ—опять сборъ ячменя, на который покупается быкъ, приносимый въ жертву апрѣлю мѣсяцу.

Послѣ Пасхи, на Ѳоминой или слѣдующей затѣмъ недѣлѣ, собирается по одному теленку или овцѣ съ двухъ дворовъ. Это—жертва, вымаливающая урожай.

Въ августѣ, на собранный ячмень покупается корова, которая приносится въ жертву „предводителю града" (скархла Межегвъ), чтобы онъ избавилъ поля отъ градобитія.

Таковы главнѣйшія періодическія жертвоприношенія. Изъ неперіодическихъ на первомъ планѣ стоятъ жертвоприношенія каждый разъ, когда рѣжутъ скотину, и жертвы во время похоронъ.

Во время похоронъ жертвенный быкъ идетъ передъ гробомъ. За гробомъ слѣдуетъ народъ, причемъ вдова, дочери, сестры и родственницы покойнаго плачутъ, рвутъ на себѣ волосы и царапаютъ лицо до крови. Во время отпѣванія одни держатъ за рога быка, другіе—за узду осѣдланную лошадь, третьи—одежду и оружіе покойника. Послѣ погребенія быкъ зарѣзывается, сердце и

---

[1]) Въ Кутаисѣ мы познакомились съ сванетомъ Виссаріономъ Шіовичемъ Нижерадзе, который состоитъ воспитателемъ въ дворянской прогимназіи. Онъ оказалъ намъ не малую помощь въ дѣлѣ выясненія сванетскихъ жертвоприношеній и праздниковъ. Между прочимъ, Виссаріонъ Шіовичъ вручилъ намъ два номера газеты „Кавказъ", въ коихъ помѣщены извлеченія изъ его статей, напечатанныхъ въ грузинской газетѣ „Шрома" и армянской „Дроэба". Эти извлеченія заключаютъ въ себѣ описаніе, во-первыхъ, празднованія въ Сванетіи Рождества Христова, Новаго года, Посѣщенія семей покойниками и, во-вторыхъ, жертвоприношеній ушкульскаго общества по поводу выпавшаго тамъ въ августѣ, 1883 г., снѣга. Упомянутыми извлеченіями мы пользуемся при изложеніи жертвоприношеній и праздниковъ.

[2]) Чабанагъ ячменя стоитъ 20 к.

печень его кладутся на деревянное блюдо, сванетскій „папи" поднимаетъ блюдо къ небу со словами: „Богъ, прими эту жертву"; остальныя части быка поступаютъ къ обѣду, который устроивается семьей покойнаго для односельчанъ.

Когда пройдетъ годъ послѣ смерти лица, семья должна устроить поминки по немъ. Поминки умершихъ называются „кончхаръ". На могилу для покойника приносятъ пирогъ съ сыромъ, баранину и аракъ; священникъ читаетъ молитву и благословляетъ принесенные предметы. Затѣмъ слѣдуетъ обильное угощеніе односельчанъ. Самый бѣдный домохозяинъ рѣжетъ при этомъ одного быка, пять барановъ, шесть свиней и приготовляетъ приблизительно до четверти „зека" араку на человѣка [1]). Если у кого рѣшительно нѣтъ средствъ справить кончхаръ, тому помогаютъ родственники и близкіе знакомые. Не справить кончхаръ невозможно; еслибы и нашелся какой вольнодумецъ, который не испугался бы мести покойниковъ, то родственники и сосѣди принудили бы его исполнить этотъ обрядъ.

Обыкновенно кончхаръ дѣлается не только спустя годъ послѣ смерти члена семьи, но справляется и ежегодно, какъ поминки усопшихъ. Поминки усопшихъ начинаются послѣ уборки хлѣба, и такъ какъ каждый изъ домохозяевъ селенія устроиваетъ ихъ по-очереди, то они длятся до начала декабря. Зажиточные рѣжутъ по нѣскольку быковъ, коровъ, барановъ, свиней, выставляютъ до сорока зековъ араку и приглашаютъ до ста и болѣе человѣкъ. Пьянство идетъ по цѣлымъ днямъ во весь періодъ осеннихъ кончхаровъ. Домашніе чередуются: одни празднуютъ, другіе работаютъ. Сванетъ по своему нраву горячъ, своевуленъ, задоренъ, а потому неудивительно, что поминки усопшихъ нерѣдко кончаются кровавыми драками и смертоубійствомъ.

Кромѣ указанныхъ нами главныхъ видовъ жертвоприношеній, послѣднія бываютъ еще по разнымъ спеціальнымъ случаямъ, чаще же всего вызываются состояніемъ погоды.

Выше было уже замѣчено, что сванеты проникнуты увѣренностью въ зависимости стихійныхъ явленій отъ воли Провидѣнія. Разъ дождь или засуха уничтожаетъ урожай, или градъ выбиваетъ поля,—значитъ, Богъ гнѣвается на народъ и нужно умилостивить его жертвами. Что же касается вопроса: за что Богъ можетъ гнѣваться на сванетовъ? то онъ не представляетъ никакой трудности для разрѣшенія. У всякаго народа есть свои обы-

[1]) Въ зекѣ 8 бутылокъ. Зажиточный домохозяинъ заготовляетъ на годъ араку до 100—150 зековъ, бѣдный—до 15—20 зековъ.

чаи, которые, по мнѣнію сванетовъ, должны оставаться неизмѣняемыми. Такъ, напримѣръ, у нихъ съ незапамятныхъ временъ положено праздновать три дня недѣли: пятницу, субботу и воскресенье, что́, въ послѣднее время, иногда нарушается. Роженицы должны вставать съ постели не раньше, какъ въ сороковой день, а между тѣмъ и этотъ обычай исполняется теперь не такъ строго, какъ въ старину. Далѣе, гдѣ прежняя строгость, не позволявшая женщинѣ переступать порогъ церкви во всякое другое время, за исключеніемъ дня свадьбы? Эти и многія другія нарушенія святого завѣта предковъ дѣлаютъ, по мнѣнію сванетовъ, людей противниками воли Божіей, и потому долгъ общества исправлять падшихъ и заслужить себѣ, такимъ образомъ, прощеніе грѣховъ. Того и другого можно достигнуть штрафованіемъ виновныхъ и жертвоприношеніями Богу...

Когда, 19-го августа 1883 года, въ селеніяхъ ушкульскаго общества выпалъ снѣгъ и попортилъ урожай, утромъ рано,—разсказываетъ В. Ш. Нижерадзе,—морозный воздухъ огласился звукомъ трубы, сзывающей народную сходку. Нижерадзе, догадавшись, въ чемъ дѣло, обратился къ встрѣтившемуся старшинѣ съ вопросомъ: кого обвиняютъ сванеты въ грѣхахъ передъ Богомъ? Тотъ назвалъ нѣсколькихъ лицъ, изъ-за которыхъ, по убѣжденію народа, Богъ покаралъ Сванетію раннимъ снѣгомъ. Народъ собрался на назначенное мѣсто и, подъ сѣнью взятыхъ изъ храмовъ хоругвей и знаменъ, приступилъ къ совѣщанію.

Начался обычный въ такихъ случаяхъ гамъ, причемъ каждый изъ присутствовавшихъ спрашивалъ другого: „кто губитъ насъ? по чьей винѣ небо разгнѣвалось на Сванетію?"... Вопросъ скоро получилъ разрѣшеніе. Оказалось, что три семейства работали по субботамъ и двѣ роженицы не пролежали въ постели законныхъ сорока дней. Толпа, послѣ этого открытія, заколыхалась и, негодуя, направилась къ дому одной изъ рожениць. Рѣшено было оштрафовать послѣднюю отнятіемъ у нея одной коровы; но мужъ виновной началъ упрашивать общество удовольствоваться двумя овцами и однимъ теленкомъ. Просьба эта была услышана, и корову возвратили по принадлежности. Одну большую овцу взяли также у другой роженицы (она оказалась менѣе виновною) и по два рубля на водку у презрѣвшихъ субботніе праздники. Все собранное такимъ образомъ было препровождено къ церкви во имя Божьей Матери. Здѣсь принесли въ жертву Богоматери овецъ, которыхъ потомъ съѣли, выпили всю водку и разошлись вечеромъ по домамъ, въ полной увѣренности, что теперь все пойдетъ лучше. Но, увы, небо продолжало заволакиваться тучами, а

ночью снова выпалъ снѣгъ. На другой день земля оказалась покрытою снѣгомъ на цѣлыхъ два вершка, что̀ уничтожало всѣ виды на урожай. Тогда утромъ снова раздался призывъ трубы, и снова собралось общество. Это собраніе отличалось еще бо̀льшимъ оживленіемъ, чѣмъ первое. Вопросъ: „зачѣмъ Богъ караетъ такъ строго Сванетію?“ раздался громче и съ тяжелымъ сокрушеніемъ. Такъ какъ никакой явной причины гнѣва Божьяго не оказалось на-лицо,—рѣшено было купить сообща одного тучнаго вола и принести его въ жертву Богоматери. Сказано—сдѣлано. Съ каждаго дыма было собрано по одному „гегвліяки“ ячменя (мѣра, равняющаяся $1^1/_2$ пуд.), и на вырученныя за него деньги купленъ откормленный быкъ, который, затѣмъ, былъ приведенъ къ дверямъ храма... Народъ палъ на колѣни и горячо молилъ Божью Матерь принять быка, какъ искупительную за грѣхи его жертву. Послѣ молитвы закололи быка и начали варить его мясо. Послали также по домамъ за хлѣбомъ. Затѣмъ начался общественный обѣдъ, послѣ котораго народъ разошелся въ надеждѣ, что теперь будетъ услышана его молитва. И что̀ же? Послѣ полудня небо дѣйствительно начало очищаться отъ облаковъ и солнце выглянуло изъ-за тучъ. Ликованіе народа не имѣло предѣловъ: „такъ вотъ оно, какую жертву требовалъ отъ насъ Богъ!“—говорили сванеты.

Переходимъ къ праздникамъ. Сванеты празднуютъ три дня въ недѣлю: пятницу, субботу и воскресенье. На вопросъ: не получалось ли бы болѣе хлѣба съ земли, еслибы работали шесть дней? они отвѣчали: „хлѣба родилось бы болѣе, но работать нельзя: такъ Богъ установилъ; онъ накажетъ: будетъ градъ, неурожай“. Важнѣйшіе праздники сванетовъ слѣдующіе: Рождество (Крисдеешъ); Новый годъ (Замха); посѣщеніе семей покойниками (Липанаалъ) — начинается 5-го января; Пасха (Танатъ); Ѳомина недѣля (Уплишъ); Хулишъ, майскій праздникъ въ честь патрона Сванетіи, Георгія Побѣдоносца, продолжается три дня; 15-е іюля — день чествованія Шальяна. Скажемъ о празднованіи Рождества, Новаго года и Липанаала.

Канунъ Рождества сванеты называютъ „Шобъ“, а самое Рождество—„Кресдеешъ“. Наканунѣ Рождества въ нѣкоторыхъ обществахъ принято, чтобы одинъ какой-нибудь хозяинъ угощалъ всю деревню ужиномъ или обѣдомъ. Въ этотъ день всѣ ѣдятъ постное: бобы, хлѣбъ и водка,—вотъ что̀ составляетъ обычную ѣду. На другой день, т.-е. въ самый день Рождества, тоже одинъ изъ деревенскихъ хозяевъ угощаетъ всю деревню, если только, конечно, деревня не особенно многолюдна. Въ большихъ же

деревняхъ жители дѣлятся на два или на три участка, и въ этотъ день народъ, отъ мала до велика, мужчины и женщины, безъ всякаго приглашенія, направляются къ тому, которому по-очереди приходится давать угощеніе. Угощеніе состоитъ въ обѣдѣ и ужинѣ. На этомъ праздникѣ подаются: хлѣбъ, вареное и жареное мясо, сыръ, водка и т. д. Если кому, хотя бы ребенку, недостанетъ чего-нибудь, спорамъ и пререканіямъ не бываетъ конца. „Если въ моемъ домѣ всего было вдоволь, то почему у тебя недостаетъ того или того“,—говоритъ хозяину любой изъ гостей. Хозяинъ покорно возражаетъ, что пускай гость перемѣнитъ гнѣвъ на милость, и всего будетъ достаточно,—что онъ все готовъ подать, чего только ни попросятъ, и проч.

Кушать садятся рядомъ и вотъ въ какомъ порядкѣ. Въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома въ два ряда ставятся столы; на почетномъ мѣстѣ располагается самъ хозяинъ, рядомъ съ нимъ—какой-нибудь деревенскій старецъ, а за нимъ слѣдуютъ, смотря по старшинству лѣтъ, и другіе поселяне, такъ что первыя мѣста занимаютъ старцы, послѣднія же—молодые. Женщины обыкновенно помѣщаются отдѣльно. Когда всѣ усѣлись, „мерикипе“ (выбранные отъ народа распорядители обѣда) приносятъ какъ можно больше хлѣба, такъ чтобы столы совсѣмъ покрылись хлѣбомъ. Послѣ хлѣба приносятъ на каждыхъ трехъ человѣкъ по одной большой мискѣ холоднаго сыра. Послѣ этого по серединѣ комнаты садится виночерпій и наливаетъ аракъ въ глиняные кувшины, стоящіе въ ногахъ у мерикипе, одинъ изъ которыхъ несетъ кувшинъ сперва хозяину, а потомъ и всѣмъ по порядку. Хозяинъ встаетъ съ кувшиномъ въ рукахъ и проситъ Бога, чтобы самъ Іисусъ Христосъ воздалъ добро сторицей его гостямъ, если послѣднимъ будетъ недоставать чего-нибудь въ его домѣ. Затѣмъ онъ обращается къ присутствующимъ, умоляя ихъ, чтобы они встрѣтили въ его домѣ праздникъ безъ ссоры и драки, за что онъ заранѣе готовъ выразить имъ благодарность. Послѣ этого одинъ изъ рядомъ съ нимъ сидящихъ старцевъ встаетъ и читаетъ молитву, благословляетъ хозяина и гостей, и этимъ какъ бы открывается обѣдъ: всѣ принимаются за ѣду. Во время обѣда мерикипе безостановочно разносятъ водку. Но вотъ третій очередной кувшинъ появился на сцену, и гости на время перестаютъ обѣдать. Тутъ нужно пропѣть приличествующія празднику народныя пѣсни. Поэтому присутствующіе начинаютъ креститься, какъ бы приготовляясь къ чему-то священному, и одинъ изъ стариковъ затягиваетъ такъ-называемую рождественскую пѣсню. Поютъ ее въ два хора. Содержаніе пѣсни: рожденіе Іисуса

Христа въ Виѳлеемѣ, пришествіе волхвовъ съ дарами, нахожденіе Христа въ золотой колыбели (вмѣсто ясель). Послѣ того мерикипе уже не прекращаютъ угощенія народа водкою вплоть до самаго конца обѣда. Обѣдъ кончился, столы убираются, и подвыпившій народъ съ пѣснями выходитъ во дворъ. Здѣсь начинаются танцы, которые обыкновенно продолжаются вплоть до самаго вечера. За ужиномъ и, на другой день, за завтракомъ и обѣдомъ повторяется то же самое. Нужно замѣтить, что на народныхъ праздникахъ въ Сванетіи вездѣ и всюду придерживаются одного и того же порядка, и только въ послѣднее время, вслѣдствіе плохихъ урожаевъ, эти рождественскіе праздники, требующіе большихъ расходовъ, въ однѣхъ деревняхъ совсѣмъ уничтожены, въ другихъ же измѣнены. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя деревни раздѣлились по частямъ, чтобы этимъ путемъ хоть нѣсколько облегчить обязанности хозяина, сопряженныя съ черезъчуръ большими расходами.

Новый годъ у сванетовъ называется „замха“ („за“—значитъ годъ, „махе“—новый).

Вечеромъ, наканунѣ Новаго года, въ каждомъ семействѣ обязательно царствуютъ миръ и спокойствіе; никто не можетъ сказать другому худого слова. Ужинаютъ; послѣ ужина одинъ изъ семейства уходитъ въ какой-нибудь нежилой и заброшенный домъ за селеніемъ, гдѣ собираются также по одному члену и изъ другихъ семействъ деревни. Они называются по-сванетски „каме-мучшхи“, что значитъ: „внѣшній вѣстникъ“. Кромѣ этого вѣстника, должно быть еще два „внутреннихъ“ („исгаа мучшхи“), которые остаются дома и на другой—день утромъ встаютъ раньше всѣхъ. Разложенныя у очага щепки они должны положить на огонь, послѣ чего отправляются за водою. Одинъ несетъ сосудъ для воды, другой плетеную корзину, въ которой лежитъ „ушдбаалъ“, т.-е. хлѣбъ съ сыромъ, выпеченный еще наканунѣ, съ тремя замѣтными слѣдами трехъ пальцевъ пекшей его женщины: большого, указательнаго и средняго. Кромѣ уштбаала, въ корзинѣ имѣются еще два хлѣба съ сыромъ.

Внутренніе вѣстники отправляются къ рѣкѣ, приносятъ тамъ хлѣбы въ жертву Богу, наполняютъ сосудъ водою и возвращаются домой. Прежде чѣмъ войти въ домъ, одинъ изъ нихъ останавливается въ дверяхъ и говоритъ слѣдующее: „Какъ Басилъ (Василій) вергнулъ календу въ море, заткнулъ за поясъ топоръ, пришелъ въ народъ и пріумножилъ всякую скотину, такъ и ты, Богъ, предвозвѣстникъ Новаго года, дай всякаго счастья моему семейству!“ Когда внутренніе вѣстники входятъ въ домъ, огонь, на

который уже успѣли положить щепки, горитъ ярко, но въ домѣ члены семейства все еще продолжаютъ спать. Какъ только внѣшній вѣстникъ узнаетъ, что внутренніе вѣстники дома, онъ подходитъ къ дверямъ и кричитъ: „Отвори двери, счастливецъ!“ На чтó изнутри отвѣчаютъ: „Какое счастье везешь?“—„Жизнь и благо человѣку и скотинѣ; отворяй двери, счастливецъ!“ Это повторяется три раза, и послѣ третьяго раза внѣшній вѣстникъ входитъ въ домъ. Къ этому времени спавшіе встаютъ съ постели; начинаются поздравленія съ Новымъ годомъ. Всѣ умываются свѣжею, только-что принесенною водою, которая называется „молокомъ“, и потомъ садятся закусывать. Во время ѣды, закусывающіе предлагаютъ другъ другу лучшіе куски или напитки и поздравляютъ съ праздникомъ. Когда закуска кончена, народъ выходитъ изъ дома на улицу, и здѣсь возобновляются поздравленія; начинаются пѣсни, танцы, и все это продолжается вплоть до самаго вечера. Въ этотъ день идти къ кому-нибудь въ гости не принято. На другой день каждое семейство приглашаетъ одного, нарочно для этого дня выбраннаго, человѣка. Послѣ этого всякій имѣетъ право приходить въ гости, но чаще все-таки приходятъ одни лишь родственники, которые, при этомъ, должны быть одарены подарками. Подарки дѣлаются скотомъ или вещами. Этимъ и оканчивается празднованіе Новаго года.

„Липанаалъ“ начинается съ 5-го января, т.-е. наканунѣ Крещенія, которое сванеты называютъ „адгомъ“. Они вѣрятъ, что въ этотъ день души усопшихъ выходятъ изъ могилъ и посѣщаютъ дома своихъ родныхъ; почему они постятся, моютъ и чистятъ поташомъ всякую посуду: деревянныя чаши, котлы, столы,—словомъ, всевозможную утварь въ домѣ. Обѣда въ этотъ день не полагается совсѣмъ; на ужинъ же варятся пшеничныя зерна, такъ называемые „чанти“. Вечеромъ домъ подметается на-чисто; вокругъ очага ставятся вычищенные обѣденные столики со стульями; на столикахъ же раскладывается: хлѣбъ, постное кушанье, водка и нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, которыя втыкаются тутъ же зажженными. При этомъ все семейство стоитъ на ногахъ и безъ шапокъ позади столиковъ, на приличномъ разстояніи отъ нихъ, имѣя впереди себя главу семейства, который смотритъ на столики и по-именно перечисляетъ всѣхъ своихъ покойниковъ. Потомъ глава семейства начинаетъ просить души покойниковъ, чтобы посѣщеніемъ своимъ онѣ внесли въ домъ счастье и, по крайней мѣрѣ, до новаго посѣщенія не наказывали никого смертью. За это онъ имъ торжественно обѣщаетъ увеличивать угощеніе ежегодно. Послѣ этого онъ съ прочими членами семейства становится на колѣни

и снова поминаетъ всѣхъ усопшихъ. На другой день въ каждомъ семействѣ приготовляется непремѣнно скоромное. Въ такомъ порядкѣ поминовеніе душъ усопшихъ за каждымъ обѣдомъ и ужиномъ продолжается вплоть до слѣдующаго за Крещеніемъ перваго понедѣльника. Въ этотъ послѣдній день еще съ ранняго утра все семейство на ногахъ. Женщины принимаются печь хлѣбъ съ сыромъ и безъ онаго, разныхъ видовъ и всевозможной формы. Напримѣръ, пекутъ одного вида хлѣбъ въ семь вершковъ длины и въ три ширины и изъ самой чистой и лучшей муки. Тѣсто его, пока онъ еще не выпеченъ, просверливаютъ въ разныхъ мѣстахъ круглою палочкою, такъ что, когда хлѣбъ выпечется, на немъ замѣтны дырочки, именуемыя у сванетовъ „ступеньками". Хлѣбъ этотъ называется „кичкильдъ", что въ переводѣ значитъ „маленькая лѣстница". Назначеніе его—помочь хромоногимъ покойникамъ во время ихъ путешествія съ того свѣта и обратно, ибо эта помощь безусловно необходима. Другого вида хлѣбъ, „мухурчуніилъ" — въ три вершка толщины и четыре въ окружности; пекутъ его съ сыромъ и открытымъ верхомъ. Предназначается онъ для усопшихъ дѣтей, чтобы они, становясь на него, лучше могли видѣть Христа. Третьяго вида хлѣбъ, „чабнегъ"—круглый и тоненькій, съ просверлинами по бокамъ и съ сыромъ. Назначеніе его теперь неизвѣстно въ народѣ. Когда хлѣбъ такого рода и обыкновенные выпечены и когда, кромѣ того, мясо сварено, снова ставятъ столики, на которыхъ раскладываютъ приготовленное съѣстное, водку и зажигаютъ восковыя свѣчки. Тутъ же, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ставится отдѣльно маленькій круглый столикъ на трехъ ножкахъ, такъ-называемый „пичкъ", на которомъ красуется сравнительно лучшее кушанье, съ тремя зажженными восковыми свѣчами. Позади столиковъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ нихъ, становится все семейство. Нѣкоторое время царитъ могильная тишина. Затѣмъ глава семейства тихимъ голосомъ обращается къ душамъ покойниковъ, которыя незримо возсѣдаютъ за столиками: „не прогоняю и не принуждаю оставаться непремѣнно,—говоритъ онъ;—оставьте насъ счастливыми и уходите сами таковыми же; благословите насъ, уходя, и будьте сами благословенны во вѣки. Мы же, съ своей стороны, будемъ просить Христа, чтобы онъ далъ вамъ мѣсто за своимъ столомъ". Говоря это, онъ приближается къ круглому столику, становится передъ нимъ на колѣни, каковому примѣру слѣдуютъ и прочіе. Потомъ глава семьи возвращается назадъ на свое мѣсто, и опять начинается поминовеніе всѣхъ ближайшихъ покойниковъ по-именно, которымъ они, вмѣстѣ съ другими присутствующими, желаютъ

отпущенія грѣховъ, и снова всѣ приближаются къ столикамъ и становятся на колѣни. Когда же, наконецъ, встаютъ на ноги, глава семейства почтительно подходитъ къ круглому столику, беретъ его со всевозможными предосторожностями въ руки и медленнымъ шагомъ несетъ его изъ дома. До выноса еще за двери, столикъ ставится на короткое время посреди комнаты, и снова глава семейства, обращаясь къ душамъ, повторяетъ, что онъ „не прогоняетъ и не принуждаетъ ихъ оставаться непремѣнно", и т. д., послѣ чего столикъ выносится уже совсѣмъ. Во дворѣ столикъ опять-таки на короткое время ставится на землю, и снова, въ послѣдній разъ, начинается упрашиваніе, чтобы души покойниковъ вернулись во-свояси, и чтобы онѣ тамъ, на томъ свѣтѣ, ходатайствовали передъ Христомъ о благоденствіи оставляемаго ими семейства. Въ отплату за это обѣщается угостить ихъ въ будущемъ на-славу. Этотъ понедѣльникъ у сванетовъ называется „лисгвиджиналъ", что̀ въ переводѣ значитъ „возвращеніе душъ". По народному повѣрью, съ 5-го января души умершихъ днемъ и ночью оставались въ ихъ семействахъ, а въ этотъ день онѣ снова возвращаются на тотъ свѣтъ. Народъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что почти въ каждой деревнѣ можно встрѣтить по нѣскольку человѣкъ, которые станутъ васъ увѣрять, что они тамъ-то и въ такое-то время повстрѣчали душу такого-то.

Познакомившись съ примитивностью религіознаго культа сванетовъ, намѣтимъ теперь главныя черты ихъ экономическаго быта.

Исключительно земледѣльческая промышленность, натуральное хозяйство и отсутствіе большой разницы имущественнаго состоянія населенія составляютъ характеристическія черты экономическаго быта сванетовъ. Развитію скотоводства препятствуетъ малое количество сѣнокосной земли. Различія имущественной состоятельности, какъ отдѣльныхъ обществъ, такъ и между членами одного и того же общества, обусловливаются единственно количествомъ земли. Но эти различія, какъ сейчасъ было замѣчено, не только не являются очень значительными, а напротивъ, для большинства обществъ и для членовъ внутри каждаго общества въ отдѣльности, на первый планъ выступаетъ имущественное состояніе, близкое къ равенству.

Земля въ Сванетіи дорога — по разнымъ обществамъ отъ 400 до 1,000 рублей за воздѣланную десятину. Такихъ денегъ сванету накопить неоткуда. Да и по такой цѣнѣ трудно купить землю, такъ какъ продажа ея—большая рѣдкость. Сванеты любятъ

свою страну, и случаи выселенія изъ нея исключительны; между тѣмъ выселеніе составляетъ почти единственный поводъ къ продажѣ земли. Одному хозяину не подъ силу купить всю землю выселяющейся семьи, а потому она пріобрѣтается по клочкамъ нѣсколькими хозяйствами. Денегъ въ Сванетіи такъ мало, что, при покупкѣ земли, платятъ всѣмъ, чѣмъ только можно: скотомъ, одеждой, оружіемъ, а иногда, хотя весьма рѣдко, и мѣдными котлами съ домашняго очага. Послѣдніе имѣютъ большую цѣну; и надо такъ страстно любить землю, какъ любятъ ее сванеты, чтобы отдать за нее котлы съ очага, за что грозятъ всякія напасти со стороны предковъ. Когда мы спрашивали: ради чего продавецъ земли беретъ котлы по цѣнѣ, много разъ превышающей ихъ рыночную стоимость, намъ съ изумленіемъ отвѣчали: „Какъ ради чего! Всѣ предки отдавшаго котелъ будутъ теперь помогать той семьѣ, которая пріобрѣла котелъ". Изъ сказаннаго видно, что увеличеніе имущественной состоятельности, путемъ расширенія землевладѣнія, есть явленіе, во-первыхъ, весьма рѣдкое и, во-вторыхъ, поставленное въ очень тѣсныя границы по незначительности покупательной силы отдѣльнаго домохозяина.

Расширеніе землевладѣнія есть, въ то же время, единственный путь къ накопленію богатства и къ имущественному возвышенію надъ односельчанами; всѣ другіе способы къ нарастанію имущественной дифференціаціи среди населенія закрыты. Положимъ, какому-нибудь сванету удалось заработать на сторонѣ или пріобрѣсть инымъ способомъ значительную сумму денегъ. Если онъ не спрячетъ ея въ сундукъ или не истратитъ на угощеніе односельчанъ, то что онъ можетъ сдѣлать съ нею? Сванеты очень любятъ скотъ и много ухаживаютъ за нимъ; предположимъ, заполучившій значительную сумму денегъ купилъ на нее нѣсколько десятковъ головъ крупнаго и мелкаго скота. Лѣтомъ скотъ этотъ прокормится на пастбищахъ; но наступилъ октябрь, пастбища покрылись глубокимъ снѣгомъ, скотъ надо кормить сѣномъ. Гдѣ взять сѣно? Сванетскіе хозяева не продаютъ его; каждому изъ нихъ едва хватаетъ сѣна на прокормленіе собственнаго скота. Приходится запасаться сѣномъ въ Мингреліи, Имеретіи и везти его чрезъ латпарскій перевалъ на миніатюрныхъ санкахъ, такъ какъ Сванетія не знаетъ колеса по причинѣ узкости и крутизны ея дорогъ. Но перевозка сѣна миніатюрными санками, на стоверстномъ разстояніи и черезъ гору въ 9,200 фут. вышины, для нѣсколькихъ десятковъ головъ скота, потребовала бы такой суммы денегъ, передъ которой остановился бы даже богатый мотъ. Словомъ, провезти сѣно въ Сванетію хозяйственно — невозможно.

А потому, нашъ разбогатѣвшій деньгами сванетъ, закупившій значительное количество скота, съ наступленіемъ зимы будетъ вынужденъ его продать. Пустить деньги въ торговлю тоже нельзя, такъ какъ каждое сванетское семейство удовлетворяетъ бо́льшую часть своихъ потребностей собственными продуктами, и въ то же время, незначительный обмѣнъ совершается безъ посредства третьяго лица. Въ Сванетіи нѣтъ ни одной лавки. Но нельзя ли пустить деньги въ промышленный оборотъ? Напримѣръ, выдѣлать кожу и шерсть изъ зарѣзаннаго скота и везти ихъ для продажи за границы ледяного кольца. Разумѣется, найдутся люди, которые за щедрое вознагражденіе согласятся промѣнять свой зимній досугъ на наемную работу; но столь же несомнѣнно, что провозъ товара обойдется такъ дорого, что промышленникъ понесетъ большой убытокъ и откажется отъ предпріятія. Сванетія, при ея настоящихъ путяхъ сообщенія, закрываетъ возможность прогрессивнаго преумноженія богатства, какъ для цѣлаго населенія, такъ и для отдѣльныхъ ея членовъ.

Пахатная и сѣнокосная земля состоитъ въ дворовой собственности; пастбища и луга, которыхъ изобиліе, составляютъ собственность обществъ. Сванеты не помнятъ, чтобы пахатная и сѣнокосная земля была когда-либо въ общинномъ владѣніи. Въ Княжеской Сванетіи на 30 дворовъ приходится одинъ дворъ, имѣющій лишь усадьбу; въ Вольной — всѣ имѣютъ землю сверхъ усадьбы. Общества пользуются неодинаковымъ благосостояніемъ, что зависитъ отъ бо́льшаго или мѐньшаго количества владѣемой ими земли. Самыя богатыя общества—Мести и Мулахъ; самыя бѣдныя—Ленжери и Ипари; остальныя семь обществъ занимаютъ среднее мѣсто. Приведемъ, изъ собранныхъ нами данныхъ, максимальныя, среднія и минимальныя величины владѣемыхъ сельчанами земли и скота для обществъ богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ.

ОБЩЕСТВА.	Разрядъ величинъ.	На каждый дворъ. Количество земли въ кцевахъ.	Количество скота. быковъ и коровъ.	лошад.	баран., козъ и свиней.
Мести	максимумъ .	20	14	5	20
	средній . .	16	8	3	12
	минимумъ .	13	6	2	10
Эцери	максимумъ.	20	15	4	25
	средній . .	5	11	2	15
	минимумъ .	4	4	1	6
Ипари	максимумъ.	12	9	3	15
	средній . .	4	6	1	10
	минимумъ .	2	2	—	6

Почти всѣ дворы съ максимальнымъ количествомъ земли и скота суть вмѣстѣ съ тѣмъ самые многолюдные. Въ нихъ имѣется до 30 и 40 человѣкъ и нерѣдко три поколѣнія съ нераздѣлившимися женатыми братьями, дядьями и племянниками. Напротивъ, дворы съ минимальнымъ надѣломъ и скотомъ, въ большинствѣ случаевъ, суть дворы раздѣлившейся семьи и заключаютъ въ себѣ немного членовъ, отъ двухъ до шести. Слѣдовательно, имущественное равенство сванетовъ несравненно большее, нежели это могло бы показаться, если судить лишь по одной вышеприведенной таблицѣ.

Такъ какъ дворы, владѣющіе значительнымъ количествомъ земли, большею частью многолюдны, то форма наемнаго труда находитъ себѣ весьма малое приложеніе въ Сванетіи. Во всей странѣ имѣется не болѣе двухъ десятковъ дворовъ, которые, вслѣдствіе недостатка собственной рабочей силы, нанимаютъ еще въ лѣтнее время малоземельныхъ односельчанъ или жителей другихъ сопелей. Наемникъ получаетъ пищу и 10 коп. въ день.

При среднемъ урожаѣ громадному большинству дворовъ хватаетъ хлѣба съ собственной земли. Но, къ сожалѣнію, Сванетія подвержена частымъ градамъ, уничтожающимъ труды, если не всего населенія, то одного или нѣсколькихъ обществъ. Тогда потерпѣвшіе идутъ на работы въ Мингрелію, Имеретію, Карагай, Баксанъ; на вырученныя деньги покупаютъ хлѣбъ и несутъ его домой.

Въ нормальное время на заработки идутъ, съ ноября по Пасху, по одному, два человѣка со двора; нанимаются преимущественно въ землекопы. Сванеты—самые дешевые рабочіе: получаютъ отъ 30 до 40 коп. въ день; часть сбереженныхъ денегъ употребляется на покупку скота, который приводятъ съ собою домой, или и другихъ предметовъ крайней необходимости, не производимыхъ въ Сванетіи; остальное сберегаютъ для уплаты подати и про черный день. Приведенный весною скотъ кормится на горныхъ пастбищахъ; съ наступленіемъ же зимы излишекъ надъ кормовыми средствами убивается, просаливается и служитъ пищей на зиму.

Незначительное количество воздѣланной земли обусловливается топографическимъ положеніемъ страны: Сванетія изрыта крутыми горными отрогами. Но гдѣ только можетъ устоять нога сванета, тамъ—если не пахоть, то сѣнокосъ. Крутизны отроговъ усѣяны клочками воздѣланной земли. Когда ѣдешь по густо населенной долинѣ Ингура и видишь предъ собой огороженные и тщательно воздѣланные мелкіе нарѣзы полей, то кажется, будто находишься

въ странѣ высокой культуры. Сѣвооборотъ—трехпольный. Орудія слѣдующія: плугъ, борона, лопатка, мотыка, серпъ, молотильная доска, подбитая каменьями. Навозъ цѣнится такъ высоко, что его даютъ въ приданое. Орошеніе—превосходное.

За исключеніемъ желѣза, соли и ситца, сванеты сами производятъ всѣ потребляемые ими предметы. Они изготовляютъ для себя полотно изъ конопли, одежду изъ звѣриныхъ шкуръ и шерсти, мѣховую и кожаную обувь, маленькія войлочныя шляпы, домашнюю утварь, оружіе, сѣдла и уздечки, земледѣльческія орудія. Для производства всего необходимаго населенію сукна и обуви не хватаетъ сырого матеріала, а потому шерсть и кожу приходится прикупать. Въ обмѣнъ за пріобрѣтаемые внѣ страны продукты сванеты отдаютъ медъ, порохъ, фрукты, предметы токарнаго ремесла, какъ-то: чашки, столики, скамейки, точеныя ножки къ диванамъ, при хорошемъ же урожаѣ и хлѣбъ.

Денежный обмѣнъ до того мало развитъ между сванетами, что они обыкновенно считаютъ лишь на абазы (двугривенный) и рубли. Предлагая намъ, напримѣръ, семь яицъ, спрашивали абазъ; мы просили дать еще два яйца,—тогда за девять яицъ спрашивали два абаза.

Податей („бегеръ“) государственныхъ и мѣстныхъ сванеты платятъ по 1 руб. 30 коп. съ двора. Въ податномъ дѣлѣ существуетъ круговая порука. Недоимокъ нѣтъ. Повинность—только дорожная. Войско не стоитъ въ Сванетіи. Старшины жалованья не получаютъ.

Воровство въ Сванетіи—большая рѣдкость. Здѣсь также нѣтъ ни одного нищаго, нѣтъ человѣка, который просилъ бы милостыню.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, экономическій строй сванетовъ. Посмотримъ теперь на ихъ юридическій бытъ.

Ближайшей задачей одного изъ насъ было познакомиться съ обычнымъ правомъ сванетовъ. Изолированность этого народа, защищеннаго отъ чужеземныхъ вліяній почти непроходимыми горами; широкая автономія, какою онъ пользовался и при грузинскомъ владычествѣ; рано достигнутая свобода отъ княжескаго произвола, всюду вліявшаго разлагающимъ образомъ на мѣстный обычай,—все это, вмѣстѣ взятое, обѣщало довольно богатую поживу для юриста-археолога, особенно на протяженіи такъ-называемой Вольной Сванетіи. Ожиданія эти оправдались вполнѣ. Кого интересуютъ переживанія родового строя, кто желалъ бы возстановить, въ мельчайшихъ подробностяхъ, едва намѣченную Тацитомъ, кар-

тину древне-германской жизни или восполнить этнографическими аналогіями скудныя свидѣтельства византійскихъ и арабскихъ источниковъ о бытѣ нашихъ предковъ славянъ, тотъ не безъ интереса остановится на изученіи сванетскихъ обычаевъ.

Кровное начало доселѣ составляетъ основу жизни сванетовъ. Вліяніе его сказывается на каждомъ шагу: и въ жизни большими семьями, на подобіе юго-славянскихъ задругъ, и въ родовомъ характерѣ сельскихъ поселеній, или такъ-называемыхъ сопелей, составленныхъ нерѣдко изъ однихъ однофамильцевъ, и въ господствѣ родового, не вполнѣ подавленнаго еще русскимъ правительствомъ, самосуда, и въ привилегированномъ положеніи, занимаемомъ родственниками, какъ на судѣ, въ которомъ они своею присягой подкрѣпляютъ показанія обвиняемаго, такъ и въ гражданскихъ сдѣлкахъ, дѣйствительныхъ только подъ условіемъ ихъ согласія на совершеніе сдѣлки. Родовая организація сванетовъ отличается, при этомъ, такой выработанностью и законченностью, что каждый въ отдѣльности взятый юридическій институтъ получаетъ отъ нея свою окраску. Возьмемъ, для примѣра, институтъ усыновленія, въ силу котораго чужеродецъ получаетъ доступъ въ семью и право наслѣдованія въ ея имуществѣ. Институтъ этотъ развитъ очень слабо въ средѣ сванетовъ; если имъ и извѣстно усыновленіе, то только родственника; чужеродецъ, хотя бы былъ мужемъ единственной дочери покойнаго, не вступаетъ никогда въ имущественныя права рода своей жены и, въ частности, не наслѣдуетъ.

Эта черта можетъ показаться аномаліей для всѣхъ, кто интересуется древнимъ правомъ. Кому не извѣстно широкое господство такъ называемаго фиктивнаго родства и въ древне-римскомъ правѣ, и въ греческомъ; кто не знакомъ съ тою выдающеюся ролью, какая принадлежала ему нѣкогда одинаково у индусовъ и у кельтовъ, и притомъ, въ эпоху господства тѣхъ самыхъ родовыхъ отношеній, которыя лежатъ до-нынѣ въ основѣ быта сванетовъ? Видимое противорѣчіе разрѣшается, однако, весьма просто. Усыновленіе чужеродца потому неизвѣстно сванетамъ, что родовой строй ихъ жизни отличается несравненно большею крѣпостью, нежели каковымъ извѣстенъ намъ этотъ строй у вышеупомянутыхъ народностей. Давно сдѣлалось труизмомъ, что исторія застаетъ народы въ эпоху ихъ перехода отъ кровныхъ сообществъ къ сосѣдскимъ. Въ чистомъ видѣ родовой бытъ можетъ быть констатированъ только въ средѣ тѣхъ народовъ, которые, не будучи историческими, составляютъ пока достояніе одной этнографіи, и къ числу такихъ мы считаемъ возможнымъ отнести и сванетовъ,

по крайней мѣрѣ, въ періодъ времени, предшествовавшій русскому господству. Усыновленіе чужеродца—говорили намъ старики—потому было немыслимымъ въ прежнее время, что родственники никогда не допустили бы передачи ему наслѣдства. При прочности же кровныхъ связей родство соблюдается въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ, такъ что нельзя встрѣтить человѣка, у котораго бы не было родственниковъ, а слѣдовательно и наслѣдниковъ, присутствіе которыхъ исключаетъ возможность передачи имущества въ чьи-либо чужія руки. Обычное право сванетовъ убѣждаетъ насъ, такимъ образомъ, въ томъ, что институтъ усыновленія развивается на почвѣ разлагающагося родового быта, по мѣрѣ ограниченія кровнаго начала нарождающимся трудовымъ, при которомъ лицо, болѣе содѣйствующее накопленію семейнаго имущества,—а такимъ можетъ быть и принятый въ семью чужеродецъ,—пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ преимущественное право наслѣдованія въ семейномъ имуществѣ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ родовымъ принципомъ у сванетовъ стоитъ также, во-первыхъ, совершенное устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія, одинаково извѣстное и римскому, и нѣмецкому праву, и, во-вторыхъ, отсутствіе права завѣщательнаго распоряженія,—живая иллюстрація къ словамъ Тацита о „nullum testamentum“ у древнихъ германцевъ. Послѣднее является только однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, какія налагаютъ на правовую дѣеспособность отдѣльнаго лица жизнь сообща съ родственниками и накопленіе цѣнностей общимъ трудомъ. Лицо, стоящее во главѣ двора, нерѣдко вмѣщающаго до сорока человѣкъ, не можетъ ни продать семейнаго достоянія, ни обмѣнять его, не испросивъ на это согласія всѣхъ членовъ. Сдѣлка, совершонная имъ вопреки общему желанію, сама по себѣ недѣйствительна. Но этого мало. Вліяніе родства сказывается и въ томъ случаѣ, когда оно не связано съ жизнью сообща. Не только однодворцы, но и всѣ вообще однофамильцы, хотя бы они жили и въ разныхъ дворахъ, болѣе того—въ разныхъ сопеляхъ, пользуются правомъ предпочтительной покупки и родового выкупа, дѣлая тѣмъ самымъ весьма шаткими всякаго рода имущественныя сдѣлки.

Ни въ чемъ, однако, не сказывается въ такой степени сила кровнаго начала, какъ въ тѣхъ брачныхъ запрещеніяхъ, какими такъ богато обычное право сванетовъ. Запрещенія эти идутъ гораздо далѣе каноническихъ. Въ бракъ не могутъ вступать не только родственники до четвертой степени включительно, но даже тѣ, родство которыхъ исчисляется двѣнадцатью степенями. Въ

нѣкоторыхъ обществахъ Вольной Сванетіи бракъ считается невозможнымъ между всѣми вообще однофамильцами, такъ что въ тѣхъ сопеляхъ, населеніе которыхъ еще недавно было составлено изъ однихъ родственныхъ другъ другу семей, господствовала полнѣйшая экзогамія.

Отмѣчаемъ въ особенности этотъ послѣдній фактъ, такъ какъ имъ, какъ мы полагаемъ, всего проще объясняется возникновеніе тѣхъ брачныхъ изъятій, источникъ которымъ Макъ-Ленанъ и слѣдовавшіе за нимъ писатели видѣли исключительно въ обычаѣ похищать невѣстъ. Если бракъ между односельчанами и признается подчасъ невозможнымъ въ Сванетіи, то лишь потому, что они родственники. Гдѣ кончается родство, тамъ нѣтъ мѣста и для брачныхъ запретовъ; а если такъ, то экзогамія находитъ объясненіе себѣ и помимо болѣе или менѣе произвольнаго предположенія, что причиной, породившей ее, было запрещеніе частнаго присвоенія женщины въ предѣлахъ одного и того же рода, въ виду первоначальной общности женъ и невозможности установленія, поэтому, прочныхъ связей съ другой женщиной, кромѣ похищенной изъ чужого рода.

Говоря о томъ, что родовые порядки лежатъ въ основѣ народнаго права сванетовъ, мы разумѣемъ не тѣ болѣе архаическія группы, которыя Морганъ обозначаетъ терминомъ материнскихъ родовъ, но расчлененіе общества по агнатическому началу, подобное тому, какое извѣстно было древнему Риму и Греціи, германцамъ временъ Цезаря, славянамъ и кельтамъ при первомъ появленіи ихъ въ исторіи. Правда, нѣкоторыя черты современнаго быта сванетовъ указываютъ, повидимому, на порядки несравненно болѣе архаическіе. Кто знакомъ съ ученіемъ, по преимуществу, англійскихъ и американскихъ этнологовъ, тому не безъизвѣстно, какое первенствующее значеніе играютъ въ ихъ теоріи „матернитета“ непрочность брачныхъ узъ и легкое поведеніе женщинъ. И то, и другое въ достаточной степени имѣютъ мѣсто у сванетовъ. Похищеніе, какъ дѣвушекъ, такъ и, въ особенности, замужнихъ женщинъ, у нихъ явленіе обыденное. Семейные раздоры и кровная месть весьма часто не имѣютъ у нихъ другого источника. Но достаточно ли всего этого для утвержденія, что индивидуализація семейныхъ отношеній у сванетовъ—явленіе недавнее, что недалекъ еще періодъ широкаго господства въ ихъ средѣ безпорядочнаго полового сожительства, при которомъ отецъ могъ быть и неизвѣстнымъ, и единственной прочной связью новорожденнаго была связь его съ матерью-родильницей. Мы полагаемъ, что нѣтъ, и вотъ почему.

Прежде чѣмъ останавливаться на общихъ причинахъ извѣстнаго явленія, необходимо удостовѣриться еще въ томъ, что последнее не находитъ себѣ достаточнаго объясненія въ чисто мѣстныхъ условіяхъ, среди которыхъ оно возникло. Такъ и въ данномъ случаѣ: прежде, чѣмъ относить слабую прочность брачныхъ узъ у сванетовъ къ переживаніямъ коммунальнаго брака, необходимо доказать, что слабая прочность брака не коренится всецѣло въ той бытовой обстановкѣ, среди которой проходитъ жизнь населенія. А этого, какъ мы полагаемъ, именно и нельзя отрицать. Изъ статистическихъ данныхъ, обязательно сообщенныхъ намъ мѣстной администраціей, оказывается, что численное отношеніе мужчинъ и женщинъ въ Сванетіи далеко не равномѣрно, что число мужчинъ относится къ числу женщинъ, какъ 6 къ 5, иначе говоря: женщинъ на 17% меньше мужчинъ. Это обстоятельство уже само по себѣ какъ нельзя лучше объясняетъ причину частаго похищенія женщинъ. Ихъ не хватаетъ для всѣхъ; удивительно ли, если, при такихъ условіяхъ, онѣ являются постояннымъ яблокомъ раздора? Къ этой общей причинѣ прибавляется еще особенная, корень которой лежитъ опять-таки не въ чемъ иномъ, какъ въ бытовыхъ условіяхъ изучаемаго народа. При господствѣ родовыхъ отношеній, интересъ каждой фамиліи лежитъ несомнѣнно въ томъ, чтобы обезопасить себя, на случай возможныхъ столкновеній съ чужеродцами, заключеніемъ тѣсныхъ связей съ другими сильными и многолюдными родами. Такія связи могутъ быть установлены двоякимъ путемъ: или черезъ посредство такъ-называемаго молочнаго родства, или съ помощью брачныхъ договоровъ. И то, и другое у сванетовъ въ полномъ ходу—черта общая имъ съ другими горскими племенами: татарами на сѣверѣ, осетинами на востокѣ. Но что̀ составляетъ по истинѣ особенность сванетовъ, это то, что брачные договоры, о которыхъ идетъ рѣчь, заключаются ими въ то время, когда будущіе женихъ и невѣста находятся оба въ колыбели. Магометанство, распространенное на сѣверъ отъ главнаго хребта, повидимому, причина тому, что такіе ранніе браки одинаково неизвѣстны, какъ болкарцамъ и кабардинцамъ, такъ и осетинамъ-мусульманамъ; съ переходомъ въ христіанскіе аулы плоскостной Осетіи, мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, и терпимость, съ которой христіанство, повидимому, всегда относилось къ нему, находитъ себѣ еще и другое, болѣе широкое, освѣщеніе въ повсемѣстномъ распространеніи этого явленія въ средніе вѣка [1]). Счастливыхъ браковъ, очевидно, нельзя

---

[1]) См. „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ", М. Ковалевскаго.

ожидать отъ союзовъ, заключаемыхъ въ младенческомъ возрастѣ. Частый уводъ чужихъ женъ и невѣрность сванетскихъ женщинъ —на что такъ много слышится жалобъ изъ устъ русскихъ администраторовъ—неизбѣжныя слѣдствія такихъ оскорбляющихъ нравственное чувство браковъ. И такъ, не восходя до эпохъ коммунальнаго брака и вытекающаго изъ него материнства, является возможность дать надлежащее объясненіе указаннымъ нами явленіямъ; а изъ этого слѣдуетъ, что на однихъ этихъ явленіяхъ еще немыслимо строить теоріи когнатическаго рода у сванетовъ. Раннее распространеніе въ странѣ христіанства, начиная съ III-го вѣка, легко объясняетъ причину, по которой въ обычномъ правѣ народа мы не находимъ и тѣхъ немногихъ слѣдовъ когнатическаго рода, какіе представляетъ собою, напримѣръ, юридическій строй его ближайшихъ сосѣдей—горскихъ татаръ. Извѣстно, какое первенствующее значеніе играетъ, въ эпоху существованія материнства, дядя по матери, заступающій, по отношенію къ дѣтямъ, мѣсто нерѣдко неизвѣстнаго имъ отца. Связь съ нимъ—говоритъ Тацитъ о древнихъ германцахъ—считается самой священной и болѣе тѣсной даже, чѣмъ связь дѣтей съ дѣйствительнымъ виновникомъ ихъ рожденія; и это мѣсто книги Тацита: „Германія", въ ряду другихъ данныхъ, является для современныхъ германистовъ основаніемъ къ утвержденію, что періодъ материнства и когнатическаго рода предшествовалъ въ жизни ихъ предковъ патріархальной семьѣ и опирающемуся на ней агнатическому роду. То, что̀ говоритъ Тацитъ о роли дяди съ материнской стороны, цѣликомъ примѣнимо къ современному быту горскихъ татаръ. Убійство дяди по матери считается въ ихъ средѣ такимъ же тяжкимъ преступленіемъ, какъ и отцеубійство. Въ числѣ родственниковъ, призываемыхъ къ соприсягѣ съ обвиняемымъ, мы неизмѣнно встрѣчаемъ у татаръ дядю по матери, какъ ближайшаго родственника. Ничего подобнаго мы не находимъ въ обычномъ правѣ сванетовъ. Отцеубійство у нихъ строго отличается по своимъ послѣдствіямъ отъ убійства материнскаго брата. Принадлежа къ одному роду съ отцомъ, живя съ нимъ въ одномъ дворѣ, отцеубійца поставленъ въ невозможность загладить свою вину уплатой ц о р а (плата за кровь). Ему некому платить. Но преступленіе его такъ тяжко въ глазахъ односельчанъ, что послѣдніе обыкновенно прекращаютъ съ нимъ всякія сношенія. Чтобы наглядно наложить на него печать отверженія, они принуждаютъ его постоянно носить повязку черезъ плечо, составленную изъ нанизанныхъ на веревку круглыхъ камешковъ. Совершенно другія послѣдствія ведетъ за собою убійство дяди по матери. Такъ какъ дядя живетъ обыкновенно не

въ одномъ дворѣ съ убійцей и не состоитъ его однофамильцемъ, то кровная месть, вызываемая убійствомъ, ежечасно можетъ быть прекращена договоромъ объ уплатѣ цора. Нигдѣ у сванетовъ мы не встрѣчаемъ также дяди по матери въ ряду ближайшихъ родственниковъ, а слѣдовательно и необходимыхъ соприсяжниковъ. Родственникамъ со стороны отца (агнатамъ) всегда принадлежитъ въ этомъ случаѣ первое мѣсто.

Прибавимъ къ сказанному еще слѣдующее: левиратъ, или деверство, въ которомъ, со временъ Макъ-Ленана, привыкли видѣть переживаніе если не коммунальнаго брака непосредственно, то его позднѣйшей стадіи—братскаго брака, иначе говоря, дозволеннаго обычаемъ сожительства всѣхъ братьевъ съ одними и тѣми же женщинами, совершенно неизвѣстенъ сванетамъ. Мы не только не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы, при безплодіи старшаго брата, младшій могъ занять его мѣсто,—о чемъ, какъ извѣстно, говоритъ Ману—но и сожительство вдовы съ ближайшимъ родственникомъ ея мужа, одинаково извѣстное индусскому, еврейскому, греческому и осетинскому праву, совершенно неизвѣстно сванетамъ. Оставшійся въ-живыхъ братъ можетъ взять себѣ въ жены вдову покойнаго, но въ томъ лишь случаѣ, если онъ холостъ; вступая въ бракъ, онъ обязанъ заплатить за свою невѣсту полное вѣно, или такъ-называемый „начулашъ", все равно, какъ еслибы онъ былъ лицомъ совершенно постороннимъ ея мужу. Еще одинъ фактъ, открыто говорящій о томъ, что материнство не оставило никакихъ слѣдовъ въ современномъ бытѣ сванетовъ. Незаконныя дѣти, какъ свидѣтельствуетъ одинаково древне-германское и кельтическое право, сохраняютъ связь съ матерью и ея родомъ. Вмѣсто того, чтобы считаться безродными, они признаются членами того же рода, къ которому принадлежитъ ихъ мать, и, согласно этому, пользуются нѣкоторыми правами наслѣдованія въ ея имуществѣ. Спрашивается теперь: каково положеніе незаконнорожденныхъ въ средѣ сванетовъ? Г. Стояновъ, посѣтившій страну нѣсколькими годами раньше насъ, говоритъ, что незаконнорожденные не получаютъ отъ отца имущества и считаются принадлежащими къ роду матери [1]). Это свидѣтельство совершенно не согласуется съ тѣми показаніями, какія на этотъ счетъ сдѣланы были намъ стариками различныхъ обществъ, какъ Вольной, такъ и Княжеской Сванетіи. На основаніи всего, собраннаго нами, матеріала, мы пришли къ тому убѣжденію, что недавнія распоряженія русскаго правительства во

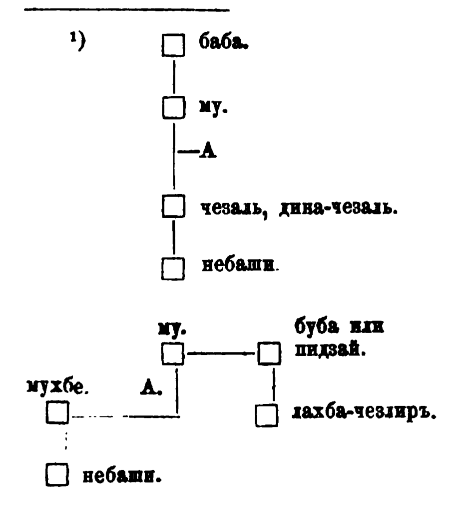
[1]) Путешествіе по Сванетіи („Зап. Кавк. отдѣла Географ. Общества", кн. 10, вып. 2. Тифлисъ, 1876 стр. 433. „Семейный бытъ сванетовъ").

многомъ содѣйствовали затемнѣнію въ юридическомъ сознаніи сванетовъ понятія незаконнорожденности; такъ что, въ настоящее время, у нихъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, оказывается два класса незаконныхъ дѣтей, далеко не одинаково безправныхъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Хотя сванетскій обычай вполнѣ допускаетъ разводъ и вступленіе во вторичный бракъ разведенной съ мужемъ жены, но русская администрація, вѣроятно, по несогласію такихъ порядковъ съ требованіями каноническаго права, сочла возможнымъ признать незаконными на одномъ этомъ основаніи болѣе 150 браковъ и приступила къ насильственному ихъ расторженію. Обстоятельство это въ свое время вызвало сильное недовольство въ мѣстномъ населеніи. Проживши сряду нѣсколько лѣтъ съ женщиной, имѣя отъ нея нерѣдко потомство, мужъ не соглашался отпустить ее обратно въ семью, изъ которой она вышла въ силу развода. Съ другой стороны, и разведенному супругу далеко не улыбалась мысль разстаться съ своей новой семьей для того, чтобы принять въ свой домъ ушедшую отъ него подругу, да еще съ обязательствомъ кормить и считать своими прижитыхъ ею на сторонѣ дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта неумѣлая попытка морализаціи обычая грозила оживленіемъ кровной мести и нескончаемыми междоусобицами. Къ счастью, хватились во-время и пріостановили дальнѣйшее приведеніе ея въ исполненіе. Когда спрашиваешь сванетовъ о томъ, наслѣдуютъ ли у нихъ незаконныя дѣти наравнѣ съ законными, они, имѣя въ виду дѣтей отъ браковъ съ разведенными, спѣшатъ отвѣтить, что несомнѣнно наслѣдуютъ, что обычай не устанавливаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ различій, что такія дѣти получаютъ долю, равную съ той, какая приходится законнымъ дѣтямъ, и самое меньшее—половину или треть [1]). Такой категорическій отвѣтъ, очевидно, можетъ вовлечь въ заблужденіе. Невольно подумаешь, что обычное право сванетовъ находится на той ступени развитія, когда неизвѣстна прочность брачныхъ узъ и положеніе жены и прижитыхъ ею дѣтей мало чѣмъ отличается отъ положенія наложницы и ея приплода; но дѣло въ томъ, что дѣти, которыхъ сванеты называютъ незаконнорожденными, совсѣмъ не являются таковыми съ точки зрѣнія ихъ обычнаго права; напротивъ того, они вполнѣ законны и потому наслѣдуютъ, и въ большей части обществъ наслѣдуютъ наравнѣ съ послѣдними. Рядомъ съ дѣтьми, о которыхъ шла сейчасъ рѣчь, сванетамъ извѣстны, однако, и такія, которыя и по ихъ понятію должны быть признаны незаконными. Это всѣ тѣ, которыя при-

[1]) Первое въ эцерскомъ обществѣ; второе—въ ушкульскомъ и ипарскомъ.

житы отъ любовницъ, или „телятъ“. Число такихъ дѣтей, однако, весьма невелико. Воспитатель дворянской школы въ Кутаисѣ, В. Ш. Нижерадзе, хорошо знакомый съ бытомъ своего народа, говорилъ намъ, что во всей Сванетіи ихъ едва насчитаешь пять человѣкъ. Причину этому онъ видѣлъ въ обычаѣ вытравленія незаконнаго плода. По показаніямъ стариковъ сопеля Мести, дѣтей, прижитыхъ незамужними женщинами, обыкновенно убивали; если же нѣкоторыя изъ нихъ оставляемы были въ-живыхъ, то не получали наслѣдства ни отъ отца, ни отъ матери. Во всякомъ случаѣ, они не причисляются къ роду матери, къ нимъ не примѣняется правило infans sequitur ventrem, и положеніе ихъ въ обществѣ есть положеніе безродныхъ; а это обстоятельство какъ нельзя лучше доказываетъ, что материнское право, переживаніе коего всего дольше держится въ сферѣ тѣхъ отношеній, въ которыя ставитъ незаконнорожденныхъ самый фактъ ихъ рожденія, исчезло безслѣдно изъ быта сванетовъ.

Но, можетъ быть, употребительный въ ихъ средѣ счетъ родства напоминаетъ еще эпоху, когда послѣднее исчисляемо было не степенями, а классами, эпоху весьма близкую, какъ извѣстно, эпохѣ материнства и, слѣдовательно, косвенно свидѣтельствующую о распространеніи материнства еще недавно въ ихъ быту? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо представить родословное древо сванетовъ. Обозначивъ литерой *А* лицо, родство котораго мы желаемъ исчислить, мы проведемъ отъ него линіи въ разныхъ направленіяхъ и на этихъ линіяхъ обозначимъ квадратами всѣхъ тѣхъ родственниковъ, которые у сванетовъ носятъ какое-либо наименованіе, а не зачисляются прямо въ общую группу однофамильцевъ [1]). Таками въ восходящей будутъ:—

[1])

отецъ („му“) и дѣдъ („баба“), а также мать („ти“) и бабка („тата“); въ нисходящей:—сынъ („чезаль“), дочь („дина-чезаль“) и внукъ („небаши“). Прадѣдъ и правнукъ не носятъ отдѣльныхъ наименованій, а зачисляются первый въ одну категорію съ дѣдомъ („баба“), второй—въ одну категорію съ внукомъ („небаши“). То́ же нужно сказать о прапрадѣдѣ и праправнукѣ. Этотъ фактъ не представляетъ собою ничего особенно характернаго; употребленіе такихъ приставокъ, какъ русское „пра“, французское „bis“, или „arrière“, или „petit“, нѣмецкое „gross“ и т. п., къ именамъ дѣда и внука доказываетъ сравнительно позднее выдѣленіе и у арійскихъ народовъ Европы этихъ степеней родства изъ общихъ категорій предковъ и потомковъ. Столь же обычнымъ кажется намъ у сванетовъ и счетъ родства въ боковой линіи: двоюроднаго брата („лахба-чезлиръ“) они строго отличаютъ отъ родного („мухбе“), чего, какъ извѣстно, не встрѣчается при классовой системѣ родства. Точно также дядя по отцу, какъ и дядя по матери—имѣютъ у сванетовъ особое обозначеніе („буба“ или „пидзай“). Одни только племянники носятъ одинаковое съ внуками наименованіе („небаши“)—черта, сходная съ тою, какую мы встрѣчаемъ въ древне-русскомъ правѣ, и которая, при строгомъ различеніи другихъ ближайшихъ степеней, едва ли говоритъ что-либо въ пользу недавняго существованія у сванетовъ классовой системы родства.

Итакъ, въ семейномъ правѣ сванетовъ нельзя найти фактовъ переживанія материнства. Такое заключеніе не равнозначительно, разумѣется, съ совершеннымъ отрицаніемъ существованія послѣдняго когда-либо у сванетовъ. Раннее появленіе христіанства у сванетовъ—по всей вѣроятности одна изъ причинъ тому, что ихъ обычаи не сохранили въ себѣ слѣдовъ тѣхъ порядковъ, какіе предполагаетъ материнство и основанное на немъ родство. Примѣръ другихъ народовъ, въ томъ числѣ германцевъ и кельтовъ, показываетъ намъ, что христіанство вело открытую борьбу съ такими порядками и всячески старалось положить имъ конецъ. Какъ сильно было вліяніе его въ этомъ именно направленіи въ Сванетіи, можно судить по тому, что никакое преступленіе не кажется современнымъ сванетамъ болѣе тяжкимъ, какъ кровосмѣшеніе, — кровосмѣшеніе, неизбѣжное въ эпоху господства общинныхъ браковъ. Большинство спрошенныхъ нами стариковъ положительно отрицали возможность проявленій его въ средѣ сванетовъ; другіе говорили объ избіеніи въ этомъ случаѣ виновныхъ ихъ односельчанами. По понятіямъ сванетовъ, небесная кара необходимо постигаетъ всякаго, вступившаго въ бракъ съ ближай-

шей родственницей. Въ ущельѣ Ингура, по дорогѣ въ кальскую общину, г. Стоянову показывали мѣсто, въ которомъ братъ и сестра были засыпаны землею въ наказаніе за заключенный ими бракъ [1]). Мы говорили уже о томъ, что браки однофамильцевъ представляютъ у сванетовъ большую рѣдкость. Народу они совершенно неизвѣстны. Случаи ихъ могутъ быть указаны только въ родѣ князей Дадешкеліани, да еще между потомками фамиліи Джапаридзе, бывшей нѣкогда дворянскою. Народная фантазія охотно связываетъ различныя несчастія, постигавшія обѣ фамиліи, и, въ частности, ихъ семейныя междоусобія съ представленіемъ о божескомъ гнѣвѣ, вызванномъ ихъ кровосмѣсительными браками.

Жизнь родами и нераздѣльными семьями не исключала вполнѣ у сванетовъ, задолго до перехода ихъ подъ русское владычество, нѣкоторыхъ зачатковъ государственности. Въ Княжеской Сванетіи представителями ея являлись князья изъ рода Дадешкеліани; въ Вольной—избираемые народомъ старѣйшины и народные сходы. Фамильныя и народныя преданія въ одно слово указываютъ на то, что та зависимость, въ которой, до освобожденія крестьянъ, жило населеніе Бечо, Чубехевъ, Эцери и Пари, нынѣ составляющихъ собою такъ-называемую Княжескую Сванетію, не восходитъ далѣе XV-го вѣка, что судьбы Вольной и Дадешкеліановской Сванетіи были до этого времени одинаковы, что ими управлялъ болѣе или менѣе номинально поставленный отъ Грузіи намѣстникъ, или такъ-называемый эриставъ, и что такими намѣстниками съ XIV-го вѣка были, какъ общее правило, члены семейства Геловани. Выходцы изъ Грузіи—они, разумѣется, оказывали всякую поддержку пришлому грузинскому элементу; и неудивительно поэтому, если при нихъ стали постепенно выдвигаться, какъ въ Вольной, такъ и въ Княжеской Сванетіи, нѣкоторыя семьи, получившія значеніе дворянскихъ („азнаурскихъ") семей. Такими въ Вольной Сванетіи были, между прочимъ, Джапаридзе. Имъ удалось постепенно наложить на вольное населеніе общества Мести ярмо крѣпостной зависимости, однохарактерной съ той, какая извѣстна была Грузіи. Владѣя землею на правѣ собственности, крестьяне, или такъ-называемые „мыбгери", въ то же время обложены были барщиной и другими натуральными повинностями; они обязаны были обработывать землю своихъ господъ, исполнять домашнія службы при ихъ дворѣ, сопровождать ихъ на войну, а также во время ихъ поѣздокъ, воспитывать ихъ дѣтей на правахъ аталыковъ, наконецъ, платить имъ ежегодно по одному

[1]) Стр. 434.

гвидолу пшеницы съ дома [1]). Не довольствуясь этимъ, дворяне стали присвоивать себѣ право продавать крестьянъ на сторону, нерѣдко разлучая для этого женъ съ мужьями и родителей съ дѣтьми, а также требовать, чтобы, за отсутствіемъ наслѣдниковъ, собственность крестьянскаго двора поступила не къ однофамильцамъ, а непосредственно въ ихъ руки. Согласно фамильнымъ преданіямъ, записаннымъ нами со словъ Урустумхана Джапаридзе изъ Мести, злоупотребленіе властью было причиной тому, что родъ его почти поголовно былъ истребленъ возставшими крестьянами. Случилось это такъ давно, что съ этого времени успѣли уже народиться двадцать поколѣній. Ближайшій поводъ былъ слѣдующій. Старшій изъ рода Джапаридзе, заставъ крестьянина работающимъ въ собственномъ полѣ, сталъ кричать на него, зачѣмъ онъ не пашетъ хозяйской нивы. Слово за слово, дѣло дошло до того, что крестьянинъ въ сердцахъ убилъ дворянина, а подоспѣвшіе ему на помощь поселяне истребили весь родъ убитаго, за исключеніемъ одного ребенка, спрятаннаго его аталыкомъ. Избавившись отъ князей, жители местійскаго общества стали управляться сами собою, собираясь съ этою цѣлью на народные сходы („джанъ-назуранъ") и выбирая на нихъ особаго старѣйшину, занимавшаго должность безсрочно, до тѣхъ поръ, пока дурное поведеніе его заставитъ подумать народъ о новомъ выборѣ. Старшина этотъ носилъ то же названіе, какое принадлежитъ доселѣ старѣйшему во дворѣ („махвши"); буквально слово это означаетъ: старшій. Кромѣ старшины, сходы выбирали еще двѣнадцать человѣкъ такъ-называемыхъ „мыбари" (выборные), обязанностью которыхъ было, между прочимъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не работалъ по пятницамъ, субботамъ и воскресеньямъ. Виновныхъ въ нарушеніи такихъ запретовъ подвергали штрафованію. Народные сходы созываемы были съ помощью особыхъ, почти саженныхъ трубъ; нѣкоторыя изъ нихъ доселѣ хранятся въ церкви местійскаго общества. Участіе въ собраніи принимали всѣ совершеннолѣтніе, не только мужчины, но и женщины. Для постановки рѣшенія требовалось единогласіе; но послѣдняго, очевидно, нелегко было достигнуть, особенно если принять во вниманіе, что наиболѣе вліятельные граждане являлись на джанъ-назуранъ каждый въ сопровожденіи своей партіи и притомъ не безоружными. Рѣдкое собраніе обходилось безъ схватокъ. Не достигнувъ соглашенія, соперники чаще всего оканчивали тѣмъ, что, запершись въ свои башни, поднимали изъ нихъ другъ про-

[1]) Гвидолъ равняется 2-мъ пудамъ 17 фунт.

тивъ друга вражду, переходившую нерѣдко изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такой печальный исходъ дѣлался возможнымъ тѣмъ болѣе, что прогнанные дворяне со временемъ снова приняты были въ общество. Крѣпостная зависимость, правда, не была возстановлена въ ихъ пользу, но удержалось представленіе о большемъ благородствѣ ихъ крови, дававшее право дворянину мстить простолюдину за убійство смертью двухъ его единокровныхъ. Число дворянъ стало возрастать, по мѣрѣ поселенія въ обществѣ новыхъ пришлыхъ родовъ, въ томъ числѣ рода Куштельяни, выходцевъ изъ Чегема. Такое явленіе замѣчается не въ одномъ местійскомъ обществѣ, но почти на всемъ протяженіи Вольной Сванетіи; и этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что число дворянъ въ ней, потерявшихъ, правда, нынѣ уже всякое значеніе, представляетъ весьма значительный процентъ всего населенія. Такъ, въ мулахскомъ обществѣ, на 939 человѣкъ простого состоянія приходится 295 дворянъ и дворянокъ; въ местійскомъ—на 537—234; въ остальныхъ обществахъ значительно меньше, обыкновенно не болѣе двухъ или трехъ десятковъ.

Событія, описанныя нами въ Мести, съ нѣкоторыми варіантами повторялись и въ любомъ изъ остальныхъ обществъ Вольной Сванетіи. Въ каждомъ возникаетъ свой народный сходъ (джанъ-назуранъ), называющійся также въ нѣкоторыхъ обществахъ „лухоръ" или „лузоръ"; мѣстомъ его собраній служитъ спеціально отведенная площадь, своего рода форумъ, по-сванетски: „лалхоръ". Народное собраніе каждаго общества выбираетъ своего старшину, который, подобно англійскому мировому судьѣ, остается въ должности „durante se bene gesserit", то-есть, пока его дурное поведеніе не сдѣлаетъ нужнымъ, въ глазахъ народа, назначенія ему преемника. Замѣчательную черту въ бытѣ Вольной Сванетіи составляетъ рано сознанная отдѣльными обществами необходимость столковываться по нѣкоторымъ дѣламъ сообща нѣсколькими обществами. Этой потребности удовлетворяли сходы всего взрослаго ея населенія, созываемые въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ мѣстъ: въ Ушкулѣ, на площади, называемой Жибіани; въ сопелѣ Цвирли местійскаго общества, на площади, называемой Симокъ, и въ Лалаверѣ, селеніи, расположенномъ къ западу отъ Эцери и болѣе не существующемъ. Предсѣдательство на такихъ общихъ собраніяхъ поручалось кому-либо изъ старшинъ по собственному ихъ выбору. Рѣшеніе, какъ и въ сходахъ отдѣльныхъ обществъ, считалось состоявшимся лишь подъ условіемъ единогласія. Г-нъ Нижерадзе, которому мы обязаны только-что приведенными данными, не прочь видѣть въ этихъ всенародныхъ

собраніяхъ черты своего рода федеративнаго устройства. Не идя такъ далеко, мы полагаемъ, однако, что изъ названныхъ сходовъ, имѣвшихъ лишь временный и случайный характеръ, могли, съ теченіемъ времени, образоваться вѣча, подобныя тѣмъ, какія мы находимъ, напримѣръ, въ Ури и Унтервальденѣ,—вѣча, на которыхъ приняты были первыя рѣшенія, благопріятныя швейцарской независимости. Правда, этимъ вѣчамъ не приходилось, подобно сванетскимъ, испытывать на себѣ тяжелую руку сосѣднихъ князей Дадешкеліани и принимать мѣры къ огражденію отъ нихъ свободы страны. Швейцарское дворянство шло за-одно съ народомъ, и, можетъ быть, только благодаря этому единодушію дѣло освобожденія получило здѣсь такой скорый и благопріятный исходъ.

Иначе относились къ свободнымъ обществамъ Сванетіи ихъ ближайшіе сосѣди, князья Дадешкеліани. Хотя, согласно преданію, князьямъ Дадешкеліани удалось водвориться въ Эцери только съ народнаго выбора и согласія, хотя защита народныхъ интересовъ противъ стремившагося къ тираніи рода Ричкіани и была, согласно тому же преданію, ближайшей причиной предоставленія имъ власти [1]), тѣмъ не менѣе, разъ добившись власти, они употребили все свое стараніе къ тому, чтобы закабалить народъ. Не довольствуясь установленіемъ крѣпостной зависимости въ тѣхъ четырехъ обществахъ, которыя образуютъ собою Княжескую Сванетію, они думали обложить данью и ушкульцевъ, живущихъ почти у самаго перевала въ Мингрелію. Но послѣдніе обнаружили имъ рѣшительный отпоръ. Пута Дадешкеліани, родоначальникъ семьи, какъ гласитъ сказаніе, былъ убитъ ушкульцами пулей, вылитой изъ свинца, доставленнаго въ равномъ количествѣ всѣми дворами ушкульскаго общества, чѣмъ какъ бы наглядно свидѣтельствуется, что погибели его равно желалъ весь народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвратить отъ себя кровное возмездіе, ушкульцы сдѣлали выстрѣлъ изъ церковнаго ружья, направивъ его черезъ окно храма, а курокъ былъ взведенъ съ помощью веревки, за которую держались сорокъ-два мальчика, по одному отъ каждаго двора. Послѣдствія, какія повелъ за собой этотъ дружно оказанный народомъ отпоръ, различно излагаются въ фамильныхъ и сельскихъ преданіяхъ. Первыя говорятъ о страшной мести Исламбера, сына Путы, ушкульцамъ: беременнымъ женщинамъ разрѣзаны были животы; дѣти переколоты; каждая капля крови отца оцѣнена въ семь человѣкъ, вслѣдствіе

---

[1]) Сказаніе это, со словъ Тенгиза Дадешкеліани, нынѣ умершаго, записано г. Стояновымъ, стр. 352.

чего все мужское населеніе, за исключеніемъ трехъ отсутствовавшихъ братьевъ, было предано смерти. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ обидъ, въ церковномъ котлѣ Ушкуля совершено было Исламберомъ нечистое жертвоприношеніе [1]). О всѣхъ этихъ ужасахъ нѣтъ и помину въ той редакціи, въ какой сказаніе о Путѣ ходитъ доселѣ въ средѣ ушкульцевъ. Умирающій Пута на вопросъ сына: отомстить ли ушкульцамъ или устроить ему примѣрныя поминки?—отвѣчаетъ выборомъ поминокъ, а ушкульцы навсегда сохраняютъ за собой полную свободу отъ платежа дани. Послѣдняя редакція, повидимому, ближе къ истинѣ, такъ какъ о какой-либо зависимости, со времени Путы, общинъ Вольной Сванетіи отъ князей Дадешкеліани, мы нигдѣ не встрѣчаемъ и помину.

Закрѣпощеніе народа было достигнуто семьей Дадешкеліани на протяженіи лишь четырехъ обществъ, составляющихъ такъ-называемую княжескую Сванетію. Какъ и повсюду, гдѣ крѣпостничество не вырождалось въ рабство, принадлежность къ несвободному состоянію никого не лишала права владѣть землею въ собственность. Единственнымъ ограниченіемъ собственности являлось право князя выкупать отчуждаемыя крестьянскимъ дворомъ земли,—подобіе средневѣковому retrait féodal. Земельный надѣлъ переходилъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому; но когда во дворѣ никого не оставалось въ-живыхъ, князь наслѣдовалъ предпочтительно передъ однофамильцами; точь-въ-точь, какъ на западѣ феодальный сеньоръ вступалъ во владѣніе землею своихъ mainmortables, за совершеннымъ прекращеніемъ владѣвшаго ею дыма. Подобно средневѣковымъ крестьянамъ, мыгбери, на протяженіи всѣхъ княжескихъ владѣній, обязаны были нести барщину, или „чалдамъ". Въ обыкновенное время года каждый дворъ поставлялъ не болѣе одного рабочаго ежедневно, мужчину или женщину, смотря по характеру работы. Но въ страдную пору требованія помѣщика возрастали. Подобно тому, какъ на англо-саксонскіе „lovebones" выходило все рабочее населеніе, такъ точно, во время пахоты и посѣва, а также при уборкѣ хлѣба и сѣна, сванетскій помѣщикъ въ правѣ былъ требовать отъ каждаго двора столько рабочихъ, сколько ему было нужно и сколько дворъ могъ поставить по своей численности. Сельскія работы производимы были крестьянами съ собственной упряжью, причемъ считалось за правило, что каждый дворъ поставляетъ, по меньшей мѣрѣ, одну пару быковъ. Сверхъ этихъ

[1]) Записано со словъ Татаркана Дадешкеліани, нынѣшняго владѣтеля въ Эцери.

повинностей, крестьяне несли еще нѣкоторые платежи. Каждые три года дворъ отдавалъ князю корову. Зимою, сверхъ того, онъ обязанъ былъ доставить пропитаніе, по крайней мѣрѣ, одной штукѣ рогатаго скота изъ княжескаго стада; если же скотина умирала, то взамѣнъ ея онъ отдавалъ собственнаго вола или корову. На Новый годъ почти обязательными признавались натуральныя приношенія, стоимостью въ 20 рублей. На Пасху крестьянинъ обязанъ былъ пригласить къ себѣ князя и угостить со всею его свитою. Извѣстныя событія въ жизни обѣихъ сторонъ также влекли за собою производство извѣстныхъ платежей. Въ Бечо, напримѣръ, крестьянскій дворъ не справлялъ поминокъ по своему покойнику безъ того, чтобы не отдать князю 60 хлѣбовъ и 6 или 7 зековъ араку. Точно также отдача княземъ дочери въ замужество обыкновенно была поводомъ къ полученію имъ съ каждаго двора по меньшей мѣрѣ одного барана. Долженъ былъ уплатить князь цоръ, и у него не хватало къ тому средствъ,— крестьяне складывались между собою и пополняли недостачу. Другой доходной статьей князя были взыскиваемые имъ штрафы съ преступниковъ. Предоставляя своимъ подданнымъ судиться медіаторскимъ судомъ и не вмѣшиваясь въ выборъ сторонами посредниковъ, князь довольствовался взиманіемъ съ лицъ, признанныхъ виновными, значительныхъ пеней, всего чаще уплачиваемыхъ скотомъ. Пени эти въ Бечо достигали слѣдующихъ размѣровъ. Штрафъ за убійство („надчарьеръ")—триста рублей; за воровство („нактерьеръ")—двѣсти рублей; за раненіе („накчьеръ") —сто рублей. Такимъ образомъ, въ Княжеской Сванетіи преступленіе влекло за собою двоякаго рода послѣдствія: частное вознагражденіе и публичную пеню. Невольно переносишься въ ту отдаленную эпоху, когда въ Германіи, Англіи и Франціи, взимался, сверхъ частной композиціи или выкупа, еще такъназываемый fredus, или когда въ Россіи, согласно „Русской Правдѣ", головничество, т.-е. частное вознагражденіе роду убитаго, не устраняло виры въ пользу правительства.

Перечень правъ, присвоенныхъ семьею Дадешкеліани по отношенію ихъ къ мыбгери, былъ бы неполонъ, если бы нами не было упомянуто еще о свободномъ переселеніи помѣщикомъ крестьянскихъ дворовъ изъ одного сопеля въ другой и объ отчужденіи имъ цѣлыхъ семей или отдѣльныхъ членовъ ихъ, однихъ съ землею, другихъ и безъ земли. Все это явленія обычныя во всѣхъ странахъ, которымъ когда-либо было извѣстно крѣпостное право; но такіе порядки, повидимому, переносились сванетами съ

особымъ трудомъ, и воспоминанія о нихъ до сихъ поръ еще живы среди сванетовъ. Не всѣ крестьянскіе дворы стояли, впрочемъ, въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ; нѣкоторые совершенно освобождены были отъ барщины и несли не болѣе половины перечисленныхъ нами платежей. Въ такомъ именно положеніи находились въ бечойскомъ обществѣ тридцать дворовъ Квиціани, ведущихъ свой родъ отъ азнауровъ, поселившихся въ этой мѣстности задолго до прибытія въ нее Дадешкеліани и обязанныхъ, по всей вѣроятности, этому обстоятельству своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Послѣднее во многомъ напоминаетъ то, какимъ въ средніе вѣка пользовались такъ-называемые liberi tenentes, то-есть лица лично свободныя, не обязанныя помѣщику барщиной, но обложенныя извѣстными платежами, какъ эквивалентомъ за землю, которою они пользовались. Въ заключеніе прибавимъ, что все населеніе Княжеской Сванетіи, безъ различія свободныхъ и несвободныхъ, обязано было къ личному участію во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ князей. Лошадь и оружіе, а также нужная во время похода пища поставляемы были самими ратниками.

Крѣпостная зависимость продолжала держаться въ Сванетіи до 1869 года. Крестьянскій вопросъ казался мѣстной администраціи столь же трудно разрѣшимымъ, какъ и на сѣверномъ склонѣ хребта, въ средѣ горскихъ обществъ Кабарды. Кутаисскій генералъ-губернаторъ разсчитывалъ, повидимому, на возможность возстанія, такъ какъ въ рапортѣ, представленномъ имъ барону Николаи, отъ 29-го ноября 1866 года, значится, что приступить къ рѣшенію крестьянскаго вопроса въ Сванетіи нельзя раньше, какъ послѣ сосредоточенія войскъ въ этой странѣ, которыя побудили бы жителей къ полному повиновенію. Рѣшительный шагъ въ пользу эмансипаціи сдѣланъ былъ самими князьями Дадешкеліани. Глава ихъ рода, Тенгизъ, по совѣту управляющаго Мингреліей, г-на Властова, самъ предложилъ правительству слѣдующаго рода сдѣлку: онъ соглашался отпустить своихъ крестьянъ на волю и надѣлить ихъ даже землею, въ размѣрѣ пяти кцевъ на каждый дворъ, но подъ условіемъ, чтобы правительство уплатило ему за каждую душу по 25 рублей. Реформа должна была касаться однихъ только глеховъ, т.-е. надѣленныхъ землею крестьянъ, а не маджалабовъ, т.-е. купленныхъ рабовъ, исполняющихъ дворовую службу. Такихъ, подлежащихъ освобожденію, дворовъ оказалось во всей Княжеской Сванетіи счетомъ 189, съ населеніемъ въ 842 человѣка. Дво-

ровыхъ же крестьянъ, или, точнѣе, рабовъ, считалось невозможнымъ отпустить на волю на вышесказанныхъ условіяхъ потому, что вознагражденіе въ 25 рублей казалось недостаточнымъ, въ виду покупки ихъ владѣльцами нерѣдко за 600 или 800 рублей, а также потому, что освобождаемые безъ земли маджалабы неминуемо попадали въ положеніе лицъ, не имѣющихъ ни крова, ни занятій. Всѣхъ такихъ маджалабовъ, по вычисленіямъ Тенгиза, было не болѣе 150 человѣкъ на протяженіи всей Княжеской Сванетіи. Не отпуская ихъ на волю, Тенгизъ въ то же время соглашался признать свободнымъ все ихъ потомство, народившееся со времени провозглашенія эмансипаціи, а также не прочь былъ подчиниться и рѣшительному запрещенію покупать, перепродавать или дарить ихъ въ предѣлахъ самой Сванетіи или внѣ ея.

Хотя Вольная Сванетія и не признавала надъ собою ничьей княжеской власти, но и въ ней существовали своего рода зависимыя отношенія между крестьянами и нѣкоторыми дворянскими или азнаурскими семьями [1]). Размѣръ платимыхъ здѣсь крестьянами повинностей былъ весьма ничтоженъ; свободные отъ барщины и другихъ личныхъ службъ, они обязаны были производить только ежегодные взносы пшеницею или ячменемъ, цѣнность которыхъ не поднималась выше 5 рублей и падала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 20 копѣекъ.

Когда, на мѣсто Святополка-Мірскаго, кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ графъ Левашовъ, крестьянскій вопросъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что права дворянъ Вольной Сванетіи совершенно не были признаны правительствомъ; а изъ семьи Дадешкельяни одни получили простой, а другіе двойной размѣръ вознагражденія одинаково за крестьянъ и рабовъ. Въ донесеніи своемъ великому князю Михаилу Николаевичу, отъ 3-го августа 1869 года, графъ Левашовъ пишетъ: „Крестьянскій вопросъ оконченъ мною въ обѣихъ Сванетіяхъ. Въ имѣніяхъ князей Дадешкеліани онъ рѣшенъ по добровольному соглашенію ихъ съ крестьянами, формально заключенному въ ихъ присутствіи. Князья отдаютъ крестьянамъ въ наслѣдственную собственность ихъ усадьбы и 4 кцевы пахатной и сѣнокосной земли, по выбору самихъ крестьянъ. Въ вознагражденіе за такую уступку они ожидаютъ выкупа въ 50 рублей за душу. Въ Вольной Сва-

[1]) Мы разумѣемъ въ частности Джапаридзе въ Курдіани, Іосельяни и Девдарьяни.

нетіи, — продолжаетъ графъ,—послѣ подробнаго разбора мною правъ нѣкоторыхъ лицъ, называющихъ себя азнаурами и заявляющихъ помѣщичьи права на крестьянъ, я удостовѣрился, что въ тѣхъ незначительныхъ приношеніяхъ, которыя нѣкоторые крестьяне дѣйствительно дѣлаютъ этимъ азнаурамъ, обыкновенно хлѣбомъ на 20 или на 30 копѣекъ въ годъ, а также въ установившемся обычаѣ угощать этихъ азнауровъ въ случаѣ посѣщенія, нельзя признать крѣпостной зависимости, такъ какъ между крестьянами и помѣщиками никогда не существовало тѣхъ обязательственныхъ отношеній, которыя вызываются барщиной или другими видами личныхъ службъ. Въ виду этого, я объявилъ обѣимъ сторонамъ, что не допускаю въ Вольной Сванетіи никакихъ крѣпостныхъ отношеній, какъ противорѣчащихъ издревле присвоенному названію. Хотя подобное заявленіе и вызвало—говоритъ далѣе графъ—понятное неудовольствіе въ азнаурахъ, но, въ концѣ концовъ, они должны были подчиниться, въ виду тѣхъ показаній, какія на этотъ счетъ были тутъ же, въ ихъ присутствіи, отобраны у крестьянъ". Такъ какъ у нѣкоторыхъ азнауровъ все же оказались дворовые слуги, или такъ-называемые „шинакмы", то графъ Левашовъ позволилъ имъ привести подобныхъ лицъ къ приставу для составленія слугамъ особаго списка, обѣщавъ ходатайствовать о вознагражденіи за понесенный азнаурами убытокъ. Ходатайство это, однако, не было принято.

Владѣнія бечойскихъ Дадешкеліани за нѣсколько лѣтъ до эмансипаціи были конфискованы русскимъ правительствомъ, по причинѣ перехода главы ихъ въ мусульманство; вслѣдствіе чего въ этомъ обществѣ само правительство принуждено было вступить въ сдѣлку съ крестьянами и надѣлило ихъ тѣмъ же числомъ кцевъ, какое было предоставлено крестьянамъ въ сосѣднемъ, эцерскомъ обществѣ. Въ виду ходатайства графа Левашова, эцерскіе Дадешкеліани, какъ принимавшіе ближайшее участіе въ самой эмансипаціи, получили двойной размѣръ выкупа, и такъ какъ, въ то же время, въ силу особаго соглашенія, они за топливо и пользованіе пастбищемъ стали получать съ каждаго крестьянскаго двора по 5 рублей ежегодно, то ихъ имущественное положеніе нисколько не пострадало отъ отпущенія крестьянъ на волю [1]). Что касается до азнаурскихъ семей, то послѣдствіемъ эмансипаціи было совершенное ихъ разореніе;

---

[1]) Всѣ эти свѣденія почерпнуты изъ дѣлъ бывшаго архива главнаго управленія кавказскаго намѣстничества· см. дѣло 1866 года, подъ № 41/39.

представителей ихъ въ настоящее время довольно трудно отличить отъ простонародья. Подобно послѣднему, они живутъ трудомъ своихъ рукъ и нерѣдко уходятъ на заработки въ Мингрелію, Имеретію и Осетію.

Рядъ описанныхъ нами событій не могъ, конечно, пройти безслѣдно для самыхъ основъ народнаго быта. Крѣпостная зависимость, захваченное князьями право переселять крестьянъ по своему усмотрѣнію и узурпированное ими право отчуждать своихъ мыбгери какъ съ землею, такъ и безъ земли, наконецъ, обложеніе ими различныхъ видовъ преступныхъ дѣйствій особыми штрафами въ свою пользу,—все это такія явленія, которыя рано или поздно должны были внести существенныя перемѣны и въ общій складъ жизни, и въ юридическіе обычаи подвластнаго народа. Прежде всего здѣсь, какъ и повсюду, крѣпостное право содѣйствовало удержанію семейной нераздѣльности, такъ какъ послѣдняя была лучшимъ средствомъ избѣжать того рокового исхода, какой ожидалъ каждую фамилію съ вымираніемъ того или другого изъ ея дворовъ,—мы разумѣемъ переходъ земли въ руки помѣщика. Неудивительно поэтому, если въ Княжеской Сванетіи особенно часто встрѣчаются и по настоящее время большія крестьянскія семьи и, въ среднемъ выводѣ, здѣсь число душъ на дворъ больше, нежели въ обществахъ Вольной Сванетіи. Съ другой стороны, право князей переносить крестьянскія усадьбы изъ одного сопеля въ другой вызвало въ Княжеской Сванетіи бо́льшую скученность населенія въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ резиденціямъ Дадешкеліани въ Эцерахъ и Бечо. Князья, очевидно, заинтересованы были въ томъ, чтобы имѣть подъ руками возможно большее число рабочихъ рукъ, что́ способствовало болѣе удовлетворительной обработкѣ крестьянами княжескихъ земель. Это скучиваніе населенія въ однихъ мѣстахъ должно было, въ свою очередь, содѣйствовать ослабленію чисто родового характера древнѣйшихъ поселеній. Вмѣсто того, чтобы быть, какъ прежде, мѣстопребываніемъ одной или двухъ фамилій, сопели стали включать въ себѣ цѣлые ихъ десятки,—обстоятельство, благодаря которому отношенія сосѣдства начали выступать на первый планъ и сосѣдское право стало развиваться нерѣдко въ ущербъ родовымъ интересамъ. Особенно наглядно послѣдняя черта выступаетъ въ фактѣ возникновенія такъ-называемаго права сосѣдскаго выкупа, которому, по крайней мѣрѣ въ Княжеской Сванетіи, дается рѣшительное предпочтеніе передъ родовымъ. Только въ томъ случаѣ, если сосѣди не пожелаютъ выкупить продан-

наго участка, послѣдній можетъ быть пріобрѣтенъ дворомъ однофамильцевъ продавца,—отнюдь не наоборотъ. Этимъ не исчерпывается еще то вліяніе, какое княжеская власть оказала на измѣненіе народныхъ юридическихъ обычаевъ. Вмѣшательство ея въ судъ, въ формѣ наложенія штрафовъ на различные виды преступленій, сдѣлалось, какъ мы вскорѣ увидимъ, само источникомъ частью отмѣны обычаевъ,—какъ, напримѣръ, обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ,—частью усиленія отвѣтственности за извѣстные виды преступныхъ дѣйствій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Пора весеннихъ грозъ еще не миновала,
А ужъ зима пришла,
И старость ранняя нежданно разсказала,
Что жизнь свое взяла.

И надъ обрывами безцѣльнаго блужданья
Повисъ сѣдой туманъ.
Душа не чувствуетъ бывалаго страданья,
Не помнитъ старыхъ ранъ.

И, воздухъ горный радостно вдыхая,
Я въ новый путь готовъ,
Далеко отъ цвѣтовъ увянувшаго мая,
Отъ жаркихъ лѣтнихъ сновъ.

II.

Какой тяжелый сонъ! Въ толпѣ нѣмыхъ видѣній,
Тѣснящихся и рѣющихъ кругомъ,
Напрасно я ищу той благодатной тѣни,
Что тронула меня невидимымъ крыломъ.

Но только уступлю напору злыхъ сомнѣній,
Смертельною тоской и ужасомъ объятъ, —

Вновь чую надъ собой крыло незримой тѣни,
Невнятныя слова по-прежнему звучатъ.

Какой тяжелый сонъ! Толпа нѣмыхъ видѣній
Растетъ, растетъ и заграждаетъ путь,
И еле слышится далекій голосъ тѣни:
Не вѣрь мгновенному, люби и не забудь!

III.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Хвалы и моленія Пресв. Дѣвѣ [1]).

1.

Въ солнце одѣтая, звѣздо-вѣнчанная,
Солнцемъ Превышнимъ любимая Дѣва!
Свѣтъ его вѣчный въ себѣ ты сокрыла.
Немощнымъ звукамъ земного напѣва
Какъ вознестись къ тебѣ, Богомъ желанная!
Дай же, молю, мнѣ небесныя крыла,
Ты, что во вѣки свой слухъ не закрыла
Вѣрнаго сердца мольбамъ,
Но, милосердая, къ тайнымъ скорбямъ
Съ помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томитъ меня тѣсная,—
Дай же прибѣжище сердцу больному,
Праху земному,
Царица Небесная!

2.

Въ дѣвахъ премудрыхъ ты яркосвѣтящая!
Чистымъ елеемъ огонь твой нетлѣнный
Вѣчно горитъ и не знаетъ затмѣнія.
Ты всѣмъ гонимымъ Покровъ неизмѣнный,

---

[1]) Въ этомъ вольномъ и сокращенномъ переложеніи Петраркиныхъ „Lodi e preghiere" я сохранилъ необычную стихотворную форму итальянской пьесы.

Щитъ всѣхъ скорбящихъ, ты, всескорбящая!
Въ смертномъ бореньи ты знамя спасенія!
  Страсти безумной злое горѣніе
  Да утолится тобою!
  Съ неизреченной тоскою
  Видѣла ты неземныя мученія.
Ими спасенный, зачѣмъ я страдаю?
Мною владѣетъ врагъ побѣжденный!
          Мыслью смущенной
          Къ тебѣ прибѣгаю.

3.

Всенепорочная, Дѣва пречистая,
Слова предвѣчнаго мать и созданіе!
Слава земной и небесной природы!
Сынъ твой и Вышняго Бога сіяніе, —
— О, безконечности око лучистое! —
Въ вѣки послѣдніе, въ тяжкіе годы
Пристань спасенья, начало свободы
          Намъ чрезъ тебя даровалъ.
Онъ одну между всѣми избралъ,
Онъ въ тебѣ возлюбилъ и грядущіе роды.
О, открой милосердія двери,
Всеблагодатная, къ жизни нетлѣнной
          Душѣ смиренной
          Въ любви и вѣрѣ!

4.

О, всесвятая, благословенная,
Лѣствица чудная, къ небу ведущая,
Съ неба ко мнѣ приклони свои очи!
Воду живую, въ вѣчность текущую,
Ты намъ дала, голубица смиренная,
Ты Солнце Правды во мракъ нашей ночи
Вновь возвела. Мать, невѣста и дочерь,
          Дѣва всеславная,
          Міродержавная

И таинница божьихъ совѣтовъ!
Ты меня проведи сквозь земные туманы
Въ горнія страны,
Въ отчизну свѣтовъ!

5.

Дѣва единая межъ земнородными,
Небо плѣнила ты чистой красою.
Въ цѣпи златой ты звено неразрывное.
Зла не касаяся волей святою,
Думами ясными, Богу угодными,
Храмомъ живымъ Его стала ты, дивная!
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Свѣтлою радостью вся расцвѣтетъ,
Если молитва твоя низведетъ
Въ сердца пустыню небесъ изобиліе.
Въ духѣ смиренномъ склонивъ колѣна,
У всепобѣдной прошу защиты.
Цѣпь разорви ты
Земного плѣна!

6.

Свѣтлая Дѣва, во вѣкъ неизмѣнная,
Въ плаваньи бурномъ звѣзда путеводная,
Кормчій надежный въ годину ненастную!
Знаешь ты скалы и камни подводные,
Видишь блужданья мои безъисходныя.
Долго боролась душа, удрученная
Долей враждебною, волею страстною;
Сердце измучено битвой напрасною.
Немощь мою ты отъ вражьяго плѣна избавь,
Челнъ погибающій въ пристань направь!
Онъ ужъ, разбитый, не споритъ съ грозою ужасной.
Усмири же ты темное, бурное море,
Злобу и горе
Кротостью ясной!

7.

Лилія чистая среди нашихъ терній,
Въ мрачной пучинѣ жемчужина ясная,
Въ пламени зломъ купина не горящая,
Въ общемъ потопѣ ладья безопасная,
Облако свѣтлое, мглою вечерней
Божьимъ избранникамъ ярко-блестящее,
Радуга, небо съ землею мирящая,
Божьихъ завѣтовъ ковчегъ неизмѣнный,
Манны небесной фіалъ драгоцѣнный,
Высь неприступная, Бога носящая!
Дольній нашъ міръ осѣни лучезарнымъ покровомъ,
Свыше ты осѣненная,
Вся озаренная
Свѣтомъ и словомъ!

Владиміръ Соловьевъ.

ГОСУДАРСТВО и ЦЕРКОВЬ

въ

ПРУССІИ

Пятнадцать лѣтъ „культуркампфа", 1870—1886 гг.

— Geschichte des „Kulturkampfes" in Preussen, in Actenstücken dargestellt, von Ludwig Hahn, Berl. 1881.
— Geschichte des Kulturkampfes, Ursprung, Verlauf und heutiger Stand, von Dr. Wiermon, Leipzig, 1885.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1]).

Война и перемиріе.

I.

„Я могу удостовѣрить,—говорилъ кн. Бисмаркъ, въ засѣданіи рейхстага 14 мая 1872 года,—что въ противность притязаніямъ нѣкоторыхъ подданныхъ е. в-ства, духовнаго чина, полагающихъ, что могутъ быть законы страны, для нихъ не обязательные, мы будемъ поддерживать полное и нераздѣльное верховенство государства (суверенитетъ) всѣми зависящими отъ насъ средствами, и что мы увѣрены въ полной поддержкѣ, въ этомъ на-

[1]) См. выше: іюль, 151 стр.

правленіи, великаго большинства обоихъ исповѣданій. Верховенство можетъ быть только едино и должно остаться таковымъ: верховенствомъ законодательства (die Souveränetät der Gesetzgebung)!"

Воззваніе къ „суверенитету законодательства" указывало не только на рѣшимость правительства поддерживать принадлежащія государству права, но и выковать новыя законодательныя опредѣленія, какъ для защиты этихъ правъ, такъ и для „нападенія" на противниковъ, если въ томъ представится надобность.

Что прусское правительство нуждалось въ церковно-политическихъ законахъ — это не подлежало сомнѣнію. События 1848 года и слѣдовавшая за ними хартія 1850 г. оставили вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви въ крайне неопредѣленномъ положеніи. Развитіе церковно-государственныхъ отношеній въ Пруссіи представляетъ свои особенности, объясняющія и ходъ позднѣйшей распри.

Реформація и религіозныя войны, закончившіяся вестфальскимъ миромъ, оставили бранденбургское курфюршество въ положеніи чисто-протестантскаго государства, въ коемъ во всей силѣ примѣнялось начало тогдашней территоріальной церковной системы: „cujus est regio, illius est religio". Примѣненію его содѣйствовалъ и составъ народонаселенія курфюршества—чисто протестантскій. Новыя территоріальныя пріобрѣтенія шли пока медленно и мало видоизмѣняли вѣроисповѣдный составъ государства. До Фридриха Великаго королевство прусское имѣло только одну чисто-католическую область, пріобрѣтенную въ 1713 г.,—княжество Гельдернъ [1]).

Здѣсь католическая церковь являлась господствующею и имѣла свое устройство. Въ прочихъ провинціяхъ тогдашней Пруссіи католики пользовались терпимостью, равенствомъ въ правахъ, правомъ домашняго богослуженія (devotio domestica) и, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, богослуженія публичнаго. Но они не имѣли своего, признаннаго и регулированнаго государствомъ, церковнаго устройства.

Пріобрѣтеніе Силезіи (1742 г.) и раздѣлъ Польши (1772 г.) дали Пруссіи столь значительныя католическія провинціи, что опредѣленіе устройства католической церкви, въ ея отношеніяхъ къ государству, явилось настоятельною потребностью.

Законодательство Фридриха Великаго руководствовалось, въ этомъ отношеніи, слѣдующими началами. Католическія общины

---

[1]) Кн. Гельдернъ—южная часть бывшаго герцогства этого имени: сѣверная его часть вошла въ составъ Нидерландской республики, а южная досталась по утрехтскому миру Пруссіи.

въ отдѣльныхъ областяхъ королевства были признаны въ своемъ устройствѣ, съ соблюденіемъ правъ свободы исповѣданій для протестантовъ и верховныхъ правъ государства. Признавая мѣстныя права католическихъ союзовъ, законодательство не установляло, однако, общепризнанной для всей монархіи католической церкви; государство не вступало въ прямыя и постоянныя отношенія къ папѣ и ограничивалось отношеніями къ мѣстнымъ епископамъ или замѣняющимъ ихъ духовнымъ властямъ.

Попытка установить общія начала церковнаго устройства выразилась въ теченіе второй половины XVIII вѣка въ такъ-называемомъ церковномъ эдиктѣ 9-го іюля 1788 года и въ „Общемъ земскомъ уложеніи“ (Allgemeines Landrecht). Главнѣйшимъ изъ этихъ общихъ началъ является равноправность трехъ христіанскихъ исповѣданій и церквей (евангелической, реформатской и католической). Такимъ образомъ прусское законодательство не установило ни господствующей, ни государственной церкви: оно осталось на почвѣ равноправности признанныхъ церквей—der Preussische Staat ist ein paritätischer. Каждая изъ церквей оставлена при своемъ устройствѣ.

Спеціально-католическая церковь сохранила прежнюю организацію; права ея епископовъ, при соблюденіи верховныхъ правъ государственнаго надзора, были признаны, хотя вопросъ объ отношеніи католическаго духовенства къ папѣ остался внѣ законодательныхъ опредѣленій.

Конечно, формальное признаніе „равноправности“ исповѣданій, явившейся основою позднѣйшаго церковно-государственнаго законодательства Пруссіи, не означало еще ихъ свободы. Самъ „религіозный эдиктъ“ 1788 года не былъ изданъ спеціально съ цѣлью провозглашенія означенной равноправности. Онъ явился плодомъ піэтистическаго усердія любимца новаго прусскаго короля, Фридриха-Вильгельма II, извѣстнаго Вѣльнера [1]); признавая „равноправность церквей“, онъ направленъ противъ свободы совѣсти. Именно, по словамъ эдикта, „никто и никогда не долженъ быть принуждаемъ въ дѣлахъ совѣсти, пока онъ спокойно, какъ добрый гражданинъ, исполняетъ свои обязанности предъ государствомъ, но сохраняетъ про себя свое особое мнѣніе и тщательно воздерживается отъ ихъ распространенія, а также отъ убѣжденія другихъ“, и т. д.

Правило объ этой оригинальной „свободѣ совѣсти“ вполнѣ

---

[1]) Ср. Martin Philippson, „Geschichte des Preussischen Staatswesens“, etc. I, 211 и слѣд.

гармонировало съ строжайшими правилами относительно правовѣрія протестантскаго духовенства и объясняетъ, почему „эдиктъ“ былъ отмѣненъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Опредѣленіе церковно-государственныхъ отношеній основывалось, съ этого времени, на общихъ правилахъ „земскаго уложенія“. Послѣднее не только обезпечивало права государства, но, въ условіяхъ неограниченной монархіи, открывало правительству широкую возможность вступаться въ самое церковное управленіе (Kirchenregiment).

Событія перваго десятилѣтія XIX вѣка вызвали необходимость болѣе точныхъ и подробныхъ правилъ объ устройствѣ католической церкви. Разгромъ старой германской имперіи повлекъ за собою уничтоженіе множества духовныхъ владѣній, поглощаемыхъ теперь расширившимися королевствами и великими герцогствами новой Германіи. Въ силу постановленій вѣнскаго конгресса, и Пруссія получила нѣсколько духовныхъ и католическихъ владѣній; къ прежнимъ частямъ прирейнской Пруссіи (Клеве и Гельдернъ) присоединились бывшія владѣнія архіепископовъ кёльнскаго и трирскаго, герцогства Юлихъ и Бергъ, и т. д., изъ коихъ составилась нынѣшняя прирейнская Пруссія (Rheinland), съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ.

Опредѣленіе устройства католической церкви именно въ этихъ земляхъ было тѣмъ настоятельнѣе, что „секуляризація“ духовныхъ владѣній оставила церковь въ полномъ разстройствѣ. Но, съ другой стороны, означенное устройство требовало разныхъ учредительныхъ актовъ (установленіе и росписаніе епархій, установленіе епископовъ, и т. д.), которые не могли состояться безъ соглашенія съ римскимъ престоломъ.

Прусскій престолъ былъ занятъ монархомъ, вполнѣ дружественнымъ папѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ III горячо настаивалъ на возстановленіи свѣтской власти папы; онъ видѣлъ въ католической церкви дружественную консервативнымъ правительствамъ силу; многими распоряженіями и щедротами онъ доказалъ это расположеніе. Но онъ, какъ государь державы протестантской и какъ правитель, проникнутый сознаніемъ своихъ государственныхъ правъ, не желалъ вступать на почву конкордатовъ, предполагающихъ признаніе, хотя бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ, власти иноземнаго „главы церкви“. Устройство католической церкви должно было опредѣлиться не путемъ договора, но государственнымъ порядкомъ, по соглашенію съ папой.

Переговоры съ Ватиканомъ были поручены знаменитому Нибуру, занимавшему постъ посланника при Піѣ VII. Плодомъ

этихъ переговоровъ явилась булла „de salute animarum", 16 іюля 1821 года. По формѣ своей она была окружною буллою, опредѣлявшею устройство мѣстной католической церкви въ Пруссіи. Опредѣленія ея касались росписанія епархій, устройства и состава капитуловъ, ихъ дотацій, порядка избранія и назначенія епископовъ. Въ этихъ отношеніяхъ булла допускала большое разнообразіе. Избраніе епископовъ капитулами (кромѣ старой силезской епархіи) было установлено въ новыхъ епархіяхъ—кёльнской, трирской, падерборнской и мюнстерской, причемъ особое папское бреве предписывало капитуламъ представлять только кандидатовъ пріятныхъ королю. Послѣднему предоставлялось, слѣдовательно, право исключенія такъ-называемыхъ personæ minus gratæ. Въ отношеніи епископскихъ каѳедръ въ Познани, Кульмѣ и въ Эрмеландѣ, корона сохранила право положительнаго участія въ назначеніи епископовъ.

Изданная, по соглашенію съ прусскимъ правительствомъ, булла „de salute animarum" получила силу внутренняго закона Пруссіи чрезъ королевскую санкцію 23 августа 1821 года. Утверждая буллу, король сдѣлалъ слѣдующую существенную оговорку: „Я даю мою королевскую санкцію въ силу моихъ державныхъ правъ (Majestätsrechte) и подъ условіемъ нерушимости какъ этихъ моихъ правъ, такъ равно и правъ моихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія и евангелической церкви".

Затѣмъ опредѣленіе подробностей церковно-политическихъ отношеній, а равно—во многихъ отношеніяхъ—и самой администраціи католической церкви въ Пруссіи, было предоставлено мѣстнымъ законодательной и исполнительной властямъ. Примѣненіе этихъ правъ не дало благопріятныхъ результатовъ. Съ одной стороны, Фридрихъ-Вильгельмъ III, раздѣляя взглядъ своего времени, что католицизмъ есть лучшій противовѣсъ противъ французско-революціонныхъ идей, покровительствовалъ католической церкви и даже крайнимъ ея партіямъ. Съ другой стороны, дѣйствія прусской администраціи, часто придирчивыя, раздражали католическое духовенство, стремившееся, подъ вліяніемъ общей католической реакціи, занять господствующее положеніе. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ III испыталъ силу имъ же организованной церкви по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ.

Въ прирейнской провинціи, съ ея смѣшаннымъ населеніемъ, смѣшанные браки издавна сдѣлались необходимостью. Воспитаніе дѣтей въ той или другой вѣрѣ опредѣлялось, по обычаю, взаимнымъ соглашеніемъ родителей. Конечно, католическое духовенство, пользуясь своими обширными средствами, умѣло обра-

щать этотъ обычай на выгоду своей церкви. Но въ 1825 г. на Вестфалію и Рейнскую провинцію было распространено дѣйствіе прусскаго закона, по которому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны быть воспитываемы въ вѣрѣ отца. Такъ какъ въ Рейнской провинціи число протестантовъ, женившихся на католичкахъ, было весьма велико, то духовенство пришло въ безпокойство и воззвало къ Риму. Папа, въ 1830 году, отвѣчалъ на общій прусскій законъ общимъ же воспрещеніемъ совершать церковный обрядъ при смѣшанныхъ бракахъ безъ предварительнаго обѣщанія воспитывать дѣтей въ католичествѣ.

„Конфликтъ" готовъ былъ разгорѣться; онъ былъ отсроченъ вслѣдствіе соглашенія, послѣдовавшаго между прусскимъ правительствомъ и рейнскими епископами, уступившими желаніямъ перваго. Но въ 1837 году каѳедру кёльнскаго архіепископа занялъ достойный предшественникъ Кетелера, Дросте-Фелькерингъ, ревностный ультрамонтанъ. При избраніи своемъ онъ далъ обѣщаніе не отступать отъ прежнихъ соглашеній; но обѣщаніе было нарушено имъ тотчасъ послѣ назначенія его на каѳедру.

Ревность Дросте обнаружилась въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, онъ запретилъ духовенству своей епархіи благословлять смѣшанные браки, если брачущіе не обязались воспитывать своихъ дѣтей въ католицизмѣ. Во-вторыхъ, архіепископъ направилъ свои удары противъ послѣдователей раціоналистическаго ученія боннскаго профессора Георга Гермеса (1775—1831 г.), осужденнаго папскою буллою 1835 г., безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній. Дросте воздвигъ на „гермесіанцевъ" настоящее гоненіе, которое, вмѣстѣ съ его политикою по мѣстнымъ бракамъ, вносившею смятеніе въ народонаселеніе, побудило, наконецъ, правительство напомнить ему о данныхъ имъ обѣщаніяхъ.

Таково происхожденіе „кёльнской смуты", омрачившей послѣдніе годы жизни Фридриха-Вильгельма III. Отъ увѣщаній правительство перешло къ „боевымъ мѣрамъ"; 20 ноября 1837 г. Дросте былъ посаженъ въ крѣпость Минденъ за „нарушеніе честнаго слова, презрѣніе къ законамъ королевства и волненіе умовъ подъ вліяніемъ революціонныхъ партій". Вскорѣ затѣмъ былъ заключенъ въ кольбергскую крѣпость и познанскій архіепископъ Дунинъ, также воспретившій давать церковное благословеніе смѣшаннымъ бракамъ безъ подписки объ обязанности воспитывать дѣтей въ католичествѣ.

Арестъ епископа породилъ настоящую бурю, въ которой можно видѣть прообразъ позднѣйшаго „культуркампфа". Точно также, какъ въ 1871 году, епископы видѣли въ правѣ „отлу-

ченія“ отъ церкви условіе „свободы“ послѣдней, такъ въ 1837 г. застращиваніе на исповѣди женщинъ, склонныхъ вступить въ бракъ съ протестантомъ, и преслѣдованіе „гермесіанцевъ“ представлялось условіемъ церковной „независимости“. Также, какъ въ 1871 году, въ „боевыхъ“ государственныхъ мѣрахъ видѣли оплотъ „нѣмецкой свободы“ противъ римскихъ притязаній.

Въ теченіе трехъ лѣтъ распря не могла быть приведена къ концу. Въ 1840 году, новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, государь просвѣщенный и человѣчный, хотя и раздѣлявшій многіе романтическіе взгляды на средніе вѣка и католичество, окончилъ споръ, сдѣлавъ существенныя уступки католической іерархіи. Дросте и Дунинъ были освобождены; съ перваго были публично сняты обвиненія въ революціонныхъ проискахъ, но зато онъ, по предварительному соглашенію, обязался не возвращаться въ Кёльнъ, предоставивъ управленіе архіепископствомъ шпейерскому епископу, Гейсселю. Епископамъ были разрѣшены непосредственныя сношенія съ папой, и король отказался отъ принадлежавшаго ему placet. Сверхъ того, въ составѣ министерства духовныхъ дѣлъ было учреждено особое „католическое отдѣленіе“. Составленное изъ католиковъ, оно сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ обезпеченія интересовъ этой церкви.

Миролюбивая политика Фридриха-Вильгельма IV была выраженіемъ общихъ теченій времени, предвѣщавшихъ переворотъ 1848 года. Идеи, восторжествовавшія въ этомъ году и выразившіяся, главнымъ образомъ, въ знаменитыхъ „основныхъ правахъ германскаго народа“, выработанныхъ франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ, вполнѣ соотвѣтствовали основнымъ политическимъ началамъ либеральной партіи.

Послѣдняя не разсматривала тогда церковныхъ вопросовъ съ государственной точки зрѣнія; всѣ церковные вопросы одинаково вмѣщались въ кругъ вопросовъ личной свободы, свободы личной жизни; этотъ взглядъ и былъ весьма послѣдовательно проведенъ въ относящихся сюда постановленіяхъ „основныхъ правъ“, коихъ 14—21 §§ гласили:

„§ 14. Каждый нѣмецъ имѣетъ полную свободу вѣры и совѣсти. Никто не можетъ быть обязанъ открывать свои религіозныя убѣжденія.

„§ 15. Каждый нѣмецъ не ограниченъ въ совмѣстномъ съ другими отправленіи домашняго и публичнаго культа. Преступленія и проступки, которые могутъ быть совершены при пользованіи этою свободой, будутъ наказуемы по закону.

„§ 16. Пользованіе гражданскими и политическими правами

не обусловливается, ни ограничивается по вѣроисповѣданію. Послѣднее не должно противорѣчить исполненію гражданскихъ обязанностей.

„§ 17. Каждое религіозное общество (Religionsgesellschaft) завѣдуетъ и управляетъ своими дѣлами самостоятельно, подчиняясь, однако, общимъ государственнымъ законамъ. Никакое религіозное общество не получаетъ отъ государства преимущества надъ другими; отнынѣ не будетъ государственныхъ церквей (keine Staatskirche).

„Новыя религіозныя общества могутъ быть образуемы; они не нуждаются въ признаніи государствомъ ихъ исповѣданія.

„§ 18. Никто не можетъ быть принуждаемъ къ совершенію церковныхъ обрядовъ или къ участію въ церковныхъ церемоніяхъ.

„§ 19. Формула присяги отнынѣ будетъ гласить: „такъ да поможетъ мнѣ Богъ“.

„§ 20. Юридическая сила брака зависитъ единственно отъ совершенія гражданскаго акта: церковный обрядъ можетъ имѣть мѣсто только послѣ совершенія гражданскаго.

„Различіе исповѣданій не можетъ быть препятствіемъ къ гражданскому браку.

„§ 21. Акты состоянія ведутся гражданскими властями“.

Приводя цѣликомъ эти постановленія „основныхъ правъ“, мы имѣли въ виду показать, съ какою послѣдовательностію проведены въ нихъ два начала: свобода совѣсти и отдѣленіе церкви отъ государства.

Принадлежность къ тому или иному вѣроисповѣданію опредѣляется убѣжденіемъ каждаго. Отъ различія исповѣданій не зависитъ равенство въ правахъ гражданскихъ и политическихъ; государство не можетъ оказывать помощи церкви, принуждая кого-либо къ исполненію обрядовъ и къ участію въ церемоніяхъ; оно не можетъ препятствовать образованію новыхъ „религіозныхъ обществъ“, не согласныхъ съ существующими; оно не можетъ принудить кого-либо открыть свое исповѣданіе.

Обращая исповѣданіе и образованіе религіозныхъ обществъ въ свободное дѣло гражданъ, „основныя права“ даютъ всѣмъ церквамъ автономію въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ, подъ условіемъ соблюденія общихъ государственныхъ законовъ. За государствомъ остается право требовать соблюденія имъ установленныхъ нормъ, облагать наказаніемъ дѣйствія, противныя этимъ законамъ, защищать свои права,—словомъ, церкви подчинены его верховенству. Но государство устранено отъ церковнаго управленія, являющагося внутреннимъ дѣломъ каждой церкви.

Съ другой стороны, церкви, свободныя въ государствѣ, не могутъ требовать отъ послѣдняго предпочтенія въ пользу одной изъ нихъ. Государство не можетъ создавать привилегій въ пользу одного исповѣданія; оно не можетъ учреждать господствующей или государственной церкви. Затѣмъ, та сторона гражданской жизни, на которой болѣе всего отражался вѣроисповѣдный характеръ государства,—бракъ,—совершенно изъята изъ вѣденія церковныхъ властей.

Такимъ образомъ, логическая послѣдовательность приведенныхъ постановленій не подлежитъ сомнѣнію. Но практичность ихъ зависѣла отъ нѣкоторыхъ фактическихъ условій церковно-политической жизни въ Германіи. „Отдѣленіе церкви отъ государства" могло имѣть значеніе при томъ условіи, еслибы „государство" въ самомъ дѣлѣ относилось къ церквамъ какъ къ извѣстнаго рода „союзамъ", къ Religionsgesellschaften, и до мельчайшихъ подробностей устранило бы изъ своего законодательства все, что́ напоминало союзъ государства съ извѣстными историческими церквами и покровительство нѣкоторымъ изъ нихъ. Но этого не было на дѣлѣ.

Не говоря уже о протестантскихъ церквахъ, въ коихъ высшій епископатъ по старымъ правиламъ принадлежитъ монарху, держащему въ своихъ рукахъ Kirchenregiment и являющемуся защитникомъ церкви, сама католическая церковь въ Пруссіи пользовалась правами привилегированныхъ корпорацій.

Ея епископы и прочее духовенство пользовались правами признанныхъ общественныхъ властей, als öffentliche Beamten; государство давало содержаніе епископамъ, священникамъ, дотировало капитулы и разныя другія церковныя установленія; оно содержало богословскіе факультеты въ университетахъ; оно создало привилегированное положеніе для церковныхъ имуществъ; оно дѣлало обязательнымъ празднованіе извѣстныхъ праздничныхъ дней; оно—и это очень важно—оставило за духовенствомъ руководство народными училищами съ ихъ вѣроисповѣднымъ характеромъ.

При этихъ условіяхъ вопросъ объ „отношеніи церкви къ государству" становился весьма сложнымъ и пріобрѣталъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что постановленія „основныхъ правъ" сдѣлались руководящими для отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, передѣлывавшихъ свои конституціи или вводившихъ ихъ вновь.

Пруссія, начинавшая свою конституціонную жизнь, пошла, въ этомъ отношеніи, дальше другихъ нѣмецкихъ государствъ. Постановленія конституціи 31 января 1850 года, относящіяся къ вѣроисповѣданіямъ и церкви, характеристичны для государства,

въ которомъ представленія о „Staatssouveränetät“ возведены на рѣдкую высоту. Но общій характеръ этихъ постановленій свидѣтельствовалъ, что „прусское государство“ далеко отъ того отдѣленія церкви и государства, о которомъ мечтали составители „основныхъ правъ“.

Свобода совѣсти и равенство всѣхъ въ правахъ гражданскихъ и политическихъ, независимо отъ различія въ вѣроисповѣданіи, признаны ст. 12. Но въ образованіи „Religionsgesellschaften“ установлено существенное различіе. Именно ст. 13 постановляетъ, что „религіозныя общества, не имѣющія корпоративныхъ правъ, могутъ пріобрѣсти таковыя только въ силу особыхъ законовъ“. Такимъ образомъ, конституція проводитъ различіе между „церковными союзами“, пользующимися правами корпорацій, т.-е. союзами привилегированными, и другими, которые таковыми правами не пользуются. Этимъ было устранено одно изъ первыхъ условій „отдѣленія церкви и государства“, такъ какъ „автономія“ церкви предполагаетъ отсутствіе такихъ привилегій, которыя даютъ государству вполнѣ разумное основаніе вступаться въ церковное законодательство и управленіе.

Несмотря на это, ст. 15 прусской конституціи подчиняетъ и „корпоративные“, и другіе церковные союзы одинаковымъ условіямъ. Именно она гласитъ:

„Евангелическая и римско-католическая церкви, а равно каждый другой религіозный союзъ распоряжаются и управляютъ своими дѣлами самостоятельно и продолжаютъ владѣть и пользоваться учрежденіями, заведеніями и фундушами, назначенными для ихъ богослужебныхъ, учебныхъ и благотворительныхъ цѣлей“.

Надѣляя такою „автономіею“ римско-католическую церковь, поставляя ее въ одинъ рядъ съ „союзомъ“ какихъ-нибудь методистовъ, составители конституціи упускали изъ виду много фактовъ, о существованіи которыхъ пришлось вспомнить чрезъ двадцать лѣтъ. Забыто было, что глава этого „союза“ съ „корпоративными правами“ есть иностранный первосвященникъ, съ очень опредѣленною политическою программою. Тѣмъ не менѣе „государство“ отреклось отъ всякаго контроля надъ сношеніями мѣстнаго духовенства съ папой. Ст. 16 конституціи постановляла:

„Сношеніе церковныхъ союзовъ съ ихъ главами совершается безпрепятственно. Обнародованіе церковныхъ распоряженій подчиняется только тѣмъ ограниченіямъ, какія установлены для другихъ публикацій“.

Это постановленіе могло имѣть значеніе только для римско-

католическаго духовенства, ибо конституціи не предстояло необходимости опредѣлять, что сношенія „евангелическаго духовенства“ съ королемъ совершаются „безпрепятственно“.

Отказываясь отъ контроля за сношеніями католическаго духовенства съ папой, „государство“ отказывалось отъ контроля и по другому, весьма существенному предмету. Именно ст. 18 гласила:

„Право назначенія, предложенія, выбора и утвержденія при замѣщеніи духовныхъ должностей, поскольку оно принадлежитъ государству и не основано на патронатѣ или особомъ титулѣ, отмѣняется.

„Это правило не примѣняется къ назначенію духовныхъ лицъ въ армію и въ общественныя заведенія“.

Несогласіе этихъ постановленій съ особенностями корпоративныхъ союзовъ въ Пруссіи доказывается тѣмъ, что въ разгарѣ „культуркампфа“, при изданіи „боевыхъ“ майскихъ законовъ, ихъ пришлось сначала измѣнить, а затѣмъ вовсе отмѣнить.

Чѣмъ объясняется, однако, появленіе ихъ въ конституціи 1850 года, октроированной во время полнаго торжества реакціи въ Пруссіи? Трейчке, въ приведенной нами рѣчи, считалъ эти статьи плодомъ, съ одной стороны, поверхностнаго либерализма, стремившагося разрѣшить вопросъ объ отношеніи государства къ церкви на американскій манеръ, а съ другой — клерикальныхъ вліяній, клонившихся къ бельгійскому идеалу равноправной съ государствомъ церкви.

Нельзя не замѣтить, что изъ этихъ двухъ „вліяній“ либеральное едва-ли имѣло значеніе въ 1850 г. Во-первыхъ, какъ мы уже замѣтили, либералы вообще имѣли мало значенія въ 1850 году. Во вторыхъ, „либеральныя“ начала съ полною послѣдовательностію приведены въ §§ 14—21 „основныхъ правъ“, и простое сопоставленіе ихъ съ текстомъ прусской конституціи покажетъ, что „авторство“ послѣдней принадлежало другимъ людямъ.

Гораздо проще объяснить появленіе этихъ статей тою теоріею „солидарности консервативныхъ интересовъ“, которая столько разъ вводила въ заблужденіе государственныхъ людей. Оно побудило Фридриха-Вильгельма III пещись о возстановленіи свѣтской власти папы, о процвѣтаніи и могуществѣ католическаго духовенства, пока „кёльнская смута“ не показала ему, что послѣднее не всегда бываетъ союзникомъ удобнымъ. Реакціонное министерство, вышедшее изъ бурь 1848—1849 гг, столь-же охотно обезпечило двумъ главнымъ церквамъ ихъ „автономію“,

которая означала, въ существѣ, раздѣлъ власти ради совмѣстнаго дѣйствія противъ общаго врага.

Этимъ предположеніемъ объясняется и тотъ фактъ, что другія постановленія, также взятыя изъ „основныхъ правъ" и занесенныя въ конституцію, остались неисполненными. Такъ, ст. 19 говорила о гражданскомъ бракѣ слѣдующее:

„Введеніе гражданскаго брака совершится на основаніи особаго закона, который опредѣлитъ и порядокъ веденія актовъ состоянія".

Этого „особаго закона" не было издано до временъ „культуркампфа".

Вліяніе духовенства въ школахъ было сохранено на прежнемъ основаніи, до 1872 г., когда Фалькъ попробовалъ свои силы на законѣ о школьной инспекціи.

Въ итогѣ, католическая церковь сохранила свои привилегіи и въ то же время освободилась отъ государственнаго контроля, этого необходимаго коррелата церковныхъ привилегій. „Миръ" съ католическою церковью дѣйствительно былъ заключенъ, но подъ условіемъ большой уступчивости со стороны государства,— уступчивости, которая должна была найти свои предѣлы въ тотъ моментъ, когда церковь выступила съ новыми притязаніями и когда въ парламентѣ появилась шумная и спеціально церковная партія.

Церковь мирно пользовалась своими „корпоративными" правами вплоть до образованія сѣверо-германскаго союза, какъ пролога къ имперіи. До 1867 года, въ церковной жизни Пруссіи водворилась утѣшительная, хотя и наружная тишина. Въ этой тишинѣ росла и новая армія католической церкви—монашескіе ордена, конгрегаціи, миссіи и т. д.

Въ 1855 году во всей монархіи было около 1,000 членовъ разныхъ орденовъ и конгрегацій (преимущественно въ восточныхъ провинціяхъ); въ 1867—ихъ было уже около 6,000, а въ 1872—около 8,000. Первенствующую роль между ними играли разныя учрежденія іезуитовъ, и, затѣмъ, большинство конгрегацій подчинялось руководству начальствъ, находившихся внѣ Пруссіи, съ коими они, на основаніи 16 ст. конст., сносились „безпрепятственно". Въ минуту сильнѣйшаго ультрамонтанскаго движенія, такіе „союзы" представляли свои неудобства.

Наконецъ, война 1866 года, вмѣстѣ съ новыми провинціями, забранными Пруссіею, принесла ей и новыя католическія епархіи. Ганноверъ, Кургессенъ и Нассау обратились въ прусскія провинціи; вмѣстѣ съ ними количество прусскихъ епархій

увеличилось до 12; стольными городами этихъ епархій были Фульда, съ гробницею св. Бонифація, апостола германцевъ, Лимбургъ, Гильдесгеймъ и Оснабрюкъ.

Общее количество католиковъ составило 1/3 всего населенія монархіи. Для церковно-политическихъ отношеній, созданныхъ конституціею 1850 года, настало время серьезнаго практическаго испытанія.

II.

Несмотря на молчаніе князя Бисмарка по католическому вопросу въ сессіяхъ 1871 года, нельзя сказать, чтобы онъ не принималъ мѣръ въ виду готовившейся борьбы. Первою изъ нихъ явилось упраздненіе учрежденія, въ которомъ князь видѣлъ одну изъ помѣхъ для систематической политики правительства,—именно „католическаго отдѣленія“ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ.

„Католическое отдѣленіе“, какъ мы видѣли, было учреждено при Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV, искавшемъ средствъ „примиренія“ съ католическою церковью. Оно было учреждено для обезпеченія „основательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія церковно-католическихъ вопросовъ“ [1]), и было составлено изъ католиковъ—директора и совѣтниковъ. По довольно основательному мнѣнію Бисмарка, существованіе такого отдѣленія сдѣлалось ненормальнымъ уже послѣ того, какъ Пруссія обратилась въ конституціонное государство.

„Въ абсолютномъ государствѣ,—говорилъ Бисмаркъ въ 1872 г.,—было вполнѣ основательно, что король, рѣшавшій въ послѣдней инстанціи всѣ вопросы, хотѣлъ выслушать совѣтъ свѣдущихъ католиковъ по католическимъ дѣламъ... Но какъ только мы пришли въ конституціонныя формы, по моему мнѣнію, было совершенно несогласно съ основнымъ началомъ конституціи, что доступъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ политическихъ совѣтниковъ въ министерствахъ былъ поставленъ въ зависимость отъ вѣроисповѣданія. Министерская отвѣтственность не ладитъ съ такимъ порядкомъ: или министръ исповѣданій обязанъ слѣдовать совѣтамъ своихъ католическихъ товарищей,—но тогда онъ не можетъ нести отвѣтственности за эту часть своего вѣдомства; или онъ не имѣетъ обязанности,—и тогда особое католическое отдѣленіе не имѣетъ смысла“. Притомъ „католическое отдѣленіе“, по словамъ прус-

[1]) „Um eine verstärkte Bürgschaft für die gründliche und vielseitige Berathung der katholischen Kirchenfragen zu gewinnen und zu geben“, какъ сказано въ мотивахъ.

скаго премьера, представляло не столько интересы государствъ, въ его отношеніяхъ къ церкви, сколько интересы послѣдней нерѣдко противъ государствъ.

Уже въ 1867 году Бисмаркъ представлялъ королю, что было бы, можетъ быть, полезнѣе замѣнить католическое отдѣленіе папскимъ нунціемъ, ибо относительно нунція всякій знаетъ, что̀ онъ представляетъ и какъ съ нимъ держаться.

Послѣ провозглашенія догмата непогрѣшимости папы, породившаго раздоры въ самой католической церкви, государство должно быть поставлено въ возможность защищать свои интересы и оказывать законное покровительство католикамъ, преслѣдуемымъ за несогласіе ихъ съ ватиканскими постановленіями.

Таковы были мотивы, побудившіе правительство упразднить католическое отдѣленіе (8 іюля 1871).

Другая мѣра, предшествовавшая дѣйствительному „культуркампфу", была направлена къ огражденію государственныхъ интересовъ въ области народнаго образованія. По существовавшимъ въ Пруссіи законамъ, обязанности окружныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ возлагались (смотря по вѣроисповѣдному характеру школы) или на мѣстнаго супер-интендента, или на епископа (или декана капитула). Это правило было согласно съ конфессіональнымъ характеромъ школы, обезпеченнымъ 24 ст. конституціи.

Права „инспекціи" въ рукахъ католическаго духовенства привели къ нѣкоторымъ результатамъ, непріятнымъ правительству. Первая жалоба, заявленная ландтагу кн. Бисмаркомъ, состояла въ томъ, что духовенство въ польскихъ провинціяхъ систематически противодѣйствуетъ преподаванію нѣмецкаго языка и даже дурно отмѣчаетъ наставниковъ, ученики которыхъ дѣлаютъ успѣхи въ этомъ языкѣ [1]). То же заявлялъ и Фалькъ [2]).

Затѣмъ, при раздорахъ, порожденныхъ ватиканскимъ догматомъ, и при воинствующей политикѣ центра, школьная инспекція могла сдѣлаться орудіемъ болѣе серьезныхъ замѣшательствъ и не въ одномъ школьномъ дѣлѣ.

Организація народнаго образованія была почти единственнымъ церковно-политическимъ вопросомъ, регулированіе котораго конституція (ст. 26) предоставляла государству. По иниціативѣ Бисмарка, еще Мюллеръ внесъ (14 декабря 1871) въ ландтагъ проектъ закона о школьной инспекціи, въ качествѣ нѣкотораго

---

¹) Рѣчь 9 февраля 1872.

²) Рѣчь—того же числа.

отрывка изъ общаго законодательства о народномъ образованіи. Но проведеніе его въ новомъ видѣ было предоставлено Фальку, при горячей поддержкѣ національно-либеральной и прогрессивной партій.

Цѣль закона ясно выражена въ первыхъ его словахъ: „Надзоръ за всѣми общественными и частными учебными и воспитательными заведеніями принадлежитъ государству. Соотвѣтственно этому, всѣ учрежденія и лица, облеченныя правомъ такого надзора, дѣйствуютъ по полномочію отъ государства. Назначеніе мѣстныхъ и окружныхъ инспекторовъ, а равно опредѣленіе границъ ихъ округовъ принадлежитъ единственно государству. Порученіе, данное отъ государства инспекторамъ, поскольку послѣдніе отправляютъ эту должность въ качествѣ добавочной и почетной, во всякое время можетъ быть взято назадъ".

Другими словами, законъ опредѣлилъ, что обязанности школьной инспекціи отправляются супер-интендентами, епископами и деканами не „божіею милостію", а по порученію отъ государства. Послѣднее, не лишая духовенства права надзора общимъ закономъ, можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, взять это порученіе назадъ.

Проектъ вызвалъ цѣлую бурю. Епископы представили ландтагу коллективную записку, указывавшую на опасность закона для религіозной жизни народа. Въ нижней палатѣ ландтага депутаты „центра" произносили рѣчи, содержаніе которыхъ тождественно всюду и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ клерикаламъ приходилось говорить объ отношеніи церкви къ народному образованію. Подчиненіе школы государственному надзору выставлялось ими въ качествѣ рѣшительнаго шага „выбросить" религію изъ школы и открыть широкій путь невѣрію и атеизму. Особенно горячо говорилъ на эту тему Виндгорстъ.

„Что касается христіанскаго принципа,—говорилъ онъ,—то онъ зиждется на религіозномъ, религіозно-конфессіональномъ воспитаніи нѣмецкаго народа. Церковь основала школы въ Германіи, она содержала школы и въ нихъ привела она народъ на современную степень образованія. Эти господа думаютъ теперь, что народъ не нуждается болѣе въ учащей церкви, что государство можетъ восполнить и лучше сдѣлать то, что́ дѣлала до сихъ поръ церковь; поэтому государство должно, согласно законопроекту, по-просту выбросить церковь изъ школы, которую она основала"...

Доброе воспитаніе —продолжалъ Виндгорстъ—невозможно безъ твердыхъ религіозныхъ основъ (въ чемъ никто не выражалъ со-

мнѣнія). „Но если вы, какъ этого повидимому желаетъ большинство, выбросите церковь изъ школы, то я спрашиваю: кто возьметъ на себя религіозное обученіе? Имѣетъ ли государство для этого разумѣніе? Имѣетъ ли оно органы? Государство, по природѣ своей не имѣющее ни способности, ни органовъ для религіознаго обученія, изгнавъ церковь, по необходимости обратится въ безвѣроисповѣдное, безрелигіозное государство („о! о!" слѣва), въ совершенно безрелигіозное, языческое государство (возраженіе и смѣхъ слѣва), въ государство безъ Бога („о!" слѣва; „совершенно справедливо!" справа), или оно само сдѣлается Богомъ на этой землѣ. Гегель былъ бы очень доволенъ своими учениками, прочитавъ этотъ проектъ и услышавъ сегодня его защиту. Но будетъ ли имъ доволенъ нѣмецкій народъ—въ этомъ я сомнѣваюсь".

Законъ прошелъ, послѣ жаркихъ преній, въ обѣихъ палатахъ ландтага, хотя и не блестящимъ большинствомъ [1]). Консервативная партія, вмѣстѣ съ „евангелическими" ортодоксами, подала голосъ противъ закона. Епископы обратились съ представленіемъ къ королю, прося его не утверждать закона, принятаго палатами. По обнародованіи его, они издали пастырское посланіе, въ которомъ объясняли все свое поведеніе и приглашали духовенство продолжать свои обязанности по школьной инспекціи, обращаясь, въ случаѣ столкновенія, къ высшимъ своимъ властямъ.

Законъ объ инспекціи былъ первымъ „боевымъ" закономъ прусскаго правительства. Принципіально онъ не отнималъ у духовенства права надзора за школами; онъ постановлялъ только, что эти функціи вообще отправляются отъ имени государства и по его полномочію. Но онъ давалъ правительству средство отбирать такое полномочіе у отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ видѣ онъ явился не столько органическимъ постановленіемъ, сколько угрозой, направленной противъ наиболѣе воинственныхъ чиновъ духовенства.

Впечатлѣніе, произведенное имъ, было шумно. Съ одной стороны кн. Бисмаркъ получалъ сочувственныя заявленія не только со всѣхъ концовъ Германіи, но изъ другихъ европейскихъ странъ, гдѣ также начинались свои „культуркампфы"; съ другой стороны Виндгорстъ счелъ долгомъ печатно благодарить множество лицъ и обществъ, приславшихъ ему благодарственные адресы за его поведеніе въ школьномъ вопросѣ. Первый боевой законъ только пришпорилъ сражавшихся и вызвалъ новые конфликты.

---

[1]) Въ палатѣ депутатовъ 207 противъ 155, въ палатѣ господъ—126 пр. 75.

Прежде всего имперское правительство имѣло случай ясно убѣдиться въ воинственномъ настроеніи римской куріи.

Послѣ того, какъ графъ Арнимъ былъ перемѣщенъ на постъ германскаго посла въ Парижѣ, посольскія обязанности при папскомъ дворѣ исправлялись сначала баварскимъ посланникомъ, графомъ Тауфкирхеномъ, затѣмъ секретаремъ германскаго посольства, Дерենталемъ, а по болѣзни послѣдняго, вторымъ секретаремъ—Штуммомъ. Между тѣмъ кн. Бисмаркъ, въ виду разгорѣвшагося конфликта, справедливо считалъ необходимымъ имѣть при папѣ постояннаго посла, который могъ бы представлять св. отцу положеніе дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ. Для этой цѣли, онъ имѣлъ въ виду назначить имперскимъ посломъ кардинала князя Гогенлоэ [1]; канцлеру казалось, что именно такое лицо можетъ служить лучшимъ посредникомъ между имперскимъ правительствомъ и куріей.

Папа поспѣшилъ разубѣдить его въ этомъ: 2 мая 1872 г., Деренталь получилъ отъ кардинала Антонелли краткое извѣщеніе о томъ, что св. отецъ не можетъ дозволить кардиналу принять на себя посольскія при немъ обязанности.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ вывелъ канцлера изъ себя. „Почти десять лѣтъ,—восклицалъ онъ,—я занимаю мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, дѣйствую 21 годъ въ высшихъ дипломатическихъ сферахъ, и, кажется, не ошибусь, сказавъ, что это первый въ моемъ опытѣ случай, когда на подобные запросы получался отрицательный отвѣтъ“.

Но отказъ папы далъ поводъ кн. Бисмарку возвести конфликтъ на новую высоту, поставивъ вопросъ на почву распри между имперіею и куріею. Онъ изложилъ свой взглядъ въ получившей всемірную извѣстность рѣчи 14 мая 1872 г., называемой „Kanossarede“.

„Я не думаю,—говорилъ онъ,—чтобы послу германской имперіи, при господствующихъ теперь въ католической церкви взглядахъ, удалось, при помощи искуснѣйшей дипломатіи и средствъ убѣжденія, добиться вліянія, которое могло бы измѣнить положеніе, принципіально занятое е. с. папой въ отношеніи къ свѣтскимъ дѣламъ. Послѣ недавно объявленныхъ и обнародованныхъ догматовъ католической церкви, я не считаю возможнымъ для свѣтской власти достигнуть конкордата, безъ того, чтобы эта свѣт-

[1] Князь Густавъ Гогенлоэ Вальденбургъ-Шиллингсфюрстъ, младшій братъ герцога Виктора Ратибора и князя Хлодвига Гогенлоэ, бывшаго баварскаго министра, о коемъ мы говорили выше.

ская власть была стерта (effacirt) въ такой степени и въ такой формѣ, какихъ нѣмецкая, по крайней мѣрѣ, имперія не можетъ принять.

„Будьте спокойны; мы не пойдемъ въ Каноссу, ни тѣлесно, ни духовно!"

Торжественно отказываясь отъ Каноссы, кн. Бисмаркъ возвѣщалъ, однако, что правительство будетъ стремиться къ возстановленію религіознаго мира, какъ средствами законодательства, такъ и попытками поддержать дипломатическія отношенія съ папой.

Слова канцлера были справедливы въ томъ отношеніи, что во время произнесенія имъ приведенной рѣчи рейхстагъ былъ занятъ законопроектомъ объ изгнаніи изъ предѣловъ имперіи ордена іезуитовъ. Что въ моментъ церковно-политической распри первый ударъ свѣтской власти долженъ былъ пасть на „преторіанцевъ папы", и авангардъ ультрамонтанской арміи—понятно само собою. Формальное основаніе для представленія этого вопроса имперскому рейхстагу состояло въ томъ, что (новый) 16-й п. 4-й ст. конституціи распространялъ права имперскаго законодательства на дѣло печати и союзовъ. Іезуитскія конгрегаціи и другія установленія учреждались подъ покровомъ правилъ объ ассоціаціяхъ, хотя, конечно, по своимъ цѣлямъ, своей организаціи и способамъ дѣйствія, знаменитый орденъ не имѣлъ ничего общаго съ „ассоціаціями".

Кн. Бисмаркъ не участвовалъ въ преніяхъ по этому законопроекту. Взгляды правительства поддерживались Вагенеромъ, и эти взгляды, конечно, имѣли правительственную санкцію.

„Имперія,—говорилъ Вагенеръ,—находится въ войнѣ съ Римомъ; война была объявлена намъ на ватиканскомъ соборѣ". Указавъ нѣкоторые симптомы этой войны, вызвавшіе мѣры самозащиты со стороны правительства, Вагенеръ остановился на международныхъ, такъ сказать, средствахъ іезуитской пропаганды. Ссылаясь на свѣденія, имѣющіяся въ канцлерскомъ управленіи, онъ говорилъ, что французскіе іезуиты стремятся къ союзу съ своими братьями во Франціи, Италіи, Австріи и Германіи. Въ послѣдней уже стараются соединять католиковъ низшихъ классовъ въ рабочія и другія „ассоціаціи" для ихъ фанатизированія и „денаціонализированія".

„Немыслимо,—говоритъ Вагенеръ, въ другой рѣчи,—чтобы имперское правительство стояло со связанными руками предъ дѣятельностію, колеблющею основанія государствъ, подвергающею сомнѣнію, обязаны ли католическіе подданные повиноваться законамъ

и можетъ ли католическій духовный отказаться отъ государственныхъ обязанностей во имя какого-либо каноническаго правила. Такое положеніе, извращающее совѣсть, разрушающее нравственность, обращающее законы въ призракъ,—такое положеніе невозможно и невыносимо для каждаго правительства".

Рѣшительныя заявленія правительства не равнялись, въ этомъ случаѣ, боевой готовности національно-либеральной партіи. Пылъ послѣдней усиливался подъ вліяніемъ рѣзкихъ и часто вызывающихъ рѣчей „центра".

„Если вы—восклицалъ одинъ изъ депутатовъ послѣдняго—такъ внезапно объявляете намъ войну,—пусть! Вы будете ее имѣть. Но не говорите, что мы ее начали. Вы хотите отнести ея начало къ ватиканскому собору, вы видите ея основанія въ силлабусѣ и энцикликѣ; это неправда! Начала, въ нихъ выраженныя, поскольку они касаются отношеній государства къ церкви, содержатся уже въ буллѣ „Unam sanctam".

Ссылка на буллу „Unam sanctam", т.-е. на буллу, выражавшую притязанія Бонифація VIII, менѣе всего могло успокоить страсти. Большинство рейхстага не только приняло правительственный законопроектъ въ первомъ чтеніи, но и перешло ко второму безъ отсылки проекта въ коммиссію. Но это не устранило поправокъ къ проекту, такъ какъ большинство находило его слишкомъ мягкимъ.

Правительственный проектъ гласилъ:

„Членамъ общества іезуитовъ или связанной съ нимъ конгрегаціи можетъ быть воспрещено пребываніе (Aufenthalt) въ каждой мѣстности союзной территоріи, даже если они имѣютъ право нѣмецкаго гражданства".

Въ этомъ видѣ законопроектъ давалъ правительству возможность принимать мѣры противъ отдѣльныхъ членовъ ордена, воспрещая имъ пребываніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ имперіи. Совсѣмъ иными полномочіями вооружилъ его законъ, принятый (17 мая) рейхстагомъ (большинствомъ 183 пр. 101) и, затѣмъ, союзнымъ совѣтомъ.

Орденъ іезуитовъ, а равно всѣ связанные съ нимъ ордена и конгрегаціи были исключены изъ предѣловъ имперіи. Существующія установленія этихъ орденовъ и конгрегацій должны быть закрыты порядкомъ, указаннымъ союзнымъ совѣтомъ, и въ срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ. Отдѣльные члены ордена, если они иностранцы, могутъ быть высланы изъ предѣловъ имперіи; членамъ, имѣющимъ право нѣмецкаго гражданства, можетъ быть воспрещено пребываніе въ данной мѣстности или же они могутъ быть интернированы въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Союзный совѣтъ поспѣшилъ издать правило о закрытіи іезуитскихъ установленій, высылкѣ иностранныхъ членовъ орденовъ и конгрегацій, и т. д. Іюль и августъ 1872 года пошли на примѣненіе этихъ мѣръ, не обошедшихся безъ сопротивленія. Знатные друзья ордена, даже члены прусской палаты господъ, предоставляли въ распоряженіе изгоняемыхъ свои помѣстья и зàмки въ Голландіи и Бельгіи; отъѣздъ патеровъ сопровождался въ разныхъ мѣстахъ (напр., въ Эссенѣ) безпорядками, которые пришлось подавлять военною силою.

Правила о іезуитахъ, по закону, распространялись и на сродные имъ ордена и установленія, причемъ опредѣленіе признаковъ этого сродства предоставлялось союзному совѣту. Постановленіемъ его означенныя правила были распространены на лазаристовъ, общество „Сердца Іисусова" (du Sacré Coeur) и нѣкот. друг. Сверхъ того Фалькъ собственною властью воспретилъ принимать членовъ орденовъ и конгрегацій на мѣста учителей и учительницъ общественныхъ школъ, а ученикамъ принимать участіе въ религіозныхъ ассоціаціяхъ и конгрегаціяхъ.

Въ то время какъ рейхстагъ и правительство наносили первые удары „авангарду" ультрамонтанской арміи, епископы продолжали свою борьбу противъ „отщепенцевъ", взятыхъ государствомъ подъ свою защиту.

Кёльнскій архіепископъ Мельхерсъ послалъ четыремъ профессорамъ богословскаго факультета въ Боннѣ, Гильгерсу, Кноодту, Лангену и Рейшу, ультиматумъ относительно признанія ватиканскаго догмата. Послѣ ихъ отказа, онъ произнесъ противъ нихъ „великое отлученіе". Профессора отправили ему свой протестъ, а Фалькъ напомнилъ епископу, что примѣненіе церковныхъ наказаній, влекущихъ за собою невыгодныя послѣдствія для гражданской жизни наказанныхъ, не можетъ имѣть мѣста безъ согласія правительства. Мельхерсъ, на первый разъ, ограничился отговоркой, что „отлученіе" не было имъ опубликовано, а только сообщено названнымъ профессорамъ. Это не помѣшало ему лишить профессоровъ большинства ихъ слушателей.

Другое столкновеніе произошло съ главнымъ священникомъ (Feldprobst) арміи, Номзаковскимъ. Въ Кёльнѣ месса для военнослужащихъ отправлялась въ гарнизонной евангелической церкви. „Старо-католики" обратились къ военному начальству съ просьбою дозволить имъ пользоваться въ извѣстные часы этою церковью. Военный министръ далъ свое согласіе. Намзаковскій немедленно запретилъ дивизіонному священнику Люннеману совершить мессу въ означенной церкви. Столкновеніе кончилось не

только смѣщеніемъ Номзаковскаго, но и упраздненіемъ должности „фельдпробста“.

Наиболѣе сложное столкновеніе послѣдовало или, лучше сказать, продолжалось съ епископомъ эрмеландскимъ, Кременцемъ, не оставлявшимъ своего похода противъ извѣстнаго намъ профессора Вальмана. Епископъ предалъ анаѳемѣ какъ Вальмана, такъ и профессора Михелиса. Отлученіе было обнародовано. Фалькъ снова указалъ епископу на несогласіе его дѣйствій съ государственными законами и требовалъ отъ него заявленія, въ какой мѣрѣ онъ признаетъ обязательность послѣднихъ.

Переписка Фалька съ Кременцемъ предшествовала готовившемуся въ Маріенбургѣ юбилейному празднеству [1]), во время котораго епископъ желалъ представить императору адресъ мѣстнаго духовенства. По этому поводу возникла весьма любопытная переписка между епископомъ, съ одной, Фалькомъ, кн. Бисмаркомъ и даже императоромъ, съ другой стороны. Цѣль переписки съ правительственной стороны состояла въ понужденіи епископа признать безусловную для себя силу верховенства и законовъ государства; епископъ настойчиво и искусно уклонялся отъ рѣшительнаго отвѣта.

Императоръ, въ рескриптѣ своемъ отъ 2-го сентября, объявилъ епископу, что онъ можетъ принять его только въ томъ случаѣ, если онъ дастъ положительныя увѣренія въ томъ, что онъ признаетъ право государства и власть законовъ. Отвѣтъ епископа былъ знаменателенъ.

„Я—писалъ онъ императору (5-го сентября)—объявляю охотно и безоговорочно: 1-е, что я признаю полное верховенство свѣтской власти въ государственныхъ дѣлахъ; 2-е, что я не признаю другого суверенитета въ этой области; 3-е, что, согласно съ этимъ, я вѣрно буду исполнять возложенную на меня Богомъ обязанность въ полной мѣрѣ повиновенія государственнымъ законамъ. Я высказываю это такъ же добросовѣстно и сознательно, какъ, съ другой стороны, я признаю, что въ дѣлахъ вѣры и въ путяхъ вѣчнаго спасенія божественное откровеніе и законъ Божій являются для меня единственными и непререкаемыми правилами, и въ этомъ отношеніи я безусловно подчиняюсь откровенію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и авторитету Его церкви, имъ основанной и руководствуемой Св. Духомъ. Всеподданнѣйше прошу в. в-ство принять сіе заявленіе мое съ обычною милостію“.

---

[1]) По случаю столѣтія присоединенія Зап. Пруссіи.

Легко замѣтить, что „заявленіе" не заключало въ себѣ прямого отвѣта. Епископъ признавалъ „суверенитетъ" государства въ дѣлахъ государственныхъ; онъ признавалъ другой авторитетъ въ дѣлахъ вѣры. Это признаніе могло бы имѣть практическое значеніе, еслибы области—„государственная", съ одной, и „церковная", съ другой стороны, были ясно и точно раздѣлены. Между тѣмъ вся переписка возникла изъ-за того, что епископъ считалъ своимъ „церковнымъ" правомъ отлучить Вальмана и Михелиса съ обнародованіемъ этого отлученія, а Фалькъ считалъ „государственнымъ" правомъ не допускать, безъ согласія государства, такихъ отлученій, порождающихъ скандалъ и вредящихъ доброму имени гражданъ, состоящихъ подъ покровительствомъ законовъ.

Князь Бисмаркъ и указалъ епископу на эту сторону дѣла, рекомендуя ему поправить дѣло съ Вальманомъ. Кременцъ нашелъ, что письмо канцлера несогласно съ требованіями, выраженными въ императорскомъ рескриптѣ, и отказался отъ поѣздки въ Маріенбургъ, извѣстивъ о томъ императора.

Послѣдствія переписки были неблагопріятны для епископа. Противъ него въ первый разъ была примѣнена, властью министра, мѣра, впослѣдствіи обращенная закономъ въ общее правило, именно прекращеніе содержанія, выдаваемаго ему отъ государства (Temporaliensperre). Фалькъ съ глубокимъ сожалѣніемъ извѣстилъ его объ этомъ 25 сентября.

„Правительство—писалъ Фалькъ—не можетъ долѣе брать на себя отвѣтственности въ томъ, что на ваше содержаніе будутъ производиться выдачи изъ средствъ государства, законамъ котораго вы не подчиняетесь безусловно. Эти выдачи одобрены прусскимъ ландтагомъ въ томъ предположеніи, что законы и конституція Пруссіи, на основаніи коихъ утверждаются эти выдачи, будутъ признаваемы обязательными получателями соотвѣтствующихъ суммъ".

Епископъ обжаловалъ распоряженіе министра; но жалобы, какъ и слѣдовало ожидать, были оставлены безъ послѣдствій во всѣхъ инстанціяхъ.

III.

Мелкая война, ведомая при помощи „прекращенія содержанія", имѣла свое основаніе въ болѣе крупныхъ событіяхъ. Прусскіе епископы и ультрамонтаны вдохновлялись горячими „аллокуціями" Пія IX, столь щедраго на словесныя выраженія своихъ

чувствъ. Слѣдуетъ замѣтить, что папа, выставлявшій себя „узникомъ“, фактически пользовался большею свободою и неприкосновенностью, чѣмъ въ то время, когда онъ былъ свѣтскимъ государемъ.

Итальянское правительство, занявъ Римъ, поспѣшило опредѣлить свои отношенія къ папѣ и къ церкви закономъ 13 мая 1871 года, обыкновенно называемымъ „закономъ о гарантіяхъ“ [1]). Законъ гарантировалъ папѣ неприкосновенность, содержаніе, свободу распоряженій въ дѣлахъ духовныхъ, безпрепятственныя сношенія съ подчиненнымъ ему духовенствомъ и т. д. Извѣстная формула Кавура: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ — была, въ значительной степени, осуществлена. Больше того: папа, прикрытый итальянскимъ закономъ, сдѣлался неуязвимъ. Это понимало нѣмецкое правительство, столь же недовольное „закономъ о гарантіяхъ“, какъ Пій IX, хотя съ иной точки зрѣнія.

Бывшій итальянскій министръ, Криспи, разсказывалъ въ 1881 году, что въ 1875 одинъ нѣмецкій дипломатъ сказалъ ему: „вы закутали папу въ вату: никто не можетъ его тронуть“. Кн. Бисмаркъ въ то же время подумывалъ о привлеченіи Италіи „къ отвѣтственности“ за свободу, предоставленную ею папѣ. „Папа, облеченный и свѣтскою властью, — говорилъ онъ, — былъ бы предпочтительнѣе: ему можно бы было объявить войну, и одинъ корабль въ Чивиттавеккіи былъ бы достаточенъ для этой цѣли“.

„Закутанный въ вату“, папа „говорилъ“ обильно и безпрепятственно, воспламеняя сердца паломниковъ и вдохновляя клерикаловъ. Одна изъ его „аллокуцій“ произвела особенное впечатлѣніе въ Германіи. Она была сказана въ отвѣтъ на адрессъ, поднесенный ему отъ имени одной нѣмецкой ассоціаціи, 24-го іюня 1872 г.

„Что касается преслѣдованія (церкви), начавшагося въ вашемъ отечествѣ, — говорилъ папа, — то боритесь противъ него съ молитвою и твердостію въ печати и въ публичныхъ рѣчахъ; дѣлайте это столь же осмотрительно, какъ и твердо. Богъ повелѣваетъ почитать власть и повиноваться ей, какъ повелѣваетъ также говорить правду и бороться съ заблужденіемъ. Мы имѣемъ дѣло съ преслѣдованіемъ, подготовлявшимся издавна и теперь вспыхнувшимъ; первый министръ могущественнаго правительства, послѣ побѣдъ на полѣ сраженія, сталъ во главѣ его. Я велѣлъ ему

---

[1]) Настоящее заглавіе его есть: „Законъ о прерогативахъ первосвященника и св. престола и объ отношеніяхъ государства къ церкви“.

сказать (и это не должно быть тайной,—пусть весь свѣтъ знаетъ это), что успѣхъ безъ умѣренности недолговѣченъ; что успѣхъ, пускающійся въ борьбу съ истиной и церковью,—величайшее безуміе.

„...Впрочемъ, обратимъ наши взоры къ Богу... Враждебное преслѣдованіе церкви сдѣлаетъ сомнительнымъ блескъ названнаго успѣха. Кто знаетъ, не свергнется ли скоро съ высоты камень, который разобьетъ ноги колосса!“

Легко представить себѣ, какую тревогу произвело въ Германіи это упоминаніе о „камнѣ“ и „колоссѣ“. Оффиціозная „Провинціальная Корреспонденція“ не безъ торжества замѣтила, что слова папы подтверждаютъ предвидѣнія кн. Бисмарка. „Желаніе папы,—говорила газета,—чтобы свергся камень, могущій сокрушить ноги колосса, основаніе германской имперіи, это благочестивое желаніе, во всякомъ случаѣ, объясняетъ многое, иначе непонятное въ прусской и нѣмецкой католической церкви“.

Благоразумные католическіе органы, какова „Силезская Народная Газета“, прямо высказали сожалѣніе о безтактности аллокуціи. Другія газеты поспѣшили пустить въ ходъ объясненіе, что св. отецъ подъ „колоссомъ“ разумѣлъ „либерализмъ“, о которомъ, впрочемъ, не было сказано ни единаго слова.

Не успѣло пройти впечатлѣніе отъ аллокуціи 24 іюня, какъ папа, 9-го сентября, высказался (безъ всякой, нужно сказать, надобности) предъ другою депутаціею о бывшемъ свиданіи трехъ императоровъ—русскаго, австрійскаго и германскаго, въ самыхъ враждебныхъ выраженіяхъ. Нѣмецкіе епископы не отстали отъ своего вождя.

Въ Фульдѣ, съ 18-го по 20-е сентября, засѣдалъ соборъ нѣмецкихъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ кёльнскаго архіепископа. Плодомъ ихъ совѣщанія явилась „записка архіепископовъ и епископовъ, собранныхъ у гроба св. Бонифація, о современномъ состояніи католической церкви въ нѣмецкой имперіи“. Она была подписана 24-го сентября, разослана всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ и обнародована.

По содержанію своему, она являлась одновременно апологіею епископовъ и „центра“, исчисленіемъ обидъ, причиненныхъ церкви, и нѣкоторымъ манифестомъ католическому населенію Германіи.

Мемуаръ начинался заявленіемъ, что церковный миръ былъ нарушенъ совершенно неожиданно для епископовъ и безъ всякаго повода съ ихъ стороны. Но такъ какъ случившееся не мо-

жетъ быть сдѣлано небывшимъ, то епископы считаютъ своею обязанностью, съ одной стороны, защищать интересы церкви, а съ другой, содѣйствовать возстановленію мира. Для этихъ цѣлей они считаютъ необходимымъ выяснить современное положеніе вещей.

По дѣйствующему въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ праву, католической церкви обезпечены ея устройство и автономія. Это юридическое положеніе церкви не измѣнилось и съ образованіемъ имперіи: напротивъ, католики имѣютъ поводъ надѣяться на бо̀льшую защиту ихъ правъ новою имперскою властью. Тѣмъ не менѣе, уже во время франко-прусской войны, католики, безъ всякаго основанія, подверглись обвиненію во враждебныхъ государству стремленіяхъ и въ отсутствіи патріотизма. Послѣ побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, стали говорить о борьбѣ съ внутреннимъ и худшимъ врагомъ: іезуитизмомъ, ультрамонтанствомъ, католицизмомъ. Опасность, грозившая церкви и даже христіанству (!), побудила католическое населеніе послать въ ланд- и рейхстагъ испытанныхъ католиковъ, составившихъ партію „центра". Опасности не заставили себя ждать, и католическая церковь претерпѣла много обидъ.

Государство беретъ подъ свою защиту еретиковъ, называющихъ себя „старо-католиками", и запрещаетъ епископамъ отлучать ихъ отъ церкви. Съ другой стороны, оно, безъ всякаго основанія (?), изгоняетъ іезуитовъ, закрываетъ орденскія учрежденія и конгрегаціи, удаляетъ изъ школы учителей и учительницъ, принадлежащихъ къ этимъ орденамъ и конгрегаціямъ. Оно взяло въ свое вѣденіе школы; подорвавъ условія религіознаго воспитанія народа, оно запретило ученикамъ и христіанскому юношеству принимать участіе въ религіозныхъ союзахъ; оно, безъ всякой надобности, включило въ имперское уголовное уложеніе прибавку, заключающую въ себѣ оскорбительную угрозу католическому духовенству [1]).

Будущее представляется епископамъ еще болѣе мрачнымъ, въ виду того, что ученія католической церкви выставляются опасными для государства, что ей приписывается отсутствіе патріотизма и что ватиканскій догматъ объясняется въ смыслѣ новыхъ и неслыханныхъ притязаній церкви. Но епископы выражали надежду, что правительства, какъ имперское, такъ и отдѣльныхъ

---

[1]) Рѣчь шла о дополненіи 130 § уг. ул. имп. постановленіемъ, грозившимъ тюремнымъ заключеніемъ до 2 лѣтъ за злоупотребленіе, съ цѣлями политической агитаціи, правомъ проповѣди и другими церковными функціями. Дополненіе это было внесено по предложенію баварскаго правительства, достаточно испытавшаго, какъ проповѣдь обращалась въ способъ „der politischen Wühlereien".

нѣмецкихъ государствъ, не будутъ руководствоваться такими принципами, примѣненіе которыхъ имѣло бы печальнѣйшія послѣдствія какъ для нѣмецкихъ католиковъ, такъ и для всего нѣмецкаго отечества.

Оффиціозная „Провинціальная Корреспонденція“ напомнила епископамъ, увѣрявшимъ, что современная распря была для нихъ неожиданностью, ихъ собственное безпокойство предъ отъѣздомъ на соборъ и представленія ихъ папѣ относительно опасности догмата его непогрѣшимости.

„Записка“ произвела свое дѣйствіе между „вѣрующими“. Многолюдное собраніе католиковъ (6-го и 7-го октября) въ Кёльнѣ одобрило фульдскія постановленія и горячо протестовало противъ „тираніи государства“. Еще раньше (9-го сентября), „общее собраніе нѣмецкихъ католиковъ“ въ Бреславлѣ, по предложенію Муфонга, постановило взять въ свои руки и соціальный вопросъ и учредить для этой цѣли союзы „на католическихъ основаніяхъ“; „католическая партія“ трогала теперь опасныя пружины.

Борьба принимала новые размѣры, при которыхъ покровительствуемая правительствомъ партія „старо-католиковъ“ очевидно не могла служить противовѣсомъ вліянію ультрамонтановъ. Съѣздъ делегатовъ „старо-католическихъ“ общинъ въ Кёльнѣ (сентябрь 1872) и его постановленія надѣлали въ свое время шуму; но они не могли явиться серьезной угрозой католической церкви. „Старо-католики“ увеличили собою количество сектъ, и притомъ сектъ, не дошедшихъ до полнаго разрыва съ католицизмомъ; появленіе ихъ явилось извѣстнымъ „интересомъ дня“, но не серьезнымъ факторомъ въ борьбѣ ультрамонтанства съ государствомъ.

Главный интересъ борьбы сосредоточивался теперь на почвѣ политической; осенняя сессія прусскаго ландтага дала поводъ правительству снова помѣряться силами съ „центромъ“ и удостовѣриться въ рѣшительной поддержкѣ большинства представителей. Депутаты Рейхеншпергеръ и Малинкродтъ внесли въ нижнюю палату два предложенія: первый—по извѣстному намъ дѣлу Вальмана, второй—по поводу распоряженія Фалька о недопущеніи въ общественныя школы учителей и учительницъ, принадлежащихъ къ духовнымъ орденамъ и конгрегаціямъ. Оба предложенія были отвергнуты палатою мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, первое большинствомъ 264 пр. 83, второе—242 пр. 83.

Постановленія ландтага нашли отзвукъ въ Ватиканѣ; 23-го декабря 1872 года, папа произнесъ новую аллокуцію въ собраніи кардиналовъ. Заклеймивъ прежде всего „захваты пьемонтскаго правительства“, онъ обрушился на имперское правительство,

стремящееся „хитростію и открытою силою уничтожить церковь“.

„Люди, не только не исповѣдующіе нашей святой вѣры, но и не знающіе ея, присвоивають себѣ право судить о привилегіяхъ и догматахъ церкви. Открыто нарушая ихъ, они страшатся безстыдно (impudenter) утверждать, что они не причиняють ей никакого вреда, и, прибавляя насмѣшку къ клеветѣ, они, не краснѣя, возлагають на католиковъ вину происходящаго преслѣдованія“.

Послѣ такой „аллокуціи“, кн. Бисмаркъ долженъ былъ отказаться отъ мысли продолжать „дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ“. Штуммъ немедленно получилъ предписаніе уѣхать изъ Рима въ безсрочный отпускъ, и уѣхать тотчасъ, чтобы не присутствовать на новогоднихъ поздравленіяхъ дипломатическаго корпуса; онъ оставилъ Римъ 30-го декабря 1872 года.

Новый, 1873, годъ открылся извѣстіемъ, что князь Бисмаркъ оставилъ постъ перваго прусскаго министра, сохранивъ за собою портфель иностранныхъ дѣлъ и мѣсто имперскаго канцлера. Постъ министра-президента занялъ военный министръ, графъ Роонъ. Отступленіе канцлера мотивировалось, конечно, его усталостію. Но знаменательно, что оно совершилось какъ разъ въ ту минуту, когда г. Фалькъ выработалъ планъ общей законодательной кампаніи противъ католической іерархіи, и когда планъ этотъ былъ одобренъ кабинетомъ и министерство готовилось внести въ ландтагъ проекты четырехъ законовъ, получившихъ знаменитость подъ именемъ майскихъ. Можетъ быть, канцлеръ и желалъ, на первое время, остаться, въ извѣстной степени, въ сторонѣ отъ парламентской борьбы за первые боевые законы. Главная тяжесть борьбы легла на Фалька, хотя и Бисмаркъ вступался иногда съ своимъ рѣшительнымъ словомъ, какъ это было, напримѣръ, въ засѣданіи палаты господъ 10-го марта, когда онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь о „царствѣ и священствѣ“.

IV.

Законопроекты, внесенные Фалькомъ въ ландтагъ, должны были служить средствомъ къ опредѣленію „границъ между государствомъ и церковью“ [1]). Мы видѣли, что Пруссія дѣйствительно

[1]) Текстъ законовъ съ мотивами и комментаріями см. у Höinghaus'а, „Die neuen Kirchengesetze in Preussen“; также Von Oeswald, „Die kirchenpolitischen Reformgesetze Preussens“, vom 11., 12., 13. und 14. Mai 1873.

нуждалась въ церковно-политическихъ законахъ; „конфликты“ съ епископами указывали на необходимость скорѣйшаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Но успѣхъ новыхъ законовъ зависѣлъ, во многомъ, отъ свойства цѣлей законодателя.

Послѣдній могъ имѣть въ виду опредѣленіе „отношеній государства къ церкви“ посредствомъ постоянныхъ, органическихъ законовъ, причемъ онъ могъ оставить за собою право среди тогдашнихъ обстоятельствъ принимать и чрезвычайныя мѣры, не включая ихъ въ законы. Онъ могъ также имѣть въ виду вооружить правительство чрезвычайными полномочіями для борьбы съ церковною іерархіею, оставивъ окончательное рѣшеніе церковно-политическихъ вопросовъ до временъ болѣе „покойныхъ“.

Содержаніе проектовъ Фалька показывало, что правительство имѣло въ виду первую цѣль. Оно хотѣло, прежде всего, „вооружиться“ съ ногъ до головы, выковать оружіе для борьбы со всякимъ „непослушаніемъ“ духовенства, словомъ—создать боевые законы, приноровленные къ потребностямъ данной минуты.

При хладнокровномъ обсужденіи дѣла, неудобства такого пріема были бы очевидны даже „безъ указаній позднѣйшаго опыта“. Во-первыхъ, чрезвычайные или, точнѣе говоря, исключительные майскіе законы выходили подъ фирмою законовъ органическихъ и общихъ. Поэтому они касались одинаково какъ римско-католической, такъ и евангелической церкви и, вслѣдствіе этого, должны были вызвать оппозицію со стороны какъ „центра“, такъ и консервативной лютеранской партіи, дорожившей постановленіями прусской конституціи объ автономіи церкви. Во-вторыхъ, исключительный характеръ майскихъ законовъ набрасывалъ невыгодную тѣнь даже на такія заключавшіяся въ нихъ постановленія, которыя должны имѣть мѣсто въ церковно-политическомъ правѣ, напримѣръ, на правило о recursus ab abusu, о коихъ мы скажемъ ниже.

Проекты, внесенные правительствомъ, имѣли въ виду отдѣльныя стороны церковнаго вопроса въ Пруссіи и были вызваны разными случаями пререканія духовенства съ свѣтскими властями.

Католическое духовенство и партія центра представлялись въ данную минуту „противо-имперскими“ элементами, опасными, какъ въ силу „космополитическаго“ характера римской іерархіи, стремящейся къ всемірному господству, такъ и вслѣдствіе союза ультрамонтановъ съ партикуляристами и другими „враждебными имперіи“ партіями. Вслѣдствіе этого законодатель поставилъ себѣ цѣлью: 1) обезпечить условія образованія духовенства въ націо-

нальномъ и дружественномъ имперіи духѣ; 2) установить государственный надзоръ по назначенію духовныхъ лицъ.

Этой двоякой цѣли долженъ былъ соотвѣтствовать важнѣйшій изъ законопроектовъ, носившій названіе „закона объ образованіи и назначеніи духовныхъ лицъ". Право занимать церковныя должности въ одной изъ христіанскихъ церквей предоставлялось только нѣмцамъ (т.-е. лицамъ, имѣющимъ право нѣмецкаго гражданства), удовлетворяющимъ условіямъ научнаго образованія, опредѣленнымъ законами, и противъ назначенія которыхъ не было сдѣлано возраженія со стороны правительства.

Въ этомъ общемъ постановленіи, какъ видно изъ мотивовъ, выражается основное начало новаго закона. „Оно,—по словамъ коммиссіи,—даетъ государству право: а) не допускать иностранцевъ до занятія духовныхъ должностей [1]); б) не допускать къ этимъ должностямъ лицъ, принципіально отвергающихъ государственные законы; в) поддерживать строго проведенную систему національнаго образованія и воспитанія въ видѣ противовѣса опасностямъ, грозящимъ отъ замкнутой и универсальной католической церкви. Эта система требуетъ однообразнаго научнаго образованія духовенства, дабы послѣднее не противостояло враждебно умственной жизни и общей волѣ націи. Государство требуетъ чрезъ это только отреченія отъ сепаратизма въ образованіи духовенства, какъ онъ былъ приводимъ въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго поколѣнія, дабы воспитать духовенство, по возможности съ дѣтскихъ лѣтъ, въ исключительномъ міросозерцаніи".

Для пониманія всей силы этого закона и объясняющихъ его мотивовъ, нужно припомнить, что католическое духовенство, пользуясь 15 ст. прусской конституціи, широко развило систему своихъ спеціальныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній. Нельзя отрицать, что оно умѣло воспитывать юношество in einer abgeschlossener Lebensanschauung; картина семинарій, бурсъ и конвиктовъ по всей вѣроятности не была утѣшительною. Но едва-ли возможно было положить конецъ этому порядку однимъ ударомъ, и притомъ такимъ стремительнымъ, какъ это положено было по законопроекту.

Именно, къ занятію всякихъ духовныхъ должностей могли быть допущены только лица: а) представившія свидѣтельство о выдержаніи экзамена въ гимназіи; б) прошедшія трехлѣтній

[1]) Направленное противъ „іезуитовъ", постановленіе это оказалось не совсѣмъ удобнымъ и для разныхъ отдѣловъ „евангелической" церкви. Такъ, евангелическій оберъ-кирхенратъ представлялъ, что реформатскія общины положительно нуждаются въ пасторахъ изъ Франціи и Швейцаріи.

курсъ въ богословскомъ факультетѣ одного изъ нѣмецкихъ факультетовъ и в) выдержавшія государственный экзаменъ, долженствовавшій удостовѣрить, что испытуемый имѣетъ общее научное образованіе, особенно въ области философіи, исторіи и нѣмецкой литературы.

Къ испытанію могутъ быть допущены и лица, кончившія курсъ и въ одной изъ существовавшихъ въ моментъ изданія закона семинарій, если министръ духовныхъ дѣлъ признаетъ ихъ курсъ соотвѣтствующимъ университетскому; онъ не можетъ и отказать въ этомъ признаніи, если семинарія соотвѣтствуетъ условіямъ закона и учебный ея планъ одобренъ министромъ. Но это изъятіе можетъ быть допущено только въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ богословскаго факультета и для лицъ, принадлежащихъ къ округу, для коего учреждена семинарія. Низшія учебно-воспитательныя заведенія поставлены подъ надзоръ оберъ-президента провинціи. Ему должны быть сообщаемы учебные планы, правила о дисциплинѣ, и т. д. Онъ назначаетъ коммиссаровъ для ревизіи этихъ установленій. Спеціально-воспитательныя заведенія, такъ-называемые Knabenseminare и Knabenkonvikte (Seminarium puerorum), не могутъ быть учреждаемы вновь, а существующимъ воспрещенъ пріемъ новыхъ воспитанниковъ, подъ страхомъ закрытія ихъ по распоряженію министра духовныхъ дѣлъ.

Установивъ условія „національно-государственнаго воспитанія", законъ опредѣлилъ и условія назначенія на церковныя должности. Законъ не имѣлъ въ виду возстановить право положительнаго участія въ назначеніи духовныхъ лицъ, хотя бы въ формѣ утвержденія ихъ. Духовнымъ начальствамъ вмѣнено въ обязанность извѣщать оберъ-президента о лицахъ, коими предполагалось замѣстить вакантныя должности. Оберъ-президентъ въ теченіе тридцати дней можетъ представить свои возраженія. Послѣднія должны быть мотивированы. Основаніями для возраженія являются: а) если назначаемый не удовлетворяетъ условіямъ, поставленнымъ для занятія духовныхъ должностей; б) если онъ находится подъ слѣдствіемъ или осужденъ за преступленіе или проступокъ, влекущій за собою заключеніе въ исправительномъ домѣ, или потерю гражданской чести, или потерю права занимать общественныя должности; в) если противъ назначаемаго имѣются факты, дающіе основаніе предполагать, что онъ будетъ противодѣйствовать законамъ или законнымъ распоряженіямъ властей или нарушать общественное спокойствіе. Факты, дающіе основанія къ возраженію, должны быть указаны въ отзывѣ. Жалобы на возраженія оберъ-президента могутъ быть въ 30-днев-

ный срокъ приносимы королевскому суду по церковнымъ дѣламъ (см. ниже), а впредь до его открытія—министру духовныхъ дѣлъ. Рѣшенія послѣднихъ окончательныя.

Эти постановленія не заключали въ себѣ ничего чрезвычайнаго, ничего такого, чего не было бы уже въ другихъ законодательствахъ Германіи. Но участіе правительства въ назначеніи духовныхъ лицъ усиливалось и обострялось, такъ сказать, правомъ оберъ-президента требовать замѣщенія вакантныхъ мѣстъ приходскихъ священниковъ (Pfarramt) въ теченіе года и подъ страхомъ штрафа до 1000 талеровъ (§ 18). Оффиціально указанная цѣль § состояла въ ограниченіи права епископовъ на временное замѣщеніе этихъ мѣстъ,—права, которымъ епископы широко пользовались для того, чтобы держать низшее духовенство въ безусловной отъ себя зависимости. Но, сверхъ того, имѣлась цѣль и не указанная: § 18 долженъ былъ устранить сопротивленіе епископовъ назначать священниковъ съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ законѣ.

Исполненіе закона обезпечивалось уголовными постановленіями; духовное начальство, замѣстившее вакантное мѣсто лицомъ, не удовлетворяющимъ законнымъ условіямъ, подвергалось штрафу въ размѣрѣ отъ 200 до 1000 талеровъ; лицо, принявшее такое назначеніе,—штрафу до 100 талеровъ; лицо, принявшее назначеніе, послѣ того, какъ оно, по судебному приговору, утратило право занимать общественныя должности,—подвергалось тому же взысканію.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе важнѣйшаго изъ первыхъ „майскихъ" законовъ. Три другихъ закона ограничивали права церкви и расширяли права государства въ различныхъ отношеніяхъ.

Первый изъ нихъ ограничивалъ право церковныхъ наказаній [1], которымъ духовныя власти пользовались часто для подавленія всякой самостоятельности въ низшемъ духовенствѣ и терроризаціи мірянъ. Законъ ограничивалъ, во-первыхъ, предѣлы карательной власти церкви, допуская лишь чисто духовныя взысканія (эпитиміи, лишеніе причастія и т. д.), причемъ воспрещалось великое отлученіе отъ церкви. Во-вторыхъ, примѣненіе церковнаго наказанія не допускалось: а) за исполненіе кѣмъ-либо законной его обязанности или пользованіе имъ правомъ голоса въ выборахъ, въ томъ или другомъ направленіи; в) съ цѣлью вынужденія кого-

---

[1]) Gesetz über die Grenzen des Rechts zum Gebrauche kirchlicher Straf- und Zuchtmittel.

либо не исполнить его законныхъ обязанностей или для воздѣйствія на выборы.

Опубликованіе примѣненныхъ наказаній воспрещается; законъ дозволяетъ только оповѣщеніе членовъ прихода, къ коему принадлежитъ подвергшійся наказанію. Священнослужители и духовныя должностныя лица, нарушившіе указанныя правила, подвергаются штрафу до 200 талеровъ или заключенію въ тюрьмѣ до 1 года, а въ особо важныхъ случаяхъ—штрафу до 500 талеровъ или тюремному заключенію до 2 лѣтъ.

Третій законъ [1]), по важности своей равный съ первымъ, ограничивалъ дисциплинарную власть духовныхъ начальствъ и учреждалъ особый королевскій судъ по церковнымъ дѣламъ.

Въ католической церкви, съ ея вѣковымъ устройствомъ, приноровленнымъ къ развитію неограниченной власти папы, установилась настоящая юрисдикція папы, имъ уполномоченныхъ лицъ и епископовъ надъ духовенствомъ. Новый законъ имѣлъ, прежде всего, въ виду отнять у папы и его коммиссаровъ страшное оружіе духовнаго суда надъ прусскимъ духовенствомъ. Первый параграфъ закона постановлялъ, что „дисциплинарная власть надъ служителями церкви можетъ быть отправляема только нѣмецкими духовными властями“. Во-вторыхъ, право юрисдикціи признавалось закономъ въ смыслѣ власти дисциплинарной, причемъ указаны были и ея границы. Дисциплинарная власть—говорилось въ мотивахъ—должна пользоваться только средствами, соотвѣтствующими церковно-служебнымъ отношеніямъ. Поэтому духовныя власти не должны имѣть права примѣнять наказаній, противныхъ общимъ гражданскимъ правамъ. Вслѣдствіе этого законъ вовсе не допускаетъ наказаній тѣлесныхъ [2]); ограниченіе свободы допускалось только въ видѣ отсылки виновнаго въ исправительное учрежденіе (Demeriten-Anstalt), на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ, причемъ примѣненіе его не могло имѣть мѣста противъ воли лица, коего оно касалось. Всѣ Demeriten-Anstalten были поставлены подъ особый надзоръ оберъ-президентовъ. Денежные штрафы не могли превышать мѣсячнаго содержанія наказаннаго.

Наказанія штрафомъ или ограниченіемъ свободы не могутъ быть налагаемы безъ выслушанія обвиняемаго; удаленіе отъ должности не можетъ послѣдовать иначе, какъ послѣ процессуальнаго

---

[1]) Gesetz über die kirchliche Disciplinar-Gewalt und die Errichtung des Königliches Gerichtshofes für kirchliche Angelegenheiten.

[2]) Изъ свѣденій, сообщенныхъ ландтагу правительствомъ, явствовало, что въ запрещенія этого рода наказаній была настоятельная нужда.

разсмотрѣнія дѣла. Во всѣхъ случаяхъ приговоръ долженъ быть изложенъ въ письменной формѣ и мотивированъ.

Затѣмъ о каждомъ дисциплинарномъ приговорѣ, коимъ опредѣляется штрафъ свыше 20 талеровъ, или отсылка въ исправительное учрежденіе на срокъ болѣе 14 дней, или удаленіе отъ должности, должно быть сообщаемо оберъ-президенту, вмѣстѣ съ изложеніемъ мотивовъ приговора. Права оберъ-президента по надзору за исправительными учрежденіями и относительно сообщенія ему указанныхъ приговоровъ обезпечиваются угрозою штрафа до 1000 талеровъ и закрытія исправительнаго учрежденія.

Въ-третьихъ, законъ допускаетъ обращеніе къ государственной власти (recursus ab abusu) въ случаяхъ: 1) если приговоръ произнесенъ неподлежащею властью [1]; 2) если онъ постановленъ безъ соблюденія формъ, установленныхъ закономъ; 3) если имъ назначено недопускаемое закономъ наказаніе; если послѣднее опредѣлено за совершеніе дѣйствія, требуемаго законами или законными распоряженіями властей, или за несовершеніе дѣйствій, воспрещенныхъ законами, или по поводу пользованія избирательными правами, или за пользованіе правомъ обращенія къ государственной власти.

Право обращенія къ государству предоставлено каждому лицу, коего касается приговоръ, а также оберъ-президенту провинціи, если приговоръ нарушаетъ общественные интересы.

Учрежденіе, кому приносятся означенные жалобы и протесты, есть „королевскій судъ по церковнымъ дѣламъ", составленный изъ 11 лицъ, изъ коихъ президентъ и, по крайней мѣрѣ, 5 членовъ должны принадлежать къ судебному персоналу. Всѣ они пользуются общими правами судей и назначаются королемъ, по представленію государственнаго министерства (Staats-Ministerium, т.-е. кабинетъ).

Съ принесеніемъ жалобы (или протеста) исполненіе дисциплинарнаго приговора пріостанавливается, причемъ королевскій судъ можетъ требовать пріостановки подъ угрозою штрафа до 1000 талеровъ. Судъ разсматриваетъ дѣло въ условіяхъ устнаго и гласнаго [2]) производства. Рѣшеніе постановляется по выслушаніи объясненій какъ принесшаго жалобу, такъ и духовнаго начальства (или его представителя), постановившаго обжалованный приговоръ.

При постановленіи рѣшенія судъ не связанъ никакими по-

---

[1]) Напримѣръ, иностраннымъ епископомъ, иноземнымъ главой ордена и т. д.

[2]) Хотя судъ можетъ постановить о слушаніи дѣла при закрытыхъ дверяхъ или о допущеніи въ засѣданіе только извѣстныхъ лицъ.

ложительными доказательствами, но руководствуется убѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ. Рѣшеніе можетъ заключать въ себѣ постановленія или объ оставленіи рекурса безъ послѣдствій, или объ отмѣнѣ приговора. Въ послѣднемъ случаѣ духовное начальство, постановившее обжалованный приговоръ, должно сдѣлать распоряженіе объ отмѣнѣ его со всѣми послѣдствіями. Въ противномъ случаѣ, оберъ-президентъ можетъ принудить его къ этому путемъ наложенія штрафовъ до 100 талеровъ.

Кромѣ функцій по разсмотрѣнію „рекурсовъ", новый королевскій судъ пріобрѣлъ чрезвычайно важныя права въ качествѣ высшаго и безапелляціоннаго судилища надъ духовенствомъ. Въ относящихся сюда постановленіяхъ закона [1]) въ особенности выражается боевой его характеръ.

„Священнослужители евангелической и католической церкви,— гласитъ 24 § закона,—нарушающіе относящіеся къ ихъ должности или къ отправленію ихъ церковныхъ обязанностей законы или законныя распоряженія властей, столь тяжко, что дальнѣйшее ихъ пребываніе въ должности представляется несовмѣстнымъ съ общественнымъ спокойствіемъ, могутъ быть, по представленію государственнаго установленія, уволены отъ должности судебнымъ приговоромъ.

„Увольненіе отъ должности влечетъ за собою неспособность къ отправленію должности, потерю содержанія и вакансію мѣста".

Право „представлять" объ увольненіи отъ должности предоставлено оберъ-президенту. Но послѣдній долженъ предварительно обратиться къ духовному начальству виновнаго, и только въ случаѣ безуспѣшности его заявленія, онъ обращается къ королевскому суду. Послѣдній поручаетъ производство предварительнаго слѣдствія высшему суду того округа, въ коемъ имѣетъ свое оффиціальное пребываніе обвиняемый. Затѣмъ королевскій судъ поступаетъ по правиламъ, установленнымъ для дѣлъ о рекурсахъ; слѣдовательно и въ приговорахъ онъ не связанъ „положительными доказательствами" и постановляетъ ихъ по „свободному убѣжденію".

Священнослужитель, дерзающій отправлять свою должность послѣ того, какъ онъ будетъ отъ нея уволенъ, подвергается штрафу, въ первый разъ до 100, во второй разъ—до 1000 талеровъ.

---

[1]) §§ 24—31, составляющіе III раздѣлъ закона, озаглавленный: Einschreiten des Staats ohne Berufung.

Процедура „увольненія отъ должности" нѣсколько усложнялась относительно епископовъ. Относительно подчиненнаго духовенства возможно было предварительное обращеніе оберъ-президента къ епископамъ; но послѣдніе были подчинены папѣ, къ юрисдикціи котораго не могла обращаться прусская власть.

Вслѣдствіе этого, если „нарушеніе законовъ" совершается епископами или иными лицами, не имѣвшими мѣстнаго надъ собою начальства, то оберъ-президентъ уполномочивается обратиться къ нимъ съ приглашеніемъ „сложить съ себя должность". Въ случаѣ неисполненія этими лицами означеннаго приглашенія, дѣло разсматривается королевскимъ судомъ, по указаннымъ выше правиламъ.

Въ этомъ видѣ „дисциплинарная власть" новаго судилища дѣйствительно получала, по выраженію Шорлемера-Альста, характеръ инквизиціи въ новѣйшей формѣ. Во всякомъ случаѣ, законъ указывалъ ясно, до какого „градуса" дошла борьба партій.

Послѣдній законъ регулировалъ порядокъ выхода изъ церкви, съ какимъ было сопряжено освобожденіе отъ разныхъ церковныхъ повинностей, отъ совершенія церковнаго брака, отъ условій внесенія въ книгу актовъ гражданскаго состоянія и т. д. [1]).

V.

Правительство, внося указанные законопроекты, показало, что оно намѣрено вооружиться для сильной и рѣшительной борьбы. Вооружились и различныя партіи въ ландтагѣ. Министерство опиралось, главнымъ образомъ, на содѣйствіе національ-либераловъ и части прогрессивной партіи, примкнувшей къ знаменитому Вирхову. На обвиненіе, брошенное ей „центромъ", въ „измѣнѣ либеральнымъ началамъ", партія Вирхова въ избирательномъ манифестѣ заявила, что она поддерживаетъ правительство во имя великихъ культурныхъ интересовъ человѣчества, коимъ грозитъ опасность отъ притязаній и стремленій духовенства. Такъ явилось на свѣтъ слово, коимъ была названа вся великая распря: Kulturkampf. События показали, что слово, придуманное кн. Бисмаркомъ, точнѣе опредѣляло свойство борьбы: Machtstreit; но въ данную минуту, большинству казалось, что дѣло идетъ um einen grossen Kulturkampf der Menschheit. Союзники не только поддержали правительство, но даже пошли дальше его предложеній.

---

[1]) Законъ о гражданскомъ бракѣ былъ проведенъ въ слѣдующемъ году.

Первое чтеніе четырехъ законопроектовъ началось 16-го января 1873. Маллинкродтъ опредѣлительно выразилъ взглядъ центра на ихъ значеніе. „Стремленіе правительства,—сказалъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы путемъ внѣшняго порабощенія и внутренняго революціонизированія разложить католическую церковь".

Для борьбы съ такимъ „стремленіемъ" у центра была легальная точка опоры: законопроекты, особенно первый и третій, очевидно противорѣчили 15-й и 18-й ст. прусской конституціи, обезпечивавшимъ автономію церквей. Само правительство сознавало силу этого возраженія, но думало выйти изъ затрудненія, предложивъ ландтагу разсмотрѣть законопроекты порядкомъ, установленнымъ для пересмотра конституціи [1]), т.-е. съ промежуткомъ въ 21 день между двумя голосованіями. Но палатская коммиссія, на предварительное разсмотрѣніе которой были переданы законопроекты [2]), убѣдилась въ необходимости измѣнить 15-ю и 18-ю ст. конституціи, включивъ въ нихъ слѣдующія подчеркнутыя слова:

Въ ст. 15-й „евангелическая и римско-католическая церкви, а равно и другія религіозныя общества распоряжаются и управляютъ своими дѣлами самостоятельно, но подчиняются государственнымъ законамъ и законом опредѣленному надзору государства.

Въ ст. 18-й, отмѣнявшей право государственнаго участія въ назначеніи духовныхъ лицъ, прибавить слѣдующія слова:

„Впрочемъ, законъ опредѣляетъ право государства относительно обученія, назначенія и увольненія духовныхъ должностныхъ лицъ и установляетъ границы дисциплинарной власти церкви".

Правительство согласилось на проектъ коммиссіи. Послѣ бурныхъ преній, конституціонныя перемѣны были приняты палатой (4 февраля) большинствомъ 245 противъ 110; 27 февраля они были приняты во второмъ чтеніи.

Въ палатѣ господъ, гдѣ консервативная партія насчитывала много борцовъ, готовилась сильная оппозиція. Но, прежде чѣмъ законопроекты дошли до „господъ", епископы сдѣлали нѣсколько усилій, чтобы удержать правительство отъ принятія законовъ; 30 января они представили петицію королю, прося его не допускать законопроектовъ до обсужденія и затѣмъ не утверждать ихъ, такъ

---

1) Онъ опредѣляется, по прусской конституціи, слѣдующимъ образомъ: „Конституція можетъ быть измѣнена обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ, причемъ въ каждой палатѣ требуется простое большинство голосовъ, при двухъ голосованіяхъ, между коими долженъ пройти срокъ, по крайней мѣрѣ, въ 21 день". Ст. 107.

2) Предсѣдателемъ его былъ Бенигсенъ, докладчикомъ—Гнейстъ.

какъ вѣрующіе не могутъ ихъ признать; въ то же время они представили мемуаръ министерству съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, по коимъ вѣрующіе католики не могутъ принять проектированныхъ законовъ.

Послѣ жалобъ на то, что законопроекты были составлены и предложены палатамъ безъ предварительнаго совѣщанія съ духовными властями [1]), епископы старались показать, въ чемъ законопроекты могутъ нарушить существенныя права церкви и важнѣйшія условія ея существованія.

Они разрываютъ связь прусскихъ католиковъ съ главою церкви, съ папой; они уничтожаютъ признанную прусскими законами автономію церкви, лишая епископовъ свободы въ отправленіи лежащихъ на нихъ обязанностей. У нихъ отнимается право свободнаго назначенія подчиненныхъ имъ пастырей и служителей церкви; правила относительно обученія духовенства составлены въ такомъ направленіи, что въ нихъ, подъ фирмою „національнаго воспитанія“, содержатся условія не-католическаго образованія. Епископы лишаются одного изъ важнѣйшихъ средствъ для поддержанія чистоты вѣры въ своей паствѣ—права отлученія лицъ, не подчиняющихся законамъ церкви, и дисциплинарной власти надъ подчиненнымъ духовенствомъ. Съ другой стороны, государство присвоиваетъ себѣ право юрисдикціи надъ духовенствомъ и учреждаетъ особый судъ по церковнымъ дѣламъ. Возраженія епископовъ противъ этого суда рѣшительны.

„Мы,—говорится въ мемуарѣ,—разъ навсегда не можемъ признать компетентности этого суда и видимъ въ учрежденіи его шагъ къ обращенію Богомъ установленной, свободной и независимой католической церкви въ не-католическую государственную церковь. Если бы мы сами были призваны предъ этотъ или иной государственный судъ, то мы уповаемъ на милость Божію, что у насъ достанетъ силъ столь же твердо свидѣтельствовать о нашей вѣрѣ и претерпѣть тягчайшія наказанія за свободу церкви столь же радостно, какъ тому служатъ намъ примѣромъ безчисленные предшественники и сограждане наши въ епископской должности“.

Записка епископовъ не имѣла вліянія на обсужденіе законопроектовъ въ палатѣ депутатовъ; можно предположить, что она ускорила его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые епископы перешли къ положительному противодѣйствію распоряженіямъ правительства. Такъ 26-го февраля архіепископъ познанскій, графъ Ледоховскій,

[1]) На это жаловался и „евангелическій“ оберъ-кирхенратъ.

издалъ окружное посланіе, воспрещавшее учителямъ закона Божія исполнять распоряженіе правительства о преподаваніи этого предмета на нѣмецкомъ языкѣ.

Конституціонныя поправки были, какъ мы видимъ, приняты палатой депутатовъ 27-го февраля; къ 21-му марта она приняла, одинъ за другимъ, четыре законопроекта. Обсужденіе конституціонныхъ поправокъ въ палатѣ господъ началось 10-го марта. Силы консервативной партіи въ этой палатѣ были значительны. Эта партія, независимо отъ неудовольствія церковными законами, колебавшими, по ея мнѣнію, основанія религіозной жизни, негодовала на Бисмарка, бросившаго старыхъ своихъ союзниковъ и заключившаго союзъ съ „либералами“. Эти упреки были высказаны въ рѣшительной формѣ и дали князю поводъ произнести рѣчь о борьбѣ „священства съ царствомъ“.

Мы уже привели нѣкоторыя мѣста изъ этой рѣчи; здѣсь полезно будетъ привести другія мѣста, освѣщающія отношеніе князя къ „консерваторамъ“ и къ общему вопросу о церковныхъ законахъ.

„Предшествующій ораторъ,—говорилъ Бисмаркъ,—жаловался на то, что „либерализмъ“—я употребляю это выраженіе для краткости—въ послѣдніе годы сдѣлалъ успѣхи. Да, господа, я предсказывалъ вамъ еще въ прошломъ году, во время преній, подобныхъ настоящимъ [1]), что это случится; возможно также, что либерализмъ сдѣлаетъ еще бо́льшіе успѣхи. Гдѣ причина этого явленія? Въ разстройствѣ противовѣса въ консервативной партіи, въ томъ, что правительство, и именно я, вашъ прежній представитель, ошиблись въ предположеніи, что консервативная партія смотритъ на насъ съ довѣріемъ. Это разочарованіе должно было —я предсказывалъ это вамъ—воздѣйствовать на все развитіе нашей государственной жизни“.

Нельзя, конечно, не замѣтить, что князь не вполнѣ точно считалъ обязанностію консервативной партіи всегда и во всемъ „смотрѣть съ довѣріемъ“ на правительство вообще и на него въ особенности. Но этимъ самымъ показывалось, что „успѣхи либерализма“ обусловлены „довѣріемъ“ либераловъ къ политикѣ министерства и что, можетъ быть, близко время, когда друзья обратятся во враговъ, и наоборотъ. Слова Бисмарка могли служить предостереженіемъ не только консерваторамъ, но и „либераламъ“, торжество которыхъ, какъ показали событія, было непрочно.

---

[1]) По поводу закона о школьной инспекціи.

Но въ данную минуту кн. Бисмаркъ не жалѣлъ красокъ для изображенія опасностей, грозящихъ Пруссіи отъ происковъ клерикаловъ.

„Дѣло идетъ,—говорилъ онъ,—объ установленіи двухъ конфессіональныхъ государствъ, которыя находились бы въ дуалистической борьбѣ, и государемъ одного изъ нихъ является иноземный духовный государь, пребывающій въ Римѣ,—государь, вслѣдствіе новыхъ перемѣнъ въ устройствѣ католической церкви, сдѣлавшійся могущественнѣе прежняго. Еслибы эта программа осуществилась, мы имѣли бы, вмѣсто законченнаго прусскаго государства, вмѣсто подлежащей осуществленію германской имперіи, два параллельно идущіе государственные организма: одинъ—съ своимъ главнымъ штабомъ въ партіи центра, другой—съ своимъ главнымъ штабомъ въ правительствѣ и особѣ его в-ства короля“.

Палата, составъ которой увеличился новыми членами, благопріятными правительству, приняла конституціонныя поправки 4-го апрѣля, неблестящимъ большинствомъ 87 противъ 53. Они тотчасъ получили королевскую санкцію и были обнародованы на другой день (5-го апрѣля).

Церковно-политическіе законы были нѣсколько измѣнены палатою господъ и переданы для новаго обсужденія въ нижнюю палату (апрѣль). Маллинкродтъ, Шорлемеръ-Альстъ и другіе ораторы центра употребили свои послѣднія усилія противъ законопроектовъ. Въ то же время и епископы, собравшись въ Фульдѣ, дали свое послѣднее предостереженіе въ формѣ новаго пастырскаго посланія (2-го мая).

„Предполагается,—говорилось здѣсь,—издать рядъ законовъ, противорѣчащихъ въ существенныхъ пунктахъ Богомъ установленному устройству и свободѣ церкви. Эти проекты не имѣютъ еще силы законовъ. Но, что̀ бы ни случилось, мы будемъ спокойно и единодушно защищать выраженныя въ нашихъ запискахъ начала, которыя суть не наши, но начала христіанства и вѣчной справедливости... Вы же, возлюбленные сотрудники и прихожане, съ своей стороны твердо держитесь того, что законный епископъ есть только такой, который посланъ отъ св. отца и апостольскаго престола — этого источника церковнаго единства и власти—и пребываетъ въ общеніи съ апостольскимъ престоломъ. Равнымъ образомъ вы будете признавать правомѣрными пастырями только тѣхъ, кого законные епископы признали къ тому достойными и способными и которые пребываютъ въ общеніи съ епископами. Всякій иной былъ бы пришельцемъ. По установленію, дан-

ному Богомъ своей церкви на всѣ времена, опредѣленіемъ свѣтской власти никому не можетъ быть дано право, по коему онъ, сохраняя свою принадлежность къ церкви, можетъ апеллировать къ свѣтской власти на приговоры церковныхъ властей по духовнымъ дѣламъ. Напротивъ, надъ такими дѣйствіями, противными божественнымъ установленіямъ, тяготѣетъ наказаніе отлученія. Слѣдуя непрерывному обычаю церкви, мы будемъ представлять о всѣхъ сомнительныхъ, относящихся къ церкви, вопросахъ св. отцу, котораго Христосъ поставилъ высшимъ пастыремъ своей церкви, въ общеніи съ коимъ и въ послушаніи которому мы, по милости Божіей, всегда пребудемъ".

Хотя посланіе и оканчивалось обѣщаніемъ исполнять обязанности относительно государства, но нельзя было не видѣть въ немъ нѣкотораго „приказа по войскамъ", даннаго наканунѣ великой битвы.

За борцами дѣло не стало.

Церковные законопроекты были приняты ландтагомъ 9-го мая; 11, 12, 13 и 14-го мая они были утверждены королемъ и 15-го обнародованы; они извѣстны въ современной исторіи подъ именемъ (первыхъ) майскихъ законовъ.

А. Градовскій.

РОССІЯ и ЕВРОПА

въ эпоху

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

XII *).

Подробности переговоровъ.

(1854.)

Австрія.

Мы изложили общій ходъ политическихъ переговоровъ 1854 г. Нашъ краткій очеркъ можетъ дать только слабое понятіе о лихорадочной работѣ этого рѣшительнаго періода восточнаго кризиса. Мы замѣчаемъ ее въ донесеніяхъ нашихъ агентовъ, откуда сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій.

Говоря о порученіи, возложенномъ на графа Орлова въ Вѣнѣ, мы достаточно разъяснили важную фазу переговоровъ, связанную съ планомъ кампаніи, опиравшимся на возстанія христіанъ въ Эпирѣ, Өессаліи, Черногоріи и Сербіи. Изъ уваженія къ Австріи и ради обезоруженія Германіи, которую первая старалась возстановить противъ насъ, выдвигая пограничные интересы, угрожаемые возстаніемъ восточныхъ славянъ,— въ виду всего этого мы принесли большую жертву. Мы отказались отъ помощи нашихъ единовѣрцевъ, нашихъ единственныхъ союзниковъ въ объявленной намъ

*) См. выше: іюль, 204 стр.

войнѣ, отъ единственнаго шанса возстановить въ нашу пользу равновѣсіе неравной борьбы. Мы открыто согласились на такую жертву и честно выполнили ее.

Мы заявили въ Вѣнѣ, что не коснемся Сербіи. Нашъ агентъ былъ отозванъ; всякіе переговоры съ сербскимъ правительствомъ, относительно включенія въ нашу армію вольныхъ отрядовъ, были прерваны; отрядъ въ тысячу волонтеровъ, готовый перейти черезъ Дунай, получилъ приказаніе отступить. Фельдмаршалъ Паскевичъ вывелъ наши войска изъ Малой Валахіи и произвелъ движеніе для сосредоточенія войскъ на Нижнемъ Дунаѣ съ цѣлью переправиться черезъ него и попытать военное счастье на единственномъ пунктѣ Турціи, остававшемся намъ открытымъ. Такой переходъ имѣлъ характеръ дополненія и подтвержденія нашего оборонительнаго положенія, затрудняемаго на правомъ флангѣ изворотомъ, какой рѣка дѣлаетъ передъ своимъ устьемъ; императоръ Францъ-Іосифъ выразилъ радость, узнавши о нашемъ переходѣ, и высказалъ нашему представителю пожеланія успѣха для насъ!

Было ли этого достаточно? Довольно ли мы сдѣлали, чтобы выказать Австріи и Германіи наше уваженіе къ ихъ интересамъ, наше желаніе обезпечить ихъ? Могли ли мы надѣяться, что онѣ за то, если не будутъ помогать намъ, по крайней мѣрѣ, заявятъ нейтралитетъ и предоставятъ намъ свободу въ нашихъ движеніяхъ?

Австрійскій императоръ утвердительно говорилъ князю Виндишгрецу, что у него не было никакого обязательства съ Западомъ, и что онъ не желалъ принимать его. Его министръ съ особеннымъ недовѣріемъ относился къ Сербіи. Императоръ начиналъ недовѣрять и Франціи. Проекты, громко заявляемые Маццини въ Италіи, французскія брошюры, исходившія изъ среды, окружавшей императора Наполеона, относительно передѣлки карты Европы, все это тревожило австрійское правительство. Оно усилило армію фельдмаршала Радецкаго въ Ломбардіи.

Съ другой стороны, его военныя приготовленія казались слишкомъ обширными, въ виду одной только Сербіи и Черногоріи, которыя притомъ были спокойны. До 80,000 было собрано на южной границѣ, и значительныя передвиженія войскъ производились въ сторону Галиціи. Графъ Буоль, на запросъ о томъ, увѣрялъ, что у него не было никакого обязательства съ Западомъ относительно количества войскъ. Но со времени призыва отпускныхъ никто уже не вѣрилъ болѣе въ мѣры предосторожности; очевидно, дѣло шло о демонстраціи противъ насъ, имѣвшей цѣлью если не прямое давленіе, то стѣсненіе насъ. Отсюда до

открытаго нападенія былъ одинъ только шагъ. Императоръ Францъ-Іосифъ и генералъ Гессъ не допускали такого предположенія какъ необходимаго, но признавали его возможнымъ. Генералъ Гессъ убѣждалъ насъ оставаться въ оборонительномъ положеніи и въ особенности ничего не предпринимать въ Сербіи.

Высшее общество и армія выказывали негодованіе при одной мысли союза съ Западомъ и борьбы противъ насъ. Все, что честно чувствовало въ Австріи, возмущалось противъ такого предположенія. Депеши нашего представителя въ Вѣнѣ свидѣтельствуютъ объ ежедневныхъ колебаніяхъ тогдашняго положенія. То онъ сообщалъ намъ объ увѣреніяхъ императора и главнѣйшихъ лицъ изъ среды, окружавшей его, то онъ приводилъ двусмысленныя выраженія и еще болѣе подозрительныя дѣйствія графа Буоля, которому, повидимому, доставляло удовольствіе, что тревоги такого порядка вещей тяготили насъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ наши представители въ Вѣнѣ тщательно отдѣляли императора Франца-Іосифа отъ его министра, приписывая первому все хорошее и расположеніе къ еще лучшему, а второму—самыя дурныя внушенія. Таково было постоянное мнѣніе барона Мейендорфа, а также и князя Горчакова. Австрійскій императоръ какъ будто подчинялся двумъ геніямъ—добра и зла; онъ былъ искрененъ въ своихъ чувствахъ дружбы къ Россіи и къ своему августѣйшему союзнику, но его подавляло сознаніе отвѣтственности, лежавшей на немъ, какъ на главѣ государства, и онъ рѣшался заставить умолкнуть свое сердце передъ интересами своей страны и повиноваться своимъ министрамъ. Графъ Буоль убаюкивалъ его надеждой пріобрѣсти рѣшительное преобладаніе на Востокѣ, не обнаживъ оружія, безъ борьбы противъ насъ, единственно лишь политико-стратегическими маневрами. Какое торжество для Австріи! Какимъ образомъ юный монархъ могъ противостоять перспективѣ поднять свою страну на такую степень могущества и величія? Быть можетъ, наши представители подчинялись естественному обаянію, окружающему государей; быть можетъ, они находились подъ впечатлѣніемъ молодости императора, которой нежелательно было бы приписывать эгоистическіе разсчеты, извиняемые опытомъ зрѣлаго возраста. Во всякомъ случаѣ, трудно примирить личныя чувства, предполагавшіяся въ молодомъ монархѣ, съ враждебными дѣйствіями, которыя онъ допускалъ совершать своему министру. Судьей въ этомъ дѣлѣ будетъ исторія.

Что касается насъ, мы должны разсматривать вопросъ лишь съ точки зрѣнія несомнѣнныхъ интересовъ самой Австріи, такъ

какъ положительные интересы всегда останутся самой прочной основой политическихъ отношеній между государствами. На самомъ дѣлѣ, что, въ концѣ концовъ, выиграла Австрія отъ хитростей графа Буоля? Событія отвѣтили на этотъ вопросъ. А, какъ мы увидимъ далѣе, у нея не было недостатка въ предостереженіяхъ. Благодаря тому, мы можемъ говорить спокойно о политикѣ вѣнскаго кабинета, продолжая указывать ея роковой характеръ. Не одни только добрыя отношенія связываютъ между собою народы. Они должны быть тѣмъ болѣе склонны сближаться между собою, чѣмъ болѣе опытъ указываетъ имъ, что они не могутъ вредить другъ другу, не нанося ущерба самимъ себѣ.

Характеръ такой политики выступаетъ въ оффиціальныхъ актахъ съ очевидностью, не имѣющей надобности въ комментаріяхъ. Онъ еще болѣе поражаетъ насъ въ внѣ-оффиціальныхъ сношеніяхъ, игравшихъ столь важную роль въ описываемомъ кризисѣ.

Вотъ что писалъ баронъ Мейендорфъ 1/13-го марта 1853 года, т.-е. въ тотъ моментъ, когда мы только-что дали Австріи полное удовлетвореніе относительно Сербіи и возстанія христіанъ:—Буркенэ нисколько не сомнѣвается въ дѣятельномъ содѣйствіи Австріи. Тѣмъ, кто спрашиваютъ у него, когда оно обнаружится, онъ отвѣчаетъ: „Черезъ шесть или восемь недѣль, когда мы будемъ въ состояніи поддержать его. Тогда будетъ поставлено настоятельное требованіе; русскіе, угрожаемые нами слѣва, Омеромъ-пашою въ центрѣ и Австріей справа, должны будутъ отступить. Какъ скоро эвакуація будетъ произведена и христіане будутъ освобождены, державы вступятъ въ переговоры, но онѣ поставятъ Россіи самыя тяжелыя условія. Съ помощью эскадръ будутъ уничтожены укрѣпленные пункты Кавказа, горцы будутъ подняты и приведены въ связь съ турками, въ Крыму произойдетъ высадка, Севастополь будетъ осажденъ съ моря и съ суши и на русскихъ будетъ произведено нападеніе съ тылу, въ Бессарабіи. Эти планы еще не выработаны во всей ихъ послѣдовательности, но уже вполнѣ установлена ихъ цѣль, заключающаяся въ томъ, чтобы занять Крымъ, въ видѣ залога, для того, чтобы заставить Россію отказаться отъ ея трактатовъ и даже измѣнить ея территоріальное очертаніе. Потеря Крыма была бы гибелью преобладанія этой державы на Кавказѣ, на Черномъ морѣ и на Востокѣ. Такова намѣченная цѣль державъ, въ особенности Англіи, которая, не достигнувъ ея, не желаетъ окончить войны".

Если не предполагать у г. Буркенэ дара пророчества, слѣдуетъ допустить, что такія убѣжденія, какія онъ громко высказывалъ передъ дипломатическимъ корпусомъ въ Вѣнѣ, составляли

результатъ зрѣло обдуманнаго плана, условленнаго въ тайнѣ частныхъ сообщеній между кабинетами.

Такая программа осуществлялась пунктъ за пунктомъ. Австрійское правительство не могло не знать о ней, и если мы будемъ слѣдить внимательно за его образомъ дѣйствій, мы должны признать, что онъ несомнѣнно содѣйствовалъ полному осуществленію ея. Моменты пріостановки или колебанія, замѣчаемые въ немъ, вызывались или необходимостью обойти препятствіе, или желаніемъ не компрометтировать себя преждевременно; но вѣнскій кабинетъ дѣйствовалъ всегда въ духѣ достиженія цѣли, намѣченной западной политикой, къ которой, вѣроятно, и онъ присоединился съ самаго начала. Мы прослѣдимъ это въ сложныхъ изворотахъ его дѣйствій, на двойной почвѣ политики и стратегіи.

Прусское правительство хотѣло воспользоваться ослабленіемъ въ натянутости отношеній между нами и Австріей, вслѣдствіе нашего отказа отъ всякаго содѣйствія со стороны Сербіи, для того, чтобы склонить вѣнскій кабинетъ вмѣстѣ со всею Германіей къ солидарному нейтралитету. Эта мысль высказывалась графомъ Орловымъ. Въ такихъ видахъ полковникъ Мантейфель былъ посланъ съ предложеніемъ Австріи о возобновленіи конвенціи 1851 г., обезпечивавшей за нею помощь Германіи для защиты ея внѣ-союзныхъ владѣній.

Мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, что въ 1851 г. упомянутая гарантія примѣнялась къ Италіи, угрожаемой Франціей. Въ настоящее время она одинаково могла бы быть примѣнена къ областямъ австрійской имперіи, смежнымъ съ нашими границами и могущимъ считаться въ опасности отъ насъ, вслѣдствіе враждебнаго положенія, принятаго вѣнскимъ кабинетомъ. Тѣмъ не менѣе, по убѣжденію прусскаго короля, обезпеченіе интересовъ Австріи и Германіи, какъ со стороны Рейна и Италіи, такъ и со стороны Востока, должно было удержать первую отъ подчиненія давленію морскихъ державъ и закрѣпить ее въ нейтральномъ положеніи.

Императоръ Францъ-Іосифъ принялъ прусскаго уполномоченнаго крайне благосклонно; тотъ вручилъ ему письмо короля, разсѣявшее всякое недовѣріе, какое могло существовать между обоими государями. Императоръ выразилъ готовность придти къ соглашенію съ Пруссіей и поручилъ генералу Гессу дальнѣйшіе переговоры въ Берлинѣ. Въ Вѣнѣ это произвело сильнѣйшее впечатлѣніе. Всѣ разсчитывали на рѣшительную перемѣну въ образѣ дѣйствій кабинета. Общество, въ особенности армія и аристократія, громко привѣтствовали такой оборотъ дѣлъ. Всѣ говорили,

что съ той минуты, когда, съ одной стороны, Пруссія обѣщаетъ поддержку всей Германіи для Италіи, а съ другой—мы гарантируемъ интересы Австріи въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ, для нея уже не можетъ быть никакого основанія къ дѣятельному участію въ борьбѣ.

Англійскій посолъ высказалъ большое неудовольствіе по поводу оборота обстоятельствъ, устранявшаго Австрію отъ вліянія Запада. Буркенэ угрожалъ даже покинуть Вѣну, и стоило большого труда его успокоить. Помощью какихъ аргументовъ это удалось графу Буолю, осталось неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, всѣмъ казалось, что Австрія вступаетъ въ новую политическую фазу, хотя, изъ чувства своего достоинства, она считала нужнымъ дѣйствовать медленно и безъ шума. Ея внутреннее состояніе вполнѣ оправдывало такое положеніе. Ея бумаги потеряли до 40% въ теченіе года; ея пятидесяти-милліонный заемъ котировался по 90 и уже понизился на 3 флорина. Нѣкоторое возбужденіе обнаруживалось въ славянскихъ областяхъ и въ Венгріи. Относительно Сербіи, на ея нейтралитетъ можно было разсчитывать только до тѣхъ поръ, пока Австрія останется нейтральной; но, въ виду войны съ нами, ничто не могло бы удержать сербовъ, энтузіазмъ которыхъ, безъ сомнѣнія, сообщился бы и австрійскимъ славянамъ. Тонъ императора Франца-Іосифа съ нашимъ представителемъ подтверждалъ такія надежды. Императоръ выражалъ радость по поводу того, что борьба съ нами, которая возбуждала въ немъ неудовольствіе и угрызеніе совѣсти, становится почти невѣроятной.

Союзный договоръ между Англіей, Франціей и Турціей, обнародованный въ то время, былъ признанъ въ Вѣнѣ болѣе серьезнымъ посягательствомъ на независимость Турціи, чѣмъ требованія кн. Меньшикова. Начинали замѣчать, что для Англіи было не такъ важно защитить Турцію, сколько повредить Россіи возбужденіемъ противъ нея политической ненависти, а для императора Наполеона, прежде всего, было нужно произвести смуту въ Европѣ, съ цѣлью передѣлать ея карту. Въ Вѣнѣ полагали, что существованію Турціи угрожала бо́льшая опасность отъ ея западныхъ союзниковъ, чѣмъ отъ насъ, и говорили объ обезпеченіи себя, въ виду возможнаго разложенія Оттоманской имперіи, посредствомъ занятія Босніи и Герцеговины, уже не противъ насъ, а противъ морскихъ державъ. Наконецъ, порученіе принца Георга Мекленбургскаго въ Берлинѣ служило новымъ шансомъ въ пользу мира, высказывая наше расположеніе къ нему. Хотя въ успѣхѣ его предложеній и сомнѣвались, такъ какъ западныя державы относились

къ дѣлу слишкомъ страстно, чтобы ихъ принять, но на предложеніе смотрѣли благопріятно въ Берлинѣ и въ Германіи, и это отражалось и въ Вѣнѣ.

Графъ Буоль одинъ оставался по-прежнему упорнымъ и недовѣрчивымъ. Онъ боялся, что съ той минуты, когда мы будемъ увѣрены въ нейтралитетѣ Германіи, мы выкажемъ себя менѣе добросовѣстными въ Сербіи. Что касается до предложеній принца Георга, онъ признавалъ въ нихъ почву, на которой можно было бы придти къ соглашенію, но давалъ понять, что западныя державы, вѣроятно, потребуютъ гарантій противъ повторенія нашего занятія княжествъ и за свободу Дуная и Чернаго моря. Извѣстно, какое участіе принадлежитъ ему въ этихъ новыхъ требованіяхъ.

Впрочемъ, возникшія надежды вскорѣ были уничтожены подписаніемъ протокола 9-го апрѣля. Онъ былъ подписанъ безъ нашего вѣдома. Когда баронъ Мейендорфъ попросилъ о сообщеніи его, графъ Буоль отвѣтилъ, что онъ будетъ сообщенъ намъ послѣ отправленія его другимъ державамъ. Нашъ представитель съ живостью указалъ на неправильность такого образа дѣйствій. „У Россіи, — сказалъ онъ, — 700,000 человѣкъ подъ ружьемъ; если вы начнете войну съ нею и унизите ее, она все-таки останется шестидесяти-милліонной націей, сосѣдней съ вашими границами. Поэтому вамъ нѣтъ никакого интереса раздражать ее". Графъ Буоль отвѣтилъ, что протоколъ не имѣлъ ничего угрожающаго, что насъ не хотѣли унизить и не хотѣли уменьшить нашихъ территорій. Онъ высказалъ упрекъ по поводу того, что мы не хотѣли принять участія въ конференціи въ Вѣнѣ, а теперь предлагаемъ ее въ Берлинѣ черезъ принца Георга. „Вы не хотѣли,—сказалъ онъ,—дать намъ гарантій, какихъ мы требовали во время порученія графа Орлова. Мы должны были сохранить за собой свободу дѣйствій".

Баронъ Мейендорфъ старался получить нѣкоторыя разъясненія относительно смысла, придаваемаго протоколомъ очищенію княжествъ, которое ставилось намъ какъ неизбѣжное условіе. Должно ли было произойти это очищеніе во время или послѣ войны? Графъ Буоль отказался высказаться яснѣе. Было очевидно, что тактика его заключалась въ томъ, чтобы тревожить насъ положеніемъ Австріи и не дѣлать ничего для нашего успокоенія. Онъ относился съ величайшей осторожностью къ Западу, хотя присутствіе союзниковъ въ Константинополѣ было ему непріятно. Именно, въ виду опасностей, усматриваемыхъ съ этой стороны, онъ ввелъ въ протоколъ статью о неприкосновенности Оттоманской имперіи.

Протоколъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Общественное мнѣніе увидало въ немъ новый шагъ къ разрыву съ нами, и, однако, къ удивленію, вѣнская биржа отозвалась на него повышеніемъ, полагая, что чѣмъ болѣе у насъ будетъ враговъ, тѣмъ болѣе мы будемъ расположены къ ускоренію мира.

Прусскій уполномоченный выказалъ неудовольствіе по поводу этого акта. Хотя, по его мнѣнію, онъ не заключалъ въ себѣ обязательства дѣйствовать противъ насъ, но онъ все-таки представлялъ для западныхъ державъ средство оказать давленіе на Германію, чтобы заставить ее выйти изъ нейтралитета.

Впрочемъ, еще надѣялись, что переговоры, продолжавшіеся въ Берлинѣ, устранять указанныя затрудненія. Но вскорѣ договоръ 20-го апрѣля еще болѣе увеличилъ ихъ. По свѣденіямъ, достигшимъ до нашего представителя, австрійское правительство предполагало въ Берлинѣ формальный договоръ о присоединеніи къ западному союзу. Поэтому генералъ Гессъ полагалъ, что онъ одержалъ побѣду подписаніемъ договора 20-го апрѣля. Онъ надѣялся, что ему удалось остановить австрійскій кабинетъ на его пути влеченія къ нашимъ врагамъ. Съ своей стороны, прусское правительство льстило себя надеждой, что положеніе осталось въ его рукахъ, и что оно будетъ имѣть силу сдержать Австрію. Король, вѣрный своимъ чувствамъ по отношенію къ намъ, рѣшился не требовать отъ насъ ничего, что̀ было бы противно нашему достоинству. Намѣреніемъ его было потребовать отъ насъ очищенія княжествъ, только предложивъ намъ взамѣнъ равносильныя уступки со стороны западныхъ державъ. Онъ дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ на Австрію, опираясь на Германію, которая должна была быть на нашей сторонѣ, если бы мы допустили взаимность уступокъ. Австрія одна, безъ сомнѣнія, не напала бы на Россію. Удалившись изъ княжествъ, мы были бы еще опаснѣе для нея.

Дипломатическая дѣятельность, обнаружившаяся въ Германіи, была весьма оживленная. Бамбергская конференція высказала свое мнѣніе. Прусскій король отправилъ въ Вѣну ф. Альвенслебена, для того, чтобы сговориться о значеніи договора 20-го апрѣля. Оставаясь въ предѣлахъ взаимности, онъ обезпечивалъ за Германіей сильное, безпристрастное и достойное положеніе. Она становилась на свое настоящее мѣсто, т.-е. на то, какое ея центральное положеніе, такъ сказать, географически давало ей между воюющими державами. Одной она говорила: вы оставите княжества; другой: вы оставите воды Турціи. Такимъ образомъ, война фактически прекращалась, и основанія мира уста-

навливались статьями протокола 9-го апрѣля, требовавшими неприкосновенности Турціи, улучшенія участи христіанъ и пересмотра трактата 1841 г. Если бы Германія, соединившись на такой почвѣ, твердо удержалась на ней, или путемъ сильнаго положенія вооруженнаго нейтралитета, или заявивъ себя противъ той изъ воюющихъ сторонъ, которая отвергла бы указанныя условія, тогда Германія продиктовала бы миръ Европѣ.

Повидимому, упомянутыя мѣры подѣйствовали на рѣшенія вѣнскаго кабинета. Казалось, онъ готовъ былъ сдѣлать уступки Пруссіи. Такъ, онъ отказался отъ угрожающаго положенія въ Галиціи и Трансильваніи до полученія нашего отвѣта. Онъ условился съ Пруссіей, что не произведетъ нападенія на насъ, пока мы не перейдемъ Балканъ. Такое увѣреніе, переданное намъ чрезъ посредство берлинскаго кабинета, предоставляло для насъ достаточный просторъ, чтобы выждать союзниковъ въ долинѣ, отдѣляющей Дунай отъ Балканъ, и тамъ дать имъ сраженіе, которое, быть можетъ, рѣшило бы вопросъ о мирѣ. Наконецъ, императоръ Францъ-Іосифъ послалъ барона Гюбнера въ Парижъ заявить, что Австрія останется въ выжидательномъ положеніи и что она будетъ наблюдать за неприкосновенностью Оттоманской имперіи, которой союзники угрожали не менѣе Россіи, занявъ въ Константинополѣ положеніе, уничтожавшее державность султана.

Такое заявленіе было крайне непріятно французскому правительству, и военныя силы, собранныя въ лагеряхъ на Ламаншѣ и въ Марсели въ 100,000 и въ 50,000 человѣкъ, пріобрѣтали столь же угрожающее значеніе для Германіи и Италіи, какъ и для насъ.

Описываемое положеніе развилось въ промежуткѣ времени, отдѣлявшемъ договоръ 20-го апрѣля отъ требованія, которое должно было быть обращено къ намъ и редакція котораго подвергалась обсужденію. Въ указанномъ промежуткѣ, вѣроятно, между вѣнскимъ кабинетомъ и морскими державами происходили тайные переговоры, ключа къ которымъ мы не имѣемъ, хотя факты и свидѣтельствуютъ о нихъ.

Къ концу мая произошло движеніе по направленію къ Валахіи. Австрія должна была занять эту провинцію лишь по приглашенію Порты и по соглашенію съ западными державами. Въ данную минуту у нея существовала конвенція съ турецкимъ правительствомъ относительно занятія верхней Албаніи противъ грековъ и черногорцевъ. Франція первая предложила Австріи занять *нѣкоторые пункты* турецкой территоріи. Цѣль такого предложенія была очевидна. Австрію хотѣли связать общностью дѣй-

ствій, и ей предоставляли подобное удовлетвореніе самолюбія или честолюбія для того, чтобы освободить ее отъ давленія Германіи. Въ Константинополѣ существовало полное согласіе на этотъ счетъ между представителемъ Австріи и представителями западныхъ державъ. Лордъ Стрэтфордъ Редклифъ громко выражалъ свое одобреніе по поводу успѣха анти-русской политики въ Вѣнѣ. „Россія весьма ошибается,—будто-бы сказалъ онъ,—думая, что Австрія сойдетъ съ своего пути, потому что русскія войска очистятъ Малую Валахію".

Такимъ образомъ, графъ Буоль велъ единовременно переговоры двоякаго рода: одни—съ Пруссіей и Германіей въ духѣ благопріятнаго для насъ нейтралитета, другіе—съ Западомъ и Портой, въ духѣ враждебнаго для насъ вмѣшательства.

Вооруженіе тяжело ложилось на финансы Австріи; тѣмъ не менѣе, она продолжала ихъ параллельно съ своей политической дѣятельностью. Но ей хотѣлось ускорить исходъ дѣла. Еслибъ она могла разсчитывать на Пруссію, она не колебалась бы, въ надеждѣ, что мы уступимъ безъ войны передъ коалиціей цѣлой Европы. Генералъ Мейергофферъ былъ посланъ въ Берлинъ для переговоровъ о вооруженной помощи Пруссіи австрійскимъ военнымъ демонстраціямъ. Но берлинскій кабинетъ не соглашался на такое положеніе. Альвенслебенъ, обсуждавшій въ Вѣнѣ редакцію требованія, говорилъ, что, если нашъ отвѣтъ обезпечитъ очищеніе княжествъ на разумныхъ условіяхъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы эти условія не были приняты Западомъ, Пруссія сочла бы цѣль конвенціи 20-го апрѣля достигнутой и не пошла бы далѣе. Вслѣдствіе того графу Буолю приходилось опасаться очутиться одному въ войнѣ противъ насъ,—войнѣ, одна мысль о которой заставляла краснѣть всѣхъ честныхъ и разумныхъ людей въ Австріи. Онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ колебаться передъ такой крайностью, что военное положеніе, какое мы начинали принимать на Серетѣ, давало ему понять, что враждебныя мѣры поведутъ не къ миру, но къ войнѣ между двумя странами, которыя до тѣхъ поръ ни разу не обнажали оружія другъ противъ друга.

Такое положеніе внезапно разрѣшилось требованіемъ, обращеннымъ къ намъ вѣнскимъ кабинетомъ, не ожидая присоединенія Пруссіи, на которой, однако, лежало обязательство въ силу договора 20-го апрѣля. Въ нотѣ, содержавшей требованіе, австрійское правительство высказывало желаніе, чтобы мы не подчиняли очищенія княжествъ условіямъ, выполненіе которыхъ зави-

сѣло не отъ него. Иначе сказать, этими словами исключалась взаимность, принципъ которой былъ установленъ.

Правда, первоначальный проектъ конвенціи 20-го апрѣля, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ посланъ изъ Вѣны въ Берлинъ, заключалъ въ себѣ статью, устранявшую взаимность. Берлинскій кабинетъ отвергъ эту статью, но онъ оставилъ ее въ проектѣ ноты, сопровождавшемъ конвенцію. Графъ Буоль воспользовался такой непослѣдовательностью. Онъ составилъ свою ноту по редакціи первоначальнаго проекта и поспѣшилъ отправить ее въ Петербургъ, прочитавъ ее Альвенслебену, но не дожидаясь, чтобы берлинскій кабинетъ присоединился къ ней.

Нашъ представитель полагалъ, что, если Пруссія останется на почвѣ взаимности, и нашъ отвѣтъ, присоединяясь къ четыремъ основаніямъ протокола 9-го апрѣля, установитъ разумныя уступки со стороны морскихъ державъ, вѣнскій кабинетъ заявитъ себя удовлетвореннымъ.

Австрія добивалась мира во что́ бы то ни стало, потому что вооруженія подавляли ее, и она боялась продолжительнаго занятія Турціи союзниками, которое повело бы къ развязкѣ въ ихъ исключительной выгодѣ. Слѣдовательно, ей предстояло или возвратиться къ образу дѣйствій, принятыхъ Пруссіей и Германіей, въ виду переговоровъ о мирѣ, или присоединиться къ Западу и вести съ нами войну, отдѣлившись отъ остальнаго союза.

Для того, чтобы имѣть ключъ отъ всѣхъ этихъ движеній впередъ и назадъ въ австрійской политикѣ, надо вернуться къ программѣ Буркенэ, которую мы привели выше. Онъ заявилъ о дѣятельной помощи Австріи черезъ шесть или восемь недѣль, когда союзники будутъ въ состояніи ее поддержать. Это было сказано въ мартѣ. Австрійское требованіе помѣчено 3-мъ іюня; слѣдовательно числа совпадали довольно близко. Условіе, предсказанное Буркенэ, осуществлялось съ такой же точностью. Вѣнскій кабинетъ заканчивалъ свои приготовленія; къ 1-му іюля, т.-е. къ тому дню, когда долженъ былъ получиться нашъ отвѣтъ, онъ могъ бы выставить противъ насъ 182,000 пѣхоты, 36,000 кавалеріи, 376 пушекъ. Съ своей стороны, союзники усиленно старались выдвинуть свои силы; 35,000 было собрано въ Варнѣ. Неожиданныя замедленія происходили отъ небрежности турокъ, которые, несмотря на свои обѣщанія, не заготовили никакого продовольствія. Союзники, истребляемые холерой, въ разоренной странѣ, терпѣли огромныя затрудненія. Тѣмъ не менѣе, въ виду столь точнаго совпаденія чиселъ и фактовъ, нельзя не допустить здѣсь предумышленности.

Гр. Буоль полагалъ, что уже наступила минута обнаружить движенія, которыя должны были насъ herausmanövriren изъ княжествъ, удалить войну отъ Дуная и сдѣлать его обладателемъ предмета спора, предоставляя воюющимъ сторонамъ истощать свои силы въ трудной борьбѣ, въ которой Австрія ничего не теряла, а выигрывала очень много. Австрійскій министръ переходилъ за предѣлы цѣли, намѣченной княземъ Меттернихомъ. Тотъ говорилъ: „Интересъ Австріи въ этомъ кризисѣ заключается въ томъ, чтобы всѣмъ мѣшать, для того, чтобы никому не было пользы отъ войны, которая истощитъ и побѣдителей, и побѣжденныхъ". Гр. Буоль считалъ болѣе искуснымъ доставить одной Австріи всѣ выгоды войны.

Вѣнскій кабинетъ съ тревогой ожидалъ нашего отвѣта на его требованіе. Онъ старался добиться нашего согласія на очищеніе княжествъ всевозможными обѣщаніями и увѣреніями. Въ разговорѣ съ нашимъ представителемъ, генералъ Гессъ выразилъ сожалѣніе, что ему приходится дѣйствовать противъ насъ. Онъ увѣрялъ, что, какъ скоро мы очистимъ княжества, императоръ Францъ-Іосифъ будетъ дѣятельно заботиться о мирномъ исходѣ дѣла. Самъ графъ Буоль признавалъ, что Австріи больше нечего будетъ у насъ просить. Онъ долженъ будетъ заявить союзникамъ, что имъ слѣдуетъ, не понуждая Россіи къ унизительному миру, принять условія, какія Австрія сочтетъ справедливыми. Генералъ Гессъ давалъ честное слово, что у Австріи нѣтъ такого обязательства съ Западомъ, которое заставляло бы ее принять дѣятельное участіе въ борьбѣ, хотя, по его словамъ, графъ Буоль былъ всей душой преданъ Франціи. Онъ заявлялъ, что эвакуація, для того, чтобы быть удовлетворительной, должна быть полной и не ограничиваться одной Малой Валахіей; но онъ признавалъ, что, осуществивъ ее, мы будемъ имѣть право разсчитывать на немедленное прекращеніе враждебныхъ дѣйствій. Однако, онъ прибавлялъ, что, несмотря на это и въ-разрѣзъ съ своимъ потрясеннымъ финансовымъ положеніемъ, Австрія должна будетъ удержать подъ ружьемъ 400,000 человѣкъ до заключенія мира.

Рѣшеніе, принятое въ то время императорскимъ кабинетомъ, снять осаду Силистріи и произвести отступленіе нашихъ войскъ, поставило австрійское правительство въ величайшее затрудненіе. Императоръ Николай далъ приказъ нашему представителю въ Вѣнѣ предупредить австрійское правительство, что это движеніе предпринято нами не въ видѣ уступки желаніямъ Австріи и Германіи, а въ видѣ произвольнаго стратегическаго движенія. Это

значило охранять наше достоинство, но опускать политическую цѣль.

Узнавъ о такомъ рѣшеніи и находясь подъ впечатлѣніемъ его стратегическаго характера, графъ Буоль былъ въ недоумѣніи относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Занятіе княжествъ до полученія нашего отвѣта было бы безполезнымъ вызовомъ; предоставленіе этихъ областей самимъ себѣ обѣщало для нихъ или анархію, или вступленіе турокъ и ихъ союзниковъ, чѣмъ уничтожалась бы главная цѣль Австріи—завладѣть княжествами въ видѣ залога и, такимъ образомъ, удалить войну отъ предѣловъ Германіи.

Затрудненія Австріи увеличивались еще твердымъ положеніемъ Пруссіи. Названная держава только-что реализировала половину займа въ 30 милліоновъ талеровъ, вотированныхъ палатами. Но она противилась всѣмъ попыткамъ Австріи привлечь ее къ военнымъ демонстраціямъ противъ насъ. Она болѣе всего желала мира и болѣе всего боялась столкновенія между нашими и австрійскими войсками, что̀ могло бы втянуть Германію въ войну противъ ея воли. Она прямо заявила вѣнскому кабинету, что, если тотъ займетъ Валахію до полученія нашего отвѣта на его требованіе, Пруссія будетъ считать конвенцію 20-го апрѣля уже болѣе несуществующей. Такое заявленіе было внушено вполнѣ честнымъ намѣреніемъ. Но, быть можетъ, для нашихъ интересовъ было бы лучше, еслибы берлинскій кабинетъ допустилъ Австрію вступить въ княжества и воспользоваться этимъ, чтобы освободиться отъ обязательствъ 20-го апрѣля.

Какъ бы то ни было, графъ Буоль подписалъ 2 (14) іюня конвенцію съ Портой относительно занятія нѣкоторыхъ частей Оттоманской имперіи. Возможность такого занятія, ограничиваясь сперва Верхней Албаніей, въ виду смутъ на греческой границѣ, распространялась на Герцеговину и княжества. Время оккупаціи не было назначено. Говорилось только, что Австрія сперва испробуетъ до конца путь переговоровъ и демонстрацій, которые могли бы вызвать наше отступленіе. Она должна была поддержать порядокъ вещей, гарантированный названнымъ областямъ привилегіями, дарованными Портой, и обязывалась не входить ни въ какіе переговоры съ нами иначе, какъ на основѣ независимости и неприкосновенности Турціи. Однако, графъ Буоль отступилъ передъ угрозой Пруссіи; онъ намѣренно медлилъ ратификовать конвенцію съ Турціей, для того, чтобы не стать въ ложное положеніе съ той или съ другой стороны, и отложить оккупацію до полученія нашего отвѣта.

Когда отвѣтъ былъ полученъ, императоръ Францъ-Іосифъ принялъ его довольно благосклонно. Его привезъ князь Горчаковъ, котораго императоръ Николай только-что назначилъ на постъ своего представителя въ Вѣнѣ, замѣстивъ имъ барона Мейендорфа. Императоръ Францъ-Іосифъ увѣрилъ его, что онъ хотѣлъ придти къ соглашенію съ нами, что наши предложенія будутъ поддержаны въ Лондонѣ и въ Парижѣ и что онъ отмѣнитъ приказъ, данный австрійскимъ войскамъ—вступить въ княжества до выступленія нашихъ войскъ.

Пруссія, дѣйствительно, заявила полное удовлетвореніе нашимъ отвѣтомъ. Король рѣшился поддержать его въ Лондонѣ и въ Парижѣ, для того, чтобы устранить отъ переговоровъ личныя увлеченія графа Буоля и Буркенэ. Такимъ образомъ, положеніе оставалось неопредѣленнымъ. Съ своей стороны, гр. Буоль отрицалъ значеніе нашего рѣшенія, такъ какъ мы приняли его въ видѣ стратегической мѣры, а не въ видѣ удовлетворенія интересовъ Германіи. Изъ уваженія къ Пруссіи онъ согласился, однако, отправить въ Лондонъ депеши, поддерживавшія наши предложенія. Но онъ разсчитывалъ на отказъ западныхъ державъ, давленію которыхъ онъ вновь вполнѣ подчинялся, и громко говорилъ о томъ, что чрезъ двѣ недѣли вступитъ въ Валахію.

Пруссія настойчиво совѣтовала намъ избѣгать всякаго столкновенія и предоставить, въ случаѣ разрыва, починъ враждебныхъ дѣйствій Австріи. Такое соображеніе казалось ему существенно важнымъ для нравственнаго дѣйствія на Германію.

Отсюда можно видѣть, насколько тогдашнее положеніе дѣлъ было натянуто. Серьезность его указывалась нашимъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ. Австрія,—говорилъ онъ,—подготовляется къ августу для того, чтобы поступить сообразно исходу нынѣшнихъ переговоровъ. Изъ Лондона и Парижа ожидается уклончивый отвѣтъ. Едва-ли возможно, чтобы эти державы отступили въ тотъ моментъ, когда ихъ войска готовы перейти Дунай вслѣдъ за турками и когда французская бригада готовится къ отплытію изъ Калэ въ Балтійское море. Что же сдѣлаетъ Австрія? Ей остается только выборъ между нарушеніемъ конвенціи съ Портой и немедленнымъ вступленіемъ въ княжества. Послѣднее было вѣроятнѣе, хотя она и колеблется переступить пропасть между демонстраціей и войной. Она хотѣла бы повременить, но турки уже перешли Дунай при Журжевѣ и аттаковали нашъ арьергардъ. Вторженіе союзниковъ въ Валахію было неминуемо, а Австрія не хотѣла бы быть предупрежденной. Если мы будемъ разбиты, она отдѣлается отъ насъ, не нанеся ни одного удара. Если мы

будемъ имѣть успѣхъ, давленіе Запада будетъ тѣмъ сильнѣе въ Вѣнѣ, чтобы повести къ дѣятельному участію Австріи. Она уже сосредоточиваетъ въ Буковинѣ и въ Галиціи такія силы, которыя дѣлаютъ наше положеніе весьма критическимъ. Поэтому для насъ было бы предпочтительнымъ вполнѣ удалиться изъ княжествъ, по крайней мѣрѣ, временно. Тогда Австрія была бы вынуждена заявить себя удовлетворенной. Мы остались бы въ оборонительномъ положеніи предъ нею, ограничиваясь тѣмъ, что парализовали бы проекты союзниковъ на Кавказѣ и въ Крыму.

Съ своей стороны, главнокомандующій нашей дѣйствующей арміей тревожился осложненіями, какія политика могла придать нашему военному положенію. Онъ сообщалъ князю Горчакову въ Вѣну, что положеніе его станетъ невозможнымъ, если австрійцы вступятъ въ Валахію. Нашъ представитель отвѣчалъ ему: „Дипломатически Австрія противъ насъ, если не будетъ полной эвакуаціи; добьемся ли мы условій почетнаго отступленія, или намъ откажутъ въ нихъ,—вы не можете ни въ какомъ случаѣ оставаться въ положеніи, которое сами объявляете невозможнымъ".

У насъ затрудненія были не менѣе значительны. Въ политическомъ отношеніи императорскій кабинетъ проникся, согласно донесеніямъ нашихъ агентовъ, необходимостью обезоружить Германію, удовлетворивъ ея интересы, для того, чтобы не имѣть противъ себя коалиціи всей Европы. Но въ военномъ отношеніи императоръ Николай предвидѣлъ также, какой неудобный характеръ для насъ приметъ борьба въ тотъ день, когда, отказавшись отъ нашей стратегической позиціи въ княжествахъ, мы будемъ приведены къ невыгодной оборонѣ, ограничиваясь выжиданіемъ ударовъ, какіе наши противники пожелаютъ намъ нанести, не имѣя возможности возвратить ихъ. Независимо отъ такихъ соображеній, императоръ Николай возмущался отступленіемъ передъ угрозами Австріи. Негодованіе брало верхъ надъ благоразуміемъ, и до послѣдняго момента, даже послѣ возвращенія нашихъ войскъ на русскую территорію, онъ желалъ сохранить мостовыя сооруженія на другой сторонѣ Прута, чтобы поддержать чисто-стратегическій и временный характеръ нашей эвакуаціи.

Такая щекотливость, безъ сомнѣнія, оправдывалась чувствами, какія намъ долженъ былъ внушать образъ дѣйствій Австріи. Однако, она подлежала возраженію съ политической и военной точки зрѣнія. Какъ скоро мы признали необходимость удовлетворить интересы Германіи, слѣдовало сдѣлать это открыто, даже громко провозглашая такое снисхожденіе къ ея желаніямъ. Это было единственное средство воспользоваться плодами упомянутой

жертвы, отнявъ всякій предлогъ для козней графа Буоля. Въ стратегическомъ смыслѣ, намъ слѣдовало принять рѣшеніе безъ всякаго колебанія. Такъ какъ потеря нашей наступательной военной позиціи въ княжествахъ обрекала насъ на одну оборону, слѣдовало направить всѣ наши усилія на пункты, угрожаемые союзниками, и болѣе всего на Крымъ. Отозвавъ всѣ наши войска отъ австрійскихъ границъ и стянувъ ихъ въ Крымъ, мы уничтожили бы всякую возможность столкновенія между названной державой и нами. Могли ли мы думать, что вѣнскій кабинетъ рѣшится перейти къ наступленію на насъ, въ виду нашего разоруженія передъ нимъ? Вся Германія возстала бы противъ такого нападенія.

Впрочемъ, гр. Буоль и не хлопоталъ о войнѣ съ нами. Онъ боялся ея; общественное мнѣніе въ Австріи, въ арміи, въ Венгріи, въ славянскихъ странахъ и въ Сербіи не позволяло ему думать о ней. Вся его тактика заключалась въ политико-стратегическихъ мѣрахъ, цѣлью которыхъ было держать насъ въ тревогѣ и тѣмъ парализовать наши дѣйствія. Мы лучше всего подорвали бы его хитрости, еслибы выказали полное довѣріе къ Австріи. Даже и тогда, еслибы она рѣшилась занять нѣкоторыя части нашей территоріи, время сведенія счетовъ съ нею наступило бы позже. Между тѣмъ, еслибы мы сосредоточили всѣ наши силы въ Крыму, мы оказались бы въ силахъ дать союзникамъ жестокій урокъ, который произвелъ бы на настроеніе вѣнскаго кабинета болѣе рѣшительное дѣйствіе, чѣмъ демонстраціи, приносившія намъ не пользу, а вредъ, такъ какъ онѣ ослабляли насъ.

Компетентныя военныя лица держались того мнѣнія, что всю нашу дунайскую армію слѣдуетъ направить въ Крымъ. Кн. М. Д. Горчаковъ понялъ эту необходимость, когда, еще не получивъ приказанія, онъ двинулъ корпусъ генерала Данненберга на Севастополь, рискуя ослабить себя. Прибытіе упомянутаго корпуса повело къ Инкерманской битвѣ, несчастный исходъ которой зависѣлъ отъ исключительныхъ обстоятельствъ, а успѣхъ которой обѣщалъ громадную важность. Въ побѣдѣ не могло бы быть сомнѣнія, еслибы вмѣсто одного корпуса была двинута вся дунайская армія. Но у насъ былъ моментъ нерѣшительности и потеряннаго времени.

Рѣшеніе важныхъ военныхъ вопросовъ и послѣдствій, какія могли бы произойти отъ нихъ въ ходѣ войны, не входитъ въ нашу задачу. Ограничиваясь указаніемъ ихъ, мы возвращаемся къ политическому положенію.

Оно выступаетъ въ первыхъ депешахъ кн. А. М. Горчакова.

Онъ прибылъ въ Вѣну при крайне натянутомъ положеніи, характеръ котораго обозначенъ нами выше. Эта натянутость заключалась не только въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ доносили въ своихъ депешахъ баронъ Мейендорфъ и графъ Стакельбергъ, но и въ томъ впечатлѣніи, подъ которымъ кн. А. М. Горчаковъ оставилъ Петербургъ. Прощаясь съ нимъ, императоръ Николай сказалъ ему: „Вручаю вамъ честь мою и Россію. Я довѣряю вамъ, но не надѣюсь, чтобы ваши усилія привели къ чему-нибудь, и ожидаю, что вы вернетесь чрезъ мѣсяцъ съ извѣстіемъ о нашемъ разрывѣ съ Австріей". Проѣзжая чрезъ Варшаву, князь видѣлся съ генераломъ Ридигеромъ, который упрашивалъ его протянуть дѣло еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, чтобы дать намъ время приготовиться. Въ той мѣстности ничего не было готово, и генералъ Ридигеръ, инспектировавшій передъ тѣмъ крѣпости, нашелъ ихъ лишенными всякихъ запасовъ.

Подробности перваго свиданія кн. Горчакова съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и его министромъ иностранныхъ дѣлъ должны быть прочтены въ подлинникѣ. Онъ сообщалъ намъ, что, при полученіи нашего отвѣта на австрійское требованіе, первою мыслью графа Буоля было подвергнуть его рѣшенію конференціи, гдѣ за насъ былъ бы только голосъ Пруссіи. Берлинскій кабинетъ воспротивился тому; какъ мы говорили, онъ хотѣлъ устранить отъ переговоровъ пристрастное увлеченіе гр. Буоля и Буркенэ. Гр. Мантейфель былъ посланъ въ Вѣну; онъ нашелъ главу австрійскаго кабинета болѣе упорнымъ, чѣмъ когда-либо. „Княжества не очищены,—говорилъ онъ,—Россія ничего не уступила". Буркенэ заявлялъ, съ своей стороны, что если Пруссія откажется отъ конференціи, она состоится съ тремя участниками. Прусскіе уполномоченные, побуждаемые нашимъ представителемъ, держались твердо и отказались отъ конференціи. Къ тому же мнѣнію присоединился и императоръ Францъ-Іосифъ, вслѣдствіе чего гр. Буоль долженъ былъ уступить. Для насъ было бы выгоднѣе, еслибы Пруссія, устраненная отъ конференціи, отказалась отъ договора 20-го апрѣля, но опытъ показалъ, что король противился энергичнымъ рѣшеніямъ.

Князь Горчаковъ желалъ выйти изъ такой натянутости въ отношеніяхъ, вновь вступить на путь личныхъ связей, заставить слушать себя и получать отвѣты. До тѣхъ поръ, онъ долженъ былъ только передать предложенія, которыя привезъ. Онъ надѣялся, что ихъ будутъ обсуждать вмѣстѣ съ нимъ, когда получатся отвѣты изъ Лондона и Парижа. Въ ожиданіи того, онъ рѣшился подготовить почву для установленія лучшихъ отношеній.

Смыслъ инструкцій, данныхъ представителю Австріи въ Лондонѣ, оставался неизвѣстнымъ. Но нашъ представитель узналъ косвеннымъ путемъ, что графъ Буоль, вѣрный своему политическому маккіавелизму, указалъ наше опущеніе относительно четвертаго пункта протокола 9-го апрѣля, т.-е. требованія гарантій для европейскаго равновѣсія. Было весьма важно столковаться, въ чемъ должны были заключаться эти гарантіи. Князь Горчаковъ обратился къ графу Буолю. Спутанный отвѣтъ послѣдняго указывалъ, что у него не было опредѣленнаго мнѣнія, и онъ дѣйствовалъ по внушеніямъ Буркенэ, который одинъ зналъ, чтó дѣлаетъ.

Графъ Буоль замкнулся въ дипломатическія ухищренія, откуда нашъ представитель старался его вывести. Такимъ образомъ, произошелъ слѣдующій разговоръ:

Князь Горчаковъ. — Говорятъ, что Австрія, сдѣлавшись непримиримымъ врагомъ Россіи, ищетъ спасенія только на Западѣ.

Графъ Буоль. — Я это отрицаю.

Князь Горчаковъ. — Я дѣлаю больше; я опровергаю это утвержденіе. Между нами существуетъ только недоразумѣніе. Наши государи хранятъ тѣ-же взаимныя чувства, какъ и въ прошлое время; постоянные интересы обоихъ государствъ остаются тождественными. Станемъ на эту почву, потому что, если мы сдѣлаемъ еще одинъ шагъ, у насъ будетъ война.

Графъ Буоль (съ испугомъ).—Мы никогда не нападемъ на васъ.

Князь Горчаковъ. — Но если вы вступите въ княжества и потребуете отъ нашего главнокомандующаго уступить вамъ мѣсто, а онъ вамъ откажетъ,—развѣ это не война?

Графъ Буоль.—Нѣтъ! Мы заставили бы васъ очистить территорію, которою вы завладѣли силой и куда мы входимъ съ разрѣшенія Порты. Мы остановились бы передъ вашими границами. Если вы на насъ нанадете, противъ васъ будетъ весь Германскій союзъ, присоединившійся къ конвенціи 8-го апрѣля.

Князь Горчаковъ.—Это не существенная разница. Когда раздаются выстрѣлы, — это уже война, братоубійственная война, первая между нами, потому что въ 1809 году была только комедія. Что касается Сейма, онъ не допуститъ вашего толкованія. Союзъ есть договоръ объ оборонѣ. Чтобы поднять его силы, надо подвергнуться нападенію, а вы будете наступающей стороной.

Графъ Буоль. — Это исключительный случай, чтó я не скрывалъ отъ Сейма. Онъ знаетъ, что онъ заключилъ невыгодную сдѣлку, но онъ ее принялъ.

Князь Горчаковъ. — Мы сдѣлали всевозможныя уступки въ виду достойнаго соглашенія. Я знаю, что вы не можете хотѣть войны, но, вѣрьте мнѣ, вы идете къ ней, не подозрѣвая того, такъ же вѣрно, какъ то, что вы видите меня передъ собою. Если мы уладимъ наши разногласія, и западныя державы нападутъ на васъ въ Италіи, вмѣстѣ съ вами будетъ вся Германія и поддержка нашихъ силъ. Слѣдовательно, вамъ нечего будетъ бояться, и вы удержите за собою союзъ, освященный сорока годами мира. Если, напротивъ, вы присоединитесь къ нашимъ врагамъ, допуская даже, что Россія будетъ вынуждена къ невыгодному миру, вы будете имѣть позади себя прежняго друга, проникнутаго справедливымъ негодованіемъ, 60 милліоновъ оскорбленныхъ людей, готовыхъ подняться по волѣ одного. Однако, вамъ нужно будетъ жить съ нимъ вмѣстѣ, потому что вы не сотрете Россіи съ карты. Вамъ придется вѣчно оставаться съ оружіемъ въ рукахъ; въ силахъ ли вы это сдѣлать?

Графъ Буоль. — Оставимъ войну и поговоримъ о мирѣ, котораго я желаю и на который надѣюсь. Я буду искренно стараться о немъ. Неужели вы думаете, что упрекъ въ черной неблагодарности не тяготитъ меня? Оставьте меня дѣйствовать. Пруссія приноситъ вамъ вредъ своей неустойчивостью, которая лишаетъ ее всякаго довѣрія. Она ничего не можетъ сдѣлать ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ. Я поступаю иначе. Удаленныя отъ васъ, замкнутыя въ коллективномъ соглашеніи, Англія и Франція разсчитываютъ на мои принципы. Я воспользуюсь этимъ. Въ послѣднюю минуту я найду такое слово, которое остановитъ преувеличенныя требованія. Ради того, я долженъ избѣгать даже видимости соглашенія съ вами. Вотъ почему я не сообщилъ вамъ о нашихъ инструкціяхъ, посланныхъ въ Лондонъ. Онѣ разъясняютъ гарантіи, упомянутыя въ протоколѣ 9-го апрѣля. Я надѣюсь не на отказъ, а на дружескій разговоръ. Иначе мы вамъ передадимъ отвѣтъ, не присоединяясь къ нему. Но есть пунктъ, затрогивающій честь императора: намъ нужна эвакуація, быть можетъ, даже въ опредѣленный срокъ.

Князь Горчаковъ. — Это будетъ рѣшительный моментъ. Мы вамъ обѣщали очищеніе княжествъ; слѣдовательно вашъ принципъ остается въ своей силѣ. Что касается до исполненія, я обращусь къ чувству чести вашего государя.

Графъ Буоль.—Отложимъ это дѣло до полученія вашего отвѣта. Я надѣюсь, мы найдемъ средство примирить честь обоихъ государей и интересы обѣихъ странъ.

Мы не будемъ увеличивать этихъ цитатъ. Приведенной нами

достаточно, чтобы подтвердить откровенность нашего тона и умствованія австрійской дипломатіи, которыя были ей особенно по душѣ, отчасти для того, чтобы скрывать ея тайные замыслы, отчасти изъ природной склонности главы кабинета къ темнымъ и извилистымъ путямъ.

Въ ожиданіи отвѣта западныхъ державъ на наши предложенія, Пруссія заявила себя удовлетворенной. Германія раздѣляла такое чувство; она отвергала насильственное толкованіе, какое графъ Буоль хотѣлъ придать присоединенію Сейма къ апрѣльскому договору.

Вѣнскій кабинетъ, отказавшійся вступить въ княжества, пока мы будемъ тамъ находиться, имѣлъ еще другія причины для колебанія. Дѣйствительно, союзники оставили за собой право свободнаго передвиженія въ княжествахъ, несмотря на присутствіе австрійскихъ войскъ. Кромѣ того, наша перемѣна фронта въ Молдавіи, угрожавшая Австріи, заставляла ее сосредоточиться въ Буковинѣ. Твердый тонъ князя Горчакова уничтожилъ заблужденіе, какимъ обольщалъ себя гр. Буоль, будто угрожающее положеніе не поведетъ за собой войны. Вступленіе въ Валахію стало невозможнымъ. Еслибы оккупація совершилась, она могла бы быть только въ Молдавіи. Но Пруссія заявляла, съ своей стороны, что она сочла бы союзъ 20-го апрѣля расторгнутымъ, еслибы Австрія произвела нападеніе на насъ, послѣ нашихъ примирительныхъ предложеній.

При такихъ обстоятельствахъ было получено по телеграфу извѣстіе о нашемъ полномъ очищеніи княжествъ. Приказъ государя князю Горчакову былъ самый положительный. Онъ долженъ былъ объявить объ этой мѣрѣ, какъ о мѣрѣ стратегической.

Упомянутая новость была принята въ Вѣнѣ съ живѣйшей радостью. Князя Горчакова увѣряли, что въ княжества будетъ введено лишь небольшое количество войскъ, для поддержанія порядка, но что австрійскія войска вступятъ лишь по удаленіи нашихъ, по соглашенію между главнокомандующими, съ нашего согласія и при самыхъ вѣжливыхъ формахъ. Приказъ о передвиженіи войскъ изъ Италіи былъ немедленно отмѣненъ. Завѣдывать оккупаціей долженъ былъ генералъ Гессъ. Въ разговорѣ съ нашимъ представителемъ, онъ сказалъ, что отправляется туда съ сердцемъ, обливающимся кровью, уступая только своему долгу, что выборъ его государя остановился на немъ вслѣдствіе его привязанности къ намъ, и что онъ надѣется на возстановленіе нашихъ отношеній.

Тѣмъ не менѣе, императоръ Николай категорически откло-

нилъ эти разъясненія, которыя не внушали никакого довѣрія. Онъ предписалъ князю Горчакову повторить еще разъ, что очищеніе княжествъ было дѣйствіемъ его личной воли, и отказаться отъ всякихъ сообщеній на этотъ счетъ. Подобная недовѣрчивость была вполнѣ основательна. Немедленно послѣ того, какъ графъ Буоль говорилъ о согласіи съ нами, онъ заявилъ, что вступитъ въ княжества даже и противъ нашего желанія. Военныя мѣры, отмѣненныя съ такимъ шумомъ, оставались, въ сущности, безъ измѣненія. У Австріи было до 250,000 человѣкъ подъ ружьемъ, и она присоединялась къ Западу, чтобы требовать новыхъ гарантій. Къ несчастью, Пруссія, твердость которой начинала ослабѣвать, становясь въ противорѣчіе съ своими предшествующими заявленіями, присоединилась къ тѣмъ же требованіямъ. Вѣнскій кабинетъ, гордый своими успѣхами, убѣжденный, что ему были обязаны снятіемъ осады Силистріи и очищеніемъ княжествъ, дерзко объявлялъ, что мы еще уступимъ передъ его демонстраціями.

Князь Горчаковъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ въ своемъ отчетѣ эти новыя обстоятельства. Графъ Буоль, въ отвѣтъ на наше предложеніе, получилъ почти тождественныя ноты изъ Лондона и Парижа. Онъ уклонился отъ прочтенія ихъ нашему представителю и прямо препроводилъ ихъ въ Петербургъ, ограничившись сообщеніемъ ему краткаго содержанія ихъ. Означенные документы заключали въ себѣ гарантіи, требуемыя западными державами. Гарантіи были разсчитаны на то, чтобы удовлетворить всѣ тайныя желанія Австріи, прикрываемыя требованіями морскихъ державъ. Буркенэ, который, узнавъ о нашей эвакуаціи, воскликнулъ: „это—крушеніе нашихъ лучшихъ надеждъ!“—вскорѣ вернулся къ своей обычной увѣренности. Онъ и лордъ Уэстморлэндъ поспѣшили препроводить тождественныя ноты, для того, чтобы лучше опутать австрійскаго министра сѣтью дипломатическихъ нотъ и протоколовъ, въ которой онъ полагалъ всю геніальность государственнаго человѣка. Графъ Буоль поддался заблужденію—достигнуть своей цѣли, т.-е. связать свое имя съ воображаемыми выгодами, какими онъ долженъ былъ надѣлить Австрію, не рискуя войной, страшившей его болѣе, чѣмъ кого бы то ни было, но посредствомъ простого давленія, оказываемаго имъ на насъ вмѣстѣ съ нашими противниками.

Такимъ образомъ уничтожались надежды, питаемыя императорскимъ кабинетомъ. Мы могли думать, что, послѣ нашего добровольнаго рѣшенія удовлетворить желаніямъ и интересамъ Германіи, Австрія вступитъ, наконецъ, на путь разумной поли-

тики. Слова императора Франца-Іосифа, радость, какую онъ обнаружилъ, узнавъ о нашемъ отступленіи, отмѣненныя имъ военныя мѣры, все поддерживало такое заблужденіе. При первомъ свиданіи съ кн. Горчаковымъ, онъ высказалъ ему самыя дружественныя увѣренія. Онъ велѣлъ ихъ повторить ему при своемъ отъѣздѣ въ Ишль, куда его призывала смерть короля саксонскаго, прося передать императору Николаю удовольствіе, какое ему доставлялъ этотъ первый шагъ, и надежду, что послѣдствія его вскорѣ возвратятъ ему отрадное чувство старинной и дорогой близости. Такія заявленія, въ концѣ концовъ, оказались только фразами.

Было очевидно, что гр. Буоль старался воспользоваться нашей эвакуаціей, чтобы скрѣпить еще больше связи Австріи съ западными державами. Онъ упорно держался своей системы видѣть въ нашихъ мирныхъ намѣреніяхъ только средство вынуждать отъ насъ одну уступку за другой, даже не указывая предѣловъ, гдѣ должны остановиться его требованія. Въ то время онъ, повидимому, слѣпо разсчитывалъ на наше согласіе и, противопоставляя такую увѣренность сомнѣніямъ, возникавшимъ въ умѣ его государя, онъ поддерживалъ въ немъ надежду на скорое возстановленіе нашихъ близкихъ отношеній. Альвенслебенъ, отправившійся въ Ишль, нашелъ императора Франца-Іосифа полнымъ иллюзій—радости по поводу нашей эвакуаціи и надежды, что мы примемъ четыре пункта. Настало время положить конецъ такой системѣ.

Въ ожиданіи рѣшеній императорскаго кабинета, князь Горчаковъ хранилъ молчаніе, весьма безпокоившее гр. Буоля. Послѣдній старался придать себѣ увѣренность воинственнымъ тономъ оффиціальной печати, но, въ сущности, онъ испытывалъ большую тревогу. Онъ надѣялся возобновить отношенія, пользуясь нашимъ отступленіемъ изъ княжествъ и вѣжливой оккупаціей генерала Гесса. Тотъ долженъ былъ снестись съ главнокомандующимъ нашихъ войскъ для того, чтобы сообразовать свои движенія съ нашими. Но наше угрожающее молчаніе уничтожало эту надежду.

Въ разговорѣ съ кн. Горчаковымъ, гр. Буоль останавливался на стратегическомъ характерѣ нашего отступленія. Онъ попросилъ объясненія этого слова. Нашъ представитель отвѣтилъ, что оно означаетъ простую военную мѣру. „Но въ такомъ случаѣ,—сказалъ графъ Буоль,—такая мѣра могла бы быть одинаково направлена и противъ насъ“.—„Безъ сомнѣнія,—возразилъ нашъ представитель,—отъ вашего образа дѣйствій будетъ зави-

сѣть, чтобы мы придали ей именно такой смыслъ". Князь Горчаковъ замѣтилъ также, что вступленіе австрійскихъ войскъ въ княжества парализуетъ дѣйствія нашей арміи и предоставитъ весьма важную выгоду нашимъ врагамъ: чувствуя себя безопасными съ той стороны, они могутъ направить всѣ свои силы на такой пунктъ нашей территоріи, какой изберутъ для того, чтобы угрожать намъ. Онъ прибавилъ, что такъ какъ Австрія не была воюющей державой, то, по всей справедливости, она должна была бы взамѣнъ выгоды, какую она доставляла нашимъ противникамъ, выговорить у нихъ, чтобы они не оставляли своихъ настоящихъ позицій. „Не наше дѣло,—отвѣтилъ графъ Буоль, —указывать союзникамъ планъ ихъ кампаніи".

Таковы были наши отношенія. Однако, нѣмецкіе представители въ Вѣнѣ тревожились ими. Имъ было приказано сблизиться съ нами. Въ своихъ разговорахъ съ ними, кн. Горчаковъ развивалъ одну и ту же мысль, что, въ виду удовлетворенія, даннаго нами нѣмецкимъ интересамъ, Союзъ не долженъ былъ имѣть ничего общаго съ враждебностью по отношенію къ намъ и долженъ былъ присоединиться къ Пруссіи.

Нашъ представитель развивалъ тѣ же воззрѣнія въ письмѣ особой важности къ барону Будбергу въ Берлинъ, которое было представлено королю. Къ несчастью, Пруссія въ тотъ моментъ успѣла выказать новый примѣръ своей нерѣшимости, присоединившись къ четыремъ пунктамъ предложеній западныхъ державъ; такое проявленіе слабости доставило гр. Буолю средство вновь поддержать ослѣпленіе императора Франца-Іосифа.

Замѣчательно, что тѣ же иллюзіи поддерживались представителями и Австріи, и Пруссіи въ Петербургѣ. Оба увѣряли, что мы дадимъ свое согласіе. Однако, всѣ донесенія нашихъ агентовъ должны были отклонить насъ отъ послѣдняго. Графъ Стакельбергъ сообщалъ намъ, что Германія нерасположена и неготова къ войнѣ. Австріи пришлось бы уступить въ виду банкротства и возможности революціи въ Италіи и Венгріи. Слѣдовательно намъ нужно было держаться крѣпко и защищаться у себя дома, въ надеждѣ, что осложненія не замедлятъ придти къ намъ на помощь. Князь Горчаковъ полагалъ, что намъ слѣдовало придерживаться основаній протокола 9-го апрѣля, которыя мы приняли и которыми Пруссія была удовлетворена. Подобный отвѣтъ парализовалъ бы колебанія берлинскаго кабинета и усилія гр. Буоля увлечь его за собою.

Наконецъ, дерзкая депеша Друэнъ-де-Люиса и статья „Moniteur'а" придали предложеніямъ западныхъ державъ толкованіе,

дѣлавшее ихъ неосуществимыми, такъ какъ они требовали ограниченія нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ.

Между тѣмъ извѣстія, доходившія съ театра войны, были вовсе не въ пользу нашихъ противниковъ. Они нашли въ Варнѣ опустошенную страну и полное отсутствіе продовольствія. Недостатокъ перевозочныхъ средствъ не позволялъ имъ двигаться дальше. Болгары ломали колеса своихъ повозокъ и калѣчили своихъ быковъ, чтобы не служить нашимъ врагамъ. Для послѣднихъ снятіе осады Силистріи было громаднымъ облегченіемъ. Въ Добруджѣ свирѣпствовала холера; экспедиція, которую союзники попробовали сдѣлать въ ту сторону, окончилась бѣдственно. Французская армія упала духомъ, будучи проникнута убѣжденіемъ, что она шла только вслѣдъ за англичанами. Маршалъ Сентъ-Арно проектировалъ высадку въ Крыму съ 50,000 человѣкъ. Это была отчаянная попытка; ею все ставилось на карту, и армія ей не довѣряла. Для осуществленія ея ожидали нашего отвѣта на встрѣчныя предложенія Запада, опасаясь, что перемиріе прерветъ военныя дѣйствія.

При такихъ обстоятельствахъ былъ полученъ отвѣтъ императорскаго кабинета въ Вѣнѣ. Онъ былъ вѣжливъ, но твердъ, и заключалъ въ себѣ рѣшительный отказъ. Дѣйствіе, произведенное имъ, было тѣмъ значительнѣе, что всѣ ожидали противнаго. Прусскій король отнесся къ нему съ полной справедливостью и взялся поддерживать его въ Вѣнѣ. Графъ Буоль былъ совершенно сбитъ съ толку. Императоръ Францъ-Іосифъ отнесся сурово къ своему министру. Онъ не хотѣлъ разрыва съ нами и приказалъ ему найти выходъ изъ этого затрудненія.

Въ Вѣнѣ видимо отдалялись отъ западныхъ державъ, заявляя, что четыре предложенія были высшей мѣрой требованій Австріи. Гр. Буоль надѣялся на содѣйствіе берлинскаго кабинета для возобновленія переговоровъ. Когда кн. Горчаковъ привезъ къ нему нашъ отвѣтъ, австрійскій министръ сказалъ ему, что у насъ неправильно понимали четыре предложенія. Они были результатомъ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, цѣлью которыхъ было уменьшить преувеличенныя требованія союзныхъ державъ, и вѣнскій кабинетъ могъ достигнуть такихъ результатовъ, только принявъ въ нихъ участіе.

На другой день произошли очень оживленныя свиданія съ французскимъ и англійскимъ послами. Князь Горчаковъ, ожидавшій своей очереди для свиданія съ министромъ, видѣлъ, какъ первый изъ названныхъ пословъ вышелъ отъ него блѣдный отъ гнѣва, а второй — совершенно безстрастнымъ.

Гр. Буоль имѣлъ видъ полнаго отчаянія. „Императоръ,—сказалъ онъ,—испытываетъ величайшую скорбь по тому поводу, что онъ не только ошибся въ надеждѣ на миръ, но и на возстановленіе своихъ прежнихъ отношеній съ Россіей. Четыре предложенія были только основами для обсужденій. Каждый истолковывалъ бы ихъ по своему, и Австрія придала бы имъ смыслъ самый благопріятный для вашихъ интересовъ. Важнѣе всего было соединить противниковъ вокругъ этого стола, гдѣ вы нашли бы друзей. Вы могли бы придти къ очень многому, указавъ наглядно чрезмѣрность притязаній союзниковъ и наши разногласія съ ними".

Князь Горчаковъ. — Мы не имѣемъ надобности углубляться въ намѣренія союзниковъ. Рѣчь лорда Джона Росселя въ парламентѣ и депеша г. Друэнъ-де-Люиса къ г. Буркенэ достаточно ясны. При нашемъ первомъ свиданіи, вы сказали мнѣ: „я отдаляюсь отъ васъ для того, чтобы быть вамъ полезнымъ". Чтó же произошло изъ того? Ноты 8-го августа, которыя вы подписали съ нашими противниками, и понудительное сообщеніе въ Петербургъ, заставлявшее предвидѣть новыя требованія! И далѣе, переходъ Австріи со всѣми своими пожитками въ непріятельскій лагерь! Развѣ мы—дѣти, чтобы насъ можно было бить и приговаривать: „это для вашей пользы"? Вы мнѣ указали на четыре пункта; отчего же вы не сказали, что вы письменно присоединились къ нимъ? Я бы тогда же васъ остановилъ.

Графъ Буоль.—Если мы погрѣшили противъ формы, мы просимъ вашего извиненія за это. Развѣ нѣтъ возможности столковаться? Вы ничего не говорите о княжествахъ.

Князь Горчаковъ.—Вы и безъ того поставили меня въ невозможное положеніе, давая мнѣ увѣренность на соглашеніе объ эвакуаціи. Въ настоящее время наша депеша говоритъ вамъ, что мы переходимъ на другую сторону Прута—и только.

Графъ Буоль.—Не можетъ ли генералъ Гессъ списаться съ княземъ Михаиломъ Горчаковымъ?

Князь Горчаковъ.—Это безполезно. Гессъ вступитъ въ Молдавію лишь тогда, когда мы оттуда уйдемъ. Если турки подойдутъ слишкомъ близко, мы повернемъ назадъ и побьемъ ихъ.

Графъ Буоль.—И хорошо сдѣлаете. Но императоръ разсчитываетъ на письмо, о которомъ я говорю, для того, чтобы возобновить сношенія; онъ надѣется также на Берлинъ. Впрочемъ, вашъ отвѣтъ не измѣняетъ нашего положенія. Между нами не можетъ быть вопроса о войнѣ, если вы не нападете на насъ. Я это сказалъ французскому и англійскому посламъ, прибавивъ,

что четыре пункта составляютъ крайній предѣлъ нашихъ требованій. Безъ насъ они не могутъ предпринять противъ васъ ничего серьезнаго. Помогите же намъ.

На другой день нашъ представитель сказалъ гр. Буолю: „Я обдумалъ то, что̀ мы говорили вчера. Напишите мнѣ сказанное вами относительно толкованія четырехъ пунктовъ или напишите объ этомъ Эстергази. Это произведетъ хорошее впечатлѣніе у васъ“.

Но расположеніе австрійскаго министра уже измѣнилось: онъ уже ободрился опять. Онъ подтвердилъ слова, сказанныя имъ наканунѣ, но для него, какъ для главы кабинета, написать ихъ —значило уклониться отъ нихъ. На томъ дѣло и остановилось. Графъ Буоль прибавилъ, что, по имѣющимся у него свѣденіямъ, въ Петербургѣ придавали менѣе категорическій смыслъ нашему отвѣту, и въ Берлинѣ онъ былъ менѣе рѣшительнымъ. Поэтому онъ подождетъ депешъ.

Онъ прочелъ нашему представителю иструкціи для графа Эстергази.

Князь Горчаковъ.—Это послѣдствіе вашей системы устрашенія.

Графъ Буоль.—Устрашать русскаго императора! Кто можетъ подумать объ этомъ?

Князь Горчаковъ.—Вы одинъ во всей Австріи. Но надѣюсь, что это—послѣдняя попытка.

Графъ Буоль резюмировалъ положеніе слѣдующимъ образомъ: „Россія и Австрія не будутъ воевать другъ съ другомъ. Австрія предоставитъ союзникамъ шансы борьбы, сама оставаясь свободной. Это ей обойдется не дешево, но и Россіи также. Кто вынесетъ дольше эту тяжесть? Австрія останется вѣрной своему толкованію четырехъ пунктовъ. Она отвергаетъ чрезмѣрныя притязанія союзниковъ, а именно, нелѣпое притязаніе ограничить число вашихъ кораблей въ Черномъ морѣ. Но она должна настаивать на четырехъ пунктахъ. Что до меня касается,—прибавилъ онъ,—я скорѣе попрошу меня уволить, чѣмъ уступлю относительно княжествъ. Впрочемъ, мы можемъ оставаться спокойными, потому что, фактически, мы имѣемъ уже три изъ требуемыхъ нами пунктовъ и половину четвертаго. Покровительство Россіи надъ княжествами пріостановлено, ея порты находятся въ блокадѣ, и она уже не имѣетъ вліянія на восточныхъ христіанъ“.

Въ общемъ австрійскій министръ, повидимому, былъ убѣжденъ, что, при твердой настойчивости, онъ заставитъ насъ отступить. Его прежній успѣхъ и уступки, которыя онъ послѣдова-

тельно исторгалъ отъ насъ, поддерживали его въ такомъ убѣжденіи. Онъ въ особенности разсчитывалъ на оттѣнки, существовавшіе въ нашихъ отвѣтахъ, отправленныхъ въ Вѣну и Берлинъ.

По мнѣнію кн. Горчакова, мы ничего не выиграли бы, входя въ обсужденія. Въ результатѣ всего очевидно было, что въ то время Австрія не будетъ воевать съ нами. Императоръ Францъ-Іосифъ въ этомъ отношеніи былъ откровеннѣе своего министра. Онъ былъ очень любезенъ съ барономъ Мейендорфомъ въ его прощальной аудіенціи. Онъ заявилъ, что не имѣетъ никакой причины для разрыва съ нами, съ тѣхъ поръ, какъ мы удовлетворили его требованія, и что у него нѣтъ обязательства, которое заставляло бы его взяться за оружіе для поддержанія четырехъ предложеній. Кромѣ того, берлинскій кабинетъ сдѣлалъ важное заявленіе, сообщивъ въ Вѣнѣ, что если Россія, подвергшись нападенію Австріи на своей территоріи, вынуждена будетъ вновь перейти за Прутъ, Пруссія уже не будетъ считать себя связанной договоромъ 20-го апрѣля.

Тѣмъ не менѣе, гр. Буоль продолжалъ вести двойственную игру. Передъ нами онъ былъ необыкновенно мягокъ, энергично защищая свою несправедливо заподозрѣнную добросовѣстность. Но у себя дома и передъ дипломатическимъ корпусомъ онъ обнаруживалъ радость по поводу полнаго успѣха своей политики. Онъ ожидалъ извѣстій изъ Берлина и заставлялъ свои газеты говорить: „Нѣтъ, сказанное Россіей, такъ же твердо, какъ гранитныя стѣны Бомарзунда". Однако, сообщая князю Горчакову депеши, отправляемыя имъ въ Петербургъ въ отвѣтъ на наши послѣднія сообщенія, онъ повторилъ, что Австрія вовсе не желала препроводить намъ угрожающій ультиматумъ. Единственнымъ желаніемъ ея было сблизить насъ съ морскими державами на почвѣ переговоровъ, и онъ не нашелъ другого средства склонить къ тому нашихъ противниковъ, какъ принять четыре статьи, которыя, по мнѣнію его, имѣли лишь значеніе точки отправленія. Такимъ образомъ, австрійскій министръ вновь становился благосклоннымъ примирителемъ насъ съ нашими врагами.

Между тѣмъ плоды его политики начинали созрѣвать. 4-го сентября двинулась изъ Варны первая экспедиція войскъ въ Крымъ. Экспедиціонная армія состояла изъ 25,000 англичанъ, 45,000 французовъ, 5,000 матросовъ, 5,000 тунисцевъ и 10,000 турокъ. Съ своей стороны, генералъ Гессъ получилъ приказаніе размѣстить въ сѣверной Венгріи оба галиційскіе корпуса, перевести 11-й пѣхотный корпусъ изъ Буковины въ Трансильванію

и употребить 4-й корпусъ для поспѣшнаго сооруженія желѣзной дороги изъ Кракова во Львовъ. Итакъ, гр. Буоль могъ поздравить себя съ тѣмъ, что мы вынуждены были къ оборонѣ у себя дома и не могли ничего предпринять противъ Австріи. Въ будущемъ его положеніе должно было зависѣть отъ бо́льшаго или мѐньшаго успѣха нашихъ противниковъ, находившихся на поляхъ битвъ въ Крыму; ему возможно будетъ высказаться за болѣе сильнаго и быть на-готовѣ пользоваться всѣми шансами, каковы бы они ни были.

Такое настроеніе вовсе не казалось намъ успокоительнымъ. Въ сущности, мы находили только болѣе или менѣе ясныя увѣренія, какъ въ тонѣ гр. Буоля, такъ и въ его депешахъ и циркулярахъ; онъ отклонялъ всякую мысль о томъ, что нашъ отказъ отъ четырехъ основъ можетъ быть сочтенъ за поводъ къ войнѣ, и выражалъ желаніе сблизиться съ нами, не ставя себя, однако, въ неловкое положеніе передъ Западомъ. Онъ шелъ еще далѣе. Онъ пытался предоставить намъ австрійскую оккупацію княжествъ, какъ оказанную намъ услугу. Императоръ Францъ-Іосифъ высказался въ томъ же смыслѣ фельдмаршалу Виндишгрецу, доказывая, что, благодаря этой оккупаціи, мы были свободны отвести наши войска отъ границъ и перенести наши силы на тѣ пункты нашей территоріи, которымъ угрожалъ непріятель. Но ни одинъ фактъ не давалъ положительнаго подтвержденія такихъ увѣреній, а прошлое было весьма поучительно.

Негодованіе, какое подобный образъ дѣйствій вызывалъ у насъ, къ сожалѣнію, удерживало на границахъ Австріи многочисленную армію, которая была бы гораздо полезнѣе въ Крыму. Существовалъ даже проектъ, представленный генераломъ Сумароковымъ, о томъ, чтобы идти прямо на Вѣну [1]. Записка, состав-

[1]) Таково же было мнѣніе фельдмаршала Паскевича и генерала Жомини. Послѣдній представилъ государю нѣсколько памятныхъ записокъ, въ которыхъ доказывалось:

1. Что изъ всѣхъ позицій мы избрали самую невыгодную, т.-е. оборону на линіи въ 10,000 верстъ, простирающуюся отъ Торнео до Тифлиса, перерѣзанную двумя морями, находившимися въ распоряженіи непріятеля, который имѣлъ возможность сосредоточивать свои силы, чтобы аттаковать насъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ мы были всего слабѣе.

2. Что это положеніе не имѣло ничего общаго съ 1812 годомъ, потому что тогда мы имѣли за собою союзъ съ Англіей, гарантировавшій намъ безопасность на морѣ, поддержку Швеціи и нейтралитетъ Турціи, благодаря чему мы должны были защищать только операціонную линію, простиравшуюся отъ Двины до Карпатъ, съ увѣренностью, что, при первой неудачѣ Наполеона, Пруссія и Австрія обратятся противъ него, — между тѣмъ какъ въ настоящее время мы рискуемъ имѣть противъ себя всю Европу, включая Германію и Швецію и даже Персію, которая въ концѣ концовъ будетъ увлечена другими.

ленная канцлеромъ имперіи, по Высочайшему повелѣнію, и опровергавшая эту комбинацію, указывая ея опасность, оканчивалась слѣдующей фразой: „Честь не позволяетъ намъ принять унизительныхъ условій мира; вслѣдствіе того, я не колебался посовѣтовать вашему величеству отвергнуть тѣ, какія были представлены вамъ въ послѣднее время. Но честь не можетъ заставить насъ устремиться въ бездну". Этотъ документъ указываетъ, насколько озабочивало императора Николая подобное положеніе вещей.

Изъ него можно было заключить только, что Австрія медлила и выжидала событій для опредѣленія своего послѣдующаго образа дѣйствій. Она надѣялась, что зима насильственно пріостановитъ продолженіе войны до весны и поведетъ къ возобновленію переговоровъ. Въ сущности, австрійское правительство желало такого оборота, потому что оно не могло поддерживать долго разорительную тяжесть своихъ вооруженій. Только въ теченіе августа, генералъ Гессъ представилъ счетовъ на 26 милліоновъ флориновъ. Чтобы ихъ уплатить, нужно было прибѣгнуть къ имперскому банку, предыдущіе авансы котораго покрывались лишь 140 милліонами бумажныхъ денегъ изъ подписки на національный заемъ, которые должны были реализироваться въ отдаленные сроки и съ весьма невѣрными шансами. Однако, въ ожиданіи событій, вѣнскій кабинетъ дѣятельно старался усилить принятое имъ положеніе полнымъ привлеченіемъ германскаго Сейма ко всѣмъ своимъ обязательствамъ.

Таково было сложное положеніе дѣлъ въ Германіи. Пруссія отказалась принять участіе въ конференціи, чтобы присоединиться къ четыремъ пунктамъ, выработаннымъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Одна Австрія присоединилась къ нимъ нотами 8-го августа. Въ нашемъ отвѣтѣ, мы отклонили упомянутыя четыре предложенія, какъ несовмѣстныя съ нашимъ достоинствомъ, а потому не могущія быть предметомъ обсужденія. Мы заявляли, что, возвра-

---

3. Что такое, въ высшей степени трудное, положеніе представляетъ только два выхода: или сосредоточить всѣ наши силы для смѣлаго наступленія, двинувшись на Вѣну, для того, чтобы уничтожить одну за другой арміи коалиціи, не давъ имъ времени соединиться, или же, если бы такое рѣшеніе показалось слишкомъ опаснымъ, сосредоточить нашу оборону на главномъ пунктѣ, на истинномъ объектѣ войны—въ Крыму. Для послѣдней цѣли слѣдовало дать немедленно и открыто полное удовлетвореніе Германіи, выступивъ изъ княжествъ, и направить всѣ наши силы въ Крымъ, не заботясь болѣе объ Австріи, которая, послѣ удовлетворенія своихъ интересовъ, не стала бы воевать съ нами.

Событія доказали разумность такихъ совѣтовъ. Къ несчастью, имъ послѣдовали не вполнѣ и слишкомъ поздно

тившись въ наши предѣлы и ставъ въ оборонительное положеніе, мы ожидаемъ, чтобы справедливыя предложенія позволили намъ примирить наши стремленія къ миру съ нашимъ достоинствомъ и нашими интересами, избѣгая всякаго безполезнаго увеличенія усложненій, но рѣшившись отразить чужеземное нападеніе, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало. Въ то же время мы указывали на различіе положеній Австріи и Пруссіи, которая не присоединялась къ четыремъ пунктамъ, но признала себя удовлетворенной нашими предшествующими заявленіями.

Такое указаніе повело къ новому проявленію нерѣшительности со стороны берлинскаго кабинета. Въ циркулярѣ къ своимъ посольствамъ, онъ счелъ нужнымъ отвергнуть подобную солидарность съ нами. Онъ заявлялъ, что, не считая четыре пункта за исключительную основу переговоровъ, онъ, однако, видѣлъ въ нихъ возможность образовать ядро будущаго соглашенія и былъ готовъ оказать ему нравственную поддержку. Кромѣ того, прусское правительство, уже сожалѣвшее о своемъ энергическомъ выходѣ изъ конференціи, выражало готовность вернуться туда. Оно хотѣло оттѣнить только, что, поддерживая нравственно четыре пункта, оно не принимаетъ на себя обязательства отстаивать ихъ посредствомъ военныхъ дѣйствій противъ насъ.

При такихъ обстоятельствахъ, вѣнскій кабинетъ хотѣлъ добиться силою присоединенія Сейма къ его политическому положенію. Онъ изложилъ свои виды въ циркулярѣ 14-го сентября. Онъ выражалъ сожалѣніе, что Россія не приняла четырехъ основаній мира, хотя и принималъ во вниманіе очищеніе княжествъ. Указывая, что этому отступленію былъ приданъ характеръ стратегическаго движенія, онъ соглашался, однако, видѣть въ немъ уступку желаніямъ Германіи. Во всякомъ случаѣ, имъ устранялась одна изъ причинъ войны, одинъ изъ поводовъ тревоги для Германіи. Но онъ прибавлялъ, что такая случайная и временная мѣра не давала никакихъ гарантій для послѣдующихъ событій. Россія выступила изъ княжествъ и можетъ точно также вступить въ нихъ опять. Въ сущности, она не отказалась ни отъ одного изъ своихъ притязаній, ничего не уступила ни Европѣ, ни Германіи. Слѣдовательно, Австріи необходимо было оставаться сильной и вооруженной, готовой осуществить цѣль, которой она обязалась содѣйствовать. Германія, присоединившаяся къ ея обязательствамъ вступленіемъ въ договоръ 20-го апрѣля, также должна была оказывать ей поддержку.

Итакъ вопросъ шелъ о томъ, чтобы установить точнѣе значеніе упомянутаго договора и заявить, что, покуда Австрія не

произведетъ нападенія на Россію, послѣдняя не должна считать австрійскую оккупацію княжествъ за мотивъ къ разрыву, не рискуя увидѣть противъ себя всю Германію, соединенную для защиты Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнскій кабинетъ напоминалъ, что онъ защищалъ въ княжествахъ интересъ европейскаго характера, а именно, неприкосновенность Оттоманской Имперіи. Слѣдовательно въ немъ должны были имѣть участіе и султанъ, и его союзники. По отношенію къ будущему миру, кабинетъ указывалъ на нравственную поддержку четырехъ основъ, обѣщанную Пруссіей, и требовалъ, чтобы Союзъ также присоединился къ нимъ, какъ къ условіямъ, могущимъ быть полезными для Германіи, но никакъ не вредными для нея, или чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ принялъ на себя поддержаніе тѣхъ изъ этихъ основъ, которыя прямѣе связаны съ его интересами, заявивъ, что соглашеніе съ Россіей зависитъ исключительно отъ принятія этихъ пунктовъ.

Такія предложенія возбудили живѣйшія пренія въ Сеймѣ. Разногласія, обычныя для союзнаго собранія, вновь обнаружились въ данномъ случаѣ. Баварскій уполномоченный требовалъ, между прочимъ, участія Германіи въ протекторатѣ надъ княжествами. Относительно войны, онъ прямо заявилъ, что, если Австрія нападетъ на Россію, она не будетъ имѣть никакого права разсчитывать на помощь Союза; если, наоборотъ, нападеніе будетъ произведено на нее, помощь Союза будетъ принадлежать ей, но съ условіемъ, чтобы Австрія также готова была поддержать Пруссію всѣми своими силами, если на послѣднюю будетъ произведено наступленіе, откуда бы оно ни произошло.

Берлинскій кабинетъ потребовалъ категорическихъ объясненій на австрійскія предложенія. Онъ полагалъ, что нѣмецкіе интересы не будутъ гарантированы, если австрійская оккупація не позволитъ другимъ элементамъ утвердиться въ княжествахъ. Онъ спрашивалъ, будутъ ли названныя области закрыты для военныхъ дѣйствій противъ Россіи, и прибавлялъ, что если послѣдняя, отражая нападеніе, произведенное съ той стороны другими войсками, кромѣ австрійскихъ, придетъ въ столкновеніе съ ними, Германія должна будетъ сообразоваться со своими частными интересами, прежде чѣмъ принять участіе въ общей европейской войнѣ. Такая осторожность прусской политики была вполнѣ справедлива.

Между тѣмъ событія подвигались въ Крыму. Произошла битва при Альмѣ. Извѣстія, полученныя Буркенэ изъ Парижа, гово-

рили, что, по мнѣнію англо-французскихъ инженеровъ, Севастополь не можетъ держаться болѣе трехъ недѣль.

Политика графа Буоля торжествовала. Онъ выходилъ съ блистательнымъ успѣхомъ изъ кризиса, угрожавшаго одно время его министерскому существованію, когда его государь упрекнулъ его за то, что онъ вызывалъ войну между Австріей и Россіей. Въ настоящее время онъ доказывалъ императору Францу-Іосифу, что его разсчеты были вѣрны и предвидѣнія осуществились. Россія была рѣшительно побѣждена, вполнѣ безсильна передъ Австріей и вынуждена, рано или поздно, принять условія мира, какія Европа захочетъ ей поставить. Положеніе гр. Буоля становилось все болѣе и болѣе надменнымъ по отношенію къ намъ. Онъ, блѣднѣвшій при одной мысли о войнѣ съ нами, теперь смѣло смотрѣлъ на такую возможность.

Союзники выразили желаніе, чтобы Омеръ-паша произвелъ диверсію въ Бессарабію, для того, чтобы помочь ихъ дѣйствіямъ въ Крыму и помѣшать намъ доставить туда подкрѣпленія. Графъ Буоль заявилъ нашему и прусскому представителямъ, что въ данномъ случаѣ Австрія рѣшилась не препятствовать дѣйствіямъ туровъ. Онъ совершенно спокойно выслушалъ возраженіе князя Горчакова, что въ томъ случаѣ, если наши войска, отразивъ Омера-пашу, будутъ преслѣдовать его по другую сторону Прута, они могутъ столкнуться съ австрійской арміей, и тогда послѣдней будетъ принадлежать отвѣтственность за войну.

Цѣлью гр. Буоля было или утомить наше терпѣніе и придти къ столкновенію, которое увлекло бы Германію, или вынудить послѣднюю къ заявленію, что даже наступательная демонстрація со стороны Австріи не лишила бы ее помощи Союза. Его тонъ въ Сеймѣ указывалъ на такое высокомѣрное настроеніе. Въ циркулярѣ отъ 30-го сентября онъ возобновилъ свои предшествующія заявленія въ болѣе категорическомъ видѣ, опровергая всѣ возраженія Пруссіи. Очищеніе княжествъ Россіей выставлялось лишь какъ устраненіе опасности немедленной войны. Интересы Германіи будутъ обезпечены съ этой стороны только въ томъ случаѣ, когда Россія дастъ положительныя гарантіи прочнаго и продолжительнаго мира. Австрія никогда не думала исключать княжества изъ театра войны. Союзники имѣли право, въ силу своего договора съ Портой, избирать такіе пункты турецкой территоріи, которые представляются имъ удобными для ихъ дѣйствій. Вѣнскій кабинетъ заявлялъ, что онъ сочтетъ себя удовлетвореннымъ лишь тогда, когда Сеймъ, относительно четырехъ пунктовъ, приметъ одинаковое съ нимъ положеніе. Заявле-

ніе Пруссіи, которымъ она обѣщала нравственную поддержку для упомянутыхъ пунктовъ, но оставляла за собой право возраженія, не могло имѣть никакого практическаго значенія для переговоровъ. Гр. Буоль отказывался отъ общаго ходатайства въ Сеймѣ; онъ хотѣлъ выждать, пока Союзъ найдетъ для себя полезнымъ возобновить обсужденія вопроса, потрясавшаго Европу. Вслѣдствіе того онъ перестал заботиться о поддержкѣ Союза; онъ полагалъ, что можетъ обойтись безъ него, и бросалъ ему нѣчто въ родѣ вызова, ясно давая понять, что онъ замѣнитъ его помощь союзомъ съ западными державами.

Такое положеніе удивляло нашего представителя. Онъ напрасно искалъ объясненія для подобной заносчивости Австріи. Она не могла заключаться въ преувеличенныхъ слухахъ объ успѣхахъ союзниковъ въ Крыму. Вообще исходъ войны былъ весьма сомнителенъ. Онъ приписывалъ такой переворотъ кредиту, который пріобрѣли графъ Буоль и фонъ-Бахъ, оба непримиримые враги Россіи, жаждавшіе разрыва съ нею. Императоръ Францъ-Іосифъ никого не слушалъ, кромѣ нихъ; близкіе къ нему люди должны были молчать. Нельзя было основывать уже никакихъ надеждъ на его личныхъ чувствахъ. Когда слухъ о взятіи Севастополя, сообщенный однимъ татариномъ, распространился въ Вѣнѣ и Европѣ, императоръ Францъ-Іосифъ послалъ поздравленіе въ Парижъ, также какъ и послѣ Альмской битвы. Бахъ громко говорилъ по этому поводу: „Вы видите, насколько мы были правы, предпочитая союзъ съ Западомъ союзу съ этой заплѣснѣвшей имперіей“. Было очевидно, что мы могли всего ожидать со стороны Австріи, что, не только не отступая передъ войной съ нами, она была бы довольна, еслибы мы приняли на себя починъ ея, и что, убѣжденная въ полномъ разрывѣ нашихъ прежнихъ отношеній съ нею, она будетъ искать спасенія въ полнѣйшей преданности требованіямъ западныхъ державъ.

Изложенное нами положеніе продолжалось въ теченіе сентября и октября, среди многочисленныхъ тревогъ, выражавшихся переговорами вѣнскаго кабинета, съ одной стороны—съ Западомъ, продолжавшимъ подавлять его тяжестью своихъ угрозъ, съ другой стороны—съ Германіей, которую онъ старался привлечь въ свою сферу. Колебанія этой политики обнаруживались различными оттѣнками военнаго положенія австрійскаго правительства по отношенію къ намъ.

Такъ же, какъ военный узелъ кризиса заключался въ Севастополѣ, политическій узелъ его находился въ Берлинѣ. Прусское правительство отвѣтило съ нѣкоторой твердостью на австрійскій

циркуляръ 30-го сентября. Король, въ отвѣтъ на собственноручное письмо императора Франца-Іосифа, заявилъ графу Эстергази, что Австрія не должна была разсчитывать на его поддержку, еслибы она предприняла наступательныя дѣйствія противъ Россіи. Бóльшая часть государствъ Союза отвѣтили въ подобномъ же смыслѣ. Графъ Буоль показывалъ видъ, что онъ доволенъ положеніемъ второстепенныхъ государствъ, представлявшимъ ему точку опоры противъ сопротивленія Пруссіи.

Но, въ дѣйствительности, его систéма устрашенія не имѣла успѣха. Даже Ганноверъ, заявившій готовность поддерживать Австрію во всѣхъ ея владѣніяхъ, подвергающихся опасности, въ настоящее время возражалъ противъ толкованія, приданнаго его согласію. Вѣнскій кабинетъ рѣшился перенести въ Сеймъ требованіе о подтвержденіи гарантіи Союза для всѣхъ областей австрійской имперіи. Оно было обѣщано ему, покуда онъ останется въ оборонительномъ положеніи; теперь дѣло шло о томъ, чтобы распространить его на случай наступленія. Послѣдствія доказали, что онъ требовалъ такой гарантіи даже для своего положенія въ княжествахъ, которыя, безъ сомнѣнія, не принадлежали къ территоріи имперіи. Такимъ образомъ все зависѣло отъ степени энергіи берлинскаго кабинета.

Положеніе вѣнскаго кабинета оставалось все тѣмъ же; враждебность противъ насъ, раздраженіе противъ Пруссіи, двусмысленный тонъ по отношенію Германіи и полное подчиненіе желаніямъ Запада. Буркенэ, продолжавшій оставаться душою всѣхъ замысловъ противъ насъ, выказывалъ сильнѣйшее недовольство Пруссіей; онъ говорилъ даже о дѣйствіи на нее силою. Газеты гр. Буоля говорили революціоннымъ языкомъ, утверждая, что нѣмецкіе народы не всегда идутъ вслѣдъ за своими государями, и что прусскій ландвэръ откажется слѣдовать по пути, намѣченному берлинскимъ кабинетомъ.

Нашъ представитель сохранялъ пассивное положеніе, наблюдая за ходомъ дѣлъ. Гр. Буоль и Бахъ продолжали обольщать императора Франца-Іосифа, возбуждая въ немъ надежду возвести его на пьедесталъ Карла V. Послѣ своей первой пріемной аудіенціи, князь Горчаковъ не видалъ австрійскаго императора. Министры тщательно устраняли непосредственныя сношенія его съ государемъ, изъ опасенія, чтобы его личное вліяніе не разрушило ихъ козней, пробудивъ чувство чести у императора. Ему осталось только испросить себѣ аудіенцію, но положеніе было столь натянуто, что онъ избѣгалъ всякаго формальнаго шага и воздерживался до рѣшительнаго момента.

Ему приходилось бороться противъ двухъ нравственныхъ соображеній, господствовавшихъ въ австрійскомъ правительствѣ. Первое было сознаніе своей неправоты и нашего справедливаго неудовольствія. Полагали, что съ того времени мы будемъ непримиримыми врагами, и единственную гарантію противъ насъ видѣли въ союзѣ съ Западомъ. Второе основывалось на естественно предполагавшемся въ насъ желаніи разрушить этотъ союзъ въ настоящемъ и въ будущемъ. Сюда слѣдуетъ присоединить личную ненависть гр. Буоля и Баха и вліяніе Буркенэ, не имѣвшее никакого противовѣса, благодаря неопытности и изолированности императора. Князь Горчаковъ писалъ по этому поводу: „Самое трудное—довести истину до императора Франца-Іосифа. Его величество совершенно забаррикадированъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, я имѣлъ только четыре аудіенціи. Этимъ создается такое положеніе вещей, которое надо видѣть, для того, чтобы ему повѣрить. Достаточно было бы устранить изъ состава администраціи трехъ или четырехъ лицъ, чтобы имѣть передъ собою совсѣмъ иную Австрію".

Дѣйствительно, оба главы политической системы, бывшей тогда въ силѣ, руководились только принципомъ: après nous le déluge. Они прекрасно знали, что идутъ къ неизбѣжному банкротству, но они стремились къ нему съ полнѣйшей беззаботностью и утѣшали себя разсужденіемъ, что великое государство должно умѣть и банкротиться.

Между тѣмъ военачальники были глубоко оскорблены ролью, на какую они были обречены. Генералъ Гессъ протестовалъ противъ приказаній, которыя противорѣчили словамъ, слышаннымъ имъ изъ устъ императора, передъ отъѣздомъ въ княжества. Фельдмаршалъ Радецкій говорилъ въ Миланѣ графу Шамбору: „Я не думалъ дожить до несчастія видѣть то, что происходитъ теперь. У меня отнимаютъ войска для неблаговидныхъ цѣлей. Насъ опять ведутъ къ 1848 году". Тяжесть принудительнаго займа, присоединяясь къ другимъ тяжестямъ, удручавшимъ страну, увеличивала общее недовольство. Со всѣхъ сторонъ положеніе вѣнскаго кабинета было въ моментѣ кризиса.

Генералъ Гессъ, вѣрный словеснымъ инструкціямъ, полученнымъ имъ отъ императора Франца-Іосифа, настаивалъ, чтобы Омеръ-паша очистилъ княжества, заявляя ему, что онъ не можетъ допустить наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ они могли бы повести къ столкновенію между нашими и австрійскими войсками. Омеръ-паша пожаловался въ Константинополь. Диванъ снесся съ лордомъ Стрэтфордомъ Каннингомъ и французскимъ повѣрен-

нымъ въ дѣлахъ, которые подняли шумъ и обратились къ вѣнскому кабинету. Австрію упрекали въ томъ, что она поступаетъ какъ союзница Россіи. Такое воззрѣніе вполнѣ раздѣлялъ и гр. Буоль. Буркенэ и лордъ Уэстморлэндъ своими настояніями привели императора Франца-Іосифа къ тому, что онъ приказалъ своему министру войти съ ними въ соглашеніе.

Послѣ совѣщанія между тремя представителями, были намѣчены основанія конвенціи, проектъ которой былъ доставленъ въ Парижъ первымъ секретаремъ французскаго посольства. Это было зерно союзнаго договора, который долженъ былъ состояться 2-го декабря между Австріей и морскими державами. Слѣдуетъ замѣтить, что въ окончательномъ текстѣ упомянутаго проекта конвенціи Австріею, повидимому, была включена статья, обязывавшая ея западныхъ союзниковъ гарантировать ей неприкосновенность владѣній въ Италіи и Польшѣ. Всѣ эти переговоры были окружены величайшей тайной.

Положеніе вѣнскаго кабинета въ тотъ моментъ опредѣляется разговоромъ императора Франца-Іосифа съ его берлинскимъ представителемъ. „Въ настоящихъ обстоятельствахъ,—говорилъ императоръ,—Австрія не можетъ обойтись безъ союзниковъ. Ей приходится выбирать между наступательнымъ союзомъ съ западными державами или оборонительнымъ съ Германіей. Императоръ съ своей стороны предпочиталъ бы послѣдній; но, быть можетъ, ему придется обратиться къ первому, если онъ окажется изолированнымъ въ Германіи. Слѣдовательно, всего настоятельнѣе было опредѣлить основы, на какихъ Австрія могла бы вступить въ переговоры, такъ какъ, прежде всего, императоръ Францъ-Іосифъ не хотѣлъ бы войны съ Россіей. Но Австрія, обязавшись уже передъ западными державами признавать четыре предложенія за единственную основу переговоровъ съ Россіей, не могла освободиться отъ такого обязательства. Однако, еслибъ ей удалось получить согласіе Россіи, ея обязательства передъ Франціей и Англіей уничтожались бы, и ея требованія не пошли бы далѣе. Что касается до формальнаго обязательства воздерживаться отъ всякаго наступательнаго дѣйствія противъ Россіи, Австрія не могла бы его принять на себя, покуда обѣщанія названной державы оставаться въ оборонительномъ положеніи не сдѣлались бы обязательными".

Таковъ былъ тонъ, котораго графу Эстергази приказано было держаться въ Берлинѣ. Въ немъ можно было замѣтить обычную тактику гр. Буоля. Послѣдствія доказали это. Вѣнскій кабинетъ опирался на заключенныя уже имъ обязательства съ Западомъ,

съ цѣлью привлеченія Германіи на ту же почву, для усиленія своего положенія. Онъ обѣщалъ, что тогда онъ не пойдетъ далѣе, что онъ будетъ свободенъ отъ всякой связи съ морскими державами и можетъ вступить въ нейтралитетъ, котораго такъ горячо желала Германія. Такимъ образомъ, онъ послѣдовательно добился привлеченія ея къ договору 20-го апрѣля, къ требованію гарантіи для своихъ владѣній. Но каждый его шагъ впередъ былъ лишь точкой отправленія для новаго шага къ сближенію съ Западомъ, за которымъ слѣдовали новые переговоры о присоединеніи къ нему Германіи. Ему предстояло повторить свою тактику, добившись отъ своихъ германскихъ союзниковъ принятія четырехъ основъ и распространенія союзной гарантіи на его позицію въ княжествахъ, а, по достиженіи этихъ результатовъ, связать себя еще тѣснѣе съ Западомъ договоромъ 2-го декабря.

Упомянутое положеніе развилось слѣдующимъ образомъ. Пруссія своимъ отвѣтомъ на австрійскій циркуляръ 30-го сентября стала въ удовлетворительныя отношенія къ намъ. Она разсчитывала на содѣйствіе своихъ германскихъ союзниковъ. Неустойчивость Баваріи обманула такія надежды. Баварскій и саксонскій министры иностранныхъ дѣлъ, фонъ-деръ-Пфордтенъ и Бейстъ, отправились въ Берлинъ, чтобы по возможности достигнуть соглашенія.

Они заявили берлинскому кабинету величайшія опасенія разрыва между Пруссіей и Австріей. Страхъ, видимо, овладѣвалъ ими, а страхъ—дурной совѣтникъ. Фонъ-деръ-Пфордтенъ въ особенности настаивалъ на затруднительномъ положеніи, въ какомъ очутилась бы Баварія въ подобномъ случаѣ, находясь между Австріей и Франціей. Онъ заявилъ, что она не была въ состояніи противиться такому соединенному давленію и вынуждена будетъ присоединиться къ австрійской системѣ. Поэтому онъ предлагалъ, для того, чтобы предупредить подобный разрывъ, установить общее соглашеніе Германіи на основѣ принятія четырехъ предложеній, требуемыхъ Австріей, на условіи: 1) чтобы послѣдняя не предпринимала никакого наступательнаго дѣйствія противъ Россіи, если эта держава представитъ ей, съ своей стороны, то же увѣреніе; и 2) что она будетъ держаться четырехъ пунктовъ, какъ окончательныхъ основаній мира, и не заключитъ съ западными державами никакого обязательства, которое повело бы ее далѣе. Только въ томъ случаѣ, еслибы Россія отказалась признать указываемыя основы переговоровъ, Германія согласилась бы распространить на австрійскую оккупацію княжества союзную гарантію, вытекающую изъ договора 20-го апрѣля.

Такія предложенія, поддерживаемыя различными второстепенными государствами, на которыя Пруссія полагала возможнымъ разсчитывать, поколебали рѣшенія короля. Тому же содѣйствовала и боязнь передъ Англіей, оказывавшей на него сильное давленіе. Независимо отъ политическихъ узъ, связывающихъ Пруссію съ названной державой, надо имѣть въ виду, что ея морское давленіе должно было имѣть большое значеніе въ глазахъ берлинскаго кабинета въ интересахъ прусской торговли, которая могла бы серьезно пострадать въ случаѣ войны. Король убѣждалъ нашъ кабинетъ принять четыре австрійскіе пункта, давая намъ почувствовать, что, если мы ихъ отвергнемъ, ему будетъ невозможно, безъ помощи Германіи, противиться, наступающей весной, мѣрамъ давленія обѣихъ западныхъ державъ и Австріи. Въ то же время король сдѣлалъ новую попытку въ Вѣнѣ, чтобы привести австрійское правительство къ сближенію съ нами. Онъ поддержалъ предложенія баварскаго министра и гарантировалъ передъ вѣнскимъ кабинетомъ, что мы не нападемъ на Австрію, если послѣдняя приметъ обязательство не нападать на насъ.

Еслибы опытъ не указалъ въ достаточной степени двойственности политики гр. Буоля, заблужденія, подъ вліяніемъ которыхъ Пруссія и Германія предпринимали указанные шаги, объяснялись бы затруднительностью ихъ положенія. Кабинеты имѣли въ виду помѣшать разъединенію въ средѣ Союза, принять за почву для соглашенія настоящее положеніе вещей, связавъ Австрію обязательствами не идти далѣе, привести такимъ образомъ эту державу къ нейтралитету, освободивъ ее отъ давленія Запада и, благодаря тому, предупредить разрывъ съ нами, котораго въ Германіи боялись какъ величайшаго несчастія. Легко понять, почему, въ надеждѣ осуществленія такихъ видовъ, они согласились подойти нѣсколько ближе къ Австріи, давая ей требуемыя гарантіи, и нѣсколько отдалиться отъ насъ, присоединяясь къ четыремъ основамъ, которыя мы отвергли. Германія могла думать, что, въ концѣ концовъ, она оказывала намъ дѣйствительную услугу, выясняя, какія жертвы мы должны были сдѣлать для достиженія мира, и освобождая насъ, по крайней мѣрѣ, отъ опасенія борьбы съ Австріей, борьбы,—значительно усложняющей ту, какую намъ приходилось выдерживать съ Западомъ.

Фонъ-деръ-Пфордтенъ изъ Берлина отправился въ Вѣну по приглашенію императора Франца-Іосифа. Онъ разсчитывалъ не на гр. Буоля, отъ котораго ничего не ждалъ, но на свое личное вліяніе на императора австрійскаго, надѣясь указать ему опасности, какимъ его политика подвергала Германію. Баварскій ми-

нистръ имѣлъ нѣсколько разговоровъ съ княземъ Горчаковымъ. Нашъ представитель сказалъ ему: „У васъ есть знамя; сплотитесь вокругъ него, такъ какъ оно движется по направленію вашихъ убѣжденій". Фонъ-деръ-Пфордтенъ отвѣтилъ ему: „Гдѣ же это знамя? Если въ Берлинѣ,—я видѣлъ его близко и испыталъ его крѣпость". Такъ обѣ стороны упрекали другъ друга въ слабости.

Фонъ-деръ-Пфордтенъ не отрицалъ болѣе прямыхъ воззрѣній, которыя онъ высказывалъ прежде, но прибавилъ: „Еслибы мы имѣли дѣло съ одной Франціей, мы не были бы этимъ озабочены слишкомъ много. Но всякій разъ, когда Франція находится въ союзѣ съ Австріей, для насъ нѣтъ выбора. Король не могъ бы найти опоры въ своей странѣ. Вы знаете нашихъ либераловъ и нашихъ демократовъ, но даже въ консервативной партіи, всѣ католики охотно стали бы проповѣдывать крестовый походъ противъ васъ. За короля оказалось бы лишь незначительное протестантское меньшинство, еслибы Австрія высказалась противъ Россіи". На подобное признаніе не могло быть возраженія.

Фонъ-деръ-Пфордтенъ просилъ князя Горчакова поддержать его какими-либо облегчающими дѣло увѣреніями. Нашъ представитель счелъ возможнымъ сказать ему, что, еслибы онъ пріобрѣлъ увѣренность въ томъ, что вѣнскій кабинетъ дастъ письменно гарантіи, какихъ отъ него требовали, что четыре предложенія будутъ представлены намъ въ удобной редакціи, что они будутъ считаться простыми точками отправленія и что, наконецъ, Австрія будетъ видѣть въ нихъ окончательныя условія мира, тогда онъ постарается, чтобы они были приняты въ Петербургѣ.

Это значило брать на себя большую отвѣтственность; впрочемъ, она была не единственная, какую кн. Горчаковъ принималъ на себя въ теченіе описываемыхъ тяжелыхъ переговоровъ. Слѣдующіе мотивы понудили его къ такому важному рѣшенію. Между тѣмъ какъ происходили переговоры, положеніе осложнялось на театрѣ войны. Хотя въ Крыму не совершилось ничего рѣшительнаго, но не было и ничего въ нашу пользу. Со стороны княжествъ туча, висѣвшая надъ нами, становилась еще темнѣе. Вліяніе лорда Стрэтфорда Каннинга заставило Порту попытаться произвести демонстрацію противъ Бессарабіи, какъ диверсію, полезную союзникамъ въ Крыму. Въ такомъ смыслѣ былъ отданъ приказъ Омеру-пашѣ. Тотъ отказался выполнить его, говоря, что онъ не рѣшается рисковать послѣдней арміей, оставшейся у Турціи, и что, въ качествѣ демонстраціи, уже одного присутствія его войскъ въ Галацѣ было вполнѣ достаточно, чтобы

заставить насъ не выводить войскъ съ нашихъ границъ. Однако, послѣ многихъ колебаній, приказы изъ Константинополя стали столь настоятельны, что сердарь долженъ былъ повиноваться имъ. Уже войска его были приведены въ движеніе, для того, чтобы приблизиться къ нашимъ границамъ.

Въ предвидѣніи неизбѣжнаго столкновенія, вѣнскій кабинетъ предписалъ графу Коронини, командовавшему австрійской оккупаціонной арміей въ княжествахъ, не препятствовать проходу войскъ Омера-паши, но удалить свои, насколько возможно, чтобы избѣжать столкновенія съ нами. Онъ дошелъ даже до заявленія, что, если произойдетъ случайная стычка между отдѣльными отрядами, въ этомъ не слѣдуетъ видѣть повода къ разрыву. Генералъ Гессъ не сомнѣвался ни одной минуты, что турки, страдавшіе недостаткомъ кавалеріи, будутъ разбиты, но онъ умолялъ насъ, въ такомъ случаѣ, не преслѣдовать ихъ по ту сторону Прута. Императоръ Николай, принимая во вниманіе его просьбу, послалъ по телеграфу нашему главнокомандующему приказъ не переходить за указанную черту, за исключеніемъ безусловной необходимости.

Наши тогдашнія отношенія съ Австріей были тѣмъ болѣе странны, что недовѣріе, отдѣлявшее насъ отъ австрійскаго правительства, не могло измѣнить чувствъ обѣихъ армій. Графъ Нессельроде приглашалъ главнокомандующаго нашихъ войскъ войти въ соглашеніе съ австрійскими генералами относительно того, какія позиціи слѣдовало занять въ случаѣ встрѣчи съ Омеромъ-пашой, и возобновить прецедентъ 1800 года.

Такія ожиданія не оправдались. Быть можетъ, это были только уловки, въ подражаніе тѣмъ, образецъ которыхъ былъ данъ гр. Буолемъ. Быть можетъ, Порта поняла, что уничтоженіе ея арміи предоставило бы ее произволу ея союзниковъ. Крайняя осторожность, составлявшая почти все военное достоинство Омера-паши, безъ сомнѣнія содѣйствовала такому результату. Кромѣ того, союзники, уже ослабленные въ Крыму и начавшіе нуждаться въ подкрѣпленіи, требовали турецкихъ войскъ изъ дунайской арміи. Во всякомъ случаѣ, подобная возможность долго тяготѣла надъ политическимъ и военнымъ положеніемъ.

Положеніе Австріи на этой двойной почвѣ было не менѣе знаменательно. Оно соотвѣтствовало образу дѣйствій, какого графъ Буоль держался съ начала войны, т.-е. было разсчитано на то, чтобы держать насъ въ тревожной неизвѣстности, достаточной для того, чтобы парализовать наши движенія, не нарушая окончательно нашихъ отношеній съ Австріей.

Въ то время нашъ представитель имѣлъ разговоръ съ генераломъ Гессомъ. Генералъ пріѣхалъ въ Вѣну, чтобы разъяснить себѣ положеніе, которое онъ не могъ оцѣнить издалека, но которое, какъ онъ чувствовалъ, значительно измѣнилось послѣ его отъѣзда и пришло къ послѣдней формѣ, предшествующей разрыву. „Мнѣ шестьдесятъ-семь лѣтъ,—сказалъ онъ князю Горчакову:—я стою передъ судомъ моей совѣсти и Бога, передъ которымъ также не замедлю предстать. Слѣдовательно, вы можете повѣрить, что меня уже не занимаетъ болѣе человѣческое тщеславіе. Еслибы между нами долженъ былъ произойти разрывъ, я считалъ бы самые блестящіе успѣхи, какіе судьба войны послала бы мнѣ, за величайшее бѣдствіе для моей страны. Не разспрашивайте меня о подробностяхъ, но будьте увѣрены, что я дѣйствовалъ и буду продолжать дѣйствовать съ этой точки зрѣнія. Я прибѣгну ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы мои убѣжденія взяли верхъ, потому что, по моему мнѣнію, этимъ я вѣрно служу моему государю. Быть можетъ, вы услышите, что меня обвиняютъ въ медленности и нерѣшительности: пусть это не сбиваетъ васъ; я знаю мою почву и долженъ оставить за собой выборъ минуты“.

Такія увѣренія были съ его стороны вполнѣ личными. Къ несчастію, дѣйствія его правительства давали поводъ ко всевозможнымъ сомнѣніямъ.

Быть можетъ, колебанія, обнаруживаемыя имъ, не должны быть приписаны исключительно разсчету. Въ нихъ имѣла свою долю участія борьба, происходившая въ то время между чувствами императора Франца-Іосифа и совѣтами гр. Буоля. Императоръ отвергъ мнѣнія своихъ генераловъ, предоставляя одному себѣ опредѣлить направленіе политики, какому онъ найдетъ удобнымъ слѣдовать. Но единодушіе ихъ мнѣній и мнѣній лицъ непосредственно близкихъ къ нему производило на него впечатлѣніе, указывая ему, какимъ стыдомъ угрожала покрыть Австрію политика неблагодарности графа Буоля. Но фактически вліяніе послѣдняго преобладало.

Сомнѣваться въ томъ было нельзя, въ виду дислокаціи войскъ на границахъ, мѣръ для полнаго укомплектованія арміи и работъ, дѣятельно производившихся въ Галиціи, частью для окончанія львовской желѣзной дороги, частью для ускоренной постройки большихъ укрѣпленныхъ лагерей. Князь Горчаковъ узналъ конфиденціальными путями, что былъ отданъ приказъ, въ величайшей тайнѣ, привести армію въ готовность къ зимней кампаніи. Вполнѣ положительныя увѣренія были получены нами изъ Берлина. Въ

нихъ говорилось, что Австрія намѣревалась напасть на насъ немедленно. Исходнымъ пунктомъ долженъ былъ послужить Львовъ. Генералъ Гессъ долженъ былъ идти въ Польшу, между Вислой и Бугомъ, по направленію къ Брестъ-Литовску, для того, чтобы изолировать Варшаву и отрѣзать отступленіе нашей арміи. Гарантированный Германіей противъ всякаго наступленія съ нашей стороны на Галицію или Буковину, австрійскій генералъ могъ вывести оттуда свои войска. Слѣдовательно, у генерала Гесса было въ распоряженіи 200,000 человѣкъ; кромѣ того, онъ обезпечивалъ себѣ отступленіе на укрѣпленный лагерь въ Краковѣ съ мостовыми сооруженіями на Санѣ.

Съ своей стороны, нашъ военный агентъ прислалъ изъ Вѣны совершенно противоположныя извѣстія. Онъ не вѣрилъ въ серьезность плановъ, обсуждавшихся въ австрійскомъ военномъ совѣтѣ, вѣроятно только изъ угожденія Западу. Онъ указывалъ, что, по увѣреніямъ генерала Гесса, графа Грюнна и многихъ высшихъ военныхъ чиновъ, находившихся въ отпуску въ Вѣнѣ, корпуса 3-й и 4-й армій располагались на зимнія квартиры въ своихъ обыкновенныхъ стоянкахъ, исключая нѣсколькихъ незначительныхъ передвиженій. Пополненіе и формированіе двухъ резервныхъ корпусовъ и мобилизація 3-го и 6-го корпусовъ замедлились и должны были быть закончены лишь къ веснѣ, также какъ и скомплектованіе четвертыхъ батальоновъ и приведеніе запасовъ на военное положеніе. Слѣдовательно, нечего было бояться немедленнаго наступленія на Польшу. Не говоря уже о неудобствахъ зимней кампаніи по испорченнымъ дорогамъ, губительнымъ для матеріальной части, Австрія не рискнула бы придти одна съ 4-й арміей, равняющейся 100,000 человѣкъ, безъ помощи Пруссіи, для того, чтобы очутиться между нашими западной и южной арміями. Столь же мало вѣроятенъ былъ и второй планъ, заключавшійся въ наступленіи на Россію по долинѣ Днѣстра, между тѣмъ какъ союзники, овладѣвъ Крымомъ, должны были идти черезъ Перекопъ на Одессу. Прежде всего, Севастополь еще держался, и, потомъ, союзники не рѣшились бы идти зимой черезъ степи. Высадки въ Бессарабію также нельзя было бояться въ такое время года. Поэтому графъ Стакельбергъ считалъ всѣ подобныя опасенія преждевременными и поручилъ тайному агенту изучить на мѣстахъ расположеніе австрійскихъ войскъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ такія сообщенія указывали на критическое положеніе, которое не могло продолжаться, не придя къ какому-нибудь исходу. Кн. Горчаковъ заключалъ отсюда, что все подготовлялось въ виду весны, и что такимъ образомъ намъ пред-

стоялъ выборъ между слѣдующими рѣшеніями: или поспѣшить заключеніемъ мира въ теченіе зимы, — или сосредоточить всѣ наши усилія на то, чтобы отдѣлить Австрію отъ Запада и связать ее съ нейтралитетомъ Германіи,—или, наконецъ, вступить весной въ борьбу со всей Европой. Вотъ почему онъ принялъ на себя не закрывать путей къ возобновленію мирныхъ переговоровъ на основѣ четырехъ предложеній.

Такое рѣшеніе было подтверждено исходомъ порученія фонъ-деръ-Пфордтена. Баварскій министръ былъ принятъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ и съ живостью изобразилъ ему затруднительное положеніе, въ которомъ оказалась бы Германія въ случаѣ разрыва Австріи съ Пруссіей или съ Россіей. Императоръ, съ своей стороны, указалъ на опасности, которымъ Австрія подвергалась со стороны Франціи, еслибъ стала на тотъ путь, какой ей предлагаютъ. Фонъ-деръ-Пфордтенъ возразилъ, что, въ подобномъ случаѣ, вся Германія съ радостью собралась бы подъ знаменами Австріи. Онъ сослался и на тѣ увѣренія, которыя слышалъ отъ князя Горчакова. Они произвели глубокое впечатлѣніе на императора.

Въ совѣщаніяхъ, происходившихъ между императоромъ Францемъ-Іосифомъ и гр. Буолемъ, личное вліяніе перваго взяло верхъ надъ злонамѣренностью послѣдняго. Это дало слѣдующій результатъ: вѣнскій кабинетъ долженъ былъ заявить, что въ его намѣренія не входить переступать предѣлы четырехъ предложеній, но онъ отказывался отъ формальнаго обязательства въ такомъ смыслѣ. Для него было бы возможно лишь внести такое заявленіе въ депешу къ своему берлинскому представителю. Копія ея должна была быть представлена прусскому кабинету и другимъ правительствамъ Германіи. Еслибы русскій императорскій кабинетъ согласился войти въ обсужденіе четырехъ предложеній, въ качествѣ предварительныхъ условій мира, Австрія, при обсужденіи ихъ, придала бы имъ самое умѣренное толкованіе, пригласила бы западныя державы принять участіе въ совѣщаніяхъ и предложила бы перемиріе. Еслибы западные дворы отказались, Австрія и Германія, оставляя въ сторонѣ ихъ отказъ, вступили бы въ прямыя сношенія съ нами, и, еслибы эти сношенія привели къ практическому результату, Австрія заявила бы, что она вполнѣ удовлетворена Россіей и предоставила бы продолженіе враждебныхъ дѣйствій морскимъ державамъ. Однако, Австрія во всякомъ случаѣ хотѣла бы имѣть увѣренность, что, каковы бы ни были шансы войны между нами и Западомъ, Россія будетъ видѣть неизмѣнно въ четырехъ предложеніяхъ условія своего со-

глашенія съ Австріей и Германіей. Имѣя такую увѣренность, вѣнскій кабинетъ обратился бы, въ послѣдній разъ, къ западнымъ державамъ съ приглашеніемъ присоединиться къ четыремъ статьямъ и, въ случаѣ ихъ отказа, освободился бы отъ узъ, связывающихъ его съ ними.

Легко видѣть, съ какой неохотой гр. Буоль вступилъ на этотъ путь и съ какимъ стараніемъ онъ насъ связывалъ заранѣе послѣдствіями нашего невыгоднаго положенія, въ ту минуту, когда онъ соглашался не увеличивать его трудности. Такое настроеніе выразилось еще яснѣе въ циркулярѣ 9-го ноября, въ которомъ вѣнскій кабинетъ подтверждалъ свои рѣшенія. Вслѣдствіе заявленія Буркенэ, гр. Буоль прибавлялъ, что, между тѣмъ какъ Россія оставалась неизмѣнно обязанной четырьмя предложеніями, чтò бы ни случилось, — западныя державы имѣли право измѣнять ихъ сообразно шансамъ войны. Наконецъ, было условлено, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не предприметъ ничего, не собравъ мнѣній союзныхъ государствъ. Но она не обязывалась слѣдовать этимъ мнѣніямъ. Въ концѣ концовъ она давала понять, что оставляетъ за собой полную свободу дѣйствій. Какъ ни тяжелы были эти условія, они оставляли открытымъ путь для переговоровъ, котораго кн. Горчаковъ убѣждалъ насъ не закрывать.

Фонъ-деръ-Пфордтенъ вынесъ изъ своего порученія въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ слѣдующія впечатлѣнія. Еслибы четыре предложенія были отвергнуты Россіей, война съ Австріей была бы неизбѣжна и также неизбѣжно Германія была бы вовлечена въ нее. Цѣлью ея было бы серьезное уменьшеніе могущества Россіи на долгое время. Хотя такой шагъ къ мирному рѣшенію былъ робокъ и невѣренъ, Австрія не рѣшилась бы даже и на него, еслибы она была убѣждена, что отсюда можетъ произойти разрывъ ея съ Западомъ. Вслѣдствіе того она и принимала такія предосторожности, чтобы щадить какъ можно болѣе морскія державы. Въ подобномъ настроеніи было много уже и то, что гр. Буоль былъ доведенъ до такого предѣла. Что касается Пруссіи, она, быть можетъ, рѣшилась бы помѣряться съ Франціей, увѣренная въ томъ, что симпатіи Германіи поддержатъ ее. Но она была безсильна передъ Англіей, и перспектива войны съ этой державой всегда заставляла ее отступать.

Оставалось узнать, будетъ ли обязательство, какое вѣнскій кабинетъ принималъ въ формѣ простой депеши, сочтено достаточнымъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Баварскій король предписалъ своему уполномоченному потребовать договора; но гр. Буоль, опасаясь поссориться съ Франціей, отказывался отъ всякаго фор-

мальнаго обязательства. Императоръ Францъ-Іосифъ, желая примирить эти затрудненія, обѣщалъ отправить, съ своей стороны, собственноручныя письма прусскому и баварскому королямъ для подтвержденія того, что въ депешѣ графу Эстергази содержатся вѣрныя выраженія его мысли. Отсюда можно видѣть, къ какимъ изворотамъ должна была прибѣгать австрійская политика. Впрочемъ, императоръ увѣрялъ фонъ-деръ-Пфордтена, что онъ живѣйшимъ образомъ желаетъ избѣгнуть войны съ Россіей, что никакое территоріальное пріобрѣтеніе не входитъ въ его виды и что онъ считалъ бы опаснымъ всякое присоединеніе славянскихъ земель къ Австріи.

Князь Горчаковъ, не предаваясь преувеличеннымъ надеждамъ, отмѣчалъ, однако, подобное проясненіе въ положеніи, какъ шансъ, которымъ надо было воспользоваться, какъ онъ ни былъ незначителенъ. Представляясь въ такомъ видѣ, четыре предложенія казались ему достаточно отличающимися по формѣ отъ тѣхъ, которыя мы отвергли, для того, чтобы мы могли не считать себя связанными нашимъ предыдущимъ отказомъ, еслибы императоръ Николай, принимая во вниманіе общій характеръ положенія, счелъ умѣстнымъ присоединиться къ нимъ. Въ ожиданіи рѣшеній императорскаго кабинета, онъ усиливался закрѣпить своими отношеніями къ гр. Буолю еще невѣрные проблески, которые могли создать лучшія взаимныя отношенія.

Императоръ Николай принялъ во вниманіе политическое положеніе, какое указывали ему его представители. Онъ хотѣлъ еще разъ представить доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній. 6 (18) ноября депеша канцлера имперіи извѣстила нашего представителя въ Берлинѣ, что государь призналъ четыре предложенія за исходную точку мирныхъ переговоровъ.

Они были изложены слѣдующимъ образомъ:

Варіанты четырехъ пунктовъ, представленныхъ западными державами.

1. Державы требовали отреченія Россіи отъ права исключительнаго покровительства надъ христіанскими подданными Порты. Онѣ должны придти къ соглашенію, чтобы достигнуть отъ почина и великодушныхъ намѣреній султана охраненія ихъ

1. Общая гарантія пяти державъ религіозныхъ правъ христіанъ безъ различія вѣроисповѣданій.

религіозныхъ преимуществъ, не посягая на его достоинство и независимость.	
2. Онѣ требовали прекращенія нашего протектората и замѣны его коллективной гарантіей означенныхъ привилегій, въ силу соглашенія, которое должно быть заключено съ Портой.	2. Протекторатъ надъ княжествами, осуществляемый сообща на тѣхъ же условіяхъ, какія были выговорены въ ихъ пользу нашими трактатами.
3. Эта статья была почти тождественною.	3. Пересмотръ трактата 1841 года. Россія не воспротивится ему, если султанъ на него согласенъ.
4. Державы прибавляли къ нему неопредѣленное выраженіе, заключавшее въ себѣ весь вопросъ: въ интересѣ европейскаго равновѣсія.	4. Свобода плаванія по Дунаю. Она существуетъ по праву, и Россія никогда не имѣла намѣренія препятствовать ей.

Къ несчастью, депеша императорскаго кабинета, содержавшая эти основанія, была сообщена дословно берлинскимъ кабинетомъ вѣнскому. Гр. Буоль при первомъ извѣстіи, сообщенномъ по телеграфу о нашемъ принятіи, выказалъ удовольствіе. Но какъ только самый документъ оказался у него въ рукахъ, онъ съ досадой замѣтилъ различія, какія онъ представлялъ, съ первоначальными предложеніями западныхъ державъ. Онъ заявилъ, что не можетъ принять на себя признать наше согласіе соотвѣтствующимъ ожиданіямъ державъ и долженъ снестись съ Лондономъ и Парижемъ.

Это значило возвращать вопросъ на путь бюрократическихъ усложненій, которыя имѣли для насъ такой роковой характеръ съ самаго начала кризиса, и уничтожить всякую возможность успѣха этой послѣдней примирительной попытки. Дѣйствительно, было очевидно, что западныя державы, рѣшившись вести войну до послѣдней крайности и потому стараясь увеличить число нашихъ враговъ, усмотрѣли бы въ переговорахъ о мирѣ неудачу для себя. Графъ Буоль присоединялся къ переговорамъ противъ своего желанія, только повинуясь своему государю и стараясь привлечь къ себѣ Германію. Вслѣдствіе того онъ долженъ былъ воспользоваться первымъ предлогомъ, чтобы сойти съ этой почвы.

Въ виду того кн. Горчаковъ счелъ долгомъ принять на себя новую и важную отвѣтственность. Она была тѣмъ болѣе серьезна,

что онъ имѣлъ косвенныя извѣстія о томъ, что редакція нашей депеши въ Берлинъ исходила отъ инициативы самого императора Николая Павловича. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ опасаться стать въ-разрѣзъ подобной комбинаціи. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію его, главной цѣлью императорскаго кабинета должно было быть вступленіе въ переговоры, принимая четыре пункта за исходную точку, а не за сдѣланныя уже уступки.

Нашъ представитель предложилъ графу Буолю заявить просто, что Россія была готова смотрѣть на четыре предложенія какъ на исходныя точки переговоровъ. Такая редакція показалась слишкомъ неясной австрійскому министру. Онъ замѣнилъ ее слѣдующей: Россія принимаетъ четыре предложенія Австріи за исходныя точки переговоровъ о мирѣ. При такой формѣ онъ обязывался отразить всякаго рода возраженія западныхъ державъ относительно искренности нашего согласія. Онъ вдался даже въ изліянія откровенности и изложилъ ходъ дѣйствій, которому онъ думалъ слѣдовать. Онъ долженъ былъ воспротивиться какому бы то ни было требованію внѣ четырехъ предложеній; онъ обѣщалъ дать имъ самое умѣренное и благопріятное для нашихъ интересовъ толкованіе и желалъ бы считать себя совершенно свободнымъ отъ обязательствъ передъ западными державами, относительно которыхъ упомянутые четыре пункта составляли единственную связь, какую онъ самъ не могъ порвать. Тогда составъ австрійской арміи будетъ уменьшенъ, войска будутъ удалены отъ нашихъ границъ, Россія будетъ свободна въ распоряженіи своими силами, и западныя державы не будутъ пользоваться даже нравственной поддержкой вѣнскаго кабинета. Однимъ словомъ, это будетъ нейтралитетъ.

Нашъ представитель поспѣшилъ сообщить такую комбинацію въ Петербургъ, усиленно совѣтуя принять ее, какъ единственное средство предупредить весною коалицію всей Европы, и однимъ ударомъ лишить нашихъ противниковъ Австріи и Германіи. Императорскій кабинетъ, безъ всякаго замедленія, сообщилъ ему по телеграфу согласіе государя императора.

Вслѣдствіе того произошелъ обмѣнъ нотъ, чтобы засвидѣтельствовать, съ одной стороны, наше согласіе, а съ другой—удовольствіе, съ какимъ вѣнскій кабинетъ принималъ на себя сообщеніе о немъ западнымъ державамъ.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ австрійской нотѣ наше согласіе получало характеръ гораздо болѣе опредѣленный. Графъ Буоль старался смягчить такое впечатлѣніе, увѣряя нашего представителя, что пересмотръ трактата 1841 г. и свобода плаванія

по Дунаю могутъ исходить лишь изъ обсужденій, въ которыхъ ни одна изъ сторонъ не будетъ стѣснена выраженіемъ своихъ мыслей, а что касается до покровительства надъ христіанами и надъ княжествами,—оба эти пункта будутъ считаться установленными лишь тогда, когда участь христіанъ будетъ обезпечена общимъ соглашеніемъ. „Предоставьте мнѣ,—прибавилъ онъ,—поладить съ западными державами; это не легкое дѣло, но я приложу къ нему всѣ мои старанія". Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ, потому что онѣ выясняютъ съ одной стороны надежды, какія мы связывали съ переговорами, начавшимися при такихъ благопріятныхъ предвѣщаніяхъ, а съ другой—представляютъ новое доказательство двоедушія гр. Буоля.

Въ результатѣ, кн. Горчаковъ выносилъ впечатлѣніе, что императоръ Францъ-Іосифъ искренно хотѣлъ общаго мира, который доставилъ бы ему возможность разоруженія. Война съ нами вовсе не входила въ его разсчеты. Гр. Буоль также хотѣлъ мира, но со всѣми выгодами, какихъ онъ ожидалъ отъ развитія четырехъ предложеній. Болѣе всего онъ не хотѣлъ разрыва съ Западомъ. Что касается Германіи, она утратила свое независимое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія допустила склонить себя къ подписанію дополнительнаго акта, распространявшаго союзную гарантію на австрійскую позицію въ княжествахъ. Слѣдовательно, будущее зависѣло отъ соглашенія съ Австріей. Такое соглашеніе было нелегко, будучи подчинено тайнымъ желаніямъ вѣнскаго кабинета и давленію Запада.

Представители морскихъ державъ усиливались подѣйствовать на два упомянутые двигателя. Раздосадованные нашимъ согласіемъ, они старались создать затрудненія въ Лондонѣ и въ Парижѣ и воспользоваться ложнымъ положеніемъ австрійцевъ въ княжествахъ. Былъ поднятъ вопросъ о соединеніи французскихъ войскъ съ турецкими для экспедиціи противъ Бессарабіи; такимъ путемъ надѣялись привести насъ къ рѣшительному столкновенію съ Австріей.

Таково было тогдашнее положеніе. Оно казалось еще весьма шаткимъ, но въ немъ уже представлялся шансъ для насъ, который только предстояло развить. Съ этой точки зрѣнія, кн. Горчаковъ оказалъ дѣйствительную услугу быстротою, съ какою онъ принялъ свое рѣшеніе. Минуты колебанія было бы достаточно, чтобы испортить дѣло. Настроеніе гр. Буоля не оставляло никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Наше согласіе уничтожало его разсчеты и на нѣкоторое время устранило императора Франца-Іосифа отъ его вліянія. Тѣмъ не менѣе, гр. Буоль не отказался

ни отъ одного изъ своихъ видовъ. Онъ былъ воплощеніемъ извѣстной политической системы, которую рѣшился преслѣдовать до конца, покуда будетъ находиться у дѣлъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обмѣна нотъ, свидѣтельствовавшаго о нашемъ согласіи и объ удовлетвореніи вѣнскаго кабинета, императоръ Францъ-Іосифъ приказалъ своему министру извѣстить князя Горчакова, что союзный договоръ, на случай войны между Россіей и Австріей, подписанъ между австрійскимъ правительствомъ и представителями Франціи и Англіи.

Новый переворотъ въ политикѣ гр. Буоля имѣетъ слѣдующую исторію. Въ то время, когда мы отвергли четыре предложенія союзныхъ державъ, между ними и вѣнскимъ кабинетомъ начались переговоры въ видахъ наступательнаго и оборонительнаго союза. Переговоры прерывались и возобновлялись опять, въ связи съ колебаніями ежедневной политики и отношеній съ Германіей. Текстъ договора былъ, наконецъ, установленъ, когда наше принятіе четырехъ предложеній стало ему въ-разрѣзъ. Представители Франціи и Англіи были крайне раздражены такимъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, заставлявшимъ Австрію опять ускользать изъ ихъ рукъ въ тотъ моментъ, когда они считали, что она вполнѣ захвачена сѣтью ихъ интригъ. Они рѣшились идти до послѣдней крайности, дѣйствуя на австрійское правительство прямымъ устрашеніемъ, не щадя уже болѣе ея гордости, что̀ они дѣлали до сихъ поръ. Они отправились къ гр. Буолю и потребовали немедленнаго подписанія договора. Австрійскій министръ напрасно пытался доказать имъ, что, послѣ принятія нами четырехъ пунктовъ, могло быть мѣсто не для договора о войнѣ, а лишь для совѣщаній о мирѣ. Послѣ оживленнаго спора, Буркенэ и лордъ Уэстморлэндъ заявили, что, если договоръ не будетъ подписанъ, они потребуютъ своихъ паспортовъ.

Гр. Буоль бросился къ императору. Государь отказался принимать какое бы то ни было новое обязательство. Его министръ объяснилъ ему, что отказъ былъ бы сигналомъ къ немедленной войнѣ съ Западомъ, и заявилъ, что, съ своей стороны, онъ вынужденъ будетъ подать въ отставку. Императоръ разрѣшилъ ему подписать договоръ. Никто не былъ призванъ къ совѣщанію; генералъ Гессъ ничего не зналъ о такомъ рѣшеніи. Когда онъ услышалъ о немъ, онъ воскликнулъ съ негодованіемъ: „надо было бросить имъ паспорты въ лицо!“

Императоръ Францъ-Іосифъ поручилъ гр. Буолю представить упомянутую сдѣлку нашему посланнику въ такомъ видѣ, что она имѣла цѣлью обязать западные дворы держаться четырехъ пунк-

товъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявлялъ, что его намѣренія не измѣнились, и просилъ князя Горчакова быть посредникомъ для представленія въ Петербургѣ его рѣшеній въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Нашъ представитель отвѣчалъ, что послѣ увѣреній, какія онъ сообщилъ только наканунѣ императорскому кабинету, по приказанію его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества,—увѣреній, открывавшихъ настежь двери для переговоровъ, онъ не можетъ ни объяснить, ни оправдать заключенія договора съ нашими врагами, и что онъ долженъ предоставить своему августѣйшему государю рѣшить—не долженъ ли онъ довѣрить свои интересы болѣе счастливому или болѣе искусному посреднику.

Состояніе графа Буоля было достойно жалости. Онъ старался уменьшить значеніе договора, болѣе всего сожалѣлъ о несчастномъ совпаденіи подписанія его съ нашимъ согласіемъ, но признавался, что не могъ устоять, находясь между немедленнымъ разрывомъ съ Западомъ и заключеніемъ уже готовой конвенціи. Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что у него не можетъ быть единства съ вѣнскимъ кабинетомъ въ области сужденій, имѣющихъ своимъ источникомъ одинъ только страхъ, что послѣ нашего согласія западныя державы могли настаивать на заключеніи договора лишь для публичнаго доказательства того, что онѣ могутъ сдѣлать съ Австріей все, что̀ захотятъ. Онъ прибавилъ, что онъ имѣетъ основаніе спросить, какія выгоды вѣнскій кабинетъ могъ предложить своимъ союзникамъ взамѣнъ ихъ обязательства не выходить изъ предѣловъ четырехъ пунктовъ. Выгоды, очевидно, должны были заключаться въ истолкованіи означенныхъ пунктовъ. Между тѣмъ извѣстно уже, какое толкованіе Друэнъ-де-Люисъ придавалъ пересмотру трактата 1841 г. въ интересѣ европейскаго равновѣсія; отсюда слѣдовало заключить, что австрійское правительство присоединилось къ программѣ, которая должна быть прелюдіей къ кровавой драмѣ, къ преступной комедіи, на сценѣ которой будетъ течь кровь народовъ. Гр. Буоль далъ честное слово, что на этотъ счетъ не происходило никакого обмѣна мыслей. „Въ такомъ случаѣ,—возразилъ нашъ представитель,—западные дворы должны были разсчитывать на легкость, съ какою, въ нужный имъ моментъ, они съ полной увѣренностью могли навязать вамъ свою точку зрѣнія“.

Текстъ договора оставался неизвѣстнымъ кн. Горчакову. Но, судя по слухамъ, доходившимъ до него съ разныхъ сторонъ, дѣло шло о наступательномъ союзѣ на случай, если до конца года миръ не будетъ возстановленъ на основѣ четырехъ пунктовъ. Су-

щественно важно было узнать слѣдующее: 1) установленъ ли срокъ окончательно, или онъ зависѣлъ отъ оборота, какой могли принять переговоры до января; 2) пришелъ ли гр. Буоль къ соглашенію съ союзными державами относительно разумнаго пониманія четырехъ основъ; если этотъ пунктъ не былъ выясненъ, или вѣнскій кабинетъ принималъ толкованіе Друэнъ-де-Люиса, война была неизбѣжна; 3) не было ли, наконецъ, какъ нѣкоторые подозрѣвали, кромѣ открытаго договора, тайной конвенціи, еще болѣе положительной.

Нужно было узнать также, какое рѣшеніе приметъ Германія. Невозможно было нанести ей болѣе кровнаго позора, отнестись къ ней болѣе презрительно. Наполеонъ I, послѣ ряда побѣдъ, не поступилъ бы съ нею болѣе высокомѣрно. Пруссія и Союзъ подчинятся ли такому полу-вассальному отношенію? Всѣ находившіеся въ Вѣнѣ нѣмецкіе представители краснѣли отъ стыда и негодованія. Въ будущемъ только вооруженный, энергическій и рѣшительный нейтралитетъ могъ спасти Германію отъ подобнаго униженія; иначе для Людовика-Наполеона былъ открытъ путь къ тому, чтобы присоединить къ своему титулу титулъ императора Германіи.

Князь Горчаковъ рѣшился обратиться къ императору Францу-Іосифу и испросилъ аудіенцію у его величества. Князь высказался съ откровенностью и энергіей, поколебавшими императора. Императоръ не вполнѣ взвѣсилъ значеніе дѣйствія, какое его заставили совершить. Онъ думалъ облегчить заключеніе общаго мира, но разрывъ съ нами менѣе всего входилъ въ его намѣренія. Нашъ представитель доказывалъ ему, что война исходила, очевидно, изъ самаго текста трактата, такъ какъ отъ западныхъ державъ зависѣло представить такое толкованіе четырехъ основъ, которое сдѣлало бы миръ невозможнымъ въ назначенный срокъ. Императоръ обѣщалъ подумать и приказалъ сообщить, если возможно, князю Горчакову текстъ сдѣлки.

Обѣщаніе о сообщеніи было исполнено. Договоръ состоялъ изъ семи статей, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ. Союзники обязывались не заключать отдѣльныхъ договоровъ, покуда не будетъ достигнуто условій мира, установленныхъ между ними. Австрія обязывалась защищать княжества и не ставить никакихъ препятствій дѣйствіямъ союзниковъ или турокъ. Установленіе временной организаціи княжествъ и движеніе армій должно было быть возложено на спеціальную коммиссію. Еслибы къ концу года миръ не былъ заключенъ на основѣ четырехъ пунктовъ, три державы вступили бы между собой въ соглаше-

ніе о своихъ дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ. Еслибы между Россіей и Австріей вспыхнула война, западныя державы обязывались помогать послѣдней субсидіями и войсками на условіяхъ, которыя должны были быть выработаны особо. Наконецъ, Пруссіи предполагалось предложить вступленіе въ союзъ.

Князь Горчаковъ спросилъ у гр. Буоля: единственный ли это актъ, подписанный тремя державами? Тотъ отвѣтилъ, что онъ не уполномоченъ отвѣчать на такой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, было извѣстно, что генералу Гессу было поручено заключить военную конвенцію съ французскимъ генераломъ Делетаномъ (de l'Etang).

Между тѣмъ западнымъ державамъ было отправлено приглашеніе вступить въ совѣщаніе о нашемъ принятіи четырехъ пунктовъ. Онѣ отвѣтили сперва, что пришлютъ въ Вѣну свое истолкованіе для обсужденія его съ австрійскимъ правительствомъ. Результатъ такого соглашенія будетъ отправленъ въ Петербургъ для принятія въ качествѣ предварительныхъ условій мира. Лишь послѣ такихъ формальностей открываются совѣщанія.

Подобная программа значительно уклонялась отъ нашихъ видовъ. Мы именно хотѣли обсужденія, для котораго четыре основы были бы исходной точкой. А передъ нами хотѣли поставить ультиматумъ. Нашъ представитель просилъ гр. Буоля сообщить ему, по крайней мѣрѣ, подъ строжайшей тайной, каково будетъ толкованіе вѣнскаго кабинета. Графъ Буоль отказался исполнить его просьбу, говоря, что каждый будетъ свободенъ выражать свои мысли. Ясно было, что намъ ставили западню, для того, чтобы уничтожить послѣдній шансъ мира. Послѣдующіе факты не замедлили доказать это съ полной очевидностью.

Графъ Буоль извѣстилъ нашего представителя, что конференція, имѣющая открыться, не будетъ связана съ прежней конференціей, уже не существовавшей болѣе. Въ ней примутъ участіе только воюющія стороны и Австрія. Слѣдовательно, Пруссія оказывалась исключенной изъ нея. Нашъ представитель замѣтилъ, что, по его мнѣнію, это было ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе обычныхъ пріемовъ. „Отъ Пруссіи будетъ зависѣть вступить въ конференцію,—отвѣтилъ гр. Буоль,—и она вступитъ въ нее, присоединившись къ договору 2-го декабря".

Однако извѣстія изъ Берлина сообщали, что король отказался отъ такого присоединенія.

Личному вмѣшательству императора Франца-Іосифа удалось измѣнить первоначальную комбинацію западныхъ державъ, а именно, отправленія ихъ толкованія четырехъ основъ въ Петербургъ, какъ

извѣстнаго рода ультиматума. Было условлено, что дѣло пока ограничится болѣе точнымъ установленіемъ четырехъ основъ въ полу-оффиціальномъ свиданіи, а толкованія будутъ оставлены до обсужденія въ конференціи.

Нашъ представитель былъ снабженъ самыми обширными полномочіями. Такія же полномочія получили французскій и англійскій послы. Турецкій посолъ долженъ былъ быть призванъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы предварительныя совѣщанія указали возможность переговоровъ о мирѣ. Что касается до полу-оффиціальнаго свиданія, было установлено, что де-Буркенэ и лордъ Уэстморлэндъ удовольствуются увѣреніемъ графа Буоля о неимѣніи со стороны князя Горчакова никакого возраженія противъ встрѣчи съ ними. Кромѣ того, такъ какъ англійскій посолъ былъ не совсѣмъ здоровъ, нашъ представитель согласился на то, чтобы собраніе произошло у него.

Прежде чѣмъ отправиться туда, князь Горчаковъ долженъ былъ оградить себя противъ сѣтей, которыя могли быть разставлены ему подъ видомъ расположенія къ миру. Онъ чувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣетъ громадная отвѣтственность. Будущее Россіи, быть можетъ судьбы современнаго поколѣнія въ Европѣ зависѣли отъ этого свиданія.

Графъ Буоль далъ ему понять, что толкованіе четырехъ пунктовъ будетъ имѣть весьма неопредѣленный характеръ, чтобы смягчить первое столкновеніе мнѣній, и избѣжать того, чтобы результатъ первыхъ совѣщаній не послужилъ препятствіемъ къ вступленію въ переговоры. Здѣсь могло скрываться намѣреніе затянуть дѣло подъ видомъ полнѣйшей умѣренности, отчасти для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ въ Крыму, отчасти для того, чтобы выиграть время, необходимое для военныхъ дѣйствій, такъ какъ Австрія не могла быть готова ранѣе весны. Слѣдовательно, такая комбинація была противна нашимъ интересамъ. Съ другой стороны, это могла быть западня, поставленная берлинскому кабинету. Онъ отказался присоединиться къ договору 2-го декабря прежде, чѣмъ ему будетъ извѣстно толкованіе, придаваемое четыремъ основамъ. Было возможно, что желали добиться согласія нашего представителя съ общимъ принципомъ и опереться на его согласіе, чтобы пригласить Пруссію къ совѣщаніямъ, подъ условіемъ предварительнаго присоединенія къ договору 2-го декабря. Нашъ представитель обратилъ вниманіе прусскихъ уполномоченныхъ на такую возможность.

Такимъ образомъ, князю Горчакову приходилось приступить

къ предварительнымъ совѣщаніямъ съ крайнимъ недовѣріемъ. Такое недовѣріе находило себѣ полное оправданіе.

Мы ограничимся указаніемъ исхода описываемаго свиданія. Личное настроеніе императора Франца-Іосифа было въ пользу мира. Онъ съ удовольствіемъ усматривалъ шансы такого рѣшенія, которое должно было освободить его отъ тяжести вооруженій и позора войны съ нами. Поэтому для представителей Франціи и Англіи дѣло заключалось въ томъ, чтобы парализовать такія добрыя намѣренія, добившись того, чтобы совѣщанія были порваны въ самомъ началѣ. Съ этою цѣлью они изложили свое толкованіе четырехъ основъ въ самой оскорбительной формѣ, разсчитывая на прямой отказъ князя Горчакова. Нашъ представитель понялъ эту уловку, сдержалъ свое негодованіе и, вполнѣ владѣя собою, ограничился замѣчаніями, въ которыхъ не заключалось ни неумѣстнаго согласія, ни опаснаго отказа. Тогда представители воспользовались тѣмъ, что свиданіе происходило безъ свидѣтелей, для того, чтобы исказить его отвѣтъ и представить его въ видѣ отказа. Лордъ Уэстморлэндъ нѣсколько разъ настойчиво говорилъ: „Слѣдовательно, вы отказываетесь". По выходѣ изъ засѣданія, онъ и Буркенэ телеграфировали своимъ дворамъ о „полномъ отказѣ". Графъ Буоль, съ своей стороны, на вопросъ императора Франца-Іосифа отвѣтилъ, что все произошло какъ нельзя лучше. Нашъ представитель разрушилъ и эту интригу. Засѣданіе окончилось рѣшеніемъ, что онъ „по поводу его снесется съ Петербургомъ".

Между тѣмъ онъ изложилъ свои отвѣты въ памятной запискѣ, которую довелъ до свѣденія императора. Въ этомъ документѣ главное затрудненіе было искусно обойдено. Оно связывалось съ пересмотромъ трактата 1841 г., истолковываемомъ западными представителями въ смыслѣ прекращенія нашего преобладанія на Черномъ морѣ. Князь Горчаковъ не отказывался отъ обсужденія, лишь бы между избираемыми средствами не было ни одного, которое нарушало бы державныя права императора Всероссійскаго. Императоръ Францъ-Іосифъ одобрилъ такую редакцію, оставаясь, въ данномъ случаѣ, послѣдовательнымъ себѣ, такъ какъ онъ всегда заявлялъ, что никакъ не будетъ поддерживать требованій, противныхъ нашему достоинству. Кромѣ того, кн. Горчаковъ устранилъ двѣ статьи: первую, требовавшую отчужденія русской территоріи на Нижнемъ Дунаѣ, уступки, представлявшей безъ сомнѣнія приманку, предложенную Австріи ея союзниками, и вторую — относительно права, какое предоставляли

себѣ западныя державы измѣнять и усиливать свои условія мира сообразно шансамъ войны.

Повинуясь приказаніямъ своего государя, графъ Буоль заявилъ, что онъ отказывается отъ двухъ означенныхъ статей. Нашъ представитель не побоялся указать императору постыдность расширенія своихъ владѣній на счетъ своего стариннаго союзника. Этотъ смѣлый намекъ произвелъ свое дѣйствіе.

Въ тотъ моментъ дѣло о мирныхъ переговорахъ казалось выиграннымъ въ Вѣнѣ. Оставалось узнать рѣшеніе императорскаго кабинета, къ которому обратился нашъ представитель, и рѣшеніе западныхъ державъ. Князь Горчаковъ препроводилъ въ Петербургъ всѣ относящіеся къ дѣлу документы. Онъ просилъ императора Николая считать документъ, представленный тремя державами, какъ неимѣющій значенія. Онъ могъ показаться оскорбительнымъ государю; нашъ представитель объяснялъ ему, что упомянутый документъ не былъ оффиціальнымъ, и мы могли показать видъ, что не знаемъ его. Онъ убѣждалъ государя просто придержаться текста его отвѣта, оставлявшаго открытымъ единственную дверь, черезъ которую мы могли достойно вступить въ конференцію.

Князь Горчаковъ не скрывалъ отъ себя опасности, заключавшейся въ статьѣ относительно прекращенія нашего морского преобладанія на Черномъ морѣ. Онъ основывался на слѣдующемъ аргументѣ, на которомъ можно было приступить къ обсужденію вопроса. Для прекращенія преобладанія какой-либо державы существуютъ два средства: или уменьшить силу этой державы, или увеличить силу другихъ, для того, чтобы возстановить равновѣсіе. Первое средство было непримѣнимо къ намъ, но второе могло быть предметомъ обсужденія. Морскія державы могли увеличить морскую силу Турціи въ Черномъ морѣ, или путемъ субсидій, или даже формальнымъ вспомоществованіемъ, выговоривъ себѣ право создавать морскія учрежденія на малоазіатскомъ берегу, выключая отсюда Батумъ, вслѣдствіе его близости къ нашимъ границамъ.

Строго говоря, мы могли допустить подобную комбинацію, по крайней мѣрѣ, въ видѣ временной мѣры. Крайнее опасеніе, оказываемое Австріей въ виду присутствія западныхъ силъ въ Черномъ морѣ, обѣщало намъ содѣйствіе послѣдней для возможно скораго прекращенія подобной мѣры. Во всякомъ случаѣ, обсужденіе могло быть принято нами на такихъ основаніяхъ, и большое значеніе имѣло уже то, что являлось обсужденіе мира,

между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ мы видѣли передъ собою распространеніе войны.

Западныя державы въ значительной степени предпочитали послѣднюю альтернативу, относительно которой ихъ рѣшеніе было совершенно твердо. Онѣ удвоивали усилія, чтобы добиться паденія Севастополя и уничтоженія нашегò флота, т. е. положительныхъ результатовъ, избавлявшихъ ихъ отъ необходимости настаивать въ переговорахъ на условіяхъ, которыхъ мы никогда бы не приняли. Новая французская дивизія прибыла въ Крымъ. Рѣшено было привести туда же армію Омера-паши. Вслѣдствіе того, западныя державы согласились на нѣкоторое подобіе переговоровъ съ величайшей неохотой, лишь изъ уваженія къ формальному желанію императора Франца-Іосифа и ради удержанія Австріи въ своемъ союзѣ.

Такой результатъ былъ, во всякомъ случаѣ, успѣхомъ для насъ. Первой, непосредственной выгодой его было то, что отодвигалась грань 1-го января 1855 года, назначенная договоромъ 2-го декабря крайнимъ срокомъ, послѣ котораго должно было начаться наступательное союзничество Австріи, еслибы миръ еще не былъ заключенъ. Морскія державы незадолго передъ тѣмъ закрѣпили пріобрѣтенное ими положеніе, заставивъ вѣнскій кабинетъ подписать новый протоколъ, которымъ тотъ связывалъ себя съ истолкованіемъ четырехъ основъ, установленнымъ союзными державами.

Таковы были соображенія, на которыя опирался кн. Горчаковъ, чтобы испросить у императора Николая одобренія его редакціи нашего толкованія четырехъ основъ, не переступая, однако, за эти предѣлы ни на одинъ волосъ, такъ какъ всякая дальнѣйшая уступка считалась бы нашими противниками за доказательство, что мы имѣемъ настоятельную необходимость въ мирѣ и отступимъ передъ новыми требованіями. Такой аргументъ долженъ былъ имѣть особенно рѣшительное значеніе для гр. Буоля, система котораго заключалась въ предположеніи, что твердость и настойчивость всегда заставятъ насъ уступить.

Страхъ, внушаемый въ Вѣнѣ увѣренностью, что мы не отступимъ передъ войной, что мы готовы принять ее немедленно, былъ единственной уздой, сдерживавшей Австрію. Нашъ представитель усиливался поддержать своимъ тономъ такое убѣжденіе и просилъ императорскій кабинетъ не ослаблять его усилій.

Императоръ Николай, соображая положеніе, изображаемое отчетами его представителя въ Вѣнѣ, приказалъ сообщить ему по телеграфу свое полное одобреніе четырехъ установленныхъ

пунктовъ. Князь Горчаковъ, желая воспользоваться благопріятнымъ впечатлѣніемъ, какое его энергическій тонъ произвелъ на императора Франца-Іосифа, рѣшился немедленно воспользоваться полученнымъ имъ одобреніемъ, не выжидая подтверждающей его депеши. Онъ отправился къ гр. Буолю и конфиденціально сообщилъ ему о нашемъ согласіи, прося его не сообщать объ этомъ представителямъ Франціи и Англіи, но довести до свѣденія императора Франца-Іосифа, объяснивъ его величеству, что такой результатъ проистекалъ изъ того довѣрія, какое императоръ Николай имѣлъ къ его личному слову.

Итакъ, нашъ представитель былъ готовъ вступить въ обсужденія. Графъ Буоль обѣщалъ созвать безотлагательно новое собраніе. При этомъ случаѣ онъ затронулъ вопросъ о Пруссіи. Императоръ австрійскій отступалъ передъ мыслью устранить названную державу, не столько ради неловкости такого исключенія, сколько ради слуховъ, какіе оно могло вызвать въ Германіи. Графъ Буоль нашелъ выходъ. Онъ указалъ, что Пруссія подписала трактатъ 1841 г.; слѣдовательно, этотъ актъ не могъ быть пересматриваемъ безъ нея. Въ виду того, названная держава должна быть приглашена къ участію въ конференціи, но лишь для обсужденія того изъ четырехъ пунктовъ, который относился къ упомянутой сдѣлкѣ. По этому предмету были начаты переговоры въ Берлинѣ.

Второе полу-оффиціальное собраніе уполномоченныхъ состоялось 26-го декабря. Результатомъ собранія было соглашеніе относительно четырехъ пунктовъ, рѣшавшее близкое открытіе формальныхъ совѣщаній о мирѣ. Этимъ важнымъ событіемъ заканчивается 1854-й годъ.

Бар. А. Жомини.

ГЕЛИМЕРЪ

Историческій романъ изъ эпохи Юстиніана Великаго
(VI-й вѣкъ по Р. Х.).

Соч. Феликса Дана.

Окончаніе.

КНИГА ВТОРАЯ.

На войнѣ.

XI [1]).

На слѣдующій день Велисарій, осмотрѣвъ вновь возведенныя укрѣпленія въ Карѳагенѣ и признавъ ихъ достаточно сильными, чтобы въ случаѣ пораженія прикрыть разбитую армію и выдержать осаду,—послалъ всю конницу, за исключеніемъ пятисотъ человѣкъ избранныхъ иллирійскихъ всадниковъ, на-встрѣчу непріятелю. Ѳракійцу Альтіасу поручилъ онъ команду надъ избраннымъ отрядомъ щитоносцевъ, выступившимъ съ императорскимъ главнымъ знаменемъ: Альтіасу поручалось не избѣгать аванпостной стычки, а, напротивъ того, постараться вызвать ее.

Самъ Велисарій выступилъ только на слѣдующій день съ главной частью пѣхоты и пятьюстами иллирійскихъ всадниковъ. Въ городѣ оставленъ былъ только необходимый, для защиты воротъ, башенъ и стѣнъ, гарнизонъ.

При Трикамеронѣ, въ семнадцати римскихъ миляхъ—семнад-

---

[1]) См. выше: іюль, стр. 261.

цать тысячъ шаговъ — на западъ отъ Карѳагена, Альтіасъ наткнулся на непріятеля.

Передовые ряды обоихъ отрядовъ обмѣнялись нѣсколькими стрѣлами и вернулись съ сообщеніемъ объ этомъ къ своимъ арміямъ. Византійцы разбили лагерь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли. Недалеко отъ нихъ горѣли безчисленные сторожевые огни вандаловъ. Узкій ручеекъ протекалъ между двумя позиціями. Мѣстность была плоская и обнаженная. Только на лѣвомъ флангѣ римлянъ возвышался высокій холмъ изъ песку, очень близко отъ ручья.

Не спросясь приказанія или позволенія Альтіаса, предводитель гунновъ, Айганъ, забрался на песчаный холмъ, какъ только услышалъ, что тутъ должно произойти сраженіе. Остальные гунны послѣдовали за нимъ. Онъ велѣлъ сказать Альтіасу, что гунны переночуютъ на холмѣ, а на-завтра займутъ позицію. Альтіасъ не сталъ противиться тому, чему не могъ помѣшать безъ кровопролитія. Но холмъ господствовалъ надъ окрестностью.

Поздно ночью собрались гуннскіе вожди на вершинѣ холма.

— По близости нѣтъ лазутчика?—спросилъ Айганъ:—герульскій князь не отходитъ отъ насъ!

— Господинъ, я сдѣлалъ, какъ ты приказалъ. Семьдесятъ гунновъ расположены полукружіемъ на стражѣ вокругъ нашей стоянки: птица не пролетитъ мимо нихъ незамѣченной.

— Какъ намъ слѣдуетъ завтра поступить?—спросилъ третій, гладя коня по спутанной гривѣ. — Я больше не вѣрю словамъ Велисарія. Онъ насъ обманываетъ.

— Велисарій насъ не обманываетъ. Но его обманываетъ войско.

— Я видѣлъ,—озабоченно сказалъ второй,—очень странный знакъ. Когда наступила совершенная темнота, на остріяхъ римскихъ копій зажглось небольшое синее трепещущее пламя. Чтó это означаетъ?

— Это означаетъ побѣду,— вскричалъ съ глубокимъ волненіемъ третій.—Въ нашей ордѣ живетъ преданіе: мой прапрадѣдъ самъ видѣлъ—и о томъ передается изъ рода въ родъ—такое же пламя передъ тѣмъ злополучнымъ днемъ, когда великій Атилла, бичъ божій, палъ въ Галліи.

— Атилла въ облакахъ, великій Атилла, будь къ намъ милостивъ!—прошептали всѣ трое, низко кланяясь на востокъ.

— Мой предокъ стоялъ на стражѣ въ темную ночь у журчащаго потока. На другомъ берегу ѣхали двое всадниковъ, съ копьями за плечами. Мой предокъ и его сотоварищи проскользнули въ высокій тростникъ и натянули тетивы, прицѣливаясь.—

„Погляди, Аэцій,—вскричалъ одинъ изъ всадниковъ,—твое копье свѣтится".—„И твое также, король вестготовъ", отвѣчалъ другой. —Наши предки поглядѣли. И дѣйствительно: синіе огоньки дрожали на копьяхъ непріятеля. Устрашенные, они бѣжали съ береговъ рѣки, не осмѣлясь стрѣлять въ божьихъ избранниковъ! А на другой день, великій Атилла...

— Атилла, Атилла, не гнѣвайся на насъ!—снова прошептали всѣ трое, испуганно глядя на облака.

— Чтó тогда означало побѣду германцевъ и пораженіе ихъ враговъ, можетъ теперь означать что-нибудь иное,—недовѣрчиво возразилъ Айганъ.—Мы выждемъ, какъ было рѣшено. На чьей сторонѣ будетъ побѣда, на ту мы и перейдемъ: поэтому я и выбралъ для нашей стоянки этотъ холмъ. Отсюда намъ ясно будетъ видѣнъ ходъ сраженія.

— Я бы охотнѣе ограбилъ вандальскій лагерь. Тамъ должно быть много золота.

— И бѣлогрудыхъ женщинъ.

— Но въ Карѳагенѣ осталось еще больше золота, нежели въ палаткахъ вандальскаго государя.

— Лучше же всего то, что рѣшеніе будетъ намъ извѣстно прежде, нежели прибудетъ римскій левъ.

— Ты правъ! Я бы не желалъ на его молніеносныхъ глазахъ пристать къ непріятелю.

— Терпѣніе! ждите спокойно! Куда я метну стрѣлу, туда и бросайтесь. И Атилла будетъ носиться въ воздухѣ, высоко надъ своими сынами.

Онъ взялъ шлемъ съ толстой черной овчины, подбросилъ его въ воздухѣ и потихоньку запѣлъ:

— Атилла, Атилла, дай намъ добычу, добычу твоимъ послушнымъ сынамъ: желтое золото и бѣлое серебро, и красную кровь винограда и прекраснѣйшихъ вражескихъ женщинъ!

Остальные съ обнаженной головой набожно повторили эти слова.

Послѣ этого онъ надѣлъ шлемъ на голову и проговорилъ:

— Тише! разойдемся!..

XII.

Въ лагерѣ вандаловъ, на лѣвой сторонѣ ручья, на королевскомъ шатрѣ тихій ночной вѣтерокъ развѣвалъ большое знамя Гензериха. Возлѣ королевскаго шатра, въ другой, болѣе низкой палаткѣ сидѣли молча на постели, рука въ руку, Гибамундъ и

Хильда; столъ передъ ними покрытъ былъ оружіемъ Гибамунда; лампада, спускавшаяся съ потолка, бросала блѣдный свѣтъ на него, и сталь сверкала; но возлѣ этого блестящаго оружія лежалъ темный мечъ съ великолѣпной рукояткой въ черныхъ кожаныхъ ножнахъ, замѣчательной работы.

— Трудно мнѣ было,—сказалъ Гибамундъ, вставая съ мѣста, —покориться приказу короля и дожидаться въ лагерѣ его возвращенія. Напряженіе и нетерпѣніе слишкомъ велики.

— Да, но что если мавры измѣнятъ намъ! Сколько ихъ, говорилъ ты?

— Двѣнадцать тысячъ. Они должны были бы прибыть, изъ лагеря при Буллѣ, еще третьяго дня, еслибы держались уговора. Напрасно посылалъ король гонца за гонцомъ, чтобы поторопить ихъ. Наконецъ, въ нетерпѣніи, онъ самъ поѣхалъ имъ на-встрѣчу по нумидійской дорогѣ. Вѣдь если завтра у насъ не будетъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты—она должна была образовать нашъ лѣвый флангъ—то наша позиція... Стой! это сторожевой рогъ! Король, должно быть, вернулся. Я пойду, самъ его спрошу.

Но уже вблизи послышались шаги, звонъ оружія: оба супруга бросились на-встрѣчу ко входу въ палатку. Занавѣсъ быстро раздвинулся, и передъ ними появился... Цацо.

— Ты, братъ?

— Цацо, ты вернулся назадъ! О! теперь все пойдетъ хорошо.

— Если и не совсѣмъ хорошо, то все же дѣла наши могутъ поправиться.

— Откуда ты появился такъ внезапно? Видѣлъ Гелимера?..

— Онъ сейчасъ придетъ сюда! Онъ обѣщалъ! Онъ... молится въ своемъ шатрѣ... вмѣстѣ съ Веромъ.

— Ты прибылъ изъ...

— Прямехонько изъ Сардиніи. Одно письмо короля, отправленное Веромъ и призывавшее меня назадъ, предостерегая отъ возращенія въ гавань Кароагена, меня не достигло. Но другое, отъ самого брата, съ вѣстями о нашемъ пораженіи, я получилъ и, высадившись на указанномъ мѣстѣ, направился въ Буллу, чтобы, забравъ мавританскихъ наемниковъ, идти сюда. Я дошелъ до Буллы и нашелъ...

И онъ топнулъ ногой.

— Ну, что такое?

— Пустой лагерь.

— Мавры уже выступили сюда?

— Они разбѣжались! Всѣ двѣнадцать тысячъ скрылись въ пустынѣ.

— Боже мой!

— Измѣнники!

— Не измѣнники. Они прислали королю назадъ всѣ деньги. Кабаонъ, ихъ пророкъ и глава, запретилъ имъ принимать участіе въ этомъ бою. Всѣ послушались его совѣта. Только человѣкъ двѣсти изъ папуанскихъ горъ...

— Они побратались съ Гелимеромъ, со всѣмъ родомъ Асдинговъ!

— Послѣдовали за нами, подъ командой своего вождя Серсаона.

— Это мѣняетъ весь планъ короля на завтрашнее сраженіе.

— Ну что-жъ,—спокойно замѣтилъ Цацо,—за то онъ неожиданно получилъ мой отрядъ: не полныхъ пять тысячъ, но...

— Но съ тобой во главѣ!—вскричалъ Гибамундъ.

— На нумидійской дорогѣ онъ встрѣтилъ сначала моихъ гонцовъ, затѣмъ меня самого съ войскомъ. Какое печальное свиданіе! Какъ я радовался моей побѣдѣ! Но теперь... Гелимеръ заплакалъ, когда бросился ко мнѣ на грудь. И я самъ... Ахъ, Аммата!.. Но нѣтъ—мы должны быть тверды и спокойны. Мало того: жестки. Король нашъ—увы!—слишкомъ мягокъ.

— Но онъ теперь нѣсколько оправился отъ пораженія при Децимумѣ. Въ ту пору онъ совсѣмъ разстроился...

— Да,—проворчала Хильда,—болѣе, нежели позволительно мужчинѣ...

— Я любилъ Аммату не менѣе, чѣмъ онъ,—сказалъ Цацо, и губы его задрожали.—Но... выпустить изъ рукъ вѣрную побѣду, чтобы оплакивать и хоронить мальчика...

— Ты бы этого не сдѣлалъ, Цацо, — проговорилъ кроткій голосъ. Гелимеръ вошелъ: онъ произнесъ эти слова совсѣмъ спокойно; остальные испуганно оглянулись.

— Ваши порицанія вполнѣ справедливы,—продолжалъ онъ, —но я увидѣлъ въ этомъ несчастіи—онъ былъ первымъ вандаломъ, павшимъ въ этой битвѣ — божій приговоръ. Если невиннѣйшій изъ насъ палъ, это значитъ—кара Господа тяготѣетъ надъ нами за преступленія нашихъ отцовъ.

Цацо сердито покачалъ головой и съ такой силой поставилъ шлемъ на столъ, что онъ зазвенѣлъ.

— Братъ, братъ! этотъ мрачный, мечтательный призракъ погубитъ тебя и весь твой народъ! Я недостаточно ученъ, чтобы съ тобою спорить. Но я тоже христіанинъ и набожный христіанинъ—не такой язычникъ, какъ наша Хильда,—и я говорю тебѣ... Нѣтъ! дай договорить! Какъ надо понимать то страшное кара-

тельное слово Господа—я не знаю, да мнѣ нѣтъ и дѣла. Но одно я знаю: если наше государство погибнетъ, то не за грѣхи отцовъ, а по нашимъ собственнымъ ошибкамъ. Грѣхи отцовъ—конечно, и они наказуются. Наслѣдственны вѣдь и порокъ, и болѣзнь. Изнѣжившись сами, они дали изнѣженное поколѣніе дѣтей; свою жажду наслажденій они передали и дѣтямъ. И за другія вины отцовъ расплачиваемся мы; но безъ всякихъ чудесъ. Что католики, которыхъ мучили въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, обратились противъ насъ и примкнули къ императору, что остготы помогаютъ непріятелю, а не намъ —это, конечно, явная кара за грѣхи отцовъ. Но Господу не нужно совершать никакого чуда для этого! Эхъ! скорѣе было бы чудомъ, еслибы онъ этому воспрепятствовалъ. И Аммата... развѣ онъ вполнѣ невиненъ? Вопреки твоему приказанію, бросается онъ, какъ безумный, въ битву. А благородный вандалъ? вмѣсто того, чтобы, какъ подобаетъ военачальнику, исполнить свой долгъ и предоставить непокорнаго его судьбѣ, и не начинать боя, пока Гибамундъ не придетъ на позицію, онъ, выполняя желаніе своего сердца, стремится спасти твоего любимца, и...

Онъ замолчалъ.

— И король,—продолжалъ Гелимеръ,—вмѣсто того, чтобы исполнить свою обязанность, таетъ какъ воскъ при видѣ убитаго. Но вѣдь въ этомъ-то и видна какъ разъ кара, проклятіе Господне.

— Вовсе нѣтъ. И въ этомъ нѣтъ никакого чуда! Это только послѣдствіе того, что и ты, братъ, уже не настоящій вандалъ! Я уже разъ говорилъ тебѣ это. Ты утопаешь не въ порокахъ, какъ твой народъ, но въ мечтаніяхъ. И, конечно, опять-таки по винѣ отцовъ. Вѣдь ты присутствовалъ мальчикомъ при пыткахъ... Но безполезно вопрошать, какимъ образомъ прошлое отражается на настоящемъ: надо завтра исполнить свой долгъ—вѣрно и безъ мечтаній. Тогда мы побѣдимъ—и это будетъ счастіе, или падемъ, какъ мужи, чтб тоже недурно. Больше того, чѣмъ исполнить свой долгъ, мы вѣдь не въ силахъ. А Господь будетъ судить наши души по своей неизреченной благости. Я не страшусь за свою душу, потому что паду въ битвѣ за свой народъ.

— О! — вскричала радостно Хильда:—какъ отрадно тебя слышать! точно свѣжій сѣверный вѣтеръ, разгоняющій жаркій и душный воздухъ.

Гелимеръ отвѣчалъ печально, но безъ всякаго упрека:

— Да, здоровый не понимаетъ, что больной не можетъ пѣть и прыгать. Я иначе не могу: я долженъ „мечтать", какъ вы

это называете. Однако,—усмѣхнулся онъ горестно,—иногда и я отряхиваю прочь мечтанія и на свой ладъ обновляюсь... молитвою. Я спокоенъ насчетъ моего права. Оно на моей сторонѣ! Я—не узурпаторъ, какъ меня называетъ императоръ; вѣроломный Хильдерихъ былъ по праву низложенъ. Я не виноватъ, я не измѣнялъ Хильдериху, и императору нѣтъ причины вступаться за него. Въ этомъ мое утѣшеніе, мой покровъ, моя опора! Ахъ! это ты, Веръ! ты всегда входишь неслышно.

Цацо враждебно измѣрилъ его взглядомъ.

— Я пришелъ за тобою, король Гелимеръ. Надо еще приготовить письменные приказы... Я хотѣлъ также напомнить тебѣ про заключенныхъ...

— Такъ, такъ! Послушай, Цацо, согласись, наконецъ, съ нами. Позволь мнѣ отпустить на волю Хильдериха и Эцага...

— Ни за что!—закричалъ Цацо, и большими шагами заходилъ по шатру.—Ни за что! всего менѣе—наканунѣ рѣшительной битвы. Неужели предоставить Велисарію, въ случаѣ если мы будемъ побѣждены, снова посадить его на престолъ въ Карѳагенѣ? Или же, если мы побѣдимъ, то предоставить ему держать его въ Византіи при дворѣ, какъ живой предлогъ снова начать войну? Долой головы убійцамъ! Гдѣ они?

— Здѣсь въ лагерѣ, подъ крѣпкой охраной.

— А заложники?

— Они были, вмѣстѣ съ сыномъ Пуденція, посажены подъ караулъ въ Децимумѣ,—отвѣчалъ Веръ.—Послѣ нашего пораженія, побѣдители ихъ освободили.

— Это могло бы повториться и завтра,—проворчалъ Цацо. —Легко можетъ случиться, что въ пылу сраженія, мимоходомъ, непріятель проникнетъ въ этотъ открытый лагерь. Я требую, король...

— Хорошо,—перебилъ тотъ и, обращаясь къ Веру, приказалъ:

— Прикажи устранить Хильдериха съ братомъ!

— Куда?

— Въ какое-нибудь безопасное мѣсто, куда византійцы не могутъ придти освободить ихъ.

Веръ поклонился и поспѣшно вышелъ.

— Я сейчасъ приду!—закричалъ ему вслѣдъ король.—Не будьте ко мнѣ слишкомъ строги, здоровые люди!—кротко сказалъ онъ, обращаясь къ оставшимся въ шатрѣ:—я—пораженный молніей стволъ! Но завтра,—выпрямился онъ,—завтра я надѣюсь,

что вы останетесь мною довольны. Даже и ты, строгая Хильда! Одолжи мнѣ свою маленькую лютню: ты не пожалѣешь о томъ.

Хильда достала лютню въ углу шатра.

— Вотъ она! Но знаешь ли, — прибавила она, смѣясь, — ея струны лопаются, если захотятъ пѣть подъ ихъ аккомпаниментъ латинскіе стихи или покаянныя молитвы.

— Онѣ не лопнутъ. Спите спокойно.

И король вышелъ изъ шатра.

— Эта лютня изъ темнаго дерева...—началъ Цацо.—Мнѣ сдается, что я видалъ ее въ другихъ рукахъ. У кого же? не въ Равеннѣ ли?

Хильда кивнула головой.

— Мой пріятель Теха, учившій меня играть на лютнѣ и владѣть оружіемъ, подарилъ мнѣ ее вмѣсто свадебнаго подарка. И онъ не забылъ меня, вѣрный другъ. Пока счастіе улыбалось, онъ не напоминалъ о себѣ. Но теперь...

— Ну?—спросилъ Цацо.

— Какъ только пришло въ Равенну извѣстіе о нашемъ пораженіи при Децимумѣ,—объяснилъ Гибамундъ,—Теха и еще нѣсколько другихъ остготовъ хотѣли отправиться къ намъ на помощь съ отрядомъ добровольцевъ. Но регентша строго это запретила. Тогда Теха прислалъ моей вдовѣ—онъ думалъ, что убитъ я, а не Аммата — этотъ чудный мечъ изъ темнаго желѣза.

— Какая великолѣпная работа!—сказалъ Цацо, вынимая кинжалъ изъ ноженъ и пробуя его.—Вотъ благородное оружіе!

— Онъ самъ его выковалъ!— вскричала Хильда.—Погляди— вотъ здѣсь на рукояткѣ стоитъ гербъ его дома.

— А на клинкѣ руническая надпись: „мертвые свободны„. Гм! суровое утѣшеніе. Но не для Хильды... Но только смотри, Хильда, не торопись!—замѣтилъ Цацо, уходя.

— Не бойся,—отвѣчала она, обнимая обѣими руками мужа: —это—утѣшеніе и оружіе для вдовы!

XIII.

На другое утро звуки рожковъ разбудили задолго до солнечнаго восхода спящій вандальскій лагерь.

На глазахъ у римлянъ, прикрытая переднимъ рядомъ палатокъ, выстроилась армія варваровъ въ боевой порядокъ внутри собственнаго лагеря. Уже наканунѣ вечеромъ розданы были от-

дѣльнымъ вождямъ письменные приказы объ ихъ позиціяхъ, такъ что все совершилось безъ затрудненія, и люди стояли на своихъ мѣстахъ или лежали на землѣ и завтракали хлѣбомъ съ виномъ.

Лагерь былъ очень великъ: не очень углублялся въ ширь, но чрезвычайно растянулся вдоль, по теченію небольшой рѣчки. Кромѣ воиновъ, въ немъ находилось нѣсколько тысячъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, убѣжавшихъ изъ Кареагена и изъ другихъ мѣстъ, занятыхъ непріятелемъ.

Звуки трубъ созывали военачальниковъ и тысячниковъ на середину лагеря, гдѣ на большой, открытой площади находился король и его двое братьевъ верхомъ на коняхъ. Около нихъ, оперпшись на шею благородного вороного коня, стояла Хильда, держа въ рукѣ обмотанное копье; возлѣ нея Веръ въ полномъ священническомъ облаченіи сидѣлъ на конѣ. Кромѣ предводителей здѣсь тѣснились воины отряда, вернувшагося съ Цацо изъ Сардиніи.

Снова прозвучалъ трубный призывъ по лагерю, и затѣмъ Цацо выѣхалъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Шумные крики привѣтствовали его. Онъ заговорилъ громкимъ, твердымъ голосомъ: —Выслушай меня, воинственный народъ вандальскій. Мы сегодня будемъ биться не за побѣду—мы будемъ биться за свое существованіе, за имперію Гензериха и его славу, за женъ и дѣтей, которые попадутъ въ рабство, если мы будемъ побѣждены. Сегодня мы будемъ глядѣть въ лицо врага и смерти. Король такъ приказалъ: этотъ бой вандалы поведутъ однимъ лишь мечомъ; не надо ни лука, ни стрѣлъ, ни копья, ни дротика. Глядите, я бросаю прочь копье; сдѣлайте такъ же и вы: съ мечомъ въ рукѣ —прямо на врага.

Онъ бросилъ копье на землю: всѣ воины послѣдовали его примѣру.

— Только одно копье,—продолжалъ онъ,—будетъ сегодня возвышаться надъ вандалами. Вотъ это!

Хильда подошла къ нему: онъ взялъ копье у нея изъ рукъ, снялъ чехолъ и развернулъ, поднявъ его высоко надъ головой, ярко-красное знамя.

— Знамя Гензериха! побѣдоносный драконъ Гензериха!—завопили тысячи голосовъ.

— Слѣдуйте за этимъ знаменемъ, куда оно васъ призоветъ. Не дайте ему попасть въ руки врага! Клянитесь, что послѣдуете за нимъ на смерть.

— Пойдемъ на смерть!—грянуло въ отвѣтъ.

— Хорошо. Я вѣрю вамъ, вандалы. Теперь выслушайте

своего короля. Вы знаете, что онъ владѣетъ лютней и даромъ пѣсенъ. Онъ составилъ отличную боевую диспозицію; онъ же сочинилъ боевую пѣснь, которая должна увлечь васъ въ бой.

Гелимеръ сбросилъ длинную пурпуровую мантію, взялъ темную трехгранную лютню Хильды и запѣлъ боевую пѣсню, ударяя по звонкимъ струнамъ:

„Богъ дастъ побѣду правому дѣлу!"—такъ заканчивалась эта пѣсня, и весь народъ подхватилъ эти слова и разошелся по лагерю.

Король и его братья сошли съ коней, чтобы, кончивъ послѣднее краткое совѣщаніе, выпить вина, которое имъ поднесла сама Хильда.

Въ ту минуту какъ Гелимеръ передавалъ лютню Хильдѣ, сквозь толпу протѣснилась странная фигура.

Король и его братья съ удивленіемъ глядѣли на высокаго роста человѣка, закутаннаго съ головы до ногъ въ верблюжью шкуру, которая придерживалась вмѣсто веревки поясомъ, сплетеннымъ изъ великолѣпныхъ золотисто-русыхъ женскихъ волосъ. Никакія сандаліи не защищали ногъ и никакого головного убора не видно было на коротко-обритой головѣ; щеки впали, провалившіеся глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; онъ бросился на колѣни передъ королемъ и съ мольбой протянулъ къ нему руки.

— Ей-Богу, я узнаю тебя, человѣкъ!—сказалъ король.

— Да, да, это онъ!—подтвердилъ Гибамундъ.

— Ѳразабадъ, братъ Ѳразариха,—заключилъ Цацо.

— Безъ вѣсти пропавшій, котораго считали мертвымъ?—спросила Хильда, подходя ближе.

— Да, Ѳразабадъ,—отвѣчалъ беззвучный голосъ.—Я—убійца, ея убійца. Король, суди меня!

Гелимеръ наклонился, взялъ его за правую руку и поднялъ съ колѣнъ.

— Нѣтъ, ты не убилъ гречанки. Твой братъ мнѣ все разсказалъ.

— Все равно, я виноватъ! Кровь ея лежитъ на моей душѣ. Я положилъ ея мертвое тѣло на коня въ ту самую ночь и поскакалъ съ нимъ подальше отъ людскихъ глазъ! Я скакалъ по пустынѣ до тѣхъ поръ, пока конь мой не палъ, и вотъ этими самыми руками я похоронилъ ее въ пескѣ, неподалеку отсюда. Ея чудные волосы я обрѣзалъ. И неустанно молился надъ ея могилой. Благочестивые монахи, пустынножители, нашли меня проголодавшагося и еле-живого, и обѣщали мнѣ божіе прощеніе, если я присоединюсь къ нимъ и буду спасаться въ пустынѣ. Я далъ

обѣтъ и отрѣзалъ волосы Главки, чтобы они мнѣ постоянно напоминали о моей винѣ. Пустынники приносили мнѣ пищу въ уединенное ущелье. Но когда я узналъ о пораженіи при Децимумѣ и о смерти моего брата, я лишился своего покоя. Я когда-то ловко владѣлъ мечомъ. Мое сердце влекло меня вновь послѣдовать за призывомъ военной трубы. Ахъ! я не смѣлъ, я зналъ, что недостоинъ! Но вотъ нынѣшней ночью она явилась мнѣ во снѣ, прекрасная какъ свѣтлый духъ, и сказала:—Ступай къ своимъ единоплеменникамъ, попроси у нихъ мечъ и бейся и умри за свой народъ. Это будетъ искупленіемъ твоихъ грѣховъ. Повѣрь мнѣ, король! Я не лгу, и если ты можешь простить...

Тутъ подошелъ Цацо, взялъ мечъ у одного изъ своихъ воиновъ и подалъ его монаху:

— Возьми, Ѳразабадъ, Ѳразамеровъ сынъ! Возьми этотъ мечъ и слѣдуй за моимъ отрядомъ. Король согласенъ. Видишь, онъ киваетъ головой. А теперь, король Гелимеръ, прикажи трубить рогамъ и — впередъ, на врага!

XIV.

Король взглядомъ полководца увидѣлъ, что рѣшеніе битвы должно произойти въ центрѣ обѣихъ армій, гдѣ влѣво на юго-западъ и вправо на сѣверо-востокъ шли отъ ручья отлогія возвышенности, на которыхъ расположились оба лагеря.

Кромѣ того, перебѣжчики изъ гунновъ возвѣстили, что ихъ союзный отрядъ не намѣренъ вовсе участвовать въ битвѣ; поэтому Гелимеръ не ждалъ опасности для своего лѣваго фланга отъ праваго римскаго.

Поэтому онъ отвелъ свой правый флангъ довольно далеко назадъ, такъ что непріятелю приходилось долго идти, прежде, нежели его настигнуть; быть можетъ, такъ долго, что тѣмъ временемъ битва успѣетъ увѣнчаться побѣдой въ центрѣ, и это заставитъ гунновъ перейти на сторону вандаловъ.

Такимъ образомъ, въ центрѣ король поставилъ лучшія силы своего войска; гораздо больше конницы, чѣмъ пѣхоты, и почти всѣ пять тысячъ воиновъ Цацо, подъ командой послѣдняго; здѣсь также стоялъ Гибамундъ съ преданнымъ отрядомъ въ двѣсти человѣкъ; здѣсь были и оба Гундинга съ многочисленными родичами въ шлемахъ изъ шкуры вепря и съ такими же щитами, какъ и ихъ предводители; здѣсь же находился съ отрядомъ всадниковъ изъ вѣрныхъ мавровъ Папуанскихъ горъ ихъ юный пред-

водитель, Серсаонъ. Команду надъ обоими флангами Гелимеръ поручилъ двумъ другимъ благороднымъ вандаламъ, а самъ леталъ всюду на своемъ быстромъ конѣ, объѣзжалъ всѣ ряды войскъ и ободрялъ воиновъ.

Бой начался, какъ и предполагалъ король, вполнѣ неожиданно для византійцевъ.

Въ то время, какъ византійцы были заняты приготовленіемъ завтрака, онъ внезапно началъ схватку, выводя на лѣвый берегъ ручейка своихъ воиновъ, изъ-за прикрывавшихъ ихъ палатокъ.

Удивленные военачальники Велисарія—самъ онъ отсутствовалъ въ этомъ мѣстѣ—выстроили своихъ воиновъ какъ попало, то-есть тамъ, гдѣ ихъ застала аттака непріятеля.

Правый римскій флангъ заняли на холмѣ гунны; они не тронулись съ мѣста.

Рядомъ съ ними, въ силу тайныхъ приказаній, стоялъ Фара съ герулами, наблюдая за подозрительными союзниками.

Затѣмъ слѣдовали въ центрѣ—Альтіасъ ѳракіецъ и Іоаннъ армянинъ съ отрядомъ единоплеменниковъ, а также щитоносцы и копьеносцы изъ тѣлохранителей Велисарія; здѣсь сверкалъ императорскій значокъ, „vexillum praetorium“, знамя полководца Велисарія.

Лѣвое римское крыло образовали другіе союзные народы, кромѣ гунновъ; византійцы также сообразили, что рѣшеніе битвы должно произойти въ центрѣ обѣихъ диспозицій.

Когда Гибамундъ, сѣвъ на бѣлаго коня, повелъ своихъ воиновъ, Хильда сопровождала его на своемъ ворономъ.

По желанію мужа, она надѣла на голову легкій шлемъ съ развѣвающимися бѣлыми соколиными перьями. Изъ-подъ шлема золотистые волосы разсыпались свободной волной по бѣлой мантіи. Мужъ велѣлъ также ей взять легкій посеребренный щитъ. Нижнее бѣлое платье опоясано было кинжаломъ, который ей прислалъ Теха, но броню она не согласилась надѣть, находя ее слишкомъ тяжелой.

— Вѣдь ты не позволишь мнѣ сражаться рядомъ съ тобой, —жаловалась она.

Стрѣлы византійцевъ уже начали летать надъ головами вандаловъ и задѣли нѣкоторыхъ изъ воиновъ Гибамунда.

— Стой!—скомандовалъ онъ.—Прощай, милая! Жди на этомъ холмикѣ. Я оставлю десять человѣкъ для твоего прикрытія. Отсюда тебѣ будетъ далеко видно. Слѣди за бѣлыми перьями моего шлема и за драконовымъ знаменемъ. Я буду тамъ, гдѣ и оно.

Еще пожатіе руки—и Гибамундъ уже былъ далеко; Хильда остановила послушнаго коня; она была очень блѣдна.

Непріятельскія арміи сошлись и сразились.

Іоаннъ армянинъ, одинъ изъ лучшихъ военачальниковъ Велисарія, перешелъ съ своимъ отрядомъ черезъ рѣчонку, гдѣ вода доходила имъ по колѣни, и взобрался на крутой вандальскій берегъ.

Онъ немедленно былъ отброшенъ назадъ. Цацо набросился на него, какъ коршунъ на мелкую птицу. Вода ручья окрасилась кровью, и вандалы преслѣдовали непріятеля и на противоположномъ берегу.

Хильда ясно видѣла это со своей стоянки.—Наконецъ-то, наконецъ-то,—вскричала она,—намъ улыбается счастіе!

Но Цацо не продолжалъ преслѣдованія. Онъ осторожно увелъ своихъ воиновъ обратно на лѣвый берегъ ручья.

— Мы еще разъ сбросимъ ихъ въ ручей, — засмѣялся онъ, —воспользуемся еще разъ нашей возвышенной позиціей.

Армяне увлекли въ безпорядочномъ бѣгствѣ за собой и предводителя.

Этотъ послѣдній, которому Цацо пробилъ сквозь щитъ руку, мрачно сказалъ Марцеллу, предводителю тѣлохранителей:

— Чортъ вселился въ ротозѣевъ Децимума. То, что они сражаются только на мечахъ, совсѣмъ сбило съ толку моихъ копьеносцевъ. Варвары отсѣкаютъ имъ копья, наскакиваютъ и прокалываютъ ихъ. Дай мнѣ своихъ щитоносцевъ; я попытаюсь вновь.

Вмѣстѣ съ щитоносцами, подъ предводительствомъ Мартина, армяне повторили аттаку. Ни одной стрѣлы, ни одного дротика не было въ нихъ брошено съ высоты вандальскаго берега; но какъ скоро они начали карабкаться на вандальскій берегъ, такъ германцы набросились на нихъ съ мечомъ въ рукѣ. Мартинъ палъ отъ удара меча Гибамунда. Тутъ и щитоносцы побѣжали; армяне дрогнули, смѣшались и тоже обратились въ бѣгство, преслѣдуемые вандалами.

Но гдѣ же былъ Велисарій?

Онъ только-что прибылъ изъ Карѳагена съ пятью-стами всадниковъ, какъ разъ во-время, чтобы видѣть бѣгство своихъ.

Когда онъ узналъ, что это отбито было второе нападеніе, онъ приказалъ всѣмъ своимъ тѣлохранителямъ, какъ пѣшимъ, такъ и коннымъ, идти вмѣстѣ съ ѳракійцемъ Альтіасомъ въ третью аттаку. Онъ велѣлъ имъ взять съ собой главное знамя.

Видъ былъ внушительный, грозный. Римская туба загремѣла,

привѣтствуя знамя полководца. Точно подвижная желѣзная стѣна, подвигались византійцы сомкнутымъ строемъ, выставивъ впередъ длинныя копья. Цацо увидѣлъ, что его люди дрогнули.

— Впередъ! черезъ ручей! Въ аттаку!

И бросился впереди всѣхъ. Но скоро примѣтилъ, что за нимъ послѣдовали немногіе... одни Гундинги съ ихъ родичами.

— Впередъ!—закричалъ онъ еще разъ.

Но вандалы медлили. Они чувствовали, что бой съ высоты былъ для нихъ благопріятенъ и не хотѣли оставить спасительнаго холма; тѣмъ болѣе, что узнали издали Велисарія. Страшными и грозными казались имъ подвигающіеся ряды копій.

— Ахъ! еслибы и у насъ были копья!—услышалъ онъ позади себя тревожные возгласы. Уже византійцы перешли черезъ ручей, уже карабкались на высоту, а вандалы все еще не слушались приказа идти въ аттаку.

— Вы не хотите идти,—закричалъ Цацо съ яростью,—такъ я же васъ заставлю!

И съ этими словами онъ вырвалъ у всадника, стоявшаго по правую его руку знамя Гензериха и съ крикомъ:

— Добудьте снова знамя и свою честь!—онъ изо всѣхъ силъ бросилъ знамя внизъ черезъ ручей, въ самый центръ византійскихъ рядовъ.

Громко завопили и враги, и вандалы.

Одинъ изъ византійцевъ немедленно поднялъ знамя съ земли, высоко поднялъ его въ воздухѣ и поспѣшилъ съ нимъ къ Велисарію.

Но онъ не далеко отъѣхалъ.

Когда вандалы увидѣли священное знамя своей имперіи въ рукахъ непріятеля, они бросились всѣ, конные и пѣшіе, за вождями черезъ ручей и на византійцевъ.

Возлѣ Цацо ѣхалъ на сильномъ жеребцѣ странный человѣкъ: монахъ безъ шлема, щита и брони, въ сѣромъ балахонѣ и съ мечомъ въ рукѣ. Онъ прорубилъ себѣ путь среди непріятельскихъ рядовъ, настигъ всадника, завладѣвшаго краснымъ знаменемъ, вырвалъ знамя у него изъ рукъ и разрубилъ ему ударомъ меча шлемъ и черепъ: всадникъ былъ Валеріанъ, начальникъ копьеносцевъ.

Побѣдитель высоко поднялъ въ руки отвоеванное знамя, но въ ту же минуту упалъ съ лошади, пробитый пятью дротиками.

Но изъ рукъ упавшаго монаха знамя уже перешло къ Гундобаду.

Братъ его и весь отрядъ Гундинговъ бросились ему на выручку.

Ближайшіе непріятельскіе ряды дрогнули и побѣжали.

— Побѣда!—закричали вандалы и бросились вслѣдъ бѣгущему врагу.

— Побѣда!—радовалась и Хильда, которой было все видно съ холма, на которомъ она стояла.

XV.

И Велисарій увидѣлъ съ возвышенности, гдѣ стоялъ съ отрядомъ.

— Спѣши,—закричалъ онъ Прокопію,—къ Фарѣ и геруламъ! Пусть они повернутъ на лѣвый флангъ и возьмутъ эту красную тряпку.

— А гунны?—спросилъ шопотомъ Прокопій.—Погляди-ка: они тихо выѣзжаютъ, но не противъ вандаловъ...

— Повинуйся! Прежде всего нужно положить конецъ этой германской пляскѣ вокругъ краснаго значка. Гунны побоятся въ крайнемъ случаѣ меня лично.

Прокопій съѣхалъ съ возвышенности и отправился на правый флангъ.

Тѣмъ временемъ у краснаго знамени снова перемѣнился знаменосецъ.

Всѣ дротики и стрѣлы цѣлились въ видный издалека, опасный значокъ: конь Гундобада палъ, и всадникъ вмѣстѣ съ нимъ.

Но изъ рукъ умирающаго брата принялъ знамя Гундомаръ и проткнулъ мечомъ шею Кипріана, второго командира ѳракійцевъ, который разрубилъ шлемъ и голову Гундобаду въ ту минуту, какъ тотъ хотѣлъ высвободиться изъ-подъ мертваго коня.

Хильда увидѣла на мгновеніе, что красное знамя скрылось и въ тревогѣ слегка ударила вороного по шеѣ: огневой конь понесся какъ вихрь, и только прискакавъ на берегъ ручья, спохватилась она остановить коня. Гораздо позже прискакали ея спутники на новую позицію.

Въ эту минуту Альтіасъ настигъ второго Гундинга. Борьба была неровная, невыгодная для каждаго знаменосца: лѣвой рукой, державшей поводья и тяжелое знамя, нельзя было пользоваться щитомъ, и тяжесть знамени значительно затрудняла также всѣ движенія правой руки: послѣ краткаго боя Гундингъ упалъ съ лошади, пробитый копьемъ ѳракійца.

Но уже Гибамундъ спѣшилъ на выручку. Въ то время, какъ, окруженный густымъ отрядомъ, онъ отвоевалъ красное знамя,

Цацо прокрался сквозь ряды ѳракійцевъ и, настигнувъ тѣлохранителя Велисарія съ византійскимъ знаменемъ, нанесъ ему ударъ мечомъ по головѣ, которымъ разрубилъ черепъ.

Знамя византійскаго полководца упало. Хильда ясно увидѣла это: ее невольно тянуло впередъ, вслѣдъ за побѣдой.

Наступилъ рѣшительный моментъ битвы. Велисарій увидѣлъ свое знамя въ рукахъ вандаловъ, какъ вдругъ съ праваго фланга, совсѣмъ по близости, послышались германскіе рожки: то были герулы.

Дротикъ, пущенный ловкой рукой—его пустилъ самъ Фара—пробилъ шлемъ на головѣ Цацо. Онъ выпустилъ изъ рукъ знамя Велисарія, потому что ему приходилось подумать о собственномъ спасеніи.

Онъ повернулъ назадъ могучую голову и закричалъ:

— Помоги, братъ Гелимеръ!

— Я здѣсь, братъ Цацо!—долетѣлъ отвѣтъ.

Король уже спѣшилъ къ нему на помощь.

Онъ давно уже слѣдилъ за наступленіемъ брата и медленно подвигался съ своими вандалами и маврами, когда замѣтилъ новую аттаку непріятеля и опасность, которой подвергался братъ.

— Впередъ! выручайте Цацо! — закричалъ онъ и бросился съ своимъ отрядомъ на геруловъ.

Хильда видѣла, какъ одинъ, другой, третій изъ нападающихъ были низвержены мечомъ Гелимера. Слѣдя за битвой, она невольно все ближе и ближе подъѣзжала къ мѣсту сраженія.

Въ этотъ моментъ она увидѣла, что Веръ, въ полномъ священническомъ облаченіи, промчался мимо нея во весь опоръ, направляясь къ королю. Не легко было пробраться къ нему сквозь ряды мавровъ и вандаловъ.

Король уже почти настигъ Цацо. Аттака его отряда смутила геруловъ. Они еще не отступали, но и не дѣлали шага впередъ. Оба войска, какъ два единоборца, мѣряли другъ друга: бой пріостановился.

— Гдѣ же пѣхота?—спросилъ Велисарій, тревожно вглядываясь вдаль по направленію къ отдаленнымъ высотамъ, гдѣ нумидійская дорога поворачивала въ Карѳагенъ.

— Я троихъ уже гонцовъ послалъ за нею,—отвѣчалъ Прокопій.

— Ѳракійцы отступаютъ! Армяне—тоже. Геруловъ тѣснитъ непріятельскій отрядъ, превосходящій ихъ численностью. Ѣдемъ, иллирійцы, на помощь имъ! Выиграйте мнѣ битву! Самъ Велисарій поведетъ васъ въ бой.

И при громкихъ звукахъ трубы римскій полководецъ съѣхалъ съ холма во главѣ отряда отборныхъ пяти-сотъ всадниковъ, на помощь геруламъ.

Гелимеръ услышалъ звукъ трубы, увидѣлъ приближающійся отрядъ и собрался ринуться на него съ своимъ войскомъ. Но въ эту минуту къ нему подскакалъ Веръ.

— Ты, Веръ, здѣсь? Чтó тебя привело? Твое лицо...

— О, король!—вскричалъ священникъ:—какой тяжкій грѣхъ!

— Чтó случилось?

— Гонецъ, котораго я послалъ къ заключеннымъ — мой вольноотпущенникъ—не понялъ твоихъ словъ: „устранить Хильдериха съ братомъ въ такое мѣсто, откуда ихъ нельзя освободить"...

— Ну?

— Онъ убилъ ихъ.

— Всемогущій Богъ!—закричалъ король, поблѣднѣвъ: — я этого не хотѣлъ.

— Но этого мало! — продолжалъ Веръ.

— Братъ Гелимеръ, помоги!—донесся изъ сѣчи голосъ Цацо. Велисарій и иллирійцы настигли его. Гибамундъ былъ съ нимъ.

Гелимеръ также пришпорилъ коня. Но Веръ схватилъ его за поводья и закричалъ ему въ ухо:

— Письмо!.. предостерегавшее Хильдериха отъ тебя... Я только-что нашелъ его... вотъ оно... Хильдерихъ не солгалъ. Онъ хотѣлъ только оборониться отъ тебя: невинный, былъ онъ низложенъ, посаженъ въ заточеніе и умерщвленъ.

Одну минуту Гелимеръ, безмолвный отъ ужаса, глядѣлъ въ окаменѣвшее лицо Вера. Онъ, казалось, былъ оглушенъ.

— Горе! горе мнѣ! я — преступникъ, убійца! — пролепеталъ онъ, наконецъ, закрывая лицо руками. Страшная судорога поводила его. Одну минуту казалось, что онъ упадетъ съ сѣдла.— Веръ поддержалъ его, повернулъ его коня спиной къ непріятелю и изо всѣхъ силъ ударилъ коня.

Конь бѣшено помчался. Серсаонъ и Маркомеръ, начальники конницы, поддерживали справа и слѣва качавшагося въ сѣдлѣ всадника.

— Помоги, братъ Гелимеръ! меня одолѣваютъ!—послышался новый и еще болѣе отчаянный призывъ Цацо.

Но онъ былъ покрытъ громкими воплями вандаловъ:

— Бѣгите! бѣгите! самъ король бѣжалъ! бѣгите! спасайте женщинъ и дѣтей!

И вандалы понеслись назадъ черезъ ручей, обратно къ лагерю.

Хильда увидѣла, какъ высокая фигура Цацо пропала изъ ея глазъ.

Его конь, раненый копьемъ, палъ на землю, увлекая его за собой.

Но другой всадникъ нагнулся надъ нимъ, говоря:

— Сдавайся, храбрецъ! сдавайся мнѣ! я—Велисарій.

Но Цацо отрицательно покачалъ головой. Съ усиліемъ приподнялся онъ съ земли, занося мечъ на врага. Но въ тотъ самый моментъ Велисарій проткнулъ ему копьемъ броню и грудь. Умирающій успѣлъ взглянуть на-лѣво: бѣлый конь Гибамунда тоже упалъ, обливаясь кровью, и съ нимъ... красное знамя.

— Горе тебѣ, Вандалія!—прокричалъ Цацо и... смежилъ очи.

— Вотъ былъ человѣкъ!—проговорилъ Велисарій, нагибаясь надъ нимъ. — Гдѣ знамя Гензериха, Фара?

— Ушло изъ нашихъ рукъ! — сердито отвѣчалъ тотъ.—Видишь! вонъ оно мелькаетъ вдали... по ту сторону ручья!

— Кто его захватилъ?

— Женщина... въ шлемѣ съ соколиными перьями! Должно быть, валькирія,—съ легкимъ страхомъ прибавилъ язычникъ.—Она неслась такъ быстро, я едва успѣлъ ее увидѣть. Я только-что повалилъ коня подъ знаменосцемъ. Вдругъ откуда ни возьмись вороной конь!—въ жизнь свою не видывалъ подобнаго; я услышалъ крикъ: „Хильда! благодарю!“ И въ ту же минуту вороной конь уже скакалъ далеко, далеко отъ меня! Мнѣ показалось, что на немъ уже были двѣ фигуры! Длинный бѣлый плащъ развѣвался... а можетъ, и лебединыя крылья... я хорошенько не разглядѣлъ... а по нимъ раскидывалось красное знамя. И затѣмъ все исчезло въ облакѣ пыли. Хильда!—повторилъ тихо про себя германецъ. — Даже и имя тò самое. Да, его унесла валькирія!

— Впередъ!—приказалъ Велисарій.—Черезъ ручей! Вандальскаго войска больше не существуетъ. Центръ смятъ, разбитъ. Лѣвое крыло ихъ... Эге! глядите-ка: вонъ нашъ правый флангъ, наши вѣрные гунны!—мрачно засмѣялся онъ.—Сползли наконецъ съ своего холма и рубятъ убѣгающихъ вандаловъ! Какіе герои! Спѣшатъ въ лагерь, чтобы грабить. А вотъ, наконецъ, и пѣхота наша подоспѣла къ нашему лѣвому флангу; но и такъ вандалы бѣгутъ, безъ боя. Впередъ! Въ лагерь! Не оставляйте всей добычи однимъ гуннамъ! Все золото и серебро—императору! жемчугъ и драгоцѣнные каменья—императрицѣ! Впередъ!

XVI.

Отъ Прокопія къ Цетегу.

„Уже во многихъ битвахъ, во многихъ схваткахъ Велисарія случалось мнѣ присутствовать — большею частію въ безопасномъ отдаленіи—но такого удивительнаго сраженія мнѣ еще не удавалось видѣть.

Въ этой битвѣ, рѣшившей участь вандальскаго царства, мы потеряли въ общемъ сорокъ-девять человѣкъ, но все отборный народъ, и въ томъ числѣ восемь военачальниковъ. Фара, Альтіасъ, Іоаннъ—всѣ трое ранены. Со всѣмъ тѣмъ у насъ не много раненыхъ — около ста человѣкъ — потому что вандалы сражались только на мечахъ, а въ такихъ случаяхъ бой бываетъ по большей части смертельный. Большинство нашихъ раненыхъ и убитыхъ пало отъ руки троихъ Асдинговъ, двоихъ благородныхъ вандаловъ въ шлемахъ изъ шкуры вепря, и одного, очевидно, безумнаго монаха. Изъ вандаловъ восемь-сотъ осталось на мѣстѣ, а изъ нихъ большинство пало во время бѣгства: въ плѣнъ забрали мы, здравыми и невредимыми, около десяти тысячъ человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей. На обоихъ флангахъ мы не потеряли ни одного человѣка, за исключеніемъ одного гунна, котораго Велисарій приказалъ повѣсить за то, что онъ набилъ карманы, обувь, волоса и уши жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, захваченными имъ въ вандальскомъ лагерѣ и которые по праву принадлежатъ императрицѣ.

Преслѣдованіе вандаловъ было задержано нашей алчностью. Убитые и плѣненные вандалы носили много золотыхъ и серебряныхъ украшеній на себѣ и на лошадяхъ: каждаго изъ нихъ наши герои ограбили, прежде, нежели идти впередъ. Наша конница, прежде всѣхъ прибывшая въ вандальскій лагерь, не посмѣла, несмотря на всю свою алчность, сразу проникнуть въ него: имъ казалось невозможнымъ, чтобы такая численно превосходная армія не защищала собственнаго лагеря, дѣтей и женщинъ.

Говорятъ, что король оставался въ лагерѣ, какъ оглушенный, но, когда Велисарій появился со всей арміей передъ палатками, бросился бѣжать по нумидійской дорогѣ, съ крикомъ: „мститель!“ Его сопровождали немногіе родственники, слуги и оставшіеся ему вѣрными мавры.

Послѣ того всѣ тѣ воины вандальскіе, которымъ удалось достичь лагеря, обратились въ безпорядочное бѣгство, бросивъ на произволъ судьбы плачущихъ женщинъ и дѣтей.

И это—германцы! Немудрено, если Юстиніанъ теперь попытается освободить отъ готовъ Италію и Испанію.

Наши преслѣдовали бѣгущихъ весь остатокъ дня и всю свѣтлую, лунную ночь, убивали мужчинъ, которые не оказывали сопротивленія, и забирали въ неволю тысячами женщинъ и дѣтей. Никогда еще не видалъ я заразъ столько красавицъ.

Но также никогда еще не доводилось мнѣ видѣть такія кучи золота и серебра, какъ въ палаткахъ короля и благородныхъ вандаловъ. Это просто невѣроятно!

Но Велисарія, послѣ его побѣды, осаждали самыя тягостныя заботы. Войско позабыло всякую осторожность и дисциплину въ этомъ лагерѣ, наполненномъ красивыми женщинами, всякаго рода сокровищами, виномъ и запасами. Опьянѣвъ отъ неслыханной, негаданной удачи, оно жило наслажденіемъ минуты: всѣ путы были сброшены, всякое стѣсненіе позабыто: казалось, они никогда не насытятся.

Африканскій демонъ: наслажденіе—завладѣло ими. Они рыскали въ лагерѣ и въ его окрестностяхъ, гоняясь по слѣдамъ бѣглецовъ, по-одиночкѣ или по-двое, по-трое, куда глаза глядятъ, или куда ихъ привлекала добыча. Никакой мысли о непріятелѣ! Никакого страха передъ полководцемъ! Тѣ, которые были трезвы, хотѣли вернуться въ Карѳагенъ, нагруженные добычей, гоня передъ собой плѣнныхъ. Велисарій говоритъ: еслибы вандалы, часъ спустя послѣ того, какъ мы вошли въ ихъ лагерь, еще разъ аттаковали насъ—ни одинъ изъ насъ не остался бы въ-живыхъ! Побѣдоносное войско, его собственные тѣлохранители, совсѣмъ отбились отъ рукъ!

На разсвѣтѣ онъ собралъ всѣхъ... то-есть, тѣхъ, кто былъ трезвъ. Тѣлохранители прибѣжали поспѣшно и сильно пристыженные. Вмѣсто похвальнаго и благодарственнаго слова, онъ прочиталъ имъ строго укоризненную рѣчь, какой я еще не слыхивалъ изъ его устъ.

Мы не что иное, какъ наемные солдаты, искатели приключеній, грабители, дикіе и храбрые, какъ лютые звѣри, выдрессированные для кровавой охоты, какъ леопарды, но неспособные предоставить добычу охотнику и снова засѣсть въ клѣтку; мы должны сначала выкупаться въ крови и наслажденіяхъ. Это некрасиво, но гораздо занимательнѣе, чѣмъ философія съ теологіей, риторика, грамматика и діалектика, вмѣстѣ взятыя.

Но вандальская война, думается мнѣ, окончена. Завтра мы захватимъ въ плѣнъ бѣглаго короля.

Я всегда утверждалъ: отъ ничтожнѣйшихъ случайностей зависятъ великія рѣшенія! Или, какъ я выражаюсь, когда поэтически настроенъ: богиня Фортуна любитъ играть судьбой людей и народовъ, какъ мальчики, которые бросаютъ вверхъ монетку и рѣшаютъ выигрышъ или проигрышъ тѣмъ, какъ она упадетъ: лицевой или оборотной стороной.

Ты, Цетегъ, называешь такую мою философію всемірной исторіи бабьимъ вздоромъ. Но... суди самъ: крикъ птицы, слѣпая любовь къ охотѣ... неудачный выстрѣлъ—и послѣдствіемъ является то, что вандальскій король уходитъ у насъ между пальцевъ; походъ, казавшійся оконченнымъ, продолжается, и твой пріятель вынужденъ долгія недѣли прожить въ скучнѣйшемъ лагерномъ заключеніи передъ несноснѣйшей мавританской скалой.

Велисарій поручилъ преслѣдованіе бѣглаго короля своему земляку, ѳракійцу Альтіасу.

— Я тебя избираю,—говорилъ онъ,—потому что тебѣ довѣряю больше всѣхъ тамъ, гдѣ требуется неутомимое, энергическое дѣйствіе. Если ты настигнешь вандала, прежде, нежели онъ успѣетъ укрыться въ убѣжище, война будетъ завтра же кончена; если ты упустишь его изъ рукъ, то намъ предстоитъ еще много хлопотъ. Выбери самъ себѣ воиновъ: но спѣши днемъ и ночью безъ отдыха, пока не захватишь тирана живымъ или мертвымъ.

Альтіасъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка, которой наговорятъ любезностей, выбралъ, кромѣ своихъ ѳракійцевъ, еще нѣсколькихъ тѣлохранителей да сотни двѣ геруловъ подъ предводительствомъ Фары, и меня попросилъ онъ послѣдовать за собой, не столько ради моего миролюбиваго меча, сколько для совѣта. Я охотно согласился.

И вотъ тутъ началась настоящая охота за вандалами. Пять дней и пять ночей не сходили мы почти съ коней, гоняясь по слѣдамъ бѣглецовъ. Мы такъ близко настигли ихъ на пятую ночь, что уже надѣялись ихъ захватить, прежде, нежели они успѣютъ скрыться на папуанской горѣ.

Но капризная богиня не захотѣла, чтобы въ этотъ разъ Гелимеръ попалъ въ руки Альтіаса.

Уліарій, одинъ алеманскій тѣлохранитель Велисарія,—храбрый и сильный человѣкъ, но глупый и, какъ всѣ почти германцы, пьяница и страстный охотникъ. Его не разъ наказывали за то, что даже во время похода онъ немедленно устремлялся вслѣдъ каждому звѣрю.

Утромъ шестого дня, когда, послѣ кратковременнаго отдыха, передъ разсвѣтомъ, мы снова сѣли на коней, Уліарій увидѣлъ на

большомъ колючемъ кустарникѣ, который одинъ только и растетъ въ пустынѣ, большого ястреба. Схватить лукъ, натянуть стрѣлу, прицѣлиться и выстрѣлить было дѣломъ одной минуты. Стрѣла полетѣла, но и птица тоже; между тѣмъ впереди отряда раздался крикъ: Альтіасъ упалъ съ коня; стрѣла угодила ему въ затылокъ; Уліарій—превосходный стрѣлокъ — не проспался послѣ ночного пьянства. Ужаснувшись своему поступку, онъ пришпорилъ коня и ускакалъ въ ближайшее мѣстечко, чтобы тамъ искать убѣжища въ церкви.

Мы же всѣ хлопотали вокругъ умирающаго Альтіаса, хотя онъ знаками и приказывалъ намъ бросить его на произволъ судьбы въ пустынѣ и продолжать преслѣдованіе. Но мы не могли на это рѣшиться.

Но послѣ того какъ нашъ другъ скончался на нашихъ рукахъ, когда мы съ Фарой хотѣли ѣхать дальше, ѳракійцы съ угрозой потребовали, чтобы мы предали сперва тѣло землѣ: въ противномъ случаѣ душа будетъ осуждена скитаться здѣсь до послѣдняго суда. И такъ мы вырыли могилу и предали покойника землѣ съ почестями.

Но эти нѣсколько часовъ проволочки помогли Гелимеру уйти изъ нашихъ рукъ: мы уже не могли больше нагнать его. Бѣглецы достигли своей цѣли—папуанской горы на границѣ Нумидіи, съ крутыми, недоступными вершинами, окруженными со всѣхъ сторонъ острыми утесами. Живущіе здѣсь мавры поклялись Гелимеру въ вѣрности и благодарности. Старинный городъ Меденусъ, въ настоящее время превратившійся въ мѣстечко съ нѣсколькими хижинами, на сѣверномъ гребнѣ горы, укрылъ его со свитой.

Взять штурмомъ эту узкую, козью тропинку невозможно: одинъ человѣкъ съ копьемъ можетъ преградить на ней путь. Требованіе выдать бѣглецовъ за богатое вознагражденіе мавры отвергли съ презрѣніемъ. Итакъ остается одно: терпѣніе! Разбить лагерь у подошвы горы, запереть всѣ выходы и взять вандаловъ голодомъ.

Но это можетъ долго продлиться. А на дворѣ зима: вершины горы по утрамъ бываютъ иногда покрыты тонкимъ слоемъ снѣга, который, разумѣется, таетъ отъ солнца, если послѣднее выглянетъ изъ-за облаковъ. Но оно не всегда выглядываетъ. Зато туманъ и дождь невозбранно проникаютъ сквозь верблюжью шкуру нашихъ палатокъ".

XVII.

„Мы все еще стоимъ при входѣ въ папуанское ущелье. Мы не можемъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Недавно я видѣлъ въ такомъ же положеніи кошку у мышиной норки: очень скучно это для кошки. Но если у норки нѣтъ другой щелки, то мышкѣ не миновать въ концѣ концовъ кошачьихъ лапокъ.

Сегодня пришли вѣсти и подкрѣпленіе изъ Карѳагена. Велисарій, извѣщенный о случившемся, передалъ предводительство на мѣсто Альтіаса Фарѣ. Самъ Велисарій отправляется въ Гиппо.

Еще вѣсти изъ Гиппо:

Полководецъ взялъ городъ безъ сопротивленія. Вандалы, въ томъ числѣ множество благородныхъ, укрылись въ католическихъ церквахъ и вышли изъ убѣжища только тогда, когда имъ обѣщали, что жизнь ихъ будетъ пощажена. И въ то же самое время богатая добыча досталась Велисарію; на этотъ разъ вѣтеръ пригналъ ее ему въ руки, буквально.

Тиранъ предусмотрительно вынулъ королевскую казну изъ карѳагенской крѣпости, такъ какъ не довѣрялъ вѣрности гражданъ и недостроеннымъ стѣнамъ. Онъ перенесъ ее на корабль и приказалъ Вонифатію, своему секретному писцу, въ случаѣ, если дѣло вандаловъ будетъ проиграно, плыть въ Испанію къ Ѳеудису, королю вестготовъ, у котораго Гелимеръ собирался искать убѣжища, въ случаѣ если лишится короны,—быть можетъ, въ томъ разсчетѣ, чтобы оттуда и при помощи вестготовъ снова вернуть ее.

Сильная буря загнала корабль съ казной въ гавань Гиппо, уже послѣ того, какъ Велисарій занялъ его. Вандальская казна, награбленная Гензерихомъ съ береговъ и острововъ трехъ морей, направлена въ Византію, въ руки императорской четы.

Ѳеодора, твоя набожность приноситъ тебѣ большіе доходы!

Первой заботой Велисарія, послѣ того какъ онъ побѣдилъ сухопутное войско, было захватить непріятельскій флотъ.

Отъ плѣнныхъ узналъ онъ о его стоянкѣ и о томъ, что онъ остался почти безъ обороны: всѣхъ воиновъ увелъ съ собой Цацо. Немногихъ триремъ, посланныхъ изъ Карѳагена, было достаточно, чтобы забрать полтораста галеръ, на которыхъ никого, кромѣ матросовъ, не оставалось: дѣло обошлось безъ всякаго боя! Гроз-

ные пиратскіе корабли Гензериха приведены были въ Карѳагенъ на буксирѣ: они дали себя забрать безъ сопротивленія; точно стадо дикихъ лебедей, загнанныхъ, забитыхъ бурей и безсильно опускающихся на прудъ,—бери тогда гордецовъ простыми руками!

Одинъ изъ военачальниковъ Велисарія занялъ Сардинію: для этого достаточно было ему показать отрубленную голову Цацо, посаженную на копье: сначала они не хотѣли вѣрить пораженію вандаловъ; но послѣ того, какъ имъ пришлось ощупать голову ихъ страшнаго побѣдителя, они повѣрили.

Корсика тоже сдалась, также какъ и населенная Цезарея въ Мавританіи и одинъ изъ геркулесовыхъ столповъ Септа. Затѣмъ острова Эбуза и Балеарскіе. Триполи былъ осажденъ маврами, искавшими воспользоваться на свой собственный страхъ и рискъ борьбой между Византіей и вандалами, и добыть себѣ земель и добычи: городъ былъ выручень нашими и изъ рукъ Пуденція переданъ императору.

Можно подумать, что весь народъ вандальскій заключался въ его королевскомъ домѣ и немногихъ благородныхъ вандалахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Цацо и окружавшіе его благородные вандалы пали, съ тѣхъ поръ, какъ король исчезъ—всякое сопротивленіе прекратилось. Послѣ битвы при Трикамеронѣ варвары даются въ руки, точно бараны, не обороняясь. Ихъ находятъ, по большей части, въ католическихъ церквахъ, гдѣ они обнимаютъ алтари, которые такъ часто оскверняли! Мужчины не храбрѣе женщинъ и дѣтей.

По истинѣ, если ихъ братья въ Италіи и въ Испаніи и ихъ родственники франки и алеманы или, какъ тамъ называютъ ихъ, всѣхъ этихъ варваровъ Галліи и Германіи, такъ же тонко образованы, какъ эти вандалы, пишущіе латинскіе и греческіе стихи, то императоръ Юстиніанъ, при помощи Велисарія и Нарсеса, вскорѣ отниметъ у германцевъ весь востокъ. Но я боюсь, что одни только вандалы стоятъ на такой высотѣ образованія.

XVIII.

„Новыя вѣсти! Быть можетъ, новая война и побѣда стучатся къ намъ въ двери.

Неужели, о Цетегъ, я и въ самомъ дѣлѣ скоро прибуду къ тебѣ въ Италію помогать освободить Римъ руками гунновъ и геруловъ? Ваши тираны, остготы, навели намъ мостъ для перехода въ ихъ землю: Сицилія—этотъ мостъ. Благодарность Юстиніана

быстролетна. Велисарій уже получилъ приказъ отъ императора— онъ былъ врученъ ему запечатаннымъ при отплытіи изъ Византіи, съ указаніемъ распечатать лишь послѣ истребленія вандальскаго царства—потребовать отъ равеннскаго двора уступки большей части острова Лилибаума, мыса и крѣпости и всей той области, какая принадлежала въ Сициліи вандальскому царству. Ибо вандальское царство вернулось теперь въ руки Византіи, а слѣдовательно и все то, что когда-либо принадлежало этому царству! Вѣдь не даромъ же императоръ — составитель Пандектъ!

Письмо къ регентшѣ Амалашвинтѣ заключается словами (немедленно послѣ битвы при Трикамеронѣ я долженъ былъ сочинить его въ палаткѣ Велисарія, согласно тайному приказу императора): „если вы откажетесь выполнить наше требованіе, то знайте, что рискуете не только войной, но и тѣмъ, что мы отнимемъ у васъ все, рѣшительно все, чѣмъ вы владѣете“.

Но сегодня пришло извѣстіе, что въ Равеннѣ произошелъ переворотъ. Очень злые люди, которые уже раньше желали оказать помощь вандаламъ, не любя Юстиніана и, къ сожалѣнію, не боясь его, съ варварскими именами (они, конечно, тебѣ лучше извѣстны, о, Цетегъ, чѣмъ мнѣ) —какіе-то: Гильдебрандъ, Витигисъ Теха присвоили себѣ кормило правленія и на-отрѣзъ отказались выполнить наше требованіе. По моему, въ воздухѣ пахнетъ войной.

Но прежде мы должны покорить вандальскаго короля, безъ короны, скрывающагося на горѣ. Дѣло затянулось; и наше терпѣніе, и терпѣніе Велисарія жестоко испытуется. До сихъ поръ Гелимеръ отвергалъ всѣ предложенныя ему условія, хотя они были безумно выгодныя, такъ какъ Велисарію хотѣлось поскорѣй съ нимъ покончить,—мнѣ сдается, для того, чтобы вернуться въ Византію съ такимъ тріумфомъ, какого не бывало уже нѣсколько столѣтій, и затѣмъ ѣхать въ Италію и тамъ совершить то же, что и здѣсь.

А такъ какъ съ этимъ необыкновеннымъ королемъ, который бываетъ то мягокъ, какъ воскъ, а то твердъ, какъ гранитъ, словами ничего не подѣлаешь, то завтра утромъ мы собираемся потолковать съ нимъ на мечахъ.

Фара надѣется, что голодъ такъ ослабилъ вандаловъ и мавровъ, что они не въ состояніи будутъ оказать сильнаго сопротивленія. Дѣло въ томъ, что Фара, германецъ и прекраснѣйшій человѣкъ, все можетъ перенести, кромѣ жажды и бездѣйствія. А у насъ остается уже очень мало вина, да и то плохого. И дѣлать намъ нечего: только спать да сторожить мышеловку, именуемую Паппуа. Ему это надоѣло. Онъ хочетъ взять ее силой.

Сначала драться, какъ безумный, а потомъ напиться, какъ безумный,—вотъ ихъ манера. Я же, глядя на узкую, скалистую тропинку, ведущую въ горы, крѣпко сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Мнѣ сдается, что если св. Кипріанъ или богиня Фортуна не заступятся за насъ, то мы добудемъ завтра не Гелимера и вандаловъ, а колотушки.

Такъ и есть: мы ихъ добыли!

То-есть, колотушки. И по дѣломъ! Вандалы и мавры соперничали въ томъ, кто лучше поколотитъ насъ.

Фара, какъ предводитель, какъ воинъ, сдѣлалъ все, что́ можно, для того, чтобы совершить невозможное.

Онъ раздѣлилъ насъ на три колонны: впереди шли армяне, за ними ѳракійцы, наконецъ — герулы.

Гунны, лошадки которыхъ очень выносливы, но не умѣютъ лазить по горамъ, какъ козы, оставались внизу при лагерѣ.

Въ числѣ двухъ-сотъ человѣкъ полѣзли мы вверхъ, гдѣ по-двое въ рядъ, а гдѣ и по-одному.

Я буду кратокъ: мавры бросали скалы на насъ, а вандалы—копья. Двадцать армянъ пало, прежде, нежели увидѣли кончикъ носа непріятеля; остальные обратились вспять.

— Трусы!—загремѣлъ Фара.

— Невозможное дѣло затѣяли!—отвѣчалъ тяжко раненный вождь армянъ.

— Не вѣрю!—закричалъ Фара.—Герулы, за мной!

Они послѣдовали за нимъ. Да и я также, но только совсѣмъ въ хвостѣ, такъ какъ не считаю юрисконсульта Велисарія обязаннымъ выказывать особенное геройство. Только когда онъ самъ дерется, я глупо воображаю иногда, что мое мѣсто—рядомъ съ нимъ.

Такого штурма я еще не видывалъ. Обломки скалъ и копья, бросаемые невидимой рукой, раздавливали и пробивали насквозь людей. Но остававшіеся въ живыхъ карабкались, всползали все выше и выше. Вершина горы, до которой первая колонна далеко не дошла, была достигнута; мавры, укрывавшіеся подъ скалами по серединѣ горы, были выбиты изъ позиціи, и много этихъ смуглыхъ, худыхъ людей заплатило жизнью за гостепріимство, оказанное бѣглецамъ. Я видѣлъ, какъ Фара собственноручно положилъ троихъ на мѣстѣ. Достигнувъ вершины, онъ выстроилъ свой запыхавшійся отрядъ и только-что хотѣлъ отдать приказъ идти въ узкое ущелье, разверзавшее свою пасть на гребнѣ горы, какъ вдругъ изъ этого ущелья ринулись на насъ вандалы, съ

королемъ впереди: зубчатая корона, надѣтая поверхъ шлема, выдавала его. Я видѣлъ его совсѣмъ вблизи; никогда не забыть мнѣ его лица: онъ похожъ на испостившагося монаха и все-таки сохраняетъ сходство съ героемъ Цацо, котораго я видѣлъ павшимъ отъ руки Велисарія. За нимъ находился юноша, очень на него похожій; красное знамя несла, кажется, женщина. Но, можетъ быть, я и ошибаюсь; вандалы налетѣли на насъ съ быстротой молніи.

Первый рядъ геруловъ былъ мигомъ смятъ.

— Гдѣ король?—закричалъ Фара и бросился впередъ.

— Здѣсь!—прозвучалъ отвѣтъ.

И въ слѣдующій моментъ пятеро геруловъ подхватили на руки своего тяжко раненнаго вождя.

Это только я и успѣлъ увидѣть. Ибо затѣмъ полетѣлъ навзничь. Юный вандалъ за спиной короля бросилъ копьемъ въ мой твердый панцырь. Я пошатнулся, упалъ и покатился внизъ по песчанистому, гладкому откосу, гораздо быстрѣе и легче, нежели карабкался по немъ вверхъ. Когда я поднялся на ноги, вѣрная свита Фары пронесла его мимо меня на двухъ щитахъ.

Предводитель армянъ приподнялся, опираясь на копье.

— Вѣришь теперь, Фара?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ тотъ, хватаясь рукой за окровавленную голову.—Теперь вѣрю. Погибъ мой прекрасный шлемъ!—засмѣялся онъ.—Но лучше ужъ лишиться одного шлема, нежели и головы въ придачу.

Когда онъ спустился съ горы, то смѣхъ его покинулъ: изъ двухъ-сотъ геруловъ его отряда сто-двадцать человѣкъ покрывали утесы горы. Мнѣ сдается, что то былъ первый и послѣдній штурмъ папуанской горы.

Рана Фары заживаетъ... Но онъ очень жалуется на головную боль!

Тамъ наверху, на этой проклятой горѣ, они должны рѣшительно умирать съ голоду. Теперь къ намъ часто являются перебѣжчики, но исключительно одни мавры. Еще ни одинъ вандалъ за все время похода не присталъ къ намъ добровольно, несмотря на мои краснорѣчивыя воззванія къ измѣнѣ и предательству! Изъ всѣхъ хваленыхъ германскихъ добродѣтелей у этихъ выродковъ сохранилась, повидимому, одна только вѣрность.

Фара приказалъ никого больше не принимать.

— Чѣмъ больше ртовъ и желудковъ будетъ вокругъ Гелимера, тѣмъ скорѣе выйдутъ его запасы,—говоритъ онъ.

Но такъ какъ воиновъ больше не принимаютъ, то мавры продаютъ себя въ рабство за кусокъ хлѣба.

Но и эту выгодную торговлю запретилъ Фара. Онъ сказалъ своимъ:

— Дайте имъ хорошенько изголодаться: тогда вы всѣхъ ихъ заберете военноплѣнными.

Вообще вандаламъ дѣлаетъ большую честь—ихъ, должно быть, осталось не болѣе сорока человѣкъ—что они выносятъ то, чего мавры не выдерживаютъ. Это такое противорѣчіе, что уму непостижимо. Потому что все то, что́ мы слышали въ Византіи о роскошной жизни и изнѣженности вандаловъ, было превзойдено тѣмъ, что́ мы увидѣли въ ихъ дворцахъ, виллахъ и домахъ и о чемъ намъ поразсказали кареагеняне. Ежедневно — двѣ, три ванны; за столомъ—тонкія яства со всѣхъ странъ и морей міра; посуда изъ золота, шелковыя платья; зрѣлища, представленія въ циркѣ, охота, но съ наименьшей усталостью; плясуны, мимы, музыка, прогулки на открытомъ воздухѣ, ежедневныя пиршества, наслажденіе жизнью безъ удержу и безъ мѣры. Въ то время какъ вандалы вели самую роскошную жизнь, мавры ведутъ самую скудную изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ: зиму и лѣто ходятъ полунагіе, живутъ въ низенькихъ глиняныхъ землянкахъ или въ кожаныхъ палаткахъ, въ которыхъ едва можно дышать; ни снѣгъ на вершинахъ горъ, ни зной пустыни имъ не страшны; они спятъ на голой землѣ, и самые богатые подстилаютъ подъ себя верблюжью шкуру; имъ незнакомъ ни хлѣбъ, ни вино, ни другія благородныя кушанья—какъ звѣри, они питаются сырыми продуктами: ячменемъ, полбой.

И вотъ, несмотря на то, вандалы стоически терпятъ голодъ, а мавры не выдерживаютъ.

Это непостижимо! Сыны того же самаго народа, у котораго мы въ двѣ краткихъ кавалерійскихъ стычки отняли Африку! На наши удивленные вопросы, какъ это можетъ быть, всѣ перебѣжчики отвѣчаютъ одно только: „король—святой человѣкъ!“ Онъ глазами, звукомъ своего голоса дѣйствуетъ на нихъ обаятельно, чудесно.

Но Фара думаетъ, что никакое чудо не противостоитъ голоду и жаждѣ.

И такъ какъ, по словамъ тощихъ, исхудалыхъ, какъ щепки, мавровъ, страданія, претерпѣваемыя королемъ и его окружающими, невыразимы, то Фара придумалъ — дѣйствительно отъ добраго сердца—положить конецъ этимъ страданіямъ.

Онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо:

„Прости, о король вандаловъ, если это письмо покажется тебѣ глупымъ! Моя голова искони привыкла больше къ ударамъ меча, нежели къ сочиненію писемъ. А послѣ того, какъ ты и моя голова столкнулись, думать мнѣ стало еще труднѣе, чѣмъ прежде.

„Я пишу тебѣ—или, вѣрнѣе сказать, велю писать—просто, на варварскій манеръ.

„Любезный Гелимеръ, зачѣмъ подвергаешь ты себя и всѣхъ своихъ погибели? Только затѣмъ, чтобы не служить императору? Потому что слово „свобода"—твоя бренная мечта! Неужели ты не видишь, что ради этой свободы тебѣ приходится кланяться и служить жалкимъ маврамъ, зависѣть отъ этихъ дикарей? Не лучше ли служить великому императору въ Византіи, нежели господствовать надъ горстью голодныхъ людей на папуанской горѣ? Неужели зазорно служить тому господину, которому служитъ Велисарій?

„Брось эту глупость, добрѣйшій Гелимеръ! Посмотри: я самъ—германецъ, я—изъ герульскаго благороднаго рода; мои предки носили королевскій скипетръ среди нашего народа въ старой отчизнѣ, на берегу шумящаго моря, напротивъ острова датчанъ,—и однако я служу императору и горжусь этимъ. Мой мечъ и храбрость моихъ геруловъ доставили великую побѣду великому Велисарію: полководецъ и герой—хотя и на службѣ у императора. То же ждетъ и тебя. Велисарій обѣщаетъ тебѣ своимъ честнымъ словомъ жизнь, свободу, помѣстье въ Малой Азіи, достоинство патриція и званіе военачальника, подъ непосредственной командой Велисарія. Дорогой Гелимеръ, благородный король, я желаю тебѣ добра. Смѣлость хороша, но глупость—глупа! Сдавайся поскорѣй!"

Гонецъ вернулся. Онъ видѣлъ самого короля. Онъ говоритъ, что до смерти испугался при видѣ его. Онъ похожъ на привидѣніе или на короля тѣней; зловѣщимъ огнемъ горятъ глаза на изнеможенномъ лицѣ. И тѣмъ не менѣе этотъ непреклонный человѣкъ заплакалъ, читая искреннее и задушевное посланіе добраго единоплеменника! Онъ плачетъ какъ мальчикъ или какъ женщина,—онъ, который поборолъ непобѣдимаго Фару и выноситъ нечеловѣчеснія лишенія! Вотъ отвѣтъ вандала:

„Благодарю тебя за совѣтъ. Я не могу ему послѣдовать. Ты отказался отъ своего народа; какъ соломенка, носишься ты по житейскому морю. Я былъ и остаюсь королемъ вандаловъ. Неправосудному врагу моего народа не хочу я служить. Богъ, вѣрю я, приказываетъ мнѣ и остающимся со мной вандаламъ

сопротивляться; онъ меня спасетъ, если захочетъ. Я не могу больше писать. Страданія, которыя меня окружаютъ, мѣшаютъ мнѣ думать. Пришли мнѣ, добрый Фара, одинъ хлѣбъ: нѣжный мальчикъ, сынъ убитаго благороднаго вандала, лежитъ тяжко больной отъ голода. Онъ проситъ, онъ молитъ, онъ плачетъ о хлѣбѣ... и такъ жалобно! Мы всѣ—и я тоже—давно, давно уже не пробовали хлѣба.

„Пришли также губку, смоченную водой: мои глаза отъ безсонницы и слезъ горятъ и болятъ.

„И еще пришли лютню. Я сочинилъ пѣсню о нашей судьбѣ, и хотѣлъ бы пропѣть ее подъ лютню".

Фара исполнилъ всѣ три просьбы. За лютней пришлось посылать въ ближайшій городъ; но еще зорче прежняго стережетъ онъ „гору несчастія", какъ прозвали ее наши люди".

XIX.

Печальное, туманное сѣрое утро начала марта всходило надъ горой. Солнце не могло проникнуть сквозь густыя облака.

Древній городъ Меденусъ на той горѣ былъ давно покинутъ своими карѳагено-римскими основателями и жителями. Опустѣлые и полу-обвалившіеся стояли дома, выстроенные изъ горнаго камня. Номады мавры пользовались въ зимнее время немногими строеніями, на которыхъ уцѣлѣли крыши.

Самымъ большимъ зданіемъ былъ прежній соборъ. Здѣсь укрылись король и его родичи. По срединѣ на каменномъ полу былъ разложенъ скудный костеръ изъ хвороста и соломы. Но онъ больше дымилъ, нежели грѣлъ, потому что хворостъ отсырѣлъ. Сырой туманъ проникалъ во всѣ щели въ стѣнахъ, въ дыры, образовавшіяся на крышѣ, и оттѣснялъ назадъ медленно поднимавшійся кверху сѣро-желтый дымъ, который, разстилаясь вдоль холодныхъ стѣнъ, искалъ другого выхода и тянулся къ главному входу, которому недоставало дверей. Въ глубинѣ церкви на мраморномъ полу разложены были ковры и звѣриныя шкуры. Здѣсь сидѣлъ Гибамундъ и исправлялъ свой сильно изрубленный щитъ, а Хильда, положивъ себѣ на колѣни красное знамя, штопала его.

— Много, много стрѣлъ пробило тебя, старое, испытанное знамя! А вотъ здѣсь, эта громадная дыра... это, конечно, отъ удара меча. Но ты прослужишь намъ все-таки до конца!

— До конца!—повторилъ Гибамундъ нетерпѣливо, вбивъ молоткомъ послѣдній гвоздь въ щитѣ.—Я бы желалъ, чтобы онъ

скорѣе наступилъ. Мнѣ нестерпимо видѣть всѣ страданія—твои въ особенности. Давно я пристаю къ королю: — покончимъ со всѣмъ этимъ! Дозволь имъ, вандаламъ — мавры могутъ сдаться въ плѣнъ—броситься на врага.—Онъ не далъ мнѣ договорить и сказалъ, что это было бы самоубійствомъ и грѣхомъ. Что́ Господь ниспослалъ намъ въ кару, то мы должны терпѣливо переносить. Если Господь захочетъ, то онъ можетъ и здѣсь насъ спасти, на крыльяхъ своихъ ангеловъ, которые насъ отсюда унесутъ.

— Но конецъ все-таки близокъ... и наступитъ самъ собой! Число могилъ на скатѣ горы растетъ ежедневно. Вчера мы похоронили маленькаго Гундориха, послѣдній отпрыскъ гордыхъ Гундинговъ. Вчера король принесъ ему хлѣбъ, который онъ выпросилъ у непріятеля. Ребенокъ съ такой жадностью набросился на него, что мы должны были отнять и давать ему по кусочкамъ! На одну минуту мы отвернулись отъ него. Я пошла за королемъ, чтобы принести воды больному; вдругъ жалобный и сердитый крикъ заставилъ насъ вернуться: мавританскій мальчикъ, привлеченный вѣроятно запахомъ хлѣба, впрыгнулъ въ окно и вырвалъ кусокъ хлѣба изо рта больнаго! Это глубоко потрясло короля. „Какъ, и этотъ ребенокъ, и это невинное дитя! Великій Боже!“ повторялъ онъ съ тѣхъ поръ неоднократно. Сегодня я закрыла глаза малюткѣ.

— Да, недолго, недолго продлится; люди давно уже убили послѣднюю лошадь, кромѣ Стикса.

— Стикса я не дамъ убить!—закричала Хильда.—Онъ спасъ тебя отъ вѣрной смерти; онъ вынесъ тебя изъ боя.

— Слушай: что̀ это такое?

— Это пѣсня, сочиненная королемъ; онъ поетъ ее подъ лютню, которую ему прислалъ Фара. Хорошо, что это не лютня Техи; я бы лучше разбила ее объ скалу, чѣмъ дозволить пѣть на ней такую пѣсню.

Она встала, сердито откинувъ назадъ волосы, и поставила знамя въ уголъ.

— Но, однако, его пѣніе дѣйствуетъ волшебнымъ образомъ на вандаловъ, да и на мавровъ также.

— Потому что его не понимаютъ. Онъ поетъ по-латыни и оплакиваетъ погибель вандальского царства, а вандаламъ совѣтуетъ покорно принять кару Бога.

Ближе и ближе неслись звуки пѣсни. И наконецъ по полуобрушившимся ступенькамъ собора медленными, невѣрными шагами взошелъ царственный пѣвецъ. Лютню онъ держалъ въ опу-

щенной лѣвой рукѣ, а правою оперся на сѣрую, вывѣтрившуюся колонну и устало прислонилъ къ ней голову...

Но тутъ по ступенькамъ взбѣжалъ юный мавръ и въ нѣсколько прыжковъ очутился въ соборѣ. Гибамундъ и Хильда съ удивленіемъ пошли ему на-встрѣчу.

— Ты давно такъ скоро не бѣгалъ, Серсаонъ, — замѣтилъ Гибамундъ.

— Твой взоръ блеститъ; ты принесъ добрыя вѣсти?—вскричала Хильда.

Тутъ и король медленно отнялъ голову отъ колонны и взглянулъ на мавра, печально качая головой.

— Да, бѣлая королева,—отвѣчалъ тотъ.—Хорошія вѣсти: мы спасены.

— Не можетъ быть,—проговорилъ Гелимеръ беззвучно.

— Навѣрное, повелитель. Но вотъ Веръ; онъ подтвердитъ мои слова.

Медленными шагами, но съ такимъ же непобѣдимымъ видомъ, подошелъ священникъ. Онъ казался даже еще надменнѣе, сильнѣе, чѣмъ въ дни счастія; высоко держалъ онъ голову. Въ рукѣ у него была стрѣла и кусокъ папируса.

— Сегодня ночью,—продолжалъ молодой мавръ,—я стоялъ на нашемъ южномъ сторожевомъ мѣстѣ. При наступленіи сумерекъ я услышалъ крикъ страуса; я не повѣрилъ ушамъ своимъ: эта птица никогда не поднимается такъ высоко. Но этотъ крикъ служитъ сигналомъ у нашихъ союзниковъ, южныхъ прибрежныхъ мавританскихъ племенъ.

Я сталъ слушать и зорко вглядывался въ темноту: и дѣйствительно, у темной скалы, прикурнулъ мавръ, котораго трудно было отличить отъ камня.

Я тихонько отвѣтилъ на призывъ; и вотъ близъ меня пролетѣла стрѣла безъ наконечника и упала на землю. Вмѣсто наконечника, въ нее былъ вставленъ этотъ листокъ. Я вытащилъ его — но я не умѣю читать. Потому принесъ его вандаламъ. Тѣ прочли и обрадовались. Веръ прошелъ мимо и хотѣлъ разорвать листокъ, хотѣлъ запретить говорить тебѣ про него; но голодъ, надежда на спасеніе могущественнѣе его словъ...

Веръ перебилъ его:

— Я считаю это за измѣну, ловушку; это неправдоподобно.

Гибамундъ вырвалъ у него листокъ и прочиталъ:

— „Южный склонъ, по которому сбѣжалъ страусъ, не обороняется. Его считаютъ неприступнымъ; спуститесь по-одиночкѣ съ него въ будущую полночь; мы стоимъ вблизи съ свѣжими ко-

ними. Θеудисъ, вестготскій король, прислалъ намъ золото, чтобы спасти васъ, и корабль: онъ стоитъ у берега. Спѣшите“.

— Еще есть вѣрность! еще есть друзья въ бѣдѣ!—радостно вскричала Хильда и бросилась на грудь мужу.

Король выпрямился. Его взглядъ утратилъ тусклую безнадежность:

— Видите ли вы теперь, какъ грѣшно было искать смерти? Вотъ перстъ Провидѣнія, доказывающій, что Господь желаетъ нашего спасенія: послѣдуемъ за нимъ.

XX.

Веръ предложилъ для того, чтобы навѣрное усыпить бдительность непріятеля этой ночью, назначить Фарѣ свиданіе съ Гелимеромъ на утро слѣдующаго дня на сѣверномъ скатѣ горы, на которомъ будутъ высказаны еще разъ послѣднія предложенія Велисарія.

Послѣ нѣкоторыхъ угрызеній совѣсти, король согласился на эту военную хитрость.

Веръ сообщилъ, что очень обрадовалъ Фару этимъ извѣстіемъ и что Фара ждетъ Гелимера.

Несмотря на то, осажденные весь день зорко наблюдали за передовыми постами осаждающихъ и ихъ лагеремъ — онъ весь былъ видѣнъ съ высокой горы: не замѣтно ли какого-нибудь движенія въ направленіи южнаго склона, которое бы показало, что планъ бѣгства обнаруженъ.

Но ничего такого нельзя было примѣтить: день у византійцевъ въ лагерѣ протекъ какъ обыкновенно. Стража не была усилена; даже и по наступленіи темноты сторожевые огни не были ни умножены, ни перемѣщены. Осажденные тоже зажгли, съ наступленіемъ ночи, обычные костры на сѣверномъ склонѣ.

Незадолго до полуночи небольшой отрядъ тронулся въ путь. Впереди шли вѣстовщики-мавры, снабженные канатами и желѣзными крюками. Съ каждымъ шагомъ бѣглецы должны были сперва ощупывать концомъ копья, достаточно ли крѣпокъ камень, на который имъ приходилось ступить ногой. За вѣстовщиками шли Гибамундъ и Хильда; послѣдняя плотно завернула знамя Гензериха и привязала его къ копью, замѣнявшему ей горный посохъ. За ней шелъ Гелимеръ; за нимъ—Веръ и небольшая кучка остальныхъ вандаловъ.

Такъ шли они съ полчаса по вершинѣ горы, пока не дошли

до южной стороны, съ которой шла внизъ узкая, едва примѣтная тропинка. Каждый шагъ могъ быть смертельнымъ: зажечь факеловъ они не смѣли.

Когда начался спускъ, Гелимеръ оглянулся.

— О, Веръ!—прошепталъ онъ:—смерть, быть можетъ, близко насъ. Прочитай еще разъ молитву. Гдѣ Веръ?

— Онъ нѣсколько уже минутъ какъ пошелъ назадъ за реликвіей, которую забылъ,—отвѣчалъ Маркомеръ. —Онъ приказалъ намъ идти впередъ: на слѣдующемъ поворотѣ онъ насъ догонитъ, прежде, нежели мы сойдемъ внизъ.

Король колебался: онъ началъ тихо читать „Отче нашъ".

— Впередъ!—прошепталъ Серсаонъ:—нельзя терять больше ни минуты! Еще послѣдній поворотъ... Ахъ! что это? факелы, измѣна! Назадъ...

Онъ не договорилъ: стрѣла проткнула ему горло. Факелы ослѣпительно засверкали передъ глазами бѣглецовъ, когда они обогнули выдающійся утесъ. Оружіе сверкнуло имъ на-встрѣчу, и изъ рядовъ геруловъ выступилъ человѣкъ, высоко поднимая въ рукѣ факелъ.

— Вонъ тотъ, второй: это король!—закричалъ онъ.—Берите его въ плѣнъ живымъ!

И продвинулся еще на шагъ впередъ.

— Веръ!—закричалъ Гелимеръ и упалъ навзничь.

Двое вандаловъ подхватили его и понесли наверхъ.

— За ними! на приступъ!—скомандовалъ Фара.

Но это было невозможно. Идти приступомъ по тропинкѣ, на которой съ трудомъ можно было только ползти, держась обѣими руками за стѣны утесовъ!

Фара понялъ это, когда при свѣтѣ факеловъ увидѣлъ тропинку и наверху, на послѣднемъ широкомъ выступѣ горы, на которомъ еще могъ помѣститься одинъ человѣкъ — Гибамунда съ копьемъ въ рукахъ.

— Жаль!—вскричалъ онъ.—Но вѣдь бѣгство для васъ больше невозможно. Сдавайтесь!

— Ни за что!—отвѣчалъ Гибамундъ и бросилъ копье: человѣкъ около Фары упалъ.

— Стрѣляйте! скорѣе! всѣ разомъ!—приказалъ этотъ послѣдній гнѣвно.

За герулами стояло двадцать гуннскихъ стрѣлковъ; они натянули тетивы: Гибамундъ безъ словъ упалъ навзничь.

Съ отчаяннымъ крикомъ приняла его въ руки Хильда. Но Маркомеръ уже занялъ мѣсто павшаго и съ угрозой приподнялъ копье.

— Отступите!—скомандовалъ Фара.—Сторожите только хорошенько всѣ выходы. Завтра или послѣ-завтра, говорилъ священникъ, они должны непремѣнно сдаться.

Гелимеръ пришелъ въ себя, услышавъ крикъ Хильды.

— Ну, теперь и Гибамундъ убитъ,—сказалъ онъ совершенно спокойно. — Все кончено.

Съ трудомъ возвращался онъ назадъ, опираясь на копье; нѣсколько вандаловъ слѣдовало за нимъ.

И онъ скрылся въ темнотѣ ночи.

Хильда долго сидѣла, положивъ голову мертваго супруга себѣ на колѣни; она не плакала и гладила рукой лицо покойника.

Вскорѣ она услышала, какъ одинъ вандалъ, пришедшій отъ короля, говорилъ Маркомеру:

— Ну, теперь конецъ. Завтра я долженъ извѣстить непріятеля, что король сдается.

Тутъ она вскочила съ мѣста и попросила мужчинъ помочь ей отнести покойника на вершину горы. Тамъ, въ небольшой рощѣ пиній, передъ городомъ, выстроенъ былъ деревянный сарай, въ которомъ сперва сохраняли разные запасы. Теперь онъ былъ почти пустъ; только топливо еще хранилось въ немъ.

Въ этомъ сараѣ провела она ночь одна съ покойникомъ.

Когда разсвѣло, она пошла къ королю.

Она нашла его въ соборѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ алтарь. Здѣсь Гелимеръ поставилъ крестъ, грубо вытесанный изъ вѣтокъ, всунувъ его въ щели, образовавшіяся въ полу. Передъ этимъ крестомъ онъ лежалъ на полу, охвативъ крестъ обѣими руками.

— Братъ Гелимеръ, — сказала она коротко и рѣзко:—это правда? ты хочешь сдаться?

Онъ не отвѣчалъ.

Она потрясла его за плечо.

— Ты хочешь сдаться, король вандаловъ?—произнесла она болѣе громкимъ голосомъ.—Они поведутъ тебя, какъ звѣря, по улицамъ Византіи; ты хочешь осрамить твой народъ—твой мертвый народъ?

— Суетность!—проговорилъ онъ беззвучно.—Суетность говоритъ въ тебѣ. Грѣшно, суетно такъ думать, какъ ты!

— Почему именно теперь? Ты держался долгіе мѣсяцы. Почему теперь сдаешься?

— Веръ! —глубоко вздохнулъ король.—Богъ меня покинулъ;

мой ангелъ хранитель меня предалъ. Я осужденъ въ здѣшней и въ будущей жизни. Я не могу иначе кончить.

— Нѣтъ, можешь. Вотъ, Гелимеръ, твой остро-отточенный мечъ.

И она вынула его изъ ноженъ, которыя вмѣстѣ съ остальнымъ вооруженіемъ лежали на полу.

— Мертвые свободны! это хорошее слово!

Но онъ покачалъ головой.

— Суетность! Высокомѣріе души, языческій грѣхъ! Я—христіанинъ: я не убью самъ себя. Я несу свой крестъ, какъ его несъ Христосъ, пока достанетъ силъ.

Она бросила мечъ къ его ногамъ и, не прощаясь, отвернулась отъ него.

— Куда ты идешь? что̀ ты хочешь дѣлать?

— Неужели ты думаешь, что я не знаю своего долга? Я послѣдую за моимъ героемъ-мужемъ.

Она прошла въ зданіе, служившее конюшней: то была прежняя курія Меденуса, гдѣ еще недавно стояло много лошадей; теперь одинъ только Стиксъ, вороной конь, стоялъ тамъ; она взяла его за гриву; умное, вѣрное животное послѣдовало покорно, какъ ягненокъ.

Она отвела его въ сарай.

— Тебѣ тоже лучше умереть. Ты совсѣмъ изстрадался. Твоя красота, твоя сила покинули тебя.

Она подвела коня къ высокимъ подмосткамъ, на которыхъ лежало мертвое тѣло красавца Гибамунда.

И, вынувъ мечъ Гибамунда изъ ноженъ, нашла мѣсто, гдѣ бьется сердце, и сильнымъ ударомъ проткнула сердце коню. Онъ упалъ мертвый.

Она отбросила окровавленный мечъ.

Послѣ того она вынула острый черный кинжалъ изъ-за пояса, отрѣзала матерію знамени отъ древка и покрыла ею мертвое тѣло мужа. Затѣмъ подожгла дрова, лежавшія подъ подмостками, наклонилась надъ мертвецомъ и въ послѣдній разъ жарко поцѣловала его въ блѣдныя уста. Послѣ того твердой рукой пробила кинжаломъ себѣ гордое, мужественное сердце.

И тихо склонилась надъ любимымъ человѣкомъ. И пламя охватило сначало красное знамя, покрывавшее обоихъ супруговъ.

Весенній вѣтеръ сильно дулъ въ полуоткрытую дверь сарая; вскорѣ пламя высоко поднялось надъ его крышей.

XXI.

Къ Цетегу отъ Прокопія.

„Все кончено!

Слава Богу — или кому вообще слава надлежитъ!

Три мѣсяца, полныхъ адской скуки, провели мы у подошвы горы высокомѣрія. Теперь мартъ мѣсяцъ, ночи еще холодны, но солнце уже палитъ въ полдень.

Попытка къ бѣгству не удалась вслѣдствіе измѣны: Веръ, канцлеръ и ближайшій другъ Гелимера, совершилъ это позорное дѣяніе.

Послѣ того король добровольно сдался.

Фара былъ очень доволенъ. Онъ охотно согласился бы на всякія условія, лишь бы представить короля плѣнникомъ Велисарію, который ждалъ этого еще нетерпѣливѣе.

При входѣ въ ущелье, въ которое намъ бы никогда не проникнуть, принялъ я небольшой отрядъ вандаловъ—человѣкъ около двадцати. Такъ же и мавры сошли вмѣстѣ съ ними; по просьбѣ Гелимера, Фара тотчасъ отпустилъ ихъ на всѣ четыре стороны.

Но вандалы—какое это зрѣлище нищеты, голода, лишеній, отчаянія!

Я не понимаю, какъ они еще могли держаться и оказывать сопротивленіе: они не въ силахъ были держать оружіе въ рукахъ и охотно передали его намъ.

Но когда я увидѣлъ Гелимера и поговорилъ съ нимъ, то—какъ ни убитъ духомъ этотъ человѣкъ въ настоящее время — я понялъ, что душа и воля этого человѣка владѣли душой и чужой волей до тѣхъ поръ, пока онъ этого хотѣлъ.

Я еще не видывалъ человѣка ему подобнаго: монахъ, мечтатель и при этомъ—король и герой.

Я просилъ Фару дозволить мнѣ принять его въ свою палатку. Въ то время какъ остальныхъ вандаловъ мы едва можемъ удержать отъ безмѣрнаго и жаднаго потребленія мяса и другихъ давно невиданныхъ ими яствъ, онъ добровольно продолжаетъ поститься. Съ трудомъ уговорилъ его Фара выпить немного вина: герулъ боится, чтобы его плѣнникъ не умеръ въ дорогѣ, прежде нежели онъ сдастъ его Велисарію. Долго отказывался онъ; но когда я намекнулъ, что онъ, вѣроятно, хочетъ извести себя, тутъ онъ немедленно выпилъ вина и поѣлъ хлѣба.

Долго и довѣрчиво, цѣлыхъ полночи бесѣдовалъ онъ со мной съ кроткой покорностью своей судьбѣ. Трогательно слышать, какъ

онъ все прискорбное и унизительное для себя приписываетъ божьему Промыслу. Но ходъ его мыслей не всегда для меня понятенъ. Такъ, когда я спросилъ его, что вѣроятно неудавшееся бѣгство побудило его сдаться, послѣ такого упорнаго сопротивленія, онъ отвѣчалъ мнѣ:—О, нѣтъ! Если бы бѣгство не удалось по другой какой причинѣ, я бы не сдался до самой смерти. Но... Веръ, Веръ!

Онъ замолчалъ; потомъ прибавилъ:—Ты этого не поймешь. Я же теперь знаю, что Господь покинулъ меня, если когда-нибудь былъ со мной. Я знаю одно: и то было суетностью, грѣхомъ, что я такъ жарко любилъ свой народъ, что я, гордясь кровью Асдинговъ, старинной славой нашего оружія, не сдавался, не хотѣлъ покориться. Мы должны любить только одного Бога и жить для одного неба!

Тутъ вошелъ Фара въ палатку, довольно сердитый:

— Ты не сдержалъ слова, король!—загремѣлъ онъ. — Ты обѣщалъ сдать все оружіе и всѣ воинскіе отличія и значки; но самаго главнаго—Велисарій обязалъ меня честнымъ словомъ доставить его—краснаго знамени Гензериха нѣтъ! Наши люди, я самъ, подъ руководствомъ вандаловъ, всюду искалъ его; но мы нашли только въ золѣ сожженной деревянной хижины вотъ эти золотые гвозди: вандалы говорятъ, что они—отъ древка знамени. Ты его сжегъ?

— О, нѣтъ, господинъ, я бы передалъ тебѣ и Велисарію знамя. Сожгла его женщина — Хильда. Она убила самое себя. Я молю Бога, чтобы онъ простилъ ей!

И это—не лицемѣріе. Я его не совсѣмъ понимаю. Но и во мнѣ эти удивительныя событія возбуждаютъ мысли, которыя я обыкновенно гоню прочь. Кто однажды вкусилъ отъ философіи— я бѣгаю отъ нея, но ношу ее съ собой въ головѣ — тотъ никогда не отдѣлается отъ вопроса: зачѣмъ?

Конечно, во всѣ времена происходили перевороты въ судьбѣ людей, превышавшія всякія ожиданія. Но сомнительно, чтобы когда-нибудь было предпріятіе, увѣнчавшееся такой необычайной удачей, какъ наше.

Самъ Велисарій удивляется. Пять тысячъ всадниковъ—потому что наша пѣхота почти не была въ дѣлѣ — чуждые пришельцы, у которыхъ послѣ того, какъ они высадились на землю, не было ни гавани, ни крѣпости, ни единаго клочка земли во всей Африкѣ, куда бы имъ приклонить голову—пять тысячъ всадниковъ въ два краткихъ боя противъ врага вдесятеро сильнѣйшаго, разрушили страшное царство Гензериха, взяли въ плѣнъ

его внука, завладѣли его королевскимъ бургомъ и королевской казной.

Это непостижимо! Еслибы я самъ не былъ тому свидѣтелемъ, я бы не повѣрилъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ судьбами народовъ руководитъ Промыслъ?

Велисарій и наше храброе войско многое сдѣлали. Кое-что сдѣлало и давно замышленное, какъ это теперь выяснилось, предательство Вера; онъ все это время безъ нашего вѣдома переписывался съ императоромъ и императрицей. Но самое главное сдѣлало вырожденіе народа, за исключеніемъ королевскаго дома, потерявшаго въ битвѣ троихъ мужчинъ. Многое, весьма многое погубилъ непонятный, противорѣчивый характеръ этого короля. Однако, все это не привело бы къ тому быстрому успѣху, еслибы не безпримѣрное счастіе, сопровождавшее насъ съ самаго начала.

А это счастіе—неужели оно слѣпое?

Или же это кара божія надъ вандалами за грѣхи ихъ предковъ и ихъ собственные?

Можетъ быть! Не безъ благоговѣнія склоняюсь я передъ такимъ рѣшеніемъ. Но — и тутъ снова шевелится во мнѣ червякъ насмѣшливаго сомнѣнія, никогда меня вполнѣ не покидающій — приходится въ такомъ случаѣ сказать, что Промыслъ не очень строгъ въ выборѣ своихъ орудій. Потому что врядъ-ли Ѳеодора, Юстиніанъ и самъ Велисарій добродѣтельнѣе этого Гелимера и его братьевъ: да, быть можетъ, и твой пріятель, о, Цетегъ, который пишетъ тебѣ это письмо".

XXII.

На слѣдующій день послѣ того какъ Гелимеръ сдался, Фара снялся съ лагеря, и отрядъ побѣдителей и побѣжденныхъ выступилъ въ Карѳагенъ; гонцы съ вѣстями были посланы впередъ къ Велисарію.

Во главѣ отряда ѣхали Фара, Прокопій и другіе военачальники на лошадяхъ и на верблюдахъ; въ центрѣ отряда шли плѣнные вандалы, которымъ изъ предосторожности надѣли цѣпи на руки и на ноги, не мѣшавшія идти или ѣхать, но не позволявшія убѣжать. Они были окружены пѣхотой. Арріергардъ образовали конные гунны.

Такъ, медленно подвигаясь впередъ, ночью отдыхая въ палаткахъ, прошли въ двѣ недѣли тотъ путь, который былъ совершонъ второпяхъ въ одну недѣлю.

Веръ ѣхалъ большею частію одинъ: онъ избѣгалъ вандаловъ, а византійцы его избѣгали.

На второй день послѣ отступленія отъ горы Папуа—Фара и Прокопій уѣхали далеко впередъ—священникъ пріостановилъ своего коня на одномъ поворотѣ дороги и сталъ ждать. Плѣнные подошли. Отягченныя цѣпями руки грозили ему; проклятія неслись ему на-встрѣчу; онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Наконецъ подошелъ, опираясь на палку, оканчивавшуюся крестомъ, Гелимеръ.

Веръ раздвинулъ ряды конвоя и поѣхалъ рядомъ съ плѣнникомъ; тотъ взглянулъ на него:

— Ты, Веръ?

И содрогнулся.

— Да, я, Веръ. Я ждалъ тебя здѣсь: тебя и этой минуты, которая наконецъ наступила, которой я достигъ молитвами, совѣтами и дѣлами; я только и жилъ, только и боролся долгіе годы, цѣлые десятки лѣтъ для этой минуты!

— Но почему же, Веръ, почему? Чтó я тебѣ сдѣлалъ?

Тутъ Веръ злобно засмѣялся и пріостановилъ лошадь.

Гелимеръ испугался. Онъ рѣдко видѣлъ, чтобы этотъ человѣкъ улыбался; но никогда не слыхалъ, чтобы онъ смѣялся.

— Почему? ха, ха! ты еще спрашиваешь? Почему? Потому что... Впрочемъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я долженъ пересказать всю исторію нашу, римлянъ католиковъ... пересказать тѣ страданія, которымъ они подверглись съ той минуты, какъ Гензерихъ вступилъ на эту землю. Почему? Потому что я — мститель за столѣтнія прегрѣшенія, именуемыя вандальскимъ царствомъ въ Африкѣ. Слышите ли, святые угодники: этотъ человѣкъ... онъ присутствовалъ при томъ, какъ весь мой родъ былъ жестоко замученъ, и онъ спрашиваетъ: *почему* я ненавидѣлъ его и его народъ, и употребилъ всѣ силы, чтобы его истребить?

— Я знаю...

— Ты ничего не знаешь, если спрашиваешь меня: *почему*? Ты знаешь, скажешь ты, про проклятіе моей сожженной матери? но ты не знаешь—ибо лежалъ безъ чувствъ въ то время — что я послѣ того, какъ она прокляла тебя, оторвался отъ своего позорнаго столба и бросился къ ней въ огонь, чтобы вмѣстѣ съ ней умереть. Но она оттолкнула меня и закричала: „Живи! живи и отомсти за меня—и за всѣхъ твоихъ — и сдѣлай такъ, чтобы мое проклятіе на него и на его родъ исполнилось!“

И я поклялся, что буду мстить до послѣдняго издыханія.

Твои воины оторвали меня отъ матери, и я видѣлъ, какъ ее охватило пламя, и лишился чувствъ.

Но когда я пришелъ въ себя, то былъ уже не мальчикъ, а мститель.

Я ничего не видѣлъ и не чувствовалъ, кромѣ послѣдняго рукопожатія матери, ея взгляда и моей клятвы. И я отрекся отъ своей вѣры—но только для вида!

А вы, жалкіе, одурѣвшіе отъ спѣси варвары, воображали, что я отрекся изъ трусости, изъ страха передъ костромъ!

О, какъ часто въ юные годы я видѣлъ ваше—и твое также, глупецъ!—презрѣніе ко мнѣ и съ смертельной ненавистью, съ бѣшенствомъ, которое грызло мнѣ сердце, переносилъ его. О, какъ я ненавидѣлъ васъ! Вамъ служить, быть священникомъ вашей лживой вѣры, переносить ваше нестерпимое хвастовство!.. Потому что вы всѣ, германцы, хвастуны; только вы хвастаетесь не вслухъ—это бы еще куда ни шло, на это можно было бы отвѣчать презрѣніемъ—но вы молчаливые хвастуны, вы хвастаетесь и чванитесь про себя! Вы ходите по землѣ, точно всѣхъ давите подъ ногами, закидываете голову кверху, точно здороваетесь въ небѣ съ какими-то предками и киваете имъ:—да, да! вся земля намъ принадлежитъ! И всего нестерпимѣе то, что вы даже не понимаете, какъ оскорбительно для другихъ такое ваше поведеніе. О, какъ я ненавижу васъ!

И онъ поднялъ хлыстъ и ударилъ шедшаго съ нимъ рядомъ Гелимера, который принялъ ударъ, но какъ будто его не почувствовалъ.

— Подумать только, что вы, варвары, всего какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ лѣтъ пограничные конокрады, голые, голодные нищіе, съ благодарностью принимавшіе объѣдки, которые бросали вамъ великодушные римляне, вы убивали насъ тысячами, брали въ рабство, обращали въ рабочій скотъ! Погибель — на васъ, на всю вашу волчью, медвѣжью породу, которую только сила кулака да божіе соизволеніе попустили вторгнуться въ римскую имперію!

И онъ снова поднялъ хлыстъ для удара; но вдругъ увидѣлъ устремленный на себя угрожающій взглядъ одного изъ герульскихъ стражниковъ и смущенно опустилъ руку.

Гелимеръ молчалъ и только изрѣдка вздыхалъ.

— Ну, а совѣсть твоя?—сказалъ онъ, наконецъ, кротко.— Развѣ она никогда не упрекала тебя? Я вѣдь съ той встрѣчи со львомъ довѣрился тебѣ вполнѣ; я вручилъ въ твои руки мое сердце; ты былъ моимъ духовнымъ отцомъ... развѣ тебѣ не стыдно теперь?

На минуту яркая краска залила блѣдное лицо священника, но только на минуту, а затѣмъ сбѣжала.

Онъ отвѣчалъ:

— Да! мое сердце было такъ глупо... иногда я стыдился... въ особенности вначалѣ. Но я постоянно побѣждалъ эту слабость. И ваша оскорбительная надменность помогала мнѣ въ этомъ. Я каждый день говорилъ себѣ: они считаютъ тебя такимъ низкимъ — въ особенности Цацо; его я ненавидѣлъ всѣхъ сильнѣе! — что ты изъ страха отказался отъ своей вѣры. О, какъ они низко о тебѣ думаютъ! Отомсти имъ, накажи ихъ за это невыносимое высокомѣріе. О, въ ненависти есть тоже своего рода наслажденіе: а васъ, германцевъ, особенно сладко ненавидѣть до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, до тѣхъ поръ, пока вы не будете стерты съ лица земли!

И онъ ударилъ кулакомъ по обнаженной головѣ короля.

Гелимеръ не поднялъ головы и не сдѣлалъ никакого движенія.

— Чтò ты тамъ бормочешь себѣ въ бороду?

— Я молюсь: „какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ“! Но—быть можетъ, это тоже высокомѣріе, грѣхъ, — ты, можетъ быть,—мой ангелъ, котораго Господь послалъ мнѣ не въ охрану, какъ я думалъ въ моей суетности, но для наказанія.

— Твоимъ добрымъ ангеломъ я не былъ.

— Но... если можно спросить...

— Спрашивай! я хочу вполнѣ насладиться этой минутой!

— Если ты меня такъ ненавидишь—хотѣлъ отомстить мнѣ за свою мать—зачѣмъ ты такъ долго, долго таился? Часто—уже тогда, когда ты засталъ меня со львомъ—ты могъ убить меня, почему же ты...

— Глупо сказано! Все еще ничего не понимаешь, глупецъ! Конечно, я тебя ненавидѣлъ, но твой народъ я ненавидѣлъ еще сильнѣе. И я видѣлъ, что въ тебѣ живетъ душа этого народа. Возвести тебя на тронъ и тобой повелѣвать — значитъ, повелѣвать твоимъ народомъ. Я говорилъ себѣ: если же я его убью, если я убѣжду Хильдериха заключить тайный союзъ съ Византіей, Цацо, Гибамундъ и другіе храбрые вандалы будутъ долго еще сопротивляться. Но если я этого человѣка, который одинъ можетъ спасти свой народъ, заберу въ руки, то его народъ навѣрное погибнетъ. Его убить, еслибы это понадобилось, я всегда успѣю. Но лучше черезъ него господствовать надъ вандальскимъ народомъ и... погубить его!

Тутъ Гелимеръ застоналъ и пошатнулся; онъ невольно схватился за шею лошади, чтобы не упасть.

Веръ оттолкнулъ его руку. Гелимеръ споткнулся и упалъ на песокъ, но тотчасъ же всталъ и пошелъ дальше.

— Что, этотъ попъ ударилъ тебя, король?—съ угрозой закричалъ герулъ.

— Нѣтъ, мой другъ.

Но Веръ продолжалъ:

— Хильдерихъ долженъ былъ очистить престолъ, потому что онъ не слушался меня безусловно: онъ требовалъ всякихъ вольностей для вандаловъ, и Юстиніанъ готовъ былъ ихъ даровать. Я же хотѣлъ не просто сдѣлать Гелимера и вандаловъ подданными императора, но совсѣмъ истребить ихъ.

Твой глупый братъ открылъ мои сношенія съ Пуденціемъ... еслибы меня тогда обыскали и нашли у меня письмо Пуденція, все бы погибло. Вмѣсто того, я самъ его отдалъ; я открылъ мѣстопребываніе триполитанца: я зналъ, что онъ уже за городомъ скачетъ на моемъ лучшемъ скакунѣ. Король и ты попали въ разставленныя мною сѣти. Твоя погоня за короной — вотъ твоя настоящая вина и твой грѣхъ. И ты сталъ королемъ, а я— твоимъ канцлеромъ, то-есть злымъ геніемъ. Я порвалъ открыто съ императоромъ, но тайно переписывался съ императрицей. Я удалилъ флотъ въ Сардинію, узнавъ за день передъ тѣмъ о высадкѣ Велисарія. Послѣ пораженія при Децимумѣ я совѣтовалъ тебѣ запереться въ Кареагенѣ съ войскомъ—тогда бы все было кончено полугодомъ раньше. Это единственное, чтò не удалось: ты меня не послушался. Письмо короля Өеудиса уже послѣ битвы при Децимумѣ пришло къ прибрежнымъ племенамъ съ предложеніемъ спасти тебя и посадить тебя на вестготскій корабль. Но до тебя эти письма не дошли: я скрылъ ихъ. Только тогда, когда спасеніе стало невозможно, сбросилъ я маску. И теперь я увижу, какъ ты будешь цѣловать ноги Юстиніана на гипподромѣ въ Византіи. И тогда исполнится проклятіе моей матери, моя клятва и месть за мой народъ!

Онъ умолкъ. Лицо его горѣло; глаза метали пламя на плѣнника.

Тотъ нагнулся и поцѣловалъ его башмакъ въ стремени.

— Благодарю тебя. Ты, значитъ, бичъ, которымъ Господь наказуетъ меня. И если ты при этомъ согрѣшилъ противъ меня и моего народа, то прости тебѣ Богъ, какъ и я тебѣ прощаю!

XXIII.

Къ Цетегу отъ Прокопія.

„Всю дорогу до Карѳагена онъ шелъ пѣшкомъ; онъ отказался и отъ коня, и отъ верблюда. Онъ молчалъ или громко молился, но не на вандальскомъ языкѣ, а по-латыни.

Фара предлагалъ ему приличное платье вмѣсто оборванной, грязной пурпуровой мантіи, которую онъ носитъ на голомъ тѣлѣ. Плѣнникъ поблагодарилъ и попросилъ терновый поясъ, какой носятъ отшельники въ пустынѣ. Но мы не умѣемъ изготовлять такихъ безсмысленныхъ орудій, и потому Фара не исполнилъ этого желанія. Тогда „тиранъ“ изготовилъ самъ такой поясъ изъ колючихъ акацій пустыни.

Возлѣ самыхъ воротъ своей столицы онъ свалился съ ногъ, прямо лицомъ въ песокъ дороги. Веръ остановился за нимъ нерѣшительно и занесъ-было ногу: я думалъ, что онъ хочетъ наступить ею на спину короля, но Фара, заподозрившій, вѣроятно, то же самое, рѣзко отпихнулъ попа и поднялъ упавшаго съ ласковыми словами.

Непосредственно за нумидійскими воротами, на обширной площади, въ предмѣстьи Акласъ, Велисарій выстроилъ большинство войскъ, занявъ ими три стороны четырехъ-угольника; четвертая, напротивъ воротъ, оставалась свободною.

Какъ разъ напротивъ воротъ, на возвышенномъ мѣстѣ, засѣдалъ полководецъ въ полномъ вооруженіи; у его ногъ лежали красные значки и знамена вандаловъ, которыхъ мы захватили цѣлую кучу; у каждой тысячи былъ свой значокъ. Только большого королевскаго знамени не могли добыть...

Вокругъ Велисарія стояли предводители его побѣдоносныхъ войскъ, также многіе епископы и священники, затѣмъ сенаторы, знатные карѳагенскіе граждане и другихъ городовъ, частію вернувшіеся въ эти мѣсяцы изъ изгнанія или изъ бѣгства. Въ числѣ ихъ находились также радостные Пуденцій съ сыномъ.

По лѣвую руку Велисарія лежали на пурпуровыхъ подстилкахъ у его ногъ въ искусномъ порядкѣ сокровища вандаловъ: много золотыхъ стульевъ, колесница вандальской королевы, безчисленное множество драгоцѣнныхъ уборовъ всякаго рода,—какъ сверкали драгоцѣнные камни подъ лучами африканскаго солнца! — весь серебряный столовый приборъ короля, вѣсомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ фунтовъ, и всѣ другія украшенія королевскаго дворца; кромѣ того, оружіе, оружіе безъ счету и

мѣры изъ оружейныхъ Гензериха; также и старинные римскіе значки, высвобожденные изъ плѣна послѣ многихъ десятковъ лѣтъ.

Оружія достаточно для того, чтобы завоевать весь міръ руками храбрыхъ людей: римскіе шлемы съ гордымъ гребнемъ; германскія вепревыя и буйволовыя шапки, мавританскіе щиты, обитые шкурой пантеры; мавританскія головныя повязки съ развѣвающимися страусовыми перьями; панцыри изъ крокодиловой шкуры,—кто пересчитаетъ всю добычу!

По правую руку Велисарія стояли, со связанными на спинѣ руками, знатнѣйшіе изъ плѣнныхъ мужчины и въ ихъ числѣ много и женщинъ: красивыя, видныя фигуры.

Вся эта картина была обрамлена, какъ бы желѣзными рамками, эскадронами нашей конницы и густыми толпами нашей пѣхоты.

За нашими воинами тѣснился съ любопытствомъ народъ карѳагенскій, которому расточаемые по временамъ удары древками копій говорили, что его мнѣнія не спрашиваютъ и онъ не играетъ ровно никакой роли въ освобожденіи Африки и своемъ собственномъ, которое здѣсь праздновалось.

Въ общей сложности то былъ какъ бы прологъ тріумфа на гипподромѣ въ Византіи, который императоръ уже разрѣшилъ полководцу.

Внутри сводчатыхъ воротъ нашъ небольшой отрядъ пріостановился.

Затѣмъ, по данному знаку, Фара и я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ военачальниковъ и тридцати геруловъ, проѣхали на площадь къ трону Велисарія. Онъ приказалъ намъ сойти съ лошадей, всталъ, обнялъ и поцѣловалъ Фару и повѣсилъ ему на шею большой золотой кружокъ, награду за плѣнъ низложеннаго короля. Мнѣ онъ пожалъ руку и просилъ сопровождать его во всѣ будущіе походы.

Мы стали по правую и по лѣвую сторону его трона.

Еще звуки трубъ, и въ богатомъ католическомъ священническомъ облаченіи—я замѣтилъ также, что узкая аріанская тонзура была превращена въ широкую католическую—вступилъ Веръ изъ-подъ воротъ на площадь, съ гордымъ видомъ, высоко закинувъ назадъ голову. Видно было по его лицу, что онъ думалъ: „безъ меня не бывать бы вамъ здѣсь, надменные солдаты!“ Но это, во-первыхъ, вздоръ: мы бы побѣдили, конечно, и безъ него, хотя бы труднѣе, медленнѣе. То же подумалъ, конечно, и мой другъ Велисарій.

Онъ насупилъ брови и съ такимъ презрѣніемъ поглядѣлъ на подошедшаго, что тотъ не выдержалъ этого взгляда и опустилъ мрачные глаза, отвѣшивая поклонъ, который я нашелъ довольно высокомѣрнымъ.

— Я долженъ прочитать тебѣ письмо императора, священникъ,—сказалъ Велисарій, велѣлъ подать себѣ окрашенный пурпуромъ свертокъ папируса, поцѣловалъ его и прочиталъ: „Отъ императора кесаря Флавія Юстиніана, благочестиваго, благополучнаго, славнаго побѣдителя и тріумфатора, неизмѣннаго Августа, покорителя алемановъ, франковъ, германцевъ, антовъ, алановъ, персовъ, а теперь и вандаловъ, и мавровъ, и Африки, къ Веру архидіакону.

„Ты предпочелъ, вмѣсто того, чтобы переписываться со мной, вести тайную переписку съ моей благочестивой супругой, насчетъ паденія тирана, совершоннаго нашимъ оружіемъ съ помощью божіей. Она обѣщала тебѣ, въ случаѣ если мы побѣдимъ, выпросить тебѣ у меня желанную тобою награду. Просьба Ѳеодоры не можетъ не быть исполненной Юстиніаномъ. Послѣ того, какъ ты доказалъ, что только для виду принялъ еретическую вѣру, что ты въ сердцѣ и передъ твоимъ католическимъ духовнымъ отцомъ, который разрѣшилъ тебя отъ этого грѣха, всегда исповѣдывалъ истинную вѣру и былъ истиннымъ католическимъ священникомъ, я приказываю Велисарію признать тебя по прочтеніи этого письма епископомъ Карѳагена... (Слушайте, вы, карѳагеняне и римляне: отъ имени императора я провозглашаю Вера католическимъ епископомъ Карѳагена!) — надѣть на тебя епископскую митру и вручить епископскій посохъ!

Веръ медлилъ. Казалось, ему хотѣлось стоя принять золотую митру; но Велисарій держалъ митру такъ низко, что ему ничего не оставалось, какъ стать на колѣни, если онъ хочетъ, чтобы желанная шапка надѣта была на его голову.

Но какъ только онъ почувствовалъ ее на головѣ, такъ немедленно выпрямился.

Велисарій далъ ему золотой посохъ въ руки.

Послѣ того Веръ хотѣлъ стать по правую сторону трона Велисарія, но тотъ закричалъ:

— Постой, преосвященный! Письмо императора еще не дочитано.

И продолжалъ далѣе:

„Такимъ образомъ ты получилъ желанную награду.

„Но желаніе Ѳеодоры,—какъ ты уже испыталъ это,—законъ для меня; поэтому я исполняю также и ея вторую просьбу.

„Слишкомъ опасно,—думаетъ она,—оставлять такого смѣлаго и хитраго человѣка на епископскомъ престолѣ въ Карѳагенѣ; ты, пожалуй, сталъ бы служить своему новому господину, какъ ты служилъ старому. Поэтому она просила меня, чтобы Велисарій приказалъ тебя немедленно арестовать (по знаку Велисарія, Фара, видимо обрадованный, положилъ на плечо поблѣднѣвшаго священника руку, затянутую желѣзомъ), такъ какъ ты пожизненно ссылаешься въ Мартирополисъ, на Тигръ, на границу Персіи, какъ можно дальше отъ Карѳагена, гдѣ вмѣсто тебя будетъ править епархіей, какъ твой викарный, духовникъ императрицы, желающій быть переведеннымъ въ Карѳагенъ и съ согласія святого отца въ Римѣ. Тамъ, въ Мартирополисѣ, находятся горные рудники, въ которыхъ работаютъ преступники. Ты будешь шесть часовъ въ день наставлять души этихъ преступниковъ. Но для того, чтобы тебѣ было удобнѣе этимъ заниматься и чтобы ты лучше узналъ ихъ души, остальные шесть часовъ ты будешь работать вмѣстѣ съ ними". —Уведите его!

Веръ хотѣлъ что-то сказать, но уже туба снова загремѣла, и прежде чѣмъ она умолкла, священника уже увели шестеро ѳракійцевъ съ площади и скрылись съ нимъ въ гаваньской улицѣ.

— Теперь призовите Гелимера, короля вандаловъ!—громко произнесъ Велисарій.

И Гелимеръ вышелъ изъ воротъ на площадь. Руки у него скованы были золотою цѣпью; на его спутанные длинные волосы надѣли одну изъ многихъ зубчатыхъ коронъ, найденныхъ въ королевскомъ казнохранилищѣ, и поверхъ стараго, изорваннаго пурпура и терноваго пояса накинули великолѣпную, новую мантію изъ такой же королевской ткани. Молча, апатично смотрѣлъ онъ на все происходившее. Только воспротивился-было, когда ему надѣвали корону на голову. Но затѣмъ кротко промолвилъ:

— Впрочемъ, чтожъ, пускай... это мой терновый вѣнецъ!

Такъ же безжизненно и молча, точно блуждающее мертвое тѣло, подошелъ онъ медленными, медленными шагами въ Велисарію.

Когда прокричали его имя, громкій шопотъ, прерываемый восклицаніями, пронесся по рядамъ; но теперь всѣ, кто его видѣли, всѣ эти многія тысячи людей смолкли; насмѣшка, торжество, любопытство, алчность, состраданіе—все стихло передъ величіемъ этого зрѣлища, величіемъ крайняго несчастія.

Одинъ, не сопровождаемый никѣмъ изъ плѣнныхъ или стражниковъ, прошелъ король черезъ площадь. Онъ опустилъ глаза, обрамленные длинными рѣсницами, въ землю; они глубоко ва-

лились; впали также и блѣдныя щеки; худые пальцы правой руки были крѣпко стиснуты вокругъ небольшого деревяннаго креста. Кровь сочилась изъ-подъ его пояса на голыя ноги и по каплямъ скатывалась на бѣлый песокъ площади.

Все умолкло; мертвая тишина царствовала на всемъ обширномъ пространствѣ; люди задерживали дыханіе въ то время, какъ несчастный стоялъ передъ Велисаріемъ.

Послѣдній, тоже глубоко тронутый, не находилъ словъ.

Онъ добродушно протянулъ правую руку Гелимеру. Тотъ поднялъ большіе глаза, увидѣлъ Велисарія во всемъ блескѣ вооруженія, быстро оглянулся во всѣ три стороны площади, увидѣлъ великолѣпіе и гордую пышность всей обстановки, высоко развѣвающіяся знамена побѣдителей, а на землѣ—сваленныя знамена вандаловъ; тогда онъ высоко поднялъ надъ головой руки въ цѣпяхъ и громко всплеснулъ ими; крестъ выпалъ у него изъ рукъ; онъ дико, дико засмѣялся.

— Суета суетъ и всяческая суета!—закричалъ онъ и бросился лицомъ въ песокъ у самыхъ ногъ Велисарія.

— Что это, болѣзнь?—тихо спросилъ меня этотъ послѣдній.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ я такъ же тихо.—Это—отчаяніе или набожность. Онъ считаетъ жизнь нестоющей жизни; все человѣческое, все земное, даже народъ и государство—грѣховнымъ, суетнымъ, ничтожнымъ. Неужели это послѣднее слово христіанства?

— Нѣтъ, это—безуміе!—вскричалъ Велисарій.—Поспѣшимъ теперь въ гавань, на корабли! Насъ ждетъ тріумфъ въ Византіи!

А. Э.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

по взглядамъ

ИВ. АКСАКОВА

— Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Томъ первый. М. 1886 (Славянскій вопросъ. 1860—1886).

Изданіе сочиненій Ив. Аксакова будетъ не только пріятнымъ пріобрѣтеніемъ для его почитателей, но и вообще важнымъ литературнымъ фактомъ; собравши многочисленные труды, разбросанные по изданіямъ, которыя уже теперь становятся мало доступными, эта книга очень облегчитъ изученіе писателя, многіе годы занимавшаго видное мѣсто въ нашей литературѣ и общественной жизни.

По смерти Ив. Аксакова, даже его ревностные почитатели высказывались, что съ нимъ кончается цѣлое литературное явленіе, отходитъ въ исторію цѣлая эпоха,—не то, чтобы окончилось славянофильство (напротивъ, въ послѣднее время извѣстные его оттѣнки находятъ больше приверженцевъ, чѣмъ когда-нибудь прежде), но кончилась старая школа въ ея непосредственномъ выраженіи, съ ея цѣльной теоріей и нерѣдко смѣлымъ языкомъ. Дѣйствительно, Аксакова некому замѣнить въ кругу его послѣдователей и единомышленниковъ; есть—по славянскимъ дѣламъ—люди, не меньше его знающіе положеніе вещей, гораздо больше его знакомые съ славянской исторіей и литературой, но нѣтъ смѣлаго публициста, всегда вѣрнаго своимъ идеямъ и своимъ крайностямъ, нѣтъ писателя съ такимъ одушевленіемъ и оригинальнымъ талантомъ.

Въ цѣломъ характерѣ своихъ идей и самаго выраженія Аксаковъ былъ, дѣйствительно, вѣрнымъ отголоскомъ славянофильства сороковыхъ годовъ. Самый младшій членъ тогдашняго кружка, онъ остался послѣднимъ его представителемъ до настоящаго времени. Правда, въ иныхъ подробностяхъ, по нѣкоторымъ вопросамъ нашей внутренней жизни, онъ, быть можетъ, не выдержалъ со всей точностью старой программы и съуживалъ защиту „народнаго начала" до размѣровъ дюжинной новѣйшей борьбы противъ „либерализма", вступалъ въ союзъ съ идеями, которыхъ лучше было бы остеречься,—но и здѣсь иногда сказывалась вдругъ старая закваска, которая, въ концѣ концовъ, отдѣляла его отъ „патріотовъ своего отечества". Въ вопросѣ славянскомъ онъ больше чѣмъ гдѣлибо оставался вѣренъ старому преданію; не однажды онъ находилъ здѣсь мужественныя слова, вызывавшія сочувствіе и въ людяхъ, которые не раздѣляли его цѣлаго взгляда, но сохранилъ и всю исключительность, которая не внушала уже никакого сочувствія.

Извѣстно, что Аксаковъ принялъ готовыми, какъ существо своихъ взглядовъ философскихъ и общественныхъ, такъ, въ частности, и свой взглядъ на славянскій вопросъ, ту теорію двухъ различныхъ міровъ—западнаго и восточнаго, православнаго и католическаго, романо-германскаго и греко-славянскаго,—теорію, которая даетъ исходную точку всѣхъ его истолкованій славянскаго вопроса и его значенія въ русской жизни. Эти два міра совершенно различны, какъ въ своей жизни церковной, такъ нравственной и политической. Основа ихъ различія дана различнымъ пониманіемъ христіанства на востокѣ и западѣ: одинъ востокъ сохранилъ чистую истину христіанства, которая въ церкви римской была извращена, и это извращеніе, послуживъ основаніемъ западнаго католицизма, дало ложное направленіе всей западной цивилизаціи. Правда, реформація была какъ бы отрицаніемъ католичества, но, въ сущности, протестантизмъ остался въ томъ же кругѣ ложныхъ идей и не возстановилъ первобытной чистоты христіанскаго ученія. Славянскія племена приняли христіанство съ востока, и восточное исповѣданіе стало единой истинной чертой славянскаго христіанства. Если потомъ нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ отпали въ латинство, то этимъ искажена была въ нихъ самая глубокая основа славянской народности: потерявъ истину христіанской церкви и церковное ученіе на народномъ языкѣ, они стали открыты вліяніямъ западной цивилизаціи, которая была несвойственна природѣ славянской народности и имѣла на нее самое зловредное дѣйствіе.

Этотъ взглядъ принадлежалъ цѣликомъ еще старому славянофильству, и его основныя теоретическія положенія развиты были въ „богословскихъ сочиненіяхъ“ Хомякова. Здѣсь именно изложена была богословская исторія отличій восточной и западной церкви и проведены были историческія послѣдствія того различія въ толкованіи символа вѣры, которое послужило причиной раздѣленія церквей и всего дальнѣйшаго раздѣленія восточной и западной цивилизаціи. Вся исторія Запада коренится въ Filioque: здѣсь начинается произволъ папства, смѣшеніе христіанскаго ученія съ интересами мірского властолюбія, порча самого нравственнаго ученія, словомъ—всѣ тѣ заблужденія и пороки, которые съ тѣхъ поръ отдѣлили латинство отъ церкви восточной. Другіе развили это противоположеніе Запада и Востока, или православія и католичества, въ примѣненіи къ славянской исторіи (какъ Елагинъ, Новиковъ, Гильфердингъ). Богословскія сочиненія Хомякова не могли въ свое время появиться на русскомъ языкѣ,—потому что въ нихъ заключались, кромѣ упомянутаго, и критическія замѣчанія о современномъ состояніи русской церкви, которыя не могли найти мѣста въ нашей печати. Нѣкоторыя изъ нихъ появились, на французскомъ языкѣ, въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, а на русскомъ языкѣ вышли уже много лѣтъ по смерти Хомякова, опять въ заграничномъ изданіи Юрія Самарина, который еще подкрѣпилъ аргументацію Хомякова.

Аксаковъ выросъ въ этой атмосферѣ стараго славянофильства; онъ самъ не былъ теоретикъ, но вполнѣ усвоилъ готовое ученіе и примѣнилъ его къ славянскому вопросу съ первыхъ шаговъ своей публицистической дѣятельности. Въ первые годы, славянскія дѣла занимаютъ относительно мало мѣста въ его публицистическихъ трудахъ; съ особой настоятельностью онъ сталъ говорить о нихъ съ 1867 года, со времени этнографической выставки въ Москвѣ, привлекшей извѣстный славянскій съѣздъ. Съ тѣхъ поръ его славянскіе интересы развиваются все шире, выражаясь въ его изданіяхъ и въ его дѣятельности въ московскомъ славянскомъ комитетѣ, достигаютъ наибольшаго одушевленія въ періодъ сербско-турецкой войны, похода добровольцевъ, русско-турецкой войны и кончаются ожесточенными нападеніями на берлинскій трактатъ, доходящими до послѣднихъ дней его жизни. Теорія прежнихъ славянофильскихъ писателей о двухъ противоположныхъ мірахъ и цивилизаціяхъ излагается теперь уже не въ историко-философскихъ трактатахъ, а въ одушевленныхъ проповѣдяхъ, восторженныхъ призывахъ и негодующемъ обличеніи невѣрующихъ и противниковъ. Теорія представляется Аксакову

совершенно доказанной; онъ не углубляется въ исторію, не дѣлаетъ никакихъ особыхъ разысканій, ни въ догматической, ни въ исторической сторонѣ теоріи; онъ только истолковываетъ изъ нея новѣйшіе факты славянской жизни и русско-славянскихъ отношеній. Онъ ни теоретикъ, ни историкъ, а восторженный трибунъ, требующій примѣненія идеи, которая составляетъ его убѣжденіе и вѣру вмѣстѣ. Примѣненіе должно быть сдѣлано тотчасъ; никакой другой взглядъ на вопросъ ему непонятенъ; когда онъ встрѣчаетъ противорѣчіе, онъ не думаетъ доискиваться его причинъ,—а причины бывали весьма немаловажныя,—и обрушивается на него только съ голыми осужденіями и съ новымъ повтореніемъ той же теоріи. Ни разу, въ теченіе своей дѣятельности, онъ не остановился серьезно на возраженіяхъ, какихъ представляла не мало современная литература; этихъ возраженій какъ будто не было,—такъ, повидимому, овладѣло имъ высокомѣрное понятіе о непогрѣшимости собственнаго ученія. Эта черта, съ одной стороны, вѣроятно, увеличивала его авторитетъ между послѣдователями, но, съ другой, несомнѣнно уменьшала его значеніе въ глазахъ противниковъ, которые, не находя отвѣта на спорные пункты, выносили изъ его писаній впечатлѣніе фанатической односторонности. Ученіе принимало характеръ вѣры, которую надо было принимать, не разсуждая; школа становилась сектой, и ее оставляли, наконецъ, въ покоѣ. Еще не такъ давно одна часть печати считала споръ съ славянофильствомъ дѣломъ совершенно безполезнымъ, т.-е. само славянофильство—нестоющимъ вниманія.

Выберемъ изъ массы статей Аксакова по этому вопросу нѣсколько основныхъ положеній, опредѣляющихъ то отношеніе, въ которое Россія, по его мнѣнію, должна стать къ славянскому вопросу по существу своей вѣры и народности, и котораго она все-таки до сихъ поръ не занимаетъ.

По ученію Аксакова, славянскій вопросъ не есть какой-нибудь внѣшній, посторонній, какъ иной дипломатическій вопросъ, въ которомъ Россія можетъ занять, по обстоятельствамъ, то или иное положеніе; напротивъ, онъ принадлежитъ къ самой сущности ея національнаго бытія и въ церковномъ, и въ народномъ отношеніи. Славянскій вопросъ есть собственно р у с с к і й вопросъ. Участіе въ славянскихъ дѣлахъ, освобожденіе порабощенныхъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ отъ чужого ига, есть призваніе России, задача ея историческаго существованія. Русскій народъ дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ не самъ по себѣ, но какъ представитель цѣлаго славянскаго міра. Онъ одинъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ создалъ великое и сильное государ-

ство, сохранилъ чистое восточное христіанство, одинъ сберегъ подлинныя свойства славянской народности: онъ обязанъ возвратить и всѣ остальныя племена къ истинно-національному существованію, доставивши имъ и свободу политическую, и свободу нравственную, т.-е. возвращеніе къ истинно-славянскимъ формамъ жизни, подавленнымъ или политическимъ угнетеніемъ, или латинствомъ. Славянскія католическія племена уклонились отъ настоящаго народнаго пути; нѣкогда христіанство было преподано имъ всѣмъ въ его истинной православной формѣ, въ согласіи съ природой славянской народности; обратившись въ католицизмъ, они потеряли вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность истиннаго славянскаго развитія; ихъ нравственнымъ центромъ сталъ Римъ; ихъ цивилизація стала складываться по чужому западному образцу, и въ ней они теряютъ свое истинно славянское содержаніе. Россія, вмѣшиваясь въ дѣла славянскихъ племенъ, не имѣетъ никакихъ себялюбивыхъ замысловъ и слѣдуетъ только внушеніямъ своей славянской природы, требованіямъ славянской основы своей народности: она ищетъ только возстановленія народнаго начала въ жизни славянства и затѣмъ предоставляетъ ему самостоятельно устроивать свою внѣшнюю жизнь. Но въ то же время это вмѣшательство есть глубочайшая необходимость для ея самобытнаго развитія: ея собственныя, славянскія, начала только путемъ этого возстановленія остальныхъ племенъ славянства могутъ пріобрѣсти всю свою внутреннюю силу, и только тогда Россія будетъ въ состояніи развить во всей широтѣ свою національную особенность и совершить свое историческое назначеніе.

Такимъ образомъ, славянскій вопросъ есть нашъ собственный, не внѣшній, а внутренній русскій вопросъ; это вопросъ религіозный и народный. Въ виду того, что въ нашемъ обществѣ подвергалась сомнѣнію или оставалась неясной эта религіозная сторона предмета и полагалось, что современное государство можетъ оставить въ сторонѣ церковную сторону вопроса (такъ какъ религія есть дѣло личной совѣсти и современное государство теряетъ прежній исключительно вѣроисповѣдный характеръ, какой имѣло въ средніе вѣка), Аксаковъ, въ первыхъ нумерахъ своей газеты „Москва“ (1867), останавливается на объясненіи того значенія, какое имѣетъ вѣроисповѣдное начало въ исторіи и въ самихъ современныхъ отношеніяхъ. Поводомъ къ его разсужденіямъ объ этомъ предметѣ было происходившее тогда возстаніе кандіотовъ; тѣ же разсужденія примѣнялись тотчасъ и къ положенію славянскихъ народностей.

„Какъ бы ни старались современные публицисты,—говоритъ Аксаковъ,—возвести значеніе государства на высоту отвлеченнаго принципа, отрѣшеннаго отъ всякой не-государственной примѣси, отъ всякаго сторонняго, духовнаго элемента, и именно отъ элемента вѣры, но такое требованіе, обращенное къ государству, можетъ быть, и справедливое въ отвлеченной теоріи, противорѣчитъ могучимъ, неодолимымъ требованіямъ живой исторіи народовъ. Если изъять изъ современнаго изученія политической исторіи государствъ — исторію церквей и вѣроисповѣданій, ихъ значеніе, какъ историческихъ двигателей, какъ началъ, подъ духовнымъ воздѣйствіемъ которыхъ воспиталась и сложилась та или другая народность въ политическій организмъ, которыми опредѣлилась и заклеймилась политическая дѣятельность этого государственнаго организма, то исторія государствъ останется неразъясненною и явится только какимъ-то случайнымъ сцѣпленіемъ внѣшнихъ событій. Вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникающее собою, подобно воздуху, всю жизнь народа,— даетъ, частію вѣдомо, частію невѣдомо для него самого, характеръ и направленіе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни, какъ духовной, такъ отчасти и матеріальной, какъ общественной, такъ и государственной. Государственная исторія народовъ православныхъ, римско-католическихъ и протестантскихъ различается, главнѣйшимъ образомъ, въ силу различія этихъ исповѣданій. И хотя многіе изъ насъ еще недавно готовы были утверждать, что русская народность вовсе не связана съ православіемъ, что нѣтъ различія между русскимъ латиняниномъ и русскимъ православнымъ, однако, они же не перестаютъ требовать отъ государства политики національной, т.-е. политики, проникнутой духомъ національности, согласной не только съ вещественными, но и съ нравственными интересами русской народности; и они же теперь къ числу этихъ интересовъ присоединяютъ, повинуясь очевидности факта и увлеченію собственнаго русскаго чувства, духовные интересы нашего единовѣрія съ православными христіанами на Востокѣ. Они невольно признаютъ за русскимъ государствомъ обязанность дѣйствовать въ качествѣ внѣшней силы православнаго общества.

„Точно такого же согласія съ духовными національными интересами требуютъ и западныя общества отъ политики своихъ государствъ; точно такъ же характеръ вѣроисповѣданія отражается и на ихъ политической дѣятельности. И именно теперь, по отношенію къ Восточному вопросу, ярко выдается особенный образъ дѣйствій католическаго міра, главной представительницей котораго—Франція. Если и предположить, что самъ тюильерійскій кабинетъ, въ поведеніи своемъ на Востокѣ, готовъ былъ бы руководствоваться соображеніями чисто политическаго свойства, то общество, даже независимо отъ политическихъ соображеній, является поразительно равнодушнымъ къ страданіямъ православныхъ народовъ. Мало того: оно выражаетъ къ нимъ презрѣніе и непріязнь, и тяготѣетъ своимъ вліяніемъ на политику самого правительства. Враждебное отношеніе латинства къ православію сказывается какъ въ невѣрующемъ обществѣ Франціи, такъ и въ обществѣ вѣрующемъ, или преданномъ латинству. Въ этомъ смыслѣ особенно замѣчательны теперь печатные органы латинской

клерикальной партіи и вообще римско-католическихъ интересовъ. Не желая явиться прямо противниками принципа національности и свободы, они отказываютъ въ сочувствіи своемъ возстанію грековъ на Критѣ, на томъ основаніи, что здѣсь дѣйствуетъ будто-бы не столько желаніе освободиться отъ тягостнаго турецкаго гнета, котораго тягость, по ихъ словамъ, еще подлежитъ большому и очень большому сомнѣнію, сколько духъ всесвѣтной революціи, враждующій съ принципомъ авторитета и порядка. Для католиковъ, признающихъ въ области вѣры одинъ духовный авторитетъ папы, какъ главы вселенской церкви, и на этомъ началѣ зиждущихъ самый политическій порядокъ міра, — даже турецкій султанъ является представителемъ начала порядка и авторитета!“ [1])

Аксаковъ настаиваетъ на „старой, закоренѣлой ненависти латинянина ко всему православному“. По мнѣнію Европы,—говоритъ онъ, — христіанинъ-грекъ, возстающій противъ магометанина-султана, есть революціонеръ, недостойный ни сочувствія, ни сожалѣнія; напротивъ, полякъ, возстающій противъ власти христіанскаго же государя,—не революціонеръ, а праведный герой и подвижникъ, и вся разница объясняется тѣмъ, что поляки—католики, и торжество ихъ есть торжество католицизма, а греки—православные, и ихъ побѣда есть побѣда православія. Вообще весь католическій Западъ одушевленъ тайною или явною, по большей части даже безотчетною, ненавистью ко всѣмъ народамъ, исповѣдующимъ православіе, на какой бы степени ни стояло въ различныхъ западныхъ обществахъ личное чувство вѣры: „поэтому-то восточный вопросъ есть въ то же время вопросъ объ отношеніяхъ латинства къ греческому вѣроисповѣданію, латинскаго міра къ православному“. Аксаковъ приводитъ отзывы ультрамонтанской печати въ доказательство, что такъ смотрятъ на дѣло сами католики: одна католическая газета писала, что есть только два разрѣшенія католическаго вопроса: „одно—посредствомъ католицизма, другое—посредствомъ греческой схизмы“; другая газета (временъ Людовика-Наполеона) убѣждала поспѣшить обратить турецкихъ славянъ въ латинство, усилить дѣятельность католическихъ миссіонеровъ—„тогда востокъ примкнетъ неразрывно къ міру латинской цивилизаціи, будетъ намъ не опасенъ, будетъ намъ свой“. Западныя государства брали даже иногда турецкихъ славянъ подъ свое покровительство, но на днѣ этого покровительства опять лежала католическая пропаганда. Принятіе католичества обезпечивало турецкимъ славянамъ покровительство западныхъ посольствъ и консульствъ.

---

[1]) Стр. 96—98.

„И такія-то бѣды,—говоритъ Аксаковъ,—такіе искушенія и соблазны выдерживаютъ уже четыре вѣка сряду православныя племена въ Турціи. Каждый изъ восьми милліоновъ православныхъ, подвластныхъ султану, можетъ сказать себѣ и говоритъ ежедневно: „отрекись я отъ своей православной вѣры, жена и дочь моя не будутъ обезчещиваемы турками, поле мое не будетъ ограблено; достояніе мое, стяжанное кровью и пôтомъ, не разграбится, самъ я не буду терпѣть обидъ и униженія, не буду видѣть своей вѣры и своихъ храмовъ поруганными!“ Будь латинецъ,—твердятъ ему безпрестанно миссіонеры и консулы, духовные и политическіе агенты католическаго Запада,—и пріобрѣтешь свободу и благосостояніе... И страшнымъ недоумѣніемъ объятъ нашъ бѣдный братъ, и обращаетъ взоры свои къ дальнему сѣверу, туда, гдѣ Россія“ [1])...

И дѣйствительно,—продолжаетъ Аксаковъ свои объясненія,—восточный вопросъ глубоко связанъ со всѣмъ нашимъ народнымъ существованіемъ, и какъ бы ни желательно было, въ виду внутреннихъ затрудненій, отложить разрѣшеніе задачъ внѣшней политики, событія не ждутъ и не справляются о томъ, готовы мы или не готовы. Необходимо поэтому, чтобы наше общество перестало относиться къ восточному вопросу, какъ къ дѣлу досужему, отвлеченному, какъ къ простому дѣлу сердечныхъ сочувствій, религіозныхъ и родственныхъ. „Нѣтъ,—говоритъ Аксаковъ,—этотъ вопросъ не досужій и не отвлеченный, а настоятельно требующій практическаго разрѣшенія, которое во всякомъ случаѣ—и въ какомъ бы смыслѣ ни совершилось—будетъ неминуемо имѣть самыя практическія послѣдствія для Россіи. Войною ли чреваты событія, или такою дипломатическою игрой, въ которой шахъ-и-матъ можетъ равняться любому военному пораженію, какъ бы то ни было, но плохо будетъ, если они застигнутъ насъ врасплохъ—со стороны ли нашего матеріальнаго обезпеченія, со стороны ли общественнаго сознанія“ [2]).

Турція несомнѣнно разлагается, и Европа употребляетъ всѣ силы на то, чтобы воспрепятствовать матеріальному и нравственному возрастанію Россіи, чтобы не дать возникнуть новому православно-славянскому міру, „котораго знамя предносится единой свободною славянскою державой, Россіей“. Европа поддерживаетъ существованіе Турціи и оттягиваетъ ея распаденіе, чтобы овладѣть рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Въ крымскую войну хри-

---

[1]) Стр. 100.

[2]) Стр. 107.

стіанская Европа совершила крестовый походъ, но уже не противъ мусульманъ, а противъ христіанъ, въ защиту того самаго владычества, на которое она ополчалась въ средніе вѣка. Россія лишена была права исключительнаго покровительства турецкимъ христіанамъ, которое замѣнено было совокупнымъ покровительствомъ всѣхъ крупныхъ государствъ Европы. Къ Турціи, по словамъ Аксакова, буквально приставлено было семь нянекъ, включая сюда и правительство султана. Дѣло, однако, не поправилось, и въ Турціи (1867) снова поднимаются возстанія. Вопросъ опять стоитъ передъ Европой и передъ Россіей, и отсрочивать его рѣшеніе невозможно. „Покорнѣйше просить христіанскія населенія, мучимыя и унижаемыя, обождать, потерпѣть еще немножко, сидѣть смирно, сложа руки и довольствоваться дипломатическими предстательствами предъ его величествомъ султаномъ—такая политика, которой мы нѣкоторое время держались и до которой есть много охотниковъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ,—такая политика дешевой мудрости и умѣренности теперь не только неумѣстна, несвоевременна, но грозитъ Россіи утратой ея значенія въ глазахъ турецкихъ населеній и передачею рѣшенія восточнаго вопроса въ руки Европы“ [1]).

Аксаковъ находитъ несостоятельной и другую политику—политику невмѣшательства, которая, воздержавъ европейскія государства отъ пособія султану и предоставивъ Турцію ея собственнымъ силамъ, тѣмъ самымъ будто оставила бы ее пасть подъ ударами возставшихъ населеній. Эта политика несостоятельна потому, что никакія условія не удержали бы западныя державы въ бездѣйствіи, когда бы это оказалось для нихъ невыгоднымъ. Такимъ образомъ, когда Европа старается отнять изъ рукъ Россіи рѣшеніе восточнаго вопроса, для Россіи естественно противоборствовать этому, не останавливаясь никакими недоумѣніями, потому что время уходитъ, а вопросъ имѣетъ для Россіи самое жизненное значеніе. И бояться нечего: Россія не останется одинокой. „Россія не одна: ея политика на Востокѣ будетъ поддержана не только самымъ искреннимъ сочувствіемъ, самымъ живымъ содѣйствіемъ русскаго народа, но и всѣми правственными и вещественными силами греко-славянскаго міра“ [2])...

А главное, восточный вопросъ есть неотразимое призваніе Россіи. Аксаковъ много разъ возвращается къ этому призванію Россіи, то восторженно проповѣдуя его въ поученіе обществу,

---

1) Стр. 109, 110.

2) Стр. 142.

то иронически обличая тѣхъ мнимыхъ мудрецовъ, которые относятся къ нему какъ къ фантазіи, или тѣхъ людей, которые не понимаютъ этого призванія, потому что вообще не понимаютъ народной жизни, отъ которой совсѣмъ оторвались. Это призваніе, по его словамъ, сказывается даже противъ воли самой власти и безъ вѣдома общества, силою самихъ событій, какъ чисто органическое явленіе народной жизни.

„Неотразимая сила историческаго призванія Россіи,—говоритъ Аксаковъ,—какъ православной и славянской державы,—призванія, безъ котораго Россія не была бы Россіей,—ощутительно и воочію, съ вѣдома и безъ вѣдома, волей и неволей, направляетъ и исправляетъ ея пути, возмѣщаетъ ея утраты, разрушаетъ враждебныя козни и, сквозь всѣ невзгоды и препятствія, неуклонно ведетъ ее на высоту такого подвига, для котораго, повидимому, нѣтъ у нея ни вещественныхъ средствъ, ни могучихъ нравственныхъ двигателей—властолюбія, гордости, дерзкой самоувѣренности. Она терпитъ пораженіе — и побѣжденной сильнѣе прежняго пугаются побѣдители; она унижается—и растетъ въ грозномъ величіи и обаяніи; она разорена—еще пуще боятся; она уменьшаетъ войско—всѣмъ это вѣдомо, и всѣмъ чудятся несмѣтныя полчища; она мыслитъ идти назадъ—и обрѣтается впереди; она блуждаетъ,—и чья-то невѣдомая рука выводитъ ее на стезю правую; самое то, что̀ творитъ она по малодушію и по слабости,—ея недругами приписывается разсчету, мысли и силѣ. Въ томъ-то и дѣло, что сила ея историческаго призванія слышится и чуется, отчасти даже безотчетно и инстинктивно, всѣми ея врагами, всѣми западно-европейскими державами, хотя, можетъ быть, менѣе всего сознается самой Россіею,—и эта нравственная сила страшнѣе и грознѣе всякихъ вещественныхъ силъ, или—вѣрнѣе сказать—въ этомъ вся и сила Россіи, равно какъ и весь смыслъ, вся задача и причина ея историческаго бытія. Событія, будто волны на свои хребты, возносятъ ее на высоту, съ которой шире всѣхъ объемлется его историческій кругозоръ и съ которой, какъ выражаются стратегики, можетъ она господствовать надъ политическимъ положеніемъ. Да, Россія занимаетъ господствующую позицію относительно Востока, позицію, которой она не искала, но которая ей неотъемлема по самой сущности дѣлъ, по всеобщему тайному и явному признанію. Но чтобы не быть отставленной отъ подвига, какъ „рабъ лукавый и лѣнивый“, она должна и нравственно его стоить, и въ собственномъ сознаніи стать въ уровень съ высотою подвига и событій; должна необоримо вѣрить въ силу своего историческаго призванія и непреклонно служить ему. Сознанія вѣры и подвига—вотъ чего требуетъ отъ Россіи божья и историческая правда“ [1]).

Въ статьяхъ по поводу этнографической выставки въ Москвѣ 1867 года, Аксаковъ особенно останавливался на этомъ славян-

[1]) Стр. 142—143.

своемъ значеніи Россіи. Съѣзду славянскихъ гостей въ Москвѣ онъ придавалъ величайшее значеніе.

„Да, эта скромная выставка,—говоритъ онъ,—должна составить эпоху въ исторіи славянства. Въ первый разъ съѣдутся славяне вмѣстѣ. Ѣдутъ они какъ уроженцы чешской, моравской земли, словацкаго комитата и т. д.,—но, съѣхавшись, невольно явятся здѣсь, какъ представители различныхъ славянскихъ племенъ. И обновивъ здѣсь, у насъ въ Москвѣ, сознаніе своего славянскаго единства въ живомъ общеніи другъ съ другомъ и съ нами, укрѣпивъ свою духовную и нравственную связь съ Россіей, они возвратятся домой къ своей обычной борьбѣ—съ мадьярами ли, съ нѣмцами, съ турками—съ обновленными и укрѣпленными силами. Живое ощущеніе единства дѣйствительнѣе отвлеченнаго научнаго сознанія; оно освѣжитъ и ободритъ, оно освободитъ ихъ отъ тяжкаго, разслабляющаго чувства разрозненности и одиночества. Бывали и прежде, именно въ 1848 г., съѣзды славянъ въ Прагѣ,—но они не имѣли смысла: тамъ не было насъ, не было представителей того славянскаго племени, которое, милостью божіею, одно сохранило свою свободу, создало могущественнѣйшую въ мірѣ державу, и на которую Богъ возложилъ высокій подвигъ: послужить освобожденію и возрожденію порабощенныхъ и угнетенныхъ братій... Едва только мы, славяне, опознаемъ другъ друга, и безъ всякихъ угрозъ, безъ всякой предумышленной стачки, безъ всякихъ политическихъ замысловъ и видовъ, въ чувствѣ любви и обновленнаго братскаго единенія, едва лишь окликнемъ другъ друга, аукнемся чрезъ равнины и горы Европы, и размѣняемся братскимъ поклономъ,—то уже само собою, честно, высоко и грозно станетъ въ мірѣ славянское имя" [1]).

То, что этотъ съѣздъ славянъ произошелъ именно въ Москвѣ, кажется Аксакову особенно знаменательнымъ фактомъ. Никто, затѣвая выставку, не думалъ объ этомъ; но такъ случилось. „Случилось,—иначе и быть не могло: исторія логична". Собрались къ намъ люди, не гордые знатностью рода, не сильные богатствомъ; собрались люди простые и смиренные, но все это—„подвижники славянскаго духа", крѣпкіе защитники своей народности отъ всякихъ захватовъ, нападеній и притѣсненій турецкихъ, мадьярскихъ, нѣмецкихъ, и среди всѣхъ страданій не потерявшіе вѣры въ славянское призваніе... „И вотъ, когда, казалось, дошли они до крайняго истощенія силъ, судьба ведетъ ихъ въ Россію, и не отсюда ли начало спасенія претерпѣвшихъ?.." [2])

Самаго важнаго результата славянскаго съѣзда въ Москвѣ надо было, по словамъ Аксакова, ожидать въ самой Россіи. Величайшимъ слѣдствіемъ его онъ считалъ (и былъ увѣренъ,

---

[1]) Стр. 148—149.
[2]) Стр. 149.

что это было такъ) то, что славянскій вопросъ въ самой Россіи перешелъ въ общественное сознаніе, изъ отвлеченнаго сталъ дѣйствительнымъ, изъ области книжной спустился въ жизнь. Славяне пробыли въ Россіи только мѣсяцъ, но этотъ мѣсяцъ былъ „сплошной праздникъ, въ которомъ лично и заочно приняла участіе, можно сказать, вся Россія". Нравственное вліяніе событія было глубокое. „Отнынѣ вопросъ славянскій не есть достояніе только ученыхъ и литераторовъ или только одной школы славянофиловъ, а всего русскаго общества. Интересъ славянскій сталъ теперь близкимъ интересомъ каждаго русскаго. Признаніе всеславянскаго братства было произнесено, и съ высоты престола (что̀ составляетъ высочайшую честь и славу нынѣшняго царствованія), и въ тѣхъ низшихъ слояхъ общества, которые доселѣ были ему совершенно чужды. Тридцать тысячъ народа, напримѣръ, облегавшихъ павильонъ, гдѣ давался Москвою пиръ на весь міръ славянскій, въ лицѣ его представителей, и привѣтствовавшихъ вынесенную къ нимъ хоругвь съ изображеніемъ Свв. Кирилла и Меѳодія, пріобщились разомъ къ познанію своего кровнаго и духовнаго братства съ славянами" [1]).

Это былъ „прибой народной волны", за которымъ начинается уже „народный океанъ"; „ибо въ Россіи только то дѣло имѣетъ историческую будущность, которое пускаетъ корни въ народное сознаніе, которое приметъ и возложитъ на свои плечи русскій народъ". Славянскій вопросъ будетъ рѣшенъ, когда вся Россія проникнется сознаніемъ своего славянскаго призванія. Правда, этого еще нѣтъ, но начало положено.

Въ этомъ призваніи вся внутренняя и внѣшняя жизнь и будущность Россіи.

„Безъ сознанія своего славянскаго призванія немыслимо ни правильное духовное развитіе, ни истинная національная политика для Россіи. Національность политики предполагаетъ дѣятельность, соотвѣтственную интересамъ внѣшнимъ и внутреннимъ своей земли, своей народности. Но развѣ русскіе политическіе интересы могутъ быть поняты внѣ связи съ ея интересами, какъ славянской державы? Развѣ русская народность по тому самому, что она русская, не есть народность по преимуществу славянская! Развѣ возможна полнота русскаго народнаго самосознанія безъ сознанія славянскаго происхожденія, славянской стихіи русскаго народа и принадлежащаго ему историческаго подвига? Чтобы вполнѣ уразумѣть русскую народность, надо понять ее не только какъ русскую, но и какъ славянскую; чтобы русская политика была вполнѣ національною, русскою, необходимо, чтобъ она была не только русскою, но и славянскою. Въ сущ-

---

[1]) Стр. 151—152.

ности, тутъ нѣтъ двойства понятій, а, напротивъ, совершенное тождество, но сознаніе этого-то тождества и необходимо для нашего правильнаго развитія—и государственнаго, и общественнаго, и политическаго, и духовнаго. Это сознаніе было нами утрачиваемо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачивалось нами и сознаніе нашей народности, и наступалъ рядъ тѣхъ пагубныхъ блужданій, тѣхъ чудовищныхъ противународныхъ направленій въ нашей политической и общественной жизни, которыми ознаменовалъ себя послѣ реформы Петра Великаго, такъ называемый, петербургскій періодъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ успѣхами нашего народнаго самосознанія, вмѣстѣ съ народнымъ направленіемъ въ искусствѣ и наукѣ возникла вновь и память о нашемъ славянствѣ... Да, главнѣйшая задача славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его средоточіе и познала свое славянское призваніе. Въ этомъ одномъ все. Въ этомъ вся будущность и Россіи, и всѣхъ славянскихъ племенъ. Какъ Россія немыслима внѣ славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно, и духовно, такъ и славянскій міръ немыслимъ безъ Россіи. Вся сила славянъ въ Россіи, вся сила Россіи—въ ея славянствѣ. Но если и самою природой и исторіей суждено Россіи быть центромъ тяжести славянскаго міра, то необходимо, чтобы она была имъ и въ сознаніи. Необходимо, чтобы сама Россія вполнѣ уразумѣла тотъ долгъ, который на нее налагаетъ ея значеніе какъ представительницы славянства, какъ носительницы славянскаго знамени,—а однажды сознавъ этотъ долгъ, она съумѣетъ и свершить его" [1]).

Сама Россія не желаетъ никакихъ захватовъ, у нея нѣтъ замысловъ на политическое преобладаніе: „она желаетъ только свободы духа и жизни славянскимъ племенамъ, остающимся вѣрными славянскому братству" (стр. 148). Она даетъ имъ такую нравственную и потому также политическую точку опоры, которая стóитъ матеріальной помощи и внѣ которой имъ нѣтъ спасенія.

Но, увы, все это положеніе вещей, это призваніе Россіи, въ которомъ залогъ ея историческаго значенія, ея государственнаго и народнаго блага и въ которомъ также спасеніе славянства отъ гибели,—все это мало понимается вліятельной долей русскаго общества и, въ особенности, „дипломатіей". Съ первыхъ шаговъ своихъ въ пропагандѣ славянскихъ интересовъ, Аксаковъ скорбитъ о томъ, какъ мало русская дипломатія понимаетъ великое значеніе славянскаго вопроса, въ которомъ, однако, заключается вся сущность нашей внѣшней политики и нашего внутренняго развитія. По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ симптомы броженія въ славянскомъ мірѣ и становятся все болѣе горячими увлеченія

[1]) Стр. 152—154.

самого Аксакова, тѣмъ рѣзче и смѣлѣе становятся его нападки на нашу дипломатію, которыя переходятъ, наконецъ (въ концѣ 1870-хъ годовъ), въ ожесточенныя филиппики, какія иногда необычно было видѣть въ нашей печати. Мы уже видѣли его насмѣшки надъ дешевой мудростью политиковъ, которые надѣялись достигать чего-то уклончивыми полумѣрами, которыми ничего не достигалось; но онъ давно уже и прямо говорилъ о странномъ, слабомъ, наконецъ, недостойномъ способѣ дѣйствій нашего „министерства". Онъ очевидно ставитъ дѣятельность нашей дипломатіи въ связь съ той предосудительной угодливостью передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы,—угодливостью, въ какомъ онъ обвиняетъ вообще нашъ верхній образованный классъ. Въ первыхъ строкахъ, посвященныхъ имъ славянскому вопросу, онъ ополчается на эту слабость идеи народности въ нашемъ образованномъ обществѣ,—слабость, которая кончалась неуваженіемъ къ намъ этой самой Европы.

„На обширномъ и шумномъ полѣ европейской публицистики,— писалъ онъ въ 1861 году, — одиноко и безоружно стоитъ идея русской народности. Не имѣя, или имѣя, но мало, достойныхъ представителей, „русская національность", вмѣсто того, чтобы раскрывать передъ міромъ все богатство своего внутренняго содержанія, — постоянно ищетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи Европы, заискивая его благосклонность или чрезъ низкое отреченіе отъ своихъ началъ, или чрезъ смиренное и унизительное безмолвіе. Таковы, по крайней мѣрѣ, общія черты нашихъ прежнихъ отношеній къ Европѣ въ той области, которая не ограждалась обаяніемъ или страхомъ внѣшняго могущества Россіи. Наши публицисты за-границей, писавшіе по-французски, съ своей стороны, не только не способствовали къ разъясненію понятія о русской народности, но поражали самихъ иностранцевъ страстностью своего безпристрастія къ родной землѣ и мужествомъ осужденія. Положимъ, эти послѣдніе были искренни и относились къ дѣлу если иногда и ошибочно, то серьезно, но что сказать о русской литературѣ и о русскомъ обществѣ? Кто не знаетъ, что мы ничего такъ не боялись и не боимся, какъ насмѣшки или менторскаго выговора европейцевъ, что мы, какъ грѣха, стыдимся подозрѣнія въ патріотизмѣ и краснѣемъ, когда иностранцы уличатъ насъ въ соблюденіи какихъ либо народныхъ обычаевъ и обрядовъ; что мы съ жадностью ловимъ всякую улыбку снисходительнаго благоволенія, всякій сколько-нибудь милостивый отзывъ западнаго писаки и съ восторгомъ перепечатываемъ данные имъ аттестаты у себя въ газетахъ. Русскіе путешественники за-границей не жалѣютъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ стереть съ себя всякое отличіе, налагаемое на нихъ русскою народностью... Къ чему же привели насъ эти отношенія русскаго общества къ Западу; что̀ выигрывали мы отъ этого обильно расточеннаго и расточаемаго низкопоклонничества, этого добровольнаго рабства, этого колоссальнаго душевнаго холопства?!

„Не только не погладили насъ по головѣ, не только похвалы нашему благонравію не дождались мы отъ Европы, но, напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, европейцы честятъ насъ именемъ варваровъ и чуть-чуть не людоѣдовъ. Постоянно непонимаемые, незнаемые, мы, Русскіе, своимъ поведеніемъ еще болѣе обезсиливаемъ свое политическое значеніе, и общественное мнѣніе Запада является намъ враждебнымъ при всякомъ событіи, гдѣ, силою исторіи, выдвигается впередъ идея русской народности... И не только Россія, но и весь славянскій, или, вѣрнѣе, православно-славянскій, міръ раздѣляетъ съ нею ту же участь. Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливостью не купимъ; пора понять, что ненависть, нерѣдко инстинктивная, Запада къ славянскому православному міру происходитъ отъ иныхъ, глубоко скрытыхъ, причинъ; эти причины— антагонизмъ двухъ противоположныхъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ, и зависть дряхлаго (?) міра къ новому, которому принадлежитъ будущность. Пора намъ, наконецъ, принять вызовъ и смѣло вступить въ бой съ публицистикой Европы, за себя и за нашихъ братьевъ славянъ! Но чего же могутъ ожидать отъ Европы славяне, сохранившіе вѣрность славянскимъ началамъ, если могущественнѣйшій представитель этого міра, русское племя, трусливо избѣгая борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, боится водрузить знамя своей духовной самобытности, своей народности, своего историческаго подвига и призванія?“ [1])

Русская дипломатія, по мнѣнію Аксакова, дѣйствовала совершенно такъ же, боясь самой мысли о самобытномъ русскомъ взглядѣ на восточный вопросъ, прилаживаясь къ общественному мнѣнію Европы, вредя, наконецъ, самому дѣлу и теряя уваженіе Европы. „Никто лучше русскаго кабинета не знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, и никому лучше его не можетъ быть извѣстно, что ни излѣчить „больного“, ни продлить слишкомъ долго его агонію—нѣтъ возможности. Никто искреннѣе Россіи не желаетъ развитія и благоденствія христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, никто менѣе ея не заинтересованъ въ сохраненіи оттоманскаго владычества, и никто, въ то же время, глубже не убѣжденъ въ несовмѣстимости этого владычества съ благоденствіемъ христіанъ. Такое внутреннее сознаніе и такая вполнѣ справедливая оцѣнка состоянія дѣлъ на Востокѣ необходимо лишаютъ насъ вѣры въ собственныя наши дипломатическія ходатайства и представительства, приспособляемыя нами въ ладъ съ общимъ тономъ западно-европейской дипломатіи. Наше министерство подаетъ совѣты, въ успѣхъ которыхъ само не вѣритъ; пишетъ ноты, которыхъ назначеніе—скорѣе свидѣтельствовать передъ Европой о нашемъ безкорыстіи и миролюбіи, нежели домогаться

[1]) Стр. 3—5.

дѣйствительнаго спасительнаго результата. Подобное внутреннее противорѣчіе естественно ослабляетъ нашу силу и ставитъ насъ постоянно въ ложное положеніе. Оно не удовлетворяетъ ни общественнаго мнѣнія въ Россіи, ни ожиданій христіанъ на Востокѣ, не внушаетъ и довѣрія западно-европейскимъ правительствамъ" [1]).

Какъ мы сказали, эта тема недовольства дѣйствіями русской дипломатіи идетъ почти вездѣ въ сужденіяхъ Аксакова объ участіи Россіи въ восточномъ вопросѣ, и недовольство доходитъ до степени крайняго раздраженія въ эпоху берлинскаго конгресса и послѣ [2]).

Мы остановимся пока на этихъ извлеченіяхъ, которыя даютъ понятіе объ общей точкѣ зрѣнія Аксакова на восточный вопросъ. Эти темы повторяются множество разъ по разнымъ поводамъ, но всегда ихъ теоретическая подкладка остается неизмѣнна. Въ эпоху болѣе сильнаго возбужденія славянскихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ,—напр., во время московской выставки, въ первыхъ попыткахъ болгарскаго возстанія, во время сербской войны и похода добровольцевъ, наконецъ, русско-турецкой войны, освобожденія Болгаріи, берлинскаго трактата,—голосъ Аксакова былъ самымъ авторитетнымъ въ средѣ людей, близко принимавшихъ къ сердцу славянское движеніе; его слова давали тонъ и были, безъ сомнѣнія, самымъ сильнымъ выраженіемъ славянскихъ сочувствій извѣстной доли нашего общества. У Аксакова мы находимъ наилучшее изложеніе этой точки зрѣнія въ примѣненіи къ текущимъ событіямъ.

Какъ же относилась къ нему масса русскаго общества и литературы? Былъ ли онъ понятъ, или правильно ли самъ понималъ тѣ широкіе вопросы нашей исторической и современной внутренней жизни, которые всѣ сливалъ въ славянскомъ дѣлѣ?

Какъ выше упомянуто, по сознанію самихъ его приверженцевъ или людей, хотя не безусловно съ нимъ соглашавшихся, но относившихся къ нему, тѣмъ не менѣе, съ очень горячими сочувствіями, Аксаковъ, который въ глазахъ послѣдователей своихъ (и въ его собственномъ убѣжденіи) былъ провозвѣстникомъ истинныхъ началъ русской народности, вѣрнымъ истолкователемъ историческаго призванія русскаго народа и требованій этого призванія въ современныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ,—оставался, однако, только человѣкомъ партіи, человѣкомъ, который имѣлъ

---

[1]) Стр. 129—130.

[2]) Укажемъ, напр. стр. 419—420, 598, 657 и т. д.

непререкаемый авторитетъ въ своемъ кружкѣ (хотя въ послѣднее время значительно возросшемъ), но за его предѣлами далеко не имѣлъ, особливо въ своихъ славянскихъ теоріяхъ, подобнаго вліянія, мало того—вызывалъ полное отрицаніе, на которомъ иные изъ его противниковъ не считали даже нужнымъ настаивать. Внѣшнее распространеніе изданій Аксакова было, кажется, всегда невелико, и этого опять нельзя упустить изъ виду въ опредѣленіи его общественнаго и литературнаго значенія. Его читали мало: потому ли, что высоко поднятый тонъ его разсужденій былъ не по силамъ большинству (отчасти это, вѣроятно, и было), или (что также вѣроятно) это равнодушіе къ его изданіямъ имѣло также и какія-нибудь другія причины? И, однако, въ томъ самомъ кругу читателей, мало интересовавшемся его теоріями, и въ литературномъ кругу, не раздѣлявшемъ его взглядовъ, производили впечатлѣніе и внушали сочувствіе многія отдѣльныя его статьи, — тѣ, въ которыхъ затрогивались болѣе общіе интересы и высказывались мнѣнія не одного кружка, но и большого круга общества.

Эта исключительность положенія Аксакова объясняется развитіемъ его содержанія изъ ученій сороковыхъ годовъ. Какъ мы видѣли, онъ цѣликомъ унаслѣдовалъ теоріи стараго славянофильства [1]), и какъ прежде эти теоріи, при всемъ талантѣ ихъ начинателей, остались исключительными ученіями кружка, такъ онѣ остались исключительными и въ рукахъ Ивана Аксакова. Подобнымъ образомъ, какъ старое славянофильство было въ свое время одушевленнымъ исканіемъ общественнаго сознанія и протестомъ противъ глубокаго умственнаго застоя общественной массы и руководящихъ классовъ, такъ тотъ же протестъ не былъ чуждъ и новымъ стремленіямъ Аксакова, и въ этомъ смыслѣ представлялъ много сочувственнаго для всѣхъ тѣхъ, кто, хотя бы съ иной точки зрѣнія, испытывалъ ту же тяжесть этого умственнаго и общественнаго застоя. Въ „Вѣсти. Евр.“ были приведены [2]) тѣ старыя прекрасныя стихотворенія, которыя вызваны были у Ив. Аксакова безнадежнымъ состояніемъ русской общественности въ 1840-хъ и первыхъ 1850-хъ годахъ; въ чувствѣ, внушавшемъ эти стихотворенія, не было почти никакого отголоска исключительныхъ взглядовъ партіи, или это было также общее чувство всѣхъ просвѣщенныхъ людей безъ различія партій, которыхъ угнетала тупая дѣйствительность, подавленіе лучшихъ умственныхъ стремленій

---

[1]) Онъ выступилъ самостоятельнымъ дѣятелемъ уже послѣ смерти Хомякова и Кирѣевскихъ; вскорѣ умеръ и братъ его Константинъ.

[2]) 1886, мартъ.

общества, преслѣдованіе науки, устраненіе всякой общественной иниціативы, весь тотъ извѣстный порядокъ вещей, повидимому, столь твердый и подъ которымъ, однако, таилось глубокое разстройство самихъ государственныхъ силъ, какъ это вскорѣ и показала крымская война. Наша общественная жизнь развивалась не такъ быстро, чтобы ея дѣйствительность дѣлала непонятными тѣ впечатлѣнія, какими вызваны упомянутыя стихотворенія Аксакова, и сколько самъ онъ ни увлекался потомъ, — или положительно, тѣми славянскими интересами, которые не разъ казались ему прочно завоеванными, — или отрицательно, враждой къ другимъ направленіямъ современной литературы, иногда онъ чувствовалъ, однако, что въ нашей жизни недостаетъ тѣхъ условій, въ которыхъ возможно свободное раскрытіе ея внутреннихъ силъ, и когда его осѣняла эта мысль объ иномъ, желанномъ теченіи общественности, онъ достигалъ того безраздѣльнаго сочувствія, о которомъ мы упоминали.

Но если въ наслѣдство отъ сороковыхъ годовъ остался у него отголосокъ тѣхъ идей о достоинствѣ личномъ и общественномъ, о правахъ мысли, о достоинствѣ народномъ, которыя и въ тѣ годы вражды западниковъ и славянофиловъ были ихъ общей почвой, то тѣ-же сороковые годы оставили ему другое наслѣдіе его школы — крайнюю исключительность теоріи и нетерпимость ко всѣмъ инымъ направленіямъ общественной мысли. И здѣсь онъ не могъ не вызвать того же самаго противорѣчія, какое встрѣчали нѣкогда его теоретическіе родоначальники.

Пониманіе славянскаго вопроса у Аксакова, которое мы въ общихъ чертахъ указали выше, частію его собственными словами, очевидно, тѣснѣйшимъ образомъ связано какъ съ религіозно-философскимъ воззрѣніемъ стараго слявянофильства, такъ и съ его построеніемъ русской исторіи. Нѣтъ надобности возвращаться къ тому, чтó было уже говорено въ нашей литературѣ относительно этого послѣдняго; первое также бывало оговорено въ нашей литературѣ, хотя и не вполнѣ, такъ какъ по этимъ предметамъ критика еще не вполнѣ свободна въ нашей литературѣ. Остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ пунктахъ приведеннаго выше изложенія.

Еще въ старые годы, когда полагались первыя основанія славянофильскаго ученія, кружокъ, его защищавшій, пріобрѣлъ ту складку исключительности, которая навсегда осталась особенностью школы. Историки ея указывали уже, откуда, между прочимъ, возникала эта черта: она давалась и особеннымъ общественнымъ положеніемъ людей перваго славянофильскаго круга, и

свойствами самого ученія. По условіямъ времени (характеристика ихъ дана упомянутыми стихотвореніями Ив. Аксакова — конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ), они не могли высказывать своихъ идей въ какой-нибудь полнотѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему независимому положенію (частію это были очень богатые люди), они могли держаться въ сторонѣ отъ оффиціальнаго міра, — и, заключенные въ тѣсномъ единомыслящемъ кружкѣ, они были именно въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ зарождается такъ-называемое доктринерство, съ его обычной односторонностью. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ они изрѣдка являлись въ литературѣ съ идеями, выработанными въ тѣсномъ кругу, смотрѣли свысока на остальную литературу, на что, однако, не совсѣмъ имѣли право, потому что ихъ мнѣнія уже тогда встрѣтили противовѣсъ, не уступавшій имъ ни въ обширности знаній, ни въ дарованіяхъ. Полемика сороковыхъ годовъ, кажется, только усилила ихъ враждебное отношеніе къ литературѣ, которая, въ большинствѣ, шла не ихъ путями; убѣжденные, что истина находится въ ихъ рукахъ, они и послѣ не считали нужнымъ справляться съ тѣмъ, что происходило въ умахъ общества. Они продолжали и послѣ настаивать на старыхъ положеніяхъ, когда въ содержаніи литературы народились новые взгляды, потому уже требовавшіе вниманія, что во всякомъ случаѣ ихъ порождала сама жизнь. Пятидесятые года подняли цѣлый рядъ вопросовъ о новомъ устройствѣ народнаго быта и новыхъ требованіяхъ общественности. Лучшіе представители обѣихъ старыхъ партій сходились на существенныхъ новыхъ интересахъ вполнѣ единодушно. Исходя изъ различныхъ міровоззрѣній, они согласно рѣшали главные вопросы: одинаково думали объ освобожденіи крестьянъ, о необходимости большей свободы для печатнаго слова, о необходимости преобразованія суда и управленія, о необходимости бо́льшаго простора для общественной самодѣятельности, о необходимости дѣйствительнаго основанія народнаго просвѣщенія, и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было много существенныхъ разнорѣчій, частію новыхъ, частію только не досказанныхъ (по физической невозможности) противниками славянофильства въ сороковыхъ годахъ. Явилось, наконецъ, новое литературное поколѣніе съ своими запросами. Когда Аксаковъ выступалъ, въ 1860-хъ годахъ, на свою публицистическую дѣятельность, онъ началъ съ того же, чѣмъ кончали его предшественники; онъ какъ будто не хотѣлъ видѣть или дѣйствительно не понималъ этой новой литературы, и такъ какъ она не подходила вообще къ его теоріи, онъ удовольствовался простымъ враждебнымъ отношеніемъ къ ней, на что она отвѣчала

ему тѣмъ же. Самому успѣху его проповѣди много помѣшало это невниманіе къ положенію литературы, т.-е. и общества. Онъ продолжалъ говорить догматически о томъ, въ чемъ сомнѣвались и что̀ требовало доказательствъ; онъ излагалъ полумистическую точку зрѣнія, когда общество волновалось насущными и настоятельными вопросами своего положенія правового, экономическаго и т. п. Онъ думалъ, что можетъ и теперь бросать этотъ взглядъ свысока, но кругъ общества былъ уже не тотъ, какой имѣли передъ собой его предшественники. Ему думалось, что весь интересъ къ народу былъ указанъ и развитъ одними славянофилами, что остальная литература пребываетъ въ своихъ увлеченіяхъ „Западомъ" и не понимаетъ народности, и т. д. Становилось странно встрѣчать смѣшанными въ его полемикѣ элементы, въ которыхъ не было ничего общаго. Онъ мѣшаетъ въ одно и „высшія аристократическія сферы", и „министерство", и „либерализмъ" и—ту литературу, которая съ половины 1850-хъ годовъ усиленно направилась именно на изученіе народной жизни во всевозможныхъ ея проявленіяхъ, но часто говорила не то, что̀ нравилось Аксакову. Припомнимъ, что въ тѣхъ же 1850-хъ годахъ въ западническомъ кругу явились одушевленные защитники народнаго интереса въ вопросѣ освобожденія крестьянъ, — назовемъ, напр., Кавелина, взгляды котораго никакъ не вошли бы въ славянофильскую рамку.

Такимъ образомъ, интересъ къ народу вовсе не былъ непремѣнно связанъ съ славянофильской философіей, и если онъ ставился въ другой школѣ иначе, то безпристрастному критику отношеній слѣдовало обратить вниманіе на эту постановку; можетъ быть, здѣсь открылась бы какая-нибудь сторона жизни, мало оцѣненная самимъ славянофильскимъ взглядомъ. У Аксакова никогда не было этого безпристрастія: не мудрено, что его собственная теорія навсегда осталась односторонней...

Такъ, остались крайне исключительными и многія положенія, на которыхъ построена у Аксакова, по преданію отъ его предшественниковъ, теорія русско-славянскихъ отношеній. Въ началѣ своихъ трудовъ по славянскому вопросу онъ выставилъ, какъ мы видѣли, мысль о значеніи вѣры, исповѣданія, въ политическихъ отношеніяхъ государствъ. Политическая важность вѣроисповѣднаго начала не подлежитъ сомнѣнію, какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что она теперь значительно ослабѣла противъ прежняго, и, къ счастію, ослабѣла въ той формѣ, какую нѣкогда имѣла: во времена полнаго господства вѣроисповѣднаго начала оно порождало страшныя международныя и сословныя вражды,

зажигало костры инквизиціи, вызывало истребительныя войны между христіанами,—весьма печальное свидѣтельство христіанства. Вѣроисповѣдное различіе и теперь играетъ большую роль въ отношеніяхъ политики внѣшней и внутренней; но во всякомъ случаѣ далеко не оно одно опредѣляетъ теперь политическія отношенія. Аксаковъ увѣренъ, что въ современномъ спорѣ о судьбахъ славянства главную роль играютъ именно вѣроисповѣдныя различія европейскаго запада съ одной стороны Россіи, и южнаго славянства съ другой, т.-е. латинства и православія. Не легко понять, какимъ образомъ соображенія „латинства" могли влiять на государства вовсе не-латинскія, какъ, напр., Англія или Пруссія, и естественно приходитъ мысль, не участвовали ли—и, быть можетъ, гораздо больше—въ дѣйствіяхъ европейскихъ государствъ иныя соображенія, вовсе не вѣроисповѣдныя? И дѣйствительно, самъ Аксаковъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ, что Европа могла имѣть совсѣмъ иныя причины нелюбви къ Россіи, и эти причины несомнѣнно имѣли и до сихъ поръ имѣютъ большое мѣсто во взглядахъ европейскаго общества, а затѣмъ и правительствъ, на Россію. Въ средніе вѣка Россія была въ глазахъ Европы государство не-европейское и полу-варварское, что̀ и было понятно при крайнемъ недостаткѣ просвѣщенія въ тогдашней Россіи; этотъ взглядъ на Россію дѣйствительно опредѣлялся тогда также соображеніями вѣроисповѣдными: для католиковъ Россія была страна схизматическая; позднѣе эти спеціальныя соображенія несомнѣнно ослабѣваютъ (напр., особенно у писателей протестантскихъ), но надолго осталось представленіе о Россіи, какъ странѣ мало цивилизованной, незнакомой съ европейскими науками, общественными нравами,—что̀ и было совершенно справедливо. Петровская реформа еще разъ ослабила взглядъ на Россію, какъ на государство азіатское, и ограничила еще разъ взглядъ вѣроисповѣдный; но для европейцевъ она все еще представляла много чуждаго, какъ страна съ формами жизни грубыми и не-европейскими; и успѣхи русскаго образованія были не таковы, чтобы могли быть замѣчены въ Европѣ по какимъ-нибудь самостоятельнымъ успѣхамъ въ наукѣ и литературѣ. Но съ тѣхъ же временъ Петра прибавилась новая причина недовѣрія: русское государство стало такъ расширяться и усиливаться, что возникало опасеніе ея политическаго властолюбія; въ Европѣ стали предполагаться завоевательные планы Россіи, возбуждавшіе чисто политическую боязнь, зависть и вражду. Съ этихъ поръ Россія начинаетъ въ самомъ дѣлѣ вмѣшиваться все сильнѣе въ европейскія дѣла, при Екатеринѣ II дѣлитъ Польшу съ Австріей и Прус-

сіей, мечтаетъ о „греческомъ проектѣ“, а въ концѣ прошлаго столѣтія русскія войска являются въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи; при Александрѣ I Россія играетъ, наконецъ, первенствующую роль въ дѣлахъ западной Европы, сначала глубоко сочувственную для лучшихъ людей западнаго общества, потомъ столько же антипатичную и непріязненную. Событія наполеоновскихъ войнъ показали, что русская военная сила можетъ открыть себѣ путь въ самое „сердце Европы“, и при томъ характерѣ, какой получала русская политика послѣ вѣнскаго конгресса, подобная перспектива не могла имѣть ничего пріятнаго для западныхъ народовъ. Вѣрнымъ рыцаремъ Священнаго Союза остался имп. Николай, и самъ Аксаковъ признаетъ, что Россія была для Европы „грозный призракъ“ [1]). Ничего нѣтъ удивительнаго, что отношенія Россіи къ Турціи и единовѣрнымъ русскому народу балканскимъ населеніямъ не могли быть успокоительными ни для дипломатіи, ни для общества западной Европы, хотя имп. Николай строго и искренно держался договоровъ и законности. Во времена имп. Николая, въ Европѣ появляются первые страхи „панславизма“, какъ тайнаго плана Россіи. Въ дѣйствительности, плана не существовало; русская политика была, напротивъ, чрезвычайно осторожна и уклончива, и эта самая уклончивость, которая, по объясненіямъ Аксакова, была только безхарактерна, приписывалась въ Европѣ хитрости и коварству „грознаго призрака“. Словомъ, было достаточно причинъ чисто политическихъ, чтобы объяснить тѣ отношенія, которыя Аксаковъ огуломъ приписываетъ „ненависти латинскаго Запада къ православному Востоку“. Понятно, что, когда представлялся случай, католическое миссіонерство не пропускало вести свою пропаганду, точно также, какъ вело ее на всемъ земномъ шарѣ, какъ вели свою пропаганду и миссіонерства протестантскія, какъ сама Россія изрѣдка поддерживала южно-славянское православіе посылкой пособій, церковныхъ книгъ и утварей. Если пропаганда католическая стремилась къ своимъ цѣлямъ, на это можно было отвѣчать только болѣе дѣятельной помощью православной; но „весь Западъ“ былъ въ этой католической пропагандѣ ни-при-чемъ. Примѣръ Польши, приводимый Аксаковымъ въ доказательство сочувствій Запада къ ней, именно какъ къ странѣ католической, опять не совсѣмъ точенъ: кромѣ причинъ вѣроисповѣдныхъ, были здѣсь опять причины политическія и едва-ли не болѣе сильныя. Раздѣлъ Польши въ XVIII столѣтіи былъ фактомъ, не возбудившимъ въ Европѣ

---

[1]) Стр. 98.

особенныхъ сочувствій; онъ считался несправедливостію,—даже между умѣренными русскими людьми высказывались неодобренія политикѣ, совершившей это дѣло. При томъ взглядѣ на Россію, какой существовалъ въ западной Европѣ и, прибавимъ, при незнаніи дѣйствительныхъ отношеній, которыя начинаютъ только въ послѣднее время разъясняться болѣе внимательнымъ историческимъ изученіемъ,—не мудрено, что поляки слыли за политическихъ мучениковъ и польскіе эмигранты, послѣ неудачныхъ возстаній, находили пріютъ и сочувствіе не только въ „латинской" Франціи, но и въ не-латинской Англіи и Германіи, какъ такой же пріютъ и сочувствіе находили дѣятели итальянской, венгерской и нѣмецкой революцій. Нѣкогда, наперекоръ своему латинству, европейскій Западъ относился съ большими сочувствіями къ дѣлу освобожденія Греціи, страны совершенно православной, и въ послѣднее время (1867) Аксаковъ предполагалъ даже, что орудіемъ борьбы противъ Россіи въ восточномъ вопросѣ будетъ выбрана Западомъ та же православная Греція [1]). Новѣйшія столкновенія Россіи съ западными государствами въ восточномъ вопросѣ слишкомъ явно свидѣтельствуютъ, что ими руководитъ прежде всего чисто политическое властолюбіе, желаніе захватить побольше добычи отъ готовой развалиться Турціи.

Объясненіе восточнаго вопроса, какъ факта одного религіознаго различія Востока и Запада, было односторонностью, но ея требовала вся теорія. Вся западная Европа должна была слыть „латинской"; всѣ враждебныя отношенія къ Россіи должны были объясняться латинствомъ, хотя на дѣлѣ они могли быть достаточно объяснены чисто политическими причинами, и т. д. Однажды самъ Аксаковъ проговаривается, что считалъ бы полезнымъ противодѣйствіемъ европейской интригѣ вмѣшательство въ восточный вопросъ американцевъ [2]); но вѣдь, въ сущности, эти американцы были порожденіемъ того же „латинскаго" Запада.

Не меньше сомнѣній въ читателяхъ, не принадлежавшихъ къ школѣ, должна была внушать проповѣдь Аксакова объ историческомъ призваніи Россіи. Онъ осыпалъ своимъ негодованіемъ людей, въ которыхъ замѣчалъ сомнѣніе въ этой проповѣди; по его убѣжденію, это могли быть только люди, лишенные народнаго чувства, не понимавшіе своей исторіи, оторвавшіеся отъ своего

[1]) Стр. 113.

[2]) „...Мы готовы искренно привѣтствовать новый оборотъ заатлантической политики. Вмѣшательство сѣверо-американскаго народа въ дѣла турецкой имперіи можетъ принести съ собой только благодѣтельныя послѣдствія для ея христіанскихъ подданныхъ" (стр. 209).

народа, и такъ далѣе. Для него вопросъ былъ ясенъ. То призваніе Россіи, которое онъ объяснялъ, назначилъ ей самъ Богъ; такимъ образомъ, по его собственнымъ словамъ, это должно было быть дѣломъ вѣры, и, слѣдовательно, счастливъ тотъ, кто былъ ею надѣленъ... Но не было ли это объясненіе слишкомъ самонадѣянно; не было ли слишкомъ смѣло вводить въ область дѣйствій божественной воли такія земныя дѣла, которыя совершались путемъ кровавыхъ побоищъ, дипломатическихъ интригъ, и т. п.? Въ томъ кругѣ идей, въ которомъ вращался Аксаковъ и изъ котораго не выходилъ, онъ не допускалъ никакого противорѣчія его ученію; но вопросъ о „призваніи" есть вопросъ исторической метафизики, о которомъ возможны самыя противоположныя мнѣнія. Аксаковъ, видимо, не допускалъ, чтобы возможно было, оспаривая то „призваніе", въ которое онъ вѣровалъ, оставаться вѣрнымъ гражданиномъ своего отечества, быть преданнымъ своему народу, желать добра и освобожденія славянскимъ племенамъ и, пожалуй, даже вѣрить въ Бога. На дѣлѣ, конечно, можно питать самые возвышенные идеальные планы для блага своего отечества, можно загадывать о его будущемъ величіи, можно убѣждаться въ необходимости для него извѣстныхъ задачъ и путей дѣятельности, — но отъ этого далеко до „призванія", которое является принудительнымъ рѣшеніемъ вопроса, слишкомъ труднаго, допускающаго различныя мнѣнія, если, притомъ, этому рѣшенію произвольно дается еще религіозное освѣщеніе, насилующее совѣсть. „Призваніе" есть терминъ новѣйшей философіи исторіи, именно „западной" науки, въ „рабствѣ" которой оказалась въ этомъ случаѣ сама славянофильская школа; это — отвлеченный терминъ, которымъ старая философія, задавшись цѣлью подвести все историческое развитіе человѣчества подъ извѣстныя формулы, хотѣла придать тѣмъ или другимъ событіямъ неизбѣжность логическаго требованія; народы подведены подъ категоріи; ихъ исторіи данъ, такъ сказать, заднимъ числомъ видъ развитія той или другой идеи, исполненія извѣстной задачи или „призванія"... Но старая философія давно отжила свое время; историческая наука съ тѣхъ поръ такъ расширила область своихъ наблюденій, открыла столько новыхъ путей изслѣдованія и очутилась предъ такимъ громаднымъ разнообразіемъ историческихъ явленій, какого и не подозрѣвало историческое знаніе въ то время, когда „философія исторіи" считала уже возможнымъ подводить итоги и выставлять абсолютные принципы. Выводы ея давно были опровергнуты, но нѣкоторые термины остались, какъ

условное выраженіе, которому Аксаковъ даетъ, напротивъ, самый реальный смыслъ.

Когда и какъ, въ самомъ дѣлѣ, открыто это призваніе Россіи? Если таково дѣйствительно отношеніе Россіи къ славянскому вопросу; если этотъ вопросъ, по ученію школы, есть самая сущность народнаго бытія Россіи,—какъ могло случиться, что онъ такъ долго былъ забытъ, даже не былъ сознаваемъ, что онъ сталъ раскрываться намъ только въ новѣйшее время, только послѣ длиннаго ряда изслѣдованій и русской, и славянской исторіи, произведенныхъ даже не одними нашими, но и чужими, и въ томъ числѣ нѣмецкими, учеными? Говорятъ, что если „призваніе" не было ясно сознаваемо, то было чувствуемо московскою Россіей, которая хранила память единовѣрія съ южнымъ славянствомъ, оказывала свою помощь угнетенному православію въ Турціи; но на это замѣчали не безъ основанія, что Русь московская руководилась тогда не идеею славянскаго единства, а соображеніями единовѣрія; и дѣйствительно, древняя Русь имѣла самое неясное понятіе о славянствѣ; она знала нѣчто—весьма, впрочемъ, смутное—о болгарахъ и сербахъ, но остальное славянство—чехи, хорваты и т. д.—были ей почти-что неизвѣстны; между тѣмъ, какъ намъ говорятъ теперь, судьба этихъ послѣднихъ также входитъ въ кругъ обязанностей нашего призванія. Далѣе, славянофильская школа, начиная съ 1840-хъ и до 1880-хъ годовъ, внушала намъ, что нашъ XVIII-й вѣкъ съ петровской реформой былъ рядомъ отрицаній русской народной сущности, былъ настоящей измѣной истинно-русскимъ началамъ; и, однако-же, оказывается, по признанію самой школы, что наше славянское сознаніе возникаетъ съ первой сознательной силой именно со временъ Петра и потомъ Екатерины [1]).

---

[1]) По поводу словъ, сказанныхъ имп. Александромъ II-мъ 30 октября 1876 года, Аксаковъ въ своей рѣчи въ слав. комитетѣ объяснилъ, что здѣсь говорила „сама историческая совѣсть Россіи", и продолжалъ:

„Эти слова государя не были дѣломъ случайнаго, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ какъ преемникъ царей,—какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ московскимъ,—какъ преемникъ Петра и Екатерины,—какъ вѣнчанный блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта" (стр. 238).

Въ другомъ мѣстѣ Аксаковъ говоритъ о Петрѣ Великомъ: въ эпоху Петра и слѣдствіемъ его дѣяній—

„Рядомъ съ міромъ романо-германскимъ, латинскимъ и протестантскимъ, и на равныхъ правахъ съ нимъ, нежданно-негаданно, во всеоружіи внѣшней и внутренней силы, во образѣ Россіи, воздвигался міръ православно-славянскій...

Какъ мы видѣли, сущность „призванія“ состоитъ въ томъ, что Россія, какъ единое сильное государство славянскаго племени, и которой основа народности—славянская, должна открыть возможность полнаго развитія славянскому народному началу, и для этого освободить славянскія племена политически и, въ особенности, духовно; при этомъ поясняется, что сама Россія вовсе не стремится къ политическимъ захватамъ; она не имѣетъ никакихъ завоевательныхъ плановъ,—она только развяжетъ руки славянамъ и предоставитъ имъ самимъ устроивать свою политическую судьбу. Но главное—въ ихъ освобожденіи духовномъ. Дѣло въ томъ, что цѣлая масса западнаго славянства порабощена латинствомъ, и отъ этого порабощенія надо ихъ избавить. Нѣкогда славянскія племена приняли христіанство въ восточной формѣ, но уже вскорѣ западныя же племена подпали власти римской, и когда въ то же время произошло раздѣленіе церквей, они стали католическими. По теоріи школы, истинная религія славянъ есть только православіе; принимая католицизмъ, они наносили ущербъ самой народности, и ихъ настоящее возрожденіе прежде всего требуетъ возвращенія къ православію, потому что вѣра есть одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ народности. Такова теорія. Очевидно, что пріемъ разсужденія здѣсь опять чисто отвлеченный. Не касаясь вопроса о преимуществахъ восточной формы передъ западной, мы встрѣчаемъ въ этой теоріи разные затруднительные пункты. Начать съ того, что едва-ли есть племя, прошедшее нѣсколько сложную исторію, которое во всемъ своемъ составѣ сохранило бы единство исповѣданія: есть нѣмцы, англичане, французы—католики и протестанты. Католическій міръ, столь упорно охранявшій свое единство, кончилъ распаденіемъ, и въ новѣйшее время такъ называемое старо-католическое движеніе вносило новый разладъ въ это единство. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ внѣш-

---

„Дрогнулъ весь Западъ отъ изумленія и безотчетнаго страха... Какъ? Это презрѣнное „православіе“... выступаетъ теперь съ подъятымъ челомъ, вооруженное политическою мощью, осѣненное славой!..

„Дрогнуло, одновременно съ романо-германскимъ Западомъ, и все, что осталось живымъ въ славянствѣ, дрогнуло, какъ пробужденное во тьмѣ лучемъ внезапнаго рѣзкаго свѣта. Всѣ эти униженные, оскорбленные, эти тѣснимые и гонимые славяне разныхъ наименованій и подъ разными игами затрепетали радостнымъ смутнымъ чаяніемъ...

„Вотъ когда и зачался панславизмъ“, и пр. (стр. 564—565).

Остается недоумѣвать: какимъ образомъ могло это случиться въ тотъ, столько разъ проклятый, „петербургскій періодъ“?—потому что дѣйствительно въ петровскія времена въ первый разъ сказалось сознаніе славянскихъ отношеній, т.-е. сознаніе племенное, національное.

нее церковное единство было сохранено — нерѣдко страшнымъ насиліемъ и съ громадными жертвами — исторія, тѣмъ не менѣе, приносила новыя идеи, въ концѣ концовъ нарушившія предполагаемое согласіе: религія философа и ученаго была иная, чѣмъ религія грубаго простолюдина; усиленный гнетъ церковный всегда приводилъ извѣстную часть общества къ потерѣ религіи; съ другой стороны, національныя особенности налагаютъ на одно и то же исповѣданіе различные оттѣнки, и самая разница исповѣданія можетъ не мѣшать различнымъ обществамъ и племенамъ понимать другъ друга въ другихъ интересахъ политики и просвѣщенія. Примѣромъ можетъ служить научное общеніе народовъ, раздѣленныхъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Само славянское возрожденіе представляетъ подобный примѣръ общаго дѣла, совершаемаго славянами православными, католиками и протестантами. Нѣтъ сомнѣнія, что то единство, о которомъ говоритъ Аксаковъ, могло бы чрезвычайно сблизить славянскія племена уже однимъ тѣмъ, что устранило бы поводы къ разногласію, представляемые теперь ихъ разновѣріемъ; но Аксаковъ, ставя свое требованіе, не хотѣлъ нисколько дать вниманія практическимъ условіямъ своего требованія. То, что̀ онъ безъ церемоніи называетъ у католическихъ славянъ „измѣной“ (тяжелое слово!) своей народности и старой вѣрѣ, произошло въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ говорить объ измѣнѣ не имѣетъ смысла. Народы, принявшіе католицизмъ, принимали форму той церкви, которой они принадлежали и раньше по своей территоріи; понять на первыхъ порахъ, въ X—XI вѣкѣ, тотъ раздоръ, который происходилъ между восточной и западной іерархіей, то различіе, которое должно было впослѣдствіи сдѣлать изъ двухъ церквей два смертельно-враждебные лагеря,—когда, притомъ, авторитетъ церковной власти поддерживался всей окружающей жизнью, — одно это было уже не легко, и винить людей X—XI-го вѣка за событія, совершавшіяся много вѣковъ спустя, не позволяетъ здравый историческій смыслъ. Отчего—можно спросить—не помогли имъ тогда тѣ, кто владѣлъ истиной? Въ настоящее время задача, которую ставитъ Аксаковъ католическому славянству, исполнена такими трудностями, что удивительно не встрѣтить съ его стороны какихъ-нибудь указаній о томъ, какъ могло бы совершиться это дѣло. Католическіе славяне провели въ католицизмѣ цѣлое тысячелѣтіе своей исторической жизни; если всякій народъ дорожитъ своей религіей, которая была религіей цѣлаго длиннаго ряда его предковъ, во имя которой совершались многія событія исторіи, составляющія его гордость, если простодушныя массы народа привыкли изъ рода

въ родъ считать святыней извѣстные особенности, преданія, обряды своей церковности, то можно ли думать, что они покинуть все это легко, безъ какихъ-нибудь сильныхъ нравственныхъ мотивовъ, безъ какихъ-либо грандіозныхъ историческихъ событій, которыя поставили бы церковный вопросъ во всей его широтѣ, понятно для огромныхъ народныхъ массъ,—безъ могущественной проповѣди? Смѣшно думать, что подобный результатъ можетъ быть достигнутъ кабинетной теоріей и хотя бы самой пламенной газетной статьей, которая притомъ никогда и не дойдетъ до этихъ массъ.

Далѣе, Аксаковъ, какъ и повторяемая имъ школа, утверждаютъ, что восточная вѣроисповѣдная форма доставляетъ своимъ послѣдователямъ „свободу духа", что она не имѣетъ наклонности къ принужденію и прозелитизму, и т. д. Но при этомъ остаются необъясненными многіе факты старой и новѣйшей исторіи, которые не отвѣчаютъ этому утвержденію. И прежде всего требовало бы объясненія то, какъ эти требованія, предъявляемыя западному славянству, помирить съ тою критикой современнаго состоянія русской церковной жизни, какая дана была въ упомянутыхъ прежде трактатахъ Хомякова и Самарина. Къ какому порядку вещей Аксаковъ хотѣлъ бы присовокупить католическое славянство—къ тому ли реальному, какой существуетъ въ данную минуту и который отвергается названными славянофильскими теологами, или къ тому идеальному, какой построится нѣкогда и который еще не существуетъ въ дѣйствительности? Вопросъ весьма существенный; но у Аксакова мы не находимъ на него отвѣта. Современный русскій бытъ представилъ бы для западнаго славянина и другія недоумѣнія: какъ онъ объяснитъ себѣ происхожденіе и общественно-административное положеніе раскола и того множества вновь нарождающихся сектъ, возникающихъ самопроизвольно въ чисто народной средѣ до настоящей минуты; какъ онъ объяснитъ себѣ явленія церковной жизни западно-русскаго населенія, и т. д.? Чтó ожидало бы самихъ католическихъ славянъ, еслибы они вступили въ православный міръ и еслибы ихъ тысячелѣтняя исторія все-таки оставила бы въ нихъ (чего никакъ нельзя было бы не предположить) какую-нибудь церковную и бытовую особенность? Еслибы предположить, что въ католическомъ славянствѣ начнется движеніе въ пользу православія,—оно очевидно повлекло бы за собой церковно-политическую полемику въ литературѣ, сильное возбужденіе церковно-общественное: можно ли думать, что условія нашей общественности и литературы способны доставить для этого ту свободу выраженія, безъ которой

и невозможенъ прочный и дѣйствительный успѣхъ? Какъ обнаружится при этомъ „свобода духа“?

Аксаковъ безпрестанно жалуется на католическую пропаганду, на интриги іезуитовъ въ южно-славянскихъ земляхъ. Очевидно, что жалобами здѣсь не поможешь, что этой пропагандѣ, если она является столь губительной для славянской народности, должно быть поставлено столь же дѣятельное противодѣйствіе. Отчего нѣтъ этого противодѣйствія? Если Россіи принадлежитъ по праву покровительство надъ единовѣрцами, особливо единоплеменными, отчего оно выполнялось такъ слабо, или не выполнялось совсѣмъ, когда настояла въ томъ крайняя надобность? Аксаковъ постоянно жалуется на слабость (въ прежніе годы, а потомъ и въ послѣдніе) русской поддержки политическимъ и духовнымъ интересамъ славянства и въ то же время категорически говоритъ о „призваніи“ Россіи: что̀ скрывается въ этомъ противорѣчіи? Не заблуждается ли онъ, не дѣлаетъ ли преувеличеній, говоря о „призваніи“,—если оно не исполняется?

Впрочемъ, Аксаковъ видѣлъ это противорѣчіе и объяснялъ дѣло такъ, что призваніе Россіи свидѣтельствуется таинственнымъ народнымъ чувствомъ, которое можно было наблюдать въ восторженной встрѣчѣ славянскихъ гостей въ Москвѣ, въ одушевленномъ движеніи добровольцевъ въ сербскую войну, въ массахъ пожертвованій на славянское дѣло, стекавшихся въ славянскіе комитеты, и т. п. (о характерѣ этого движенія намъ случалось говорить въ прежнее время); но что этого призванія не понимаютъ и не хотятъ понять извѣстныя сферы русскаго общества и всего больше „дипломатія“. Аксаковъ бывалъ иногда правъ, когда указывалъ нерѣшительность, слабость нашей политики, позволявшей, по его выраженію, „оттирать“ русское вліяніе тамъ, гдѣ оно имѣло всѣ шансы успѣха; тѣмъ не менѣе, его общее представленіе о дѣятельности русской дипломатіи бывало до крайности странно:—выходило такъ, что русскій народъ хочетъ одного, высказываетъ свои стремленія совершенно ясно, и, однако, является на сцену дипломатія и дѣлаетъ какъ разъ наоборотъ;—точно это было какое-то status in statu, какъ будто русская дипломатія не была простой исполнительницей предначертаній русской власти. Могло быть, что ему не нравились, казались ошибочными, даже вредными тѣ или другія дѣйствія русской дипломатіи, и при свободѣ слова, какая была для него возможна, онъ могъ бы высказать это проще, безъ того, что казалось тогда многимъ фальшивой аффектаціей. Онъ не могъ не знать (а если не зналъ, то это было очень странно для столь требовательнаго публициста), что „русская

дипломатія" есть спеціальное вѣдомство, которое вовсе не рѣшаетъ дѣлъ по своему произвольному мнѣнію, что, напротивъ, его существенныя рѣшенія постановляются согласно съ волей власти, по соображенію всѣхъ политическихъ отношеній государства, его экономическаго положенія, состоянія его военныхъ силъ, и т. д., и т. д. Понятно, что никакое рѣшеніе министерства иностранныхъ дѣлъ не можетъ быть принято безъ сношеній съ министерствомъ военнымъ и министерствомъ финансовъ, не говоря о множествѣ всякихъ другихъ разсчетовъ, которыхъ не можетъ не требовать рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, какъ миръ или война. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Аксаковъ долженъ былъ знать подкладку событій, и тогда нападенія на „дипломатію" были излишествомъ.

Самъ онъ былъ, конечно, за самую энергическую политику въ восточномъ вопросѣ. Онъ объясняетъ не разъ, что еслибы „дипломатія" и общество наше прониклись идеей призванія Россіи и славянскимъ сознаніемъ, еслибы общество одушевилось смѣлымъ заявленіемъ своего русскаго достоинства, оно былобы и болѣе рѣшительно въ вопросахъ политическихъ; русская дипломатія смѣлѣе говорила бы въ пользу славянства. Онъ не разъ рекомендуетъ „дерзость иниціативы, какъ великое условіе успѣха", необходимость „самомнѣнія" [1]), и т. п., которыя должны были произвести впечатлѣніе на умы въ западной Европѣ и передать въ наши руки рѣшеніе восточнаго вопроса. Но общество наше вовсе не рѣшаетъ дипломатическихъ вопросовъ и, съ другой стороны, „дерзость иниціативы" и „самомнѣніе"—вещи рискованныя. Очевидно, что онѣ могутъ производить подобное дѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, когда за ними увидятъ не одну фразу, но и готовность поддержать слово дѣломъ, т.-е. „самомнѣніе" равнозначительно съ готовностью въ каждую минуту на войну; но война —вовсе не такое простое дѣло, на которое государство можетъ рѣшаться „съ легкимъ сердцемъ".

По взгляду Аксакова, „самомнѣніе" какъ будто должно направиться исключительно на внѣшнія дѣла; онъ забываетъ объяснить, что одно подобное „самомнѣніе" очень часто оказывало народамъ весьма плохія услуги. Онъ помнилъ, вѣроятно, съ какимъ „самомнѣніемъ" была начинаема съ нашей стороны крымская война, или съ какимъ „самомнѣніемъ" французы въ 1870 г. начинали войну съ Германіей. Очевидно, однако, самомнѣнія и „дерзости иниціативы" мало: нужно, чтобы они поддерживались и умѣньемъ оцѣнить противника, и возможностью выставить про-

---

[1]) Стр. 110, 131 и др. Въ примѣръ онъ однажды приводитъ мадьяръ.

тивъ него равную силу. Условія весьма существенныя, и нѣтъ сомнѣнія, что оцѣнка противниковъ и нашихъ средствъ входила въ соображеніе и „дипломатіи“, и самого общества. Но есть еще третье условіе, которое Аксаковъ или забываетъ совсѣмъ, или объясняетъ крайне недостаточно. Истинное національное самомнѣніе можетъ быть достигнуто только внутреннимъ развитіемъ и самодѣятельностію общества. Есть простой вопросъ народной самозащиты, который способенъ бываетъ поднять цѣлыя народныя массы въ рѣшительную минуту,—таковы знаменитыя въ русской исторіи эпохи 1612, 1812 годовъ; такія эпохи рѣдки и исключительны; прямой вопросъ о государственной и народной самозащитѣ ясенъ для всѣхъ,—но не таковъ, безъ сомнѣнія, вопросъ славянскій въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ представляется Аксакову. Пониманіе вопроса въ такой широтѣ,—для чего необходимо весьма разнообразное знаніе всякихъ международныхъ отношеній, знаніе исторіи русской, славянской и европейской и т. д.,—возможно только для людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, и для того, чтобы они возъимѣли руководительство общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ и получили голосъ въ политическомъ рѣшеніи, нужны, конечно, особыя условія общественности, и, по крайней мѣрѣ, нужно, чтобы хотя эта часть общества была снабжена возможностью свободнаго обсужденія вопроса, всесторонней его оцѣнки и—прежде всего—достаточными свѣдѣніями, достаточными средствами изученія. Чтó же оказывается? Когда самому Аксакову пришлось говорить объ этомъ послѣднемъ—о степени знакомства русскаго общества съ славянскимъ вопросомъ, онъ приходилъ къ выводамъ не весьма утѣшительнымъ. Славянскій вопросъ оказывался извѣстнымъ очень мало.

„Русская журналистика и русская публика,—писалъ онъ въ 1861 году,—горячатся изо всѣхъ силъ по поводу единства Италіи, проливаютъ чуть не рѣки слезъ умиленія при чтеніи рѣчей del re galant'uomo, негодуютъ на Боржеса или на Шіавоне, какъ на личныхъ своихъ непріятелей, ссорятся и спорятъ изъ-за Чіальдини или Мингетти, отправляются на поклоненіе на Капреру (?),—и въ то же время раздѣляютъ мнѣніе англійскихъ министровъ о необходимости англійскаго ига надъ Іоническими островами, ради благосостоянія послѣднихъ; готовы признать Фіуме (Рѣку), Истрію и весь Далматинскій берегъ итальянскими странами; не на шутку утверждаютъ, что пора забыть племенныя вражды въ турецкой имперіи и примириться съ новымъ способомъ управленія въ Турціи; наконецъ, даже изъявляя сочувствіе, перепечатываютъ, сами не замѣчая, ложныя и искаженныя извѣстія о дѣлахъ и дѣятеляхъ славянскихъ. И не мудрено. Спросите по совѣсти бóльшую часть профессоровъ всеобщей исторіи въ нашихъ университетахъ—знакома ли имъ исторія, не только про-

чихъ славянскихъ племенъ, но и ближайшей къ намъ Польши? Каждый изъ нихъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, сознается, что нѣтъ, незнакома вовсе. Да и откуда ему знать! Нѣмцы (кромѣ Ранке) о томъ не писали; составители учебниковъ всеобщей исторіи мало на то обращали вниманія; для чтенія источниковъ нужно знать языки и имѣть къ тому интересъ, который не былъ ему внушенъ, ни европейскими, ни нашими русскими прославленными учеными и наставниками! Очевидно, нельзя слишкомъ строго винить и журналистику. Къ тому же, слѣдуетъ, по справедливости, замѣтить, что всего мѣсяца два, какъ состоялось разрѣшеніе получать славянскія газеты по почтѣ, и то не иначе, какъ черезъ петербургскую газетную экспедицію. Съ другой стороны, равнодушіе публики также охлаждало ревность многихъ благонамѣренныхъ журналистовъ" [1]).

Весьма ядовито, хотя нѣсколько преувеличено. Ежелибы Аксаковъ захотѣлъ больше говорить „по справедливости", онъ былъ бы менѣе строгъ къ русскимъ ученымъ, а вмѣстѣ, мы думаемъ, долженъ былъ бы очень понизить мѣрку своихъ требованій. Откуда было, въ самомъ дѣлѣ, русскому обществу и самой русской наукѣ знать о славянствѣ? Первыя славянскія каѳедры основались не далѣе, какъ около 1840-го года; въ такой короткій промежутокъ времени нечего было, разумѣется, и помышлять о возможности какихъ-нибудь особенныхъ пріобрѣтеній новой науки. Притомъ, самая наука допущена была тогда съ такими оговорками и ограниченіями, что наши слависты въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ даже не въ состояніи были касаться тѣхъ вопросовъ, ясности которыхъ Аксаковъ требуетъ въ шестидесятыхъ годахъ. Извѣстно, съ какими оглядками придумывалась самая программа новой науки. Это не была программа изученія славянства съ его исторіей и съ его настоящимъ; это была каѳедра „славянскихъ нарѣчій", каѳедра филологическая и археологическая. Правительство второй четверти столѣтія, не отличавшееся тѣмъ недостаткомъ самомнѣнія, который Аксаковъ ставитъ въ упрекъ нашему времени, повидимому, однако, опасалось какъ европейскихъ обвиненій въ воображаемомъ „панславизмѣ", такъ и домашнихъ фантазій на тему славянской свободы, и т. п., и еслибы кто изъ ученыхъ или любителей вздумалъ размечтаться на эту тему, то исторія, случившаяся съ Костомаровымъ, отбила бы всякую охоту къ мечтательности,—и дѣйствительно ее отбила. Наши профессора „славянскихъ нарѣчій", какъ извѣстно, тщательно избѣгали касаться политическаго положенія славянскихъ племенъ и рѣшались высказывать только платоническія и романтическія сочувствія къ братскимъ племенамъ, ихъ патріархальному народному быту и

[1]) Стр. 7.

поэзіи, и т. п. Аксакову кажется очень простымъ требовать, чтобы у насъ знали славянскую исторію,—да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было ее найти, когда многія изъ славянскихъ племенъ и сами ея хорошенько не знали; когда, напримѣръ, у чеховъ Палацкій въ 50-хъ и 60-хъ годахъ все еще разыскивалъ источники для своего труда и, проработавъ надъ нимъ всю жизнь, оставилъ его далеко неконченнымъ,—а у насъ никто никогда и не подумалъ перевести эту „національную" книгу чеховъ на русскій языкъ; когда исторія сербскаго племени въ тѣ годы могла быть дѣйствительно знакомой только по одной книгѣ Ранке, писавшейся „со словъ", и сербскіе ученые также еще только собирали разсѣянные матеріалы; когда обо всемъ болгарскомъ племени существовали въ литературѣ самыя неясныя свѣденія, а незадолго передъ тѣмъ о болгарахъ и совсѣмъ ничего не знали,—и т. д.? Весь вопросъ былъ еще слишкомъ новъ; само славянство въ первой половинѣ столѣтія было еще въ процессѣ возрожденія, когда оно только-что приходило къ племенному сознанію и работало надъ реставраціей своего историческаго прошлаго, надъ собираніемъ своихъ преданій и народной поэзіи, которыя должны были освѣтить для самихъ племенъ ихъ народность. Если прибавить, что у насъ на знакомство съ этимъ новымъ міромъ (о которомъ предшествовавшая литература имѣла только жалкія, отрывочныя свѣденія) отрядили только четырехъ или даже трехъ человѣкъ [1]), то надо еще удивляться, что эти три человѣка въ теченіе своей профессуры могли сдѣлать столько, сколько сдѣлали.

Съ другой стороны, Аксаковъ проговаривается о внѣшнихъ затрудненіяхъ (того же рода), которыми было обставлено изученіе славянства. Онъ замѣчаетъ, что „всего мѣсяца два" (въ 1861 году), какъ состоялось разрѣшеніе получать по почтѣ славянскія газеты; прибавимъ, что полученіе славянскихъ изданій—по новости дѣла для самой публики, для книгопродавцевъ и для почтовыхъ учрежденій—и послѣ было окружено большими препятствіями, а иностранная цензура и доселѣ затрудняется иногда пропускомъ невиннѣйшихъ книжонокъ, напр., русскихъ галицкихъ изданій. Наконецъ, у насъ еще и мало читателей для славянской литературы. Чтобы читать ее, во всякомъ случаѣ надо научиться „славянскимъ нарѣчіямъ" и спеціально войти въ славянскіе интересы; для обыкновенной большой публики, съ общими литературными интересами, славянская литература не выдержитъ, ко-

[1]) Бодянскій, Григоровичъ, Срезневскій; Прейсъ умеръ, едва начавъ свою дѣятельность.

нечно, сравненія ни съ нашей, ни съ литературами европейскими. И если въ большой публикѣ нѣтъ до сихъ поръ особеннаго любопытства къ славянскимъ литературамъ, то на кого же пенять? И вмѣсто издѣвательства надо бы постараться хладнокровно понять это положеніе вещей. Далѣе, Аксаковъ упоминаетъ нѣкоторыя черты нашего собственнаго внутренняго положенія относительно восточнаго вопроса. Онъ пишетъ, напр., въ 1867 году: „Нельзя не высказать вновь сожалѣнія, что русское правительство не считаетъ нужнымъ держать въ извѣстности русское общество о своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ на Востокѣ и только изрѣдка выступаетъ съ полу-оффиціальными статьями, бросающими слабый, неясный свѣтъ... Мы должны теряться въ догадкахъ среди разнорѣчивыхъ извѣстій, сообщаемыхъ о нашей политикѣ заграничными газетами“ [1])...

Съ другой стороны, онъ „жалѣетъ, что печатное слово не проникаетъ въ крестьянскую избу“ [2]). У Аксакова есть и другія подобныя замѣчанія. Брошенныя мимоходомъ, они, однако, затрогиваютъ весьма существенное обстоятельство въ положеніи славянскаго вопроса въ нашемъ общественномъ мнѣніи. Аксаковъ, стало быть, признаетъ, что само общество, въ сущности, ни-при-чемъ въ томъ или другомъ направленіи событій; ему даже неизвѣстно, что̀ дѣлается въ данную минуту, или оно узнаетъ объ этомъ поздно и не полно. Еще дальше отъ совершающагося народная масса. Надо прибавить, что въ прежнее время, напр. не далѣе, какъ во второй четверти столѣтія, и лѣтъ за шесть, не болѣе, до того времени, какъ Ив. Аксаковъ началъ свою проповѣдь, общество знало и того менѣе о томъ, что̀ творится во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ государства. Гдѣ же было массѣ поколѣнія 60-хъ годовъ воспитывать свое пониманіе политическихъ предметовъ и, въ частности, славянскаго вопроса?

Что касается другого упомянутаго выше условія развитія общественнаго сознанія и „самомнѣнія“—возможности свободнаго обсужденія вопросовъ, то условія литературы не были для этого благопріятны. Самъ Аксаковъ, какъ мы упоминали, отличался крайней нетерпимостью; всякое противорѣчіе его теоріи происходило, по его мнѣнію, только изъ „либерализма“, оторвавшагося отъ народа; нападки на этотъ „либерализмъ“ не были лучшей стороной его публицистики, и Аксаковъ встрѣтилъ здѣсь такихъ союзниковъ, усердіе которыхъ сдѣлало для значительной части общества

[1]) Стр. 141.
[2]) Стр. 95.

„славянскій вопросъ" вопросомъ отталкивающимъ,—проповѣдь его смѣшивалась съ проповѣдью грубѣйшаго обскурантизма.

Несмотря на всю недостаточность пониманія славянскаго дѣла, на какую Аксаковъ жаловался въ русскомъ обществѣ, онъ не усомнился говорить о славянскомъ дѣлѣ отъ имени и Россіи, и русскаго народа. Очевидно, что его полномочія на это были весьма ограниченны. Русскій народъ не знаетъ о томъ, что̀ публицистъ рѣшаетъ его именемъ, а „Россія" дѣлаетъ нерѣдко совсѣмъ другое, чѣмъ онъ предполагаетъ. Изъ множества примѣровъ укажемъ одинъ. Въ 1864 году, ратуя противъ сближенія Россіи съ Австріей, Аксаковъ писалъ: „Сближаясь съ нею, съ австрійскимъ правительствомъ, не становится ли Россія въ солидарность съ тою или другою изъ системъ австрійскаго управленія, которыя, въ сущности, въ концѣ концовъ, суть системы утѣсненія славянскаго племени? Не компрометтируетъ ли таковое сближеніе единственную славянскую могучую державу, представительницу славянскаго и православнаго міра, т.-е. Россію? и въ состояніи ли сближеніе Россіи съ Австріей сколько-нибудь помѣшать развитію могущества Пруссіи на сѣверѣ Германіи,—что̀ одно только можетъ насъ озабочивать? Развѣ способенъ союзъ нашъ съ Австріей доставить ей серьезныя выгоды и утвердить ея преобладаніе въ Германіи, когда ни одного изъ вознагражденій, какія она можетъ получить за свои потери въ средней Европѣ, и которыя ей сулятъ Бисмаркъ и Наполеонъ, не можетъ допустить политика Россіи? Ни Босніи, ни княжества Сербіи, ни Дунайскихъ княжествъ не можетъ уступить Австріи Россія" [1]). Позднѣе, въ концѣ 1876 г., послѣ несчастнаго исхода сербско-турецкой войны, онъ говорилъ: „мы у сербовъ въ долгу. Но мы въ долгу не останемся"... „близокъ часъ, такъ давно всѣми нами желанный и призываемый, благословенный часъ", и т. д. [2]).

Факты показали вскорѣ, въ какомъ глубокомъ заблужденіи былъ Аксаковъ: Австріи отдана была не только эта Боснія, но и Герцеговина; отданы притомъ послѣ большой „освободительной" войны, и даже, какъ узналъ Аксаковъ послѣ, отдача обѣщана была еще раньше.

Фактъ былъ, безъ сомнѣнія, очень печальный, и если онъ былъ возможенъ, то имѣлъ ли право Аксаковъ такъ возставать противъ тѣхъ, кто иначе смотрѣлъ на положеніе славянскихъ дѣлъ и наше внутреннее положеніе, съ которымъ, конечно, первыя были связаны.

---

1) Стр. 50.

2) Стр. 236.

О томъ, какъ относился Аксаковъ къ братьямъ-славянамъ, мы отчасти упоминали. Тѣ изъ нихъ, которые были православными, были настоящіе славяне, и имъ слѣдуетъ только твердо защищать старое преданіе, т.-е. православное единство съ Россіей, остерегаться всякихъ соблазновъ европейской цивилизаціи, хранить простоту народнаго быта и оставаться юнаками [1]). Тѣ же изъ славянъ, которые, состоя католиками, находятся въ фальшивомъ положеніи и отъ него должны скорѣе избавиться. Аксаковъ относится не весьма дружелюбно къ хорватамъ, нѣсколько недоумѣваетъ признать патріотизмъ Штросмайера; не одобряетъ чеховъ, которымъ совѣтуетъ (въ письмѣ къ Ригеру) возвратиться къ преданіямъ Гуса и принять православіе, и съ спеціальнымъ ожесточеніемъ относится къ полякамъ. Если вообще католичество славянъ есть, по мнѣнію Аксакова, измѣна славянскому духу (о свойствахъ этой измѣны мы говорили выше), то всего больше въ этой измѣнѣ повинны поляки. Они—спеціальные „отступники славянскаго братства"; они — „вѣрные прихвостники западной Европы и латинства, давно измѣнившіе братскому союзу славянъ". Они—народъ погибшій; упомянувъ о томъ, какъ поляки (т.-е. нѣсколько польскихъ эмигрантовъ) принимали участіе въ латинской пропагандѣ, направленной противъ православныхъ славянъ въ Турціи, участвовали въ „упроченіи Турціи, посредствомъ европейской цивилизаціи", напр., службою въ ея войскахъ и т. п., Аксаковъ восклицаетъ: „и такая нація смѣетъ еще мечтать о возрожденіи!" [2]) Въ этомъ отношеніи къ западному славянству, въ славянофильской школѣ произошла, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторая перемѣна. Въ прежнее время, на первыхъ порахъ славянскихъ сочувствій, всѣ славяне были братья; всѣмъ имъ желалось одинаково развитіе ихъ народности и, если подразумѣвалась всегда русская гегемонія, то дѣло не казалось еще слишкомъ спѣшнымъ и полагалось, что славянскимъ народностямъ необходимо укрѣпиться въ своихъ силахъ. Случалось даже благожелательное отношеніе къ самимъ полякамъ; допускалась возможность польскаго патріотизма,—возможность польской народности въ этнографической Польшѣ; помнилось, что судьба этого племени, каковы бы ни были историческія ошибки его руководящихъ классовъ, была такъ несчастна, что можно если не признать, то понять возможность патріотическихъ увлеченій и ошибокъ. Теперь вопросъ былъ поставленъ, напротивъ, очень круто; противоположеніе міра сла-

---

[1]) См., напр., стр. 23, 325, 328 и т. д.

[2]) Стр. 109, 148 и др.

вянскаго и романо-германскаго, православнаго и католическаго было доведено до практическихъ требованій. Какъ будто думалось, что вся давнишняя исторія славянства должна рѣшиться теперь же, на этихъ дняхъ; Аксаковъ брался быть представителемъ русскаго народа, и съ нимъ—истиннаго православнаго славянства, и рѣшалъ судьбу славянскихъ народовъ. Поляки были осуждены совсѣмъ,—хотя, въ другихъ случаяхъ, Аксакову все-таки представлялся вопросъ: какъ помирить это осужденіе съ славянскимъ братолюбіемъ (вѣдь славяне—самые лучшіе христіане, и отличительная черта ихъ взаимныхъ отношеній—братолюбіе). Сурово осуждены и чехи, если не „возвратятся" къ православію... Другіе послѣдователи школы шли еще дальше и, усомнившись въ способности чеховъ къ исправленію, полагали, что ихъ должно предоставить судьбѣ, т.-е. присоединенію къ Германіи и обнѣмеченію. Въ извѣстномъ письмѣ къ Ригеру, Аксаковъ указывалъ на Гуса, какъ на историческое доказательство старыхъ стремленій самого чешскаго народа къ православной формѣ христіанства; согласно тому толкованію, какое дѣятельность Гуса получила у нашихъ славянофильскихъ историковъ, онъ говоритъ о пустотѣ тѣхъ чествованій памяти Гуса, какія совершались у чеховъ, ограничиваясь одними словами и не переходя ни въ какое дѣло, и, напомнивъ, что идея Гуса связывалась непосредственно съ тѣми (православными) преданіями, которымъ начало положено проповѣдью Кирилла и Меѳодія и которыя унаслѣдованы Россіею со всѣмъ остальнымъ православнымъ славянствомъ, онъ восклицаетъ:

„Чехи, чехи! такъ ли, какъ должно, чтили вы память вашего Гуса? Ужели его подвигъ—только стародавній историческій фактъ, важный только „по времени", уже покрывшійся для васъ безразличною плѣсенью былого, уже вполнѣ завершенный и отжитой?

„Чехи! чехи! Констанцскій соборъ не расходился—онъ пребываетъ и поднесь, мѣняя только названія:—онъ продолжаетъ и нынѣ громить анаѳемами и Гуса, и его дѣла, и все славянство.

„Костеръ Гуса не угасъ,—онъ продолжаетъ пылать, но уже не въ Констанціи только, а въ самой Прагѣ. Кто же подкладываетъ дрова въ костеръ?.. Угасите же костеръ Гуса!" [1])

Дѣйствительно, было нѣкоторое противорѣчіе въ новѣйшемъ чешскомъ прославленіи имени Гуса; новѣйшая чешская жизнь, за исключеніемъ отдѣльныхъ примѣровъ принятія православія, которые по своей немногочисленности получили только анекдотическое значеніе, не представили никакого крупнаго движенія въ цер-

[1]) Стр. 314—315.

ховно-нравственной области, которое сколько-нибудь отвѣчало бы возвышенному значенію чествуемаго имени. Но не было ли также внутренняго противорѣчія и въ томъ чествованіи, какое дано было тому же имени у насъ, и однажды даже въ нашей церковной проповѣди?.. Торжества въ память Гуса у чеховъ, конечно, не были строго связаны со всей сущностью его идей; вспоминалась, главнымъ образомъ, національная сторона его дѣятельности и въ торжествѣ искали себѣ ободренія для современной національной борьбы,—хотя она имѣла совсѣмъ иной видъ, но шла также въ національномъ направленіи. Такъ, однако, нерѣдко бываетъ въ подобныхъ далекихъ историческихъ юбилеяхъ. Аксакову, съ его точки зрѣнія, представлялась совсѣмъ другая форма возобновленія памяти Гуса. Онъ долженъ былъ проповѣдовать православіе, но, какъ мы замѣчали выше, довольно ли было, со стороны русскихъ приверженцевъ греко-славянской идеи—для столь великой цѣли—написанія одной газетной статьи или даже посылки въ Прагу колокола?

Сербы и черногорцы, а также, конечно, и босняки, и герцеговинцы, по мнѣнію Аксакова, должны были оставаться эпическими юнаками. Онъ подсмѣивается и даже негодуетъ на ту погоню за европейскими обычаями и учрежденіями, какая началась у сербовъ по освобожденіи, а въ 1850-хъ годахъ—и у черногорцевъ при князѣ Даніилѣ. Онъ смѣется и надъ тѣмъ, что сербы изъ патріархальнаго, эпическаго быта бросались прямо на изученіе гегелевской философіи, но вмѣстѣ онъ находитъ положеніе освобождающихся балканскихъ славянъ и трагическимъ.

„Начинать созиданіе государства въ XIX-мъ вѣкѣ, на виду у народовъ старой цивилизаціи, утратившихъ даже память о своихъ до-историческихъ временахъ, давно пережившихъ свой эмбріологическій процессъ и періоды постепенной, естественной, такъ сказать, безсознательной государственной формаціи,—задача мудреная. Вмѣсто жизни выходитъ теорія, вмѣсто творчества—сочиненіе! Такое насильственное сокращеніе натуральнаго роста, такая замѣна свободнаго развитія инстинкта и непосредственныхъ силъ отвлеченною дѣятельностью разсудка—не обходятся даромъ. Это почти то же, что изъ отроческаго періода перескочить прямо въ старческій, или еслибы отрокъ, даже просто ребенокъ, попалъ, въ качествѣ равноправнаго, въ общество людей уже преклонныхъ лѣтъ, причемъ, по необходимости и ради отроческаго самолюбія, сталъ бы гримироваться старикомъ, искусственно бороздить себѣ лобъ морщинами, наклеивать усы и говорить басомъ... Такъ было съ сербами Княжества, которые прямехонько изъ эпоса, изъ пастушескаго періода, изъ „богоравныхъ", какъ Эвмей у Гомера, свинопасовъ (главный промыселъ сербскій) прыгнули въ цивилизацію нашего столѣтія, обзавелись тотчасъ

же „интеллигенціею“, пославъ немедленно человѣкъ пять свинопасовъ учиться философіи у Гегеля (это фактъ), обстановились „аппеляціонными„ и „кассаціонными“ судами (дорожа, разумѣется, именно иностранными названіями), а потомъ и конституціей совершенно европейскаго склада“ [1]).

Дѣйствительно смѣшно: свинопасъ—и вдругъ учится гегелевской философіи! Въ дѣйствительности, однако, это не бывало такъ смѣшно. Въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей всего славянскаго возрожденія, сербскій монахъ Досиѳей Обрадовичъ, искалъ науки въ той же Германіи и нашелъ въ ней высокія просвѣтительныя идеи, которыя излагалъ онъ, какъ умѣлъ, своему народу и сталъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые пробуждали въ сербскомъ народѣ чувство человѣческаго достоинства, любовь къ просвѣщенію и создавали нравственное вліяніе, которое поддерживало людей въ тяжкую пору рабства и подготовляло къ лучшимъ временамъ свободы. Это также могло бы показаться смѣшно, но смѣшно оно вовсе не было.—И намъ ли говорить это? Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, этимъ несчастнымъ балканскимъ славянамъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка было искать науки? Сами славянофилы говорятъ, что у насъ есть только слабая копія европейскаго просвѣщенія. Естественно, что искавшіе науки предпочитали обращаться къ подлиннику. Въ ближайшее къ намъ время другой сербъ, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, составилъ свое знаменитое собраніе сербскихъ и народныхъ пѣсенъ, и гдѣ нашелъ онъ себѣ компетентную научную поддержку? Въ той же ученой Германіи, которая привѣтствовала его, вѣроятно, болѣе горячо и во всякомъ случаѣ болѣе сознательно, чѣмъ, напр., тогдашняя россійская Академія. Нѣтъ сомнѣнія, что балканскимъ слявянамъ естественнѣе было искать высшей школы въ Россіи, которая была имъ единовѣрна, имѣла съ ними столько общаго по старымъ преданіямъ исторіи, церковно-народной литературы, и которой единоплеменность такъ много способствовала бы взаимному пониманію и сближенію. Дѣйствительно, многіе изъ балканскихъ славянъ учились въ Россіи, особливо въ Кіевѣ и Москвѣ, и завязывали въ ней тѣсныя нравственныя связи, какія едва-ли были бы возможны въ другой странѣ; но если эти случаи были сравнительно рѣдки, это имѣло, вѣроятно, свои причины: однѣ могли быть чисто внѣшнія—отдаленность; но были, вѣроятно, и другія. Русская наука не была знаменита, и, вѣроятно, желаніе найти лучшую школу уменьшало иногда число

[1]) Стр. 325.

лицъ, направлявшихся для высшаго образованія въ Россію,—и въ прежнее время трудно было бы оспаривать это предпочтеніе. Такимъ образомъ, дѣло приводится къ довольно простому объясненію; понятно, съ другой стороны, что славяне, учившіеся въ западныхъ школахъ, выносили оттуда и тѣ понятія, какія могла внушать западная школа и западная жизнь, и если эти послѣднія давали учащимся славянамъ иное направленіе, чѣмъ какое было бы желательно намъ, а иной разъ внушали и направленіе дѣйствительно не-полезное, то надо понять, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ личнымъ произволомъ или дурными инстинктами отдѣльныхъ лицъ, а съ общимъ явленіемъ. Люди мало развитого общества естественно увлекаются понятіями и нравами обществъ съ болѣе высокой культурой, и если мы находимъ, что это вліяніе бываетъ вредно, намъ оставалось бы одно—противодѣйствовать этому силами нашего собственнаго просвѣщенія; въ этомъ намъ никто не мѣшалъ, и если мы не въ состояніи были этого сдѣлать, намъ остается пенять только на самихъ себя и стремиться къ лучшему устройству нашей школы и нашихъ общественныхъ нравовъ. Наконецъ, что касается того, что балканскимъ славянамъ полезнѣе было бы оставаться на степени первобытнаго юначества, то сомнительно, чтобы это желаніе было удобоисполнимо. Время идетъ, и то, что̀ было возможно въ прошломъ столѣтіи, все меньше становится возможно въ настоящемъ. Современныя государства едва-ли нашли бы удобнымъ существованіе рядомъ юнацкаго сосѣдства и, вѣроятно, стали бы принимать мѣры противъ эпическихъ подвиговъ. Если теперь такъ легко устроиваются оккупаціи и аннексіи политическихъ паціентовъ безъ всякаго разумнаго повода, то при нѣкоторомъ поводѣ („неблагоустройство страны", „безпокойное сосѣдство") присоединеніе могло бы случиться еще легче. Съ другой стороны, разъ порвано было турецкое иго, державшее балканскіе народы насильственно въ первобытномъ состояніи, освободившіеся народы волей-неволей должны были вступить на новый путь внѣшней политической и внутренней культурной жизни, войти въ связи съ другими народами и всего скорѣе—съ ближайшимъ, болѣе культурнымъ сосѣдствомъ. Ихъ влеченіе къ знаніямъ и нравамъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ бывало вовсе не насильственнымъ сокращеніемъ натуральнаго роста, а естественнымъ стремленіемъ, которое, напротивъ, насильственно угнеталось варварскимъ игомъ, и если впадало въ крайности, то именно только потому, что слишкомъ долго было угнетаемо. У насъ негодуютъ на сближеніе сербовъ съ Австріей и на стремленія послѣдней ввести Сербію, какъ

и вообще балканскіе народы, въ „сферу австрійскаго вліянія"; это вліяніе дѣйствительно прискорбно въ разныхъ отношеніяхъ; но, во-первыхъ, эти стремленія Австріи совершенно естественны (въ предѣлахъ Австріи издавна живетъ цѣлая масса православныхъ сербовъ, и политическому вліянію предшествуетъ задолго сильное вліяніе культурное—школы, промышленности, торговли, общественныхъ нравовъ и обычаевъ,—вліяніе, совершающееся само собою, даже мимо стараній австрійской политики), а во-вторыхъ, жалобами противъ нихъ не поможешь; имъ можно противодѣйствовать опять только равносильнымъ вліяніемъ съ другой стороны. Извѣстная доля сближенія Сербіи съ Австріей, именно сближеніе во внѣшней культурѣ, весьма понятна при сосѣдствѣ страны небольшой, небогатой, неразвитой въ промышленномъ отношеніи—съ большимъ государствомъ, богатымъ всякаго рода промышленностью и внѣшней культурой, и трудно даже придумать, какимъ бы образомъ это могло быть устранено,—а съ внѣшнимъ сближеніемъ естественно приходитъ сближеніе нравовъ и понятій. Если, съ нашей стороны, не принимается особыхъ усилій къ нравственному сближенію съ Сербіей, если въ послѣднее время Сербія (передъ которой мы, однако, все еще остаемся „въ долгу") вызываетъ только самыя ожесточенныя нападенія отъ нашей славянофильской публицистики, то это не способствуетъ, конечно, развитію братолюбивыхъ чувствъ. Могутъ сказать, что мы сдѣлали все, чего только можно требовать въ этомъ отношеніи; мы принесли въ защиту сербскаго дѣла жизнь сотенъ нашихъ добровольцевъ и вмѣшательство цѣлаго государства въ сербско-турецкую войну, но, къ сожалѣнію, движеніе добровольцевъ было только прекраснымъ порывомъ, не имѣвшимъ результатовъ; дѣло кончилось для интересовъ сербскаго народа самымъ печальнымъ образомъ: мы сами отдали Боснію и Герцеговину той же Австріи.

Подобнымъ образомъ мы имѣемъ только выговоры и укоры для чеховъ и требуемъ, чтобы они тотчасъ возъимѣли стремленіе къ усвоенію русскихъ началъ и прежде всего перемѣнили свою вѣру. Повторимъ опять, что мы не сомнѣваемся, что всякій новый поводъ къ между-славянскому общенію и особливо такому, какъ религіозное, доставилъ бы могущественную опору для національности, борющейся за свое существованіе; но чтобы правильно судить о дѣлахъ чеховъ, надо помнить ихъ исторію. Вся эта исторія ведена была чехами (народомъ немногочисленнымъ и окруженнымъ нѣмцами), такъ сказать, на свой страхъ, безъ всякой помощи другихъ славянскихъ племенъ. Искони чехи были совершенно отрѣзаны отъ рус-

скаго Востока; въ той трудной, непосильной исторической борьбѣ, которую пришлось выносить имъ противъ всей массы надвигавшагося германства, они были одни; русскій Востокъ (который теперь, въ лицѣ славянофиловъ, предъявляетъ имъ свои требованія, какъ старшій) не только не помогалъ имъ въ тѣ историческіе моменты, когда дѣло шло о самомъ ихъ существованіи, но едва зналъ объ этомъ существованіи. Намъ говорятъ теперь, что Россія важна для остального славянства и тѣмъ, что она „существуетъ"; но, конечно, Россія въ старые вѣка своей исторіи создавала свое существованіе не для славянъ, а для самой себя; въ новѣйшее время дѣйствительно ея существованіе получило важность для другихъ славянскихъ племенъ, но это была лишь благопріятная историческая случайность, потому что раньше ихъ исторія шла врозь цѣлые долгіе вѣка,—и это одно еще не составляетъ права на тѣ исключительныя притязанія, которыя заявляются школой. Въ новѣйшее время Россія давала славянамъ поддержку своей силы и приносила имъ пользу, но не одинъ разъ ея политика наносила имъ также и глубокій вредъ. Такъ, императору Александру I не прощаютъ того невниманія къ славянскимъ интересамъ, какое оказано было въ эпоху вѣнскаго конгресса; но едва-ли не гораздо болѣе глубокій ущербъ нанесенъ былъ этимъ интересамъ на берлинскомъ конгрессѣ.

Вообще, Аксаковъ, увлекаясь своими теоретическими построеніями славянскаго вопроса, слишкомъ забываетъ о дѣйствительной жизни славянства съ его исторически-создавшимися формами, въ которыхъ оно существуетъ въ данную минуту: онъ предъявляетъ невыполнимыя требованія ихъ образованію, политическому складу, дѣлаетъ современниковъ отвѣтственными за давно-прошедшія времена, и т. п.

На русскую жизнь онъ смотритъ съ такой же исключительной точки зрѣнія. Въ „Вѣстн. Евр." было говорено объ его взглядахъ на наше общественное положеніе и отдана справедливость его неуклонной защитѣ своихъ идей, его нерѣдко смѣлой рѣчи о недостаткахъ нашей общественности и ея потребностяхъ; но та же исключительность школы не дала ему правильно понять многихъ сторонъ нашей общественной жизни. Такова, напр., его ожесточенная вражда противъ того, что̀ онъ называлъ „либерализмомъ".

Въ сороковыхъ годахъ, нѣкоторые изъ старыхъ славянофиловъ, въ разгарѣ полемической вражды съ противниками, совмѣщали въ имени „Петербурга" и „петербургскаго періода" всякое, по ихъ мнѣнію, нарушеніе русской народности и „из-

мѣну" народнымъ преданіямъ; собственно говоря, подъ „петербургскимъ періодомъ" разумѣлся правительственный, бюрократическій режимъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, но по избытку раздраженія съ нимъ хотѣли отождествить и — литературныхъ враговъ, „западниковъ". Придумана была pia fraus, что западники живутъ именно только въ Петербургѣ, хотя многіе изъ тогдашнихъ противниковъ славянофильства находились на-лицо въ Москвѣ. И какъ въ то время школа неохотно видѣла, что интересы народности горячо защищаются противною стороной, хотя съ другой исходной точки зрѣнія, — такъ и теперь преемнику школы хотѣлось думать, что эти интересы защищаются только имъ и людьми его образа мыслей. Въ славянскомъ вопросѣ западники были, разумѣется, люди отпѣтые: они не понимали ни великаго славянскаго призванія Россіи, ни высокаго народнаго воодушевленія въ сербскую войну; они равнодушны къ самымъ жизненнымъ задачамъ русской политики, и т. д. Аксаковъ опять не хотѣлъ видѣть, что̀ именно высказывалось по этимъ предметамъ въ той литературѣ, которую онъ называлъ либеральною. Изрѣдка, правда, онъ приводилъ и опровергалъ нѣкоторые отрывочные отзывы печати подъ названіемъ „либеральныхъ", выискивалъ статьи „Голоса" (слишкомъ мѣнявшаго свои цвѣта, чтобы быть причисленнымъ въ эту категорію), приводилъ мысли „Петра Боборыкина" и взгляды газеты, издававшейся „представителемъ и директоромъ-распорядителемъ бумажной фабрики" Грипенбергомъ и Нотовичемъ. Конечно, ни „Голосъ", ни гг. Грипенбергъ и Нотовичъ, ни даже „Петръ Боборыкинъ" не только не исчерпывали взглядовъ той части литературы, которую Аксаковъ называлъ „либеральною", но въ приводимыхъ Аксаковымъ примѣрахъ даже совсѣмъ ея не представляли [1]); въ этой печати

[1]) Говоря о нѣкоторыхъ корреспонденціяхъ по поводу русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, Аксаковъ пишетъ, напр.: „Съ хлесткостью и развязностью, съ легкимъ сердцемъ, только имъ свойственнымъ, корреспонденты поспѣшили осмѣять, освистать, оплевать (?) въ „либеральныхъ газетахъ", безъ разбора, огуломъ, какъ самихъ добровольцевъ (умѣвшихъ, однако, сдерживать три мѣсяца натискъ Омера-паши), такъ и все это возвышенное мгновеніе нашего народнаго бытія. Правда, одинъ изъ „либераловъ", Петръ Боборыкинъ, оцѣнивъ впослѣдствіи значеніе этого историческаго эпизода, воскликнулъ въ какомъ-то фельетонѣ: „Эхъ, сплоховали мы, не спохватились! зачѣмъ мы (т.-е. западники-либералы) дали славянофиламъ (?!) стать впереди этого народнаго движенія, принять дѣятельное участіе въ этой эпопеѣ, а не стали сами во главѣ народа? Все отъ того, что мы не организованная партія!" и тому подобный вздоръ!.. Напрасное сожалѣніе. Нашимъ западникамъ, принявшимъ теперь кличку „либераловъ", суждено всегда быть выброшенными за бортъ, остаться всегда

высказывались другіе взгляды, которые заслуживали бы гораздо болѣе вниманія, касавшіеся, сколько возможно, самаго существа дѣла (напомнимъ изъ многаго, напр., только нѣкоторыя статьи „Молвы" и „Отечественныхъ Записокъ"); но Аксаковъ ихъ обошелъ. Либеральная точка зрѣнія вовсе не отрицала славянскаго вопроса, вполнѣ сочувствовала освободительнымъ стремленіямъ славянскихъ племенъ, находила естественнымъ и то сочувствіе, какое встрѣчали эти стремленія въ русскомъ обществѣ; но она была противъ мистическихъ преувеличеній, которыя, по ея мнѣнію, не оправдывались нашей дѣйствительностью, не хотѣла закрывать глаза на тѣ внутренніе общественные недостатки, вліяніе которыхъ не могло не сказаться —и дѣйствительно, къ сожалѣнію, сказалось—въ практическомъ исполненіи дѣла. Извѣстную долю этихъ недостатковъ видѣлъ и самъ Аксаковъ, и еслибы не былъ ослѣпленъ доктринерствомъ,—увидѣлъ бы во взглядахъ противниковъ, по крайней мѣрѣ, долю истины. Не менѣе его они дорожили развитіемъ общественной иниціативы и возможной свободы слова, расширеніемъ народной школы и грамотности, которая дала бы народу возможность болѣе сознательно относиться, напр., къ великимъ событіямъ въ своемъ отечествѣ, и т. д. Въ славянскомъ вопросѣ они видѣли и, сколько возможно, указывали много трудностей, спокойная оцѣнка которыхъ, со стороны Аксакова, помогла бы разъясненію его собственныхъ взглядовъ, больше сводила бы ихъ изъ теоретическихъ облаковъ въ область дѣйствительной жизни,—вѣроятно, умѣрила бы ихъ, приблизила къ истинѣ и, можетъ быть, предохранила отъ тѣхъ горькихъ разочарованій, которыя постигли его послѣ берлинскаго конгресса и сопровождали до конца его жизни [1]). Онъ предпочиталъ высокомѣрно пренебрегать всѣми отголосками общественнаго мнѣнія, выходившими отъ впередъ осужденной имъ стороны, усиливалъ тѣмъ исключительность своей теоріи и подрывалъ самое ея дѣй-

---

въ сторонѣ при всякомъ подъемѣ, при всякомъ порывѣ, при всякомъ серьезномъ, общемъ проявленіи національнаго духа, во всѣ великіе моменты русской исторіи" (стр. 372).

Корреспонденціи были всякія, и въ либеральныхъ, и въ не-либеральныхъ изданіяхъ, но когда въ этомъ случаѣ г. Боборыкинъ говорилъ: „мы", его мысли были только мыслями г. Боборыкина. Серьезная часть такъ-называемой либеральной печати говорила о всемъ этомъ дѣлѣ весьма иначе.—Наконецъ, Аксаковъ забылъ, что неоднажды были „выбрасываемы за бортъ" и сами славянофилы.

[1]) См., напр., статью въ „Руси" въ концѣ 1885 года: „Полное собр. соч.", стр. 720.

ствіе на умы общества. Его прозелиты, какъ нерѣдко бываетъ, повторяя его мысли, доводили ихъ до каррикатуры [1]).

Надо желать, чтобы нынѣшній томъ сочиненій Аксакова дошелъ до славянскихъ читателей разныхъ племенъ и вызвалъ со стороны ихъ критики внимательное изученіе; отзывы самихъ славянъ, которымъ Аксаковъ посвящалъ столько ревностной проповѣди, были бы чрезвычайно любопытны для всесторонней оцѣнки его теоріи.

А. Пыпинъ.

[1]) Недавно намъ случилось читать въ одномъ подобномъ изданіи, напр., такое объясненіе нынѣшнихъ болгарскихъ дѣлъ,—что „русскій народъ" освободилъ Болгарію, а „наша интеллигенція" дала ей Баттенберга. Безсмыслицѣ трудно идти дальше.

НОВЫЯ ТЕОРІИ
ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

I.

Любимый баловень нашей читающей публики, „великій писатель русской земли“, какъ назвалъ его Тургеневъ въ предсмертномъ письмѣ,—графъ Л. Н. Толстой сдѣлался теперь настоящею злобою дня. Въ обществѣ и въ печати только и слышны разговоры о Львѣ Толстомъ, объ его ученіяхъ и взглядахъ, объ его сказкахъ и дѣйствіяхъ. Никогда еще популярность писателя не достигала у насъ такихъ размѣровъ. Очевидно, Левъ Толстой далеко оставилъ за собою славу, пріобрѣтенную „Войною и Миромъ“ и „Анною Карениною“; онъ въ небывалой еще степени завладѣлъ вниманіемъ общества съ тѣхъ поръ, какъ занялся толкованіемъ Евангелія и сочиненіемъ нравоучительныхъ басенъ для взрослыхъ дѣтей. Онъ уже не просто писатель, хотя и знаменитый,—эту роль онъ отвергаетъ, какъ пагубную и лживую; онъ принялъ на себя болѣе высокую роль проповѣдника и пророка.

Критика поставлена была въ нѣкоторое затрудненіе относительно проповѣднической дѣятельности графа Л. Н. Толстого. Недавно мы разобрали существенныя части его „философіи“ [1]); замѣчанія, высказанныя нами, были бы вполнѣ достаточны, еслибы дѣло шло объ оцѣнкѣ разсужденій философскихъ или публицистическихъ, съ точки зрѣнія обыкновенной человѣческой логики.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, апрѣль 1886.

Но развѣ можетъ быть рѣчь о доказательствахъ, когда мы имѣемъ дѣло съ авторитетными вѣщаніями истины и съ прямыми призывами въ землю обѣтованную? Съ другой стороны, поучая насъ о томъ, какъ намъ жить и что́ намъ дѣлать, авторъ постоянно ссылается на свою собственную жизнь и на испытанные имъ способы душевнаго спасенія; отсюда возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній и вопросовъ чисто-личныхъ, которыхъ вообще не принято затрогивать въ печати. Обойти эту щекотливую сторону аргументаціи, повидимому, невозможно; а никому не хотѣлось бы сказать что-либо непріятное лично для художника, составляющаго красу и гордость современной русской литературы.

Почти всѣ наши журналы и газеты успѣли уже высказаться болѣе или менѣе подробно по поводу новѣйшихъ теорій графа Льва Толстого. Большинство, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслось къ этимъ теоріямъ отрицательно. Шумные восторги, нашедшіе себѣ откликъ въ книгѣ покойнаго Громеки, уступили мѣсто суровой критикѣ и рѣзкому осужденію. Только два-три изданія, печатающія изрѣдка статьи самого Л. Н. Толстого, продолжаютъ усердно истолковывать его идеи, связывая ихъ съ умственными движеніями XVI и XVIII вѣковъ, съ открытіемъ Америки Колумбомъ и съ тѣмъ „новымъ словомъ“, которое, раздавшись „изъ глубины Россіи“, должно обновить культурную жизнь человѣчества. Но и эти наивные поклонники „учителя“ въ нашей печати начинаютъ отказываться отъ солидарности съ отдѣльными его мнѣніями, въ виду явной ихъ невозможности.

Насколько круто обошлись съ поученіями Толстого нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, можно видѣть изъ немногихъ выдержекъ, приводимыхъ нами ниже. „Русская Мысль“, гдѣ печаталась „Исповѣдь“ въ восторженномъ изложеніи Громеки, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее, при обзорѣ содержанія XII тома сочиненій графа Л. Н. Толстого:

„...Всѣ такія рѣчи о прелестяхъ труда—не что иное, какъ беллетристика для людей того круга, который умираетъ отъ бездѣлья, а не серьезная проповѣдь настоящаго труда. Имѣя 6,000 дес. земли и 600 тысячъ рублей капитала, какъ гр. Толстой, по собственнымъ его признаніямъ, можно баловаться и шиломъ за сапожною работой, и скребкомъ за воздѣлываніемъ полей... можно раздѣлять свой день такъ, „чтобы одна часть дня была посвящена тяжелому труду“ скребкомъ для моціона; „другая—умственному“,—писанью о вредѣ денегъ, имѣя пятьдесятъ тысячъ годового дохода; „третья—ремесленному“,—баловству шиломъ въ компаніи съ сапожникомъ, и „четвертая — общенію съ людьми“, т.-е. устной проповѣди о воздержаніи передъ ужиномъ и о спасительности для души и тѣла соединенія пріятнаго съ полезнымъ. Очень хорошо! Превосходно! Только мнѣ некогда ни скребкомъ баловаться, ни играть въ водовозы и въ сапож-

ники, у меня нѣтъ десятинъ, нѣтъ и капиталовъ, а есть семья въ восемь душъ, которую кормить надо и обучить надо; некогда и моему сосѣду чиновнику,—жена больна и трое дѣтей, и знакомому переплетчику.... всѣмъ рабочимъ некогда и не до того имъ, чтобы дѣлить дни на „четыре упряжки" по числу „кормежекъ", изготовляемыхъ поварами и подаваемыхъ лакеями во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ... Какъ трудно богатому войти въ царство божіе (послѣдній эпиграфъ къ статьѣ „Мысли, вызванныя переписью") такъ же трудно богатому подавать совѣты бѣдняку-рабочему, поучать его, какъ жить и въ чемъ искать счастья... Нельзя играть въ рабочаго, въ бѣдняка. Въ Евангеліи сказано,—графъ Толстой любитъ указывать на ученіе Христа,—въ Евангеліи сказано: если хочешь быть совершеннымъ, продай имѣніе твое, раздай нищимъ и иди за мной. Но нигдѣ въ писаніи не сказано: отдавай земли внаймы и положи капиталы въ банкъ, или передай тѣ и другіе своей супругѣ и поучай о суетности и вредѣ богатства. Такимъ поученіямъ никто не вѣритъ, какъ бы талантливо и даже геніально они ни излагались... Что-же касается „правъ женщинъ", почитаемыхъ гр. Толстымъ „удивительною глупостью", и „разныхъ курсовъ", признаваемыхъ вредною затѣею, ведущею къ одуренію, то обо всемъ этомъ мы уже давно слышали точь-въ-точь тѣ-же мнѣнія и изъ того-же круга—отъ князя Мещерскаго въ „Гражданинѣ" („Р. М." 1886, іюнь, стр. 380—383).

Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" г. Н. М., въ рядѣ остроумныхъ замѣтокъ, осмѣиваетъ учительскія притязанія графа Л. Н. Толстого:

„Гр. Толстой, какъ Самсонъ, потрясаетъ мощными руками колонны зданія, а ликующіе филистимляне, продолжая поклоняться Дагону и Астартѣ, не гонятъ его, не бранятъ, а даже похваливаютъ: молодецъ Самсонъ! Должно быть, не страшна имъ мощь Самсона; должно быть, они увѣрены, что не расшатать ему колоннъ и не согнать Дагона и Астарты съ ихъ пьедесталовъ... Какъ! Гр. Толстой считаетъ свои прежнія сочиненія ложью и съ чистою совѣстью смотритъ, какъ эта ложь въ три-дорога распространяется и уловляетъ въ свои сѣти все новыя и новыя сердца? Гр. Толстой проповѣдуетъ мерзость балета и слышитъ аплодисменты балетомановъ „любовно и радостно"? Даетъ пинка холодѣющему уже трупу высшаго женскаго образованія и думаетъ что сразилъ зло въ благородной борьбѣ?... Какъ могло случиться, что демократическій, „народническій" писатель, какимъ принято считать гр. Толстого, какъ-бы проповѣдуетъ народу прелести рабства и батрачества? Безъ сомнѣнія, онъ намѣренно такой проповѣди не ведетъ. Онъ просто презираетъ жизнь со всѣми ея сложными формами. Онъ выстроилъ себѣ „келью подъ елью", куда разрѣшается ходить всѣмъ на поклоненіе и откуда самъ онъ презрительно выглядываетъ на весь божій міръ: рабы и свободные, батраки и самостоятельные хозяева,—какіе это все пустяки! Все—все равно, все—трынъ-трава, лишь-бы старца въ кельѣ подъ елью слушали, да злу не противились... Ужъ онъ, старецъ-то, лучше знаетъ, чѣмъ самъ рабъ или батракъ, чѣмъ сынъ убитой, братъ замученнаго. Куда-жъ имъ въ самомъ дѣлѣ знать? Они только въ батракахъ живутъ („только и заботы что хозяину служить"); у нихъ только мать убили, брата замучили, а онъ... онъ въ кельѣ подъ елью сидитъ!".. („С. В.", май, стр. 198, 206, и іюнь, стр. 216).

Г. Орестъ Миллеръ, извѣстный своею искренностью и прямодушіемъ, не находитъ ничего христіанскаго въ принципахъ

Л. Н. Толстого и рѣшительно возмущается ихъ внутреннею фальшью. По его словамъ, „съ точки зрѣнія Л. Н. Толстого въ исторіи христіанства—два періода: періодъ подложнаго христіанства или „вонючаго мѣшка", продолжающійся отъ апостольскихъ временъ до графа Л. Толстого, и настоящій періодъ — единаго истиннаго христіанства, начавшійся съ графа Л. Н. Толстого". Указавъ на множество противорѣчій и несообразностей во взглядахъ автора, проф. Миллеръ останавливается на его теоріи физическаго труда и затѣмъ продолжаетъ:

„И вотъ онъ шьетъ себѣ самъ сапоги, работаетъ въ полѣ и т. д. Но что если вспомнить при этомъ его же слова: „люди дѣлаютъ то, на что другіе и не думаютъ заявлять требованія, и требуютъ, чтобы ихъ кормили за это". Правда, гр. Левъ Николаевичъ не требуетъ, чтобы его кормили за его трудъ сапожника или пахаря (ему есть чѣмъ кормиться помимо этого труда); но едва-ли другіе заявляютъ требованіе на его сапожничій или пахарскій трудъ. Мы думаемъ даже, что еслибы многіе послѣдовали его примѣру, то какъ сапожники, такъ и пахари по профессіи могли бы усмотрѣть въ этомъ „одинъ только захватъ чужого труда сильнымъ", противъ чего возстаетъ онъ же самъ. Конечно, пока одинъ только гр. Толстой сапожничаетъ и пахарствуетъ, рабочій людъ можетъ снисходительно на это смотрѣть, какъ на пока безобидную барскую блажь. Внимательно вчитываясь въ то, что говоритъ онъ о физическомъ трудѣ, мы поняли только, что трудъ этотъ ему пріятенъ (именно пріятенъ), что онъ освѣжаетъ ему голову для новой умственной работы и вообще доставляетъ ему удовольствіе, что трудъ этотъ несомнѣнно ему здоровъ... Вообще, при всемъ нашемъ вниманіи, мы рѣшительно не могли у нашего автора вычитать, какое-же облегченіе отъ его физическаго труда будетъ для рабочаго люда? Вотъ онъ, напримѣръ, трудится въ потѣ лица надъ своимъ полемъ. Допустимъ, что вмѣстѣ съ нимъ будутъ трудиться и его жена, и его дѣти. Хватитъ-ли ихъ труда на все ихъ поле? Конечно, нѣтъ. Дѣло казалось бы просто: чего не смогутъ они, то можно предоставить чужому труду, наемному,—предоставить за хорошую плату, соотвѣтственную тягости труда, испытанной нанимателемъ на самомъ себѣ. Но вѣдь, по ученію графа Толстого, нанимать никого нельзя, платить за что бы то ни было—грѣхъ, самыя деньги—чортова злая выдумка. Изъ такого затруднительнаго положенія одинъ только выходъ. Надо вспомнить легенду Л. Н. Толстого о „зернѣ съ куриное яйцо". Такое зерно водилось тогда, когда „земля вольная была. Своею землю не звали. Своими только труды свои звали". Нашъ авторъ, чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ и искреннимъ, чтобы все договорить до конца, долженъ отсюда вывести примѣненіе и къ себѣ самому, къ своему положенію. Отсюда вѣдь слѣдуетъ, что онъ можетъ назвать своимъ лишь столько изъ своей земли, сколько сможетъ онъ обработать со своею семьею. Все остальное, на что не хватитъ ихъ собственнаго труда, онъ долженъ признать „вольною землею" и долженъ пустить на эту землю настоящій рабочій людъ, пустить неизбѣжно даромъ... Тогда и народъ увидитъ тутъ прокъ, а пока, глядя, какъ графъ въ полѣ трудится, трудится, допустимъ, и со всею своею семьею, народъ имѣлъ-бы полное право повторять съ Сютаевымъ: „эта ваша община — совсѣмъ пустая". Мы слышали, впрочемъ, будто-бы кто-то изъ народа уже и сказалъ: „умнѣющій

человѣкъ нашъ графъ, а юродствуетъ". Но едва-ли кто изъ народа прибавитъ, что это „юродство—Христа ради" („Новости", № 157, отъ 10 іюня).

Конечно, самъ Левъ Толстой далъ противъ себя оружіе своимъ оппонентамъ: онъ считаетъ деньги зломъ и раскаявается въ „Исповѣди" по поводу продажи его сочиненій за деньги, а между тѣмъ новое изданіе его продается за болѣе дорогую цѣну, и публику заставляютъ платить 18 рублей за одинъ XII томъ, не продающійся отдѣльно; онъ отвергаетъ собственность и богатство, восхваляетъ блага бѣдности и простого труда, проповѣдуетъ всѣмъ воздержаніе и работу на самихъ себя, а самъ остается крупнымъ землевладѣльцемъ и капиталистомъ, располагающимъ трудомъ и плодами чужихъ рукъ. Нѣтъ ничего легче, какъ уличать проповѣдника въ этихъ очевидныхъ для всякаго несоотвѣтствіяхъ между словомъ и дѣломъ, пользуясь его собственными признаніями. Но справедливо ли сводить вопросы, поднятые гр. Толстымъ, на личную полемику, на мелочные укоры и нападки? Кто можетъ быть судьею чужой жизни, даже имѣя въ рукахъ подробнѣйшую и чистосердечную исповѣдь? Многіе ли могутъ сказать, положа руку на сердце, что убѣжденія, проводимыя ими въ печати, примѣняются ими въ жизни съ полною послѣдовательностью? Мы видимъ сплошь и рядомъ, что люди, озабоченные общественными и народными интересами на словахъ, оказываются заурядными эгоистами на практикѣ; что проповѣдники соціальныхъ добродѣтелей руководятся самолюбіемъ и разными прозаическими соображеніями; и, однако, мы не удивляемся этому, зная хорошо, что идеальная чистота жизни и дѣйствительное согласіе ея съ исповѣдуемыми принципами составляетъ удѣлъ весьма рѣдкихъ натуръ, призванныхъ служить свѣточами и образцами для обыкновенныхъ смертныхъ. Разница между Львомъ Толстымъ и другими писателями заключается въ томъ, что первый раскрылъ предъ публикою свои душевные недуги и личныя слабости, а другіе не дѣлаютъ этого и, напротивъ, стараются, быть можетъ, выставлять себя передъ читателями въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Не нужно забывать, что графъ Л. Н. Толстой самъ неоднократно признается въ своемъ безсиліи и въ неспособности осуществить идеалъ, выработанный имъ на склонѣ лѣтъ. Нѣкоторые упреки, дѣлаемые Л. Н. Толстому, могли бы быть устранены весьма простымъ житейскимъ предположеніемъ. Если ближайшіе родственники, жена и дѣти, не раздѣляютъ идей о превосходствѣ бѣдности предъ богатствомъ и о презрѣніи къ деньгамъ, то всякая попытка раздать имущество или отказаться отъ возможныхъ доходовъ, въ ущербъ интересамъ семьи, повлекла бы за собою назначеніе опеки, по

существующимъ законамъ. Почему не допустить, что именно это обстоятельство лишаетъ автора безконтрольнаго права распоряжаться своимъ достояніемъ и своими доходами по личному усмотрѣнію? Л. Н. Толстой подлежитъ критикѣ не въ томъ, какъ онъ поступаетъ въ частной жизни, а въ томъ, что̀ онъ проводитъ въ своихъ поученіяхъ, какъ онъ противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу и какъ онъ пытается оправдать теоретическими доводами свои собственныя слабости и привычки.

Съ этой точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ личность графа Л. Н. Толстого, мы имѣемъ предъ собою двѣ задачи, представляющія несомнѣнный общій интересъ: во-первыхъ, въ чемъ заключается фактическое содержаніе нравственныхъ и соціальныхъ теорій знаменитаго художника, и, во-вторыхъ, чѣмъ объяснить необычайный успѣхъ его учительства въ нашемъ обществѣ? Первый вопросъ не могъ быть исчерпанъ нами въ прежней статьѣ, такъ какъ мы еще не имѣли тогда ни XII-го тома, вышедшаго позднѣе, ни второй части трактата: „Такъ что́-жъ намъ дѣлать?“, напечатанной въ этомъ томѣ только въ извлеченіи. Второй вопросъ касается нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ нашей жизни и требуетъ поэтому безпристрастнаго разбора.

II.

Весьма многое въ разсужденіяхъ графа Л. Н. Толстого становится понятнымъ и естественнымъ, если принять въ разсчетъ, что онъ началъ заниматься науками сравнительно недавно, и что въ этой области онъ соединяетъ въ себѣ характерныя черты новичка и самоучки. Заглянувъ въ обширный храмъ науки, онъ съ чутьемъ художника схватываетъ внѣшнія особенности зданія и, какъ человѣкъ свѣжій, дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ и мѣткихъ наблюденій; но въ то же время онъ не можетъ оріентироваться въ непривычномъ ему мірѣ, не различаетъ главнаго отъ второстепеннаго, общепризнанныхъ положеній—отъ спорныхъ, видитъ науку въ каждой ученой книгѣ и въ каждой отдѣльной теоріи, открываетъ вновь азбучныя истины и такимъ образомъ постоянно попадаетъ въ просакъ.

Замѣтивъ, что извѣстныя доктрины направлены какъ будто къ оправданію существующаго угнетенія рабочаго класса, графъ Л. Н. Толстой рѣшаетъ, что „главная дѣятельность всего того, что̀ называлось въ извѣстное время наукою, что́ составляло царствующее направленіе науки, было и теперь продолжаетъ состоять въ

отысканіи такихъ оправданій". Всѣ эти теоріи,—говоритъ авторъ, —„какъ всегда это бываетъ, вырабатываются въ таинственныхъ капищахъ жрецовъ и въ неопредѣленныхъ, неясныхъ выраженіяхъ распространяются въ массахъ и усвоиваются ими. Какъ въ старину всѣ тонкости богословскія оставались спеціальнымъ достояніемъ жрецовъ... такъ потомъ философскія и юридическія тонкости такъ-называемой науки были достояніемъ жрецовъ этой науки, а въ толпѣ ходили только принимаемые на вѣру выводы о томъ, что устройство общества должно быть такое, какое есть, а иного быть не можетъ. И такъ же и теперь только въ капищахъ жрецовъ разбираются законы жизни и развитія организмовъ; въ толпѣ же ходятъ принимаемые на вѣру выводы о томъ, что раздѣленіе труда есть законъ, утвержденный наукою, и что такъ и надо: однимъ—умирать съ голода и работать, а другимъ—вѣчно праздновать, и что эта-то самая гибель однихъ и празднованіе другихъ есть несомнѣнный законъ жизни человѣка, которому должно подчиняться". Главными виновниками и дѣятелями такого порядка вещей являются теперь такъ-называемые образованные люди. „Ходячее оправданіе въ ихъ праздности, въ массѣ всѣхъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей съ ихъ разнообразными дѣятельностями и отъ желѣзнодорожника до писателя и художника, теперь такое: мы, люди, освободившіе себя отъ общечеловѣческой обязанности участія въ борьбѣ за существованіе, служимъ прогрессу и тѣмъ самымъ приносимъ пользу всему обществу людей,—пользу, выкупающую весь тотъ вредъ, который дѣлается тому же народу потребленіемъ его трудовъ... Мы увольняемъ себя отъ труда, пользуемся трудомъ другихъ, и тѣмъ отягчаемъ положеніе нашихъ братій и утверждаемъ, что взамѣнъ этого мы приносимъ имъ большую пользу, въ которой они по невѣжеству не могутъ быть судьями... Это-то положеніе однихъ людей, насилующихъ другихъ, какъ прежде, такъ и теперь, служитъ основою всего. Разница такого оправданія отъ самаго стариннаго только въ томъ, что оно болѣе ложно и менѣе основательно, чѣмъ прежнее... Неработающіе руками, образованные люди нашего времени, признавая равенство людей, не могутъ уже объяснить, почему именно они и ихъ дѣти (потому что и образованіе получается только деньгами — властью) — тѣ избранные счастливцы, которые призваны приносить невещественную, легкую пользу, а не другіе люди изъ тѣхъ милліоновъ, которые сотнями и тысячами гибнутъ, поддерживая ихъ возможность образованія". Если же образованные люди стараются распространить образованіе въ народѣ и облегчить для неимущихъ доступъ въ число „избран-

ныхъ счастливцевъ", то это составляетъ уже непозволительное противодѣйствіе мнѣніямъ и желаніямъ самихъ рабочихъ. „Рабочій человѣкъ—по увѣренію автора—такъ опредѣленно смотритъ на эту дѣятельность (образованныхъ людей), какъ на вредъ, что не отдаетъ своихъ дѣтей учиться, и что для принужденія народа къ принятію этой дѣятельности нужно было ввести вездѣ законъ объ обязательномъ посѣщеніи школъ. Рабочій человѣкъ смотритъ всегда на эту дѣятельность враждебно и перестаетъ относиться къ ней такъ только тогда, когда онъ перестаетъ самъ быть рабочимъ человѣкомъ и посредствомъ наживы и потомъ такъ-называемаго образованія изъ среды рабочихъ людей переходитъ въ классъ людей, живущихъ на шеѣ другихъ".

Графъ Л. Н. Толстой совершенно не признаетъ другого труда, кромѣ физическаго и притомъ лишь земледѣльческаго и отчасти ремесленнаго; умственный трудъ для него не существуетъ, и люди, занятые имъ, суть праздные люди, сидящіе на шеѣ другихъ. Пахарь, работающій при помощи хорошаго плуга,—настоящій рабочій; а механикъ, придумавшій устройство этого плуга и указавшій, какъ его сдѣлать,—человѣкъ праздный. Каменьщики и плотники, строящіе домъ для жилья,—рабочіе люди; а архитекторъ, составившій планъ дома и заправляющій работами по постройкѣ,—человѣкъ праздный. Кочегаръ на желѣзной дорогѣ—рабочій, а техники-инженеры, начальники станцій, безъ участія которыхъ не было бы желѣзно дорожнаго движенія,—люди праздные. Наборщикъ, печатающій книгу,—человѣкъ трудящійся, а писатель, сочинившій книгу,—человѣкъ праздный. Авторъ не даетъ себѣ труда привести какое-либо объясненіе, почему умственная работа должна быть исключена изъ обычныхъ понятій о трудѣ. Онъ просто принялъ житейскій смыслъ слова „рабочій" за исходную точку, и всѣхъ, не подходящихъ подъ этотъ терминъ, зачислилъ въ разрядъ „праздныхъ", такъ что для умственнаго труда не осталось мѣста. Пріемъ—замѣчательно простой, не имѣющій ничего общаго ни съ какой наукой, и при его помощи можно легко дойти до какихъ угодно выводовъ. Что сами рабочіе считаютъ образованіе вреднымъ и не видятъ пользы въ умственномъ трудѣ—это болѣе чѣмъ сомнительно, вопреки свидѣтельству графа Л. Н. Толстого. Народъ не такъ слѣпъ, чтобы не видѣть важности техническихъ и научныхъ знаній; онъ не назоветъ пустымъ дѣломъ занятіе врача, инженера, архитектора, производителя земледѣльческихъ орудій, сочинителя полезныхъ или душеспасительныхъ книжекъ. Любопытно, что авторъ не только отрицаетъ умственный трудъ, но и извращаетъ самое понятіе о немъ, чтобы

выставить его почему-то въ смѣшномъ видѣ. Въ сказкѣ объ Иванѣ-муракѣ графъ Толстой слѣдующимъ образомъ описываетъ приключенія „стараго дьявола", который подъ видомъ „чистаго господина" пожелалъ работать головою:

„Обидѣлся старый дьяволъ, что его у царя (Ивана-дурака) со свиньями кормить хотятъ. Сталъ Ивану говорить: дурацкій, говоритъ, у тебя законъ въ царствѣ, чтобы всѣмъ людямъ руками работать. Это вы по глупости придумали. Развѣ однѣми руками люди работаютъ?—Ты думаешь, чѣмъ умные люди работаютъ?

А Иванъ говоритъ: гдѣ намъ, дуракамъ знать; мы все норовимъ больше руками да горбомъ.

— Это оттого, что вы дураки. А я, говоритъ, научу васъ, какъ головой работать,—тогда вы узнаете, что головой работать спорѣе, чѣмъ руками.

Удивился Иванъ.—Ну? говоритъ: не даромъ насъ дураками зовутъ.

И сталъ старый дьяволъ говорить: — Только не легко, говоритъ, и головой работать. Вы, вотъ, мнѣ ѣсть не даете оттого, что у меня нѣтъ мозолей на рукахъ, а того не знаете, что головой во сто разъ труднѣе работать. Другой разъ и голова трещитъ.

Задумался Иванъ. — Зачѣмъ-же ты, говоритъ, сердечный, такъ себя мучаешь? Развѣ легко, какъ голова затрещитъ? Ты бы ужъ лучше легкую дѣлалъ работу—руками да горбомъ.

А дьяволъ говоритъ:—Затѣмъ я себя и мучаю, что я васъ, дураковъ, жалѣю. Кабы я себя не мучилъ, вы бы вѣкъ дураками были. А я головой поработалъ, теперь и васъ научу.

Подивился Иванъ:—Научи, говоритъ, а то другой разъ руки уморятся, такъ ихъ головой перемѣнить.

И обѣщался дьяволъ научить.—И повѣстилъ Иванъ по всему царству, что проявился господинъ чистый и будетъ всѣхъ учить, какъ головой работать, и что головой можно выработать больше, чѣмъ руками, — чтобы приходили учиться.

Была въ Ивановомъ царствѣ каланча высокая построена, и на нее лѣстница прямая, а наверху—вышка. И свелъ Иванъ туда господина, чтобы ему на виду быть.

Сталъ господинъ на каланчу, и началъ оттуда говорить. А дураки собрались смотрѣть. Дураки думали, что господинъ станетъ на дѣлѣ показывать, какъ безъ рукъ головой работать. А старый дьяволъ только на словахъ училъ, какъ не работамши прожить можно.

Не поняли ничего дураки. Посмотрѣли, посмотрѣли и разошлись по своимъ дѣламъ.

Простоялъ старый дьяволъ день на каланчѣ, простоялъ другой—все говорилъ. Захотѣлось ему ѣсть. А дураки и не догадались ему на каланчу хлѣба принесть. Они думали, что если онъ головой можетъ лучше рукъ работать, такъ ужъ хлѣба-то себѣ шутя головой добудетъ. Простоялъ и другой день старый дьяволъ на вышкѣ, все говорилъ. А народъ подойдетъ, — посмотритъ, посмотритъ, и разойдется.

Спрашиваетъ и Иванъ: — Ну что, господинъ—началъ-ли головой работать?

- Нѣтъ еще, говорятъ, все еще лопочетъ.

Простоялъ еще день старый дьяволъ на вышкѣ, и сталъ слабѣть;—пошат-

нулся, разъ и стукнулся головой объ столбъ. Увидалъ одинъ дуракъ, сказалъ Ивановой женѣ, а Иванова жена прибѣжала къ мужу на пашню.

— Пойдемъ, говоритъ, смотрѣть: говорятъ, господинъ зачинаетъ головой работать.—Подивился Иванъ.—Ну? говоритъ. Завернулъ лошадь, пошелъ къ каланчѣ. Приходитъ къ каланчѣ, а старый дьяволъ уже вовсе съ голоду ослабѣлъ, сталъ пошатываться, головой объ столбы постукивать. Только подошелъ Иванъ, спотыкнулся дьяволъ, упалъ и загремѣлъ подъ лѣстницу торчмя головой: всѣ ступеньки пересчиталъ.

— Ну,—говоритъ Иванъ: — правду сказалъ господинъ чистый, что другой разъ и голова затрещитъ,—это не то что мозоли; отъ такой работы желваки на головѣ будутъ.—Свалился старый дьяволъ подъ лѣстницу и уткнулся головою въ землю. Хотѣлъ Иванъ подойти—посмотрѣть, много-ли онъ наработалъ,—вдругъ разступилась земля, и провалился старый дьяволъ сквозь землю, только дыра осталась".

Эта остроумная сатира на умственный трудъ вызвана, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мнѣнію автора, у насъ слишкомъ много работаютъ головою. Удивительное вообще чутье у Л. Н. Толстого! Онъ нашелъ, что у насъ мало смиренія, и проповѣдуетъ смиренное нищенство; онъ полагаетъ, что у насъ слишкомъ дѣятельно противятся злу, и проповѣдуетъ непротивленіе; онъ замѣтилъ, что умственный трудъ подавляетъ русское общество, и онъ спѣшитъ возстать противъ господства головной работы. Онъ сопоставляетъ различные виды дѣятельности съ точки зрѣнія пользы, признаваемой за ними народомъ, и оказывается, что представителямъ наукъ и искусствъ принадлежитъ самое послѣднее мѣсто. Авторъ ставитъ себѣ вопросъ: признается ли рабочими людьми, всѣми ими или хотя большинствомъ ихъ, та польза, которая приносится имъ наукою и искусствомъ? „Отвѣтъ—по словамъ Л. Н. Толстого—будетъ самый плачевный. Дѣятельность государственныхъ и церковныхъ людей признается полезною въ принципѣ почти всѣми и въ приложеніяхъ большею половиною тѣхъ рабочихъ людей, на которыхъ она направлена; дѣятельность промышленныхъ людей признается полезною небольшимъ числомъ рабочихъ людей; дѣятельность же людей науки и искусства не признается полезною никѣмъ (?) изъ рабочихъ людей. Польза этой дѣятельности признается только тѣми, которые ее производятъ или желаютъ производить. Рабочій народъ—тотъ самый народъ, который несетъ на своихъ плечахъ весь трудъ жизни и кормитъ, и одѣваетъ людей наукъ и искусствъ, не можетъ признавать дѣятельность этихъ людей полезною для себя, потому что не можетъ имѣть даже никакого представленія объ этой столь полезной для него дѣятельности. Дѣятельность эта всегда представляется рабочему народу безполезною и даже развращающею. Такъ безъ исключенія относится рабочій народъ

къ университетамъ, библіотекамъ, консерваторіямъ, картиннымъ, скульптурнымъ галлереямъ и театрамъ, строимымъ на его счетъ... И несмотря на то, что польза дѣятельности людей науки и искусства не признается и даже не можетъ быть признаваема никѣмъ изъ рабочихъ людей, рабочіе люди все-таки принуждаются къ жертвамъ въ пользу этой дѣятельности". Авторъ не предлагаетъ, однако, закрыть университеты, библіотеки и пр.,—онъ возстаетъ, повидимому, уже не противъ размноженія „праздныхъ" ученыхъ людей, уволившихъ себя отъ земледѣльческаго труда, а противъ содержанія этихъ людей и учрежденій на народный счетъ. Мысль—далеко не новая, сводящаяся, въ сущности, къ тому, чтобы общественныя повинности были справедливо распредѣлены въ обществѣ и чтобы отдѣльные классы народа давали средства только на тѣ учрежденія, въ которыхъ они сами нуждаются и которыми непосредственно пользуются. Графъ Л. Н. Толстой забываетъ, что настоятельныя требованія экономической и финансовой реформы для улучшенія быта рабочихъ массъ заявляются именно изъ среды „образованныхъ людей", представителей науки и литературы. Еслибы хоть часть этихъ требованій и надеждъ осуществилась, то легко нашлись бы уже новыя средства для скромнаго бюджета народнаго просвѣщенія, о тягостяхъ котораго такъ несоразмѣрно много разсуждаетъ авторъ.

Роль ученыхъ дѣятелей выходитъ у Л. Н. Толстого гораздо хуже и хитрѣе, чѣмъ положеніе другихъ угнетателей народа. „Человѣкъ науки и искусства какъ будто ни къ чему не принуждаетъ,—онъ только предлагаетъ свой товаръ тѣмъ, которые хотятъ взять его; но чтобы производить свой, нежелательный для рабочаго народа, товаръ, онъ отбираетъ отъ народа насильно, черезъ государственныхъ людей, большую долю его труда на постройки и содержаніе академій, университетовъ, гимназій, школъ, музеевъ, библіотекъ, консерваторій и на жалованье людямъ наукъ и искусствъ. Если же мы спросимъ людей наукъ и искусствъ о цѣли, которую они преслѣдуютъ въ своей дѣятельности, то тутъ получаются самые удивительные отвѣты. Государственный человѣкъ могъ отвѣчать, что цѣль его есть общая польза, и въ отвѣтѣ его была доля правды, подтверждаемая общественнымъ мнѣніемъ. Въ отвѣтѣ же промышленнаго человѣка о томъ, что цѣль его—общественное благо, было менѣе вѣроятности, но все-таки можно было допустить и это. Отвѣтъ же людей науки и искусствъ сразу поражаетъ бездоказательностью и дерзостью (!). Люди наукъ и искусствъ говорятъ, не приводя на то никакихъ доказательствъ, совершенно подобно тому, какъ говорили это жрецы въ старину,

что ихъ дѣятельность самая важная и нужная для всѣхъ людей, и что безъ этой дѣятельности погибнетъ все человѣчество (?)... Такъ что въ то время, какъ государственный искренній человѣкъ, признавая, что главный мотивъ его дѣятельности есть личныя побужденія, старается сколь возможно болѣе быть полезнымъ рабочимъ людямъ, промышленный человѣкъ, признавая эгоистичность своей дѣятельности, старается придать ей характеръ общаго дѣла,—люди наукъ и искусствъ и не считаютъ нужнымъ прикрываться стремленіемъ къ пользѣ; они даже отрицаютъ цѣль полезности,—такъ они увѣрены не то, что въ полезности, но даже въ святости своего занятія. И вотъ оказывается, что третій отдѣлъ людей, уволившихъ себя отъ труда и наложившихъ его на другихъ людей, занимается предметами, которые совершенно непонятны рабочему народу и которые этотъ народъ считаетъ пустяками и часто вредными пустяками; и занимается онъ этими предметами безъ всякаго соображенія о пользѣ людей, а только для своего удовольствія, вполнѣ почему-то увѣренный, что его дѣятельность всегда будетъ такая, безъ которой нельзя жить рабочимъ людямъ".

Невозможно понять, о какихъ наукахъ говорится въ этой каррикатурной характеристикѣ, напоминающей сказку о нелѣпой головной работѣ „чистаго господина" въ царствѣ Ивана-дурака. Наука безъ цѣли, безъ пользы, „для своего удовольствія",—это просто выдумка графа Л. Н. Толстого. Даже съ точки зрѣнія автора существуетъ опредѣленная цѣль у большинства наукъ — оправданіе господствующаго зла; „это было цѣлью,—какъ утверждаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—дѣятельности богословскихъ, это было цѣлью и юридическихъ наукъ, это было цѣлью такъ-называемой философіи, и это стало, въ послѣднее время, цѣлью дѣятельности современной опытной науки". Въ частности, „столь любимыя теперь антропологія, біологія и соціологія — имѣютъ одну эту цѣль". Всѣ эти науки „стали любимыми науками потому, что онѣ всѣ служатъ оправданію существующаго освобожденія себя одними людьми отъ человѣческой обязанности труда и поглощенія ими труда другихъ". И здѣсь идетъ рѣчь о какихъ-то фантастическихъ наукахъ, придуманныхъ спеціально Л. Н. Толстымъ для болѣе легкаго ихъ посрамленія, — ибо извѣстныя намъ отрасли знанія, въ родѣ математики, физики, химіи, физіологіи, даже антропологіи и соціальныхъ наукъ, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго ни съ оправданіями человѣческихъ несправедливостей, ни съ безцѣльными таинствами жрецовъ, производимыми „для своего удовольствія". Автору попались на глаза

нѣкоторыя одностороннія ученія съ оправдательною тенденціею или чрезмѣрныя спеціальныя тонкости, кажущіяся ему излишними, и онъ прямо отнесъ къ наукѣ такіе недостатки, которые свойственны немногимъ отдѣльнымъ ученымъ въ области нѣкоторыхъ лишь спеціальностей. Сказать, что философскія и общественныя науки стремятся убѣдить людей, что „устройство общества должно быть такое, какое есть, и иного быть не можетъ",—значитъ не имѣть никакого понятія объ этихъ наукахъ или судить о нихъ по двумъ-тремъ случайно попавшимся книжкамъ. Вѣдь еслибы это было такъ, какъ говоритъ Л. Н. Толстой, то указанныя науки пользовались бы особымъ покровительствомъ, и преподаваніе ихъ въ университетахъ не подвергалось бы никакимъ ограниченіямъ. Всякій знаетъ, что серьезная критика общественнаго устройства исходитъ только отъ соціальныхъ и философскихъ наукъ, опираясь на добытые ими наблюденія и выводы; и только незнаніе поддерживаетъ въ людяхъ увѣренность, что данный порядокъ вещей есть единственно возможный и разумный. То, что̀ авторъ высказываетъ по поводу философіи Гегеля и его послѣдователей, свидѣтельствуетъ наглядно, что изъ всей этой философіи онъ знаетъ только одну избитую фразу и даже полу-фразу, что „все дѣйствительное—разумно" (вторая половина фразы—„а все разумное дѣйствительно"—затерялась при частой передачѣ изъ десятыхъ и сотыхъ рукъ). Достаточно только вспомнить, кто были гегеліанцы на Западѣ и у насъ, какіе дѣятели принадлежали къ ихъ числу (Марксъ, Лассаль, отчасти еще Прудонъ и другіе),—чтобы отбросить нелѣпое мнѣніе, что весь смыслъ философіи Гегеля заключался лишь въ оправданіи существующаго. А графъ Л. Толстой хочетъ увѣрить насъ, что „наши Станкевичи, Бѣлинскіе" увлекались Гегелемъ только потому, что „проповѣдуемыя ученія оправдывали людей въ ихъ дурной жизни"! Такъ же точно объ Огюстѣ Контѣ авторъ судитъ какъ будто по наслышкѣ; это видно уже изъ того, что главный смыслъ ученія Конта онъ находитъ въ принятіи общества за организмъ. Онъ разсуждаетъ о Гербе́ртѣ Спенсерѣ въ такомъ тонѣ, какъ будто доктрина Спенсера и вся современная наука—одно и то же. Графъ Л. Н. Толстой не знаетъ того общеизвѣстнаго факта, что философія Конта признается истинною только небольшою группою позитивистовъ, что взгляды Спенсера далеко не всегда раздѣляются большинствомъ современныхъ ученыхъ и что вообще въ наукѣ есть много различныхъ системъ и направленій, между которыми продолжается еще научный споръ.

Графъ Л. Н. Толстой по своему изображаетъ и исторію, по-

добно тому, какъ онъ создалъ небывалую „науку“, которую и бичуетъ съ легкостью военнаго человѣка. По исторіи автора, еще очень недавно, до французской революціи, „только три сословія: духовенство, правители и военные—считали себя въ правѣ пользоваться трудомъ рабочихъ и могли всегда выставить свою службу народу; остальные богатые люди, не имѣвшіе этого оправданія, были презираемы и, чувствуя свою неправоту, стыдились (?) своего богатства и праздности“. Впослѣдствіи „этотъ классъ богатыхъ людей, непричастныхъ ни правительству, ни войску, благодаря порокамъ трехъ сословій, размножился и сдѣлался силою, и этимъ людямъ понадобилось оправданіе“. И оправданіе явилось въ лицѣ науки и цивилизаціи. Теперь господство принадлежитъ... „ученымъ и художникамъ“, на которыхъ именно и опираются высшіе классы, по замѣчательному наблюденію Льва Толстого. „И что̀ удивительно,—меланхолически разсуждаетъ авторъ,—это то, что эти новые люди, тѣ самые, законность освобожденія отъ труда которыхъ такъ недавно еще не признавалась, теперь одни считаютъ себя вполнѣ оправданными и нападаютъ на прежнія три сословія: слугъ церкви, государства и войска, признавая ихъ освобожденіе отъ труда несправедливымъ и даже дѣятельность ихъ иногда прямо вредною... Богатый человѣкъ и думать, и говорить долженъ языкомъ научнымъ, и ему, какъ прежде духовенству—теперь нужно приносить жертвы царствующему сословію; онъ долженъ издавать журналы, книги, завести галлерею, музыкальное общество или дѣтскій садъ, или техническія школы. Царствующее же сословіе есть сословіе ученыхъ (!) и художниковъ извѣстнаго направленія; они имѣютъ полное оправданіе своего освобожденія (?) отъ труда, и на ихъ оправданіи, какъ прежде на богословскомъ, потомъ на философскомъ, теперь зиждется всякое оправданіе, и они-то раздаютъ теперь другимъ сословіямъ дипломы на оправданіе. Сословіе, теперь имѣющее полное оправданіе въ своемъ освобожденіи отъ труда (физическаго только?), есть сословіе людей науки, и преимущественно науки опытной, позитивной, критической, эволюціонной, и сословіе художниковъ, дѣйствующихъ въ этомъ направленіи“. Графъ Л. Н. Толстой нашелъ, что слишкомъ много власти взяла у насъ наука и что ученые люди завладѣли обществомъ, — и онъ возстаетъ противъ этихъ излишествъ умственнаго труда, подобно тому, какъ онъ возставалъ ранѣе противъ чрезмѣрнаго противленія злу и противъ недостатка смиренія. Пользуясь правомъ художника, онъ видитъ то, чего нѣтъ въ дѣйствительности,—онъ видитъ прямо противоположное тому, что̀ видимъ мы всѣ, и вступаетъ въ борьбу съ тѣмъ, что̀

и безъ того находится въ полномъ загонѣ въ современномъ нашемъ обществѣ.

Было бы слишкомъ скучно останавливаться на удивительныхъ открытіяхъ, дѣлаемыхъ авторомъ въ чуждой ему сферѣ науки. Самоувѣренная небрежность, съ какою оцѣниваются научныя теоріи и цѣлыя обширныя науки, можетъ вызвать только улыбку у людей, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ наукѣ. Ученіе Дарвина, составляющее понынѣ предметъ спеціальныхъ изслѣдованій и споровъ, разбивается авторомъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ одно изъ „праздныхъ играній мысли людей такъ-называемой науки" (!). Вся эта теорія, по мнѣнію Л. Н. Толстого, сводится къ тому, что „въ очень долгій промежутокъ времени, въ милліонъ лѣтъ, напримѣръ, не только рыба и утка могли произойти отъ одного и того же предка, но и одинъ организмъ могъ произойти изъ многихъ отдѣльныхъ организмовъ, такъ что, напримѣръ, изъ роя пчелъ можетъ сдѣлаться одно животное... Теорія эволюціи (развитія), говоря простымъ языкомъ, утверждаетъ только то, что, по случайности, въ безконечно долгое время, изъ чего хотите, можетъ выйти все, что́ хотите". Въ такомъ упрощенномъ изложеніи самые трудные научные вопросы представляются лишь „праздными играніями мысли". Далѣе рисуется уже картина, бросающая свѣтъ на современное научное вѣроученіе: „Двѣ шаткія, не стоящія на своихъ ногахъ теоріи (позитивизмъ и дарвинизмъ) подперли другъ друга и получили подобіе устойчивости. Обѣ теоріи несли въ себѣ тотъ драгоцѣнный для толпы смыслъ, что въ существующемъ злѣ человѣческихъ обществъ невиноваты люди, и что существующій порядокъ есть тотъ самый, который и долженъ быть, а новая теорія была принята толпою въ томъ смыслѣ, въ какомъ она нужна была, съ полною вѣрою и неслыханнымъ восторгомъ. И вотъ, на этихъ двухъ произвольныхъ и неправильныхъ положеніяхъ, принятыхъ какъ догматы, утвердилось новое научное вѣроученіе". По описанію автора выходитъ, что послѣдователи Конта и Дарвина не только не были прогрессистами, какъ думали всѣ до сихъ поръ, а, напротивъ, были усердными охранителями существующихъ порядковъ, чего никто и не подозрѣвалъ. Какъ могло произойти столь странное недоразумѣніе, въ которомъ понынѣ пребывали сами дарвинисты и ихъ противники, — этого не объясняетъ гр. Л. Н. Толстой.

Наука, по мнѣнію автора, отвѣтственна не только за взгляды отдѣльныхъ ученыхъ, но и за факты, которые она наблюдаетъ и изслѣдуетъ. Наука виновата въ томъ, что существуетъ раздѣленіе труда, при которомъ одни празднуютъ и наслаждаются, а

другіе работаютъ и бѣдствуютъ. Ибо „стоитъ только разсматривать человѣческое общество, какъ предметъ наблюденія, и можно спокойно пожирать труды другихъ, гибнущихъ людей, утѣшая себя мыслью, что моя дѣятельность танцора, адвоката, доктора, философа и т. п. есть функціональная дѣятельность организма человѣчества", подобно тому, какъ существуетъ раздѣленіе труда между мозговой клѣточкой и мускульною. Неправильное распредѣленіе богатствъ все болѣе увеличивается: въ этомъ виноваты ученые и художники. „Люди наукъ и искусствъ,—говоритъ Л. Н. Толстой,—дѣлаютъ видъ, что они очень сожалѣютъ объ этомъ независящемъ отъ нихъ обстоятельствѣ. Но это несчастное обстоятельство производится ими самими (!), потому что возникаетъ это неправильное распредѣленіе богатствъ только изъ теоріи раздѣленія труда, проповѣдуемаго людьми науки и искусства; наука отстаиваетъ раздѣленіе труда, какъ законъ неизмѣнный, видитъ, что распредѣленіе богатствъ, основывающееся на раздѣленіи труда, неправильно и гибельно, и утверждаетъ, что ея дѣятельность, признающая раздѣленіе труда, приведетъ людей къ благу". И такъ, не будь теоріи, объясняющей раздѣленіе труда, не было бы и самаго раздѣленія труда и вытекающихъ изъ него послѣдствій. Ученые сами производятъ ту печальную дѣйствительность, которую они изучаютъ, оправдываютъ или критикуютъ: открытіе по истинѣ замѣчательное! Не въ этомъ ли смыслѣ разумѣетъ авторъ владычество ученыхъ въ современныхъ обществахъ? Что касается раздѣленія труда, то пагубныя его стороны давно и подробно объяснены въ той самой наукѣ, которой авторъ почему-то приписалъ роль безусловной защитницы существующаго раздѣленія труда. Ученая литература, посвященная анализу и критикѣ существующаго, должна быть отнесена къ наукѣ, по меньшей мѣрѣ, съ такимъ же правомъ, какъ и тѣ оправдательныя теоріи, которыя авторъ принялъ за самое содержаніе науки.

Графъ Л. Н. Толстой очень остроумно смѣется надъ наукою. „Какъ только папы почувствовали,—замѣчаетъ онъ,—что въ нихъ ничего не осталось святого, такъ они сейчасъ-же назвали себя святѣйшими. Какъ только наука почувствовала, что въ ней не осталось ничего здравомыслящаго, такъ она назвала себя здравомыслящей, т.-е. научной наукой". Но авторъ, конечно, не противникъ науки; онъ заранѣе устраняетъ возможность подобнаго обвиненія. „Я не только не отрицаю науку и искусство,—говоритъ онъ,—но я только во имя того, что есть истинная наука и истинное искусство, говорю то, что я говорю,—только для того, чтобы была возможность человѣчеству выйти изъ того дикаго состоянія, въ

которое оно быстро впадаетъ, благодаря ложному ученію нашего времени. Наука и искусство такъ же необходимы для людей, какъ пища, питье и одежда,—даже необходимѣе; но они дѣлаются таковыми не потому, что мы рѣшимъ, что то, что̀ мы называемъ наукой и искусствомъ, необходимо, а только потому, что они дѣйствительно необходимы людямъ". Никто и не думалъ бы считать Льва Толстого врагомъ истинной науки; мы скорѣе склонны думать, что онъ просто не имѣетъ вѣрнаго взгляда на науку и смѣшиваетъ ее то съ различными теоріями отдѣльныхъ ученыхъ, то съ самыми явленіями, изучаемыми ею. Вмѣсто того, чтобы сказать: Контъ или Спенсеръ ошибочно утверждаютъ то-то, онъ говоритъ: „наука проповѣдуетъ то-то". Обобщая погрѣшности той или другой доктрины, онъ поступаетъ какъ профанъ, для котораго каждая ученая книга есть вмѣстилище науки. Онъ забываетъ, что сама наука даетъ матеріалъ для провѣрки сомнительныхъ теорій и для опроверженія ложныхъ; такъ и для правильной оцѣнки системы Конта или Спенсера имѣются данныя въ спеціальной литературѣ, которую авторъ отдѣляетъ какъ будто отъ науки. Гр. Толстой не только смѣшиваетъ теоретическія науки съ прикладными, но даже предъявляетъ къ нимъ требованія, имѣющія смыслъ только по отношенію къ ремесламъ. Тутъ уже обнаруживается полная путаница понятій. „Всѣ ученые,—читаемъ мы,—заняты своими жреческими занятіями, изъ которыхъ выходятъ изслѣдованія о протоплазмахъ, спектральные анализы звѣздъ и т. п. А какимъ топоромъ, какимъ топорищемъ выгоднѣе что̀ рубить; какая пила самая спорая; какъ мѣсить лучше хлѣбы, изъ какой муки, какъ ставить ихъ, какъ топить, строить печи, какая пища, какое питье, какая посуда, какіе грибы можно ѣсть, и какъ ихъ приготовить удобнѣе,—про это наука никогда и не думала (?). А вѣдь это все—дѣло науки". Для топоровъ и пилъ есть спеціальныя мастерскія, гдѣ примѣняются правила физики и механики; для печей и посуды есть особые техники, пользующіеся научными свѣдѣніями; для пищи есть гигіена, діэтетика, кулинарное искусство. Какая же еще наука должна заниматься всѣми этими дѣлами? Наука даетъ тѣ знанія, безъ которыхъ нельзя обойтись при устройствѣ печей, при приготовленіи топоровъ, пилъ, хлѣба и т. п.,—а гр. Толстой увѣряетъ, что она тутъ ни-при-чемъ, что она занята лишь протоплазмами, и т. п. Почему, говоря о топорѣ, пилѣ и подобныхъ вещахъ, авторъ вспомнилъ не о физикѣ и механикѣ, которыхъ эти предметы ближе всего касаются, а о наукахъ совершенно постороннихъ—біологіи, астрономіи? Каждая наука имѣетъ свою спеціальность, и нелѣпо обра-

щаться за топоромъ или за врачебнымъ совѣтомъ къ химику или астроному,—такъ что въ этомъ случаѣ авторъ смѣется надъ самимъ собою. Мы не говоримъ уже о предположеніи, что наука будто-бы „никогда и не думала“ о техническихъ усовершенствованіяхъ,—точно не существуетъ различія между самодѣльною мужицкою сохою и усовершенствованными издѣліями мастерскихъ, устроенныхъ на научныхъ основаніяхъ.

„Я знаю,—продолжаетъ авторъ свою филиппику столь же мѣтко и съ такимъ же подобіемъ основательности,—что по своему опредѣленію наука должна быть безполезна (?); но вѣдь это очевидная отговорка и слишкомъ наглая (sic). Дѣло науки—служить народу. Мы выдумали телеграфы, телефоны, фотографіи; а въ жизни, въ трудѣ народномъ что̀ мы подвинули? Пересчитали два милліона букашекъ! А приручили ли хотя одно животное со временъ библейскихъ, когда ужъ наши животныя были давно приручены? А лось, олень, куропатка, тетеревъ, рябчикъ,—все остаются дикими. Ботаники нашли и клѣточку, и въ клѣточкахъ-то протоплазму, и въ протоплазмѣ еще что-то, и въ той штучкѣ еще что-то. Занятія эти, очевидно, долго не кончатся, потому что имъ очевидно и конца быть не можетъ, и потому имъ некогда заняться тѣмъ, что̀ нужно людямъ. И потому опять со временъ египетской древности и еврейской, когда уже была выведена и пшеница, и чечевица, до нашего времени не прибавилось для пищи народа ни одного растенія, кромѣ картофеля, и то пріобрѣтеннаго не наукой. Выдумали торпеды, приборы для акциза, а прялка, ткацкій станокъ—бабій, соха, топорище, цѣпъ, грабли, ушатъ, журавецъ—все такіе-же, какъ были при Рюрикѣ. И если что̀ перемѣнилось, то не научными людьми. То же и съ искусствомъ. Мы произвели пропасть людей въ великихъ писателей, разобрали этихъ писателей по косточкамъ и написали горы критикъ и критикъ на критики, и картинныя галлереи собрали, и школы искусствъ разныя изучили до тонкости, и симфоніи, и оперы у насъ такія, что ужъ намъ самимъ трудно становится ихъ слушать, а что̀ мы прибавили къ народнымъ былинамъ, легендамъ, сказкамъ, пѣснямъ, какія картины передали народу, какую музыку?“ „Наука вся пристроилась къ богатымъ классамъ“, говорится далѣе, и люди наукъ и искусствъ совершенно забыли свою обязанность—доставлять духовную пищу тому народу, который ихъ кормитъ. „Мы до такой степени упустили изъ виду эту взятую на себя обязанность, что не замѣтили даже, какъ то, что̀ мы взялись сдѣлать въ области наукъ и искусствъ, сдѣлали не мы, а другіе, и мѣсто наше оказалось занятымъ. Оказалось,

что покуда мы спорили то о самородномъ зарожденіи организмовъ, то о спиритизмѣ, то о формѣ атомовъ и о томъ, что̀ есть въ протоплазмѣ, и т. п., народу все-таки понадобилась духовная пища, и неудачники и отверженцы науки и искусствъ, по заказу аферистовъ, имѣющихъ въ виду одну цѣль наживы, начали поставлять народу эту духовную пищу и поставляютъ ее". Опять-таки напрасно припутаны здѣсь протоплазмы, атомы и т. п.;— не думаетъ же авторъ, что для служенія народу нужно бросить всякія научныя изслѣдованія и заняться исключительно сочиненіемъ полезныхъ книжекъ для крестьянства? Зачѣмъ доводить до абсурда мысль, которая сама по себѣ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія? Но съ точки зрѣнія автора люди должны прежде всего возвратиться къ физическому труду, чтобы перестать „сидѣть на шеѣ рабочихъ". Мы такъ привыкли,—говоритъ Л. Н. Толстой, —къ тѣмъ выхоленнымъ, жирнымъ или разслабленнымъ нашимъ представителямъ умственнаго труда, что намъ дикимъ представляется то, чтобы ученый или художникъ пахалъ или возилъ навозъ. Намъ кажется, что все погибнетъ, и вытрясется на телѣгѣ вся его мудрость, и опачкаются въ навозѣ тѣ великіе художественные образы, которые онъ носитъ въ своей груди; но мы такъ привыкли къ этому, что намъ не кажется страннымъ то, что нашъ служитель науки, т.-е. служитель и учитель истины, заставляя другихъ людей дѣлать для себя то, что̀ онъ самъ можетъ сдѣлать, половину своего времени проводитъ въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ (?) сплетняхъ, чтеніи газетъ" и пр. Служеніе народу науками и искусствами, по словамъ автора, „будетъ только тогда, когда люди, живущіе среди народа и какъ народъ, не заявляя никакихъ правъ, будутъ предлагать ему свои научныя и художественныя услуги, принять или не принять которыя будетъ зависѣть отъ воли народа". Такъ и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, когда писатели и художники успѣшно сбываютъ свои произведенія въ народѣ, безъ всякаго содѣйствія казны, безъ оффиціальныхъ рекомендацій и рекламъ,—хотя бы при этомъ они и не пахали, и не возили навоза. А пока, по мнѣнію Л. Н. Толстого, наука приноситъ народу скорѣе вредъ, чѣмъ пользу: „Если рабочій, вмѣсто ходьбы, можетъ проѣхаться по желѣзной дорогѣ, то зато желѣзная дорога сожгла его лѣсъ, увезла у него изъ-подъ носа хлѣбъ и привела его въ состояніе близкое къ рабству — къ желѣзно дорожнику. Если, благодаря паровымъ двигателямъ и машинамъ, рабочій можетъ купить сквернаго ситцу, то зато эти двигатели и машины лишили его заработка дома и привели въ состояніе совершеннаго рабства—

къ фабриканту. Если есть телеграфы, которыми ему не запрещается пользоваться, но которыми онъ по своимъ средствамъ не можетъ пользоваться, то зато всякое произведеніе его, которое входитъ въ цѣну, скупается у него подъ носомъ капиталистами по дешевой цѣнѣ, благодаря телеграфу, прежде чѣмъ рабочій узнаетъ о требованіи на этотъ предметъ". Это совершенно вѣрно,— и объ этой изнанкѣ „цивилизаціи" авторъ могъ бы найти много поучительныхъ свѣденій въ нашей экономической литературѣ.

Какъ же должна дѣйствовать наука, чтобы быть полезною народу? Мы не нашли точнаго отвѣта на этотъ вопросъ въ разсужденіяхъ Л. Н. Толстого. Взгляды его такъ неясны, что онъ, съ одной стороны, предъявляетъ наукѣ чисто-ремесленныя практическія требованія, а съ другой—хочетъ возвести ее на степень религіи или нравственной философіи. „Въ древнія времена,—говоритъ онъ,—даже не очень давно, до тѣхъ поръ, пока не явилась научная наука, высшая мудрость людей всегда состояла въ томъ, чтобы найти ту руководящую нить, по которой должны быть расположены знанія людей—какія изъ нихъ первой, какія меньшей важности. И это руководящее... знаніе люди всегда называли наукою въ тѣсномъ смыслѣ... Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей... Такова была наука Конфуція, Будды, Моисея, Сократа, Магомета, наука такая, какою ее разумѣли и разумѣютъ всѣ люди за исключеніемъ, нашего кружка такъ-называемыхъ образованныхъ людей. Наука такая всегда занимала не только первенствующее мѣсто, но была одной наукою, изъ которой опредѣлялось значеніе другихъ... Безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой". Точно также „искусство служило ученію о жизни,—только тогда оно было тѣмъ, что́ такъ высоко цѣнили люди. Но одновременно съ тѣмъ, какъ на мѣсто науки о назначеніи и благѣ стала наука обо всемъ, о чемъ вздумается, съ тѣхъ поръ и исчезло (?) искусство, какъ важная дѣятельность человѣческая. Искусство во всѣхъ народахъ существовало и существуетъ до тѣхъ поръ, пока то, что́ теперь у насъ презрительно называется религіею, считалось единой наукою". Теперь нѣтъ этого единства; „наукъ надѣлали столько,— благо ихъ легко дѣлать: стоитъ приложить къ греческому названію слово „логія" и разложить по готовымъ рубрикамъ, и готова наука,—надѣлали наукъ столько, что не только одинъ человѣкъ не можетъ знать ихъ, но ни одинъ не запомнитъ всѣхъ назва-

ній существующихъ наукъ,—и каждый день дѣлаютъ еще новыя науки. Надѣлали очень много, въ родѣ того учителя-чухонца, который выучилъ дѣтей помѣщика чухонскому вмѣсто французскаго языка. Выучилъ все—прекрасно; одно только горе, что никто, кромѣ насъ, ничего этого не понимаетъ и считаетъ все это ни на что ненужною чепухою". Но какъ измѣнить характеръ науки, разбитой на множество спеціальностей, и какъ возсоздать ихъ единство, объ этомъ не упоминаетъ авторъ. Онъ даетъ только краснорѣчивую характеристику того, чѣмъ долженъ быть ученый и художникъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести эти прекрасныя строки: „Дѣятельность научная и художественная въ ея настоящемъ смыслѣ только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ однѣ обязанности. Только потому, что она всегда такова, что ея свойство быть таковою, и цѣнитъ человѣчество такъ высоко эту дѣятельность. Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, то они въ этой работѣ будутъ видѣть только обязанность, и съ трудомъ, лишеніями и самоотверженіемъ будутъ исполнять ее. Мыслитель и художникъ никогда не будутъ спокойно сидѣть на олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать. Мыслитель и художникъ долженъ страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе. Кромѣ того онъ страдаетъ еще потому, что онъ всегда,—вѣчно въ тревогѣ и волненіи. Онъ могъ рѣшить и сказать то, что̀ дало бы благо людямъ, избавило бы ихъ отъ страданія, дало бы утѣшеніе, а онъ не такъ сказалъ, не такъ изобразилъ, какъ надо; онъ вовсе не рѣшилъ и не сказалъ, а завтра, можетъ, будетъ поздно, онъ умретъ. И потому страданіе и самоотверженіе всегда будутъ удѣломъ мыслителя и художника. Но не тотъ будетъ мыслителемъ и художникомъ, кто воспитается въ заведеніи, гдѣ будто-бы дѣлаютъ ученаго и художника (собственно же дѣлаютъ губителя науки и искусства), и получитъ дипломъ и обезпеченіе, а тотъ, кто и радъ бы не мыслить и не выражать того, что̀ заложено ему въ душу, но не можетъ не дѣлать того, къ чему влекутъ его двѣ непреодолимыя силы—внутренняя потребность и требованіе людей. Гладкихъ, жуирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Духовная дѣятельность и выраженіе ея, дѣйствительно нужныя для другихъ, есть самое тяжелое призваніе человѣка,—крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть самоотверженіе, есть жертва собою, для проявленія вложенной въ человѣка на пользу другимъ силы. Безъ мукъ не рож-

дается и духовный плодъ". Но такъ какъ и идеальные, самоотверженные люди могутъ проповѣдывать чепуху, то эта характеристика ничего не говоритъ намъ о направленіи и достоинствахъ науки по идеалу Л. Н. Толстого.

III.

Когда Л. Н. Толстой отъ общихъ соображеній и критики переходитъ къ практической сторонѣ вопроса, онъ невольно заставляетъ читателя сказать съ досадой: гора родила мышь. Затративъ много язвительныхъ словъ на осмѣяніе „науки" и сваливъ въ одну кучу спектральные анализы, изслѣдованія бактерій, медіумизмъ и четвертое измѣреніе, авторъ вдругъ переходитъ въ тонъ исповѣди, пускается въ подробности о своихъ личныхъ чувствахъ и предлагаетъ рядъ исправительныхъ мѣръ для людей „своего круга". Начинаетъ онъ съ покаянія, относящагося не только къ нему лично, но и ко всѣмъ вообще образованнымъ людямъ. „Пора опомниться и оглянуться на себя,—говоритъ онъ. —Вѣдь мы не что иное, какъ книжники и фарисеи, сѣвшіе на сѣдалище Моисея и взявшіе ключи отъ царства небеснаго, и сами не входящіе, и другихъ не впускающіе. Вѣдь мы, жрецы науки и искусства, самые дрянные обманщики, имѣющіе на наше положеніе гораздо меньше правъ, чѣмъ самые хитрые и развратные жрецы". Покаявшись лично, признавъ свое невѣжество, безнравственность и пустяшность своей дѣятельности, онъ описываетъ затѣмъ свои радостныя ощущенія и свѣтлое душевное спокойствіе съ той минуты, какъ открылась ему истина во всей ея ясности и простотѣ. А истина заключается въ томъ, что „нужно исполнять законъ жизни, дѣлать то, что свойственно не только человѣку, но и животному,—выпускать зарядъ энергіи, принимаемый въ видѣ пищи, мускульнымъ трудомъ; говоря простымъ языкомъ, заработывать хлѣбъ, не работамши не ѣсть или—сколько поѣлъ, столько и сработалъ". Нужно, чтобы день дѣлился на четыре части, посвященныя поочередно „мускульному труду, отъ котораго вспотѣешь", ремесленной работѣ, умственному труду и дѣятельности общенія съ другими людьми, такъ какъ „удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка требуетъ того самаго чередованія разныхъ родовъ труда, которое дѣлаетъ трудъ не тягостью, а радостью". Другими словами, каждый человѣкъ долженъ знать всѣ работы и ремесла, чтобы самому производить всѣ вещи, которыя ему необходимы, т.-е. каждый долженъ превратиться въ

Робинзона, начинающаго всѣ искусства съ самаго начала, и при этомъ останется еще время для плодотворной научной и литературной дѣятельности. Авторъ сообщаетъ, по личному опыту, что занятіе физическими работами не только не мѣшаетъ его спеціальной дѣятельности, но „было необходимымъ условіемъ полезности, доброкачественности и радостности этой дѣятельности". Разумѣется, онъ не находится въ положеніи Робинзона и даже совершенно забываетъ объ этомъ обстоятельствѣ, когда говоритъ о пользѣ физическихъ упражненій для людей „своего круга" и особенно для умственныхъ работниковъ. Никто и раньше не сомнѣвался въ этой пользѣ, и можно было лишній разъ объяснить ее публикѣ; но причемъ тутъ весь этотъ шумный походъ противъ науки, вся эта громкая аттака противъ существующаго соціальнаго строя, всѣ эти широковѣщательныя приготовленія къ открытію новой истины?

Сильнѣйшія и долговременныя потуги разрѣшились тремя маленькими и крайне-туманными отвѣтами на великій вопросъ: чтò намъ дѣлать. „Первое—не лгать передъ самимъ собою, какъ бы ни далекъ былъ мой путь жизни отъ того истиннаго пути, который открываетъ мнѣ разумъ. Второе—отречься отъ сознанія своей правоты, своихъ преимуществъ, особенностей передъ другими людьми и признать себя виноватымъ. Третье—исполнять тотъ вѣчный несомнѣнный законъ человѣка—трудомъ всего существа своего, не стыдясь никакого труда, бороться съ природою, для поддержанія жизни своей и другихъ людей". Отвѣты даются совсѣмъ не на то, о чемъ трактуетъ вся критическая часть пространнаго сочиненія графа Л. Н. Толстого. Это же рѣзкое, непонятное несоотвѣтствіе между поставленными вопросами и предложенными рѣшеніями, между доводами и выводами, между началомъ и концомъ, между отдѣльными мыслями автора, отмѣчено нами и при разборѣ прежнихъ его философскихъ разсужденій. Намъ кажется, что логика обязательна и для великаго художника, даже такого, какъ Л. Н. Толстой,—чтò бы ни говорили многочисленные поклонники его новѣйшихъ откровеній.

Однихъ хорошихъ намѣреній далеко еще не достаточно для разрѣшенія сложныхъ соціальныхъ задачъ; нужно еще многостороннее положительное знаніе, къ которому графъ Л. Н. Толстой относится вообще пренебрежительно. „За всю мою жизнь,—замѣчаетъ онъ,—два русскихъ мыслящихъ человѣка имѣли на меня большое нравственное вліяніе и обогатили мою мысль, и уяснили мнѣ мое міросозерцаніе. Люди эти были не русскіе поэты; ученые, проповѣдники,—это были два живущіе теперь

замѣчательные человѣка, всю свою жизнь работавшіе мужицкую работу, оба крестьяне—Сютаевъ и Бондаревъ". Весьма естественно, что, обогащая свой умъ разсужденіями двухъ замѣчательныхъ крестьянъ, авторъ дошелъ до сознанія, что все ясно и просто устроено въ мірѣ и что только ученые люди затемнили и запутали пониманіе дѣйствительности. „Вѣдь кажущійся неразрѣшимымъ вопросъ экономическій и соціальный,—поучаетъ насъ Левъ Толстой,—есть вопросъ Крыловскаго ларчика. Ларчикъ просто открывается. И до тѣхъ поръ не откроется, пока люди просто не сдѣлаютъ самое первое, простое—не откроютъ его". А нѣтъ ничего легче, какъ открыть,—тѣмъ болѣе, что это сдѣлано уже давно, и въ ларчикѣ оказалась пустота. Рѣшеніе, предлагаемое авторомъ, заключается въ слѣдующемъ: пусть люди откажутся отъ пользованія чужими трудами и превратятся всѣ въ простыхъ рабочихъ; тогда имъ не нужна будетъ собственность и не нужны будутъ учрежденія, охраняющія ее; тогда не будетъ самого вопроса, который отравляетъ жизнь народовъ, и не надо будетъ придумывать какія-либо рѣшенія. Пусть всѣ люди сдѣлаются добродѣтельными и высоко-нравственными, чуждыми пороковъ, заблужденій и страстей,—и не будетъ соціальнаго недуга. Другими словами, на вопросъ объ устраненіи существующаго зла дается отвѣтъ: все будетъ хорошо, если зла не будетъ. Какъ передѣлать людей, чтобы не было между ними насилія, порабощенія, честолюбія, эгоизма, чтобы зло само собою испарилось и исчезло,—объ этомъ ничего не говоритъ Л. Н. Толстой. Для начала должны кореннымъ образомъ измѣниться люди „нашего круга, нашей касты": изъ салонныхъ и кабинетныхъ дѣятелей они преобразуютъ себя въ безкорыстныхъ тружениковъ, зарабатывающихъ свой хлѣбъ наравнѣ съ простыми рабочими, при помощи наслѣдственныхъ имѣній и капиталовъ. Недалеко то время, по мнѣнію автора, когда люди „не будутъ считать, что стыдно идти въ личныхъ сапогахъ въ гости, а не стыдно идти въ калошахъ мимо людей, у которыхъ нѣтъ никакой обуви, что стыдно не знать по-французски или послѣдней новости, а не стыдно ѣсть хлѣбъ и не знать, какъ его ставятъ, что стыдно не имѣть крахмальной рубашки и чистаго платья, а не стыдно ходить въ чистомъ платьѣ, выказывая тѣмъ свою праздность (?), что стыдно имѣть грязныя руки, а не стыдно не имѣть руки съ мозолями... Придетъ время очень скоро, и оно приходитъ уже, когда стыдно и гадко будетъ обѣдать не только обѣдъ въ пять блюдъ, подаваемый лакеями, но обѣдать обѣдъ, который сварили не сами хозяева; стыдно будетъ ѣхать не только на рысакахъ, но и на

извозчикѣ, когда ноги есть; надѣвать въ будни платья, обувь, перчатки, въ которыхъ нельзя работать, кормить собакъ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, когда есть люди, у которыхъ нѣтъ молока и хлѣба, и жечь лампы и свѣчи, при которыхъ не работаютъ, топить печи, въ которыхъ не варятъ пищи, когда есть люди, у которыхъ нѣтъ освѣщенія и отопленія. И къ такому взгляду на жизнь мы неизбѣжно и быстро идемъ; мы стоимъ уже на рубежѣ этой новой жизни". Очевидно, милліонамъ бѣдствующаго рабочаго населенія не будетъ ни тепло, ни холодно отъ этихъ перемѣнъ въ образѣ жизни людей „нашего круга", и возвѣщать эти барскія реформочки отдѣльныхъ лицъ, какъ простѣйшій способъ разрѣшенія „всего экономическаго и соціальнаго вопроса"—значитъ дѣйствительно смѣшивать великую задачу съ какимъ-то дѣтскимъ ларчикомъ, начиненнымъ прописной моралью.

Въ небольшомъ трактатѣ о деньгахъ авторъ болѣе подробно развиваетъ мысль, что деньги служатъ источникомъ всѣхъ экономическихъ бѣдъ: онъ принялъ орудіе угнетенія и эксплуатаціи за самую причину зла, причемъ опять столь же ѣдко полемизируетъ съ „наукою", имѣя въ виду ту или другую теорію отдѣльныхъ ея представителей. Графъ Л. Н. Толстой глубоко ошибается, утверждая, что „наука" будто-бы не обратила вниманія на вредныя стороны денежнаго хозяйства и на пагубное значеніе податей для рабочаго народа; объ этихъ предметахъ писано очень много и имъ посвящено не мало дѣльныхъ изслѣдованій, входящихъ также въ составъ „науки". Можно согласиться, что деньги—зло,—особенно для тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ. Но изъ этого положенія авторъ не дѣлаетъ никакихъ практическихъ выводовъ,—не дѣлаетъ даже того вывода, что богатые должны распредѣлить свои деньги между неимущими или, по крайней мѣрѣ, уплачивать подати за крестьянъ. Еслибы графъ Толстой убѣждалъ людей „нашей касты" покрывать крестьянскія недоимки, отдавать землю сельскимъ обществамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ и никогда не взыскивать ничего съ крестьянъ, то это было бы несравненно большею заслугою, чѣмъ проповѣдь о трудѣ и воздержаніи для лицъ, не нуждающихся въ работѣ. Не предлагая ничего реальнаго и осуществимаго, авторъ остается лишь теоретикомъ; а съ теоретической точки зрѣнія его трактаты не имѣютъ никакой цѣнности по очень простой причинѣ: что̀ въ нихъ ново—то невѣрно, а что̀ хорошо—то̀ не ново.

Не трудно теперь понять, почему „ученіе" Льва Толстого принято было съ такимъ необычайнымъ сочувствіемъ въ значительной части общества и въ извѣстныхъ органахъ печати.

Графъ Л. Н. Толстой, самъ того не замѣчая, сочинилъ одну изъ тѣхъ оправдательныхъ теорій, которыя онъ столь рѣзко ставитъ въ вину „наукѣ". Онъ даетъ оправданіе пассивному смиренію и бездѣйствію — своимъ принципомъ непротивленія злу; онъ оправдываетъ умственный застой и невѣжественное отрицаніе науки—своими насмѣшками надъ умственнымъ трудомъ, надъ интеллигенціею и наукою; онъ даетъ оправданіе всѣмъ противникамъ женскаго образованія и труда — своимъ взглядомъ на женщину, какъ на существо, призванное лишь рожать и выкармливать возможно большее число дѣтей. Никто, кромѣ Льва Толстого, не могъ бы прямо высказать въ печати мысль, что „видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію и занятую мужскимъ трудомъ—все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья". Всѣ элементы нашего общества и печати, отличающіеся беззаботностью насчетъ науки, должны были искренно обрадоваться смѣлой кампаніи Л. Н. Толстого противъ „царствующаго (?!) сословія ученыхъ" и противъ ненужной будто бы научной любознательности. То, чтó раньше скрывалось, какъ постыдное незнаніе, получило вдругъ возможность выступить съ торжествомъ на сцену, подъ прикрытіемъ авторитетнаго и популярнаго имени. Хищники, которыхъ осуждаетъ графъ Толстой, должны были принять съ восторгомъ его идею „непротивленія", равносильную для нихъ полной свободѣ дѣйствій — свободѣ отъ преградъ и отъ возмездія. Замѣчательно, что даже ярые протекціонисты и патріоты готовы привѣтствовать ненавистный имъ принципъ „laissez faire"—въ области нравственныхъ и уголовныхъ поступковъ. Съ другой стороны, Л. Н. Толстой утѣшилъ всѣхъ слабосильныхъ представителей интеллигенціи, преданныхъ апатіи и разочарованію,— онъ далъ имъ оправданіе, въ которомъ они такъ нуждались, и въ то же время доставилъ имъ удобный матеріалъ для безплоднѣйшихъ и невиннѣйшихъ споровъ [1]). Что касается честной и

[1]) До какой степени безцѣльны эти споры—можно видѣть, напр., изъ того, что въ журналѣ „Русское Богатство" напечатанъ цѣлый трактатъ для доказательства той идеи, что насиліе есть зло. Поставленъ былъ вопросъ о непротивленіи злу насиліемъ даже въ видахъ самообороны, даже когда грозитъ гибель нашимъ роднымъ и близкимъ; а изъ этого нелѣпаго вопроса выросла еще болѣе нелѣпая полемика о томъ, что насильственныя и преступныя дѣйствія, вызывающія оборону, составляютъ зло. Это все равно, какъ еслибы на вопросъ о мѣрахъ противъ грабежей и убійствъ стали бы доказывать долго и убѣдительно, что грабить и убивать—нехорошо.

увлекающейся молодежи, то она рада ухватиться за всякую систему нравственныхъ правилъ, предлагаемую искреннимъ и любимымъ писателемъ, — ибо потребность въ извѣстномъ кодексѣ морали есть одна изъ важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ потребностей современнаго общества. Не говоримъ уже о многочисленной толпѣ лицъ, интересующихся больше анекдотическою стороною проповѣднической дѣятельности Льва Толстого: ихъ занимаютъ извѣстія объ оригинальныхъ поступкахъ знаменитаго художника, о шитьѣ сапогъ, о хожденіи пѣшкомъ изъ Москвы въ Тулу, подобно тому какъ весь Парижъ толковалъ о частной жизни Гамбетты, объ его поварѣ Тромпеттѣ, объ эксцентричностяхъ Сары Бернаръ, объ ея попыткѣ улетѣть на воздушномъ шарѣ, и т. п. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ анекдотическій интересъ играетъ большую роль во всѣхъ разговорахъ о графѣ Л. Н. Толстомъ. Наконецъ, пустота и безсиліе нашей общественной жизни, отсутствіе живого общаго участія въ дѣйствительныхъ злобахъ дня, спячка политическая и литературная, недоступность многихъ важныхъ вопросовъ для обсужденія въ печати,—все это создаетъ такую атмосферу, при которой даже „промзглая елейность“ (какъ выразился мѣтко г. Буслаевъ) поученій Льва Толстого могла показаться инымъ какою-то манною небесною. Проповѣди Толстого наполнили пустоту, подобно тому, какъ раньше наполняли ее—спиритизмъ, чтеніе чужихъ мыслей, гипнотизмъ и т. п. Таковы разнообразные элементы, изъ которыхъ составился необычайный успѣхъ учительства Л. Н. Толстого въ нашемъ обществѣ.

Разсужденія Л. Н. Толстого имѣютъ свою весьма серьезную сторону: они сильно затронули самыя больныя мѣста существующей системы образованія. Наши гимназіи и университеты даютъ учащимся множество отрывочныхъ и отчасти ненужныхъ свѣдѣній безъ надлежащаго единства и связи; много отдѣльныхъ, разрозненныхъ наукъ преподается молодымъ поколѣніямъ, но въ ряду этихъ предметовъ нѣтъ основной науки, дающей руководящую нить для жизни,—нѣтъ ученія о нравственности, ученія о добрѣ и злѣ, о цѣляхъ и мотивахъ человѣческихъ дѣйствій, объ отношеніяхъ людей между собою, о правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ лицъ относительно общества и народа. Изъ гимназій и университетовъ выходятъ люди, нагруженные значительнымъ балластомъ знаній, иногда совершенно безполезныхъ; но они вступаютъ въ жизнь безъ всякихъ свѣдѣній о томъ, чтó имъ предстоитъ впереди и какова дожна быть цѣль ихъ дѣятельности. Они знаютъ подробно, какъ возвысился Юлій Цезарь и какія фаворитки были

у Людовика XIV или XV; но они не имѣютъ понятія о томъ, чего потребуетъ отъ нихъ жизнь и къ чему слѣдуетъ имъ стремиться при современныхъ условіяхъ. Семейныя вліянія и примѣры окружающихъ могутъ только въ рѣдкихъ случаяхъ указать юношѣ надлежащій путь; большинство покидаетъ школу съ неопредѣленными ожиданіями выгодной или блестящей карьеры и сталкивается съ житейскою прозою безъ достаточной нравственной подготовки, безъ руководящихъ принциповъ, безъ точныхъ понятій о долгѣ и справедливости, съ однимъ только сознаніемъ, что надо устроиться такъ или иначе на казенный или общественный счетъ. Былыя надежды, навѣянныя чтеніемъ любимыхъ писателей, остаются лишь горькимъ воспоминаніемъ; ненужный балластъ знаній отбрасывается и забывается безслѣдно; люди легко поддаются всякимъ соблазнамъ, не имѣя нравственной опоры ни въ самихъ себѣ, ни въ окружающемъ обществѣ, и они окончательно становятся черствыми эгоистами, карьеристами и аферистами, любителями пустыхъ удовольствій и наслажденій.

Рѣзкій контрастъ между школою и жизнью губитъ не мало хорошихъ юныхъ силъ. Брошенные въ житейское море безъ нравственнаго компаса, наши юноши часто не выдерживаютъ этого крутого перехода отъ школьныхъ идеаловъ къ прозаической дѣйствительности; они долго страдаютъ отъ мучительныхъ недоумѣній, не могутъ понять ни требованій людскихъ, ни своей роли и назначенія въ жизни, и, какъ потерянные, гибнутъ безъ смысла и безъ цѣли. Ни семья, ни общество не даютъ имъ необходимаго нравственнаго руководства; изъ школы выносятся впечатлѣнія самыя разнообразныя, зависящія отъ случайно прочитанныхъ книгъ и отъ способа пониманія усвоенныхъ историческихъ фактовъ. Въ прежнія времена главными предметами обученія были двѣ заброшенныя нынѣ науки: логика, помогающая правильной выработкѣ понятій и точному употребленію языка, и этика—наука о человѣческой жизни въ настоящемъ значеніи этого слова. Эти двѣ науки давали единство всей системѣ знаній; теперь ихъ не изучаютъ больше, и этотъ громадный пробѣлъ чувствуется обществомъ на каждомъ шагу. Никогда еще не было такого обилія ложныхъ умозаключеній и поверхностныхъ софизмовъ, какъ въ наше время,—особенно въ сферѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Никогда еще не было такой нравственной слабости и неустойчивости, какъ теперь.

Но недостатки и пробѣлы школьнаго образованія не могутъ служить оружіемъ противъ науки вообще, какъ думаетъ ошибочно графъ Л. Н. Толстой. Если этика, быть можетъ, не достигла же-

лательнаго развитія, то смѣшно винить въ этомъ всѣ другія науки, слишкомъ глубоко погруженныя будто-бы въ свои особыя спеціальности; еще менѣе основанія нападать на ученыхъ за то, что этика не преподается учащимся или находится вообще въ пренебреженіи. Ученые очень много сдѣлали и дѣлаютъ для науки о нравственности; недавно еще работалъ надъ этимъ и покойный К. Д. Кавелинъ, трудъ котораго встрѣтилъ живое сочувствіе въ молодомъ поколѣніи и вызвалъ оживленную полемику въ нашихъ журналахъ. Графъ Л. Н. Толстой выяснилъ лишній разъ настоятельную необходимость включенія вопросовъ морали въ кругъ предметовъ общаго образованія и обсужденія; въ этомъ заключается, какъ намъ кажется, безспорное общественное значеніе философскихъ и проповѣдническихъ усилій Льва Толстого. Онъ ярко изобразилъ безсмысленность той праздно-суетливой жизни, которую ведетъ значительная часть нашего общества; онъ лишній разъ напомнилъ намъ, что безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ и идеаловъ не могутъ жить разумно ни отдѣльные люди, ни цѣлое общество.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа, 1886 г.

Статистико-экономическіе труды земства.

Новыя изданія. — Способы производства подворной переписи.—Сравненіе новыхъ изданій со старыми: отдѣлъ населенія, землевладѣнія, скотоводства и т. д. —Сравнительная полнота новыхъ изданій.—Недостаточное единообразіе въ группировкѣ матеріала.—Особенности нѣкоторыхъ изданій; комбинаціонная таблица. —Критика обычнаго типа послѣдней.—Заключеніе [1]).

Годъ тому назадъ мы дѣлали обзоръ земскихъ статистико-экономическихъ трудовъ. Съ тѣхъ поръ послѣдніе значительно обогатились, какъ количествомъ изданныхъ томовъ, такъ и образцами этихъ изданій. Подворная перепись, которою мы исключительно и интересуемся, кромѣ 11 прежнихъ губерній [2]), начата еще въ шести новыхъ: таврической, херсонской, орловской, тверской, смоленской и вятской. Этого одного, впрочемъ, было-бы еще недостаточно для возбужденія нашего вниманія, еслибы нѣкоторыя новыя изданія и продолженія прежнихъ сборниковъ не представляли значительныхъ уклоненій отъ первоначальныхъ образцовъ. Интересно посмотрѣть, въ чемъ состоятъ эти отклоненія: составляютъ ли они шагъ впередъ, достойны ли подражанія и не нужно ли въ обычномъ планѣ группированія цифрового матеріала сдѣлать существенныя измѣненія. Не нужно забывать, что подворное изслѣдованіе съ каждымъ годомъ расширяется на новыя и новыя области. Тѣ земства, которыя приступили къ этому послѣдними, окажутся въ довольно затруднительномъ положеніи, имѣя передъ собой немалое число образцовъ изда-

---

[1]) „Сборникъ статистическихъ свѣденій по таврической губ., т. I и II; Сб. ст.; св. по смоленской губ., т. I и II; Сб. ст. св. по орловской губ., т. I; Приложенія къ матеріаламъ по статистикѣ вятской губ., т. I; Результаты подворной переписи елизаветградскаго уѣзда 1883—85 гг. Статистическія свѣденія о ржевскомъ уѣздѣ.

[2]) Московской, тамбовской, рязанской, курской, полтавской, самарской, саратовской, петербургской, екатеринославской, воронежской, черниговской.

ній, которыми естественно имъ руководствоваться. Не лишне поэтому всякое указаніе со стороны на слабыя и сильныя стороны того или другого плана группировки драгоцѣннаго матеріала, собираемаго земскими статистиками.

Первыя земскія статистическія учрежденія, принявшія экспедиціонный методъ изслѣдованія, работали исключительно силами бюро. Съ легкой руки черниговскаго комитета, пригласившаго для производства переписи козелецкаго уѣзда способныхъ на то постороннихъ лицъ, изслѣдованіе черезъ посредство мѣстныхъ обывателей распространяется больше и больше. Правда, слѣдующій опытъ въ этомъ направленіи — подворная перепись петербургской губерніи — способенъ отбить охоту прибѣгать къ указанному способу изслѣдованія: масса цифръ оказалась невѣрною, нѣкоторые регистраторы сочиняли ихъ просто у себя въ кабинетѣ. Но всякому понятно, что указанные недостатки принадлежатъ не столько разсматриваемому способу собиранія матеріала, сколько неудачному его примѣненію. Петербургское статистическое бюро, во-1-хъ, ограничило кругъ лицъ, изъ числа которыхъ оно избирало регистраторовъ, народными учителями; во-2-хъ, предприняло одновременную перепись всей губерніи, т. е. задачу, требующую для своего выполненія большого числа способныхъ лицъ, какого могло не найтись, и дѣйствительно не нашлось, среди народныхъ учителей губерніи. Въ 1883 году такая же перепись была произведена въ московской губерніи, но уже не учителями, а волостными правленіями. Послѣдующая затѣмъ провѣрка переписи статистическимъ бюро показала, что не всѣ свѣденія волостныхъ правленій отличаются одинаковой степенью достовѣрности, такъ что и на основаніи этого опыта изслѣдованіе мѣстными силами не можетъ представлять опаснаго конкуррента прежнему методу собиранія матеріала самими членами статистическаго бюро. Тѣмъ не менѣе, въ новѣйшее время производство переписи черезъ посредство мѣстныхъ жителей принято двумя земскими статистическими учрежденіями: херсонскимъ и вятскимъ, лица завѣдывающія которыми состояли нѣкогда членами черниговскаго бюро, гдѣ этотъ способъ изслѣдованія примѣнился впервые. Въ виду всего сказаннаго, естественно является вопросъ: которому изъ двухъ способовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ дѣлѣ мѣстнаго изслѣдованія—должно ли работать только спеціальное учрежденіе, или ему лучше раздѣлить трудъ съ мѣстными жителями?

Собственно говоря, производство переписи — не такая мудреная операція, чтобы ее могъ выполнить только человѣкъ, спеціально занимающійся дѣломъ; она требуетъ отъ исполнителя лишь толковости и умѣнья говорить съ народомъ. Поэтому не видно, почему бы перепись не могли производить и мѣстные жители, если они обладають

указанными свойствами, и очень естественно, если, за недостаткомъ силъ статистическаго бюро, послѣднее (какъ, напримѣръ, екатеринославское) по временамъ приглашаетъ на помощь народныхъ учителей и др. Но среди статистиковъ замѣчается стремленіе къ иной постановкѣ вопроса: нѣкоторыя бюро оставляютъ производство переписи исключительно на рукахъ мѣстныхъ жителей и заявляютъ, что этотъ способъ и дешевле, и лучше гарантируетъ вѣрность добытыхъ свѣденій, такъ какъ послѣднія въ этомъ случаѣ собираются лицами, извѣстными крестьянамъ и заслужившими ихъ довѣріе. Съ такой постановкой вопроса мы согласиться не можемъ, во-1-хъ, потому, что далеко не вездѣ найдется достаточный контингентъ народныхъ учителей (изъ нихъ-то, главнымъ образомъ, и набираются регистраторы), способныхъ хорошо исполнить возложенное на нихъ дѣло; во-2-хъ, потому, что постоянная смѣна регистраторовъ (въ каждомъ уѣздѣ они будутъ новые) ведетъ къ невозможности накоплять опытъ въ дѣлѣ производства переписи; въ каждомъ послѣдующемъ случаѣ работаютъ новички, а тѣ, которые пріобрѣли навыкъ, устраняются, отчего не можетъ не терять самое производство переписи; въ-третьихъ, при разработкѣ данныхъ переписи оказались бы очень нелишними тѣ свѣденія, которыя регистраторъ пріобрѣтаетъ при ея производствѣ; поэтому весьма желательно, чтобы разработка матеріала велась тѣмъ же персоналомъ, который его собиралъ. Наконецъ, — какъ это видно изъ объясненія одного изъ земскихъ статистиковъ, по поводу мнѣнія завѣдывающаго вятскимъ статистическимъ бюро, г. Филимонова, держащагося на этотъ счетъ взгляда, который мы оспариваемъ,— производство переписи мѣстными жителями стóитъ даже не дешевле, чѣмъ производство ея членами статистическаго бюро. Что наши соображенія заслуживаютъ вѣроятія,—доказывается практикой того же вятскаго бюро, которое такъ рѣшительно высказалось въ пользу производства переписи народными учителями. Оказывается именно, что перепись трехъ уѣздовъ вятской губерніи произведена одними и тѣми же лицами. Благодаря такому продолжительному опыту, „изъ этихъ учителей образовался контингентъ регистраторовъ-статистиковъ, вполнѣ изучившихъ весь механизмъ подворной описи“ [1]). Иначе говоря, образовалась группа спеціалистовъ-регистраторовъ на счетъ выгодъ, вытекающихъ изъ близкихъ отношеній регистратора къ населенію; ибо очевидно, что учитель, производящій перепись въ чужомъ уѣздѣ, такъ же чуждъ мѣстному населенію, какъ и членъ статистическаго бюро.

Если примѣръ вятскаго бюро подтверждаетъ наши взгляды о вы-

---

[1]) Мат. къ статист. вятск. губ. т. I.

годахъ спеціализаціи въ дѣлѣ производства подворной описи, то практика херсонскаго—доказываетъ другое неудобство переписи через посредство мѣстныхъ жителей; это — неопытность регистраторовъ, а можетъ быть, и невозможность поручиться за добросовѣстное отношеніе къ дѣлу всѣхъ приглашенныхъ лицъ. По провѣркѣ свѣденій, собранныхъ разсматриваемымъ способомъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ этой губерніи, оказалось, что одинъ регистраторъ плохъ, другой небреженъ, третій доставилъ невѣрныя цифры, неизвѣстно по какой причинѣ, и т. д. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ ошибокъ были исправлены новой переписью; по другимъ нельзя было этого сдѣлать. А кто поручится, что, кромѣ ошибокъ, замѣченныхъ бюро, не было другихъ? что остальные регистраторы оказались на высотѣ своего призванія?

Все вышеизложенное позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что подворная перепись должна производиться членами статистическаго бюро, какъ лицами опытными и завѣдомо добросовѣстными; что участіе въ переписи мѣстныхъ жителей не должно быть отрицаемо принципіально; но что они могутъ быть приглашаемы по мѣрѣ надобности и лишь въ такомъ числѣ, которое допускаетъ правильный надъ ними контроль. На этомъ мы покончимъ со способами производства переписи и перейдемъ къ обзору ея данныхъ, сгруппированныхъ въ таблицѣ.

Какъ предпріятія новыя, интересующія насъ теперь изданія имѣли передъ собой почти десятилѣтній опытъ мѣстныхъ изслѣдованій путемъ подворной переписи и примѣръ больше десяти земствъ, труды которыхъ были къ ихъ услугамъ и руководству. Нужно поэтому ожидать, что новыя изданія избѣгнутъ ошибокъ прежнихъ, дадутъ таблицы, во-1-хъ, достаточно полныя, или, по крайней мѣрѣ, охватывающія всѣ важнѣйшія стороны крестьянскаго хозяйства, во-2-хъ, удобосравнимыя со всѣми остальными изданіями; наконецъ, что они внесутъ въ разработку данныхъ подворной переписи нѣчто новое, чего недоставало ихъ предшественникамъ. И мы дѣйствительно видимъ, что это до извѣстной степени такъ.

Цифровыя данныя подворной переписи, въ изданіяхъ всѣхъ земскихъ статистическихъ бюро, какъ извѣстно, сведены въ итоги по деревнямъ, волостямъ, разрядамъ крестьянъ и цѣлому уѣзду и заключены въ такомъ видѣ въ таблицы. Графы таблицы (число которыхъ въ нѣкоторыхъ сборникахъ достигаетъ 200) непрерывно слѣдуютъ одна за другой, постепенно развертывая передъ читателями картину народнаго хозяйства во всѣхъ ея деталяхъ. По содержанію таблицы можно разбить на нѣсколько главныхъ отдѣловъ, состоя-

щихъ каждый изъ бо́льшаго или мѐньшаго числа рубрикъ: отдѣла народонаселенія, землевладѣнія, скотоводства и земледѣлія, промысловъ, податей, построекъ и т. д. Рубрики, относящіяся къ населенію, даютъ общую численность его въ моментъ производства переписи и послѣдней ревизіи и затѣмъ болѣе или менѣе дробное дѣленіе современнаго населенія по поламъ, съ выдѣленіемъ лицъ рабочаго возраста, иногда съ указаніемъ дѣтей школьнаго возраста, а также калѣкъ и находящихся въ военной службѣ; число грамотныхъ, учащихся, группировку семей по богатству рабочей силой. Дробность указанныхъ дѣленій не во всѣхъ изданіяхъ одинакова: группировка по поламъ съ указаніемъ числа лицъ рабочаго возраста въ деревнѣ, свѣденія о грамотныхъ и учащихся даются почти всѣми сборниками; расчлененіе же семей по рабочему составу, несмотря на всю важность мужской силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ, встрѣчается, однако, далеко не вездѣ. Такъ, петербургское, тамбовское, самарское статистическія бюро не даютъ этихъ свѣденій, несмотря на то, что важное ихъ значеніе никѣмъ не оспаривается, и хотя тамбовскіе статистики вышли, наконецъ, изъ инертнаго состоянія и на восьмомъ томѣ своего изданія нашли нужнымъ сдѣлать кое-какія поправки въ таблицахъ, а петербургское—расширило послѣднія слишкомъ вдвое.

Что касается новѣйшихъ изданій, которыя и составляютъ главный предметъ нашей рѣчи, то въ нихъ мы уже не находимъ такихъ крупныхъ упущеній, какъ отсутствіе группировки семей по рабочему составу; всѣ они даютъ на этотъ счетъ не менѣе четырехъ рубрикъ: 1) дворовъ безъ мужчинъ рабочихъ, 2) съ однимъ мужчиною, 3) двумя, 4) тремя и болѣе рабочими. Тверской сборникъ выдѣляетъ еще рубрику семей съ одними полуработниками и для каждой группы даетъ двѣ цифры: число дворовъ (этимъ и ограничиваются остальныя изданія) и число ѣдоковъ, т.-е. лицъ обоего пола. Въ отношеніи возрастнаго состава населенія, три новыя изданія не отличаются отъ старыхъ, въ большинствѣ случаевъ дѣлившихъ населеніе на два возраста—рабочій и нерабочій, или на три, выдѣляя изъ двухъ указанныхъ еще группу полурабочихъ. Три же остальныя—даютъ гораздо болѣе дробную группировку. Такъ, херсонскій сборникъ содержитъ шесть, таврическое статистическое бюро—7 и, наконецъ, тверское—8.

Намъ кажется всего раціональнѣе принципъ дѣленія, ясно выраженный изданіемъ херсонскаго бюро. Дѣленіе на школьный и рабочій возрасты мы предпочитаемъ потому, что оно удовлетворяетъ какъ практическимъ цѣлямъ, такъ и научно-экономическимъ. Тотъ же принципъ, впрочемъ, положенъ въ основу дѣленія по возрастамъ таврическаго и тверского бюро; но, несмотря на такое согласіе въ точкахъ

исхода, окончательные результаты всѣхъ трехъ изданій не сходятся другъ съ другомъ. Таврическіе статистики, въ своемъ опредѣленіи возрастного состава, слѣдовали постановленію московскаго Юридическаго Общества, которое, въ видахъ объединенія мѣстныхъ изслѣдованій, предложило всѣмъ статистикамъ принять однѣ и тѣ же указанныя имъ возрастныя группы; школьный возрастъ опредѣляется таврическими статистиками отъ 7 до 13 лѣтъ, рабочій—для обоего пола—отъ 18 до 60. Херсонское статистическое бюро взяло другія предѣльныя нормы: для школьнаго возраста—7—14 лѣтъ, для рабочаго женскаго—16—55; тверскіе статистики даютъ для школьнаго возраста опять новую цифру—8—14 л. Такимъ образомъ, три учрежденія опредѣлили одинъ и тотъ-же (школьный) возрастъ тремя различными цифрами, и это въ виду воззванія къ единству! Обращаясь къ тѣмъ случаямъ дробнаго дѣленія населенія по возрастамъ, которые встрѣчаются въ прежнихъ изданіяхъ, именно къ трудамъ полтавскаго, петербургскаго и воронежскаго земскихъ статистическихъ бюро, мы увидимъ, что они принимаютъ опять новыя дѣленія. Мы имѣли уже 3 школьныхъ возраста: отъ 7 до 13 лѣтъ,—7—14 л. и 8—14; три новыя попытки присоединяютъ еще три новыя цифры: 8—13 лѣтъ для петербургской губерніи, 7—12 лѣтъ—для дѣвочекъ полтавской и 7—11 или 7—15—для дѣвочекъ воронежской губ.

Такое разногласіе изслѣдователей отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что бо̀льшая часть изданій, давшихъ дробное дѣленіе населенія по возрастамъ, вышли почти одновременно, и потому не могли ничего знать другъ о другѣ. Передъ ними была только попытка такого дѣленія полтавскаго статистическаго бюро и выдѣленіе школьнаго возраста петербургскаго. Они, однако, не послѣдовали этимъ примѣрамъ, чего уже нельзя сказать о выдѣленіи другого важнаго возраста — рабочаго: всѣ статистическія бюро принимаютъ за таковой 18—60 лѣтъ, за исключеніемъ екатеринославскаго, которое почему-то за конечный предѣлъ рабочаго возраста приняло не 60, а 55 лѣтъ. Болѣе новыя изданія регистрировали еще полурабочихъ, чего, однако, мы не находимъ въ смоленскомъ и орловскомъ сборникахъ. Первый даже старается мотивировать этотъ пропускъ практической будто-бы неважностью полурабочаго возраста. Чтобы показать, насколько малоосновательно приведенное оправданіе, мы беремъ изъ III тома „Сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи“ слѣдующую табличку, рисующую связь, существующую между размѣрами скотоводства и рабочимъ составомъ семей, изъ которой видно, что существованіе въ семьѣ полурабочаго уже замѣтно отражается на ея хозяйственной состоятельности, отъ которой, разумѣется, зависитъ и ея благосостояніе.

Въ группахъ	безъ раб. скота	Съ рабочимъ скотомъ. 1—3 шт.	4—6 шт.	7 и бол. шт.
безъ рабоч. и полураб. мужч.	70,2	26,6	2,5	0,7
„ съ „ „	57,3	32,2	8,0	2,5
съ 2 рабоч. безъ полур. мужч.	19,2	45,0	30,0	5,8
„ съ „ „ „	12,9	43,2	33,1	10,8

Мы видимъ, что даже въ семьѣ, имѣющей двухъ взрослыхъ мужчинъ, присутствіе полурабочаго замѣтно возвышаетъ хозяйственную состоятельность, что̀ и отражается на уменьшеніи процента дворовъ безъ рабочаго скота и увеличеніи числа семей, богатыхъ послѣднимъ. Понятно, какъ неосновательно поэтому утвержденіе смоленскаго статистическаго бюро, что полурабочій возрастъ не имѣетъ практической важности, и мы естественно сожалѣемъ, что никто не послѣдовалъ примѣру полтавскихъ статистиковъ, разбивавшихъ каждую изъ группъ, на какія были раздѣлены семьи по ихъ богатству мужчинами рабочаго возраста, еще на двѣ: неимѣющихъ полурабочихъ и имѣющихъ таковыхъ.

И такъ, новыя земскія статистическія изданія (за исключеніемъ орловскаго и смоленскаго) даютъ только огульную цифру полурабочаго населенія въ районѣ; но и эта послѣдняя не у всѣхъ у нихъ значитъ одно и то же. Въ возрастныхъ таблицахъ тверского и таврическаго изданія можно выдѣлить 14—17-лѣтній возрасты, которыя вездѣ принимаются за полурабочій для мужчинъ. Но, кромѣ юношескаго полурабочаго возраста, есть еще таковой же старческій, регистрировать который, однако, озаботились только 4—5 статистическія бюро. Вятское, херсонское и черниговское опредѣляли этотъ возрастъ въ 60—65 лѣтъ, рязанское и саратовское—заносили въ соотвѣтствующую рубрику всѣхъ стариковъ, перешагнувшихъ за 60 лѣтъ и еще способныхъ работать; остальные комитеты не даютъ указаній для выдѣленія этой группы. И такъ, кажется, всего 5 земско-статистическихъ изданій учитываютъ стариковъ-полуработниковъ; изъ нихъ три принадлежатъ къ одному, черниговскому, корню. Но форма сводки ихъ данныхъ такова, что лишаетъ возможности сравнивать соотвѣтствующія цифры въ новыхъ и старыхъ изданіяхъ; только сборникъ херсонскихъ статистиковъ показываетъ отдѣльно полурабочихъ юношескаго и старческаго возрастовъ, благодаря чему мы можемъ сравнить группу первыхъ съ соотвѣтствующими рубриками, напримѣръ, полтавскаго, воронежскаго, петербургскаго изданій. Остальныя же три даютъ одну графу полурабочихъ, гдѣ перемѣшаны юноши со стариками, чѣмъ они лишаютъ себя возможности разработывать свои цифры параллельно со всѣми остальными.

Человѣкъ въ рабочемъ возрастѣ не значитъ еще работникъ: здѣсь

встрѣчаются калѣки, больные, находящіеся въ военной службѣ и потому не только не помогающіе семьѣ, но еще сами нуждающіеся въ чужой помощи. Для правильнаго учета экономической силы населенія такія единицы должны быть вычтены изъ общей его массы, и подобное выдѣленіе мы дѣйствительно замѣчаемъ уже вскорѣ послѣ начала организаціи земской статистики въ ея современной формѣ. Правда, первыя два бюро, положившія въ основу изслѣдованія подворную перепись,—московское и тамбовское,—упустили, кажется, это обстоятельство изъ виду (по крайней мѣрѣ, изъ ихъ объясненій къ таблицамъ не видно, что они его принимали во вниманіе: тамбовское лишь даетъ особую рубрику солдатъ, находящихся на дѣйствительной службѣ): но слѣдующее по времени рязанское бюро, параллельно съ данными о всѣхъ мужчинахъ рабочаго возраста, приводитъ и свѣденія о лицахъ, по той или другой причинѣ не могущихъ считаться дѣйствительными работниками. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ статистическія бюро послѣдовали ихъ примѣру. Курское, петербургское, самарское и черниговское, напримѣръ, не даютъ на этотъ счетъ никакихъ свѣденій; полтавское и воронежское—выдѣляютъ калѣкъ, но не изъ числа рабочихъ, а изъ всего населенія района; первое, кромѣ того, даетъ графу солдатъ, находящихся на службѣ. Изъ старыхъ изданій одинъ только „Сборникъ саратовскаго статистическаго бюро“ (завѣдываемаго бывшимъ членомъ рязанскаго — г. Личковымъ) вполнѣ послѣдовалъ примѣру рязанскаго и далъ намъ цифру дѣйствительныхъ рабочихъ, а не только лицъ, способныхъ, по своему возрасту, быть таковыми. Въ новыхъ изданіяхъ замѣчается бо́льшая полнота, если не единообразіе матеріала. Одинъ только вятскій сборникъ ни словомъ не упоминаетъ о калѣкахъ или неспособныхъ къ труду; съ другой стороны, лишь орловскій, не давая отдѣльной графы для калѣкъ и другихъ лицъ, не трудящихся на пользу семьи, исключаетъ всѣхъ такихъ изъ числа работниковъ, рубрика которыхъ поэтому выражаетъ у него дѣйствительную экономическую силу двора. Что касается остальныхъ изданій, то лишь одно тверское указываетъ число убогихъ и неспособныхъ къ труду отдѣльно для рабочаго и не-рабочаго возраста того и другого пола; таврическое и смоленское учитываютъ калѣкъ и солдатъ, находящихся на государственной службѣ. причемъ не всякій въ состояніи рѣшить—относится ли ихъ цифра ко всему мужскому населенію (въ смоленскомъ сборникѣ, можетъ быть, даже къ населенію обоего пола), или только къ части его, находящейся въ рабочемъ возрастѣ. Подворная перепись елизаветградскаго уѣзда даетъ подробную сводную таблицу калѣкъ во всемъ населеніи уѣзда съ подраздѣленіемъ ихъ по роду убожества. На этомъ мы оста-

новимся въ своемъ обзорѣ отдѣла населенія и подведемъ сказанному итоги.

Несмотря на десятилѣтнюю практику подворной переписи, въ средѣ земскихъ статистиковъ еще не установились однообразные взгляды на важность тѣхъ или другихъ явленій, подлежащихъ регистраціи, и на необходимость давать цифры, удобосравнимыя съ цифрами другихъ изданій. Мы видимъ, напримѣръ, что смоленское и орловское бюро вовсе не считаютъ нужнымъ выдѣлять полурабочій возрастъ; тверское и таврическое, признавая юношескій, игнорируютъ старческій полурабочій возрастъ. Бо́льшая часть новыхъ и старыхъ изданій не выдѣляютъ изъ числа мужчинъ рабочаго возраста калѣкъ и другихъ нетрудящихся; а орловское, рѣшившееся на такое выдѣленіе, сдѣлало его способомъ, лишившимъ насъ возможности сравнивать рабочее населеніе этой губерніи съ таковымъ же остальныхъ: вмѣсто того, чтобы показать рядомъ двѣ цифры — всѣхъ мужчинъ рабочаго возраста и не участвующихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ —оно даетъ ихъ разность, т.-е. число дѣйствительныхъ рабочихъ, а общая сумма мужчинъ рабочаго возраста, показываемая всѣми изданіями, въ сборникѣ орловскаго бюро отсутствуетъ. Екатеринославское изданіе, въ противность общему правилу, считаетъ полными работниками мужчинъ въ возрастѣ 18—55 лѣтъ (вмѣсто 60), что́ ведетъ за собой несравнимость его цифръ съ таковыми же другихъ мѣстностей не только по этой графѣ, но и по рубрикамъ распредѣленія дворовъ по богатству рабочей силой. Таврическое бюро, согласно предложенію московскаго Юридическаго Общества, преслѣдующему главнымъ образомъ обще-статистическія, а не экономическія цѣли, приняло одинаковыя возрастныя группы для мужского и женскаго населенія, благодаря чему лишило себя возможности сравнивать женское рабочее и полурабочее населеніе своей области съ тѣми же группами другихъ мѣстностей, такъ какъ всѣ остальныя статистическія бюро, при построеніи своихъ возрастныхъ группъ, принимали въ разсчетъ болѣе раннее созрѣваніе и отживаніе женскаго организма, параллельно которому идетъ созрѣваніе и отживаніе женщины какъ работницы.

Этотъ примѣръ служитъ образцомъ помощи, какую могутъ ждать мѣстные статистики отъ ученыхъ лицъ и учрежденій, критикующихъ ихъ работы съ точки зрѣнія, установившейся въ статистикѣ. Московское Юридическое Общество имѣетъ статистическое отдѣленіе, членами котораго состоятъ, между прочимъ, патентованные статистики; оно задалось цѣлью объединить мѣстныя изслѣдованія и предложило провинціальнымъ статистикамъ программу, которая почти никѣмъ изъ нихъ не принята, и не принята не изъ консерватизма, а потому,

что ученое общество руководилось въ своихъ совѣтахъ общепринятыми статистическими формулами и позабыло, что на первомъ планѣ земскихъ изслѣдованій лежатъ не обще-статистическія, а экономическія цѣли. Пусть этотъ примѣръ служитъ урокомъ для тѣхъ, кто слишкомъ ужъ негодуетъ на отсутствіе полнаго единообразія и обширность таблицъ въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ и проповѣдуетъ необходимость одной програмы, данной мѣстнымъ учрежденіямъ со стороны. Если теперь мы имѣемъ разнообразіе и нерѣдко излишнюю расплывчатость, то зато передъ нами же рисуется дѣйствительная жизнь и овеществляются важнѣйшія экономическія отношенія. При однообразной же и неизмѣнной програмѣ, мы, правда, будемъ имѣть единство и правильность построенія таблицъ; но кто поручится, что вмѣстѣ съ разнообразіемъ формъ не исчезнетъ и живая дѣйствительность, вмѣсто которой передъ нами явится сухая формула, хотя бы и имѣющая научную основу. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы сами мѣстные статистики были въ правѣ почить на лаврахъ и не заботиться, путемъ соглашенія, выработать минимумъ требованій, относящихся къ роду и группировкѣ матеріала, который былъ бы для нихъ обязателенъ, но не стѣснялъ во всемъ, что̀ стоитъ внѣ и выше этой программы. Въ настоящее же время мы не увѣрены, что получаемъ однообразныя данныя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда видимъ, что принципы группировки матеріала у всѣхъ одинаковы. Такъ, всѣ статистическіе сборники (за исключеніемъ екатеринославскаго) считаютъ рабочій возрастъ мужчины въ 18 — 60 лѣтъ; но такое видимое однообразіе не даетъ вамъ увѣренности въ томъ, что рабочій періодъ вездѣ обнимаетъ 42 года; ибо тамъ, гдѣ статистики подробно объяснили свою классификацію, оказывается, что границы возрастныхъ періодовъ они понимаютъ различно: таврическое бюро, напримѣръ, считаетъ человѣка вышедшимъ изъ рабочаго возраста, когда онъ достигъ 61 года, черниговское—относитъ къ числу нерабочихъ и шестидесятилѣтнихъ стариковъ.

Но гораздо болѣе важнымъ недостаткомъ мы считаемъ отсутствіе въ нѣкоторыхъ сборникахъ (тамбовскомъ, самарскомъ, петербургскомъ) группировки семей по ихъ богатству рабочими силами, подобно тому, какъ и вообще мы находимъ, что главная цѣнность матеріала, ожидаемаго нами отъ мѣстныхъ изслѣдователей, заключается не въ огульной цифрѣ, относящейся къ бо̀льшему или меньшему району, а въ данныхъ, характеризующихъ хозяйственное положеніе и потребительныя средства реальной единицы—семьи или двора. Эта мысль еще недостаточно проникла въ сознаніе мѣстныхъ статистиковъ,— иначе невозможны были бы факты, подобные вышеуказаннымъ, и рядъ другихъ, съ которыми мы познакомимся ниже. Что же касается

явленія, интересующаго насъ въ настоящее время, мы находимъ, что если ужъ для мѣстныхъ бюро затруднительно слѣдовать примѣру полтавскаго, подраздѣлявшаго группы семей съ тѣмъ или другимъ числомъ рабочихъ на двѣ подгруппы—съ полурабочими и безъ таковыхъ,—то пусть они даютъ намъ эти подгруппы, по крайней мѣрѣ, для семей безъ взрослыхъ мужчинъ и имѣющихъ одного работника. Ибо если полурабочій не играетъ большой роли въ хозяйствѣ двора, гдѣ есть два-три взрослыхъ мужчины, то онъ имѣетъ очень важное значеніе въ семьѣ съ однимъ работникомъ и тѣмъ болѣе въ семьѣ безъ взрослыхъ мужчинъ. Нерѣдко случается, что, лишь благодаря полурабочему, такая семья держитъ лошадь и ведетъ хозяйство. Важно только, чтобы полурабочими считались не одни юноши, но и тѣ старики, которые еще не потеряли способности трудиться.

Слѣдующій отдѣлъ земскихъ сборниковъ занятъ данными о землевладѣніи, арендѣ крестьянъ и способѣ обработки ими земли. Въ большей части прежнихъ изданій рубрики этого дѣла заключали въ себѣ свѣденія о числѣ дворовъ земельныхъ и безземельныхъ, о величинѣ душевого надѣла и распредѣленіи всей земли деревни по угодьямъ; о земляхъ, купленныхъ крестьянами; о числѣ дворовъ, арендующихъ внѣ-надѣльную землю, и количествѣ этой послѣдней, отдѣльно пахатной и сѣнокосной (данныя объ арендѣ пастбищъ, не поддающіяся точному учету, приводились обыкновенно въ текстѣ); о числѣ лицъ, арендующихъ надѣльную землю и количествѣ послѣдней; объ отношеніи къ своей землѣ хозяевъ, получившихъ надѣлъ: пашущихъ его лично, обработывающихъ наймомъ (а въ Малороссіи и супрягой), сдающихъ въ чужія руки весь надѣлъ или только (въ нѣкоторыхъ сборникахъ) часть его.

Какъ замѣтилъ читатель, данныя о величинѣ землевладѣнія относились въ указанныхъ изданіяхъ къ общинѣ, какъ цѣлой единицѣ, а не къ группамъ дворовъ, владѣющимъ тѣми или другими участками. Вслѣдствіе этого онѣ утрачиваютъ значительную часть своего реальнаго значенія, даютъ среднія цифры, а не живые элементы, вошедшіе въ составъ послѣднихъ. Такая недомолвка таблицъ въ то время, какъ принципъ расчлененія общихъ и среднихъ цифръ на части, составленныя изъ однородныхъ элементовъ, получилъ свое примѣненіе въ отдѣлѣ населенія (группировка по рабочему составу) и скотоводства, объясняется, вѣроятно, вліяніемъ идеи общиннаго землевладѣнія: такъ какъ по этой идеѣ участки дворовъ не представляютъ чего-либо прочнаго, а мѣняются при каждомъ передѣлѣ, то изслѣдователи и находили излишнимъ регистрировать величину дворовыхъ участ-

ковъ въ моментъ переписи, а если и регистрировали, то не вносили ихъ въ таблицы. Иное мы видимъ въ случаяхъ подворнаго описанія мѣстностей съ малороссійскимъ населеніемъ. Въ полтавской и черниговской губерніяхъ господствуетъ личное землевладѣніе; въ силу сказаннаго, величина семейнаго участка составляетъ здѣсь не только важнѣйшій, но и довольно постоянный факторъ экономической дѣятельности; разнообразіе этихъ величинъ является, по той же причинѣ, довольно значительнымъ, вслѣдствіе чего средній размѣръ землевладѣнія (на дворъ, душу) въ деревнѣ теряетъ и то подобіе соотвѣтствія дѣйствительности, какое онъ еще имѣлъ въ великорос. губерніяхъ. Естественно поэтому, если полтавскіе и черниговскіе статистики, не довольствуясь общими цифрами землевладѣнія, разбиваютъ дворы на группы, по величинѣ ихъ участковъ (пахатныхъ—полтавскіе статистики, всѣхъ угодій—черниговскіе), образуя, такимъ образомъ, больше десяти рубрикъ, дающихъ возможность составить довольно точное понятіе о степени равномѣрности въ распредѣленіи земли между крестьянами.

Впрочемъ и великороссійскіе статистики скоро поняли необходимость разработывать данныя о землевладѣніи дворовъ, а не общинъ. Выводы, къ какимъ приходили изслѣдователи, оперируя надъ тѣми и другими цифрами, оказывались далеко не сходными, а иногда и прямо противоположными. Данныя, относящіяся къ цѣлымъ общинамъ, показывали, напримѣръ, что чѣмъ менѣе у крестьянъ своей земли, тѣмъ больше они арендуютъ чужой. Разработка же свѣденій, относящихся не къ цѣлымъ общинамъ, а къ группамъ дворовъ съ различными участками, показала, что не только нельзя категорически высказать вышеприведеннаго заключенія, но сплошь и рядомъ наблюдается какъ разъ обратное. Поэтому мы замѣчаемъ, что и статистическія бюро мѣстностей съ преобладаніемъ общиннаго землевладѣнія стараются, если не въ табличной части изданія, то хотя въ текстѣ, привести данныя о землевладѣніи семей; таковы, напр., курскій и екатеринославскій сборники, соединявшіе всѣ дворы уѣзда въ группы по количеству надѣловъ, полученныхъ ими при послѣднемъ передѣлѣ.

Что касается цифръ аренды, то типическій сборникъ даетъ не больше, какъ только число дворовъ, арендующихъ землю, количество и цѣну арендованныхъ угодій, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на снятыя за деньги и за работу, или исполу. Дополненіемъ этихъ графъ служатъ другія, изъ которыхъ мы узнаемъ, какая часть населенія сдаетъ весь или часть своего надѣла въ аренду. Отдѣлить семьи, сдающія (или запускающія) часть надѣла отъ тѣхъ, которыя производятъ то же со всѣмъ своимъ участкомъ, важно потому, что первыя

—это земледѣльческія хозяйства, вынужденныя по временамъ прибѣгать къ сдачѣ части своихъ участковъ, за неимѣніемъ зерна для ихъ обсѣмененія, или какъ къ средству добыть деньги (бываетъ, напримѣръ, что такая сдача полосы имѣетъ цѣлью получить средства для задатка за арендованную землю); тогда какъ вторыя, большею частью, принадлежатъ къ крестьянамъ, на болѣе или менѣе продолжительное время порвавшимъ съ хозяйствомъ и очень часто живущимъ на сторонѣ. Отъ чего бы, однако, ни происходило указанное явленіе, его наличность даетъ возможность возникнуть въ общинѣ большой неравномѣрности въ землепользованіи, такъ какъ угодья, ускользающія изъ слабѣющихъ рукъ, могутъ перехватываться зажиточными крестьянами, а сами сдатчики—превращаться въ ихъ батраковъ. Поэтому, на-ряду съ цифрами сдачи душевыхъ надѣловъ, интересно имѣть свѣденія о числѣ лицъ, снимающихъ таковые, и другія, рисующія степень участія въ крестьянскомъ хозяйствѣ наемнаго труда. По числу этихъ съемщиковъ можно судить о томъ, концентрируется или нѣтъ крестьянская земля въ немногихъ рукахъ, а число лицъ, держащихъ батраковъ, указываетъ, какъ быстро развивается крупное крестьянское хозяйство. И бóльшая часть старыхъ сборниковъ дѣйствительно даетъ намъ первую цифру; но нѣкоторые отступаютъ отъ этого правила. Главнѣйшее отступленіе наблюдается въ трудахъ черниговскихъ статистиковъ, принявшихъ систему группировки матеріала объ арендѣ, лишающую насъ возможности судить о томъ, какую роль въ арендѣ играетъ надѣльная земля и насколько она концентрируется въ немногихъ рукахъ или распредѣляется равномѣрно въ массѣ крестьянства. Ихъ сборникъ показываетъ только, во-первыхъ, число дворовъ, арендующихъ землю, и количество послѣдней, и, во-вторыхъ, число дворовъ, сдающихъ ее вмѣстѣ съ общей массой сдаваемыхъ угодій. Эти данныя позволяютъ судить лишь о томъ, какая часть владѣльческой земли арендовывалась крестьянами; но мы не знаемъ ни числа арендаторовъ владѣльческой и крестьянской земли, ни числа десятинъ послѣдней, сдаваемой въ аренду, ни даже количества семей, дѣйствительно обработывающихъ арендованныя угодья, не говоря уже о томъ,—кто является съемщикомъ надѣльной земли: заурядный крестьянинъ или зажиточный. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что графа сдачи и выражаетъ число сдатчиковъ и размѣры сдаваемой надѣльной земли; но дѣло въ томъ, что сюда же могутъ входить и тѣ угодья, которыя арендуютъ богатые крестьяне на сторонѣ, а потомъ переоброчиваютъ ихъ по мелочамъ. Въ графѣ съемки — тоже отсутствіе расчлененія данныхъ объ арендѣ крестьянской и внѣ-надѣльной земли. Свѣденія о крестьянахъ, нанимающихъ батраковъ, изъ старыхъ изданій мы встрѣчаемъ

только въ полтавскомъ сборникѣ и въ послѣднихъ выпускахъ петербургскаго и воронежскаго.

Въ дѣлѣ группировки матеріала объ арендѣ, полтавское статистическое бюро держится системы, которую нелишне было бы принять и остальнымъ учрежденіямъ. Мы знаемъ, что аренда крестьянами владѣльческихъ угодій можетъ играть двоякую роль: она можетъ служить дѣлу поддержанія мельчайшаго хозяйства, давая малоземельному крестьянину чужія угодья, когда у него недостаетъ своихъ; и она же, напротивъ того, можетъ способствовать развитію батрацкаго крестьянскаго хозяйства, если ею пользуются, по преимуществу, богатыя семьи; наконецъ, аренда чужихъ угодій можетъ быть распространена, главнымъ образомъ, въ группѣ среднихъ хозяевъ. Цифры аренды, относящіяся ко всей общинѣ цѣликомъ, не разрѣшаютъ этого вопроса; самое большее, что̀ онѣ могутъ дать, это—свѣденіе о томъ, много ли крестьянъ прибѣгаютъ къ арендѣ, изъ чего мы можемъ съ нѣкоторой вѣроятностью заключить, служитъ ли послѣдняя только богатымъ, или зауряднымъ хозяевамъ. Но какимъ образомъ распредѣляется ея роль между мало-и средне-земельными дворами, а также —участвуютъ ли въ арендѣ и насколько именно богатые крестьяне—рѣшить это, на основаніи обычной группировки матеріала, невозможно. Здѣсь нужна комбинація цифръ, относящихся къ арендѣ, съ данными, характеризующими распредѣленіе крестьянской земли между дворами. Полтавское статистическое бюро и даетъ такую комбинацію: свѣденія объ арендѣ (число арендаторовъ и количество снимаемой ими пахатной земли) оно не смѣшиваетъ въ одну цифру для всей деревни, а разбиваетъ по группамъ крестьянъ съ тѣмъ или другимъ надѣломъ.

И такъ, суммируя все, что̀ мы говорили о разсматриваемомъ отдѣлѣ земскихъ сборниковъ, можно сдѣлать заключеніе, что практика первыхъ 7—8 лѣтъ дѣятельности земскихъ статистическихъ учрежденій выработала слѣдующую систему группировки данныхъ о землевладѣніи и арендѣ крестьянъ. Землевладѣніе не должно показываться огульной цифрой для цѣлой общины: всѣ дворы послѣдней нужно подраздѣлить на нѣсколько группъ, различающихся по величинѣ участковъ. Въ отдѣлѣ сдачи крестьянами своей земли слѣдуетъ отличать тѣхъ, которые сдаютъ ее всю, отъ другихъ, сдающихъ полосами; цифры съемки (число арендующихъ дворовъ и размѣры снимаемыхъ угодій) должны быть показываемы отдѣльно для владѣльческой и крестьянской земли. Желательно, чтобы свѣденія объ арендѣ проводились по тѣмъ же рубрикамъ дворовъ, на какія разбиты крестьяне по размѣрамъ ихъ собственныхъ участковъ; не менѣе важно имѣть данныя о наймѣ крестьянами батраковъ.

Съ такими ожиданіями мы приступаемъ къ новымъ статистико-экономическимъ изданіямъ земства.

Что касается размѣровъ землевладѣнія, то, за исключеніемъ орловскаго сборника, всѣ они, дѣйствительно, не ограничиваются общими данными, относящимися къ цѣлой деревнѣ, а расчленяютъ ея дворы по величинѣ ихъ участковъ; при этомъ (устраняя изданіе таврическаго бюро, какъ построенное по совершенно иному типу) два сборника—херсонскій и вятскій, по личному составу бюро принадлежащіе къ черниговскому корню,—группируютъ владѣльцевъ по дѣйствительнымъ размѣрамъ ихъ участковъ (десятины), а тверской и смоленскій — по числу надѣловъ, приходящихся на дворъ. Недостатки второго способа группировки вытекаютъ изъ того, что надѣлы разныхъ общинъ далеко не одинаковы: два надѣла малоземельной общины могутъ составлять такой же участокъ или даже меньше, чѣмъ одинъ надѣлъ многоземельной. Поэтому, въ итогахъ по уѣзду, группы дворовъ съ одинаковымъ числомъ надѣловъ, на самомъ дѣлѣ, будутъ состоять далеко не изъ однородныхъ единицъ, и хозяйства съ равными участками земли нерѣдко очутятся въ различныхъ группахъ. Другое неудобство этой системы заключается въ томъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ дѣйствительными размѣрами владѣній, а съ условными и неопредѣленными величинами (надѣлъ). Оба эти недостатка, впрочемъ, чувствительны только въ итоговыхъ таблицахъ (по волостямъ, уѣзду или разрядамъ крестьянъ), въ по-общинныхъ же они не существуютъ: надѣлъ здѣсь представляетъ неизмѣнную единицу, величина его извѣстна, и потому всегда возможенъ переводъ условной мѣры въ десятинную. Это выраженіе для по-общинныхъ таблицъ даже выгоднѣе того, какое принято вятскими статистиками, такъ какъ, одновременно съ размѣрами землевладѣнія, оно указываетъ и на важный фактъ общинной жизни народа. Желательно поэтому, чтобы въ дальнѣйшихъ выпускахъ своихъ трудовъ статистическія учрежденія мѣстностей съ общиннымъ землевладѣніемъ въ по-деревенскихъ таблицахъ группировали семьи по числу полученныхъ ими надѣловъ, а въ итоговыхъ—по размѣрамъ участковъ. Если же такое раздѣленіе данныхъ затруднительно, то, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отдать предпочтеніе группировкѣ дворовъ по дѣйствительной величинѣ ихъ участковъ. Херсонскій сборникъ представляетъ еще одну особенность. Его таблицы землевладѣнія наполнены цифрами, относящимися не къ одному крестьянскому сословію, а ко всѣмъ жителямъ даннаго поселенія, и выдѣлить крестьянъ отъ другихъ членовъ той же группы не представляется возможнымъ. Но зато названный сборникъ, кромѣ данныхъ о землевладѣніи, заключаетъ еще группировку хозяйствъ по количеству обработываемой ими

земли. Смоленское же изданіе группируетъ дворы еще по числу ѣдоковъ, приходящихся на 1 надѣлъ, т. е. представляетъ данныя, по которымъ можно судить о степени обезпеченія пропитанія населенія надѣломъ.

Перейдемъ теперь къ матеріаламъ о съемкѣ и сдачѣ крестьянами земли.

Свой обзоръ мы начнемъ замѣчаніемъ, что, за исключеніемъ таврическаго сборника (и новыхъ томовъ воронежскаго и екатеринославскаго), ни одинъ не даетъ комбинаціи аренды крестьянами чужихъ земель съ собственнымъ ихъ землевладѣніемъ, примѣръ каковой мы видѣли въ трудахъ полтавскихъ статистиковъ. Форма же изложенія свѣденій, даваемыхъ ими, представляетъ значительное разнообразіе. Тверскіе статистики не заключаютъ данныя объ арендѣ въ табличную форму, а излагаютъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ каждой общинѣ и затѣмъ, по возможности, суммируютъ для отдѣльныхъ волостей и цѣлаго уѣзда. Орловскій сборникъ даетъ свѣденія объ арендѣ земель у частныхъ владѣльцевъ цѣлыми участками или по-десятинно — за деньги или за натуральную плату—и у крестьянъ другихъ общинъ (чего нѣтъ въ другихъ сборникахъ); во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ онъ указываетъ число арендаторовъ и количество снимаемой ими земли. Въ противность старымъ изданіямъ, онъ не выдѣляетъ аренды пашни отъ съемки сѣнокоса и умалчиваетъ объ арендѣ надѣльныхъ земель своей общины. Изданіе смоленскаго статистическаго бюро заключаетъ очень подробныя свѣденія объ арендѣ. Оно отличаетъ аренду надѣльной и внѣ-надѣльной земли; послѣднюю расчленяетъ на мірскую и товарищескую съ одной стороны (къ сожалѣнію, оно ихъ не раздѣляетъ одну отъ другой, какъ это было въ I выпускѣ), и отдѣльными лицами — съ другой; и, наконецъ, разбиваетъ по угодьямъ, причемъ въ таблицы вошли и данныя объ арендѣ пастбищъ (приволья), чего не было въ прежнихъ изданіяхъ. Вятскій и херсонскій сборники, въ дѣлѣ группировки матеріала объ арендѣ, слѣдуютъ образцу черниговскаго, и потому къ нимъ можно отнести тѣ замѣчанія, какія мы сдѣлали выше по поводу таблицъ послѣдняго. Вятскій даетъ на этотъ счетъ всего четыре графы: двѣ (число дворовъ и количество земли) для съемщиковъ и столько-же—для крестьянъ сдатчиковъ. Херсонскій разработываетъ свѣденія объ арендѣ гораздо подробнѣе. Нужно замѣтить, что подворная перепись херсонскаго бюро отличается отъ другихъ тѣмъ, что не ограничивается изученіемъ крестьянскаго хозяйства, а регистрируетъ все наличное населеніе, къ какому бы сословію оно ни принадлежало, причемъ разработка собраннаго матеріала, за исключеніемъ группировки

дворовъ по величинѣ ихъ участковъ, семейному составу и владѣнію рабочимъ скотомъ, совершается по сословіямъ. Въ отдѣлъ аренды, поэтому, входятъ свѣденія о всей землѣ, переходящей изъ рукъ въ руки, — не взирая на то, служитъ она крупному или мелкому производству. Прежде всего здѣсь идутъ данныя о долгосрочной арендѣ, сгруппированныя въ графы отданной и взятой, съ показаніемъ, въ томъ и другомъ случаѣ, числа хозяевъ сдающихъ и берущихъ и количества такой земли. Въ графѣ „отдано" фигурируютъ, какъ и слѣдовало ожидать, главнымъ образомъ, крупные владѣльцы — дворяне; въ слѣдующей — земледѣльческія сословія. Но по цифрамъ этой послѣдней таблицы мы не можемъ судить о хозяйственномъ употребленіи снятой земли, такъ какъ арендаторы ея на продолжительный срокъ не только сами ее эксплоатируютъ, но и переоброчиваютъ другимъ по мелочамъ. Это послѣднее движеніе земельныхъ угодій можно наблюдать въ слѣдующихъ графахъ — земли, снятой и сданной на 1 годъ, гдѣ она подраздѣляется на пахатную и сѣнокосную, и затѣмъ на взятую или сданную съ части или за отработки и за деньги. Но такъ какъ при этой группировкѣ не показывается число дворовъ, снимающихъ или сдающихъ землю на одинъ годъ, то, несмотря на всю дробность разработки матеріала, мы лишены возможности судить объ одномъ изъ важнѣйшихъ данныхъ, относящихся къ крестьянскому хозяйству,—о числѣ семей, пользующихся чужой землей, и, слѣдовательно, о роли, какую играетъ послѣдняя въ народномъ хозяйствѣ.

Свѣденія о хозяйственномъ отношеніи крестьянъ къ землѣ всего подробнѣе разработаны въ херсонскомъ и смоленскомъ сборникахъ; но первый, подобно черниговскому, которому подражаетъ также и вятскій, группируетъ во-едино всѣхъ крестьянъ, хозяйничаютъ ли они на своей или на арендованной землѣ; а послѣдній, равно какъ и остальныя изданія, говоритъ только объ отношеніи надѣльныхъ дворовъ къ надѣльной же землѣ. При этомъ смоленскій сборникъ сообщаетъ свѣденія о числѣ семей, обработывающихъ надѣлъ лично, наймомъ, сдающихъ или запускающихъ часть надѣла, запускающихъ или сдающихъ весь надѣлъ отдѣльнымъ лицамъ и міру; мы здѣсь имѣемъ, такимъ образомъ, всѣ переходныя ступени отъ полнаго забрасыванія земли до исправнаго хозяйства; пропущена только группа крестьянъ, обработывающихъ землю частью своимъ скотомъ, частью наемнымъ. Херсонскій сборникъ заключаетъ болѣе дробныя дѣленія: онъ разбиваетъ хозяевъ на 6 группъ, обработывающихъ землю своимъ скотомъ, наемнымъ, супрягой или комбинаціей двухъ изъ указанныхъ способовъ; и тѣмъ не менѣе, мы лишены возможности судить о томъ, какимъ образомъ относятся всѣ земельные дворы къ

своимъ участкамъ: есть-ли между ними такіе, которые сдаютъ землю другимъ, и много-ли ихъ? Названный сборникъ заключаетъ очень подробныя таблицы; мы узнаемъ изъ него, сколько въ уѣздѣ безземельныхъ, сколько незанимающихся хлѣбопашествомъ, сколько занимаются исключительно земледѣліемъ, комбинируютъ земледѣліе съ промысломъ, отдаютъ силы исключительно промыслу; но всѣ эти свѣденія относятся ко всему населенію извѣстнаго сословія, безъ раздѣленія его на земельныхъ и безземельныхъ, и потому, несмотря на всю подробность таблицъ, мы не знаемъ всѣхъ формъ отношенія мелкихъ землевладѣльцевъ къ своей собственности.

Данныя о томъ же предметѣ другихъ сборниковъ уже менѣе подробны; тверской, напримѣръ, заключаетъ всего двѣ графы—обработывающихъ и необработывающихъ свои надѣлы, указывая при этомъ и число послѣднихъ въ той и другой группѣ, но не расчленяя дворы на работающихъ лично и наймомъ. Въ орловскомъ и вятскомъ изданіяхъ есть такое подраздѣленіе, но (равно, какъ и въ тверскомъ) нѣтъ группы семей, часть надѣла сдающихъ или запускающихъ.

О наемныхъ рабочихъ у крестьянъ имѣются свѣденія въ херсонскомъ, таврическомъ и смоленскомъ изданіяхъ. Первое указываетъ только число нанимаемыхъ рабочихъ мужского и женскаго пола; второе — число хозяевъ, держащихъ рабочихъ, а третье — обѣ величины, подраздѣляя наемниковъ на годовыхъ и временныхъ, а затѣмъ— на мужчинъ и женщинъ.

О только-что пройденномъ отдѣлѣ мы можемъ повторить приблизительно то же, что̀ уже сказали при обзорѣ таблицъ, посвященныхъ населенію. Среди мѣстныхъ статистиковъ еще не выработались единообразные взгляды на важность тѣхъ или другихъ данныхъ, относящихся къ разсматриваемой области, и на необходимость группировать матеріалъ такимъ образомъ, чтобы была возможность сравнивать аналогичныя цифры различныхъ мѣстностей. Поэтому мы и видимъ, что одинъ сборникъ даетъ такія свѣденія, какихъ нѣтъ у другихъ, и забываетъ указать на явленія, регистрація которыхъ вошла во всеобщее употребленіе. Впрочемъ, нужно признать, что бо̀льшая часть изданій стремится къ возможной полнотѣ таблицъ, а въ отдѣлѣ землевладѣнія новые сборники представляютъ значительный шагъ впередъ, давая группировку дворовъ общины по размѣрамъ ихъ участковъ.

Обращаемся къ слѣдующимъ частямъ статистическихъ изданій— о крестьянскомъ хозяйствѣ.

Почти всѣ старыя изданія о молочномъ скотѣ ограничивались указаніями общаго количества послѣдняго въ деревнѣ и числа дво-

ровъ, не имѣющихъ коровъ. Ихъ примѣру послѣдовало и большинство новыхъ сборниковъ, и только два — тверской и смоленскій, — не довольствуясь общими цифрами, группируютъ хозяевъ по числу принадлежащихъ имъ штукъ молочнаго скота. Такое игнорированіе статистиками этого важнаго явленія крестьянскаго быта вполнѣ гармонируетъ съ общимъ направленіемъ новѣйшихъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью изучить хозяйство, производство, а не потребленіе населенія; молочный же скотъ въ черноземныхъ губерніяхъ, которыхъ, по преимуществу, и коснулось подворное изслѣдованіе, служитъ почти исключительно потребленію. Достойно поэтому замѣчанія, какъ фактъ, свидѣтельствующій въ пользу послѣдовательности міросозерцанія земскихъ статистиковъ, что расчлененныя свѣденія о молочномъ скотѣ мы встрѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ не-черноземныхъ губерній, гдѣ коровы держатся столько же ради производства (для удобренія полей), какъ и для потребленія; группировку дворовъ по владѣнію молочнымъ скотомъ дали намъ петербургскій, московскій (новѣйшая перепись), тверской и смоленскій (но не ватскій) сборники. И тотъ фактъ, что такую же группировку изъ черноземныхъ мѣстностей мы встрѣчаемъ всего въ одномъ (обоянскомъ) уѣздѣ, подтверждая устойчивость направленія земскихъ статистиковъ, мало, однако, говоритъ въ пользу широты ихъ міровоззрѣнія, не остающагося безъ вліянія и на постановку задачъ изслѣдованія. Къ числу данныхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ производству, а интересныхъ скорѣе въ бытовомъ отношенін, относятся встрѣчаемыя во всѣхъ сборникахъ свѣденія о жилыхъ избахъ; но только (изъ новыхъ) смоленское изданіе приводитъ величину послѣднихъ; большинство же, за исключеніемъ вятскаго сборника, не заключающаго никакихъ свѣденій объ этомъ предметѣ, ограничивается указаніемъ ихъ общаго количества и числа семей, не имѣющихъ собственнаго жилья.

Возвращаясь опять къ скотоводству, мы должны сказать, что новыя изданія не ушли далеко впередъ сравнительно со старыми; подробныя свѣденія они даютъ только о рабочемъ скотѣ, группируя семьи по числу владѣемыхъ ими лошадей, причемъ здѣсь мы встрѣчаемъ то же отсутствіе единства разработки матеріала, какое характеризуетъ прежнія изданія: одни статистическія бюро группируютъ по владѣнію рабочимъ скотомъ все наличное населеніе деревни, другія — только надѣльную его часть; то же явленіе повторяется и при разработкѣ данныхъ о рабочемъ составѣ семей. Впрочемъ, смоленскій, орловскій и тверской сборники даютъ такую разработку матеріала, которая позволяетъ отдѣлить надѣльные дворы отъ безземельныхъ и сравнивать ихъ цифры съ соотвѣтствующими данными всѣхъ сборниковъ, какихъ бы системъ группировки тѣ ни держались. Кромѣ по-

общинныхъ таблицъ, первый заключаетъ еще по-волостныя: 1) для крестьянъ, ведущихъ хозяйство, 2) получившихъ надѣлъ, но его не обработывающихъ, и 3) для безземельныхъ; въ орловскомъ сборникѣ есть краткая сводная таблица беззомельныхъ. Тверское же изданіе проводитъ надѣльныхъ крестьянъ отдѣльно отъ бобылей по всѣмъ рубрикамъ таблицъ и этимъ пріемомъ предупреждаетъ смѣшиваніе въ одну группу сельскаго пролетарія и крестьянина-собственника.

Кромѣ указанныхъ данныхъ о числѣ дворовъ, владѣющихъ тѣмъ или другимъ количествомъ рабочаго скота, земскіе сборники приводятъ еще цифры семей: 1) лишенныхъ всякаго скота; 2) имѣющихъ только мелкій; 3) всякій, кромѣ рабочаго скота; 4) число безкоровныхъ семей. Мы считали бы нелишнимъ дополнить эти данныя еще двумя: рубрикой домохозяевъ, имѣющихъ лошадь, но лишенныхъ коровы, и другой, относящейся къ семьямъ, владѣющимъ коровой, но не держащимъ лошади. Дѣло въ томъ, что лошадь и корова, какъ мы уже объ этомъ говорили, служатъ двумъ различнымъ цѣлямъ: производству и потребленію. Пока размѣры участка дозволяютъ прокормить и ту, и другую скотину—крестьянинъ держитъ обѣихъ; но при извѣстномъ размѣрѣ надѣла ему приходится дѣлать между ними выборъ. Чтó именно онъ оставитъ, чему отдастъ предпочтеніе—хозяйству или потребленію — зависитъ отъ многихъ условій: привязанности къ земледѣлію, легкости отыскать не-земледѣльческое занятіе, этнографическихъ особенностей данной народности и т. п. Требуемыя нами свѣденія помогли бы разъяснить интересный вопросъ: какъ тяжело крестьянину держаться на позиціи самостоятельнаго хозяина, какія потребительныя жертвы приноситъ онъ ради сохраненія этого положенія, а съ нимъ и мелкой формы производства. Въ мѣстностяхъ съ недостаточными надѣлами крестьянъ и широко-распространеннымъ частнымъ землевладѣніемъ не рѣдкость встрѣтить крестьянина, до того набравшагося по-десятинными заработками,—которыми ему обязательно платить за арендованную землю или которыя доставляютъ ему средства для уплаты податей и разсчета за снятыя же угодья, — что ему не обойтись съ одной лошадью, хотя бы ея было болѣе чѣмъ достаточно для обработки своего поля. Содержать же лишнюю лошадь затруднительно: корма хватаетъ только для двухъ штукъ крупнаго скота, и если купить вторую лошадь—придется лишиться послѣдней коровы. И вотъ, такой крестьянинъ рѣшается на этотъ шагъ; отнимаетъ у семьи молоко, но зато работаетъ хозяиномъ и получаетъ возможность, въ случаѣ нужды, достать десятокъ-другой рублей. Въ виду сказаннаго, желательно, чтобы въ статистическихъ сборникахъ безкоровные хозяева дѣлились на семьи, имѣющія одну и двѣ лошади; а изъ группы дворовъ безлошадныхъ, но владѣющихъ

молочнымъ скотомъ, выдѣлялись семьи со взрослымъ мужчиной, способныя, слѣдовательно, обработывать надѣлъ.

Наиболѣе интересныя данныя сборниковъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, о которыхъ мы еще не упоминали, это—о промыслахъ населенія. Въ по-общинныхъ таблицахъ заключаются краткія общія о нихъ свѣденія; но бо́льшая часть сборниковъ даетъ особыя по-волостныя таблицы, гдѣ указывается число лицъ, занимающихся тѣмъ или другимъ земледѣльческимъ или не-земледѣльческимъ промысломъ. Изъ новыхъ изданій, впрочемъ, такія спеціальныя таблицы даются только орловскимъ, тверскимъ и вятскимъ сборниками; 1-й томъ смоленскаго изданія заключаетъ подобную таблицу, для второго она не успѣла быть приготовлена; изданіе таврическаго земства даетъ коекакія свѣденія о промыслахъ въ примѣчаніяхъ къ таблицамъ, о которыхъ сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ; наиболѣе интересныя свѣденія о промышленныхъ занятіяхъ населенія заключаются въ послѣднихъ выпускахъ „Матеріаловъ по статистикѣ народнаго хозяйства въ петербургской губерніи“ и въ „Сборникѣ статистическихъ свѣденій по екатеринославской губ.“. Въ первомъ изъ нихъ по каждой волости и виду мѣстнаго и отхожаго промысла показывается число лицъ мужского и женскаго пола, того или другого возраста и вѣроисповѣданія, занимающихся промысломъ; заработки мужчины и женщины, число отхожихъ промышленниковъ, присылающихъ деньги своимъ семьямъ, и суммы этихъ присылокъ. Во второмъ сборникѣ работающіе по каждой волости и виду промысла раздѣляются на мѣстныхъ и пришлыхъ; тѣ, въ свою очередь,—на живущихъ въ селеніяхъ, шахтахъ и заводахъ, владѣльческихъ экономіяхъ и внѣ уѣзда; кромѣ того—на постоянно-занимающихся промысломъ или комбинирующихъ послѣдній съ земледѣліемъ. Для каждой изъ этихъ группъ дается 3 цифры: число семей, лицъ въ нихъ, занятыхъ промысломъ, и число ѣдоковъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ еще объ одномъ отдѣлѣ разсматриваемыхъ изданій, относящемся къ крестьянскому хозяйству,—о примѣчаніяхъ или дополненіяхъ къ таблицамъ. Цѣль этихъ дополненій заключается въ утилизаціи такихъ данныхъ, собранныхъ при мѣстномъ изслѣдованіи, которыя не укладываются въ табличныя рамки, и которыя поэтому или погибли бы для читателя, или должны быть приложены къ сборникамъ въ видѣ примѣчаній, дополненій и т. п. Такія дополненія впервые даны были рязанскимъ статистическимъ бюро; затѣмъ ихъ примѣру понемногу начинаютъ слѣдовать и другія статистическія учрежденія; мы ихъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ послѣднихъ выпускахъ полтавскаго, черниговскаго, курскаго сборниковъ. Большинство новыхъ изданій также открыли у себя

этотъ отдѣлъ; но содержаніе въ тѣхъ сборникахъ, которые ввели дополненіе, далеко неодинаково. Изданіе орловскаго земско-статистическаго бюро даетъ для каждаго села краткую характеристику почвы и расположенія надѣла. Вятское бюро, имѣвшее главной задачей оцѣнку земельныхъ угодій, даетъ подробнѣйшую характеристику послѣднихъ по районамъ, вмѣстѣ съ краткой исторіей колонизаціи; эта часть его изданія не составляетъ даже приложенія къ таблицамъ крестьянскаго хозяйства, что̀ можно сказать про остальные сборники, а образуетъ обширный самостоятельный отдѣлъ. Отдѣлъ этотъ такъ обширенъ, что уже ничего не стоило бы прибавить къ нему краткія бытовыя данныя, а между тѣмъ это дало бы массу новыхъ свѣдѣній, интересныхъ для обыкновеннаго читателя сборниковъ. „Замѣчанія" херсонскаго изданія касаются спеціально сельскаго хозяйства и формы землевладѣнія: въ нихъ приводятся свѣденія объ арендѣ, условіяхъ выпаса скота, передѣлахъ, расположеніи надѣла и др. Тверской сборникъ даетъ въ примѣчаніяхъ свѣденія о покупкѣ крестьянами лѣса и хлѣба на продовольствіе, займахъ для уплаты повинностей, передѣлахъ земли и о нѣкоторыхъ недавнихъ случайныхъ обстоятельствахъ, способныхъ такъ или иначе отразиться на благосостояніи поселенія (пожаръ, неурожай и т. п.), а также объ особенностяхъ хозяйства, обратившихъ на себя вниманіе изслѣдователей. Жаль только, что самыя интересныя и не часто попадающія въ печать свѣденія — о покупкѣ крестьянами хлѣба и займахъ — невѣрны, и именно преувеличены. Но самыя подробныя примѣчанія даются таврическимъ сборникомъ. Это даже не примѣчанія, а цѣлыя описанія селеній, изъ которыхъ мы узнаемъ исторію села, въ особенности очень интересную исторію его землевладѣнія, которую можно назвать исторіей превращенія захватнаго пользованія землей въ общинное съ передѣлами угодій; подробныя свѣденія объ арендѣ, особенныхъ культурахъ, о промысловыхъ земледѣльческихъ занятіяхъ, о мірскихъ доходныхъ статьяхъ и т. п. Словомъ, мы имѣемъ передъ собой живую дѣйствительность и вмѣстѣ съ цифрами таблицъ располагаемъ всѣми данными для характеристики быта населенія каждаго села и опредѣленія причинъ того или другого его экономическаго положенія. Очень жаль поэтому, что въ орловскомъ сборникѣ этотъ отдѣлъ очень кратокъ, а въ смоленскомъ—его и вовсе нѣтъ.

Мы далеко не исчерпали всего матеріала, составляющаго обычное содержаніе статистическаго отдѣла разсматриваемыхъ нами изданій; достаточно указать на таблицы о частно-владѣльческомъ хозяйствѣ, которыя мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ нашъ обзоръ посвященъ крестьянскому хозяйству, и данныя о владѣльческомъ

находятся не во всѣхъ сборникахъ. Мы еще должны отвести нѣсколько страницъ обсужденію вопросовъ, выдвинутыхъ непродолжительной, но богатой опытомъ практикой мѣстнаго подворнаго изслѣдованія и имѣющихъ немаловажный теоретическій и практическій интересъ.

Въ литературѣ все больше получаетъ право гражданства мнѣніе о недостаточности общепринятой группировки матеріала, добытаго подворной переписью; о необходимости радикальнаго ея измѣненія или, по крайней мѣрѣ, существенныхъ въ ней поправокъ. Послѣ образца комбинаціонныхъ таблицъ черниговскаго статистическаго бюро и разработки по тому же принципу данныхъ подворной переписи полтавскими земскими статистиками, важное значеніе подворной разработки матеріала и сочетанія экономическихъ факторовъ сдѣлались очевидной истиной.

Лучше всего это понимаютъ сами земскіе статистики; г. Филимоновъ, напримѣръ, въ I томѣ матеріаловъ по статистикѣ вятской губерніи, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „мы не придаемъ научнаго значенія той формѣ сводныхъ таблицъ подворной описи, которая приводится въ этомъ томѣ. Гораздо больше значенія въ этомъ смыслѣ должна имѣть таблица сочетанія хозяйственныхъ элементовъ, которая и будетъ помѣщена въ нашемъ сборникѣ, имѣющемъ выйти въ 1887 году". Въ настоящемъ же томѣ она не могла быть напечатана по недостатку средствъ.

Недостатокъ средствъ для напечатанія составляетъ не единственное препятствіе, мѣшающее осуществленію системы разработки, признаваемой за наилучшую; гораздо существеннѣе та огромная масса труда, которая для этого требуется и которую, пожалуй, тоже можно свести къ недостатку средствъ. Но намъ кажется, что это послѣднее препятствіе потеряетъ значительную долю своей силы, если, принявъ новый планъ разработки, мы въ то же время сократимъ печатаніе тѣхъ по-общинныхъ таблицъ, которыя теперь исключительно наполняютъ земскіе статистическіе сборники. Таврическое и воронежское бюро, примѣнившія эту систему къ разработкѣ матеріаловъ, собираемыхъ ими по своимъ губерніямъ, дали томы работъ, не превышающіе обычныхъ размѣровъ сборника. Но ихъ можно еще значительно сократить, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія въ изданіи. Нужно прежде всего признать, что общія цифры, относящіяся къ цѣлому селенію, безъ раздробленія ихъ по группамъ домохозяевъ, имѣютъ мало научно-экономическаго значенія; то же самое слѣдуетъ сказать вообще о таблицахъ, относящихся къ такой мелкой единицѣ, какъ деревня или община. Эти цифры важны для мѣстныхъ прак-

тическихъ цѣлей; но зато онѣ и имѣютъ, въ губернской управѣ, въ рукописи, дубликатъ, который можетъ быть переданъ и соотвѣтствующему уѣздному учрежденію. Занимать же ими десятки печатныхъ листовъ по каждому уѣзду, когда въ архивахъ лежатъ массы неиспользованнаго, гораздо болѣе цѣннаго матеріала,—значитъ, поступать крайне неразсчетливо. Руководствуясь этими соображеніями, гг. Вернеръ, Харизоменовъ (таврическіе статистики) и Щербина (воронежскій), рѣшившись примѣнить къ своей области подворную разработку данныхъ переписи, составили лишь краткія по-общинныя таблицы, построенныя по прежнему плану, которыя отняли у нихъ всего какихъ-нибудь $1\frac{1}{2}$—3 печатныхъ листа. Но мы бы сократили другую таблицу (Б) названныхъ сборниковъ, т. наз. групповую, тоже по-общинную и столь же подробную, какъ и таблицы всѣхъ земскихъ статистическихъ изданій, но гдѣ цифровыя данныя отнесены не ко всей деревнѣ цѣликомъ, а къ группамъ ея домохозяевъ, различающимся по величинѣ надѣла (воронежскій сборникъ), или по размѣрамъ засѣваемой площади (таврическій). Такое расчлененіе домохозяевъ по ихъ хозяйственной состоятельности, безъ сомнѣнія, крайне важно и достойно всякаго подражанія со стороны всѣхъ статистическихъ бюро. Но если изданіе разсматриваемыхъ по-общинныхъ таблицъ представляется затруднительнымъ, легко можно помириться на сводныхъ таблицахъ по разрядамъ крестьянъ каждой волости или другой территоріальной единицы, ибо научныя силы нашего общества такъ скудны, что дай Богъ, чтобы ихъ хватило на обобщеніе и анализъ по-уѣздныхъ цифръ; а когда изслѣдователи заинтересуются по-общинными таблицами—и предвидѣть невозможно. Если послѣдовать нашему совѣту, то объемъ сборника сократится на 10—12 листовъ, что̀ представитъ немалую экономію денегъ, а можетъ быть, и труда. Взамѣнъ сокращаемой части можно расширить комбинаціонныя таблицы — самую интересную часть новаго типа изданій.

Таблицы эти составляются слѣдующимъ образомъ.

Всѣ дворы района разбиваются на нѣсколько группъ по величинѣ ихъ надѣловъ (воронежскій сборникъ) или засѣваемой площади (таврическій); эти группы расчленяются на другія — по количеству рабочаго скота, а тѣ, въ свою очередь, на третьи—по мужской рабочей силѣ (воронежскій сборникъ останавливается на второмъ дѣленіи, таврическій—на третьемъ). Всѣ остальныя свѣденія даются объ этихъ послѣднихъ группахъ, входящихъ, какъ мы видѣли, составнымъ элементомъ въ комбинацію трехъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ факторовъ: рабочей силы богатства скотомъ и величины земельнаго участка. Благодаря такому расположенію матеріала, мы получаемъ

возможность изучать вліяніе, оказываемое на бытъ населенія тѣмъ или другимъ сочетаніемъ названныхъ факторовъ; можемъ также выдѣлить всѣ дворы, характеризующіеся какимъ-нибудь однимъ признакомъ съ цѣлью наблюдать его вліяніе на благосостояніе и хозяйственное положеніе крестьянъ. Эту-то комбинаціонную таблицу мы и предлагаемъ расширить насчетъ предыдущей. Расширеніе ея можетъ быть сдѣлано въ двухъ направленіяхъ: въ увеличеніи числа комбинаціонныхъ таблицъ и въ расширеніи рамокъ этихъ послѣднихъ. Воронежскій сборникъ даетъ комбинаціонную таблицу для каждаго изъ разрядовъ крестьянъ и сводную—по всему уѣзду. Таврическій—дѣлитъ крестьянъ не по разрядамъ, а по волостямъ, съ различнымъ хозяйственнымъ положеніемъ населенія. Мы думаемъ, что слѣдуетъ сохранить дѣленіе г. Щербины и даже усложнить его разбитіемъ уѣзда на районы по почвеннымъ признакамъ, степени развитія промысловъ и другимъ условіямъ, оказывающимъ немаловажное вліяніе на положеніе сельскаго хозяйства. Что касается рамокъ комбинаціонной таблицы,—ихъ можно расширить введеніемъ данныхъ, характеризующихъ потребленіе населенія (указаніе числа дворовъ въ каждой группѣ, имѣющихъ одну, двѣ коровы, то или иное число овецъ, и пр.), размѣръ недоимокъ, промысловыя занятія, и т. д. Не можемъ здѣсь, кстати, не указать на очень важныя рубрики, введенныя г. Щербиной въ комбинаціонныя и групповыя по-общинныя таблицы по воронежской губерніи; это—данныя о покупкѣ крестьянами хлѣба, кредитѣ и семейныхъ раздѣлахъ. Замѣтимъ только, что оглавленіе послѣднихъ рубрикъ неясно и неправильно.

Только два названныя статистическія бюро и приняли пока систему разработки матеріала по типу комбинаціи различныхъ экономическихъ признаковъ; къ нимъ слѣдуетъ присоединить саратовское и вятское, обѣщающія держаться той же системы. Въ ближайшемъ будущемъ новый типъ разработки примется, вѣроятно, и многими другими учрежденіями, такъ какъ преимущества его очевидны. Въ виду этого желательно, чтобы таблицы таврическаго и воронежскаго бюро подверглись серьезной критикѣ, и чтобы, если это возможно, была выработана однообразная система группировки матеріала. А то въ настоящее время сдѣланы всего двѣ попытки новой разработки, и онѣ намъ дали два образца таблицъ, различающіеся одинъ отъ другого весьма существенно: таврическій образецъ группируетъ дворы по величинѣ посѣва на своей и арендованной землѣ, воронежскій—по величинѣ собственныхъ участковъ крестьянъ; первый, группируя дворы по владѣнію рабочимъ скотомъ, беретъ за единицу одну штуку послѣдняго, второй—двѣ, не говоря уже о томъ, что таврическій сборникъ даетъ комбинацію трехъ хозяйственныхъ факторовъ, а воро-

нежскій — только двухъ. Если комбинаціонныя таблицы сохранятъ характеръ, какой они имѣютъ въ настоящее время, то желательно, чтобы всѣ различія образцовъ, мѣшающія сравненію однѣхъ таблицъ съ другими, были устранены; а чтобы это желаніе скорѣе исполнилось, нужна основательная критика уже существующихъ изданій. Въ ожиданіи таковой, мы выскажемъ тѣ соображенія, которыя пришли намъ на умъ при первомъ знакомствѣ съ новымъ типомъ изданія и которыя значительно расходятся съ мнѣніемъ по этому вопросу земскихъ статистиковъ.

Конечной цѣлью статистическаго изслѣдованія является точный учетъ экономической жизни населенія и выясненіе причинъ того или другого ея направленія. Для такой цѣли нужно признаки благосостоянія сопоставить съ тѣми факторами, которые составляютъ основу хозяйственной дѣятельности; данныя потребленія, зависящія отъ величины дохода, сопоставить съ данными производства, опредѣляющими эту величину.

Итакъ, разъяснительная таблица должна состоять изъ двухъ частей: одна изъ нихъ рисуетъ, главнымъ образомъ, потребленіе народа и другія явленія, стоящія въ тѣсной связи съ его благосостояніемъ; другая даетъ понятіе о его производительной дѣятельности, т.-е. указываетъ, въ какой комбинаціи находятся другъ съ другомъ элементы этой послѣдней, откуда уже легко заключить, какая комбинація представляетъ наибольшія выгоды. Остановимся нѣсколько на вопросѣ, какое содержаніе желательно для каждой изъ названныхъ частей.

Благосостояніе человѣка измѣряется тѣмъ, насколько удовлетворены его разнообразныя потребности: потребность въ питаніи, одеждѣ, жилищѣ, умственныя потребности и т. д. Такимъ образомъ здѣсь прежде всего желательно знать потребленіе семьей хлѣба, мяса, молока, вина и т. п. Собирать эти свѣденія, однако, крайне затруднительно, и, вмѣсто прямого измѣренія количества потребляемыхъ предметовъ питанія, въ большинствѣ случаевъ мы должны довольствоваться данными о количествѣ молочнаго и мелкаго скота, въ томъ предположеніи, что таковой держится крестьянами по преимуществу съ потребительной, а не промышленной цѣлью. Эти данныя собираются земскими статистиками, равно какъ и другія, относящіяся къ жилищу крестьянина. Кажется, это единственныя свѣденія въ сборникахъ, заслуживающія довѣрія, прямо относящіяся къ предмету, насъ теперь интересующему. Ихъ, однако, еще недостаточно для выясненія различій въ благосостояніи всѣхъ хозяйственныхъ группъ, на какія могутъ быть разбиты крестьяне; нужно поэтому обратиться къ другимъ характеристическимъ явленіямъ, находящимся въ тѣсной

связи съ этимъ благосостояніемъ; къ таковымъ нужно причислить недоимки и условія кредита. Понятно, что бѣднякъ скорѣе накопитъ недоимку, нежели богатый; но не слѣдуетъ забывать и того, что легкость уплаты податей зависитъ отъ ихъ размѣра. Поэтому, рядомъ съ цифрами недоимокъ долженъ быть указанъ и нормальный размѣръ платежа. Точно также нужно имѣть въ виду, что долгъ на семьѣ непропорціоналенъ ея нуждѣ въ кредитѣ: хотя бѣднякъ и больше нуждается въ займахъ, но ему меньше вѣрятъ. Есть, однако, другой признакъ, стоящій, кажется, въ довольно ясной связи съ зажиточностью, это—процентъ по ссудѣ: кто повѣритъ бѣдняку въ долгъ, тотъ за рискъ потерять деньги возьметъ съ него большій процентъ. Поэтому рядомъ съ цифрами задолженности слѣдуетъ показывать и процентъ по ссудѣ.

Ограничиваясь сказаннымъ и обращаясь къ вертикальнымъ графамъ комбинаціонныхъ таблицъ сборниковъ, заключающихъ таковыя (черниговскому, таврическому, воронежскому), мы увидимъ, что они даютъ намъ немного изъ того, что̀ мы считаемъ желательнымъ. Сюда нужно отнести лишь цифры всего числа коровъ и мелкаго скота, встрѣчающіяся во всѣхъ трехъ сборникахъ, число семей бездомовыхъ и имѣющихъ грамотныхъ членовъ — въ таврическомъ и воронежскомъ изданіяхъ. Мы думаемъ, что эти данныя слѣдуетъ распространить указаніемъ, во-1-хъ, числа безкоровныхъ хозяевъ и многокоровныхъ, во-2-хъ,—числа крестьянъ, владѣющихъ большими и малыми избами. Г. Щербина приводитъ въ воронежскомъ сборникѣ еще цифру частныхъ долговъ крестьянъ; но безъ указанія процентовъ эти данныя не имѣютъ того діагностическаго значенія, какого мы отъ нихъ требуемъ. Бо̀льшая часть вертикальныхъ рубрикъ сборниковъ занята, однако, данными, характеризующими не потребленіе, а производство семьи, и притомъ производство исключительно земледѣльческое. Это именно свѣденія о рабочемъ скотѣ, землѣ—надѣльной, купчей и арендованной, способѣ обработки таковой; въ воронежскомъ сборникѣ—еще о томъ, занята ли семья промысломъ, держитъ ли наемныхъ рабочихъ, о числѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Такимъ образомъ, комбинаціонная таблица является, въ полномъ смыслѣ слова, таблицей сочетанія элементовъ сельско-хозяйственнаго производства и не улавливаетъ тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя крестьянинъ находитъ внѣ земледѣлія. Таковыми являются, напримѣръ, нѣкоторые промыслы. Безъ сомнѣнія, соотвѣтствующіе примѣры встрѣчаются въ черноземныхъ мѣстностяхъ, по которымъ только мы пока имѣемъ комбинаціонныя таблицы; но изъ послѣднихъ они не видны, хотя извѣстная комбинація земледѣльческой и обработывающей промышленности, можетъ быть, лучше обезпечиваетъ

населеніе, чѣмъ занятіе одною изъ нихъ. Правда, промысловыхъ семей въ черноземныхъ мѣстностяхъ немного; но не слѣдуетъ забывать, что съ теченіемъ времени ихъ будетъ становиться больше и больше. Для не-черноземныхъ же районовъ комбинаціонная таблица должна быть непремѣнно осложнена введеніемъ этого новаго фактора хозяйственной дѣятельности населенія. Но и въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣліе является сильно преобладающимъ занятіемъ крестьянъ, вертикальныя графы таблицы должны быть дополнены введеніемъ новыхъ. Въ противномъ случаѣ комбинаціонная таблица скоро потеряетъ значительную часть интереса.

Въ самомъ дѣлѣ, по первоначальнымъ своимъ образцамъ (черниговскому, таврическому) комбинаціонная таблица въ вертикальныхъ графахъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ новыхъ фактовъ, ограничивается, такъ сказать, распространеніемъ тѣхъ свѣденій, которыя она уже разъ дала въ своихъ горизонтальныхъ рубрикахъ. Дѣйствительно, послѣднія составляютъ группировку домохозяевъ по землѣ, семейному составу, рабочему скоту и (въ черниговскомъ сборникѣ) по отношенію къ землѣ (сдаютъ или арендуютъ). Вертикальныя графы даютъ намъ опять данныя о землѣ (общее количество разныхъ угодій въ группѣ), рабочемъ скотѣ, размѣрахъ сданной или арендованной земли, способѣ обработки земли (о чемъ и безъ этого можно составить приблизительное понятіе по богатству группы рабочимъ скотомъ). Совершенно же новыми цифрами слѣдуетъ считать лишь свѣденія о числѣ душъ обоего пола и не-рабочемъ скотѣ. Такимъ образомъ, вертикальныя графы комбинаціонной таблицы являются дополненіемъ горизонтальныхъ. Тѣ и другія имѣютъ цѣлью выяснить связь между размѣрами землевладѣнія, семейнымъ составомъ и состояніемъ земледѣльческаго хозяйства, указать и объяснить различныя комбинаціи сельско-хозяйственныхъ элементовъ, встрѣчающіяся въ мѣстности. По всей вѣроятности, эта связь и комбинаціи приблизительно одинаковы во всѣхъ областяхъ Россіи съ тѣми же обще-экономическими условіями. Достаточно поэтому изучить въ указанномъ направленіи два, три уѣзда-района, и мы узнаемъ все, что́ можетъ дать комбинаціонная таблица, и дальнѣйшая разработка матеріала по тому же образцу будетъ лишь повтореніемъ предыдущаго. Чтобы этого не случилось, чтобы представлять всегда живой интересъ, комбинаціонная таблица должна улавливать всѣ оттѣнки народной жизни, всѣ вновь возникающія формы,—это во-1-хъ; и затѣмъ расширить свои таблицы введенныхъ новыхъ графъ, относящихся какъ къ производству, такъ и къ потребленію. А то,—не говоря уже о послѣднемъ, которое почти вовсе игнорируется,—существующіе образцы комбинаціонныхъ таблицъ далеко не исчерпываютъ всего матеріала, относя-

щагося даже къ сельско-хозяйственной дѣятельности населенія. Таврическій сборникъ, напримѣръ, ничего не говоритъ о семьяхъ, держащихъ батраковъ; ни онъ, ни воронежскій (не говоря уже о черниговскомъ) не указываютъ на участіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ другихъ формъ наемнаго труда (поденнаго и т. п.), а также не вводятъ въ группировку семей, отдающихъ своихъ членовъ въ батраки. Приводя свѣденія объ арендѣ крестьянами чужихъ земель, они умалчиваютъ о сдачѣ ими своихъ надѣловъ, и т. д. Всѣ эти данныя должны войти въ таблицы, такъ какъ послѣднія имѣютъ цѣлью объясненіе не однихъ только господствующихъ явленій народной жизни, но и тѣхъ, которыя мало распространены или только еще возникаютъ. Лишь при такомъ объясненіи мелочей мы и можемъ сознательно участвовать въ народной жизни, поддерживать достойное поддержанія, бороться съ тѣмъ, что̀ мы считаемъ вреднымъ.

Но какъ же уловить малѣйшіе оттѣнки народной жизни? Можно ли составить такой образецъ таблицы, чтобы ею охватывались всѣ теченія экономической дѣятельности? не представляютъ ли эти теченія значительнаго разнообразія по мѣстностямъ, что̀ ведетъ къ необходимости разнообразія и въ таблицахъ, и не расширятся ли послѣднія до необъятныхъ размѣровъ, если мы пожелаемъ включить въ нихъ цѣликомъ всю народную жизнь? По всей вѣроятности, это вѣрно; а если такъ, то комбинаціонная таблица пріобрѣтаетъ особую роль, несходную съ той, какая принадлежитъ другимъ таблицамъ сборниковъ и какую склонны ей приписать наши изслѣдователи народнаго быта.

Главная цѣль по-общинной таблицы — указать, какія явленія наблюдаются въ народной средѣ; главнѣйшей задачей комбинаціонной— является разъясненіе этихъ явленій. Послѣдняя могла бы имѣть одновременно и описательный характеръ: для этого нужно только значительно умножить вертикальныя ея рубрики; но это, вѣроятно, потребовало бы такой затраты труда на разработку матеріала, что пока объ этомъ нечего и думать. Если же смотрѣть на комбинаціонную таблицу исключительно какъ на разъяснительную, то это поведетъ къ слѣдующимъ важнымъ заключеніямъ.

Для разъясненія извѣстной группы явленій нѣтъ надобности охватить всю массу однородныхъ фактовъ, сюда относящихся. Нужно только, чтобы этихъ фактовъ было достаточно для устраненія случайностей, для того, чтобы изучаемое явленіе проявило свои существенныя черты. Если это вѣрно, то мы избѣгаемъ необходимости подвергать извѣстной разработкѣ всю массу соотвѣтствующихъ фактовъ,—напр., фактовъ, собранныхъ въ цѣлой губерніи; достаточно оперировать надъ данными одного, двухъ уѣздовъ. Но можно еще больше

облегчить работу. Комбинація экономическихъ факторовъ является въ данномъ случаѣ средствомъ изучить зависимость однихъ явленій отъ другихъ. Для такого изученія нѣтъ надобности одновременно оперировать надъ всею массой собраннаго матеріала, который вѣдь касается разнообразнѣйшихъ сторонъ народной жизни. Мы должны выдѣлить только тѣ цифры, которыя относятся къ сферѣ изучаемыхъ явленій, да и связь послѣднихъ можемъ изслѣдовать постепенно: этими пріемами значительно сокращаются размѣры комбинаціонныхъ таблицъ; вѣрнѣе говоря, одна бо́льшая разбивается на нѣсколько меньшихъ, которыя своею совокупностью замѣняютъ первую. При этомъ нѣтъ надобности, чтобы таблицы, разъясняющія различныя стороны народной жизни, были составлены на основаніи матеріала. собраннаго по одному и тому же району,—иначе говоря, чтобы они давались о всякомъ уѣздѣ. Еслибы было такъ,—нашъ планъ нельзя считать особенно упрощающимъ дѣло. Но если вѣрно то, что̀ мы выше говорили о повторяемости экономическихъ явленій въ различныхъ областяхъ страны; если, затѣмъ, комбинаціонная таблица дѣйствительно должна быть средствомъ разъяснить явленія, а не описывать ихъ, каковыми они существуютъ по всей Россіи, то понятно, что давать сочетанія тѣхъ же факторовъ по всѣмъ изслѣдуемымъ мѣстностямъ будетъ совершенно напрасной затратой труда и повтореніемъ извѣстнаго. При такой постановкѣ вопроса, для выясненія каждой категоріи фактовъ, нужно взять область, гдѣ именно изучаемыя явленія выражены особенно ясно; а затѣмъ обращаться къ другимъ мѣстностямъ, характеризующимся разнообразіемъ отношеній, и изучить комбинацію тѣхъ явленій, которыя раньше были уже нами изслѣдованы въ чистомъ видѣ.

Такой взглядъ на значеніе комбинаціонной таблицы открываетъ возможность полнаго разъясненія всего многообразія явленій народной жизни. Если сочетаніе цифръ не заключено въ однообразныя рамки, повторяемыя по всѣмъ изслѣдуемымъ мѣстностямъ; если земскіе статистики не будутъ затрачивать массу труда на обязательныя таблицы, изъ тома въ томъ заключающія повтореніе однихъ и тѣхъ же сочетаній,—въ такомъ случаѣ они могутъ давать комбинаціи цифръ, служащія для разъясненія самыхъ, повидимому, мельчайшихъ явленій народной жизни, на которыя, при необходимости сочетать данныя, относящіяся къ болѣе важнымъ факторамъ, они бы не обратили своего вниманія; они могли бы отвѣчать на всякій вопросъ со стороны литературы или жизни.

Пояснимъ это примѣромъ.

Комбинаціонная таблица обыкновеннаго типа не можетъ не вводить въ сочетаніе рабочій составъ семьи, какъ представляющій

важнѣйшій факторъ промышленной дѣятельности трудящагося населенія. Она и вводитъ его въ видѣ распредѣленія семей по числу взрослыхъ мужчинъ-работниковъ. Но опытъ сочетанія при болѣе мелкомъ дробленіи семей (разбивая каждую группу на семьи, имѣющія полуработниковъ и не имѣющія таковыхъ), сдѣланный полтавскими статистиками, показалъ, что въ дѣлѣ обезпеченія благосостоянія семьи имѣетъ большое значеніе не только лишній работникъ, но и полурабочій. Въ виду сказаннаго, въ комбинаціонную таблицу слѣдовало бы ввести и названный элементъ; если же мы это сдѣлаемъ, то должны будемъ расширить таблицу вдвое. Для выясненія роли одного только лишняго фактора приходится удвоивать объемъ таблицы! Понятно, что на такую работу не хватитъ никакихъ средствъ. А между тѣмъ фактъ, подмѣченный полтавскими статистиками, остается фактомъ, требующимъ подтвержденія и дальнѣйшаго разъясненія. Желательно изслѣдовать вліяніе полурабочаго при всевозможныхъ экономическихъ особенностяхъ страны: въ промышленныхъ и земледѣльческихъ мѣстностяхъ, при большомъ и маломъ надѣлѣ, въ степи, на болотѣ, и пр. Желательно затѣмъ узнать, замѣтнѣе ли указанное явленіе тогда, когда полурабочій принимаетъ непосредственное участіе въ хозяйствѣ семьи, увеличивая производительную ея силу путемъ сочетанія и раздѣленія труда, или когда онъ отдается въ заработки и доставляетъ семьѣ денежныя средства, или, наконецъ, когда онъ принимаетъ на себя заботы по хозяйству, освобождая взрослаго для выгоднаго сторонняго занятія. Важно затѣмъ узнать, съ какого возраста подростокъ начинаетъ играть такую видную роль въ хозяйствѣ семьи и насколько полуработникъ-мальчикъ отличается въ этомъ отношеніи отъ дѣвушки, могутъ ли два полуработника замѣнить одного полнаго, и т. д. Замѣтимъ кстати, что значеніе женской половины семьи въ крестьянскомъ хозяйствѣ до сихъ поръ изслѣдователями почти не затронуто; а все это можетъ быть легко выяснено, если, принявъ благое рѣшеніе—при разработкѣ цифроваго матеріала держаться системы сочетаній,—статистики не заключатъ его въ цѣпи, не примутъ систему повторенія однѣхъ и тѣхъ же комбинацій, а будутъ прибѣгать къ послѣднимъ, какъ къ средству выясненія явленій важныхъ, интересныхъ, но покрытыхъ мракомъ неизвѣстности.

Мы не считаемъ высказанныхъ соображеній безусловно истинными, даже такими, отъ которыхъ мы никогда не откажемся. Разработка матеріала, заключающагося въ комбинаціонныхъ таблицахъ, можетъ быть, докажетъ необходимость именно такого къ нимъ отношенія, какое обнаруживаютъ современные земскіе статистики. А они придаютъ ей смыслъ, какъ выясняющій зависимость между различными элементами сельско-хозяйственнаго производства, и вліяніе той или

другой комбинаціи послѣднихъ на хозяйственное положеніе крестьянина. Съ этой точки зрѣнія мы и отнесемся къ построенію горизонтальныхъ графъ таблицы, такъ какъ это построеніе въ обоихъ новыхъ изданіяхъ, давшихъ сочетанныя таблицы, неодинаково.

Благосостояніе рабочаго населенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ его рукъ; въ земледѣльческомъ классѣ не мéньшую роль играетъ и размѣръ участка. Другой видъ средствъ производства — то, чтò обыкновенно называютъ капиталомъ — составляетъ уже второстепенную часть, въ значительной мѣрѣ зависящую отъ сочетанія первыхъ двухъ элементовъ. Поэтому комбинаціонная таблица, стремящаяся уловить главнѣйшія основы хозяйственнаго быта населенія, должна прежде всего исходить изъ этихъ двухъ экономическихъ факторовъ. Между тѣмъ какъ всѣ три образца комбинаціонныхъ таблицъ, начинаясь группировкой дворовъ по землѣ, распредѣленіе ихъ по рабочему составу отлагаютъ до конца (чтó еще, впрочемъ, не особенно большой грѣхъ), а воронежскій даже вовсе не вводитъ этого элемента въ горизонтальныя графы, такъ что всѣ данныя его вертикальныхъ рубрикъ относятся къ дворамъ, характеризующимся тѣми или другими матеріальными элементами производства (размѣрами землевладѣнія, количествомъ рабочаго скота), безъ отношенія къ ихъ рабочему составу. Второй же инстанціей въ расчлененіи домохозяевъ является ихъ богатство рабочимъ скотомъ. Воронежскій сборникъ на этомъ и заканчиваетъ свои сочетанія; таврическій—расчленяетъ семьи еще по ихъ рабочимъ силамъ, а ихъ прототипъ — черниговскій— вводитъ въ сочетаніе еще вопросъ о томъ, берутъ ли крестьяне землю въ аренду, сдаютъ ее, или не берутъ и не сдаютъ.

Мы сказали, что первымъ признакомъ, по которому производится группировка дворовъ въ комбинаціонныхъ таблицахъ, служитъ земля. Намъ кажется заслуживающимъ бóльшаго вниманія пріемъ г. Щербины, положившаго въ основу этого расчлененія собственную землю крестьянъ, а не посѣвную площадь на своей и арендованной землѣ, какъ это сдѣлалъ, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, таврическій статистикъ, Вернеръ. Послѣдняя величина имѣетъ тотъ недостатокъ, что она крайне непрочна, такъ какъ зависитъ отъ внѣшнихъ и очень измѣнчивыхъ условій: состоянія хозяйства крупныхъ собственниковъ и ихъ готовности сдавать землю крестьянамъ. Но, отдавая предпочтеніе воронежскому сборнику, группирующему хозяйства по величинѣ надѣла, мы не можемъ утвердительно сказать, что г. Щербина поступилъ правильно, положивъ въ основу дѣленія всю величину надѣла крестьянъ, а не одну только пахатную землю. Дѣло въ томъ, что почти всюду въ Россіи крестьяне ведутъ зерновое хозяйство, а широта послѣдняго измѣряется размѣрами запашки; эта же послѣдняя

величина никоимъ образомъ не пропорціональна надѣлу, такъ какъ процентъ пахатной земли въ надѣлѣ зависитъ отъ системы полеводства, а также отъ того, могутъ ли крестьяне арендовать кормовыя угодья и сколько именно. Въ виду сказаннаго семьи съ одинаковой величиной надѣла, но принадлежащія къ различнымъ естественнымъ районамъ Россіи, будутъ представлять значительное различіе въ хозяйственномъ положеніи и благосостояніи: десять десятинъ на дворъ въ вятской, курской и таврической губерніяхъ имѣютъ совершенно различное значеніе, чего уже нельзя сказать о десяти десятинахъ пашни, а тѣмъ болѣе посѣва. Въ виду сказаннаго мы считали бы болѣе цѣлесообразнымъ группировать семьи по величинѣ пахатной надѣльной земли, еслибы эта послѣдняя могла быть всегда точно измѣрена. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о не-черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ идетъ постоянное расширеніе пахатной площади, такъ что величина всего надѣла остается, можетъ быть, болѣе надежнымъ, если и не совсѣмъ удачнымъ основаніемъ группировки. Можетъ быть, раціональнѣе было бы въ основу группировки дворовъ по землевладѣнію положить не пространственную единицу, а экономически-потребительный принципъ: разбить населеніе на группы, имѣющія отъ надѣла только пропитаніе, обезпеченіе податей, удовлетвореніе всѣхъ потребностей средней семьи и т. д. Затѣмъ, мы считаемъ необходимымъ слѣдовать черниговскому образцу комбинаціонной таблицы: дѣлить дворы по ихъ отношенію къ арендѣ ими чужихъ угодій и сдачѣ своихъ собственныхъ, ибо есть цѣлые районы крестьянъ, надѣленныхъ очень малыми участками и, тѣмъ не менѣе, ведущими исправно хозяйство, благодаря лишь легкости арендовать большую площадь частно-владѣльческихъ или казенныхъ земель. То же можно сказать и про малоземельныхъ членовъ обыкновенной общины: ихъ экономическое положеніе вообще и въ частности хозяйственное совершенно иное въ томъ случаѣ, когда они дополняютъ недостаточный надѣлъ арендою чужихъ угодій, и въ другомъ—когда они не могутъ сдѣлать этого.

Земля составляетъ важнѣйшій факторъ экономической дѣятельности земледѣльческаго населенія, и потому естественно, если всѣ образцы комбинаціонныхъ таблицъ начинаютъ сочетаніе именно съ этого признака. Но благосостояніе трудящагося населенія не менѣе того зависитъ и отъ труда; поэтому тотъ или другой рабочій составъ семьи составляетъ столь же важный хозяйственный факторъ, какъ и землевладѣніе. И, однако, воронежскій сборникъ ставитъ его на заднее мѣсто, не вводитъ въ сочетаніе на-ряду съ землевладѣніемъ, и отдаетъ предпочтеніе рабочему скоту, несмотря на то, что послѣдній, до извѣстной степени, является результатомъ перваго. Г. Щер-

бина мотивируетъ свой образъ дѣйствій замѣчаніемъ, что рабочій составъ семьи, характеризующійся тѣми или другими условіями землевладѣнія и скотоводства, все равно виденъ изъ вертикальныхъ рубрикъ таблицы, и потому его сочетаніе съ первыми двумя факторами возможно безъ введенія его въ горизонтальныя графы. На это мы возразимъ, во 1-хъ, что то же самое можетъ быть сказано и о скотоводствѣ; слѣдовательно этимъ соображеніемъ не устраняется необходимость сравненія различныхъ экономическихъ факторовъ при построеніи комбинаціонной таблицы и введенія въ сочетаніе тѣхъ изъ нихъ, которые представляются болѣе важными. Во 2-хъ, помѣщеніе рабочаго состава семьи въ вертикальныя графы таблицы позволяетъ сочетать этотъ послѣдній факторъ хозяйственной дѣятельности лишь съ землевладѣніемъ и скотоводствомъ, — но не со всѣми тѣми данными, которыя приводятся въ остальныхъ вертикальныхъ рубрикахъ и которыя относятся лишь къ семьямъ, сгруппированнымъ по даннымъ горизонтальныхъ графъ, а эти послѣднія въ воронежскомъ сборникѣ относятся лишь къ землевладѣнію и скотоводству. Въ виду сказаннаго мы думаемъ, что если комбинаціонная таблица сохранитъ характеръ, какой она приняла при своемъ появленіи на свѣтъ божій,—рабочій составъ семьи долженъ составить непремѣнную часть горизонтальныхъ рубрикъ таблицы.

Итакъ, на основаніи десятилѣтняго опыта мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій и разработки матеріала, сведеннаго по различнымъ системамъ, можно высказать слѣдующее заключеніе о существующихъ типахъ изданій.

Группировка собраннаго матеріала по деревнямъ или общинамъ, безъ дальнѣйшаго расчлененія его по дворамъ, имѣетъ сравнительно мало не только научнаго, но и практическаго значенія. Научное значеніе ея невелико потому, что деревня не представляетъ цѣльной хозяйственной единицы, а есть конгломератъ таковыхъ, образованный совершенно искусственно. Особеннаго практическаго значенія названная система не имѣетъ потому, что бо́льшая часть мѣропріятій мѣстныхъ учрежденій будетъ имѣть въ виду не всю массу населенія огуломъ, а тѣ его группы, которыя нуждаются въ помощи. Пожелаете ли вы узнать причины накопленія недоимокъ и выработать мѣры для борьбы съ ними—вамъ недостаточно тѣхъ свѣденій, какія имѣются объ этомъ въ статистическихъ изданіяхъ; вамъ мало знать, за какими деревнями числятся недоимки; требуется имѣть характеристическіе признаки семей, накопившихъ таковыя: ихъ земельное обезпеченіе, богатство рабочей силой, ихъ занятія. Пожелаете

ли серьезно озаботиться объ обезпеченіи народнаго продовольствія, вы опять-таки мало вынесете изъ тѣхъ цифръ, какія найдете въ сборникѣ: средній размѣръ надѣла, посѣвъ, урожай, пріуроченные къ цѣлой деревнѣ, достаточны были бы для рѣшенія вопроса, еслибы послѣдняя представляла одну семью или коммуну. Но теперь двѣ рядомъ стоящія общины могутъ обладать одними и тѣми же перечисленными признаками и въ то же время представлять большое различіе относительно нужды въ продовольствіи. Въ одной изъ нихъ недавно произведено уравненіе земель; по близости много свободной для аренды земли; почти всѣ семьи поэтому держатъ скотъ и засѣваютъ участки, достаточные для ихъ прокормленія. Въ другой—надѣльная земля распредѣлена крайне неравномѣрно; дополнить недостающія угодья арендой чужихъ малоземельные крестьяне не могутъ; то же количество скота и посѣва, что и въ первой деревнѣ, сосредоточено въ немногихъ рукахъ, и 25—30 % хозяевъ ежегодно нуждаются въ продовольствіи. Чтобы знать все это, нужно имѣть свѣденія о распредѣленіи надѣльной земли между семьями, данныя о томъ, какіе дворы арендуютъ землю и сколько именно, какъ распредѣленъ между крестьянами рабочій скотъ и т. д. Иначе говоря, нужно, чтобы цифры пріурочивались не къ цѣлой деревнѣ, а къ группамъ дворовъ, характеризующимся тѣми или другими хозяйственными признаками.

По-общинныя таблицы и ихъ сводныя по волостямъ, уѣзду и разрядамъ крестьянъ,—если онѣ учитываютъ подлежащія явленія, какъ будто-бы послѣднія вытекали изъ солидарной дѣятельности жителей всего территоріальнаго района, какъ цѣльной единицы, т.-е. если онѣ характеризуютъ явленія одной цифрой, относящейся ко всей общинѣ, не расчленяя ея на части, соотвѣтственно группамъ дворовъ съ различнымъ хозяйственнымъ положеніемъ,—такія таблицы въ состояніи дать намъ понятіе объ экономическомъ положеніи мѣстности или средняго двора, но ничего не говорятъ о томъ разнообразіи хозяйственныхъ типовъ населенія, какое существуетъ въ описываемой области, безсильны выяснить соціально-экономическія отношенія въ населеніи района. Изученіемъ данныхъ такого рода таблицъ мы опредѣлимъ то, чтó составляетъ понятіе національнаго богатства, но очень мало узнаемъ о народномъ благосостояніи. То или другое количество скота, посѣва, собраннаго хлѣба въ мѣстности можетъ принадлежать меньшинству жителей и можетъ быть равномѣрно распредѣлено въ массѣ. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть крупное крестьянское хозяйство, батрацкій трудъ, зажиточное меньшинство крестьянъ, бѣдность массы; во второмъ — совершенно иныя отношенія; а матеріальныя условія хозяйственной дѣятельности

района, въ видѣ инвентаря, продуктовъ производства и т. д., указываемыя таблицей, въ обоихъ случаяхъ будутъ одни и тѣ же. Очевидно, что таблицы описываемаго типа даютъ только результаты, но не причины явленія; рисуютъ соціальную машину въ ея движеніи, но скрываютъ механизмъ послѣдняго, т.-е. неспособны выяснить причины явленія, къ чему именно и стремится наука.

Однако, такихъ сборниковъ, которые бы давали только огульныя цифры, не существуетъ. Самый первый изъ нихъ, московскій, всего болѣе приближающійся къ описанному типу, т.-е. всего менѣе преслѣдующій детальности цифръ, а довольствующійся огульными показаніями, все-таки выдѣляетъ число безземельныхъ дворовъ общины и незанимающихся хлѣбопашествомъ, т.-е. производитъ, хотя слабое, расчлененіе своихъ данныхъ. Слѣдующія изданія проводятъ это расчлененіе дальше. Не довольствуясь общей цифрой, напримѣръ, скота въ деревнѣ, они указываютъ еще, какъ онъ распредѣленъ между семьями; такъ же они относятся къ цифрамъ, характеризующимъ нѣкоторыя другія хозяйственныя отношенія. Чѣмъ больше встрѣчается въ сборникѣ такихъ расчлененій статистическихъ данныхъ, тѣмъ лучше ими выясняется соціально-экономическій характеръ мѣстности, тѣмъ виднѣе становится механизмъ, производящій явленія, которыя до того были намъ извѣстны лишь въ своихъ результатахъ. Но такое расчлененіе данныхъ вертикальныхъ графъ безъ измѣненія основной единицы (территоріальной), къ которой пріурочиваются свѣденія, имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что оно даетъ разрозненные детали, связать которые другъ съ другомъ, съ цѣлью выяснить взаимную связь явленій, можно только косвеннымъ путемъ и то далеко не совершенно. Эта система расчлененія данныхъ лучше той, при которой свѣденія показываются огуломъ, но она еще недостаточна. А между тѣмъ внѣшнее построеніе всякой таблицы таково, что ею легко было бы связать всѣ зарегистрованныя явленія съ какимъ-либо однимъ экономическимъ факторомъ: для этого стоило бы только, вмѣсто прежней искусственной единицы (община, деревня), къ которой пріурочены свѣденія, или наряду съ нею, взять хозяйственную, выбравъ изъ числа экономическихъ признаковъ важнѣйшій.

Такая попытка систематическаго проведенія принципа расчлененія хозяйствъ черезъ всѣ таблицы сдѣлана таврическимъ и повторена воронежскимъ статистическимъ бюро. Собранныя свѣденія показываются ими не для всей деревни цѣликомъ, а для каждой изъ 4—5 группъ домохозяевъ, на которыя они разбиваютъ деревню, принимая за основу величину земельнаго участка семьи. При такой системѣ группировки матеріала вы имѣете передъ собой характе-

ристику опредѣленной группы семей, а не случайнаго конгломерата бѣдныхъ, среднихъ и богатыхъ дворовъ, какимъ представляется деревня или община. Это нововведеніе и расширеніе вертикальныхъ таблицъ въ направленіи, о которомъ мы говорили выше, составляетъ важнѣйшія и необходимыя поправки, какихъ мы ждемъ отъ земскихъ статистическихъ изданій. Правда, принявъ систему таврическаго сборника, нужно будетъ увеличить таблицы въ нѣсколько разъ; но это лишь при условіи, если, вмѣстѣ съ перемѣной системы группировки, не измѣнится и территоріальная единица, къ которой пріурочиваются свѣденія. Мы уже говорили выше и теперь вновь повторяемъ, что данныя о каждой общинѣ составляютъ пока излишнюю роскошь, и что если приходится выбирать между дробностью территоріальной и экономической единицъ, мы готовы пожертвовать первой въ пользу второй. Мы совершенно удовольствуемся, если намъ дадутъ подробныя и широко-расчлененныя свѣденія, сгруппированныя по волостямъ (или какимъ-нибудь естественнымъ или хозяйственнымъ районамъ) и разрядамъ крестьянъ, чтó позволитъ имѣть болѣе цѣнныя данныя при уменьшенныхъ размѣрахъ таблицъ сравнительно съ существующими.

Но не трудно составить такой образецъ таблицы, который бы одновременно удовлетворялъ обоимъ требованіямъ. Нѣкоторыя, имѣющія общій характеръ, свѣденія можно давать по-общинно, не расчленяя этой единицы на группы дворовъ съ различнымъ хозяйственнымъ положеніемъ; другія же, и преимущественно детализированныя, данныя слѣдуетъ относить къ хозяйственнымъ группамъ, довольствуясь, при этомъ уже болѣе крупной территоріальной единицей—волостью и т. п. Въ крайнемъ случаѣ таблицы можно еще сократить устраненіемъ среднихъ цифръ и процентныхъ отношеній, которыя въ настоящее время занимаютъ довольно много мѣста, которое полезнѣе было бы отдать основнымъ цифрамъ, такъ какъ производныя легко вычислять самому читателю.

Указываемое нами измѣненіе въ таблицахъ тѣмъ естественнѣе, что и сами статистики начинаютъ тяготиться общепринятой системой отнесенія всѣхъ цифръ къ деревнѣ и пробуютъ замѣнять послѣднюю болѣе крупной территоріальной единицей. Такъ, большую часть собраннаго матеріала вятскій сборникъ пріурочиваетъ не къ общинѣ, а къ району, состоящему изъ нѣсколькихъ смежныхъ селеній съ одинаковыми почвенными условіями и данными урожайности. Разсматриваемое изданіе держится еще по-волостной группировки: каждая волость разбивается имъ на нѣсколько районовъ, т.-е. единица, къ которой относятся всѣ свѣденія, слишкомъ мелка. Но ее можно сдѣлать значительно крупнѣе и этимъ освободить мѣсто для расчлене-

нія дворовъ территоріальной единицы на группы съ различными хозяйственными признаками, къ которымъ тогда и пріурочивать данныя вертикальныхъ рубрикъ.

Вятскій сборникъ сходенъ съ защищаемымъ нами образцомъ таблицъ и въ другомъ отношеніи. Весь статистическій матеріалъ пріурочивается въ немъ не къ району, какъ цѣльной единицѣ, а къ народностямъ, населяющимъ мѣстность. Русскіе, вотяки, татары и черемисы существуютъ въ малмыжскомъ уѣздѣ рядомъ и перемѣшаны въ разныхъ его уголкахъ въ различныхъ пропорціяхъ. Статистики раздѣляютъ эти народности, и цифры, относящіяся къ каждой изъ нихъ, показываютъ отдѣльно другъ отъ друга. Здѣсь мы наблюдаемъ то же расчлененіе семей, какое видѣли въ таврическомъ и воронежскомъ сборникахъ, но основанное не на экономическомъ началѣ, а на этнографическихъ различіяхъ. Пріемъ вятскаго бюро, а также казанскаго, которое еще два года назадъ держалось того же принципа изученія крестьянскаго хозяйства по народностямъ, далъ уже свои плоды, показавъ зависимость того или иного положенія земледѣлія отъ расовыхъ особенностей хозяевъ. Еще болѣе плодотворными будутъ результаты разработки статистическаго матеріала по хозяйственнымъ группамъ крестьянъ, ибо работы тѣхъ же статистическихъ учрежденій показали, что, напримѣръ, рѣзкія земельныя различія важнѣе этнографическихъ, яснѣе отражаются на положеніи хозяйства крестьянъ и ихъ благосостояніи.

Группированіе матеріала по хозяйственнымъ разрядамъ населенія практикуется, до извѣстной степени, и смоленскими статистиками. Кромѣ обычныхъ по-общинныхъ таблицъ, гдѣ свѣденія даются огуломъ для всей деревни, они составили еще волостныя таблицы для трехъ группъ населенія: ведущихъ хозяйство, сдающихъ надѣлъ и безземельныхъ. Еще шагъ, и смоленскій сборникъ пріобщится къ тѣмъ изданіямъ, которыя ввели групповыя таблицы, хотя, можетъ быть, и примѣнитъ ихъ только для по-волостныхъ итоговъ, въ чемъ мы, однако, не находимъ особенной бѣды.

Здѣсь мы остановимся въ своемъ обзорѣ новыхъ земско-статистическихъ изданій, хотя не можемъ не признать, что нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться дольше. Къ сожалѣнію, размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ сдѣлать этого.

В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1886 г.

Новое министерство въ Англіи.—Неудача Гладстона и ея причины.—Особенности консервативной побѣды.—Разложеніе либеральной партіи и характеръ англійскихъ партій вообще.—„Черныя точки“ на политическомъ горизонтѣ.—Политическій и нравственный упадокъ Сербіи.—Замѣчательный „первый министръ“.—Болгарскія и сербскія дѣла.

Третья перемѣна министерства въ теченіе одного года—событіе рѣдкое не только въ Англіи, но и во всякой другой странѣ. Въ началѣ іюня прошлаго года палъ кабинетъ Гладстона, послѣ пятилѣтняго неудачнаго управленія, богатаго тяжелыми ошибками и промахами во внѣшней политикѣ. Бомбардированіе Александріи, напрасныя экспедиціи въ Суданъ, гибель генерала Гордона, ссора съ Россіею изъ-за афганскихъ границъ—таковы были главные политическіе грѣхи Гладстона и его партіи. Министерство Сольсбѐри возникло какъ бы неожиданно: второстепенный финансовый вопросъ—о налогѣ на пиво и спиртные напитки—послужилъ предметомъ горячихъ преній въ палатѣ общинъ; сэръ Гиксъ-Бичъ и Стаффордъ-Норскотъ произнесли сильныя рѣчи противъ правительства. Гладстонъ воспользовался случаемъ и связалъ судьбу кабинета съ предстоявшимъ рѣшеніемъ парламента, который и высказался въ пользу оппозиціи. Консерваторы обязаны были своею побѣдою двумъ обстоятельствамъ—переходу ирландскихъ депутатовъ на сторону оппозиціи и внутреннему расколу среди либеральной партіи. Министерство 8 іюня не могло держаться долго; осенніе парламентскіе выборы не доставили ему большинства, и маркизъ Сольсбѐри долженъ былъ вновь уступить мѣсто Гладстону, когда группа Парнелля примкнула опять къ либераламъ. Палата общинъ, выбранная по новому избирательному закону, давала возможность управлять страною только при содѣйствіи ирландскихъ депутатовъ; эта группа получила руководящее вліяніе въ парламентѣ, благодаря равенству силъ обѣихъ главныхъ партій. Гладстонъ задумалъ устранить этотъ ненормальный порядокъ вещей; онъ рѣшился удовлетворить всѣ требованія ирландцевъ, чтобы разъ навсегда избавить англійскій парламентъ отъ враждебнаго и слишкомъ вліятельнаго элемента. Предлогъ для низверженія лорда Солисбѐри былъ также выбранъ пустой: въ преніяхъ объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, въ засѣданіи 27 января, предложена была резо-

люція Джесси Коллингса, порицавшая правительство за отсутствіе (въ тронной рѣчи) какихъ-либо обѣщаній о мѣрахъ для улучшенія быта поселянъ; резолюція была принята палатою, послѣ заявленія Гладстона, что онъ беретъ на себя отвѣтственность за послѣдствія. Вопросъ о поселянахъ оказался только удобною ширмою для болѣе широкой и смѣлой программы, къ которой не была подготовлена страна и которой не могла сочувствовать значительная часть либераловъ. Гладстонъ занялся составленіемъ ирландскаго билля. Предположенная реформа обнимала двѣ чрезвычайно сложныя задачи: устройство полнаго самоуправленія Ирландіи и выкупъ земель ирландскихъ ландлордовъ въ пользу фермеровъ черезъ посредство англійскаго казначейства. Гладстонъ не позаботился достигнуть соглашенія въ рядахъ своей собственной партіи; онъ выработалъ свой билль безъ участія наиболѣе видныхъ товарищей по министерству, разошелся съ самыми даровитыми и могущественными союзниками, отстаивалъ подробности билля противъ большинства либеральныхъ дѣятелей, начиная съ маститаго Брайта и кончая маркизомъ Гартингтономъ, и въ заключеніе очутился почти одинъ противъ лучшихъ силъ англійской интеллигенціи. Гладстонъ и его вѣрный помощникъ Джонъ Морлей (министръ по дѣламъ Ирландіи) не могли ничего сдѣлать противъ всего общественнаго мнѣнія Англіи, выражаемаго представителями самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія. Кабинетъ могъ еще надѣяться на новыхъ сельскихъ избирателей и вообще на народныя массы. Гладстонъ распустилъ парламентъ, отвергнувшій билль, и обратился къ странѣ для избранія другого состава палаты. Страна дала отвѣтъ неблагопріятный для Гладстона, и власть снова перешла къ лорду Солисбёри.

Консерваторы не располагаютъ абсолютнымъ большинствомъ въ новомъ парламентѣ; они имѣютъ 316 голосовъ противъ 268 либераловъ, изъ которыхъ только 190 остаются вѣрными бывшему премьеру, а въ сторонѣ держится по прежнему сплоченная группа 85 ирландцевъ подъ предводительствомъ Парнелля. Положеніе торійскаго кабинета зависитъ главнымъ образомъ отъ поддержки виговъ, отдѣлившихся отъ Гладстона и группирующихся около маркиза Гартингтона. При общемъ числѣ членовъ палаты въ 670 человѣкъ консерваторамъ недостаетъ лишь 20 голосовъ, чтобы имѣть необходимое большинство (336); а виговъ, готовыхъ идти вслѣдъ за лордомъ Солисбёри, оказывается около 40, такъ что министерство можетъ существовать спокойно, не опасаясь союза ирландскихъ депутатовъ съ приверженцами Гладстона. Послѣдніе, вмѣстѣ съ группою Парнелля, составляютъ оппозицію въ 275 человѣкъ; къ этой оппозиціи слѣдуетъ прибавить еще радикаловъ съ Чамберлэномъ во главѣ,—въ числѣ

около 35 чел., причемъ силы меньшинства доходятъ до внушительной цифры—310 депутатовъ—противъ 316 торіевъ и 40 виговъ. Новый премьеръ долженъ былъ прежде всего заручиться обѣщаніемъ содѣйствія со стороны лорда Гартингтона и солидарныхъ съ нимъ умѣренныхъ либераловъ: содѣйствіе обѣщано на извѣстныхъ условіяхъ, и министерство организовано изъ однихъ торійскихъ элементовъ, такъ какъ виги отклонили предложеніе участвовать въ составленіи кабинета.

Избирательная борьба, приведшая къ торжеству консерваторовъ, была предпринята Гладстономъ при обстоятельствахъ въ высшей степени критическихъ для либеральной партіи. Партія распалась на два враждебныхъ лагеря, благодаря ирландскому биллю; наиболѣе талантливые дѣятели либерализма (не считая самого Гладстона) дѣйствовали противъ либераловъ и невольно помогали побѣдѣ своихъ враговъ-торіевъ. Чамберлэнъ, Гошенъ, Гартингтонъ и многіе другіе энергично боролись противъ ирландскаго проекта Гладстона, а только этотъ проектъ былъ предметомъ обсужденія во время выборовъ. Страна была призвана высказаться или за, или противъ реформы—или, вѣрнѣе, за Гладстона или противъ него. Кто не желалъ парламента въ Дублинѣ и затраты многихъ милліоновъ на выкупъ земель въ Ирландіи, тотъ становился въ ряды противниковъ правительства и противъ воли хлопоталъ объ успѣхѣ консервативной оппозиціи. Гладстонъ не только оттолкнулъ отъ себя испытанныхъ либераловъ и прогрессистовъ, но заставилъ ихъ принять дѣятельное участіе въ борьбѣ и самъ выступалъ противъ нихъ съ безпощадною рѣзкостью. Ирландскій билль былъ весьма неудобною почвою для избирательной кампаніи; онъ былъ неудобенъ вдвойнѣ—и по своей общей непопулярности въ англійскомъ обществѣ, и по той розни, которую породилъ онъ между либералами. Реформа, не принятая партіею самого Гладстона, могла сдѣлаться только личнымъ его девизомъ, но никакъ не знаменемъ партіи, — и дѣйствительно, выборы имѣли какъ будто характеръ плебисцита по отношенію къ личности премьера, безъ примѣси другихъ, болѣе общихъ соображеній. Если дѣло шло о либеральныхъ принципахъ, то выразителями ихъ были и Чамберлэнъ, и Гартингтонъ, и Джонъ Брайтъ,—и не было основанія утверждать, что въ ихъ рукахъ либерализмъ былъ менѣе основателенъ, чѣмъ въ рукахъ Гладстона. Ирландскій билль самъ по себѣ не могъ увлечь народныя массы въ Англіи; онъ касался вопросовъ слишкомъ отдаленныхъ, обще-государственныхъ, не связанныхъ нисколько съ потребностями англійскаго населенія; поэтому и новые сельскіе избиратели не имѣли никакого повода одобрять реформу, которая должна была стоить много милліоновъ безъ всякой пользы для англійскихъ

плательщиковъ податей. Избирателямъ оставалось давать свои голоса Гладстону или его оппонентамъ, руководствуясь личными симпатіями и не входя въ оцѣнку спорныхъ проектовъ; но при этомъ возникало недоумѣніе, почему приходится снова выбирать членовъ парламента, избранныхъ уже въ прошломъ году, и народъ не могъ уже ограничиться пассивнымъ выраженіемъ своихъ сочувствій. Нужно еще имѣть въ виду, что почти вся ежедневная печать постоянно громила реформу Гладстона со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, а въ Англіи печать есть господствующая политическая сила. Гладстонъ какъ будто не замѣчалъ этого общаго движенія; онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ своимъ недавнимъ единомышленникамъ и продолжалъ упорно говорить о вѣковыхъ правахъ Ирландіи, о необходимости полной автономіи и безусловнаго довѣрія къ Парнеллю.

Оживленная борьба велась въ предѣлахъ либеральной партіи, и особенною неутомимостью отличались на этотъ разъ радикалы и виги, которымъ и принадлежитъ по справедливости вся заслуга пораженія Гладстона. Что они работали для консерваторовъ—въ этомъ не ихъ вина; вопросъ былъ такъ поставленъ, что нельзя было отвѣчать на него иначе, какъ устраненіемъ либеральнаго премьера. Виги и радикалы считали пагубнымъ и немыслимымъ для Англіи созданіе особаго ирландскаго правительства съ Парнеллемъ во главѣ; они считали это опаснымъ для государственнаго единства и убійственнымъ для милліона протестантовъ, живущихъ на островѣ и составляющихъ наиболѣе предпріимчивую и богатую часть населенія. Проникнутые такимъ убѣжденіемъ, они должны были дѣлать выборъ между важнѣйшими интересами государства и своею парламентскою связью съ Гладстономъ,—и они не могли колебаться и порвали связь, которая для многихъ изъ нихъ была не только дѣломъ чувства, но и карьеры. Говорятъ, что частые политическіе кризисы въ Англіи свидѣтельствуютъ объ упадкѣ парламентскихъ учрежденій въ этой странѣ. Но много ли найдется государствъ, гдѣ политическіе и общественные интересы такъ безусловно управляли бы дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ? Чамберлэну предлагалась роль будущаго преемника Гладстона, въ качествѣ предводителя либеральной партіи,—если онъ откажется отъ оппозиціи; но онъ предпочелъ отказаться отъ министерскаго портфеля и отъ дальнѣйшей заманчивой перспективы, предпочелъ доставить побѣду консерваторамъ и самому остаться ни-съ-чѣмъ, лишь бы не прошелъ въ парламентѣ несправедливый и вредный по его мнѣнію законъ. Такъ же точно союзники Чамберлэна и Гартингтона усердно занимались подготовленіемъ успѣха враждебныхъ имъ торіевъ, не ожидая за это другой награды, кромѣ сознанія исполненнаго долга. Поведеніе либераловъ, отрекшихся отъ Гладстона, было

тѣмъ болѣе безкорыстно, что они въ короткое время подвергли себя добровольному риску двойнаго избранія, сопряженнаго съ громадными расходами, — тогда какъ они оставались бы спокойно на своихъ мѣстахъ, еслибы согласились поддерживать министерскій проектъ въ палатѣ общинъ. Въ Англіи мы дѣйствительно видимъ борьбу самостоятельныхъ мнѣній, и даже подавляющій личный авторитетъ, имѣющій за собою полувѣковую давность и опирающійся на совершенно исключительныя дарованія, не могъ сохранить единство руководимой имъ партіи, какъ только нарушено было согласіе во взглядахъ на одну изъ существенныхъ задачъ правительства.

Консерваторы предоставили вигамъ и радикаламъ первенствующую роль въ избирательной агитаціи; они правильно разсчитали, что самые вѣрные и сильные удары будутъ нанесены программѣ Гладстона его бывшими соратниками, представителями тѣхъ же принциповъ, во имя которыхъ говорилъ и дѣйствовалъ премьеръ. Консерваторы готовились пожинать тамъ, гдѣ не сѣяли, и на ихъ двусмысленную тактику горько жалуются нѣкоторые солидные журналы. „Ни одинъ изъ торіевъ,—замѣчаетъ „Fortnightly Review“,—не стоялъ въ этомъ случаѣ на одномъ уровнѣ хотя-бы съ Гошэномъ или Тревельяномъ,—не говоря уже о Гартингтонѣ и Чамберлэнѣ... Ихъ бездѣйствіе было столько же замѣчательно, какъ ихъ рѣчи и воззванія были неблагоразумны... Они мало говорили и еще менѣе дѣлали для той уніи, которую они будто-бы такъ высоко цѣнили. Ихъ молчаніе кажется, однако, не столь преступнымъ, если вспомнить ихъ странныя отдѣльныя заявленія и дѣйствія. Лордъ Сольсбёри счелъ нужнымъ обѣщать ирландцамъ двадцать лѣтъ твердаго принудительнаго режима какъ будто нарочно для того, чтобы дать министерской партіи предлогъ для обвиненій и популярныхъ возгласовъ. Чтó сказать о слабомъ и неопредѣленномъ заявленіи, съ которымъ обратился къ своимъ избирателямъ сэръ Гиксъ-Бичъ, или о манифестѣ лорда Рандольфа Чёрчилля, съ его неумѣренными и неприличными выходками противъ Гладстона? Очевидно, лордъ Чёрчилль имѣлъ въ виду только раёкъ, вмѣсто того чтобы имѣть въ виду сущность возбужденнаго вопроса“.

Въ этихъ и подобныхъ имъ упрекахъ отражается, между прочимъ, опасеніе, что консерваторы, получивъ власть, могутъ сами повторить опытъ Гладстона и вступить въ сдѣлку съ депутатами Ирландіи. Не даромъ они остерегались связывать себя какою-либо программою и ограничивались общими фразами, которыя можно понимать различно. Торійская партія готова была въ прошломъ году надѣлить Ирландію тою же автономіею, которую позднѣе взялся устроить Гладстонъ. Лордъ Чёрчилль велъ переговоры съ ирландскими вождями; лордъ Карнарвонъ, назначенный лордомъ-лейтенантомъ

Ирландіи, имѣлъ свиданіе съ Парнеллемъ, причемъ выразилъ свое полное сочувствіе его стремленіямъ. Соглашеніе не состоялось по неизвѣстнымъ причинамъ; но что торіи были не прочь дать ирландцамъ самоуправленіе—это не подлежитъ уже спору. Парнелль весьма ловко разоблачилъ это обстоятельство въ парламентѣ, чѣмъ поставилъ консерваторовъ въ весьма затруднительное положеніе; лордъ Карнарвонъ долженъ былъ признаться печатно, что имѣлъ дѣловой разговоръ съ Парнеллемъ и что свиданіе устроено было по почину его, Карнарвона, и его друзей. Довѣріе къ искренности торіевъ не могло не пошатнуться подъ вліяніемъ этого разоблаченія. Какую цѣну могутъ имѣть патріотическія нападки на проектъ Гладстона, если сами возражающіе думали выступить съ однороднымъ проектомъ и оставили свое намѣреніе только потому, что требованія Парнелля были слишкомъ велики? Мысль о сдѣлкѣ съ Ирландіею не была чужда торійскимъ дѣятелямъ и при составленіи настоящаго министерства. Наиболѣе видный постъ канцлера казначейства, соединяемый обыкновенно съ должностью руководителя большинства въ палатѣ общинъ, предложенъ лорду Рандольфу Чёрчиллю, который недавно еще считался сторонникомъ разрѣшенія ирландскаго вопроса въ духѣ Парнелля. Министромъ по дѣламъ Ирландіи назначенъ сэръ Гиксъ-Бичъ, человѣкъ мягкій и нерѣшительный, подчиняющійся всецѣло вліянію Чёрчилля. Что касается новаго вице-короля Ирландіи, лорда Лондондерри, то онъ принадлежитъ къ числу крупныхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ, которые вообще сильнѣе кого бы то ни было заинтересованы въ окончательномъ умиротвореніи края. Предсказаніе Джона Морлея, что въ случаѣ неудачи билля Гладстона консерваторы вынуждены будутъ провести такую же точно реформу,—можетъ исполниться скорѣе, чѣмъ думаютъ. Гладстонъ сдѣлалъ двѣ крупныя ошибки: онъ напрасно связалъ съ автономіею выкупъ земель, требующій громадныхъ финансовыхъ жертвъ, и слишкомъ далеко пошелъ въ обезпеченіи внутренней независимости Ирландіи, такъ что было основаніе опасаться за цѣлость и единство государства. Торіи постараются избѣгнуть этихъ ошибокъ и вновь попробуютъ завязать сношенія съ Парнеллемъ, если только будутъ чувствовать у себя настолько силы, чтобы держаться твердо въ управленіи страною при настоящемъ составѣ палаты общинъ.

Для всѣхъ очевидно, что ирландскій вопросъ не можетъ долго оставаться нерѣшеннымъ. Возбужденіе, вызванное въ Ирландіи событіями послѣднихъ мѣсяцевъ, не пройдетъ безслѣдно; сами англичане привыкли къ идеѣ дублинскаго парламента и отчасти примирились съ нею, благодаря попыткамъ и доводамъ Гладстона. Ни лордъ Сольсбёри, ни кто-либо другой изъ членовъ правительства не мо-

гутъ вѣрить серьезно, что принудительныя мѣры, испытанныя много разъ въ текущемъ столѣтіи, окажутся болѣе дѣйствительными и цѣлесообразными въ настоящее время. Партія ирландской автономіи превосходно дисциплинирована; она не выходитъ изъ предѣловъ законности и фактически полновластно заправляетъ дѣлами Ирландіи, подъ руководствомъ закаленнаго и энергическаго государственнаго человѣка, занимающаго теперь одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду политическихъ дѣятелей Великобританіи. Не будучи министромъ и не имѣя никакого оффиціальнаго званія, Парнелль оказывается сильнѣе и крѣпче тѣхъ парламентскихъ правительствъ, которыя организуются консерваторами или либералами; онъ неизмѣнно остается на своемъ посту, во главѣ Ирландіи, тогда какъ англійскіе министры мѣняются и часто зависятъ отъ его воли. Парнелль неотвѣтственъ ни передъ какимъ парламентомъ; онъ отвѣчаетъ только передъ своими помощниками и избирателями; онъ можетъ задерживать ходъ законодательства въ Англіи и останавливать англійскую парламентскую машину; онъ можетъ, при случаѣ, свергать министерства и создавать трудные политическіе кризисы, крайне чувствительные для англичанъ, и никакія внѣшнія мѣры не въ состояніи измѣнить это ненормальное положеніе. Еслибъ удалось устранить личность Парнелля, на его мѣсто сталъ бы одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ—быть можетъ, болѣе крутой, какъ напр. Дэвиттъ; такъ и было разъ при Гладстонѣ, когда Парнелль содержался въ тюрьмѣ по обвиненію въ произнесеніи возмутительныхъ рѣчей. Парнелль и его партія представляютъ теперь силу, съ которою должно по-неволѣ считаться всякое правительство въ Англіи,—тѣмъ болѣе, что за этою легальною силою стоитъ еще темная масса людей, готовыхъ на отчаянную динамитную войну и имѣющихъ обширныя связи и средства въ Америкѣ. Ирландскій вопросъ по прежнему стоитъ неизмѣнно предъ лицомъ англійскаго общественнаго мнѣнія, подобно тому, какъ неизмѣнно стоитъ на своемъ мѣстѣ ирландская группа депутатовъ, съ Парнеллемъ во главѣ. Гладстонъ хотѣлъ увѣнчать свою политическую карьеру окончательнымъ разрѣшеніемъ ирландской задачи; ему не дали осуществить это намѣреніе, и тяжелое наслѣдство досталось его преемникамъ. Справятся ли они съ выпавшею на ихъ долю задачею и какъ они справятся — это вопросъ, находящійся въ связи съ болѣе общимъ вопросомъ о жизненной прочности торійской партіи и объ устойчивости новаго министерства.

Если консерваторы побѣдили въ Англіи, то это не значитъ еще, что одержали верхъ тѣ политическіе принципы, которые принято называть консервативными на материкѣ Европы. Лордъ Сольсбери, по своимъ убѣжденіямъ, мало чѣмъ отличается отъ маркиза Гартинг-

тона; лордъ Чёрчилль—скорѣе радикалъ, чѣмъ консерваторъ. Англійскіе торіи консервативны только въ одномъ: они гораздо больше вниманія обращаютъ на внѣшнюю политику и на поддержаніе международнаго могущества Англіи, чѣмъ либеральная партія. Внутреннія реформы столь же часто совершаются торійскими министрами, какъ и либеральными. Избирательный билль 1867 года, сильно подорвавшій вліяніе поземельной аристократіи на парламентскіе выборы, выработанъ и проведенъ былъ торійскимъ кабинетомъ. Что англійскіе консерваторы имѣютъ очень мало общаго съ консерваторами континента, это видно уже изъ того, что съ ними могли дѣйствовать заодно либералы и даже радикалы. Принадлежность къ той или другой партіи зависитъ часто отъ семейныхъ традицій; переходъ изъ одного лагеря въ другой вызывается нерѣдко политическими соображеніями, въ которыхъ внутреннія дѣла не играютъ никакой роли. Лордъ Дерби разошелся съ Биконсфильдомъ и примкнулъ къ Гладстону только потому, что не одобрялъ воинственной политики по отношенію къ Россіи. Самъ Биконсфильдъ былъ въ молодости радикаломъ и оставался всегда далекимъ отъ узкаго консерватизма, въ континентальномъ смыслѣ этого слова. Гладстонъ, наоборотъ, былъ консерваторомъ въ юности, хотя, въ сущности, былъ такимъ же прогрессистомъ, какъ и въ позднѣйшіе годы; его оттолкнула отъ торіевъ иностранная ихъ политика, не соотвѣтствовавшая его мягкой натурѣ и его мечтательному идеализму. Разложеніе двухъ историческихъ партій, которымъ поочередно принадлежала власть надъ страною, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ новѣйшей англійской исторіи. Прежніе торіи мало-по-малу сливаются съ вигами, и на смѣну либераламъ стараго закала выступаютъ свѣжія силы, выдвигаемыя новыми, болѣе обширными слоями избирателей. Распредѣленіе партій естественно мѣняется послѣ каждой избирательной реформы, расширяющей кругъ полноправныхъ гражданъ. Пока въ парламентѣ засѣдали лишь представители высшихъ и среднихъ классовъ общества, до тѣхъ поръ имѣло смыслъ дѣленіе на торіевъ и виговъ; теперь, при участіи низшихъ слоевъ населенія въ парламентскихъ выборахъ, образуются новыя группы и вырастаютъ новые политическіе элементы, значеніе которыхъ должно все болѣе увеличиваться. Плоды реформы 1885 года, давшей право голоса двумъ милліонамъ сельскихъ избирателей, еще не скоро могутъ быть замѣтны, и Гладстонъ несомнѣнно ошибся, если думалъ уже найти надежную опору въ этой массѣ новичковъ избирательнаго права, не привыкшихъ еще дѣйствовать самостоятельно въ незнакомой имъ политической области. Традиціи тяготѣютъ еще надъ современными вигами и торіями; но не трудно замѣтить, что виги и торіи составляютъ уже, въ сущности, одну кон-

сервативную партію, которой недостаетъ лишь внѣшняго формальнаго единства, и что, съ другой стороны, радикалы и прогрессисты готовятся занять мѣсто прежней либеральной партіи, отъ которой давно отстали виги. Разрозненные элементы, изъ которыхъ въ послѣдніе годы состояла либеральная партія, сдерживались только личнымъ вліяніемъ Гладстона; теперь она распалась, и ея составныя части едва-ли соединятся вновь. Неудачи Гладстона ускорили этотъ процессъ разложенія, или, вѣрнѣе сказать, обнаружили лишь то, чтó скрывалось раньше, ибо совмѣстная дѣятельность Гартингтона и Чамберлэна въ одномъ лагерѣ и въ одномъ министерствѣ была только искусственнымъ прикрытіемъ, которое должно было неизбѣжно исчезнуть рано или поздно. Англійскія либеральныя газеты обвиняютъ теперь Гладстона въ томъ, что онъ разстроилъ и обезсилилъ свою партію; но эти газеты забываютъ, что единство партіи было отчасти личнымъ дѣломъ либеральнаго премьера, и что она давно разбилась бы на естественныя группы, еслибы не было того „великаго стараго зонтика", подъ которымъ различные элементы работали, повидимому, мирно и дружно до появленія ирландскаго билля.

Газетные патріоты отъ времени до времени привѣтствуютъ появленіе такъ называемыхъ „черныхъ точекъ" на политическомъ горизонтѣ и не скрываютъ своего прискорбія по поводу того, что эти точки не превращаются въ грозныя тучи и упорно остаются ничтожными точками. Балканскія и восточныя дѣла всегда давали богатый матеріалъ для глубокомысленныхъ газетныхъ соображеній и догадокъ. Чтó предприметъ король Миланъ? Чтò затѣваетъ князь Александръ Баттенбергскій? Какъ отвѣтитъ Турція на справедливыя русскія требованія, основанныя на берлинскомъ трактатѣ? Какъ, въ свою очередь, посмотритъ Европа на необходимое и вполнѣ законное распоряженіе Россіи относительно Батума? О чемъ совѣщается австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальнокки, съ германскимъ канцлеромъ, княземъ Бисмаркомъ, въ Киссингенѣ? Всѣ эти вопросы волнуютъ журналистику и указываютъ ей наглядно на существованіе „черныхъ точекъ", истинный смыслъ которыхъ никому неизвѣстенъ.

Вѣнская печать занимается много королемъ Миланомъ, который призванъ будто-бы неразрывно связать Сербію съ культурною Австро-Венгріею. Недавно собиралась въ Бѣлградѣ сербская скупштина и выслушала трогательную рѣчь короля о великихъ задачахъ Сербіи, о прекращеніи войны съ Болгаріею по волѣ Европы, о полномъ разстройствѣ финансовъ, о необходимости новыхъ займовъ и налоговъ, о прежней враждѣ къ болгарамъ и о дальнѣйшемъ продолженіи по-

литики, давшей уже столь блестящіе результаты. Сербское правительство заговорило тономъ побѣдителя, не взявшаго Софіи только по великодушію,—оно заговорило тономъ, вполнѣ подобающимъ столь великой и могущественной державѣ, съумѣвшей обуздать оппозицію заключеніемъ ея депутатовъ въ тюрьму и едва не одолѣвшей болгаръ подъ Сливницею. Сербія имѣетъ замѣчательно твердую, незыблемую политику; то, что было до войны, продолжается и теперь, и тотъ же государственный человѣкъ, который рѣшился храбро воевать съ сосѣдними болгарами, стоитъ понынѣ во главѣ правительства, не смущаясь ничѣмъ и не опасаясь ничего. Этотъ государственный человѣкъ, очевидно, совмѣщаетъ въ себѣ стойкость и мужество Макъ-Магона съ дальновиднымъ упорствомъ Гизо; онъ произноситъ вслухъ такія изреченія, которыхъ не въ силахъ понять даже лучшіе его друзья, австрійскіе журналисты. Г. Гарашанинъ обладаетъ драгоцѣнными свойствами, которымъ могъ бы позавидовать Гладстонъ или лордъ Солисбери; онъ умѣетъ быть первымъ министромъ даже въ такое время, когда противъ него высказывается вся страна въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей. Онъ не столь простъ и наивенъ, какъ англійскіе премьеры; онъ не станетъ уступать свое мѣсто вождю оппозиціи, а, напротивъ, предложитъ взять его подъ арестъ, чтобы и другимъ неповадно было возражать противъ замѣчательныхъ мнѣній г. Гарашанина. Гладстонъ позволялъ всѣмъ и каждому оспаривать его проекты,—и онъ погубилъ себя этимъ; но ничего подобнаго не допуститъ знаменитый сербскій министръ, ибо то, что годится для какой-нибудь Англіи, немыслимо въ такой великой и благоустроенной странѣ, какъ Сербія. Г. Гарашанинъ остается тѣмъ же самымъ и до войны, и послѣ войны; онъ одинаково неумолимъ, твердъ какъ скала, настойчивъ какъ кремень, послѣдователенъ и логиченъ до неузнаваемости. Хотя война, по недоразумѣнію, окончилась подъ Сливницею, а не въ Софіи, но это не измѣняетъ нисколько ни цѣлей, ни плодовъ предпринятой кампаніи; и цѣли, и плоды должны быть блестящи, такъ какъ и тѣ, и другіе займутъ хорошія страницы въ славной исторіи сербовъ, по авторитетному свидѣтельству г. Гарашанина. Сербія должна торопиться дѣйствовать и впредь, какъ она дѣйствовала понынѣ; г. Гарашанинъ великодушно обѣщаетъ ей новую войну, для того чтобы отечество имѣло случай еще разъ воспользоваться его самоотверженнымъ патріотизмомъ. Первый походъ въ Софію былъ неожиданно остановленъ неизвѣстно кѣмъ,—быть можетъ, Австріею, а быть можетъ, болгарскими войсками, прогнавшими сербовъ; возможно также, что просто сербамъ „гнусно стало“ (по выраженію Льва Толстого) убивать болгаръ безъ причины, и они бѣжали добровольно восвояси. По крайней мѣрѣ, всѣ эти предположенія кажутся одинаково

правдоподобными съ точки зрѣнія той загадочной „исторіи", которую составляетъ первый министръ Сербіи въ назиданіе современникамъ и потомству. Мы какъ-то говорили о „маленькихъ Бисмаркахъ", появившихся въ Сербіи; но теперь мы беремъ назадъ это выраженіе, какъ совершенно неподходящее. Мы не знаемъ, гдѣ учился г. Гарашанинъ политическому искусству и откуда заимствовалъ онъ свои правила государственной мудрости; но во всякомъ случаѣ князь Бисмаркъ не могъ служить ему образцомъ.

Нѣкоторыя австрійскія газеты находятъ, что нынѣшніе сербскіе дѣятели слѣдуютъ примѣру Австріи и стараются водворить культуру въ своей странѣ; но это, очевидно, недоразумѣніе со стороны вѣнскихъ политиковъ. Мы не знаемъ австрійскаго министра, который дѣйствовалъ бы теперь въ духѣ г. Гарашанина; намъ неизвѣстна также австрійская провинція, которая управлялась бы такъ оригинально, какъ Сербія. Что касается культуры и цивилизаціи, то Сербія, повидимому, быстро идетъ къ одному изъ печальныхъ продуктовъ промышленнаго недоразвитія — совершенному банкротству финансовому и народно-хозяйственному. Желаніе сдѣлать изъ небольшой и небогатой земли могущественное королевство съ обширными политическими задачами, съ большою постоянною арміею, съ самостоятельными войнами изъ-за равновѣсія, и т. п.,—такое желаніе есть плодъ ослѣпленія и ограниченности, а не культурнаго роста. Непосильные внѣшніе долги, которыми опутана Сербія, банковые и биржевые дѣльцы, завладѣвшіе ея казною, дружескія финансовыя услуги, оказываемыя Бѣлграду вѣнскими аферистами,—все это ничего общаго не имѣетъ ни съ культурою, ни съ цивилизаціею, а свидѣтельствуетъ скорѣе о несчастной судьбѣ страны, имѣвшей всѣ задатки правильнаго самостоятельнаго развитія и подпавшей разлагающему вліянію продажныхъ аферистовъ. Вѣнскія газеты не могли бы говорить о благотворныхъ послѣдствіяхъ австрійскаго союза для Сербіи, еслибы онѣ ближе присмотрѣлись къ ненормальному состоянію этого небольшого государства.

Правители Болгаріи также хлопочутъ о великихъ дѣлахъ, какъ и дѣятели Сербіи; но они дѣйствуютъ съ большею разсчетливостью, ищутъ покровителей не въ биржевыхъ сферахъ, а въ кабинетахъ великихъ державъ, не обманываютъ себя иллюзіями и преклоняются исключительно передъ реальною политикою успѣха. Князь Александръ Баттенбергъ понялъ всѣ слабости и недочеты того „европейскаго концерта", о которомъ такъ часто упоминаютъ дипломаты. Онъ сообразилъ, что при существующихъ разногласіяхъ между сильнѣйшими государствами Европы очень не трудно даже маленькому правителю достигнуть значительныхъ цѣлей при помощи смѣлыхъ рѣшеній и

скачковъ, противъ которыхъ ни одна держава въ отдѣльности ничего предпринять не можетъ. Князь Александръ завладѣлъ Восточною Румеліею, и она была отдана ему на пять лѣтъ въ видѣ особаго генералъ-губернаторства; онъ объединилъ управленіе обѣихъ провинцій, созвалъ народныхъ представителей въ Софію и объявилъ, что соединенная Болгарія готова. Турція не протестуетъ, потому что находитъ для себя болѣе выгоднымъ поддерживать дружбу съ болгарскимъ княземъ, которому явно покровительствуютъ двѣ такія державы, какъ Германія и Англія. Россія отчасти протестуетъ и еще больше протестовала бы, еслибы можно было ожидать отъ этого какихъ-либо практическихъ результатовъ. Князь Александръ, какъ и всѣ великіе государи въ западной Европѣ, прочиталъ тронную рѣчь въ собраніи депутатовъ обѣихъ Болгарій; онъ превознесъ свои заслуги, объяснилъ значеніе войны съ сербами и напомнилъ о великихъ побѣдахъ, поразившихъ врага. Палата восторженно ему рукоплескала, подобно тому, какъ сербская скупштина (въ исправленномъ и очищенномъ видѣ) встрѣтила единодушными рукоплесканіями патріотическія слова о готовности націи кинуться опять на защиту отечества, если надобность въ этомъ замѣчена будетъ Гарашаниномъ. Чтó сдѣлаетъ изъ своего государства князь Баттенбергъ—пока еще неизвѣстно; но есть основаніе опасаться, что онъ пойдетъ по стопамъ Сербіи и Румыніи, заведетъ у себя заграничные банки, биржу, внѣшніе займы, долги, вооруженія, и когда народъ будетъ въ конецъ разоренъ, объявитъ его счастливымъ, культурнымъ и цивилизованнымъ.

Небольшіе народы Балканскаго полуострова не получили того, чего они добивались въ теченіе столѣтій; они изъ-подъ слабой турецкой власти попали въ другія, болѣе цѣпкія руки—въ руки иноземныхъ предпринимателей, которые постепенно затягиваютъ узелъ промышленнаго господства надъ населеніемъ чисто-земледѣльческимъ. Завоеваніе Балканскаго полуострова европейскими капиталами и предпріятіями есть только одно изъ послѣдствій того, что освобожденнымъ народностямъ не дано дѣйствительнаго самоуправленія, соотвѣтственнаго ихъ скромному образу жизни и ихъ внутреннимъ нуждамъ и желаніямъ.

Австро-Венгрія старалась отчасти облегчить сербскому королевству исполненіе его исторической миссіи: она взяла въ свое управленіе Боснію съ Герцеговиною, такъ какъ самимъ сербамъ было бы трудно справиться съ задачею присоединенія этихъ двухъ старинныхъ сербскихъ провинцій. Если же Боснія и Герцеговина окончательно присоединены будутъ къ Австріи, то Сербія можетъ сама тѣснѣе сблизиться съ своею могущественною сосѣдкою, чтобы по-

держивать тѣсныя связи съ многочисленными соплеменниками, живущими въ предѣлахъ имперіи Габсбурговъ. Со временемъ будетъ рѣчь о полномъ союзѣ, о федераціи, въ которой Сербія займетъ мѣсто рядомъ съ Чехіею и Галичиною,—если только мирное завоеваніе балканскихъ земель будетъ идти прежнимъ порядкомъ и если политическія обстоятельства будутъ благопріятствовать желательному для нѣмцевъ перемѣщенію центра тяжести австрійской монархіи на Балканскій полуостровъ. Эта перспектива уже не разъ раскрывалась передъ Сербіею въ разсужденіяхъ нѣмецкихъ публицистовъ, и—странное дѣло—незамѣтно было особеннаго протеста или неудовольствія со стороны сербскихъ политическихъ дѣятелей по поводу такихъ откровенныхъ указаній. Сербы привыкли къ безсмысленнымъ и разорительнымъ распоряженіямъ своихъ собственныхъ Макъ-Магоновъ, и они, быть можетъ, безъ особенной горечи увидятъ австрійскіе мундиры въ стѣнахъ Бѣлграда. Искусство Австріи будетъ заключаться въ томъ, чтобы, ни въ чемъ не нарушая международныхъ правъ и сербской дружбы, заставить самихъ сербовъ желать тѣснѣйшаго единенія съ австрійскою имперіею. Конечно, очень можетъ быть, что никто изъ государственныхъ людей Австро-Венгріи не думаетъ серьезно ни о чемъ подобномъ, въ виду, напр., неизбѣжныхъ возраженій Россіи; но правители Сербіи дѣйствуютъ именно такъ, какъ будто у нихъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ сліянія съ Австріею, и какъ будто у нихъ нѣтъ другихъ патріотовъ, кромѣ Гарашанина съ компаніею.

Сербскія дѣла для насъ даже болѣе поучительны, чѣмъ болгарскія: въ Болгаріи мы видимъ естественную агитацію, вызванную соединеніемъ съ Румеліею и сербскою войною; тамъ дѣйствуютъ и волнуются свѣжія, молодыя силы,—а въ Сербіи проявляются гнилые продукты византійства, смѣшаннаго съ затхлою атмосферою мелкой европейской биржи. Сербы не принадлежатъ уже самимъ себѣ,—они взяты на откупъ иностранными кредиторами, отъ имени которыхъ распоряжаются министры, иногда участвующіе въ барышахъ предпріятія. У насъ очень много говорятъ о Болгаріи, о паденіи въ ней русскаго вліянія и т. п.; но почему забываютъ при этомъ о Сербіи, съ которою у насъ также были еще недавно общіе и жгучіе интересы? Не забудемъ, что первый починъ въ послѣдней войнѣ противъ турокъ принадлежитъ сербамъ, что освободительное движеніе на Балканскомъ полуостровѣ начато было Сербіею, что туда направились добровольцы съ Черняевымъ во главѣ и что сербскія дѣла представляли тогда предметъ великаго интереса для русскаго общества. Почему же теперь такое полное забвеніе съ одной стороны, и такое поразительное паденіе—съ другой? Сербія первая выступила само-

отверженно во имя свободы болгаръ отъ турецкаго гнета; а теперь та же Сербія выступаетъ съ мелкою, завистливою враждою противъ тѣхъ же братушекъ-болгаръ, затѣваетъ нелѣпую братоубійственную войну и отдается всецѣло въ руки австрійскихъ дѣльцовъ. Какъ дошелъ сербскій народъ до такого униженія и почему онъ даже какъ-будто считаетъ его нормальнымъ? Почему княжество сербское не имѣло еще тѣхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ королевство? Эта страничка новѣйшей исторіи еще не вполнѣ написана: многое тутъ неясно и непонятно, но общія причины метаморфозы, которую въ короткое время пережила Сербія, могутъ быть опредѣлены безъ особеннаго труда. Правители, руководимые честолюбіемъ, снабдили княжество внѣшними принадлежностями большого государства, даже такими, какъ неоплатные долги и непрерывныя вооруженія; администрація испортилась и усложнилась, всюду проникла продажность, и эти недостатки быстро укоренились въ странѣ, благодаря отсутствію надлежащаго общественнаго контроля. Число чиновниковъ все болѣе возрастало, налоги усиливались непомѣрно, и сербское общество направилось внизъ по теченію, которое въ недалекомъ будущемъ можетъ довести его до позорнаго краха.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа 1886.

— Сравнительное языковѣденіе и первобытная исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индо-германской древности. Д-ра О. Шрадера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1886.

Нашу науку совершенно справедливо называютъ молодой. Между прочимъ, эта молодость обнаруживается чрезвычайной неравномѣрностью ея матеріала. Очень часто мы имѣемъ спеціальныя изслѣдованія нашихъ ученыхъ по такимъ предметамъ науки, по которымъ у насъ нѣтъ, однако, никакого общаго изложенія, никакого руководства. Молодость обнаруживается здѣсь двоякимъ образомъ: съ одной стороны, самое содержаніе науки на русскомъ языкѣ остается само по себѣ неполнымъ, отрывочнымъ; съ другой, оно остается, даже въ главнѣйшихъ чертахъ, недоступно всей массѣ непосвященныхъ, т.-е. обществу. Мы видѣли давно, и въ прежнее время, и особенно въ послѣднія десятилѣтія, когда умножились путешествія молодыхъ нашихъ ученыхъ за границу, что эти ученые, освоившись съ наукой въ преподаваніи иностранныхъ профессоровъ, гдѣ часто спеціальныя отрасли науки разработаны до большой подробности, и приступая къ собственнымъ трудамъ, ставятъ тѣ же самые спеціальные вопросы, которые, по ихъ мнѣнію, составляютъ текущую потребность науки, но совсѣмъ забываютъ при этомъ о положеніи вопроса въ той русской литературѣ, въ которой должны занять мѣсто ихъ труды. Нашъ ученый міръ сосредоточенъ почти исключительно въ университетахъ, и новѣйшее университетское преподаваніе также способствуетъ этому дробленію науки; молодые профессора ввели въ обычай чтеніе спеціальныхъ курсовъ вмѣсто цѣльныхъ обзоровъ науки, на подобіе того, какъ это дѣлается въ университетахъ иностранныхъ. И здѣсь опять забыта большая разница положенія: профессоръ, напр., нѣмецкій, весьма легко можетъ брать предметомъ чтенія частные отдѣлы науки, во-первыхъ, потому, что другіе отдѣлы читаетъ рядомъ его коллега;

во-вторыхъ, потому, что для общаго изложенія профессоръ можетъ указать цѣлый рядъ компендіумовъ и гандбуховъ, а часто и свой собственный. Ни того, ни другого не можетъ обыкновенно сдѣлать русскій профессоръ. Въ защиту спеціальныхъ курсовъ у насъ говорятъ иногда, что они полезны тѣмъ, что пріучаютъ слушателей къ ученой работѣ; но извѣстно очень хорошо, что процентъ будущихъ ученыхъ есть наименьшій въ массѣ университетскихъ слушателей; въ нѣмецкихъ университетахъ для этой спеціальной цѣли служатъ особые курсы, такъ называемые privata и privatissima, а у насъ privata даются для всѣхъ безъ исключенія и, конечно, съ меньшей пользой, чѣмъ полагаютъ читающіе ихъ профессора. Для огромнаго большинства прослушанный въ университетѣ курсъ бываетъ единственнымъ научнымъ запасомъ на всю жизнь; такъ что на всю жизнь у него получается, напр., небольшой кусокъ всеобщей исторіи древней и по куску средней, новой и русской. Такимъ образомъ, излишняя спеціализація университетскихъ курсовъ не отвѣчаетъ всей постановкѣ нашего университетскаго образованія, какъ спеціализація ученыхъ работъ не отвѣчаетъ положенію нашей научной литературы.

Мы говоримъ здѣсь особенно о предметахъ историко-филологическихъ. За отсутствіемъ руководствъ и общихъ обзоровъ нашъ студентъ и начинающій ученый нерѣдко оказываются въ громадной массѣ неосвѣщеннаго научнаго матеріала, какъ въ лѣсу. Профессора довольствуются разработкой спеціально интересующихъ ихъ предметовъ и ни мало не считаютъ своей обязанностью составленіе общихъ книгъ, перенявъ у нѣмцевъ даже презрительное отношеніе къ такого рода трудамъ, называя ихъ Eselsbrücke. Они находятся, конечно, въ глубокомъ заблужденіи. Если и бываетъ у нѣмцевъ злоупотребленіе гандбухами, то въ большемъ числѣ случаевъ изобиліе послѣднихъ ведетъ, напротивъ, къ большему распространенію научныхъ свѣденій, — какъ ихъ отсутствіе ведетъ къ противоположному результату. Примѣровъ сказаннаго можно набрать сколько угодно по всѣмъ отраслямъ историко-филологической науки. Гдѣ у насъ самостоятельныя общія работы по классической древности, литературѣ, искусству; гдѣ цѣльное изложеніе какого-либо крупнаго отдѣла всеобщей исторіи или исторіи литературы, или даже только обозрѣніе современнаго состоянія этихъ наукъ и ихъ метода; гдѣ какое-либо руководство по славянской филологіи—науки, которой, повидимому, слѣдовало бы именно у насъ имѣть свое гнѣздо (только теперь начатъ у насъ запоздалый переводъ „Сравнительной грамматики“ Миклошича, во многомъ теперь уже не удовлетворяющій спеціалистовъ); гдѣ какіе-нибудь общіе труды по филологіи сравнительной, и т. д.?

Къ сожалѣнію, наши ученые, скажемъ прямо, не умѣютъ пра-

вильно понять положенія нашего образованія и литературы и оцѣнить интереса самой ихъ спеціальности. Очевидно, что извѣстная наука будетъ тѣмъ больше находить дѣятелей, чѣмъ больше возбуждена къ ней любознательность въ большомъ кругу общества; между спеціальнымъ развитіемъ науки и общимъ образованіемъ есть самая тѣсная связь. Съ другой стороны, ограничиться изслѣдованіями спеціальными, въ сущности, гораздо легче, чѣмъ собрать содержаніе науки въ цѣломъ систематическомъ обозрѣніи.

Этому недостатку руководящихъ сочиненій у насъ помогаетъ не мало литература переводная, которая всего чаще идетъ мимо спеціалистовъ ученой корпораціи и которая, особенно въ послѣднія десятилѣтія, доставила русскимъ читателямъ много замѣчательныхъ произведеній европейской науки въ области философіи, соціальныхъ наукъ, естествознанія, всеобщей исторіи и пр. Русскимъ читателямъ стали доступны этимъ путемъ труды Конта, Шопенгауера, Тренделенбурга, Льюиса, Герберта Спенсера, Милля, Мэна, Фюстель-Куланжа и т. д., и т. д.; недавно мы имѣли случай говорить о новомъ важномъ предпріятіи этого рода въ переводѣ обширной „Всеобщей Исторіи“ Вебера (которой вышелъ теперь второй томъ). Новое замѣчательное пріобрѣтеніе для нашей литературы составляетъ и книга Шрадера.

Сравнительное языкознаніе уже лѣтъ тридцать или сорокъ поминается въ нашей литературѣ. Уже много разъ дѣлались и отрывочныя примѣненія этой науки къ вопросамъ русскаго и славянскаго языка и древности; являлись даже отдѣльные сравнительно-филологическіе трактаты по частнымъ вопросамъ этого предмета,—но читатель, ограниченный однѣми русскими книгами, напрасно искалъ бы сочиненія, по которому онъ могъ бы составить себѣ понятіе о системѣ и пріемахъ этой науки, о самомъ ея происхожденіи, главныхъ ея дѣятеляхъ и добытыхъ ею результатахъ. Между тѣмъ наука представляла величайшій интересъ; ея выводами опредѣлялись судьбы древнѣйшей цивилизаціи родоначальниковъ нашего племени, родство современныхъ народовъ, исторія обычаевъ, первоначальныхъ знаній, языка, поэтическихъ мотивовъ, преданій и т. д. Очевидно, что для тѣхъ, кого заинтересовали бы подобные предметы, необходимо было сочиненіе, въ которомъ указывались бы исторія, содержаніе, цѣли и пріемы этой науки. Такой книгой является сочиненіе нѣмецкаго ученаго Шрадера, вышедшее года три тому назадъ и являющееся теперь въ русскомъ переводѣ. Книга Шрадера составлена, по нѣмецкому обычаю, съ прекраснымъ знаніемъ литературы предмета, уже теперь чрезвычайно обширной и сложной; вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ не спеціальный трактатъ, доступный немногимъ избраннымъ, а, напротивъ, популярное изложеніе основныхъ вопросовъ науки, ко-

торое будетъ понятно и для обыкновеннаго читателя. Предметъ очень сложенъ. Сравнительное языкознаніе—наука очень недавняя, но успѣвшая пережить нѣсколько различныхъ взглядовъ на предметъ,—взглядовъ, которые и теперь продолжаютъ бороться въ ученой литературѣ; постоянно возрастаетъ и самый матеріалъ, обнимающій все новыя стороны языка и древняго быта, такъ что представляется нелегкою уже одна задача осмотрѣться въ этомъ разнообразіи научныхъ фактовъ и теорій. Сочиненіе Шрадера имѣетъ поэтому въ виду двѣ задачи: во-первыхъ, обзоръ современнаго состоянія научной разработки, и, во-вторыхъ, самое изслѣдованіе о первобытныхъ временахъ человѣческой цивилизаціи. Первый отдѣлъ книги заключаетъ „матеріалы для исторіи лингвистической палеонтологіи“, гдѣ сообщены свѣденія о развитіи самой науки съ конца XVIII вѣка до новѣйшихъ ученыхъ, указаны лингвистическія объясненія индо-европейской (по-нѣмецкой терминологіи: индо-германской) старины, заключенія о первобытной родинѣ древнѣйшаго индо-европейскаго племени и его послѣдующихъ разселеніяхъ отъ Индіи до послѣднихъ предѣловъ Европы. Во-второмъ отдѣлѣ собраны „матеріалы для методики и критики лингвистическо-историческаго изслѣдованія“, гдѣ объясняется значеніе и научное употребленіе тѣхъ данныхъ, которыя доставляются фактами языка, какъ родство языковъ индо-европейскихъ, утрата стараго имущества языка, географическое распредѣленіе индо-европейскихъ сходствъ, заимствованіе словъ однимъ языкомъ у другого; объясняются попытки возстановленія первобытнаго языка по тѣмъ фактамъ, которые доставляются древнѣйшими формами родственныхъ языковъ. Третій и четвертый отдѣлы: „Появленіе металловъ, особенно у индогерманскихъ народовъ“ и „Первобытныя времена“—посвящены тѣмъ результатамъ, которые добыты сравнительнымъ языкознаніемъ для опредѣленія древнѣйшаго быта индо-европейскихъ племенъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніяхъ. Такъ какъ въ развитіи культуры особенную роль играло знаніе металловъ и ихъ обработки (употребленіе металловъ полагало конецъ древнѣйшей, грубой культуры каменнаго вѣка и начинало новый періодъ въ развитіи человѣческаго быта), то Шрадеръ даетъ цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ; за общимъ введеніемъ разбираются „имена металловъ,—кузнецъ въ легендѣ и въ языкѣ,—золото,—серебро,—мѣдь,—бронза,—желѣзо,—олово и свинецъ,—старыя индо-германскія названія оружія“. Въ отдѣлѣ о первобытныхъ временахъ авторъ такимъ же образомъ излагаетъ выводы лингвистики относительно различныхъ сторонъ первобытной культуры, какъ: скотоводство, земледѣліе, пища и питье, семейство, нравственность, государство, техническія и изящныя искусства, знанія, языкъ, религія, отчизна. Изъ этого краткаго

указанія читатель можетъ видѣть, какъ разнообразно содержаніе книги Шрадера. Обширное знаніе литературы предмета соединяется у него, какъ мы сказали, съ простымъ, доступнымъ изложеніемъ, которое не затруднитъ и обыкновеннаго читателя, а масса библіографическихъ указаній можетъ быть очень полезна и для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ближе ознакомиться съ подробностями того или другого вопроса, и особенно для начинающихъ филологовъ. „Характеръ разсматриваемыхъ мною вопросовъ таковъ,—говоритъ Шрадеръ,—что книга предназначена для круга читателей болѣе широкаго, чѣмъ публика какого-нибудь строго филологическаго или лингвистическаго трактата. Поэтому я долженъ былъ избрать такой способъ изложенія, чтобы оно, не вызывая неудовольствія въ ученыхъ, было доступно и понятно не имъ однимъ, но и научно-образованнымъ профанамъ“. Книга будетъ, конечно, столько же доступна и обыкновенному читателю русскому, какъ нѣмецкому, тѣмъ болѣе, что русскій переводъ можетъ быть названъ безупречнымъ: онъ отличается замѣчательною легкостью и ясностью. По отсутствію въ нашей литературѣ книгъ подобнаго рода, переводъ книги Шрадера является важнымъ пріобрѣтеніемъ, которое можно рекомендовать каждому образованному читателю.

— **Указатель къ письмамъ Гоголя**, заключающій въ себѣ объясненіе иниціаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша. Съ приложеніемъ неизданныхъ отрывковъ изъ писемъ матери Н. В. и его собственныхъ. Составилъ В. Шенрокъ. М. 1886.

Г. Шенрокъ сдѣлалъ весьма полезную вещь, предпринявши объяснить значеніе тѣхъ безчисленныхъ заглавныхъ буквъ, подъ которыми въ изданіи переписки Гоголя и въ самой біографіи его, составленной г. Кулишомъ, скрыты имена близкихъ ему людей и другихъ лицъ, съ какими ему случалось имѣть сношенія. Эти иниціалы часто состоятъ изъ совершенно условныхъ буквъ, подъ которыми, въ свое время, даже опытнымъ читателямъ трудно было угадывать извѣстныхъ лицъ, и авторъ справедливо замѣчаетъ, что это оставляло и самое содержаніе писемъ въ какомъ-то туманѣ. „При такихъ условіяхъ,— говоритъ г. Шенрокъ,—не можетъ быть и рѣчи объ основательномъ изученіи писемъ великаго писателя, и не только лицамъ непосвященнымъ, но и спеціалистамъ, занимающимся разработкой литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ жизни и дѣятельности Гоголя, остаются, повидимому, неизвѣстными до сихъ поръ многія сокращенія, сдѣланныя издателемъ писемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неясными и самыя отношенія къ писателю обозначенныхъ имъ лицъ. Едва-ли многіе знаютъ, напримѣръ, о томъ, что отношенія Гоголя

къ Погодину были далеко не всегда дружественныя и что въ серединѣ сороковыхъ годовъ прежніе друзья замѣтно охладѣли другъ къ другу... Въ книгѣ Загарина: „В. А. Жуковскій и его произведенія“ и въ біографіи Жуковскаго, составленной Зейдлицемъ, даже такія лица, какъ Бѣлинскій и извѣстная по своимъ литературнымъ отношеніямъ А. О. Смирнова, при выпискахъ изъ писемъ къ нимъ Гоголя, не названы по именамъ, но обозначены буквами WO и NF“.

Эти недоумѣнія предположилъ, наконецъ, разсѣять составитель настоящей книжки. „Въ настоящее время, при занятіяхъ нашихъ письмами Гоголя, послѣ неоднократныхъ настойчивыхъ справокъ и сопоставленій съ недавно напечатанными письмами Жуковскаго, Плетнева, Вяземскаго, художника Иванова и другихъ лицъ (частію въ нашихъ историческихъ изданіяхъ, частію въ біографіяхъ и спеціальныхъ изданіяхъ сочиненій названныхъ друзей Гоголя), намъ удалось разъяснить почти всѣ важныя сокращенія, такъ что неясными для насъ остаются лишь тѣ изъ нихъ, которыя означаютъ лица, не имѣющія никакого существеннаго значенія въ перепискѣ, упоминаемыя лишь вскользь, и потому иначе не поддающіяся раскрытію, какъ только по сличеніи съ самыми подлинниками писемъ“.

Г. Шенрокъ расположилъ свои объясненія въ алфавитномъ порядкѣ французскихъ и русскихъ иниціаловъ и сокращеній, что, разумѣется, всего удобнѣе для справокъ.

Въ то время, когда печаталась въ первый разъ переписка Гоголя въ изданіи г. Кулиша (которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается единственнымъ), употребленіе иниціаловъ и сокращеній было необходимо (и самъ г. Кулишъ, печатая незадолго передъ тѣмъ „Записки о жизни Гоголя“, долженъ былъ скрываться за иниціалами). Время было еще слишкомъ близко и появленіе въ печати собственныхъ именъ вообще не нравилось, и потому избѣгалось. Теперь почти всѣ современники Гоголя, упоминающіеся въ его перепискѣ, отошли въ исторію, и пора было раскрыть и сберечь ихъ имена. Намъ кажется, что наступаетъ время и для новой біографіи Гоголя; прежнія „Записки“ самому ихъ автору вскорѣ уже показались недостаточными — и по количеству матеріала, и по тону изложенія, — между тѣмъ другой подробной біографіи Гоголя до сихъ поръ не появлялось. Новый трудъ необходимъ по разнымъ отношеніямъ: во-первыхъ, собралось довольно много новаго матеріала, который еще не былъ біографически разработанъ—во вновь изданныхъ письмахъ самого Гоголя и его друзей и современниковъ; во-вторыхъ, становится необходимо болѣе точное опредѣленіе психологическаго процесса художественной дѣятельности Гоголя и его историческаго значенія—какъ въ виду новыхъ матеріаловъ, такъ и въ виду новыхъ мнѣній, которыя, напр., хотятъ

объяснять иначе характеръ его настроенія въ послѣдніе годы. Гоголь занимаетъ такое господствующее положеніе въ развитіи нашей новѣйшей литературы, что новая работа надъ его жизнеописаніемъ была бы весьма желательна и весьма благодарна.

— Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ). Изъ путевыхъ записокъ И. С. Ястребова. Спб. 1886.

Въ послѣднія десятилѣтія наше изученіе славянства дѣлаетъ значительные успѣхи, хотя они еще далеко не таковы, чтобы рѣшители славянскаго вопроса имѣли право говорить объ установившемся „славянскомъ сознаніи" нашего общества. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ въ нашемъ знаніи славянства еще столько пробѣловъ, что нужны многія и многія работы для того, чтобы славянскія дѣла могли быть поняты обществомъ сознательно и оцѣнены — добросовѣстно. Къ числу лучшихъ результатовъ новѣйшаго интереса къ славянскому міру принадлежатъ, безъ сомнѣнія, серьезные труды по его фактическому изученію, — въ ряду которыхъ займетъ почетное мѣсто книга г. Ястребова, большой томъ въ 500 страницъ, плодъ долгаго и пристальнаго наблюденія.

Въ кругу спеціалистовъ хорошо извѣстны труды г. Ястребова по сербской этнографіи и особливо археологіи, печатавшіеся въ „Гласникѣ" сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ и частію собранные въ отдѣльную книгу—на сербскомъ языкѣ. Новая его книга—первая на русскомъ языкѣ—составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу литературу о славянствѣ. Особая цѣнность ея заключается въ томъ, что она посвящена этнографическому описанію такого славянскаго края, который издавна былъ и до сихъ поръ остается едва доступенъ изслѣдованію. Это—такъ называемая Старая Сербія, нѣкогда главное гнѣздо древняго сербскаго царства, потомъ полу-покинутое сербскимъ населеніемъ, полу-занятое албанцами; изъ всѣхъ славянскихъ краевъ Старая Сербія наименѣе была посѣщаема изслѣдователями (нѣсколько сравнится съ ней въ этомъ отношеніи славянство, проживающее въ Венгріи), потому что самое путешествіе не безопасно. Нѣкогда проѣхалъ по Старой Сербіи Гильфердингъ; г. Ястребовъ прожилъ въ этихъ краяхъ цѣлые десятки лѣтъ по своей службѣ, въ качествѣ русскаго консула, и можетъ считаться лучшимъ знатокомъ старины и этнографіи этой сербской земли,—не исключая и самихъ сербскихъ ученыхъ.

Кромѣ заслуги изслѣдованія малодоступнаго края, трудъ г. Ястребова имѣетъ и другое достоинство—большую обстоятельность наблю-

денія. Его матеріалъ — весь взятъ изъ первыхъ рукъ, и собиратель владѣетъ имъ вполнѣ. Въ долгое пребываніе въ этомъ краѣ, г. Ястребовъ изучилъ бытъ населенія Старой Сербіи до мельчайшихъ подробностей: мало есть этнографическихъ описаній, исполненныхъ съ такимъ обширнымъ знаніемъ всѣхъ частностей народнаго быта,—и заслуга автора тѣмъ больше, что самое собираніе въ условіяхъ тамошней жизни было обставлено немалыми затрудненіями. „Не стану здѣсь говорить о тѣхъ трудностяхъ,—замѣчаетъ авторъ,—съ которыми мнѣ приходилось бороться при собраніи и записываніи печатаемыхъ нынѣ 560 пѣсенъ. Только тотъ, который занимался такимъ дѣломъ, пойметъ, сколько труда стòитъ подобный моему сборникъ. Если г. Милоевичъ (см. предисловіе къ сборнику) жаловался на всю трудность и препятствія къ записыванію пѣсенъ въ свободной Сербіи, то читатель можетъ представить, какъ это трудно дѣлать въ Турціи, гдѣ и христіанки, со словъ которыхъ приходилось записывать пѣсни, ведутъ почти гаремную жизнь и избѣгаютъ всякаго случая бесѣдовать съ постороннимъ, не состоящимъ въ родствѣ съ ея мужемъ, мужчиною".

Сборникъ г. Ястребова представляетъ описаніе народныхъ обычаевъ и относящихся къ нимъ пѣсенъ въ календарномъ порядкѣ,— только на первомъ мѣстѣ онъ поставилъ характеристическій праздникъ „крестнаго имени", самый важный и торжественный у жителей Старой Сербіи; за праздниками и обычаями календарными онъ приводитъ бытовыя пѣсни разныхъ мѣстностей того края; затѣмъ слѣдуютъ обычаи и пѣсни при свадьбахъ, обычаи при рожденіи дѣтей, стрижка волосъ у ребенка, обычаи похоронные. Пѣсни переданы съ сохраненіемъ мѣстныхъ нарѣчій. Въ концѣ книги приложенъ краткій словарь.

Этнографамъ-изслѣдователямъ предстоитъ изучить матеріалъ, собранный г. Ястребовымъ, сравнить бытовыя и народно-поэтическія особенности населенія Старой Сербіи съ этнографическими чертами другихъ сербовъ, выдѣлить то, чтò должно здѣсь принадлежать далекой старинѣ, и то, чтò было, вѣроятно, явленіемъ позднѣйшимъ, выросшимъ въ особыхъ условіяхъ турецкаго и албанскаго ига. Для филологовъ найдется, безъ сомнѣнія, много любопытнаго въ образцахъ мѣстныхъ нарѣчій. — Спеціалисты сдѣлаютъ, вѣроятно, г. Ястребову одно замѣчаніе: они должны пожалѣть, что онъ не издалъ цѣликомъ все составленное имъ собраніе пѣсенъ. „При пересмотрѣ (собранныхъ имъ) пѣсенъ,—говоритъ г. Ястребовъ,—я замѣтилъ, что многія изъ нихъ изданы въ свѣтъ г. Милоевичемъ въ его сборникѣ: „Пѣсни и обычаи сербскаго народа", въ Бѣлградѣ 1875 г.; потому долженъ былъ сократить мой сборникъ на-половину. Мнѣ жаль будетъ, если и изъ остальныхъ нѣкоторыя пѣсни напечатаны уже

въ другомъ какомъ-либо сборникѣ, каковаго у меня нѣтъ подъ рукою для провѣрки и сличенія и, слѣдовательно, бóльшаго сокращенія". Напротивъ, очень жаль, что г. Ястребовъ и теперь сокращалъ свой сборникъ. Начать съ того, что сборникъ Милоевича не пользуется особымъ довѣріемъ ученыхъ, такъ какъ въ немъ есть вещи явно поддѣланныя (изъ обычнаго фальшиваго патріотизма); присутствіе пѣсни въ этомъ сборникѣ не считалось доказательствомъ ея дѣйствительнаго существованія въ народѣ, и г. Ястребовъ, напротивъ, оказалъ бы услугу наукѣ, еслибы именно напечаталъ тѣ пѣсни своего собранія, какія уже были въ сборникѣ Милоевича,—онъ этимъ утвердилъ бы ихъ достовѣрность. Далѣе, напечатаніе пѣсенъ (хотя бы даже ранѣе извѣстныхъ) было бы важно для опредѣленія географическаго распространенія пѣсенъ: отмѣченное Милоевичемъ или инымъ собирателемъ въ одной мѣстности — было бы указано и для другой; притомъ пѣсни рѣдко обращаются въ народѣ безъ варіантовъ, и эти варіанты бываютъ иногда очень цѣнны. По крайней мѣрѣ г. Ястребовъ могъ бы привести списокъ тѣхъ пѣсенъ, какія были имъ записаны въ Старой Сербіи, но извѣстны и по другимъ сборникамъ. Наконецъ, г. Ястребовъ могъ бы не сокращать своего сборника и по другому соображенію: книга его предназначается теперь для русскихъ читателей; и русское изданіе могло бы быть сдѣлано, не стѣсняясь сборниками сербскими. Надо желать, чтобы г. Ястребовъ напечаталъ и остальную часть своего собранія.

Въ предисловіи авторъ обѣщаетъ издать и свои записки объ Албаніи. Безъ сомнѣнія, это будетъ столь же цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей, да и вообще для славянской литературы, гдѣ свѣденія объ Албаніи до сихъ поръ очень скудны.—А. П.

— О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Критическое изслѣдованіе Н. Г. Дебольскаго. Спб. 1886.

Сочиненіе г. Дебольскаго посвящено одному изъ основныхъ вопросовъ этики—вопросу о цѣляхъ нравственной дѣятельности. Авторъ рѣшаетъ задачу довольно оригинально; но намъ кажется, что цѣнность его работы заключается не столько въ рѣшеніяхъ, предлагаемыхъ имъ, сколько въ подробной и добросовѣстной критикѣ чужихъ теорій. Въ числѣ русскихъ писателей, разбираемыхъ авторомъ, мы не находимъ К. Д. Кавелина,—быть можетъ, потому, что авторъ писалъ свою книгу еще до появленія въ печати „Задачъ этики". Особенно много говоритъ онъ о философскихъ трудахъ г. Вл. Соловьева, останавливается также на работахъ гг. Лаврова, Михайловскаго, Карѣева,

излагаетъ вкратцѣ системы Гегеля, Шопенгауера, Гартмана, Герберта Спенсера и, наконецъ, послѣ долгихъ предварительныхъ разсужденій, приступаетъ къ главной задачѣ своего изслѣдованія.

Прежде всего г. Дебольскій старается опредѣлить значеніе и смыслъ „высшаго блага". Оказывается, что „высшее благо состоитъ въ самосохраненіи нѣкотораго опредѣленнаго субъекта, правамъ котораго на такое самосохраненіе подчинена во всемъ его объемѣ задача счастія". Затѣмъ отыскивается этотъ „нѣкоторый опредѣленный субъектъ". „Этотъ субъектъ,—по словамъ автора,—конечно, есть не отвлеченное понятіе, но нѣчто реально-существующее или могущее существовать; онъ есть не неопредѣленное цѣлое, но цѣлое, связанное со своими частями по опредѣленному типу или закону, ибо иначе его самосохраненіе не можетъ ни обусловливать самосохраненіе его частей, ни обусловливаться имъ. Словомъ, это цѣлое есть реально-существующее, опредѣленное въ его типѣ, цѣлое своихъ частей, или недѣлимое. Какъ недѣлимое, право котораго на самосохраненіе есть высшее, всеподчиняющее право, оно можетъ быть названо верховнымъ недѣлимымъ; и, слѣдовательно, опредѣленіе высшаго блага получается такое: высшее благо состоитъ въ самосохраненіи верховнаго недѣлимаго". Разумѣется, дѣло не стало яснѣе отъ того, что „нѣкоторый опредѣленный субъектъ" названъ „верховнымъ недѣлимымъ"; нужно еще разыскать, „какое именно недѣлимое имѣетъ право быть признаваемо за недѣлимое верховное", ради самосохраненія котораго должно имѣть мѣсто самосохраненіе низшихъ, подчиненныхъ недѣлимыхъ. Авторъ перебираетъ различные случаи и, между прочимъ, находитъ, что „верховное недѣлимое не можетъ быть такимъ недѣлимымъ, которое не входитъ въ составъ человѣчества, напр. недѣлимымъ неорганическаго міра, или міра растительнаго, или животнаго (кромѣ человѣка)". Верховнымъ недѣлимымъ не можетъ быть и отдѣльный человѣкъ. „За исключеніемъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ предположеній,—заключаетъ г. Дебольскій,—у насъ остается возможнымъ лишь одно: верховное недѣлимое, самосохраненіе котораго составляетъ высшее благо, есть общество". Но понятіе общества слишкомъ неопредѣленно, и на мѣсто общества ставится „общественный союзъ, основанный на сознаніи человѣчности составляющихъ его людей". Еще далѣе выясняется, что „верховное недѣлимое есть народность, т.-е. всесторонне-опредѣленный союзъ людей, какъ таковыхъ". Приходится дать надлежащее опредѣленіе народности, и по этому предмету взгляды автора довольно симпатичны вообще, хотя они проникнуты значительною долею сантиментальнаго идеализма. Мимоходомъ авторъ замѣчаетъ, что „для того ряда писателей, которыхъ принято называть славянофилами, народность есть лишь внѣшняя

оболочка или служебная сила для осуществленія христіански-теократическаго идеала, не только не тождественнаго идеалу народности, но, напротивъ, рѣзко ему противоположнаго". По мнѣнію г. Дебольскаго, „народность есть человѣчество, индивидуализировавшееся или организовавшееся въ общество... Признаніе народности за верховное недѣлимое, объемлющее собою лишь часть человѣчества, вовсе не знаменуетъ узкой и эгоистической замкнутости этой части отъ интересовъ всего человѣчества. Совершенная (?) народность совершенно неспособна къ такой замкнутости, ибо тому препятствуетъ совершенное (?) развитіе ея способности самосохраненія. Полная готовность на всякую случайность предполагаетъ съ ея стороны живую воспріимчивость къ жизни всего человѣчества; а ея свобода и одухотворенность исключаютъ въ ней стремленіе къ насилію и раздору. Она—не завоеватель, потому что вполнѣ свободные люди никого не желаютъ имѣть своими рабами; не эксплуататоръ слабыхъ и неумѣлыхъ, потому что ея богатство опирается на основѣ труда, энергіи и искусства, а не на чужой бѣдности и неумѣлости,—словомъ, не тиранъ, убійца и воръ, какими доселѣ такъ часто бывали высшія племена относительно низшихъ, а ихъ старшій братъ, съ сожалѣніемъ видящій, что его меньшіе братья слишкомъ несовершенны для образованія съ нимъ близкаго духовнаго союза". Гдѣ искать эту идеальную народность и каковы условія ея появленія на землѣ—объ этомъ авторъ не распространяется. Во всякомъ случаѣ „самосохраненіе такого верховнаго недѣлимаго есть высшая цѣль нравственной дѣятельности".

Очевидно, вся теорія автора держится на общихъ опредѣленіяхъ, изъ которыхъ выводятся опредѣленія болѣе частныя,—способъ разсужденія не только чисто-дедуктивный, но схоластическій. Стоитъ только пошатнуть дефиницію „высшаго блага" или понятіе „верховнаго недѣлимаго", и весь карточный домикъ, построенный авторомъ, развалится самъ собою. Зачѣмъ понадобилось г. Дебольскому „верховное недѣлимое" и почему выбралъ онъ этотъ неуклюжій терминъ для обозначенія общества или народности? Нельзя назвать „недѣлимымъ" цѣлое, состоящее изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей и вполнѣ допускающее какой угодно раздѣлъ. Что народы „дѣлимы" и въ политическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ—хорошо извѣстно изъ исторіи. Если „самосохраненіе такого верховнаго недѣлимаго есть высшая цѣль нравственной дѣятельности", то что̀ дѣлать людямъ, принадлежащимъ къ народности, умершей въ политическомъ смыслѣ, и не успѣвшимъ еще промѣнять прежнее отечество на новое? Для этихъ людей высшая цѣль нравственной дѣятельности не можетъ заключаться въ самосохраненіи того, что̀ уже утратило свое самостоятельное существованіе,—а нравственная дѣятельность и высшія цѣли

присущи и имъ. Авторъ упустилъ также изъ виду, что возможенъ антагонизмъ между „верховнымъ недѣлимымъ“ и отдѣльными элементами, входящими въ его составъ. Можно ли требовать отъ людей, чтобы они заботились о сохраненіи враждебныхъ имъ силъ? Гдѣ „верховное недѣлимое“ для ирландцевъ, подчиненныхъ англичанамъ, или для эльзасцевъ, подвластныхъ нѣмцамъ? Очевидно, опредѣленія г. Дебольскаго слишкомъ узки и односторонни; они не обнимаютъ всей области нравственной дѣятельности и придаютъ какой-то особый національный оттѣнокъ тѣмъ высшимъ цѣлямъ, которыя, по существу своему, имѣютъ характеръ общечеловѣческій. Ученый изслѣдователь, въ родѣ Пастёра, можетъ имѣть высокія нравственныя цѣли, но эти цѣли могутъ не имѣть никакой связи съ „самосохраненіемъ верховнаго недѣлимаго“, т.-е. народности французской. Теорія г. Дебольскаго, несостоятельная съ научной точки зрѣнія, представляетъ мало и практическаго интереса, уже по своей чрезмѣрной отвлеченности.

— История и значеніе чиншеваго владѣнія въ западномъ краѣ. Написалъ докторъ философіи Александръ Рембовскій. Спб. 1886.

Книга г. Рембовскаго производитъ странное впечатлѣніе: съ одной стороны, это какъ будто солидный научный трактатъ, а съ другой—неумѣлая докладная записка въ защиту крупныхъ землевладѣльцевъ, обижаемыхъ будто-бы государствомъ, судебными мѣстами и сельскимъ населеніемъ. Вначалѣ авторъ разсуждаетъ здраво и признаетъ существующіе факты; онъ говоритъ, что „въ области законовъ, опредѣляющихъ условія земельной собственности, частный интересъ, руководимый волею сторонъ и требованіями свободной конкурренціи, не всегда можетъ быть окончательнымъ регуляторомъ, и что за государственною властью должно оставаться право вмѣшательства въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ спекуляція и индивидуальный эгоизмъ начинаютъ угрожать будущему цѣлаго общества“. Г. Рембовскій признаетъ, что „законодатель не долженъ спокойно и равнодушно смотрѣть, какъ земельное пространство, имѣющее быть основаніемъ благосостоянія для цѣлаго народа, становится предметомъ роскоши, а равно достояніемъ и источникомъ власти немногихъ“. Наиболѣе цѣнная по содержанію и значительная по объему вторая часть книги (стр. 49—117) заключаетъ въ себѣ исторію возникновенія и развитія вѣчно-чиншевого права въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой, причемъ объясняется также соціальный и юридическій характеръ договора о вѣчной арендѣ въ текущемъ столѣтіи. Выводъ автора—тотъ, что „нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній къ отмѣнѣ

или недопущенію въ будущемъ вѣчно-чиншевыхъ договоровъ" и что „и въ соціальномъ отношеніи нѣтъ никакихъ резоновъ, которые бы располагали законодателя къ стѣсненію въ этомъ направленіи свободной воли сторонъ". Такъ говоритъ г. Рембовскій на страницѣ 116-ой, а черезъ нѣсколько страницъ, въ третьей части, высказываются взгляды прямо противоположные: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вѣчно-чиншевымъ договорамъ, основаннымъ на неточномъ и рѣдко исполняемомъ правѣ, слѣдуетъ положить конецъ по почину и вмѣшательству государства... Дальнѣйшее существованіе вѣчно-чиншевого права и основанныхъ на немъ договоровъ крайне вредно для соціально-экономическаго развитія"... (стр. 120—125). Первая часть труда, какъ и послѣдняя, трактуетъ о вредѣ чиншевого права съ точки зрѣнія государственнаго спокойствія и безопасности; а во второй части приводятся факты и доводы въ пользу сохраненія чиншевыхъ договоровъ, даже въ интересахъ государственнаго спокойствія и безопасности. Какъ понять это бросающееся въ глаза противорѣчіе—неизвѣстно. Существенная часть книги, вторая, написана толково и обстоятельно; въ ней разобранъ обширный историческій и литературный матеріалъ, и незамѣтно никакой особенно назойливой тенденціи; а въ первой и второй частяхъ насъ поражаетъ и сбивчивое канцелярское изложеніе, и аргументація дурного тона.

Отстаивая интересы помѣщиковъ, авторъ дѣлаетъ видъ, что хлопочетъ только о благѣ правительства и возможной охранѣ народа отъ пагубныхъ идей. Если поселяне начинаютъ думать, что построенная ими хата или воздѣланная ихъ трудомъ пустошь не могутъ быть отобраны отъ нихъ по произволу, то противъ этого опаснаго заблужденія должно рѣшительно вооружиться государство. Только благородные помѣщики достойны быть предметомъ государственныхъ заботъ, и попытки ихъ отнять хату или пустошь у крестьянина должны повсюду встрѣчать горячую поддержку. Рѣшая подобныя дѣла въ пользу чиншевиковъ, „судебныя установленія имперіи содѣйствовали, помимо своего желанія, ослабленію и затемнѣнію понятій о землевладѣніи среди земледѣльческихъ классовъ, которые въ развитіи этого понятія нуждались болѣе другихъ" (стр. 41). Особенно неудобно для государства (т.-е. для помѣщиковъ) примѣненіе обычнаго права, при существованіи писанныхъ законовъ; тутъ уже „возникаютъ всегда распри междусословныя, и приходится подмѣчать непреодолимое стремленіе къ завладѣнію чужою собственностью (?), или, короче говоря, явленія, грозящія современной культурѣ" (!). Въ такомъ случаѣ „неимущія сословія, довѣряя своей численности и подстрекаемыя не вполнѣ строгимъ и опредѣленнымъ отправленіемъ правосудія, ищутъ спасенія въ завладѣніи чужою собственностью, что весьма легко мо-

жетъ принять форму и размѣры насилія и преобразиться въ терроризмъ (!) необразованныхъ массъ". Г. Рембовскій говоритъ о какихъ-то фантастическихъ захватахъ забитаго и обездоленнаго поселянина, но онъ ничего не упоминаетъ о легальныхъ захватахъ и насиліяхъ болѣе могущественнаго поземельнаго класса. Онъ замѣчаетъ „дурные соціальные инстинкты" въ земледѣльческомъ населеніи западныхъ губерній, но онъ ничего не говоритъ о дурныхъ инстинктахъ многихъ помѣщиковъ, привыкшихъ жить крестьянскимъ трудомъ.

Выходитъ какъ будто такъ, что человѣкъ, построившій хату, не имѣетъ на нее никакого права, или что крестьяне, обработывающіе землю, должны отдавать чуть не всѣ ея продукты помѣщику. Г. Рембовскій, очевидно, полагаетъ также, что крестьяне должны у господъ учиться трудолюбію и всякимъ вообще добродѣтелямъ. Теперь поведеніе простого народа заставляетъ желать еще очень многаго: чиншевики не даютъ себя выселять насильно даже при помощи судебныхъ властей, а „ослабленіе основныхъ понятій о святости и ненарушимости какъ закона, такъ и начала собственности, увеличивая въ массахъ воспріимчивость къ самымъ фантастическимъ надеждамъ, приводитъ къ безконечнымъ тяжбамъ, искореняетъ привычку къ самопомощи, удерживаетъ рабочій людъ въ тунеядствѣ и мечтаніяхъ и, наконецъ, препятствуетъ развитію богатства, посредствомъ труда и сбереженій". Надо заключать, что между крупными помѣщиками господствуетъ чувство строгой и безкорыстной законности, что у нихъ сильно развита самопомощь, что они живутъ только трудомъ и сбереженіемъ, что у нихъ нѣтъ ни фантазій, ни процессовъ, ни мечтаній, ни тунеядства. Насколько идеальны землевладѣльцы г. Рембовскаго, настолько возмутительны крестьяне: они только и думаютъ, какъ бы ограбить помѣщика и завладѣть плодами его рукъ. Чиншевики стремятся лишь „эксплуатировать землевладѣльца, наживаясь на его счетъ легко и даровымъ способомъ" (!?). Государство обязано „устранить источникъ раздоровъ и ненависти слѣдующимъ образомъ: возвысить нравственный уровень въ состояніи вѣчныхъ чиншевиковъ, создать изъ нихъ производительную рабочую силу (т.-е. превратить въ бездомныхъ батраковъ?); въ то же время не обижать землевладѣльцевъ требованіемъ съ нихъ непосильныхъ матеріальныхъ жертвъ (?) и не оставлять ихъ въ томъ убѣжденіи, что, вслѣдствіе добросовѣстнаго исполненія ими правъ и обязанностей своихъ (какихъ?), они потерпѣли ущербъ отъ тенденціознаго обогащенія на ихъ счетъ, при посредствѣ законодательной власти, болѣе покровительствуемаго класса" (стр. 124). Однимъ словомъ, нужно земли и постройки чиншевыхъ владѣльцевъ отдать помѣщикамъ даромъ или, по крайней мѣрѣ, обо-

гатить ихъ щедрыми выкупными суммами,—ибо обогащеніе только тогда законно и не-тенденціозно, когда оно идетъ въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ.

Говоря о крестьянской реформѣ у насъ и за границею, авторъ осторожно замѣчаетъ, что „законодатели не отдавали себѣ надлежащаго отчета въ томъ, что тонкое понятіе исторической справедливости не можетъ значительно расходиться съ обыденнымъ понятіемъ о справедливости судебной, потому что, въ противномъ случаѣ, въ народныхъ массахъ, для которыхъ высокія идеи не сразу доступны, это понятіе облекается въ совсѣмъ нежданный видъ и вызываетъ нечаянныя и странныя послѣдствія“ (?). Законы будто-бы „рѣдко заботились о томъ, чтобы вознагражденіе землевладѣльцевъ было соотвѣтствующимъ и чтобы не поселялось въ лишаемыхъ земли помѣщикахъ чувство понесенной матеріальной обиды“. Что касается чувствъ и интересовъ милліоновъ крестьянъ, то ихъ не существуетъ для г. Рембовскаго. „Реформа — по его мнѣнію — могла привить къ людямъ разсчетливость и умѣніе; наоборотъ, она вселила только неуваженіе чужой собственности и своихъ собственныхъ обязательствъ, а равно заразила людей духомъ лихорадочной спекуляціи, ищущей имущественнаго обогащенія не въ упорномъ трудѣ, а лишь въ счастливомъ случаѣ“ (стр. 131). И эти слова о спекуляціи, о недостаткѣ разсчетливости и умѣнія—упорно обращаются авторомъ къ однимъ лишь крестьянамъ. Авторъ увѣряетъ, что законодатель, принимая въ разсчетъ интересы чиншевиковъ, тѣмъ самымъ поддерживалъ бы въ народѣ „наклонность къ захватамъ“ и „любостяжаніе“.

Доводы г. Рембовскаго ужъ слишкомъ откровенны: давно не встрѣчали мы въ печати такого смѣлаго приниженія большинства народа ради интересовъ небольшой горсти привилегированныхъ лицъ. Авторъ могъ бы какими угодно научными и практическими соображеніями опровергать права и требованія чиншевиковъ; но онъ испортилъ дѣло чрезмѣрною неправдоподобностью аргументаціи. Если отъ книги г. Рембовскаго оторвать двѣ части—первую и третью, то останется дѣльное изслѣдованіе по одному изъ самыхъ запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ поземельнаго права.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е іюля 1886.

Рѣчь Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича въ Дерптѣ и отзывъ по ея поводу въ московской печати.—Первый шагъ къ судебной реформѣ въ остзейскомъ краѣ.—Городовое Положеніе въ остзейскомъ краѣ и его особенности.—„Махмудкины дѣти“, г-на Немировича-Данченко, и возбужденный ими проектъ объ учрежденіи цензуры надъ цензурой. — Двадцати-пятилѣтіе „Кронштадтскаго Вѣстника“.

Іюньскіе и іюльскіе дни принято считать „мертвымъ сезономъ“ и для политики, и для общественной жизни, а слѣдовательно и для печати. Исключеніе въ этомъ отношеніи всегда составляла одна Англія, а въ нынѣшнемъ году отличились и наши остзейскія провинціи, гдѣ именно лѣтній сезонъ ознаменовался такимъ рядомъ блестящихъ баловъ, концертовъ, различныхъ торжествъ, какого этотъ край не видитъ во время зимнихъ сезоновъ. Поводомъ къ такому оживленію нашего балтійскаго прибрежья, да еще лѣтомъ, послужилъ путь, совершонный Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ съ супругою, Великою Княгинею Маріею Павловною, по всему остзейскому краю. Благодаря тому, что телеграфъ ежедневно сообщалъ всѣ, въ высшей степени интересныя, подробности этого пути, наши читатели уже изъ газетъ успѣли познакомиться съ ними. Кромѣ того, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ печатался, въ видѣ писемъ, подробный отчетъ, составленный г. Случевскимъ, непосредственнымъ свидѣтелемъ и очевидцемъ всего, чтó пришлось ему по пути наблюдать въ этомъ краѣ. Къ сожалѣнію, всего только одно изъ его писемъ явилось въ неприкосновенномъ видѣ; всѣ же другія, надобно предполагать, подверглись болѣе или менѣе крупнымъ видоизмѣненіямъ въ редакціи, согласно съ ея личными взглядами. „Случайно,—говорятъ сами „Московскія Вѣдомости“, —корреспонденція, о которой идетъ рѣчь, не была на просмотрѣ (!!) издателя и не прошла чрезъ его цензуру (sic!)“. Нельзя не назвать такого случая особенно счастливымъ и вмѣстѣ не выразить надежды, что г. Случевскій, безъ сомнѣнія, издастъ впослѣдствіи свой трудъ отдѣльно—безъ цензуры издателя „Московскихъ Вѣдомостей“, а пока мы должны быть довольны и тѣмъ, что, благодаря совершенной случайности, узнали, что письма г. Случевскаго „цензировались“ издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ ожиданія такого безцензурнаго изданія корреспонденцій г. Случевскаго, обратимся теперь прямо къ концу пути, который, можно считать, заключился обращеніемъ Е. И. В. Великаго Князя, въ Дерптѣ, къ представителямъ университета, дворянъ и горожанъ, въ присутствіи губернатора и губерн-

скаго предводителя. Вотъ и самыя слова, переданныя телеграфомъ въ петербургскія газеты:

„По Высочайшему повелѣнію хотя Я посѣщаю Балтійское побережье исключительно для цѣлей военныхъ, но это не помѣшало Мнѣ замѣтить, что среди мѣстной интеллигенціи существуютъ сомнѣнія въ устойчивости мѣръ къ объединенію остзейской окраины съ нашимъ общимъ дорогимъ отечествомъ. Могу вамъ объявить, что всѣ такія мѣры, по непреклонной волѣ Самодержавнаго нашего Государя, примѣняются и будутъ примѣняться твердо, безповоротно, въ смыслѣ болѣе тѣснаго сближенія вашего съ русскою семьею, въ которомъ Его Императорское Величество, Мнѣ хорошо извѣстно, видитъ для здѣшняго края вѣрный залогъ къ его преуспѣянію, сохраняя къ вамъ неизмѣнное и полное довѣріе, которое закрѣплено въ Государѣ завѣщаніемъ Отца. Его Величество ожидаетъ отъ васъ, оказывающихъ на край такое всестороннее, повсюду проникающее вліяніе, безусловно сердечнаго содѣйствія мѣстнымъ труженикамъ правительства къ утвержденію здѣсь русскаго дѣла. Напоминаю вамъ слово въ Бозѣ почивающаго незабвеннаго моего Родителя. Императоръ Александръ II, 14-го іюня 1867 года, сказалъ представлявшимся Ему въ Ригѣ, чтобы они не забывали принадлежности къ единой русской семьѣ, нераздѣльную часть которой составляютъ, и чтобы содѣйствовали успѣху осуществленія предположенныхъ тогда мѣръ. Государь Императоръ, зная вашу преданность и цѣня чувство долга, преисполненъ тѣмъ же желаніемъ и, повторяю, безграничнымъ къ вамъ довѣріемъ. Такое желаніе Его Величества съ Божьей помощью будетъ приведено къ несомнѣнному на самомъ дѣлѣ исполненію. Дай Богъ вамъ скорѣе и прочнѣе сплотиться съ великою русскою семьею. Въ заключеніе, пользуюсь вашимъ настоящимъ собраніемъ, чтобы въ лицѣ вашемъ отъ имени Великой Княгини и лично отъ Себя сердечно благодарить васъ за радушный пріемъ какъ здѣсь, такъ и въ остальныхъ городахъ прибалтійскихъ губерній; то же прошу передать отсутствующимъ".

Въ дополненіе этихъ словъ приводимъ то, что̀ было сказано, лѣтъ 20 тому назадъ, покойнымъ Государемъ въ Ригѣ:

„Господа!—сказалъ Государь,—вы знаете, съ какою радостью Я бываю каждый разъ въ вашихъ провинціяхъ. Я умѣю цѣнить чувство нелицемѣрной преданности вашей, чувство, которое снова такъ сильно обнаружилось, послѣ того, какъ Богъ вторично спасъ Меня отъ руки убійцы. Я знаю, что это чувство у васъ искреннее и наслѣдованное вами. То же могу сказать и о Моемъ довѣріи къ вамъ. Оно перешло ко Мнѣ преемственно, и Я ручаюсь, что передамъ его Моимъ дѣтямъ. Но Я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что и вы принадлежите къ единой русской семьѣ и составляете нераздѣльную часть Россіи, за которую ваши отцы и братья и

даже многіе изъ васъ самихъ проливали свою кровь. Вотъ почему Я въ правѣ надѣяться, что и въ мирное время Я найду у васъ содѣйствіе Мнѣ и представителю Моей верховной власти, вашему генералъ-губернатору, который пользуется Моимъ полнымъ довѣріемъ,— содѣйствіе, нужное для исполненія мѣръ и реформъ, признаваемыхъ Мною необходимыми и полезными въ вашихъ провинціяхъ. Я убѣжденъ, господа, что и въ этомъ отношеніи Мое довѣріе къ вамъ не будетъ обмануто, и что вы оправдаете его на дѣлѣ. Остается Мнѣ только поблагодарить васъ за радушный пріемъ, глубоко тронувшій Меня".

Когда покойный Государь Императоръ произносилъ эти памятныя слова въ 1867 году, главнѣйшія изъ реформъ, предпринятыхъ имъ тогда на пользу и славу Россія, были уже совершены въ самой Россіи; и вотъ, онъ напоминаетъ потому о принадлежности остзейскаго края къ единой русской семьѣ: что̀ было признано полезнымъ и необходимымъ для Россіи въ 1867 г., то должно быть распространено и на остзейскій край, а это именно была земская и судебная реформа; для распространенія этихъ реформъ и на остзейскія провинціи, Государь и ожидалъ отъ представителей остзейскаго края содѣйствія какъ верховной власти, такъ и ея мѣстному представителю, генералъ-губернатору; именно, этимъ путемъ, Онъ былъ увѣренъ, остзейскій край тѣсно сблизится и объединится съ русскою семьею и получитъ убѣжденіе въ своей нераздѣльности съ Россіей. Вотъ почему такъ знаменательна ссылка на рѣчь покойнаго Государя въ словахъ, произнесенныхъ Е. И. В. Великимъ Княземъ: эта ссылка есть лучшее поясненіе къ тому, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ тѣми мѣрами, какія будутъ примѣняться твердо и безповоротно, въ смыслѣ болѣе тѣснаго сближенія остзейскихъ провинцій съ русскою семьею. Всякіе другіе комментаріи, при такомъ точномъ указаніи словъ покойнаго Государя, были бы излишни. Но мы не можемъ при этомъ не признать, что такимъ указаніемъ должна быть затруднена въ высшей степени та часть нашей печати, которая въ наше время громогласно и не-двусмысленно обзываетъ реформы, уже введенныя въ Россіи въ 1867 г., бѣдствіемъ для самой Россіи, и ничего другого не желаетъ, какъ наискорѣйшаго ихъ упраздненія. Какъ же быть теперь этой части печати въ виду словъ Великаго Князя, произнесенныхъ Имъ въ Дерптѣ? Вѣдь говорить объ объединеніи остзейской окраины съ нашимъ отечествомъ и о тѣсномъ ея сближеніи съ русскою семьею—значитъ, говорить и о распространеніи на эту окраину тѣхъ самыхъ реформъ, которыя эта газета считаетъ вредными и для Россіи! Это—съ одной стороны; а съ другой—какимъ образомъ отнять сословный характеръ, на которомъ все построено въ остзейскомъ краѣ, и считать его тамъ вреднымъ, и въ то же время дома,

у себя, проповѣдывать возвращеніе къ „отеческимъ" началамъ и въ судѣ, и въ земствѣ! Вотъ почему было въ высшей степени любопытно, — какъ объясняютъ себѣ „Московскія Вѣдомости" то, что заключаетъ само въ себѣ самое простое объясненіе, благодаря сдѣланной ссылкѣ на слова покойнаго Государя, и какъ вообще наша реакціонная печать выйдетъ изъ затруднительнаго для нея положенія въ настоящемъ случаѣ.

„Московскія Вѣдомости", впрочемъ, какъ и всегда, не особенно затруднились. Хотя онѣ, вмѣстѣ со всѣми газетами, признали, что теперь, послѣ словъ, сказанныхъ въ Дерптѣ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно устойчивости мѣръ къ объединенію остзейской окраины съ Россіей, что если слова покойнаго Государя, сказанныя имъ 20 лѣтъ тому назадъ, не привели къ желаннымъ результатамъ, то это произошло отъ „колебаній и задержекъ", — но, несмотря на все это, „Московскія Вѣдомости" полагаютъ, что въ остзейскомъ краѣ „все истинно-хорошее (?), все, соединенное съ требованіями справедливости и пользы государственной, въ высшемъ значеніи этого слова, должно быть сохранено и упрочено; все, что способно къ плодотворному и полезному развитію, должно усилиться въ своихъ способахъ; культурныя особенности (какія именно?), не заключающія въ себѣ ничего антинаціональнаго и никакого антагонизма съ устоями русской государственной системы, должны быть уважены какъ элементъ живого, органическаго разнообразія въ общей національной жизни великаго цѣлаго; искреннее участіе балтійскихъ элементовъ въ общей жизни „единой русской семьи" въ высшей степени желательно" (№ 180, 2 іюля).

Итакъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", съ которыми трудно не согласиться, объединеніе остзейской окраины не должно, однако, доходить до того, чтобы извѣстныя „культурныя особенности" края не были вовсе уважены, или иначе, какъ справедливо замѣчается, исчезнетъ въ общей національной жизни великаго цѣлаго необходимый „элементъ живого"; нѣкоторое и въ остзейскомъ краѣ должно быть не только сохранено, но даже упрочено. Вопросъ теперь состоитъ только въ томъ: что именно должно быть сохранено и упрочено? Какія именно культурныя особенности остзейскаго края не заключаютъ въ себѣ ничего антинаціональнаго и не представляютъ собою антагонизма съ устоями русской государственной системы? Но это какъ разъ такіе вопросы, на которые газета отвѣчаетъ, къ сожалѣнію, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ или оставляетъ даже вовсе безъ отвѣта. Сохранено и упрочено должно быть „все истинно-хорошее", и т. д., и т. д. Интеллигенція остзейскаго края можетъ не сойтись съ редакціею „Москов. Вѣдом." при отвѣтѣ на вопросъ: а что слѣдуетъ считать „истинно-хорошимъ"? и тогда нельзя

будетъ ожидать отъ нея „искренняго" участія въ общей жизни русской семьи, а сама газета цѣнитъ такое участіе только подъ условіемъ искренности его. Еще болѣе тёменъ вопросъ: какія культурныя особенности остзейскаго края не представляютъ въ себѣ ничего антинаціональнаго и никакого антагонизма съ устоями русской государственной системы? Но возможно ли вообще предположить въ краѣ что-нибудь подобное послѣ двукратнаго торжественнаго выраженія Верховной властію довѣрія къ чувству нелицемѣрной преданности края. Скорѣе остзейская интеллигенція могла бы обратиться къ публицистамъ „Московскихъ Вѣдомостей" съ вопросомъ: считаютъ ли они удобнымъ распространеніе на остзейскій край тѣхъ реформъ, а именно: судебной и земской, которыя, по мнѣнію тѣхъ же публицистовъ, не только антинаціональны, но и состоятъ будто бы въ антагонизмѣ съ устоями русской государственной системы? Московскіе публицисты, если они не желаютъ отречься отъ всего, чтó они утверждали до сихъ поръ, не могутъ отвѣчать на этотъ вопросъ иначе, какъ отрицательно;—если же они не могутъ признавать желательнымъ распространеніе въ остзейскомъ краѣ тѣхъ реформъ послѣдняго царствованія, которыя считаются съ ихъ стороны антинаціональными и противными устоямъ русской государственной системы въ самой Россіи, то въ чемъ же другомъ можетъ быть выражено объединеніе, которое могло бы вызвать искреннее участіе балтійскихъ элементовъ въ общей жизни „единой русской семьи"?

Еще недавно „Московскія Вѣдомости", по поводу слуховъ о распространеніи Городового Положенія въ отдаленныхъ окраинахъ, привели, по своему обычаю, анекдотъ, случившійся на городскихъ выборахъ въ г. Баку, и затѣмъ не безъ паѳоса восклицали: „вводить при подобныхъ условіяхъ въ самыя отдаленныя наши окраины нынѣшнія городскія такъ-называемыя „общественныя" учрежденія, также какъ и судебныя, не пересмотрѣвъ ихъ должнымъ образомъ, не то же ли самое, что завѣдомо распространять заразу?!" При такомъ взглядѣ, не „Московскія Вѣдомости" будутъ ратовать за необходимость распространенія въ остзейскомъ краѣ одной изъ такихъ „заразъ", а именно, судебной реформы. Но правительство, конечно, иначе смотритъ на это дѣло, и Высочайше утвержденнымъ закономъ 3 іюня, составленнымъ въ духѣ судебныхъ уставовъ, введены весьма существенныя измѣненія и улучшенія въ функціяхъ остзейскихъ судовъ, ихъ прокуратуры и судебной полиціи. Хотя этотъ законъ не измѣняетъ въ корнѣ остзейскаго сословнаго судопроизводства, но въ то же время онъ исправляетъ его существенные недостатки, вводитъ до нѣкоторой степени главнѣйшіе принципы судебныхъ уставовъ— устность и гласность, расширяетъ власть прокурорскаго надзора, и вообще можетъ быть разсматриваемъ какъ временныя правила, кото-

рыя предшествуютъ введенію полной судебной реформы въ остзейскомъ краѣ, т.-е. объединенію его съ „единой русской семьей“ въ судебномъ отношеніи; а такъ какъ судебная реформа, подобно другимъ, сблизила „русскую семью“ съ общею семьею всѣхъ образованныхъ народовъ человѣчества, то чрезъ насъ съ послѣднею сблизится и остзейскій край. Въ этомъ смыслѣ объединеніе съ Россіею не должно, повидимому, вызывать никакихъ возраженій со стороны остзейской интеллигенціи, и по крайней мѣрѣ лучшая ея часть не можетъ отнестись къ такому объединенію иначе, какъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ.

Покойный Государь, какъ мы видѣли, выразилъ еще въ 1867 г. намѣреніе слить остзейскій край путемъ реформъ, и начало исполненію такого намѣренія было положено еще въ послѣднее царствованіе: въ началѣ 70-хъ годовъ не только центральные русскіе города, но и города остзейской окраины получили общее всѣмъ имъ Городовое Положеніе 1870 года, или, какъ выразились недавно „Московскія Вѣдомости“, эта „зараза“ была распространена и на остзейскій край; по нашему же мнѣнію, этимъ путемъ остзейскій край былъ (хотя въ этомъ одномъ отношеніи) объединенъ съ Россіею. Можетъ ли остзейскій край сѣтовать на такое тѣсное сближеніе его съ семьею русскихъ городовъ? — Такихъ сѣтованій никогда никто не слышалъ и не могъ слышать, такъ какъ новѣйшее процвѣтаніе городской жизни и городскихъ порядковъ въ остзейскихъ провинціяхъ много обязано, безъ сомнѣнія, тому началу хозяйственнаго самоуправленія, которое было принесено Городовымъ Положеніемъ 1870 года. Правда, въ остзейскомъ краѣ Городовое Положеніе представляетъ нѣкоторыя весьма выгодныя особенности, напр., по отношенію избирательнаго закона, благодаря которому составъ Думъ въ остзейскомъ краѣ несравненно выше по умственному цензу, и преобладаніе „черныхъ сотенъ“ въ остзейскихъ городахъ есть дѣло почти невозможное. Во всякомъ случаѣ, однако, объединеніе остзейскаго края съ Россіею путемъ Городового Положенія есть фактъ, принесшій пользу самому краю и не вызывавшій до сихъ поръ никакого недовольства нигдѣ, —напротивъ, коренные русскіе города могутъ даже завидовать теперь остзейскимъ городамъ, въ виду упомянутаго преимущества послѣднихъ; и дѣйствительно, въ здѣшней Городской Думѣ не разъ поднимался вопросъ о необходимости ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о распространеніи на столицу тѣхъ преимуществъ Городового Положенія, которыми пользуются остзейскіе города въ отношеніи избирательнаго закона. Вотъ когда было бы кстати припомнить вышеприведенныя нами слова „Московскихъ Вѣдомостей“: „все истинно-хорошее (въ остзейскомъ краѣ), все, соединенное съ требованіями справедливости и пользы государственной, въ высшемъ

значеніи этого слова, должно быть сохранено и упрочено". Мы относимъ къ числу такихъ предметовъ избирательный законъ въ остзейскихъ городахъ, — и въ отношеніи его надобно желать объединенія остзейскихъ городовъ съ нашими не путемъ уничтоженія этого закона въ остзейскихъ городахъ, а напротивъ—распространеніемъ его и на всѣ прочіе русскіе города.

Среди лѣтняго затишья, въ нашей печати, какъ это водится и во всякой другой, за недостаткомъ фактовъ, событій „наводящихъ, какъ говорится, на размышленіе", хроникёрамъ газетъ приходится задаваться тэмами болѣе или менѣе теоретическаго характера, и, если можно такъ выразиться, за отсутствіемъ фактовъ въ жизни, подготовлять факты въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ, какимъ образомъ, должно быть, явился въ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтомъ умственный проектъ объ учрежденіи цензуры надъ цензурою. Въ видѣ отвлеченной мысли и простого благопожеланія, этотъ проектъ уже давно проводился въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", но на дняхъ въ той же газетѣ выступилъ одинъ изъ ея сотрудниковъ, называющій себя „Другомъ дѣтей", съ полнымъ проектомъ и подробно мотивированнымъ. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, для объясненія необходимости общей реформы приводится мелкій фактъ, который препарируется особымъ способомъ, возводится въ „признакъ времени", а отсюда является уже сама собою необходимость перевернуть верхъ дномъ чуть не весь міръ. Не издай г-нъ Немировичъ-Данченко своей брошюрки для народнаго чтенія: „Махмудкины дѣти",—и мы могли бы довольно спокойно существовать подъ сѣнью общихъ законовъ о цензурѣ; но вотъ появилась эта злополучная брошюра, и „Другу дѣтей" сдѣлалось ясно какъ день, что общество въ опасности, и потому необходимо поставить цензуру надъ цензурою.

Но все это такъ невѣроятно, даже и для „каникулярнаго" времени, которое мы теперь переживаемъ, готовясь къ болѣе прохладной осени, что мы считаемъ необходимымъ привести подлинныя слова изъ этого документа нашего времени.

Назвавъ брошюрку г. Немировича-Данченко „прямо-безнравственною", г-нъ „Другъ дѣтей" продолжаетъ такъ: „Книга г. Н.-Д. „дозволена" цензурой; это обстоятельство еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости мѣры, которая была уже предложена въ „Москов. Вѣдомостяхъ", а именно, въ учрежденіи **особаго комитета**, которому, **помимо общей цензуры**, подлежала бы выдача разрѣшенія на разносный торгъ тою или другою книгою, на распространеніе ея въ народѣ такъ называемыми ходебщиками и офенями"... Затѣмъ, авторъ снова возвращается къ „Махмудкинымъ дѣтямъ", и по адресу брошюры г-на Н.-Д. говоритъ такъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что не только можно,

но и должно изъять эту безсознательно-безнравственную (!), филантропически-литературную (!?) наивность изъ числа книгъ, разносимыхъ по всѣмъ уголкамъ Россіи, по деревнямъ и отдѣльнымъ избамъ... Пора, независимо отъ общей цензуры, учредить особую инстанцію, которая вѣдала бы то, что̀ подлежитъ распространенію въ „народѣ", и что̀ не подлежитъ... Я протестую противъ этой книги, въ качествѣ отца (авторъ, безъ сомнѣнія, забылъ, что дѣло идетъ въ этомъ случаѣ о „народѣ", которому онъ едва-ли приходится отцомъ) и русскаго человѣка, который не можетъ допустить, чтобы предъ народомъ и дѣтьми (какъ будто „народъ" и „дѣти"— одно и то же!) восхваляли (?) преступленіе противъ долга, противъ службы, противъ отечества".—Однимъ словомъ, благодаря такой рекомендаціи, у каждаго мирнаго читателя должны стать дыбомъ волосы при одномъ только звукѣ: „Махмудкины дѣти", или любопытство его должно возрасти до такой степени, что онъ по телефону вытребуетъ себѣ эту брошюрку изъ книжнаго магазина, чтобы лично убѣдиться, какъ она могла быть „дозволена" цензурою, и дѣйствительно ли необходимо въ будущемъ же году увеличить расходы государственнаго бюджета на содержаніе „особой инстанціи" для свидѣтельствованія книгъ, подобныхъ „Махмудкинымъ дѣтямъ". Спѣшимъ предупредить нетерпѣливыхъ читателей: игра не стоитъ свѣчъ!—и въ то же время просимъ извиненія у автора брошюрки: по нашему мнѣнію, эта брошюрка есть подражаніе гр. Л. Н. Толстому, и недостатокъ ея состоитъ не въ томъ, что̀ поразило „Друга дѣтей",—но бѣда въ томъ, что самое подражаніе, на нашъ взглядъ, оказывается очень слабымъ, и потому не только не можетъ никого изъ „народа" ввести въ заблужденіе, но даже непремѣнно вызоветъ въ простомъ человѣкѣ простое восклицаніе: „экая небывальщина!" Вкратцѣ, дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Во время послѣдней войны, русскій офицеръ увидѣлъ во снѣ семью, дѣтей, а вскорѣ затѣмъ привели къ нему Махмуда (турецкаго полковника), взятаго уже въ плѣнъ и бѣжавшаго; при воспоминаніи Махмуда объ оставленныхъ имъ въ Турціи его дѣтяхъ у русскаго офицера, которому только-что снились его дѣти, такъ сжимается сердце отъ жалости, что онъ, въ противность долгу службы, даетъ Махмуду средство бѣжать. Само собою разумѣется, что со стороны г. Н.-Д. тутъ нѣтъ и слѣдовъ „восхваленія" преступленія противъ долга, противъ службы, противъ отечества; это „восхваленіе" есть плодъ фантазіи г-на „Друга дѣтей", который, конечно, обуздалъ бы свою фантазію, еслибы былъ не только русскимъ, но и добросовѣстнымъ человѣкомъ. О разсказѣ же г-на Н.-Д. можно только сказать, что сюжетъ его вовсе не новъ и заимствованъ имъ не столько изъ событій послѣдней войны, сколько изъ древней восточной литературы притчъ и басенъ. Мы припоминаемъ одну такую

арабскую сказку: въ палатку къ арабу вбѣгаетъ злѣйшій врагъ его племени, убившій нѣкогда его брата, и проситъ убѣжища; арабъ разрѣзываетъ яблоко пополамъ, съѣдаетъ одну половину, а другую предлагаетъ съѣсть злѣйшему своему врагу и врагу цѣлаго племени, и скрываетъ его до наступленія ночи, а ночью самъ проводитъ за черту владѣній, снабжаетъ конемъ, пищей и отпускаетъ на волю — злѣйшаго врага своей родины. Эта восточная сказка вошла потомъ и во многія европейскія дѣтскія книги; но важно то, что арабская литература сохранила эту легенду, и не нашлось ни одного араба, который усмотрѣлъ бы въ ней что-нибудь „прямо-безнравственное", напротивъ, арабское общество, очевидно, гордилось примѣромъ такого торжества божеской, всеобъемлющей любви надъ любовью человѣческою, земною. У насъ же нашлись „арапы", которые усмотрѣли въ подобной же притчѣ (повторяемъ: довольно плохо разсказанной) необходимость создать цѣлое новое государственное учрежденіе, которое занималось бы усмотрѣніемъ за тѣмъ, за чѣмъ собственно и усмотрѣть нельзя, — и все дѣло заключалось бы созданіемъ новыхъ штатовъ, а съ другой стороны, увеличеніемъ мелкихъ доходовъ для сельской полиціи; а затѣмъ „Махмудкины дѣтки", въ качествѣ запрещеннаго товара, продавались бы въ удвоенномъ количествѣ, и вотъ тогда-то, дѣйствительно, въ качествѣ запрещеннаго товара, они могли бы сдѣлаться иногда и вредными.

Мысль автора и его ложный взглядъ на „народъ", какъ на собраніе дѣтей, не заслуживаетъ и опроверженія; здравый смыслъ народа породилъ извѣстное изреченіе: гласъ народа—гласъ божій! Будь „Махмудкины дѣти" написаны талантливо, т.-е. просто, безъ вычурныхъ, приторныхъ фразъ,—такъ просто, какъ та арабская легенда,—они произвели бы дѣйствительно высоко-нравственное впечатлѣніе, поднимая человѣка на высоту почти евангельской добродѣтели; а въ настоящемъ своемъ видѣ „Махмудкины дѣти" могутъ у простолюдина вызвать развѣ то вышеприведенное нами восклицаніе—и ничего больше! Вывести же изъ „Махмудкиныхъ дѣтей", будто эта легенда служитъ къ восхваленію преступленій противъ долга, противъ службы, противъ отечества—можетъ одинъ болѣзненный и разслабленный умъ, а потому надобно полагать, что упомянутый проектъ о созданіи цензуры надъ цензурой останется однимъ изъ мимолетныхъ сновъ въ лѣтнюю ночь.

Одновременно съ тѣмъ, какъ появился въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" проектъ учрежденія цензуры надъ цензурой, редакція морской и городской газеты „Кронштадтскій Вѣстникъ", вступая во вторую четверть своего перваго вѣка, напомнила намъ весьма кстати эпоху газетнаго дѣла, недавно еще нами пережитую, но отдѣленную

отъ насъ цѣлою, можно сказать, горою событій. С. И. Недѣльковичъ, одинъ изъ основателей упомянутой газеты и долгое время затѣмъ ея сотрудникъ, по личнымъ воспоминаніямъ и по документамъ о рожденіи газеты, сохранившимся въ редакціи, составилъ ко времени юбилея небольшой очеркъ исторіи газеты съ перечнемъ главнѣйшихъ событій за 25 лѣтъ (1861—1886), занесенныхъ, конечно, въ ея хронику. Къ сожалѣнію, авторъ разсказалъ только одно возникновеніе органа печати въ Кронштадтѣ, да и тутъ ограничился почти исключительно публикаціей оффиціальныхъ документовъ и переписки по поводу разрѣшенія изданія газеты. „Кронштадтская газета" принадлежитъ къ числу нашихъ провинціальныхъ газетъ, находящихся, конечно, еще въ самомъ выгодномъ положеніи, по близости города къ столицѣ, а также и потому, что сама мѣстная администрація того времени оказала сильную поддержку и протекцію небольшому кружку лицъ, которыя хотѣли жертвовать и временемъ, и своими скудными средствами на предпринятое ими дѣло. И тѣмъ не менѣе, предпринимателямъ, какъ оказывается, досталось не мало хлопотъ, какъ будто дѣло шло о предпріятіи, сопряженномъ съ большою опасностью для города. Такъ, напримѣръ, на просьбу издателей дозволить имъ перепечатывать изъ столичныхъ газетъ телеграммы — послѣдовалъ сначала отказъ, а объявленія были дозволены не иначе, какъ чисто-мѣстныя. Другое затрудненіе для новорожденной газеты состояло въ томъ, что приходилось посылать статьи для цензированія въ Петербургъ, а осенью и зимою, во время ледохода, сношенія съ столицею прекращаются. Переписка по этому дѣлу, а равно и по поводу новой просьбы редакціи и ходатайства самого мѣстнаго военнаго губернатора о разрѣшеніи имѣть въ газетѣ „отдѣлъ краткихъ политическихъ извлеченій изъ отечественныхъ и иностранныхъ газетъ и телеграфическихъ депешъ" — заключилась на этотъ разъ согласно просьбѣ, но съ тѣмъ, чтобы „иностранныя извѣстія чисто-политическаго содержанія заимствовались въ оный цѣликомъ или въ извлеченіяхъ изъ русскихъ газетъ, уже прошедшихъ цензуру министерства иностранныхъ дѣлъ, не примѣшивая къ сему ни въ какомъ случаѣ собственныхъ разсужденій или соображеній редакціи", а цензированіе газеты, въ полномъ ея составѣ, было поручено вѣденію кронштадтскаго военнаго губернатора.

Въ „Очеркѣ" не упоминается о томъ, что въ 1865 г. явился новый законъ о печати, уничтожившій предварительную цензуру въ обѣихъ столицахъ, конечно, потому, что этотъ законъ и въ послѣдующее двадцатилѣтіе не коснулся провинціальной печати, а слѣдовательно — не коснулся и кронштадтскаго юбиляра. Пожелаемъ почтенной газетѣ также благополучно дождаться своего пятидесяти-

лѣтняго юбилея, а будущему составителю новаго очерка ея судебъ —имѣть возможность занести въ свою хронику распространеніе закона о печати 6-го апрѣля 1865 г. на всю провинціальную печать, а слѣдовательно и на „Кронштадтскій Вѣстникъ".

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. Отъ Редакціи.—Въ іюлѣ мѣсяцѣ получено въ Редакціи на образованіе неприкосновеннаго капитала для поддержанія сельской школы Кавелина въ селѣ Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда:

1) Отъ продажи на передвижной выставкѣ въ Спб. и въ Москвѣ вырученныхъ	104 р. — к.	
2) По 1-ое іюля доставлено . .	1,908 „ 14 „	
		2,012 р. 14 к.
3) По 1-ое іюля доставлено для поддержанія сельской школы и для памятника		1,446 „ 50 „
4) По 1-е іюля доставлено для памятника. . .		321 „ — „
Всего по 1-ое августа .		*3,779 р. 64 к.*

II. Общество Любителей Россійской Словесности, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1-го іюня по 1-е іюля сего 1886 года къ казначею Общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) вырученные отъ юбилейнаго спектакля, даннаго 11-го мая любителями сценическаго искусства въ Торжкѣ — 50 руб.; 2) по подписному листу № 358 изъ Елисаветграда черезъ П. Р. Сороку—38 рублей; 3) по купонамъ отъ государственныхъ процентныхъ бумагъ — 81 руб. 49 коп. и 4) проценты по вкладному билету Московскаго Купеческаго Общества взаимнаго кредита — 156 руб. 75 коп. Итого триста-двадцать-шесть рублей 24 копѣйки. А всего съ прежде-поступившими *тринадцать тысячъ семьсотъ-девяносто рублей 19 копѣекъ.*

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1886.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ второй (1731—1735). Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ. Спб. 1886. Больш. 8°, 886 стр.

Это изданіе начато было въ прошломъ году и въ томъ же видѣ продолжается вторымъ томомъ. Это дѣйствительно совершенно сырой матеріалъ академическаго дѣлопроизводства, извлеченный, во-первыхъ и главнымъ образомъ, изъ архива бывшей канцеляріи Академіи Наукъ; во-вторыхъ, изъ архива ея конференціи и, въ-третьихъ, изъ московскаго архива министерства юстиціи. Документы писаны и напечатаны на языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ. Они расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и оріентироваться въ нихъ помогаетъ именной указатель въ концѣ книги.—Судя по этому началу изданія, оно должно составить огромное число томовъ, и обработки исторіи Академіи на основаніи этого матеріала очевидно дождутся только предбудущія поколѣнія. Нельзя не пожалѣть, что не нашелъ продолжателя въ средѣ академиковъ трудъ, прекрасно начатый Пекарскимъ.

Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка). Сочиненіе Н. Барсова, э.-о. профессора с.-петербургской духовной академіи по каѳедрѣ гомилетики, почетнаго члена археологическаго института, дѣйств. члена императорскаго русскаго археологическаго общества, кіевскаго церковно-археологическаго общества и др. Спб. 1885. VIII, 371 и 28 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ извѣстенъ своими трудами по русской церковной старинѣ и литературѣ, и изданное имъ изслѣдованіе о древней христіанской проповѣди — какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, — составляющее часть его академическихъ чтеній, будетъ полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей исторической литературы. Во введеніи онъ начинаетъ съ опредѣленія понятія проповѣди, съ объясненія различныхъ ея типовъ, затѣмъ ведетъ самую исторію проповѣди, начиная отъ ученія самого Христа и апостоловъ до IV вѣка. Авторъ желаетъ сопоставить исторію проповѣди съ исторіей христіанской цивилизаціи, какъ одно изъ проявленій историческаго вліянія христіанства. Мысль, конечно, справедливая; но то, какъ авторъ мотивируетъ ее (стр. 8—13), довольно странно и частію совершенно превратно. По его мнѣнію, „исторія воздѣйствія христіанскаго ученія на жизнь людей доселѣ не получила должнаго значенія и развитія", и наука „игнорируетъ самые крупные факты изъ исторіи христіанскаго ученія и его проявленій въ жизни цивилизованнаго человѣчества", и т. п., и въ примѣръ приводитъ сочиненія не только Гизо, Лорана, Бокля и др., но и „Лейбокка", Гексли, Тэйлора,—которые этимъ предметомъ вовсе не занимались. Авторъ доходитъ даже до предположенія, будто-бы, „по установившемуся въ наукѣ воззрѣнію (?!), богословіе индусовъ, арійцевъ, иранцевъ, китайцевъ и т. д. ближе къ современной цивилизаціи и культурѣ и больше для нея значитъ, чѣмъ произведенія литературы церковной-христіанской", и т. п. Авторъ можетъ успокоиться: такихъ ужасовъ нѣтъ въ „установившемся воззрѣніи"; но эти мнѣнія объ „игнорированіи" наукою (конечно, какъ всегда, „западною") значенія христіанства чрезвычайно странно встрѣчать у писателя, который долженъ пользоваться въ своемъ трудѣ именно произведеніями этой западной науки, напр. громадными изслѣдованіями и собраніями Фабриція, Каве, Маи, Миня, и т. д., а по своей частной тэмѣ самъ же приводитъ цѣлую обширную литературу спеціальныхъ изслѣдованій, особливо нѣмецкихъ (стр. 26—28 второй пагинаціи). Наконецъ, не смущаясь „Лейбоккомъ", — котораго притомъ авторъ привелъ совершенно некстати (какъ некстати рядомъ ставитъ: индійцевъ, арійцевъ, иранцевъ),—авторъ могъ бы припомнить, напр. монументальные труды по исторіи христіанской церкви, особливо нѣмецкихъ теологовъ, чтобы увѣриться, что въ исторической западной наукѣ вовсе нѣтъ „игнорированія" значенія христіанства. Въ самомъ изслѣдованіи собрано много свѣдeній, которыя будутъ новы въ нашей церковно-исторической литературѣ и полезны для изучающихъ исторію проповѣди.

— И. Р. Тархановъ. Гипнотизмъ, внушеніе и чтеніе мыслей. Спб. 1886. III и 126 стр. Ц. 75 коп.

Настоящая книжка представляетъ отрывокъ изъ читанныхъ недавно авторомъ публичныхъ лекцій—объ обманахъ сознанія. Издавая эту часть своихъ чтеній, авторъ имѣлъ въ виду удовлетворить интересу минуты и желанію многихъ своихъ слушателей; общество, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, было сильно заинтересовано гипнотизмомъ и чтеніемъ мыслей, и очень нелишнимъ является объясненіе этихъ вещей со стороны компетентнаго ученаго. Г. Тархановъ, не останавливаясь на всѣхъ гипотезахъ, какія предлагались для объясненія гипнотическихъ явленій, излагаетъ только ту теорію, которая была предложена извѣстнымъ нѣмецкимъ физіологомъ, Гейденгайномъ, и, по мнѣнію автора, наиболѣе совмѣстима съ извѣстными физіологическими фактами; автору принадлежитъ только дальнѣйшее развитіе этой гипотезы и нѣкоторыя дополненія къ ней. Авторъ не думаетъ, чтобы эта теорія доставила окончательное объясненіе явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, но полагаетъ, что въ дальнѣйшей ея разработкѣ находится ключъ къ истолкованію сложныхъ явленій гипноза и внушенія. Относительно „чтенія мыслей" авторъ указываетъ, что давно уже было объяснено, что читаются собственно не „мысли", а только мышечныя движенія, сопровождающія двигательныя представленія. Авторъ извѣстенъ какъ лекторъ, умѣющій доступно излагать научныя положенія, и въ настоящей книжкѣ его лекціи являются столь же доступнымъ и занимательнымъ чтеніемъ.

Лессингъ. Драматическія сочиненія. Изданіе О. Н. Бакста. Спб. 1886. Стр. I—XXI и 431. Цѣна 2 рубля.

Изданіе драматическихъ произведеній Лессинга не совсѣмъ ново въ нашей переводной литературѣ, такъ какъ главныя изъ этихъ произведеній бывали уже раньше переведены на русскій языкъ, и, между прочимъ, „Натанъ Мудрый" былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы", въ переводѣ В. А. Крылова. Въ книгѣ, изданной нынѣ г. Бакстомъ, помѣщены, кромѣ „Натана Мудраго" (въ переводѣ г. Вейнберга),— „Эмилія Галлоти", въ переводѣ г. А. Яхонтова, и „Минна фонъ-Барнгельмъ". Вступительная статья о Лессингѣ, какъ драматургѣ, составлена главнымъ образомъ по Геттнеру. Но во всякомъ случаѣ настоящее изданіе должно быть отнесено къ числу пріятныхъ литературныхъ явленій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые внесли подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (№) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

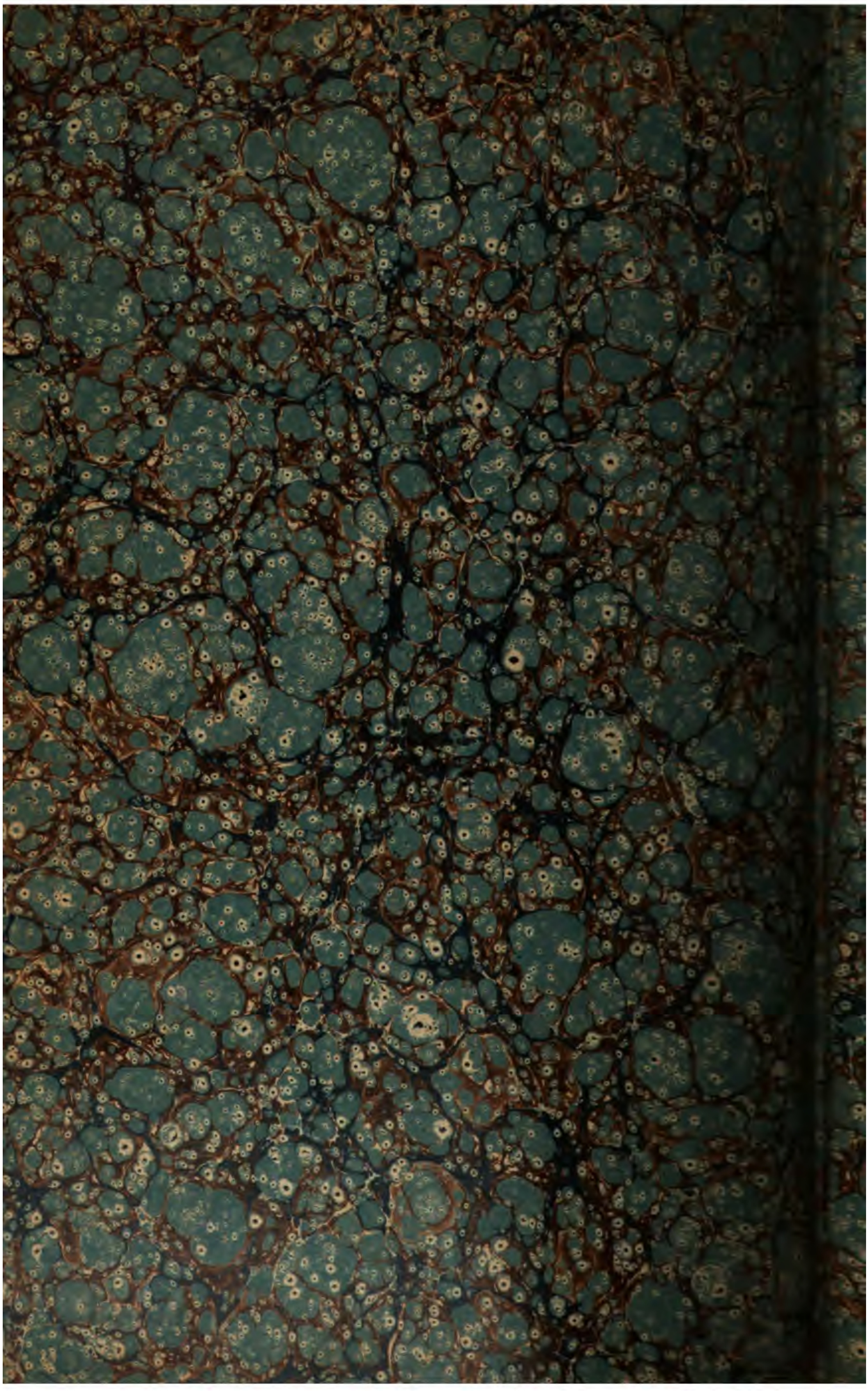
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

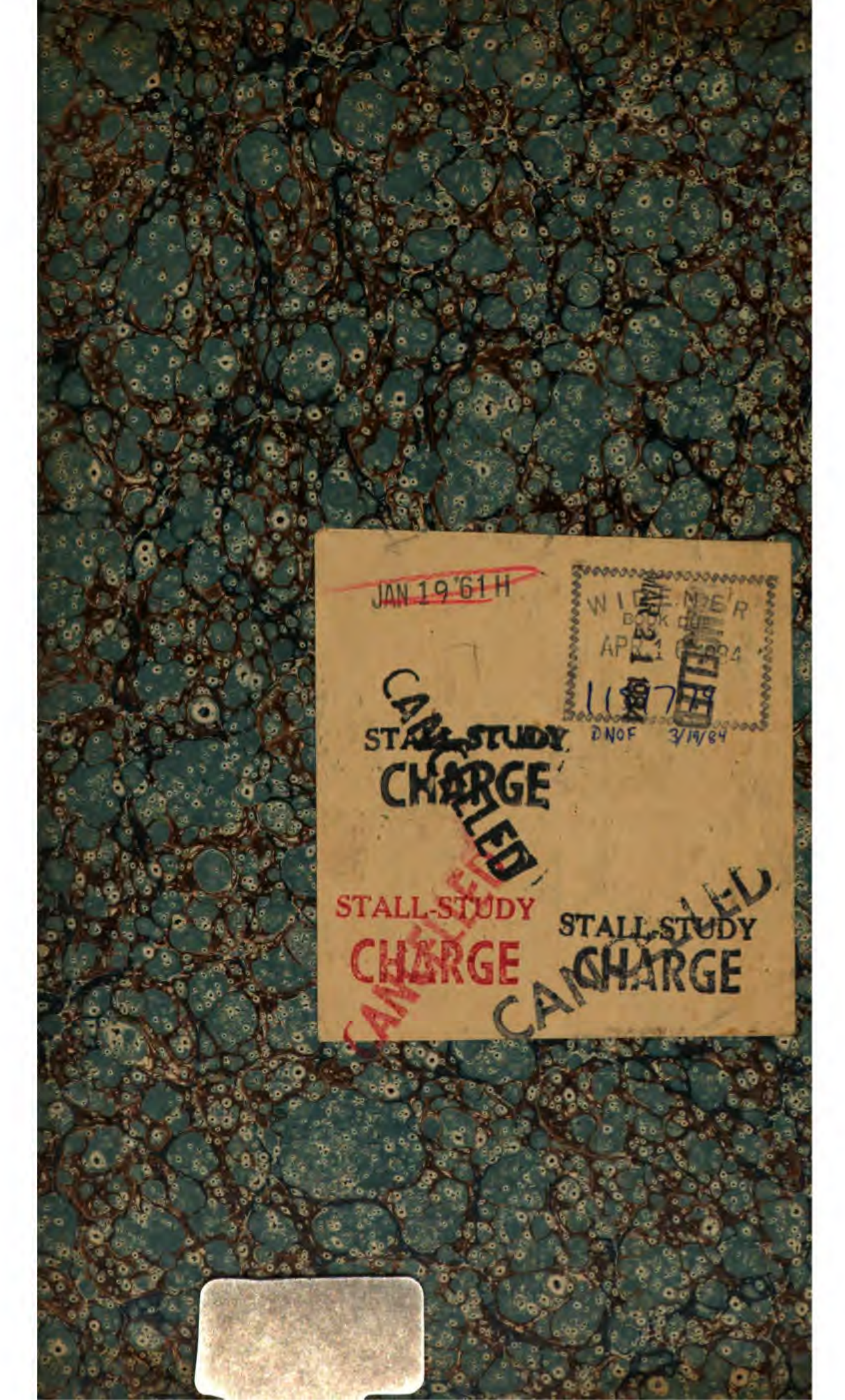
Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

JAN 19 '61 H
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED
DNOF 3/19/84
STALL-STUDY
CHARGE
STALL-STUDY
CHARGE